

Николай Тургенев

Россия и русские

НИКОЛАЙ ТУРГЕНЕВ
Россия и русские

La Russie
et
Les Russes
par
N. Tourgueneff

PARIS 1847

Николай Тургенев

Россия и русские

Перевод с французского и статья С. В. Житомирской

Комментарии А. Р. Курилкина

МОСКВА О · Г · И 2001

ББК 63.3(2)47
Т86

Данное издание вытущено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия» в рамках программы «Первенцы свободы», посвященной 175-летию восстания декабристов.

Николай Тургенев

Россия и русские. Перевод с французского. — М.: ОГИ, 2001. — 744 с., илл.

Книга крупного экономиста и правоведа, идеолога декабристского движения Николая Тургенева впервые полностью издается на русском языке. Она была создана в конце 1830-х — начале 1840-х годов во Франции и представила вниманию европейского читателя широкую панораму политической жизни России первой трети XIX века.

ISBN 5-94282-017-1

© С. В. Житомирская, перевод и статья, 2001

© А. Р. Курилкин, комментарии, 2001

© ОГИ, 2001

© Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия, 2001

Memoriam quoque ipsam cum voce
perdidissemus, si tam in nostra potestate
esset oblivisci quam tacere.

Tacite

*И вместе с голосом мы бы утратили
также самую память, если бы забывать
было столько же в нашей власти,
как безмолвствовать.*

*Тацит*¹

Оглавление

<i>Предисловие</i>	11
--------------------	----

I

ЗАПИСКИ ИЗГНАННИКА

Часть первая

Записки изгнанника

<i>Глава I.</i>	Беглый обзор состояния Европы перед войной с Россией	19
<i>Глава II.</i>	Кампания 1812 года	22
<i>Глава III.</i>	События 1813 и 1814 годов. — Г-н фон Штейн	27
<i>Глава IV.</i>	Венский конгресс	37
<i>Глава V.</i>	События 1815 года. Священный союз	44
<i>Глава VI.</i>	Мое пребывание в России с 1816 по 1824 год	48
<i>Глава VII.</i>	Мое пребывание за границей с 1824 года	84
<i>Эпilog</i>		90

Часть вторая

Оправдательная записка

<i>Введение</i>		97
<i>Предисловие</i>		98
I.	Факты, относящиеся к основанию и роспуску Союза благоденствия	102
II.	События, случившиеся после роспуска Союза благоденствия	117
III.	События, последовавшие за моим отъездом из России	139

II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА РОССИИ

<i>Предисловие</i>	177
--------------------	-----

Часть первая

Различные сословия русского народа

<i>Глава I.</i> Дворянство, духовенство, буржуазия	183
<i>Глава II.</i> Особые сословия	197
<i>Глава III.</i> Земледельцы	203
<i>Глава IV.</i> Крепостные	211
<i>Глава V.</i> Нынешнее состояние рабства	218
<i>Глава VI.</i> Последствия рабства	233
<i>Глава VII.</i> Попытки освобождения крепостных	247
<i>Глава VIII.</i> О средствах освобождения	258
<i>Эпилог</i>	267

Часть вторая

Внутреннее устройство России

<i>Глава I.</i> Государь	273
<i>Глава II.</i>	282
<i>Глава III.</i> Некоторые наблюдения над судебным и административным устройством	287
<i>Глава IV.</i> Некоторые замечания о народном просвещении	305
<i>Глава V.</i> Финансы	315
<i>Глава VI.</i>	333

III

О БУДУЩЕМ РОССИИ

Часть первая

Общие соображения

<i>Глава I.</i>	России необходимо участвовать в движении европейской цивилизации	349
<i>Глава II.</i>	Препятствия к распространению цивилизации в России	362
<i>Глава III.</i>	О расширении границ России	370

Часть вторая

Pia desideria

Раздел 1. Необходимость и возможность преобразований

<i>Глава I</i>		377
<i>Глава II</i>		393

Раздел 2. Подробности реформ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Реформы, совместимые с самодержавием

<i>Глава I.</i>	Предварительные реформы	401
<i>Глава II.</i>	Дальнейшие реформы	412

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Введение конституционного представительного правления

<i>Глава III.</i>	Формы правления	448
<i>Глава IV.</i>	Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции	452
<i>Заключение</i>		474

Примечания Николая Тургенева

<i>Примечание А.</i>	Барон фон Штейн	483
<i>Примечание В.</i>	Генерал Лагарп	488
<i>Примечание С.</i>	Записка, представленная императору г-ном Поццо ди Борго	493
<i>Примечание D.</i>	Карамзин	500
<i>Примечание E.</i>	I. Тайные общества. II. Социальные вопросы. III. Обзор предложенной профессором Фихте системы организации труда	519
<i>Примечание F.</i>	Профессор Геде	533
<i>Примечание G.</i>	Князь Алексей Куракин	535
<i>Примечание H.</i>	Князь Салтыков	536
<i>Примечание I.</i>	Сперанский	537
<i>Примечание K.</i>	Записка «Нечто о крепостном состоянии в России»	539
<i>Примечание L.</i>	Об указе от 2 апреля 1842 года	552
<i>Примечание M.</i>	О военной дисциплине	553
<i>Примечание N.</i>	О секретном надзоре	557
<i>Примечание O.</i>		559
<i>Примечание P.</i>	Извлечение из «Истории» Карамзина	569
<i>Примечание Q.</i>	Извлечения из переписки иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе в начале XVIII века	571
<i>Примечание R.</i>	Извлечения из проектов Сперанского	587
<i>Примечание S.</i>	Извлечения из книги профессора Баадера	619

Приложения

<i>С. В. Житомирская.</i>	ГОЛОС С ТОГО СВЕТА: книга Николая Тургенева «Россия и русские» — история и судьба	623
	Комментарии (А. Р. Курилкин)	655
	Список сокращений	721
	Указатель имен (Ф. В. Дзядко, А. Р. Курилкин)	723

Предисловие

ЭТА КНИГА не из числа легких фантазий, чьи узоры так любят вышивать туристы с блестящим и быстрым воображением, или небрежных эскизов, отражающих лишь внешние черты нации, передающих только некоторые, самые заметные ее особенности, схваченные с высоты птичьего полета, начертанные беглыми, случайными штрихами. Эта книга — выражение мысли, долго созревавшей в глубине сердца, плод размышлений всей жизни человека, который вложил перст в язвы своей страны и не переставал мечтать о ее лучшем будущем.

Пусть не думают, однако, что я придаю этим страницам большее значение, чем они заслуживают: выпуская их в свет, я лишь следую велению совести, исполняю свой долг. Довольно нескольких слов, чтобы объяснить, чем они продиктованы, что побудило меня их начать и как они затем незаметно — можно сказать, помимо моей воли — стали следовать одна за другой.

Принадлежа по рождению к сословию рабовладельцев, я с детства познакомился с тяжелым положением миллионов людей, которые стонут в России в оковах рабства: зрелище этой вопиющей несправедливости живо поразило мое юное воображение и оставило неизгладимое впечатление в душе. Занятия в Геттингенском университете только укрепили это впечатление и в то же время показали мне ложность государственных учреждений моей страны. Путешествия по Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Англии завершили мое образование в области политических и экономических наук.

Я вернулся в Россию, исполненный желанием принести пользу своим согражданам. Это произошло по окончании последней французской кампании, в которой я участвовал в качестве гражданского чиновника. Вместе с воинами, возвращавшимися к своим очагам, границу пересекли некоторые либеральные идеи: казалось, в России наступает новая эра.

Мои сочинения вскоре познакомили меня с весьма либеральными людьми; некоторые из них, желая ускорить и упорядочить воплощение в жизнь новых идей, попытались объединить всех, воодушевленных любовью к общественному благу, в союз, организованный наподобие тайных обществ в Германии. Я без колебания присоединился к ним. Я был весьма далек от веры в плодотворность таких объединений, но надеялся пробудить в тех, с кем я сближался, чувство к участи рабов и ускорить таким образом осуществление самого заветного моего желания — освобождения крестьян.

Вся моя деятельность была подчинена этой задаче, и если, несмотря на работу, которой я был завален в Государственном совете и в Министерстве финансов, у меня еще оставались силы, чтобы писать статьи, посвященные юридическим, административным и финансовым вопросам, то лишь потому, что в основе всех моих помыслов лежало стремление освободить крестьян от крепостной зависимости; благ цивилизации я желал прежде всего для рабов, так как именно они больше всего в них нуждались и казались мне наиболее их достойными. Сословие русских крестьян всегда вызывало у меня тем более живую симпатию, что на моей памяти никто никогда не воздавал им должной справедливости; заботам об их благе посвя-

шал я тогда почти все свои бессонные ночи; время только укрепило эту братскую привязанность: настоящее сочинение послужит тому новым доказательством. Да, я люблю славных русских крепостных, и все в них, даже отличающая их доныне священная борода, вызывает во мне почтение.

Я вполне сознавал, что, нападая на зло, выгодное множеству высокопоставленных и могущественных особ, я наживал грозных врагов; и теперь еще пыл, с которым я бросаюсь на защиту слабого от сильного, угнетенного от угнетателя, вызовет, без сомнения, злобные и ехидные насмешки некоторых лиц. Но какое мне дело — как раньше, так и сейчас — до мнения глупцов или дикарей? Я могу лишь презирать тех, кто, рядясь в обноски фальшивой цивилизации, не стыдится гнусно эксплуатировать себе подобных; а тех, кто молчит и остается равнодушным при виде стольких несправедливостей, мне только жаль. Лишь одна похвала польстила бы мне — похвала самих крепостных, доведись им узнать о горячей симпатии, которую я к ним питаю.

Мысленно возвращаясь в то время, когда я жил полной жизнью, перебирая в памяти все сделанное за недолгие годы моей общественной деятельности, я не перестаю удивляться, как мне удавалось справляться с таким количеством разнообразнейших трудов, или, вернее, не могу не вспомнить, что это несомненно было достигнуто за счет здоровья. Я преодолевал усталость, пока хватало сил; но в конце концов организм не выдержал и мне пришлось уехать, чтобы восстановить истощенные силы в другом климате.

Я утешался мыслью о том, что время, проведенное вдали от родины, не пропадет даром для моей работы, и предполагал использовать данный мне отпуск главным образом для изучения некоторых вопросов, связанных с реформами, которые я считал необходимыми для моей страны. Но небо распорядилось моей судьбой иначе: карьера моя была роковым образом прервана в самом разгаре.

Я спокойно путешествовал и занимался своими исследованиями, как вдруг до меня почти одновременно дошли две вести: что я привлечен к суду как соучастник восстания, вспыхнувшего в Петербурге после смерти императора Александра, через двадцать месяцев после моего отъезда из этого города, и что я приговорен к смертной казни.

Я не мог молча согласиться со столь жестоким и несправедливым приговором. При первом же известии о предании меня суду я поспешно составил оправдательную записку и послал ее в Санкт-Петербург². Но ни мои усилия, ни усилия моих друзей не привели к отмене приговора, осуждавшего скорее идеи, нежели человека. Самодержавный судья заявил, что ничто не сможет разубедить его в моей виновности. Но в чем же состояло мое преступление? В том, что я слишком любил цивилизацию, которая, просвещая людей, совершенствует их.

Я покорился судьбе, а когда в должной мере овладел собой, то познакомился со всеми документами процесса и составил новую записку, более убедительную и полную³. Я не предназначал эту рукопись для обнародования, а всего лишь намеревался установить истину о петербургских событиях 1825 и 1826 годов. Только много лет спустя я решил оправдаться публично — таковы истоки труда, который я вверяю теперь печати.

Таким образом, сначала я желал лишь отвергнуть клеветнические обвинения, послужившие предлогом для моего осуждения, и в то же время показать в истинном свете факты, недостойно извращенные рабелепием.

Но для самозащиты мне пришлось напомнить обстоятельства моей тогдашней жизни и, следовательно, рассказать о своей общественной деятельности и изложить историю тайных обществ в России. По мере того как продвигалась эта работа, а мои объяснения все отчетливей

показывали возмутительную несправедливость моих судей, я все сильнее ощущал потребность обрисовать политический строй, сделавший возможным подобный процесс. Я невольно вышел за пределы своего первоначального замысла; по мере того как я писал, воспоминания далекого прошлого толпой воскресали под моим пером и страницы, как я уже говорил, прибавлялись одна к другой почти незаметно для меня самого.

Тогда я решил написать нечто большее, нежели простая оправдательная записка, и посвятить свой труд России в целом, перейти от своего личного дела к делу всего народа, описать политический и социальный строй страны; а так как все, что мне хотелось сказать о себе самом, способствовало совершенствованию картины, нарисовать которую я намеревался, и добавляло к ней новые черты, то я вынужден был расширить первую часть моего труда.

Так мало-помалу сложились два первых тома этого сочинения, завершавшегося некоторыми соображениями о будущем России.

Мог ли я остановиться на этом? Мог ли заглушить в глубине сердца великодушные идеи, которые столь долго заставляли его биться? И разве выполнил бы я свою задачу, если бы, определив болезнь, не попытался указать хоть какое-нибудь лекарство от нее? Напрасно хотел я разорвать связь с Россией: родина сохраняет неодолимую власть над нами. Впрочем, если я с полным правом мог проклинать так называемую официальную Россию, эту варварскую власть, осудившую меня на смерть, то разве я обязан был считать олицетворением родины лишь этот узкий круг причастных к власти? Разве должен был я переносить на всю страну законное отвращение, какое внушали мне некоторые люди, считавшие возможным представлять Россию только потому, что они управляют ею и говорят от ее имени?

Нет, я думал иначе. И поэтому, после долгих колебаний, я снова взялся за перо и изложил свои мысли о том, что Россия непременно должна участвовать в поступательном движении европейской цивилизации, и о мерах, потребных для ее вступления на сей путь. Я хотел не столько наметить план реформ, сколько высказать пожелания относительно будущего моей родины, мои *pia desideria*^{*}, как указывает само название этой части моего труда. Можно было сделать его полнее, но мне не хватило решимости. Только надежда на успех могла придать мне отваги; но разве можно при нынешних обстоятельствах питать такую надежду? Если этот слабый опыт и не принесет особенной пользы, он тем не менее останется свидетельством моей неизменной преданности и привязанности к стране, где я родился; это будет мое последнее «прости» отчизне, последний ответ на вынесенный мне приговор.

Таким образом, книга «Россия и русские» состоит из трех весьма несхожих друг с другом частей: первая знакомит с моей общественной жизнью — это мои личные воспоминания; вторая представляет картину нравов, политического и социального строя Российской империи; в третьей изложены мои взгляды на будущее этой империи, на приемлемые для нее учреждения и реформы.

Мне остается сказать несколько слов о принципах разработки темы.

Мой язык всегда был таким, каким ему следовало быть, то есть языком русского человека. Поэтому я рассуждаю серьезно о самых нелепых и смешных вещах, например о *Табели о рангах*, ибо такие установления, при всей своей нелепости и смехотворности, причиняют тем не менее великое зло целому народу. Тяжелая болезнь может возникнуть от ничтожной причины: разве это помешает врачу серьезно лечить ее? Если порой мне приходилось касаться других

---

* Благие пожелания (*лат.*).

стран, я делал это так, как подобает человеку, рожденному в стране рабов, когда он рассуждает о государстве, где рабство запрещено. Впрочем, в таких случаях мне легко было придерживаться приличий и справедливости, ибо я всегда испытывал своего рода братскую привязанность к народам, с которыми меня сводила судьба, и никто не может желать им счастья искреннее, чем я.

Труд этот, начатый, как видно из сказанного, много лет назад, за исключением части, озаглавленной «*Pia desideria*», закончен в 1842 году. Отдельные прибавления, вызванные дальнейшим ходом событий, помещены в виде примечаний под строкою.

Подробности о некоторых личностях, мной упоминаемых, и изложение мнений, не связанных непосредственно с основной темой, тоже отнесены в примечания и, чтобы не прерывать нить повествования и логический порядок, приводятся в конце тома.

Излишне, полагаю, называть причины, побудившие меня написать эту книгу не на родном языке. Все, что я печатал ранее, когда жил в России, выходило по-русски. Мое положение и характер работы сами по себе объясняют, почему я счел нужным на этот раз изменить своему обыкновению. Я говорю об этом лишь для того, чтобы попросить европейского читателя снисходительно отнестись к моей манере рассмотрения темы, нуждающейся, без сомнения, во всем обаянии красноречивого пера, ибо я не питаю иллюзий насчет интереса, который сама по себе может представлять для европейской публики книга о нравах, обществе и цивилизации, далеко отставших от Европы. Надеюсь, что мне простят ее недостатки за мои добрые намерения.

К тому же должен сказать, что на самом деле, сочиняя этот труд, я обращался преимущественно к русским читателям. Я печатаю ее не ради собственного тщеславия: как уже было сказано, я верил, что таким образом исполняю свой долг. Лишь голос совести мог побудить меня противостоять равнодушию, смириться с отсутствием внимания, какое обычно становится уделом трудов такого рода и какое, вероятно, ожидает и меня. Но я заранее утешаюсь надеждой, даже убеждением, что эта книга не пройдет для моей страны бесследно. Если, несмотря на все усилия, я не смог принести ей никакой пользы, пока жил в ней, то пусть по крайней мере мое изгнание хоть в чем-нибудь послужит ей ко благу.

А главное — пусть моя судьба не обескураживает тех моих соотечественников, в которых чтение этих страниц пробудит великодушное сочувствие и которые будут стремиться посвятить свою жизнь улучшению участи себе подобных. Пусть их не пугает трудность задачи! Не лучше ли пасть в борьбе за святое дело человечества, чем влачить жалкое эгоистическое существование? И разве добро само по себе не служит наградой? Ведь только с чистой совестью мы можем сказать, вручая нашу душу Создателю: «Я исполнил свой долг». Все, кто воодушевлен любовью к добру, будьте мужественны! Борьба, к которой я вас призываю, вовсе не безнадежна: дело справедливости и истины должно в конце концов восторжествовать, и вам предстоит ускорить его победу.

Шанрозе, 30 сентября 1844 года

Том I

Записки изгнанника

Часть первая

Записки изгнанника

Глава I

Беглый обзор состояния Европы перед войной с Россией

ПЫШНЫЕ ВСТРЕЧИ в Эрфурте явили весь блеск славы и власти Наполеона. Новая война с Австрией, начавшаяся несколько месяцев спустя, возвеличила его еще сильнее, если это вообще было возможно, и Французская империя достигла апогея своего могущества¹.

В это время я впервые приехал во Францию и, находясь под влиянием полученных в Германии впечатлений, с некоторым ужасом наблюдал грозную силу, распорядившуюся тогда судьбами французской нации и, казалось, державшую в руках судьбы всей Европы.

Я уже видел Наполеона в Эрфурте, но там его величие произвело на меня меньше впечатления, чем приниженность Александра. Чувство, возможно не вполне справедливое, заставляло меня думать, что в лице российского государя оскорблена моя страна. Действительно, чтобы понять, как понимал и весь мир, кто из двух государей властвует в Эрфурте и в Европе, незачем было знать, что происходило в недрах правительственных кабинетов.

Во второй раз я увидел французского императора в Версальском парке на празднике, данном в его честь. Я блуждал среди толпы, как вдруг в ней произошло сильное движение. Появился Наполеон со второй императрицей² и блестящей свитой маршалов. Его не ждали. Все закричали: «Да здравствует император!» — и я, подчинясь общему волнению, присоединил свой голос к крикам французов. Впоследствии я долго упрекал себя за это невинное увлечение; ныне я уже не жалею о нем.

Но должен признаться, что, оказавшись среди французов, я сперва испытывал к ним враждебное чувство: мне нелегко было освободиться от тягостных воспоминаний, которые я принес из-за Рейна, и при моей тогдашней необщительности нужна была вся учтивость, вся доброжелательность и даже откровенность, которые я встречал повсюду, чтобы я мог освоиться с французами и с Францией.

Зрелище глубокого унижения Германии произвело на меня мучительное впечатление, и все согласятся, что оно совершилось будто нарочно для того, чтобы наполнить скорбью все великодушные сердца.

Австрия, выказавшая во время борьбы такое изумительное воодушевление, утратила, казалось, самое чувство своего существования; и моральные и материальные силы страны были совершенно истощены. Заключенный с Францией брачный союз окончательно обозначил печальное грядущее империи и заставлял предчувствовать, что отныне спасе-

ние того, что еще оставалось от Австрии, зависело лишь от великодушия ее извечного противника, ныне сделавшегося ее господином. К тому же министр, которому было вверено тогда управление делами³, заботился только о том, чтобы в любых обстоятельствах применяться к требованиям, вытекавшим из тогдашнего положения, которому, казалось, все безропотно подчинились, не допуская и мысли о возрождении, о благородных и сильных порывах. Страна была изнурена, континентальная система применялась со всей строгостью; банкротство было неизбежно. Бедствия не смягчили сердце главы государства: Франц II был тогда так же равнодушен к судьбе Гофера, храброго вождя тирольского восстания, как впоследствии был жесток к Конфалоньери⁴.

Пруссия, уже уничтоженная, могла лишь возлагать бессильные надежды на продолжение славной, но гибельной борьбы Австрии против Франции. Военные удачи на миг оживили в ней упования, но лишь для того, чтобы снова погрузить ее в еще более глубокое уныние. По восстаниям, которые пытались поднять некоторые прусские патриоты, можно было убедиться, что они действовали не столько в надежде на успех, сколько уступая велению чувства, исполняя то, что считали своим долгом. Великодушные и самоотверженные жертвы, они обрекали себя на гибель, желая доказать Европе, что мысль о сопротивлении и свободе не совсем еще угасла в сердцах немцев. Одни, во главе с героическим Шиллем, пали на поле битвы, другие оказались в плену и под конвоем немецких жандармов пересекли страну, которую хотели освободить. Хотя они знали, какая судьба их ждет, все они хранили спокойный, исполненный достоинства и благородной гордости вид. Их не повезли дальше Везеля⁵...

Но как ни отчаянны были усилия Пруссии, тогда столь слабой и скованной, они все же доказывали, что в сердцах ее сынов еще не умерло национальное чувство, и обещали в будущем несомненное и славное воскресение сей державы.

Остатки древнего Германского государства, образовавшие Рейнский союз, полностью подчинились своему всемогущему протектору, и эта новая организация Германии стерла с лица земли последние следы Священной Римской империи.

Положение населения в новом Вестфальском королевстве было особенно невыносимо: оно скорее предпочло бы видеть свою страну открыто присоединенной к Франции, нежели подвергаться угнетению, оставаясь самостоятельным государством. Справедливости ради следует сказать, что некоторые французы сумели добиться там всеобщего уважения. Среди чиновников, которых император отдал в распоряжение своего брата Жерома, министр Симеон всегда вспоминается мне как человек, имя которого достойно всеобщего почтения. Иностранец, я умом и сердцем симпатизировал местным жителям и не мог не уважать человека, которого уважали они и о котором всегда отзывались с глубоким чувством почтения. Должен прибавить, что французский режим уничтожил некоторые старые, чудовищные обычаи и ввел ряд полезных учреждений, например суд присяжных, которые германские правительства, вернув себе власть, не преминули ликвидировать. Но вестфальцы все же с нетерпением стремились свергнуть чужеземное иго.

Такое настроение свойственно было не только Германии. Покинув Францию, я посетил Швейцарию и Италию и почти везде, где распоряжались французы, заметил более или менее живое сопротивление их господству. В Риме же, особенно среди духовенства,

обнаруживалось открыто враждебное отношение к французскому правлению. По сравнению с немецким послушанием римское подчинение походило почти на мятеж.

Наоборот, в Неаполе положение вещей представляло довольно резкий контраст с тем, что происходило в других частях Италии. Здесь, видимо, новый режим пришелся по душе; не было заметно никакого сожаления о старом порядке. Известно, что Мюрат стремился к некоторой независимости. Говорили, что он хотел считаться королем по тому же праву, по какому Наполеон был императором, — по праву победителя.

Пятнадцать лет спустя я снова посетил Италию. Я увидел, что нигде так не сожалели о французском правлении, как в Неаполе, и нигде не имели для этого больше оснований. Вообще этот режим, не говоря уже о влиянии, какое он сумел оказать на развитие политических идей, должен был оказаться для итальянцев куда более благоприятным, нежели для немцев. Лишенный независимости, итальянский народ пользовался по крайней мере материальным благополучием, которое доставлял ему введенный французами порядок.

Таково было положение Европы в конце 1811 года. Мы не говорим об Испании: всем известно героическое сопротивление испанского народа; этот народ можно убить, но победить нельзя⁶.

Что касается России, то здесь дружеское расположение, привезенное Александром из Эрфурта, давно уже сменилось резким недовольством. Разлад между двумя империями, первой причиной которого была оккупация герцогства Ольденбургского⁷, с каждым днем становился все опаснее для спокойствия Европы; нужна была лишь искра, чтобы вспыхнул большой пожар.

Ссора, происшедшая между русским и французским посланниками при неаполитанском дворе и последовавшая за ней дуэль между этими дипломатами⁸ рассматривалась как предвестие близкого разрыва двух императоров. Однако, по мнению русского посла, причиной ссоры было излишнее рвение, с которым Иоахим желал заставить забыть о своих безуспешных попытках неповиновения Наполеону⁹, не увенчавшихся успехом. По крайней мере, Долгорукий высказал такое мнение в депеше, отправленной в самый день происшествия (1 января 1812 года).

Как бы то ни было, все предвещало неизбежную войну. Франция на глазах у всех вела колоссальные приготовления и принимала меры, продиктованные ее ловкой политикой, чтобы собрать под своими знаменами всю Европу и нанести решительный удар последней континентальной державе, которая могла еще бороться против вечных завоевательных устремлений Наполеона.

Россия, со своей стороны, тоже не бездействовала. Когда я вернулся туда, губернии, через которые мне пришлось проезжать, были полны войск. Вид их был внушительен, но в расположении и движении этих грозных масс не было заметно обдуманного плана, предусмотрительно ведущего к известной цели и объединяющего в гармоническое целое многочисленные и несхожие части. Налицо было, так сказать, тело, материя; но напрасно было бы искать здесь дух, призванный оживить их. Во французских войсках, напротив, была душа, оживлявшая собой все, позволявшая чувствовать себя повсюду: и в приготовлениях, и в исполнении, — это был гений Наполеона.

Скажем наконец, что, несмотря на все эти приготовления, многие упорно верили, что войны не будет: Александр и Наполеон, дескать, больше стараются устроить друг друга, нежели действительно желают воевать. Так думал министр иностранных дел канцлер Румянцев; он был настолько убежден, что все ограничится отвлекающими маневрами, что, получив от чиновника одного из русских посольств в Германии известие о движении французов к Неману, вскричал, что это ложь и вздор¹⁰.

Глава II

Кампания 1812 года

КАМПАНИИ 1812 года посвящены многочисленные сочинения, напечатаны официальные сообщения, депеши и т. д., но нигде мы не встретим ни одного указания на план, который могло бы иметь русское правительство в преддверии войны. Самый логичный вывод отсюда, что никакого плана и не было. Общий инстинкт подсказывал, что Россия может успешно сражаться с неприятелем, только позволив ему проникнуть в глубь страны, но нет доказательств, что эта тактика легла в основу некой заранее принятой системы.

Ни выбор укрепленных пунктов, ни устройство магазинов, необходимых для снабжения армии продовольствием, с самого начала кампании не указывали на намерение отступить. Эти магазины, как и Дрисский лагерь, были расположены почти рядом с границей.

Военный министр Барклай де Толли, недавно реорганизовавший армию, был назначен главнокомандующим, но власть не была вручена ему безраздельно: генерал Багратион должен был иметь такие же полномочия. Таким образом, оказалось двое главнокомандующих, так как император ни за что не хотел официально принять звание верховного главнокомандующего. Это была первая ошибка: можно было иметь две армии, но здравый смысл подсказывал, что двум этим армиям необходим один глава, раз им предстояло действовать совместно, особенно против такого врага, как Наполеон.

Кампания 1812 года началась, как известно, отступлением русской армии к центру страны. Иностранцы были от этого в восторге; в России, наоборот, общество и вся армия роптали на главнокомандующего Барклая де Толли. Тем не менее император, находившийся в Петербурге, продолжал поддерживать своего избранника и доверять ему. Но после занятия неприятелем Смоленска раздались еще более настойчивые требования удалить военного министра, несмотря на хорошо известные чувства императора. В то же время по предложению генерала Ермолова, начальника штаба 1-й армии, несколько генералов обратились к императору с ходатайством об отозвании Барклая де Толли и назначении на его место генерала Кутузова, только что заключившего мир с Турцией после весьма блистательной кампании; на Кутузова указывало и общественное мнение. Александр в конце концов уступил. Оставляя армию, Барклай едва не сделался жертвой народного гнева.

Но публика, которая даже в России не бывает несправедлива слишком долго, отказалась впоследствии от своего предубеждения против Барклая де Толли. Военные сумеют оценить его заслуги, а люди беспристрастные воздадут должное его честности и верности¹¹.

Но для полной оценки похвальных качеств этого замечательного человека мало сказанного мною. Все русские, знающие, какие ужасные бедствия причинило их стране устройство военных поселений, должны быть благодарны человеку, который, один во всей империи, осмелился открыто порицать перед императором это столь же нелепое, сколь и жестокое учреждение. Может быть, Барклай рассматривал их лишь с военной точки зрения¹²; но каковы бы ни были его мотивы, выражение собственных взглядов заслуживает похвалы в стране, где все проклинали это учреждение, но не находили достаточной самоотверженности и смелости, чтобы открыто высказать свое мнение императору; царил молчание, а самодержец, видящий себя вознесенным на такую высоту, не снисходит до того, чтобы толковать молчание своих подданных.

Замечено, что завоеватель не нашел в России ни изменников, ни даже льстецов. Сыскался один несчастный епископ, согласившийся упоминать в ектеньях имя Наполеона, и эта слабость была жестоко наказана правительством: он был разжалован, то есть лишен епископского сана, что в России¹³ происходит чрезвычайно редко.

На русской земле Наполеон встретил только врагов; даже отдельные лица часто оказывали ему блестящее сопротивление. В Смоленской губернии несколько дворян умерли смертью мучеников, сопротивляясь победителю¹⁴. Знаменитый Ростопчин сжег свою судьбу и оставил там надпись, в которой французы могли прочесть, что такой прием ожидает их повсюду¹⁵.

Назначенный московским генерал-губернатором, Ростопчин запяtnал свой патриотизм насилием и жестокостью. Накануне вступления врага в столицу он послал за одним молодым человеком, незадолго до этого заключенным им в тюрьму, и приказал привести его к своему дворцу. Здесь Ростопчин объявил собравшемуся народу, что это изменник, продавший город французам: «Я предаю его вашему мщению!» — вскричал он. Голос из толпы ответил ему: «Мы не палачи». Ростопчин, видимо торопившийся убежать и желавший поскорее покончить с человеком, вызвавшим его гнев, велел жандарму рубить несчастного. Этот приказ был понят как начало казни. Кровь тогда бросилась в голову толпе, которая с яростными криками ринулась на отданную ей на растерзание жертву, быстро прикончила ее и поволокла труп по улицам. Какой-то чиновник Генерального штаба русской армии, возвращавшийся в город, положил конец этому возмутительному зрелищу, заставив убрать обезображенные останки, которыми натешилась ярость черни. Преступление несчастного молодого человека состояло в том, что ему приписывали перевод мнимой прокламации Наполеона, составленной в Дрездене и напечатанной в одной гамбургской газете; перевод этот полиция Ростопчина нашла в бумагах несчастного¹⁶.

После отступления французской армии отец жертвы попросил императора предать убийцу суду, изложив событие во всей его отталкивающей наготе. Александр пришел в ужас от поступка Ростопчина и велел произвести расследование по этой жалобе. Но Сенат, вынужденный обвинять в убийстве генерал-губернатора, заместника императора, оказался в таком затруднительном положении, что делу не дали хода и замаяли его¹⁷. Весьма вероятно, что это кровавое происшествие во многом способствовало охлажде-

нию императора к Ростопчину. По возвращении в Москву Ростопчин велел схватить еще нескольких предполагаемых изменников. Самым примечательным из них был француз, учитель иностранных языков, мирный и уважаемый человек, которого при въезде Наполеона в Москву принудили быть переводчиком при так называемой депутации, состоявшей из двух или трех лавочников, которая должна была обратиться с торжественной речью к победителю, ибо депутация требовалась во что бы то ни стало. Другой человек, такого же скромного общественного положения и не менее уважаемый, был обвинен в том, что исполнял полицейские обязанности в городе во время французской оккупации. Ростопчин заставил их обоих, как осужденных преступников, исполнять тяжелые уличные работы, но вскоре они были освобождены по повелению императора¹⁸.

Еще одна черта к характеристике Ростопчина. В числе административных мер, которые он счел необходимым принять, было запрещение торговцам галантерейными товарами употреблять французский язык на вывесках своих лавок. И все же Ростопчин был человеком большого ума, и таким его считали не только в России, но и в других цивилизованных странах.

О пожаре Москвы сказано немало. Кто поджег ее? Французы утверждали, и совершенно справедливо, что при вступлении их в Москву в некоторых местах уже пылал огонь; французские власти велели даже повесить нескольких несчастных как поджигателей, якобы застигнутых на месте преступления. Это доказательство, как хорошо известно, малоубедительно, ибо власти везде без всяких церемоний пользуются любыми доводами вплоть до виселицы, когда хотят, чтобы верили их утверждениям. Но простой здравый смысл говорит, что нет разумных оснований обвинять французов в этом событии, противоречившем всем их интересам. С другой стороны, ясно, что этот пожар оказал великую услугу русскому государству, возбудив ярость народа против врага и лишив последнего колоссального количества продовольствия.

Кроме того, многие факты указывают на то, что огонь, по-видимому, был пущен самими русскими. Московские власти, эвакуируя городское имущество, вывезли пожарные насосы. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что власти открыли тюрьмы. Говорили даже, что приготовленные для поджогов факелы раздавались агентами полиции, прибавляли, что эти факелы были изготовлены каким-то иностранным физиком, коему было поручено построить огромный воздушный шар, которым он мог бы управлять по своему желанию; поднявшись в воздух с его помощью, он должен был бросать в неприятельский лагерь всевозможные горючие материалы*. Как бы то ни было, вопрос о пожаре так и не разъяснился²⁰. Несомненно лишь то, что правительство, то есть император, не имело никакого отношения к пожару; оно никогда не давало по этому поводу никаких приказаний, никакого разрешения. Видимо, толчок был дан местными властями, а остальное явилось делом подражания. Уходя из города, русские солдаты и отдельные жители, возможно, подожгли здания там и сям, и огонь распространился с особенной быстротой и силой потому, что не было никаких средств тушения. Несомненно лишь, что

* Это не шутка; проект такого шара обсуждался в серьезной дипломатической переписке¹⁹. [Здесь и далее подстрочные примечания, за исключением переводов иноязычных текстов, принадлежат Н. И. Тургеневу. — *Примеч. ред.*]

зadolго до взятия Москвы некоторые говорили о сожжении города как о необходимой мере в случае занятия его неприятелем. Эти беседы происходили в присутствии Ростопчина и у него дома. Так, один сенатор, все богатство которого состояло в домах, расположенных в оживленном торговом квартале, говорил, что он не задумываясь подождет их, если французы войдут в Москву. Ростопчин открыто выражал то же мнение.

Тем не менее через много лет он считал своим долгом выпустить в Париже брошюру, в которой отводил от себя обвинение в том, что пожар Москвы был делом его рук. Это заявление поразило всех. Его соотечественники были огорчены тем, что русскому пришла в голову мысль защищаться от приписываемого ему великого деяния. Однако некоторые близкие друзья Ростопчина остаются при убеждении, что он говорил правду, утверждая, что не отдавал приказа сжечь Москву²¹. Если слух о Ростопчине как о виновнике пожара Москвы столь же верен, сколь и правдоподобен, то трудно понять, что могло побудить его издать эту брошюру. При ее появлении некоторые лица, привыкшие к тому, что придворные любимыми путями добиваются милости, предполагали, что для Ростопчина это было средством достижения каких-либо целей. Но ни русский двор, ни общественное мнение не вменяли ему в преступление сожжение одной из столиц империи. Лишь совершенные им жестокости внушали отвращение к нему всем людям, не лишенным сердца. Однако он не оправдывался в совершении этих жестокостей, хотя и испытывал беспрестанные и тяжелые угрызения совести. Кроме того, до выхода этой брошюры в свет Ростопчин, казалось, окончательно усвоил исполненную величия роль человека, который сжег Москву и этим спас империю. Иначе как бы он мог упиваться изъявлениями восторга, которые обрушивали на него добрые немцы во время его путешествий по их стране?

Как бы то ни было, в выпущенных Ростопчиным в форме бюллетеней афишках, написанных шутовским языком, ни слова не говорилось об этом крайнем средстве; в них жителям, наоборот, внушалось, что они должны защищать Москву; даже заметно было старание поселить в них сознание полной безопасности и уверить их, что враг никогда не войдет в город. Дело в том, что Ростопчин не предвидел, что ему самому вскоре придется выехать из Москвы. По этому поводу он вел продолжительную переписку с фельдмаршалом Кутузовым, главнокомандующим армией: он хотел, чтобы последний совместно с ним выработал меры для сохранения столицы. Фельдмаршал же, по-видимому, и не думал посвящать московского генерал-губернатора в свои планы: он заверял его в полной безопасности города, ручаясь за это своими сединами, и говорил, что французы войдут туда только через его труп²². Но, делая эти заявления, старый фельдмаршал в то же время держал военный совет, где он и все генералы, за исключением начальника Генерального штаба*, высказались за оставление Москвы²³.

Однако Ростопчин передавал уверения фельдмаршала жителям, и, так как нельзя было усомниться в его искренности, никто и не думал прятать свое имущество. В Москве всегда хранится множество товаров, предназначенных к отправке в различные губернии. Все это осталось на складах и там погибло. Лишь накануне вступления французов жители решили бежать и увезти с собой, что можно было спасти. Когда французы заняли город, из 300 000 жителей Москвы там оставалось едва 60 000^{24***}.

* Это храбрый, честный Коновницын. Сын его с 1826 года находится в Сибири.

** Московский полицеймейстер, оставляя город, послал императору донесение и, следуя официальной форме, употребляемой в подобных случаях и не позволяющей довольствоваться *честью* при обращении к императору, но требующей, чтобы, говоря с ним, всякий раз упоминали о *счастье*, писал: «Имею счастье известить Ваше Величество, что французы заняли Москву и т. д. и т. д.»

Наполеон всегда считал, что занятие Москвы немедленно приведет к миру, условия которого будет диктовать он. Эта мысль очень занимала также общественное мнение России и беспокоила того, кого приветствовали потом как спасителя страны: извещая императора об оставлении Москвы, князь Кутузов особенно настаивал на том, чтобы с неприятелем не заключалось никаких соглашений. Александр доказал, что умел быть твердым, когда хотел. Потом рассказывали даже, что он решился на все испытания, готов был отступить до Сибири, лишь бы не вести переговоры²⁵.

Война 1812 года имела и другую особенность, которую не могли предотвратить, но старались всячески затушевать. Вот о чем речь. При виде неприятеля крестьяне по собственному почину взялись за оружие. Везде в русских губерниях крестьяне вели партизанскую войну и мужественно сражались. Когда враг отступил, крепостные, вполне естественно, думали, что столь героическим сопротивлением, доблестным преодолением стольких опасностей, лишениями, самоотверженно перенесенными ради общего освобождения, они заслужили свою свободу. Убежденные в этом, крепостные многих местностей не захотели более признавать власть господ. Русские рабы, как я это докажу в другом месте, пали не так низко, как обычно думают в Европе. Поэтому те, кто их знал, не удивились тому, что они стараются сбросить ярмо рабства после того, как столь успешно способствовали освобождению страны от угрожавшего ей чужеземного ига. При таком положении поведение правительства, местных властей и самих помещиков было в высшей степени благоразумным. Вместо того чтобы прибегнуть к насилию — этому последнему аргументу рабовладельцев, — они воздерживались от каких бы то ни было действий, не трогали крестьян, откладывая до более благоприятных обстоятельств возвращение того, что считали своим правом. Возможно даже, что совесть мешала им притеснять людей, жертвы которых были столь велики, а поведение исполнено такого патриотизма. Лишь долгое время спустя, когда первое возбуждение крестьян улеглось само собой, а управление страной вошло в прежнюю колею, все вернулось к обычному порядку, слишком похожему на тот, который, по заявлению одного государственного человека, воцарился в Варшаве после последнего польского восстания²⁶.

Если бы русская армия уже тогда несла в себе семена прогресса, обнаружившиеся в ней потом, возможно, что попытки освобождения имели бы место не только среди крепостных — так живо было в тот момент у русского народа сознание своей силы и собственного достоинства.

Переход через Березину завершил кампанию. Тогда к армии прибыл император. Фельдмаршал Кутузов, в течение всей жизни бывший дальновидным придворным, как говорят, вышел из этой роли, когда его провозгласили спасителем отечества. Он сознавал власть, которую его имя имело над умами, и его поведение на публике во всех отношениях этому соответствовало. Но он недолго наслаждался этим славным положением: смерть поразила его вскоре после заключительных триумфов.

Говорят, что Александр и особенно его брат Константин, *закоренелый капрал*, не купавший, подобно императору, этой мании выдающимися качествами, были возмущены, найдя армию одетой не строго по форме, что не соответствовало уставу, но было неиз-

бежно при тогдашних обстоятельствах. Вообще обмундирование и экипировка русского солдата рассчитаны только на парады. Выступая в поход, он должен нести на спине большую часть своей одежды — сапожные голенища, штаны, гренадерский султан и т. д. Только что проделанная армией кампания должна была изменить снаряжение солдат. Воины, встреченные императором и великим князем на границе, были одеты и обуты так, как того требовали длинные утомительные переходы и суровость времени года. Учитывая особенности службы и климата, именно так их и следовало бы одевать всегда; их форма должна до некоторой степени походить на одежду крестьян. Смотря на проходивший мимо гвардейский Егерский полк, покрывший себя славой во время кампании, великий князь Константин был оскорблен видом этих солдат; особенно его покорила, кажется, их грубая и неуклюжая обувь. Он был также недоволен нестройностью рядов и не мог удержаться от негодующего восклицания: «Эти люди только и умеют, что сражаться!»²⁷ В устах Константина это прозвучало горьким упреком.

Глава III

События 1813 и 1814 годов. — Г-н фон Штейн

КОГДА РУССКАЯ АРМИЯ пересекла границу Германии, она была так малочисленна, что при первом смотре, который император произвел в присутствии прусского короля в Каллише, едва достигала 15 000 человек. Остальные войска были в арьергарде.

Впрочем, общее положение изменилось. Пока русские оставались на своей территории, им приходилось одним сражаться с врагом. Но теперь могущественные союзники были готовы присоединить к ним свои знамена.

Первой выступила Пруссия. Пруссаки, вынужденные союзники Наполеона, сражась, наблюдали за успехами русских. Прусский корпус, вместе с французами участвовавший в кампании 12-го года под началом генерала Йорка, уже давно симпатизировал русской армии. Как известно, король Фридрих Вильгельм не играл никакой роли в условиях, заключенных этим генералом с Дибичем, начальником Генерального штаба Витгенштейна; более того, прусский государь навсегда сохранил враждебное чувство к генералу Йорку за независимость, с которой тот вел себя в этих обстоятельствах²⁸. Короли превыше всего ценят слепое повиновение.

Первый призыв к пруссакам был сделан также без участия прусского короля. В этом случае инициатива принадлежала прославленному барону фон Штейну*. Его голос нашел отклик в сердцах немцев. Несмотря на недовольство короля, пруссаки начали готовиться к борьбе, и вскоре их порыв стал непреодолимым: все поднялось, народы и короли. Чувство патриотизма и мщения овладело всеми без различия. Разве не все они были угнетены

---

* См. примечание А в конце книги.

и разве не ради общего освобождения они брались за оружие и вместе отправлялись в поход? Поэтому немецкие государи могли бы не давать своим подданным лживых обещаний. Воздержавшись от этого, они по крайней мере избавились бы от позора клятвopепреступления.

Когда Германия была очищена от французов, возникла мысль упорядочить управление во всех странах, занятых армиями трех великих держав — России, Пруссии и Австрии. Для этой цели был создан *Центральный департамент*. Барон фон Штейн, уполномоченный этими державами, был назначен его главой.

Основная мысль г-на фон Штейна состояла в том, чтобы различные второстепенные немецкие государства, вместо прямого и простого присоединения к великим державам, были приняты в их союз лишь на известных условиях, благоприятных для будущего преобразования прежнего государственного устройства Германии на основах, более соответствовавших требованиям общей безопасности и благосостояния. Но с самого начала, то есть с первого присоединения одной из сих второстепенных держав к коалиции, надежда на соблюдение этих мудрых предосторожностей не оправдалась. Подписывая договор о присоединении Баварии, министр, возглавлявший венский кабинет²⁹, по-видимому, нисколько не заботился о будущем немецкого народа. Такое поведение, вероятно, продиктованное определенными целями австрийской политики, стало роковым для интересов Германии, совпадавших в данном случае, равно как и во многих других, с интересами цивилизации и человечества. Интересы же Австрии сводились лишь к личным интересам представителей царствующего дома. Ныне амбиции этой державы ни для кого не секрет; всем известно также, что потомки германцев нуждаются в справедливости, свободе и независимости. Германским государствам нужно обрести свое национальное достоинство и утвердить его; цель Австрии — истребить национальные чувства подданных или помешать им развиваться. Глядя на завязавшуюся тогда и продолжающуюся по сей день борьбу между двумя этими политическими системами, можно сказать, что для Германии гений добра и гений зла воплотились в двух личностях: первый — в бароне фон Штейне, второй — в князе Меттернихе³⁰.

В намерения г-на фон Штейна входило также лишить власти некоторых государей Рейнского союза, временно заменить их наследниками, выказавшими больше патриотизма, и подчинить этих последних решениям Центрального департамента. Такая мера, легко осуществимая в то время, несомненно, оказала бы благотворное влияние на будущее немецкого народа; но она не была принята. Только саксонского короля после битвы при Лейпциге оставили в Пруссии и удерживали там, назначив в его королевство русского губернатора. Под началом русских, прусских или австрийских губернаторов, подчинявшихся Центральному департаменту, оказались также и занятые союзными войсками области Франции, за исключением Парижа. Барон фон Штейн имел при себе прусских чиновников и комиссара, а также одного австрийского комиссара и одного комиссара русского*.

Разумеется, деятельность г-на фон Штейна по понятным причинам этим не ограничивалась. Доверие, которое оказывал ему император Александр, а также совпадение их взглядов в самых разнообразных обстоятельствах делали фон Штейна фигурой

* Им был автор этого труда.

весьма значительной. В то время он пользовался исключительным авторитетом у русского монарха.

Г-н фон Штейн желал энергичного продолжения войны. В этом его горячо поддерживали Блюхер и Гнейзенау, начальник Генерального штаба прусской армии, которому сам Блюхер приписывал главную, после Бога, заслугу в победах, одержанных в этой войне. Австрийцы же не слишком хотели наступать и вели разговоры о размещении солдат по квартирам и устройстве укрепленных лагерей на Рейне. Гнейзенау, только что переправившийся через эту реку с прусской армией, жаловался в письме к г-ну фон Штейну на медлительность союзных армий и перечислял выгоды скорого и смелого наступления. Генерал умолял министра представить его соображения императору Александру и убедить его двигаться вперед, как это было при переправе через Вислу, что тогда дало решительный толчок развитию событий. «Если мы не войдем в Париж, — взволнованно писал г-н Гнейзенау в этом замечательном письме, — отищение и триумф будут неполными». За исключением комплиментов, сделанных генералом государственному мужу (г-ну фон Штейну), письмо предназначалось царю; мне отдали его для перевода на французский язык¹.

Судя по немногим дошедшим до меня сведениям о политических событиях тогдашней эпохи, русскому императору пришлось преодолеть огромные трудности. На самом деле он не был главнокомандующим союзных армий; это звание официально носил австрийский фельдмаршал князь Шварценберг. Императору потребовалось все искусство хитроумного политика и искусного дипломата, чтобы заставить австрийского генерала действовать не по указке венского кабинета, а по его, Александра, воле. Армия Блюхера, состоявшая из русских и прусских солдат, продолжала двигаться вперед, иногда ввязываясь в стычки и, как следствие, терпя неудачи; однако тем она принуждала двигаться вперед и Шварценберга. Также следует отметить, что Шварценберг, то ли желая напомнить всем, что главнокомандующим является именно он, то ли по иным причинам, старался по возможности не располагать свою штаб-квартиру в том месте, где находился император Александр. Это не мешало русскому императору быть главным вдохновителем всех крупных операций; однако, не имея возможности действовать путем повелений и беспрекословно исполняемых приказов, он должен был много времени тратить на переговоры в самом прямом смысле этого слова. Иногда он даже вставал ночью и в сопровождении адъютанта с фонарем отправлялся беседовать с Шварценбергом, уже успевшим лечь в постель. Убеждая генерала не вставать с кровати, Александр брал стул, садился рядом и таким образом беседовал с главнокомандующим. Квартирмейстер Шварценберга, генерал Лангенау, также удостоился ночного визита Александра.

Во время одного из таких ночных совещаний русский император объявил князю Шварценбергу о своем решении идти на Париж; но тут как раз пришло известие о наступлении Наполеона на Сен-Дизье. Сраженный этим известием, австрийский генерал горячо воспротивился замыслу императора. Но тот настаивал на немедленном исполнении своего плана и в конце концов объявил, что если фельдмаршал не присоединится к нему, то он, Александр, сам встанет во главе своей армии и один двинется на Париж. Шварценбергу пришлось уступить, и союзные войска выступили в направлении французской столицы. Слава, окружавшая в то время нашего царя, и горячие симпатии к нему в Европе, несомненно, придавали большой авторитет его решениям; но, кто знает, сумел бы он осу-

ществовать все задуманное, если бы не вышел за рамки своей роли императора и не сбросил бы с себя оковы этикета?

Прусский король, далеко не всегда поддерживавший решения Александра и порицавший ряд действий фельдмаршала Блюхера, тем не менее вел себя по отношению к русскому императору вполне лояльно. Говорили даже, что когда во время переговоров в Шатильоне³² обсуждался важный вопрос о продолжении войны, на чем настаивал Александр, прусский король, несмотря на все свои протесты, в конце концов заявил, что Александр волен действовать так, как сочтет нужным, ибо действия его направлены во славу их оружия, а посему все прусские силы по-прежнему останутся в его распоряжении. Отныне, уверенные в защите и поддержке русского императора, Блюхер и Гнейзенау продолжали, согласно планам Александра, двигаться вперед, не опасаясь вызвать неудовольствия своего государя.

Вскоре после вступления союзных армий во Францию в некоторых умах зародилась мысль о низложении Наполеона. Неизвестно, обсуждался ли этот вопрос всерьез до перехода союзных войск через Рейн. Конечно, всегда находились эмигранты, ратовавшие за Бурбонов; здесь я говорю лишь о планах, принимающихся в правительственных кабинетах или выдвигаемых влиятельными государственными людьми. Видимо, уже во Франкфурте-на-Майне, а затем и во Франции нашлось несколько видных представителей французских роялистов, выступивших перед союзными державами в защиту дела Бурбонов. Утверждали, что эти переговоры не обошлись без участия г-на Талейрана, но точность этих сведений нельзя проверить, да и не нужно, ибо подобные переговоры никак не могли повлиять на ход событий.

Несомненно, однако, что г-н фон Штейн еще ранее задумывался о смене правительства во Франции и действовал в этом направлении задолго до того, как Париж открыл свои ворота союзникам. Тогда эту идею, кажется, не разделял никто из влиятельных государственных мужей, кроме, пожалуй, генерала Поццо ди Борго, бывшего близким другом г-н фон Штейна и придерживавшегося одних с ним взглядов; однако в то время этот дипломат еще не пользовался тем влиянием, какое приобрел впоследствии*. Среди монархов один лишь император Александр всерьез намеревался низложить Наполеона.

---

* Люди не должны обижаться, когда, желая по достоинству их оценить, им предлагают вполне ощутимые, материальные награды, кои они сами ставят весьма высоко. После реставрации Бурбонов Людовик XVIII предложил г-ну Поццо ди Борго два миллиона в награду за услуги, оказанные им этой династии. Г-н Поццо просил у императора Александра разрешения принять этот дар. Император, полагая, вероятно, что уже достаточно вознаградил дипломата за его службу, назначив его своим посланником, выказал презрение к этой просьбе и согласия своего не дал. Сообщив, что он, к сожалению, не может пойти против воли императора и принять это предложение, г-н Поццо заявил, что его величеству следовало бы оценить такую жертву и подарить ему два миллиона лично от себя. Возмущенный подобной настойчивостью и не желая, видимо, еще раз обременять казну, император в конце концов разрешил г-ну Поццо принять деньги, и представитель императора принял их.

Помнится, однажды, во время кампании 1814 года, г-н фон Штейн после аудиенции у императора принес с собой приказ его величества уплатить г-ну Поццо ди Борго полтора ста тысяч франков.

Таким образом, в 1814 году г-н Поццо был оценен в сто пятьдесят тысяч франков, а после Реставрации — в два миллиона. Вот почему я вправе утверждать, что в то время, о котором здесь идет речь, личность эта не имела такого значения, какое она приобрела впоследствии.

Во время переговоров в Шатильоне союзные державы, в том числе и Англия, склонялись к заключению пакта с Наполеоном; только император Александр слышать не хотел ни о каком соглашении, хотя все окружение его, за исключением г-н фон Штейна и Поццо ди Борго, советовало ему заключить мир.

Поэтому, не боясь ошибиться, можно утверждать, что в штаб-квартире союзных держав мысль о низложении Наполеона разделяли только император Александр, г-н фон Штейн и, если угодно, г-н Поццо ди Борго. Всем остальным она была чужда. Правда, мысль эта еще не получила должного оформления; это, скорее, был лишь отдаленный замысел, исполнить который, как предвидел г-н фон Штейн, будет чрезвычайно сложно; порой он вовсе терял надежду. Как бы то ни было, в штаб-квартире союзников все так же выступали за заключение мира, и потому из-за своего сопротивления общей линии г-н фон Штейн даже утратил часть популярности.

Много говорилось об изменах, об эмиссарах, подсланных из Парижа в штаб-квартиру некими лицами, и в частности князем Талейраном. Думаю, что значение этих закулисных переговоров сильно преувеличено. Не отрицая низости тех, кто вступил в сделку с врагами своей страны, полагаю, что деятельность этих предателей не принесла, да и не могла принести союзным державам особой пользы. Перебежчики сообщали лишь о том, что и без них было известно, полностью или частично. Никто не ожидал встретить в Париже иное отношение к союзникам, нежели то, с которым они уже столкнулись в провинциях, занятых соединенными армиями*.

Реставрации Бурбонов способствовало, по крайней мере косвенно, одно незначительное само по себе обстоятельство, побудившее население занятых союзными армиями провинций поверить, что реставрация входит в намерения монархов. В начале кампании в штаб-квартире государей — участников коалиции царило, как нетрудно догадаться, великое разнообразие костюмов и мундиров; случалось даже, что в схватках, и в особенности во время битвы при Лейпциге, казаки принимали некоторых офицеров союзных войск за неприятельских и атаковали их с пиками наперевес. В одном из таких столкновений офицер австрийского Генерального штаба лишился глаза; другие также получили более или менее тяжелые ранения. Во избежание путаницы император Александр велел своим воинам носить на правой руке белый шарф. Другие союзники последовали этому примеру. Когда же армии вступили во Францию, население усмотрело в этих шарфах, повязанных союзниками исключительно ради узнавания друг друга в бою, знак, благоприятный для Бурбонов, своего рода белое знамя.

---

* Среди эмиссаров, прибывавших в штаб-квартиру, встречались люди всех сословий. Я видел одного из них и, воздавая ему справедливость, скажу, что он, словно пытаясь смягчить гнусность своей роли, беспрестанно говорил о праве французского народа на либеральную и разумную конституцию. Насколько я помню, он утверждал, что прибыл по поручению своего начальника; сам он занимал некую должность в Министерстве полиции, что, разумеется, излишнего доверия к нему не вызывало. В следующий раз я встретил его в Париже, когда он явился за вознаграждением, которое обычно получают люди подобного сорта за свои услуги. Он получил очень мало и явно был этим недоволен; зато он выразил живейшее возмущение, даже, пожалуй, искреннее негодование по поводу только что опубликованной Хартии³³, ибо она была дана милостью монарха, а не принята посредством взаимного соглашения народа и короля!

После реставрации Бурбонов ходило множество различных слухов о второстепенных причинах, под действием которых свершилось это событие. Как бы противоречивы ни были эти слухи, не исключено, что они справедливы и близки к истине. В самом деле, вполне естественно, что, вступив в Париж, император Александр уклонился и не взял на себя инициативу столь важного деяния, предпочитая, чтобы французский народ хотя бы сделал вид, что по собственной воле призвал внуков Людовика XV. Посему он предоставлял всем этим Талейранам, Прадтам и Дальбергам давать ему советы, коими они хвалились впоследствии. Однако нет оснований сомневаться, что русский император думал о реставрации задолго до взятия Парижа. И вот доказательство. В самом начале 1814 года, вскоре после роспуска Наполеоном законодательного корпуса, когда штаб-квартира союзников находилась в Лангре, некоторые лица в Дижоне и Париже (в частности, ряд членов законодательного корпуса, особенно энергично сопротивлявшихся режиму императора) получили письма, где предлагалось собраться в Нанси и провозгласить низложение Наполеона. Все эти письма были составлены и подписаны г-ном П..., женевцем, который недавно прибыл в штаб-квартиру и в чине статского советника на русской службе состоял при бароне фон Штейне³⁴. Он выступал от имени императора Александра. Одновременно делались попытки узнать у влиятельных лиц в Дижоне, нельзя ли побудить жителей этого города обратиться к союзным державам с обращением, в котором бы они призывали во Францию Бурбонов. Письма не возымели и не могли возыметь успеха. Лица же, к которым обратились в Дижоне, ответили, что в стране и не думают о Бурбонах, а если император будет низложен, то у него есть сын, который ему наследует, а мать мальчика может стать регентшей³⁵. Австрийцев, оккупировавших в то время и Дижон, и Женеву, откуда отсылались письма в Париж, было решено не посвящать в эти переговоры. Не знаю даже, был ли осведомлен об этих шагах г-н Нессельроде, занимавший тогда пост министра иностранных дел³⁶.

Вернувшись во Францию, Людовик XVIII заявил, что восстановлением на троне своих предков он обязан прежде всего Богу, а затем принцу-регенту. Какую бы позицию ни занимало английское министерство в политических делах той эпохи, оно никогда не настаивало на низложении Наполеона и реставрации Бурбонов. Переговоры между уполномоченными союзных держав на конгрессе в Шатильоне и тесная дружба лорда Кэслри с князем Меттернихом дают все основания полагать, что англичане не были горячими сторонниками восстановления французской монархии. Все, что говорилось об этом в парламенте задним числом или было написано в различных статьях, не подтверждает слов Людовика XVIII. Он с большим основанием мог сказать, что после Бога он обязан своим тронном императору Александру и помогавшим ему гг. фон Штейну и Поццо. Именно они, помимо благоприятного стечения обстоятельств, были истинными творцами Реставрации. Быть может, признать сей неопровержимый факт перед лицом русского императора Людовику помешало самолюбие; быть может, вмешалось иное чувство, принятое Людовиком за чувство собственного достоинства и побудившее его пройти впереди Александра к обеденному столу и сесть в кресло, предложив императору всего лишь стул. Имея дело с таким человеком, как Александр, он, конечно, мог бы обойтись без подобных причуд. Г-н Лагарп*, часто встречавшийся в то время с императором, счел такое обхожде-

* См. примечание В в конце книги.

ние непочтительным: «Я же предупреждал вас, — сказал он ему, — что эти Бурбоны ничему не научились». — «Ничего удивительного, — с улыбкой ответил император, — но я не собираюсь придавать значение подобным пустякам».

Впрочем, я далек от желания поставить реставрацию Бурбонов в заслугу императору Александру. Сражаться с могущественным врагом и победить его — великое и прекрасное деяние; но нет никакого величия в том, чтобы без крайней необходимости навязывать нации какое бы то ни было правительство или династию. Впрочем, следует признать, что после заявления Александра о том, что союзники не вступят в переговоры ни с Наполеоном, ни с членами его семейства, не оставалось ничего иного, кроме как призвать братьев Людовика XVI. Страна была оккупирована, Париж взят, Наполеон низложен: только Бурбоны могли править Францией.

Люди, сведущие в стратегии, придерживаются разных мнений о том, какое событие в кампании 1814 года следует признать переломным. Нам кажется, что им можно считать наступление императора Наполеона на Сен-Дизье, в ходе которого он предполагал обойти союзные армии и приблизиться к крепостям; этот маневр, по всей вероятности, и решил судьбу Франции и Европы. Удаляясь от Парижа, Наполеон открывал союзным армиям доступ к нему, а расчет на то, что союзники, вместо того чтобы продолжать двигаться к столице Франции, бросятся преследовать императора, был совершенно лишен логики. Г-н фон Штейн тотчас же понял важность этого просчета французов и, усмотрев в нем доброе предзнаменование, обрадовался, подтвердив тем самым точность и быстроту своих суждений, которые и снискали ему славу человека выдающегося.

Штаб-квартира союзных государей находилась в Бар-сюр-Об. Однажды вечером русский император и прусский король покинули этот город и двинулись вперед. Австрийский император со своим штабом, князем Гарденбергом, прусским канцлером, бароном фон Штейном и другими чиновниками, состоявшими при штабе, остался в Баре. Но вдруг в час пополудни в городе объявляется тревога, солдаты стучат во все двери и приказывают всем немедленно выступить вслед за австрийским императором в направлении Шатильона и Дижона. Я со всех ног побежал к г-ну фон Штейну, полагая, что он крайне возмущен этим неожиданным распоряжением. Я знал, что всю надежду на успехи в военных действиях он возлагал на императора Александра, поэтому думал, что уход царя в этот решающий момент он почтет за великое несчастье. Я был уверен, что найду г-на фон Штейна весьма расстроенным, ибо незадолго до этого на мои соображения о возможности реставрации Бурбонов он, вздохнув, ответил коротко, что трудности, могущие возникнуть в связи с подобным предприятием, будут велики и многочисленны. Каково же было мое изумление, когда, ворвавшись в два часа ночи к нему в комнату, я нашел его совершенно одетым, а его красивое лицо светилось радостью! Не удержавшись, я спросил его о причине подобного ликования. «А вы не догадываетесь? — ответил он. — Да мы об этом только мечтать могли! Освободившись от Меттерниха и австрийцев, император обретет свободу действий, пойдет на Париж и война наконец будет окончена». Я никогда не забуду этих пророческих слов: они произвели на меня глубокое впечатление.

На следующий день после того, как союзники покинули Бар-сюр-Об, в город прибыл Наполеон и расположился там на ночлег. Говорят, он надеялся захватить императоров

в их главной квартире. Но Шварценберг, извещенный о движении французских войск, послал австрийскому императору с курьером упреждающую депешу. По этой причине Бар и был оставлен. Один или два других курьера, также посланных к императору Францу, попали в руки неприятеля.

Итак, все последовало за австрийским императором в Шатильон, а оттуда в Дижон. Вскоре после того, как главная квартира обосновалась в этом городе, было получено известие о вступлении союзников в Париж. Тогда же стала известна прокламация, в которой Александр от имени союзников объявлял, что не вступит в переговоры ни с Наполеоном, ни с членами его семейства. Эта прокламация, по-видимому, не слишком обрадовала австрийцев, и те высокопоставленные немцы, что поспешили поздравить по этому случаю императора Франца, были приняты им очень холодно.

Как бы то ни было, г-н фон Штейн объявил, что он немедленно отправляется во французскую столицу. Но друзья его возроптали. Канцлер князь Гарденберг вместе с другими поспешил к нему и пытался убедить его отказаться от этого скоропалительного решения. Ему говорили о множестве партизан на дорогах, о генерале Во⁵⁷ и его вооруженных крестьянах. Передвигаться во вражеской стране с эскортом всего из двух казаков крайне опасно, утверждали они. Тем не менее барон фон Штейн отправился в путь и прибыл в Париж через пять-шесть дней после взятия его союзными армиями.

Странную картину являл в то время сей большой город. Врагов, вступивших в него с оружием в руках, большая часть населения столицы приветствовала как освободителей, и это в то время, когда в мире еще гремела слава французов. Повторяю, это было зрелище странное, чтобы не сказать сильнее. Правда, сложившиеся обстоятельства объясняют (если не оправдывают) заблуждение, охватившее умы парижан. С одной стороны, все устали от войны; с другой — победители всеми возможными средствами старались заставить забыть о своей победе. В то время император Александр, несомненно, проявил благородные и прекрасные черты характера; напрасно было бы искать в истории другой пример такого великодушия и благородства со стороны победителя*.

Потому именно он возбуждал энтузиазм парижан; других государей практически не замечали. Даже когда видели их всех вместе, все равно кричали: «Да здравствует император!» Однажды, когда такой возглас прозвучал в зале Оперы, Александр заставил императора Франца, находившегося вместе с ним в ложе, выступить вперед, дабы ответить на эту любезность, но публика, устрняя всяческие сомнения, принялась кричать: «Да здравствует император Александр!»

* Отчего же я, русский, не могу безоглядно любить этого человека, как долгое время любил его фон Штейн, а затем полюбил Шатобриан? Ведь тогда моя личная признательность ему была бы поистине лишена всякой корысти!.. К несчастью, это невозможно. Он видел зло, разедавшее и позорившее его страну, проклял его, хотел его истребить, но не посмел! Отчего он не употребил хотя бы половину заботы и энергии, проявленных им во время французской кампании, на спасительные реформы в своей стране, те реформы, коих он сам желал и кои обещал провести? Он покрыв бы свое имя новой славой, более прочной, более долговечной, а главное — более полезной для человечества. Бог, по своему милосердию, конечно, простит ему, что он не сделал добра, какое мог бы сделать, и оставил в неприкосновенности зло, которому мог бы помешать. Но какой подлинно честный человек сможет простить ему, что он оставил своих ближних, своих соотечественников в цепях, когда было бы довольно одного его слова, чтобы эти цепи пали?

Поддавшись всеобщему увлечению, я часто с удовольствием внимал этим крикам, но порой они производили на меня тягостное впечатление. Особенно неприятно я был поражен, попав как-то раз на заседание Академии, где чествовали императора Александра; во мне еще были живы воспоминания о Геттингене и том благоговении, которое испытывал я перед истинными учеными, этими апостолами цивилизации. Мне показалось, что храм Муз не следовало подвергать подобной профанации: писатель, наделенный божественным талантом, не должен курить фимиам перед победителем-чужеземцем.

Общественное мнение, настроенное, казалось, в пользу Бурбонов, тем не менее решительно высказалось за свободные и представительные учреждения. Каждый день появлялись брошюры, требовавшие таких учреждений, и если Франция получила конституцию, то лишь потому, что ей не сумели в этом отказать. Таким образом, из постигшего страну огромного бедствия французы сумели извлечь политический порядок; не будучи для них полным возмещением пережитых невзгод, он тем не менее стал драгоценным завоеванием для рода человеческого и цивилизации. Французы потребовали и получили представительную конституцию, которая обеспечивала их права и независимость, сохранили ее, а впоследствии даже усовершенствовали, тогда как триумфаторы вернулись на родину и спокойно надели на себя привычное ярмо.

Полагаю, что исключительно на основании поговорки «только богатым дают в долг» многие авторы приписали заслугу дарования Франции новой конституции г-ну де Талейрану; но тогда у меня возникает вопрос: разве смог бы он в то время настоять на провозглашении Хартии, если бы общественное мнение ее не поддерживало, а император Александр мыслил бы в 1814 году так же, как 10 лет спустя?

Бернадотт, бывший в то время наследным принцем, а впоследствии ставший королем Швеции, не приехал в Париж вместе с другими союзниками; затем он все же прибыл туда, но лишь на несколько дней и уже после вступления в город иностранных армий. Несмотря на весь свой ум, он, похоже, все еще не терял надежды сыграть во Франции какую-нибудь роль, хотя всем (кроме, быть может, его самого) было ясно, что он не пользуется никаким влиянием ни во Франции, ни среди французов; напротив, общественное мнение и царившие вокруг настроения — основательно или нет — были совершенно ему враждебны. Неизвестно, изложил ли он четко и ясно свои тогдашние намерения в какой-нибудь ноте или дипломатическом заявлении, однако ходили слухи, что после перехода через Рейн он несколько раз обращался к союзным державам, призывая их не сноситься с французами напрямую, и утверждал, что благоразумнее было бы избрать для этой цели посредника.

Перед взятием Парижа Бернадотт в своей штаб-квартире часто заводил об этом речь в присутствии находившегося при нем адъютанта русского императора³⁸. Также он много рассуждал о неизбежных трудностях, которые возникнут, если король Римский будет наследовать императору и особенно если регентшей будет императрица. Не менее серьезные неудобства должна была, по его мнению, повлечь за собой реставрация Бурбонов. В заключение он осыпал похвалами Александра. Адъютант, исполняя свой долг, представлял подробные отчеты об этих часто возобновлявшихся беседах. Впрочем, русские войска, находившиеся под начальством Бернадотта, а особенно состоявшие при нем офицеры очень любили его. Со своей стороны, он не переставал восхвалять их и ставить в пример собственным войскам.

Во время войны положиться на Бернадотта было, в сущности, нельзя: возможно, он шадил свой шведский корпус, хотя это не может являться исчерпывающим объяснением, так как под его командованием были и другие войска; не исключено также, что его сковывала сложность занимаемого им положения. Конечно, в битве при Денневице³⁹ он сражался с маршалом Неем, и эта битва в самом деле была важна для союзников, но в целом он выказывал крайнее нежелание действовать против французов в полную силу. В решающем сражении при Лейпциге он согласился принять участие только после упорных переговоров и настойчивых просьб. Его, можно сказать, привел туда г-н Поццо ди Борго.

Бернадотт давно уже продумал, каким образом он может извлечь выгоду из присоединения к союзу, направленному против французского императора. В 1812 году во время встречи с императором Александром, состоявшейся в Финляндии, среди прочего было решено, что если война будет выиграна, то император употребит все усилия, дабы добиться передачи Норвегии под власть Швеции. С тех пор как шведы потеряли Финляндию, им стало чрезвычайно трудно снабжать армию провиантом. Бернадотт указал на это, и по его просьбе Россия пообещала предоставить ему субсидию в полтора миллиона рублей. Если бы Швеция получила господство над Норвегией, она должна была бы вернуть эту сумму, а если бы объединение этих стран не состоялось, Швеция оставила бы себе указанную сумму в качестве компенсации. На Венском конгрессе мне было поручено выработать проект соглашения с представителем Швеции о возвращении нам 1 500 000 рублей, так как с нашей стороны условие было выполнено. Но когда я представил этот проект г-ну Нессельроде, он сказал мне, что это уже лишнее, ибо император только что отказался востребовать эту сумму. Я не удержался и заметил, что Россия не столь богата, чтобы без нужды сорить деньгами. «Что делать! — вздохнул Нессельроде. — Генерал Л... на вчерашней аудиенции попросил извинить Швецию от уплаты этого долга, а император не умеет отказывать в подобных просьбах»⁴⁰.

Покидая в 1814 году Париж, император Александр пожелал посетить Англию. Он отправился туда в сопровождении своей гвардии, ибо хотел поразить англичан ее великолепной выправкой*, не подозревая, что свободный народ не станет восторгаться отменной солдатской дисциплиной. Его советники не сумели или не посмели объяснить ему, сколь нелепой была его фантазия показать в Великобритании зрелище, именуемое военным парадом. Обратились с соответствующим запросом в английское министерство, и лорд Кэслри в самой учтивой форме ответил, что без особого парламентского билля высадка каких бы то ни было воинских частей на территории Англии допущена быть не может. Этот ответ нетрудно было предвидеть, и будь советники Александра немного посмелее, они не стали бы подвергать государя риску выставить себя на посмешище.

* Страсть к игре в солдатики была издавна присуща русской императорской фамилии. Петр III, будучи еще великим князем, приказывал лепить из глины модели крепостей и расставлять на их стенах сахарных солдатиков. Как-то раз его молодая и остроумная супруга вошла к нему в спальню и, увидев несчастную мышь, повешенную на гласисе такой крепости, не выдержала и громко расхохоталась! Великий князь был очень недоволен ее смехом и сказал, что веселиться тут нечего, ибо преступник был осужден военным советом и приговорен к смертной казни за то, что съел часового⁴¹.

Глава IV

Венский конгресс

ВМЕСТО ТОГО чтобы сразу приступить к решению важных вопросов, участники Венского конгресса начали устраивать парады и различного рода празднества. Тогда всеми была подхвачена брошенная кем-то фраза: *конгресс танцует, но вперед не двигается*¹². Принц де Линь, пребывая на смертном одре, с полным правом мог сказать: «Конгрессу не хватало только церемонии погребения маршала: я доставлю ему это развлечение».

А вскоре между собравшимися на конгресс державами стали обнаруживаться разногласия. Вернувшись в Париж, Наполеон обнаружил договор, заключенный Австрией, Англией и Францией против России и Пруссии, и не преминул сообщить о нем этим двум последним державам. Но еще до того, как факт этот стал известен послам Александра и Фридриха-Вильгельма, уже было заметно, как мало согласия между кабинетами Санкт-Петербурга и Берлина с одной стороны, и кабинетами Лондона и Вены — с другой. Что касается кабинета Тюильри, то, несмотря на все интриги Талейрана, его влиянием, в сущности, можно было пренебречь. Больше всего разногласий вызывал вопрос о Саксонии. Герцогство Варшавское было в итоге кампании 1812 года занято русскими, и отобрать его у них было невозможно. Но поскольку Пруссия не могла добиться возвращения этой провинции, ранее ей принадлежащей, следовало задуматься о том, какими средствами компенсировать пруссакам понесенный ущерб. Союзники сочли поведение саксонского короля достаточной причиной, или, скорее, уместным предлогом для того, чтобы именно за счет Саксонии и произвести компенсацию. Как известно, во время Лейпцигской битвы саксонские войска, начавшие сражение на стороне французов, покинули их и, перейдя в другой лагерь, обратили оружие против своих недавних союзников, или, если угодно, повелителей. Эти действия саксонской армии не прибавили достоинства королю Фридриху-Августу, который в момент взятия Лейпцига находился в городе: русский император даже отказал саксонскому монарху в аудиенции, о которой тот просил. Вскоре после этого Фридрих-Август был препровожден в Пруссию*.

* Ехать с ним было поручено русскому генералу (князю Голицыну¹³). Этот полномочный представитель русского двора, или, говоря иначе, торемщик, все же сумел своим достойным поведением заслужить уважение и признательность старого короля, вызвав тем, однако, враждебное отношение прусского правительства, которое пожаловалось на него императору Александру. В то время многие русские, получив повеление императора, исполняли его по своему разумению, не считая нужным строго соотносываться с монаршей волей. Другой русский генерал (Михаил Орлов), о котором у меня еще будет случай рассказать, был послан к датскому королю для переговоров об уступке шведам Норвегии. По прибытии на место генерал убедился, что дело норвежцев, восставших против присоединения их родины к Швеции, справедливо и достойно уважения, и стал действовать в соответствующем направлении. Таким образом, в лице русского посланника Бернадотт вместо союзника встретил убежденного врага своих притязаний и защитника независимости Норвегии. Впрочем, не только Орлов находил справедливым дело норвежцев: присоединение Норвегии осуждали даже те, кто принимал в нем наибольшее участие. Помню, как прусский канцлер князь Гарденберг одобритительно высказывался о восстании норвежцев, и красивое лицо его при этом дышало подлинным благородством. Впрочем, норвежцы сумели извлечь выгоду из произошедшей перемены и, вероятно, перестали жалеть о своем объединении с Данией.

Таким образом, задолго до конца войны взоры прусского кабинета обратились к Саксонии: ей предстояло компенсировать утрату той части Польши, которую Пруссия не надеялась вернуть. Но пруссаки хотели присоединить Саксонское королевство целиком. Вышло даже так, что в результате переговоров, проводившихся во время войны, Австрия на это согласилась. На Венском конгрессе вопрос о Саксонии был одним из самых трудных. Россия выступала за полное удовлетворение претензий Пруссии, однако Франция и Англия при поддержке Австрии, отказавшейся от своей прежней позиции, высказались за раздел Саксонии. Сами же саксонцы, естественно, противились любому варианту присоединения к Пруссии — как частичного, так и полного. Старый король долгие годы (его царствование продолжалось 40 лет) пользовался заслуженной репутацией мягкого и разумного правителя; впрочем, с таким нравственным и просвещенным народом, как саксонский, сохранить эти добродетели было легко. Прусское правительство, приверженное строгому порядку в управлении делами, напротив, славилось грубостью и не вызывало симпатий у населения. Однако довольно большое число немецких патриотов склонялось к полному присоединению, полагая, что слияние обоих королевств было бы шагом к объединению Германии. Они сожалели лишь о том, что с другими принцами и королями не поступили так же, как с Фридрихом-Августом.

Пока прусские делегаты усердствовали в достижении своей цели, прусские патриоты жаловались на свое правительство, находя, что оно не проявляет достаточной энергии при переговорах. На одном из банкетов старый Блюхер даже отказался пить за здоровье короля.

Назначенный тремя великими державами главой Центрального департамента, г-н фон Штейн во время войны именовался государственным министром на русской службе и, заметим, мундир носил прусский, а кокарду русскую; на Венском же конгрессе он не исполнял уже официальных или иных определенных обязанностей. Он прибыл туда, так сказать, в качестве представителя самого себя, талантливого человека, оказавшего неоценимые услуги общему делу, за что он и пользовался уважением народов и королей. Впрочем, его влияние при русском и прусском дворах было по-прежнему очень велико.

Нетрудно догадаться, что г-н фон Штейн изо всех сил поддерживал присоединение Саксонии к Пруссии. Но, по-видимому, положение вещей уже не позволяло ему питать прежние надежды. В одном письме, опубликованном после его смерти, можно прочесть: «Мое желание видеть Пруссию великой и сильной происходило не от слепой привязанности к этой монархии, но из убеждения, что всякое раздробление ослабляет Германию, лишает ее национальной чести, национального чувства, препятствует разумному управлению хозяйством и, отнимая у каждого немца величайший нравственный стимул, а именно любовь к отчизне, ведет к унижению немецкого народа»⁴⁴.

Тем временем произошло событие, которое, очевидно, должно было стать прелюдией грядущего присоединения: русский генерал-губернатор Саксонии был заменен пруссаком. По воззваниям и речам обоих губернаторов, в особенности русского, можно было понять, что вопрос о полном присоединении является делом решенным, а посему назначение прусского губернатора рассматривалось как фактический захват Саксонии. Со стороны держав, враждебных Пруссии и России, последовали многочисленные протесты,

нашедшие поддержку даже в английском парламенте. Пруссии в итоге пришлось отказаться от своих притязаний и удовольствоваться частью Саксонии, доставшейся ей при разделе.

Во время переговоров о судьбе Саксонии встал вопрос о вознаграждении короля Фридриха-Августа в случае полного присоединения его владений к Пруссии; было предложено отдать ему рейнские провинции. Нетрудно понять, почему Австрия и Англия воспротивились такому решению. Первая, видимо, находила, что в этом случае прусско-саксонская монархия станет единой и чересчур грозной, английским же кабинетом владела навязчивая идея окружить Францию как можно более сильными державами*. Исключительно ради этого Бельгия была присоединена к Голландии, а Генуя, вопреки торжественным обещаниям генерала лорда Бентинка, отдана Сардинии⁴⁶. Действия же министров Людовика XVIII, выступавших в вопросе о Саксонии заодно с Англией и Австрией, поражали беспристрастных наблюдателей, полагавших, что существование на Рейне захудалого королевства во главе с престарелым саксонским королем более соответствует интересам Франции, нежели нахождение на этом же месте провинции сильного немецкого государства. Если французские делегаты, действуя подобным образом, имели в виду только личные интересы саксонского короля, то далее обсуждать это не имеет смысла. Интересы же жителей рейнских провинций, равно как и интересы саксонцев, не принимались в расчет ни при переговорах, ни при окончательном решении вопроса, ибо на конгрессах не имеют обыкновения спрашивать мнение тех стран и народов, судьбы которых на них решаются.

Другой вопрос, который, казалось бы, не должен был вызвать серьезных разногласий между союзными державами, тем не менее стал предметом продолжительных переговоров: он касался судьбы Польши. О новом разделе этой несчастной страны речи уже не было, так как раздел этот, по крайней мере фактически, уже свершился: Россия завладела Варшавским герцогством, и теперь предстояло установить, в каких отношениях это герцогство будет находиться с империей**.

О польском вопросе много сказано и немало написано. Многие утверждали, что Англия вместе с другими державами побудила русского императора к преобразованию герцогства Варшавского в королевство, пребывающее под его, Александра, скипетром,

---

* Говорят, именно английские министры стремились окружить Францию сильными державами; таково общее мнение, господствовавшее в Вене во время конгресса, и я лишь передаю его.

В пятом томе «Истории Консульства и Империи» г-на Тьера приводятся доказательства того, что эта идея была выдвинута петербургским кабинетом еще в 1804 году⁴⁵. Таким образом, первенство здесь, возможно, принадлежит не Англии. Тем не менее, если судить по характеру переговоров о рейнских провинциях, именно Англия особенно деятельно стремилась к достижению этой цели. Можно даже сказать, не погрешив против истины, что во время всех тогдашних переговоров Россия была настроена по отношению к Франции гораздо менее враждебно, чем Англия.

** Здесь мы ничего не сообщаем о том, как обсуждались размеры русских владений в Польше. Переговоры по этому вопросу, долгие, трудные и даже компрометирующие, были тесно связаны с переговорами по поводу Саксонии, почему и завершились одновременно с последними. Так как Пруссия вынуждена была отказаться от части Саксонии, Россия сочла своим долгом вознаградить ее за это рядом территорий в Польше. Сейчас мы говорим лишь об устройстве польских провинций, вновь присоединенных к России, а это вопрос совершенно иного рода.

но независимое от России, имеющее свои представительные учреждения, внесенные в конституцию, которую царь собирался пожаловать полякам. Прения в английском парламенте могли внушить мысль, что английские делегаты и впрямь горячо приняли к сердцу интересы поляков, их борьбу за независимость и свободу, подтвержденную конституцией. Однако на деле все обстояло иначе. Всего, что было сделано для Польши, добился Александр; во время переговоров он нередко сталкивался с сопротивлением других держав, и сопротивление это клонилось вовсе не к пользе поляков.

Александр прибыл на конгресс, исполненный решимости осуществить для жителей герцогства Варшавского реформы, которые и были проведены впоследствии. Но в Вене вместо одобрения он встретил лишь противодействие. Австрия и Пруссия были крайне недовольны возвращением Польше названия королевства и намерением даровать ей конституцию. Подавляющее большинство делегатов конгресса, в том числе англичане, предпочитало, чтобы герцогство Варшавское было присоединено к Российской империи в качестве губернии. Император сам, своей волей, создал Царство Польское, сам дал ему конституцию. Даже его министры и самые близкие советники, за исключением князя Адама Чарторижского, не разделяли его взгляды. По крайней мере, те, кто имел собственное мнение и мужество его выражать, не одобряли ни создание Царства Польского, ни дарованную ему конституцию. Два советника Александра представили императору докладные записки по этому вопросу; то были г-н фон Штейн и г-н Поццо ди Борго.

Последний рассматривал вопрос скорее с дипломатической, нежели с политической точки зрения. Он подчеркивал трудности, связанные с образованием отдельного государства только на части территории прежнего царства и с поддержанием его отношений с соседними державами, также владеющими частью польских земель. Одновременно он напоминал о последствиях, обычно порождаемых духом национализма; проникнутые им поляки, пылкие и нетерпеливые, ободренные восстановлением польской государственности, при первой же серьезной войне могли стать опасными не только для Пруссии и Австрии, но и для России. Отсюда г-н Поццо делал вывод о необходимости простой аннексии герцогства Россией.

В своей взвешенной, исполненной логики и здравого смысла записке г-н фон Штейн перечислял те же сложности, однако прямое и простое присоединение герцогства к империи считал нежелательным. Он полагал необходимым учредить там отдельную администрацию, а главное — собственные муниципальные учреждения. Он был убежден, что воздвигаемое императором новое здание, не имея прочной основы, может рухнуть при малейшем потрясении; однако, отказывая полякам в конституции, он хотел обеспечить им все выгоды, совместимые с системой самоуправления. Учреждение *провинциальных штатов* могло быть, по его мнению, весьма полезно в любой стране, не имеющей единой конституции; это убедительно доказывал пример Пруссии.

«Россия требует, — писал г-н фон Штейн, — 1) установления границы Польши, дабы отделить ее от Австрии и Пруссии; 2) согласия своих союзников на введение в Польшу конституции. . . . .

Пусть дадут русским полякам политические учреждения, обеспечивающие им участие в органах местного управления, гарантирующие их от угнетения, от ошибочных ре-

форм, способствующие укреплению самосознания и предоставляющие им поле деятельности. Учреждение *провинциальных штатов* в каждой польской губернии обеспечило бы полякам свободу личности, владения собственностью, участие в органах местного управления, а следовательно, возможность развития нравственных и умственных способностей. Поляки не получают преимуществ единой конституции, ибо обязаны пожертвовать ею ради великих интересов Европы, из признательности к союзникам-освободителям, а также потому, что сами ответственны за распад Польши, причиной которого стали три века анархии, продажность польской аристократии и угнетение низших классов общества...»⁴⁷

Почти в это же время императору была подана третья записка, составленная г-ном Ланским, тогда генерал-губернатором герцогства Варшавского. В ней г-н Ланской пытался убедить императора в том, что поляки оказались «неспособны понять даже величие учреждений бессмертной Екатерины». Как видите, этот человек считал поляков недостойными даже того порядка вещей, который существовал тогда в России!⁴⁸

Во время восстания 1831 года те, кому записка Поццо ди Борго была известна прежде, вновь вспомнили о ней!⁴⁹ Его проницательность и верность его суждений удостоились многочисленных похвал. «Он это предсказал», — слышалось отовсюду; «я это предсказывал», — говорил он сам. Однако мне кажется, что человек, наделенный душой, должен был бы с омерзением открещиваться от подобного пророчества. Все видели, что, сохранив Польское государство обособленным от Российской империи и даровав ему представительную конституцию, Александр действительно совершил необычный поступок. И не нужно быть пророком, чтобы предвидеть разного рода случайности и возможные, даже вероятные, опасности. Но в сердце человека есть место не только для личных интересов и страха. Горе тем, кто не испытывает иных чувств! Проницательность, тонкий ум, даже гениальность, которыми, быть может, наделила их природа, никогда не заменят ни прямодушия, ни благородства чувств. Поступок императора Александра пробуждал надежды и в поляках, и в русских, и во всем человечестве. Мир, быть может, впервые видел завоевателя, дарующего побежденным права, а не цепи. Подобным деянием он, можно сказать, брал на себя обязательство сделать то же самое и для других своих подданных.

Я прекрасно знаю, что вы, опытные и практические политики, сожалеете о великодушии Александра! Но неужели вы не чувствуете, как прекрасен, благороден и истинно полезен был этот дар самодержавной власти, проявившей уважение к священным правам человека, к достоинству человеческого рода? Неужели вы ни во что не ставите вполне ощутимые, вполне насущные выгоды, кои принесло образование Царства Польского? Конечно, депутаты польского народа не имели возможности серьезно и плодотворно обсуждать политические вопросы; однако они могли свободно действовать в области гражданского устройства и решать вопросы, связанные с материальными интересами; в своей стране они могли заниматься — и действительно занимались — улучшением деятельности администрации, финансового положения, правосудия; они имели возможность энер-

---

* См. докладную записку г-на Поццо ди Борго в примечании С.

гично способствовать успехам промышленности, торговли и народного образования. Разве они были бы способны осуществить все это при том строе, который вы хотели бы им навязать?

В то время, когда участники конгресса были поглощены дипломатическими переговорами, сплетнями, интригами, всевозможными церемониями, празднествами и балами, пришло известие, произведшее впечатление разорвавшейся бомбы: Наполеон высадился во Франции. Не случись этого, вряд ли кто-нибудь смог предугадать, когда и как завершило бы свои труды сие собрание. Главные вопросы были еще далеки от разрешения. Успели только присоединить Геную к Пьемонту; вот уж поистине великое деяние, славное начало! Вряд ли когда-либо приносились более обильные жертвы богу страха, нежели во время этого конгресса. Кэслри, преследуемый своей навязчивой идеей, хотел во что бы то ни стало окружить Францию грозными державами. Памятуя о роли Генуи в войнах между Францией и Австрией, кои те вели на территории Италии, политики не нашли лучшего средства для того, чтобы исключить подобную возможность в будущем и уничтожили знаменитую республику, обрушив на нее иго абсолютной монархии, не имевшей ни прав, ни претензий на это маленькое государство. С точки зрения развития торговых отношений больше всего от этой сделки пострадал, конечно, английский народ; и тем не менее именно английский министр наиболее содействовал принятию сего нелепого, гнусного и несправедливого решения.

Хотя высадка Наполеона вызвала всеобщее изумление, однако удивлялись все по-разному. С тех пор как Бонапарт был отправлен на остров Эльбу, политические пророки, и среди них известный Коцебу⁹⁰, настойчивейшим образом напоминали о слишком близком расположении острова к Франции, что сулило опасность как династии Бурбонов, так и миру во всей Европе. И конгресс не мог оставить без внимания эти предостережения⁹¹.

Занявшись приготовлениями к новой войне, Александр проявил недюжинную энергию. Сообщение Наполеона о союзническом пакте, заключенном Англией, Австрией и Францией против России и Пруссии, несколько его не остановило⁹². Русские войска, не успевшие вернуться на родину и к местам расквартирования, получили приказ повернуть назад и снова двигаться в сторону Франции. Пруссаки, забыв, как это свойственно народам, пережитые ими разочарования, выказали тот же пыл, что и в 1813 году. Герцог Веллингтон отправился в Брюссель. Так как на мудрость и энергию Бурбонов надежды было чрезвычайно мало, то в этот важный момент все с нетерпением ожидали немедленного возвращения в Париж генерала Поццо ди Борго; такова была и воля императора. Но г-н Поццо предпочел сопровождать герцога Веллингтона в Брюссель. Г-н фон Штейн, чья дружба с этим дипломатом уже была в прошлом, сурово порицал его за это, считая, что тот в данном случае пренебрег своим долгом.

Готовясь к новой кампании, нужно было так или иначе довести до конца дела на конгрессе. Тогда была окончательно решена судьба герцогства Варшавского, а провинциям

⁹⁰ Во время Венского конгресса, еще до высадки Наполеона, я несколько раз слышал упоминание об острове Св. Елены. Итак, экс-император не без основания упрекал союзников в том, что они заранее сговорились в намерении выслать его куда-нибудь подальше от Европы, на один из островов в тропиках.

⁹¹ Впрочем, об этом союзническом договоре было, по-видимому, уже известно и Пруссии, и России.

бывшей Польши, которые по-прежнему оставались от нее отделенными, были обещаны национальные и либеральные учреждения. В это же время, можно сказать экспромтом, было создано Ломбардо-Венецианское королевство. Не будь высадки Наполеона, прежние австрийские владения в Италии, возможно, не сохранили бы названия королевства, звучащего нынче жалкой насмешкой.

Так как Центральный департамент уже не существовал, пришлось искать иной способ управления французскими провинциями, которые могли быть подвергнуты оккупации. Было решено, что три великие державы станут назначать генерал-губернаторов в те области страны, которые будут заняты войсками соответствующей державы. Поскольку армии императора Александра направлялись в Лотарингию и соседние с ней провинции, то русскому генерал-губернатору предстояло обосноваться в Нанси; его округ включал в себя шесть французских департаментов. В 1815 году на этот пост был назначен г-н Алопеус, русский посол при берлинском дворе, уже исполнявший функции генерал-губернатора в Нанси во время кампании 1814 года. Главнокомандующий русской армией фельдмаршал Барклай де Толли высказал пожелание, чтобы управление занятыми областями было вверено генерал-интенданту армии, находившемуся у него в подчинении. Не сумев настоять на своем, он затаил злобу на Алопеуса. Когда же этот чиновник, видя, что у австрийцев существует министр армии*, дерзко испросил для себя такого же титула, хотя в России он был неизвестен и посему ничего не прибавлял к его полномочиям, недоброежелательство Барклая возросло.

Необходимо было подумать и о новых средствах снабжения продовольствием русской армии в Германии. Способы, к которым прибегали в прошлую кампанию, а именно насильственные реквизиции, взимание налогов и всякого рода контрибуций применять было уже невозможно, и русское правительство должно было платить за содержание своих войск. Если бы стоимость поставок, необходимых для снабжения армии съестными припасами, фуражом и т. д., соответствовала действительности, то расходы были бы столь велики, что Россия никогда не смогла бы расплатиться с неизбежными в таком случае огромными долгами. Русское правительство, не богатое наличными деньгами, могло содержать многочисленные армии в течение длительных кампаний, только применяя на практике принцип, гласящий, что война сама должна кормить себя. С другой стороны, было совершенно очевидно, что Россия и теперь, и ранее вела войну не только в своих собственных интересах, но и в интересах германских государств. Исходя из этих соображений и вследствие невозможности для России полностью взять на себя все связанные с войной расходы, г-н фон Штейн предложил установить в тех странах, через которые будут проходить русские войска, умеренные цены на поставки для армии. Определенная таким образом цена была равна трети или четверти действительной стоимости поставляемого товара. Предложение было принято. Последствия показали всю мудрость подобной меры. По заключении всеобщего мира Россия без труда рассчиталась с германскими государствами, которым не пришлось долго ждать уплаты подлежащих погашению сумм.

---

* Эта должность соответствует должности генерал-интенданта в российской армии.

Глава V

События 1815 года. Священный союз

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР, министр императорских армий, прибыл в Нанси в сопровождении секретаря посольства, писца и автора настоящего труда, которого сочли уместным прикомандировать к этому сановнику. Впоследствии из России прислали еще нескольких чиновников. Но на первых порах г-н Алопеус, не имея достаточного персонала, счел нужным принять на службу одного бывшего чиновника герцогства Нассауского, доверив ему пост интенданта в Нанси. У г-на Алопеуса было достаточно оснований раскаться в этом назначении, но не знаю, раскаялся ли он на самом деле.

В период моего пребывания в Нанси я был завален делами. Особенно много времени отнимала у меня переписка с военными властями и договоры о различных поставках для русских войск. Эту последнюю обязанность я взял на себя против воли, только уступая настойчивым просьбам генерал-губернатора. Несмотря на все свои усилия, я не мог препятствовать злоупотреблениям, в которых были повинны некоторые чиновники из интенданства, а также из других ведомств, назначенные для расчетов с поставщиками.

Русские солдаты вели себя по отношению к французам несравненно лучше, нежели немцы. Когда прусские и баварские войска проходили через Нанси и его окрестности, было много бесчинств, и от жителей то и дело поступали жалобы. В этих случаях русская администрация приказывала своей полиции принимать надлежащие меры для защиты притесняемых. Грубое поведение пруссаков легко объясняется мстительными чувствами, которые они питали к французам, долгое время подвергавшим их унижениям. Наглость баварцев тоже неудивительна: союзники, ставшие врагами, обычно питают к своим бывшим друзьям особую неприязнь; ренегаты становятся беспощаднейшими гонителями прежних единомышленников. Русским же, в отличие от пруссаков, незачем было мстить за унижения, ибо не проигранные полководцами битвы унижают народ, тем более если народ этот в свою очередь одерживал победы. К тому же русский солдат, привыкший жить среди лишений, подвергающийся возмутительному произволу и жесточайшему обращению, чрезвычайно чуток к малейшим знакам вежливости, доброты или расположения. А французы большей частью встречали его приветливо, кормили, часто даже сажали за семейную трапезу и, обращаясь к нему, называли его *сударь*, что не могло ему не нравиться; словом, он был доволен. Сколько раз я слышал от граждан Нанси и окрестностей, что они относятся к стоящему у них на квартире русскому солдату как к собственному сыну! Они настолько доверяли ему, что оставляли ему ключи от дома, вверяли его попечению маленьких детей, и русский солдат охотно помогал им в домашних работах. Поэтому когда в Нанси распространился слух о выводе из города русских войск и занятии его баварцами, то жители говорили, что предпочли бы вместо одного баварца взять на постой десять русских*.

* У меня была возможность наблюдать совершенно исключительный пример терпения русского солдата, которое порождено чудовишной военной дисциплиной, строгостью своей доводящей людей до полного отупения. Придя однажды утром к себе в кабинет, я обнаружил там солдата, виденного мною накануне. Это был сержант, несший караул в здании префектуры, где жил генерал-губернатор. Привлечен-

Конечно, бывали исключения, но редко, и к тому же виновниками их гораздо чаще становились офицеры, чем солдаты. В русской армии служили несколько старых французских эмигрантов «из бывших»; они были особенно враждебно настроены по отношению к местному населению, ибо считали лотарингцев противниками Реставрации. Их чрезвычайно занимали политические взгляды населения, тогда как русские не придавали этому никакого значения. Так, комендант Нанси, кавалерийский генерал, эмигрант или сын эмигранта, выставил себя на посмешище, пытаясь выяснить образ мыслей жителей города. Другой француз, воевавший в качестве партизана, устраивал набеги для захвата так называемых бонапартистов или якобинцев, коих затем отправлял в Нанси; узнавая, что пленников его немедленно отпускали, он приходил в неопишемую ярость. Даже добрый и просвещенный генерал Ланжерон, командовавший войсками в окрестностях Меца, присылал оттуда все новых и новых предполагаемых заговорщиков, которых по прибытии в Нанси сейчас же освобождали. Русские с полным основанием смеялись над усердием, с которым вернувшиеся на родину французские эмигранты преследовали своих соотечественников.

Париж в 1815 году был совершенно иным, чем в 1814-м. Тогда парижане ликовали, пожалуй, лихорадочно и, вне всякого сомнения, преувеличенно — до смешного. А в 1815-м город был печален, угрюм и молчалив. В 1814 году роялисты могли утверждать, что Бурбоны были призваны Францией; теперь им, говоря о Людовике XVIII, эпитет *желанный* приходилось заменять на *неизбежный*. Присутствие в столице королевства англичан особенно усиливало отчаяние патриотов. Они никак не могли привыкнуть к виду красных мундиров. К тому же правительство, конечно, подстрекаемое не союзниками, как утверждали некоторые, а скорее ведомое собственным несчастным жребием, замышляло (и это было известно) месть, столь же дикую, сколь и бесполезную. Державы же, входящие в коалицию, со своей стороны, были полны решимости обойтись с Францией суровее, нежели в первый раз.

Юлия 1815 года была окончена без помощи русской армии. Когда император Александр прибыл в Париж, Блюхер и Веллингтон уже занимали город. Царь и на этот раз взял на себя защиту французов от злобы других держав. Ему казалось достаточно строгим оккупировать оговоренные территории, изъять из Лувра награбленные шедевры и обязать Францию выплачивать контрибуцию; он не только не желал принятия иных, более жестких мер, но и по возможности старался смягчить уже принятые решения.

Впрочем, сомнительно, чтобы кто-нибудь всерьез поднимал вопрос о расчленении Франции. Видимо, обсуждалась необходимость ослабить ее, поговаривали даже об отделении от нее прежних, так называемых «немецких» провинций и присоединении их к Австрии; но последняя, кажется, вовсе не желала таких приобретений. Было предложено множество проектов, касавшихся распределения пограничных территорий Франции. При

ный боевым и честным видом старого служаки, я, разговорившись с ним, спросил, завтракал ли он. «Никак нет», — отвечал он тоном солдата, рапортующего своему офицеру. «Но с какого же времени вы здесь?» — «Со вчерашнего утра». — «Ужинали ли вы вчера?» — «Никак нет». — «Обедали?» — «Никак нет». — «А вчера завтракали?» — «Так точно, когда уходил из казармы». Этот молодец ничего не ел целые сутки, но он и не думал ни роптать, ни жаловаться! Весь караул в этом здании постился, как и он, и никто ничего не требовал!

прусском канцлере князе Гарденберге состоял бывший профессор статистики, чертивший карты, на которых были указаны предполагаемые территориальные изменения во французских владениях, граничивших с Германией. Вероятно, одна из таких карт* была представлена императору Александру, а он передал ее Ришелье, в руках которого ее и видел Шатобриан⁵¹.

На этот раз, впрочем, Александр был не одинок почти все русские, находившиеся в Париже, полагали, что чрезмерное ослабление Франции противоречит интересам России.

Достоинно сожаления, что, принимая более или менее близко к сердцу интересы страны в целом, русский император не сделал попытки взять под свое покровительство тех людей, которые подверглись преследованиям со стороны восстановленной французской монархии; многие из них вынуждены были отправиться в изгнание. Воспользовавшись своим влиянием, Александр мог бы вырвать маршала Нея из рук жаждавших мести Бурбонов; совершить сей великодушный поступок было, в сущности, его долгом. Договор, заключенный между герцогом Веллингтоном и маршалом Даву, гарантировал неприкосновенность герцогу Эльхингенскому⁵²; договор этот был выгоден союзникам, ибо они вошли в капитулировавший Париж, и при этом справедлив, поскольку они не только воспользовались своими преимуществами, но и взяли на себя определенные обязательства. Александру следовало бы больше думать о своей личной чести и меньше о так называемой независимости правительства Реставрации. Это правительство жаждало во что бы то ни стало *примерно наказать*, как говорили тогда, то есть оно жаждало крови, словно ее мало было пролито — и зачастую напрасно! — с самого начала Революции! А союзники не препятствовали ему удовлетворять это кровавое желание. Но повторяю: все последующие обвинения союзников в подстрекательстве к имевшим место казням — полнейшая нелепость: упрекнуть их можно лишь в преступном нейтралитете. Процесс маршала Нея достаточно ясно показал, что правительство Реставрации не нуждалось в подобного рода подстрекательствах и само преследовало свои жертвы. Дух клановости и политической вражды был так силен, что старые пэры приходили в бешенство, когда слышали из уст свидетелей что-то не совсем роялистское. Маршал Даву, вызванный для дачи показаний о соглашении, которое защищало маршала Нея, во время перерыва в заседании суда в одиночестве бродил по коридорам Люксембургского дворца; пэры и даже маршалы выказывали подчеркнутое нежелание с ним общаться. Поэтому он был весьма растроган поступком одного адъютанта императора Александра, приблизившегося к нему и заговорившего с ним с тем уважением, коего, несомненно, заслуживал сей славный воин⁵³. Я помню также, с какой поспешностью глава полиции после завершения заседания пересек зал суда, где публика ожидала решения пэров. Можно было подумать, что он спешит сообщить семье Нея о его оправдании... Но он бежал к королю донести об осуждении маршала! Особенно грустное впечатление произвел на меня герцог Ришелье, которого я считал порядочным человеком; находясь в том же зале, он спокойно беседовал со столпившимися вокруг него людьми.

Герцог Веллингтон также, к великому сожалению, омрачил свою славу, уподобившись другой английской знаменитости — адмиралу Нельсону, запятнавшему свою честь в сход-

* См. «Веронский конгресс».

ных обстоятельствах. Но адмирал по крайней мере нашел искусное перо, обелившее память о нем; сэр Дж. Макинтош, обрисовав характер Нельсона и условия, в которые тот был поставлен, объявил, что это единственный человек, к которому можно было сохранить любовь и уважение после столь недостойного поступка, как убийство адмирала Каррачиоло⁵⁴. Герцог Веллингтон еще не нашел своего апологета, и сделать это ему будет нелегко. Впрочем, не исключено, что сие его не заботит.

К чести высших английских офицеров скажу — со слов одного из них, генерала сэра Р. Вильсона, — что в ходе процесса маршала Нея английские генералы, находившиеся в Париже, избрали его своим представителем: он должен был отправиться к английскому посланнику, от их имени высказать возмущение этим процессом и указать, что если соглашение, заключенное герцогом Веллингтоном с маршалом Даву, будет нарушено, в будущем никто не станет доверять договорам, подписанным английскими генералами. Сей благородный поступок остался без последствий.

В 1815 году был создан знаменитый Священный союз, сразу же привлечший и продолжаящий привлекать к себе всеобщее внимание. По большей части в нем видели сговор государей против народов. Но люди, хорошо знавшие характер императора Александра и его тогдашний образ мыслей, вовсе не придавали важного значения христианской идее этого союза, которая, у него оказалась всего лишь минутным порывом. Нередко люди, наблюдая за ничтожными явлениями, облеченными в торжественную форму, и не видя в них никакой явной цели, стараются отыскать в них тайный смысл и, переходя от одной догадки к другой, в конце концов начинают верить в реальность призраков, созданных их воображением. Так именно случилось со Священным союзом: в нем усмотрели договор, связавший государей друг с другом, и с некой вероятностью вывели отсюда предположение о том, что союз этот направлен против народов: на них государи всегда смотрят как на своих естественных врагов, пока народы учатся платить им той же монетой. Но чтобы действовать в собственных интересах, государям нет нужды заключать какие-либо мистические союзы; они предпочитают проявлять свои стремления открыто и, не стесняясь, постоянно это доказывают. Кроме того, Александр в то время не мог создать союз государей против народов. Впрочем, очевидно, что его новые союзники во Христе отнюдь не считали предложенный им альянс необходимым, и заключили его скорее из почтения к особе русского императора, нежели из собственных монархических интересов.

История Священного союза, изложенная в книге госпожи Крюденер, первой подавшей мысль о его создании, должна была убедить самых недоверчивых и объяснить им, до какой степени император был впечатлителен⁵⁵.

---

* Последствию я прочел еще одно сочинение о происхождении Священного союза, принадлежавшее перу г-на Стурдзы⁵⁶, и убедился, что не ошибся, с самого начала видя в его создании мимолетную прихоть императора. Все в характере русского самодержца было преходяще и непрочное. Та же самая госпожа Крюденер, вместе с которой он молился в 1815 году, через несколько лет по его приказанию была выслана из Петербурга и вскоре умерла в Крыму едва ли не в изгнании. Однако в течение некоторого времени император относился к этой женщине с величайшим уважением и не находил в ее поведении ничего недостойного или опасного. Преследования, коим она подверглась в Петербурге, были несправедливы, ибо в пророчествах ее не содержалось никакой крамолы; вдобавок в столице она не проповедовала, а народ в любом случае не смог бы ее понимать, потому что она не говорила по-русски.

Глава VI

Мое пребывание в России с 1816 по 1824 год

ИЗ ПАРИЖА я отправился во Франкфурт для завершения ряда дел по погашению платежей. Срок моей службы за границей заканчивался; мне нужно было решать, чем заниматься дальше, о чем я до сих пор еще не задумывался. Покамест я шел туда, куда влекла меня судьба, не встречая на этом пути никаких препятствий; теперь мне надо было самому выбрать поприще, на котором я мог бы продолжать служить государству. У меня не было причин оставлять службу: я мог продолжать ее либо за границей, либо воротившись в Россию. Все побуждало меня отказаться от возвращения. Приехав на родину после долгого отсутствия, я, несомненно, испытал бы немалые затруднения; все материальные и духовные преимущества также склоняли меня к тому, чтобы остаться за границей. Моя семья, жившая в России, любя меня и зная мои вкусы и образ мыслей, не торопила меня с возвращением в Петербург. Сам г-н фон Штейн, ставивший долг превыше всего, говорил мне: «Оставайтесь с нами, вам здесь будет лучше, нежели на родине». Увы! Я никогда не взвешивал преимущества и недостатки той или иной страны. Когда настало время выбирать, я уже принял решение. Возвращение в Россию я расценивал как свой долг, и потому меня не могли удержать ни неприятности, ни трудности, ни даже несправедливости, кои, как я отлично понимал, меня ожидали.

Думая об этом теперь, я вижу, что добровольно отказался от счастья и бросился, можно сказать, в объятия невзгод. Но если бы мне пришлось начать все сначала, я, вероятно, поступил бы так же.

Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что совершившимися событиями, или, точнее, вызванное ими возбуждение было очевидно. *Либеральные идеи*, как их тогда называли, стали распространяться в России именно после возвращения армии на родину. Не только регулярные войска, но и множество отрядов народного ополчения тоже повидало заграничные страны; ополченцы всех рангов возвращались к своим очагам и рассказывали об увиденном в Европе. Сами события говорили за себя громче, чем люди. Это и была настоящая пропаганда.

Новые настроения умов проявлялись более всего в тех местах, где были сосредоточены войска, но особенно в Санкт-Петербурге, столичном городе, где размещались также многочисленные отборные войсковые части.

В таком государстве, как Россия, где общественному мнению нет доступа в печать, о воззрениях публики можно узнать, только прислушиваясь к разговорам, вникая в излюбленные предметы бесед и внимательно наблюдая за происходящим.

В странах, где царит деспотизм, общественное мнение находит свое выражение также в рукописной литературе, подобной тем листкам с сатирическими стихами (нозлями) и песенками, которые ходили во Франции накануне 1789 года. Литература сия, которую, на наш взгляд, вполне можно назвать контрабандной, показывала направление развития умонастроений в России. Тогда появилось довольно много сочинений такого рода, замечательных как по силе язвительности, так и по высоте поэтического вдохновения. Ма-

ленькие шедевры, появление которых дотоле было невозможно, свидетельствовали о возрождении в обществе надежд, здравого смысла и склонности к размышлениям. В наступившем духовном подъеме сыграла свою роль и периодическая печать. Предметы, до сих пор не доступные для публичного обсуждения, стали предметом серьезных работ. Пресса особенно следила за тем, что происходило в других странах, и прежде всего во Франции, где вводились новые учреждения. Знаменитые французские публицисты были так же популярны в России, как у себя на родине; имена Бенжамена Констана и некоторых других ораторов и писателей, казалось, взявших на себя политическое воспитание европейского континента^{*}, не сходили с уст русских военных, позабывших о недавнем падении великого полководца.

Я видел, как люди, вернувшиеся в Петербург после нескольких лет отсутствия, изумлялись переменам, произошедшим в образе жизни, в речах и даже в поступках столичной молодежи: вдохновленная всем благородным и чистым, что наличествовало тогда в нравственной и политической атмосфере, она, похоже, пробудилась для иной жизни. Особенной свободой взглядов и смелостью, с которой они их высказывали, отличались гвардейские офицеры; они были готовы говорить повсюду, будь то присутственное место или частная гостиная, и с любыми собеседниками, будь они сторонниками или противниками их воззрений. Никто не думал о шпионах, ибо о них тогда и слуха не было.

Правительство не собиралось бороться с тем образом мыслей, к которому явно склонялось общественное мнение; судя по его действиям, симпатии его были на стороне здравомыслящей и просвещенной части населения. Это доказывает поведение императора в Польше. В речи на открытии сейма в Варшаве Александр вполне определенно заявил, что намерен даровать представительные учреждения^{**} также и России⁵⁸. Поэтому мы полагаем нелишним сказать несколько слов о последствиях либеральных порывов самодержца.

* Идя вперед, люди склонны забывать, откуда начали свой путь. Возраст позволяет мне помнить, какие умонастроения царили в Европе в тот период, когда публицисты, и прежде всего французские, приступили к политическому воспитанию народов. Все, за исключением англичан, прошли их школу. Многие идеи, успевшие с тех пор стать едва ли не банальными, принципами, превратившиеся в общие места, тогда были новы и казались открытиями. Даже идеи и политические максимы, провозглашенные Французской революцией, и в особенности бессмертным Учредительным собранием, за время войн Республики и Империи, кажется, изгладились из памяти народов. Только англичане, казалось спокойно взирали на чудеса нового интеллектуального мира, открытого континентальной Европой. Не потому ли, что в сфере идей они успели обогнать континент и принимали *for granted* [как данность — *англ.*], как говорил сэр Дж. Макинтош госпоже де Сталь³, великолепные учения, проповедуемые Бенжаменом Констаном и другими? Именно Бенжамену Констану принадлежат наибольшие заслуги в этой области. Наделенный дивным талантом и чувствительной душой, стремившейся ко благу людей, он больше всех сделал для политического воспитания не только Франции, но и всей континентальной Европы. Именно он внушил своим современникам (даже, вероятно, тем, у кого не хватило великодушия простить публицисту некоторые человеческие слабости за его великие заслуги) больше всего полезных, здравых и плодотворных истин.

** Вот выдержка из этой речи, произнесенной 15 (27) марта 1818 года: «Образование, существовавшее в вашем краю, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приготавливаю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежашей зрелости».

После образования Царства Польского должно было назначить наместника. На этот пост мог надеяться князь Адам Чарторижский; предлагалось также призвать немецкого принца; в конце концов, пост был доверен польскому генералу⁵⁹. Но при наместнике была учреждена должность императорского комиссара (им стал Новосильцев); назначен был также главнокомандующий польской армией и стоявшими в Польше русскими войсками. Должность эту получил не кто иной, как брат императора, великий князь Константин. Если конституция еще допускала назначение комиссара, то появление главнокомандующего было очевидным ее нарушением. Управление такого рода было явно несовместимо с конституцией, хотя великий князь, осуществлявший командование, был одновременно депутатом сейма от предместья Прага, известного происшедшими там кровавыми событиями⁶⁰.

Создание Царства Польского и особенно речь Александра при открытии сейма произвели в России изрядное волнение. Нашлись люди, которые, отбросив мелочные интересы личного самолюбия и превратно понимаемого патриотизма, открыто радовались намерениям Александра провести реформы и в России, огорчаясь при этом, что их родину считают менее созревшей для свободы, нежели Польшу. Другие, если и не самые многочисленные, то, к сожалению, самые влиятельные, сочли слова Александра оскорбительными для России. В сердцах людей — как свободных, так и рабов — дурные страсти всегда сильнее любви к добру и истине. Поэтому генерал Орлов составил некий меморандум против учреждений, только что дарованных Александром Польше, и хотел подать его императору. Он попытался собрать подписи некоторых генералов и влиятельных лиц и даже сумел уговорить некоторых. Но еще до представления этой бумаги о ней стало известно императору, и усилия генерала Орлова пропали даром, не возмев никаких последствий⁶¹. Узнав об этом, я не преминул упрекнуть Орлова в узком понимании патриотизма, заявив, что только патриотизм раба мог продиктовать ему подобный протест. Он оказался настолько благороден, что отчасти признал мои упреки справедливыми.

Но одним дарованием конституции Польше дело не ограничилось. В присутствии разных лиц, и в том числе дам, с которыми он любил вести беседы, император объявил о своем непоколебимом решении отделить от империи прежние польские губернии и присоединить их к только что учрежденному Царству. Одна из его собеседниц со слезами на глазах стала умолять его не производить такое раздробление империи, на что Александр, энергично взмахнув рукой, произнес: «Нет и нет. Я даже этого не оставлю России! И в конце концов, — прибавил он, — в чем, по-вашему, зло этого отделения? Разве Россия и без этих губерний недостаточно велика?»

Император прекрасно знал, что его взгляды по этому поводу в России весьма непопулярны, и не упускал случая выразить свое благорасположение тем, кто их разделял. Встретившись однажды с бывшим офицером, издавна ему знакомым, и будучи осведомлен о том, что человек этот одобрял все, что делал император для поляков, Александр сердечно пожал ему руку, сказав, что знает его образ мыслей относительно Польши и благодарен ему за это.

Историограф империи Карамзин, бывший тогда в большой милости у императора, не счел возможным промолчать о планах Александра относительно Польши*. Историк,

* В материальном отношении императорское расположение к Карамзину выражалось в предоставлении ему на лето апартаментов в Царскосельском дворце; этот почтенный человек не желал извлекать из уважения и дружбы государя никакой личной выгоды.

См. примечание D в конце книги.

видимо, питал к полякам ненависть, воодушевлявшую русских в предшествующие века. Продолжительные кровавые войны между двумя народами достаточно объясняли их отвращение друг к другу; однако после торжества русского оружия и постигших Польшу несчастьи отвращение это в сердцах русских должно было угаснуть. В беседах с императором Карамзин приводил факты из прошлого, доказывая, что существование независимого и сильного Польского Царства несовместимо с величием и безопасностью России. Особенно настаивая на убедительном для большинства русских доводе в пользу первого раздела Польши, он утверждал, что большая часть отнятых у Польши областей прежде принадлежала русским, а поляки всего лишь захватили их во время бедствий, постигших Россию. Карамзин не ограничился беседами: он представил императору записку; это доказывает по крайней мере, что временами Александр был расположен выслушивать подданных, говоривших с ним убедительно и откровенно. В своей записке Карамзин говорил императору, что тот не имеет ни малейшего права распоряжаться областями, приобретенными не им, а другим государем, одновременно давая понять, что для счастья России Александр не должен отнимать у нее территории: ведь за все свое царствование он еще не принял ни одной серьезной меры для улучшения внутреннего положения собственной страны*⁶².

Правда, полагая, что он защищает интересы России, Карамзин, по существу, защищал императорскую власть; подобные оппозиционные взгляды не слишком ущемляют самолюбие монарха, и неудовольствие его обычно быстро проходит. Тем более что в результате намерение Александра присоединить к Царству Польскому прежние польские территории вылилось всего лишь в создание нового армейского корпуса, для службы в котором были набраны уроженцы этих самых территорий. Если в иных местах все кончается песнями, то в России, похоже, все завершается солдатчиной. По этому случаю из всех армейских полков отобрали тех, кто родился в Литве и других польских губерниях, сформировали из них корпус, окрестили его Литовским и дали ему свое знамя и форму, отличавшуюся от формы русской армии. Публика же увидела в этих действиях императора намерение еще более расширить Царство Польское.

Спустя некоторое время император издал очередной указ, который также можно было считать новым проявлением его планов в отношении Польши, хотя причина и цель его были совершенно иные: император подчинял великому князю Константину, главнокомандующему польской армией и Литовским корпусом, польскую администрацию, в том числе и судебные органы, то есть вводил контроль за решением уголовных судов в прежних польских губерниях⁶³. К этому времени все благорасположение в отношении Польши уже улетучилось; правительство, казалось, было озабочено лишь тем, чтобы в зародыше задуть либеральные и оппозиционные настроения, которые, по его мнению, возникали среди тамошних жителей. Для облегчения этой задачи император и предоставил великому князю верховную власть над всеми поляками, жившими как в Царстве Польском, так и в империи. Это решение было пагубно для польских губерний. Начались аресты, многие поляки были преданы суду и приговорены практически без всяких доказательств. Решения местных судов зачастую даже не представляли на утверждение Сената или Госу-

* См. письмо Карамзина императору в конце примечания D.

дарственного совета; их приводили в исполнение с одобрения великого князя или после внесения им поправок.

Помню одно дело, по характеру своему подлежащее рассмотрению в Сенате и Государственном совете; и действительно, оно поступило в Совет. Ознакомившись с ним, я обнаружил следующее: молодой человек, осужденный без всяких доказательств, был сослан в Сибирь по личному решению великого князя. Это обстоятельство не входило в компетенцию Государственного совета, он должен был рассмотреть лишь некоторые пункты, выходявшие за пределы ведения великого князя. Тем не менее председатель комитета адмирал Мордвинов по доброте своей сделал все возможное, чтобы обратить внимание императора и Совета на судьбу несчастного юноши; но усилия его оказались напрасны.

Иногда Государственный совет, рассматривая обычные или не имевшие политического характера дела, кассировал приговоры, уже приведенные в исполнение, объявлял осужденных невиновными и приказывал вернуть их домой из сибирской ссылки. Но в данном случае речь шла о поляке, осужденном братом императора за действительное или воображаемое политическое преступление, и добиться оправдания было невозможно.

Хотя порывы Александра ко благу прежних польских губерний оказались эфемерными и мимолетными, в них все же было нечто благородное, справедливое и доброе. Государь видел, что в материальном отношении Царство Польское находится в бесконечно лучшем положении, нежели его собственная империя. Администрация в Польше действовала гораздо эффективней, чем то, что называлось администрацией в России. В Польше были законы и суды, руководствовавшиеся этими законами и заставлявшие их исполнять; имелось народное представительство, и, сколь бы ни было ничтожно его политическое значение, оно все же приносило изрядную пользу материальным интересам края. Поэтому, приезжая в Царство Польское, император говорил, что здесь он чувствует себя непринужденнее и приятнее, чем в России. Вполне естественно поэтому, что Александр, желая удовлетворить национальные чувства населения русско-польских губерний, предполагал даровать им те же привилегии, какими пользовались их братья в Царстве Польском.

Как бы то ни было, именно намерение включить прежние польские области в состав Царства Польского сделало все шаги Александра, предпринятые им во благо поляков, крайне непопулярными в России. Если бы не существовало опасений, что император действительно отдаст эти губернии, дарование полякам конституции никогда не вызвало бы в русском обществе такого раздражения и зависти. Быть может, если бы Польше была дарована только конституция, то в России у одних зародилось бы, а у других укрепилось желание увидеть подобное у себя на родине. Я лично всегда поддерживал любые конституции и не видел в пожаловании конституции Польше унижения или обиды для рабовладельческой России. Я радовался, что на свете стало одной конституцией больше — если признать, что в Царстве Польском она действительно соблюдалась.

Вопрос об отделении от России польских губерний не имел к конституции никакого отношения, а с точки зрения будущего империи представлял совершенно иной интерес. Мне кажется, я никогда не высказывал об этом никакого мнения, ибо никогда не при-

нимал всерьез намерение или порыв отделить эти губернии, что публика безоговорочно приписывала императору. Честно говоря, Польша и ее дела меня мало занимали; мое внимание было приковано исключительно к бедствиям русского народа, к жестокости, гнусности и нелепости крепостного права.

Я сказал, что Александр хотел даровать России представительные учреждения; могу прибавить, что он не имел в виду ограничиться обещаниями. Самодержец действительно повелел выработать проект конституции для своей империи. Проект был составлен и значительно позже, кажется, напечатан в периодическом издании под названием *Portafolio*⁶⁴. Этот труд был возложен на императорского комиссара в Польше Новосильцева. По мере подготовки проекта он частями представлял его на рассмотрение императора. В главе о выборах членов народного собрания было сказано, что депутатов назначают избиратели. Что может быть проще и естественнее? Тем не менее император не одобрил этот параграф и заметил, что избиратели таким образом могут назначить того, кого им заблагорассудится, — «Панина, например». Граф Панин, бывший министр иностранных дел, находился в немилости у его величества. Статья была тотчас же изменена, и избирателям решили дать право всего лишь представлять трех кандидатов, из числа которых правительство уже будет избирать депутата. Поистине любопытный способ составления конституции⁶⁵.

В короткий либеральный период, о котором я говорил выше, и в расцвет свободомыслия некоторые молодые люди задумали ускорить распространение новых идей и направить их к цели полезной и практической. Побывав во время войны в Германии и узнав о тамошних тайных обществах, они переняли сию мысль, решили объединиться в союз, организованный по образцу этих обществ, и принимать в него людей, стремившихся к общественному благу. Спешу сразу сказать, что в то время русское правительство пользовалось в обществе почти безграничным доверием, ибо полагали, что оно искренне поощряет спасительные реформы, и основатели общества всерьез обсуждали, не стоит ли обратиться к правительству за поддержкой, и решили действовать своими силами и втайне от государя только из опасения, что их замыслы могут быть неверно поняты. Это свидетельствует о неопытности основателей тайных обществ в России и доказывает искренность и безобидность их намерений*.

Вскоре после возвращения в Россию я издал свой труд о теории налогов⁶⁷.

Первые наброски этой работы были сделаны мною в конце пребывания в Геттингенском университете — в 1810 и 1811 годах; затем, в последующие годы, в свободное от службы время, я исправил и дополнил ее⁶⁸.

В этой книге я указывал, какое влияние производит изучение политических наук, и особенно экономики, на нравственность. Я старался доказать, что экономические, финансовые и политические теории истинны лишь тогда, когда они основаны на принципе свободы. При всяком удобном случае я приводил в пример Англию, ее могущество и богатство, проистекающее прежде всего из тех установлений, которыми в то время в Ев-

* Сей факт упомянут в донесении Следственной комиссии⁶⁶, послужившем основанием для всех приговоров по делу о восстании 1825 года.

ропе обладала она одна*. Поэтому, излагая теорию налогов, я нередко допускал экскурсы в сферы высокой политики. Говоря о подушной подати, я мог рассуждать и о крепостном праве и не преминул воспользоваться такой возможностью. Подобные отступления значили для меня гораздо больше, чем основная тема. Клеймя ненавистное рабство, я делал это весьма ясно и энергично; по-моему, никогда еще на русском языке о крепостном праве не печатали ничего столь открытого и нелицеприятно.

Тема эта, совершенно неизвестная русской литературе, привлекла внимание публики. Это было первое сочинение по теории финансов, написанное русским на родном языке; но особенный интерес ему придавали уже указанные мной добавления.

Названный труд создал мне известность в России, где после долгого пребывания за границей у меня сохранилось мало связей, и снижал мне расположение лиц, склонных к усвоению новых идей — а таких было тогда немало. Многие из них засвидетельствовали мне свое уважение в периодической печати⁶⁹, а вскоре я убедился, что знакомства со мной ищут совершенно неизвестные мне прежде люди. Но, разумеется, сия книга создала мне и немалое число врагов⁷⁰. Влиятельные лица — по своему положению или по занимаемой должности, — с большим неудовольствием встретили появление подобного сочинения. Мои замечания о рабстве показались им верхом смелости и безрассудства. Однако, видя, что правительство, то есть императорская власть, пребывает в спокойствии и не мечет громы, чтобы уничтожить дерзкого революционера, они не осмеливались нападать на меня и на мою книгу открыто, и изливали свои чувства лишь в узком кругу. Самым могущественным человеком в империи после императора был граф Аракчеев, с понятиями и характером которого эта книга не вязалась совершенно. Но, несмотря на всем известную свирепость, он, будучи ловким царедворцем, выражал свое восхищение временами, когда стало можно писать и печатать подобные произведения. Трусливые и бессильные проявления недовольства были, признаюсь, мне гораздо приятнее одобрительных отзывов. Однако справедливости ради надо отметить, что даже среди сановных сторонников существующего строя нашлись люди, засвидетельствовавшие мне свое уважение и даже признательность за это сочинение. Так, один из членов⁷¹ учреждения⁷², объединяющего самых значительных лиц империи, сказал однажды, что мой труд мог бы служить путеводной нитью при изучении финансовых вопросов и оказать немалое содействие в их разрешении; надо заметить, что в это учреждение я был только что приглашен для исполнения обязанностей статс-секретаря. Выход в свет сей книги много способствовал моему сближению с узким кругом истинно просвещенных и образованных людей, входивших в состав того департамента Государственного совета, при котором я состоял, — например, с адмиралом Мордвиновым и графом Потоцким, и завоевал мне их полное доверие, полезное, кстати сказать, и для исполнения моих обязанностей.

* Даже теперь, когда о теориях организации и управления государствами известно гораздо больше, результатов, давно достигнутых англичанами, пока еще не удалось превзойти никому.

⁶⁹ Я не стану говорить здесь о появившихся в печати нескольких жалких критических статьях и опровержениях, свидетельствовавших о глубоком невежестве и бессильной злобе их авторов⁷⁰. В России истинные враги не печатают статей; они интригуют и действуют тайком.

⁷¹ Г-н Тутолмин, человек весьма отсталых взглядов, но в высшей степени порядочный.

⁷² Государственный совет.

Канцлер Румянцев, хотя и отошедший от дел и сосредоточившийся всецело на изучении отечественной истории, при появлении моей книги все-таки пожелал познакомиться со мной; он поздравил меня с тем, что мне удалось столь ясно изложить на русском языке разные теории экономической науки. «Чтобы достичь такой прозрачности, — сказал он, — необходимо самому хорошо понимать, о чем хочешь поведать другим».

Все удивлялись, как цензура пропустила такое сочинение. Я был знаком с цензором, которому оно было отдано на рассмотрение; это был человек честный, образованный, но крайне робкий, как по характеру, так и в силу своих обязанностей⁷¹. Я принес ему свой «Опыт теории налогов». «Печатание теоретических сочинений, — сказал он мне, — не может встретить никакого затруднения». Я попросил его вернуть мне работу как можно скорее. В этой книге содержалась, конечно, не только теория, и он прекрасно это видел, но совесть честного человека взяла верх над трусостью цензора: вскоре он возвратил мне рукопись, ничего в ней не тронув, но дав мне понять, что знает, чем рискует, разрешая ее печатать. Однако я убежден, что у этого достойного человека не было из-за меня никаких неприятностей. Ветер не дул тогда со стороны гонений и подавления свободной мысли. Впрочем, атмосфера терпимости царила недолго. Вскоре даже чрезмерная осторожность перестала защищать этих несчастных чиновников от суровости правительства. За самые безобидные мысли о политике и религии преследовали не только авторов, но и цензоров. Последних при этом отставляли и запрещали занимать какие бы то ни было государственные должности. После событий 1825 года моя книга привлекла внимание правительства; власти стали повсюду ее разыскивать, и все экземпляры, которые удалось найти, были изъяты⁷².

Как-то в конце 1819 года ко мне пришел князь Трубецкой. Я едва знал его по имени. Не пускаясь в долгие объяснения, он заявил, что, разузнав обо мне и моих убеждениях, считает своим долгом предложить мне вступить в некое общество, и тут же представил мне его устав: то был устав Союза благоденствия, о котором говорится в докладе комиссии, расследовавшей события 1825 года⁷³. Затем он прибавил, что недавно обращался с этим же предложением к одному поэту, с которым я был очень дружен, но тот отказался⁷⁴. Замечу, что князь Трубецкой не был прежде знаком ни с тем поэтом, ни со мной. Он занимался пропагандой общества столь открыто и наивно, что, без сомнения, в его намерениях не могло быть ничего опасного. Я бегло просмотрел устав. Общество ставило своей целью *общественное благоденствие*. Его члены должны были объединяться в различные разряды или отделения, из которых один должен был заниматься народным просвещением, другой — юстицией, третий — политической экономией и финансами и т. д. Этот проект как в целом, так и в отдельных частях касался лишь теоретических вопросов; нигде не было даже намека на действия, на какие-либо изменения в государственном строе. Подобный план мало соблазнял меня. Я не верил, что в России какое бы то ни было общество сумеет найти средства для достижения важных и требующих великих трудов целей, выдвинутых в этом проекте. Для этого нужны были серьезные писатели, хорошо разбирающиеся в различных отраслях человеческих знаний, и люди, одинаково сильные и в теории, и в практике; но в России таковых крайне мало. Прибавлю к этому, что в данном случае — как и во многих других — меня удивляло и весьма удру-

чало отсутствие среди записанных в уставе общества благих намерений первостепенной, на мой взгляд, задачи — уничтожения рабства. В целом же план, принятый обществом, явно отличался неопытностью, незрелостью и даже каким-то ребячеством, мне вовсе не понравившимся. Тем не менее я решил, что не могу последовать примеру своего друга-поэта. Я полагал, что всякий честный человек обязан отбросить малосущественные соображения и, невзирая на личные неудобства и даже опасности, по мере сил содействовать всякому полезному и гуманному начинанию. Пробел, о котором я сказал выше, способствовал моему согласию участвовать в обществе, ибо я тотчас же задумал обратить внимание других членов на освобождение крепостных. Я тут же объявил об этом своему собеседнику и, вняв его словам о том, что и он, и его друзья сердечно страдают несчастным русским крепостным, я почувствовал, как душа моя преисполнилась сладостной надежды увидеть, как дело, бывшее предметом моих постоянных забот, сдвинется с мертвой точки.

Принимая во внимание безобидный и несерьезный характер общества, именовавшего себя тайным, объяснение причин, побудивших меня вступить в него, может показаться излишним. Но если бы мне пришлось рассуждать об этом предмете вообще, я бы сказал, что всякого рода тайные общества меня всегда скорее отталкивали, нежели привлекали. И это происходило не потому, что я считал всяческую таинственность заслуживающей порицания: в таком случае следовало бы осуждать природу, втайне готовящую зарождение всего, что живет и растет на земном шаре; просто в глубине души я был убежден в бессилии любых тайных обществ достичь поставленной цели*.

Тем не менее надо сказать, что в такой стране, как Россия, возникновение тайных обществ, пожалуй, неизбежно. Только человек, там живший, знает, какие трудности встают здесь на пути того, кто хочет выразить свои мысли. Тот, кто желает говорить свободно и при этом не подвергать себя опасности, вынужден не только делать это в узком кругу, но и тщательно выбирать лиц, этот круг составляющих. Лишь при таком условии возможен искренний обмен мнениями. Именно возможность открыто, не боясь быть превратно понятым или истолкованным, говорить не только о политике, но и о любых вопросах, составляла невыразимую прелесть наших собраний. Наш язык, который, несмотря на все свое богатство и красоту, нес отпечаток несправедливого общественного строя, как оказалось, мог быть легко приспособлен для выражения истины, идей свободы и человеческого достоинства. Излагая мысли благородные и возвышенные, он сам становился благороднее.

Ошибочно было бы предполагать, что участники тайных собраний занимались исключительно составлением заговоров: об этом вовсе не было речи. Если кто-либо из участников и помышлял о заговоре, то вскоре он убеждался, что таковой в принципе невозможен. Обыкновенно собрание начинали с жалоб на бессилие общества предпринять что-либо серьезное. Затем беседа переходила на политику в целом, на положение страны, на угнетавшие ее беды, на пожирающие ее злоупотребления, наконец на ее будущее, ибо даже у России может быть лучшее будущее, пусть и очень отдаленное. Затем делался обзор европейских событий и с радостью приветствовали успехи цивилизованных стран

---

* См. в конце книги примечание E о тайных обществах.

на пути к свободе. Наши собрания были теми редкими минутами, когда я жил жизнью того, кто осознал свое предназначение и желал исполнить его, общался с людьми, согретыми разумным и бескорыстным энтузиазмом, заставлявшим их добиваться счастья для себя подобных.

Поэтому неудивительно, что участники тайных обществ, придерживаясь свободного образа мыслей, на публике тоже говорили так, как думали. И мысли свои они обычно выражали достойно, без страха не угодить одним, вызвать неудовольствие других или же скомпрометировать себя в глазах властей*. Они и писали бы точно так же, если бы им это было дозволено. И разве их вина, что в глазах испорченных и тупых людей призыв к соблюдению принципов морали был равнозначен призывам разрушительным и безрассудным? Разве они повинны в том, что голос истины и справедливости, подобно голосу свободы, пугал глубоко невежественных и эгоистичных приверженцев *status quo*? Однако настанет час, когда и эти злые консерваторы примут сторону свободы, когда сама власть покорится ей: в Сибирь можно сослать людей, но не идеи.

Вступив в Союз благоденствия, я обнаружил, что он никак не организован. Устав говорил о распределении членов по различным отделениям, каждое из которых должно было заниматься своими задачами; он также гласил, что руководство обществом будет вверено верховному совету и т. д. На самом деле ничего этого не было. Члены союза, бывшие близкими знакомыми или друзьями, вполне естественно искали общества друг друга; я также иногда виделся с теми, с кем встречался и раньше. Руководителями были или считались большей частью самые давние члены общества. Посредником между ними и остальными участниками, почти исключительно гвардейскими офицерами и литераторами, служил секретарь. Юноши, обуреваемые жадой деятельности, не переставали через секретаря требовать указаний, что им делать, жаловались на вынужденное бездействие и упрекали вождей в недостатке рвения. Растерянность последних, не знавших, что отвечать на подобные требования, равнялась пылкости первых. Видя, с одной стороны, потребность в действии, а с другой — невозможность ее удовлетворить, я решил обратить внимание общества на печальное положение крепостных; а так как никто не сомневался в несправедливости рабства, я предлагал каждому члену взять на себя обязательство немедленно сделать все от него зависящее, чтобы сперва заклеить крепостное право, а затем содействовать его уничтожению.

«Каждый из вас, — говорил я им, — владеет или будет владеть крепостными; если вы уже владеете ими, немедленно отпустите на волю дворовых и примите меры к освобождению крестьян, обратившись к правительству, ибо это разрешено законом. Таким образом, не

* Вспоминая некоторые речи, отчасти достойные порицания, отчасти же необдуманные и случайные, а также те, которые составитель донесения Следственной комиссии смог бы использовать или извратить ради вашего успеха принятой им системы обвинения, я понимаю, что речи эти произносились лицами, не участвовавшими в тайных обществах. Как-то раз, когда мы были у N, вошел его брат. Застав нас за чтением какой-то книги, он сказал нам своим обычным шутивным тоном: «Конспирируйте, конспирируйте, я в это не мешаюсь. Но когда понадобится помощь, — прибавил он, вытягивая свою мощную, словно у Геркулеса, руку и сжимая кулак, — можете рассчитывать на меня». Мы расхохотались от этой неожиданной выходки, но такие слова, произнесенные человеком, носящим одно имя с деятельным участником общества, вполне могли навести на определенные мысли. Однако лучшим доказательством того, что слова совершенно ничего не значили, служит тот факт, что человек, их произнесший, оказал, как говорят, важные услуги правительству в ходе военного восстания 1825 года⁷⁵.

только несколькими рабами станет меньше, но и власть, и общество увидят, что помещики, пользующиеся всеобщим уважением, сами хотят освобождения крепостных. Тогда идея крепостного права получит силу и умы начнут привыкать к ней». Желая подкрепить свою проповедь примером, я прибавил, что готов дать своим слугам вольную, и тотчас это сделал*. Мое предложение было принято, но результат далеко не отвечал моим желаниям.

В другой раз, заметив, что некоторые члены общества нуждаются в политическом образовании, я посоветовал им читать и изучать различные старые и современные труды, казавшиеся мне особенно подходящими для развития и упорядочения взглядов молодых людей. Среди прочего я рекомендовал им только что появившееся сочинение, которое, по моему мнению, могло внушить здравые и верные понятия по бесчисленному множеству политических вопросов: то были Комментарии к Филанжиери, напечатанные Бенжаменом Констаном. Первая часть, полученная нами в Петербурге, казалось, словно нарочно была составлена для достижения моей цели. Достали несколько экземпляров, и многие молодые участники общества прочли и изучили их с истинно похвальным усердием⁷⁶.

Я был слишком поглощен проблемой рабства и не имел возможности уделять много времени вопросам политической свободы и конституций. Меня, пожалуй, даже можно упрекнуть в равнодушии — впрочем, не столько к этим проблемам, сколько к спорам по этому поводу. У меня, разумеется, были свои соображения о политическом строе, народном представительстве, свободе печати, равенстве перед законом, устройении законодательной, исполнительной и судебной власти; я готов был действовать и даже пожертвовать собой, чтобы добиться учреждений, способных обеспечить эти великие ценности, — но сначала надо было уничтожить рабство. Пока же оно существовало, я думал исключительно об этом величайшем зле, искоренить которое требовалось как можно скорее.

Так что мое равнодушие к политическим проблемам было относительным — вернее, по моему мнению, все они зависели от решения вопроса об освобождении крепостных.

Когда, беседуя с человеком, я убеждался, что он стремится к политической свободе без освобождения крепостных, меня охватывало безмерное негодование, и я начинал говорить так, что некоторым казалось, будто я защищаю абсолютизм. При общении с молодыми людьми мне почти всегда удавалось убедить их в своей правоте, но с людьми пожилыми, достигшими вершины общественной пирамиды и в той или иной степени пропитанными аристократическими предрассудками и мечтавшими прежде всего о палате пэров в России, мне приходилось спорить страстно и даже ожесточенно; именно в этих спорах я договаривался до утверждения, что в стране, где царит рабство, наилучшим строем является самодержавие.

Мои противники часто попадали в преувеличение, доходя до абсурда. Лучший из них, почтенный адмирал Мордвинов, не постеснялся сказать (правда, не мне, передо мною ему было бы неловко), что первой необходимостью для России является богатая и могу-

* Не могу не привести здесь слова, с которыми обратился ко мне один из них. «Я неплохо служил вам до сих пор, — сказал он, — отныне же я буду служить во сто крат лучше». И он сдержал свое обещание. Примеров того, сколь несправедлива часто повторяемая максима о том, что рабы, когда им хорошо платят и хорошо их содержат, не желают свободы, можно привести тысячи; это только один из них. Скажу также, что все без исключения слуги остались у нас и служили нам по-прежнему, а мы, как и до их освобождения, обращались с ними как с людьми свободными.

щественная аристократия, для чего императору следовало бы разделить все казенные земли империи между знатнейшими родами и сформировать из представителей этих родов палату пэров или лордов, которая могла бы играть важную роль в организации управления страной и в принятии конституции⁷⁷. Подобная аристократическая слепота возмущала меня гораздо больше, нежели резкие и странные заявления иных энтузиастов.

Через некоторое время, видя, что в обществе все идет по-прежнему, то есть движения нет никакого, я задумал издавать журнал, или, вернее, ежемесячное обозрение⁷⁸. Среди нас были люди достаточно образованные и талантливые; они вполне могли бы стать сотрудниками такого издания. Сам я продолжал писать по разным политическим вопросам: из-под моего пера выходил то очерк о законодательстве и администрации, основанный на заметках, сделанных когда-то при слушании лекций профессора Сарториуса⁷⁹, то очерк по уголовному праву, где я использовал знания, полученные из курса профессора Геде в Геттингене⁸⁰. Издание этих работ казалось мне полезным, своевременным и способным привлечь внимание общественности к излагаемым в них предметам; те, кто пожелал бы глубже вникнуть в эти вопросы, мог прочесть сочинения, на которые я всегда ссылался.

Более всего я желал помещать в задуманном мною журнале статьи, посвященные уголовному законодательству и суду присяжных. Я потратил много времени и сил на изучение суда присяжных и даже посвятил ему почти оконченное сочинение, где постарался показать все преимущества этого установления. Мне также хотелось высветить громадные, бесчисленные недостатки письменной судебной процедуры и доказать крайнюю необходимость принятия в русских судах устного производства. Трудясь над статьями на эту тему, я пользовался главным образом сочинениями знаменитого профессора Миттермайера, который, по моему мнению, глубоко изучил проблему, критически сопоставил французский и английский методы судопроизводства, а также счастливо сочетал глубокие знания с замечательной ясностью мысли. Если в России когда-либо будет начата судебная реформа, то осуществлять ее было бы лучше всего под руководством Миттермайера.

Собрав у себя нескольких членов общества и ряд не имевших к нему никакого отношения людей, я предложил им издавать такой журнал. Идея была одобрена; каждый взял на себя тот или иной предмет; для некоторых задача оказалась непосильной, но многие представили хорошие, весьма полезные статьи, несомненно производившие отрадное впечатление. Но этот проект, это благое намерение разделило судьбу многих ему подобных, которыми, как говорит португальская поговорка, *вымощен ад*: все ограничилось словами. Думаю, это было последнее усилие общества или, скорее, одного из его членов, имевшее целью выход из оцепенения: иные, конечно, сетовали, но большинство легко с этим мирилось. Мало-помалу собрания прекратились, и у прежних членов Союза благоденствия едва ли остались и воспоминания о единстве. Впрочем, собрания всегда были редки, и, если не считать тех, которые я созывал в связи с журналом, сам я присутствовал, вероятно, только на трех или четырех.

Точное число членов общества определить никогда не удавалось. Многие из вступивших вскоре его покидали. Когда вступал я, мне сказали, что в общество входит более двухсот человек, но большинство из них давно уже потеряло связь друг с другом, равно как

---

* См. примечание F в конце книги.

и с основателями. Оставшиеся члены находились в Санкт-Петербурге, где их было больше всего, в Москве, где они равным счетом ничего не делали, и в Тульчине, где располагалась штаб-квартира второй армии. Уверяли, что там общество действовало более активно, но на самом деле в Тульчине действий было не больше, чем в Петербурге.

И вот когда общество фактически прекратило свое существование, в Петербург* приехал один из его московских членов. Он заявил нам, что пребывать в неопределенном положении, когда никто толком не может сказать, существует еще общество или уже нет, нельзя; члены общества, рассеянные по стране, лишены возможности общения между собой и бездействуют; следовательно, общество нужно либо распустить, либо восстановить на новых началах. Таково было мнение московских членов⁸¹. Возразить было нечего. Само предложение и форма, в какой оно было сделано, доказывали между прочим, что общества фактически уже нет. Сговорились собраться зимой в Москве и пригласить туда нескольких человек из второй армии. У меня в Москве были личные дела, поэтому я пообещал приехать⁸². В условленное время туда прибыло около двадцати членов общества из разных уголков страны. Мы часто собирались, и вспоминая об этих встречах, я считаю их счастливейшими в моей духовной жизни. Эти краткие минуты позволяли мне находиться среди людей, которых я считаю и всегда буду считать существами добродетельными, одушевленными самыми чистыми намерениями, самой похвальной готовностью жертвовать собой ради ближних. Конечно, не все были достойны таких похвал, но ведь совершенство крайне редко встречается на земле.

После прений, продолжавшихся почти три недели, мы признали невозможным достичь чего-либо положительного с помощью тайных обществ, и, несмотря на протесты некоторых членов, настаивавших на реорганизации или создании нового общества, Союз благоденствия был объявлен распущенным⁸³.

В Донесении Следственной комиссии по этому поводу утверждается, что именно я, как председатель, объявил о роспуске общества. Мне смешон тот пафос, с которым здесь говорится о моем председательстве; я вообще не могу понять тех намеков, на основании которых моему имени и моей личности пытались придать особое значение в работе тайного общества. По словам тех, кто жаждал моего осуждения, моя роль была столь значительна, что некоторые вступали в общество только потому, что среди имен его участников они находили мое имя. Возможно, эта ложь выгодна людям, стремившимся, за недостатком веских улик, найти предлог и погубить меня; но я ищу только истины и придерживаюсь только ее, рискуя присоединиться к благородной толпе осужденных в 1826 году и отвергая лестный ореол вождя заговора, которым дикая и бессмысленная ненависть желала во что бы то ни стало окружить меня. Я не был председателем просто потому, что на наших собраниях вообще не бывало председателя; когда же прения становились шумными или беспорядочными, кого-нибудь просили взять на себя руководство ведением собрания. Действительно, это часто поручалось мне; так было и на последнем собрании, где приняли решение о роспуске общества.

Решая распустить общество, некоторые его члены руководствовались исключительно внутренним убеждением в его бесполезности. Другие к тому же опасались, что прави-

* Зимой 1820/21 года.

тельство, скорее всего уже осведомленное о существовании общества, велело вести наблюдение за его членами, собравшимися тогда в Москве. Основания для подобных опасений были. Различные обстоятельства подтверждали, что императору было не только известно о существовании в России тайных обществ, но он знал и фамилии многих их участников. Некоторые высокопоставленные чиновники иногда проговаривались об этом в минуты раздражения, и у нас не было сомнений в верности этих сведений. Однако мы сохраняли полное спокойствие⁸⁴. Мы были убеждены, что никому не внушаем страха; одни воспринимали это равнодушно, другие — с некоторым огорчением, но мы, как и все не принадлежавшие к нам, чувствовали, что правительство, видимо, преувеличивает важность общества. Генерал N, возвращавшийся из Петербурга на Кавказ, чтобы снова принять там командование армией, будучи проездом в Москве, сказал некоторым из нас: «Государь знает, зачем вы здесь собрались, но он уверен, что организация ваша весьма многочисленна; если бы он знал, что вас так мало, то, может быть, решился бы сыграть с вами какую-нибудь скверную шутку»⁸⁵. Этот генерал часто виделся с императором в Петербурге, считал его способным питать подобные замыслы и полагал, что тот не приводит их в исполнение только из страха, что придется иметь дело с большим числом людей. Я, со своей стороны, тоже знал о всевозможных фантастических предположениях императора и о его вере в существование заговоров. Мне было ведомо, что различные обстоятельства, сами по себе незначительные, могли внушить ему вполне серьезные опасения. Так, например, большое впечатление произвела на него найденная однажды на площади возле дворца бумага, в которой какой-то шутник, забавляясь, перечислял жалобы русского народа, недовольного правительством, и угрожал монарху народным гневом. Также я знал, что государь подозревает меня, именно меня, в крайних мнениях. Но это, как мне казалось, не давало оснований превратить меня в жертву произвола или тирании с его стороны — прежде всего потому, что я чрезвычайно высоко его ценил, а кроме того, в глубине души был убежден, что наше общество — к счастью или к несчастью — несколько не заслуживало гонений.

Вот еще доказательство того, что правительство наблюдало за нами. Генерал Михаил Орлов, находившийся тогда в Москве, с самого начала объявил о своем решении выйти из нашего общества. Вскоре он сказал нам, что получил от своего брата, адъютанта императора, письмо, где тот высказывал некоторые соображения о наших собраниях; весьма вероятно, его решению о выходе способствовали именно эти соображения⁸⁶.

Вскоре мы вновь обнаружили тайную слежку правительства за нашими собраниями. Мы открыли подписку в пользу несчастных крестьян Смоленской губернии, где тогда свирепствовал голод; подписка эта не имела к обществу никакого отношения. Некоторые из нас сообщили об этой подписке московскому генерал-губернатору, и он тотчас обещал нам свое содействие. Другие написали своим друзьям в Петербург, желая побудить их открыть такую же подписку. Однако в столице наш призыв был понят и оценен иначе: вместо просимой помощи мы получили совет не вмешиваться в это дело, московским властям также были посланы соответствующие инструкции; и все это потому, что инициатива подписки исходила от лиц, находившихся на подозрении у правительства⁸⁷.

Тем не менее, повторяю, надзор над нами, в сущности, не беспокоил большинство членов общества и практически не оказал влияния на его роспуск. Действительно, отчего у нас

могли возникнуть дурные предчувствия и страх? Члены общества не нравились тем, кто расходился с ними во взглядах; но они об этом давно знали, и тайное общество было создано именно для поиска лекарства от тех зол, с которыми охотно мирились их противники. Участники общества привыкли к неприязни, даже к ненависти тех, чьи мнения и принципы были противны их собственным. Имея давних врагов, они уже не удивлялись и не боялись их враждебного отношения в силу привычки. Тщетность и бесплодность всех попыток деятельности общества привела их к убеждению, что она не дает и не может дать ни хороших, ни дурных результатов; вследствие этого отношение правительства их никоим образом не тревожило. Они знали, что правительство никогда не сможет предъявить им каких-либо обвинений по той простой причине, что для этого не имелось никаких поводов, ибо общество никак себя не проявило. Если не в чем было упрекнуть сам союз, то в чем же тогда можно было с достаточным основанием упрекнуть участников союза?

Эти люди ошиблись, жестоко ошиблись, и последующие события это убедительно доказали; но пока, с одной стороны, существуют люди, одушевленные благами намерениями, а с другой — поборники неправды, благородные души всегда будут ошибаться.

Особенно отмечу, что в обществе господствовали самые строгие моральные принципы. Потребность действовать, скука от оцепенения, в которое оно было погружено, побуждали одного из членов решиться на провокационное, вернее, двусмысленное предложение; но оно тотчас же было отвергнуто большинством голосов. *Цель*, всегда говорили мы, *не оправдывает средства*⁸⁸. Принцип, согласно которому цель не оправдывала средств, противоречил взглядам даже тех, кто, видя, как всякое успешное начинание встречает на своем пути непреодолимые трудности, пытался побудить нас принять за правило соискание членами общества государственных должностей, дабы, занимая влиятельные посты, они могли действовать более плодотворно. Быть может, впоследствии скажут, что, руководствуясь подобными правилами, общество само обрекло себя на бессилие. Не спорю; но таковы были его принципы, и это подтверждает мое мнение о бесполезности подобных обществ.

Чтобы познакомить отсутствовавших членов общества с мотивами его роспуска и взглядами тех, кто принял это решение, было постановлено изложить все вышеуказанное в записке, редакция которой была поручена мне. Насколько я помню, в ней я постарался объяснить, что при существующем в России порядке общественного блага можно достичь лишь путем личных усилий; Впрочем, ничто не мешает человеку, одушевленному лучшими намерениями, прийти к согласию с одним или двумя своими друзьями и пытаться способствовать любым мерам, какие он сочтет полезными для общества; с этой целью можно даже открыто воздействовать на умы тех, с кем имеешь дело. Так как мысль об освобождении крепостных крестьян занимала меня по-прежнему, то я подчеркивал благотворные результаты тех случаев, когда отдельные помещики отпускали на волю своих крестьян. Ввиду того что подобные действия не было ни нужды, ни пользы, ни даже возможности держать в тайне, я, естественно, доказывал, что деятельность тайного общества, отнюдь не будучи условием успеха, могла даже в чем-то повредить благотельным реформам. Вот в каком духе была составлена моя записка⁸⁹.

С нее были сняты четыре копии и разосланы в те места, где находились некоторые члены только что распущенного общества. Одну из них я привез в Петербург и показал своим товарищам. Одни посчитали записку неудовлетворительной; нашлись такие, кто,

откликаясь на настойчивые просьбы лиц, желавших во что бы то ни стало принадлежать к какому-нибудь тайному обществу, попросили меня показать им записку. Уступая их настояниям, я передал им ее. Впоследствии эту записку, по-видимому, сочли настоящей программой.

С этого времени я более не числил себя членом какого-либо тайного общества. Идеи же, которые я считал и по-прежнему считаю справедливыми, я распространял только лично, в отношении других ограничиваясь советами.

Один из членов распущенного общества, сообразно этим советам, решил освободить своих крепостных. Для этого он совершил все предписанные законом шаги. Но так как местные власти отнеслись к его намерению достаточно враждебно, он приехал в Петербург, желая удостовериться, не будет ли министр внутренних дел более благосклонен и не поможет ли ему в его благородном начинании. Несмотря на все его усилия, к которым присоединился и я, план потерпел неудачу из-за враждебного отношения к нему властей, как крупных, так и мелких⁹⁰.

Я же, состоя на государственной службе, часто получал возможность освободить не только отдельное лицо, но даже целую крестьянскую общину; ни одной из таких возможностей я не упустил и, представляя дела на рассмотрение Государственного совета, всегда добивался успеха. Тогда же мне приходилось составлять докладные записки для императора и законопроекты для Государственного совета, в которых я также высказывался в пользу освобождения крестьян.

Вспоминая заседания департамента, где я исполнял обязанности статс-секретаря, должен сказать, что заседания эти иногда напоминали мне собрания Союза благоденствия. В ходе разбора дел, которые я докладывал, часто завязывались разговоры на политические темы. Особенно частыми и оживленными были мои беседы с председателем департамента, почтенным адмиралом Мордвиновым, и с графом Потоцким, одним из членов. Для меня главной и неисчерпаемой темой всегда было освобождение крепостных. Добрый адмирал не придавал должного значения огромному злу рабства. Он хотел политической свободы, а главное — создания верхней палаты, сплочения аристократии; он с благородным и горячим негодованием восставал против безграничной императорской власти. Я же говорил, что готов мириться с такой властью, пока не освобождены крестьяне, лишь бы она была употреблена во благо, то есть для избавления страны от чудовищного угнетения человека человеком. «Нет, — возражал адмирал, — надо начинать с трона, а не с крепостных; пословица гласит, что лестницу метут сверху». На это я отвечал: «Пожалуйста! Мегите, если можете! Но ведь вы не можете; поэтому работайте над освобождением крестьян, ибо это в вашей власти. Вы владеете крепостными, постарайтесь освободить их. Раз нельзя сделать все сразу, неужели похвально вовсе ничего не делать?» Но мои аргументы не действовали на адмирала. Он был честным, добрым, просвещенным, наконец, цивилизованным человеком, и все же рабство, как я думаю, не вызывало в нем должного возмущения. Но если бы правительство всерьез захотело освободить крестьян, он, по моему глубокому убеждению, всемерно бы ему содействовал⁹¹. Со своеобразной незлобивостью и добротой он нередко подтрунивал над моим рвением, направленным в защиту крепостных. «По-вашему, — говорил он мне, — все рабы святые, а все помещики тираны». «Почти», — отвечал я ему вполне серьезно.

Иногда разговор заходил о теориях политической экономии, любимой науки адмирала, основательно им изученной. Порой во время этих бесед обсуждались произведения иностранной литературы; тогда к нам присоединялся граф Потоцкий. Он был чрезвычайно образован, читал все и на всех языках. Однажды в числе других новинок он принес нам стихотворение Байрона «The age of bronze». Я прочел его во время заседания. Государственный совет собирался тогда в императорском дворце, в двух шагах от кабинета императора. Интересно, что сказал бы государь, узнав, что всего лишь одна стена отделяет его от советников, забавляющихся чтением сатиры, в которой, как известно, поэт его не пощадил⁹². Это к вопросу о бесплодности цензурных запретов!

Я начал свою службу в Государственном совете с департамента, ведавшего экономическими вопросами; в нем обсуждались все финансовые дела. Члены департамента постоянно пребывали в оппозиции к министру финансов⁹³, поэтому представленные им проекты почти всегда подвергались критике или даже отклонялись. На *пленуме*, или на общем собрании Государственного совета, большинство голосов было на стороне оппозиции. Партию, враждебную мерам и системе министра, возглавлял адмирал Мордвинов. Министр же, насколько возможно, избегал присутствовать на дебатах в Совете, ибо сознавал свою неспособность бороться с адмиралом, соединявшим глубокие познания в экономической науке с изумительным красноречием и удивительным талантом излагать свои мысли. Адмирал часто сам писал доклады по финансовым вопросам. Его записки, отличавшиеся ясностью изложения, а также правильностью, эмоциональностью и образностью стиля, выделялись среди прочих. За неимением газет, где можно было бы публиковать *мнения* адмирала, представленные и зачитанные им в Государственном совете, с них снимались сотни копий и распространялись среди публики. Некоторые из этих *мнений*, или *голосов*, как их называют в России, завоевали ему вполне заслуженную известность и популярность. В своих выступлениях на общих собраниях Совета он выражал достаточно умеренные идеи, однако изящная форма нисколько не умаляла ни их значимости, ни силы их воздействия на слушателей. Мягкость характера соединялась у него с главенством разума, и он неуклонно следовал правилу, рекомендовавшему сочетать умеренность и силу: *Suaviter in modo, fortiter in re*^{*}.

Однако, несмотря на бесспорную поддержку большинства в Государственном совете, а также общественного мнения (насколько влияние последнего вообще возможно в России), адмиралу суждено было пасть в борьбе со своим противником, который в качестве министра финансов имел большое влияние на императора. Главный довод этого министра всегда был один: «Если вы мне откажете в таком-то новом налоге или в принятии такой-то меры, то я не смогу удовлетворить требования военного министерства для поддержания армии в ее нынешнем состоянии». Вероятно, он прибегал к тому же средству и в разговоре с императором, для которого подобный аргумент, разумеется, должен был быть решающим. Борьба между Государственным советом и министром финансов могла по причине поддержки императором последнего привести лишь к изъятию из ведения Совета важнейших финансовых дел. Так в конце концов и случилось. Собираясь предло-

^{*} По существу дела — твердо, по способам — мягко (*лат.*).

жить какое-либо непопулярное новшество, министр представлял его прямо на утверждение государя и вносил в Совет уже получившим монаршее одобрение. Таким образом, функции Государственного совета почти целиком свелись к простой регистрации указов по финансовой части.

Борьба эта повлекла за собой и иные последствия. Видя тщетность своих усилий, от дел Департамента экономии отстранились наиболее знающие его члены, и когда адмирал, его председатель, испросил отпуск для поездки за границу, этим воспользовались, чтобы сместить его. Вместо него был назначен граф Головин, старый друг министра финансов. Некогда при дворе были весьма к нему расположены; но поскольку он не обладал достаточной гибкостью и не сумел сохранить эту благосклонность, он оказался в отдалении от двора, и потому друзья покинули его. В России, теряя монаршую милость, теряют все, и прежде всего привязанность лиц, живущих в атмосфере высшего света. Но в то время, о котором я говорю, граф снова вошел в милость у государя.

Граф Головин был далеко не столь просвещенным и образованным, как его предшественник; это был знатный вельможа, со всеми достоинствами и недостатками людей своего круга. Тем не менее он постоянно твердил о своей независимости и твердом решении поступать только по совести. Думаю, что его намерения были действительно благими, а сам он был чужд холопства. Приступая к исполнению новых обязанностей, он оказался в довольно затруднительном положении, ибо не был так искушен в делах, как старый адмирал. Он был невысокого мнения о своих коллегам; к тому же самые знающие из них оставили Департамент экономии и были заменены другими; мне, как он сам потом признался, он доверять не решался, считая, что я предан прежнему председателю, коего он не любил. Однако вскоре он пришел ко мне, осыпал меня комплиментами, уверениями в дружеском своем расположении и заявил, что полностью полагается на меня. Знатный вельможа, он тем не менее при возникновении первого же серьезного дела, которое нам предстояло решить, откровенно признался мне, что мало в нем смыслит и поэтому сделает так, как я скажу. «Бог вас накажет, если вы меня подведете, — сказал он. — Ответственность за мое мнение и голосование ложится на вас». «Согласен, — ответил я, — доверяйте мне и дальше, и вы никогда в этом не раскаетесь, все пойдет как нельзя лучше».

Действительно, текущие дела шли по-прежнему. Важнейшие же решения — по бюджету, новой организации финансов, введению новых налогов и т. д., как и раньше, вносились в Совет уже решенными, то есть одобренными императором.

Граф Головин не ограничился встречами со мною в Совете; он пожелал непременно ввести меня к себе в дом, что было нелегко, ибо в то время я жил особенно уединенно, почти не поддерживая немногие светские знакомства. Однако он добился своего, чуть ли не силой уведя меня однажды после заседания Совета к себе обедать. Граф был, как я уже сказал, истинный вельможа, каковых к тому времени в России оставались уже считанные единицы. Полагаю, его дом был тогда единственным, где постоянно держали открытый стол. Подобно древним боярам, граф не приглашал обедать в определенный день; он просто говорил: «У меня обедают в таком-то часу». Каждый день ставили двенадцать приборов, по числу гостей, коих всегда принимали чрезвычайно радушно. На графской кухне царил французский шеф-повар, еда подавалась изысканная, вина превосходные; всего было в избытке и самого лучшего качества.

Во время моей службы в Государственном совете министр финансов через своего зятя, графа Нессельроде предложил мне вступить в его министерство. Меня уже приглашали туда после моего первого возвращения в Россию*. Графу Нессельроде я был известен: после удаления г-на фон Штейна от дел я, исполняя данное мне в Германии поручение, направлял ему доклады о результатах погашения платежей; он представлял их императору, а затем сообщал мне высочайшие решения. Всегда, когда мне приходилось иметь с ним дело, он проявлял ко мне исключительное расположение. Когда он поведал мне о горячем желании тестя видеть меня на службе в его министерстве, я, вполне естественно, ответил ему, что готов принять предложенное место, ибо политическая экономия и финансы всегда были главным предметом моих занятий. Он говорил со мной о должности директора канцелярии по кредитной части, где велись дела, связанные с кредитом внутренним и внешним.

На следующий день граф сообщил, что министр просит меня прийти к нему и будет меня ждать. Я явился на этот зов. У меня не было никакого предубеждения против министра финансов, я все еще помнил хороший прием, оказанный мне им после моего первого возвращения из-за границы. Но министр, по-видимому, полагал, что я затаил к нему неприязнь, и, когда я вошел, он встал, обнял меня и, расчувствовавшись, заявил, что пора забыть прошлое. Я ответил, что мне решительно нечего забывать. Он рассказал мне о текущей работе канцелярии, подробно остановившись на тех особенно важных делах, которые он попросил меня взять на себя. Мое назначение было утверждено императором, и я тотчас же приступил к исполнению своих обязанностей⁹².

На первом свидании с министром финансов я заметил, что при моем появлении он читал — или делал вид, что читает, — номер «Минервы», крайне интересной в ту пору благодаря статьям Бенжамена Констана⁹³. Я считал подобного рода чтение вполне естественным даже для русского министра. Теперь, вспоминая различные эпизоды тех времен, я склонен думать, что министр не столько читал «Минерву», сколько желал показать мне, что в часы досуга читает подобные издания.

Сколько раз высокопоставленные лица, с которыми меня сводил случай, произносили в моем присутствии увлекавшие меня речи! Один восхвалял конституции свободных стран, другой с негодованием говорил о крепостном праве, и оба они тотчас снискивали мои симпатии... Однажды некий вельможа, с которым я не был лично знаком, узнав, что я осуждаю его решение продать одно из своих поместий, а вместе с землей и людей, счел своим долгом оправдаться передо мной, написав мне письмо на четырех листах, в котором доказывал, что не мог поступить иначе. Потом он пришел ко мне объясняться.

А вот еще похожий эпизод. Аристократ, честный и благородный человек, сумевший сохранить достоинство, исполняя после Тильзитского мира труднейшую обязанность по-

* По прибытии в Петербург в 1812 году я был назначен секретарем ученого комитета. Главным в нем был профессор политической экономии, во всем послушный министру и поддерживавший все его нововведения, часто роковые для казны. Кроме него в состав комитета входили бывший профессор политической экономии университета в Галле, приглашенный для занятия профессорской кафедры в один из русских университетов, и еще один человек. Немецкий профессор был теоретиком, великим знатоком своей науки и, несомненно, мог быть полезен своими знаниями, если бы их умели приспособить к делу. Другой член комитета без устали работал над массой проектов; его шарлатанство решительно не понравилось мне с самого начала, и я при каждом удобном случае давал ему это понять⁹⁴. Он пожаловался министру, пожелавшему примирить нас; но я тем временем уже был прикомандирован к г-ну фон Штейну.

сланника при Наполеоне, граф Т...⁹⁷, разговаривая со мной в 1815 году в Нанси о Хартии, куда было внесено новое, полезное положение о едином кабинете министров, принялся хвалить представительный строй и выразил желание дожить до того времени, когда благодетельный конституционный порядок избавит наконец нашу страну от абсолютизма и произвола, так долго в ней господствовавших. Я не забыл ни его слов, показавшихся мне искренними, ни его самого, ибо всегда питал к нему величайшее уважение и истинную симпатию. Но впоследствии он запятнал свое имя, став одним из судей в процессе 1826 года! Так что же прикажете думать о строе, при котором даже такие почтенные люди, сами того не подозревая, становятся причастными к величайшим низостям?

Столь же сильно поразил меня и великий князь Константин, который рассказывал мне о том, как надо обращаться с солдатами. Случай свел меня с ним в Карлсбаде. Вместе со всеми остальными русскими я отправился поздравить его с прибытием. Впервые я видел его вблизи, но его репутация делала для меня этот визит довольно тягостным. Не имея под рукой солдат для муштры, он, должно быть, очень скучал в Карлсбаде, куда приехал из-за здоровья жены. По вечерам, когда я обыкновенно сживал на скамье возле своего дома, великий князь иногда подсаживался ко мне. В конце концов беседы наши приняли достаточно откровенный характер, насколько, разумеется, позволяла разница наших положений, и я был приятно изумлен, обнаружив, что в частных разговорах вся его запальчивость исчезает, а ее место занимает умеренность и рассудительность. Он, несомненно, был умен. Удивление наше друг другом было взаимным, ибо он, как мне сказывали, был весьма рад познакомиться со мной и убедиться, что я вовсе не такой страшный революционер, как он предполагал. Правда, впоследствии он изменил свое мнение и в 1826 году весьма сожалел, что меня не повесили!⁹⁸

Что означала эта вежливость, это желание нравиться? Думаю, это было просто следствием привычки и придворной жизни. Те, кто долго жил в дворцовой атмосфере, естественно стараются нравиться, когда это их ни к чему не обязывает. Может быть, таким образом дурные страсти лицемерно отдают должное противоположным чувствам, а эгоизм платит дань бескорыстию. Когда голос совести заставляет придворных признать величие идей свободы, достоинства и чести, они открыто признают это только в разговорах с людьми, в которых предполагают любовь и преклонение перед этими идеалами.

Но вернемся ко мне в канцелярию. Под моим началом состояло сорок чиновников. Часть их занималась делами по кредиту и финансам, которые правительство вело за границей; другие — внутренним кредитом. В то время зарождалась еще одна форма внутреннего кредита: то были ссуды, данные правительством в разное время частным лицам по личному распоряжению императора. В делах об этих ссудах тогда царила величайшая неразбериха. Чтобы привести их в порядок, решили объединить их в одном ведомстве и тем по возможности ускорить возврат кредитов. Сделав нечто вроде реестра долгов, составивших сто с лишним миллионов рублей, я занялся возвращением в казну недоимок и прочих сумм, по закону подлежавших возврату; однако добиться этого было почти невозможно. Должники, воспользовавшись доверием императора для получения ссуд, сохраняли его и таким образом избавляли себя от необходимости возвращать долги. В других случаях ссуды давались с нелепой целью поощрить устройство фабрики или мануфактуры, а фабриканты, как час-

то бывает, разорялись на своих предприятиях; в таких случаях казалось слишком жестоко взыскивать с них потерянные суммы. Самыми аккуратными должниками, точнее всего выполнявшими свои обязательства, были крестьяне, которым император выдал ссуд на четыре или пять миллионов рублей для выкупа из крепостной зависимости.

Несмотря на очевидные потери казны, просьбы о ссудах и разрешения на их выдачу не прекращались. При всем своем влиянии министр ничего не мог с этим поделать. Просители обращались напрямую к императору, а он никогда не умел отказывать. Так, при мне князю Р...му⁹⁹, бывшему посланнику в Вене и представителю России на различных конгрессах, было отпущено из казны несколько миллионов под залог его поместий, стоимость которых далеко не покрывала взятую ссуду. Но по крайней мере в этом случае было откровенно оговорено, что проценты будут выплачены, а капитал возвращен только после смерти заемщика.

Однажды мне довелось сделать весьма любопытные наблюдения о том, как составляются прошения о ссудах. Помню, как-то раз я в канцелярии получил два письма от некоей знатной дамы: одно было адресовано императору, другое — министру. Дама просила о ссуде в два миллиона рублей для уплаты долгов мужа, генерал-адъютанта императора. Письмо к императору было исполнено чувством собственного достоинства, присущим этой даме, она его нисколько не скрывала; письмо же министру, напротив, было написано в сверхпочтительных, даже униженных выражениях. Будучи женщиной умной, ловкая просительница писала каждому в тоне, сулившем ей выгоду.

В числе сумм, проходивших через мою канцелярию, были и те, которые Франция выплачивала тогда союзным державам в счет военной контрибуции. Министр всегда внимательно следил за сроками этих платежей. Это был незапланированный источник дохода; при разумном ведении хозяйства его следовало бы использовать для каких-либо экстренных расходов и непременно с пользой для общества или же, как поступила Австрия, направить его на возмещение военных издержек*. Меж тем я с прискорбием наблюдал, как эти дополнительные суммы тратились на покрытие текущих расходов, как ими затыкали дыры в бюджете, проделанные по прихоти или же от безумной привычки швыряться деньгами. Значительная часть этих денег пошла на покупку в Англии сукна для обмундирования императорской гвардии; еще одна часть была истрачена на организацию, или, вернее, придание внешнего блеска армии Царства Польского и городу Варшаве. В целом русская казна ежегодно вносила на эти цели в польскую казну семнадцать миллионов. Поэтому я предвидел, сколь трудно будет министру удовлетворять все требования императора, когда из Франции перестанут притекать деньги. И я не ошибся: одной из причин падения министра была медлительность при доставке миллионов в губернии, охваченные голодом, точнее, невозможность с должной быстротой исполнить это желание императора.

Вскоре после моего вступления в Министерство финансов министр попросил меня заняться составлением проекта правил взимания косвенных налогов и гербового сбора,

* Основная часть фонда погашения (50 миллионов флоринов), предназначенного для уплаты государственного долга Австрии, состояла из сумм, выплаченных Францией по договорам 1815 года; австрийское правительство с самого начала сознательно употребляло французские деньги на пополнение этого фонда.

которые он давно желал изменить. Это вовсе не входило в ведение моей канцелярии, но именно для таких работ меня и держали в Министерстве финансов. Для этого министр снабдил меня разнообразными сведениями по нужным предметам, собранными во многих странах, рядом сочинений, посвященных этой части государственного дохода и даже набросками проектов. Я принялся за дело¹⁰⁰. Материалы, переданные мне министром, были несомненно полезны, особенно в том, что касалось собственно России, но вскоре я убедился, что наиболее существенные мысли для своего труда мне следует черпать из французского законодательства. И я принялся добросовестнейшим образом изучать его. Тексты французских законов столь точны и ясны, что те, кому в России приходится заниматься переустройством различных частей административного механизма или законодательства, предпочитают заимствовать опыт Франции, а не Германии. Конечно, Германия, как и Франция, могла бы дать русским хорошие образцы для подражания, но немецкая форма изложения не так увлекательна, проста и легка для усвоения, как французская. Даже сами немцы, привлеченные к законодательному труду русским правительством, предпочитали, как и мы, французские источники.

Труд этот очень утомил меня и отчасти расстроил мое здоровье; но, располагая большим числом чиновников для разысканий и наведения справок, я, несмотря на объем работы, смог за короткое время довести ее до конца. Больше всего бессонных ночей, напряженных размышлений и забот стоила мне одна из глав устава: мне претило своей рукой писать возмущавшие меня гнусные слова без всякой надежды, что труд мой будет иметь какие-либо практические результаты. Вот в чем суть дела.

Ценность помещичьих земель определяется в России по числу прикрепленных к ним крестьян*. Учитывается, конечно, и количество земли, и приносимый ею или возможный доход от нее; но эти цифры присутствуют только при расчете продавца с покупателем. Кроме того, при исчислении дохода цену имения обычно определяют по количеству душ, повышая или понижая ее в зависимости от количества и качества земель и общей доходности имения. Таким образом, вместо того чтобы сказать, что помещик имеет такой-то доход, в России говорят: помещик владеет таким-то количеством душ. Казенные банки, выдавая кредиты землевладельцам, следуют той же системе: они ссужают под залог недвижимости по столько-то рублей *на душу*. Не имея возможности искоренить это чудовищное зло, я, однако, не хотел оставлять его в сочиненном мною уставе, испытывая угрызения совести при одной лишь мысли о внесении этого позорного выражения в свой проект. Мне хотелось, чтобы переходящую из рук в руки собственность оценивали по ее действительной стоимости, определяемой прежде всего землей, приносимым ею доходом, а не населяющими ее людьми. Чтобы покончить с оценкой имений на основании количества *душ*, сделать ее совершенно излишней, я хотел положить в основу определения цены владения своего рода кадастр или, точнее, арбитражную оценку, устанавливаемую не правительством, а по возможности на местах: соседями, жителями волости, уезда, губернии, — словом, согласно местным условиям. Нет нужды говорить, что в России пока нельзя серьезно думать о введении *кадастра* в том виде, в каком он существует в других странах.

* В то время закон определял стоимость души в 400 рублей; подать была установлена в четыре рубля на душу.

Точное определение стоимости поместий, как мне казалось, вскоре должно было стать чрезвычайно важным во многих отношениях. Самой неотложной из всех финансовых реформ в России было, несомненно, уничтожение подушной подати и замена ее уплатой налога на землю; первой заботой министра финансов должна была стать замена подушной подати поземельным налогом, и ничто так не облегчило бы проведение этой замены, как точное установление истинной стоимости имений.

Чтобы добиться этих разнообразных преимуществ, я стал искать способы заинтересовать в их успехе самих помещиков. Я хотел, чтобы они поняли: им самим выгодно оценивать имения по их действительной стоимости, и не только на случай перехода земли в другие руки, но и ради иных целей.

Согласно моему проекту, во всех губернских городах учреждались *оценочные комитеты*, состоящие из представителей землевладельцев. Правительство должно было направлять в них только своих комиссаров, или прокуроров, для наблюдения за правильностью производимых операций. Впрочем, во многих случаях эти операции могли производиться собираемыми каждые три года собраниями землевладельцев от уездов или от главных городов губернии.

Мне хотелось, чтобы владельца недвижимости никто не заставлял производить изначальную ее оценку, чтобы он сам пожелал обратиться в комитет и, представив ему все необходимые документы, попросил оценить свое имение, а в случае надобности произвести экспертизу, чтобы он мог принять участие в обсуждении и, наконец, высказать свое мнение по поводу цены, установленной согласно новой процедуре. Многие помещики закладывают свои земли в казенные банки, но при этом вынуждены соблюдать многочисленные и обременительные формальности; помещиков, согласившихся оценить свои земли, я освобождал бы от этого, требуя у них лишь удостоверение, выданное оценочным комитетом, с указанием действительной стоимости имения. При этом помещик не только освобождался бы от лишних трат и утомительной волокиты, связанной с соблюдением теперешних правил, но, кроме того, мог бы получать в случае займа более крупную сумму: при определении ценности земель число душ служило показателем крайне ненадежным, и поэтому банки, желая оградить себя от возможных убытков, вынуждены были сильно снижать размер ссуды *на душу*. Таким образом, если, с одной стороны, помещик при продаже своего имения продолжал находить выгоду в занижении его действительной оценки, так как это уменьшало пошлины при оформлении сделки, то, с другой стороны, намереваясь сделать заем в казенном банке, он только выигрывал бы от более высокой оценки. А так как случаи займа в банках по меньшей мере столь же часты, как и случаи продажи, то не следовало ожидать, что в целом оценки будут ниже действительной стоимости имений. К тому же со временем на основании этих оценок можно было бы также распределять и поземельные налоги, а, следовательно, установление разумной системы оценки отвечало интересам всех землевладельцев.

Период, на протяжении которого оценка имения по вновь установленным правилам сохраняла бы свою силу и значимость, по моему мнению, должен был быть не менее пятнадцати, но и не более двадцати пяти лет.

Как это обычно случается, чем дольше я работал над проектом кадастровой реформы, тем больше обнаруживал новых способов упорядочения и улучшения финансового

положения страны. Мне даже показалось, что, после того как ценность всех имений в империи будет постепенно определена, можно будет с успехом ввести налог на собственность или же подоходный налог, который во всех странах с выгодой для налоговых служб и налогоплательщиков заменяет все прочие хлопотные и разорительные сборы, значительная часть которых поглощается расходами на их же взимание.

Для упрощения перехода от подушной подати к поземельному налогу на первых порах можно было бы сразу определить общую сумму этого налога для каждой губернии исходя из сумм подушной подати. Допустим, данная губерния платит миллион рублей подушной подати; вместо того чтобы взимать этот миллион по числу душ, можно распределить его между населенными имениями по их стоимости, признанной оценочным комитетом; его платили бы те, кто до сих пор вносил подушную подать. Землевладельцы, не принадлежащие к дворянству, коих, впрочем, немного, могли бы оценивать свои земли так же, как помещики из дворян. Для крестьян, живущих на казенных землях, оценку делали бы делегаты или чиновники, управляющие этими землями, а за соблюдением крестьянских интересов следили бы прокурор и казенная палата. Плательщиков же подушной подати, живущих в городах, как и собственно горожан, можно было бы без труда обложить другим налогом, например патентным сбором, равным отмененной подушной подати.

Если бы налог, взимаемый в настоящее время казной в форме подушной подати, распределялся так, как я предлагал, он был бы гораздо менее обременителен. Новый способ распределения налогов легко поддается совершенствованию, а существующий тип налогообложения по душам изменить к лучшему невозможно. С течением времени поземельный налог мог бы даже возрасти до такой цифры, какой никогда не достигала подушная подать. Нищета беднейших плательщиков устанавливает предел увеличения подушной подати, в том числе и с тех, кто легко мог бы увеличение это выдержать.

Помимо преимуществ, понятных каждому, предлагаемое преобразование обещало также и другие важные выгоды, вытекающие из местных условий. Так, уничтожение подушной подати облегчило бы передвижение отдельных лиц, ибо при настоящем порядке вещей земледельцы, лично обязанные платить подати, сталкиваются с большими препятствиями, когда хотят покинуть родной очаг и отправиться на заработки в места иные. Кроме того — и это особенно важно, — уничтожение подушной подати устранило бы одно из могущественнейших препятствий для свершения великого дела освобождения крестьян.

Я не сомневался, что все нововведения, предложенные мной по поводу устава о косвенном налоге и гербовом сборе, покажутся так называемым практикам утопией, а быть может, и чем-то еще более ужасным; поэтому я старался изложить свои идеи в как можно более простой и легкой для исполнения форме, со всевозможными оговорками, продиктованными обычаями страны. Мою задачу облегчало существование муниципального законодательства Екатерины II, к сожалению, не сыгравшего той важной роли, которую оно могло бы иметь.

С особым тщанием я разрабатывал ту часть проекта, где шла речь о реформах гербового сбора и косвенных налогов; составляя ее, я был убежден, что тружусь ради священного для меня принципа, и, возможно, поэтому глава сия особенно разрослась и равнялась почти трети всего проекта. В целом заверченный труд состоял из двух частей: в первой содержался перечень облагаемых налогами предметов и суммы этих налогов; во

второй определялся способ взимания налогов, а также формулировались инструкции, вручаемые вновь образуемым административным органам. С некоторых пор в России все новые законопроекты составлялись по такой форме.

Представляя министру свой проект, я предупредил его, что не заполнил параграфа, где, согласно существующему положению вещей, должна была идти речь о стоимости крепостных душ; я попросил, чтобы этот параграф излагался тем, кому это поручит министр, и так как он сочтет нужным, прибавив, что у меня для составления данного параграфа подготовлена особая записка. И тут же представил ему эту записку. Министр, желавший добиться положительных результатов, выразил свое удовлетворение при виде главного проекта, но, очевидно, не вполне понял мотивы, побудившие меня сделать к нему дополнение.

Не надеясь, что дополнению будет дан ход, и не придавая большого значения главному проекту, составленному, по сути, исключительно с целью пополнения доходов казны, я более не думал ни о первом, ни о втором. Но из разговора с одним чиновником министерства я узнал, что министр и ему поручил составить проект устава о гербовом сборе и косвенных налогах, отдав для ознакомления все предшествующие проекты по этому вопросу, в том числе и мой. В это же самое время я узнал, что министр уже обсуждает мой проект с некоторыми из своих приближенных; мое авторское самолюбие было уязвлено. Между тем, поручая мне эту работу, министр обещал, что по окончании она будет рассмотрена *в моем присутствии* тремя или четырьмя его советниками, имена которых он мне назвал. Убедившись, что он начал рассмотрение, не предупредив меня, я счел его поступок нарушением данного мне слова. У меня не было никаких оснований считать, что министр дурно ко мне расположен; не исключено, что он, стремясь наилучшим образом исполнить порученное ему дело, последовательно доверял его разным лицам, так как сам не имел ни времени, ни необходимых знаний для самостоятельной оценки проекта. Впрочем, я не был в курсе того, что происходило в его кабинете: раз в неделю я приносил министру на подпись бумаги своей канцелярии или виделся с ним в тех случаях, когда возникали некоторые спешные дела. С многочисленными же чиновниками из его канцелярий у меня не было ничего общего, следовательно, о каких-либо внеслужебных отношениях не могло быть и речи; у них были свои принципы, свои способы действовать, а у меня свои. Как бы то ни было, я усмотрел в поступке министра если не личное оскорбление, то, во всяком случае, изрядное легкомыслие. И при первой же встрече с ним, по окончании обычного доклада, подал ему прошение об отставке¹⁰¹. Он, казалось, удивился и даже начал протестовать, но вскоре, овладев собой и согнав с лица подмеченное мной выражение досады, спросил, не работа ли в Государственном совете мешает мне служить в Министерстве финансов. Я ответил отрицательно. Более он не стал расспрашивать меня о причинах такого решения, а я счел ниже своего достоинства сообщать их ему, раз он не задает вопросов. «Хорошо, — сказал он, — я пошлю ваше прошение императору». Я расстался с ним, и на сей раз навсегда.

Публика не могла объяснить себе моего шага. Чиновники не понимали, как я мог с легким сердцем бросить место при самом могущественном из министров, который, не забывая себя, помнил и о подчиненных, осыпая приближенных к нему чиновников наградами и милостями государя; охотников на такое место было немало. Узнав об истинной причине моей отставки, граф Нессельроде заявил, что министр вовсе не имел наме-

рения действовать мне назло; не догадываясь о подлинных причинах моего поступка, он усмотрел в нем всего лишь высокомерие и, в свою очередь, также решил проявить гордость. Еще он прибавил, что виноваты во всем чиновники, начавшие рассмотрение моего проекта: они были обязаны предупредить министра о начале работы и о необходимости моего при этом присутствия.

Я покидал Министерство финансов без особого удовольствия. В материальном отношении я, бесспорно, крупно проиграл. Но, будучи человеком долга, я всегда ревностно, с величайшим усердием и аккуратностью исполнял свои служебные обязанности, в рамках которых предпочитал поддерживать и свои отношения с начальством. Поэтому я вскоре заметил, что мои начальники больше нуждались во мне, чем я в них. Не слишком требовательный, иногда даже излишне мягкосердечный по отношению к подчиненным, я хотел, чтобы мои начальники относились ко мне с тем уважением и вниманием, коего я, как мне казалось, заслуживал. В этом вопросе я никогда не делал никакой уступки: никогда не терпел ни от одного из начальников ни малейшего порицания, ни единого недовольного взгляда.

Как уже было сказано, я не без сожалений оставил службу в Министерстве финансов, но всю пагубность последствий этого поступка я, разумеется, предвидеть не мог. Министр, как и все министры финансов в самодержавных государствах, пользовался безграничным доверием императора; кроме того, он занимал высокое положение в том слое общества, который называется высшим светом. Его дом был одним из первых в Петербурге; всякий день там собирались придворные, дипломаты, высшие чиновники. Его жена, которая всемерно поддерживала влияние мужа, была своего рода властью, не признавая которой можно было навлечь на себя опасности. Его дочь, бывшая замужем за графом Нессельроде, пользовалась влиянием не только в светском обществе, но и в иных сферах.

В России, где все совершается закулисно и при помощи интриг, где солнце гласности освещает лишь результаты, но никогда не высвечивает пути, к ним ведущие, репутация человека зависит не столько от него самого, сколько от тех, кто берется ему эту репутацию сделать. Не отрицаю, мое поведение в обществе давало достаточно оснований для того, чтобы выставить меня либералом, радеющим за крепостных крестьян, но выдавать меня за неистового якобинца я никаких поводов не давал. Тем не менее вопреки фактам меня изобразили именно якобинцем, и услугой этой я обязан главным образом женской половине семейств обоих министров.

Некое обстоятельство возбудило их ненависть, и с тех пор семья министра финансов неустанно меня преследовала. При одном лишь упоминании обо мне их придворный патриотизм начинал извергаться, словно вулкан¹⁰². Если верить их словам, я был самым опасным среди всех прочих революционеров. Вот какое обстоятельство навлекло на меня их вражду.

Через некоторое время после моего ухода из Министерства финансов проект гербового сбора и косвенных налогов был представлен в Государственный совет. Я поспешил предупредить председателя и членов департамента, где этот проект должен был рассматриваться, что не могу ни докладывать о нем, ни каким-либо образом участвовать в его обсуждении. При этом я объяснил им, что побудило меня оставить министерство, и, предвидя, что проект министра не встретит в департаменте благоприятного приема — в част-

ности, со стороны его председателя адмирала Мордвинова*, — объявил также, что не смогу принять участия в его критическом обсуждении, ибо он основан почти на тех же принципах, что и мой собственный. Действительно, министерский проект в основе своей не отличался от разработанного мною; лишь тарифные ставки были выше, предметы, облагаемые пошлиной, многочисленнее, а требования к взиманию налогов строже; добавлен был также ряд фискальных мер, придуманных последним редактором. Именно эти добавления вызвали резкую критику членов Государственного совета. Нечего и говорить, что параграф, который я не стал заполнять, был написан без труда, а о моем дополнении к проекту не было и речи.

Г-н Мордвинов прекрасно понял причину моего отказа и объявил, что берет на себя доклад по делу. После нескольких заседаний, во время которых проект был зачитан и — довольно поверхностно — рассмотрен, было решено его отвергнуть. В докладе, или, как говорят в России, *журнале департамента*, где было выражено обоснованное мнение его членов, проект был отвергнут во всех частях¹⁰³. Адмирал не мог в принципе возражать против гербового сбора и пошлин при оформлении сделок, ибо они уже существовали, но он горячо критиковал чрезмерное увеличение налога, распространение налогообложения на предметы, до сих пор этому не подлежащие, и особенно способ взимания платы, в некоторых случаях совершенно возмутительный. Не ограничившись критикой собственно проекта, он подверг нападкам всю систему управления финансами, установленную министром; выступление его было ярким и убедительным. Слушая его доклад, нельзя было не восхищаться этим кротким, почтенным старцем, который, исполнившись благородного негодования, страстно восстал против министра, чья бездарность была пагубна для интересов государства. Другие члены департамента поддержали Мордвинова. Только граф Потоцкий, найдя, что в своей критике адмирал зашел слишком далеко, не пожелал подвергать себя неприятностям, которые могли обрушиться на департамент, и представил особое мнение; стараясь смягчить критику финансовой системы в целом, он тем не менее отверг проект за статьи, излишне ужесточающие его фискальный характер. Его записка была составлена на французском языке; граф Потоцкий попросил меня перевести ее на русский, дабы приложить ее к протоколу; но я, не желая никак вмешиваться в это дело, счел своим долгом отказать ему в сей маленькой услуге.

Наступил день обсуждения проекта на заседании общего собрания Совета, куда был приглашен и министр; уклониться от этого он не смог. Статс-секретарь или же исполняющий его обязанности должен был зачитать перед членами Совета донесение или протоколы департамента, при котором он состоял. Мне было нетрудно попросить одного из коллег заменить меня в этот раз; однако, довольный тем, что мне удалось сохранить полный нейтралитет при рассмотрении проекта в департаменте, я не хотел создавать впечатления, будто я в присутствии министра боюсь зачитать едкую критику в адрес его управления. Итак, я прочел доклад. После чтения, во время которого министру было явно не по себе, он взял слово и не столько по неспособности, сколько из-за обуревавшего его гнева произнес две-три бессвязные фразы. Тем не менее, завершая свою речь, он не преминул обрушиться

* Адмирал Мордвинов был в это время председателем Департамента гражданских дел. Проект был рассмотрен двумя департаментами — только что названным и Департаментом государственной экономии.

на революционные принципы, неудержимо расплзающиеся по Европе, отчего существует необходимость постоянно содержать многочисленную армию, и содержать на должном уровне, для чего необходимы дополнительные средства. Я хорошо понял, в чей адрес была направлена эта реакционная тирада, но, не имея голоса в Совете, не мог надлежащим образом ответить на нее. Однако я был далек от предположения, что министр может счесть меня виновником отклонения его проекта; мне казалось, что все, а он более чем кто-либо, были лучшего мнения обо мне. Но, как я расскажу далее, дело обстояло совершенно иначе. Как только министр кончил говорить, то есть выдавливать из себя нечто невнятное, ибо даже последнюю свою фразу он не завершил, адмирал Мордвинов взял слово и в речи, исполненной мудрости и умеренности, прибавил несколько соображений, развивающих мнение департамента. Приступили к голосованию. Проект был отвергнут большинством голосов.

Министр вернулся к себе разъяренный и обрушился на Государственный совет. «Я знаю, — сказал он, — виновника всего этого. Это Тургенев. Он своими интригами добился отклонения проекта. Он и написал доклад». Один из чиновников (по крайней мере, мне так сказали), прочтя протокол, без труда узнал стиль адмирала и попытался убедить в этом министра. Но усилия его были напрасны. Видимо, министру было удобнее обрушить свой гнев на меня, нежели затевать войну с большинством Совета и с адмиралом, хотя он прекрасно знал о глубокой антипатии последнего и к своей особе, и к своей системе управления.

В соответствующем свете дело было представлено императору. Через несколько дней в Государственном совете был получен суровый рескрипт самодержца, осуждавшего Совет за безоговорочное неприятие проекта министра. Одновременно император повелевал создать особый комитет, состоящий из министра финансов, генерала Аракчеева, государственного контролера, Сперанского и других членов, не входивших в состав Совета. Этот комитет должен был изыскать новые источники доходов для казны. Насколько я помню, отвергнутый проект был передан на его рассмотрение и впоследствии получил силу закона. Этот закон вызвал большое недовольство, и в конце концов его пришлось изменить¹⁰⁴.

Объявляя, таким образом, выговор всему Государственному совету, император приказал государственному секретарю, который докладывал ему о положении дел Совета, передать мне, что «он весьма недоволен мною, и хотя он терпелив, но и его можно довести до крайности». Когда мне передали эти слова, я ответил, что незамедлительно объясню свое поведение в особой записке, докажу его безупречность, и заранее попросил своего собеседника представить эту записку императору. Через два дня записка была подана¹⁰⁵. Не знаю, какое впечатление она произвела на императора; во всяком случае, вскоре после этого нашелся предлог, чтобы перевести меня в другой департамент, а именно гражданских и уголовных дел.

Суда по множеству дел, в нем рассматривавшихся, вверенный моему руководству департамент имел важнейшее значение. В принципе окончательные решения по гражданским и уголовным делам должны были выноситься в Сенате, или же, сопровождаемые его запиской, передаваться министром юстиции на утверждение императору. Согласно новому устройству Совета, дела, требовавшие истолкования текста закона, равно как и те, что не находили формального разрешения в существующем законодательстве, должны были поступать в Государственный совет. В соответствии с этим было взято за правило,

что решения Государственного совета имеют силу закона. Правило это могло бы оказаться очень полезным, но оно, как и все другие, установленные при переустройстве Совета, не соблюдалось. Правительство, в свое время пожелавшее превратить Государственный совет в постоянное и размеренно функционирующее учреждение, куда на рассмотрение поступали бы все важнейшие дела империи и откуда исходили бы все законодательные акты, видимо, очень скоро стало тяготиться таким учреждением, которое было наделено возможностью ограничивать произвол министров и вносить некоторый порядок в ведение государственных дел. Сначала из-под контроля Совета было выведено Военное министерство, для которого в Совете был создан особый департамент; затем наступил черед финансового ведомства, дела которого, однако, довольно долго продолжали поступать на рассмотрение в Государственный совет, но в конце концов, как мы видели, также были изъяты из сферы его полномочий.

Общее законодательство, для которого в Совете имелся свой департамент, почти никогда не обеспечивало его достаточным количеством работы. Таким образом, оставались только гражданские и уголовные дела; их зато было в избытке. Все дела, прежде представлявшиеся министром юстиции непосредственно императору, мало-помалу стали передавать на предварительное рассмотрение в Государственный совет.

По окончании своего отпуска адмирал Мордвинов, как я уже сказал, был назначен председателем департамента гражданских и уголовных дел, и я снова оказался в служебных отношениях с этим почтенным человеком. Однако вскоре он был заменен князем Куракиным, братом прежнего русского посланника при Наполеоне. Человек этот был полной противоположностью адмиралу. Насколько последний был просвещен и милосерден, настолько князь был необразован, жесток и недоступен никаким человеческим чувствам, что не могло не сказаться на решении уголовных дел. Однако от природы он был умен и обладал учтивыми светскими манерами; впрочем, я никогда не замечал в нем сколько-нибудь возвышенных чувств.

При смене начальства со мной случилось то, что происходит обычно с искренними и трудолюбивыми людьми. Новый председатель, как и его предшественники, столь отличавшиеся от него, отнесся ко мне с полным доверием, и в конце концов я стал отлично с ним ладить. В его пользу меня прежде всего располагало то обстоятельство, что, когда разбирались тяжбы между крепостными, добивавшимися освобождения, и их помещиками, он всегда выносил решение, отвечавшее моим чаяниям. Во всех без исключения подобных тяжбах председатель Куракин высказывался за освобождение крестьян, даже когда в комитете никто не поддерживал его. Тогда я составлял для него *мнение*, или особую записку для голосования, где его точка зрения разъяснялась для участников общего собрания Совета. Сторонники освобождения крестьян были там пока еще в меньшинстве. Но когда резолюция Совета вместе с мнением князя Куракина поступала к императору, последний неизменно решал дело в пользу несчастных крепостных, поддерживая, таким образом, правоту меньшинства.

Эти успехи чрезвычайно льстили самолюбию председателя. Он никогда не упускал случая обратить мое внимание на разочарование некоторых членов большинства и никогда не забывал подчеркнуть мою роль в своей победе. Решения императора, конечно, доставляли мне большое удовольствие; но я предпочел бы, чтобы их выносили с подачи

адмирала Мордвинова, а не князя Куракина, ибо этот последний поддерживал освобождение крестьян только из желания угодить императору; даже в добрых поступках князя сказывался царедворец.

Для тех, кто ставил под вопрос искренность желания Александра уничтожить рабство у себя в империи, пример старого царедворца, всегда голосовавшего в пользу освобождения крестьян, хотя это и противоречило его убеждениям, должен был рассеять всяческие сомнения. Из всех членов комитета сей постоянный поборник освобождения был, бесспорно, наиболее далек от каких-либо либеральных идей, равно как и от сочувствия несчастному простому народу. Характер подталкивал его к укреплению ярма рабства, но придворный брал верх над человеком*.

Я же, едва только речь заходила об освобождении крепостных, даже не помышлял согласовывать свое решение с законодательством, как это бывало в иных случаях; для меня этот вопрос всегда был решен заранее, и мне оставалось только отыскать в обширном арсенале существующих законов такие, с помощью которых я лучше всего мог бы обосновать свое мнение в пользу освобождения крестьян. Я всегда был на своем посту, и никто из крестьян, добивавшихся свободы, не проигрывал процесса. Иногда мне даже удавалось изменять предшествующие решения комитета, препятствовавшие делу освобождения.

Здесь мне вновь следует отдать справедливость столь часто упоминаемому мной почтенному старцу. При вступлении в должность я нашел в комитете гражданских дел несколько таких решений, уже подписанных и предназначенных к представлению в общее собрание Совета; среди подписей я заметил имя адмирала Мордвинова. Но мне легко удалось убедить адмирала, что он ошибся, отказывая несчастным, добивавшимся свободы. Когда я представлял дело на рассмотрение *пленума*, он встал, признал свою ошибку, назвал того, кто открыл ему на нее глаза, и в конечном итоге высказался за решение, противоположное тому, которое он отстаивал сначала. Подобные объяснения, приводимые с благородной откровенностью, всегда убеждали большинство Совета, и дело несчастных крепостных оказывалось выигранным.

Нет нужды объяснять, почему в вопросах освобождения крестьян я стремился прежде всего достичь своей цели, а уж потом подыскивал какой-нибудь закон или указ, применимый к обстоятельствам дела. Конечно, «нет противоправного права», но в России такой *рациональный* способ ведения процессов может оказаться очень полезным при разборе разного рода дел. Один из самых просвещенных и опытных членов Государственного совета, граф Потоцкий, сказал мне однажды, что сам принял за правило в гражданских делах решать *a priori*, какая из двух сторон права. Разрешив вопрос согласно голосу совести, он начинал искать законы, на которые мог бы опереться для обоснования своего мнения. Тот, кому известно, какой запутанный лабиринт представляет собой русское законодательство, поймет, что это, может быть, самый надежный способ ошибаться как можно реже.

Чисто гражданские дела или тяжбы, проходившие через мой департамент, были многочисленны и нередко затрагивали весьма важные интересы. Я не помню, чтобы в делах подобного рода мне приходилось спорить с князем Куракиным или преодолевать его сопротивление. Он был генерал-прокурором в царствование императора Павла; пост этот

---

* См. примечание G в конце книги.

до создания министерств соответствовал должности министра юстиции и председателя Совета; потом он почти всегда занимал верхние ступени служебной лестницы и даже бывал министром внутренних дел. Поэтому он успел приобрести огромный опыт и навыки. И хотя дела гражданские интересовали меня гораздо меньше уголовных или тех, где речь шла о получении личной свободы, я тем не менее употреблял все силы, чтобы решения комитета принимались на основании принципов справедливости. Если председатель не ужесточал приговоры по уголовным делам, вынесенные Сенатом, то обычно выбирал самые суровые из предложенных. Когда я был не в состоянии преодолеть упрямство председателя, я обращался за поддержкой не только к другим членам комитета (которые иногда давали себя уговорить), но и к членам других комитетов; в таких случаях они на общих собраниях высказывались в пользу снисхождения*. Лучшими защитниками несчастных обвиняемых и здесь были адмирал Мордвинов и граф Потоцкий**, а при голосовании их поддерживал добрый и благородный князь Александр Салтыков**. Адмирал, чья душа всегда была исполнена милосердия и снисхождения, постоянно отстаивал мысль о том, что Государственный совет может, не роняя собственного достоинства, изменять решения Сената исключительно в сторону смягчения наказания, ибо ужесточать их было бы не только несправедливо, но и нелепо.

Принцип этот, сам по себе верный, допускал по моему мнению, одно исключение, и именно из-за него мне часто приходилось вступать в спор с адмиралом, не желавшим делать исключений ни для кого. Будь он менее добр и терпелив, он бы уже давно рассорился со мной, но с его характером он лишь мягко укорял меня за чрезмерное отвращение к крепостному праву. Теперь, вспоминая эти, иногда весьма бурные, споры, не могу не признать, что достопочтенный старец, возможно, был прав, а я ошибался. Он защищал справедливый и священный принцип; я же лишь преследовал гнуснейшее из преступлений. Вот те исключительные случаи, о которых я говорю.

Среди дел, поступавших в Совет, часто встречались уголовные процессы, возбужденные против владельцев крепостных за злоупотребление властью. Эти процессы вскрывали злодеяния столь чудовищные, что их едва можно вообразить. Во время предварительного следствия, равно как и при последующем разборе дела уголовными судами и Сенатом, у помещиков всегда было больше средств для самозащиты, чем у несчастных жертв — для доказательства справедливости своих жалоб. В Сенате дела подобного рода разбирались, конечно, более беспристрастно, чем в низших инстанциях; тем не менее приговоры обычно выносили по возможности наиболее благоприятные для помещиков. Министр юстиции, не слишком соответствовавший занимаемому им посту¹⁰⁶, тем не менее отличался добросовестностью и не щадил виновных. Когда эти дела приходили в комитет, я всегда склонялся к вынесению самых строгих приговоров. Адмирал, напротив, защищал даже тех, кто жестоко злоупотреблял властью, настолько гнусной по самой своей природе, что всякий порядочный человек с отвращением пользуется ею даже умеренно.

* Поверит ли читатель в то, что и среди членов Совета, и среди моих коллег находились лица, которых раздражали мои попытки спасти несчастных или смягчить грозившие им кары. «Пусть он сколько угодно пичкает своими теориями членов своего департамента, — говорили они, — но нельзя допускать, чтобы он оказывал влияние на голосование в общем собрании».

** См. примечание N в конце книги.

Именно в этих случаях г-н Мордвинов говорил мне, что для меня все крепостные — святые, а все господа — чудовища. Но это не мешало мне во время общих собраний Совета вербовать сторонников мнения, противоположного мнению адмирала. Однажды по моему настоянию один из членов Совета, генерал Канкрин, впоследствии ставший министром финансов, представил обоснование для пересмотра дела и возбуждения нового процесса против помещика, виновного в возмутительных по жестокости деяниях, избегнуть возмездия за которые ему удалось исключительно благодаря своему высокому положению в обществе (он был генералом в отставке). Император одобрил ходатайство генерала Канкрина, выступившего против всего Государственного совета.

Несмотря на то, что я не был членом Департамента законов, однажды мне было поручено представить для обсуждения в Государственный совет проект торгового устава¹⁰⁷; часть его уже была мною написана в бытность мою в Комиссии составления законов. Сперанский*, будучи членом Департамента законов, а главное, знатком во всем, что касалось законотворчества, очень хотел привлечь меня к участию в этом деле. Мы вместе составили для Совета доклад по этому проекту. Тогда я узнал мнение Сперанского о Государственном совете и о том, как в России должны приниматься законы. «Обсуждение в Совете, — говорил он мне, — всего лишь формальность. Сидящие в нем люди ничего не смыслят. Мы с вами сделаем все, что найдем нужным». Я не разделял ни презрения к Совету, некоторые члены которого по своей просвещенности и знаниям несколько не уступали этому интригану, ни, главным образом, его надменной самоуверенности. Я полагал обсуждение необходимым и полезным во многих отношениях. Мнения людей образованных и цивилизованных или же просто обладающих опытом государственной службы способствовали уяснению рассматриваемого вопроса, а в процессе обсуждения сами докладчики имели прекрасную возможность проверить правильность своих идей или получить новые. Обсуждение проекта торгового устава продолжалось в течение некоторого времени, но затем было приостановлено без всякого разумного основания.

Работа в департаменте вконец меня изнурила; здоровье мое, прежде столь крепкое, расшаталось. Мне пришлось задуматься о смене занятий. До вступления в этот департамент я на досуге занимался изучением вопроса о суде присяжных. Уголовные дела, проходившие тогда через мои руки, более чем когда-либо пробуждали во мне желание изменить уголовное судопроизводство в России. Продолжая посвящать этому труду редкие свободные минуты, остававшиеся после работы в Государственном совете, я, по-прежнему разбирая деятельность суда присяжных, задался целью написать нечто вроде теории уголовного следствия, развивая принципы и правила, кои, по моему мнению, необходимо соблюдать на всех стадиях следственного производства. На примере уголовного законодательства других стран я стремился раскрыть русскому читателю многочисленные и вопиющие недостатки соответствующих законоположений в нашей стране. По окончании этой работы я намеревался изложить устав уголовного судопроизводства, подобно тому как я уже частично разработал проект торгового устава. Мечта об этом занимала меня всецело. Все мои

---

* См. примечание I в конце книги.

штудии с той поры были посвящены исключительно этому вопросу. Но судьба не позволила мне довести до конца мои начинания.

Желая основательнее познакомиться с работой суда присяжных и уголовным судопроизводством вообще, я задумал поехать в Англию. Простая система английского судопроизводства казалась мне более подходящей для России, чем система французская, более упорядоченная, но сложная и требовавшая высокообразованных следователей. Случайно я узнал, что вскоре должно освободиться место русского генерального консула в Лондоне, и решил попытаться его занять, полагая, что так сумею наилучшим образом достичь своей цели¹⁰⁸. Не зная, каким путем следует действовать, чтобы получить это место, но, будучи убежден, что, прося о нем, я не подаю повода обвинить меня в нескромности или излишнем честолюбии, я рассказал о своем желании г-ну Сперанскому. Он посоветовал мне обратиться с прошением прямо к императору. Я последовал этому совету. В очень коротком письме я доводил до сведения императора, что вследствие плохого состояния здоровья мне необходимо удалиться от дел, которыми я был обременен, и сообщал, что, узнав о скором освобождении места генерального консула в Лондоне, прошу его величество назначить меня туда.

Через два дня я получил от графа Аракчеева приглашение явиться к нему. Он сказал, что получил приказание сообщить мне, что служба моя необходима в Государственном совете; что пост, о котором я прошу, не может быть предоставлен мне, ибо для меня он слишком ничтожен; что, наконец, император, хорошо зная мои труды и будучи очень доволен ими, знает также, что получаемый мною оклад недостаточен, а поэтому я могу просить у него все что угодно. «Его величество готов для вас на любые жертвы» — таково было выражение, употребленное графом Аракчевым, плохо владевшим как словом, так и пером. Я ответил на это, что, повинуюсь воле императора, останусь в Государственном совете, однако попросил графа сказать его величеству, что просил о месте генерального консула, а не о денежной награде¹⁰⁹. Через несколько дней в беседе с г-ном Сперанским император одобрительно отозвался о моем ответе, особенно о последней его части. Меня это не удивило: император не часто наталкивался на подобные отказы.

Итак, я с новым усердием принялся за дела, но по прошествии года увидел, что не в силах более заниматься ими. Доктора объявили мне, что если я по-прежнему буду так работать, то в конце концов надорвусь, и для восстановления расшатанного здоровья предписали мне карлсбадские воды. На этот раз я не писал императору, а попросил у начальства отпуск. Но, как и в первый раз, я получил от графа Аракчеева приглашение явиться к нему. От имени императора он объявил, что государь, зная о том, что мне необходимо ехать на воды, охотно дает мне просимый отпуск и, желая подтвердить свое благоволение, повышает меня в чине. Вдобавок император выделил мне денежное вознаграждение, приказав оплатить мои путевые издержки. Также за мной сохранялся оклад, соответствовавший посту, который я вынужден был на время оставить. Покончив с официальной частью, граф дружески обнял меня и сказал: «Император поручил мне взять с вас слово, что вы последуете совету, который он дает вам не как государь, но как христианин: будучи за границей, держитесь настороже. Вас тотчас окружают люди, замышляющие революции, они станут пытаться увлечь и вас. Не доверяйте этим людям и будьте осторожны». В ответ я лишь улыбнулся, хотя был тронут проявленным ко мне интересом и не сомневался в искренности данного мне совета¹¹⁰.

Я много говорил о тайных обществах, но нахожу нужным вернуться к ним. За время, проведенное мною в Петербурге, начиная с роспуска Союза благоденствия и до моего отъезда из столицы, я несколько раз слышал, что тайные общества продолжают существовать или, вернее, что идет работа над их созданием. Убедившись на собственном опыте в практически полной бесполезности подобных обществ, я не придавал этим слухам никакого значения, даже старался вовсе не обращать на них внимания. К тому же существующий в России порядок вещей исключает любую гласность, и самые безобидные собрания могли легко показаться предубежденным людям тайными обществами. Таким образом, литературные кружки, состоявшие из людей, неспособных заниматься ничем, кроме литературы, равно как и собрания в узком кругу, имевшие целью лишь дружескую и непринужденную болтовню, слыли среди публики тайными обществами. Я сам был членом одного литературного общества¹¹¹, которое вполне могли считать — а некоторые лица и впрямь считали — политическим. На заседания этого литературного общества я ходил гораздо чаще, чем на заседания Союза благоденствия. Прения и беседы, иногда выходявшие за рамки литературных дискуссий, могли дать столь честному и добросовестному человеку, как сочинитель Донесения Следственной комиссии¹¹², достаточно материала, чтобы извратить их и придать им значение политических дебатов. Действуя по избранному им методу, без труда можно было бы представить эти заседания точно в таком же свете, в каком он впоследствии представлял собрания Союза благоденствия, и сделать из этого точно такие же выводы. Чтобы дать верное понятие о собраниях Союза благоденствия, докладчику надо было вспомнить заседания того литературного общества, самым деятельным, а главное — самым болтливым членом которого он был.

Однако каждое из этих обществ запомнилось мне по-своему. Если заседания одного из них были проникнуты духом самоотвержения, жадной лучшей будущего, то собрания другого врезались мне в память только своей пустотой. Литературное общество было основано для нападков на приверженцев нашей древней словесности и их осмеяния. Каждый новый член при вступлении должен был произнести шутовскую похвальную речь в честь одного из членов Российской академии, главного пристанища литераторов старой школы. Это называлось *похоронить академика*. Я не был причастен к литературным спорам, так как долгое время находился за пределами России и, сообразуясь с собственными вкусами, предпочитал предметы серьезные; поэтому я не слишком интересовался тем, что происходило в этом обществе. Но все-таки мне доставляло удовольствие присутствовать на его заседаниях, ибо беседы не всегда вращались вокруг шуток. Однако должен признаться, что удовольствие это никогда не бывало полным, ибо я не мог полностью разделить ни критический дух, ни язвительные насмешки этих господ. Этот дух был особенно свойствен неистощимой болтовне человека, которому впоследствии было поручено составлять важное Донесение; вместо того чтобы руководствоваться исключительно соображениями справедливости, он предпочел излить в нем всю желчь, накопившуюся в его сердце.

К концу моего пребывания в Петербурге мой тогдашний друг, генерал Михаил Орлов, также вступил в это литературное общество. Но вместо того чтобы, согласно установленному обычаю, произнести шутовское надгробное слово одному из здравствующих академиком, он выступил с серьезной речью, где показал, что разумные люди лишь умаляют

свое достоинство, занимаясь пустяками и литературными распрями, в то время когда в стране имеется широкое поприще для приложения ума каждого, кто предан общему благу. Он заклинал своих новых собратьев оставить детские забавы и обратиться к предметам благородным и серьезным. Эта речь произвела впечатление, все почувствовали справедливость упреков и советов вновь вступавшего¹¹³. С тех пор легкомыслия и безрассудства поубавилось, но разумного и полезного больше не стало.

Своими подозрениями и мелочными мерами предосторожности правительство весьма способствовало укреплению слухов о тайных обществах; ему все казалось подозрительным. Когда в одном гвардейском полку, шефом которого был сам император, начались волнения, правительство приписало их деятельности какого-то мифического общества, в то время как подлинной причиной явились грубые и бестолковые действия полковника, назначенного новым командиром полка. Однако правительство не стало докапываться до истины, а предало военному суду двух офицеров, в чьих ротах недовольство вспыхнуло прежде всего, и осудило их не только без всяких доказательств, но даже без точного определения преступления или проступка, за который им был вынесен приговор. В действительности ни один из этих офицеров никогда не принадлежал ни к какому тайному обществу¹¹⁴.

Какому-то слепому англичанину приходит в голову мысль совершить кругосветное путешествие и выпустить в свет его описание. Он прибывает в Санкт-Петербург, едет по России, добирается до Сибири. Там его принимают за шпиона; вскоре из Петербурга приходит приказ выслать бедного путешественника за пределы государства¹¹⁵. В то время правительству казались подозрительными даже благочестивые протестантские миссионеры, отправлявшиеся нести свет слова Божия диким племенам: им не дозволили продолжить святое дело, которое они намеревались развивать в наиболее отдаленных и наименее цивилизованных уголках империи. Власть усмотрела в них эмиссаров европейского либерализма¹¹⁶.

Публика, со своей стороны, неизменно принимала видимость за действительность: это свойственно черни во всех странах. Сколько раз и прежде, и в то время можно было увидеть людей, обращавшихся к лицам, коих считали вождями тайных обществ, с настойчивой просьбой принять их туда! В армии офицеры низшего ранга обращались с этим к своему начальству; старые генералы искали покровительства у своих молодых подчиненных, дабы удостоиться той же чести. И хотя и тем и другим отвечали, что нет никаких тайных обществ, все было напрасно: умы с тревогой ожидали грядущих политических потрясений, все воображали, что готовятся какие-то великие перемены, и никто не хотел оставаться в стороне.

Большой недостаток тайных обществ состоит в том, что они возбуждают праздное любопытство. В этом, вероятно, виноваты не столько сами общества, сколько те лица, что судят о них по чаще всего придуманным и обманчивым внешним признакам; основная же вина, скорее всего, лежит на политическом строе, делающим тайные общества если не необходимыми, то, по крайней мере, неизбежными. Тем не менее это серьезное неудобство, и устранить его может только гласность: мужественная и открытая деятельность свободного человека полезнее для дела, чем хитрость и изворотливость раба.

В то время, о котором мы говорим, отдельные лица имели возможность действовать в разных направлениях, но это не приносило ни малейшего результата. Однако если бы существовала некая тайная организация, я наверняка знал бы о ней, ибо был знаком со

многими так называемыми либералами. Приведу еще одно доказательство, гораздо более убедительное, чем мое собственное свидетельство: это слова Пестеля, которого правительство осудило на гибель на эшафоте, но не потому, что он совершил некое политическое преступление, а потому, что его считали самым влиятельным из тех, кто по мнению властей должен был принимать участие в тайных обществах.

Когда я получил разрешение отправиться на воды, Пестель как раз находился в Петербурге. Придя повидаться со мной¹¹⁷, он с сожалением говорил о роспуске Союза благоденствия. «Мы (во второй армии), — сказал он мне, — не одобрили этот роспуск; он многих обескураживает... Нашу организацию считают сильной и многочисленной — пусть считают; по-моему, незачем развеивать это заблуждение. Но что стали бы говорить о нас, узнав, что все общество состоит не более чем из пяти-шести человек?» В заключение он посоветовал мне отказаться от путешествия или, по крайней мере, возвращаться как можно скорее, дабы вновь взяться за оставленное мною дело. «Я прекрасно понимаю, — сказал он мне, — что от прежнего общества ровным счетом ничего не осталось, но у нас, да и в других местах, продолжают верить в его существование; ваш отъезд ослабит эту веру». Тогда я объяснил ему, что состояние здоровья вынуждает меня отойти от дел, а затем высказал ему свое убеждение в бесполезности тайных обществ. Казалось, он согласился с моими доводами и даже отчасти признал мою правоту; словом, если он еще и говорил о тайных обществах, то, скорее, по привычке, чем из убеждения¹¹⁸.

Впрочем, его внимание было поглощено иным, а именно социальными теориями, выработанными им самим и некоторыми из его друзей. Пестель явно ожидал найти во мне нового прозелита; когда же этого не произошло, он изумился. Все изложенные им теории, усвоенные столькими людьми с пылкой фантазией, без сомнения, свидетельствуют о прекрасных намерениях, об энтузиазме, но не обещают никаких зримых результатов. Гениальность или ее подобие у новоявленного Фурье, рвение очередного Оуэна, утопии множества других вполне могут находить сторонников и возбуждать восторг немногих приверженцев, однако мечтам всех этих людей так и суждено остаться мечтами, хотя иногда судьба возносит их на вершину власти. Но даже если осуществить эти теории невозможно, они все же способны послужить человечеству, привлекая внимание и усилия серьезных умов к предметам, важность и общепольза которых иначе могли бы остаться незамеченными. Для выработки же практических теорий одной фантазии мало. Согласно одному из основных положений теории Пестеля и его друзей, следовало произвести своего рода обобществление земельной собственности, а затем верховная власть должна была установить порядок ее эксплуатации. Всем безземельным они предлагали предоставить право пользования обширными казенными землями¹¹⁹. Закон, изданный королевой Елизаветой, гарантировал всякому англичанину право, за неимением других средств к существованию, получать пропитание за счет налога в пользу бедных¹²⁰; они же хотели обеспечить удовлетворение потребностей каждого за счет отдачи ему в собственность или, скорее, в пользование определенного земельного участка.

Я усиленно пытался опровергнуть их доводы. Дело это было не из легких: некоторые теории опровергать трудно; бывают среди них столь нелепые, что к ним трудно даже подступиться. В конце концов я заметил, что Пестель и его друзья были более недовольны моим несогласием с их социальными теориями, чем моим мнением о тайных обществах.

Через несколько дней после получения от императора разрешения на отпуск и поездку за границу, а именно 24 апреля 1824 года, я покинул Петербург. По мере приближения к границе все, что проходило у меня перед глазами: поля, рощи, луга, — приобретало для меня какую-то особую прелесть; гнетущая тоска охватила меня; внутренний голос шептал мне, что я вижу это в последний раз.

Глава VII

Мое пребывание за границей с 1824 года

ПРЕКРАСНО ВОССТАНОВИВ СИЛЫ в Карлсбаде, я отправился на зиму в Италию и доехал до Сицилии. Эта чудесная страна и в особенности ее население живо интересовали меня. Каким бы мог стать сей остров с такими жителями при другом правительстве!

Летом 1825 года я вернулся в Германию, намереваясь провести еще несколько месяцев в Карлсбаде. В Дрездене я нашел письмо нового министра финансов, генерала Канкрина, назначенного на этот пост вскоре после моего отъезда. Я знал его плохо, только по встречам в Государственном совете. Накануне моего отъезда в Германию он пригласил меня к себе, но беседовал со мной лишь о предметах незначительных, не имевших отношения к службе. Однако другим он говорил, что рассчитывает на меня и что мое настоящее место в Министерстве финансов; один из его чиновников, заменивший меня в министерстве, а впоследствии занявший пост министра¹²¹, сказал мне, что г-н Канкрин хотел обсудить со мной меру, занимавшую и его, и всех европейских министров финансов с того времени, как Виллель предпринял попытку конвертировать ренты на пять процентов. Однако министр не сказал мне об этом ни слова. Надо думать, что, будучи человеком порядочным, он отбросил эту мысль: условия пятипроцентного займа, сделанного Россией, содержали особую статью, предохранявшую держателей этих фондов от любого снижения стоимости¹²².

В полученном мною письме министр предлагал мне вернуться в Министерство финансов и взять на себя управление Департаментом мануфактур. Но он не преминул сказать, что, в сущности, приглашает меня не столько на официальный пост, сколько для совместной работы над намеченными им преобразованиями. Он прибавлял, что Александр согласился на мое вступление в Министерство финансов лишь при условии, что я по-прежнему буду исполнять свои обязанности в Государственном совете, где присутствие мое император считал необходимым¹²³.

Зная министра как человека с большим дарованием и уважая его за добросовестность, которую он доказал, находясь во главе интендантства, я, если говорить откровенно, был польщен его предложением. Особенно растрогало меня доброе мнение императора, которое он сохранил даже в мое отсутствие и несмотря на все то, что ему могли про меня наговорить. Он прекрасно знал, что я принадлежал к тем, кого тогда называли ли-

берилами, и вполне мог считать меня даже крайним либералом. Он знал и о моем участии в тайных обществах. Но вопреки действительным фактам и выдумкам моих недоброжелателей, он дал мне еще одно доказательство своего благоволения. Надо признать, что как император, а тем более как самодержец, он совершил редкий поступок: проявил чувства доброго и честного человека.

Впрочем, это был не единственный случай, когда император после моего отъезда из России высказывал благоприятное мнение обо мне. Так, однажды, жалуясь на недостаток способных людей, он выразил сожаление, что здоровье удерживает меня вдали от дел и от родины. «Сперанский, — сказал он, — стал ленив, и только Тургенев способен его заменить»¹²⁴.

Впрочем, хорошее мнение императора обо мне во время моего пребывания в России сводилось лишь к предложению денежных наград, от которых я отказывался, к пожалованию меня орденами, коих я никогда не носил, и смешным званиям *статского советника*, *действительного статского советника*, истинную цену которым я хорошо знал.

Правда, император жаловался иногда на мои так называемые либеральные или революционные принципы. В разговоре с человеком, которого он уважал, вероятно, больше, чем кого бы то ни было из русских, и который этого вполне заслуживал, он сказал, что, если бы верил всему, что ему говорят и повторяют на мой счет, ему было бы за что покарать меня. «Я знаю, — прибавил он, — что он придерживается крайних взглядов, но знаю также, что это честный человек. И этого для меня достаточно». После сходной оценки моего характера, данной г-ном фон Штейном, эти слова Александра мне приятнее всех прочих слов, какие мне когда-либо довелось о себе слышать. Я привожу их здесь, дабы показать, что в России не всегда царят несправедливость и насилие.

Упомянув о мнении г-на фон Штейна, замечу, по какому поводу оно было высказано. Во время Венского конгресса он, видя, что русские чиновники беспрестанно получают всякого рода пенсии и награды, сказал мне однажды, что считает своим долгом исхлопотать у императора что-нибудь и для меня. Я попросил его не делать этого. Тогда, возражая против одной из причин моего отказа, он сказал, что нечего беспокоиться о том, что станут говорить по этому поводу. «Одно ваше имя будет ответом на все возможные возражения, ибо оно является синонимом порядочности и честности»¹²⁵. Г-н фон Штейн, как прекрасно известно, по природе не был льстецом, и, надеюсь, мне простят, что я привел это лестное для меня свидетельство, если вспомнят, что единственным проявлением интереса соотечественников к человеку, удостоенному уважения столь выдающейся личности, был смертный приговор.

Все эти чисто личные объяснения, которые я позволил себе только ввиду своего положения, послужат, надеюсь, достаточным ответом тем клеветникам, которые, как мне рассказывали, во время процесса 1826 года делали вид, что возмущены моей причастностью к заговору против императора Александра, да еще после стольких милостей, оказанных мне государем. По моим запискам можно увидеть, каким я был заговорщиком, а то, что я намерен изложить далее, покажет, как я принимал милости. Причины, побудившие меня отклониться от темы, послужат новым тому доказательством. Действительно, как ни лестны были для меня предложение г-на Канкрин и свидетельство благосклонности ко мне императора, я ответил отказом.

На сие решение, несомненно, повлияло состояние моего здоровья; но главной причиной был характер предлагавшихся мне обязанностей. Министр говорил о реформах, которые хотел предпринять, и это меня привлекало; но, предлагая мне возглавить Департамент мануфактур, он также давал понять, что мне придется поощрять производство, всеми возможными способами покровительствовать ему, бороться с контрабандой и т. д. По моему же мнению, стремление искусственно развивать промышленность могло скорее остановить естественный и разумный рост народного богатства, и я боялся оказаться в таких условиях, когда мне пришлось бы действовать вопреки убеждениям.

Как бы то ни было, я отказался. Судьба предназначила мне провести старость не в Сибири. Действительно, в конце того же самого года (в декабре 1825 года) в Петербурге вспыхнул мятеж, и я не знаю, как повлияло бы на это событие мое присутствие там.

На обратном пути из Карлсбада в Париж я проехал через герцогство Нассауское, чтобы еще раз повидаться с почтенным бароном фон Штейном, которого всегда любил, уважал и которым так восхищался! Я нашел его заметно ослабевшим. Он мало говорил о делах европейского континента; я знал, что они давно ему опротивели. Но мне показалось, что он живо интересуется судьбой Англии; он предвидел громадные опасности для тамошней аристократии, и особенно для господствующей церкви. «Что будет с Англией, — рассуждал он, — если у нее не станет двух главных основ ее общественно-го и политического строя?» Перед смертью Штейну суждено было увидеть дарование прав католикам и реформу лорда Грея¹²⁶. Впоследствии я узнал, что особенно большое впечатление произвела на него Июльская революция¹²⁷. Судя по всему, он ожидал, что переворот этот затронет всю Европу; действительно, такое развитие событий казалось вполне логичным. Однако, по словам его биографа*, страх в нем никогда не мог возобладать над мужеством¹²⁸. Вскоре он скончался**. В последние годы жизни он много занимался историей Германии и даже основал общество для разыскания и издания древних немецких хроник; я видел ученых профессоров, восхищавшихся глубиной и разнообразием его познаний в этой области. Любимыми его героями были Карл Великий и Лютер.

В Париже из газет я узнал о кончине императора Александра. Я сожалел о нем и искренне его оплакивал. Эта смерть отняла у меня последнюю надежду на освобождение крестьян в России.

* Арндта, в написанной им биографической заметке о бароне фон Штейне.

** 29 июня 1831 года. Не могу не привести здесь слова, с которыми Штейн незадолго до смерти обратился к Арндту: «Ja, lieber Freund, wir haben viel gewohnt, aber vieles sollte auch anders sein... Ich sehne mich heraus. Diese Welt ist einmahl so, daß man auf der geraden Straße meist nicht vorwärts kann, und doch auf der Krümmen nicht fahren soll. Es bleibt dabei: die Umstände und Verhältnisse stossen und treiben die Menschen; sie handeln und meinen sie thun es. Gott entscheidet» («Да, дорогой друг, мы многого достигли, хотя многое должно было бы произойти иначе... Я спешу уйти. В конце концов, этот мир устроен таким образом, что прямым путем идти не всегда удастся; но все же не следует ходить по кривой дорожке. Несомненно одно: людей увлекают обстоятельства; они действуют и воображают, что сами все создали. Но решает Господь»¹²⁹). Это прекрасный парафраз прекрасных слов Боссюэ: «Человек действует... Ведет его Бог»¹³⁰.

В Париже я узнал и о декабрьском мятеже 1825 года. Я, как и все, был удивлен. Но, судя по именам его участников, я ясно видел, что цели этого предприятия были чисто политические, а не династические, то есть речь шла вовсе не о поддержке одного из претендентов на трон, во что многие тогда склонны были верить. Живейшим образом интересуясь людьми, замешанными в этом деле, я не думал и даже не мог представить, что, оказывается, имею к нему какое-то отношение.

Когда я в январе 1826 года выехал в Лондон, ничто не смущало моего спокойствия. Только в Эдинбурге мне стало известно, что я в качестве обвиняемого привлечен к процессу, начавшемуся вслед за декабрьским восстанием. Узнав об этом, я поспешил составить объяснительную записку о моем отношении к тайным обществам и послал ее по почте в Петербург¹³¹.

В записке я просто и откровенно объяснял характер общества, членом которого был, и обстоятельства его роспуска. Я настаивал на том, что, не принадлежа ни к какой иной тайной организации, а главное — не имея со времени отъезда из России никаких сношений (ни через переписку, ни другим путем) с лицами, кои, возможно, участвовали в тайных обществах, и, таким образом, будучи совершенно чуждым всему, что произошло в Петербурге или где-то еще, я не могу отвечать ни за какие события, происходившие без моего ведома и в мое отсутствие.

Я был твердо убежден, что этого объяснения достаточно, а мое алиби настолько очевидно, что меня не станут беспокоить.

Вскоре после отсылки оправдательной записки меня посетил секретарь русского посольства в Лондоне. Прежде всего он от имени императора передал мне требование графа Нессельроде явиться в Верховный суд *в качестве обвиняемого в участии в восстании*. Должно быть, эти господа очень спешили, когда писали, иначе они не допустили бы такого *lapsus calami**. Я ответил секретарю, что несколько дней назад отослал объяснительную записку обо всем, что касалось моего участия в тайных обществах, и что, по моему мнению, записка эта делает мое присутствие в Петербурге совершенно излишним; к тому же здоровье не позволяет мне предпринять такое путешествие. Поспешив прибавить к требованию начальника свои советы, секретарь сказал мне между прочим, что честь обязывает меня повиноваться полученному приказу. В тот день я был в сравнительно хорошем настроении и ответил молодому человеку, что сам разберусь с требованиями чести и не удивлюсь, если мои убеждения разойдутся с его мнением. Тогда он показал мне депешу графа Нессельроде русскому посланнику. В депеше последнему действительно предписывалось сообщить мне ее содержание, а в случае, если я откажусь от явки в суд, потребовать от меня письменного ответа. Я прочел депешу и дал сначала устный, а потом письменный ответ¹³². Кроме того, также на случай отказа, посланнику предлагалось поставить на вид английскому министерству, *каким людям оно предоставляет убежище!* Эти слова, равно как и некоторые полученные мной впоследствии сведения, навели меня на мысль, что русское правительство предписало своему представителю добиться моей выдачи прежде, чем обращаться ко мне. Этот приказ сам по себе был довольно странен, а решимость посланника исполнить его и вовсе непонятна. Из достоверных источников

---

* Описки (лат.).

мне известно, что от г-на Каннинга всерьез требовали выдать меня. Но я узнал также, что в ответ на ноту с требованием выдать меня английский министр ограничился сообщением о ее получении, не упоминая о ее содержании¹³³.

Что же делают русские дипломаты за границей, если они не знакомы даже с азами общественного строя страны, где они пребывают, ее законодательства и государственного устройства? Требовать от английского министра, от Каннинга выдачи свободного человека! Повторяю, в это крайне сложно поверить¹³⁴.

Другой не менее любопытный эпизод связан с моим пребыванием в Эдинбурге. У меня были рекомендательные письма к одному тамошнему коммерсанту, одновременно исполнявшему обязанности русского вице-консула. Он принял меня с тем полным сердечности и внимания гостеприимством, которое можно встретить только в Англии; его отношение ко мне оставалось неизменным с момента моего прибытия и до самого отъезда. Через несколько лет я узнал, что после моего отказа вернуться в Россию русское посольство предложило ему следить за мной. Шпионить за кем-нибудь в Англии! Вице-консул с негодованием отверг это поручение, лишний раз доказывавшее, как мало русские дипломаты знают нравы тех стран, где они служат¹³⁵.

Но агенты самодержца, по-видимому, изо всех сил желали меня арестовать; вот другие, еще более недвусмысленные доказательства. Вскоре после восстания русское правительство, полагая, что я нахожусь в Неаполе, приказало своему послу добиться моего ареста. Так как меня там не было, то приказ отправили русскому послу в Риме, а последний поспешил переслать его с нарочным в Париж. Наконец, приказ схватить меня, где бы я ни находился, был разослан русским послам во всех столицах континентальной Европы¹³⁶. Думали даже добиться моего ареста в Англии, используя для этого тайных агентов, которых намеревались спешно отправить туда из Петербурга. В связи с этим последним обстоятельством я сделал весьма любопытные открытия. Впрочем, желание завладеть мною во что бы то ни стало было, кажется, преходящим, ибо впоследствии я сам желал вернуться в Россию, но мне было отказано во въезде¹³⁷.

После поездки по Шотландии я вернулся в Лондон. О событиях, только что происшедших в Петербурге, и об их последствиях я узнавал только из газет. Таким образом однажды мне стало известно, что процесс завершился. Я прочел, что 29 человек приговорены к смертной казни. Их имена не были названы; но потом я узнал, что список завершался моим именем¹³⁸.

Наконец, когда все было кончено, я получил Донесение Следственной комиссии с некоторыми дополнениями. Чтение этого доклада, ставшего основой обвинительных приговоров, повергло меня в невыразимое изумление. Прежде всего меня удивили мелочные и недобросовестные старания правительства доказать серьезность и важность тайных обществ. Особенно усердно пытались доказать, что восстание было следствием деятельности этих обществ, а его подавление спасло империю. Легкомыслие же, недобросовестность и полное презрение к принципам справедливости, которые обнаруживались в донесении на каждом шагу, возмущали, но не слишком удивляли меня.

Поведение периодической печати в Англии и во Франции во время этого процесса было таким, каким и должно было быть. Пресса отмечала факты, доходившие до нее с места

событий, но свои наблюдения и размышления сообщала лишь в тех пределах, какие допускал характер самих фактов и степень их достоверности. По крайней мере, ни одна из известных мне английских или французских газет не поняла буквально все, что говорилось в Донесении Следственной комиссии; никто не желал придавать этому пасквилю веры, которой заслуживают обвинительные акты в странах, где правосудие действует в согласии с законом и не отступает от него ни на шаг. Наоборот, не обнаружив рядом с обвинением защиты, все воздержались от определения своего отношения к обвинителю, являвшемуся одновременно судьей, и к обвиняемому, лишенному возможности не только защищаться, но даже отвечать. Многие газеты открыто признали невозможность высказать свое мнение при отсутствии элементарных начал правильного судопроизводства.

И все же в Германии нашлась одна ученая скотина, попытавшаяся в длинном трактате* щегольнуть своей тяжеловесной эрудицией и возвести обвинения на тайные общества в целом: доказать их опасность и губительное влияние на ход событий, установить наличие связей между тайными обществами разных стран, давая тем самым правительствам почувствовать необходимость своего рода взаимопомощи в действиях против их неблагонадежных подданных¹³⁹. Русское правительство, вероятно, осталось довольно, найдя столь рьяного и ученого апологета в лице начальника высшей прусской полиции; но было ли лестно для немецкой науки подслужиться сильному в уничтожении слабого? Самодержавная власть уже сказала свое слово, палач нанес удар, голоса жертв были заглушены: к чему теперь все это полицейское красноречие? Разве ученая мишура могла скрыть гнусную жестокость совершенных злодеяний?

В подтверждение своих рассуждений, имеющих целью доказать, что тайные общества всех стран тесно связаны между собой и образуют, так сказать, единое целое, автор сей сумбурной и лживой диссертации, г-н фон Кампц, особенно настаивал на поразительном сходстве устава Союза благоденствия с уставом немецкого *Tugend Bund*. «Когда сравниваешь устав Союза благоденствия с уставом *Союза добродетели*, — говорит он, — находишь там полнейшее, поразительное и неожиданнейшее сходство с основными законами последнего, как в отношении целей и намерений, так и в отношении внутренней организации...» Браво! Известно, что устав Союза благоденствия был просто-напросто скопирован с устава *Tugend Bund*, напечатанного в одной немецкой газете. Полицейское рвение автора нового обвинительного заключения, очевидно, помешало ему увидеть или внимательно прочесть Донесение Следственной комиссии, где на с. 17 ясно сказано, что устав Союза благоденствия был переводом устава немецкого тайного общества¹⁴⁰. После этого судите сами о точности остроумных гипотез, выдвигаемых г-ном фон Кампцем для доказательства того, что принципы и стремления тайных обществ Германии и России похожи!

Лично я, излагая собственные суждения о бесполезности тайных обществ вообще^{***}, опирался на мнение тех, кто должен был в совершенстве знать все о знаменитом *Союзе добродетели*¹⁴¹, о котором здесь идет речь; при этом я был далек от мысли, что факт мо-

* Allg. Litteratur-Zeitung, сентябрь 1826 года, № 223 и след.

** Wenn man diesen Codex (Союза благоденствия) mit den Statuten des Tugend Bundes vergleicht; so findet man sowohl in Ansehung des Zwecks und der Richtungen, als in der inneren Regierung und Verfassung, die vollständigste, überraschendste Uebereinstimmung mit den Grundsätzen des bekannten Tugend Bundes (с. 195).

*** См. примечание Е в конце книги.

его знакомства с некоторыми вероятными участниками *Tugend Bund* мог быть или уже был обращен против меня. Доказательство этому я нашел в брошюрке г-на Кампца. «Н. Тургенев, — сказано в ней, — находившийся во время войны в самых близких отношениях с немецкими либералами и служивший в администрации Центрального департамента и т. д.» (с. 195).

Донесение Следственной комиссии говорит о событиях много больше, чем следовало бы сказать, сообразуясь со справедливостью и разумом; что же касается лиц, то в нем упоминаются далеко не все имена, которые могли бы там фигурировать с тем же правом, что и большинство названных. Я не могу объяснить подобное разделение; меня удивляет только, что из давних членов общества одни были преданы суду и сосланы в Сибирь, а других не только не потревожили, но даже назначили возглавлять министерства, армии, губернии. Нет, их удача меня не раздражает, ибо и к одним, и к другим я некогда питал одинаковые чувства уважения и дружбы; меня огорчают лишь несчастья тех, кого постигла кара. У них отняли все, даже надежду. Сибирь по-прежнему сторожит своих пленников, в то время как даже Шпильберг выпустил узников на свободу¹⁴².

Эпилог

ПЕРЕХОДЯ К ЭТОЙ части рассказа, мне предстоит изложить то, что относится к событию, из-за которого я был обречен на пожизненное изгнание из родной страны. Мне пришлось освежить свои воспоминания, перечитав заметки, составленные мною почти пятнадцать лет назад в связи с моим осуждением; если вспомнить все, сказанное мною выше о себе самом и об условиях, в которых я находился в России, станет понятно, что эти заметки, а также Донесение Следственной комиссии, я читал совершенно беспристрастно. И что же? Теперь, после пятнадцати лет совершенно иной жизни, обретя иные воззрения и привычки, я еще меньше понимаю, за что меня осудили. Необоснованность предъявленных мне обвинений, их бессвязность, путаница во времени и датах поистине превосходят всякое вероятие.

Разобрав по пунктам все обвинения в своих оправдательных записках, я полагал, что с полной очевидностью доказал, что они не давали ни малейшего повода для моего осуждения. Уже первая из этих записок, составленная мною только по воспоминаниям, до знакомства с Донесением Следственной комиссии, полностью опровергает возведенные на меня впоследствии обвинения. Составляя эту записку, я доверял добросовестности ее будущих читателей. Тогда я был совершенно уверен, что эта записка в достаточной мере объясняет мое поведение, а чтение ее убедит в невозможности предъявить мне какое бы то ни было законное обвинение. Однако оправдания мои, кажется, только озлобили су-

* N. T. welcher während des Krieges gegen Franckreich mit deutschen Liberalen in sehr genauen Verhältnissen gestanden und an den Arbeiten der Central-Verwaltung Theil genommen hatte, и т. д.

дей; причиной их гнева были приведенные мной доказательства того, что тайное общество, к коему я принадлежал, не имело никакого значения и бездействовало.

Впоследствии я составил еще две записки, одну на русском, другую на французском языке¹⁴³. В них я последовательно рассмотрел обвинение, содержащееся в докладе Следственной комиссии, и доказал его ложность. Эти записки, в особенности последняя, не предназначались ни для представления кому бы то ни было, ни для публикации при моей жизни; я хотел только выяснить всю правду о том, что могло касаться меня в событиях, разыгравшихся в Петербурге в 1825 и 1826 годах.

Наконец, один ученый французский юрист тоже составил записку в мою защиту¹⁴⁴. Ему хватило мужества и терпения во всех подробностях разобрать предъявленные мне обвинения. Непоследовательность, бессвязность, легковесность доводов, придающие докладу Следственной комиссии столь же смешной, сколь и чудовищный характер, по-видимому, не испугали и не утомили этого великодушного и замечательного человека. Он все исследовал, все опроверг, обнаружив глубокие познания в юриспруденции и блестящий талант. Возможно, у него пробудился интерес к теме или она привлекла его своей новизной — и он нашел в себе силы довести сей труд до конца, хотя подобная работа, скорее, могла бы оттолкнуть его, ибо, вступив в грязный лабиринт русского правосудия, французский юрист несомненно оказался в незнакомой стране.

Если, поддавшись первым впечатлениям, некоторые из судей могли искренне поверить в мою виновность, то просто невозможно, чтобы кто-либо из них сумел сохранить это убеждение после прочтения моих записок (если, разумеется, они прочли их). При этом я говорю здесь только о тех судьях, которые по неспособности или по неопытности ограничились поверхностным рассмотрением дела и составили свое мнение, так сказать, *с налета*; ибо люди, обладающие опытом судопроизводства и проникшие в суть вещей, ни на миг не могли поверить в мою виновность.

Следовательно, неизменно враждебное ко мне отношение могло иметь причиной или ненависть, с какой преследовались идеи и принципы, которые я, по общему мнению, исповедовал, или сложность возврата к прошлому.

Те же, кто по положению своему не слишком интересовался моими взглядами на некоторые щекотливые вопросы (к примеру, на освобождение крепостных), ожесточились против меня за отказ предстать перед судом; отказ сей очень их задел^{*}.

Но помимо уже указанных причин, то есть предубеждения одних и безразличия других, свою роль здесь сыграла великая тайна человеческого сердца, которой можно объяснить то, что не поддается никакому иному объяснению: люди не прощают другим, если сами виноваты перед ними. Те, кто решал мою участь, знали и понимали несправедливость своего поступка, но не желали в ней признаваться; напротив, они были готовы упорствовать, искать предлоги и извинения для успокоения собственной совести, а главное — любые доводы,

* Nothing is more implacable than a sovereign when he finds his calculation of human baseness frustrated by virtue unexpectedly found where it was little expected [Нет никого неумолимее государя, когда его расчет на человеческую низость разрушается добродетелью, обнаруженной там, где ее меньше всего ожидали найти — *англ.*] (лорд Брум. Биография Лафайета)¹⁴⁵.

Я привожу эти слова лишь для того, чтобы указать на мысль, нет нужды говорить, что я не имею намерения применять их к себе.

с помощью которых можно было бы заморочить голову окружающим. Человек вообще не слишком зол, и когда требуется простить обиду, он обычно не отказывается и прощает — если не из добродетели, то из тщеславия, если не из чувства долга или принципов, то ради совершения доброго дела и собственного удовольствия. Но когда прощать нечего, когда, наоборот, речь идет об исправлении собственного дурного поступка по отношению к пострадавшему от него — о, тогда жертва становится слишком тяжелой, и только самые смиренные души, проникнутые сознанием крайней слабости нашей природы, или, напротив, души твердые и закаленные способны протянуть руку и открыто заглянуть свою вину. «Только великие сердца знают, сколь много славы в доброте», — сказал Фенелон¹⁴⁶.

Быть может, имеется и более непосредственная, более осязаемая причина совершенной против меня несправедливости и упорного нежелания ее заглянуть — это неразвитость страны и людей. Дикарь не понимает, почему в хорошо устроенных государствах правосудие окружено множеством формальностей, а обвиняемым предоставлено столько гарантий; простое и скорое судопроизводство всегда кажется ему наилучшим; презрение к человеческой жизни — характерная черта варвара. Когда к присущей России неразвитости цивилизации присоединяются нравы и обычаи, на которых лежит отпечаток рабства, легко понять, как трудно, а порой просто невозможно идеям справедливости и истины проложить себе дорогу, укорениться и возобладать над произволом.

У народа, долгое время жившего под гнетом различных видов деспотизма, может развиться некая цивилизация; благодаря способностям человека учиться и подражать, она в некоторых отношениях может достичь довольно высокого уровня, однако истинная цивилизация обладает тончайшими оттенками, образующимися лишь в результате долгого развития. Об этих оттенках можно повторить сказанное однажды лордом Эрскином о свободе: для него это величайшее и последнее из благодеяний, которые Бог дарует людям¹⁴⁷. Самое драгоценное — это чувство справедливости, равенства, уважение к жизни и достоинству человека. Кто вдумается в это, тот увидит, что именно такие чувства отличают истинную цивилизацию от варварства, как бы оно ни было разукрашено и отделано, каким бы лоском и лаком ни было покрыто. Всему можно научиться и подражать, кроме этих чувств.

Трудно даже представить себе, до какой степени доходит отсутствие этих общественных добродетелей в России — даже среди людей, считающих себя цивилизованными и в некоторых отношениях действительно таковыми являющихся. Идеи справедливости и равенства в этой стране почти неведомы; место уважения к достоинству, даже к жизни человека занимает здесь презрение ко всем естественным правам. Недостаток истинного просвещения столь велик, что даже люди честные, благожелательные к ближним, горячо отдающиеся добродетели, часто, сами того не подозревая, совершают серьезные промахи и проступки, которые в других местах возмутили бы благородную душу. Молчаливое же или явное неодобрение, вызываемое всякой низостью, любым постыдным деянием, кто бы и против кого его ни совершил, гнетущее общественное презрение, в цивилизованной стране часто толкающее к самоубийству того, на кого обрушивается сей суровый, но и благодетельный залог общественной нравственности, — все это совершенно неизвестно в России. Здесь не только не замечают испорченности, жестокости и подлости, но даже нередко находят для них оправдание и снисхождение. Честный, добродетельный человек, не способный сознательно опуститься до низостей, не только подавляет негодование, которое

должен внушать ему виновный в подобных гнусностях, но не краснея остается его другом. Разве может добродетель быть в чести там, где порок не клеймят презрением?

Я рад, что вслед за этими печальными истинами могу привести несколько фактов, доказывающих, что, несмотря на недостаток истинной цивилизованности, в России, как и везде, во всем блеске могут порой проявляться благородные качества человеческой души. Добродетельные поступки тем более похвальны и возвышенны, чем меньше ценят их те, у кого на глазах они совершаются.

Многие семьи жестоко пострадали от печальных событий, о которых я упомянул. Голос их, как и голоса самих осужденных, не мог быть услышан; но своим благородным самоотвержением они протестовали против суровых кар власти. При этом, как и всегда, особенно красноречивы были действия женщин.

Одна из них, красавица, получившая изысканное воспитание, принадлежащая к знаменитой семье и недавно вышедшая замуж за одного из осужденных, Н. М..., без малейшего колебания последовала за ним в Сибирь, куда был сослан и ее родной брат. Там у нее родился ребенок. Суровость тамошнего климата была крайне неблагоприятна для бедного малютки и для самой матери. Родные и друзья долго как о милости просили о переводе этой семьи в другое место, пусть даже в той же ужасной Сибири: все было напрасно. Смерть положила конец страданиям этой героической женщины¹⁴⁸.

Другая, молодая и богатая супруга князя Тр..., узнав об осуждении мужа, объявила, что последует за ним, и, несмотря на сопротивление родителей, обыкновенных царедворцев, исполнил свое решение. Старый слуга вызвался ее сопровождать. Молодой француз, состоявший личным секретарем при графе Л..., отце г-жи Тр..., предвидя, сколь трудным будет для нее подобное путешествие, тоже отправился с нею. Вернувшись вскоре во Францию, он смог кое-что сообщить о положении ссыльных¹⁴⁹. Когда княгиня Тр... прибыла на место, ей сказали, что ее муж должен оставаться в тюрьме, и поэтому она может поместиться в каком-нибудь частном доме, причем ей будет разрешено видеть его один или два раза в неделю. Она же настаивала, чтобы ее тоже заключили в тюрьму, дабы всегда быть подле него. Напрасно говорили ей, что в таком случае она не сможет оставить при себе слуг. Она приняла все эти условия и долгое время сама несла тяжелые обязанности по ведению тюремного хозяйства.

Прекрасная и умная жена князя В... не смогла, как намеревалась, сопровождать мужа, когда он отправлялся в Сибирь, и осталась у своих родителей. Через некоторое время она умолила их позволить ей поехать и повидаться с несчастным заключенным; они согласились, но вскоре получили письмо, где она просила прощения за то, что впервые обманула их, так как, уезжая, твердо решила не возвращаться¹⁵⁰.

Одна молодая женщина, чей брат был в числе ссыльных, не добилась разрешения приехать к нему; тогда она решила тайно отправиться в путь, и ей это удалось. Она поехала к брату в глубь Сибири и принесла ему если не надежду, то утешение¹⁵¹.

Другая, молодая француженка редкой красоты, служившая гувернанткой в одном почтенном доме, вернулась к своим родителям в Москву. Ее снедала тоска; никто, даже мать, не мог понять причину ее отчаяния. Вдруг в той семье, где она недавно жила, приговаривают сына к ссылке и каторжным работам. Только тогда она просит мать обратиться к родителям осужденного и спросить, не согласятся ли они на брак их несчастного сына

с нею. По-видимому, влечение было взаимным, но молодые люди, заметив в себе это чувство, не отважились ему отдаться, опасаясь огорчить родителей молодого человека, и решили расстаться. Родители, в восторге от того, что участь их сына будет смягчена, с благодарностью приняли жертву благородной молодой женщины. Она отправилась в Сибирь, вышла замуж за осужденного и прожила там несколько лет, став матерью троих детей. Там она и скончалась. Ее муж вскоре последовал за ней в могилу. Этот молодой человек был моим родственником, я знал его с детства; он был во всех отношениях достоин такой преданности¹⁵². Его мать часто говорила, что сочтет себя счастливой, если ей позволят жить подле сына. Другая женщина, проводившая в Сибирь самих дорогих ей людей — двух сыновей, — долгое время ходатайствовала о разрешении поехать к ним. Первая умерла, так и не увидев своего сына; другая еще жива, но не знаю, продолжает ли она надеяться¹⁵⁴.

Таким образом, когда неожиданно происходят непредвиденные и необычайные события, человеческая душа раскрывается, так сказать, полностью. И если при этом, с одной стороны, наружу выступают дурные страсти, воплощенные в тирании, с другой стороны, возникают высокие добродетели, и прежде всего самоотвержение. Всегда и везде слепой и беспощадный гнев порождает героические жертвы. И если они не являются искуплением, то по крайней мере могут служить утешением. Без них утасла бы вера в божественную справедливость и возможность усовершенствования человеческой природы.

---

* Современная литература берется за все. Еще один эпизод драмы 1826 года послужил сюжетом романа («Учитель фехтования»)¹⁵³. Я не знаю всех подробностей, всех обстоятельств описанных в нем событий; но, читая его, я часто думал о чистой и скромной добродетели молодой женщины, о которой я только что говорил.

Часть вторая

Оправдательная записка

Введение

ВО ВСЕМ, что я найду нужным сказать о тайных обществах, я намереваюсь руководствоваться своим собственным опытом и Донесением Следственной комиссии о фактах, предшествовавших декабрьскому происшествию 1825 года.

Я стану говорить о себе самом с полной откровенностью — только правду. Если она будет благоприятна для меня, тем лучше; если же она окажется против меня, это не помешает моим признаниям.

Если бы я находился в России и должен был отвечать перед русским судом, мне, вероятно, разрешили бы употребить все возможные средства, чтобы оспорить обвинение, по которому я был осужден; но в независимом положении, в коем я оказался силой обстоятельств и по воле людей, не боясь никого и ни на кого не уповаю, свободный, наконец, говорить или безмолвствовать, я проявил бы слабость и даже трусость, если бы решился промолчать или утаить истину.

Убеждения, которые я исповедовал в бытность мою в России, не изменились. Если бы они стали иными, я без колебаний сказал бы об этом, применив к себе прекрасные слова автора «Лелии»: «Если признать былую ошибку или открыто исповедовать новую веру является долгом человека, то отрицать ошибку или скрывать ее, стремясь неловко соединить разрозненные части здания своей жизни, — это преступное кощунство, более достойное презрения, нежели всякие иные проступки»¹⁵⁵.

Впрочем, строго исследуя свое поведение за последние восемь лет пребывания в России, я не вижу, чтобы, поступая так, а не иначе, я руководствовался личными мотивами или преступными стремлениями. Я всем желал блага и никому не хотел зла. Переносясь мысленно к этому периоду служения ближним и родине, к практически бесплодным, но неизменно возобновляемым усилиям, которые, не сломив моего мужества, истощили в конце концов мои физические силы, я не могу не благодарить Провидение, даровавшее мне возможность утешаться тем, что к изгнанию меня привел путь самоотречения и самоотверженности; ни на что нечистое или подозрительное я никогда не был падок.

Вот моя жизнь и деятельность, рассказанные при свете дня. Причины моих поступков ясны, однако итогом их стало... изгнание. И пусть не говорят, что, даже имея лучшие в мире намерения и обладая исключительной добросовестностью, можно нарушить законы и навлечь на свою голову обвинительный приговор если не Бога, то людей. Обо мне нельзя предположить ничего подобного. Ни одно из моих действий не противоречило закону и не могло подлежать суду; суть моего преступления даже не попытались установить, это было невозможно: когда без моего ведома произошли события, повлекшие за собой мое осуждение, я уже давно находился вдали от родины.

Предисловие

КОГДА ПОСЛЕ кончины императора Александра, последовавшей в Таганроге, всех тревожил вопрос, кто из его братьев будет ему наследовать, в Петербурге произошло восстание*. Мятежники стремились добиться введения представительного образа правления. Их попытка была подавлена.

Другой мятеж вспыхнул в то же время на юге империи, во второй армии; причиною его был арест нескольких высших офицеров, произведенный на основании доносов, поступивших к императору Александру.

Между этими двумя восстаниями, между их вождями не было ничего общего — ни стовора, ни соглашения¹⁵⁶.

После восстания 14 декабря 1825 года (по старому стилю) русское правительство сочло своим долгом, преследуя виновников восстания и их сообщников, прибегнуть к чрезвычайным мерам. Наспех, экспромтом, были выработаны формы судопроизводства. Предварительное дознание было поручено Следственной комиссии, состоявшей из шести генерал-адъютантов императора, почт-директора и бывшего министра духовных исповеданий и народного просвещения. В состав комиссии вошел также брат императора, великий князь Михаил; секретарем был назначен статский советник, бывший дипломат¹⁵⁷.

Наделять административными и судебными функциями военных, вероятно, неправильно; но то, что в более цивилизованных странах показалось бы чудовищной дикостью, в России не вызывает даже удивления; ведь дать можно лишь то, чем обладаешь, а на нет и суда нет. Но в данном случае русское правительство отбросило всякий стыд и превзошло самое себя. Несмотря на путаницу в распределении общественных функций, на бесталанность большинства чиновников и судей, рутина все же позволила некоторым нашим учреждениям и судам приобрести известный опыт, дающий надежду на хоть сколько-нибудь правильное ведение процедуры. К таким учреждениям относится прежде всего Сенат. Он не только с большей точностью выносит судебные приговоры, но иногда осмеливается ограничивать произвол администрации, которая, пользуясь смещением властей и поддержкой министров, чаще всего склонна нарушать законные формы и принципы правосудия. Поэтому, учреждая особую комиссию, правительство вполне могло бы ввести в нее нескольких опытных сенаторов, которые хоть отчасти привнесли бы в ее работу традиции законного правосудия. О включении в состав комиссии брата императора я даже говорить не хочу: это могло не вызвать удивления в России, но в других местах это, без сомнения, казалось непостижимым.

Наряду с этой комиссией наспех смастерили Верховный суд, состоявший из нескольких членов Государственного совета и Сената, адъютантов императора, архиепископов и т. д.¹⁵⁸ По существующим правилам дело следовало разбирать в Сенате; но как ни ничтожны были моральные гарантии, предоставляемые этим учреждением, даже они, без сомнения, показались правительству чрезмерными. Оно решило до конца идти по дороге произвола. Следствие и судопроизводство должны были вершиться необычным путем,

---

* 14 декабря 1825 года.

а именно в обход закона. Достойным венцом этого судилища стала смертная казнь, которую Россия уже почти столетие назад вычеркнула из своего уголовного кодекса¹⁵⁹.

Комиссия довела следствие до конца. Результаты его были изложены в донесении, представленном императору и заменившем обвинительный акт.

Донесение Следственной комиссии было единственным документом, появившимся во время процесса, и это очень важно для решения задачи, которую я поставил здесь перед собой. Замечания мои по поводу ведения процесса будут иметь тем больший вес, что я буду подкреплять их выдержками из этого главного документа.

Для своего оправдания я пользовался только текстом этого Донесения. Читатель увидит, что моя невиновность устанавливается путем простого сопоставления фактов и дат, и мне совершенно незачем было являться в суд, чтобы защищать себя.

Как мы увидим ниже, Донесение комиссии весьма мало похоже на судебный акт: это историческое повествование, написанное пристрастно и скорее в интересах некой партии, нежели в интересах истины. У автора Донесения была определенная цель, и для ее достижения все средства казались ему хороши. Ничто его не останавливало. Столкнувшись с противоречием или с невыясненными обстоятельствами, он быстро отыскивал подходящую уловку, за которую можно было зацепиться, и не оглядываясь продолжал свой путь. Ясно, что весь его труд проникнут постыдным рвением достичь требуемой цели, поэтому в нем полно противоречий; первоначально установленные факты тут же сами себя опровергают, или за ними сразу же выстраиваются другие факты, избочающие ложность первых.

Чтобы сформулировать свои замечания, мне пришлось цитировать Донесение. Я старался сделать цитаты как можно короче и по возможности сократить их количество; но чтобы не опустить ни одного из обвинений, мне часто приходилось приводить такие выдержки, кои по бездоказательности и неправдоподобию явно не могли иметь никакого значения. Но докладчик, очевидно, рассчитывал на моральную силу их воздействия.

Я цитирую Донесение последовательно, по порядку. Каждая выдержка сопровождается моими замечаниями, касающимися сначала тайного общества, в котором я участвовал, а затем меня самого. Разумеется, это приводит к повторениям: так как автор Донесения на каждой странице возвращается к своим гнусным инсинуациям, то и нам приходится сражаться с ним тем же оружием; его беспрестанно повторяемому злему вымыслу мы можем противопоставить только истину.

Цитаты заимствованы из официального перевода на французский язык, напечатанного в Санкт-Петербурге в виде книжечки формата in-8^o¹⁵⁹. Они дают достаточное представление о Донесении в целом, и поэтому ни к чему приводить его полностью. Во всяком случае, я утверждаю, что не выпустил ничего существенного, ничего такого, что направлено против защищаемого мною дела.

Донесение следственной комиссии начинается так:

Полученные показания предупредили императора Александра в июне 1824 и в декабре 1825 года, что в армии есть люди, замышляющие испровержение порядка в государстве (с. 5 Донесения). Многие из подозреваемых во второй армии были взяты под стражу. Но между тем сообщники их в Санкт-Петербурге, зная ли, что правительству уже известны их намерения, или только нетерпеливо желая приступить к исполнению оных, предприняли обмануть часть

гвардейских полков насчет присяги вашему величеству, чтобы произвести движение, коего жители столицы были свидетелями 14 декабря (с. 6). В тот же вечер они почти все были во власти правительства и показания их дополнили, объяснили прежние известия о существовании заговора.

С сего времени начались действия Комиссии.

Из совокупности обстоятельств следует, что в 1817 году учредилось первое тайное общество под названием *Союза спасения* или истинных и верных сынов Отечества.

Целью составления этого общества было с самого начала изменение государственных установлений в России (с. 11).

Оно не могло хвалиться успехами.

Все, что я могу сказать по поводу этого общества, сводится к тому, что я никогда не знал о его существовании, и самое название его стало мне известно только из Донесения Следственной комиссии.

В Донесении говорится о *первоначальных* и *новых членах*, затем еще о *некоторых*, но тотчас добавлено, что общество насчитывало всего десять или даже семь членов! Вот образец юридической точности! (см. с. 10).

Сообщая о спорах, происходивших в Москве между несколькими лицами, состоявшими или не состоявшими в этом обществе, автор Донесения подчеркивает, что речь шла о царубийстве, и тут же отмечает:

Во время сих прений родилась или по крайней мере объявлена в первый раз ужасная мысль о царубийстве (с. 13).

Подобным любопытным замечанием в Донесении дается понять, что мысль эта впоследствии укреплялась и распространялась. Но в каких тайных обществах можно отыскать ее следы?

Генерал-майор М. Орлов в сие время думал вместе с графом Мамоновым и действительным статским советником Николаем Тургеневым завести другое общество... План его не исполнился, и общество, ими предполагаемое, не составилось (с. 12).

Через некоторое время после возвращения в Петербург я встретил генерала М. Орлова, с которым познакомился за границей, а именно в Нанси, где он находился в 1815 году в качестве начальника Генерального штаба расквартированного там корпуса русской армии. Генерал от природы отличался большим умом и благородным, возвышенным характером. Он получил наилучшее образование, возможное для светского человека. Как все живые и пылкие умы, коим недостает устойчивых воззрений, основанных на прочных познаниях, он увлекался всем, что поражало его воображение. Это не мешало ему стремиться к полезной и положительной деятельности. Назначенный командиром одной из дивизий второй армии, он с величайшим жаром принялся устраивать и распространять ланкастерские школы не только для многочисленных солдатских детей и солдат своей дивизии, но и для детей в тех городах, где его дивизия стояла. Он пожертвовал на эти школы все свое жалованье и даже значительную часть состояния. Его заботы вскоре увенчались успехом, но в конце

концов привели к неприятностям и для него, и для тех, к чьей пользе были направлены его благородные усилия. Верно говорят, что в России едва ли не все, кто пытается сделать добро, — просто так, от чистого и бескорыстного сердца, — непременно становятся жертвой собственного усердия и бросают тень на тех, кому стремятся принести пользу. Мне сообщили, что сейчас генерал занимается материями сугубо практическими, а именно фабриками, и пишет книги о финансах¹⁶⁰. Видно, мне суждено вечно ему противоречить, ибо его финансовые теории и рассуждения о мануфактурах настолько же резко расходятся с моими, насколько я был не согласен с его воинственными и завоевательными идеями. Впрочем, мне приятно вспоминать его таким, каким я его знал когда-то: благородным, великодушным, преданным общественному благу.

Когда я снова свиделся с ним в Петербурге, он был весьма увлечен масонством; он составил проект восстановления этой организации в том виде, в каком она существовала при Екатерине II, и даже задумал придать ей некую политическую или, скорее, практическую цель. К нему присоединился граф Мамонов, по-видимому, очень тяготевший к старому русскому масонству¹⁶¹. Я никогда не был знаком с Мамоновым, но в тяжелых обстоятельствах его имя снискало такую славу, что к нему просто нельзя было не относиться с почтением*.

Кажется, граф Мамонов был возведен в одну из высших степеней прежнего масонства; генерал Орлов, познакомившись с иерархией и формулой посвящения, внес туда некоторые изменения в современном духе, но сохранил господствовавшую в старом ритуале мистическую форму. Он показал мне свой проект, взяв с меня слово вручить его нескольким знакомым мне масонам — с тем, чтобы они постарались ввести его в своих ложах. Я передал этот регламент, или церемониал принятия, лицу, председательствовавшему в одной ложе¹⁶²: он был восхищен, обнаружив там некоторые символы столь знаменитого некогда старого русского масонства. Тогда же генерал Орлов сообщил мне, что он только что создал ядро общества, основанного на этом священном наследии. Он назвал мне его участников: то были два адъютанта императора — генерал кн. М... и г-н Б...¹⁶⁴. Я знал этих господ, но никогда не беседовал с ними по поводу их общества. Раз только Б..., говоря о Союзе благоденствия (к нему предлагали присоединить общество, попытки создать которое предпринимал генерал Орлов), сказал мне, что они не видят необходимости в объединении двух обществ. Союз благоденствия должен действовать самостоятельно, а они будут извлекать выгоду как из его удач, так и из промахов¹⁶⁵. Господа эти, следовательно, были «политиками».

Основатели Союза благоденствия действительно несколько раз встречались с генералом Орловым, но не смогли столкнуться с ним. Впрочем, эти переговоры происходили до

---

* Вот какой прекрасный поступок я имею в виду. В 1812 году, во время вторжения в Россию армий Наполеона, император Александр прибыл в Москву, дабы собственными глазами убедиться в том, что народ повсюду проявляет героические порывы патриотизма. Некоторые лица, известные своими крупными состояниями, пожертвовали значительные суммы для покрытия военных расходов; другие взялись сформировать и снарядить за свой счет целые полки. Всех превзошел размерами своих пожертвований граф Мамонов: он не только предложил императору несколько миллионов рублей, помещенных в Государственный банк, и бриллианты, стоившие не меньше, но и предоставил в его распоряжение свои поместья, также оценивавшиеся в несколько миллионов. Оценив великодушное рвение патриота, Александр тем не менее отказался принять весь его дар; он удовлетворился тем, что дал графу возможность сформировать за свой счет кавалерийский полк и пожаловал ему чин бригадного генерала¹⁶².

моей встречи с генералом. Позже генерал окончательно забросил свой проект создания полумасонского общества, вступил в Союз благоденствия, а затем покинул его — как я уже упоминал раньше — за несколько дней до роспуска¹⁶⁶.

Из этих объяснений видно, что попытка генерала Орлова не дала никакого ощутимого результата. Тем не менее то ли правительство, то ли Следственная комиссия вызвали в Петербург человека, коему я в свое время передавал проект генерала Орлова; но так как в этом документе не обнаружили ничего подозрительного, то генерала преследовать не стали.

По этому поводу в Донесении сказано только то, что уже процитировано мною, а далее об этом вообще не будет и речи. Ясно, что в то время, когда другие были заняты созданием Союза *спасения*, ни я, ни генерал Орлов не занимались организацией какого-либо общества; о своем проекте Орлов рассказал мне только после бесплодных переговоров с основателями Союза благоденствия, а вовсе не Союза *спасения*, то есть много позже.

Это общество (Союз *спасения*) приняло новое имя *Союза благоденствия* и предложенный новый устав (с. 16).

Итак, это было новое общество, занявшее место старого. Согласно указанным в Донесении датам, оно должно было возникнуть в начале 1818 года.

I. Факты, относящиеся к основанию и роспуску Союза благоденствия

Главные черты законоположения *Союза Благоденствия*, разделение, замечательнейшие мысли и самый слог ясно показывают, что он есть подражание и даже большею частью перевод с немецкого. Сочинители именем основателей сообщества объявляют, что одно благо отечества есть цель их, что сия цель не может быть противна желаниям правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное влияние, имеет нужду в содействии частных людей, что учреждаемое ими общество хочет быть ревностным пособником в добре и, не скрывая своих намерений от граждан благомыслящих, только для избежания нареканий злобы и ненависти будет трудиться втайне (с. 17).

Многие члены предлагали испросить согласия покойного императора на учреждение их общества (с. 18).

Заметьте, это предложение было сделано в самом обществе несколькими его членами. Признаться, странные царевубийцы!

В Донесении подробно рассказывается об организации общества:

Основатели составляли так называемый Коренной совет; каждые четыре месяца из Совета выходили два заседателя и на места их поступали другие. Коренной совет имел исполнительную власть в Союзе, Коренная управа — законодательную, она же была верховным судилищем и назначала еще временную законодательную палату и т. д. и т. д.

Читая этот отрывок, можно подумать, что все это на самом деле было осуществлено. Но нет, ничего подобного не было. Это были положения устава, а, как мы увидим далее, цитируемый в Донесении устав общества никогда не исполнялся.

Верховное правление Союза тогда только могло быть установлено, когда бы *Союз совершенно составился*.

Но где можно обнаружить — нет, не доказательства, а хотя бы малейшие намеки на это совершенное составление? Об этом в Донесении умалчивается. Следовательно, это общество никогда не было по-настоящему организовано; оно было мертворожденным и в действительности не существовало задолго до своего роспуска.

Открытие новым членам настоящих намерений основателей общества отложили до благоприятного случая.

И каковы же были эти «настоящие намерения»? В Донесении об этом не говорится, однако там имеется следующее примечание:

Сии намерения недолго хранились в тайне: «сначала, — говорит С...¹⁶⁷, бывший секретарем общества, — знали только главные члены, что целью Союза было изменение государственных установлений. Впоследствии проникнули и другие члены. Как для этой цели, так и для той, которая была объявлена в Уставе, признавали равно нужным усиливать общество, распространять политические знания и стараться овладеть мнением публики».

Таким образом, важнейший факт следствия, то есть выявление цели общества, в Донесении помещен в примечание. И какова же, согласно Донесению, была эта цель? «Изменить государственные установления». А какими средствами его участники надеялись достичь этой цели? «Путем распространения политических знаний».

Итак, все преступление сводится к желанию изменений — не сказано даже каких — и к распространению политических знаний. А обвинение основано на показании одного-единственного человека, причем его слова упрятаны в примечание!

В Москве было две управы. Обе существовали недолго (с. 23).

В Петербурге также две... В Петербурге были заведены и *вольные общества*, почти независимые от *Союза благоденствия*... Два также в Измайловском полку: 1-е учреждено князем Е. О., Яковом Толстым и Т...¹⁶⁸ (с. 23).

Опираясь на даты, я доказываю, что все это происходило до моего вступления в общество. Сейчас мне приходится напоминать об этом, чтобы подчеркнуть, что Я. Толстой, который, по словам обвинения, впоследствии был привлечен мною в общество, по-видимому, был его участником еще до меня.

Эти вольные общества существовали не более трех месяцев (с. 23).

Деятельность тайного общества всего более обращалась на умножение членов. Однако же, если верить показаниям одного постороннего свидетеля, не подтвержденным извещениями допрошенных, составлявшие сию Управу располагались тогда действовать на общее мнение изданием особенного дешевого журнала, песен, карикатур и т. д. (с. 25).

Здесь в Донесении имеется следующее примечание:

Так говорит сочинитель записки, найденной в бумагах покойного императора, бывший, как видно, членом *Союза Благоденствия*. Статскому советнику Николаю Тургеневу было поручено издание журнала (с. 25).

Итак, вот наконец формальный донос императору на тайное общество, сделанный одним из его членов. Но что из него следует? Что общество имело *намерение* издавать журнал, и ничего более¹⁶⁹. Если бы было что-нибудь другое, то доносчик, конечно, сообщил бы об этом. Действительно, как я уже говорил, у меня была мысль издавать журнал; но она исходила лично от меня, и в связи с ней я не принимал на себя никаких обязательств перед обществом; те лица, которых я просил написать статьи, не были членами общества; я даже надеялся на участие составителя сего Донесения¹⁷⁰. К тому же, как известно, в России все, что предназначается для печати, проходит цензуру; таким образом, ни мой журнал, ни мое намерение его издавать не могли служить законным поводом обвинять меня.

Для того духа, коим пронизано Донесение, характерны строки, которыми оканчивается приведенное мною примечание:

Есть несколько возмутительных песен, которые тогда были сочинены и, *может быть*, распускаемы, но точно ли по предписаниям тайного общества, того нельзя сказать утвердительно.

«In dubio absteine»*, — гласит старая аксиома права. В данном случае добросовестный и честный человек остерегся бы выдвигать против общества столь двусмысленную и нелепую инсинуацию. Однако в злобных выходках докладчика, помимо наивности, есть и нечто довольно забавное: сам он снискал известность стихами, остротами и эпиграммами, в которых не щадил правительства и которые вполне можно приравнять к самым настоящим бунтарским песням. Чтобы дать возможность судить об этом, приведу одну из острот, которые я еще не успел забыть. Однажды по возвращении из-за границы я высказал свое удивление, услышав, что гвардейские полки носят названия Финляндского и Литовского. «У нас есть, — ответил он мне, — Измайловский полк, хотя город Измаил нам не принадлежит; а так как вскоре у нас не будет ни Литвы, ни Финляндии, то в утешение нам, по крайней мере, останутся полки, носящие названия этих областей». Разговор этот состоялся как раз накануне войны 1812 года.

Итак, к настоящему моменту из Донесения мы узнали о тайных обществах следующее:

- 1) что первое общество было основано и вскоре распущено;
- 2) что были попытки образовать другое, но безуспешные;
- 3) что было создано третье общество, под названием Союза благоденствия;
- 4) что цель этого общества точно соответствовала его названию; его устав, процитированный в Донесении, не заключал в себе ничего противозаконного; наконец, некото-

* В сомнении воздерживайся (*лат.*).

рые участники общества предлагали испросить разрешения императора на его существование. Тайная же цель, о которой в Донесении упоминается только в примечании и без каких-либо уточнений, это всего лишь голословное заявление, не дающее никакого материала для обвинения;

5) что император получил донос на тайное общество от одного из его членов, который сообщал только о том, что общество намеревалось издавать журнал. Однако издание журнала, а тем более намерение его издавать, не является ни преступлением, ни даже проступком.

Исчерпав список обвинений против тайного общества, именованного Союзом благоденствия, докладчик, видимо сам ощущающий всю их расплывчатость, переходит к фактам, кои, по его словам, являются *достоверными*. Мы увидим, так ли это.

По крайней мере достоверно*, что между ими были *разговоры*** и прения, которые иным могли казаться правильными совещаниями о разных образах правления... В начале 1820 года, как показывает полковник Пестель, было в Санкт-Петербурге собрание Коренной думы, в котором Пестель исчислял выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского и после многих рассуждений собирал голоса; все, утверждает Пестель, объявили, что предпочитают республиканское правление (между прочими Н. Тургенев) следующими словами: Un président sans phrases¹⁷², кроме одного полковника Глинки, который говорил в пользу монархического и предлагал вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне. Сие заключение *Коренной управы*, по уверению Пестеля, определено было сообщить всем другим, и он сообщил его Тульчинской; с тех пор, прибавляет он, республиканские мысли стали брать верх над монархическими, хотя члены еще говорили, что если император Александр сам дарует России хорошие, по их мнению, законы, то они будут его верными приверженниками и оберегателями. Но сии показания полковника Пестеля не все подтверждены другими допрошенными; один говорит, что все рассказываемое происходило не на правильном совещании членов *Коренной управы*, а в обыкновенном *разговоре* о разных политических предметах. Фон-дер-Бриген утверждает, что большая часть присутствовавших тут членов была не готова к рассуждениям сего рода и к объявлению какого-либо решительного мнения, что между прочими он и Глинка отреклись дать свое, что Тургенев вместо приписываемых ему слов сказал просто: «Республиканское правление с президентом очень хорошо, но главное всегда зависит от устройства в народном представлении». С...¹⁷³ (секретарь общества) прибавляет, что не было сделано никакого определения и совещание кончилось спором, в коем полковник Глинка доказывал, что в России не может существовать никакое правление, кроме монархического. Наконец, ни один не упоминает о предложении касательно императрицы Елисаветы. Впрочем, все происходившее на сем совещании, как показывает Н. М.¹⁷⁴, не имело никакого влияния на образ мыслей и действия членов вообще; не сделано вследствие того никаких предписаний подведомственным Управам, кроме Тульчинской^b, на многих бывших после собраний не говорено о республиканском правлении, а рассуждали о *перемеже образования и ходе Союза благоденствия*, и сам Пестель свидетельствует, что от начала до разрушения сего Союза ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все, единогласно решенное, через несколько часов также единогласно отменяли. Должно, однако же, заметить, что вскоре после вышеописанного *совещания* или *разговора* некоторые из участвовавших в оном членов опять собирались, но *случайно*, как сказывает Пестель, и, продолжая прежние рассуждения, один^c подал мысль о покушении на жизнь императора Александра; Н. М. утверждает, что, кроме него и Пестеля, все бывшие с ним члены отвергли сие предложение как преступное,

* Значит, остальное недостоверно?

** Это слово выделено в оригинале¹⁷¹.

доказывали, что неминуемым последствием такого злодейства были бы все бедствия, все ужасы безначалия; Пестель отвечал, что оные могут быть отвращены учреждением временного правительства из принадлежащих к их тайному обществу, на него восставали единодушно, с жаром, но ужасное предложение, если верить показанию одного С. М.¹⁷⁶, было снова сделано на другом собрании и принято большинством голосов. Из бывших на сем последнем он помнит только себя, Н. М. и Пестеля (с. 29).

^a Объявляю без фраз, что хочу президента. Те, которые предпочитали монархический образ правления, должны были сказать, что хотят монарха.

^b Н. М. и некоторые другие (Ф. д. Б., К., С.¹⁷⁵) подтвердили сие на очных с Пестелем ставках.

^c Пестель и Сергей Муравьев говорят, что Никита Муравьев; а Никита Муравьев, что Пестель.

Прежде чем приступить к разбору обвинений, выдвинутых в этом отрывке из Донесения против тайного общества и лиц, входивших в его состав, я не могу не отметить противоречий между показаниями обвиняемых и непостижимой легкости, с которой они приписывают себе самые ужасные мнения и мысли. Один и тот же факт каждый освещает по-своему, и не с тем, чтобы обелить себя, а чаще всего чтобы предоставить обвинению новый материал против себя. Донесение Следственной комиссии изобилует показаниями, давая которые, обвиняемые как будто хотят заставить судей осудить их; они даже обвиняют себя в вымышленных преступлениях, факт совершения которых опровергается всем процессом.

Разумеется, в цивилизованной Европе не бывало подобного уголовного процесса. Значит ли это, что русские обвиняемые устроены иначе, чем обвиняемые в других странах? Вряд ли; следовательно, приходится допустить, что такие признания были вырваны у них обвинителями и следователями с помощью пытки; каждое из этих непостижимых признаний носит печать насилия, с помощью которого оно получено. В процессах и расследованиях былых времен, когда всем заправляла оставившая по себе страшную память Тайная канцелярия, пытка была узаконена. В протоколах допросов всегда указывали, после какого вида пытки обвиняемый дал тот или иной ответ. Так вот, ответы и показания обвиняемых 1826 года чрезвычайно похожи на показания, каких некогда добивались пыткой, и нет оснований сомневаться, что сие средство было применено и на этот раз. Но в протоколах нет прежней откровенности: они представляют результаты, но умалчивают, каким образом они были получены.

Те сведения о методах допроса обвиняемых в 1826 году, которые мне удалось собрать, делают более чем вероятным мое предположение о применении пыток; но они ничего не прибавляют к очевидной логике самих фактов. Как я узнал, каждого из обвиняемых в отдельности принуждали либо писать свои признания собственноручно, либо диктовать их, либо подписывать заранее заготовленные показания¹⁷⁷. С этой целью адъютанты обходили тюремные камеры, где поодиночке были заперты обвиняемые, а затем передавали все эти клочки бумаги составителю Донесения, который приводил их в своей работе, по-своему перекраивая полученный им материал.

От одного из обвиняемых через два дня после того, как он дал письменные показания, потребовали подписать некую бумагу, сказав, что это копия его показаний; однако он понял, что это не так: в ней содержались противоречащие истине признания, коих он никогда и не думал делать. Но когда он отказался подписывать, его силой заставили написать

свою фамилию внизу этого подложного показания. Через некоторое время, получив свидание с отцом, он сумел передать ему записку, в которой рассказал то, что я только что вам изложил. Теперь я могу об этом поведать, ибо обоих уже давно нет в живых¹⁷⁸.

Позже из заслуживающего доверия источника я узнал еще кое-что об обращении с некоторыми обвиняемыми. Когда военному министру сообщили, что в Петербург только что доставили полковника Пестеля, то первыми его словами был приказ подвергнуть арестованного пытке. Я употребляю здесь лишь общее название сей омерзительной процедуры, не желая вдаваться в гнусные подробности.

Средства насилия, которые использовались, чтобы вырвать у других обвиняемых признания и показания, в точности неизвестны; но есть основания предполагать, что были применены самые отвратительные. Не секрет, что на некоторых надевали страшно тяжелые кандалы, а других морили голодом; некоторых допрашивали в присутствии священника, заклинавшего их покаяться; многим обещали прощение, если они сознаются.

Как мне рассказывали, многих обвиняемых допрашивал сам император. Говорят, что Рылеев, Бестужев и многие другие во время допроса были чрезвычайно откровенны, сдержанны и вели себя на редкость самоотверженно. Они утверждали, что были врагами не императора лично, а лишь его власти. Первый с негодованием отверг мысль о царевубийстве; он энергично порицал тех, кто своим участием в деле, основанном на патриотизме и самоотверженности, пытался удовлетворить личное честолюбие. Говорят, что присутствовавший при этом допросе Пестель усмотрел в словах Рылеева намек на него; задетый этим, он отвечал с жаром, обвиняя Рылеева в слабости и нерешительности. Вообще, как рассказывают, Пестель вел себя чрезвычайно твердо и даже более того. Его энергичный характер ни на миг не изменил ему, несмотря на жестокое и унижительное обращение, коему он подвергся¹⁷⁹. В особенности он проявил это, отвечая на вопросы императора.

Перейдем теперь к обвинению.

Дав очерк истории Союза благоденствия и не найдя в нем ровно ничего преступного, составитель все же вознаградил себя несколькими коварными, но несостоятельными с точки зрения закона и разума измышлениями; правда, он постыдился поместить эти высказывания в самом тексте и отнес в примечание; затем он перешел к тому, что он именуется *достоверным фактом*. Но этот достоверный факт свелся к *разговорам* о разных формах правления! Сам докладчик не может не признать, что ни о чем ином речи не было. Желая, без сомнения, бросить тень на *все* эти разговоры, он рассказывает о случайной встрече трех обвиняемых, сперва признавших, что они высказывали тогда мысли о царевубийстве, а потом — что восставали против подобных идей. Однако нельзя путать частный разговор между тремя лицами с *достоверным фактом*, который взялся изложить автор Донесения и который один только может иметь отношение к обществу. Кроме того, в противоречащих друг другу показаниях этих трех лиц само Донесение не видит ничего *достоверного*. Тогда посмотрим, что же в Донесении именуется достоверным.

По словам одного обвиняемого (П.), было заседание, где все присутствующие, за исключением одного, проголосовали за республиканский образ правления в следующих словах: *un président sans phrases*.

Очевидно, из желания объяснить это весьма неясное голосование, в Донесении, а точнее, в примечании сообщается, что «те, которые предпочитали монархический образ правления, должны были сказать, что хотят монарха». Как видите, это неудачное примечание решительно ничего не объясняет, ибо кто хочет монархии, хочет монарха — это ясно. Но желая во что бы то ни стало придать приведенным словам какой-нибудь смысл, докладчик с помощью этого примечания старается выпутаться из неловкого положения, в какое попал.

Если рассуждать логически, то голосование за формулировку: *un président sans phrase* или *sans phrases*, означает, что президента без фраз предпочитают президенту с фразами. Вопрос, требующий подобного ответа, в сущности, не имеет смысла. Если речь идет о голосовании за монарха или за президента, можно допустить два предположения: либо голосование является простым выражением априорного мнения о монархическом строе или республике и тогда обвинение отпадает само собой: нельзя же вменять кому бы то ни было в преступление теоретическое предпочтение одной формы правления другой. Либо голосование подразумевало или сохранение монархического строя в России, или его уничтожение и установление республики. Но ведь прежде чем голосовать о введении нового правительства, надо сначала *по крайней мере проголосовать* за низвержение старого. Об этом в Донесении ничего не говорится. В нем мысль о цареубийстве не приписывается не только обществу, но даже присутствовавшим на этом заседании членам. Наконец, из текста Донесения ясно, что дело могло идти только об априорном обсуждении, ибо составитель Донесения подчеркивает *заявления* членов о *предпочтении* одного строя другому. Так вот в чем состояло преступление! Поистине следовало позабыть всякий стыд, чтобы перенести центр тяжести на подобное обстоятельство и торжественно наименовать его *достоверным фактом*.

Выражения, в которых, по утверждению составителя Донесения, делались заявления, не способствуют точности обвинений и не делают *достоверный факт* более убедительным. Составителю могло показаться занятным приписать этому несчастному обществу знаменитое изречение, которое, впрочем, никогда и не было произнесено; но за недостатком веских или по крайней мере правдоподобных оснований он был, вероятно, счастлив, что сумел использовать красное словцо для обвинения, выдвигаемого против тайных обществ. Подобный шаг был расчитан на невежественных, небрежных и предубежденных судей, а также на не слишком образованную толпу, составлявшую так называемую публику: докладчик, связывая недавние печальные события с кровавыми воспоминаниями о французской революции, желал поразить умы священным ужасом. Все это, по его мысли, должно было произвести изрядный результат, но его *достоверный факт* не становится от этого ни прочнее, ни реальнее.

До сих пор я лишь следовал за обвинением в том порядке, в каком оно изложено в Донесении. Моя фамилия вставлена здесь среди слов: «*Все объявили, что предпочитают республиканское правление*», и затем: «*Следующими словами: un président sans phrases*»; в скобках сказано: «(между прочими Н. Тургенев)». Такое построение фразы неизбежно подводило к выводу, что я ответил так вместе с другими; но несколькими строками ниже мы читаем показание одного из свидетелей: «Тургенев вместо *приписываемых ему слов* сказал, и т. д.». Итак, эти слова *приписываются* не всем, а лично мне. И кто же вменил мне

их в преступление? Пестель, ибо цитируется именно его показание, приводит их как выражение единодушного мнения; свидетель, утверждающий, что эти слова принадлежали мне, отрицает, что я их произносил. Так не следует ли из этого, что слова эти непременно хотели приписать какому-то определенному лицу? И не потому ли настаивали, что их произнес я, что желали выяснить, так ли это на самом деле? Сего не знаю; но предполагаю, что, чувствуя всю нелепость желания вложить подобный ответ в уста всех присутствовавших, его решили приписать кому-нибудь одному. Тогда уж следовало хотя бы привязать эти слова к чему-нибудь: ведь любой ответ должен согласоваться с заданным вопросом, а этот ни с чем, сказанным выше, не вяжется.

Как бы то ни было, сии слова, уж не знаю кем столь великодушно мне приписанные, по-видимому, успешно сыграли свою роль. Я узнал, что во время процесса или после него любому, кто успел высказаться в мою защиту, тотчас в тоне возмущенной добродетели возражали: «Как! он ведь голосовал за президента без фраз!» Мне даже рассказывали, что один из членов Верховного суда, бывший французский эмигрант и кавалерийский генерал, при решении моей участи так сформулировал свой вотум: «*La mort sans phrases*». Бедняге драгуну, волею судьбы ставшему судьей, можно простить подобную пикантную остроуту¹⁰⁰.

Я часто задавал себе вопрос: с чем могло быть связано подобное обвинение, как сумели выудить эту фразу из наших скромных бесед и приписать ее мне. Я не в силах себе этого объяснить. Помню, однако, что часто слышал в разговоре: «Но это всего лишь фразы! Это набор фраз!» — и т. д. Так не могли ли ответить кому-нибудь, кто говорил о президенте: «Это всего лишь пустые фразы!» — а тому, кто, председательствуя на заседании, хранил молчание: «Вы все время молчите, вы настоящий председатель без фраз». Я гадаю обо всем этом исключительно для собственного удовлетворения, ибо ни один сколько-нибудь справедливый человек не придаст никакого значения подобному обвинению; лишь Верховный суд в Санкт-Петербурге мог счесть его достаточным основанием для смертного приговора.

В особой записке*, составленной Следственной комиссией о каждом из обвиняемых, сказано, что двое из них подтвердили показание Пестеля о приписанных мне словах, тогда как четверо утверждали, что я их не произносил¹⁰¹. Поэтому Следственная комиссия не решилась выдвинуть этот факт в качестве главного обвинения против меня. Суду пришлось последовать ее примеру, тем более что закон запрещал ему опираться на иные факты, помимо установленных следствием; положив эти слова в основу моего осуждения, суд поступил вопреки и здравому смыслу, и формальному закону.

Очевидно, что до сих пор, помимо *достоверного факта* разговоров о различных формах правления, в Донесении Следственной комиссии не выявлено решительно ничего серьезного против тайного общества под названием Союз благоденствия. В нем как бы вскользь упоминается об идее цареубийства, но это упоминание слишком неопределенно, чтобы можно было его обсуждать, а тем более оспаривать. Во всяком случае, эту идею нельзя было приписать обществу; сам докладчик не пытается возводить это обвинение на общество; увлекаемый духом милосердия, он довольствуется тем, что упоминает о нем в связи с некоторыми заседаниями, где, однако, подобный вопрос не поднимался. Эту идею неизменно приписывают Пестелю, вместе с ним всякий раз называя еще двух или трех лиц.

* У меня нет ее сейчас под рукою, и я заимствую свои замечания из моих прежних записок.

Нельзя не удивляться настойчивости, с которой в Донесении пытаются придать мыслям о цареубийстве серьезный характер. Мы знаем, что цареубийство, к несчастью, хорошо известно в России; впрочем, не тайные общества виновны в этом преступлении. Если же размышлять о процессе и отмечать его характерную особенность, то надо сказать следующее: впервые в этой стране люди, задавшись целью насильственным путем изменить существующий строй, не напали под покровом ночи на государя, а открыто подняли знамя восстания. Очевидно, что в 1825 году восставшие хотели отступить от старых русских традиций; сам факт восстания является тому доказательством: оно вспыхнуло среди бела дня и потому, несмотря на все старания составителя Донесения, не могло иметь целью убийство государя. Организаторы восстания, конечно, знали, на что шли; потерпев неудачу, они могли упрекать в ней только себя и сами несли ответственность за свой замысел. Если бы человеческое правосудие покарало их на законном основании, никто не стал бы протестовать; быть может, сами жертвы, даже перед угрозой эшафота, не стали бы сожалеть, что предпочли восстание средствам борьбы с властью, применявшимся ранее, хотя в прежние времена цареубийцы за свое преступление получали в награду и богатства, и почести.

Русское правительство не поняло или, точнее, сделало вид, что не понимает различия между восстанием и цареубийством. Не довольствуясь наказанием восставших, оно еще и приписало им преступления или, вернее, преступные слова, не только не относившиеся к восстанию, но даже несовместимые с ним. Как будто оно задалось целью доказать, что в государстве еще не перевелись цареубийцы. Мало того, оно решило убедить всех, что восстание 1825 года было подготовлено не только его непосредственными участниками, но целыми многочисленными сообществами, и приписало Союзу благоденствия. Значительная часть тех, кто до сих пор томится в Сибири, была сослана только за членство в этом обществе.

К чему же привела избранная государством политика?

Отправить на эшафот деятельных участников восстания вместе с теми, кто, быть может, всего лишь желал этого восстания или говорил о нем, значило одинаково покарать и тех, кто вел разговоры о мятеже, и тех, кто произвел его на деле.

Осудить на гражданскую смерть, на вечную ссылку членов обществ, ни одно из которых по закону не подлежало никакой ответственности, означало предупредить всех, кто пожелал бы вместе трудиться ради какой-либо, пусть даже полезной и нужной цели, что сам факт участия в обществе, не разрешенном особым предписанием правительства, влечет за собой не менее гибельные последствия, чем доказанное участие в подлинном заговоре. Это показывало бы, что одинаковой опасности подвергаются те, кто объединяется в поисках нравственных и мирных способов для излечения болезней своей страны, и те, кто вступает в заговор, желая ниспровергнуть правительство с помощью оружия. Словом, это поощряло бы новые заговоры и восстания, ибо сии последние невольно оказывались предпочтительнее безобидных тайных обществ.

Таковы уроки процесса 1826 года. Я не говорю о смертном приговоре пяти осужденным, хотя смертная казнь формально упразднена русскими законами; ссылка в Сибирь, назначенная другим осужденным, не менее страшна, чем смерть.

Единственный довод в пользу такой политики состоит в том, что она устрасит, а следовательно, сможет предупредить повторение подобных попыток в будущем. Возможно,

это до известной степени верно. Но мировая история и природа человеческого сердца знают истинную цену этому аргументу. Если нельзя отрицать, что столь жестоким способом правительство может внушить страх, то приходится признать и то, что предотвратив этим схожие события в будущем удастся не всегда. У свободы, как и у религии, были свои мученики, будут они и впредь.

Старания Донесения Следственной комиссии и самого правительства возвести на подсудимых всякого рода гнусные обвинения, независимо от истинных деяний, за которые они должны были отвечать перед законом, выставить в неблагоприятном свете их нравственность и приписать им признания, недостойные уважающих себя людей, особенно удивления не вызывают: даже в более передовых странах, чем Россия, в сходных обстоятельствах прибегали к таким средствам. Это, похоже, общепринятая система правосудия. Но нигде по крайней мере не доходят до такой низости, как очернение обвиняемых без предоставления им права на защиту. И надо сказать, что прискорбная честь мужественно заявить об этом принадлежит лично составителю документа; впрочем, это единственное, что он мог бы доказать.

Вернемся к Донесению.

Потратив впустую множество усилий в поисках хоть какой-нибудь улики против общества, докладчик, не желая сознаваться в неудаче, так продолжает свои обвинения:

Между тем присоединение новых членов к *Союзу благоденствия* продолжалось: многие могли быть прельщены рассеянными в Уставе, впрочем, весьма обыкновенными филантропическими и патриотическими мыслями; других завлекали побуждения дружбы, доверенность к некоторым людям или влияние моды, ибо есть мода и на мнения (с. 29).

Здесь логическая непоследовательность уступает только косноязычию. При одной мысли о том, что столь недостойный и даже постыдный документ лег в основу ужасного по своим последствиям процесса, испытываешь чувство отвращения.

Обыкновенность филантропических и патриотических мыслей может не нравиться докладчику, однако от этого сами они не становятся хуже. «Обыкновенность мысли, — отмечает автор французской заметки, написанной в мою защиту, — вовсе не говорит против нее, а, наоборот, свидетельствует о том, что она у всех на устах, что ею прониклось большинство умов, как это свойственно истинам ясным и внятными простому здравому смыслу»¹⁸². Об эпиграмме же, высмеивающей моду на мнения, право, трудно что-либо сказать. Чтобы осмелиться говорить о моде, которая сулит своим приверженцам эшафот, надо иметь сердце, устроенное каким-то совершенно особым образом. Докладчик — плохой знаток законов. Однако при некоторой порядочности и прямоте он мог бы с честью выполнить возложенную на него миссию; но верх взяла его склонность к сарказму, и за неимением доводов он прибег к недостойным шуткам.

Утверждение, что общество проповедовало *обыкновенные мысли*, никак не может быть доказательством его преступности. Я до сих пор не вижу разумных причин обвинять его в чем-либо. А ведь, согласно Донесению, это общество уже приходит в упадок! Ибо тотчас вслед за изящной остротой по поводу *моды на мнения* там говорится:

Один из членов (Александр Муравьев) оставил общество в 1819 году, прося, заклиная всех последовать его примеру, отказаться от всяких противозаконных предприятий и мыслей. Ему отвечали уверениями (ложными), что они с ним согласны и уничтожают общество. Вскоре после того оно и в самом деле, по крайней мере в Петербурге, стало приходить в упадок: некоторые члены, не имея решительности явно отказаться, удалялись из оно́го (с. 31).

Следовательно, мы пришли к упадку общества, так и не увидев его расцвета. Когда Муравьеву ответили, что общество распадается (а ничто не доказывает, что ответ в действительности был иным), ему сказали чистую правду*, и в Донесении это признается. Но здесь составитель вновь делает сноску, где всеми способами старается убедить читателя, что ответ этот был лживым и лицемерным. Он вкладывает в уста одного из обвиняемых следующее показание:

Когда какой-либо член начинал оказывать холодность к обществу, то старались его уверить, что он не один, а и все прочие переменили образ мыслей, что *общество распадается на части и почти уже не существует* (с. 31)¹⁸⁴.

Но как можно называть опасным и грозным общество, самое существование которого сомнительно даже для его участников? Что же это за общество, одни члены которого могут убеждать других то в его существовании, то в том, что оно находится в процессе распада, или даже в том, что оно распущено?

Дело в том, что вопреки своим благим намерениям докладчик сам подтверждает истину, которая — помимо его воли — следует из его повествования, а именно: что общество никогда не вело сколько-нибудь зримой деятельности. И он вынужден признать, что оно, по его собственному выражению, приходило в упадок в этой *банальной* истине не было нужды уверять его участников. Если же, согласившись с *утадкам*, докладчик тем не менее хотел доказать, что утверждения членов общества по этому поводу были всего лишь ловким притворством, то ему дабы остаться в границах логики, следовало привести доказательства преуспения общества и энергичной деятельности его членов; но он не приводит ни одного такого факта. В результате докладчик, сообщив об упадке общества, а потом обвиняя его членов в притворстве, противоречит самому себе.

Лично меня этот отрывок из Донесения интересует только потому, что указывает на 1819 год как на момент, когда Муравьев оставил общество. Я вступил туда после выхода из общества Муравьева.

На мой взгляд, имеется одно обстоятельство, с очевидностью доказывающее, что показания обвиняемых либо непонятным образом искажались, либо были получены насильственным путем. Согласно Донесению, именно Никита Муравьев сообщил, что «когда какой-либо член начинал оказывать холодность к обществу, то старались его уверить, что общество распадается и т. д.». А я вспоминаю, что, спросив однажды у самого Н. Муравьева, сколько членов примкнуло к обществу, получил ответ, что почти 200, но некоторые отошли от него, и среди прочих генерал П..., с которым я был знаком. Шутя он при-

* Было бы нелепо отвечать человеку, *только что оставившему* общество, одним из основателей которого он был, что общество это *было распущено*, ибо он сам был в состоянии судить об этом; могли сказать только, что общество *распадается*. Итак, упрек в лживости следовало направить в адрес не общества, а самого докладчика, приписавшего обществу ответ, которого не могло быть¹⁸⁵.

бавил, что и сам он, и другие, получившие подпись генерала, иногда забавлялись, пугая его. Когда же тот захотел взять свою подпись назад, они ответили ему, что устав Союза за-прещает это, одновременно дав ему понять, что общество по-прежнему преуспевает, расширяется и т. д. и т. д.; генерал был вдвойне напуган¹⁸⁵.

Не знаю, происходил ли когда-нибудь разрыв с обществом *публично*; о *письменном* от-казе одного из членов мне известно только из Донесения, где об этом упомянуто¹⁸⁶. Этот член был одним из основателей общества и мог желать формального отречения от своего детища; но от чего было отречься другим? Общество не подавало никаких признаков жизни; оно никогда не имело черт организации. Желая соблюсти точность, следовало бы сказать вот что: некоторые лица попытались образовать общество; не преуспев в этом, они мало-помалу разошлись; но добросовестность заставила их в конце концов провести формальную процедуру роспуска. Выше мы видели, как несколько человек, взяв за образец уста-вы тайных обществ Германии и движимые отнюдь не преступными мотивами, написали устав своего общества. Этот устав показывали, можно сказать, каждому встречному и попе-речному; мне его принес человек, которого я едва знал по имени. Устав читали, находили, что он во всем хорош, и охотно соглашались примкнуть к лицам, намеревавшимся трудиться для общего блага; одни давали письменное обязательство, другие — устное; я никаких обязательств не давал; затем, видя, что общество ничего не делает, а его члены считают себя таковыми только пока им это удобно, в конце концов переставали о нем думать. Вот так отходили от общества. И доступ в общество, и выход из него были одинаково легкими.

Добравшись до периода упадка общества, докладчик, утомленный битвой с ветряны-ми мельницами в Петербурге, переходит к Тульчину и ищет во второй армии более убе-дительные доказательства преступности общества.

На юге Пестель принял многих в *Союз благоденствия*, показывая нововступающим первую часть Устава (с. 32).

Так как этот устав, по признанию самого докладчика, не содержал с точки зрения за-кона ничего предосудительного, то очевидно, что Южное общество так же не давало ос-нований для обвинения, как и петербургское.

Однако ж в исходе 1820 года и между бывшими в сем крае начали оказываться холодность, несогласия в мнениях. Для прекращения разномыслия положено быть в Москве съезду депу-татов *Союза* для точнейшего определения цели и действий ононого (с. 33).

В этом отрывке Донесения повторяется — только иными словами — все, что уже ска-зано о петербургском обществе: в Тульчине, как и в Петербурге, с 1820 года общество пре-бывало в состоянии упадка. Эту дату надо отметить, ибо, согласно Донесению, в том же 1820 году происходило голосование в поддержку республиканского строя. После подобно-го вотума, кажется, можно было считать, что цель общества вполне определена; но нет, по словам докладчика, цель и средства для ее достижения предстояло определить в Москве.

Докладчик Следственной комиссии не говорит ничего ясного о важнейшем — о цели общества; однако вполне можно понять, что, по его мнению, у общества не было иной цели,

кроме той, что указана в уставе. Тем не менее после нескольких брошенных в примечаниях намеков о *действительной* цели общества, состоявшей, по его убеждению, в изменении государственного строя, он в конце концов начинает говорить об этом как о доказанном и неоспоримом факте. В каждом обвинительном приговоре содержатся следующие слова: «Тайное сообщество, имеющее целью бунт». Из-за подобных чудовищных неточностей я вынужден был на каждом шагу сталкиваться с ложностью этого обвинения, которое, вопреки изложенным в Донесении фактам, оказалось среди оснований для осуждения.

Не доказывает ли все это, что у общества не было иной цели, кроме указанной в уставе, даже если некоторые члены и желали поставить перед ним другую цель, то это могло произойти только после московского съезда, а на нем общество было распущено! Вряд ли накануне роспуска общества стали бы принимать решение об определении его цели и средствах ее достижения.

Ни средства, ни цели не изменились. Они по-прежнему были неопределенными, и лучшее доказательство тому — полное бездействие общества: если бы оно действовало, тогда хотя бы знали, каким образом оно это делает. А между тем в Донесении, наоборот, говорится о предполагаемом съезде именно как о совещании для уточнения способов действия.

Но если в самом Донесении Следственной комиссии констатируется сей факт, то как следует относиться к намекам составителя на некие предполагаемые планы, о которых он обвиняками говорит в примечаниях? Изложенные им факты звучат громче отдельных показаний, вырванных, вероятно, при помощи насилия, полностью лишенных правдоподобия и противоречащих другим показаниям. В своих примечаниях докладчик может сколько угодно твердить, что тогда-то возникла идея царевубийства, а в такое-то время целью общества стало ниспровержение существующего строя, однако изложенные им факты — факты исторические, приведенные в хронологическом порядке, разрушают его домыслы, равно как и невразумительные и неправдоподобные показания некоторых обвиняемых.

Итак, докладчик сам разрушил чудовищное сооружение, воздвигнутое им с такими усилиями на основании мнимого показания одного из обвиняемых, которое не только не совпадает с другими показаниями, но даже опровергается ими. Выше он говорит о *достоверном факте* — но из только что приведенного отрывка мы узнаем, что Пестель и другие члены общества задумали собраться, чтобы *определить цель общества и его образ действий*; отсюда совершенно ясно, что сей *достоверный факт* представляет собой всего лишь беседы некоторых членов общества о различных формах правления. Любое иное толкование противоречило бы фактам, описанным в самом Донесении.

Могут заметить, что составитель Донесения, излагая то показания обвиняемых, то противоречащие им факты, опирается лишь на слова обвиняемых. Вероятно, именно в этом и заключались долг и право докладчика; но, если допустить, что такие показания действительно были получены, он должен был бы просто привести их, не делая собственных выводов и не стараясь связать с фактами, к которым они не имели отношения. Ему не следовало подчеркивать те показания, которые, по его мнению, подкрепляли обвинение, и оставлять в тени те, которыми могла воспользоваться защита. Короче говоря, ему нужно бы изложить картину следствия так, как оно велось, приводя факты и признания обвиняемых во всей их непоследовательности и не стараясь составить из них закончен-

ное и логическое целое, по-своему подтасовывая данные и извлекая из них необходимые выводы. Во всех случаях — ибо сие замечание применимо ко всему труду докладчика — при составлении Донесения ему ни на минуту нельзя было забывать, что обвиняемые, на которых он нападал, были лишены возможности защищаться, а это возлагало на обвинителя обязанность не только быть беспристрастным, но и непременно сообщать все, что во время процесса говорилось в пользу обвиняемых. Докладчик знает Англию; он был советником русского посольства в Лондоне; он называл себя другом лорда Джона Рассела и других выдающихся деятелей этой страны; он наблюдал английское уголовное судопроизводство и не мог не заметить, что подсудимые не имеют там адвокатов для защиты и подлинным защитником обвиняемого является сам судья. Какие же уроки извлек он из своего пребывания в цивилизованной стране?

Как бы то ни было, о действиях Союза благоденствия в Тульчине, или во второй армии, в Донесении Следственной комиссии больше ничего не сказано. Далее в нем говорится:

Генерал-майор фон В... приезжал из Тульчина в Петербург для приглашения депутатов, и в Москву отправились Н. Тургенев и Г.¹⁸⁷ (с. 33).

Произошло несколько собеседований. Наконец, в конце февраля 1821 года, на общем заседании положено уничтожить Союз. Тургенев, как председатель, от имени всех уполномоченных членов объявил прочим, что их сообщество разрушилось совершенно и навсегда (с. 35).

Дойдя до роспуска Союза благоденствия, кратко повторим факты, установленные Донесением Следственной комиссии о деятельности этого общества:

- 1) оно было учреждено в 1818 году;
- 2) его устав, подробно разбираемый в Донесении, не содержал решительно ничего преступного;
- 3) оно никогда не имело иной цели, кроме той, что была провозглашена в его уставе;
- 4) организация, очерченная в уставе, никогда не существовала в действительности; в начале 1821 года общество было распущено, не оставив никакого следа своего бытия;
- 5) один-единственный *достоверный факт*, вменяемый в Донесении в вину обществу, сводится к беседам некоторых его членов о различных формах правления.

Вот вкратце все пункты обвинения, выдвинутые против общества как такового.

Очевидно, что никакого обвинения против подобной организации выстроить нельзя.

Оставляя в стороне само общество, именуемое Союзом благоденствия, Донесение обрушивается на некоторых его членов, пытаясь свалить их ошибки или личную вину на общество в целом. С этой целью в Донесении отмечено:

- 1) Основание в 1817 году некоторыми членами *Союза общественного благоденствия* тайного общества, вскоре после этого распущенного и имевшего целью, по утверждению докладчика, изменение государственного строя империи¹⁸⁸.

Это общество, распущенное в самый год своего образования, не могло дать оснований для обвинения, если даже признать преступлением желание перемен, носившее, впрочем, совершенно неопределенный характер.

2) Мысли о цареубийстве, высказанные и тотчас же оставленные некоторыми членами этого первого общества в 1817 году, т. е. до учреждения *Союза благоденствия*¹⁸⁹.

Как бы преступны ни были эти мысли, они были оставлены тотчас после того, как были высказаны, и не могут являться главным основанием для возбуждения обвинения, связанного с событиями, происшедшими в 1825 году, то есть восемь лет спустя. Право любой страны признает факт преступления лишь в том случае, когда преступное намерение и преступное деяние совпадают по времени. Во всяком случае, нельзя возлагать ответственность за эти идеи ни на Союз благоденствия, ни на тех его членов, которые никогда не высказывали подобных мыслей.

3) Еще мысли о цареубийстве, высказанные на этот раз двумя или тремя лицами не на заседании общества, а при случайной встрече¹⁹⁰.

Сии мысли, приписываемые то Пестелю, то другому лицу, по словам составителя Донесения, были отвергнуты. Повторяю: какими бы возмутительными ни были по сути эти идеи, они не имели никаких последствий, а потому не могли стать основанием для обвинения кого бы то ни было, а тем более общества, которое не знало об их существовании.

4) Показание одного члена *Союза благоденствия* о том, что цель его состояла в «изменении государственных установлений» и что для достижения этой цели «признавали нужным распространять политические знания и стараться овладеть мнением публики»¹⁹¹.

Если бы общество действительно задалось этой целью и применяло бы вышеуказанные средства, то и тогда не было бы оснований предъявлять ему какое-либо обвинение. Но это не отличающееся четкостью и лишенное какого-либо значения одиночное показание, помимо всего прочего, опровергается фактами, приведенными в самом Донесении; из них следует, что общество вплоть до роспуска преследовало цель, указанную в его уставе, а съезд в Москве, где общество было распущено, созывался для более точного определения цели и, быть может, ее изменения.

Против нескольких привлеченных к ответственности лиц в Донесении выдвигается лишь одно серьезное обвинение: в том, что в 1817 году они высказывали идею цареубийства. Хотя эта идея появилась еще до возникновения нашего общества и была тотчас оставлена, само упоминание о ней не может не бросить тень на общество, куда позднее вошли обвиняемые в этом преступном замысле лица. Мнимые цареубийцы испустили свое преступление. Но действительно ли речь идет о преступлении? В какой цивилизованной стране людей обвинили бы за то, что восемью годами ранее, в царствование другого монарха, они высказали и тотчас же оставили идею цареубийства? Какая существует связь между их словами в 1817 году и восстанием 1825 года? Естественно, возникает вопрос: отчего вдруг в 1826 году обвиняемые стали говорить о намерениях, высказанных ими в 1817-м? Что это? Желание обвинить себя в преступных намерениях раньше, чем это сделает власть? Донести на себя, признать себя виновным в преступлении, не имеющем никакого отношения к тому, за которое их привлекли к ответственности? Подобные признания обычно делаются лишь тогда, когда уже осужденные на

смерть люди хотят облегчить свою совесть! Что же: русские обвиняемые уже считали себя осужденными, раз им было предъявлено обвинение? А может, их показания были вырваны под пыткой? Оба эти предположения не делают чести примененному в этом случае способу судопроизводства.

Остановившись на роспуске Союза благоденствия, закончу замечанием, вытекающим из всего рассмотренного нами выше, — что это общество было создано, несомненно, почтенными и благонамеренными, но недостаточно серьезными людьми. В доказательство скажу, что впоследствии одни из них ударились в ребяческую набожность, а другие сумели сблизиться с правительством и заслужить его милости. Когда в общество вошли серьезные люди, они не замедлили убедиться, что в том виде, в каком они его застали, и даже при самых благоприятных обстоятельствах оно всегда пребудет всего лишь химерой, мечтой.

II. События, случившиеся после роспуска Союза благоденствия

ДОКАЗАВ с обвинительным актом в руках, что для обвинений как Союза благоденствия, так и меня лично не было никаких оснований, я приступаю к рассмотрению событий, случившихся после роспуска этого общества.

До сих пор Донесение было довольно ясным — по сравнению с тем, что нам предстоит увидеть дальше. Докладчик имел перед собой некое подобие общества, которое могло служить предметом его разысканий; теперь он будет стараться доказать существование одного или даже нескольких новых тайных обществ. Но все его попытки будут совершенно напрасны, ибо невозможно доказать, что общество, распущенное в 1821 году, впоследствии было заменено другим. Говоря о распущенном в 1821 году обществе, составитель Донесения приводит его устав, с грехом пополам устанавливает, что пока общество существовало, происходили собрания, собеседования; однако никаких убедительных доказательств существования другого общества не дает. Он утверждает, что обвиняемые хотели образовать одно или несколько обществ и даже работали в этом направлении, но не приводит ни одного факта, свидетельствующего, что эти намерения когда-либо осуществились. Он говорит о беседах различных лиц; но даже если тогда шла речь о создании общества, если обсуждение касалось политических или любых иных материй, тем не менее ничто не указывает на то, что лица эти были связаны друг с другом узами общества, единством взглядов или неким планом поведения, коему они следовали. В Донесении и здесь не забывают в очередной раз сослаться на замысел царевубийства, и делают это даже чаще, чем в первой части; но если эта идея, действительная или мнимая, бросает тень на некоторых лиц и, если угодно, делает их до известной степени виновными, то как она может служить доказательством существования или устройства какого-либо общества? Как здесь можно усмотреть подтверждение того, что события 1825 года были делом рук некоего тайного общества?

Лично меня во второй части Донесения обвиняют во многом; но эти обвинения такие путанные и противоречивые, что я долго колебался, прежде чем решился опровергать их. Я бы предоставил эту заботу самому Донесению, но потом решил, что никто не станет отыскивать истину в этом темном и запутанном лабиринте, хотя, вопреки всем злобным стараниям ее скрыть, она там присутствует. Я извлеку ее из этого документа, послужившего основой для моего осуждения. Я докажу, что мог отвечать лишь за свое участие в Союзе благоденствия, что я никогда не принадлежал ни к какому другому обществу и даже не знал о его существовании; докажу, наконец, что нет оснований думать, будто новое общество действительно возникло, а тем более, повторяю, приписывать ему подготовку восстания 1825 года.

Продолжаю цитировать Донесение.

После рассказа о роспуске Союза благоденствия там говорится:

Но истинные причины, побудившие сделать сие объявление, как показывают трое обвиняемых, были чувство, что Устав неясно определял цель Общества, отчего деятельность оно уменьшалась, и желание удалить членов, кои уже хладели в усердии к сей цели или не знали оной и по характеру своему и образу мыслей казались неспособными содействовать (с. 35).

Можно только восхищаться легкостью, с которой докладчик изначально решает, что роспуск общества был лишь *показным*. Он не замечает, что, пытаясь подкрепить это утверждение, разрушает все свои предыдущие построения для доказательства преступности общества. Действительно, приводимые им показания свидетелей гласят, что *цель прежнего общества была определена слишком смутно*, однако он ранее уже считал, что цель эта была ясной и определенной, и даже не побоялся предположить, что речь шла о цареубийстве. Кроме того, он совершает ошибку, говоря, что цель была неизвестна некоторым членам общества, тогда как в самом начале он утверждал, что устав, пусть смутно, но все же намечал ее: следовательно, невозможно, чтобы никто из членов о ней не знал. Желая во что бы то ни стало свести цель общества к мятежу, великодушный докладчик пытается истолковать в этом смысле показания обвиняемых о цели, *определенной* в уставе, то есть цели, которая при всей расплывчатости формулировки тем не менее не давала никакого повода к подобному толкованию.

Объявив, что общество было распушено лишь *для вида*, он, видимо, хочет сказать, что в действительности общество продолжало существовать. Но ничего подобного не было. Вот как он продолжает свое повествование:

Бывшие в Москве руководители оной тогда же решились (сие объявляют двое обвиняемых¹⁹²) со временем составить новое общество* и разделить его на две степени, с тем чтобы только

* Оставив Москву вскоре после роспуска общества и уехав в Симбирск, куда призывали меня личные дела, я не могу сказать, что произошло там впоследствии. Я буду по-прежнему опровергать Донесение самим Донесением.

Впрочем, на мой взгляд, следует отметить, что к приведенным здесь именами двух свидетелей Донесение прибавляет третье — Никиты Муравьева. Но сей последний не был тогда в Москве и поэтому никак не мог свидетельствовать о роспуске общества. Такое противоречащее фактам и неверное упоминание имени Н. Муравьева показывает, какое употребление мог делать докладчик из его имени при других обстоятельствах. Это имеет значение для моей защиты, так как имя этого свидетеля было впоследствии использовано, чтобы выдвинуть против меня совершенно ложное обвинение, долгое время оставшееся для меня непостижимым, пока искренние опровержения самого Н. Муравьева не помогли мне разгадать эту загадку¹⁹³.

принадлежащим к первой была известна настоящая цель оногo: готовить Россию к изменению государственных установлений... Один из обвиняемых¹⁹⁴ утверждает, что сие тайное общество, с названием, коего он не помнит, тогда же и составилось. Другой обвиняемый¹⁹⁵ — напротив, что все окончилось одними предположениями и признанием, несколько раз повторенным, что никакая цель не оправдывает средств. Первый прибавляет, что назначенные в Москве и Смоленске отделения не были учреждены (с. 36).

Вот на каких свидетельских показаниях построено обвинение! Разве не ясно, что в них нет ничего утвердительного? Один из допрошенных не помнит даже названия *уже учрежденного* общества, а другой утверждает, что все ограничилось планами. Один, заявляя, что было решено *со временем* создать новое общество, *утверждает* также, что это общество существовало *уже с этого времени*.

Но допустим на минуту, что так называемое решение образовать новое общество было действительно принято; ради чего же?

Со временем составить новое общество, чтобы *готовить* Россию к изменению государственных установлений.

Прекрасно! И что можно сказать о людях, выражающих намерение *составить* общество, но не составляющих его; желающих создать общество *для подготовки* политических изменений, но не занимающихся ни обществом, ни тем более этими изменениями, характер которых так нигде и не указан и не объяснен?

Далее в Донесении:

Другой обвиняемый утверждает, напротив, что все окончилось одними предположениями.

Я спрашиваю: подкрепляют ли эти два показания утверждение, что роспуск старого общества был фиктивным? Нет, разумеется. Но у докладчика были свои основания повторять на каждой странице, что в России существовали тайные общества, уже созданные или же только создающиеся, и целью их было произвести некие перемены (не имеет значения какие) в существующем строе. С неслыханным бесстыдством шел он к своей цели и добился ее: приговоры были вынесены.

Что же касается дополнительного показания одного из обвиняемых, а именно слов «неоднократно признавалось, что никакая цель не оправдывает средств», то понять, почему они были сказаны, трудно, ибо вопрос о средствах не поднимался никогда. Но я знаю, кто произнес эту фразу, — это генерал-майор фон Визин; я был знаком с ним и питал к нему величайшее уважение. Это был человек честный, чистый, добродетельный в полном смысле слова. Он часто повторял эти слова, ибо они чрезвычайно гармонировали с его прямодушием. Вероятно, давая показания перед судом, он сослался на свой излюбленный принцип, видя, что его обвиняют в злодеяниях, от которых он был далек даже в мыслях. Не решаясь полностью опустить слова, которые могли повести к оправданию или по крайней мере смягчить вину, докладчик поместил их с таким расчетом, что они потеряли всю свою ценность.

Получив в Тульчине известие о роспуске общества, Пестель и некоторые другие (числом десять) не захотели присоединиться к этому роспуску и приняли название *Бояр Союза* (с. 38).

Впрочем, в Донесении не говорится ничего ни о цели, ни о средствах, принятых этим новым обществом; видимо, оно также не могло дать повода к преследованию*. Заметим лишь, что этим отрывком, как и многими другими, Донесение доказывает, что роспуск общества был истинным, а не *показным*, как хотелось бы думать его редактору.

Далее в Донесении говорится:

Они выбрали *председателями*, или *директорами* Пестеля, Ю...кого¹⁹⁶ и сначала третьим Никиту Муравьева, ибо думали, что и он, не быв в Москве**, также не согласен на уничтожение общества. Но в Петербурге, как утверждает Никита Муравьев, оно было, по крайней мере, совершенно расстроено.

Читая этот отрывок, как можно поверить, что перед нами документ уголовного судопроизводства, обвинительный акт, повлекший за собой множество суровых приговоров? Указав, что несколько человек в *Тульчине* присоединили к себе Н. М., редактор Донесения прибавляет: «Но последний утверждает, что общество в Петербурге было распущено». Какую связь имеет это *но* с предыдущими словами? Почему Тульчин и Петербург смешиваются в одну кучу? Однако отсутствие логики не скрывает намерений докладчика. Узнав, что роспуск общества не был одобрен некоторыми членами в Тульчине и что эти члены ожидали, что с их мнением в Петербурге будет согласен Н. М., докладчик старается доказать, что и в Петербурге роспуск был признан не всеми, а следовательно, прежнее общество продолжало существовать. Н. М. допрашивают, но его ответ, приведенный в Донесении, не подтверждает измышлений докладчика, ибо «совершенное расстройство», в сущности, равносильно роспуску. Однако докладчик не признается в неудаче и со своей обычной добросовестностью выпутывается из затруднения в коротеньком примечании, где устанавливает преемственность между тайными обществами в Петербурге, не позволяя никаким разрывам и пробелам нарушать стройность и гладкость его рассказа. Вот это примечание, следующее непосредственно за утверждением Н. М. относительно роспуска общества в Петербурге:

Один из обвиняемых (С.)¹⁹⁷ показывает, что Н. Тургенев, возвратясь из Москвы в 1821 году, начинал из некоторых членов уничтоженного Союза составлять новое тайное общество; в оное приглашал прежних, князя Об...го, полковника Нар...на¹⁹⁸ и его, С., да принял полковника Митькова, Толстого и Миклашевского. Вскоре потом гвардия выступила в поход и действия общества прекратились. С. не знает, имело ли оно Устав; он прибавляет, что ни Тургенев, ни другие члены сего Общества не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии (с. 38 и 39).

Таким образом, согласно этому показанию, деятельность основателя нового общества ограничилась приемом трех лиц и предложением трем другим лицам примкнуть к ним. Что же представляло собой это общество? Какова была его цель? Какие средства

* Мне совершенно неизвестно все происходившее в Тульчине; я даже не знаю большинства фамилий, упоминающихся в связи с этими событиями в Донесении. Здесь, как и прежде, я вновь стану сражаться с Донесением его собственным оружием.

** Это служит доказательством того, что Никиты Муравьева не было в Москве и он, следовательно, не мог дать никаких показаний о роспуске общества, как я заметил для своей защиты выше.

оно применяло? В Донесении об этом не говорится ни слова. Единственный человек, показания которого в нем приведены, не знает даже, имело ли оно устав. Больше упоминаний об этом обществе в Донесении нет. Итак, если согласиться, что подобное показание было дано и соответствовало истине, ясно, что все свелось к бесплодной попытке основать общество, о котором ничего не известно и нигде не говорится. Неужели можно строить обвинения на этом?

Впрочем, нельзя пройти мимо замечания, завершающего сие любопытное показание; оно гласит: лица, о которых идет речь, «никогда не обнаруживали злодейственных намерений против императорской фамилии».

Для чего допрашиваемый *прибавил* это замечание? Подобное заключение отнюдь не следует из сказанного им ранее. В Донесении упомянутые фамилии до сих пор не приводились в связи с замыслами цареубийства. Ясно, что если не все показание, то по крайней мере данное замечание было сделано в ответ на вопрос, предложенный свидетелю. Обвинение хотело получить хотя бы малейшее основание для утверждения о том, что старое общество было распущено только для виду и что всему обществу было присуще стремление к мятежу и цареубийству. С таким расчетом оно и задавало свои вопросы; но как ни лживы были ответы, они далеко не отвечали стремлениям обвинения.

Вот по какой причине могли быть сказаны эти слова. После моего возвращения в Петербург секретарь прежнего общества (С.) — тот, кто дал приведенное показание, — сказал мне однажды, что некоторые из его друзей, которых, впрочем, я почти не знал, как члены этого общества, так и не принадлежавшие к нему, спрашивали его о причинах роспуска общества и о том, следует ли вовсе отказаться от подобной деятельности. Не удовлетворившись его объяснениями, они пожелали поговорить со мной, чтобы от меня узнать, чего им следует держаться. Я тотчас согласился встретиться с ними и рассказать, что произошло в Москве. Действительно, я побывал у одного из этих господ, где кроме С. были еще трое: Об...кий, Я. Толстой и Миклашевский. Я сообщил им о принятом в Москве решении и устно изложил свое убеждение в том, что в России трудиться для общего блага с помощью тайных обществ совершенно невозможно. Я настаивал на личных усилиях и особенно советовал заняться освобождением крепостных — делом, для которого достаточно собственных трудов или же общих действий двух-трех друзей, по природе своей несовместимых с тайной. Все мои сношения с этими господами ограничились той единственной встречей.

Два лица, которым, согласно показанию, я предлагал присоединиться ко мне, хранят молчание; по крайней мере, в Донесении о них ничего не говорится. Двое других, судя по записке, приложенной к Донесению, наоборот, показали, что были приняты мною в общество.

Относительно одного из них, полковника Митькова, докладчик явно напутал. Полковник Митьков принимал участие в старом обществе. Узнав о нем от многих друзей, он пожелал ознакомиться с уставом и, не найдя его текста у других, обратился ко мне. У меня устава также не было, но я раздобыл его и ознакомил с ним Митькова. Скорее всего, он, принуждаемый ответить, кто ввел его в общество, не нашел ничего лучшего, как назвать имя того, кто показал ему устав. В Записке, приложенной к Донесению, могло говориться только о вступлении полковника Митькова в Союз благоденствия, а это

предполагаемое вступление не давало законного повода к тому, чтобы обвинить меня, так как общество, само по себе к тому же непроступное, было уже распущено¹⁹⁹.

Показание второго лица, сообщившего, что я принял его в новое общество²⁰⁰, также нельзя вменять мне в преступление, ибо, согласно самому Донесению, это общество ничего не сделало и даже не было окончательно учреждено.

Я никогда никого не принимал ни в какое общество — таковы факты. Желая во что бы то ни стало доказать, что прежнее общество было распущено только для виду, докладчик, очевидно, ухватился за сообщение о принятом в Москве решении, сделанное мною частным образом несколькими лицам, и превратил его в намерение восстановить бывшее общество или же основать новое. Впрочем, не исключено и даже весьма вероятно, что указанные лица хотели устроить какое-нибудь общество и говорили об этом со свидетелем С..., являвшимся обычным посредником между членами прежнего общества. Этот С..., добровольно или же под давлением судей, изобразил мою встречу с этими господами в виде попытки образовать новое общество, которое, однако, по его собственным словам, никогда не было образовано. Другие же, точнее, один из них, а именно М...кий, утверждение коего мне по-прежнему непонятно, мог на допросе подтвердить показание С... прежде всего потому, что оно незначительно само по себе, и еще потому, что ему пришлось вспоминать события, происходившие пять лет назад.

Третьим лицом, присутствовавшим на собрании вместе со мною, был г-н Я. Толстой; его ответ в Донесении не указан. Во время восстания 1825 года г-н Толстой находился во Франции; когда в Париже для меня составляли оправдательную записку, его попросили дать разъяснения относительно этого обстоятельства. В письме, которое я до сих пор храню, он ответил, что «предложение войти в тайное общество было сделано ему не Н. Тургеневым, а С... (давшим показание, о котором идет речь), и что общество, в которое ему предложено было вступить, было не что иное, как старое общество — Союз благоденствия»²⁰¹.

Из всего вышесказанного явствует, что показание С... не могло дать разумного основания для возбуждения судебного преследования. Но, повторяю, оно было необходимо докладчику для установления преемственной связи между тайными обществами. Если докладчик, сам того не желая, опровергает это показание в примечании, то он не жертвует им в тексте, где продолжает считать вполне доказанным, что старое общество было распущено лишь для того, чтобы уступить место новым. Его рассказ становится более запутанным, в нем множатся противоречия, и с увеличением усилий для поддержания излюбленного тезиса о постоянном и повсеместном существовании тайных обществ, имевших целью мятеж, ложь становится все более очевидной. Тезис сей, видимо, принятый судьями, ежеминутно опровергается самим Донесением. Мои объяснения относительно содержания данной части Донесения могут показаться менее ясными, нежели объяснения, данные относительно содержания части предыдущей. Дело в том, что всегда трудно объяснить то, что понимаешь лишь наполовину или не понимаешь вовсе. Сложно отвечать на обвинения, неопределенные по содержанию и расплывчатые по фактам; еще труднее отвечать на непредвиденные или неожиданные обвинения. Тем не менее я продолжу следовать за Донесением и восстанавливать факты, но исключительно в интересах выяснения истины; ибо, признаюсь, для меня лично они не имеют особого значения; нет у меня и оснований исказить их.

После показания Н. Муравьева относительно действительного роспуска общества в Донесении говорится:

Только в исходе 1822 года сие Петербургское, или Северное, общество снова образовалось (с. 39).

Здесь имеется отсылка к следующему примечанию:

Главными из сих основателей, или возобновителей общества, по словам Н. Муравьева, были: он сам, князь Оболенский и Н. Тургенев, который, однако же, не участвовал в принятии новых членов.

Далее следует рассказ об организации этого общества, в котором, среди прочего, можно прочесть:

Многим, коих назначали слепыми орудиями, говорили только, что их дело рубиться... Возобновив тайное общество, начальником оного несколько времени признавали одного Никиту Муравьева, потом в конце 1823 года присоединили к нему князя Сергея Трубецкого, лишь возвратившегося из-за границы, и князя Евгения Оболенского. Через год после того первый отправился в Киев и т. д. (с. 41).

Здесь опять ссылка на примечание, где говорится:

Место правителя предлагали Н. Тургеневу, он отказался за нездоровьем, множеством иных занятий и худым успехом его председательства в Москве.

К этой цитате из Донесения я прибавлю следующие слова, помещенные в нем ниже, на с. 79:

Между тем и в обществе Петербургском явилась большая против прежнего и беспокойная деятельность, особливо со времени вступления Рылеева в Думу на место князя С. Трубецкого

(т. е. в конце 1824 года, как видно по с. 41).

Все данные, содержащиеся в этих извлечениях, основаны на разрозненных показаниях различных лиц. В Донесении нет решительно никаких указаний на существование устава или распорядка какого-либо нового общества. Поэтому нападать на общество разумных оснований нет; нападки же на отдельных лиц имеют целью возложить на них ответственность за преступные и противозаконные намерения, в которых они сами признались — если, разумеется, в глазах закона неосуществленные намерения также подлежат каре. Отсутствие учрежденного или возобновленного общества, о котором говорится в Донесении, тем более очевидно, что показания, на которых основывается Донесение, говорят как раз, что

все эти правила (как это видно выше) весьма не строго наблюдались (с. 40).

На самом деле, все свелось к усилиям основать новое тайное общество, кои прилагались недовольными роспуском общества в Москве.

В Донесении нет никаких следов устава этого нового общества, а тем более никаких указаний на его действия, на устройство совещаний. Говорится лишь следующее:

Сии два общества (Южное и вновь организованное Северное) имели одну цель — испровержение существующего порядка, и в обоих уже занимались сочинением законов для преобразования России (с. 42).

Но в Донесении нет никаких доказательств ни того, что цель общества была именно такой, ни того, что было решено составить или принять проект конституции, который составитель цитирует, приписывая его лично г-ну Муравьеву, равно как и другой проект, приписанный Пестелю. Если эти проекты были преступны, то за них должны были отвечать их сочинители.

Наконец, докладчик сам соглашается, что это новое общество развернуло некую деятельность только после того, как в конце 1824 года одним из членов Думы стал Рылеев. По крайней мере до этого времени общество следовало рассматривать как несуществующее.

Лично мне даже странно, что докладчик, постоянно старающийся выдвинуть против меня не только плохо обоснованные, но и поистине невероятные обвинения, не связал с моим именем проектов конституции, о которых он говорит в Донесении. Ведь известно, что я выработывал проекты различных уложений как для Государственного совета, так и для Комиссии составления законов. Было бы вполне естественно, чтобы общество, занимавшееся проектами конституции, возложило их составление на меня или по крайней мере посоветовалось со мной. Но нет же! Общество оказалось настолько неблагодарным, что оставило одного из своих основателей в полном неведении о своих действиях. Правда, в одном из примечаний в Донесении, на с. 66, указано, что проект конституции Н. Муравьева так и не был завершен²⁰². О проекте же, составленном Пестелем, в примечании на с. 61 Донесения приводятся показания одного из обвиняемых, представленного верным слугой Пестеля; это лицо утверждает, что ему известны лишь короткие отрывки этого проекта и совершенно неведомы главные его положения. Из показаний, приведенных все на той же 61-й странице, становится ясно, что и другие обвиняемые, преданные Пестелю и готовые истребить все, лишь бы установить предлагаемую им в проекте форму правления, не были знакомы с этим проектом²⁰³. Итак, вот они, новые законы и реформы, которыми занимались *общества* согласно Донесению!

Однако обратимся к материалу, который на этой странице относится ко мне.

Общество было восстановлено в 1822 году; среди тех, кто восстанавливал его, по словам Н. М., были он сам, князь Оболенский и я.

Немного ниже в Донесении говорится следующее:

После возобновления тайного общества начальником оно было один Никита Муравьев.

В 1823 году к нему присоединили двух других председателей: князя С. Трубецкого и князя Евгения Оболенского.

В примечании говорится, что мне предлагали место правителя, но я отказался. Автор этого показания не назван*²⁰⁴.

В конце 1824 года Трубецкой был заменен Рылеевым.

Как увязать эти цитаты, согласно которым вождем общества после его реорганизации в 1822 году был только Н. Муравьев, а затем, до конца 1824 года, он и два других члена, а вдобавок еще и я? Пытаясь устранить эту бессмыслицу, докладчик приводит в примечании неизвестно кому принадлежащее показание, с помощью коего стремится убедить читателя, что, переустроив общество, я отошел в тень и отказался от власти со всеми ее соблазнами. Но показание Н. Муравьева не допускает такой гипотезы, ибо он говорит только, что я воздерживался от приема новых членов: следовательно, я оставался вместе с ним во главе общества, продолжал исполнять свои обязанности, но не старался вербовать приверженцев.

Если составитель Донесения принимает эту версию, ему должно отбросить версии, окружающие Н. Муравьева другими соратниками; если же, наоборот, они его устраивают, то ему следует признать ложной первую версию. Но если уж выбирать между двумя версиями, лучше отдать предпочтение тексту Донесения, а не примечаниям к нему. В тексте факты приводятся в хронологическом порядке, указано число лиц и даты, тогда как примечания ни с чем не связаны, а там, где речь идет обо мне, и вовсе противоречат тексту. Но относительно другого товарища Н. Муравьева текст и примечание совпадают.

Докладчик посчитал возможным избавить себя от труда излагать все четко и ясно; он предпочел смешать воедино возможное и невозможное, и бывал очень доволен, когда ему удавалось выдвинуть против кого-нибудь из подсудимых одним обвинением больше, каким бы нелепым это обвинение ни было; он явно не понимал, что случайное обвинение, предъявленное одному из подсудимых, нередко опровергает обвинения, возводимые на других.

Не могу не отметить, что в настоящем отрывке Донесения говорится исключительно о том, чего я не делал: не принимал никого в общество и отказывался от предложенных мне обязанностей; ни слова не сказано о том, что же я делал.

Остается только признать, что показание (к тому же стоящее особняком) Н. Муравьева, согласно которому я участвовал в восстановлении общества, в дальнейшем опровергается фактами и датами, приведенными по этому случаю в Донесении. Там названы имена всех, кто стоял во главе общества с 1822 и до 1824 года; моего имени там нет.

Составляя свои предыдущие оправдательные записки, я не понимал, отчего Н. Муравьев дал против меня заведомо неверное показание; я мог лишь отрицать его, а для этого, как и здесь, опирался на само обвинительное заключение.

Через несколько лет мне все объяснили. Я узнал, что перед отправкой в вечную ссылку, к которой он был приговорен, Н. Муравьев получил свидание с престарелой матерью; во время этого свидания он покаялся ей, что, вопреки написанному в Донесении, он ни-

---

*Если его надо приписать князю Оболенскому, чьи слова приведены перед ссылкой на примечание, то в таком случае сказанное обо мне одним из председателей противоречит тому, что говорит другой.

когда ничего против меня не показывал. Вот выдержка из письма, написанного по этому поводу к моему брату:

Мне давно Е. Ф. Муравьева дала поручение для тебя; со слезами на глазах просила она меня уведомить тебя, что Никита, уже после суда, клялся ей, что он никогда ничего не доносил на брата твоего, как о том сказано в отчете Следственной комиссии. Ее душила эта ложь, и несколько раз умоляла она меня обнаружить ее тебе при первой возможности²⁰⁵.

Жена Никиты Муравьева, которая, подобно многим другим героическим женщинам, пожелала разделить изгнание с мужем и умерла, не выдержав этих тягот, также засвидетельствовала, что он часто повторял ей то же самое.

В записке, приложенной к Донесению, названы трое других лиц, якобы обвинивших меня в восстановлении общества.

То были:

1) Генерал Орлов, показание которого, очевидно, может относиться только к обществу, которое он пытался основать вместе с графом Мамоновым и мной. Но ведь выше я уже говорил, что представляло из себя это общество; Донесение упоминает о нем лишь вскользь, дабы потом к нему не возвращаться. К тому же здесь речь шла об *основании*, а не о *восстановлении* общества. Показание генерала Орлова не может относиться к восстановлению общества в 1822 году, так как после 1821 года мы с ним не виделись и я не вел с ним переписки²⁰⁶.

2) Князь Трубецкой. В 1822 году, когда, по словам Донесения, общество было восстановлено, он находился за границей; значит, он не мог показать, что я был одним из основателей или устроителей общества на новых началах²⁰⁷.

3) Что касается третьего лица, Матвея Муравьева, то во время процесса выяснилось, что он постоянно участвовал в южных тайных обществах и в Петербург приезжал не в 1822 году, а в другое время²⁰⁸.

В Донесении Следственной комиссии ничего не говорится о показаниях этих трех лиц, данных против меня в связи с восстановлением общества в 1822 году.

Также весьма любопытно, что составитель, желая подтвердить в записке показание Н. Муравьева, выбирает лиц, которые явно не могли иметь никакого мнения об этом его показании. И как тогда случилось, что ни один из членов будто бы восстановленного петербургского общества не назвал меня в числе его учредителей?

В той же самой записке кроме главного пункта обвинения, о котором я только что говорил и которое значится под заглавием «участие в восстановлении общества», имеется другое, особое обвинение — «в участии в основании общества»; в подтверждение приводятся показания трех обвиняемых:

1) Того же князя Трубецкого, который, как мы видели, не мог ничего сказать о происходившем в 1822 году (если главный пункт обвинения хотят соединить с предыдущим). Он также не мог ничего сказать и о моем участии в основании старого общества в 1818 году, ибо сам предложил мне в него вступить.

2) Того же Матвея Муравьева, который, как и предыдущий обвиняемый, по тем же причинам не мог давать никаких показаний о моей деятельности ни в 1818, ни в 1822 году.

3) Семенова, чье показание опровергнуто мною выше; оно относится к 1821 году и свидетельствует лишь о бесплодной попытке основать какое-нибудь общество.

Утверждают, что записка является извлечением из Донесения; но мы только что видели, как она составлялась. Тем не менее эта записка послужила основой для вынесения приговора Верховным судом.

Нельзя забывать, что обвинительное заключение, относя основание нового общества к 1822 году, перечеркивает все сказанное ранее о моих попытках в 1821 году, вслед за роспуском прежнего общества, основать новое общество либо в Москве, либо в Петербурге. Итак, надо отбросить и считать канувшим в небытие все, что могло произойти после роспуска общества в феврале 1821 года вплоть до его предполагаемого восстановления в 1822 году.

Я показал, что невозможно обосновать какой-либо пункт обвинения против прежнего общества; открыл, что составитель Донесения, считая неоспоримым фактом восстановление общества в 1822 году, отнюдь не доказывает, что оно действительно существовало, так как не приводит ничего подтверждающего наличие собраний или какой-либо деятельности, не говоря уж о существовании устава.

Однако все это не мешает докладчику утверждать, что петербургское общество, подобно обществу в Тульчине, желало опереться на военный мятеж. Он идет дальше: называет 1821 год вероятной датой возникновения идеи военного мятежа и предполагает, что эта идея была внушена испанской, неаполитанской и пьемонтской революциями.

Неудивительно, что эти события нашли отклик в русской армии, не стоит удивляться и тому, что они встретили там известное сочувствие. Составитель Донесения не слишком уклонился бы от истины, если бы отметил, что сие сочувствие определенным образом изменило взгляды *русских* на революцию. Ранее в России известны были лишь дворцовые перевороты; к несчастью, мы слишком хорошо знаем, что они собой представляли; теперь же русские, похоже, стали отдавать предпочтение переворотам, производимым среди бела дня. Вот что мог бы сказать докладчик, если бы захотел во что бы то ни стало связать происходившее в Испании и Италии с событиями 1825 года в Петербурге и во второй армии. Однако это еще не давало ему права утверждать, что

с 1822 года два общества, восстановленное Северное и Южное, для достижения цели своей думали употребить одни средства: силу, действие войск (с. 43).

Ничто рассказанное докладчиком о существовании Петербургского общества в период с 1822 по 1824 год не дает права на подобное предположение. Это общество, если даже допустить, что оно было восстановлено, до самого последнего момента носило эфемерный характер. Как указано выше, с этим соглашаются и в Донесении (см. с. 19 Донесения).

Кроме того, 1821 год — период, к которому в Донесении относят зарождение идеи военного восстания, кажется мне выбранным довольно неудачно. Это как раз тот самый год, к которому в Донесении приурочено больше всего событий, имевших касательство к тайным обществам: в этом году было распущено общество в Москве; тогда же, согласно Донесению, намеревались восстановить общество в Тульчине; в том же

самом году петербургское общество находилось «в полном расстройстве»; наконец, этот год образует перерыв между роспуском общества и его предполагаемым восстановлением. Итак, 1821 год в истории обществ являет собой эпоху упадка и полнейшего бездействия. Излагая события, случившиеся в 1821 году в Москве, или в Петербурге, или даже в Тульчине, составитель Донесения не приводит никаких данных, позволяющих подозревать, что уже тогда возникла идея военного мятежа. Такой неудачный выбор момента красноречиво свидетельствует о том, какого доверия заслуживают утверждения Донесения.

И пусть не говорят, будто все равно, родилась ли идея восстания в 1821 году или позже, ибо раз восстание произошло, следовательно, оно было задумано ранее. Если, судя по всему, мысль о восстании возникла непосредственно перед ее воплощением — у общества или у отдельных лиц, — то отвечать за нее должны только это общество или только эти лица.

Лично мне важно установить точное время зарождения идеи восстания; ибо тогда, даже если принять все прочие предъявленные мне обвинения, достаточно одного факта моего отъезда из России в начале 1824 года, чтобы отвести от меня любые обвинения в причастности к событиям 1825 года.

Посмотрим теперь, что написано в Донесении о лицах, принадлежащих к Южному обществу:

Приготовлением сих средств (употребления силы) особенно занимались на юге (с. 43).

Здесь надо вооружиться мужеством и прочесть рассказ о нелепых ужасах, кои докладчик описывает с видимым удовольствием*.

Он говорит сначала о средствах, которые употребляли полковник Пестель и полковник Сергей Муравьев, отчасти для того, чтобы раздражить солдат против императора, отчасти же для того, чтобы они привыкли к идее общего переворота (с. 45).

В январе 1823 года были в Киеве собраны начальства всех управ, Пестель, Юшневский, Давыдов, князь С. Волконский, Муравьев и Бестужев; они читали отрывки проекта конституции Пестеля, который высказал затем мнение об истреблении императорской фамилии. Некоторые согласились с ним, другие воспротивились; кончили тем, что нельзя дозволить, чтобы шесть человек решились вопрос столь важный (с. 46).

В 1824 году Бестужев (один из этих шести) писал в Варшаву (сие письмо не доставлено), требуя смерти государя цесаревича Константина Павловича от членов тайного Польского общества (с. 47).

Дальше идет рассказ о переговорах между этими жокаками и некоторыми членами тайных польских обществ. По этому поводу Донесение прибавляет:

Сии сношения с обществом Польским, кажется, не имели дальнейших последствий. Определено было обоюдным уполномоченным съехаться опять в Киеве, в январе 1826 года (с. 50).

* Ничто из того, что могло произойти в Тульчине, не касалось меня лично. Тем не менее, хотя мой отъезд за границу предшествовал большей части событий, описанных здесь докладчиком, я должен, следуя за Донесением, говорить о них, предваряя таким образом изложение происшедшего в Петербурге после моего отъезда.

Незадолго до этого двое из этих начальников (Муравьев и Бестужев) замыслили начать мятежнические действия в 9-й дивизии. Они хотели овладеть государем, который должен был прибыть на смотр, произвести бунт в лагере и идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя к себе другие войска.

Но два этих начальника, думав возмутить целый корпус войск, скоро уверились, что в оном могли иметь только двух пособников: полковника Швейковского и полковника Норова. Вследствие того они обратились к двум лицам в Москве, приглашая их к участию в новых планах; но те отказались от всякого содействия, и они остались при одном злодейском умысле.

В апреле 1824 года составлен план другого и еще более преступного покушения — Пестелем, Бестужевым-Рюминим, С. Муравьевым, Давыдовым (все упоминались выше), двумя братьями Поджио и Швейковским. Они решили посягнуть на жизнь императора, который, по слухам, должен был прибыть на смотр 3-го корпуса армии. Но смотра не было; потому даже не сделано предложения назначаемым в убийцы и может быть не рожденным для злодейства офицерам и рядовым.

Но исполнение сих преступных намерений только что отлагалось; оно, как явствует из множества показаний, было постоянной мыслию руководителей Южного тайного общества. Уже и в 1821 году, по свидетельству одного обвиняемого³⁹⁹, вскоре после возобновления Союза на юге, в одном собрании, где находились Пестель и семеро²¹⁰ других*, члены *провозгласили* торжественно, что цель их есть изменение существующего в государстве порядка, *во что бы то ни стало* предполагая не только упразднение престола, но истребление всех лиц, кои могли бы тому препятствовать; средства к сему предоставляли избрать директорам: Пестелю и Юшневскому — и для того вручали им власть неограниченную. В другом заседании, где присутствовали некоторые из сих лиц, Пестель требовал решительного утверждения плана его, ввести в России республиканский образ правления посредством вооруженной силы и *упразднить царствующий дом*; члены изъявили согласие. В 1822 году князь Барятинской, принимая в общество полковника Фалленберга, взял с него клятву жертвовать *всем* и даже покуситься на жизнь императора. В 1823 году младший из братьев Поджио, вступив в Союз, нашел, что там положено было иметь целью установление республики* (с. 55).

В сем же году Поджио видел в Петербурге князя Барятинского и письмо, которое он привозил от Пестеля к Н. Муравьеву: Пестель спрашивал о числе членов, успехах Северного общества: «Готовы ли в Петербурге к возмущению? — и прибавлял: — *Слабые меры ни к чему не годятся, мы, здешние, думаем все дочиста искоренить*». «Как! — вскричал Никита Муравьев, — *они там бог весть что затеяли; хотят всех*» (членов императорской фамилии). Князь Барятинской требовал решительного ответа: Никита Муравьев объявлял, что их намерение начать с обращения умов.

Здесь составитель Донесения оставляет Южное общество и упоминает о некоторых лицах, живших в Петербурге.

В числе тех, кои желали скорых мер, не ужасаясь злодейства, Поджио именует: Митькова, который на свидании у Оболенского сказал ему: «Я с *вашим мнением согласен совершенно до конца*»; князя В. Голицына, повторившего слова Митькова²; Рылеева, *исполненного отваги*, как говорит показатель, но хотевшего действовать и на умы сочинением возмутительных песен и «Катехизиса свободного человека»³; наконец, и Матвея Муравьева-Апостола⁴. Поджио представляет его одним из жарких приверженников Пестеля и республиканского правления, готовым произнести смертный приговор всему царствующему дому*.

² Митьков сознавался в том на очной ставке с Поджио: после он опять начал заперяться.

³ Он однако же в этом не признается.

* Число всех лиц, упоминаемых в этой части Донесения, доходит до 19.

^c Рылев только думал кончить сей «Катехизис свободного человека», начатый Н. Муравьевым, но не успел. В сочинении возмутительных стихов и песен он признался*.

^d Сам Матвей Муравьев в одном из последних ответов своих утверждает, что сверх названных подполковником Поджио, сие мнение (об истреблении императорской фамилии) разделяли в Петербурге еще многие из членов, и в том числе главных, Северного общества. Некоторые признавали справедливость сего показания, о других же он объявил после, что не говорил с ними о том: противились же сему мнению, как показывает он, князь Трубецкой и Никита Муравьев; он приводит слова последнего: «Я объявляю этим господам, что императорская фамилия должна быть священна**».

Отметим, что сам текст Донесения неоспоримо устанавливает, что в Петербурге мысли о царевубийстве не принадлежали и не могли принадлежать никакому обществу, а если некоторые отдельные лица и *разделяли их*, то по собственному почину. Как члены общества, они могли либо принять *правила*, предписанные обществом, либо его покинуть. К тому же некоторые из названных здесь лиц отрицают показание, данное одним лицом, прибывшим с юга, где, если верить Донесению, такие мысли получили большее распространение; другие, судя по Донесению, решительно отвергали подобные замыслы. Итак, нельзя выдвинуть определенного обвинения не только против петербургского общества, но и против отдельных его членов.

Но вот мы приходим к отрывку из Донесения, который не может не привлечь внимания беспристрастного читателя. После показаний Поджио против Матвея Муравьева в Донесении написано:

Но сии мнения Матвея Муравьева значительно изменились в течение следующего года; ибо в найденном между бумагами брата его Сергея письме (от 3 ноября 1824 года) он, напротив, изъявляет благоразумие, старается удержать брата от всяких покушений, доказывает ему если не беззаконность, то по крайней мере безрассудность предприятия и невозможность успеха: «Дух в гвардии, — пишет он, — и вообще в войсках и народе совсем не тот, какой мы предполагали. Государь и великие князья любимы; они с властью имеют и способы привязывать к себе милостями, а мы что можем обещать вместо чинов, денег и спокойства? Метафизические рассуждения о политике и двадцатилетних прапорщиках в правители государства. Из петербургских умнейшие начинают видеть, что мы обманываемся и обманываем друг друга, твердя о наших силах, в Москве я нашел только двух членов, которые сказали мне: „Здесь ничего не делают, да и делать нечего“» (с. 59).

Чтение этого письма, казалось бы, должно было внушить докладчику и судьям ту простую мысль, что человеческие законы воздерживаются от кары за намерения главным образом потому, что намерения, как бы преступны они ни были, могут по той или иной причине быть оставлены. Если любое намерение отброшено еще до приведения его в исполнение, закон не усматривает в нем ничего преступного. Этот принцип достаточно ясен и общепризнан и может остановить пыл самого ретивого инквизитора; однако над нашим докладчиком он не властен. По поводу письма Матвея Муравьева он заявил только,

* Докладчик пишет здесь об авторе *возмутительных песен*; но зачем тогда он говорил об этих песнях выше, в связи с журналом, который я намеревался издавать?

** Можно заметить здесь, что в первый раз М. Муравьев говорит, что *многие* члены в Петербурге разделяли намерение убить царя, затем, в другом показании о том же обстоятельстве, называет только *двух*, и притом как тот, так и другой не одобряли сего намерения.

что *оно указывает на разногласия*, и ограничился клеветой относительно причин, побудивших автора написать это письмо.

Впоследствии мы увидим, что упомянутый нами принцип не принес пользы и многим другим обвиняемым, которых следствие могло упрекнуть лишь в *намерениях*, не проявившихся ни в каком поступке; причем о намерениях этих поведали сами обвиняемые. Судите сами, сколь справедливым был этот процесс.

Впрочем, явно желая уничтожить положительное мнение, которое можно составить по этому письму о человеке, его писавшем, а также подавить мысли, кои оно может пробудить, докладчик вставляет в текст Донесения примечание, где возвращается к идее цареубийства, высказанной в припадке отчаяния автором письма *прежде, чем оно было написано*. Подобное же обвинение он выдвигает также против

другого лица (Вадковского), который думал для цареубийства употребить бывшее у него духовое ружье, предполагал убить покойного императора и всех членов его августейшей фамилии на каком-нибудь большом придворном бале и тут же провозгласить установление республики; двое из предполагаемых соучастников, находя сие предположение нелепым, сочли его за шутку (с. 59).

Донесение рассказывает дальше, что члены общества преувеличивали в разговорах друг с другом число приверженцев и их силы.

Они, не стыдясь, обманывали друг друга... Так, они говорили в Южном обществе, что их главные силы на севере и там должно начаться действиям, а в Петербурге, что все готово на юге, утверждали иногда, что Москва решит дело, а в Москве не было уже и управы и очень мало членов, большую часть отставших от *Союза**; говорили также, и так же ложно, что есть тайное общество на Кавказе и в Харькове, последнее будто бы под начальством графа Будгари. Но то же самое чувство тщеславия не допускало их ни сердиться за обман, ни признаваться в перемене образа мыслей. Матвей Муравьев-Апостол после означенного выше письма к брату, в коем он сверх того изъяснял весьма невыгодное мнение о Пестеле, после разговора в том же духе с приезжавшим к нему в деревню майором Лорером вдруг снова начал уверять Пестеля в привязанности к нему, в рвении к успеху его планов, уступая просьбам брата, как он утверждает (с. 60, 61).

Этот отрывок лучше всего доказывает, что никогда, по крайней мере до 1824 года, не существовало как следует устроенного тайного общества, целью которого был бы военный мятеж и которое могло бы подготовить восстание 1825 года, как это утверждает докладчик. В самом деле, приведенный выше текст Донесения означает, что вплоть до конца 1824 года деятельность тайных обществ сводилась к нулю. Были отдельные лица, уверявшие друг друга, что эти общества существуют; но они, согласно Донесению, друг друга обманывали. Не стану заострять внимание на обвинениях во лжи, ибо здесь речь могла идти только о самообольщении; для меня важен факт, признанный даже в Донесении. По-видимому, обуреваемый человеколюбивым желанием взвалить на обвиняемых дополнительную вину, докладчик не заметил, что если они лгали, утверждая, что тайные общества имели серьезные намерения, то и он, в свою очередь, лжет, многократно повто-

* Это не помешало властям сослать их *всех* в Сибирь!

ря то же самое. Итак, само следствие признает, что осуждение всех, кто не принимал ни прямого, ни косвенного участия в восстании 1825 года, основано на лжи!

Вынужденный — быть может, даже против собственной воли — признать тайные общества организациями призрачными, составитель Донесения на каждом шагу делает эту истину более убедительной, старательно продолжая приписывать отдельным лицам самые преступные намерения. Так, он описывает

средства обольщения, применявшиеся Пестелем для того, чтобы навербовать приверженцев своих планов цареубийства. Он рассказывает о разговоре между Пестелем и Поджио, где Пестель высказал убеждение, что надо убить до 13 членов императорской фамилии, признавая, что это *ужасно* (с. 62). Но Пестель сам, как показывает его сообщник-обвинитель, хотел для себя, по крайней мере, власти царской (с. 63). В примечании, где третий обвиняемый выставлен соучастником этих планов, утверждается, что Пестель признался, что имел с Поджио приведенный разговор (с. 64).

Ослепляя, таким образом, людей незрелого ума в своем непосредственном кругу.. Пестель продолжал стараться и о том, чтобы распространить свое влияние на Северную думу (с. 64).

Донесение приводит пример попыток Пестеля склонить на свою сторону Рылеева, тогда только что принятого в общество; но попытки эти, видимо, успеха не имели.

Разбирая это обвинение, нельзя не отметить еще раз, что если, как утверждается в Донесении, у обоих обществ, определенным образом организованных, была общая цель — мятеж, то поистине непонятно стремление одного из вожakov привлечь на свою сторону других вожakov или членов общества. К чему пользоваться убеждением или личным влиянием, когда законы организованного общества обязательны для всех его участников без исключения?

Далее в Донесении говорится:

Трое друзей Пестеля* приезжали в Петербург с предложением соединить оба общества, действовать вместе, стремиться к одной, определенной южными членами, цели. В 1824 году был и сам Пестель. Он, возвратясь на юг, уверял, что привел все в желанный им порядок (с. 65).

Итак, 1824 год; составитель Донесения рассказывает, какие усилия предпринимало Южное общество для соединения с Северным и как оно убеждало последнее принять единую с ним цель. Тем не менее на с. 43 Донесения утверждалось, что оба общества «пришли к соглашению относительно средств для достижения их общей цели и что оба хотели употребить для этого вооруженную силу».

---

* В числе этих лиц Донесение называет г-на Давыдова, который, по утверждению составителя Донесения, приехал в Петербург по делам общества. Если бы я в то время был членом общества, я неминуемо должен был бы с ним увидеться; меж тем, я ни разу в жизни не встречался с ним. Если я виделся в то время с другими упомянутыми здесь лицами, то лишь потому, что был знаком с ними помимо каких бы то ни было тайных обществ. Я встречался с ними так же, как со всеми прочими светскими знакомыми. Уже самого факта, что один из вождей общества не увиделся с человеком, присланным к нему для обсуждения дел общества, достаточно для оценки точности утверждений, беспрестанно примешивающих мое имя к событиям, коим я был совершенно чужд.

Повторим: если бы, как следует из Донесения, мятеж как средство достижения цели был решен ранее и в Тульчине, и в Петербурге, тогда зачем в 1824 году Пестелю и его друзьям нужно было совершать путешествие в Петербург, дабы предложить обоим обществам действовать вместе? Никогда еще докладчик не противоречил самому себе более странным образом, и неизвестно, чему следует больше удивляться: неловкости его или упорству, с которым он стремится выстроить ежеминутно разваливающееся здание лжи. Ясно, что едва он выходит за рамки общих мест или приводит в подкрепление своих утверждений какой-нибудь факт, утверждения эти тотчас оказываются опровергнутыми или же противоречащими обстоятельствам дела. В данном случае (объявив, что оба общества шли к одной и той же цели) составитель Донесения, излагая факты, вынужден сказать, что еще в 1824 году прибывшие в Петербург старались утвердить эту цель, но, судя по всему, успеха не имели. В дальнейшем читатель найдет в Донесении новые доказательства сей пресуппозитивной неточности.

Но члены Петербургского общества показывают другое; Рылеев утверждает, что они думали соединиться с Южным для того единственно, чтобы надзирать за Пестелем и противодействовать ему, что сего, к сожалению, не могли сделать, а по словам Н. Муравьева, Пестель после приезда в Петербург на собрании при кн. Трубецком, Оболенском, Н. Тургеневе, Рылееве, Матвее Муравьеве-Апостоле жаловался на недеятельность Северного общества, на недостаток единства точных правил, предлагал слить оба общества в одно. Предложение было принято, как сказал кн. Трубецкой Н. Муравьеву, который не был на сем собрании (с. 66).

Из показаний Рылеева явствует, что в Петербурге далеко не разделяли принципов и взглядов Южного общества. Другой обвиняемый, Н. Муравьев, ограничивается заявлением о том, что, по полученным им сведениям, предложение Пестеля объединить два общества было принято. Это согласие на объединение обществ опровергается несколькими строками ниже, где сказано:

Тот же самый Н. Муравьев, не желавший объединения, развивал свое мнение на другом собрании, и Пестель должен был согласиться оставить все в прежнем виде до 1826 года, а тогда собрать уполномоченных (с. 68).

В числе доводов Муравьева против соединения обоих обществ был следующий:

в Северном всякий следовал своему, а в Южном, как он слышал, никто не противоречил Пестелю (с. 67).

Рассуждая логически, из этого отрывка можно сделать следующие выводы: 1) два общества никогда не объединились; 2) петербургское общество, в сущности, нельзя считать обществом как таковым, ибо каждый член его придерживался своего собственного мнения.

Упоминание моего имени в этом отрывке следует признать голословным, ибо назвавший меня в числе присутствовавших на этом заседании утверждает, что сам на нем не был. Свидетельские показания, даваемые на основании *слухов*, не принимаются во внимание ни одним законодательством. Кроме того, нелишне заметить, что лицо, о котором идет речь, — то самое, коему приписывают показание, делающее меня участником

восстановления общества. Мы уже могли убедиться, какие заявления о своих так называемых показаниях делало это лицо после процесса.

В действительности после роспуска общества в Москве я не участвовал ни в какого рода собраниях. Я уже говорил выше, что Пестель, приходивший ко мне в Петербурге незадолго до моего отъезда за границу, на мой взгляд, был более занят своими социальными системами, нежели восстановлением общества в Петербурге или объединением Северного общества с Южным. Но, разумеется, он сожалел, что ни одно, ни другое общество никак не могут устроиться; и, словно доказывая мне, что даже в Тульчине, откуда он прибыл, деятельность общества свелась к нулю, он сообщил, что во второй армии в обществе осталось всего лишь пять-шесть лиц; я хорошо запомнил этот факт: он резко расходится с рассказами из Донесения. Зачем было Пестелю выставлять передо мной свою слабость?

К тому же я не знаю, следует ли отнести все, что в Донесении сообщается об усилиях Пестеля объединить оба общества, к тому времени, когда Пестель явился ко мне с упомянутым визитом (в начале 1824 года).

Итак, повторяю, мое имя совершенно некстати приведено здесь в связи с не имевшим никакого значения совещанием. Упорство, с коим докладчик вставляет его повсюду, лишь яснее разоблачает его цель: обвинить меня во что бы то ни стало. Здесь есть обвинения самые разнообразные. Позабыто лишь одно, но именно то, которое я заслужил всей своей жизнью, — замысел освобождения крестьян. В этом и состоит мое истинное преступление, и хотя мои обвинители не сказали о нем ни единого слова, тут и только тут надо искать причины того ожесточения, с которым меня пытались изобразить одним из главных виновников восстания 1825 года. Но сочли благоразумным не открывать этой причины.

В своем показании Н. Муравьев также рассказывает:

Пестель сказал ему, между прочим, что надобно прежде всего истребить всех членов императорской фамилии. «Я нашел, — прибавляет Муравьев, — сей план равно и варварским, и несбыточным» (с. 66).

Вот еще доказательство *единства цели*, существовавшей, по словам составителя Донесения, в обоих обществах!

Это показание оканчивается следующими словами:

С тех пор он, видимо, охладел* к главным членам петербургским, не показывал им доверенности и хотя обещал прислать свой проект Конституции, однако же не прислал и не входил ни в какие объяснения об устройстве и состоянии Южного общества** (с. 68).

Итак, отсюда до объединения двух обществ, провозглашенного выше докладчиком, очень далеко; как видит читатель, мы присутствуем здесь при чем-то совершенно про-

* Я нахожу здесь подтверждение сказанного мною выше о том, что Пестель был равнодушен к тайным обществам; сие равнодушие я заметил, когда он посетил меня в начале 1824 года. Не думаю, что оно происходило от его неудачных действий в Петербурге; оно, скорее, было следствием убеждения, к которому, судя даже по Донесению, он пришел, а именно что тайные общества не могут дать никаких результатов.

** По той простой причине, что нечего было и сообщать, так как общество сводилось к пяти-шести лицам! Докладчик напрасно подтасовывает показания обвиняемых сообразно своим видам — истина все-таки обнаруживается так или иначе. Здесь истина состоит в том, что лица, находившиеся в Петербурге, не имели никаких сведений о Южном обществе.

тивоположном, то есть при разрыве, происходящем после тщетных усилий достигнуть объединения. И что же случилось с целью и единими для двух обществ насильственными средствами? Даже из показаний лица, которое в Донесении представлено одним из создателей петербургского общества, его постоянным вождем или по крайней мере одним из его вождей, ясно, что это петербургское общество совершенно не доверяло главе Южного общества, не было знакомо с его *проектом* конституции и толком не знало ничего ни о принципах организации, ни о численности членов этого общества.

Не разрушает ли этот отрывок все здание, которое в Донесении с таким трудом старались выстроить, выискивая доказательства, подтверждающие объединение обоих обществ и тождество их взглядов и планов? Не был ли я прав, говоря, что хотя сам я с 1821 года был чужд всему, что содержится в Донесении о деятельности тайных обществ, мне тем не менее удалось опровергнуть его, исходя из него же?

Если на минуту оставить в стороне Пестеля и Южное общество и окинуть взглядом все, что говорится в Донесении о петербургском обществе за период с 1822 до 1824 года, будет ясно видно, что, несмотря на показания некоторых обвиняемых — вернее, благодаря природе этих показаний, — невозможно признать, что в это время в Петербурге было восстановлено или учреждено какое-либо общество. Эти показания, пусть даже правдивые, полученные законным путем во время следствия, а затем повторенные в суде (что далеко не соответствует действительности)*, в лучшем случае доказывают наличие бесплодных попыток нескольких лиц основать общество в Петербурге.

Почти все планы, связанные с царевубийством, в Донесении отнесены к Пестелю и почти всегда приписаны одним и тем же лицам, так или иначе с Пестелем связанным. Согласно Донесению, далеко не все петербургские обвиняемые разделяли эти планы.

Опуская рассказ о том, что произошло в Петербурге во время пребывания там Пестеля, Донесение возвращается к Южному обществу.

Одна из управ Южного общества вступила в сношения с другим тайным обществом, *Соединенных славян*, которое было и не весьма многочисленно, и не значительно ни по званию, ни по свойствам членов своих, и коего существование продолжалось не более двух лет (с. 69).

Несмотря на невысокое мнение, которое Донесение, по-видимому, имеет об этом новом обществе, оно тем не менее рассказывает о нем довольно подробно. Оно говорит, что

основать оно вздумал 1823 года подпоручик артиллерии Б.²¹¹ Оно приводит клятвенное обещание, цитирует отрывки из «Катехизиса», не забывая дать между строк виньетки с изображением кинжалов, почти так же, как это делает «Charivari»²¹². Оно утверждает, что целью этого общества было соединить общим союзом и единообразным республиканским правлением восемь славянских областей, и прибавляет, что «средств для сего предприятия они, как говорят единогласно в показаниях, не имели никаких до самого конца» (с. 70). Донесение указывает даже число членов этого общества, а также их фамилии. Когда члены этого общества, — говорится на странице 71, — познакомились с С. Муравьевым и Бестужевым, их было 36 человек, большею частью молодых офицеров артиллерии.

---

* Все показания обвиняемых даны во время допроса на предварительном следствии, ни одно из них не было повторено ими перед судом. Они не были допрошены судом и не присутствовали на прениях.

Бестужев требовал от членов этого общества, чтобы они подговаривали солдат и готовились по его предписанию начать возмущение не позднее августа 1826 года. На собраниях у него и у Муравьева оба твердили им беспрестанно о близости, о пользе революции, воспламеняли их воображение и страсти, намекали сначала, потом говорили ясно и решительно о необходимости посягнуть на жизнь императора Александра, *истребить всю династию*.

Таким образом, здесь составитель Донесения открывает существование нового тайного общества, точно обозначает время его основания, указывает имя его основателя, присягу, «Катехизис», из которого приведены выдержки, и определяет его строго установленную цель. В Донесении приведено число членов общества и их фамилии. Правда, общество так никогда и не смогло предложить средство для осуществления своего *плана*. Тем не менее данные о его существовании на редкость ясны и точны. Вспомним теперь, как в Донесении устанавливается существование всех прочих тайных обществ, с какой *точностью* и ясностью приводятся данные о времени основания, об именах основателей, о цели и средствах ее достижения. Составителю известен устав только одного общества — Союза благоденствия; и в этом уставе, как выясняется, содержатся только прописные истины. Никакое иное общество (и меньше прочих то, что было организовано, согласно Донесению, в Петербурге в 1822 году) не представляет ничего похожего на то, что сказано об обществе *Славян*. Если же составитель Донесения не нашел никаких доказательств, никаких следов истинного существования общества в Петербурге в период с 1822 по 1824 год, когда обнаружить следы какого-нибудь общества труда не составляло, то вправе ли он утверждать, что в 1822 году в Петербурге было восстановлено прежнее тайное общество? Не опровергает ли он собственное утверждение относительно петербургского общества, приводя доказательства действительного существования другого общества? Если бы существование петербургского общества не было фикцией, то мы нашли бы в Донесении такие же свидетельства, как и те, что он приводит о существовании общества *Славян*.

Упомянув об этом новом обществе, объединившемся с одной из управ Южного общества, составитель Донесения продолжает подробнеем образом повествовать обо всех ужасных планах членов этой управы.

Итак

Члены этой управы едва не решились немедля поднять знамя бунта. Получено известие, что у одного из них (Швейковского) отнят полк; в первые минуты раздражения они определили возмутить третий корпус. Они хотели также послать убийц в Таганрог, и полковник Артамон Муравьев предложил себя. Бестужев для совершения злодеяния взялся найти человек до 15 из *Славян* и других, не принадлежащих ни к какому тайному обществу, но известных ему и надежных по их образу мыслей и характеру (с. 74).

Здесь в Донесении неопределенно говорится о членах общества и о лицах, которые не принимали участия ни в каком тайном обществе, но чьи убеждения и характеры внушали полное доверие. Не было бы естественным и справедливым заключить отсюда, что планы мятежа и цареубийства, о которых говорится в Донесении, были делом не тайных обществ, но исключительно отдельных лиц, способных возыметь такие намерения?

Но не долго они занимались своими преступными мечтами (с. 75).

Вот еще одно злодеяние, от которого отказываются тотчас же после того, как оно замыслено.

Если, согласно требованиям правосудия, оставить в стороне все планы, задуманные, а затем оставленные обвиняемыми, то в объемистом обвинительном заключении останется только план, составленный и приведенный в исполнение в декабре 1825 года.

Они, однако, же дали друг другу слово *начать непременно* в 1826 году. И тогда они думали убиением императора Александра подать знак к повсеместным смятениям, принудить Сенат провозгласить избранную ими Конституцию (с. 76).

Так, значит, они до сих пор еще не выработали конституции! И это в последний момент, в 1825 году! Но во что же тогда превращаются утверждения составителя Донесения о принятом всеми республиканском образе правления и о проектах конституции, выработанных обществами?

Им все казалось легко. Но один²¹³ говорил: «Начинать через год! разве через десять лет!» (с. 76).

И вновь мы видим отсутствие единодушия среди самых отчаянных заговорщиков. Это новое доказательство правдивости Донесения, когда в нем говорится о неизменности и сходстве взглядов тайных обществ:

Пестель утверждает, что он не одобрял их планов (планов управы, о которых только что было сказано), знал невозможность исполнения, предвидел, что и в 1826 году нельзя будет ни на что решиться... Многие из допрошенных (два, см. примечание²¹⁴) свидетельствуют, что уже после сего Пестелем и его главными соумышленниками было положено 1 января нынешнего года (1826) по вступлении Вятского полка, коим Пестель командовал, в карауле в Тульчине арестовать главнокомандующего 2-й армии и начальника штаба и тем подать знак к возмущению, как донесение капитана М.²¹⁵, удостоверив в существовании тайного общества, открыло все планы оною, и Пестель взят под стражу (с. 79).

Донесение переходит здесь от Южного общества к Северному. Прежде чем следовать дальше за ним, остановимся на минуту, чтобы уяснить, каково было в то время положение Южного общества и его вождя, Пестеля, деятельность которого была прервана с минуты взятия его под стражу.

Можно ли сказать теперь, что в это время на юге существовало правильно организованное тайное общество, имевшее определенную цель, последовательное в своих действиях, признававшее определенные принципы или же, за неимением устава или иных правил, придерживавшееся каких-либо твердых убеждений?

Разумеется, нет. Даже допуская истинность всех утверждений Донесения, можно лишь признать, что несколько отдельных лиц в дружеских беседах высказывали мысли то

о мятеже, то о цареубийстве; мнения одних шли вразрез с мнениями других; и сами они смотрели друг на друга как на самохвалов, *яростных на словах*, а не на деле (с. 77). Свои намерения, как бы преступны они ни были, они даже не пытались привести в исполнение, и постепенно, одно за другим, эти намерения оставляли. Старания некоторых из них завербовать приверженцев среди унтер-офицеров и рядовых (с. 77 и 78) и соединиться с несколькими лицами в Петербурге и Москве ни малейшего успеха не имели; проекты конституции, приписываемые одному из них, не были завершены и остались практически неизвестными остальным членам.

Если кто-нибудь из привлеченных к ответственности из второй армии должен отвечать за иные деяния, совершенные после интересующего нас времени, то, каковы бы ни были эти деяния, предметом нашего рассмотрения они не являются.

Посмотрим, наконец, в каком положении, согласно Донесению, пребывал в момент своего ареста Пестель. В Донесении содержится множество ужасных обвинений против него; ему приписывают показания, будто бы оправдывающие эти обвинения; но — и в этом, быть может, виден перст самого Провидения — последнее из заявлений Пестеля, приведенное в Донесении*, чрезвычайно ослабляет неблагоприятное впечатление, которое хотели произвести его предшествующими показаниями; оно доказывает, что Пестель далеко не одобрял планов управы (планов мятежа и цареубийства, о которых говорилось выше) и предвидел, что даже в 1826 году невозможно будет предпринять что-нибудь решительное.

Разве признание своего намерения неосуществимым не равносильно отказу от него? Пусть не говорят, что Пестель находил *невозможным* осуществить лишь план управы; ведь именно этот план, ведущий к мятежу и цареубийству, вменялся в Донесении в вину самому Пестелю. Итак, согласно Донесению, Пестель приходит к выводу, что мятеж и цареубийство невозможны, и притом не только в то время, когда он об этом заявляет, но и впредь. Он был арестован после сделанных им вышеуказанных заявлений; он умер на эшафоте, не совершив никакого иного преступления. Очень хотелось бы, чтобы какой-нибудь европейский криминалист внимательно разобрал этот вопрос и сказал, в какой мере человек, очутившийся в положении Пестеля, заслуживает смертного приговора. Я подчинюсь любому определенному решению, основанному на законах любой цивилизованной страны. Но до тех пор я буду считать осуждение Пестеля попранием всяческой справедливости.

---

* Эта последняя цитата является также и последней по времени, ибо вскоре Пестель был арестован.

III. События, последовавшие за моим отъездом из России

ТЕПЕРЬ РАССМОТРИМ, что говорится в Донесении о происходившем в Петербурге после того, как в конце 1824 года Рылеев* стал одним из руководителей общества, и вплоть до дня восстания 14 декабря 1825 года. Наша цель состоит в том, чтобы доказать: восстание это не может быть приписано тайному обществу; факты и события, изложенные в Донесении, не только не ослабляют ее, а, напротив, еще более подкрепляют. Ибо, устанавливая очевидные факты и события, докладчик тем самым вынужден в какой-то степени придерживаться истины. Предположения, коварные выпады, различного рода косвенные выводы, в изобилии расточаемые там, где не хватает фактов, здесь уже невозможны; по крайней мере, их уже нельзя выдвигать с таким бесстыдством и несправедливостью. До сих пор мне приходилось извлекать истину из полного отсутствия доказательств и даже правдоподобия; теперь истина станет бить ключом из подлинных фактов, кои докладчику, несмотря на все его старания, не удалось исказить.

В этой части его рассказа нужно различать два периода, определяющиеся самим ходом событий: первый охватывает время, предшествовавшее решению действовать путем мятежа; второй начинается с момента этого решения и завершается в день его осуществления. В Донесении устанавливается, что и в первый период деятельность Северного общества была не слишком серьезной; мы видим, что оно пришло в упадок и в нем начали даже поговаривать о роспуске.

Перейдя ко второму периоду, мы обнаружим, что мысль о восстании явилась лишь в тот момент, когда из-за отказа великого князя Константина возникла неясность, кто займет престол. Таким образом, восстание не было заранее намеченной целью общества, а стало следствием совершенно исключительного события, которое, по сути своей, несомненно, могло вызвать у людей, недовольных существующим строем, мысль о восстании. Недаром лишь только в Париже стало известно, что оба великих князя стремятся уступить трон друг другу, там тотчас стали ожидать какого-нибудь события в таком роде. При известии о восстании один выдающийся государственный человек сказал мне, что он несколько этим не удивлен, ибо при тогдашней неопределенности вопроса о престолонаследии трудно было ожидать иного исхода.

Есть одно обстоятельство, подкрепляющее мои доводы и доказывающее, что восстание явилось результатом стихийных действий нескольких лиц, а не было подготовлено обществом: дело в том, что, за исключением князя Трубецкого, среди восставших не оказалось ни одного давнего члена общества: одни совсем недавно примкнули к тому подобию Северного общества, о котором говорится в Донесении, другие вовсе никогда не принадлежали к тайному обществу и, подобно первым, действовали лишь из личных побуждений.

Тем не менее в Донесении в уста обвиняемых упорно и с намерением вкладываются слова: «прием членов», «заседания», «управы»; но это всего лишь мираж, рассеивающийся перед лицом действительности, простых и очевидных фактов, которые невозможно исказить.

---

* Этот период начинается, как видим, после моего отъезда из России в начале 1824 года.

Ясно, что идея восстания родилась именно в момент, указанный самим докладчиком; составив план мятежа, задумавшие его тотчас стали готовиться к исполнению. Для этого они обратились к людям, разделявшим их мнения независимо от того, являлись те членами предполагаемого общества или нет, а на с. 116 и 117 Донесения мы видим, что еще 13 декабря, то есть накануне восстания, не прекращались попытки вовлечь в движение ряд лиц, чей образ мыслей должен был побудить их принять в нем участие²¹⁶.

Еще менее можно связать восстание с тайными обществами в Москве или в Тульчине. Все было решено и осуществлено в Петербурге тремя десятками людей. Значит, у тайных обществ, отделения которых, равно как и их беспокойная деятельность, указаны в Донесении, имелось столь ничтожное число приверженцев?

Обратимся к Донесению:

Между тем и в обществе петербургском явилась большая против прежнего беспокойная деятельность, особливо со времени вступления Рылеева в Думу на место князя Сергея Трубецкого (с. 79).

На с. 40–41 Донесения мы могли видеть, что замена эта произошла в конце 1824 года.

Рылеев и принятый им и в апреле 1825 года причисленный к *Верховному кругу* Александр Бестужев ревностнее всех старались распространять свои правила и умножать число сообщников, хотя Бестужев и утверждает, что с первого заседания его в *кругу убежденных* он уверился в ничтожности сил их общества, что с тех пор до 27 ноября он видел в нем одну игрушку, даже искал средств удалиться... Им и Рылевым приняты многие новые члены, в том числе Торсон (с. 81) и Арбузов. Через последнего Рылеев действовал на круг молодых офицеров Гвардейского морского экипажа, кои не были членами ни Северного, ни Южного тайного общества и не составляли особенного, а только любили собираться, чтобы в нескромных разговорах осуждать правительство, хвалить конституцию Американских Штатов, мечтать о введении нового республиканского порядка в России (с. 81).

Остановимся на миг на этом любопытном отрывке из Донесения. То ли он невольно вспомнил о справедливости и честности, то ли позабыл о роли, исполняемой на протяжении всего рассказа, однако, сообщая о собраниях молодых флотских офицеров, докладчик совершенно очевидно говорит правду. Ему следовало сказать то же самое обо всех тайных обществах, и тогда (только тогда!) он не погрешил бы против истины или по крайней мере против правдоподобия. Но нет! Он по-прежнему настаивает на существовании организованного общества, развертывающего *беспокойную деятельность*, хотя здесь, как и везде, стоит ему перейти к доказательствам, призрак *общества* немедленно улетучивается. Так, говоря о деятельности одного из наиболее энергичных участников восстания (Бестужева), который вместе с Рылевым «ревностнее всех старался распространять свои правила и умножать число сообщников», он тут же приводит его слова, и мы узнаем, что последний *рассматривал свое участие в заседаниях общества всего лишь как времяпрепровождение*. Вот уж поистине подходящие слова для выражения большого значения общества, подчеркивающие его *беспокойную деятельность*! Но в чем, даже если судить по Донесению, состояла эта деятельность? В распространении своих принципов, в увеличении числа сообщников. А что это были за принципы? И в чем эти люди были сообщниками? Единственно верный, правдоподобный и логичный ответ

заключается в приведенных выше словах: все, что имело отношение к обществу, рассматривалось как способ времяпрепровождения.

Отметим также дату, до наступления которой Бестужев считал работу общества простым развлечением, — это 27 ноября, день, когда в Петербурге узнали о смерти императора Александра (с. 93). Только тогда Бестужев и другие начали всерьез обдумывать возможность что-либо предпринять. Итак, показания Бестужева подтверждают наши слова о том, что восстание было делом нескольких лиц, решившихся на него за несколько дней до самого события. Впоследствии мы приведем другие доказательства нашей правоты.

Говоря о собраниях флотских офицеров, Донесение упоминает об уставе какого-то *тайнственного вселенского ордена восстановления*, который один из офицеров²¹⁷, как он сам в том признался, составил и довел до сведения императора Александра. Несмотря на то, он находил, что государь и августейший дом его будут всегда препятствовать успеху замышляемых им перемен и сначала полагал вывезти их за границу, потом он и другой обвиняемый²¹⁸ стали говорить, что лучше всех истребить. Слыша о сих предположениях, другие сперва ужасались, но после, мало-помалу привыкая, становились равнодушнее, таким образом их готовили в орудия тайного общества, почти им неизвестного, ибо Арбузов, по крайней мере, неясно об оном рассказывал (с. 82).

И вновь налицо система докладчика, основа которой — смешение всерьез рассказываемых глупостей с различными ужасами — с целью, видимо, выдать первые за вторые. Однако нелепость обвинения сама бросается в глаза. Перед нами молодые люди, принимающие решение истребить всю императорскую фамилию, потому что император не счел нужным одобрить устав какого-то *тайнственного вселенского ордена восстановления*! Говорят, что от великого до смешного один шаг; такой же шаг отделяет злобу от глупости.

Еще одно замечание по поводу этого отрывка. Завершая его, докладчик пишет, что, решив истребить всю царскую фамилию, люди эти готовились *таким образом* сделать орудием *едва известного* им общества, о котором им *почти ничего* не рассказывали. Но для чего же обществу понадобилось готовить людей, решившихся на цареубийство и способных хладнокровно сие исполнить? Что ему было скрывать от таких людей? Почему они *едва* знали об этом обществе? Почему его агенты лишь *очень неясно* рассказывали им о нем?

Однако и здесь истина выступает наружу. Вполне понятно, что люди, желавшие перемен — неважно, насильственных или иных, — говорили друг другу о своих желаниях. Их было несколько человек, но они вполне могли стремиться умножить свое число. Действовали они по необходимости тайно и, предлагая другим вступить в их ряды, естественно, вынуждены были говорить об объединении. Но лишь только убеждения их становились взаимно известны, лишь только возникали личные отношения, то ни о каком тайном обществе и речи быть не могло. Все действовали, вдохновленные единой волей.

Когда после восстания обвиняемых допрашивали о существовании тайных обществ, они могли отвечать, что участвовали в них, но как только их просили описать суть деятельности и характер этих обществ, они вполне естественно заявляли, что

имеют о них исключительно смутные представления, ибо ничего вразумительного им об этих обществах не рассказывали. Истинный смысл подобных показаний сводится к тому, что обвиняемые собирались вместе вследствие общности мнений; единственной связью между ними было сходство воззрений, а вовсе не общество, имевшее постоянный устав и определенные принципы; ничто не давало разумных оснований предполагать существование подобного общества. Признания ясно показывают, что если подвергнувшийся допросу лица *едва* знали об обществе, если им говорили о нем *крайне смутно*, то именно потому, что ничего определенного и точного, о чем можно было бы говорить подробно, уверенно и ясно, просто не было; иначе, повторяю, к чему было бы играть в прятки с людьми, от которых нечего скрывать? Таким образом, даже самые серьезные обвинения против отдельных лиц доказывают только, что общество в том виде, в котором их угодно было создать фантазии докладчика, просто не существовало.

Далее в Донесении говорится:

Около сего же времени, то есть в течение 1825 года, члены Северной думы познакомились с приехавшим из Грузии капитаном Якубовичем. Ал. Бестужев открыл ему о существовании тайного общества и предложил вступить в оное, на что он не совсем согласился, говоря: «Не хочу принадлежать ни к какому обществу, чтобы не плясать по чужой дудке: сделаю свое, вы пользуйтесь этим как хотите». Под словами «сделаю свое» Якубович разумел намерение убить императора Александра, уверяя, что он на сие давно решился из личной мести; причиной столь невероятной злобы было то, что Якубович в 1817 году за участие в одном несчастном поединке выписан из гвардии в Кавказский корпус. В своих показаниях пред Комиссией он утверждает, что никогда не умышлял того в самом деле, а только желал удивлять своих сообщников необыкновенным ожесточением и отчаянной дерзостью, но они не сомневались и по остатку ли добрых чувств или по расчетам, старались его удержать от *дела беспалезного, даже вредного* (с. 85).

Докладчик напрасно подчеркивает последние слова, ибо сам тут же пишет, что *эти дружки* несколько не разделяли мысли о цареубийстве, а, наоборот, старались отговорить от него человека, который, впрочем, хотел «лишь удивить их своей дерзостью».

Даже если бы этот последний не пояснил свои, без сомнения, жестокие, хотя и совершенно неискренние, слова, обвинение не должно было использовать их и против тех, кто мог их слышать, и уж тем более против тех, кто знал о них только понаслышке. Более того, по справедливости слова эти не могли служить основанием для обвинения самого Якубовича. В уголовном праве существует твердо установленное правило, принятое за основной принцип законодательством всех стран, в том числе и России (см. форму уголовного судопроизводства, введенную Петром I); оно заключается в том, что одного признания обвиняемого недостаточно; надобно еще, чтобы признание это соответствовало истине и было доказано²¹⁹. Действительно, человек, помрачившись умом, может обвинить себя в преступлении, которого не совершал. В данном случае мы видим человека, заявляющего о своем желании убить императора за то, что его послали в пехотный полк; в примечании на с. 85 Донесения сказано, что он горько сожалел о кончине императора Александра, ибо таким образом монарх сей избег его мщения. Какой судья в мире согласится признать, что столь тяжкое преступление действительно могло быть совершено по столь

ничтожному поводу? Тем не менее докладчик настаивает на этом и даже отваживается называть фанфаронство *проектом*! В числе тех, кто мог слышать высказывания Якубовича, он называет человека, с которым я был связан дружбой, которого уважал и глубоко уважаю до сих пор. Его убеждения мне были хорошо известны, и я прекрасно знал, что он — если таковое возможно — еще меньше, чем я, верит в тайные общества и питает к ним своего рода отвращение, говоря о них исключительно с пренебрежением. Человек этот — фон дер Бриген. Во время восстания фон дер Бригена в Петербурге не было. Все сведения о нем в Донесении ограничиваются тем, что ему понаслышке было известно о приведенных выше словах Якубовича. И что же! Теперь он в Сибири, приговоренный к вечной ссылке!²²⁰ Впрочем, вот текст самого Донесения:

О намерении Якубовича знали и вне Петербурга. В исходе сентября Н. Муравьев сообщал об оном в Москве генерал-майорам Фон Визину и Михаилу Орлову: они и сам Муравьев говорили, что должно препятствовать Якубовичу всеми возможными средствами, а в крайности и уведомить правительство. Орлов худо верил известию, видя в оном хитрость, чтобы завлечь его опять в тайное общество. В Киеве князю С. Трубецкому доставил о том сведение полковник Фон Бриген (с. 86).

Не знаешь, чему здесь больше удивляться: недобросовестности докладчика или его глупости. Посчитав необходимым вставить необдуманные слова Якубовича в свое Донесение, он тем не менее, сообразуясь с действительностью, вынужден был признать, что никто из знавших об этих речах не одобрил их, а некоторые даже решили употребить в случае надобности все возможные средства, вплоть до доноса, чтобы помешать Якубовичу осуществить его преступное намерение; другие же просто в это не поверили и, следовательно, не придали этим словам никакого значения, а сам Якубович в конце концов признался, что произнес их лишь для того, чтобы поразить всех своей дерзостью. И, несмотря на все обстоятельства, кои, как мы показали, сводят все дело к недостойному фанфаронству, докладчик усматривает здесь *проект*, известный в различных местах, *открытый* таким-то и таким-то лицам. Подобное передергивание фактов послужило основанием для осуждения людей, против которых в Донесении нельзя найти никаких иных серьезных улик!

О событиях 1825 года, в конце которого вспыхнуло восстание, в Донесении рассказывается следующим образом:

Осенью в сем же 1825 году другой человек (подполковник Батенков), совсем иных свойств, но также как Якубович не бывший членом Северного общества, а знавший тайные намерения руководителей оною, вошел случайно в приятельские связи с Рылевым и Бестужевым (с. 86).

Здесь тайное общество опять ускользает от докладчика. Мы снова видим человека (которому вскоре будет приписана довольно деятельная роль), появляющегося на сцене в силу своих личных убеждений, по собственной воле, а отнюдь не под давлением какого-либо общества. Составитель Донесения, верный своей системе, не мог, конечно, не напомнить, что это новое лицо хотя и не принадлежало к обществу, но знало о намерениях его руководителей. Но ведь один из этих руководителей, а именно Бестужев, был тем

самым, кто, как говорится в Донесении, считал работу общества *простым времяпрепровождением*. Не проще ли, справедливее и честнее было бы сказать без обиняков, что Батенков, найдя в Рылееве и Бестужеве единомышленников, сблизился с ними? Общество здесь ни при чем; дальнейшие события это лишь подтверждают.

Бестужев, говоря с Батенковым однажды о том, что бы могло быть в России при ином образе правления, прибавил: «Есть 20 или 30 удалых голов, которые для такой перемены на все готовы». Батенков отвечал: «Я почел бы себя недостойным имени русского, если бы отстал от них» (с. 87).

Сопоставляя эти слова Бестужева с теми, где он выражает свое мнение об обществе, являвшемся в его глазах лишь *времяпрепровождением*, мы видим, что он ждал желанной перемены вовсе не от этого общества. Однако, согласно Донесению, он был одним из вождей общества. Даже упоминание о 20 или 30 «удалых головах» ясно показывает, что здесь подразумевалось не общество, а отдельные лица, державшиеся одинакового или сходного образа мыслей. Я потому останавливаюсь на этом отрывке, что он показывает, как человек, которого называют одним из деятельнейших вождей общества, сначала объявляет, что смотрел на общество только как на пустую забаву, а затем подтверждает правдивость или, по крайней мере, искренность этого мнения, говоря лишь об отдельных, независимых от какого-либо общества людях, которые должны произвести переворот.

Чтобы еще ярче высветить возмутительное легкомыслие и преступную неточность в изложении вопросов, задаваемых комиссией, и ответов, приписываемых обвиняемым, равно как и путаницу и слепую злобу, переполняющие Донесение, я предлагаю вниманию читателя следующие выдержки.

О прениях по поводу высылки за границу императорской фамилии в Донесении говорится следующее:

Когда же (сие показывает Александр Бестужев) представился вопрос, как быть, если император не согласится на условия, и можно ли, помня пример Испании, полагаться на вынужденное согласие? То он (Рылеев) сказал: «Южные отвергают монархию, их мнение принято и здесь; они же берутся извести государя при случае» (с. 92).

Почти то же объявляет и Торсон, но Рылеев не во всем сознается; уверяет, что и не знал точно о намерении Южного общества погубить государя императора Александра и все августейшее семейство его; что хотя предпочитал всем другим образ правления Североамериканской республики, однако же желал в России, разделив ее на области, подобные Американским Штатам, оставить *на время* формы монархии, что, впрочем, считал свое общество вправе только разрушить существующий порядок, а не вводить новый без согласия депутатов.. Наконец, когда спросили: «*Что делать, если государь не согласится на их условия?*» — то он, Рылеев, сказал: «*Не вывезти ли за границу?*» Что к сему мнению пристали Трубецкой, Никита и Матвей Муравьевы, Оболенский и Н. Тургенев и что для сего ему от Думы велено готовить кронштадтский флот чрез надежных офицеров. Исполняя это поручение, Рылеев говорил с Торсоном (с. 93).

Как видим, в Донесении приведены показания трех обвиняемых — Бестужева, Торсона и Рылеева — относительно того, что делать с императором.

Когда же, согласно Донесению, происходили эти прения?

Они происходили в присутствии Батенкова (с. 91). Но последний познакомился с Рылевым и Бестужевым осенью 1825 года (с. 86).

Они происходили в присутствии Торсона, который подтверждает это. Торсон вступил в общество в 1825 году (с. 81).

Рылеев, на которого на этом собрании была возложена задача подготовить флот, сказал об этом тому же самому Торсону, который, как мы видели, вступил в общество в 1825 году.

Уточнив, таким образом, даты, приходим к выводу, что человек, уехавший из России весной 1824 года, не мог присутствовать на этом собрании. Тем не менее в Донесении не только говорится, что Рылеев будто бы назвал меня в числе присутствовавших на нем, но и, дабы подтвердить мое присутствие на этом собрании, в примечании приводится показание другого обвиняемого, Муравьева. Правда, последний потом отказался от своих показаний; но каким образом? Когда его допросили *вторично* о том же самом собрании — разумеется, не для того, чтобы узнать истину обо мне, а по другим причинам, так что отказ этот вырвался у него случайно, как бы мимоходом. Выдвинутое против меня обвинение было устранено Следственной комиссией; но оно тем не менее фигурирует в мотивах обвинительного приговора.

Некоторые лица²²¹ сочли своим долгом предпринять кое-какие шаги, дабы доказать, что меня вовлекли в этот процесс по ошибке. Видя, что в Донесении помимо прочих неточностей я обвиняюсь в том, что голосовал за высылку императора, тогда как в это время я находился за границей*, одно из этих лиц²²² обратило на эту несообразность внимание докладчика и, чтобы как можно убедительнее доказать ему мое *alibi*, указало ему на имеющуюся в Донесении дату вступления Торсона в тайное общество: 1825 год. Но докладчик сам прекрасно знал, что я уехал из Петербурга в 1824 году, и не мог не помнить, как он часто встречался со мной осенью того же года в Мариенбаде в Богемии. «О! — воскликнул этот добросовестный господин, — что касается Торсона, то 1825 год вкрался по ошибке в издание Донесения in-8° на русском языке; эта опечатка исправлена в издании in folio». Человек, сделавший ему замечание по поводу моего *alibi*, более не настаивал; он не предполагал, что людская испорченность способна, ссылаясь на оплошность, оправдывать ложь в главном пункте обвинения. Я не видел этого издания in folio, но мне говорили, что все издания и переводы совпадают с тем, которым располагаю я. Кроме того, очевидно, что в этом отрывке Донесения никаких ошибок нет. 1825 годом датировано не только вступление в общество Торсона, но и начало сношений Батенкова с Рылевым, который, как утверждают, назвал меня. Но и без этих дат мое *alibi* устанавливается всем рассказом, содержащимся в Донесении, из коего совершенно ясно, что приведенные факты могли иметь место лишь в 1825 году.

Как расценить ответ, данный докладчиком? Не признавая легковесности, свойственной ему и при отрицании, и при утверждении, он с такой же непринужденностью прибегает к настоящей лжи, чтобы лишить человека одного из самых явных доказательств его невиновности! Лично я вполне способен относиться равнодушно ко всем, кто причинил

---

* В Неаполе, зимой 1824/25 года; в Париже, зимой 1825/26 года.

мне зло или думал, что причинил его. Если бы докладчик не поступил со мной столь подло и гнусно, я, быть может, вспоминал бы о нем не больше, чем о многих других. Но, не довольствуясь чрезмерным преувеличением виновности подсудимых, искажением их действий и слов, он говорил о них, нарушая все приличия, как если бы он полемизировал со своими литературными недругами. У него хватило бесстыдства очернить тех, кого он обвинял, — людей, погибших потом на эшафоте или же влачащих цепи в сибирских рудниках! Всюду есть великодушные люди, гибнущие из-за преданности общему благу или верности своим убеждениям; в одной России можно наблюдать, как люди гибнут, осыпаемые каламбурами и насмешками тех, кто посылает их на казнь! Странное совпадение! Фамилия человека, о котором здесь идет речь (Блудов) происходит от насмешливого прозвища, данного одному из его предков за совершенную им низость²; прозвище, передаваясь от одного поколения к другому, превратилось в фамилию. Потомок показал себя достойным родоначальника семейства.

Вспоминая о множестве гнусностей, я испытываю потребность отдохнуть душой и мысленно возвращаюсь к совершенно противоположному поведению одного из обвиняемых. Фон дер Бриген, видя, что мне, несмотря на отсутствие, предъявлено чудовищное обвинение, мужественно взялся меня защищать, отрицая и объясняя, отчего могло возникнуть это обвинение, которое, несмотря на нелепость, докладчик не побоялся записать в обвинительном акте. Таким образом, один из этих людей накануне своего осуждения защищал отсутствующего друга; другой же, поняв, что допустил *глупость* и вынужден признать ее, стал выпутываться из затруднительного положения с помощью лжи, подкрепляя клевету, возведенную все на того же отсутствующего. В настоящее время фон дер Бриген в цепях, а Блудов шаг за шагом добрался до высших государственных должностей. Какая из этих судеб более достойна зависти²²⁴

Итак, мы достигли конца одного из указанных выше периодов, который начинается вступлением Рылеева в Думу и заканчивается 27 ноября, когда было получено известие о кончине императора Александра. О начале нового периода в Донесении было сообщено следующее (с. 79):

В петербургском обществе явилась большая против прежнего и беспокойная деятельность, особенно со времени вступления Рылеева в Думу.

Мы только что видели, какова была эта деятельность; мы видели, что все, сказанное в Донесении по этому поводу, касается двух лиц, недавно принятых в общество, — Рылеева и Бестужева; еще двух других, которые никогда в нем не участвовали, — Якубовича и Батенкова, а также флотских офицеров, бывших совершенно посторонними людьми. Так где же здесь общество? Что случилось с его прежними членами? За исключением князя Трубецкого, ни один из них в течение всего этого периода не появляется на сцене. Два на-

² *Блуд* означает, собственно говоря, *прелюбодеяние* и вообще дурной, низкий поступок.

В конце X века, во время усобицы между преемниками Святослава, один из них, Ярополк, по совету своего приближенного Блуда отдался в руки брата своего Владимира, который немедленно велел его умертвить. Совет был предательским²²¹.

званных выше члена, Рылеев и Бестужев, сообщают свои взгляды другим; последние принимают или отвергают их, следуя своим личным убеждениям. Нет ничего, что указывало бы на общество. В Донесении говорится о происходившем заседании, но этот рассказ содержит в себе вопиющий анахронизм. Так имеются ли хоть какие-нибудь, пусть не в полной мере подтвержденные, факты, доказывающие существование общества? Нет. Согласно Донесению, сие общество произвело мятеж, а между тем оно ускользает от расследования и нет возможности обнаружить какие-либо его следы.

Вы верите обвиняемым, когда они говорят: «В такой-то день мы вступили в общество; были такие-то и такие-то заседания, обсуждались такие-то вопросы и были высказаны такие-то мнения». Вы хватаетесь за эти показания, так как они, на ваш взгляд, облекают в плоть беспрестанно вызываемый вами призрак и словно бы свидетельствуют о том, что мнимое общество действительно существовало, как вы упорно утверждаете, и было организованным и деятельным. Но почему вы не верите тем же самым обвиняемым, когда они говорят, что общество ничего не делало, что они смотрели на него как на простое времяпрепровождение? Вы должны были бы прежде всего обнародовать факты, один за другим доказывающие, что если общества и существовали, то они не имели сил творить ни добро, ни зло, что они ничего не совершили и что люди, действовавшие впоследствии, повиновались лишь своему личному побуждению, а их участие в тайном обществе в то время или ранее никак не отражалось на их поведении и не оказало никакого влияния на принятое ими решение. Признайте, что если общества и могли иметь какое-то влияние на отдельных лиц, то они, скорее, пользовались этим влиянием, чтобы умерять и сдерживать своих членов. Согласитесь, что все дерзкие, случайно сказанные преступные слова были произнесены не на заседаниях общества, а в частных беседах друзей. Восстание не только не связано с тайными обществами, но, напротив, все факты подталкивают к тому, чтобы сказать, пародируя известное изречение: восстание произошло *не потому, что существовали тайные общества, а несмотря на то*, что они существовали.

Сейчас мы вновь ознакомимся с тем, в каком состоянии, по свидетельству Донесения, находилось Северное общество в конце этого периода и в начале следующего, закончившегося восстанием 14 декабря.

Известие, поразившее скорбью сердца всех добрых россиян и всех благомыслящих людей в Европе, произвело на злоумышленников иное впечатление, но не радостное, ибо случай, коим они думали воспользоваться для начатия мятежей, лишь только снова доказал их бессилие. Они в одно время (27 ноября) узнали о кончине в Бозе почившего императора, о Манифесте, коим его величество назначал преемника державы, и о присяге, уже данной государю цесаревичу всеми жителями столицы^а. В своих совещаниях они не скрывали терзавшей их досады. Батенков говорил двум Бестужевым: «Потерян случай, которому подобного не будет в целом 50 лет: если б в Государственном совете были головы, то ныне Россия присягнула бы вместе и новому государю, и новым законам. Теперь все для нас пропало невозвратно»^б. К досаде в них присоединялся и страх, что обществу нельзя уже будет существовать. Хотя Трубецкой утверждал, что это не беда, что надобно лишь приготовиться содействовать южным, если они подымутся: однако ж и он с другими членами положил прекратить общество по крайней мере до благоприятнейших обстоятельств (с. 94).

Директоры Северного тайного общества: Рылеев, князя Трубецкой, Оболенский — и ближай-
шие их советники недолго останавливались на мысли разрушить оное навсегда или на время,
до них дошел слух, что государь цесаревич тверд в намерении не принимать короны, и сия
весть возбудила в заговорщиках новую надежду (с. 95).

² Князь Оболенский посылал в сей самый день спрашивать у кавалергардского корнета Александра Муравьева,
можно ли надеяться на их полк для произведения бунта, Муравьев отвечал, что это намерение безумное.

³ Он почти то же сказал и Штейнгелю.

Здесь мы видим последнее описание Северного общества в том же состоянии, в ко-
ем Донесение уже представляло нам все предыдущие общества во все возможные перио-
ды, то есть в состоянии полного бессилия, готовым к разрушению; одни члены говорят,
что все потеряно безвозвратно, другие предлагают общество упразднить. Что же лежит
в основе всего этого, несмотря на старания докладчика выдвинуть на первый план некое
общество заговорщиков? Да все то же: общества или, по крайней мере, сколько-нибудь
организованного общества, предпринимавшего хоть какие-то шаги, объединявшего лю-
дей, которые стремились бы к одной цели, и заставлявшего их принимать одни и те же
средства, никогда не было. Теми, кто желали перемен, естественно, могли вестись речи об
объединении, а следовательно, и о тайных обществах, ибо им, по-видимому, просто на-
доело действовать в пустоте. Возможно, опасаясь без толку скомпрометировать себя, они
пожелали положить конец своему бесплодному возбуждению. Объявляя, что их так назы-
ваемое общество упразднено, они, видимо, надеялись уничтожить малейшие его следы,
дабы успокоить тех, кто разделял их мнения, и обезопасить себя от расследования со сто-
роны нового правительства, коему они могли внушить подозрения.

Вдруг происходит неожиданное событие, *оживившее*, как сказано в Донесении, их
надежды. Точнее, однако, было бы сказать, что оно внушило им новые надежды, ибо они
составили иной план действий, который раньше просто не мог бы возникнуть. К этому
мы еще вернемся. Пока же мы, вслед за Донесением, ограничимся признанием того фак-
та, что Северное общество на протяжении всего своего неустойчивого и хилого сущест-
вования оставалось бессильным. Теперь я спрашиваю: можно ли с чистой совестью при-
писывать восстание обществу, которое накануне сего восстания едва подавало признаки
жизни? За несколько дней до выступления воставшие готовы были отказаться от своих
планов; общество, обвиняемое в Донесении в том, что оно вдохновило и вооружило лю-
дей на восстание, на деле не могло даже заставить их изменить свое решение. Но почему
же они все-таки изменили его? Что привело их от уныния к надежде, от бездействия —
к решимости действовать? И разве общество ответственно за это внезапное оживление?
Ничего подобного: организаторы восстания решились на него, видя возникшую неопре-
деленность в престолонаследии. На вопрос, почему вожак не упразднил общество, со-
ставитель Донесения дает ответ сам: потому что великий князь Константин, которому, как
прямому наследнику престола, только что принесли присягу, упорствовал в своем отказе
от короны.

И именно в это время, как подтверждают все установленные в Донесении факты, воз-
никла мысль о мятеже, на которой и остановились. У нее не было никакого иного источ-
ника, никакой иной причины.

Действительно, в Донесении отмечено, что лица, о которых идет речь, воодушевились новыми надеждами; однако следом прибавлено:

Сия весть возбудила в заговорщиках новую надежду: обмануть часть войск и народ уверить, что великий князь Константин Павлович не отказался от престола, и, возмутив их под сим предлогом, воспользоваться смятением для испровержения порядка и правительства (с. 95).

Такое решение влечет за собой ответственность, ибо оно было приведено в исполнение; но кто ответствен за него? Видимо, те, кто принял его и способствовал его осуществлению. Исполнение последовало за решением так скоро, что знать о нем могли лишь те, кто находился на месте; отсутствующих нельзя обвинять в соучастии, ибо они не предвидели ни отречения великого князя Константина, ни впечатления, которое оно могло произвести в Петербурге. Они не могли ничего знать и поэтому не должны ни за что отвечать. Тем не менее к ответственности были привлечены все без разбора — и присутствовавшие, и отсутствовавшие. Для этого нужен был какой-то предлог: его нашли в существовании тайных обществ. Следствие не выявило ничего о тайных обществах как таковых; тогда оно собрало все сказанные когда-либо слова, связало их с тайными обществами, а последние — с восстанием. Факты могут сколько угодно доказывать неточность, несправедливость и нелепость подобного способа установления виновности отдельных лиц, ибо судьей явилась та самая власть, которая вела следствие. Эта же власть вынесла обвинительный приговор и привела его в исполнение; в довершение же она отказалась выслушивать жалобы и протесты жертв.

Установив, таким образом, время, которое описано в оставшейся части Донесения, мы шаг за шагом будем разбирать его, по-прежнему пытаюсь уяснить, имелись ли следы какого-либо тайного общества, или же развязка была результатом стихийных усилий виновников разыгравшейся драмы.

•Чтобы прекратить несогласия в мнениях, — говорит Рылеев, — положили мы (он, Оболенский, Александр Бестужев и Каховский, за себя и за всех принадлежавших к их отраслям): назначить князя Трубецкого полновластным начальником или диктатором, хотя сие название иным (Александру Бестужеву) казалось смешною игрушкою. С тех пор он один делал распоряжения». Но князь Трубецкой утверждает, что истинным распорядителем всего был Рылеев, что он управлял всеми намерениями и действиями, только употребляя имя мнимого диктатора (с. 96).

Тут в Донесении имеется ссылка на следующее примечание:

Рылеев в своих последних ответах на допросы показывает, что сие не совсем справедливо, что князь Трубецкой многое предлагал первый и, превосходя его в осторожности, равнялся с ним в деятельности по делам заговора. «Впрочем, — прибавляет Рылеев, — я признаю себя главным виновником происшествий 14 декабря: я мог все остановить и, напротив, был для других пагубным примером преступной ревности. Если кто заслуживал казнь, вероятно нужную для блага России, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяние и совершенную перемену образа мыслей» (*примечание*, с. 96).

Здесь мы видим, что вслед за решением действовать был назначен диктатор. Назначение было сделано четырьмя лицами. И совершенно нелепо впутывать сюда *отрасли*.

Объявление диктатора последовало сразу за решением *обмануть часть войск и народа*, и т. д.; таким образом, запросить мнение *всех членов отраслей* было физически невозможно. Отрасли эти, совершенно очевидно, появляются здесь лишь для того, чтобы вызвать призрак общества, который в сей решительный момент более чем когда-либо ускользает от обвинителей. Приведенное в примечании последнее показание Рылеева не оставляет никаких сомнений на этот счет: он не упоминает ни о каком обществе, называет вещи собственными именами, сообщает о заговорщиках. Заговорщиками можно было, конечно, считать только тех, кто принял решение действовать. Вдобавок в последних своих словах Рылеев заметил, что он один мог бы все остановить. После этого желание по-прежнему видеть в основе всего какое-то тайное общество может свидетельствовать исключительно о необъяснимом помрачении ума.

Далее в Донесении говорится:

Трубецкой, однако же, действовал со своей стороны. 8 декабря он советовался с Батенковым о средствах для замышляемой революции и для будущего образования государства, они одобрили следующий, составленный Батенковым план (с. 96).

Вот положительный факт. Речь более не идет об обществе; все происходит между двумя лицами, одно из которых, а именно автор предложенного плана, вообще не участвовало ни в каком обществе. Мы вновь напомним о наших неоднократно сделанных наблюдениях: едва докладчик начинает говорить о чем-нибудь реальном, призрак общества тотчас же улетучивается. В свете фактов, ставших развязкой драмы, бесследно исчезают и планы царевубийства, и республиканские идеи, с такой любовью отмеченные в Донесении.

Мятежники должны были воспользоваться случаем, чтобы:

- 1) приостановив действие самодержавия, назначить временное правительство, которое учредило бы в губерниях камеры для избрания депутатов;
  - 2) стараться, чтоб были установлены две палаты, из коих в Верхней члены были бы определяемы на всю жизнь (хотя Батенков и желал, чтобы они были наследственные);
  - 3) употребить на сие войска, кои не согласятся присягать вашему величеству.
- Впоследствии же для утверждения конституционной монархии: учредить и т. д. (с. 97).

При сем Батенков сказал Трубецкому.. Трубецкой отвечал.. Но и сочиняя вместе сии планы для испровержения порядка, как видно, во многом или не понимали, или обманывали друг друга (с. 99).

Но другие уже готовили средства для предприятия. К Рылееву, как в определенное сборное место, являлись члены с предложениями, планами или за приказаниями *Думы* (с. 100).

Здесь составитель Донесения опять пытается связать восстание с обществом, утверждая, что к Рылееву приходили за приказаниями *Думы* (ибо здесь, без всякого сомнения, разумеется Дума общества). Но эта попытка не имеет успеха. Раз был *диктатор*, то уже не может быть *Думы*, и докладчику, чтобы быть логичным, следовало воздержаться от такого передергивания фактов.

12 декабря собирались вечером у Рылеева князь Трубецкой, Бестужевы, Батенков и т. д., но не все вместе: одни приходили, другие уходили. Одни отвечали за своих солдат; другие (князь

Одоевский) восклицали: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» Александр Бестужев и Каховский показывали себя пламенными террористами. Первый признается, что сказал: «переступаю за Рубикон; а рубли-кон значит рубли все, что попало». Каховский кричал: «С этими филантропами не сделаешь ничего: тут просто надобно резать, да и только» (с. 101).

Спросим себя еще раз: есть ли здесь хоть малейший признак общества? Так оставим же в стороне сей плод воображения докладчика и сформулируем вкратце подлинные, твердо установленные факты, как излагает их сам докладчик.

1) Вскоре после 27 ноября принимается решение действовать.

2) Вслед за этим назначается диктатор.

3) 8 декабря диктатор обсуждает план восстания с автором сего плана.

4) 12 декабря 17 человек, одни вслед за другими, обсуждают способы осуществления плана; некоторые ругаются за их действительность.

Дата обсуждения имеет большое значение: оно произошло за два дня до восстания. Далее в Донесении излагаются события, происходившие 13 декабря. Предмет сего рассказа составляет, таким образом, пятый факт, последовавший за решением действовать; обозначим его этой цифрой, дословно переписав текст Донесения:

5) Собрание их в сей вечер (13-го числа) было так же многочисленно и беспорядочно, как предшедшее: все говорили, почти никто не слушал (с. 102).

Опять вопрос: где же здесь действия общества?

В шуме сих разговоров, прений, восклицаний слышны были слова и ужасные предложения, говорили, но, как утверждают, лишь мимоходом, о погублении всей августейшей фамилии. Рылеев кончил спор словами: «*Обстоятельства покажут, что делать должно*». Заговорщики уже знали наверное, что следующий День (14 Декабря) назначен для обнародования Манифеста о восшествии вашего величества на прародительский престол (с. 106).

Теперь мы подошли к событию, отчетливо говорящему о средствах, к которым прибегли заговорщики при подготовке восстания. Мы далеки от желания оспаривать этот факт сам по себе, однако напомним, что здесь докладчик еще менее, чем где-либо заботится о точности и добросовестности. Вот факт, который мы воспроизводим под цифрой 6 и о котором сделаем свои замечания ниже:

6) О сих намерениях было уже сообщено простым членам от главных действователей (с. 106).

Здесь ссылка на следующее примечание:

Накануне (12 декабря) съезжались у князя Оболенского, где был и Рылеев, офицеры разных полков гвардии. Князь Оболенский сообщил им приказания диктатора и Думы стараться в день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь сколько им будет возможно нижних чинов из полков своих, а если не удастся, то по крайней мере быть самим (с. 107).

Далее следует текст:

Положено приготовить солдат к возмущению изъявлением сомнений в истине отречения государя цесаревича и с первым полком, который откажется от присяги, идти к ближайшему, а там далее, увлекая один за другим. Князь Трубецкой при сем напоминал слова Батенкова: «Надо бы в барабан приударить, чтоб собрать народ», потом все войска, которые пристанут, собрать пред Сенатом и ждать, какие меры будут приняты правительством. Они думали, особливо их диктатор князь Трубецкой, как он утверждает, что ваше величество, не употребляя силы для усмирения мятежников, решитесь скорее отказаться от прав самодержавия и вступите с ними в переговоры. Тогда они объявили бы свои желания» (с. 108).

Прежде чем идти дальше, остановимся на описанных в Донесении событиях, означенных под цифрою шесть. Было принято решение о том, каким способом осуществить восстание. Состоялось два собрания: первое у Рылеева, второе у князя Оболенского; оба происходили в один день, 12 декабря, причем участвовали в них почти одни и те же лица, ибо из десяти присутствовавших, по свидетельству Донесения, на втором собрании шестеро уже участвовали в первом, и только четверо явились впервые*. Таким образом, точно установив число и фамилии участников, равно как и даты, я спрашиваю, что означают слова Донесения: «О сих намерениях было уже сообщено *простым* членам от главных действователей?» Число этих *простых* членов сводится, как вы только что могли убедиться, к четырем, тогда как число главных членов, или действователей — к *шести* или *семнадцати*. Не очевидно ли, что предполагаемое уведомление *простых* членов упомянуто здесь лишь для того, чтобы напомнить об обществе, существование коего обвинению так нужно установить? С той же целью примечание заставляет князя Оболенского говорить от имени диктатора и *Думы*. К чему же Дума, раз есть диктатор?

Достаточно немного здравого смысла, чтобы понять, что здесь нет ни общества, ни его членов — ни простых, ни главных. Около двадцати человек, видя, что вопрос о престолонаследии находится в неопределенном положении, хотят воспользоваться этой неопределенностью; они делятся друг с другом взглядами, принимают решение и немедленно приводят его в исполнение. И все — первоначальная мысль, согласие, решение, исполнение, именно все, повторяю — происходит в течение двух дней, с 12 по 14 декабря. Таковы факты, простые и истинные; остальное — чистейший вымысел.

Почитаем дальше Донесение:

Некоторые вздумали дать сведение о предпринимаемом и в другие места. И. П. отправил письмо в Москву к С.²²⁵ «Нас, — писал он, — по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будет кончено. Нас здесь 60 членов, мы можем надеяться на 1500 рядовых, которых уверят, что цесаревич не отказывается от престола. Прощай; вздохни об нас, если...» (с. 111).

* Эти желания найдут свое место в оценке цели восстания.

** 12-го у Рылеева: 1) Рылеев; 2) Штейнгейль (автор декларации); 3) Трубецкой; 4), 5), 6) Бестужевы (Николай, Александр и Михаил); 7) Оболенский; 8) Каховский; 9) Арбузов; 10) Репин; 11) граф Коновницын; 12) князь Одоевский; 13) Суттоф; 14) Пущин; 15) Батенков; 16) Якубович; 17) князь Щепин-Ростовский.

12-го, у Оболенского: 1) Оболенский (1); 2) Рылеев (2); 3) Суттоф (3); 4) Кожевников (1); 5) барон Розен (2); 6) князь Одоевский (4); 7) Арцибашев (3); 8) Анненков (4); 9) Арбузов (5) и 10) Трубецкой (6).

Разве может член общества так обращаться к другому члену общества? Это, скорее, письмо человека к приятелю, по всей видимости, разделяющему его взгляды. Кроме того, число заговорщиков здесь несколько преувеличено; Донесение, в разных местах, никогда не называет подобной цифры.

Теперь мы приближаемся к развязке.

Несмотря на сомнения и боязнь, князь Трубецкой не отказывался явно, и определено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду над войсками, которые не согласятся присягать вашему величеству; под ним же начальствовать капитану Якубовичу и полковнику Булатову. Сей последний, как видно из дел и слов его, не злой, а слабоумный человек, за несколько дней до того не знал о существовании тайного общества (с. 114).

Вот те два лица, кои под началом диктатора должны были руководить восстанием. Один из них прибыл в Петербург только в 1825 году и являлся человеком для общества совершенно посторонним; другой даже не знал о его существовании за несколько дней до события. Но тем не менее восстание продолжает быть делом рук общества, общества, все время ускользающего от взора докладчика!

К тому же, рассказывая, каким образом 6 декабря Булатов был вовлечен в число заговорщиков, составитель Донесения приводит его слова, убедительно доказывающие, что дело шло отнюдь не о присоединении к обществу, а всего лишь о посвящении в только что возникшие планы. Вот как излагается это в Донесении:

Рылеев открыл ему намерения их. Булатов часто спрашивал: «Но где же польза отечества? Я вижу одну перемену в правителях; вместо государя вы хотите иметь диктатора князя Трубецкого» (с. 115).

Не исключает ли этот отрывок мысль об обществе в том виде, в каком оно прежде было описано в Донесении? Принимая нового участника, заговорщики рассказывают ему только о планах и решениях, принятых несколько дней назад. Тут докладчик, желая, по своему обыкновению, доказать существование общества и присоединение к нему новых членов, опровергает все, что говорил раньше.

В казармы Гвардейского морского экипажа послан был Рылеевым для начатия первых действий лейтенант Арбузов. 13 декабря он прямо от Рылеева приехал к мичманам братьям Беляевым; тут, кроме их, нашел двух Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловского полка Гудимова. «Господа, — говорил он, — зная ваш образ мыслей, кажется, могу вам сказать все откровенно. Завтра будут нас звать к присяге; откажитесь и приготовьте к тому свои роты». Он оставил их, не получив желанного ответа. Но тогда именно сии молодые офицеры вдруг решили содействовать замышленной революции (с. 116 и 117).

Одно дело рассказывать, и совсем другое — цитировать. Когда автор Донесения рассказывает о неких событиях, действительно кажется, что какое-то общество вербует приверженцев; однако стоитему что-то процитировать, как общество исчезает; остаются только люди, кои обращаются к другим людям, чьи убеждения им известны. Здесь мы

видим явное тому доказательство: докладчик приводит факты, а не пересказывает их. Разве могло общество, к которому эти лица не принадлежали, заставить их принять участие в восстании?

14 декабря поутру сии офицеры и еще некоторые явились перед матросами... Когда приехал бригадный начальник генерал-майор Шипов, то матросы, уже вовлеченные в обман своими офицерами, не согласились присягать; он арестовал ротных командиров, но Бестужев уговорил Беляевых, Бодиско, Дивова, Шпейера освободить их. В сию минуту раздался голос: *«Ребята, слышите ли стрельбу, ваших бьют»*, и экипаж побежал со двора. За всеми пошли и другие офицеры, дотолпе не участвовавшие в беспорядках (с. 119).

Судьба, похоже, забавляется, окончательно запутывая хитросплетения докладчика, приписывающего восстание обществу. Вот первое действие восстания, по крайней мере первое, рассказанное докладчиком. И что же? Лица, в нем участвующие и приведшие в движение матросов, являются теми самыми людьми, к которым обратились накануне в силу их *образа мыслей*; они не принадлежали ни к какому обществу:

Возмущение в Московском полку началось прежде. Так, князь Щепин-Ростовский, штабс-капитан Н. Бестужев²²⁶, брат его Александр и еще два сего же полка офицера ходили по ротам, стараясь ослепить рядовых, уговаривая их не присягать вашему величеству, повторяя: *«Все обман и т. д.»* (с. 120). Князь Щепин ранил генерала Фридрихса в голову, и когда он без чувств упал, то, бросаясь также на бригадного командира генерал-майора Шеншина, тяжело ранил и его и лежащего еще долго рубил, потом дал несколько ударов саблею полковнику Х., гренадеру К., унтер-офицеру М.²²⁷ и кричал солдатам: *«Зарублю!»*. Наконец, отняв знамя, повел бунтовщиков на Сенатскую площадь. Выходя на берег Фонтанки и видя возле себя Александра Бестужева, он сказал ему: *«Что? Ведь к черту Конституция»* (с. 120).

В полку лейб-гренадерском бунт проведен теми же средствами. Когда рядовых вывели для присяги, к ним подошел подпоручик Кожевников... Он спрашивал солдат: *«Зачем вы забываете клятву, данную Константину Павловичу?»* Потом кричал еще в галерее: *«Кому присягаете? Все обман!»* (с. 121).

Но порядок в полку сим не был нарушен: все присягнули, и рядовые сели обедать. Тогда поручик Сутгоф, бывший уже у присяги, вдруг пришел к своей роте со словами: *«Братцы! Напрасно мы послушались, другие полки не присягают и собрались на Петровской площади; оденьтесь, зарядите ружья, за мной и не выдавайте!»* Между тем другой поручик, Панов, также присягнувший, бегал из роты в роту, возбуждая рядовых уверениями, что их обманули. Видя, что ему верят многие, бросился в середину колонны и, подав знак возмущения криком *«ура!»*, повел несколько рот в расстройстве на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимнего дворца, Панов вступил было с частью лейб-гренадеров на двор одного, но увидел, что там стоят саперы, и, сказав: *«Это не наши»*, пошел далее... Принятые меры осторожности вскоре остановили все действия бунтовавших (с. 121).

Вот мы и подошли к концу.

Мы видели, что мысль о восстании возникла вслед за отречением от престола великого князя Константина, что решение о восстании было принято 12-го, а осуществлено 14-го. Также следует отметить, что в одном из трех пунктов, где оно вспыхнуло, его вызвали лица, не принадлежавшие к тайному обществу, а в двух других пунктах — люди, вступившие в сношения с Рылевым, *который мог все остановить*, только в течение или

в конце 1825 года. В Донесении это указано на с. 80*. Какой же здравомыслящий человек после приведенных нами доказательств обратного согласится с докладчиком, что восстание было вызвано прежним тайным обществом?

Цель восстания

Добравшись, таким образом, до развязки драмы, происшедшей в Петербурге в декабре, мы полагаем не лишним как можно точнее определить цель, поставленную перед собой восставшими. Донесение Следственной комиссии — а мы уже не раз имели случай наблюдать это — постоянно старается навязать восстанию 14 декабря мысль о царевубийстве и установлении республики; оно цепляется к любым словам, которые привлеченные к ответственности лица могли произнести за десять предшествующих лет, — к словам, давно взятым назад, или откровенно противоречивым, или таким, в которых сами производившие их зачастую усматривали хвастовство. В Донесении собрано все, что, по мнению составителя, могло подкрепить его излюбленное утверждение о существовании республиканских замыслов и планов царевубийства. Однако, когда составитель подходит к развязке, он едва упоминает о царевубийстве и вовсе не говорит о республиканских идеях. Будучи вынужденным излагать факты, он, как видим, с полной ясностью устанавливает, что заговорщики, предпринимая восстание, предполагали добиться для России конституционной, представительной формы правления с сохранением монархии и даже намеревались предоставить решение о новом политическом строе депутатам от всего народа, которых после победы восстания немедленно для этого созовут. У нас нет недостатка в доказательствах, что таковы были их действительные намерения.

На с. 97 в Донесении приводится план, принятый князем Трубецким и Батенковым, согласно которому временное правительство должно было распорядиться о создании в губерниях камер для избрания депутатов; в нем также шла речь о двух законодательных палатах.

На с. 108 говорится, что восставшие намеревались объявить императору о своем желании собрать депутатов из всех губерний для вотирования новых законов, которые будут определять политический строй империи.

На с. 109 сказано, что заговорщики надеялись избежать кровопролития и при посредстве Сената, который они заставили бы поддержать их требования, получить согласие императора Николая или цесаревича на созыв депутатов для избрания государя и установления представительного правления.

Наконец, на с. 111 сообщается, что князь Трубецкой набросал на бумаге, найденной у него вечером 14 декабря, главные пункты манифеста, где предполагалось от имени Сената объявить об упразднении прежнего правительства и учреждении временного правительства, которое должно было созвать депутатов из всех российских губерний.

---

* Там говорится, что Рылеев и Бестужев приняли в члены общества в 1825 году Николая, Михаила и Петра Бестужевых, Сутгофа, Панова, Кожевникова, князя Одоевского, князя Щепина-Ростовского, Кюхельбергера, Торсона, Арбузова.

Те же самые намерения отчетливо звучат и в речах, с которыми 13 декабря обращались к тем, кого желали вовлечь в восстание. «Мы принудим Сенат, — говорил Арбузов офицерам, чье содействие ему было необходимо, — утвердить давно уже сочиненный проект конституции, чтобы ограничить власть императора» (с. 116).

Отсюда видно, что ни о республике, ни о цареубийстве не было и речи.

Таким образом, целью восстания было установление конституционного порядка. Но как бы ни была ясна эта цель, ее постарались затемнить, скрыть под грудой нелепостей, ужасов и лжи, бесстыдно и без разбора нагромождая их друг на друга.

Рассматривая избранные заговорщиками средства, мы вынуждены признать, что они были основаны на обмане; это следует из Донесения — если только, конечно, сей документ здесь ближе к истине, чем в иных местах. Разумеется, нельзя назвать нравственным или разумным использование лжи для достижения успеха подобного предприятия; но это средство было так легко и сулило столь быстрый успех, что естественно соблазнило заговорщиков. Вероятно, желая избавить себя от труда объяснять солдатам свои воззрения по поводу конституции и народного представительства, что заставило бы их терять драгоценное время, они предпочли избрать более прямой путь и обеспечить себе их поддержку словами: «Соблюдайте присягу».

Я не собираюсь порицать ни провозглашение императором великого князя Константина, ни его отречение от короны; однако следует сказать, что хотя порядок престолонаследия в России и раньше бывал крайне неопределенным и шатким, все-таки уже господствовало мнение, что окончательно сей порядок установлен императором Павлом I, и царствующий монарх ныне не может назначать себе преемника по собственному желанию и вопреки праву первородства. Между тем в Донесении сообщается о манифесте, возвещавшем, что император Александр назначил своим преемником вовсе не то лицо, к которому должен был по естественному праву перейти престол (см. с. 93). Это осложнение окончательно вселило бодрость в тех, кто желал воспользоваться сложившейся неопределенностью в вопросе о престолонаследии после кончины императора Александра.

Изложив события, имевшие место в Петербурге, составитель Донесения Следственной комиссии переходит к рассказу о том, что происходило в других местах.

На юге, где вследствие предписаний, привезенных из Таганрога генерал-адъютантом Чернышевым, уже были забираемы под стражу важнейшие злоумышленники, по указаниям донесшего на них капитана Майбороды, бешенство других, смущенных открытием заговорщиков, также изливалось в словах² (с. 130).

Сергей и Матвей Муравьевы также были взяты (29 декабря) начальником первого, подполковником Г.²⁸ В ту же ночь несколько офицеров, принадлежавших к обществу *Соединенных славян*, ворвались в комнаты, где Муравьевы содержались, освободили их, схватили подполковника Г. и жандармского офицера, ранили первого. Сергей Муравьев тогда лишь, как утверждает он, решился возмутить Черниговский полк (с. 132).

31 декабря он велел собраться к походу тем, кои уже пристали к нему; перед выступлением полковой священник за 200 рублей согласился отпеть молебен и прочесть сочиненный Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым *Катехизис*, в коем, своевольно толкуя отдельные места из Ветхого Завета, они хотели доказать, что Богу угоден один республиканский образ правления.

Но сей лже-Катехизис, как сам Муравьев показывает, произвел на рядовых *невыгодное для его намерений впечатление*, и он увидел себя принужденным действовать снова именем государя цесаревича, уверяя солдат, что Его Высочество не отрекался от короны (с. 134).

Докладчик сообщает, что после ряда передвижений во главе нескольких рот Муравьев встретил высланный против него гусарский отряд генерала Гейсмара (с. 135). «Я привел свои роты в порядок, — говорит Муравьев, — велел солдатам, не стреляя, идти прямо на пушки с оставшимися офицерами. Солдаты шли за мною, когда я упал без чувств, раненный картечью; очнувшись, увидел своих в расстройстве, хотел собрать их, но они вместо повиновения схватили меня и Бестужева и отдали начальнику полкового эскадрона, который нас атаковал». Брат его Матвей и все прочие офицеры также взяты, кроме убитого в деле другого его брата Ипполита и поручика С., который, успев бежать, отыскан уже местным начальством в Кишиневе; из взятых К.²³⁰ застрелился в тот же день пред глазами обоих Муравьевых, с коими он содержался^c (с. 136).

^a Достоин замечания, что главные, в том числе полковник Пестель, арестованы именно 14 декабря.

^b За несколько дней перед тем Сергей Муравьев, узнав в Житомире о происшествии 14 декабря, вздумал требовать смерти государя цесаревича от директоров Польского тайного общества. «Я надеялся, — говорит он, — что, сделав сие, варшавское общество принуждено будет начать возмущение и в Польше, а мы тем воспользуемся». Но не согласились доставить письмо от 1824 года, которое он хотел отправить для этого в Варшаву²³⁰.

^c Из этих офицеров С., С., Ш. и М.²³¹ преданы военному суду в 1-й армии. Ипполит Муравьев приехал к братьям нечаянно и остался с ними вопреки усиленным просьбам их, особливо Матвея, который *предвидел окончание преступного их предприятия* (с. 137).

На этом рассказ о том, что произошло на юге, завершается.

Можно ли связать эти события в том виде, как нам о них только что рассказали, с деятельностью какого-либо тайного общества?

Выше мы видели, что лица, составлявшие планы переворота, восстания, мятежа и даже цареубийства, в конце концов решительно отказывались от этих планов; ибо как иначе понимать их решение отложить все до 1826 года, то есть на неопределенное будущее? Слова, которые в Донесении вложены в уста нескольких обвиняемых, в достаточной мере доказывают, что они оставили все свои планы; прежде всего об этом свидетельствуют последние слова Пестеля, произнесенные им до взятия под стражу. Но даже в момент его ареста никто не думал о восстании; сам Пестель никого не призывал к мятежу; наоборот, он говорил: «Не бойтесь, спасайте только мою „Русскую правду“, а я не открою ничего» (см. с. 131). Согласно изложенным в Донесении фактам, восстание во второй армии было вызвано лишь взятием под стражу его зачинщика. В Донесении упоминается о нескольких офицерах, принявших в нем участие и преданных военному суду: их отделили от тех, кого обвиняли в принадлежности к тайным обществам. Но разве среди улик, собранных против тех, кто предстал пред Верховным судом в Петербурге, есть хотя бы один факт, указывающий на деятельность какого-либо общества? Все обвиняемые без исключения ответственны лишь за один проступок за восстание.

Донесение кончается так:

Описав свойство, намерения и действия открытых в России злоумышленных тайных обществ, комиссии остается обратить внимание вашего величества на личное в сих замыслах и действиях участие всех допрошенных в продолжение следствия, как тех, коих имена упомянуты в сем донесении, так и других, менее значивших в кругу своих сообщников. Комиссия старалась представить сие наиточнейшим образом в особых о каждом записках,

означая в оных и собственные их признания, и показания свидетелей, и новые по сим показаниям данные ими ответы и объяснения. Сии записки вместе с письменными извещениями допрошенных и другими следующими к делу более или менее важными бумагами, комиссия подносит на высочайшее усмотрение вашего величества. 30 мая 1826 года.

Мы ничего не скажем об этой заключительной части Донесения; прочтя наши замечания, читатель сообразит, какого мнения ему придерживаться. Ограничимся лишь тем, что обратим внимание на два выражения докладчика: утверждение, что он описал *действия тайных обществ*, и хвастливое заявление о том, что следствие произведено *наипочнейшим образом*.

Истинное резюме обвинительного акта

Если теперь вкратце повторить действительные результаты расследования, как они представлены в только что рассмотренном нами Донесении, то мы увидим, что они сводятся к следующим фактам:

1. В течение 1817 года несколько человек безуспешно пытались основать тайные общества.

2. В 1818 году такое общество, под названием Союз благоденствия, было наконец основано.

3. Союз благоденствия имел устав, о котором во время следствия было сказано, что он содержал в себе исключительно простые истины филантропии.

Цель этого общества, записанная в уставе, состояла в *благоденствии отечества*. Союз считал своей главной задачей оказывать содействие правительству во всех его начинаниях, направленных к искоренению злоупотреблений и к общественной пользе. Даже на основании Донесения ему нельзя приписать никакой иной цели; еще менее ему может быть вменен в вину мятеж, ибо в Донесении указано, что мысль о мятеже, скорее всего, возникла лишь в 1821 году, а общество было распущено уже в феврале того года.

Общество было тайным: это объясняется необходимостью избежать кривотолков, продиктованных недоброжелательством и злобой.

4. Деятельность этого общества сводилась к нулю, и вскоре после своего создания оно, по признанию самого следствия, пришло в полный упадок.

5. Даже следствие признает, что споры, которые велись в обществе, были обычными разговорами, ничем не примечательными и нисколько не преступными.

6. В начале 1821 года общество было распущено его собственными членами.

Возможно, нелишним будет напомнить, что запрет, который русское правительство наложил на создание масонских лож и тайных обществ в целом, был издан уже после роспуска Союза благоденствия.

7. Преступные идеи, высказанные некоторыми лицами до устройства этого общества в период его существования или после его роспуска, исходили не от общества, как это явствует из самого Донесения, и поэтому не могут быть приписаны обществу.

8. С роспуском Союза благоденствия не согласились некоторые его бывшие члены.

9. Тем не менее, считая старое общество в самом деле распущенным, они стали пытаться восстановить его или же основать новое.

10. Несмотря на все их усилия и вопреки утверждениям следствия, даже вопреки показаниям, вложенным в Донесении в уста нескольких обвиняемых, ничто с достоверностью не доказывает основания нового общества, подобного распущенному ранее; по крайней мере, начиная с 1821 года следствие не смогло отыскать ни следов его устава, ни какого-либо организованного действия.

11. Все сколько-нибудь значительные факты, приведенные в Донесении, сводятся к нескольким тайным собраниям на юге империи, устроенным небольшим числом лиц, не желавших согласиться с роспуском старого общества.

12. Все усилия этих лиц, все их планы, все неистовые речи, которые, согласно их показаниям, относились к этому времени, не имели никаких последствий и ни к чему не привели. В конце концов, они оставили свои планы, отложив осуществление их на неопределенное будущее.

13. Если даже допустить, что какое-то общество было восстановлено в Петербурге, то деятельность его, по признанию следствия, до конца 1824 года была практически равна нулю.

14. Говоря о следующем, 1825 годе, следствие — вплоть до декабря — не выдвигает против общества никаких серьезных обвинений, кроме стараний двух его членов вербовать новых соратников. Действительно, только два человека стремились расширить круг своих единомышленников.

15. Согласно показаниям одного из них, общество ничего не предпринимало, и члены его смотрели на участие в нем как на *простое времяпрепровождение*, пока, наконец, и вовсе не задумали распустить сие так называемое общество.

16. При известии о кончине императора Александра, или, вернее, об отречении цесаревича Константина, явилась мысль о восстании ради установления в России конституционного строя. Этот план был задуман и принят без разбора как лицами, принадлежавшими к тайным обществам, так и другими, ни в какие общества не входившими.

17. Решение действовать было принято 12 декабря; для исполнения задуманного плана обратились к тем, кого, в соответствии с их образом мыслей, считали способными содействовать движению, но вовсе не вследствие их принадлежности к тайным обществам. За исключением двух лиц, все принявшие участие как в подготовке восстания, так и в нем самом, до 1825 года не принадлежали ни к какому тайному обществу и не участвовали в нем ни раньше, ни после; по словам следствия, таких было большинство.

Теперь, подводя итоги, скажу, что с точки зрения закона ответственность за декабрьское восстание 1825 года несут только те, кто каким-либо образом принял в нем участие; лица же, которые ничего не знали и не могли знать об этом восстании, вообще не должны были привлекаться к ответственности в сем процессе. То же самое я скажу и о событиях на юге, где мысль о восстании родилась лишь 29 или 30 декабря, после взятия под стражу самого зачинщика восстания.

Следствие не установило за мной лично никакой доказанной вины и не выдвинуло против меня никаких обоснованных обвинений, если не считать моего участия в тайном обществе, известном под названием Союза благоденствия, роспуску которого я содействовал в 1821 году.

Что касается позднейших фактов, то мои объяснения показали, что я не только не присоединялся ни к какому новому обществу, но вплоть до своего отъезда из России, случившегося в апреле 1824 года, не имел никаких оснований полагать, что было основано какое-нибудь тайное общество. Я и теперь в этом убежден.

Так как цели Союза благоденствия, указанные в его уставе, не заключали в себе ничего, за что следовало бы отвечать перед законом, то мое участие в этом обществе не могло служить причиною привлечения меня к ответственности.

Все факты, которые следствие ставит мне в вину, начиная с моего вступления в Союз благоденствия и до его роспуска, сводятся к словам: «Un président sans phrases». Сие обвинение настолько нелепо, что даже следственная комиссия не согласилась с ним; поэтому в силу формальных предписаний закона оно должно было быть расценено как несуществующее и не имевшее места.

Уже после роспуска Союза благоденствия составитель Донесения Следственной комиссии отыскивает два факта, доказывающих мою виновность:

1. Мое участие в восстановлении общества в 1822 году.

Мои объяснения показали, что это обвинение опровергается текстом самого Донесения; действительно, там названы пофамильно, и притом в хронологическом порядке, все вожди этого предполагаемого общества, но моего имени там нет. К тому же лицо, будто бы назвавшее меня одним из основателей, всеми силами постаралось опровергнуть приписываемое ему заявление. В Донесении ничто не доказывает и даже не намекает на возможность моего участия в этом обществе.

2. Мое согласие с предложением выслать императора за границу, данное на заседании, происходившем в Петербурге в 1825 году.

Я уже сказал, что покинул Петербург в 1824 году.

Таким образом, можно считать доказанным, что с момента роспуска Союза благоденствия и вплоть до моего отъезда из России следствие не могло ничего поставить мне в вину.

Но кроме Донесения были еще особые *Записки* — как обо мне, так и о других обвиняемых²³². Естественно, записки эти должны были являться выдержками из Донесения, на котором построено все обвинение. Следственная комиссия хвалится тем, что составила их наиболее точным образом; тем не менее в касающейся меня *Записке* содержатся обвинения, которые напрасно было бы искать в Донесении. Как же получилось, что *Записка* возводит на меня более тяжкие обвинения, чем Донесение?

Как бы то ни было, выше я опроверг эту записку, поскольку ее обвинения основаны на фактах, содержащихся в Донесении комиссии. Я доказал, что были перепутаны не только два пункта обвинения: *основание общества* и его *восстановление*, но и сами показания, на которых эти обвинения основаны, ибо они исходят от лиц, которые физически не могли быть свидетелями вменяемых мне в вину поступков. Также я доказал, что никогда не занимался вербовкой новых членов, никогда никого не присоединял ни к ка-

кому обществу и, в сущности, даже не мог этого делать, так как в то время, когда я якобы — как утверждает обвинение — занимался этим, то есть после роспуска Союза благоденствия и вплоть до его мнимого восстановления в 1822 году, никакого общества, по признанию самого составителя Донесения, не существовало.

Если же, паче чаяния, пожелают сказать, что я вербовал сторонников в общество 1822 года, я сошлюсь на показание того, кто назвал меня одним из основателей этого общества: это показание гласит, что я воздерживался от принятия новых членов (с. 39).

Вслед за вышеуказанными пунктами обвинения в записке выдвинут еще один: *причастность* к намерению ввести республиканский строй; на этот раз, подкрепляя показания Пестеля о «*президенте без фраз*», оно приводит свидетельство, коего в Донесении Следственной комиссии нет и в помине. Вот это новое показание, и вот каким образом оно было получено:

На вопрос, предложенный Бестужеву-Рюмину: кто из членов общества наиболее стремился к достижению и исполнению цели введения республики посредством революции советами, сочинениями и т. д., отвечал: «Н. Тургенев — на Севере, а Пестель — на Юге».

Возможно, Следственная комиссия не знала, что существуют вопросы, именуемые на языке права *коварными*, и закон запрещает задавать их обвиняемым. Но, не останавливаясь ни на вопросе, ни на ответе, я ограничусь заявлением, что никогда не был знаком с Бестужевым, никогда не видел его и только после прочтения Донесения Следственной комиссии узнал о его существовании.

Это свидетельство, судя по всему, не было принято Следственной комиссией. Тем не менее оно, несомненно, много способствовало моему осуждению и чрезвычайно затруднило для меня составление объяснений. Скорее всего, в этом и заключалась цель моих инквизиторов, только и желавших создать обо мне неблагоприятное впечатление.

Кажется, впрочем, что все без исключения обвиняемые, как знавшие меня лично, так и те, с которыми я никогда не был знаком, были подвергнуты особому допросу, касавшемуся исключительно меня; и, видимо, в Донесении Следственной комиссии были отмечены лишь неблагоприятные для меня ответы. Между прочим я узнал, что один из основателей Союза благоденствия, хотя и не привлеченный к ответственности, был тем не менее подробнейшим образом и с большой строгостью допрошен относительно меня сначала одним членом комиссии, затем другим и, наконец, самим великим князем Михаилом²³³. В ход были пущены все средства убеждения, лишь бы узнать от него, какое участие я принимал в тайных обществах. Это ни к чему не привело. Хотя он подробно изложил все, что знал об этих обществах, но не сказал ничего, что дало бы обвинению материал против меня; наоборот, все его ответы склонялись к полному моему оправданию. Поэтому их нет в Донесении*. Впрочем, должен сказать, что не знал этого лица ни как члена тайного общества, ни иначе. Здесь возникает вопрос, дал ли бы этот человек те же самые показания, если бы вместо допроса в качестве свидетеля его бы подвергли

---

* Лишь случайно мне стало известно о допросе, которому было подвергнуто лицо, о коем здесь идет речь. Нет сомнения, что было много других подобных показаний в мою пользу; но нужны были только те, кои могли бросить на меня тень, и, как мы уже видели, следствие не безговало ничем.

допросу как обвиняемого, а следовательно, и такому же обращению, как и остальных подсудимых?

Мне говорили — и это кажется вполне вероятным, — что входившие в Следственную комиссию генерал-адъютанты императора были в отчаянии, убеждаясь, что в деле замешаны одни военные; они во что бы то ни стало хотели впутать в открытые, по их словам, заговоры штатских, а главное, причислить штатских к числу вождей. Эта ребяческая манера — стараться скрыть то, что очевидно для всех, немало способствовала поразительному упорству, с которым докладчик везде приплетал мое имя и почти всегда некстати.

Выше я уже сказал, что два главных обвинения против меня были устранены самой Следственной комиссией; теперь я должен привести отрывок из относящейся к этому записки. Резюмируя показания против меня, комиссия отмечает следующее:

Следовательно, остаются только показания двух членов общества — Пестеля (относительно слов «Le président sans phrases»), и Рылеева (относительно высылки императора) и, кроме того, еще по поводу различных предметов, которых Комиссия, почитая опасным в столь важном преступлении принять достаточным к обвинению, считает справедливым представить сие обстоятельство рассмотрению Верховного уголовного суда*.

Краткое повторение пунктов обвинения, послуживших причиной моего осуждения

Теперь я представляю перечень всех пунктов обвинения, послуживших причиной моего осуждения, в том виде, в каком они изложены в приговоре Верховного суда. В этом приговоре сказано, что я обвинен и уличен:

1. «В принадлежности к обществу, имевшему целью мятеж».

Ни одно из тайных обществ, упомянутых в Донесении Следственной комиссии, никогда не имело своей целью мятеж: я с очевидностью доказал это с текстом Донесения в руках.

Цель же общества, в котором я принимал участие, была определена в его уставе и не имела ничего общего с мятежом. Следственная комиссия не смогла ничего сказать против этой цели. Более того, она сама предположила, что первая мысль о мятеже возникла лишь в 1821 году, в начале коего это общество было распущено.

2. «В участии в учреждении общества».

Я не мог участвовать в образовании общества, ибо, когда я в него вступил, оно уже было основано.

* По русскому оригиналу легко понять, что записка написана не тем, кто сочинял Донесение²³⁴. Здесь нет той правильности, той плавности стиля. Но если в ней и заметна еще некоторая боязнь открыто сказать правду, то, по крайней мере, автор воздерживается и от очевидной лжи.

3. «В участии в восстановлении общества».

Только один подсудимый обвиняет меня в этом, но его показание противоречит фактам, содержащимся в Донесении, а впоследствии он сам отрекся от своих слов. Если даже в записке и говорится, что другие обвиняемые подтвердили это показание, то я уже доказал, что они физически не могли быть здесь свидетелями.

4. «В участии в совещаниях общества».

Прения относительно республиканского строя рассматривались Следственной комиссией не как совещания общества, а как простая беседа. Совещание же, на котором шла речь о высылке императора, происходило в 1825 году, после моего отъезда.

Если же говорить о совещаниях, на которых я мог присутствовать, то на деле речь может идти только о московском съезде, следствием которого был роспуск общества.

Следствие не отмечает моего присутствия ни на каком другом съезде.

5. «В привлечении членов в общество».

Показания, послужившие основанием для этого пункта обвинения, относятся к 1821 году — времени, последовавшему за роспуском старого общества. Новое общество, согласно Донесению, было основано лишь в 1822 году. Итак, выходит, что привлечение новых членов, в котором меня обвиняют, относится ко времени, когда общества не существовало вовсе. Но если не было общества, то не могло быть и привлечения в него новых членов.

6. «В участии в умысле ввести в России республиканское правление».

Этот пункт, основанный на показании Пестеля («президент без дальних толков»), подтверждается, по словам записки, двумя обвиняемыми и опровергается четырьмя другими.

На это я отвечаю:

1) сие обвинение, опровергаемое фактами, основано лишь на том, что в Донесении названо простым собеседованием о различных формах правления;

2) хотя трое обвиняемых подтверждают этот факт, зато четверо категорически его отрицают;

3) этот пункт обвинения не был принят Следственной комиссией, а следовательно, закон формально запрещает суду учитывать его в рассмотрении дела.

Ясно, что пункт обвинения, отвергнутый следствием, являлся самым важным; таким, несомненно, считал его и суд, ухватившийся за него вопреки закону и здравому смыслу.

Итак, я не участвовал ни в образовании общества, ни в его восстановлении; я не привлекал новых членов; не присутствовал, согласно Донесению, на других совещаниях, кроме тех, где шла речь о роспуске общества. Установлено лишь мое участие в обществе, цель

которого была определена уставом, рассмотренным следствием и не вызвавшим никаких возражений, ибо в нем утверждались прописные истины.

Вся несостоятельность предъявленного мне обвинения отчетливо выступает при простом сопоставлении некоторых дат, указанных в Донесении Следственной комиссии. С 1819 года, когда я вступил в общество, до 1821 года, когда оно было распущено, следствие не обнаружило ничего ни против этого общества, ни против меня лично.

Немедленно вслед за роспуском общества я покинул Москву, что может быть доказано датой моей подорожной.

С 1822 года, когда, согласно следствию, было основано новое общество, и вплоть до начала 1824 года, когда я уехал из России, ни против этого общества, ни против меня не было установлено ничего, что могло бы доставить хоть какой-нибудь материал для обвинения.

Пусть же всякий добросовестный человек решает теперь, каково было правосудие, вынесшее мне приговор!

Некоторые особые обстоятельства, относящиеся к моему осуждению

Прежде чем завершить эту записку, я считаю нелишним изложить ряд обстоятельств, касающихся меня лично и проливающих определенный свет на весь процесс.

По-видимому, в начале следствия, в котором принимали участие очень многие, в том числе и некоторые высокопоставленные особы, поднимался вопрос о том, есть ли достаточные основания, чтобы начать меня преследовать, а так как этих оснований не оказалось, было решено исключить меня из процесса. Тем временем на меня поступает донос, из-за которого справедливость, проявленная ко мне на первых порах, сменяется яростью и меня привлекают к ответственности — к великому удивлению лиц, принимавших во мне участие; лица эти не понимали моего поведения и даже негодовали на то, что я, по их словам, с легким сердцем «сам испортил положение, которое им удалось мне создать». В каком же новом преступлении меня обвиняли? Один дипломат в своем докладе приписывает мне авторство статьи, помещенной в некоей газете или журнале («La France chrétienne»), где о русском правительстве говорилось таким образом, что это не понравилось в Петербурге. Газета, о которой шла речь, издавалась, кажется, в Париже, и я даже не знал о ее существовании. Я находился тогда в Англии и лишь много времени спустя узнал, что за статья была поставлена мне в вину; я раздобыл номер, где она была напечатана. Однако вскоре доносчикам пришлось отречься от своего обвинения. Они написали, что, по полученным ими сведениям, автором этой статьи был не я, а другой русский (г-н Я. Т.). Последний, узнав, в чем его обвиняют, в свою очередь, также убедительно доказал, что это ошибка²³⁵. Но истина была восстановлена слишком поздно: в промежутке было принято решение привлечь меня к ответственности, а потом пересматривать это решение не захотели, дабы скрыть ото всех свой необдуманый и легкомысленный поступок.

Таким образом, глупость дипломата-шпиона повлияла на ход процесса в той его части, что касалась меня лично. Для тех, кто знает Россию, сие неудивительно. Г-н Поццо ди Борго часто говорил, что он был совершенно непричастен ко всем этим презренным дипломатическим интригам, и мне кажется, что он говорил правду: эту задачу взяли на себя его подчиненные и выполнили ее с особым рвением, ибо только такие занятия были им по плечу.

Перейдем к другим фактам.

В числе членов Верховного суда был Сперанский, слывший самым искусным из всех. Я упоминал о нем в другом месте. Он был, так сказать, главным деятелем процесса; он составил окончательный доклад императору²³⁷, где умолял его величество отказать осужденным в помиловании²³⁷. И вот в тот день, когда этот человек шел в суд, чтобы окончательно высказаться об участии обвиняемых, он категорически заявил, что в деле нет ровно никаких данных для привлечения меня к ответственности. «Единственное, в чем можно его обвинить, — сказал он обо мне, — так это в отказе явиться в суд. Но так как никакой закон России не карает за неявку, то нет причины подвергать его наказанию». Через какой-нибудь час он подписал смертный приговор отсутствующему, которого, по его мнению, не в чем было обвинить! Тем не менее, как мне передавали, в начале заседания он также заявил, что нет оснований требовать моего осуждения; однако, уstraшенный возмущенными криками некоторых своих коллег, он в конце концов уступил²³⁸. Дело в том, что среди этих маленьких Джеффрисов²³⁹ у меня нашлись непримиримые враги. Особенно отличился сенатор Баранов; он не только исповедовал убеждения и принципы, диаметрально противоположные моим, но издавна питал ко мне неприязнь из-за отъезда, правда очень резкого, который я однажды счел своим долгом дать о нем в его присутствии. Сперанский, которому нельзя отказать во многих достоинствах, мужеством не обладал: защищая меня, он в то же время боялся оказаться причисленным к сторонникам некоего либерального принципа, а это пугало его особенно, потому что в глазах многих представителей высшего света он сам был на подозрении как либерал.

Та же причина парализовала и добрые намерения адмирала Мордвинова, лучше кого бы то ни было знавшего мои убеждения и принципы. Но ему это более извинительно, чем Сперанскому. Ибо суд был охвачен такой яростью, что сей почтенный старец, как говорят, подвергался риску не только попасть под подозрение, но и быть непосредственно причисленным к заговорщикам.

Один из друзей Мордвинова, который, однако, не был моим другом, а именно вице-адмирал Шишков, отсутствовавший на одном из заседаний Верховного суда, представил на следующем заседании отдельное мнение в пользу подсудимого, находившегося за пределами России. Председательствовавший в тот день князь Куракин отказался принять этот голос, заявив, что все вопросы, связанные со мною, были решены на предыдущем заседании²⁴⁰.

---

* Любопытно, что в манифесте, изданном правительством после процесса, тот же Сперанский (редактор манифеста) восстает против опасности, которую представляет отсутствие *гласности*²³⁶. Но отсутствие гласности и опасность этого нигде так не проявились, как во время сего процесса, где истина смешалась с ложью, где простейшие основания права, правосудия и беспристрастия, по-видимому, были совершенно неизвестны судьям, следователям, да и самому составителю последнего доклада.

Другой мой судья, граф Строганов, не раз чрезвычайно успешно исполнявший важные дипломатические обязанности и прославивший в высшей степени любезным человеком, некоторое время спустя имел случай прочесть мои объяснения и с большим вниманием изучить все относящиеся ко мне обстоятельства²⁴¹. В конце концов он категорически признал несправедливость моего осуждения, а так как под приговором стояла и его подпись, то он беспрепятственно упрекал себя за это как за грязное пятно, замаравшее его честь; потом он не раз заявлял, что приложит все усилия для исправления содеянной им роковой ошибки.

Еще один судья, сенатор Кушников, ознакомившись с моими объяснениями и рассмотрев их, открыто выразил то же убеждение, что и граф Строганов. Однако этот, признав ошибку, которую он совершил, подписав мой приговор, не обещал взять на себя почин пересмотра дела, а ограничился заявлением, что если запросят его мнение, то он не колеблясь выскажется в пользу моей невиновности²⁴². Здесь сказалось благоразумие и осторожность раба, дерзающего высказывать свои мысли лишь тогда, когда от него этого требуют, и опасаящегося открыто признать лежащую на его совести несправедливость.

Не могу не заметить, что оба эти лица признали свою ошибку, находясь за границей. Значит ли это, что русский судья может быть справедливым только за пределами России?

Впоследствии я узнал, что первый из них, вернувшись в Россию, тотчас же обратился к министру юстиции с запросом, что следует сделать, чтобы исправить мнение, высказанное им обо мне в Верховном суде. Министр посоветовал ему ничего не предпринимать: «Вы не принесете ему никакой пользы, — сказал он, — а себе можете навредить». Вот органы правосудия, вот блюстители закона в России! И однако, этот министр был человеком выдающегося образования и отличался честностью — в том смысле, в каком это слово понимается в России, то есть он был неспособен торговать правосудием. Более того, когда он еще не был министром юстиции, он и до, и после процесса хлопотал за меня как преданный и благородный друг, составляя защитительные записки в мою пользу и собирая доказательства моей невиновности²⁴³. Став после процесса министром, тот же человек не постыдился дать только что приведенный мною совет, преступный в устах высказавшего его чиновника и унижительный для того, к кому он был обращен.

Граф Головкин, из дипломата ставший членом Верховного суда, через некоторое время поехал повидаться с бароном фон Штейном в его уединенном жилище в герцогстве Нассауском. Штейн, человек добрый и справедливый, живо и, как мне передавали, едва ли не со слезами на глазах стал расспрашивать его, как могло случиться, что меня приговорили к смертной казни на основании совершеннейших нелепостей? «Мы хорошо знали, — ответил почтенный дипломат, — что обвинительный приговор не может быть приведен в исполнение, и поэтому я и многие другие подписали его без особых утрызений совести»²⁴⁴.

Наконец, сенатор Полетика, тоже один из моих судей, заявляя, что против меня не было никаких улик, признался, что тем не менее голосовал против меня, но требовал не смертной казни, а другой, гораздо менее тяжелой кары, и то лишь по причине моего отказа

явиться в суд. «Если бы он предстал перед судом, — сказал он, — то безусловно был бы оправдан».

К этим доказательствам я должен прибавить еще одно, быть может наиболее определенное и убедительное. Шаги, предпринятые в мою пользу после процесса и по большей части без моего ведома расположенными ко мне людьми, привели к тому, что император приказал человеку, по всей видимости, пользовавшемуся его доверием, внимательно рассмотреть мое дело. До его сведения были доведены и мои объяснения. Человек этот (Г-н Фок), с которым я никогда не был знаком лично, но который, несмотря на то, что его обязанности в значительной мере относились к ведению Департамента полиции, слыл честным, порядочным и просвещенным, все рассматрел, а потом объявил, что считает меня совершенно невиновным. Все это, однако, не имело никаких последствий.

Кроме того, мне сказали, что некоторые влиятельные лица, признававшие несправедливость моего осуждения, по-видимому, не считали возможным отменить приговор. «Тогда пришлось бы, — говорили они, — пересматривать процесс, а этого делать нельзя. Почему он не предстал перед судом? Раз он отказался явиться, то теперь не имеет права требовать, чтобы его судили снова». Как будто есть уголовные законодательства, не предусматривающие возможность заочного приговора! Но сквозь все увертки и отговорки, продиктованные эгоизмом и невежеством, ясно выступает истинная причина отказа в правосудии. Она заключается в упорном нежелании открыто признать свою ошибку. Верно говорят, что легче причинить зло, нежели исправить его. И столь же верно, что люди с трудом прощают другим несправедливости, в коих сами же и повинны!

Мое предложение вернуться

Наконец я не могу не рассказать о сделанном мной формальном предложении вернуться в Россию для пересмотра моего дела. Это произошло в начале 1830 года. Я жил в Англии, занятый другими делами, не имевшими никакого отношения к процессу, и перестал даже думать о возвращении на родину. Неожиданно я получил письма, где сообщалось, что вследствие ходатайства за меня перед императором — на этот раз тоже без моего ведома — его величество только что объявил, что, коли я считаю себя невиновным, то должен явиться, дабы доказать это. Он лично станет присматривать за тем, чтобы мне были предоставлены все возможности, дабы я без затруднений мог привести доказательства в свое оправдание, и в этом отношении я могу на него рассчитывать. Кроме того, в письмах говорилось, что император даже сообразовал заметить, что если я расположен вернуться, то должен отправиться в путь весной и ехать морем прямо в Петербург. При возвращении сухопутным путем я, скорее всего, рисковал по дороге подвергнуться аресту в силу приказаний, отданных раньше всем русским посольствам, тогда как при путешествии морем император легко мог гарантировать мою безопасность.

Мне стоил больших усилий сохранить в тайне фамилию лица, через которое ответ императора был сообщен ходатайствовавшему за меня другу, и таким образом скрыть в душе глубокое чувство благодарности к нему за его доброту.

Несмотря на крайнее удивление, вызванное подобным сообщением, я, ни минуты не колеблясь, принял решение вернуться. Я бы отправился в путь немедленно, но время года еще не позволяло ехать морем. Тогда я без промедления уведомил русского посланника в Лондоне о своем решении вернуться в Петербург. Тогда же я ответил и тем, кто сообщил мне о словах императора; им я написал, что, получив известие о намерениях его величества относительно меня, я решил вернуться в Петербург и добиваться правосудия. Дополнительно я просил лишь об одном — чтобы во время разбора моего дела меня оставили на свободе. Я был уверен, что докажу свою невиновность и самому императору, и тем, на кого он пожелает возложить рассмотрение дела; а если мне удастся достичь своей цели, я хотел бы иметь возможность вернуться в Англию.

Решение было принято мною добровольно, без чьей-либо помощи. Те, кто сообщил мне слова императора, прибавили, что не решаются давать мне советы: я сам должен делать то, что кажется мне наиболее уместным. Русские, находившиеся в Лондоне и Париже, осудили мое решение и говорили, что не понимают его; они были убеждены, что я, непонятно почему надеясь на успех, заблуждаюсь, ибо решений Верховного суда, вошедших в законную силу, никогда не отменяют и т. п. Англичане же, заинтересованные в моей судьбе, по крайней мере некоторые из них, возможно, склонялись к мысли, что решение мое продиктовано раболепством перед властью, примеры коего некоторые страны дают во множестве; свободным людям это непонятно; однако тем, кто знал меня, трудно было предположить во мне такие склонности.

Крайняя и подчас бессмысленная суровость русского уголовного законодательства, о которой мне напоминали, стремясь поколебать мою решимость, не страшила меня. До тонкости изучив это законодательство, я привык отыскивать законные причины для оправдания; все мои усилия в департаменте Государственного совета, занимавшемся уголовными делами, были направлены к этой цели. Мой опыт в этой области подсказывал мне, что я могу поспорить с самыми знающими русскими юристами-практиками.

Как бы то ни было, несмотря на все сомнения и страхи, которые старались мне внушить, я упорствовал в своем решении при первом удобном случае сесть на корабль и ехать в Петербург.

Говорят, что согласием вернуться в Россию я доказал свое гражданское мужество; признаюсь, сам я этого не подозревал. Я просто был уверен, что право и истина на моей стороне, и готов был открыто провозглашать их и защищать перед всеми и против всех.

Помимо вполне естественного для любого несправедливо обвиненного человека стремления добиться торжества истины у меня были еще особые причины желать отмены приговора — не только ради меня самого, но и ради других лиц, которых он ставил в тяжелое положение; счастье этих лиц было для меня дороже собственного.

К тому же, в отличие от благородных жертв, искупающих в цепях и изгнании свою любовь к родине и свободе, я не мог гордиться своим осуждением. Конечно, заключение в *Шпильберг* почетно, но лишь для тех, кто заслужил его самоотверженностью и самопожертвованием²⁴⁵. А я, на мой взгляд, оказал родине слишком мало услуг; чтобы, умирая, иметь право сказать, что я достаточно прожил на свете; я даже не сумел, как уже говорил выше, исполнить роль, отведенную мне судьбою, то есть заставить считать себя деятель-

ным распространителем благих, с точки зрения цивилизованного мира, принципов или же ревностным защитником возвышенного и прекрасного дела. Словом, я чувствовал ничтожность своих заслуг, а следовательно, и незаслуженность вынесенного мне приговора; поэтому он произвел на меня впечатление камня, нечаянно свалившегося мне на голову.

Таким образом, мое желание отменить приговор было простым и естественным. Но, должен сказать, решение мое было принято бесповоротно под влиянием еще одной, значительно более весомой причины. Уверенный в том, что заставлю признать свою невиновность, я убеждал себя, что отмена моего приговора, быть может, благотельно отразится и на других осужденных, томившихся и продолжающих томиться в Сибири. Среди этих несчастных было несколько моих старых друзей, чьи правила и сокровенные убеждения были мне прекрасно известны; я отлично знал, что оснований для их осуждения было почти так же мало, как и для моего. Глубокое изучение следственного производства убедило меня, что со времени моего отъезда из России не произошло ничего, что могло бы отяготить их положение или скомпрометировать их невиновность. Больше всего я думал о своем друге фон дер Бригене; я мечтал об успехе, имея в виду прежде всего его. Даже в кандалах он продолжал защищать меня; он горячо опровергал выдвинутое против меня нелепое обвинение. Прибыв в Петербург для оправдания, я надеялся доказать ему свою признательность и отплатить ему той же монетой. Если бы мои усилия увенчались успехом, то нельзя было бы, не совершая вопиющего беззакония, оставить в Сибири тех ссыльных, которые были виновны столь же мало, как и я. Их родственники, иные из коих, впрочем, показали себя изрядными эгоистами, конечно, потребовали бы того же правосудия, которого я бы добился для себя.

Небу не угодно было доставить мне это утешение. На предложение вернуться мне было отвечено, что те лица, которые передали мне слова императора, плохо их поняли; словом, мое желание вернуться осталось без удовлетворения.

Мне нечего сказать по поводу этого отказа. Конечно, если бы мой шаг увенчался успехом, а этот успех привел бы к освобождению нескольких заключенных, я был бы по-настоящему счастлив. Но, в конце концов, я ведь мог бы и не достичь своей цели; в таком случае как бы я жалел, что добровольно отказался от безопасности, которой пользовался в свободной стране! Итак, повторяю, что не могу ничего сказать об этом отказе. Должен признать лишь, что если это был отказ в правосудии, то по крайней мере отказ честный.

Отклоняя мое предложение вернуться, император открыто объявил, что ничто в мире не убедит его в моей невиновности. Но как он пришел к этому убеждению? Мне это неизвестно, и я не настолько бестолков, чтобы требовать от монарха жадного стремления к истине. Мне думается, что, согласившись исполнить мою просьбу, император вряд ли бросил бы этим тень на историю своего царствования. Мое предложение не было продиктовано рабским чувством или унижительным желанием любой ценой предстать невиновным в глазах кого бы то ни было. Все, кто достаточно знал меня в России, были убеждены, что подобная мелочность несовместима с моим характером; даже самые глупые мои враги не сочли бы меня способным на такое; они, скорее, снова вменили бы мне в вину принципы, коих я придерживался. Нет, мое решение было ре-

шением честного человека, готового, рискуя жизнью, доказать, что он доверяет слову абсолютного монарха.

Последний эпизод не определил моей судьбы: она была предрешена заранее, но лишь очертил ее яснее. До этого времени меня, возможно, имели право упрекать за отказ явиться в суд; после того как мое предложение было отвергнуто, я почувствовал себя свободным от всяких обязательств по отношению к моей стране и моим согражданам.

Убедившись, что доступ в Россию закрыт для меня навсегда, я постарался оторваться от нее духовно, подобно тому как уже был отторгнут от нее физически. Я старался думать о ней как можно меньше, стереть самое воспоминание о ней; быть может, мне это и удалось бы, сумей я забыть о несчастных, томившихся в Сибири, и о рабах, населявших империю. В силу сложившихся обстоятельств я оказался совершенно чужд всему, что происходит в России, равно как и всему, что пишется о ней за границей; я не читаю ни русских газет, ни книг, даже избегаю разговоров, где может зайти речь о моей родине. Находящиеся здесь русские, знавшие меня на родине, теперь остерегаются возобновлять со мной знакомство. Случайно меня встретив, они притворяются, что не заметили меня; так поступают даже те, кто продолжает утверждать, что сохранил ко мне дружбу.

Пользуясь случаем, хочу указать на влияние, которое, по-видимому, оказывают на людей нравы, обычаи и учреждения той страны, где они находятся. Одна старинная знакомая, навестившая меня в Лондоне, очень гневалась на подлых трусов, как она без обиняков изволила назвать тех, кто от страха перестал бывать у меня; но она не сочла нужным узнать меня в Париже²⁴⁶. Даже грудь раба расширяется, когда он дышит воздухом свободы.

В ответ на все это я могу сказать только, что всегда прекрасно обходился как без притворствий, так и без общества этих господ. Но когда некий чиновник посольства дошел в своей дерзости до того, что попытался помешать мне войти в клуб, двери которого открыты для всех, под тем предлогом, что русские подданные не могут встречаться со мною, я не смог остаться равнодушным и, после некоторых напрасных шагов, которые обычно делаются в этих случаях, дал резкий отпор нахалу.

Тем не менее некоторые русские настолько опрометчивы, что желают познакомиться со мной. Но если одни хотят этим выказать мне участие, то другие видят в этом лишь случай удовлетворить свое любопытство. Верный своему решению оставаться насколько возможно чуждым России и всему русскому, я прекрасно освоился с тем, что от меня все бегут; меня мало трогает даже (может быть, это признание найдут странным) внимание, проявленное ко мне некоторыми русскими. Мне все равно, одобряют они меня или порицают! Это даже не льстит моему самолюбию; равнодушные, полнейшее равнодушные — вот все, что я могу испытывать по отношению к тому, что думают обо мне в России.

Помню, что в первые годы моего изгнания, когда я был в Англии, мне попалась недавно изданная книга; автор, по фамилии Хантер, рассказывал историю своей жизни. Родившись в Канаде, на окраине страны, он еще маленьким ребенком был похищен дикарями. Они усыновили его. Выросши среди нравов и обычаев своей новой родины, он в конце концов полюбил ее, как любят родные места. Достигши 17 или 18 лет, он во время набега попал в руки жителей Канады и остался среди них. Выяснилось его происхож-

дение, и его воспитали как цивилизованного человека. Он продолжал хранить нежные воспоминания о дикарях, среди которых провел детство, и решил посвятить себя их благополучию. Он поставил себе целью вернуться к ним и привести их к цивилизации; канадские власти готовы были содействовать его усилиям. Прежде чем взяться за осуществление своего плана, он издал упомянутую книгу, чтобы, по его словам, привлечь интерес и симпатии общества к дикарям, для счастья которых он собирался трудиться. Говорят, он действительно отправился к ним и его усилия увенчались некоторым успехом; но, к несчастью, он в конце концов пал жертвой собственного рвения²⁴⁷. Я далек от мысли о каком-либо сходстве между Хантером и мною, и еще менее — между русскими и этими дикарями; но чтобы показать характер моих размышлений по поводу моего процесса, я должен сознаться, что часто, думая о Хантере, я говорил себе: «Если бы после его возвращения в Канаду дикари, которых он покинул, решили приговорить его к смертной казни, что он тогда подумал бы о них?» И я готов был думать по поводу смертного приговора, произнесенного надо мною, именно то, что, вернее всего, подумал бы по поводу подобного приговора Хантер.

Прошло много лет с тех пор, как я оставил Россию. После долгих усилий порвать духовную связь с родиной, как я уже порвал с ней связи физические, я в итоге создал для себя совершенно особую жизнь, соответствующую положению, в которое меня поставило стечение событий и в котором я сам оказался под их влиянием. Другими словами, я захотел привести свою жизнь в полное соответствие со своим положением и полностью оторваться от родины. Сумев это сделать, я решил собрать свои воспоминания о прошлом, так как полагал, что могу выполнить эту задачу спокойно и беспристрастно. Если это не всегда мне удавалось, то лишь в силу свойства самой задачи. Как только я начал говорить о родине, старые воспоминания, успевшие изгладиться впечатления вновь пробудились и встали передо мной, живые и трепещущие. Берясь за перо, я мгновенно утрачивал все равнодушие и хладнокровие, коих мне удалось достигнуть; в перерывах между работой я немного успокаивался.

Европейский читатель, которому дороги интересы великой человеческой семьи, найдет, быть может, в моих воспоминаниях освещение некоторых мало знакомых ему предметов. Если меня будут читать русские, я не ищу их одобрения, но знаю, что чтение это может быть им полезно. Узнавая истину, люди всегда выигрывают — даже в том случае, когда ее неприятно слышать.

Если бы мы сейчас пожелали проникнуть в тайны грядущего и предугадать суждение будущих русских о драме, развернувшейся на глазах наших современников, — а мои воспоминания рассказывают лишь об одном ее эпизоде, — то, не будучи пророком, можно сказать заранее, что это суждение будет мало походить на то, которое было произнесено в наши дни. Перед потомством предстанет возвышенная цель, к которой стремились участники этой драмы, их бескорыстные усилия и полная самоотверженность. Если и мелькнет где-нибудь темная тень, то она исчезнет перед величием предпринятого дела, перед светом принесенных жертв; и через сто лет эшафот станет пьедесталом для изваяний мучеников.

Простое сопоставление

В 1740 году в России уже имел место политический процесс. Один из кабинет-министров, Волинский, вследствие вражды, которую питал к нему Бирон, всемогущий фаворит императрицы Анны, был предан уголовному суду²⁴⁸. Несколько чиновников, с которыми он был связан узами дружбы, разделили его участь.

Среди пунктов обвинения, выдвинутых против Волинского, выделяются следующие, по-видимому, самые важные.

Его обвинили в том, что он:

питал враждебные чувства к ее императорскому величеству и сравнивал ее с царицей, о которой говорит Юст Липсий* в сочинении, где, по словам обвинения, идет речь о Клеопатре и Мессалине;

составлял различные трактаты и проекты, где критиковал существующий в империи порядок, а в прибавленном предисловии обращался к читателю так, «как будто он был в республике», по выражению обвинительного акта;

разработал проект, в котором клонил к уменьшению военной силы;

вместе со своими соумышленниками произнес преступные слова по поводу бракосочетания ее величества, равно как и по поводу ее предполагаемых намерений вступить в новый брак;

претендовал на родство или близость к царской семье, прибавляя к своему гербу герб империи;

в своем проекте назвал царя Ивана Грозного *тираном* и говорил о своем собственном предке, не упоминая о других великих князьях и царях, «как будто они никогда не царствовали», — добавляет обвинение.

Среди речей, поставленных Волинскому в вину, приведена одна, где он восхваляет форму правления, существовавшую тогда в Польше; по его словам, сенаторы обладали возможностью свободно осуществлять свои права, а король не мог преследовать даже самого мелкого дворянина, тогда как в России следовало бояться всей самодержавной власти.

Проект Волинского носил заглавие: «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел». Между прочим, в нем он советовал императрице увеличить власть Сената, указывая на то, что эта мера не может грозить никакой опасностью там, где в распоряжении правительства находится значительная военная сила, в особенности же гвардия.

Всех тех, с кем Волинский говорил о своем проекте, или кому читал отрывки из него, сочли его сообщниками.

Во время следствия Волинский и другие обвиняемые по приказу самой императрицы были многократно подвергаемы пытке. После первых же допросов Волинский был настолько изувечен, что не мог уже подписываться под протоколами.

---

* В конце XVI века Юст Липсий был профессором истории в Йене и в Лейдене, а потом в Лувене. В числе других работ он издал несколько комментариев к древним авторам. Особенно замечательны его комментарии к Тациту. По-видимому, серьезной уликой против Волинского стало обнаружение у него этого сочинения историка и ученого филолога; Волинский к тому же прочел эту книгу.

После следствия был учрежден особый суд над Волынским и его сообщниками. Суд этот, подобно Следственной комиссии, состоял большей частью из военных. Он единогласно приговорил Волынского к смертной казни: после отрезания языка Волынского должно было посадить живым на кол; сообщники его были приговорены к колесованию, отсечению головы и т. д. Дети Волынского были осуждены на вечную ссылку.

Императрица смягчила приговор; она приказала сначала отрезать Волынскому язык, а затем отрубить правую руку <и голову>, сына его сослать в Сибирь до 15-летнего возраста, а после этого предписала ему всю жизнь служить простым солдатом в гарнизоне на Камчатке; дочерей Волынского она постригла в монахини, предписав настоятельницам монастырей, где они примут постриг, строго надзирать за ними и никогда не выпускать за ограду обители. Изменены были и наказания сообщникам: одни были обезглавлены, другие отправлены в ссылку.

Спустя 10 дней после исполнения этих приговоров появился манифест, объявлявший Волынского и его сообщников виновными в составлении вышеупомянутого проекта, — словом, вполне соответствовавший обвинительному заключению.

Говорят, что, подобно королеве Елизавете, казнившей Эссекса, императрица Анна после ужасной казни Волынского не знала покоя. Ее постоянно преследовал изувеченный и окровавленный призрак ее бывшего министра. Даже на смертном одре он мерещился ей; испуская дух, она обнаруживала признаки неопишумого ужаса.

Излишне оценивать теперь процесс Волынского; простое изложение главных пунктов обвинения достаточно красноречиво. Однако определенный интерес представляет суждение, высказанное по поводу этого процесса императрицей Екатериной. В 1765 году (через 25 лет) она велела пересмотреть все документы процесса и, прочтя все, написала на русском языке следующее:

Сыну моему и всем моим потомкам советую и поставляю читать сие Волынского дело от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера в производстве дел. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемию Волынскому, приказывала сочинить проект о поправлении внутренних государственных дел, который он сочинил и ей подал. Осталось ей полезное употребить, а бесполезное оставить из его представления. Но, напротив того, его злодеи и кому его проект не понравился, из того сочинения вытянули, так сказать, за волосы все полезное и взвели на Волынского изменнический умысел и будто он себе присваивать хотел власть государя, что отнюдь на деле не доказано. Еще из сего дела видно, сколь мало положиться можно на пыточные речи, ибо до пыток все эти несчастные утверждали невинность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи их хотели. Странно, как роду человеческому пришло на ум лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели человека с холодною кровью; всякий пытанный — в горячке, и сам уже не знает, что говорит. Итак, отдаю на рассуждение всякого, имеющего чуть разум, можно ли верить пыточным речам и на то с доброю совестью полагаться. Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако он не изменял; но, напротив того, добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества, и так смертную казнь терпел, был невинен и хотя б он и заподлинно произносил те слова в нареkanie особы императрицы Анны, о которых в деле упомянуто, то б она, быв государыня целомудрая, имела случай показать, сколь должно уничтожить подобные малости, которые у нее не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни в чем ее персональные качества. Всякий государь имеет неисчисленные кроткие способы к удержанию в почтении своих подданных; если б Волынский был при мне и я б усмотрела его способность в делах государственных и некоторою

непочтение ко мне, — я бы старалась всякими для него не огорчительными способами его привести на путь истинный. А если б я увидела, что он неспособен к делам, — я б ему сказала или дала разуместь, не огорчая же его: будь счастлив и доволен, а мне ты ненадобен! Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены, — изволь мериться на сей аршин; а если кто из вас, мои дражайшие потомки, сии наставления прочтет с уничтоженьем, так ему более в свете, и особливо в Российском, счастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина²⁴⁹.

Потомство, как видим, не замедлило высказаться о процессе, погубившем Волынского и стольких других; все, что тогда было объявлено справедливым и законным, через двадцать пять лет было сочтено отвратительным и нелепым. Послание к потомкам, в форму которого облечено сие суждение, делает его тон еще более торжественным. Наставления императрицы Екатерины преемникам благородно в той же мере, в какой мудро и справедливо. Говорят, что примеры отцов часто бесполезны для детей, но потомство никогда не остается безгласным: оно скажет свое слово и о процессе 1826 года.

Том II

*Политическая и социальная
картина России*

Предисловие

Я НАМЕРЕН РАССКАЗАТЬ о моем отечестве, о его учреждениях и правящей власти, о моих соотечественниках, их нравах и предрассудках. Я постараюсь сделать это просто и беспристрастно. Мне хорошо известна истинная цена так называемого патриотизма, состоящего в восхвалении всего отечественного и порицании всего чужого. Я давно заметил, что более всего кичатся собою народы малоцивилизованные, менее всего способствовавшие движению человечества вперед. Крошечные племена, затерявшиеся на островах Тихого океана, подобно китайцам в своей огромной империи, чувствуют безмерное превосходство над прочими смертными. В высокоцивилизованных обществах люди с критическим умом беспрепятственно издеваются над смешным и клеймят пороки своих сограждан, но еще сохранились страны, где указание на недостатки и странности соотечественников считается государственной изменой.

Что может быть бессмысленнее, чем судить о значении и заслугах человека только на том основании, что он появился на свет именно в этом уголке земли? Для меня соотечественник — всего лишь человек, родившийся в той же стране, что и я. Если это человек достойный, я его уважаю; ежели нет, то я вправе утверждать, что у меня нет с ним ничего общего. В противном случае мне пришлось бы предпочесть любого холопа, любого слугу презируемого мною деспотизма Штейну, Бентаму или Араго, то есть людям, просвещающим мой ум и возвышающим мою душу.

Ныне, когда обстоятельства, идеи и труды неотвратимо побуждают людей к сближению, когда цивилизация стремится уравнивать народы и отдельные личности, живущие по ее благодетельным законам, когда, наконец, такие политические деятели, как Брум, такие филантропы, как Чаннинг, берут на себя ответственность за человечество, за его достойное развитие, все так называемые патриотические чувства оказываются не чем иным, как патриотической глупостью. Патриотизм в его повсеместном узком понимании (похвальба собственной страной и враждебность ко всем прочим странам) есть высшая степень эгоизма; источник у них один: такой патриотизм ничем не отличается от предрассудков касты, племени, клана. Мириться с ним или просто поощрять его значит поступаться истиной и нравственностью.

Я полагаю, что сами по себе национальные различия значат гораздо меньше, чем обычно считается, а достоинства или недостатки, которые приписывают тому или иному

народу, на самом деле являются качествами не англичанина, француза или итальянца, а свойствами человека вообще. Действительно, есть основания думать, что нравственный облик личности на девять десятых зависит от ее природы и только одна десятая определяется тем, в какой стране ей довелось родиться. К тому же не следует забывать, что человека создают установления того общества, к которому он принадлежит.

Понятие патриотизма, к великому прискорбию, очень часто навязывалось человечеству теми, чьи интересы были весьма далеки от интересов большинства. Так бывало, когда один народ убеждали видеть в другом своего естественного врага, когда побуждали нации ненавидеть и истреблять друг друга, вместо того чтобы жить в мире и получать взаимную выгоду из отношений, которые возникают на основе общих нужд. Но это нелепое толкование патриотизма исчезает, как и многие глупости, давно канувшие в Лету.

Принципы справедливости и истины, провозглашенные и внушенные людям, могли бы развить то прекрасное и полезное, что называют любовью к отечеству. Будучи же скованы узкими рамками эгоизма, это чувство рождает только ложь и вред. Вероятно, некоторые страшатся, что люди не смогут дать отпор внутреннему угнетению или внешнему вторжению, если постоянно не подстегивать их патриотический инстинкт. Но подобные опасения по меньшей мере странны. Когда возникает опасность извне, люди, как и животные, отлично умеют защищаться от нападения. У них всегда найдется предостаточно средств для истребления себе подобных. Поэтому гораздо полезней воспитывать в людях чувство собственного достоинства, обучать их правам и обязанностям граждан, отвращать от безнравственных поступков.

«Я люблю свою семью больше, чем себя; я люблю свое отечество больше, чем семью; но еще более, чем отечество, я люблю все человечество». Эти слова Фенелона столь же верны и справедливы, сколь и возвышенны¹. Это, конечно, идеал, и предрассудки, которые мы впитали с молоком матери, не позволяют с легкостью достичь его; однако к нему необходимо стремиться настолько возможно и всегда помнить, что даже самые простительные, самые безобидные предрассудки, если к ним вообще применимы подобные определения, это всего лишь предрассудки, а не истина и они никогда не займут ее места. Так что нет оснований опасаться, что предрассудок патриотизма сменится равнодушием к отечеству, как религиозное рвение нередко сменяется полнейшим равнодушием к религии; но если чрезмерная набожность обычно исключает терпимость, то любовь к своей стране нисколько не исключает любви ко всему человечеству.

Знаменитый Бенгам, на мой взгляд, последовательнее, чем кто-либо, воплотил в жизнь учение архиепископа Камбрейского. Человек этот, чей ум был столь же тонок и проникателен, сколь добрым было его сердце, живейшим образом интересовался самыми незначительными успехами рода человеческого, где бы они ни обнаружилились: в Вестминстере ли, его родном приходе, в свободных ли штатах Нового Света, или же в необъятных степях Российской империи. Малейшая искра свободы, где бы она ни вспыхнула, так сказать, мгновенно отражалась в его глазах, заставляя их светиться радостью. Все его помыслы, все труды были направлены на благо человека, человечества в целом, а не только на пользу той или иной страны.

Впрочем, дело всего человечества, неотъемлемое от идеи правды и справедливости, начинается повсюду находить признание; уже сегодня у него есть красноречивые защитники.

Карамзин, русский писатель, о котором я часто упоминаю, говорит в одном из своих сочинений: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек»².

Идея, которую я попытался развить в своем предисловии, уже была изложена Чаннингом в его замечательной речи, произнесенной в Филадельфии в 1841 году перед обществом негоциантов, объединившихся с литературной целью (Mercantile Library Company)³, и я не могу закончить свои строки, не сославшись на авторитет этого знаменитого филантропа, красноречие которого не уступает его доброте.

Предметом речи Чаннинга было «наше время» или «нынешний век» (the present age). «Особенно поражает, — сказал он в начале, — такая в высшей степени характерная черта нашего века, как стремление к универсальности, к уничтожению границ. Эта склонность прямо противоположна духу исключительности, строгих ограничений и монополизма, преобладавшему в века прошедшие. Теперь человек более свободен в своих действиях, у него меньше ограничений... Число „людей привилегированных“ уменьшается, но род человеческий множится. Многие перестают мириться со своим ничтожеством. Преодолевая притворство и внешнюю шелуху чинов, сословий и рас, мы возвращаемся к общей, по сути, природе и начинаем понимать, что любой человек может развивать заложенные в нем благородные силы, исполнять свои высокие обязанности, требовать соблюдения своих неотчуждаемых прав и осуществить то, что ему предназначено. Великая идея общности человечества и значения каждого человека в отдельности распространяется медленно, но ее уже ничто не сможет остановить; и хотя каждая отдельная личность еще далеко не в полной мере осознала свои достоинство и ценность, тем не менее истина начинает пробивать себе дорогу во тьме».

Далее Чаннинг говорит о положении науки. «Трудности, — утверждает он, — являются стимулом для новых открытий. Наука стремится проникнуть в тайны Северного Ледовитого океана и пустынь, все еще недоступных человеку. Помимо этого она открывает законы общественного прогресса, искусств, принципы управления людьми, политической экономии, полагая великой конечной целью освобождение человечества от лежащего на нем бремени и благоденствие всех членов человеческого рода».

Затем он прибавляет: «Нельзя отрицать, что благотворительность действует теперь шире и в более разнообразных формах, затрагивая более отдаленные предметы, чем раньше. И как ни называя эту благотворительность — тщеславием, энтузиазмом или как угодно, но она существует и в наше время стремится к расширению. Теперь под ее знаменами собираются целые армии. Во всех странах существуют многочисленные общества, борющиеся со злом, которое не под силу победить одному человеку... Благотворители не пренебрегают ни одним человеком, сколь бы низко он ни пал. Они помнят о рабах, защищают их правоту пред Богом и людьми, смотрят на раба как на брата (a human brother); уважают в нем человека, а следовательно, и его священные права и требуют для него свободы, без которой человечество гибнет (humanity whithers), а дитя Божье становится зверем, машиной; они требуют этой свободы не как благодеяния, а как права. Сегодня для благотворительности нет границ ни на суше, ни на море; она несет наши благословения во все концы вселенной, делает дикие племена, населяющие пустыню, процветающими

народами, и объединяет всех людей священными узами единой и всеобщей религии любви. Таким образом, изучая религиозное движение нашей эпохи, мы повсюду видим стремление к всеобщности и широте: это характерная черта нашего времени.

Состояние промышленности тоже свидетельствует о жажде объединения... Торговля ведется по всему земному шару. Торговые пути уже пролегли не только вдоль рек или по привычным дорогам, но достигают любого уголка земли, устремляются в самую глубь диких стран; пароходы с товарами плывут по неведомым рекам, железные дороги опоясывают землю, объединяя людей и народы. Такова благородная задача торговли. Она сближает интересы удаленных друг от друга народов и приводит к тому, что людские нужды перестают, как прежде, быть причиной войн, а, наоборот, становятся залогом мира. Плоды умственной деятельности во многом также распространяются неограниченно, разносящими по всей земле идеи, изобретения и сочинения великих людей, объединяющими ученых и писателей всех стран в единую духовную республику».

Для Чаннинга свобода торговли является одним из способов ускорения всеобщего прогресса. «Свобода торговли! В неуклонном соблюдении этого принципа заинтересовано все человечество. Уничтожить все преграды, мешающие свободе товарообмена; искоренить систему ограничений; открыть все гавани земного шара для ввоза и вывоза любых товаров — вот задача людей просвещенных. Именно такую цель следовало бы поставить перед собою всякой свободной нации. Свобода мореплавания, свобода заходить в любые порты, связь между свободными как ветер людьми! Подобная свобода существует уже не только в мечтах филантропов — мы все движемся к ней. Так постараемся же ускорить шаг. Когда мы достигнем более высокой христианской цивилизации, теперешние ограничения покажутся нам саванами, в которые раньше заворачивали тела умерших. Успехи свободы торговли суть верный симптом стремления нашего века к всеобщности».

Сей небольшой шедевр, представляя нам Чаннинга истинным и искренним другом человечества, в то же время ободряет тех, кто с трепетом прислушивается к речам хулителей нашей эпохи; речь эта превосходно показывает, насколько полезной, благородной и отрадной является нынешняя склонность к разуму и духовности, из коей будущее, несомненно, сумеет извлечь пользу.

Часть первая

*Различные сословия
русского народа*

Глава I

Дворянство, духовенство, буржуазия

БРОСИВ ВЗГЛЯД на официальную родословную и гербы дворянских родов России, можно заметить, что почти все знатные люди стараются отыскать среди своих предков какого-нибудь иностранца и возвести свою фамилию к нему. Например, Корсаковы претендуют на происхождение от итальянского рода Корсини; Сумароковы причисляют себя к итальянскому роду Соммарокка, так же поступают и другие.

Во времена татарского ига в России осело немало татар-кочевников; другие татары пришли сюда позднее, приняли христианство, а цари пожаловали им земельные владения. Таким образом, множество нынешних дворянских фамилий имеют татарские корни. Другие дворяне происходят из грузин, черкесов, мещеряков, мордвы, бухарцев и иных народов и народностей Востока. Многие из этих семей присвоили себе титулы князей на том основании, что их предки принадлежали к местной аристократии. Так, есть несколько выходцев из татар, претендующих на происхождение от татарских мурз; титул мурзы соответствовал княжескому, но был столь распространен у этого народа, что им до сих пор кличут татар, торгующих колониальными товарами. Однако мы обязаны напомнить, что российское правительство, в согласии с общественным мнением, не возбраняет подобной узурпации дворянских титулов. Точно так же множество авантюристов является в Россию, присвоив себе графский титул, хотя прибывают они зачастую из тех стран, где он совершенно неизвестен, например из Греции, Сербии или Черногории. Тем не менее никто не препятствует им называть себя так, как они желают, а если в официальном документе, выданном правительством, их имя будет сопровождаться взятым титулом, то титул этот становится узаконенным и они могут по праву передать его своему потомству. Но, кажется, в нынешнее царствование правительство приняло меры для воспрепятствования подобным злоупотреблениям. Кроме того, владельцы подобных титулов не имеют в России никаких преимуществ.

Однако есть несколько знатных русских фамилий, восходящих к древним боярам или даже владетельным князьям: например, род князей Долгоруких происходит от владетельных князей, один из которых был основателем Москвы; князья Вяземские — потомки удельных князей Вязьмы; Ростовские — потомки владетельных князей Ростова. К этим подлинным княжеским родам следует прибавить еще несколько семейств, происходящих от бояр, имена которых неоднократно встречаются в русских летописях. Среди них есть очень древние

фамилии, ведущие начало от прозвищ, полученных кем-нибудь из предков за свои выходки или поведение. Так, например, фамилия Татищевых, принадлежавших к смоленскому княжескому дому, происходит от прозвища, означающего «охотник на воров». У нас был уже случай объяснить происхождение фамилии Блудовых и вместе с тем показать, что современный представитель этого древнего рода вполне заслуженно носит столь славное имя⁴.

Права первородства в России не существует. Среди прочих новшеств, хороших и дурных, Петр попытался ввести и это, но вскоре от него пришлось отказаться, к великому удовольствию дворянских семейств, которым монаршее нововведение пришлось вовсе не по нраву⁵. Этим объясняется большое количество дворян, имеющих одинаковые фамилии и титулы, но, несмотря на древность рода, зачастую обладающих весьма скудными средствами. При жизни отца все сыновья носят отцовские фамилию и титул; после его смерти все имущество делится поровну между детьми. В последнее время две или три семьи с согласия императора ввели майораты, при которых главная часть состояния переходит к старшему в роде, а младшие имеют право лишь на пропорциональное денежное вознаграждение. Сама природа богатств, которыми владеют эти семейства (например, рудников), требует больших средств для пользования ими, и в этом отчасти причина нежелания добить их при разделе наследства.

Некогда русские бояре крепко держались за древность или, точнее, былую славу своего рода; ни один из них не уступил бы по своей воле место другому, чей род менее древен или менее славен. Можно себе представить, сколько распрей возникло из-за этих притязаний на первенство, не говоря уже о трудностях для правительства, которому постоянно приходилось мирить рассорившиеся семейства. Наконец, один из царей, наскучив постоянными раздорами, приказал собрать все родословные книги боярских родов и публично их сжечь. Эта мера положила конец *местничеству*; слово это происходит от слова «место» и означает притязания на определенное место в придворной иерархии.

Помимо того что дворянство передается по наследству, оно может быть приобретено и на государственной службе. Служба эта считается обязательной для дворянина, так что полагают даже, что дворянин, не побывавший на государственной службе, теряет свое дворянство. Однако это мнение ошибочно: в некоторых деревнях есть дворяне, которых ни по внешнему виду, ни по образу жизни и занятий нельзя отличить от крестьян, но которые тем не менее, никогда не покидая своих очагов, продолжают, согласно переходящему по наследству праву, принадлежащему исключительно дворянам, владеть несколькими душами себе подобных существ; дворяне, никогда не состоявшие на государственной службе, не вправе только принимать участие в дворянских собраниях и исполнять выборные должности.

Право владеть землями, населенными крепостными, во все времена принадлежало исключительно дворянам. Петр III наделил дворян дополнительными полномочиями — например, дал им право по собственному желанию оставлять службу, на которой они по указу Петра I должны были оставаться всю жизнь, а также право жить где им заблагорассудится — в России или за границей. Екатерина наделила дворянство еще целым рядом вольностей, и указ этот был назван «дворянской хартией»⁶. Каким бы незначительным ни был этот дар короны, имя Екатерины стало дорого сердцу русского дворянина. Ибо самой драгоценной из предоставленных этой хартией привилегий, стоящей всех прочих,

было избавление от телесного наказания. Прежде все русские были равны перед палочным правом. Право пребывания за границей было ограничено внуком Екатерины, ныне царствующим императором: его указ воспрещает подданным оставаться там дольше определенного времени (пять лет для дворян и два года для горожан, купцов и др.), не получив нового разрешения⁷.

Государственная служба, составляя, с одной стороны, обязанность дворянина, с другой может считаться его привилегией; Петр I придавал этой привилегии большое значение. Создавая свою знаменитую Табель о рангах, царь этот, возможно, всего лишь хотел заимствовать шведские установления, усовершенствовав их на свой лад; но не исключено, что он стремился все подчинить правительству, дабы все исходило только от него и держалось только на нем. Как бы то ни было, создание Табели о рангах чрезвычайно усилило могущество монарха. Не берусь утверждать, что монархия действительно от этого выиграла; несомненно одно: с тех пор стала невозможной даже тень независимости в единственном сословии, которое могло быть хоть сколько-нибудь к этому способно.

Согласно Табели о рангах, привилегированное племя государственных чиновников, в том числе и высшее духовенство, разделено на 14 классов. Последний из них присваивается низшим гражданским чиновникам и соответствует чину армейского подпоручика⁸. Все остальные — унтер-офицеры, солдаты, писцы в канцеляриях, не попавшие в 14-й класс, равно как и все низшее духовенство, включая священников (если они не дворянского происхождения, как это иногда бывает в Малороссии), — принадлежат к народной массе, находятся вне официальной, узаконенной части нации и образуют безмолвное и страдающее основание печальной пирамиды.

Разночинец, добравшийся в ходе службы до 14-го класса, получает право на некоторые дворянские привилегии, но в полной мере пользоваться ими он сможет, лишь достигнув 9-го класса в военной или 8-го в гражданской службе. Дворянство низших классов Табели называется личным, а начиная с 8-го — потомственным⁹. Принадлежащие к первой категории пользуются большей частью привилегий лично, но не передают эти права по наследству и не могут приобретать земли с крепостными. Все, принадлежащие ко второй категории, — такие же дворяне, как высшее дворянство империи.

По смыслу законодательства, относящегося к русскому дворянству, дворянин не может вступать в гражданскую или военную службу в чине ниже 14-го класса; но молодые дворяне почти всегда должны начинать службу унтер-офицерами. В этом случае они должны были бы сохранять привилегии, принадлежащие им по праву рождения. Однако во времена императора Павла бывали случаи, когда молодые унтер-офицеры, дворяне, приговаривались к телесным наказаниям, но чтобы отличить их от разночинцев, их наказывали не палками, а ударами саблей плашмя.

Военная служба в России не требует больших познаний. Специальные части, где нужны люди сведущие, не играют в армии значительной роли и могут до некоторой степени пополняться иностранцами. О продолжении и усовершенствовании образования молодых людей не заботятся совершенно; их спешат поскорее устроить на военную службу, где они в конце концов забывают и то немногое, что успели узнать. Отчасти в этом причина умственного оскудения и невежества дворянства, которые не исчезнут, пока везде будет царить военный дух.

Часто дворяне покидают армию, чтобы перейти в гражданскую службу; тогда им дают место, соответствующее их военному чину.

Мнение, что всякий дворянин должен служить, что личные достоинства приобретаются только службой, настолько укоренилось у русских, что считается совершенно естественным, когда молодые люди из лучших фамилий начинают свою карьеру с самых ничтожных должностей. В военной службе это еще как-то оправдано, но то же самое происходит и на прочих поприщах. Например, в министерских канцеляриях, в посольствах можно видеть, как молодые вельможи проводят время за перепиской разных бумаг. Подобное положение терпят, утверждая, что деятельность сия образовывает молодых людей. Разумеется, если их желают превратить в машины.

Со времен Петра I произошли большие перемены в названиях гражданских должностей, и в настоящее время они совершенно не соответствуют исполняемым обязанностям. Для каждого класса, исключая пять первых, закон устанавливает определенное число лет службы. Правда, в этом отношении он выполняется не слишком скрупулезно, и нередко в чине повышают до истечения положенного срока. Но в самой иерархии чинов никогда не бывает исключений из правил, и потому каждый чиновник всегда проходит все установленные ступени. Только иностранцам правительство иногда предоставляет возможность вступать в службу, минуя низшие чины. В целом же можно сказать, что ежели чиновник остается на службе, то он почти наверняка дойдет в конце концов до высокого чина, а часто и до какого-нибудь важнейшего поста. Это верно как для военной службы, так и для гражданской. Когда правительство хочет избавиться от состарившегося служащего, имеющего высокий военный или гражданский чин, его назначают сенатором.

«Пока мой дядюшка был здоров, — рассказывал один молодой русский, — он командовал армейской дивизией. Однажды у него случился апоплексический удар, от которого он оправился; его сочли более неспособным командовать дивизией и сделали сенатором. Через несколько лет он почти ослеп; тогда его назначили членом Государственного совета. Если с ним еще что-нибудь приключится, он может умереть членом Комитета министров». Это, конечно, шутка, но, несмотря на известное преувеличение, она достаточно ясно характеризует русские порядки.

В России не принято отнимать у человека место или отправлять его в отставку, пока он не подаст об этом просьбу. Поэтому среди высших чиновников многие обязаны своим повышением только безмерному терпению. Впрочем, встречаются лица, которым служба опротивела ранее, нежели были исчерпаны возможности для продвижения; они оставляют службу и отправляются жить в свои поместья; другие же, по собственной охоте или желая устроить иные свои дела, выходят в отставку по достижении какого-нибудь чина.

Дурные последствия введения Табели о рангах особенно дают себя знать в среде русского дворянства, живущего независимо. Дворяне эти нередко бывают людьми просвещенными, образованными, почтенными, обладающими опытом и основательными познаниями, приобретенными в управлении собственными делами; им вполне можно было бы доверить различные обязанности в губерниях. Но увы! Правительство не может их использовать, ибо, согласно Табели о рангах, для исполнения любой государственной должности нужно иметь соответствующий чин. А те, кто покидает службу, обычно не достигают чина, который позволял бы занимать должность, соответствующую их общественному

положению. Таким образом, страна лишается содействия людей, способных оказывать ей услуги и часто желающих этого.

Разбирая мотивы человеческих действий, Бентам пришел к выводу, что карами можно пресечь дурные поступки, но нельзя вдохновить на добрые дела. Он считал нужным дополнить подавление поощрением, дабы побуждать людей поступать хорошо. Но поскольку определить, какая награда может подтолкнуть к хорошему поступку, нелегко, Бентам стал искать ответ на этот вопрос повсюду. Выдумка китайцев, у которых наличие или отсутствие лишней пуговицы может составить счастье или повергнуть в отчаяние государственного чиновника, не произвела на него впечатления. Некоторое время он с удовольствием смотрел на русскую Табель о рангах и поверил, что она может быть неиссякаемым источником поощрений, замечательным стимулом, постоянно побуждающим людей к усердию¹⁰. Этот источник кажется поистине неисчерпаемым, а когда русское правительство желает отличить человека, уже получившего все существующие награды, оно по мере необходимости изобретает новые. Однако знаменитый публицист не учел, что людей, постоянно черпающих из этого источника, нельзя считать ни разумными, ни серьезными, ибо средство, пригодное для того, чтобы заставить ребенка выучить урок, не может быть применено к взрослым людям: оно унизит, а затем и вовсе разлит их. Поспешим отметить, что знаменитый писатель вскоре оставил свои робкие попытки выстроить на этой основе какую-либо теорию.

К несчастью, нельзя сказать того же о русском правительстве. Оставаясь приверженцем духа, царившего при создании Табели, оно не только не отказалось от жалкого следования стародавним привычкам деления на классы, но еще более расширило первоначальный круг сословий, найдя способ поделить на разряды тех, кто до сих пор такому делению не подлежал, к примеру художников, актеров и т. п. Были изданы правила, согласно которым роли в театре делятся и нумеруются соответственно их предполагаемому значению. Таким образом, амплуа* первого трагика или первого любовника дает более высокий разряд, нежели роль статиста¹¹.

Очевидно, правительство изо всех сил старается присвоить чин каждому и желает, чтобы каждый оставался в том классе, где он находится, куда его поместил случай. Дворянское сословие составляет предмет особого попечения. Доступ туда остального населения стремятся сделать как можно более трудным. До сих пор богатые купцы могли легко получать чины и таким способом приобретать дворянство, теперь для них создали своего рода класс, средний между дворянством и купечеством первого разряда¹².

Поистине непостижимо, как в государстве, где столько серьезного дела, можно заниматься подобными пустяками. Ведь это значит подражать Китаю.

Сперанский, будучи приближен к императору Александру, пробовал предпринять многое, он также пытался исправить неудобства и злоупотребления, связанные с распределением гражданских должностей. Он хотел, насколько возможно, расчистить дорогу достойным, разрушить преграды, воздвигаемые иерархией чинов, и в то же время пресечь невежество и бездарность уже на первых ступенях лестницы. По разработанному им закону ни один чиновник не мог быть произведен в чин 8-го или 5-го класса, не представив свидетельства о прохождении необходимого курса наук в одном из российских университетов

---

* Это слово употреблено в правилах, но в глазах русских выглядит на редкость нелепо.

или о сдаче соответствующего экзамена специальной комиссии, состоящей из профессоров. Этот закон вызвал всеобщее недовольство, и вскоре его пришлось изменить¹³.

На меня самого было однажды возложено поручение составить новый проект о гражданской службе¹⁴. Я отлично знал, что проще и лучше всего было бы совершенно уничтожить фиктивные чины, обозначить чиновников только по занимаемым должностям и замещать эти должности лишь достойными, предоставляя некоторые преимущества старшинству; но я знал также, что нельзя безнаказанно ломать обычаи и укоренившиеся привычки¹⁵. Имелось и другое, менее важное соображение: в России очень часто служат лишь для достижения определенного чина. Назначаемое правительством жалование почти всегда недостаточно, чтобы не сказать — смешно. Умалая значение чинов, следовало бы возместить эту потерю деньгами. Так, конечно, было бы лучше, но нельзя было увеличивать расходы государства. Стесненный, таким образом, в своих действиях, я решил основать свой проект на двух главных принципах:

1. Утвердить три основные категории чиновников, сводя их к следующим: главным начальникам, канцелярским служителям и писцам. Формально сохраняя наименования чинов и званий, я распределил их по этим трем категориям; первые пять классов составили первую категорию, три следующих — вторую, шесть последних — третью. Целью моей было приучить людей оценивать не чины, а исполняемые обязанности. Будь эта привычка приобретена, правительству не составило бы труда уничтожить пустые звания, сохранив лишь те, кои чиновники имели согласно действительным должностям. Таким образом, начальник отделения или канцелярии прямо именовался бы начальником, а не надворным, коллежским или статским советником. Если бы после отмены фиктивных чинов в первой из трех предложенных мной категорий установили деление на несколько степеней, ничто не помешало бы этому, но сие всегда осуществлялось бы в соответствии с должностями, а не со званиями. Оставив неизменными две другие категории, то есть сохранив предложенное мною деление и установив две степени вместо девяти, можно было бы только выиграть в порядке и деле.

2. Установить такие условия зачисления на должности, которые позволяли бы судить о пригодности к ним кандидатов.

В этом отношении я мало доверял экзаменам и университетским дипломам. Тем не менее, приглашая молодых людей на службу, я предоставлял бы будущим чиновникам с университетскими дипломами некоторые преимущества, дабы они не торопились вступать в должность и могли продлить время своего обучения. Особенно же занимало меня следующее обстоятельство. В России часто не только военные вступают в гражданскую службу, но и гражданские чиновники, служившие, например, в Министерстве юстиции, покидают его, чтобы занять место в Министерстве финансов, дипломаты делаются администраторами и т. п. Мне казалось крайне важным изо всех сил содействовать тому, чтобы чиновники постоянно служили в одном ведомстве, и для этого сделать переход с одной службы на другую как можно более затруднительным. Правительство, таким образом, было бы избавлено от людей бестолковых и неопытных.

Некоторое время над этим проектом размышляли, но хода ему не дали, а вскоре и вовсе позабыли, занявшись чем-то другим. Мне говорили, что к этой мысли вернулись было в начале нынешнего царствования, когда на бесполезность и бессмысленность фиктивных чинов нападали более чем когда-либо, но вскоре рутинная снова взяла верх. Я даже

слышал, что в судебном ведомстве разработали проект, где были воспроизведены некоторые мои идеи. Изгнаннику узнать об этом было весьма забавно.

Дворянское сословие в России многочисленно. Есть очень богатые семейства, многие располагают состоянием, достаточным, чтобы жить независимо; но много и бедных, даже очень бедных: так, встречаются дворяне, владеющие клочком земли с двумя или тремя семьями крепостных, коих они нещадно эксплуатируют.

Те, кому средства позволяют жить независимо, часто занимаются земледелием или устраивают какое-нибудь промышленное предприятие и почти всегда увеличивают полученное от отцов состояние. Напротив, те, кто посвящает себя государственной службе, а потому забрасывает свои собственные дела, большею частью умирают обедневшими, обремененными долгами и оставляют своим детям только бесполезные почести и жалкие остатки наследственного добра. Многие, без сомнения, богатеют на службе, но их богатство слишком часто приобретено незаконными путями и редко имеет своим источником пожалованные правительством награды.

Состояние не дает русским дворянам тех преимуществ, с коими оно обычно сопряжено в иных краях. В некоторых странах сундук, где хранятся деньги, является критерием значения человека в обществе. В России цену человека определяет его чин. Даже заслуг, важных везде, а в некоторых странах, например во Франции, предоставляющих человеку место на вершине общества, в России для почтения толпы недостаточно — здесь нужно покрыть себя блеском чинов. Именно поэтому русские более чем кто-либо равнодушны к состоянию и даже к заслугам. Ежедневный опыт убеждает, что милости государя важнее и того, и другого. Люди привыкли ставить эти милости превыше всего, и даже если ими удастаивают вовсе не по заслугам, видят в этом не попрание справедливости, а всего лишь счастливый случай. А так как у власти при раздаче благ нет и не может быть никаких правил, то в результате у людей всегда остается надежда, что и на них когда-нибудь прольется царская милость, хотя на каждого обласканного государем приходится тысяча разочарованных. Как ни удобен такой порядок для власти, он тем не менее напоминает лотереи, которые стараются запретить разумные правители.

Равнодушие к состоянию, с одной стороны, и упование на счастливый случай, нередко заключающийся в выгодной женитьбе*, — с другой, приводят к тому, что русские дворяне, как правило, очень расточительны и живут в большой роскоши, если, разумеется, безвкусное мотовство можно так назвать: ведь роскошь подразумевает некоторую утонченность.

Мало кто сознает, какое зло приносит стране сие легкомыслие, поощряющее роскошь и расточительность вместо разумной экономии. Ведь затраты на роскошь большею частью непроизводительны, тогда как сбережения человека экономного обращаются потом на общее благо, поддерживая крупные предприятия и способствуя устройству гаваней, железных дорог, банков, фабрик и т. п. В Англии сумма частных сбережений увеличивается ежегодно на семьдесят миллионов фунтов стерлингов, отчего промышленные предприятия там всегда находят поддержку у частного капитала. В Голландии, говорят, всякий, кто тратит половину своего дохода, рискует прослыть расточителем. С этой точ-

---

* Сплошь и рядом богатый выскочка, имевший нескольких дочерей, давал приданое за каждой сообразно чину и наградам жениха.

ки зрения русские — величайшие расточители в мире: ведь экономия у них — вещь практически неизвестная.

Однако привилегии русских дворян, ничтожные по сравнению с правами последнего гражданина свободной страны, имеют огромное значение, если смотреть на них с русской точки зрения. К уже перечисленным нами многочисленным привилегиям дворянского сословия следует прибавить исключительное, в сущности, право воспитываться и обучаться во всех видах имеющихся в стране образовательных заведений: высшие школы, гимназии, пансионы, лицеи, кадетские корпуса предназначены исключительно для дворянских отпрысков.

Только в университеты допускаются — да и то в небольшом числе — плебеи, точнее, дети священников. Есть всего несколько начальных школ, куда простой гражданин может отправить своих детей. Духовенство имеет свои семинарии, но они не дают высшего образования, которое надо получать в университетах. Несколько коммерческих училищ, предназначенных специально для купечества, могут считаться исключением. Для крестьян же школы существуют только на бумаге, в положениях, публикуемых время от времени правительством.

Все эти барьеры, отделяющие дворянское сословие от остальной нации, под влиянием нравов и обычаев сделались еще более непреодолимыми, чем это изначально предписывал закон. Впрочем, так обычно происходит во всех странах, где сословное неравноправие освящается законом: нравы почти всегда идут дальше, вводя и поддерживая оскорбительное, чудовищное неравенство, о коем не помышляли даже законодатели; примеры тому мы видим в Англии. Но нигде нет столь прочной и непреодолимой границы, установленной законом или обычаями между высшими классами и классами средними и низшими, как в России. Русское дворянство отделено от других сословий не только многочисленными привилегиями, но и внешним видом, одеждой; и словно опасаясь, что различий этих может оказаться недостаточно, дворяне — по крайней мере, принадлежащие к высшему обществу — отказываются от родного языка и даже в частной жизни, в кругу семьи говорят обыкновенно на иностранном языке. Отличаясь от народа привилегиями, образом жизни, костюмом и наречием, русское дворянство уподобилось племенным завоевателям, которое силой навязало себя нации, большей части которой чужды их привычки, устремления, интересы. Причина подобного отчуждения лежит вовсе не в русском образе правления; это лишь следствие той поспешности, с коей Россия пустилась догонять цивилизованную Европу.

Особенно печально то, что изоляция, в которой оказалось русское дворянство, препятствует и без того медленному движению России по пути цивилизации, ибо каким бы ни было это привилегированное сословие, оно стоит во главе народа и прогресса следует ждать прежде всего от него.

Одним из барьеров, отделяющих дворянство от остальной нации, следует считать отказ от родного языка и, как следствие, умаление его значения.

Всем известно, какое большое влияние на успехи цивилизации оказывает литература. В России же есть сферы, недоступные русской литературе, и это именно те сферы, где обыкновенно влияние литературы особенно сильно; оно смягчает нравы, приучает к приятным манерам и делает общественные отношения более легкими и отрадными. Ра-

зумеется, здесь, как и везде, свободно существуют высокая литература и поэзия — в той мере, в какой это позволяют средства языка; но литература обиходная, домашняя, отражающая жизнь общества, жизнь семьи, здесь, в сущности, невысказана. Даже беседа (я имею в виду дружескую и любезную беседу) не всегда возможна на русском языке для тех, кто, усвоив иностранный язык, усвоил также иностранные обороты и манеры речи. По-русски никак нельзя сказать: *madame, monsieur* и пр. В комедиях нравов авторы сталкиваются с непреодолимыми трудностями, пытаются заставить своих персонажей говорить языком, не соответствующим среде, где им приходится действовать; этот выдуманный язык не может быть ни перенесен на сцену, ни воспроизведен на ней.

Зло не было бы столь велико, если бы отчуждение от родного, национального языка было присуще только незначительной кучке людей, составляющей так называемый высший свет; к несчастью, просвещенная часть нации в основном разделяет этот недостаток. Такое положение привело одного умного человека, который принадлежит к высшему свету и считается в то же время выдающимся литератором, к заключению, что в России цивилизованные и просвещенные люди обычно не бывают грамотными, а люди грамотные или писатели не бывают ни просвещенными, ни цивилизованными¹⁶. И если обстоятельство не изменится, если не возникнет потребность прививать везде родной язык, такое положение сохранится и впредь; потребность же в национальном языке возникнет лишь тогда, когда в России появится настоящая адвокатура или политическая трибуна.

Говоря о равнодушии высших сословий к родному языку, подчеркнем, что вместо цветистых фраз о пользе народного образования гораздо лучше было бы самим подать пример. Скорее всего, те, кто стоит во главе русского общества, будут и впредь иметь все основания изучать иностранные языки, однако прежде всего им следует выучить родной язык, не менее богатый и прекрасный. Все бы выиграло, отказавшись от иностранных языков в разговорах и переписке и прибегая к иным языкам только для облегчения отношений с другими странами, для знакомства с литературой цивилизованных народов, успехами искусств и наук. Цивилизованное общество очень легко приноравливается к знанию иностранных языков и находит в этом свою выгоду; но мало оправданное или вовсе не уместное употребление этих языков там, где они служат исключительно для выражения холодных и пустых мыслей, наверняка вредит ему, стесняя область применения родного языка и поощряя ложное и искусственное просвещение — сей бич подлинной просвещенности.

ДУХОВЕНСТВО

Положение духовенства в России далеко не соответствует важности его предназначения. Священник, постоянно связанный с повседневной жизнью народа, пребывает в таком бедственном и ничтожном состоянии, что с трудом находит средства для обеспечения материальной стороны своей службы, то есть для исполнения обрядов религии. Его положение не дает ему ни малейшей возможности оказывать моральное влияние на паству и еще менее позволяет руководить ее совестью. И это вовсе не потому, что русские священники недостаточно просвещены: большей частью они более образованны, чем ос-

новная масса народа, а часто и не хуже дворян; корень зла, на мой взгляд, кроется в их полной зависимости от прихожан, чьи деньги и приношения являются для священника единственным источником средств к существованию. Вероятно, есть еще целый ряд причин, удерживающих духовенство в состоянии, очень близком к нищете, но это уже причины побочные. Там, где отправление любых культов совершенно свободно, справедливо предоставить частным лицам содержать на свои средства служителей исповедуемой ими веры. Но там, где, как в России, есть господствующая религия и где высшая власть управляет церковью так же, как государством, можно было бы ожидать от власти большей заботы о сословии, призванном удовлетворять нравственные и религиозные потребности масс. Видя унижение и бессилие духовенства, иной раз пожалеешь, что оно не наделено влиянием, которое в других странах делает его объектом вполне заслуженной ненависти: столь порочен порядок вещей, царящий теперь в России!

Существует еще одно, почти не замечавшееся до сих пор, препятствие, мешающее русскому духовенству оказывать должное влияние; возможно, оно не имеет первостепенного значения, но все-таки важно: это отсутствие языка, на котором русский священник мог бы произносить проповеди. Проповедь — одно из лучших средств нравственного воздействия духовенства на паству. Однако язык проповедника и манеру его обращения к прихожанам в России еще предстоит создать. Обращаясь к деревенским слушателям, сельскому священнику лучше всего было бы говорить на их языке, что вполне осуществимо. Но такие священники проповедают очень редко; они довольствуются время от времени чтением готовых печатных проповедей, вышедших из-под пера какого-нибудь известного своим красноречием епископа. Именно во время проповедей образованных, просвещенных священников перед аудиторией с более или менее развитым умом становятся отчетливо видны недостатки грубой речи, безмерно отличающейся от речи образованных сословий.

На самом деле язык, употребляемый при богослужении, язык священных православных книг, очень далек от народного разговорного языка; это славянский язык, встречающийся только в летописях, написанных большей частью монахами. Когда христианство проникло к славянам, греческие миссионеры, переведившие Священное Писание, приспособили бедный в те времена славянский язык к более или менее точной передаче выражений, оборотов и смысла оригинала. Они, если можно так выразиться, силой приноравливали язык варваров к формам греческого языка, не заботясь о правильности и точности перевода*. Отсюда построение фраз и совершенно неизвестные выражения, которые нередко можно понять, лишь обратившись к оригиналу. Уже одно это доказывает, что невозможно пользоваться для проповедей языком священных книг. На таком языке можно разве

* Во второй половине IX века, более чем за сто лет до крещения св. Владимира, греческие миссионеры перевели Библию на многие языки, в том числе и на славянский. Этот перевод был сделан братьями Кириллом и Мефодием из Фессалоник, посланными греческим императором Михаилом в Моравию по просьбе князя Ростислава для установления там христианства. Славянского алфавита не было; они создали его на основе греческого, заимствовав из еврейского и армянского буквы, соответствующие звукам, которых нет в греческом языке. Некоторые полагают, что они опирались не на какой-либо диалект, а на тот общеславянский язык, из коего возникли эти диалекты, не имевшие тогда таких различий, как теперь; однако более правдоподобно, что язык, на котором написана Библия и священные книги православной русской церкви, является древним сербским наречием¹⁷.

что читать. Устранить сие затруднение можно было бы просто и естественно, а именно произносить проповеди на том общенародном языке, на котором говорят все, однако этого не сделали. Достоинство этого языка состоит в том, что он везде одинаков* и нигде не заменяется тем или иным местным наречием, хотя выговор высших классов и отличен от произношения низших. Духовенство в своих речах склонно следовать простонародному произношению — и потому, что само стоит ближе к народу, и потому, что такая речь лучше сообразуется с языком священных книг. Поэтому, даже когда оно обращается к высшим классам, оно говорит на простом языке¹⁸. Таким образом, можно утверждать, что проповедь не теряет своей убедительности, если ее произносят на другом языке, чем тот, которым пользуются слушатели, особенно если этот язык был бы приближен к языку низших классов.

Русское духовенство имело и поныне имеет немало образованных, просвещенных и даже красноречивых ораторов. Среди самых прославленных следует упомянуть знаменитого Платона, митрополита Московского, состоявшего в переписке с преподобным епископом Григорием; Платон провел реформы, усовершенствовавшие преподавание в семинариях, и основал новые духовные училища, тем самым сделав для распространения образования в России больше, чем любой министр народного просвещения¹⁹. Можно также назвать нынешнего митрополита Московского, известного как общирными познаниями и красноречием, так и святостью своей жизни²⁰. Достойный преемник Платона, этот знаменитый настоятель не перестает заботиться об обучении духовенства, и благодаря его просвещенному вниманию в Троицкой духовной академии есть профессора, не уступающие знаменитейшим ученым Европы. Но слог всех этих ораторов — смесь славянского языка с просторечием — делает их сочинения бессвязными и бесформенными, чем в значительной степени обесценивает их. Нет нужды объяснять, что этот недостаток, изрядно затрудняющий читателя, должен еще больше затруднять слушателя. Так, непризнанные и исполненные мудрости советы Платона императору Александру во время его коронации потеряли большую часть своей ценности из-за формы, в какую были облечены, ибо она несколько не гармонировала с благородством мыслей²¹.

В древности высшее русское духовенство набиралось из дворянских фамилий. Так, например, опцом и соправителем основателя династии Романовых был патриарх Филарет. С тех пор влияние духовенства значительно упало. Петр I уничтожил патриаршество; Екатерина II отобрала у монастырей все богатства. Белое же духовенство в России всегда влячило жалкое существование; удары, нанесенные монашеству, занимавшему высшие должности в церковной иерархии, несколько не улучшили бедственного положения духовенства белого.

История русского народа, однако, показывает, что высшее духовенство заслуживало лучшей участи. Оно дало нам епископов и патриархов, непрестанно заботившихся о народном благе и не раз принимавших сторону народа против великих князей и царей. Даже теперь, когда влияние высшего духовенства сведено к нулю и высшие сановники церкви вынуждены быть послушными орудиями в руках самодержавной власти, духовное сословие по-прежнему заслуживает особенного интереса.

Епископы, архиепископы и митрополиты могут быть рукоположены только по чину св. Василия, единственному монашескому чину, существующему в России. Чтобы стать

---

* Исключая Малороссию; однако язык, на котором там говорят, это особый диалект, а не местное наречие.

епископом, священник должен или овдоветь, или развестись, а после принять монашество. Молодые люди, сыновья священников, стремящиеся к духовному сану, после окончания семинарии или становятся монахами, или вступают в белое духовенство. В последнем случае они, вынужденные жениться*, часто прозябают в ничтожестве, ибо, не получая ничего от правительства, живут только на давания, получаемые от прихожан.

Тот же, кто, сделавшись монахом, продолжил учение, при наличии прилежания и некоторых способностей становится преподавателем в семинарии; так как его примеру мало кто следует, ибо таковой пример понуждает забыть о лености и безделье, то он быстро поднимается по ступеням церковной иерархии и скоро получает чин епископа, особенно если ему удалось выдвинуться благодаря нескольким удачным проповедям. Вот почему в России так много молодых архиереев. Можно даже сказать, что отчасти именно честолюбие заставляет людей быть религиозными. Не последнюю роль здесь играет и стремление к более высокому положению, и тщеславию. Согласимся, однако, что человеку чести позволительно предпочесть почти независимое положение, обаявающее его также к серьезным занятиям, даже если у него и нет истинного призвания, — положению едва ли не презренному, в котором средства к существованию и его самого, и его семейства будут в той или иной мере зависеть от великодушия его пасты. Следует добавить, что если низшее духовенство не пользуется в России почетом, то высшие духовные чины весьма влиятельны; это должно приписать как их личным заслугам, так и занимаемому ими высокому положению. В общем, встретив архиерея, можно быть почти уверенным, что перед тобой человек просвещенный; если он и не разделяет все прогрессивные идеи, свойственные в наш век просвещенному европейцу, то, во всяком случае, он лишен уничижительных предрассудков, отличающих русское дворянство. Припоминаю, как, приехав в Москву, я мог откровенно беседовать только с архиепископом этой столицы²².

Число гражданских чиновников, университетских профессоров, членов различных почетных профессиональных корпораций, например, врачей или полевых хирургов, пополняется главным образом выходцами из духовного сословия. Поэтому легко понять тот интерес, который это сословие должно внушать пытливым умам. Молодые люди, к нему принадлежащие, не менее образованны, чем лица из так называемого дворянства; но поскольку у них нет дворянских запросов и привилегии владеть крепостными, то они не имеют и дворянских предрассудков. Это требует некоторого пояснения. Конечно, сын священника, как сын купца или крестьянина, вступив тем или иным путем в государственную службу, может, получив соответствующий чин, владеть землей и крепостными, но ни у кого из них нет средств, чтобы их приобрести. И только к концу своей карьеры, если они скопят достаточные сбережения, они получают возможность воспользоваться этими особыми господскими правами; в таких случаях они часто проявляют себя господами более жестокими, нежели природные дворяне. Но так как огромное большинство их является, по сути своей, пролетариями, то они сохраняют привычки своего первоначального состояния и воздерживаются от общения с людьми, которые не считают их равными себе.

*Никто не может стать священником, если он не женат; но овдовевшему священнику жениться более не положено.

БУРЖУАЗИЯ

Под *буржуазией* мы понимаем сословие, находящееся между дворянством и крестьянством.

По российским законам буржуазия делится на два класса: купцы и буржуа в собственном смысле слова (мещане), часть которых составляют ремесленники, принадлежащие к различным цехам и корпорациям.

Класс купцов делится на три гильдии. Каждый купец относится к одной из гильдий в зависимости от указанных им размеров своего состояния, то есть капитала, которым он владеет. Закон не интересуется, правдиво или нет указан размер состояния, лишь бы купец исправно платил налоги, коими пропорционально облагается заявленный капитал, а потому любой купец беспрепятственно вступает в ту гильдию, в какую хочет. Право заниматься внутренней и внешней торговлей, оптовой, мелкооптовой или розничной, владеть фабриками или заводами имеет каждая гильдия, в зависимости от налогообложения.

Купеческое сословие имеет некоторые личные привилегии, самая существенная из которых — освобождение от военной службы, обязательной для мещан и крестьян. Они могут служить добровольно, как это делают дворяне, но у них нет никакого стимула, так как они не пользуются преимуществами, на которые имеют право только дворяне.

Купцы первой гильдии получают иногда от правительства почетное звание, дающее им почти такие же привилегии, какие имеет дворянство*.

Нередко богатые купцы, приобретая с помощью большого состояния протекцию, вступают в гражданскую службу и заставляют в нее своих сыновей. Достигнув чинов, дающих право на дворянство, они оставляют свое первоначальное состояние и сливаются с массой дворян. Если некогда во Франции и других странах крупные торговцы становились дворянами только из детского тщеславия, то о русских купцах этого нельзя сказать. Очевидное унижение, коему подвергается их сословие, побуждает их переходить в тот единственный класс, члены которого хотя бы отчасти обладают правом неприкосновенности, если только в России вообще можно обладать подобным правом. Однако известны случаи, когда почтенные купцы, удалившись от дел, почитали за честь не изменять своим прежним собратьям; наградой им, вопреки дворянским предрассудкам, было всеобщее уважение — за то, что они предпочли остаться первыми в своем сословии, а не стать последними среди дворян. Но подобные примеры очень редки.

Таким образом, великий двигатель национального процветания, а именно капиталы, накопленные целыми поколениями торговцев, в России совершенно отсутствует; купцы там, кажется, имеют только одну цель — собрать побольше денег, чтобы при первой же возможности бросить свое занятие. Что из этого происходит? Они теряют уважение, которое должно было бы сопутствовать этому сословию, и укрепляют в то же время предубежденное к нему отношение везде, где господствует дворянский или военный дух. Можно, конечно, в шутку назвать банкиров и коммерсантов хищниками; однако не следует забывать, что страны, где много дворян и солдат, — обычно не самые просвещенные и не самые богатые; что если человека дворянином делает дворянский титул, офицера воспитывает кадетский корпус, а адвоката — школа правоведения, то для создания банковского дома нужны порою

---

* Почетный гражданин.

усилия нескольких поколений. Особенно же следует помнить о том, насколько торговля содействует распространению благосостояния и цивилизации.

Однако, когда в государстве материальные блага постепенно берут верх над всеми прочими началами, по причине ли духа времени или сущности учреждений, надо непременно ожидать упадка нравов. Подобный итог неизбежен прежде всего там, где люди основывают свое благополучие только на богатстве, где нажива становится единственной их целью, где запрещено вдохновляться чем-либо более возвышенным и славным. Купеческое сословие в России являет печальное тому доказательство. Если в этой стране и есть сословие, практически не имеющее черт, присущих ему одному, чуждое стремлению к нравственному и умственному совершенствованию, проникнутое исключительно рабским духом, то это, без сомнения, купечество. Да и как оно может быть иным? Купец знает, что даже немногие выгоды, свойственные его положению, зависят от большей или меньшей суммы денег, им собранной; он знает, что, по мере того как будет расти его богатство, он будет удаляться от положения раба и приближаться к привилегированному классу. Какие высшие интересы может он сравнить с тем могуществом, которое дает богатство? Дорога в искусство или науку для него закрыта, если только он не одарен одним из тех талантов, для которых не бывает препятствий. Поэтому он вынужден стремиться к деньгам, и только к деньгам; а всякому известно, что способы, для этого употребляемые, зачастую не честны. Без сомнения, в России есть весьма образованные, просвещенные и достойные во всех отношениях коммерсанты, но это исключения, встречающиеся во всех слоях населения.

Однако русские купцы отличаются одним выдающимся качеством, а именно щедростью. Во всех городах они много жертвуют на тюрьмы. Нередко заключенные кормятся и одеваются на средства, пожертвованные несколькими благочестивыми и добрыми купцами. В дни, предшествующие большим церковным праздникам, эти пожертвования особенно возрастают, и это в самом деле восхитительно. Перед Пасхой и Рождеством они открывают двери тюрем и возвращают свободу многим людям, посаженным за долги, особенно тем, кто должен небольшие суммы*. Было замечено, что долговые тюрьмы, почти пустые в праздничные дни, за несколько недель до того бывають переполнены. Дело в том, что спекулянты пользуются похвальным обычаем, установленным купцами. Мошенники создают подложные долги, садятся в тюрьму, откуда их освобождают добрые люди, а деньги, данные для уплаты долга, впоследствии делятся между подставным кредитором и подставным должником.

Достоинно замечания, что такого рода благотворительность гораздо более распространена в России, чем где-либо еще. Склонность давать свободу всем живым существам, ее

---

* Однажды в Москве был освобожден таким образом человек, просидевший в тюрьме два года из-за суммы в пятьдесят два рубля девяносто копеек. Это был чиновник, получивший повышение по службе, но не сумевший заплатить за это налог. И тогда правительство, только что наградившее его повышением, посадило его в тюрьму. Но так как по закону чиновников нельзя заключать в тюрьму за долги, надо полагать, этот несчастный получил свой чин, выходя в отставку. Какой хаос! И что прикажете думать о справедливости и мудрости правительства, облагающего налогом все повышения и даруемые им знаки отличия? Видя, как ставки налогов на повышение в должности растут с каждым днем и суммы, собираемые таким способом, становятся все более значительными, невольно задумываешься: а не стремится ли правительство подражать Людовику XIV, которому Шамийяр говорил: «Всякий раз, как Вашему Величеству бывает угодно создать должность, Бог создает дурака, который ее покупает»²³.

лишенным, простирается даже на птичек. В Москве перед Пасхой окрестные мальчишки приносят на рынки множество воробьев и других мелких птиц и продают их добрым людям, покупающим птиц только для того, чтобы тотчас выпустить их. Так нельзя ли из этого сделать вывод, что чем меньше у людей свободы, тем больше они ей дорожат?

В похвалу купеческому сословию скажем еще, что всякий раз, как правительство желает открыть для него школы или создать учреждения, общественно полезные или благотворительные, оно всегда широко пользуется щедростью купечества. Когда следует быть щедрым, купечество всегда проявляет себя достойно.

В России насчитывается около ста тридцати тысяч купцов.

СОБСТВЕННО БУРЖУА (МЕЩАНЕ)

Собственно буржуа — это ремесленники, мелкие торговцы, лавочники и все те, кто не входит ни в гильдии, ни в крестьянское сословие. Обыкновенно к ним присоединяются и вольноотпущенные. Мещане платят подушную подать, от которой освобождены дворяне и купцы; следовательно, они, как и крестьяне, подлежат рекрутскому набору. Они обязаны постоянно проживать в городах, где могут заниматься ремеслами и вести мелкую розничную торговлю, подчиняясь определенным правилам, предписанным законом.

Мещан, включая тех, кто принадлежит к разным цехам и корпорациям, насчитывается приблизительно миллион триста тысяч²⁴.

Глава II

Особые сословия

КРЕСТЬЯНЕ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

В СОСЛОВИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ мы встречаем мелких собственников, называемых однодворцами — слово это означает владельца одного дома или одного двора. Земля, которую возделывают эти поселяне, принадлежит им; иногда они даже владеют крепостными, приписанными к этой земле. Они подлежат подушной подати и, следовательно, рекрутскому набору, но налоги, которые они платят правительству, не чрезмерно велики, и, в общем, эти крестьяне живут в некотором достатке. Их положение было бы в целом счастливым, если бы они не становились жертвами взяточничества чиновников и им бы не приходилось постоянно опасаться захвата или притеснений со стороны соседей, если те богаты и могущественны.

Однодворцы не отличаются от других крестьян ни образом жизни, ни одеждой, однако они гордятся своим положением независимых собственников. Их своеобразное обще-

ственное положение, носящее черты как дворянского, так и крестьянского, подало идею первого водевилья на русском языке, который, полагаю, и по сию пору остается лучшим²⁵.

Всего насчитывается миллион четыреста тысяч однодворцев²⁶.

КАЗАКИ

Казачество обреталось преимущественно на берегах Дона. Оседлость оно начало приобретать только в первые годы XVI столетия. Хотя оно сложилось из людей различного происхождения, самый многочисленный его элемент составляют великороссы, ибо казаки во все времена должны были исповедовать православие. Есть основания полагать, что первыми казаками были черкесы, или черкасы, спустившиеся с гор и поселившиеся на русских равнинах, по берегам судоходных рек. Обязательное исповедание православной веры этому не противоречит: есть доказательства, что черкесы в древности придерживались этой религии. Как бы то ни было, сие объединение представляет собой военное братство, цель которого — сражаться с неверными и сохранять безграничную свободу. Именно донские казаки под предводительством Ермака завоевали для России Сибирь.

В те же времена на берегах Днепра сложилось сообщество запорожских казаков, почти во всем сходное с сообществом донских казаков. Исповедание православной веры также было обязательным, а целью была война с неверными. Особым своим назначением запорожские казаки считали защиту Литвы от набегов крымских татар.

Эти два главных казачьих племени имели несколько подразделений.

От донских казаков произошли казаки волжские, терские, уральские, сибирские и т. д. Запорожцы положили начало многочисленным казацким станицам, распространившимся по всей Малороссии; их жители обладали теми же привилегиями, что и запорожцы, и подчинялись своим атаманам*.

Правители России, а также Литвы и Польши ценили казаков как защитников границ от набегов турок и татар и предоставили им ряд привилегий. Это не только укрепило положение самих казаков, но и привлекло в их края множество людей из разных мест. Среди прочего казаки обладали правом самим выбирать себе главу, или гетмана.

Сначала Россия делила власть над казацкими ордами с Литвой и Польшей. Один из величайших польских королей, Стефан Баторий, подчинил их себе и даровал им правильное, схожее с республиканским внутреннее устройство, с учетом их нравов и обычаев. Сигизмунд III, желая ограничить казацкие вольности, вел почти непрерывную войну с Малороссией, во время которой запорожские казаки сохраняли некоторую независимость. Жители Малороссии поняли, что их постепенно лишают вольностей, укрепленных за ними Баторием, а притеснения со стороны польских аристократов, против которых польские короли не могли их защитить, еще более осложняли их положение. Наконец в 1648 году Малороссия восстала и провозгласила гетманом Запо-

* Собственно Малороссия состояла из областей, составляющих теперь Киевскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. Около середины XVI века (1567) она, как и другие области Западной России, была присоединена к королевству Польскому²⁷.

рожья и других областей Хмельницкого. Первые победы возвратили казакам большую часть прежних привилегий; но вскоре война возобновилась, силы казаков истощились, и в 1651 году им пришлось согласиться на мир, условия которого значительно урезали их свободы. После этого множество казаков покинуло родину и начало селиться в русской Украине. В 1652 году послы Хмельницкого просили царя Алексея принять Запорожье под руку Москвы, а два года спустя Хмельницкий принес присягу в верности и повиновении. Все малороссийские полки, числом семнадцать, последовали его примеру. Царь подтвердил хартией все привилегии, данные казакам Стефаном Баторием, предоставил им право избрания гетмана и чиновников, которые будут ими управлять и судить их*. Число казаков было определено в 60 000 человек.

Пользуясь соперничеством России и Польши, преемники Хмельницкого время от времени пытались возвратить себе независимость. Один из них, Дорошенко, поднял восстание донских казаков, а шайки под предводительством атамана Разина, численность которых, как говорят, доходила до 200 000 человек, ринулись на берега Волги и заняли там несколько городов. В своих воззваниях Разин среди прочего объявлял о намерении освободить крепостных.

Войны за обладание Малороссией, которые цари вели то с Польшей, то с Турцией, окончились только в царствование Федора Алексеевича.

Петр I, воспользовавшись изменой гетмана Мазепы, заключившего союз с Карлом XII и желавшего таким образом облегчить последнему вторжение в Россию, лишил малороссийских казаков всех свобод, которые особыми договорами закреплял за ними его отец и он сам.

Преемники Петра возвратили казакам некоторые свободы, и в частности право всем народом избирать гетмана. Наконец, Екатерина II установила в Малороссии русские порядки и в довершение всего ввела там крепостное право — в краю, где прежде не знали рабства и долгое время царилла полная свобода. После сего окончательного уничтожения последних привилегий, свободы и благосостояния народа Малороссии, правительству можно было бы и успокоиться; однако оно, словно опасаясь упустить какой-нибудь из существующих способов притеснения, решило отобрать у этих несчастных последнее, а именно права на неотъемлемую собственность. Русские государи сами признавали казаков законными владельцами их земель, имеющими право продавать их, завещать и вообще располагать ими по собственной воле; казаки могли покупать земли, а с введением русского управления стали иногда даже получать дворянство. Но внезапно правительство решило запретить им продажу земель и потребовало от всех к определенному сроку (1840 году) представить подлинные документы, удостоверяющие право владения землей; в противном случае оно угрожало их этого права лишить. Но в этом кругу покупки, продажи и другие сделки заверялись, согласно давним обычаям, подписями частных лиц, а не нотариусом. Поскольку эти документы были незаконны, то все, кто не мог представить других, были лишены своей собственности**²⁹.

---

* Говоря о вольностях и правах казаков, Хмельницкий, между прочим, сказал: «Ни один судья не должен вмешиваться в дела казаков: если из трех казаков одного надо судить, то делать это должны двое его товарищей»²⁸.

** Эта несправедливость была совершена по приказу нового министра государственных имуществ. Между тем он обещал ввести улучшения. Неужели в России действительно нельзя творить добро?

Донские казаки дольше сохраняли свою самостоятельность и свои исконные учреждения. Они жили у себя в станицах (так называются их города и деревни) по своим законам и обычаям, сами выбирали себе правителей и судей. Даже полковые чины у них были выборные. Впрочем, чины эти имели силу только во время действительной службы: вернувшись к домашнему очагу, офицер снова становился простым казаком. Среди казаков царило полнейшее равенство. И только в царствование Александра I за чинами в казачьих полках были закреплены те же обязанности и привилегии, что и в русской армии; казачьи офицеры приобрели личное и потомственное дворянство, а создание новой аристократии уничтожило прежнее равенство. В последние годы правления этого государя управление донскими казаками было существенно реформировано. Преобразования были продолжены и в нынешнее царствование. Вероятно, правительству следовало внести некоторые изменения в военную организацию казаков, но посягать на их внутренний распорядок было совершенно незачем. В делах управления, как и в делах таможенных, самое мудрое и верное правило — *laissez faire, laissez passer*. Но правительства, кажется, испытывают своего рода зуд (да простят мне такое выражение): им не удается распределять и упорядочивать, и тем сильнее, чем менее правительство к этому способно. В данном случае я рассматриваю действия правительства с точки зрения общественного блага; что же до обещаний, то, как известно, когда речь заходит об угнетении и ограблении слабого, о них благополучно забывают.

Однако когда правительство начало вводить военные поселения у несчастных чугуевских казаков, те вспомнили о своих прежних свободах. Сперва они протестовали; затем стали сопротивляться, хотя и пассивно. Они были уверены, что их волюности позволяют им жить по-прежнему и они вправе не быть военными рабами. Но все было тщетно: чтобы заставить их подчиниться, начальники военных поселений применяли такие жестокие меры, каких уже не встретишь ни в одной христианской стране³⁰.

Восставший Пугачев, чье дикое воинство заставило трепетать императрицу Екатерину II, был простым яицким казаком. Подавив восстание и стремясь уничтожить даже память о нем, правительство переименовало яицких казаков в уральских.

Тем не менее следует сказать, что когда правительство не слишком притесняло казаков, те жили не только в достатке, но даже богато; особенно это можно сказать о донских казаках. До проведения реформ на землях казаков так, судя по всему, обстояло дело везде, ибо они сами выбирали себе начальников и чиновников.

Слово *казак* стало в Европе, и особенно во Франции, чем-то вроде прозвища и приобрело совершенно иное значение, нежели то, какое оно имеет в России, где так называют человека независимого. Желая сказать, что человек освободился от рабства или от иного гнета, приводят народную поговорку: «*Теперь я вольный казак*». Слову *казак* нередко придают дурной смысл, однако это несправедливо. Казак вовсе не так жесток, как обычно думают; он человеколюбив и даже добр. Правда, его не без оснований обвиняют в грабежах; но разве солдаты легких кавалерийских полков других армий, например австрийской и даже Рейнского союза, могли устоять, когда подвораживалась возможность пограбить? Казаки всегда и везде появляются первыми, отчего, полагаю, и заработали такую репутацию. Впрочем, военные знают, чего стоит казачья легкая кавалерия, и отдают ей должное. Во время кампании 1813–1814 годов немецкие солдаты на аванпостах чувствовали себя спокойно и бывали счастливы, когда следить за движениями неприятеля выслали казаков.

ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБОПАШЦЫ

К благотворительным мерам, предпринятым в первые годы царствования императора Александра I, нужно отнести создание неизвестного прежде сословия земледельцев-собственников. К несчастью, реформу эту не довели до конца: из-за всякого рода формальностей она сделалась едва ли не мнимой. Власти всегда могут найти и находят какое-нибудь упущение, забытое или не вполне соблюденное правило, и подобными придирками сводят на нет любое начинание.

Ясно, что правительство или, точнее, император, предполагая провести эту реформу, желал предоставить крестьянам возможность освобождения, охраняя при этом законные интересы и помещиков, и крестьян. Однако для соблюдения этих интересов землепашцу вовсе не обязательно было становиться собственником земли, на которой он жил и которую возделывал. Конечно, так было бы неизмеримо лучше, но осуществить это на деле удавалось крайне редко. Правительство же приняло за правило, чтобы вольные хлебопашцы становились собственниками довольно значительного количества земли (восемь гектаров на душу). Исходя из этого требования, полную свободу могли получить лишь крепостные, бывшие в состоянии выкупить себя лично и одновременно приобрести землю. Правда, закон предоставлял помещику право сразу ввести крестьян во владение, если они круговой порукой обяжутся платить ему раз и навсегда установленный денежный оброк; но тогда требовалось особое разрешение, охранявшее интересы помещика; в случае же неуплаты или неполной уплаты оброка крестьяне вновь попадали в кабалу. Таким образом, освобождение было случайным и, в сущности, условным.

Если же у помещика не хватало земли для раздачи ее по восемь гектаров на душу, то его крестьянам освободиться было просто невозможно.

Надо сказать также, что земли, получаемые крестьянами, становятся собственностью общины, а не их личной собственностью. Однодворцы, о которых мы говорили выше, — независимые собственники, принадлежащая им земля является их личной собственностью, тогда как земли вольных хлебопашцев составляют собственность их общины.

Впрочем, даже при этих ограничениях реформа, о которой мы говорим, была бы гораздо удачнее, если бы закон не предписывал еще и других условий и бесконечных формальностей. Прежде всего, помещик, желавший освободить своих крестьян, должен был подать прошение уездному предводителю дворянства; тот обязан был, прибывши на место, спросить крестьян, желают ли они получить свободу. Потом дело отправлялось к губернатору, от него к министру внутренних дел, потом в Сенат, потом к государю. При той медлительности, с которой в России вершатся дела, особенно такие, в которых чиновники редко идут навстречу добрым намерениям просителей, для соблюдения всех этих формальностей требуются годы.

Наиболее досадным следствием сих требований было судебное решение, запретившее освобождение по завещанию. Доказать, что подобное постановление, или, скорее, крючкотворство, не пошло никому на пользу, а, наоборот, повлекло за собой жестокие разочарования и многочисленные жертвы, очень легко. Для всякого желающего действовать по закону очевидно, что формальности, которыми обставлено освобождение крестьян, введены исключительно в их интересах, для того чтобы им нельзя было навязать чересчур тягостные условия. И даже если одной из договаривающихся сторон не стало, но

сторона, ради которой предпринимались усилия, продолжает желать исполнения соглашения и готова соблюсти все условия завещания, то, на наш взгляд, законность его не может быть оспорена.

Действительно, если внимательно рассмотреть закон о вольных хлебопашцах, то невольно начинаешь подозревать его составителей в желании парализовать последствия великодушного порыва, сей закон породившего. И, как оказалось, я был прав; спустя двадцать лет министр внутренних дел, автор этого закона, хладнокровно заявил, что закон сей был практически неосуществим³¹.

В самом деле, чересчур буквальное толкование закона привело ко многим жертвам. Несколько богатых землевладельцев, не имевших прямых наследников, пожелали дать своим крепостным свободу вместе с предписанным законом количеством земли при условии, что крестьяне станут платить деньги в пользу какой-нибудь школы или благотворительного учреждения; некоторые помещики перед смертью даже выполнили необходимые формальности. И однако все эти великодушные люди, искренне желавшие счастья своим крестьянам, невольно обрекли их на разорение и отчаяние. Признательные за добро, крестьяне постарались сделать все возможное, чтобы закрепить за собой свободу. Они начали с прошений, рассылали всюду доверенных лиц для ведения их дела, но вскоре потребные для этого расходы совершенно разорили их. Во время одного такого процесса между крестьянами и побочными наследниками графа Салтыкова, человека доброго и справедливого, некоторые крестьяне нашли поддержку у любимого кучера императора Александра, также бывшего крепостного³²; они поступили кучерами в императорские конюшни и во время военных кампаний следовали за императором по Германии и Франции, надеясь улучшить удобный момент для достижения желанной цели. Процесс разбирался судами низших инстанций, Сенатом, Государственным советом, но несчастные крестьяне везде получали отказ. Дело поступило на окончательное решение к императору; и тут случилось нечто невиданное: более четырех лет он не решался утвердить постановление своей подписью. Наконец однажды утром в Совет принесли бумагу с императорской резолюцией, подтверждавшей решение Совета, и председатель поспешил объявить одному из заинтересованных наследников, что их процесс выигран. Таковы судьбы в России!

Случай этот совпал с началом моей службы в Совете; это решение повергло меня в отчаяние. Следующие два года я занимался делами Департамента гражданских и уголовных дел, в ведении которого находились подобные процессы, и был счастлив, видя, что все без исключения споры между помещиками и крепостными решались в пользу последних — за одним-единственным исключением. Если бы Александр еще помедлил с окончанием злосчастного процесса наследников Салтыкова и дело вернулось бы в Совет, по нему вполне могло быть сделано иное заключение; император, возможно, одобрил бы его, как одобрял все доклады, которые я редактировал, пока служил в департаменте, и на земле стало бы двадцатью или тридцатью тысячами несчастных меньше.

При всех своих недостатках закон о вольных хлебопашцах был не совсем бесплоден, и если впоследствии он перестал приносить плоды, то поначалу дал много хорошего. Император был тогда молод и одушевлен лучшими намерениями в отношении крестьян; общественное мнение также было настроено благоприятно, и даже придворные круги устремили взор на сие сословие, столь достойное внимания. Некоторые вельможи, отчасти из

честолюбия, отчасти из желания угодить императору, освободили многих крепостных, следуя предписаниям нового закона; другие дали им свободу и земли, назначив сумму единовременной уплаты. Часть крестьян очень богатого землевладельца, князя Г., числом около шести-семи тысяч душ, откупилась с землями за 4 или 5 миллионов рублей. Правительство пришло им на помощь, предоставив нужную сумму в качестве долгосрочного кредита. Прибавим, что эти крестьяне, сделавшись вольными хлебопашцами, никогда не забывали аккуратнейшим образом выплачивать в соответствии с условием и капитал, и проценты³³.

К несчастью, число вольных хлебопашцев не доходит до 70 000 (по восьмой ревизии их насчитывается 67 736 человек)³⁴.

ИНОСТРАННЫЕ КОЛОНИСТЫ

Стоит только представить себе, что число иностранных колонистов, которых правительство расселяло по России с великим трудом и большими затратами, теперь доходит до 84 000, то есть превышает число русских вольных хлебопашцев, как слезы сами льются из глаз. На что сетовать: то ли на злую волю, то ли на глупость правительства, то ли на самое судьбу, постоянно воздвигающую в этой стране препоны на пути к благу?

Глава III

Земледельцы

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОСЛОВИЕ распадается на несколько разрядов. Поговорим сначала о государственных крестьянах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

В Европе распространено мнение, что положение государственных крестьян не отличается от положения прочих крепостных; это ошибка. Эти крестьяне свободны настолько, насколько можно быть свободным в России. Вероятно, правительство могло бы, как бывало ранее, превратить их в рабов, подарив их вместе с землей, на которой они живут, какому-нибудь дворянину. Но император Александр перестал таким образом награждать своих слуг, и обычай этот более не возобновлялся. К несчастью, если государство не превращает их в рабов юридически, то обращается с ними именно так: печальный и кровавый пример тому в царствование Александра — учреждение военных поселений. Тем не менее есть огромная разница между условиями жизни государственных крестьян и крестьян, принадлежащих дворянам. Эти последние низведены до полного рабства в буквальном смысле слова.

Государственные крестьяне живут на землях, принадлежащих казне. Всякой деревне или общине предоставлено некоторое количество земли, поделенной между всеми жителями по числу членов семьи или по тому, кто сколько может взять на себя. Помимо подушной подати каждое такое владение платит землевладельцу подать, именующуюся оброком, — это своего рода рента. В прежнее время государственные крестьяне имели также пользования соседними с их общиной лесами, теперь его у них отняли; леса составляют отдельную статью государственной собственности; сохранение и эксплуатация их вверены особому ведомству.

Государственный крестьянин имеет право на свободу передвижения. Обязавшись платить свою долю податей, он вправе идти на заработки куда угодно. Он может даже, если пожелает, исполнив некоторые формальности, вступить в сословие мещан и поселиться в городе. Подобно купцам и мещанам, он может приобретать любое движимое имущество и располагать им по своему желанию. А если вспомнить, что крепостные крестьяне не имеют права даже на те деньги, которые они зарабатывают в поте лица, то несомненная и значительная разница между помещичьими и государственными крестьянами сразу станет ясна.

Однако и последние, несмотря на преимущества их положения, далеки от того благополучия, на какое вправе были бы надеяться.

Управлением государственными землями и крестьянами ранее в губернских городах ведали казенные палаты; теперь это поручено чиновникам, командированным Министерством государственных имуществ.

Полицией ведает исправник, а также земский суд, в ведении которого находятся некоторые гражданские дела.

Ужаснейший бич для государственных крестьян — множество притесняющих их чиновников, почти всегда злоупотребляющих властью и берущих всевозможные взятки. Я слышал, как крестьяне хвалят тех чиновников, которые в обмен на свое покровительство требуют взятку, равную всего лишь сумме постоянных податей, уплачиваемых этими несчастными правительству.

Иногда крестьяне становятся жертвами алчности своих влиятельных соседей. Например, во времена Екатерины II фавориты, получая от императрицы вотчины, часто присваивали земли и права государственных крестьян; жаловаться же было бесполезно и даже опасно. Таким образом Орловы безнаказанно захватили пастбища и права на ловлю рыбы в Волге, являвшиеся законной собственностью окрестных государственных крестьян.

Деревни, заселенные государственными крестьянами, не отличаются обыкновенно той правильностью, какую наблюдаешь в помещичьих деревнях; это, как и другие черты, свидетельствует о недостатке порядка и надзора. Потому помещики стараются доказать, что государственные крестьяне являются беззащитными жертвами небрежности и произвола правительственных чиновников и находятся в гораздо худшем положении, чем их крепостные. Во многих местах таким обвинениям вторят сами государственные крестьяне. Но случись им делать выбор между положением крестьянина, всецело защищенного помещиком, и крестьянина государственного, нещадно угнетаемого чиновниками, они всегда предпочтут положение последнего, нежели решатся вверить себя ненадежному покровительству дворянина-помещика. И это понятно.

При покупке правительством частных земель и нехватке на это средств крестьяне, приписанные к приобретаемым землям, нередко готовы дополнить нужную сумму собственными сбережениями, лишь бы стать собственностью правительства. Когда император Александр был занят проектом сооружения в окрестностях Москвы грандиозного собора, превосходящего величиною все виденные дотоле храмы, решено было купить по соседству земли вместе с крестьянами, дабы одновременно получить и материалы, и рабочую силу. Количество крестьян было определено в четырнадцать тысяч, и правительство предложило за них весьма умеренную цену. Несколько совестливых помещиков, желавших продать свои владения, воспользовались случаем и приняли предложение правительства, отказавшись при этом от прибыли, какую могли бы получить, имея они дело с частными лицами; другие упорно запрашивали более высокую цену. Чтобы преодолеть эти затруднения, крестьяне согласились доплатить разницу. Так, один помещик продал правительству три тысячи крестьян, которые прибавили к заплаченной правительством сумме почти полмиллиона рублей да еще благословляли помещика, уступившего им за эту цену³⁵.

Впрочем, не говоря уже об огромной разнице между человеком свободным — пусть даже на русский лад — и рабом, положение государственного крестьянина гораздо лучше, чем крепостного, и не только с материальной стороны. Сколь бы велика ни была алчность чиновников, имеющих дело с изрядным числом крестьян, насытить ее легче, нежели сравнительно скромные требования помещика, удовлетворять которые приходится гораздо меньшему числу крепостных. Появление уездного исправника оказывается для деревни настоящим бедствием, но, утолив свою алчность или жестокость, исправник удаляется, и несчастные вновь могут вздохнуть свободно. Власть же господина или управляющего тяготеет над крепостными постоянно.

Без сомнения, государственным крестьянам не позавидуешь; но представьте себе, если можете, какова должна быть жизнь других крестьян, ежели они готовы на любые жертвы, чтобы достичь хотя бы такого положения! Вот каково величие несчастной России!

При первом знакомстве с положением государственных крестьян ныне царствующий император был поражен глубочайшей нищетой этих беззащитных жертв; он сместил директора Департамента государственных имуществ — как будто начальники могут что-нибудь сделать! — и, надеясь искоренить зло административными мерами, не придумал ничего лучшего, как создать особое министерство. Перед человеком, призванным возглавить это министерство, стоит огромная задача. Несмотря на препятствия, с которыми в России сталкивается всякий предпринимающий полезные реформы, он может сделать много добра. Впрочем, человек сей доказал уже свои способности, похвальным образом устроив два княжества — Валахию и Молдавию. Говорят, он разработал проект реформы государственных крестьян. Не знаю, в каком духе написан этот документ, но если слухи, дошедшие до меня, верны, то подавляющее большинство в Государственном совете выступило против проекта, и он был отвергнут³⁶. Это свидетельствует только в пользу министра: в собрании, состоящем из рабовладельцев, любая мера, хоть сколько-нибудь способствующая освобождению крестьян, непременно встретит сопротивление.

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Императору Павлу I пришла в голову довольно странная мысль, необычная для России, — создать уделы для императорской фамилии. С этой целью из государственных владений выделили несколько сот тысяч крестьян вместе с землями, которые они обрабатывали, и поручили управление ими особому *Департаменту уделов*. До нынешнего царствования эти крестьяне находились почти на том же положении, что и крестьяне государственные, а часто им жилось даже лучше, нежели последним, ибо они не зависели от местных властей*. Они были подвластны только особым начальникам, в обязанности коих входило покровительствовать им и защищать их; взятки же, которые крестьяне им платили, не шли ни в какое сравнение со взятками, которые государственным крестьянам приходилось платить многочисленной орде уездных и губернских чиновников. В нынешнее царствование правительству пришла в голову злосчастная идея реформировать управление уделами: распорядиться напрямую и вникать во все мелочи, подобно тому как управляют своими имениями помещики. С виду порядка стало больше, но благосостояние крестьян чрезвычайно пострадало.

Изначально насчитывалось 750 000 удельных крестьян; ныне число их возросло на 200 000 — за счет тех, кто проживает на государственных землях³⁷.

АРЕНДНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Когда император Александр вззошел на трон, он обещал никогда не дарить крестьян частным лицам; но так как по-прежнему требовалось выражать благоволение или поощрять заслуги, оказанные государству, он начал предоставлять аренды, то есть давать имения во временное пользование.

В России, то есть Великороссии, не было обычая создавать имения на землях, заселенных государственными крестьянами; он существовал только в трех прибалтийских губерниях (Эстляндской, Лифляндской, Курляндской) и в губерниях, отвоеванных у прежней Польши. Крестьяне там в целом гораздо более отсталые, чем в Великороссии. Они не знают денежного оброка; а поскольку земельная собственность в этих губерниях всегда основывалась на арендной системе, то правительство распространило ее и на казенные земли. Были назначены различные повинности крестьян по отношению к фермеру, который, со своей стороны, брал на себя обязательство уплатить государству ту или иную сумму за эксплуатацию имения. И эти имения и земли правительство начало предоставлять во временное пользование частным лицам — чаще всего на 12 лет; иногда срок можно продлить еще на 12 лет: это называется пожаловать *аренду*. Получивший дар может, если желает, сам управлять имением и вести хозяйство, соблюдая, однако, предписанные

* То, что независимость от местных властей в России является благом, не отрицает даже правительство. При основании военных поселений в числе преимуществ, якобы ожидавших будущих поселенцев, на первый план выдвигали их независимость от местной администрации. Со стороны высшей власти подобное заявление было по меньшей мере наивным.

условия^{*}; но так никогда не делается: обычно заключают условие с кем-нибудь из *арендаторов*, тот выплачивает владельцу соответствующую сумму, а землю обрабатывает в свою пользу. Очевидно, что закрепощенные таким путем крестьяне крайне несчастны; и действительно, это самые бедные и угнетаемые из государственных крестьян. Правда, их повинности установлены законом — но что значит закон в стране, где царит произвол?

КРЕСТЬЯНЕ, ПРИПИСАННЫЕ К КАЗЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ

В России есть крепостные, приписанные к фабрикам, рудникам и горным заводам, принадлежащим государству, дворянам или даже купцам, которые в таких случаях получают право владеть рабами.

Здесь я буду говорить только о крестьянах, приписанных к государственным предприятиям. Число их весьма велико**.

В прежнее время крестьян этих освобождали от уплаты податей и от рекрутской повинности. Подобные льготы, особенно последняя, в какой-то степени вознаграждали их за непомерную тяжесть возложенных на них работ. В царствование императора Александра министр финансов, заботясь исключительно об увеличении доходов государства, решил — в интересах казны — заставить крестьян-рабочих также платить установленные подати; директор Горного департамента, хотя и был человеком просвещенным, согласился с министром; этих крестьян также обязали платить подати, и стали брать рекрутов из их числа. Но предприятия немедленно стали работать хуже. Что же сделали для устранения этого неудобства? В рудники, на горные заводы и на государственные фабрики стали отправлять других крестьян, набирая их из рекрутов, предназначенных для службы в армии!³⁹ При одном наборе всех молодых рекрутов из трех или четырех губерний отправили навсегда на различные казенные предприятия. Не чудовищно ли отрывать таким образом людей от родных очагов, навечно отсылая их в отдаленные места, где им суждено влечить существование каторжников? Разумеется, цель, которую преследовало правительство, не была — да и не могла быть — достигнута подобными средствами. Прежние рабочие, уже привыкшие к своему труду, без всякого сомнения, предпочитали свое положение участи солдата; молодые же рекруты, очутившиеся в суровом и непривычном климате, были вынуждены отказаться от своих привычек, порвать связи с семьями, с родной стороной; поэтому они с отвращением относились к чуждому им труду. Они долго оставались посредственными работниками, и нетрудно было предвидеть, что многие из них, особенно вначале, погибнут. Так и случилось***.

Но это вовсе не убедило русское правительство. Государственные люди сказали себе: «Если люди, не платившие прежде подати, станут их платить, казна получит чистую прибыль: польза совершенно ясна... Правда, из-за этого придется увеличить число работни-

---

* Кажется, с недавнего времени пожалованными *арендами* управляют местные власти, а правительство само заботится о выплате доходов владельцу.

** Если не ошибаюсь, их насчитывается 200 000 человек⁴⁰.

*** В нашей деревне я познакомился с одним из этих людей: он пришел в отпуск повидаться с отцом. Он говорил мне, что на заводе, к которому он был приписан, им давали избу, клочок не слишком плодородной земли, зерна на хлеб и позволяли немного работать на себя.

ков, заменяя тех, кто призван на военную службу; но эта мера ничего не будет стоить правительству, ибо оно просто пошлет в рудники и на заводы несколько тысяч рекрутов из ближайшего набора». И вот благодетяние надлежащим образом исполнено. Разумным доводам уже никто не внемлет. Но стоило бы тем же чиновникам чуть-чуть поразмыслить, они бы поняли, что если рекруты, которых посылают в копи, не нужны армии, они могли бы остаться дома и там своим трудом преумножать народное богатство, и в том числе доходы казны, а не гибнуть сотнями от горя и нищеты.

Взволнованный рассказами о душераздирающих сценах, происходивших в моей губернии при отправке рекрутов, которых должны были распределить по различным государственным заведениям, я всегда восставал против этой жестокой и бесполезной реформы. Ведь в этих случаях жены должны были следовать за мужьями, но если семья была в крепостной зависимости, то дети оставались у помещика как его собственность. Мне говорили, что несчастные матери, принужденные следовать за мужьями, убегали во время пути, влекомые инстинктом, который вызывает у нас сочувствие, даже когда его проявляют животные, и, вернувшись в свои дома, кормили грудью оставленных там младенцев. Продолжать ли рассказ? Да, хотя слезы застилают мне глаза, а лицо покрывается краскою стыда. Даже материнские чувства не могли служить этим женщинам оправданием; их ловили, под конвоем отправляли к отцам детей, коих они только что кормили, и там подвергали телесным наказаниям в русском смысле этого слова. Вот какие плоды принесло стремление министра финансов к так называемой выгоде, директор же Горного департамента, несмотря на свои познания и просвещенность, не побоялся стать соучастником подобных варварских мер. И это еще одно, наряду с тысячью других, доказательство того, что человек, воспринимаящий достижения цивилизации исключительно умом, а не сердцем, прекрасно приспособляется ко всем ужасам рабства.

Рассказывая об этой реформе министра финансов и об известных мне печальных ее последствиях, я стремился доказать, что государство ничего от нее не выиграло, а, напротив, понесло убытки; люди, близкие к министру, отвечали мне, что сам министр давно уже горько упрекает себя за нее и испытывает мучительные угрызения совести. «Но тогда почему бы ему не отменить ее?» — спрашивал я. Вопрос мой оставался без ответа. Причинить зло всегда легче, чем его исправить.

Поэтому когда я видел, какое количество чистого золота, добываемого в государственных копиях, указывается в реестрах государственных доходов, я говорил этим господам: «Если бы вы подсчитали, во что обходится государству добываемое золото, коим вы так гордитесь, вы бы поняли, что дешевле купить эти слитки на европейском рынке, нежели добывать их подобным образом». Действительно, если принять во внимание число рабочих, занятых золотым промыслом, количество надзирающих за ними чиновников, стоимость машин и многие другие издержки, нетрудно понять, что доходы, получаемые от эксплуатации этих копей, неизмеримо меньше тех, которые надеется извлечь из них правительство. Впрочем, ясно, что подобных расчетов никто никогда не делал.

Теперь всем известно, как родились слухи о баснословных богатствах золотых рудников Перу; когда эту страну узнали лучше, стало очевидно, что слухи эти изрядно преувеличены. То же самое наверняка случилось бы и с оценкой золотодобычи и доходности сибирских рудников, если бы кто-нибудь занялся подробным их изучением.

Уже довольно давно считается более выгодным добывать золото из золотоносного песка по берегам рек, нежели извлекать его из рудников; по крайней мере, с началом деятельной разработки этой отрасли доходы владельцев золотых приисков значительно возросли. Прежде право на золото, находившееся в недрах земли, принадлежало исключительно государству; владелец земли, где открывали золотую жилу, не получал почти никакой прибыли. Потом появилась хорошая мысль — ограничить притязания государства и разрешить частным лицам также пользоваться богатствами принадлежащей им земли; именно с этого времени в России возросло количество вновь открытых месторождений золотой руды и золотоносного песка.

Несчастливых, приговоренных к каторге, посылают в Нерчинские рудники, где они занимаются самыми тяжкими работами. Труд их не приносит никакого дохода.

КРЕСТЬЯНЕ, ПРИПИСАННЫЕ К ПОЧТОВЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Другая часть государственных крестьян занимается доставкой почты. Это отдельное сословие, именуемое ямщиками. Способы перевозки в России иные, чем в странах с большей плотностью населения. Если бы мы последовали тамошней почтовой системе и оплачивали каждый отрезок пути согласно его действительной стоимости, то путешествия стали бы крайне дорогими и сообщение было бы затруднено, в то время как при столь громадных расстояниях его, напротив, надо всемерно упростить. Для регулярного, недорогого и быстрого сообщения, по крайней мере на главных дорогах, было решено возложить поставку лошадей для почтовых нужд на общины и деревни, принадлежащие государству и расположенные вблизи почтовых станций. Крестьяне, подлежащие почтовому обложению, на несколько недель в году обязаны представить на станцию (ям), к которой они приписаны, по три почтовых лошади с души или с семьей. Цена за каждую лошадь устанавливается правительством; время от времени, по просьбе заинтересованных лиц, тариф повышается, но он всегда остается ниже стоимости вольнонаемных почтовых лошадей. На больших дорогах, например между Петербургом и Москвой, где почти все станции обслуживаются таким образом, никогда не бывает недостатка в лошадях для любого количества проезжающих. Поэтому в России путешествуют дешево и скоро. Но на дорогах, где нет подобных станций, где лошадей, как мы увидим далее, содержат на иных основаниях, можно путешествовать, лишь предъявив по дорожную, доказывающую, что ее обладатель едет «по казенной надобности».

Чтобы вознаградить крестьян за поставку лошадей, их освободили от уплаты податей. А некоторых даже (например, приписанных к первым станциям на дороге от Петербурга в Москву) освободили и от рекрутской повинности, то есть даровали им поистине бесценную для русского крестьянина привилегию. Петр I, придвигая столицу к границе (или же удаляя ее от центра страны), заселил часть окрестностей Петербурга крестьянами, вывезенными из внутренних областей; крестьяне эти были приписаны к почтовой службе и благодаря расположению их деревень вдоль тракта и освобождению от воинской повинности достигли удивительного процветания.

В целом состоящие в этом сословии крестьяне пользуются определенным благополучием: если положение их трудно, а зачастую и невыносимо, то отнюдь не вследствие дурного закона, а исключительно по причине дикого произвола, царящего в России.

На каждой станции есть смотритель, мелкий чиновник, поставленный почтовым начальством для учета подорожных, дающих право на лошадей. Его власть над крестьянами граничит с произволом. Но это еще не самое большое зло, ибо сей несчастный сам заинтересован жить с крестьянами в мире; подлинным злом является безобразное обращение путешественников с совершенно незащитными кучерами. Если лошади бегут не так быстро, как им желательно, они принимаются бить ямщика. Один несчастный почтальон сообщил мне однажды следующую отвратительную поговорку: «Нас только ленивый не бьет». И тем не менее посмотрите на ямщиков! Послушайте, как они говорят! Какая сообразительность! Какая пронизательность! Сколько желаний услужить вам! Я не раз восхищался их здравым смыслом и благородством их чувств. Один из них, некогда принимавший участие в ополчении, побывал за границей и прожил там некоторое время; каким проникновенным тоном, с каким восторгом рассказывал он мне о жизни саксонских крестьян, об их благополучии и счастье! И какая скорбь слышалась в его голосе, виделась в его глазах, когда он сравнивал с этим собственное положение! «Там каждый сам себе хозяин», — много раз повторил он.

Станционные смотрители тоже не имели бы защиты от дурного обращения путешественников, если бы правительство не произвело их в чин 14-го класса, дающий личное дворянство*.

Меж тем, вежливо обращаясь с ямщиками, вы ничего не теряете, ибо в благодарность за вашу учтивость они везут вас куда быстрее, чем из страха быть битыми.

Прибавим, что безопасность путешественников на почтовых станциях вполне обеспечена. Вы можете даже оставить свой экипаж со всем содержимым на улице без присмотра: никогда ничего не пропадет. Кража на почтовой станции — вещь неслыханная. В стране, где воров хватает даже в высших слоях общества, сего нельзя не оценить.

Истинным бедствием для крестьян, обслуживающих почту, является проезд двора. Помню, раз случилось мне вслед за двором ехать из Москвы в Петербург. Путешествовал в тот раз прусский король⁴¹. На каждой станции я слышал рассказы о том, как мерли лошади, впряженные в карету этого монарха и сопровождавших его особ. Закон, конечно, предусматривает вознаграждение для хозяина лошади, павшей от усталости в дороге; но эта сумма никогда не равна стоимости лошади, и вдобавок ее очень трудно получить. Известно, что лошади умирают от усталости только после бешеной скачки. Если бы прусским и прочим придворным могло прийти в голову, во что обходится их стремительное путешествие по России, если бы они знали, чего на самом деле стоят поразившие и восхитившие их чудеса, то, полагаю, их европейская натура заставила бы замолчать их придворный восторг.

В связи со способом перевозки я должен упомянуть о повинности, лежащей на всех без исключения крестьянах, свободных и крепостных; она заключается в доставке повозок и лошадей для войскового обоза, для сопровождения различных правительственных чиновников, для отправки осужденных в Сибирь и пр. Эта натуральная подать разорительна для крестьян, живущих подле больших трактов. Крестьянская семья обязана от 150 до 200 раз в год поставить для расстояния в 25–30 километров телегу, запряженную одной или двумя лошадьми.

* Один русский дипломат во время Венского конгресса сказал как-то, что если бы он мог, то посоветовал бы его величеству дать всем русским крестьянам чин 14-го класса. Иностранцы не поняли шутки; тогда им объяснили, что так проще всего избавить крестьян от битья палками⁴⁰.

Там, где нет деревень, полностью приписанных к почтовой службе (а так обстоит дело с большей частью дорог), перевозка поставлена иначе. Главное управление каждой области или губернии сдает почтовые станции предпринимателям, обязующимся в течение трех лет содержать на каждой станции определенное количество лошадей. Так как установленная плата никогда не покрывает их расходов, то они получают субсидию от местных властей и именно из суммы этой субсидии выплачиваются надбавки. Необходимая сумма распределяется по числу жителей губернии, платящих подушную подать, то есть крестьян, и взимается с них. Эта повинность, именуемая почтовой, меняется в зависимости от местности. Вот еще одна странность российских порядков — именно крестьяне, которые никогда не ездят на почтовых, вынуждены нести более половины расходов на этот способ передвижения.

Число лошадей для каждой станции очень ограничено, и потому их едва хватает для нужд почты и перевозки правительственных чиновников. И только привилегированные особы, на подорожной которых стоят магические слова «по казенной надобности», путешествуют по русским дорогам дешево и скоро. На дорогах, ведущих от Москвы к местам проведения ярмарок или в те области, с которыми Москва ведет оживленную торговлю, есть вольнонаемные почтовые станции, где во время ярмарок всегда можно достать лошадей; купцы постоянно пользуются ими, платя почти четверо против почтовой таксы.

Правительство часто возвращается к мысли устроить почтовую службу по европейскому образцу. В мое время министр внутренних дел представил соответствующий проект в Государственный совет; но когда приступили к его обсуждению, выяснилось, что осуществить его невозможно. Его возвратили для исправления, а затем позабыли о нем. Впрочем, есть реформы более насущные; лучше бы правительство подумало об улучшении положения людей, которые несут бремя всей существующей системы.

Глава IV

Крепостные

НАКОНЕЦ Я ПЕРЕХОЖУ к сословию русского народа, наиболее достойному сочувствия и забот просвещенного правительства, сословию, дело которого всякий друг человечества должен поддерживать особенно горячо. Если у людей есть понятие *отечество*, если идея *соотечественника* связана с мыслью о *родной земле*, то я без колебаний могу сказать, что всегда видел своих соотечественников в крестьянах и особенно в крепостных. Рабство никогда не унизило их. Напротив, когда сравниваешь это сословие с другими, кажется, что тяжесть их положения только возвысила и облагородила их. Душа часто очищается в несчастьи. Пороки рабов проистекают из их положения, украшающие же их добродетели принадлежат им одним, и они тем более священны, что приобретаются лишь в непрерывной и мужественной борьбе с препятствиями, неведомыми остальной части народа.

ВВЕДЕНИЕ РАБСТВА В РОССИИ

Вглядываясь в историю различных народов, обнаруживаешь, что большая часть их некогда пользовалась гораздо большей свободой, чем ныне. Прежде во многих странах Европы были учреждения, лучше оберегавшие права и вольности разных сословий. Возмущенная скупостью, с которой в наши дни под предлогом опасности нововведений политики торговались за крохи свободы для народов, мадам де Сталь, умнейшая женщина, воскликнула: «Это деспотизм нов, а свобода стара как мир»⁴².

Если можно спорить о свободе, которой в Средние века обладали некоторые сословия у разных наций, если история отдельных народов Европы позволяет сомневаться в точности приведенных выше прекрасных слов, то по крайней мере для России справедливо утверждение, что рабство представляет собой нечто новое; прежде она не знала ни политического, ни гражданского рабства.

Первыми законами русского народа были законы норманнов, содержавшие зародыши самых ценных и богатых содержанием свобод нового времени. Большой и малый суд присяжных, то есть обвинительный суд и суд, выносящий приговор, существовал в России даже после свержения татарского ига, а в отправлении верховной власти участвовали выборные органы. Даже после победы абсолютной власти рабство гражданское еще долго было неизвестно. Царь-узурпатор Борис Годунов, которого русские историки сравнивают с Кромвелем (хотя по своему лукавству и лицемерию, по числу запятнавших его убийств он напоминает, скорее, Ричарда III*), был первым виновником унижения, в коем до сих пор пребывает лучшая часть русского народа⁴⁴. Желая заручиться надежной поддержкой мелких помещиков, из числа которых в то время в основном пополнялась армия, он запретил крестьянам, жившим на их землях, впредь переходить на другие места.

Без сомнения, подобная мера была столь же неразумной политически, сколь и эгоистичной; однако именно этим руководствовался царь в настоящем случае. Однако историки приписывают государю и иные побуждения: дело в том, что обширные области, присоединенные к Московскому царству после покорения Казани и Астрахани, были слабо населены (мордвою, чувашами и татарами), а потому, на их взгляд, особенно привлекали крестьян, прежде живших на землях мелких помещиков, а теперь призываемых крупными вотчинниками и духовенством, которые захватили обширные земельные владения в этих краях. Они добавляют, что даже в окрестностях столицы пустели деревни, и в подтверждение своих слов ссылаются на свидетельство английского посла Флетчера, прибывшего в Москву в 1589 году. В XVI веке такое мнение простительно: Мальтуса еще не было; но те, кто в новейшие времена повторяет подобные утверждения, должны и могли бы знать, что эмиграция не уменьшает населения страны⁴⁵. Некоторые историки находят для решения Бориса более благовидный предлог, утверждая, что он следовал примеру Литвы, Ливонии и Эстляндии. В этих краях действительно было рабство, а Россия в то время состояла с ними в самых тесных сношениях.

* В жизни Бориса был эпизод, поразительно напоминающий сцену из трагедии «Ричард III», когда лорд-мэр и горожане Лондона приходят умолять этого государя взять на себя управление страной. Пьеса Шекспира в целом соответствует истории⁴³.

В 1593 году был введен роковой закон, навсегда прикрепивший крестьян к земле, где они жили в момент его обнародования. В то же время для надежнейшего проведения этого закона в жизнь приказано было произвести перепись всех крестьян. Текст этого первого закона до нас не дошел. Странная случайность! Потомки получили в наследство зло, источник которого был скрыт от их проклятий! Известно только приложение к этому указу, обнародованное в 1597 году: срок, в течение которого можно было требовать возвращения крестьян, покинувших свои дома, ограничивался пятью годами. В том же году царь Борис отнял у кабальных холопов право выкупаться у владельцев за ту сумму, за которую они отдались в холопство. Другим положением владельцам разрешалось объявлять холопами личных слуг, пробывших у них более шести месяцев. Эти прибавления к первоначальному закону, не имевшие ничего общего с задачей заселения страны, наглядно показывают, что единственной целью царя было угодить мелким помещикам за счет их крестьян и слуг. Мягкосердечные авторы могут приписывать ему другие соображения, но ему самому они, скорее всего, никогда не приходили в голову. Один современный историк находит, однако, что Россия и сам Борис дорого заплатили за введение рабства⁴⁶. Во время разразившихся вслед за тем волнений ненависть закрепощенного населения всей тяжестью обрушилась на потомков узурпатора; с насильственной смертью его сына его династия прекратилась.

В 1601 году, желая несколько успокоить недовольство крестьян, Борис возвратил им право переходить к другому владельцу, но при условии, что они от мелкого владельца будут переходить к мелкому же, впрочем, крестьяне могли пользоваться этим правом только в течение двух недель в определенное время года, а из крестьян одного и того же помещика за год только двое могли уйти от него.

Обычно крестьяне меняли местожительство в Юрьев день. В русском языке до сих пор существует напоминающая об этом поговорка. Утратив что-либо и желая выразить сожаление и разочарование по этому поводу, говорят: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Сколь бы пагубным ни был указ Бориса, не он установил, однако, то жестокое крепостничество, какое существует в настоящее время. Крестьяне были прикреплены к земле, подобно приписанным к земле (*glebae adscripti*) в феодальной Европе, но помещик не мог по своей воле отнять их от этой земли, не мог сделать их своими рабами или личными слугами, равно как и продать их без земли, на которой они жили. Все, что отличает человека, приписанного к земле, от раба — нынешнего русского крестьянина, было установлено позднее. Как же это произошло? Кто усердней всех ковал цепи для несчастного крестьянина и от феодальной зависимости довел его до рабства, столь же тяжкого, как рабство африканских негров? Русские историки и публицисты старательно воздерживаются от рассмотрения этих вопросов.

Желая по возможности восполнить сей пробел, я расскажу, что происходило в мою бытность в Государственном совете. В моем повествовании читатель сможет найти ряд разъяснений по поводу занимающего нас предмета и в то же время увидит, как в России решаются дела первостепенной важности.

Находясь на конгрессе то ли в Ахене, то ли в Лайбахе, император Александр получил прошение от несчастных крепостных; они жаловались на своего помещика, оторвавшего их от родных очагов и продавшего фабриканту, который, по их словам, использовал их на тяжелых работах. Фабрикант этот был шотландец, владелец железоделательного и чугу-

нолитейного завода в окрестностях Петербурга. Поступив на государственную службу по морскому департаменту и достигнув чина, дающего дворянство, он получил право владеть крепостными. Этот человек первым стал использовать в России пароходы, получив от правительства на определенный срок монополию на их ввоз.

Император передал прошение в Государственный совет, приказав разобраться в деле. К этому повелению он собственноручно приписал несколько строк, где выразил свое изумление по поводу того, что крепостных, оказывается, можно продавать без земли. «Я совершенно уверен, — писал государь, — что продажа крепостных без земли давно уже запрещена законом».

Действительно, в России незаконность таких продаж никем не оспаривалась, но тем не менее они не прекращались. Из предосторожности вместе с человеком иногда продавали клочок земли, но вскоре выкупали его обратно.

Старое русское законодательство, «Уложение» царя Алексея Михайловича, делило личных слуг, или дворовых, на два рода. К первому относились слуги или дворовые *по договору*, ставшие ими по собственной воле, обязавшись служить хозяину либо до самой своей смерти, либо в течение известного числа лет. Таких слуг нельзя было продать, и это оговаривалось в законе.

Личные слуги или дворовые второго рода назывались старинными, или *полными*, дворовыми. В таком рабском состоянии могли оказаться только военнопленные. Если они не были христианами, хозяева могли их продавать; запрет кому бы то ни было при любых обстоятельствах продавать христиан в законе был оговорен особо.

Со смертью господина и те, и другие становились свободными.

Хлебопашцы же, крестьяне, приписанные к земле, не только не могли быть отлучены от земли и проданы без нее, но даже не могли стать дворовыми по договору, ибо закон это запрещал.

Принявшись за расследование дела, порученного императором, Государственный совет пожелал сначала удостовериться, действительно ли законом воспрещена продажа крепостных без земли. Для этого он обратился в Сенат и в Комиссию законов*. Поиски показали, что ни один современный закон, ни один указ не воспрещал такие продажи в Великороссии; они были запрещены только в Малороссии в силу решения Павла I по докладу Сената, просившего государя разрешить тамошним помещикам продажу крепостных без земли. Тогда Павел I собственноручно написал на докладе: «Без земли не продавать».

Не обнаружив общего закона, запрещающего продажу крепостных без земли, Государственный совет пожелал узнать, нет ли закона, разрешающего такую продажу. Но справки, наведенные Сенатом, и разыскания канцелярии Совета тоже ничего не дали: ни там, ни здесь ничего не смогли откопать. Крепостных продавали на все лады, потому что они были слабы, а господа сильны, а также потому, что те, к кому крестьяне могли бы обратиться с жалобами, сами владели крепостными.

* Нет ничего удивительного в том, что столь часто приходится искать какой-нибудь закон, необходимый для решения дела. Если в Англии насчитывается сорок или пятьдесят тысяч законов, то в России их еще больше, ибо сила законов придается указам, высочайшим повелениям и прочим актам самодержавной власти.

Однако Сенат, не желая признать, что попусту потратил время, решил воспользоваться существовавшим некогда тарифом рыночных цен времен императрицы Анны, племянницы Петра I. Этот тариф, составленный в государственной казне, был в свое время разослан во все губернии в качестве руководства для налоговых чиновников. Так как там перечислялось все, с чего при продаже следовало платить налог, в том числе и люди без земли, то в Сенате пришли к заключению, что за неимением специальных законов или указов тариф сей можно рассматривать как разрешение таких продаж — тем более что он был возобновлен в царствование самого же императора Александра, а именно в 1807 году. А так как продажи крепостных совершались открыто и до, и после опубликования тарифа, налоговые власти с полным правом подчинили их общим правилам сделок. Не странно ли, что в России простые постановления фискального ведомства могут влиять на личную свободу человека?

Изыскания, которыми в вышеуказанном случае пришлось заняться Государственному совету, познакомили его с еще одним довольно любопытным документом, подтверждающим, во-первых, что задолго до издания тарифа крепостными торговали как скотиной, и, во-вторых, что благие намерения государей ослабить жестокость крепостничества оставались бесплодными. Имеется в виду указ Петра I Сенату, где монарх выражал свое отношение к продаже крепостных еще более ясно и недвусмысленно, нежели император Александр.

«Обычай был в России, — писал в этом указе Петр, — который и ныне есть, что крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь, кто похочет купить как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей от отца или от матери дочь или сына помещик продает, от чего не малый вопль бывает: и Его Царское Величество указал оную продажу людям пресечь; а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь».

Сенат не исполнил повеления Петра I.

На добрые побуждения императора Александра Государственный совет ответил несколько не лучше: все ограничилось дискуссиями и разбором нескольких проектов, представленных по рассматриваемому предмету Комиссией законов и министром юстиции.

Мой брат, исполнявший обязанности статс-секретаря в Департаменте законов и одновременно являвшийся членом Комиссии законов, привлек меня к участию в составлении подготовленного этой комиссией проекта. Вынужденные ограничиться рассмотрением вопроса о продаже крепостных порознь и без земли, мы в этой работе вообще не смогли сказать что-либо о крепостном праве в целом. Тем не менее наш проект был более либерален, чем проект министра юстиции. Впрочем, я помню, что последний не только запрещал продажу порознь и без земли, но и выдвинул принцип неделимости имений, где проживает сто душ или менее; согласно его предложению, такое имение могло быть продано или унаследовано только целиком. Как ни незначительна была эта мера, она тем не менее сулила некоторое благо, ибо участь крепостных у мелких помещиков всегда наиболее тяжела.

Помню, большинство Государственного совета склонялось в пользу упомянутых проектов. Состоящее из первых лиц империи, это учреждение, вероятно, могло по своему усмотрению ограничивать права малоимущих и незнатных помещиков; но члены его не могли не сознавать, что мера сия, несмотря на всю незначительность, все же имела определенный смысл, ибо заставляла полагать, что правительство благосклонно относится к освобождению крепостных. И я с удовлетворением повторяю, — ибо я всегда счастлив,

если находится возможность воздать хвалу моим соотечественникам — большинство Совета, казалось, прониклось стремлением обрубить несколько ветвей с древа неравенства, пронизавшего своими ядовитыми корнями недра земли русской и душащего там всякое доброе семя. Против любых перемен в существующем порядке восставало лишь незначительное меньшинство. Среди них был и иностранец, граф Литта, который, как это порой случается, полагал, что сродниться с принявшей его нацией можно, только преувеличив ее недостатки и пороки. Возглавлял оппозицию вице-адмирал Шишков, президент Российской академии, ревнитель старой словесности, который думал и писал так, как, вероятно, думали и писали два века назад; это был честный человек, однако он встречал в штывки любые попытки покушения на священные права дворянства и в своих неистовых речах не щадил даже Петра I. Составляя протокол заседания Департамента законов, он отверг проект Комиссии и не преминул выбрать принципы и идеи, почерпнутые в иностранных университетах. Мы с братом прекрасно понимали, к кому относились эти нападки, однако нас утешала мысль о том, что мы оказались в одной компании с Петром I.

«В то время, когда мы видим, что почти все европейские державы вокруг нас мятутся и волнуются, — написал он в протоколе, — наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простертые победы и внутренняя, среди неустойств Европы, тишина не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ничем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей? И откуда сии перемены? — из училищ и умствований тех стран, где сии волнения, сии возмущения, сия дерзость мыслей, сии под видом свободы ума разливаемые учения, возбуждающие наглость страстей, наиболее глубокие господствуют!»

В записке, составленной от имени Комиссии законов, мы ответили на это, что предлагаемые перемены вызваны необходимостью — неясностью и неопределенностью законодательства, что они не имеют и не могут иметь никакого отношения к сотрясавшим тогда Европу политическим смутам; идеи эти никак не могут исходить из стран, волнения в которых в то время привлекали общее внимание, потому что ни Испания, ни даже Неаполь не славились ни школами, ни просвещенностью.

Краткий сей эпизод достаточно ясно показывает, что тогда ожидало в России тех, кто даже с одобрения самодержавной власти требовал простейших гарантий для несчастных, лишенных покровительства законов; на этом примере можно убедиться, каким подозрениям, каким обвинениям подвергались люди, желавшие хоть сколько-нибудь облегчить ужасную участь крепостных. Как мы видели, даже личное мнение императора Александра было бессильно спасти тех, кто поступал согласно его желаниям, от глупейших нападков.

* Нам не всегда удавалось сохранять выдержку. На том же заседании министр юстиции без всяких оснований позволил себе недостойным образом высказаться о якобы неточных данных, представленных Комиссией законов; брат в негодовании резко прервал его, а я, подчеркнув неприличие подобных обвинений, указал министру, что порядочный человек не может ни говорить, ни слушать, как при нем говорят в подобном тоне. Мои замечания, весьма необычные для заседаний Государственного совета, вызвали большое удивление. К чести министра я обязан сказать, что после заседания он подошел ко мне и заверил меня, что я неправильно его понял. В ответ я ограничился повторением сказанного выше.

Тем не менее, в течение некоторого времени я надеялся, что дело кончится изданием закона, благоприятствующего делу освобождения. Подавляющее большинство высказалось за проект Комиссии законов. Но, видимо, было замечено, что государь уже не думает об этом деле, и вельможа, председательствовавший в тот день в Совете и временно занимавший должность министра внутренних дел, граф (а впоследствии князь) Кочубей объявил после голосования, что считает необходимым еще раз рассмотреть проект в Министерстве внутренних дел. Совет предоставил решать председателю; тот завладел проектом, и больше о нем не было и речи. Между тем граф Кочубей был человек просвещенный и, казалось, вовсе не склонный поощрять крепостничество. Но, вероятно, его долгий опыт побуждал его с презрительным сожалением относиться ко всем попыткам реформ: он сознавал, что прилагаемые усилия бесполезны, бесплодны и недостаточно серьезные для истребления столь огромного зла. Помню, как, выслушав протокол заседания Совета, где наряду с мнением государя о недопустимости продажи крестьян без земли приводились справки, которые должны были опровергнуть это мнение, граф подошел ко мне и, горько и в то же время насмешливо улыбаясь, сказал: «Представьте себе, государь искренне убежден, что вот уже двадцать лет как в нашей стране людей не продают порознь!»⁴⁷

Что скажут мои читатели, когда узнают, что перед окнами императорского дворца, в Петербургском губернском суде время от времени с благословения юстиции продают человеческую плоть? Когда имущество несостоятельного должника описано, крестьян, как и все остальное, непременно продают с публичных торгов. Почти в то же самое время, о котором я рассказываю, одну старуху кто-то купил за два с половиною рубля; и это случилось в двух шагах от жилища самодержца, полагавшего, что продажа людей порознь давно запрещена! Нужны ли еще доказательства тому, что абсолютные монархи живут, совершенно не ведая о том, что вокруг них происходит? Добрый и честный Каподистрия, самый выдающийся из иностранцев, которые когда-либо служили государю, услышав об этой продаже, содрогнулся от ужаса и сказал, что государь не имеет ни малейшего представления о подобных безобразиях. Он обязался рассказать ему об этом; не знаю, удалось ли ему вывести из заблуждения его царское величество.

Из всего сказанного вытекает, что если вначале крепость привязывала крестьян к земле, то затем она превратилась в настоящее рабство. Со времени Петра I рабов продавали без земли; так было и при Александре; так их продают и теперь и будут продавать до тех пор, пока небо не сжалится над несчастными. Бесполезно искать закон, запрещающий или разрешающий продавать крепостных поодиночке. Пока есть рабство, будут и рабы, а с рабами всегда так обращаются. Сила вещей могущественнее законов. Между рабством и свободой, между злом и добром нет и не может быть середины. История законодательства, равно как и общая история, проливает мало света на этот предмет, но, как я уже имел случай говорить в записке, представленной императору Александру, историю пишут не рабы, а рабовладельцы⁴⁸.

Мне говорили, впрочем, что в нынешнее царствование появился императорский указ, недвусмысленно запрещающий продажу крепостных без земли⁴⁹. Да будет угодно небу, чтобы эта мера положила начало другим, более полноценным и благотворительным. И каковы бы ни были несправедливости, причиненные мне лично, они не помешают мне благословлять того монарха, при котором было бы уничтожено самое ненавистное из всех зол, а именно рабство.

В царствование Бориса Годунова Малороссия не входила еще в состав империи. Екатерина II, государыня, переписывавшаяся с Вольтером и приводившая в своем Наказе Комиссии для составления уложения выдержки из Монтескье и Беккариа, принимавшая у себя Дидро, совершившая триумфальное путешествие вместе с Иосифом II и принцем де Линем, вдова Петра III и мать Павла I, пожаловала закрепощением и рабством Малороссию, ставшую частью ее империи. Это чудовищное беззаконие свершилось только в 1783 году. Екатерина, как и Борис хотя бы жил в XVI веке и не состоял в переписке с философами своего времени.

Рассказывают, что несколько влиятельных придворных, посвященных в этот план императрицы, державшийся некоторое время в тайне, поспешили до его обнародования привлечь на свои земли в Малороссии большое количество крестьян, предложив им выгодные условия. Роковой закон был издан, и жертвы, угодившие в западню, были вынуждены навсегда остаться там, куда их привела надежда на мало-мальское благосостояние. Да будут прокляты жестокость, жадность, бесстыдство и лицемерие!

Глава V

Нынешнее состояние рабства

СЛОВО «РАБ» вызывает столь ужасные и отвратительные представления, что, видя несвободного русского крестьянина, пожалуй, не решишься так его назвать. Ему, скорее, подходит более привычное для европейского уха имя крепостного — серв. Однако если вспомнить, какой властью над своими крепостными обладают или могут обладать в России помещики, то определение *рабство* становится единственно возможным, ибо оно отражает безграничный произвол одних и полное бесправие других. В самом деле, до каких пределов простирается власть господина над рабом? Он может заставлять раба трудиться без всякого вознаграждения, может подвергать его дурному обхождению, жестоким наказаниям и, наконец, по недавнему закону, навеки сослать в Сибирь!⁵¹ Владелец раба отвечает перед судом только за его убийство; во всем остальном рабов в России закон защищает меньше, чем животных в Англии, где, согласно парламентскому акту, наказывают за дурное обращение с ними**.

* В Государственном совете я знавал одного старца (г-на П...), о котором говорили, что он нажил на этой гнусной спекуляции. О нем ходил и другой слух: рассказывали, что он, будучи фаворитом Потемкина, расквартировал на своих землях отборные гренадерские полки, заставил солдат работать на себя и в конце концов, не знаю уж, каким образом, ухитрился причислить их к своим крепостным. Кажется, обитатели его земель до сих пор отличаются породистостью и красотой⁵⁰.

** В Великобритании общества защиты животных следят за исполнением этого закона. Они посылают своих агентов на скотные рынки; за гуманным обращением с животными наблюдают и прохожие. Я же знаю по опыту, что, пытаясь сделать для несчастных русских рабов то, что в Англии делают для животных, не только потеряешь время и труды, но еще и прослышишь революционером и якобинцем.

Тем не менее, поставив на одну доску раба русского и африканского, мы изрядно уклонились бы от истины. Оставляя в стороне законные права, коими обладает каждый господин по отношению к своим рабам, и рассматривая крепостное право в его привычном состоянии, мы заметим, что зло рабства в России смягчается не правами, религией или цивилизацией, а обычаем. Сам вид русского раба, взятого наугад из тысячи ему подобных, свидетельствует, что он не такой раб, как негр. Если при виде проданного африканца вы говорите: «Этот человек не должен быть рабом», то при виде русского крепостного вы скажете: «Этот человек не должен и не может быть рабом». Рабство первого отвратительно, рабство второго не только отвратительно, но и нелепо.

Если о серьезном предмете можно было бы говорить в шутиливом тоне, я бы сказал, что рабство негров — преступление, рабство же русских крестьян — больше чем преступление, это ошибка. Во всяком случае, это глупость, бессмысленная несправедливость, не приносящая выгоды самим рабовладельцам. Там, где рабство существует во всей его строгости, рабы представляют для своих хозяев совсем не ту ценность, что русские крепостные для их владельцев. В одном из оксверненных рабством штатов Американского Союза, на рынке Нового Орлеана недавно было продано 38 негров за 47 810 долларов; 20 негритянок с 18 детьми за 21 950 долларов; 16 молодых негров за 12 875 долларов, всего на сумму в 82 635 долларов (433 853 франка). Это составляет более 4000 франков за душу. В России о таких ценах и не слыхивали; наоборот, владельцы часто не только не извлекают какой-либо выгоды из множества домашних рабов, но еще и несут значительные расходы — на их содержание, пусть и скудное.

Права и привилегии владельцев крепостных примерно одни и те же во всех частях империи: в Великороссии, Малороссии и в польских губерниях.

Только остзейские губернии, где крепостных освободили несколько лет назад, составляют исключение из общего правила⁵².

Хотя помещики-немцы и помещики-поляки не уступают собственно русским помещикам ни в цивилизованности, ни в нравственности, ни в религиозном образовании, хотя немцы-протестанты обычно едут учиться в немецкие университеты, хотя поляки стоят ближе к европейской цивилизации, чем русские, и должны были больше пропитаться ее духом, однако и у тех, и у других крепостные всегда находились в более плачевном состоянии, чем у русских помещиков*. Это различие основано только на обычае, и его можно объяснить лишь тем, каким образом на Руси было введено крепостное право. Возможно, не последнюю роль здесь играет и сам характер русского крепостного. Несмотря на цепи, он не считает себя полностью поработанным; по крайней мере, у него нет вида настоящего раба. Он сохранил человеческое достоинство и до некото-

---

* Польский помещик граф Потопский принял для управления своими землями меры, принесшие ему славу филантропа. Немецкие писатели, от которых не ускользает ни одно великодушное и полезное деяние, включили его имя в число благодетелей человечества. Между тем порядок, введенный им в одном из его имений, где он заменил барщину денежной податью, в сущности, представлял собой существующую в России систему оброка. Таким образом, он действительно совершил благодеяние, однако оно показывает, что польские крестьяне находились в еще худших условиях, чем русские. Впрочем, введенное в Польше французское гражданское уложение, провозгласившее всеобщее равенство перед законом, перевело всех польских крепостных через пропасть, отделяющую рабство от свободы.

рой степени даже умеет заставить себя уважать. Могли бы самые свободные и гордые народы столь успешно сопротивляться неуклонному развращению, если бы оказались под таким же игом?

В России крепостной крестьянин напоминает, в сущности, мелкого фермера: даже если он работает на барщине у помещика, у него есть своя хижина, лошади, коровы, овцы. Положение поденщика почти незнакомо русской деревне. У самого бедного крепостного есть клочок земли, которую он обрабатывает для себя. Я слышал об одном помещике, который взялся сам кормить свою сотню или полторы сотни крепостных, заставив их все дни работать на него; но об этом помещике рассказывали как о редком и достойном परिциании исключения; вдобавок он проживал в одной из белорусских губерний. В великорусских губерниях о подобном не слыхивали.

Русский крестьянин сам мастерит себе повозку, конскую сбрую, а часто и одежду; он сам строит свой дом, сам чинит и его, и нужные хозяйственные постройки. Необходимость обо всем подумать, всем управлять и везде поспевать много способствует развитию трудолюбия и бережливости, отчего многие крестьяне нередко поражают нас проницательностью и умом.

В прибалтийских и польских губерниях существуют большие фермы, так называемые *экономии*, которые эксплуатируются помещиками или сдаются большими участками в аренду. Здесь далеко не у всех крестьян есть поле и скот; оброк здесь также неведом, а именно эта подать и придает русскому крепостному праву исключительный характер. И сейчас мы расскажем, в чем состоит оброк.

ОБРОЧНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

В России есть два способа извлекать доход из поместья: крепостных либо заставляют работать на земле, либо взимают с них определенную подать, называемую оброком. Аренда в собственном смысле слова здесь неизвестна — по крайней мере, в двадцати девяти великорусских губерниях и в Малороссии.

Более половины крепостных крестьян платит в России свою подать деньгами; лишь меньшая часть обязана вносить подати натурой или работать на барщине.

Первые по своему положению стоят бесспорно выше вторых; с некоторым основанием можно даже утверждать, что если юридически они и являются рабами, то фактически они полностью таковыми не являются.

Сколь благодетелен закон, во многих странах давший крестьянам, которые работали на барщине, право заменить ее денежной платой! Например, в Вестфальском королевстве и в других странах, где в период временного французского правления была проведена сия реформа, ее оказалось достаточно, чтобы придать земледелию иной вид, вдохнуть в него новую жизнь.

Когда крестьяне платят своему барину оброк, вместо того чтобы работать на него, он предоставляет им все земли своего поместья. В этом случае он уже не ведет на них собственное хозяйство, даже не живет там, и единственное его требование к крестьянам заключается теперь в том, чтобы в определенный срок они платили ему положен-

ные деньги. Часто случается, что помещик вовсе не бывает в таких имениях. Тогда крестьяне организуют самоуправление: выбирают из своей среды старосту, и тот передает оброк хозяину.

Оброк в том или ином размере назначается с каждой головы, или души, или с каждого хозяйства (тягла). Но эти основания для установления налога часто бывают фиктивными. В действительности крестьяне облагаются в соответствии с количеством обрабатываемой ими земли. Но из-за этого происходит частый передел земли, что ведет к довольно значительным неудобствам. Ведь крестьянин, не зная, как долго ему будет принадлежать отведенный участок, не станет ничего делать для его улучшения. Иногда, не сумев договориться, оброчные крепостные делят землю ежегодно, и тогда каждый старается извлечь из своего участка как можно больше выгоды, вовсе не заботясь об улучшении почвы.

В целом можно сказать, что оброк никогда не бывает чрезмерным; часто он даже весьма разумен. Владельцу, пожелавшему обложить своих крестьян непомерным оброком, быстро пришлось бы отказаться от своей затеи, а для увеличения дохода заставить крестьян обрабатывать землю для его личных нужд; если бы земли для этого не хватило, ему пришлось бы купить ее в другом месте и перевести туда крестьян. Бессовестные помещики иногда применяют оба эти способа, но те, у кого есть стыд, воздерживаются от них, полагая такие действия преступными.

Хочу повторить, что по крайней мере половина русских крестьян, прикрепленных к земле, платит оброк и не работает на своего барина, а следовательно, испытывает меньше притеснений, чем могла бы. Это, конечно, делает честь русскому помещицкому сословию, и я счастлив, что могу об этом сказать. Печально, без сомнения, усматривать добродетель там, где наличествует только отсутствие преступления, но все-таки ничто не мешало бы помещикам поступать так, как делали и делают очень многие хозяева в России и в других странах. Такие господа — единственные, кто, с тех пор как на свете существует рабство, смягчил участь своих рабов, избавив их от необходимости работать как вьючные животные. Согласен, это ничтожная заслуга, но все-таки заслуга, и ее следует рассматривать как обстоятельство, смягчающее вину того, кто владеет своим ближним как собственностью.

Впрочем, введению оброка в России способствовала также нужда, часто толкающая людей как на зло, так и на добро. В самом деле, так как различные части империи заселены неравномерно, случается, что у помещиков, владеющих большим числом крепостных, земли мало. Как можно в таком случае занять крестьян обработкой земли? Проще обложить их денежной податью, тем более что в местностях, где населения много, а земли не хватает, крестьяне обычно занимаются каким-либо ремеслом, что облегчает уплату денежного оброка.

Некоторые оброчные крестьяне весьма зажиточны. Иностранец, прибывший в воскресный день в деревню, принадлежащую какому-нибудь крупному помещику Ярославской или Владимирской губернии, решил бы, что он грезит, увидев рабов, прогуливающих в прекрасных синих одеждах, вместе с женами, которые одеты в узорчатый атлас и парчу, украшены дорогими жемчугами.

Оброчные крестьяне редко живут дома. Так как у них мало земли, то для работы на ней они оставляют кого-нибудь из домашних, а сами уходят на сторону заниматься ре-

меслом. На зиму они часто возвращаются домой. Почти все каменщики и большая часть плотников Москвы и Петербурга приходят из Ярославской и Владимирской губернии. Ростовский уезд поставляет садовников и огородников почти для всей империи; он посылает их даже в прибалтийские губернии. Не без удовольствия узнал я однажды от одного землевладельца из Манчестера, расхваливавшего свою спаржу, что способ ухода за ней он перенял у русских огородников, занимавшихся своим ремеслом в Риге.

Эти крестьяне-ремесленники обычно работают хорошо и с усердием, не пьют, отличаются честностью и добропорядочным поведением. Они красивы лицом и высоки ростом; в последнем отношении особенно выделяются ярославские крестьяне. Видя, что рослыми почти всегда оказываются крестьяне, не работающие на земле, а занимающиеся ремеслом, я пришел к убеждению, что своим физическим преимуществом они обязаны только образу жизни и характеру работы. Наблюдая за крестьянами в своем родовом имении, я вновь имел возможность в этом убедиться: крестьяне, работавшие на барщине, имели жалкий и убогий вид, а оброчные крестьяне из соседнего села были большей частью здоровыми и действительно красивыми.

Цена на свободный труд в России вообще высока, как и во всех молодых государствах, где население имеет возможность возрастать без помех. Крепостное состояние части рабочих ограничивает конкуренцию и этим, быть может, содействует высоким ценам. В течение летних месяцев каменщик или плотник зарабатывает за день столько, сколько ему нужно, чтобы прожить четыре-пять дней, так что к зиме он приносит домой достаточно денег для расходов семьи, для уплаты казенной подати и оброка.

У крупных землевладельцев почти все крепостные на оброке. Некоторые занимаются торговлей и вступают в гильдии. Правда, они могут вести торговлю и приобретать собственность только на имя своего хозяина. Так, в некоторых торговых кварталах Петербурга и Москвы есть улицы, где почти все дома значатся принадлежащими графу Шереметеву и графу Орлову*. Крепостной не может формально владеть ничем, а закон разрешает открывать ему кредит на сумму не свыше пяти рублей. Но иногда крепостные владеют фабриками и мануфактурами. Самая большая шляпная фабрика в Москве принадлежит крепостному графа Шереметева; его состояние оценивали в пять миллионов рублей. Есть, наконец, крепостные — художники, живописцы, музыканты, актеры и даже поэты**.

Один богатый владелец рудников, живущий в Париже, пожелал иметь в своих сибирских владениях умелых смотрителей; он выписал во Францию нескольких молодых крепостных и дал им образование в лучших специальных школах. Но большинство из них по завершении учения предпочли остаться за границей, поблагодарив своего бывшего барина за заботы об их образовании.

Один из этих молодых крестьян прошел курс с большим успехом. Его хозяин обращался с ним прилично и принимал его у себя в салоне наравне с другими посетителями. Он даже дал ему по окончании учения денег на поездку по Европе. Молодой человек был очень привязан к своим родителям и желал непременно вернуться в Сибирь, где они

* В этих городах на каждом доме есть табличка с именем владельца.

** Рассказывают, что один русский помещик явился однажды в концерт своего крепостного, знаменитого скрипача, и уплатил за вход вольной.

оставались крепостными; но его беспокоила мысль, что там он, пусть даже на время, вновь окажется крепостным. Несколько раз просил он барина дать ему вольную до его возвращения в Россию, уверяя его, что в любом случае туда вернется. Он доказывал, что, освободив его, хозяин только выиграет, ибо, чувствуя себя свободным, он гораздо охотнее будет исполнять свои обязанности; мысль же о крепостной зависимости парализует его мужество и энергию. И что же? Хозяин не соглашался и отвечал молодому человеку, что тот получит свободу только тогда, когда вернется в Сибирь и займет свою должность. Недостаток доверия и великодушия, или, скорее, прихоть, лишила этого помещика услуг нескольких других учеников, отказавшихся ехать на родину, потому что им пришлось бы возвращаться к крепостному состоянию. Тот же юноша, о котором я говорю, в настоящее время живет в России. Он получил свободу благодаря вмешательству Александра фон Гумбольдта: великий натуралист обратил благожелательное внимание на этого молодого человека во время путешествия по Восточной России³³.

Пропорциональна ли подать крепостных их состоянию? Нет. Богатые крепостные, живущие вдали от дома, платят барину такой же оброк, как и остальные его крестьяне. Что же мешает владельцам предоставить им возможность выкупиться? Конечно, отнюдь не равнодушные крепостных к благу, именуемому свободой; всерьез утверждать что-либо подобное не решились бы даже самые стойкие защитники крепостного права. Хозяев удерживает только тщеславие: из тщеславия противятся они освобождению даже тогда, когда за него платят золотом. Шляпный фабрикант, о котором я упоминал выше, узнав, что его барин сильно нуждается в деньгах, предложил ему за свою свободу 800 000 рублей и получил ее за эту цену.

Один мой приятель, путешествуя по Центральной России, остановился на ночь в деревне, принадлежащей графу Шереметеву. Ему оказал гостеприимство один из именитых местных жителей, владелец каменного двухэтажного дома (что в русской деревне большая редкость), угостил его хорошим ужином, во время которого приказал подать шампанского. Зал был обставлен мебелью красного дерева, на стене висел портрет графа. В разговоре мой приятель заметил хозяину дома, что тот, вероятно, очень любит своего барина, раз наслаждается богатством, о коем свидетельствовало все вокруг: «Конечно, — печально отвечал крестьянин, — я не могу не питать благодарности к моему барину, он хороший человек! Но если бы он согласился дать мне свободу, я бы охотно отдал ему и дом, и остальное добро, стоимость коего достигает 600 000 рублей».

Особенно странно, что среди крестьян графа Шереметева некоторые сами владели землей с крепостными. Эти крепостные второй степени (крепостные крепостных) были все записаны на имя графа и по закону считались его собственностью. Впрочем, ни ему, ни кому-либо другому никогда не пришло бы в голову их присвоить. Между тем в случае насильственного отчуждения рабы рабов, несомненно, разделили бы участь остальных крестьян графа; все они могли быть проданы с публичных торгов вместе с землей, на которой жили.

В случае же, когда наследник помещика несовершеннолетний, право собственности крепостных, владеющих недвижимым имуществом, не только страдает, но и вовсе уничтожается. Так, после смерти графа Шереметева опекуны его младшего сына не замедлили завладеть большими капиталами, принадлежавшими крепостным крестьянам; кажется,

расстроены средства не позволили молодому человеку и после совершеннолетия возвратить настоящим владельцам незаконно приобретенное богатство.

Совсем недавно умер один из дворовых графа Шереметева, проведший свою жизнь в Москве и занимавшийся торговлей. После себя он, помимо других средств, оставил сто пятьдесят тысяч рублей, положенных в ломбард. Его дети, которых он сумел выкупить из крепостной зависимости и которые, став свободными, приписались к купеческой гильдии, естественно, заявили права на отцовское наследство. Но граф, со своей стороны, потребовал его себе, основываясь на праве собственности на покойного и утверждая, что капитал должен разделить участь владельца. Начался процесс. Судьи, разумеется, стали на сторону хозяина покойного крепостного; вся сумма была признана принадлежащей ему, он получил ее, а дети лишились наследства, скопленного их отцом великими трудами. Таково писаное право в России! Такова нравственность русского законодательства! Негры во французских колониях только что по новому закону получили право наследования; несчастным русским рабам придется завидовать даже этим жалким существам! И одна-ко — повторяем, — Россия подписывала соглашения, осуждающие и клеймящие положение чернокожих!⁵⁴ Не справедливее ли отдать детям плоды трудов их родителей? Впрочем, подлость закона не уменьшает подлости господина, который им воспользовался, особенно в России, где подобные хищения не освящены обычаем.

Иногда крепостные крестьяне, нуждаясь в большем количестве земли, чем может дать им барин, покупают пустующие близлежащие владения. Эти покупки тоже совершаются на имя господина, и если речь заходит о продаже имения, то только от доброй воли покупателя зависит, оставит ли он крестьянам это собственность, или отберет ее у них.

Так как определенного благосостояния и благополучия могут достичь только оброчные крестьяне, расскажу здесь о злоупотреблении, примеров которого в России было множество.

Те, кто знает, что такое рекрутский набор в этой стране, не станут удивляться, видя, как, стремясь избежать его, несчастные прибегают к любым доступным средствам и идут на всевозможные жертвы. Так, богатые крестьяне за счет всей общины покупали у какого-нибудь мелкого помещика землю с крепостными и брали с нее всех рекрутов, которых были обязаны поставить. Нетрудно догадаться, в каком состоянии пребывали несчастные жертвы, проданные своим господином более многочисленной общине*. Наконец правительство запретило подобные замены. Когда было обнародовано это распоряжение, мне привелось видеться с одним старым вельможей, князем Г., у которого были огромные поместья в Ярославской губернии, где он постоянно проживал; однако на этот раз, изменив своим вкусам и привычкам, он приехал на несколько месяцев в Москву. Сей достойный человек говорил, что уехал он потому, что был не в состоянии выносить слезы, горе и отчаянье своих крестьян перед новым рекрутским набором после запрета заместительства. До сих пор, прибавил он, всех рекрутов, которых должны были поставлять его крестьяне, они набирали с земель, купленных ими на счет общины; теперь же они были вынуждены отдавать собственных детей!

* Есть еще несколько способов избежать рекрутчины, выставив за себя другого, но они трудны и применяются редко.

БАРЩИННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

За оброчными крестьянами, составляющими, как мы видели, большинство, идут *барщинные* крестьяне, которые вместо денег вынуждены уплачивать подати натурой; они самые несчастные. По установленному обычаю, подтвержденному распоряжениями правительства, каждый барщинный крепостной должен трудиться на господина три дня в неделю. Кроме того, помещики взимают еще ряд податей яйцами, медом, иногда птицей и даже бараниной. Но и это не все: женщинам, помимо работ в поле, положено за зиму спрясть барину известное количество льна или шерсти, крестьяне обязаны поставлять ему в это время года телеги для перевозки леса, хлеба и других продуктов. Обыкновенно все эти повинности и дополнительная барщина определены раз и навсегда, и разумные помещики редко позволяют себе их увеличивать; только во время неотложных летних работ, снокоса и жатвы, от крестьян обыкновенно требуют на несколько дней больше.

Я спросил как-то одного помещика, почему он считает себя вправе требовать от крестьян, помимо трех рабочих дней, добавочные подати в виде кур, ягнят и пр. «Это справедливо, — ответил он мне. — Когда они женятся или обзаводятся хозяйством, я даю им кур и овец; а это лишь проценты с капитала, который я им ссудил, и они платят их ежегодно». Вот подход, дающий возможность всегда оставаться в барышах.

Если в имении достаточно земли, а подати и добавочные повинности нечрезмерны, крестьяне, даже работая на помещика три дня в неделю, могут жить сносно; если же помещик честный человек и хоть немного входит в их интересы, то и они иногда достигают некоторой степени благосостояния. Благосостояние это, по правде сказать, весьма умеренное и, как почти всюду в России, состоит в обилии предметов первой необходимости. Однако оно никогда не приближается к зажиточности, коей обладают оброчные крестьяне. Для тех, кто никогда не видит помещика, он своего рода отвлеченное понятие; барщинные крестьяне ни на минуту не могут забыть о человеке, властвующем над ними так же, как они над своим скотом.

Вот факт, подтверждающий наши слова. После смерти старого графа Шереметева, когда дела во время несовершеннолетия его наследника были запутанны, опекуны сочли нужным продать одно имение с двумя или тремя тысячами крестьян. Последние были так напуганы переменой своего положения, что взбунтовались против ввода покупателя во владение. Началось восстание, и властям пришлось усмирять его при помощи военной силы. Волнения были подавлены, многие несчастные приговорены к наказанию кнутом и вечной ссылке в сибирские рудники. Хотя крестьяне прекрасно знали, что они крепостные и поэтому могут быть проданы или куплены, но по привычке думали, что могут принадлежать только графу Шереметеву, и не желали иного обращения, нежели то, к которому они привыкли в этом семействе.

Отсутствие помещика выгодно не только русским крепостным; это выгодно поданным даже в тех странах, где рабство неизвестно, но взаимоотношения помещиков и крестьян осложнены другими обстоятельствами. Так, в Ирландии крестьяне, живущие на землях отсутствующих помещиков (*absentees*), богаче других крестьян. Не доказывает ли это еще раз справедливость выражения: «Чем меньше над тобой начальства, тем лучше»?

Когда крестьяне состоят на барщине, помещик обыкновенно отдает им большую часть своих земель, которую они делят между собой и возделывают каждый для себя; оставшуюся же землю крестьяне обрабатывают для него; продукты с нее он продает. Помимо этого он позволяет им брать в лесах все, что нужно для обогрева и постройки жилища.

Таково обычное правило для барщинных крестьян. Но, к несчастью, существуют бесчисленные исключения. В общем, положение крестьян тем лучше, чем богаче помещик. Конечно, они немало терпят от управляющих; но здесь, как и в случае с государственными крестьянами, взятки берутся с большого числа лиц и каждый в отдельности страдает меньше. Во владениях же мелких помещиков ужасы крепостничества особенно дают о себе знать. Я вовсе не утверждаю, что все крупные помещики — хорошие господа, а все мелкие — дурные: случалось, что крупные помещики, просвещенные люди, носившие самые аристократические фамилии и проводившие часть жизни за границей, вели себя со своими крепостными самым возмутительным образом; бывали мелкие землевладельцы, поступавшие справедливо и гуманно по отношению к своим крестьянам.

Злоупотребления помещичьим правом многочисленны и часты; я имею в виду лишь то, что отступает от общего правила, которое, как и само рабство, уже является чудовищным злоупотреблением. Одни злоупотребления общество поддерживает, другие — сурово осуждает и даже требует вмешательства местных властей, хотя те почти всегда предполагают держаться в стороне, несмотря на имеющиеся у них полномочия и даже предписания закона.

К злоупотреблениям первого рода можно отнести увеличение числа рабочих дней и добавочных повинностей. Действительно, часто случается, что мелкие помещики* заставляют крестьян работать более трех дней в неделю и без стеснения увеличивают количество и разнообразие натуральных повинностей.

Вопиющие злоупотребления, которые даже в России вызывают всеобщее осуждение, весьма нередки. Таков помещик-зверь, немилосердно бьющий несчастных крепостных. Таков пьяница, насилюющий несчастных женщин и девушек, судьба которых в его власти. Таков мрачный и злобный господин, находящий удовольствие в том, чтобы мучить окружающих. Далее следуют идиоты, которые, полагая, что действуют так же, как другие, очень часто совершают — увы! — настоящие преступления. Кроме того, есть еще бездельники, находящие развлечение в осуществлении своих так называемых господских прав. Легко себе представить, куда могут завести и заводят человеческие страсти, когда объект, на который они направлены, по закону лишен и прав, и защиты. Впрочем, проклятия заслуживают не столько эти злоупотребления, сколько взрастивший их порядок вещей.

Одно из самых возмутительных злоупотреблений существует в белорусских губерниях (Витебской, Могилевской); крестьяне, проживающие там, вызывают жалость даже у русских крепостных. Там помещики сотнями и даже тысячами уступают своих крепостных подрядчикам, ведущим земляные работы во всех губерниях империи. Этих несчастных используют главным образом на постройках больших дорог и каналов. Помещик обязуется

* Я утверждаю, что это злоупотребление более свойственно мелким помещикам: именно они чаще переступают эту границу, нежели помещики крупные.

поставить столько-то людей по условленной цене, а предприниматель — кормить их по дороге и во время работ. Помещик получает деньги, а рабочие считают себя счастливыми, если их хотя бы досыта кормят, что бывает далеко не всегда. Правительственные инженеры, коим поручено руководить работами, могут требовать только, чтобы подрядчики обеспечивали этих несчастных самым необходимым. Вознаграждение же, которое получает за них барин, правительства совершенно не касается. Эти жалкие рабы построили дороги в окрестностях Царского Села и даже в парке, окружающем сей загородный дворец! Один очевидец уверял меня, что император Александр, часто посещавший эти работы, мог видеть на дорожном песке следы крови, вытекавшей из ноги одного рабочего: у крепостных строителей не было даже обуви и они босиком ходили по острым камням и булыжникам! Главный инженер как-то сказал мне, что ему приходилось постоянно спорить с подрядчиком, чтобы добиться для несчастных хотя бы приличной пищи.

Курфюрст Гессен-Кассельский в свое время продавал солдат Англии для войны с Америкой, но Англия, по крайней мере, их кормила. Их расставание с европейским континентом вдохновило одного немецкого поэта (Шуберта, умершего в крепости одного из мелких немецких тиранов, — кажется, герцога Вюртембергского)⁵⁵. Проданные русские еще ожидают своего поэта.

Другое, не менее отвратительное злоупотребление, всегда оправдываемое *необходимостью*, этим доводом тиранов, состоит в переселении крестьян из одного конца страны в другой. Помещики выигрывают вдвойне: сначала они освобождают землю от избытка проживающего на ней населения, а потом заселяют этими крестьянами целину где-нибудь в степях и заставляют их обрабатывать эти земли. Иногда гнусные спекулянты находят более выгодным сначала продать крестьян поодиночке владельцам свободных земель, а потом уступить землю кому-нибудь из соседей.

И правительство, заявляющее о желании уничтожить рабство, не только терпит подобные злоупотребления, но и освящает их своим примером, совершая еще более возмутительные тиранические поступки. В последние годы некоторые западные губернии постиг голод, и тысячи несчастных государственных крестьян вместо помощи получили приказ переселиться со своими семьями на сибирские просторы. Вместо денег на переезд им дали на все время пути жалкую субсидию — 15 копеек в день. Уверен, что в тех местах, где им предстояло жить, ничего не было приготовлено для их устройства. Представьте себе трудности путешествия, которое неизбежно занимает несколько месяцев, ибо расстояние равняется 4 или 5 тысячам километров, и совершается пешком целыми семьями, включая женщин и детей, без какой-либо помощи, кроме нескольких копеек на пищу, одежду и кров!

Если поэма Голдсмита «Покинутая деревня» («The deserted Village») находит сочувственный отклик в сердцах⁵⁶, если нельзя без глубокого волнения читать рассказ Гейне, встретившего во Франции несколько семейств немецких хлебопашцев, которые покидали отечество и уезжали в Африку⁵⁷, что же чувствуешь при виде бедных русских крестьян, оставляющих, как они говорят, *отеческие могилы* и отправляющихся возделывать для помещика какие-то отдаленные степи! Еще не забыто негодование, охватившее Европу при известии о том, что жители Парги, уступленной англичанами Али-паше, решились покинуть родину, лишь бы не оказаться под властью этого чудовища; но прежде чем уйти, они вырыли из земли и сожгли кости своих предков. Это известие вызвало повсюду отклик

сочувствия и жалости⁵⁸. И что же? Страдания, выпавшие тогда на долю несчастных парганийотов, — ежедневная участь тысяч русских крестьян.

Многие из них при переходе из одной части страны в другую умирают — либо во время пути, либо вскоре после прибытия на место. Перемена климата, нужда, а более всего тоска по родине (ведь чем человек беднее, тем крепче он держится за родную землю) удесятерляют жестокость указа о переселениях.

Одна знакомая дама показала мне как-то раз свою деревеньку близ Петербурга, застроенную красивыми кирпичными домиками; в них жили крестьяне, имевшие вполне довольный вид. «Однажды мне пришла фантазия, — рассказала она, — переселить сюда из имения, расположенного в 200–300 верстах от столицы, несколько крестьянских семейств; я велела выстроить для них эти дома и обставить их всем необходимым. В деревне, откуда они прибыли, им жилось не слишком сладко; соседство с Петербургом делало для них это место гораздо более выгодным. И что же! Несколько лет подряд я слышала только слезы и жалобы; они убежали отсюда поплакать, как они выражаются, на *отеческих могилах*. О! Я никогда не повторю такого опыта. Посмотрите: те крестьяне, которых вы сейчас видите, в основном принадлежат ко второму поколению; первое поколение уже ушло: почти все их отцы умерли раньше времени».

Однако не следует думать, что крепостные всегда отказываются покидать родину и переселяться в другие места. Иногда государственные крестьяне, не имея достаточно земли там, где они живут, просят у правительства разрешения перейти на другой казенный участок, обычно расположенный поблизости, где надеются получить надел побольше.

Иногда крестьяне либо из-за дурного обращения с ними господ, либо из тяги к бродяжничеству бросают свои дома и скрываются в какой-нибудь отдаленной местности, где их не всегда удается разыскать полиции. Беглые крестьяне составляют большую часть русского населения в Крыму. После завоевания этого плодородного края правительство, желая его заселить, смотрело сквозь пальцы на проступки тех, кто решал там обосноваться, и, если можно так сказать, покровительствовало крестьянам, прибывавшим туда из внутренних областей империи в поисках убежища от непомерной тяжести рабства.

Конечно, одного права на свободу перемещения, права покидать свои жилища, недостаточно; венгерские и польские крестьяне, имеющие это право, и не думают им пользоваться. Но как ни ничтожно само по себе это право, для русских крестьян в их рабском положении оно явилось бы истинным, огромным благодеянием, которое можно было бы приравнять даже к своего рода освобождению. С лишения этого права началось рабство на Руси; восстановите его, и рабство может исчезнуть. Едва ли освобождение, сведенное к этим мерам, было бы делом невозможным или чрезвычайно трудным.

Другим несчастьем, свалившимся в последние годы на бедного русского крестьянина, явилось устройство так называемых суконных фабрик и других мануфактур. Запретительная таможенная система, с некоторого времени принятая в России вопреки теории и здравому смыслу, и необходимость одевать армию, численность коей возросла непомерно, повысили цены на грубые сукна, и у некоторых помещиков, владельцев отлаженных суконных фабрик, появился источник огромных доходов. Завидую их успехам, другие захотели достичь тех же результатов, но, не имея ни помещения, ни необходимых

машин, решили, что могут получить их за счет применения ручного труда. Они набивали в жалкие хижинки по сотне крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, и заставляли их работать как можно больше. Хотя товары, произведенные таким способом, никуда не годились, их тем не менее покупали, и эти доходы были истинным благодеянием для помещиков. Они вели себя как люди, отдававшие свое имущество в оборот, чтобы извлечь большую прибыль. Понятно, что за эту работу крепостные, разрушавшие свое здоровье, вознаграждения не получали: алчные хозяева не понимали, что, жертвуя принадлежащими им людьми, уменьшают свой же капитал. Можно, кажется, полагать, что интересы хозяина заставляют его беречь крепостных, чьи силы составляют источник его дохода. Но увы, когда человек эксплуатирует человека, он забывает об умеренности и благоразумии, которые проявляет по отношению к животным.

Получать деньги за принудительный бесплатный труд несчастных детей пришлось по вкусу многим помещикам, и такого рода мануфактуры размножились в огромном количестве. Я помню, с каким ужасом отзывались о них крестьяне; они говорили: «В этой деревне есть фабрика», — так, словно хотели сказать: «Там свирепствует чума». Но наконец конкуренция и дурное качество значительно снизили цены на товары, произведенные подобным способом; на этот раз избыток зла принес некоторое добро: многие дворяне-фабриканты, не находя сбыта своим товарам или не соглашаясь продавать их задешево, прекратили это постыдное производство.

Но одно это вскоре сменилось другим. Россия отдала дань сахарной свекле, которая, кажется, нарочно предназначена для того, чтобы доказывать экономические ошибки и ложные теории правительств; Россия понесла от свеклы огромные потери. Зло стало еще большим из-за жадности производителей; в результате несчастные рабы получают от своих господ лишь самое необходимое для поддержания жизни! Так что когда в России едят свекловичный сахар, то нельзя даже утешаться мыслью о том, что это продукт свободного труда.

Хотя рабство русских крестьян, как мы видим, и отличается от рабства негров, оно во многих отношениях все же сходно с ним. В России, как и в колониях, помещики нередко живут со своими рабынями, а родившиеся от этой связи дети разделяют участь матери. В колониях доказательством этой преступной связи является разница в цвете кожи. В России такого доказательства нет, его заменяет сходство черт, которое в соединении с мнением общества указывает на истинное происхождение ребенка.

В одном пансионе со мною был юноша, чей слуга был очень на него похож. Когда он сердился на слугу, товарищи в шутку говорили ему: «Не сердись на своего старшего брата». И юноша первый смеялся этому, признавая факт их родства.

Два африканских негра, которых Петр I взял к себе в услужение, дошли до больших чинов и сами, равно как и их потомки, владели землями с рабами. Один из членов этих двух семейств беззастенчиво записывал крепостными своих незаконных детей, прижитых от наложниц. Было некоторое неудобство в смешении белых рабов и мулатов, тем более что цвет кожи выдавал его отцовство, но это соображение его не останавливало. Об этом я узнал от вдохновеннейшего и плодовитейшего русского поэта, потомка родоначальника одной из этих фамилий³⁹.

Недостаток ремесленников и рабочих дает себя чувствовать в России, даже в тех отраслях труда, которые в других странах распространены повсеместно. И в этом случае прогрессу противодействует рабство. У русских дворян, живущих в провинциальных городах и в поместьях, всегда есть свои портные, сапожники, кузнецы; иногда имеются музыканты, художники и даже адвокаты. Они посылают молодых крепостных в обучение в большие города или к другим помещикам. Конкуренция со стороны крепостных мастеров и художников препятствует появлению свободных ремесленников и художников, иначе число их росло бы в России так же, как и везде.

Мы уже говорили, что быть в рабстве у мелкопоместного хозяина тяжелее для крестьян, нежели у хозяина могущественного и богатого. Некогда даже знатнейшие дворяне, принадлежавшие к древнейшим фамилиям, по-доброму относились к своим крестьянам. Увы, это осталось в прошлом: дети в отношении к крепостным не следуют примеру отцов. Успехи цивилизации, которые в России слишком часто сводятся к внешним формам, ничего не дали бедным крепостным. Нередко эта неполноценная цивилизованность даже внушает господам презрение к несчастным, стенающим под игом рабства. Привычки и вкусы старых дворян, несомненно, отличались от европейских запросов их детей, но их патриархальный образ жизни более соответствовал их положению рабовладельцев.

ДВОРОВЫЕ

Говоря о рабстве в России, следует особенно упомянуть о многочисленном классе крепостных, предназначенных для оказания личных услуг господину, то есть о дворовых. Именно здесь рабство принимает самые уродливые и отвратительные формы.

Еще до прикрепления крестьян к земле в России частично существовало рабство: на положении рабов оказывались военнопленные. Случалось также, что слуги нанимались на службу к хозяину по договору, на определенное количество лет или на всю жизнь; на это люди решались обычно во времена нищеты и голода. Таких крепостных называли дворовыми или слугами по договору (кабальными холопами). Но, кажется, они могли обрести свободу, возвратив господину полученную по контракту сумму.

Дворовые (холопы) долгое время отличались от крестьян-хлебопашцев и после того, как хлебопашцы были прикреплены к земле. Только в царствование Петра I в результате переписи оба класса слились: и холопы, и хлебопашцы были записаны в книги вперемешку, и это смешение мало-помалу позволило помещикам отнимать крестьян от сохи, превращая их в дворовых.

Приказывая произвести перепись, Петр I желал всего лишь обеспечить правильное взимание подушной подати, нужной для содержания армии, и найти способ равномерного распределения рекрутских наборов. Но нововведение сие, смешавшее крепостных, прикрепленных к земле, с крепостными, принадлежавшими лично помещику, вместе с установлением подушной подати и введением рекрутчины сделало ярмо рабства гораздо тяжелее для бедных крестьян. Конечно, помещики стали отвечать и за уплату податей, и за поставку рекрутов, но легко понять, какую власть над несчастными крестьянами, прикрепленными

к их землям, дала им подобная ответственность. Очевидно также, что регулярная армия с самого начала была большим несчастьем для России.

Небольшие издержки, которых требует (или кажется, что требует) содержание дворовых, капризы моды, роскошные причуды — все это было причиной непомерного роста числа личных слуг*. Их становилось все больше еще и потому, что люди пребывали в этом классе париев из поколения в поколение, и никто не возвращался в хлебопашцы. Нередки случаи, когда полсотни человеческих существ, мужчин, женщин и детей, приписаны или считаются приписанными к помещику для личных услуг, в то время как его доход не превышает 10–15 тысяч франков. У крупных помещиков личных слуг бывает по 500 и более. Часто господа, не зная, что со всеми ними делать, разрешают иным из них жить в деревнях, к которым они принадлежат по переписи, и назначают им содержание — некоторое количество съестных припасов; в таких случаях людей этих редко употребляют для работ, так что они только вводят помещиков в лишний расход.

Несмотря на огромное количество слуг, содержание коих обходится отнюдь не дешево, русским господам служат хуже всех на свете. Чем больше слуг, тем меньше каждый из них старается. Русская поговорка говорит: «У семи нянек дитя без глаза». Впрочем, служба и труд по принуждению никогда не могут сравниться со свободной службой и трудом. Сами русские дворяне это признают, и часто слышишь, как они с ревнивым удивлением говорят о том, что живущим в России иностранцам хватает одного слуги для выполнения всех тех обязанностей, с которыми у них едва справляются десять человек. Разумеется, десять человек, как бы мало им ни платили и как бы плохо их ни кормили, обойдутся дороже, чем один или даже два человека, получающих достаточное содержание. Иногда помещик пользуется услугами только одного члена многочисленной семьи, но вынужден кормить всю семью.

Существование этой массы праздных людей порождает чудовищные причуды, довольно распространенные в России. Один помещик, живя в своем имении, завел не только собственных портных и сапожников, но и художников, певчих, музыкантов и даже труппу актеров и кордебалет. Однажды он продал другому помещику весь кордебалет целиком: танцоры, танцовщицы и все принадлежности были отправлены покупателю в фугонах, как тюки хлопка или бочки с бакалеей!

Недавно в Лондоне и Париже выступали странные артисты, которым для исполнения небольшого музыкального произведения нужно было собираться по 30–40 человек, ибо каждый из них умел извлекать из своего инструмента только одну ноту**. Все вместе они представляли своего рода орган, где каждому человеку была отведена роль одной трубы.

Есть очень забавная русская комедия, оставляющая в душе тягостное и печальное впечатление именно из-за своей забавности. Один богатый помещик, желая иметь оркестр и кордебалет, призывает к себе свою многочисленную челядь. Заметив человека с пухлыми губами, он говорит: «Вот этого Бог создал для игры на флейте», и так далее. В другой сцене, всегда вызывающей хохот в партере, балетная труппа исполняет танец;

---

* В России их называют дворовыми; чтобы не называть так же людей, находящихся при дворе, последние придумали другое название — придворные.

** Эти музыканты были отпущенными на волю крепостными; их прежний владелец дал им свободу.

как вдруг помещик чихает, и все танцоры, остановившись, почтительно ему кланяются, словно говоря: «Да благословит вас Господь!»⁶⁰

Впрочем, в этой комедии высмеивается преимущественно дурной вкус богатых выскочек; но если бы публика попыталась уловить смысл драматической притчи или применить ее к жизни, то она без труда обнаружила бы в ней критику крепостничества в целом. *Но более всего глух тот, кто не хочет ничего слышать.*

Вероятно, посмотрев на артистов, о которых мы только что рассказали, иностранцы утверждают, что русский народ наделен замечательной способностью к подражанию. Конечно, здесь не место для обобщений, и вышесказанный феномен объясняется очень просто, как и все явления подобного рода, ибо редко случается так, чтобы какое-либо качество было присуще исключительно тому или иному народу. Если в России, несмотря на недостаток цивилизации, некоторым европейским искусствам подражают значительно чаще, то прежде всего потому, что есть сословие, имеющее понятие об этих искусствах, и другое, гораздо более многочисленное, чьими способностями располагает по своей воле первое, постепенно и приучающее его к подражанию.

Кроме того, постоянно утверждают, что русские особенно легко овладевают иностранными языками, ибо слышат, что мы говорим — хорошо ли, плохо ли — на разных европейских языках. Но справедливее было бы сказать, что русские — народ, более всех пренебрегающий своим собственным языком. Действительно, в высших кругах, особенно среди женщин, многие говорят и пишут на французском, немецком и английском так хорошо, насколько это возможно на чужом языке, то есть далеко от совершенства. Однако при этом они почти не умеют говорить, а еще менее писать по-русски. Дело в том, что в России есть обычай с самого нежного возраста окружать детей иностранными боннами и гувернерами. Подобным образом дети в любой стране могли бы с такой же легкостью выучиться иностранным языкам.

Число свободных слуг в прямом смысле этого слова очень ограничено. Кроме небольшого числа наемных слуг, которых можно встретить только в некоторых богатых домах или у состоятельных иностранцев, этот класс людей состоит только из вольноотпущенных; люди не из крепостных идут в услужение крайне редко. Большинство наемных слуг — это крепостные, принадлежащие какому-нибудь помещику; ему они платят оброк деньгами, а на жизнь зарабатывают своими услугами. Они охотно нанимаются к иностранным купцам и работают у них так, как трудятся слуги везде, кроме России, то есть исполняют работу в десять раз большую, чем дворовый в русском доме. Но зато им платят и обходятся с ними так же, как со слугами у других народов.

Не могу не упомянуть здесь об одном учреждении, доказывающем, что если славных русских крестьян поместить в условия, способствующие развитию их лучших качеств, они их непременно приобретут.

В Петербурге и, полагаю, в других больших городах России есть общество, снабжающее русских и иностранных купцов, торговцев и банкиров кассирами, мальчиками на побегушках и т. п. Вырастая, они нередко становятся настоящими деловыми людьми, партнерами своих хозяев. Иногда они не только ведут коммерческие дела, но и исполняют обязанности управляющих торговых или банковских домов. Им доверяют надзор за недвижимостью, иные важные поручения. При этом они достойные люди, честность кото-

рых вошла в поговорку, всего лишь скромные крестьяне, а чаще всего — оброчные крепостные. Название их профессии (артельщик, компаньон) — уже своего рода гарантия: им без колебаний доверяют всё. Иностранцы купцы не могут нахвалиться честностью, верностью и умом этих людей. Многие лица, не ведущие торговлю, стараются поручить им управление своим состоянием. Кредит и доброе имя этого общества зиждутся на его ответственности за каждого из его членов. Не знаю, каким образом они принимают в свое общество новых компаньонов, но, вероятно, они просто доверяют этим людям, ибо мне неизвестно о существовании какого-либо закона или официального устава⁶¹.

Глава VI

Последствия рабства

НЕТ НУЖДЫ ПОВТОРЯТЬ вслед за многими, что рабство развращает человека; за все унижения, которым грубая сила подвергает беззащитную слабость, раб, сознавая свою печальную участь, платит коварством, хитростью, вероломством и низостью; но спешим оговориться, что в России рабство не имело таких отвратительных последствий. Русский крепостной не дошел до последней степени отупения, как несчастные черные рабы: в нем сохранилась искра божественного света, зажженного Создателем в сердце человеческого. Он несчастен, но далеко не так унижен и порочен, каким его могло бы сделать несчастье; некоторые прекрасные качества если и не принадлежат ему исключительно, то, по крайней мере, развились в нем с особой силой: нет человека бескорыстнее, великодушнее, преданнее, чем он. Несчастье — то же для души человека, что навоз для земли; оно делает ее более плодородной.

Но если рабство унижает раба, то господина оно унижает еще более. Так гласит старая поговорка, и долгие наблюдения доказали мне, что в ней нет ничего парадоксального. В самом деле, как может уважать собственные права и достоинство тот, кто приучен не уважать права и достоинство себе подобного? Может ли нравственное и религиозное чувство управлять тем, кто облечен властью, полностью противоречащей нравственности и религии? Постоянная возможность быть несправедливым, пусть даже ограниченная, в конце концов развращает человека и искажает его суждения. «Если униженные мира сего носят свои цепи на ногах, — сказал как-то священник из Пор-Руаяля, — то у сильных мира сего они на руках; отсюда общее стеснение, отсюда жестокость и т. д.»⁶². «Отсюда и общий упадок нравов», — вполне мог бы прибавить он.

Не прискорбно ли, что человеку, и без того порочному от природы, прививаются еще, так сказать, и искусственные пороки?

Рабовладение изначально несправедливо, и отношения между господином и рабом могут состоять только из цепи несправедливостей. У хороших господ (назовем так тех, кто не злоупотребляет своей властью в той мере, в какой мог бы) форма этих отношений

не столь отталкивающая, сколь у других, но на этом разница и кончается. Впрочем, кто сумеет вести себя безупречно, если знает, что ему не возбраняется — по прихоти или под влиянием настроения — притеснять, оскорблять и унижать себе подобного? Хорошо известно, что ни просвещение, ни цивилизация не в состоянии ничего здесь изменить; просвещенный, цивилизованный человек тем не менее остается всего лишь человеком; чтобы он никого не утратил, он не должен иметь возможности это делать; не все люди способны, подобно Людовику XIV, выбросить трость в окно, когда испытывают желание кого-то ей ударить.

В странах, где существует рабство, человеку, желающему следовать простейшим предписаниям справедливости и нравственности, приходится преодолевать самые разные трудности. В остальном мире, чтобы быть справедливым и нравственным, следует всего лишь сдерживать себя; здесь же, напротив, требуется постоянное старание, непоколебимая решимость и то упорство, которое воспитывается при помощи разума. И если здесь все же есть добродетельные люди, которые в других местах считались бы просто честными, то сколько, увы, и таких, кто, пользуясь доброй репутацией здесь, в просвещенном государстве служивал бы каторги? Но еще печальнее, что поведение, которое в странах, где не попрано человеческое достоинство, повлекло бы за собой тягчайшие наказания, здесь кажется людям вполне естественным! Вот самый плачевный результат рабства.

Жертва страдает, но страдание не развращает так, как тирания; оно может ожесточить раба, но чаще возвышает его душу. Люди, как и народы, всегда проявляют себя наиболее достойно перед лицом великих бедствий. Шиллер сказал, что не знает на земле ничего прекраснее, чем человек, мужественно борющийся с несчастьем⁶³. Если невзгоды укрепляют душу человека и облагораживают ее, то разве рабство, ужаснейшее из несчастий, не делает того же?

Сколько раз я с печалью и восхищением смотрел на рабов, переносивших свою участь с истинно христианским смирением, как посланный свыше крест, и сохранявших в пучине нищеты и разврата все доступные рабу добродетели! Ибо нельзя забывать, что часть добродетелей для него не существует.

Раб, носящий в сердце желание стать свободным, подобен преследуемому за веру; он верит в свободу, уповает на нее, молит о ней Бога; его душа возвышается, очищается этим священным желанием, общением с Божеством. Его молитва чиста, правдива и свята; прося Небо оставить ему долги его, *как и он оставляет должникам своим*, он возвышается до истинно христианского достоинства. А что же господин? Как он смеет от чистого сердца произносить те же спасительные слова? В таком случае его молитва лжива и кощунственна! Неужели, молясь о благах жизни, коим людям дозволено радоваться и коими они пользуются с благословения Небес, даже самый тупой рабовладелец осмелится просить продления и расширения тех постыдных прав, всю несправедливость которых он сам внутренне признает?

Среди американских штатов есть такие, где свирепствует рабство; но есть и другие, где оно внушает не меньший ужас, чем в цивилизованной Европе, и, несмотря на все влияние рабовладельческих штатов в Американском Союзе, среди возмущенного человечества всегда найдется Чаннинг, готовый проповедовать освобождение и проклинать торговцев людьми, которые, не довольствуясь рабским трудом, выращивают их на продажу

как лошадей или рогатый скот*. Но в России рабовладельцы царствуют и обладают собственностью, не встречая ни малейшего противодействия; никто даже рта не раскроет, чтобы упрекнуть их в несправедливо присвоенных правах.

В Америке христианские миссионеры посвящают себя делу освобождения и, рискуя жизнью, призывают к справедливости господ и дают надежду рабам. В России христианство никак не влияет на рабство, а священники не имеют голоса. Чтобы объяснить их молчание, достаточно вспомнить, в каком униженном положении находится низшее духовенство, которому принадлежит право проповедовать истины христианства. В России есть литература и даже поэзия, но, судя по всему, ни та, ни другая не замечают существующего рядом рабства; но разве страдания рабов могут не трогать благородные сердца? Русские поэты восхищаются Шиллером и Байроном, знают наизусть Вольтера и Руссо, в меру сил тянутся за учителями человечества, но остаются глухи к рабству и немы перед ним! В последнее время они пожелали попробовать себя в поэзии национальной и пишут обо всем, за исключением самой главной и достойной размышления темы — рабства, которое, увы, также остается национальной особенностью. Отвлечшись на время от обычных сюжетов, от многократно описанных красот природы или роскоши императорских резиденций, они нередко говорят о более серьезных вопросах; тогда, пожалуй, они касаются рабства политического, бичуют его в превосходных стихах, но рабство в собственном смысле этого слова, рабство гражданское никогда не вызывает негодования у их музы. Об этом я постоянно с ними спорил⁶⁵. Самое резкое выступление против рабства произошло более полувека назад; его предпринял гениальный человек (Фон-Визин), который обессмертил свое имя, создав лучшие комедии из написанных на русском языке**. Это еще одно доказательство того, о чем мы говорили выше: в России так называемые успехи цивилизации нисколько не способствовали освобождению крестьян. Шестидесят лет назад в периодической печати стали появляться статьи против рабства, но современная пресса хранит на этот счет глубокое молчание. Прежние писатели, менее самолюбивые и более добросовестные, не предавались гордыне, подобно писателям наших дней, отказывающимся смотреть на сие зло под тем благовидным предлогом, что оно слишком отвратительно. Ранее, видя язву, терзающую им подобных и позорящую их отечество, они умели хотя бы проклинать и бичевать ее, как подобает каждому человеку с душой и сердцем. Теперь они говорят, что всякий протест бесполезен, так как рабство осуждает всякий просвещенный человек, и время само решит сию задачу. Что за вздор! Разве можно уничтожить несправедливость преждевременно? С другой стороны, разве поэту пристало рассуждать о сущности зла и способах его искоренения? Его назначение — показать зло во всей его наготе

---

* Смотрите восхитительную брошюру Чаннинга в форме письма к К... о предполагаемом присоединении Техаса к Соединенным Штатам и его книжку о результатах освобождения негров в английских колониях⁶⁴.

** Одно из самых известных произведений этого писателя, сатира в форме письма к слугам, увидело свет при довольно любопытных обстоятельствах. Рассказывают, что императрица Екатерина II устроила в Москве во время масленицы несколько публичных празднеств и в том числе большой бал-маскарад. После празднеств особым приказом было объявлено, что московские типографии в течение трех дней могут печатать все что угодно без цензуры. Тогда и вышло в свет послание Фон-Визина. Неизвестно, появились ли в это время другие произведения подобного рода⁶⁶.

и тем внушить к нему еще большую ненависть. И что же? Чума вдохновляет поэтов, но они молчат при виде рабства, ужаснейшего из бедствий, терзавших человечество!

Могут же русские сатирики иной раз приходить в благородное негодование при виде гнусностей абсолютной власти, упадка нравов, взяточничества чиновников; все злоупотребления, кроме рабства, становятся мишенями для их острых стрел, в мучителей же человека не литит не единой стрелы.

Если это зло, не встречая в русском обществе никакого препятствия, никакой преграды, свободно простирает свое тлетворное влияние на два самых значительных сословия (одно — по положению, другое — по численности*), то разве может остальная часть нации не ощущать его убийственных результатов, могут ли не меняться коренным образом ее нравы? Характер народа, численность которого составляет 50–60 миллионов, без сомнения, отмечен язвами рабства! Напрасно те, кто владеет рабами, это отрицают! Немолимая логика фактов говорит громче ваших софизмов. Рабство — это проказа, заражающая всех, кто с ним соприкасается. Всегда видя вокруг себя раболепство, вы сами привыкаете раболепствовать, и к вам заслуженно можно отнести слова Тиберия, обращенные некогда к римским сенаторам: «O homines ad servitutem paratos!»**⁶⁸

Невозможно оспаривать влияние рабства на промежуточные сословия. Находясь между дворянами и рабами, они приобретают привычки и нравы тех, к кому оказываются ближе. К одним же или к другим их могут приближать обстоятельства, не зависящие ни от их прав, ни от законных преимуществ и сами по себе значения практически не имеющие; в итоге мы видим если и не до конца справедливую, то, во всяком случае, позорную и прискорбную картину — многочисленный народ, целиком состоящий из господ и рабов. Привилегированное сословие отличается от обездоленных внешним видом, и все, кто к нему принадлежит или делает вид, что принадлежит, равно дурно обращается как с рабами, так и с теми, кто лишь одевается так, как обычно одеваются крепостные. В России костюм имеет чрезвычайное значение; одежда дворян отличается от одежды рабов; промежуточные сословия, подражают либо тем, либо другим. Одежда крепостных — это русский национальный костюм; отличительный признак — борода. И что же? Дворяне и те, кто бреется на европейский манер, с известным пренебрежением смотрят на свободных крестьян, мещан и купцов, носящих бороду; трудно даже представить, сколько неприятностей, какое дурное обращение навлекает национальный костюм на тех, кто хранит ему верность.

Если от нравственных последствий рабства перейти к результатам чисто материальным, перед нами предстанет не менее печальное зрелище. Под сенью произвола не могут процветать ни земледелие, ни промышленность, ни торговля; им нужен открытый воздух и свет свободы.

Земледелие, главный источник национального богатства, находится в России в самом плачевном состоянии и останется таким до тех пор, пока земля не будет обрабаты-

* Число крепостных в России превышает 11 миллионов. Согласно восьмой ревизии (переписи) их было 11 365 793⁶⁷.

** О люди, созданные для рабства! (*лат.*)

ваться свободными людьми. При всех необходимых знаниях и искреннейшем стремлении применить их землевладельцы не в состоянии получить выгоду от своих земель, пока их возделывают рабы: почва словно отказывается плодоносить, когда к ней прикасаются рабские руки.

Есть и частная причина, в целом также обусловленная рабством; речь идет об исключительности права владеть землей, что в свою очередь удерживает земледелие на крайне низком уровне. Помещики, являясь господствующим сословием, часто отвлекаются от своих занятий по причине государственной службы или иных обстоятельств; в крупных поместьях — именно там, где от земледелия можно ожидать наибольших успехов, хозяева живут крайне редко (в других отношениях это, как мы видели, даже во благо). Мелкие же землевладельцы, как правило, остаются *прежде всего рабовладельцами* и поэтому вовсе не думают о том, чтобы сколько-нибудь улучшить обработку земли. Излишне говорить, что прогресс не может исходить от крепостных; нельзя его ожидать и от государственных крестьян: они недостаточно долго владеют обрабатываемой ими землей, ибо вынуждены постоянно обмениваться участками. Наконец, класс фермеров почти неизвестен в России. Можно утверждать, что если эта страна и сделала за последние один-два века некоторые успехи, то отнюдь не в области земледелия: со времен Петра I земля обрабатывалась как нельзя хуже.

Не в лучших условиях находится и торговля. Если вспомнить, что купеческое сословие занимает положение между дворянством и крепостным крестьянством, то нетрудно будет понять, почему этот второй источник народного богатства не дает того дохода, которого можно было бы ожидать. Купечество ничего не выигрывает от соседства с дворянами и страдает от соседства с крестьянами, к коим оно ближе; оно, пожалуй окружено той же атмосферой, что и класс обездоленных, и также испытывает ее тлетворное воздействие.

На фабрики и заводы рабство влияет еще более пагубно, чем на земледелие; им и вовсе невозможно процветать там, где труд несвободен. Впрочем, если бы и не было рабства, распространению мануфактур препятствовали бы огромные пространства земли, доступные распашке и обработке: рабочие не станут обрекать себя на тяжкий труд в четырех стенах, когда земля доставляет им средства к жизни более легким путем.

Между тем русское правительство, подобно всем прочим правительствам, во что бы то ни стало добивается создания фабрик и мануфактур, поощряя их устройство даже в ущерб истинным интересам народа. Среди разнообразных мер, принятых с этой целью, была одна неизбежная: разрешение купцам первой гильдии приписывать (как это делают дворяне) к своим фабрикам крепостных. Результаты этой привилегии оказались ничтожны; она принесла какую-то пользу только на разработке самых отдаленных рудников Сибири.

Многие фабрики и мануфактуры принадлежат дворянам. Я не говорю здесь о маленьких фабриках, устраиваемых некоторыми помещиками у себя в имениях, где в основном производят холсты и ткют шерстяные материи; на них заняты дворовые, не работающие на земле. Но, говоря о национальной промышленности, подобные предприятия нельзя принимать в расчет. Фабрики и мануфактуры, принадлежащие дворянам, довольно далеки от правильного коммерческого устройства и используют в качестве рабочей силы исключительно крепостных. Но помещики понимают, что если из несвободного труда на

земле еще можно извлечь определенную прибыль, то получить удовлетворительные результаты там, где требуются также знания и опыт, совершенно невозможно; они сознают необходимость заинтересовать рабочего в его труде и назначают крепостным некоторую плату, которая, как и на свободных фабриках, определяется характером работы и навыками того, кто ее исполняет. Плата эта весьма скромна, но если учесть, что у рабочего, как и у всех крепостных, есть изба и клочок земли, можно прийти к выводу, что помещик платит своим работникам слишком много — именно потому, что они не перестают быть крепостными. Если бы у помещика-фабриканта были только свободные рабочие, ему, пожалуй, пришлось бы платить им значительно больше; но, с другой стороны, он мог бы сам отбирать людей и не обязан был бы давать им дом и землю. Таким образом, рабство вредит рабу и не приносит пользы господину, неся в себе пагубное начало и для одного, и для другого. «*Res detestabilis et caduca!*» — повторим мы вместе с лордом Чатэмом⁶⁹.

Мелкая промышленность и мелкая торговля требуют меньше капиталов и даже меньше свободы. Но если они процветают в России, то причина сего не столько в их собственной природе, сколько в удивительной способности русского народа к промышленности вообще и к мелкой в особенности. Впрочем, это процветание сходно с коммерческими успехами бедных евреев, которых на ночь запирают в *гетто*. Как бы то ни было, эта отрасль национальной промышленности весьма быстро идет вперед, приносит плоды, и в ней русские даже превосходят евреев. Ибо, не ограничиваясь, как евреи, торговлей разным старьем, они занимаются любыми приносящими доход видами мелкой торговли. Они развивают удивительную деятельность, и иногда даже можно подумать, что речь идет о настоящих коммерческих предприятиях. Петра I просили разрешить евреям свободно заниматься торговлей. «Бесполезно, — ответил он, — евреи будут первыми жертвами, ибо, как они ни хитры, русские все равно их обманут»⁷⁰.

Скажем наконец несколько слов о воздействии рабства на просвещение и цивилизацию.

Просвещение! Цивилизация! Рабство! Поистине перо отказывается соединять столь не подходящие друг к другу слова!

Какое просвещение может быть там, где факел христианства еще не рассеял сумерки варварства; какая цивилизация — там, где человек поработен человеком!

Однако в этой стране существует книгопечатание, и если не на деле, то, по крайней мере, в теории известны заповеди христианской религии. Так что, говоря о просвещении и цивилизации, приходится упоминать и Россию.

Распространять просвещение и цивилизацию трудно везде, в том числе и там, где эгоизм и развращенность не ставят им искусственных преград. И тем не менее вопреки всем трудностям добро продолжает шествовать вперед и в конце концов приносит плоды, особенно если его признают за таковое и не пытаются отрицать. Но когда в рабских странах речь заходит о некоем великом благе, например, о народном образовании, мгновенно возникает вопрос: а нужно ли просвещать рабов? Будет ли это для них благом?

⁶⁹ Power without right is the most detestable object that can be offered to the human imagination; it is not only pernicious to those whom it subject, but works its own destruction. *Res detestabilis et caduca!* [Сила без права — самое отвратительное, что только может вообразить человек, губя владеющего ей, она истребляет и самое себя. Вещь гнусная и обреченная на гибель! — *англ., лат.*].

И будет ли это благом для страны? Ведь, получив образование, они еще острее ощутят несправедливость своего положения! Не поколеблет ли это безопасность государства? Ибо рабы, получив образование, вряд ли захотят и далее быть рабами! Вот что получается, когда в стране господствует рабство! Там вынуждены сомневаться в том, что безусловное благо действительно является благом! Увлекаемые силой вещей и стремясь быть последовательными, правители всячески препятствуют проникновению просвещения в душу бедного раба. «The schoolmaster is abroad», сказал лорд Брум⁷¹; но напрасно бы он стучался в дверь, которая отгораживает раба от мира познаний.

В рабских странах просвещение и цивилизация не только сталкиваются со всякого рода препятствиями; в них они неизбежно подвергаются искажению и принимают ложное и дурное направление. Правителям таких стран должен быть неприятен целый ряд отраслей человеческого знания. Там могут развиваться точные науки, но лишь до некоего предела, ибо прогресс без свободы^{**} невозможен. Но в каких бы туманных и усеченных формах ни преподавались гуманитарные, а особенно политические науки, оказывающие огромное влияние на благополучие и, следовательно, на цивилизованность современных народов, они непременно заденут одних, привлекут внимание или любопытство других и, наконец, сотрясут до основания все чудовищное здание, которое зиждется на рабстве. Возьмем, к примеру, политическую экономию. В наши дни народы и правительства не имеют права не знать ее; но этой науке нужна независимость и свобода, ибо она требует свободы для промышленности и торговли, доказывая, что при свободе все процветает, а запреты, регламенты и тарифы развитию и процветанию только мешают. Но как можно преподавать науку о том, как сделать жизнь счастливой и благополучной, в стране, где есть только одна свобода — причинять зло себе подобным? «Дайте мне одну лишь Библию, — вскричал доктор Чалмерс, — и я, сделав ее архимедовой точкой опоры, переверну мир»⁷³. А я, в свою очередь, скажу: позвольте свободно и достойно преподавать в России политическую экономию, и вы увидите, как быстро рухнет там рабство! Но, повторяю, как может политическая экономия получить кафедру там, где нет трибуны для свободы? При этом правительство желает, чтобы она преподавалась в России, и это делается, но, по вполне понятным причинам, делается неполно и иначе, чем в других странах. И наука эта предстает в извращенном и обезображенном виде.

То же самое происходит и с другими гуманитарными и политическими науками. Но более всего портят, калечат и постоянно выворачивают наизнанку историю. Настоящее может многому научиться у прошлого; впрочем, эти уроки не всегда оказываются в согласии с существующим порядком вещей. Тогда преподавателям приходится изменять события и учреждения, дабы приспособить их к желаемому. Даже в странах, цивилизованных иначе, нежели Россия, историкам приходилось рассказывать детям, как *маркиз де Буонапарте*, генералиссимус его христианнейшего величества короля Людовика XVIII, в такой-то год и день от имени этого государя занял Вену.

---

⁷¹ Жизнь за границей — лучший наставник (англ.).

^{**} Инструкции для профессоров астрономии и геологии, изданные в последние годы царствования императора Александра, предписывали преподавать только те истины, которые в точности соответствовали изложенному в книге Бытия⁷².

Взгляните теперь, как первый русский историк изобразил важнейшие события в истории народа, которые следовало бы особенно хорошо знать и понимать. Помог ли абсолютизм русскому народу сбросить иноземное иго — вопрос спорный. Даже если он и способствовал единству действий власти, то следует ли отсюда, что мы должны так же восхвалять и превозносить самодержавие, как это делает Карамзин, чей труд является не чем иным, как длинной речью в защиту деспотизма? Но справедливости ради напомним: нельзя забывать, в каких условиях трудился историк. Мог ли он свободно и всесторонне исследовать вопрос? Ему было разрешено хвалить, то есть льстить*, но разве дозволено ему было клеймить то, что осуждала его совесть? Понятно, что введение рабства, этой постыдной язвы, разъедающей нравственность и сознание русских, заслуживает глубоко обдуманного рассказа. Однако, читая об этом в истории Карамзина, никогда не подумаешь, что речь шла о политической мере, в ряде отношений на века определившей судьбу всего народа: автор говорит о введении рабства как о простом полицейском распоряжении⁷⁵. Возможно, царю, его установившему, оно таким и казалось; но историк обязан вникнуть в суть вопроса, изучить характер и особенности этого института, проследить его распространение и развитие, показать его следствия и заклеймить их. Но разве в стране, где и писатели, и читатели — дворяне, а следовательно, рабовладельцы (ибо народ ничего не читает), можно ожидать от историка правды о рабстве? Для извращения истории достаточно одного деспотизма; когда же к нему присоединяется еще и рабство, то правды от нее ожидать и вовсе бессмысленно.

Однако не так давно в России вышло в свет сочинение по истории страны в эпоху введения рабства, автор которого пишет с гораздо большей свободой, чем Карамзин⁷⁶. Конечно, он далек от всестороннего рассмотрения проблемы, от описания всей тяжести этой меры, однако уверяет, что население восприняло указ Бориса как насилие, и одной из главных причин падения царя, основавшего систему рабства, считает ненависть к нему поработанного народа.

Справедливые и вечные учреждения, существовавшие в древности, но не соответствующие современному порядку вещей, в рабской стране не могут стать предметом серьезных и добросовестных исследований историков; напротив, рвение чаще всего заставляет их искажать факты, представлять их в ложном свете, а лучшее преподносить как бесполезное и даже опасное — и все это ради прославления настоящего за счет минувшего. Однако есть ряд учреждений, польза которых слишком очевидна, равно как их справедливость и свободный характер; подобные учреждения нельзя извратить, поэтому их обходят молчанием. Благодаря инстинкту самосохранения, присущему институтам так же, как и людям, деспотизм делает все, чтобы народ забыл или не смог узнать того, что ему следовало бы знать прежде всего. Так, теперь в России уже почти никому не известно, что народ некогда пользовался славным норманнским учреждением — судом присяжных, который в наше время цивилизованные народы считают одной из самых прочных гарантий правосудия и свободы. Более того, в России враги свободы сумели до известной степени запятнать самое звание присяжного. В этой стране оно присвоено людям самой презренной профессии, а именно кабатчикам; эти мелкие промышленники,

* Первый из русских поэтов, Державин, сказал в одном удивительном стихотворении: «Раб и похвалить не может, он лишь может только льстить»⁷⁴.

получающие барыши только при помощи использования фальшивых мерок (ибо закон обязывает их продавать водку по той же цене, по какой они ее покупают), называются *целовальниками*, то есть людьми, *целовавшими крест*, иными словами, приносившими клятву, принимавшими *присягу*.

После всего сказанного нетрудно представить, как русские авторы излагают историю республик Великого Новгорода и Пскова; впрочем, в этом случае, они заслуживают скорее сочувствия, нежели порицания. Самый снисходительный деспот никогда не перенесет восхваления силы, величия, богатства и процветания республик, единственных за все время существования русского народа; только они озаряют всю его историю, но сколь ни ослепительно это сияние, оно не оскорбляет нравственности и дает отраду сердцу. Обе республики, в особенности Новгородская, были слишком могущественны, чтобы историки могли писать о них поверхностно. Они исчезли, но, великий Боже, как и когда! Это случилось в то время, когда в России начала устанавливаться единая и самодержавная власть! Какое счастливое совпадение для русских историков! Как радуются эти уподобившиеся римлянам гордецы сему благородному предлогу! С какой уверенностью утверждают, что уничтожение вольных городов было необходимой жертвой, принесенной ради величия государства. Да будет эта глупая ложь на их совести!

Пагубно влияя на всю общественную жизнь, рабство неизбежно затрагивает и язык, на котором говорит и пишет народ. Как может язык приобрести чистоту и благородство, если одни пользуются им лишь для того, чтобы приказывать и заставлять повиноваться, чтобы выражать свою волю, зачастую слепую и безрассудную, но всегда непреклонную, а другие прибегают к нему только для лести и лжи, для выражения немедленного подчинения и постоянной готовности исполнить все, что сильный приказывает исполнять слабому? Великодушные помыслы, возвышенные чувства, внушаемые защитой священных прав человечества, пробуждаемые исследованием нравственных и политических истин; свободные, искренние излияния доверия и дружбы, смягчающие душу и располагающие ее к проявлениям милосердия и братства; стремление к прекрасному и высокому, возносящее духовные интересы над материальными, — все это сильнейшим образом содействует нравственному совершенствованию человека, но в стране, где мысль и речь несвободны, язык не находит слов для сих возвышенных материй. И, признаюсь откровенно, мучительнейшие страдания причиняет мне сознание того, что мой родной язык служит только для выражения дурных человеческих страстей, а слов для изъявления доброты, сочувствия и величия человеческого сердца в нем нет.

Впрочем, частое злоупотребление словами и выражениями встречается и в языках самых цивилизованных народов, поэтому отличие русского языка от них почти незаметно. Только несоответствие между словами и их истинным смыслом в России чудовищнее, чем где-либо, и если, например, в других странах так называемый *общественный порядок* устанавливается и поддерживается жандармами, то в России для этого служит лицо, которое граф де Местр называет *замковым камнем в своде общественного здания*, иначе говоря, палач⁷⁷.

Злоупотребление словами возникло и сохраняется не столько из-за бедности языков, сколько вследствие отвращения людей к называнию вещей своими именами; это явление

приобрело такие причудливые формы, что появилась даже поговорка: «Речь дана человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Когда вещь дурна сама по себе, ее легче всего выдать за хорошую, изменив ее название. Но, смягчая названия безобразных явлений, люди поступают как эгоисты, отводящие глаза от несчастного страдальца, ибо проще не видеть, чем помогать. Человек по своей природе склонен обманывать — если не других, то самого себя, если заблуждение удобно для его эгоизма. Если бы многие вещи постоянно называли или, вернее, клеймили их собственными именами, характеризующими их с наибольшей точностью, то они бы долго не просуществовали. Поэтому те, кому выгодно дурное, предпочитают облекать его в названия, приятные для слуха. Всемогущую, безответственную и творящую произвол власть следовало бы называть слепой и чудовищной, но ее называют властью *неограниченной!* А когда этот термин становится избитым, а значит, понятным, берут слово из мертвого языка и говорят: *автократическая власть!* Далее, монархию, основанную на этой власти и являющую собой пример бессмысленной тирании, именуют *чистой монархией!* Чистой значит свободной не от какой-либо опасной примеси, а от народного права, то есть от всего доброго и от здравого смысла. Злоупотребление словами доходит до смешного, — например, *отеческим* называют такое правление, в основе которого лежит исключительно прихоть.

Иногда люди готовы признаться, чем они занимаются; но они обижаятся, когда их деятельности дают соответствующее определение. Поэтому палача называют *исполнителем высшей воли*. Самый жестокий деспот не желает называться деспотом, а предпочитает именовать себя неограниченным или самодержавным монархом. Дворяне в России занимаются торговлей, так как продают хлеб, производят сукно и полотно; однако они оскорбятся, назови вы их купцами или фабрикантами. Не желая признаваться в том, что занимаются торговлей, они вместо «я продал» чаще говорят «я уступил». Иконы продаются в России точно так же, как и прочие предметы; но вместо того, чтобы сказать: «я продал или купил образ», говорят: «я выменял образ». Вспоминаю одно распространенное выражение, указывающее на это нежелание называть вещи своими именами. Когда рабов, например дворовых, продавали без земли, то писали просто: «Продается такой-то человек». Однажды император Александр, увидев объявление: «Продается человек, хороший слуга, столько-то лет...», возмутился и запретил впредь печатать такое⁷⁸. С тех пор, вместо того чтобы сказать: «Такой-то человек *продается*», стали говорить: «Такой-то человек *отпускается в услужение в качестве* повара, кучера, лакея и т. п.» Императрица Екатерина пошла еще дальше: она издала торжественный указ, согласно которому из словаря русского языка вычеркивалось слово «раб»; напыщенные оды восславили это монаршее великодушие⁷⁹.

В языках встречаются слова, указывающие на то, в каком обществе живут говорящие на них народы. Так, восточные языки изобилуют оборотами, выражающими подчинение и самоуничтожение; народам Запада эти обороты незнакомы. В русском языке есть речения, отражающие рабское состояние народа. Например, прошение именуется *челобитной*, что означает буквально *бить лбом о землю*.

Расстояние, отделяющее господина от раба, в такой стране, как Россия, сказывается даже в самых обыденных выражениях. Во всех европейских языках естественные потребности человека имеют одно наименование для всех: великих и малых, богатых и бедных; будь ты король или дворянин, о тебе скажут, что ты *спишь*, так же как *спит* бедняк, при-

корнувший под забором; богач, обедающий у Вефура, ест, как и тот, кто на обед довольствуется лишь куском хлеба. В России дело обстоит иначе: низший не скажет про высшего: «он ест», а только «он кушает» или, скорее, «изволит кушать»; высший не «спит», а «изволит поживать». Подобные проявления неравенства характерны для общества, где одна сторона вольна творить произвол, а другая вынуждена слепо подчиняться: тут границы здравого смысла нарушаются на каждом шагу. Выражение «изволит» настолько вошло у рабов в привычку, что иногда они говорят: «он изволил упасть, ушибиться, захворать» и т. д.

Только в русском языке собственные имена крепостных имеют столько вариантов, сколько не встретишь ни в каком ином языке. Во многих языках, например в английском, немецком, итальянском, есть уменьшительные формы, выражающие известную степень близости; это близость дружеская, благожелательная и даже нежная. В русском языке их тоже много, но есть и такие уменьшительные прозвания, которые носят оскорбительный характер; они выражают презрение, и таким образом господа обычно обращаются к слугам. Сами крепостные никогда не называют так друг друга. Иногда господа зовут слуг, как собач, свистом; а так как звонки распространены в России не везде, этот странный способ общения встречается довольно часто, к большому неудовольствию бедной прислуги.

В прежние времена, подавая прошение императору, проситель, как бы знатен он ни был, унижался, называя себя рабским уменьшительным именем; называть себя перед царем иначе, чем называли рабов, считалось неприличным, дерзким. Для уничтожения этого обычая потребовался императорский указ. Господин, привыкший к пресмыкательству рабов, сам готов гнуть спину перед человеком более чиновным или богатым. Полагаю, именно тогда из словаря русского языка было вычеркнуто слово «раб», ибо до тех пор все просители в представленных правительству прошениях подписывались не «верноподданный», как теперь, а «Вашего Величества верный раб».

Во всех странах народные поговорки имеют глубокий смысл. Так, уже упоминавшееся нами русское изречение: «Все Божье да государево», и загадочное выражение «без вины виноватый», свидетельствующее о возможности быть осужденным незаслуженно, ясно и доходчиво выражают сущность и самовластия, и подчинения. Приведем еще одну пословицу, говорящую о невозможности добиться правосудия: «До Бога высоко, до царя далеко»; в ней с язвительной насмешкой подчеркивается, что ни Бог, ни тем более царь не придут на помощь угнетенному. Как же отличается эта безнадежность от исполненного надежды возгласа: «Ах, если бы король знал!»

В русском языке есть еще одна пословица, свидетельствующая о безграничном, безмолвном, вялом повиновении: «Хочешь не хочешь, а делай, что велят»*. Есть и другие выразительные поговорки; иные из них иначе как позорными не назовешь; таково, например, изречение «За битого двух небитых дают», прославляющее палочный режим.

О рабстве свидетельствуют и обыденные обороты речи, употребительные среди низших сословий. Часто можно слышать, как крестьяне, желая уклониться от ответа, говорят: «Воля ваша!» Это означает: «Вам решать!»

---

* Во времена Петра I один русский, ездивший по службе за границу, остался там навсегда. Когда ему предложили вернуться и занять на родине довольно важный пост, он ответил, что вернется не раньше, чем перестанут быть верными три русских поговорки, и назвал те, что мы привели выше. Нечего и говорить, что сей почтенный человек умер, так и не увидев родины⁹⁰.

Но если многие пословицы и поговорки говорят об униженности народа, то иные обнаруживают наличие у страдальцев известного чувства юмора. Так, бедные крестьяне, не крепостные, но постоянно соприкасающиеся с привилегированными сословиями (например, те, кто держит почтовых лошадей), жалуясь на отсутствие личной неприкосновенности, говорят: «Нас только ленивый не бьет». Крепостные, приставленные к господину для личных услуг, считают, что хотя у них работа и легче, чем у крестьян, зато они ни минуты не располагают собой; поэтому они говорят: «Крестьянин работает — мужик-мужиком, а за стол садится — барин-баринком».

Приведем, наконец, пословицу, лучше всего показывающую, насколько глубоко проникнуто сердце несчастного крестьянина стремлением к свободе и как трогательно он его выражает: «Хорошо птичке в золотой клетке, да лучше на зеленой ветке».

Угнетение вызывает и неизбежно должно вызывать сопротивление. Даже животных нельзя обижать безнаказанно. Если есть предел тирании, то должен быть предел и страданиям. Случается порой, что черные рабы отказываются повиноваться хозяевам; отчаяние может довести их если не до желания избавиться от рабства, то, по крайней мере, до желания отомстить. В России сопротивление и бунты крепостных против господ часты уже потому, что крестьяне сознают несправедливость своего положения, желают получить свободу и никогда не теряют на это надежды. Не имевшие последствий попытки императора Александра освободить крестьян немало содействовали укреплению и этого желания, и этих чаяний. Время от времени, в особенности, когда происходит что-нибудь важное, среди крепостных распространяется слух, будто правительство намеревается принять меры для улучшения их участи, умерить власть помещиков и, наконец, освободить их. Тогда во всех, даже самых отдаленных, губерниях начинаются волнения.

Иногда крестьяне, введенные в заблуждение ложными слухами о намерениях правительства провести реформы в их пользу, перестают повиноваться своим господам. Тогда власти посылают войска, чтобы, как говорится, *восстановить порядок* (гибкое выражение, подходящее ко многим деяниям — в зависимости от страны). Крестьяне не всегда ограничиваются пассивным сопротивлением; иногда, доведенные до отчаяния незаконными поборами, жестоким и гнусным обращением, они открыто восстают и убивают своих господ*. Кары всегда примерно одинаковы: кнут, сибирские рудники и, разумеется, полное разорение жителей несчастной деревни, где вершится императорское правосудие**.

Однажды мне пришлось побывать в С... губернии, находящейся в четырехстах верстах от Петербурга; здешний губернатор только что назначил следствие над одним помещиком, имевшим обыкновение чрезвычайно жестоко наказывать своих крепостных.

* В сводках, доставляемых министру внутренних дел, указывается, что ежегодно происходит по крайней мере сорок убийств помещиков, не считая тех бунтов и восстаний, которые не сопровождаются кровопролитиями.

** Когда я писал эти строки, в губернии, где я родился, произошли страшные и печальные события. Крепостные Симбирской губернии, убежденные, что их господа противятся задуманному императором освобождению, восстали, и несколько помещиков пали жертвами их мщения. Командир армейского корпуса соседней губернии получил приказ в случае надобности выступить и подавить восстание. Не знаю, чем это закончилось, но для того, кто знает эту страну, изложенного достаточно, чтобы содрогаться при одной только мысли о тех ужасных бедствиях, какие сей бунт неминуемо навлек на головы несчастных крепостных⁹¹.

Некий дворянин с ужасом сообщил мне, что поведение губернатора, оказывающего покровительство крепостным, *дурно влияет* на крестьян; в доказательство он привел случай, недавно произошедший у него в имении. «Мой управляющий, — сказал он, — проверяя работу, ударил мужика палкой. Поверите ли, — продолжал он, возвышая голос, — этот мужик имел дерзость ему ответить: „Вы нас все еще бьете, но этому пора положить конец — теперь нами должны править по закону“. И это его подлинные слова: по закону! Великий Боже, куда это нас заведет!» — не уставая причитать, жаловался помещик. И ведь дворянин (хотя я должен был бы назвать его животным), который мне это рассказал и видел бунтовщика в человеке, призывающем на помощь закон, не был ни злым, ни бесчестным!

Впрочем, не следует думать, что губернаторы часто поступают по справедливости. Не желая сказать ничего обидного о губернаторе, только что мною упомянутом (ибо в этом случае его поведение было, несомненно, похвальным), замечу, что, к несчастью, в тот раз он делал добро по той же причине, по какой часто делал зло, — чтобы угодить императору. Царедворец — существо особое; иногда низость делает его способным на добродетельные поступки.

Но иногда по жалобам крестьян, тем или иным способом дошедшим до власти, или по причине тяжких преступлений, совершенных средь бела дня, назначается расследование, и помещик, уличенный в жестокости, отдается под суд. Если было совершено убийство, то наказание состоит в лишении дворянского звания и ссылке в Сибирь — простой или в каторжные работы. Но часто в таких случаях жертвами несправедности закона становятся невиновные — в России все, даже правосудие, заражено ядом рабства! Если виновный помещик замучил свою жертву до смерти, осыпая ее ударами, то он, конечно, не сам это сделал, а пользовался орудиями, то есть другими крепостными, которые не могли его послушаться из страха подвергнуться той же участи. И закон, закрыв глаза на существование крепостного права, провозглашает эти пассивные орудия убийства соучастниками и присуждает их к тем же наказаниям, что и убийцу! Неужели эти несчастные должны были терпеть муки вместо того, чтобы исполнять варварские и преступные приказы господина?

Закон запрещает крепостному жаловаться на хозяина, однако его часто и безнаказанно нарушают, ибо в России, по словам одного из наиболее выдающихся русских дипломатов, дурные законы исполняются так же плохо, как и хорошие, и это в какой-то мере их исправляет⁸². Конечно, бедные крепостные жалуются не в суд, не имеющий в этих случаях никаких прав, и не губернаторам, в полномочия которых входит обуздание наиболее вопиющих злоупотреблений. Они обращаются к самому монарху. Не знаю, как это происходит теперь, но во времена императора Александра просители обыкновенно представляли свои прошения во время парадов, а иногда поджидали его во время прогулок. Иногда жалобы приходили государю по почте, в том числе из самых отдаленных губерний. Когда царь путешествовал, его засыпали прошениями на каждой станции. Во время пребывания императора в Москве крестьяне из окрестных деревень стекались в город, падали ему в ноги и молили защитить их от жестокостей помещиков. Но зло было так велико, что император при всем своем желании мог помочь только ничтожной части несчастных просителей.

Завершим эту главу замечанием, что в России крепостными могут быть только настоящие, чистокровные русские: ни европейцы, ни представители восточных народов не могут стать крепостными. Среди дворян же встречаются потомки англичан, французов, немцев, итальянцев, испанцев, португальцев, равно как и татар, армян, индийцев и евреев. Все они могут владеть крепостными, но только при условии, что эти крепостные — исконные русские. Если американец приедет в Россию с невольником-негром, а персиянин или турок — с рабами из своей страны, то *ввезенный* раб, лишь только он коснется русской земли, становится свободен, точно это благословенная почва Англии или Франции! Можно подумать, что Россия желает сохранить рабство исключительно для своих собственных, родных детей!

Исключением являются некоторые народности восточных губерний, как-то: чуваш и мордва, с тех пор как правительство подарило населенные ими земли нескольким дворянам. Эти инородческие племена больше всех смешались с русскими. Заставив их разделить участь крепостных крестьян, правительство, возможно, пожелало довершить это слияние.

До владычества татар, во время него и после его падения русские крестьяне не были собственностью владельца той земли, на которой они жили. При татарах-завоевателях все — князья, дворяне, земледельцы — одинаково оказывались под пятой победителя. Но после того как русские освободились от ига, власть князей возросла и они не только позволили возникнуть рабству, но всемерно этому способствовали. Для крестьян дворяне заменили собою татар; новые господа подчинили народ игу более жестокому, чем чужестранное, ибо превратили его в постоянное. И, наконец, завершая дело порабощения, мужика присвоили имя, которое татары давали всем русским, бывшим в их глазах рабами; это имя... — *христианин!* В самом деле, слово *крестьянин* представляет собой искаженное слово *христианин*.

Татары же, в свою очередь попавшие под русское владычество, не стали крепостными; у всех остальных народностей, населяющих обширную империю, рабство знакомо только тем, кто стал дворянином. Правда, в остзейских губерниях закрепили крестьян нерусского происхождения, но в царствование Александра крепостное право там было отменено. В большей части присоединенных к империи бывших польских губерний, особенно в Белоруссии, земледельческое крепостное население русского происхождения*. Все иностранцы, принимающие русское подданство, вступают в дворянское сословие или, в редких случаях, в купеческое или мещанское. Как мы уже видели, почти все дворянские роды в России притязают на иностранное происхождение, особенно татарское, и это действительно так. Привезенные в Россию рабы-иностранцы, как мы указывали, получают свободу и могут (такие примеры бывали**) в свою очередь иметь рабов в услужении. Поэтому с полным правом можно утверждать, что всякий, владеющий в России рабами, наверняка иностранец и, наоборот, все рабы бесспорно и неопровержимо имеют русское происхождение. Кому же выгодно это громадное скопище, называемое *Российской империей?*

* В Царстве Польском крестьяне свободны.

** Любимец Павла I граф Кутайсов был взят ребенком из турецкого лагеря. Сначала он был рабом, потом цирюльником и, наконец, стал вельможей.

Нельзя не заметить, что у русского народа все совершается вопреки здравому смыслу и логике; ничто не происходит здесь так, как в других странах. К примеру, рабство укоренилось в России не после поражения, а после победы; в Европе саксы были победителями, а норманны побежденными, здесь же господами стали норманны, а рабами — саксы. Если в других странах рабство почти всегда было следствием завоевания или итогом феодальной системы, то в России оно было установлено намеренно. И этот постыдный указ был воспринят, в сущности, как обычная полицейская мера; варварская, эгоистичная, бессмысленная, наглая политика нанесла целой нации рану, которая терзает и позорит ее.

Неужели вследствие любых своих поступков, каковы бы ни были их причины, человек должен погрузиться в пучину бедствий и унижения? Неужели народы должны подвергаться одним и тем же испытаниям, какова бы ни была их отправная точка и пройденный ими путь? Наконец, неужели рабству, как и свободе, судьбою предназначено совершить кругосветное путешествие?

Глава VII

Попытки освобождения крепостных

ДО ВОСШЕСТВИЯ НА ТРОН императора Александра российское правительство, кажется, никогда не думало об освобождении крестьян. Упомянутый указ Петра I был лишь попыткой смягчить одно из бесчисленных бедствий, сопутствующих крепостному праву. На какое-то время можно было подумать, что у императрицы Екатерины II возникло благое намерение освободить крепостных. Однажды она даже поставила вопрос об освобождении перед неким ученым обществом. По распоряжению правительства было напечатано рассуждение на эту тему; но предпосланный эпиграф, похоже выбранный с целью удовлетворить всех, сразу указывал на выводы сего труда: «*In favorem libertatis omnia jura clamant*»*, отважились сказать гордые академики, но тут же прибавили: «*Sed est modus in rebus*»**. К сему теоретическому рассуждению все и свелось⁸³.

Принятое императором Александром вскоре после его вступления на престол решение не отдавать в полную собственность поместья с крестьянами в награду за оказанные государству услуги (что было весьма распространено в предыдущие царствования) стало свидетельством его желания изменить положение вещей. Вскоре вышел уже упоминавшийся закон о вольных хлебопашцах. В то же время император принял за правило приобретать поместья с крепостными в казну. На это из доходов казны ежегодно отводилось около миллиона рублей (по тогдашнему курсу четыре миллиона франков) — сумма небольшая, но подтверждавшая благие намерения правительства.

---

* Всякое право влечет к свободе (*лат.*).

** Смотря по обстоятельствам (*лат.*).

К несчастью, когда речь заходила о решении крестьянского вопроса, Александр никогда не проявлял настойчивости, которой требовала обширность задачи. Возможно, в начале правления его благородные намерения не встретили того сочувствия, какого заслуживали. Однако с тех пор общественное мнение стало более восприимчиво к великодушным чувствам. В воздухе повеяло свободой, рассеявшей тяжкую атмосферу, в которую погрузила всех тирания предшествующего царствования. Закон о вольных хлебопашцах стал применяться сразу же после обнародования; правительство предприняло тогда и ряд других общепользных реформ, отличавшихся известным либерализмом; реформы эти были встречены с восторгом. Без сомнения, в таких условиях решительные меры по освобождению крестьян могли бы иметь успех. Но люди, окружавшие в то время императора и, вероятно, разделявшие его взгляды, были недостаточно серьезны; под внешней цивилизованностью и либерализмом у них, как и у их господина, таилось легкомыслие минутных порывов, и добрые намерения они умели проявлять только на словах.

В конце царствования Александра общественное мнение было в куда большей степени проникнуто либеральными устремлениями, чем в первые годы, но теперь их не разделял император: нация шла вперед, государь же, наоборот, двигался вспять.

Следует, однако, воздать должное памяти Александра: если он и не осуществил все обещанные им реформы, то по крайней мере никогда не переставал выражать свое глубокое отвращение к угнетению человека человеком. Рассказывая, что однажды, находясь у г-жи Н... и говоря о крепостном праве, он до того воодушевился, что взял в руки образок и поклялся уничтожить сей позорный институт⁶⁴. Но все добрые намерения этого государя в пользу крепостных ограничились освобождением рабов в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях.

Какие причины побудили императора выбрать для начала именно эти губернии? Вероятно, это произошло потому, что там живут народы, отличающиеся от основного русского населения страны, и происходящее в них встречает меньший отклик в остальной империи, что могли посчитать благоприятным для подобной попытки. Возможно, был принят во внимание и характер тамошних помещиков, которые, получив образование большей частью в немецких университетах и ближе соприкасаясь с Европой, в целом более цивилизованны, нежели русское дворянство. Положение самих крепостных, скорее всего, не играло никакой роли в решении императора, так как крепостные в Эстляндии и Лифляндии (а также, видимо, и в Курляндии) были значительно беднее русских крестьян, а следовательно, менее созрели для освобождения.

С другой стороны, можно утверждать, что доведение задуманной реформы до конца отнюдь не является заслугой тех, кому император поручил ее осуществить; успех ее менее всего проистекает из их добрых намерений. По крайней мере, человек, под управлением которого дело было завершено, и прежде, и впоследствии постоянно обнаруживал, что им двигало исключительно низкопоклонство: он просто старался угодить императору⁶⁵.

Нашлись, однако, люди, искренне и бескорыстно принявшие участие в этом великом деле. Назовем среди них помещика барона Штакельберга, много лет трудившегося над освобождением крестьян в вышеупомянутых губерниях. Изрядное рвение к этому святому делу проявил также один из генерал-губернаторов — герцог Ольденбургский, родственник императора.

Владельцы крепостных в основном отнеслись к освобождению благосклонно; большинство, будучи людьми просвещенными и цивилизованными, сделали это по убеждению, другие — из угодливости, как, например, некоторые предводители дворянства, явившиеся депутацией в Петербург и разыгравшие перед императором роль друзей крестьян; однако в обществе, где было мало сторонников сего великого дела, они подобные чувства проявлять остерегались.

Итак, в трех вышеперечисленных губерниях крепостные были освобождены. Как обычно, причем без какого бы то ни было очевидного смысла, освобождение происходило постепенно и в несколько приемов. Закон указал срок, в течение которого все крепостные должны были быть освобождены. Никто не подумал обеспечить освобожденных участками земли, как это было сделано в Пруссии; ограничились тем, что признали за ними право по своей воле покидать хозяев и работать на них по контракту или по обоюдному согласию. В течение первых лет право крестьянина менять хозяина или место жительства было ограничено пределами прихода; затем право это было распространено на губернию и, наконец, когда истек назначенный законом срок, крестьянин получил полную свободу.

Я рад прибавить, что введение этого благодетельного закона, принесшего выгоду и помещикам, и крестьянам, не сопровождалось никакими серьезными беспорядками.

Необходимо подчеркнуть, что закон предоставил каждому помещику право самому выбирать, кого освобождать в первую очередь, и бедные крестьяне изо всех сил старались попасть в число тех, кто выходил из крепостной зависимости в течение первых лет реформы. Для этого они старались отличиться прилежанием, трезвостью, хорошим поведением, и помещику часто бывало трудно выбирать, так как число достойных превосходило число тех, кому было положено даровать свободу. Кажется, помещики дали возможность крестьянам насладиться благами освобождения, не дожидаясь истечения последнего года.

Вскоре последовал императорский указ, переводивший под власть генерал-губернатора трех остзейских губерний одну русскую, а именно Псковскую. В этом не без основания усмотрели намерение императора повторить реформу, только что проведенную в немецких губерниях. В самом деле, трудно было сомневаться в том, что на этот раз Александр задумал попытку освобождения Великороссии. Однако не было сделано ничего, абсолютно ничего. Истинные причины сего рокового бездействия неизвестны, но полагаю, что их надо приписать главным образом переменам, случившимся к тому времени в образе мыслей и характере императора. Правда, освобождение крестьян в прибалтийских губерниях произошло в конце царствования этого государя, но нельзя забывать, что оно в той или иной степени готовилось заранее, что в этих трех губерниях уже было много нововведений и оставалось лишь продолжить начатое. Ни в одной же русской губернии попытки освобождения не предпринимались: дело было совершенно новое, и чтобы довести его до конца, нужна была энергия, коей к тому времени император уже не обладал. Требовались и иные помощники.

Таково мое убеждение. Тем не менее, желая по возможности обелить память Александра в связи с вопросом об освобождении крестьян, я не намерен скрывать что-либо из то-

го, что мне удалось узнать, и потому должен сказать следующее: хорошо осведомленные и совершенно беспристрастные люди заверили меня, что более всего способствовал отказу государя от этого начинания именно тот человек, которого он избрал для выполнения своих благородных предначертаний, а именно генерал-губернатор трех вышеуказанных губерний. Причины, побудившие его так поступить, неизвестны: душа придворного — потемки, недоступные для исследования. Кажется, он достиг своей цели, убедив государя, что дворяне Псковской губернии, ожесточенные предполагаемым освобождением, составили заговор и намереваются его отравить — уж не знаю каким образом. Нет нужды объяснять, что все это чистая выдумка, гнусная ложь; если бы освобождение было поручено другому лицу, то при поддержке государя его вполне могли бы провести в Псковской губернии так же, как в трех других. Возможно, сопротивление русских помещиков пришлось бы преодолевать несколько долее, но, разумеется, ни о каких бунтовщиках или заговорщиках не могло быть и речи. Вот какие выгоды получает правительство, принимающее на службу первых попавшихся авантюристов. Разумеется, мы не против того, чтобы иностранцы поступали на русскую службу; среди них есть почтенные люди, которые могут оказать государству очень полезные услуги. Но таких правительство выбирает крайне редко; чаще всего оно оказывает доверие проходимцам, предпочитая их достойным русским лишь потому, что они расточают уверения в своей исключительной преданности особе государя; интересы же страны, куда они явились за богатством и почестями, их ничуть не заботят.

Склонность русского правительства оказывать милости людям со стороны, не имеющим никаких действительных заслуг, дает патриотам удобный предлог для громких и ожесточенных заявлений о своем отвращении к иностранцам вообще, а иногда даже приводит к тому, что и люди вполне разумные начинают отрицать возможность допускать иностранцев на государственную службу, особенно на высшие должности, словно иностранцы никогда не оказывали России больших и достойных памяти услуг. Как будто, с тех пор как наше государство вот уже полтора века подражает Европе, оно может обходиться без помощи иностранцев! Для так называемых русских патриотов иностранцы являются неиссякаемым источником анекдотов: один из них сказал как-то, что при следующем производстве в чин он попросит сделать его немцем. Генерал Е., бывший некоторое время весьма популярным, отличался изрядной нелюбовью к иностранцам и постоянно отпускал в их адрес многочисленные остроты⁸⁶. Занимая важный военный пост во время войны 1812 года, он явился однажды к командующему Барклаю де Толли и, обращаясь к многочисленным адъютантам генерала, большей частью немцам или ливонцам, спросил, нет ли среди них кого-нибудь говорящего по-русски, дабы он мог попросить доложить о себе командующему. В другой раз, соболезнуя участи русского по происхождению генерала, прикомандированного к тому же штабу, он сказал: «Бедняга! Ему, наверное, тоскливо быть единственным иностранцем среди всех этих господ».

Повторяю, мне совершенно не хочется быть причисленным к тем неумеренным патриотам, которые в запальчивости своей выступают против имеющегося у правительства пристрастия к иностранцам; мне всего лишь жаль, что благорасположение правительства к этим лицам не всегда оправданно.

Недавние споры о праве на досмотр торговых судов военными кораблями невольно заставили меня вспомнить шутку о желании быть произведенным в немцы, чтобы пользоваться милостями российского правительства. Действительно, бедные русские крестьяне, которых продолжают продавать оптом и в розницу, видя, как император вместе с другими державами прилагает большие усилия для запрета работорговли, могли бы с немалым основанием пожелать, чтобы их произвели в негры.

Но что бы там ни думать о допуске иностранцев на государственную службу, но именно иностранец в упомянутых мною обстоятельствах помешал распространению цивилизации в России. Факт сей показывает, что так называемые самодержавные государи — по крайней мере те, кто себя ими считает, — иногда более достойны сожаления, нежели порицания. Самодержец возымел благородное намерение и заявил о желании привести его в исполнение; он захотел сотворить добро. Что же ему уготовано, какой награды удостоится его великодушие? Благословений тысяч угнетенных, которых он намерен освободить? Нет, его ждет яд клеветы. Стоит ли повторять, что государю недостаточно иметь благородные и полезные идеи, ему нужно располагать людьми, разделяющими его взгляды и умеющими, как он, посвятить себя доброму делу. Но где самодержавный государь найдет таких людей? Мы видим, какие советчики попадают в его передних.

Мне часто казалось, что император Александр с трудом выносил бремя своего сана и колоссальной власти, которой его облек случай; я убежден, что полнота этой власти нередко стесняла его, и если бы он твердо решил сбросить ее иго, ему было бы сравнительно легко это сделать. Он не мог постоянно быть самодержцем; иногда ему хотелось побыть человеком. Ему часто не хватало силы (вернее, смелости), чтобы деспотически обходиться с людьми, которые были ему не по душе. Примечательно, что он терпел на высших, например, министерских, постах людей, безмерно им презираемых; однако они, казалось, не замечали его холодности и отворачивания. Наконец наступал день, когда им волей-неволей приходилось покидать свои места; тогда они начинали кричать о так называемом лицемерии Александра, который поддерживал с ними отношения до самой их отставки. Таково происхождение возведенного на императора обвинения в двуединии; обвинение это возникло за пределами России по милости лакейских сплетен и домыслов придворных холопов, коим он оказывал свое благоволение в большей степени, чем они того заслуживали.

Освобождение крепостных в трех прибалтийских губерниях не оказало ощутимого влияния на остальную часть империи. Так было и при введении регулярного, близкого к конституционному, управления княжеством Финляндским, и при даровании конституции Польше. Последняя мера поначалу вызвала некоторое оживление, но вскоре всюду вновь воцарились апатия и молчание. Путешествуют в Российской империи быстро, железные дороги позволят передвигаться с еще большей скоростью, но мысль человеческая в этой стране практически лишена средств сообщения; в этом отношении она находится еще в младенческом состоянии, и нет никакой надежды на то, что между разными частями этой обширной империи установится некая духовная связь, появится некая общность нравственных и умственных интересов.

В царствование императора Александра было несколько отдельных попыток освободить крепостных. Но ни одну из них не довели до конца, ибо самые похвальные усилия вся-

кий раз разбивались о злую волю властей, равнодушие или недоброжелательство министров; наилучшие побуждения улетучивались: такие вопли подымали сторонники существующей системы. Когда генерал-губернаторы в свои официальные речи, обращенные к местному дворянству, отваживались вставлять либеральные фразы об освобождении, их слова порой находили отклик, но по большей части это было просто сотрясение воздуха.

Одна из попыток освобождения была довольно замечательна, и я расскажу о ней. Она доказывает, что и в России можно и даже нетрудно достичь положительных результатов в деле освобождения крестьян; проявив добрую волю, глава правительства может восстановить в правах лучшую часть своих подданных, смыть позорное пятно рабства со всей нации и таким образом обессмертить свое имя и сделать его любезным народу.

Два человека, выдающихся как по занимаемому ими положению, так и по своей просвещенности, граф Воронцов и князь Меншиков, решили однажды всерьез заняться делом освобождения. Я настаиваю на том, что это было сделано всерьез, ибо сам вопросом чаще всего начинают заниматься так называемые филантропы, без конца болтающие об *улучшении* участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении произвола господ, о пресечении злоупотреблений помещиков властью; но эти пустые фразы свидетельствуют либо о наивности, либо о злой воле тех, кто их произносит. В то время некий господин в Петербурге только и делал, что произносил зажигательные речи в пользу крепостных*. Было не только полезно, но и необходимо сперва освободиться от таких помощников; поэтому оба названных мною лица прежде всего объявили, что их цель состоит в полном освобождении крестьян. Искренне желая успеха своему предприятию, они посчитали важным оградить его от недоброжелателей и предприняли все для правильного истолкования своих замыслов. Не сомневаясь, что высшее руководство предложенными ими реформами должно принадлежать правительству, они решили ничего не предпринимать, не обратившись сначала к государю. Они хотели не только посвятить его в суть замысла, но и убедить в том, что другие помещики столь же расположены в пользу крепостных. Один из них составил своего рода заявление; подписавшие его обязывались предоставить своим крепостным полную свободу. Для этого они просили у государя разрешения основать общество землевладельцев, в которое вошли бы лица, подписавшиеся под заявлением. Обществу предстояло избрать из числа своих членов комитет, уполномоченный выработать правила полного освобождения крепостных. После обсуждения проекта устава и одобрения его всеми членами общества (или подписавшими заявление) он должен был быть представлен министру внутренних дел; тот получил бы на сей счет указания императора. В конце этой поистине замечательной записки автор давал монарху понять, что после триумфальных побед русского оружия для вящей славы России с нее необходимо смыть единственное позорящее ее пятно.

Граф Воронцов ознакомил со своей запиской некоторых родных и друзей. Вскоре она была подписана графом П... и г-ном В..., генерал-адъютантами (в этом звании находились и оба упомянутые выше лица); затем графом В-Д..., в то время камергером и дипломатом; князем В..., одним из известнейших писателей; все они были весьма богаты и в об-

---

* Речь идет о некоем К..., о котором мы уже упоминали; за оскорбительное письмо императору он был посажен в крепость, а затем выслан к себе в губернию.

щей сложности владели более чем 100 000 крепостных. Мы с братом, скромные помещики, тоже поставили свои подписи.

Граф Воронцов взялся представить документ императору. Когда Александр впервые услышал о таком проекте освобождения, он, казалось, был доволен, благосклонно выслушал объяснения графа и сказал, что не видит никаких препятствий для исполнения задуманного.

Авторы не держали своего проекта в секрете; к тому же казалось, что он не встретит серьезного сопротивления; однако, тотчас после того как один из них поговорил о нем с императором, некоторые особы забили тревогу и начали, по обыкновению, кричать о засилье либералов и революционеров. Некая придворная дама, отличавшаяся резкостью выражений, увидев, что среди подписавшихся был один из ее зятьев, сделала ему, по всей видимости, столь суровое внушение, что бедняга попросил как можно скорее вычеркнуть его имя. Другие говорили, что проект мог бы быть осуществлен, ежли бы под ним стояли только имена графов В..., П..., князя М... и т. п., но имена таких якобинцев, как Т... (мой брат и я) не оставляют никакого сомнения в революционной цели предприятия.

Не знаю, в какой степени повлиял на государя весь этот шум и бабьи сплетни; верно лишь одно: во время второй аудиенции, данной им графу В..., он проявил нерешительность и в конце концов сказал: «К чему вам объединяться? Ведь все подписавшиеся из разных губерний; вот пусть каждый сам и работает над проектом, а затем представит свой труд министру внутренних дел».

Сих расхолаживающих слов оказалось довольно, чтобы отвратить графа и других подписавшихся от задуманного. Мне рассказывали также, что генерал-адъютанты, поставившие свои подписи под заявлением, в течение некоторого времени встречали довольно холодный прием при дворе. Один из них по этой причине даже оставил службу.

Таков был результат попытки уничтожить рабство — самой значительной и искренней из всех, имевших место в России⁸⁷.

Почти все, поставившие свою подпись под заявлением, продолжали служить на видных государственных постах. Говорят, что его автор, будучи генерал-губернатором Новороссии, запятнал кровью свое доброе имя. Мне горько и печально это слышать. Другой создатель проекта умер⁸⁸. Когда и я почувствую — увы, вдали от родины! — наступление последнего часа, я непременно стану благословлять их имена... благословлять за возвышенное намерение дать свободу существам, для которых я сам по-прежнему и без колебаний готов пожертвовать жизнью.

В то время, когда совершалась описанная мною выше попытка освобождения крестьян, общественное мнение было отнюдь не равнодушно к этому вопросу; мысль сделать что-нибудь для крепостных занимала многие умы. Мне сказали однажды, что генерал Милорадович, тогдашний генерал-губернатор Петербурга, выдающийся военачальник и известный человек, искренний, прямой, но немного легкомысленный, решил поручить кому-нибудь составить записку о крепостном праве, дабы подать ее государю и обсудить ее с ним. Полковник Г..., адъютант и друг генерала, честнейший и прекраснейший человек, поддерживавший своего начальника в добрых намерениях в пользу крепостных, предложил мне заняться этим. Я исполнил его просьбу. Генерал прочитал записку и ознакомил ее содержанием некоторых своих друзей. Когда же после этого он встретился со мной

в Государственном совете, то начал громко меня хвалить и сообщил, что мое сочинение находится у государя.

Я упоминаю об этом только потому, что некоторые члены Совета, враждебно относившиеся ко мне из-за моих взглядов на рабство, услышав, что император читает мою записку на эту тему, вдвойне меня возненавидели. Я шепнул генералу на ухо, чтобы он умерил свои похвалы, но тот, наоборот, стал превозносить меня еще более громогласно.

Впоследствии я узнал, что император, прочтя записку, высказал генералу свое удовлетворение; государь говорил с воодушевлением, как это обычно случалось, когда он касался вопроса о крепостном праве. «Вот, — сказал он генералу, указывая на печатку, где были выгравированы пчелы, роящиеся вокруг улья, — это девиз моей бабушки, а также и мой; у меня уже собралось несколько записок о крепостном праве; я выберу из них все самое лучшее и в конце концов сделаю что-нибудь».

Трудясь над запиской, я изо всех сил старался умерить ужас, который внушало мне рабство. Впрочем, я говорил с новообращенным. Я стремился обратить внимание царственного читателя на тьму, окутывающую в России вопрос о крепостном праве, и на причины этого; показывал, что все те, кто создает и направляет общественное мнение, пишет историю, составляет и исполняет законы, будучи рабовладельцами, заинтересованы в том, чтобы этот вопрос обсуждался как можно меньше. Напомнив о способе, коим было введено в России рабство, я стал распространяться о путях излечения этой язвы. Я понимал, что мне следует не выдвигать проект полного освобождения, а ограничиться предложением нескольких полумер, суть которых не испугала бы робкого Александра. Впрочем, я чувствовал, что если бы император желал полного освобождения, он наверняка взял бы инициативу в свои руки, поэтому если вместо нескольких легко осуществимых мер я предложу ему радикальное и последовательное решение, то записка моя может прийти ему не по вкусу. Впрочем, во всех подобных случаях я вел себя именно так: всякий раз, когда речь заходила о практических шагах и меня просили высказать свое мнение, я обычно предлагал не то, что мне казалось наилучшим, а то, что, на мой взгляд, было наиболее приемлемым для власть придержащих. Я поступал так вовсе не потому, что хотел скрыть свои убеждения, — совсем наоборот, я скорее заявлял о них слишком свободно при каждом удобном и неудобном случае; однако я настаивал прежде всего на том, что было приемлемо и могло быть достигнуто без лишнего труда. Так, не надеясь добиться полного запрета телесных наказаний, я убеждал императора ограничить число ударов, которое может быть назначено одним человеком другому; скрепя сердце просил я о подобной милости для несчастных крепостных, ибо понимал, что не в моих силах предложить радикальное средство против чудовищного зла крепостничества.

Кроме того, в этой записке я предлагал недвусмысленно и окончательно запретить продавать крепостных порознь и отрывать их от земли; установить для них определенное число рабочих дней; оговорить случаи, когда господин имеет право наказывать крепостного; наконец, я называл и некоторые другие меры, от коих обычно переходили к настоящему и полному освобождению; они были чрезвычайно схожи с теми, которые были приняты в прибалтийских губерниях в качестве предисловия к освобождению.

Я сознавал, что одного только обнаружения подобных предписаний недостаточно; если не будет обеспечено практическое их исполнение, они останутся без последствий. Но

как этого добиться? Было ясно, что существующие власти и суды не могли гарантировать неукоснительное соблюдение предлагаемых мною правил. Я же требовал, чтобы крепостным были даны законные защитники, чтобы в каждой губернии были учреждены особые должности прокуроров, единственной заботой которых было бы строгое наблюдение за тем, как исполняется сей закон. Это дало превосходные результаты в испанских колониях; значительно позже я с удовлетворением узнал, что и английский парламент придал вышеуказанному институту статус закона, что вполне отвечало намерениям его инициаторов; поэтому еще до полного освобождения негров люди, посвятившие себя этому святому делу, получили возможность совершить ряд выдающихся и благородных поступков. Я настаивал на том, чтобы были введены должности попечителей крепостных, и предлагал наделить их определенными правами, дабы вмешательство их могло быть успешным.

Нарушение разработанного мною устава я находил нужным сделать уголовно наказуемым; это предложение я считал важнейшим: без подобного шага все остальное наверняка осталось бы на бумаге. В качестве принудительной меры я предлагал немедленно освобождать крепостных, ставших жертвами нарушения этого закона. Так, если бы попечитель крепостных в ходе разыскания обнаружил, что крестьянина принуждали платить или работать больше, чем следовало, что его подвергли чрезмерному или более жестокому наказанию, чем позволяет закон, то этот крепостной должен был немедленно получить свободу, не дожидаясь окончательного решения дела, — в случае, если помещик станет его оспаривать.

Я был убежден, что подобная мера будет лучшей гарантией строгого исполнения закона, его действительного соблюдения. Предложение это, впрочем, было выгодно уже тем, что не отличалось новизной, ибо само правительство нередко освобождало крепостных, с которыми дурно обращались господа. Если же и случалось, что крепостной был освобожден неправильно, то никто не удивлялся и не считал странным, что, возместив помещику убытки, этот крестьянин продолжал пользоваться приобретенной — пусть незаконно — свободой. Ибо в России существует изданный императором Александром закон, согласно которому запрещается снова закрепощать человека, освобожденного хотя бы и неправильно; по этому закону крепостному достаточно лишь на минуту оказаться свободным, чтобы его уже не смогли вернуть в прежнее состояние. Помещику в этом случае, согласно тому же закону, следует возместить причиненный ущерб выдачей рекрутской квитанции, идущей в зачет при ближайшем наборе. Коль скоро я стал говорить об этом законе, позволю себе указать еще один случай, вполне, на мой взгляд, допускающий его применение, если бы закон сей исполнялся во всей широте. По сути этого закона, следовало бы объявлять свободными всех русских рабов, вернувшихся из-за границы, куда они ездили, сопровождая своих господ, поскольку во время пребывания за границей, где они находились по воле владельцев, они пользовались свободой. Это было бы не только справедливо и законно, но и прекратило бы постыдные споры между русскими господами и слугами за границей, из-за которых бедные рабы часто отказываются возвращаться на родину и, таким образом, навсегда расстаются с родными и близкими. Полагаю, что русские посланники и чиновники во всех европейских странах с удовольствием приняли бы подобное толкование.

Если бы я имел возможность всесторонне рассмотреть вопрос о крепостном праве в более общем труде, я бы выступил в защиту этого тезиса даже в своей записке. Но

я был убежден, что не добьюсь даже того малого, о чем просил. И действительно, моя записка лишь на миг пробудила в Александре его добрые намерения по отношению к крестьянам⁸⁹.

Все время, пока я оставался в Петербурге, я продолжал изыскивать способы содействия освобождению крепостных; об этом были все мои помыслы. Одним из действенных способов я считал покупку земель с крепостными; правительство сначала пользовалось им, но потом предало его забвению; однако к нему легко было бы возвратиться, и вот каким образом.

В России процент по займам гораздо выше, чем где бы то ни было; но земельная собственность тоже приносит доход. Делая займы в Англии и Голландии, правительство, в свою очередь, могло бы предоставить эти деньги крепостным крестьянам, желающим откупиться вместе с землями, которые они обрабатывают. Разницы между процентами, которые должны платить правительство, и суммами, которые могли бы ежегодно выплачивать освобожденные крестьяне, было бы не только достаточно для уплаты процентов по займам, но еще образовался бы и остаток, который через некоторое время погасил бы сумму долга. В самом деле, правительство могло бы сделать тогда заем под пять или даже под четыре процента. А так как земли, обрабатываемые крепостными, обычно приносят дохода не более чем вдвое⁹⁰, то ясно, что крепостные крестьяне, став вольными хлебопашцами, то есть собственниками своих земель, легко и с удовольствием выплачивали бы восемь процентов, возвращая кредит, предоставленный им для выкупа. Пример крестьян князя Г..., о которых я говорил выше⁹⁰, доказывает, что такой план не пустая мечта. Правительству нужно только сделать то, что оно уже делало для крестьян раньше, но, вместо того чтобы брать деньги в казне, где их не хватает, оно могло бы заимствовать их из-за границы, и эта операция принесла бы ему два или даже три процента прибыли, которую оно смогло бы употребить или на расходы по управлению, или на покрытие долга, или на учреждение школ в областях, освобожденных от крепостной зависимости.

Так как мои мысли были постоянно заняты освобождением крепостных, я то и дело придумывал для этого различные проекты. Так, у меня возникла идея напечатать новые ассигнации, обеспеченные земельной собственностью и приносящие пять процентов дохода. Деньги, полученные в обмен на эти ассигнации, можно было бы предоставить крестьянам, желавшим выкупиться, их земля послужила бы обеспечением, а они платили бы шесть процентов или даже больше, и возвращая тем самым проценты, и погашая долг.

⁸⁹ Недавно обнаружив у себя эту записку, я решил опубликовать ее целиком (см. примечание К в конце книги).

⁹⁰ Когда помещик не занимается своими землями, а лишь время от времени приглядывает за ними, позволяя крестьянам обрабатывать их по своему усмотрению, доход его, как правило, равен семи или восьми процентам. Когда, напротив, он сам вникает в хозяйство, совмещая, так сказать, обязанности фермера и помещика, доход никогда не бывает ниже девяти или десяти процентов. Некоторые помещики, особо искусенные в вопросах земледелия, умеют извлекать из своих земель до пятнадцати процентов дохода.

Процент денежной ссуды в среднем равен десяти и никак не связан с доходом от земли. Это происходит только от ограничения числа тех, кто может владеть землей.

Однако вскоре я эту мысль оставил, ибо убедился, что любые бумажные деньги в стране, где царит самодержавие, принесут только разорение и нищету*.

Как ни стремился я освободить крестьян, какие бы меры для этого ни измысливал, был тем не менее один способ, которого я никогда не предлагал, ибо считал его неэффективным, хотя он и был принят во многих местах; способ сей заключается в том, чтобы дать крепостному праву самому предложить помещику деньги, дабы выкупить свою свободу. Я отлично понимаю, что значило бы для крестьянина — не вполне свободного, но и не совсем раба — право выкупиться за определенную плату. Признаю, что такое право было бы для них истинным благодеянием; убедительное доказательство тому я видел в Вестфалии, когда она находилась под властью французов. Но когда речь идет об отношениях между господином и рабом, следует помнить, что власть первого безгранична; он, если захочет, может позволить своему рабу скопить капитал, но может и помешать ему в этом, и даже, следуя своему капризу, отнять у него все, что тот успел накопить. Вообще, когда одна сторона обладает неограниченной властью, а другая пребывает в полном подчинении, то правительству лучше воздержаться от попыток улучшить отношения между ними, ибо это практически невозможно. В самом деле, налагать на господина обязанности, не гарантируя при этом прав слуги, означает лишь возбуждать дурные страсти, беззащитными жертвами коих станут все те же крепостные. Я никогда не жил среди черных рабов и не знаю, сколько им иногда удается скопить, работая на себя по несколько часов в неделю, но не могу поверить, что, имея разрешение покупать независимость за деньги, они извлекли из него много пользы**. Если бы это было так, рабовладельцы не замедлили бы принять меры и отобрать у рабов возможность выкупаться из неволи. Конечно, в России у крепостных больше сбережений, чем у бедных рабов-африканцев, и господа не посягают на них. Но попробуйте сказать, что крестьяне получат право на вольную после уплаты господину такой-то сумму! Если хозяин действительно хочет продать им свободу за сию цену, он сделает это немедленно, не дожидаясь особых правил; если же он этого не желает, то кто помешает ему отнять у раба сбережения, если он может лишить его даже жены и детей? Нет, повторяю,

---

* Поговорив с г-ном фон Штейном о нищете, царившей в тех областях России, по которым прошла война 1812 года, я по его просьбе составил записку, где предложил выпустить особые бумажные деньги, которые в сочетании с вспомогательными банками должны были помочь жителям этих губерний оправиться от перенесенных бедствий⁹¹. Такая цель до известной степени оправдывала бы средства. Полагаю, что без колебаний согласился бы с лотереями и азартными играми, если бы доходы от них были использованы для освобождения крепостных. Не знаю, право, зашло бы мое рвение в пользу несчастных русских крестьян столь далеко, сколь рвение святого Криспина, но могу заверить, что сей блаженный человек, украсивший кожу, чтобы шить башмаки бедным, в моих глазах заслуживает всяческого уважения⁹².

** Летом 1845 г. на заседании Палаты пэров было доказано, что этот способ освобождения рабов в испанских колониях не дал никаких результатов.

«Дозволение делать сбережения и выкупаться из неволи, — сказал герцог де Брой, — весьма хорошо и нравственно как способ облегчить рабство, но как средство освобождения оно никуда не годится, и если ограничиться им, то освобождение никогда не будет достигнуто. Это доказано опытом. Система свободного выкупа существует в испанских колониях уже двести лет и предусматривает гораздо больше послаблений, чем у вас. Там раб имеет право выкупить себя за продукты своего труда; более того, он может выкупить себя постепенно: сначала первый день, потом второй, потом третий; когда он выкупит шесть дней, он становится свободным. Вот какое послабление дано там рабу; у вас же его нет. Каковы же достижения этой системы в испанских колониях? Уничтожила ли она рабство? Нет. Ее почти никто не заметил»⁹³.

законное позволение на такой выкуп само по себе стало бы, на мой взгляд, истинным несчастьем для крепостного крестьянина.

Однако если бы подобный способ мог быть применен в России, он, без сомнения, принес бы значительные плоды. Множество крепостных — шестая или, возможно, даже пятая часть — откупилось бы немедленно, если бы за мужчину установили разумную цену, например 600 или 700 рублей, за женщину — половину этой суммы и треть или четверть ее — за ребенка. Эта цифра — пятая часть — не покажется преувеличенной, если вспомнить об огромных жертвах, приносимых русскими крестьянами для избавления от рекрутчины. Целые семьи продают все, что имеют; люди входят в долги, обязываются служить и работать долгие годы, иногда двадцать лет подряд, лишь бы набрать сумму, необходимую для покупки рекрутской квитанции или уплаты 2000 рублей, которые правительство имеет бесстыдство в ряде случаев взимать за освобождение от набора*. Можно ли сомневаться, что ради свободы крестьяне пойдут на такие же жертвы?

Глава VIII

О средствах освобождения

ПОЗВОЛИТЕЛЬНО и необходимо настаивать на уничтожении рабства везде, где оно еще существует, сделалось отнюдь не в наши дни. Вопрос сей имеет однозначный ответ. Даже те, кто по черствости души снисходительно или равнодушно взирают на эту постыдную язву, разъедающую общество, не осмеливаются восхвалять ее публично. Для того чтобы по возможности оттянуть освобождение, они утверждают, что рабы не готовы к жизни и обязанностям свободных людей: это, мол, вопрос времени. Времени! Конечно, оно когда-нибудь настанет, но когда и как? Безумцы! Слепленные собственными жалкими и превратно понятыми интересами, они не страшатся того, что над ними и их детьми сгущаются грозные тучи мятежей и проклятий грядущих поколений!

Время! Почему оно уже пришло для рабов черных, но не наступает для рабов белых? Разве благословения, коими был встречен билль об освобождении, не растрогали ваши сердца?⁹⁶ С каким воодушевлением я, бедный труженик в этом истинном вертограде Спа-

* Подобное явление было распространено при предшественнике нынешнего министра финансов⁹⁴, имевшем обыкновение пополнять казну столь безнравственным и отвратительным способом. Для этого во время набора тем, кому следовало идти в рекруты, предоставлялся выбор: поставить вместо себя кого-нибудь другого или уплатить правительству 2000 рублей. Таким образом из беднейших сословий каждый раз извлекали по несколько миллионов рублей. Видимо, этот способ находили простым: ведь стоило всего лишь приказать набрать шесть человек с тысячи вместо пяти или четырех, в самом деле нужных для армии. Даже Веспасиан не смог бы сказать, что деньги, добытые таким путем, не несут на себе печати своего происхождения — следов пота и крови⁹⁵. И это делалось по приказу того самого министра финансов, который полагал, что ввел в России общественный кредит! См. примечание I об указе об обязанных крестьянах, принятом русским правительством в 1842 году.

сителя, приветствовал славное деяние английского парламента и народа! И какую пронзительную скорбь испытывал я, обращая взор на мое отечество и видя, как русские рабы стонут в цепях. Когда же придет их черед? Будут ли они терпеливо и покорно ждать часа своего освобождения? Посреди преизбытка зла не захотят ли они силой завладеть издавна вожделенным благом свободы? Кто знает? Вы говорите: пока мы живы, все останется по-прежнему. А как же ваши дети? А ваша страна? А главное — ваша душа?

Почтенный квакер (г-н Аллен), всю жизнь борющийся с рабством, прибыл на конгресс в Ахен, чтобы привлечь внимание государей к этому ужасному установлению, и особенно к великому злу торговли людьми. В лице императора Александра он нашел ревностного защитника, я бы даже сказал — пылкого сторонника⁹⁷. Сколь необъяснимы поступки великих мира сего! На европейском конгрессе русский самодержец становится на сторону нескольких тысяч негров — в то время как мог бы одним своим словом подарить свободу многим миллионам собственных подданных!

Конечно, *время свободы придет*, повторяем мы. В ожидании попробуем указать меры, могущие ускорить исполнение сей задачи, и таким образом обеспечить спокойствие даже тех, кто наиболее враждебен переменам.

Различные меры, принятые несколькими правительствами для постепенного освобождения, нигде не принесли плодов: предлагалось то освободить новорожденных детей раньше отцов, то изменить положение раба на положение подмастерья; все эти средства и другие, им подобные, годятся лишь в качестве предварительных, с их помощью можно только дать знать, что готовится полное освобождение. Но когда рабы, если уж не господа, готовы, когда те и другие предупреждены (как это произошло в России), следует отказаться от переходных мер, которые, возбуждая дурные страсти господ и законное нетерпение рабов, могут только скомпрометировать или, по крайней мере, отсрочить успех задуманного.

В России необходимо прямо и открыто приступить к решительному освобождению.

Разбирая этот вопрос, следует выделить два способа освобождения: первый я назвал бы безусловным или простым освобождением; он состоит в том, чтобы дать рабу личную или, если можно так сказать, человеческую свободу; второй можно было бы назвать покровительственным, или *квалифицированным* освобождением, и состоит он в том, что вместе со свободой крестьянину даруется в собственность или хотя бы в пользование тот участок земли, который он, будучи рабом, орошал своим потом.

Применяются оба способа. Выбор того или другого должен в значительной степени зависеть от положения раба, от свойств и степени рабства, от развития страны и, наконец — что весьма важно, — от действий правительства, берущегося за дело освобождения.

В любом случае необходимо закрепить за освобожденным то, чем он обладал, будучи рабом. В России каждый крепостной считает своей собственностью дом, где он живет, домашнюю утварь, лошадей, коров и пр.: он их продает и покупает, не спрашивая разрешения хозяина; это не касается домов, чаще всего построенных из господского леса. Барин, разумеется, может все отнять у крепостного, но этого почти никогда не бывает, ибо подобный грабеж всегда считался крайне несправедливым. Есть общины, владеющие приобретенными на собственные средства землями, и господа не чинят им препятствий в пользовании этими землями. Как мы уже говорили, есть крепостные, располагающие

значительными капиталами, домами в деревнях, фабриками. Отделить собственность крестьянина от собственности господина весьма легко.

К чему свелись бы труды правительства при безусловном или простом освобождении? К предоставлению крепостному права свободного передвижения, к разрешению покидать одного господина и отправляться жить на земли другого или же искать иное занятие для обеспечения своего существования.

Здесь возникают различные возражения. Но когда чувствуешь за собою право и правду, их ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Одно, самое правдоподобное, заключается в следующем: подушная подать налагается на каждую общину, по крайней мере от одной ревизии до другой, то есть в течение нескольких лет правительство не сможет взимать эту подать, а община — вовремя ее платить, если число членов общины будет постоянно меняться, а налогоплательщики будут переезжать с места на место.

Однако это не столько затруднение, сколько благодеяние, ибо в таком случае правительство может обложить пошпиной не земледельца, а обрабатываемую землю.

Более того, существующая сейчас в России подушная подать, на самом деле является именно земельной податью, ибо облагаемые ей платят не по числу душ (как гласит закон), а по количеству земли, которым владеет каждый член общины.

Вот из чего складывается этот налог. Сперва определяют общую сумму подушной подати, которую община должна уплатить по числу душ, внесенных в списки последней ревизии. Принадлежащие общине земли делятся между крестьянами или ежегодно, или через определенные промежутки времени; каждый берет столько земли, сколько желает обрабатывать или сколько ему могут дать. Случается, конечно (если количество земли не соответствует числу земледельцев), что члены общины вынуждены брать больше земли или, что то же самое, платить за большее ее количество, чем им хотелось бы; но такие случаи крайне редки, так как в малонаселенных областях всегда находятся земли, которые никто не возделывает. Каждому назначают его участок и устанавливают размер причитающегося с него налога. Говорят: этот участок платит за столько-то душ, этот — за столько-то. Так как сумма налога со всей общины определена заранее, то крестьяне только делят ее между собой.

Очевидно, что подушная подать является земельным налогом, выплачиваемым по раскладке. И было бы проще и правильнее возвести это в принцип: весь доход, доставляемый подушной податью, распределить сначала по губерниям и областям, затем по уездам и, наконец, по общинам.

Русское правительство уже давно должно было прибегнуть к такому способу распределения податей, и это принесло бы ему большие финансовые выгоды. Налог, взимаемый с головы или с души, настолько обесмыслился, что его суть изменилась; никто не станет спорить, что казна с гораздо большей легостью получала бы те же самые доходы, предоставив заботу о раскладке подати тем, кто ее платит.

Губернские или местные расходы в России покрываются налогами, сравнимыми с добавочными сантимами во Франции; эти налоги распределяются губернскими палатами между местными жителями. Правда, по обычаю все еще продолжают раскладывать *по душам*, но налог тем не менее взимается на основании принципа раскладки.

Приводят еще одно возражение: если разрешить крестьянам свободно передвигаться, они будут бродяжничать.

Предположим, что бродяг, или, как их еще называют, беспаспортных, станет немного больше; но можно ли этим оправдать сохранение крепостничества? Это все равно, что запретить говорить на том основании, что человек может клеветать и козунствовать; запретить употребление металлов и пороха, потому что саблей или выстрелом из ружья можно убить; отказаться от пользования паром, потому что котел может взорваться. Соображение об увеличении числа бродяг не выдерживает критики.

Впрочем, в стране, где земли много, а население, по сравнению с размерами территории, относительно невелико, бродяжничество не может принять угрожающие размеры.

Бродягами являются прежде всего нищие. Нищенство, хотя оно частично и запрещено законами, тем не менее существует; однако в России оно развито не более, чем в иных местах. Здесь нищих бродяг даже значительно меньше, чем в других странах Европы. Отчего это происходит? От изобилия предметов первой необходимости, от легкости, с которой их можно раздобыть, почти не затрачивая труда, а также и оттого, что в случае нужды достаточно прибегнуть к благотворительности ближайших соседей — и вот уже бедный человек избавлен от необходимости попрошайничать и бродяжничать. Дабы ничего не упустить и не скрыть, скажу еще, что из-за огромных расстояний, отделяющих обитаемые места друг от друга, в России бродяжничество является занятием куда более трудным и опасным, чем где бы то ни было. Самый закоренелый бродяга наверняка предпочтет наняться на работу, нежели терпеть усталость от долгих переходов, во время которых нет никакой надежды наткнуться на путника или на человеческое жилье, чтобы попросить милостыни или гостеприимства. Нельзя забывать и о климате: долгие холодные зимы отлично заменяют полицейских.

Разве бродяжничают бедняки из мещанского сословия, государственные крестьяне или крестьяне оброчные, имеющие право передвигаться по всей империи? Нет, конечно. Откуда тогда взялась уверенность, что крепостные, став свободными, начнут шататься по разным губерниям и таким образом общественное спокойствие будет нарушено? Ведь крепостные — это те самые несчастные русские крестьяне, преданные домашнему очагу и благоговевшие перед могилами отцов. Став свободными, они бы еще крепче привязались к своим святыням. И, наконец, обретя свободу, разве стали бы они меньше ценить средства к существованию, имеющиеся у них изобилие предметов первой необходимости? И разве неудобства и опасности бродяжничества сделались бы для них менее страшными?

Скажем правду: если бы часть крестьян покинула свои жилища, это не было бы таким ужасным злом, как кажется некоторым помещикам; во многих случаях они от этого даже выиграли бы. В краях, где много земли, ее всегда сдают в аренду, и это выгоднее, чем возделывать ее руками крепостных. Я подсчитал, что земля в Симбирской губернии, которой владеет моя семья, приносила бы вдвое или даже втрое больше дохода, если бы не было крепостных, которым для их собственных нужд отдана большая ее часть; земля же, оставшаяся за помещиком, обрабатывалась ими очень плохо. Предоставив всю землю крестьянам и договорившись с ними о денежной сумме, которую они должны платить вместо оброка, я убедился, что, сдавая то же количество земли в аренду — пусть даже по тогдаш-

ним низким ценам* — пришлым крестьянам, мы получили бы по крайней мере втрое больше, чем обещали нам платить наши крестьяне. В таком же положении находится множество других помещиков, знающих, что они извлекли бы гораздо больше доходов из своих земель, если бы могли отделаться от населяющих их крепостных. Свое попечение о помещиках правительству следовало бы обратить на крепостных; чинить препятствия было бы разумно не крестьянам, стремящимся покинуть своих помещиков, сколько господам, желающим от этих крестьян избавиться.

Бродяжничество существует наперекор всем запретам, когда для него есть реальные причины; крепостное право к этим причинам не относится. Иногда пожары заставляют крестьян покидать сгоревшие деревни и нищенствовать; но особенно ужасающие размеры бродяжничество принимает в голодные годы. Около двадцати лет назад страшный голод случился в ряде западных губерний, прежде всего в Белоруссии, и даже в некоторых губерниях, близких к центру. Тогда и государственные, и крепостные крестьяне** толпами покидали свои дома и направлялись во внутренние области империи. Всюду стояли пустые дома, покинутые деревни, вдоль дорог лежали больные, старики: не будучи в состоянии следовать за своими товарищами по несчастью, они падали и умирали от голода.

Опровергнутые нами возражения, равно как и многие другие, гораздо менее благовидные, сводятся в устах защитников *status quo* к следующему: «В настоящее время мы осуществляем в своих деревнях полицейские функции; когда исчезнет наша безграничная власть над крестьянами, правительство неминуемо падет под тяжестью новых обязанностей». Некоторые идут еще дальше и прибавляют: «Правительство ни к чему не способно или делает дурно все, за что ни возьмется; как же оно справится с поддержанием порядка и спокойствия в деревнях, если там не будет нас с нашей безграничной властью?»

* Не могу удержаться от небольшого замечания о дебатах, возникающих время от времени в английском парламенте по поводу зерновых. Со времени обсуждения предыдущего закона о ввозе зерна, которым был утвержден наихудший способ взимания налога с ввозимого зерна — а именно пропорционального цене этого продукта, — английское правительство опубликовало данные, собранные одним из агентов (кажется, г-ном Джейкобом), доказывавшие, что зерна, которое можно было бы вывезти из Польши и других стран, хватало бы Англии самое большее на несколько недель⁹⁸. Таким образом правительство хотело разуверить английских производителей в существовании опасной конкуренции для них со стороны производителей иностранных. Тогда этот договор удивил меня; не отрицая точности цифр, добросовестно приведенных английским агентом, я понимал, что они ничего не доказывают. Производство зерна, как и всех других товаров, растет или падает в зависимости от спроса. В то время, о котором идет речь, я, улаживая дела с моими добрыми крестьянами, выяснил, что аренда одного гектара (десятины) земли стоит в этих местах примерно два рубля, а несколько лет назад его цена доходила до шести рублей. Более высокая цена приходилась на 1817 год, когда Россия вследствие неурожая, поразивших многие страны Европы, вывозила зерна на огромную сумму — от 130 до 150 миллионов рублей. Если завтра отменят зерновые законы в Англии и ввоз туда зерна станет выгодным, мы тотчас увидим, как вследствие роста производства и вспашки целины возрастет и цена на землю — везде, вплоть до самых отдаленных губерний России. Английский народ выиграл бы от этого не меньше, чем те, кто снабжает его зерном в обмен на продукты его мануфактур.

** Аргумент, сводящийся к тому, что крепостных в случае голода, согласно закону, обязаны кормить их помещики, злобная насмешка! Можно сколько угодно издавать законы и предписания, но невозможное не станет от этого возможным. Живущие в странах, где царит рабство, знают, как на самом деле господин выполняет подобные обязанности. Если ему выгодно, он кормит своих рабов, но как только это становится для него убыточным, он перестает это делать. Да и откуда, даже при самом большом желании, он возьмет средства для помощи крестьянам, если у него этих крестьян много?

Что же это за полиция, с которой никакая полиция в мире (а сей институт вовсе не отличается мягкосердечием) не жаает иметь ничего общего, включая название? Это, собственно, право бить палкой правого и виноватого. Если эти действия называются поддержанием общественного порядка и безопасности и узаконены только ради того, чтобы немногие имели право причинять вред сотням и тысячам себе подобных, то лучше обойтись без полиции. Такое положение вещей — всего лишь организованная, даже, если можно так выразиться, законная анархия, чудовищная и пагубная для общего благополучия.

Выше мы говорили, что простое освобождение должно неизбежно сопровождаться передачей крестьянам на законных основаниях всего, чем они владели, будучи крепостными, и, в частности, домов, в которых они живут. Могут возразить: эти дома иной раз выстроены на счет помещиков; пусть так, хотя это бывает далеко не всегда; к тому же затраченный труд тоже заслуживает вознаграждения.

Выгоды такого закона в пользу освобожденных крепостных очевидны и гораздо важнее неудобств для помещиков. Прежде всего, обеспечивая крестьянину жилище, его ограждают от требований бывшего владельца. Если бы последний имел неограниченные права на дом крестьянина, то при первом же подвернувшемся случае он сказал бы: «Принимай мои условия или немедленно отправляйся вон». Нетрудно понять, с какими трудностями столкнулся бы бедный крестьянин, особенно вначале. Когда же он уверен, что имеет полное право спокойно проживать в своей хижине, ему нет необходимости соглашаться на любые условия помещика. В крайнем случае, он мог бы оставить дома жену и детей и уйти на заработки куда-то еще; а недостатка в работе в России никогда не бывает.

Но не исключено, что и в самом деле разумнее было бы ограничить право крестьянина на жилище и предоставить ему дом только как бы в пользование. Ибо очевидно, что неограниченное право собственности на жилище, предоставленное крестьянам, может создать серьезные неудобства для господина, а нужно быть справедливым ко всем. Нельзя сеять новые семена злобы между людьми, которым придется жить рядом, бок о бок; ради всеобщего благополучия надо налаживать жизнь, основанную на добром согласии.

С этой целью можно было бы предписать, что крестьянин может продать свой дом только крестьянину той же деревни; на продажу дома какому-нибудь чужаку следует получить согласие помещика; наконец, помещик имеет преимущественное право приобрести дом за ту же цену. Подобное правило позволило бы помещику отдалить от своего имения нежелательных людей.

Освобождение, при котором крестьянину будет обеспечено владение всем приобретенным им движимым и недвижимым имуществом, а также жилищем, трудно осуществить. Я без колебаний заявляю и в буквальном смысле готов дать голову на отсечение, что следует поступить именно так. При этом я убежден, что когда рабство наконец будет уничтожено, все удивятся, отчего этого не сделали гораздо раньше. Именно так и происходило в различных странах после успеха реформ, которые поначалу были сопряжены, по мнению общества, почти с непреодолимыми трудностями.

Есть еще ряд выгод, которые, на мой взгляд, желательно было бы предоставить крестьянам после освобождения; пока ограничусь лишь указанием на них. Так, хорошо бы, чтобы крестьянин получил в собственность клочок земли, — тот самый, в который он

и его предки вкладывали свой труд, быть может, даже улучшали — без всякой выгоды для себя; где они столько вынесли, будучи рабами, и где, наконец, вкусили сладость свободы.

Как мы уже говорили, именно так и было сделано в Пруссии. Освободив земледельцев лично, прусское правительство решило обеспечить их благосостояние на более прочных основаниях, даровав им полную собственность на часть земель, которые они обрабатывали. В Пруссии было два вида земледельцев, живших на помещичьих землях: одни имели фермы и владели ими на основании наследственного права, другие — на иных правах; все оплачивали свое землепользование различного рода податями, барщиной, натурой и пр. Желая уничтожить все эти повинности и подати, правительство постановило, что земледельцы освобождаются полностью, предоставляя помещикам либо треть (фермеры по праву наследования), либо половину (фермеры на прочих правах) тех земель, которыми они владеют. В результате и помещики-собственники, и бывшие фермеры стали свободными, независимыми и неограниченными владельцами земель, которые им достались. Если фермер не желал уступить часть земли, то он по договоренности мог вместо нее заплатить деньги и т. п. Законом был назначен срок, в течение которого землевладелец и фермер обязаны были заключить взаимное соглашение; в противном случае правительство само выполняло все формальности через учрежденные для этого комиссии. Комиссии были обязаны рассматривать споры между сторонами и следить за выполнением предписаний закона. В общем, реформа была встречена положительно.

Некий достойный человек, долгое время управлявший одним из самых больших имений королевства, сказал мне, что он с полным правом может утверждать, что реформа эта доставила множество выгод землевладельцам, не говоря уже о крестьянах и стране в целом. Среди прочих обязанностей крестьяне из вверенного его работам имения должны были в разное время года поставлять от 50 до 80 запряженных телег для различных работ. «И что же! — говорил он. — Ту самую работу, для которой пригоняли все эти телеги, я теперь исполняю с помощью всего лишь двух повозок: в каждую из них впряжено по четыре лошади, предназначенных исключительно для рабочих целей. Крестьянские поля, перейдя в собственность тех, кто их обрабатывает, стали просто неузнаваемы. Прежде крестьянам и в голову не приходило как следует их удобрять, пропалывать и освобождать от камней; увеличившееся нынче плодородие тех же самых полей показывает, сколь ревностно заботятся о них земледельцы». Выгоды, которые извлекло из этой реформы государство — как в материальном, так и в моральном отношении, — перечислять излишне.

Реформа сия была проведена в министерство князя Гарденберга. И страна еще долго будет благодарна ему, даже когда забудутся политические и дипломатические деяния этого министра.

Вышеперечисленные изменения не произвели и не могли произвести большого шума в Европе*, где, слава Богу, феодализма уже нет и общественное мнение занято совершенно иными — впрочем, значительными и возвышенными — вопросами, нежели проблема освобождения крепостных. Но Россия!.. Пристало ли ей равнодушно относиться к такому важному делу? Может ли она, разьедаемая проказой рабства, пройти мимо отмены крепостного права, предприимчивой и доведенной до благополучного конца в соседней стране? Россий-

* Лучший очерк об этой реформе написан англичанином (г-ном Расселом)⁹⁹.

ское и прусское правительства обмениваются не только обычными дипломатическими посланниками, но и военными советниками, обязанными сообщать обо всех новостях, реформах, переменах, имеющих место в военных министерствах обеих стран. Могла ли такая важная реформа, проведенная прусским правительством в пользу крестьян, не отразиться в депешах гражданских и военных дипломатов наряду с подробными отчетами о парадах и сановных русских путешественниках за границей? Царское правительство направляет в Пруссию еще и специальных агентов, которым, как когда-то несчастному Коцебу и многим другим, поручено сообщать о состоянии общественного мнения в Германии. Упоминали ли эти господа в своих донесениях об этой реформе или только *разоблачали ее*?

Примеру Пруссии последовали другие германские государства; в некоторых, например, в Саксонии, в ход реформы были внесены отдельные изменения, справедливые и равно выгодные обеим заинтересованным сторонам.

Несмотря на все преимущества освобождения, проведенного по прусскому образцу, то есть частями и постепенно, я тем не менее далек от мысли следовать ему в России. Прежде всего надо отметить, что условия, в которых находились земледельцы в Пруссии, значительно отличаются от того, как живут русские крестьяне. В России нет ни наследственных, ни каких-либо иных фермеров. Часть земель, которые в каждом имении русские крестьяне обрабатывают для себя, не поделена на постоянные участки; напротив, участки все время переходят из рук в руки; меняются и их размеры. Кроме того, нельзя забывать, что Пруссия гораздо более развита, чем Россия; там есть правильно поставленные, а в некоторых отношениях даже образцовые административные органы и суд. Управление в России представляет собой хаос; добро здесь можно осуществлять только в широких масштабах, в виде общих мер, всеохватных, но простых. Новшества надо вводить легко и быстро; не должно быть ничего сложного; главное же — нельзя рассчитывать на способности и добрые намерения чиновников, которым предстоит проводить эти реформы в жизнь. От ненадежных выгод лучше отказаться, ограничившись простым освобождением, характер которого я обрисовал выше. Остальное уже дело времени, которое найдет могучих помощников в характере народа, свойствах страны и обширности территории в сравнении с населением.

Чтобы сделать освобождение крепостных полным и плодотворным, правительству следовало бы одновременно провести еще ряд реформ: благие сами по себе, они были бы еще лучше в сочетании с выгодами освобождения. Не говорю о реформах управления и суда, впрочем необходимых, и ограничиваюсь мерами, наиболее тесно связанными с освобождением и легче всего проводимыми в жизнь. Для создания хорошей администрации, составления свода законов, упорядочения гражданского и уголовного судопроизводства мало одного стремления, а для преобразований, которые я имею в виду, достаточно твердой воли правительства.

Полагаю, что никто не удивится, если первой из необходимых реформ я назову введение в армии иных способов поддержания дисциплины, нежели те, что применяются ныне, а также иных наказаний за проступки и преступления, совершенные представителями низших сословий. Закон, который возвестит об освобождении, должен провозгласить и полное уничтожение телесных наказаний. Особенно неотложна и важна реформа армейской дисциплины. Когда телесные наказания, как, например, в Англии, могут налагаться только по приговору суда, то при всей их бессмыслице они не оказывают заметно-

го влияния на нравы и обычаи народа в целом; чтобы к ним приговорили военного, в английской армии, к примеру, нужно постановление военного совета, поэтому, как бы велико ни было зло телесных наказаний, оно не в силах нанести ущерб национальным нравам, обычаям и привычкам. Но когда закон позволяет назначать их по усмотрению полиции или капризу господина, когда палка и в народе и в армии является единственным средством дисциплины и наказания, когда наказание, даже будучи разделенным на различные степени, сохраняет свой позорный характер, нельзя не согласиться, что подобный порядок неизбежно накладывает отпечаток на все отношения между высшими и низшими, между начальниками и подчиненными, между теми, кто платит, и теми, кому платят. Если сохранять битье палками, то с освобожденными крестьянами можно будет обращаться так же, как сейчас обращаются с крестьянами государственными. Нижние чины русской армии — крестьяне, высшие должности заняты дворянами. Если после освобождения воинская дисциплина останется такой же, как теперь, то крестьяне никогда не смогут проникнуться чувством собственного достоинства, присущего свободным людям, а дворяне станут обходиться со свободными людьми так же, как раньше обходились с рабами. Освобождение должно не только разбить цепи рабства, но и привить рабам человеческое достоинство, иначе оно будет неполным, а успех его — весьма сомнительным; повсюду воцарится анархия, и хотя никто не станет вводить ее в систему или предписывать законом, от этого она будет не менее ощутимой. Полная отмена бессмысленных и унижительных телесных наказаний разъяснит и помещикам, и дворянам, и низшим классам, что отныне считается правом, а что — проступком или преступлением*.

Завершая сии размышления о рабстве и испытывая глубокое и скорбное чувство, мы вынуждены задаться вопросом: неужели и вправду так трудно творить добро?

Откладывать решение этого вопроса, когда в столкновение вступают, с одной стороны, бесспорное право, а с другой — явная и гнусная узурпация, становится невозможным; в таких случаях говорят: вопрос созрел. В нашем деле это означает, что угнетатели, видя невозможность угнетать и впредь, должны проявить великодушие и, подчиняясь необходимости, добровольно положить конец несправедливостям. Счастье, когда общественный прогресс совершается таким образом, зло прекращает свое существование потому, что его более не желают терпеть! Сколь поучительно для народных масс наблюдать, как правительстве или высшие сословия делают добро только потому, что их вынуждают к этому обстоятельства! Неужели власть, люди, притязающие на руководство народом, могут выказывать уважение к принципам добра лишь в том случае, когда их заставляют провести границу между добром и злом?

Неужели так трудно — вновь и вновь спрашиваем мы — творить добро ради самого добра? Не в нем ли заключается источник радости и счастья? Чтобы не сворачивать с пути добра, правительству достаточно соблюдать собственные интересы, если, конечно, оно верно их понимает. Следуя правилам морали, делая добро только из любви к самому добру, правительство заслужило бы доверие, благодарность и привязанность граждан; став на путь нравственности, оно, несомненно, увлекло бы за собой и массы. Если политические и гражданские свободы являются благом, то справедливое правительство обязано, не теряя ни минуты,

* См. в конце книги примечание М о военной дисциплине.

дать народу возможность ими пользоваться. Утверждение, что благоразумнее подождать, пока народ созреет для свободы, лишено логики и исполнено вероломства. Человек всегда готов к добру. Скажите лучше, что вы считаете злом то, что другие признают благом, и потому отвергаете его; тогда вы хотя бы не нарушите логики. Но тогда уж откажитесь от подлинного добра навсегда, отказывайтесь и сегодня, и через сто лет, только не говорите, что не хотите его лишь теперь, но позднее непременно захотите. Это лживо и безнравственно.

В самом деле, непонятно, почему земным владыкам так неприятна мысль о том, чтобы начать и исполнить славное, святое дело освобождения миллионов несчастных и их потомков. Есть ли более прекрасная, более завидная роль, чем роль государя, например, русского императора, который, будучи законно облечен безграничной властью, употребляет ее для возвращения человеческого достоинства десяти с лишним миллионам существ, достойных этого благодеяния хотя бы потому, что они уже давно его жаждут? Ведь таким образом он излечивает остальную часть нации от язвы рабства! Сколь сладостными и искренними были бы благословения и молитвы, возносимые за него к небесам! Бедная женщина, претерпевшая страдания, налагаемые природою на всех матерей, могла бы, указывая мужу на только что появившегося на свет ребенка, сказать: «Это наше дитя; я родила не раба, но свободного человека». Боже праведный! Как же сотворен человек, если он отказывается от удовольствия даровать другим такую радость? Если он, облеченный безграничной, колоссальной властью, не жаждет облагородить ее, использовать для счастья тех, кому судьба повелела подчиниться его законам; если он соглашается идти по печальному пути, проторенному эгоизмом и страхом, то как может он, возвысившись над подвластной ему частью человечества, представлять Бога на земле?

Эпилог

КОГДА, ПРОЕЗЖАЯ ПО СТРАНЕ, видишь мирные и приятные для глаза деревенские жилища, хочется думать, что живущие в них люди счастливы. Таковы *country gentlemen* или *gentlemen farmer* в Англии; их жизнь привольна и обеспеченна. Во Франции мелкие собственники сами обрабатывают землю в своих маленьких имениях, а затем в приятной тиши уединения отдыхают от трудов, забывая об усталости. И в одной, и в другой стране общество не разрушает этих приятных мечтаний; мы можем без задней мысли наделять в своем воображении сих скромных смертных всеми благами жизни, кои необходимы в подлунном мире для настоящего счастья. В России ничего подобного вы не найдете ни в одном сословии. В России богатство приносит отдельные выгоды, немногие радости, но не доставляет того благополучия и удобств, какие сопутствуют ему в остальном мире. Богатый человек может оказаться на дурном счету у правительства, и тогда его спокойствию конец. Что же касается *счастливой посредственности*, то ее слишком теснят сверху и слишком мало поддерживают снизу, чтобы она могла дышать свободно. Предположим, что мелкий помещик,

окруженный своими домочадцами, изо всех сил старается быть счастливым и сделать счастливыми тех, кто от него зависит; но при первых же попытках сойти с проторенной дороги он станет притчей во языцех у соседей, его сочтут человеком опасным или, выражаясь официально, «беспокойным»; он будет постоянно подвергаться мелким придиркам, унижениям и притеснениям, от которых в России никто не защищен*. Конечно, его нельзя считать счастливым человеком, ведущим тихую и приятную жизнь; он, скорее, мученик, который, оставаясь верным своему призванию, упорно и мужественно борется с бесчисленными врагами, не надеясь одержать над ними верх.

Если говорить о низших классах, то, отвлекаясь от прочих невзгод, достаточно вспомнить рекрутский набор, ежегодно уносящий каждого десятого и погружающий в траур целые деревни; даже самое радужное воображение не найдет в их положении каких-либо признаков счастья.

Сословие купцов, торговцев, не разделяя привилегий дворянства, тем не менее освобождено от тягчайшего бремени, гнетущего низшие классы, а именно от поставки из своей среды рекрутов, и, казалось, может наслаждаться хотя бы тенью счастья. Однако, всецело поглощенный жадной наживы, чуждый по своему положению в обществе вкусам и чувствам, которые могли бы облагородить его прозаическое ремесло, не зная другой радости, кроме обладания богатством, купец слишком низко пал, чтобы ценить достойное и независимое существование. А кроме того, где могло бы обрести независимость сословие, лишённое основных и первейших гарантий безопасности, сословие, везде и всегда страдающее либо от гнета аристократической спеси, либо от произвола чиновников? Пожалуй, богатство до некоторой степени защищает от угнетения; но иногда — и примеров тому мы видели немало — оно даже притягивает его. Неизменная цель купечества — приобрести дворянство; это голубая мечта несчастных негоциантов!

Русские, путешествующие за границей, порой вздыхают с облегчением, наслаждаясь прелестями свободной жизни; укрывшись от угроз, несправедливостей и унижений, они могут почувствовать себя счастливыми — но лишь при условии, что забудут свою страну; а это трудно и даже опасно, ибо если сердце и позволит им забыть о ней, то правительство само займется этим, конфисковав их имущество, если поездка продлится дольше установленного срока.

Возможно, именно по причине полного отсутствия пусть незатейливого, но от этого ничуть не менее реального счастья, столь украшающего путевые заметки туристов, сентиментальной литературе, введенной в моду Стерном, так и не удалось прижиться в России. Писатели этой школы с успехом использовали свои таланты и чувствительность, рассказывая о чужих краях; те же, кто пытался описывать в этом роде свою страну, терпели полное фиаско.

Если кто-то все же станет искать в России счастливого человека, то, быть может, найдет его среди придворных. В этой стране счастьем почитается быть милостиво принятым при царском дворе; во всем остальном мире счастье основывается на независимом положении и состоянии.

---

* Один помещик вознамерился освободить своих крестьян и даже сделал некоторые шаги в этом направлении; за это соседи так возненавидели его, что стали отказывать крестьянам из его имений в мелких услугах, которыми принято обмениваться среди соседей.

Я видел бедность в различных странах; однако рабочий, встреченный мной однажды среди полей на севере Англии, шел с высоко поднятой головой и не просил милостыни; у него некоторое время не было работы и уже два дня не было хлеба, однако он пробуждал не одну жалость. Другой рабочий, которого я как-то повстречал на улице Глазго, показал мне различные памятники и даже сообщил сведения из истории города; одет он был прилично, говорил как человек, не лишенный образования, и только в конце нашей беседы я узнал, что он уже давно не работает на фабрике и ходит по улицам, ожидая дня, когда настанет его очередь и он сможет дробить камень для мостовой! Я видел ужасающую бедность ирландских крестьян, их хижины из глины, их дома с голыми стенами, лишённые самого необходимого; во Франции, на берегу моря, я видел добрых и честных рыбаков, семействам которых их опасный промысел не всегда обеспечивает дневное пропитание. Что же! Вид сих несчастных, конечно, вызывает жалость и заставляет роптать на судьбу, но это ничто в сравнении с тем, что представляет собой жизнь русского крестьянина, и особенно русского солдата. При виде их сердце, кажется, готово выпрыгнуть из груди, а ропот превращается в проклятия!

Без сомнения, русский крестьянин обычно не лишен предметов первой необходимости, как несчастные в других странах; но даже если у него больше средств к существованию, то всего, что делает это существование счастливым, он лишен полностью.

Сердце мое обливается кровью при мысли о печальной, но правдивой картине несчастий, которую являет моя родина. Да, такова Россия; один человек, о котором я уже упоминал в этой книге, совершенно справедливо сравнил ее с огромным зданием, обязанным своей прочностью давлению, удерживающему на месте каждый камень. В этой связи я вспоминаю весьма выразительный рисунок, сделанный одним высокопоставленным русским дипломатом: на нем были изображены люди, входящие в Российскую империю; за ними опускали шлагбаум, на котором можно было прочесть слова, помещенные Данте на вратах ада:

*Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*¹⁰⁰.

Истина познается при помощи размышлений, рассуждений и, наконец, мысли; но чтобы открыть ее, нужен гений. Опираясь на логику и разум, мыслители могут установить, каково должно быть положение вещей при данных обстоятельствах; для этого им не нужно прибегать к опыту. Так, Бенжамен Констан, анализируя аргументы следствия ничем не ограниченной власти, набросал картину, во многом чрезвычайно подходящую к русскому обществу¹⁰¹. Вот что он пишет: «Произвол разрушает нравственность, ибо нет нравственности вне безопасности... Когда самовластье беззастенчиво расправляется с людьми, для него подозрительными, оно преследует не одного человека, но весь народ, сначала заставляя его негодовать, а затем развращая. Люди всегда стремятся избавиться от страданий. Когда под угрозой находится то, что они любят, они либо расстаются с ним, либо защищают его. В городах, пораженных чумой, — говорит г-н По, — нравы разлагаются внезапно: умирая, люди

---

¹⁰⁰ Оставь надежду, всяк сюда входящий (*ит.*).

¹⁰¹ «О завоевании и захвате власти», гл. XI («О влиянии произвола на различные стороны человеческого существования»), с. 315.

обворовывают друг друга. В нравственном смысле самодержавие можно приравнять к чуме: человек отталкивает товарища по несчастью, когда тот хочет опереться на него, отрекается от прежних друзей, превращается в одиночку, дабы удобней было защищаться, и в слабости или дружбе, с мольбой взывающих к нему, видит лишь помеху собственной безопасности⁹. Если народ равнодушно наблюдает за действиями тирана, без ропота смотрит, как наполняются тюрьмы, множатся приказы о высылке, неужели можно полагать, что в такой атмосфере несколько затертых фраз смогут пробудить добрые и честные чувства? Говорят о необходимости отеческой власти: но первый долг сына — защищать притесняемого отца; однако когда вы, отняв у детей отца, заставляете их хранить трусливое молчание, что остается от ваших высоких истин и правил, от ваших проповедей и законов? Вы говорите о святости брака, но сами, на основании сомнительного доноса, простого подозрения, по одному полицейскому предписанию, разлучаете мужа с женой, жену с мужем! Неужели вы всерьез считаете, что супружеская любовь гаснет и возгорается так, как это удобно властям? Вы превозносите семейные узы, но их святость опирается на личную неприкосновенность и надежду на совместную и свободную жизнь под защитой гражданского права. Если бы и в самом деле существовали семейные узы, то разве отцы, дети, мужья, жены, друзья и близкие тех, кого притесняет самовластье, подчинились бы произволу! Вы говорите о кредите, торговле, промышленности, но у попадающего в тюрьму есть кредиторы...

Когда человек, не признанный в суде виновным, несет наказание, всякий, кто наделен разумом, понимает, и не без основания, что его в любую минуту может постигнуть та же участь, ибо права его ничем не подкреплены. Охваченные страхом, все молчат, но на всем остается отвратительный отпечаток: почва колеблется, по ней ходят, содрогаясь от ужаса¹⁰.

Ничто не проходит бесследно в наших многообразных и сложных отношениях с властью. Несправедливости, называемые частными, суть неисчерпаемый источник общественного зла; власть не в состоянии отделить их от прочих злоупотреблений. Нельзя быть несправедливым частично. Единственный варварский закон определяет законодательство в целом. Пока существует хотя бы одна незаконная мера, ни один справедливый закон не будет соблюдаться полностью. Нельзя отказывать в свободе одним, предоставляя ее другим¹¹.

⁹ В России не принято испытывать сострадание к жертвам произвола. Там сочувствуют несчастью родственника или друга, которого судьба покарала смертью ребенка или потерей состояния; в последнем случае там даже предлагают помощь, быть может более щедрой, чем в других странах. Но стоит человеку впасть в немилость у правительства, даже самую пустячную, от него тут же все отворачиваются; даже родители сторонятся его и, не дерзая осудить действия властей, выказывают равнодушие, а иногда и враждебность к жертве.

¹⁰ «Одна из главных ошибок французов состоит в том, что они никогда не придавали должного значения свободе личности. Причина, по которой у рассеянного и эгоистичного народа право на свободу личности защищено гораздо меньше, чем право на собственность, весьма проста. Тот, у кого отняли свободу, уже этим обезоружен; тот, кого лишили собственности, сохраняет свободу и может требовать возвращения отобранного. Поэтому свободу личности всегда защищают друзья пострадавшего; свою собственность он защищает сам. Очевидно, что пылкость защиты в этих случаях будет разной».

Вспомним замечание Макиавелли: люди быстрее забывают пытки, чем конфискацию имущества¹⁰²; на этом основании можно заключить, что недостаток, отмеченный французским публицистом, присущ человеческой природе вообще, а не одним французам.

Часть вторая

Внутреннее устройство России

Глава I

Государь

ПОСЛЕ РАССКАЗА о различных сословиях русского народа мне остается познакомить читателя с политическим устройством России.

Начну с того, что первым делом бросается в глаза, а именно с государя. Известно, что в России существует абсолютная монархия, но, на мой взгляд, недостаточно известно, что русский царь — это самодержец в полном, нелепом и ужасном, смысле этого слова. Ни один из более или менее упорядоченных видов правления, которое принято называть неограниченным, не может сравниться с Россией, где всю власть воплощает в своей особе император. Во всех подобных странах было и есть какое-нибудь сословие, какие-нибудь традиционные учреждения, заставляющие государя в известных случаях поступать так, а не иначе и ограничивающие его причуды; в России ничего подобного нет. Даже порядок престолонаследия, столь важный для абсолютной монархии, и тот не определен каким-либо законом или твердым правилом. Петр I завещал корону женщине, которая некогда была маркитанкой в неприятельском обозе, причем никто не знает, был ли он женат на ней*. Восшествие на престол русских государей и государынь часто сопровождалось дворцовыми переворотами. Вопрос о монархе решался то каким-нибудь иностранцем-авантюристом, солдатом или лекарем, то *своими, местными* убийцами. Павел I, из ненависти к матери, особым законом исключил женщин из порядка престолонаследия, и впредь трон должен был переходить от одного лица мужского пола к другому по праву первородства. Но уже императору Александру было угодно — то ли из-за второго брака великого князя Константина, то ли по какой-то иной причине — потребовать, чтобы брат отрекся от короны. Было ли это отречение хотя бы обнародовано? Нет, оно осталось государственной тайной, о которой знали только два или три лица. Император Александр назначил наследником Николая, другого своего брата, собственноручно начертил свое волеизъявление, и бумаги были запечатаны и помещены в архив Сената, Государственного совета, а также в один из московских соборов. Когда Александр умер, то все с удивлением обнаружили, что в вопросе о наследнике царит полная неопределенность. Между братьями начались переговоры, во

---

* Канцлер Румянцев, известный любитель исторических разысканий, часто говорил, что ему так и не удалось найти весомых доказательств брака Петра I и Екатерины.

время которых одно из лиц, посвященных покойным императором в тайну, решилось вспомнить о запечатанном пакете, содержание которого было ему известно. Князь Л., председатель Государственного совета, также знал об этом, но он был слишком хорошим царедворцем и предпочитал молчать¹⁰³. Другой же, который, кажется, и писал под диктовку императора Александра упомянутый акт, счел своим долгом объявить великому князю Николаю о существовании таинственного документа¹⁰⁴. В Турции и других подобных государствах при таких обстоятельствах пролилась бы кровь. Сам Петр I сумел отстранить своего прямого потомка от престола, лишь предав его смерти. Упомянутый пример из недавнего прошлого показывает, что теперь в России для получения короны достаточно сохраняемого в тайне духовного завещания. Кровь предполагаемых наследников больше не льется, что свидетельствует, разумеется, о некотором прогрессе в смысле смягчения нравов, но главное — о «прогрессе» в том, что касается расширения власти государя*.

Меж тем человек, будучи существом ограниченным, встречается на каждом шагу непреодолимые препятствия, поставленные самой природой и силой вещей. Поэтому российский самодержец при всем своем могуществе далеко не всегда способен поступать так, как желал бы. Иногда кажется, что чем больше власть государя, тем уже та сфера, где он в состоянии действовать свободно. Он может заставить исполнять свои желания, капризы, внезапные порывы, иногда губительные; но он никогда не может быть уверен, что поступает разумно и согласно логике, что он понимает причины, видит не только цель, к коей стремится, но и средства, избираемые для ее достижения. Самодержец никогда не знает пределов своей власти, ибо правда обычно до него не доходит. Предположим на миг, что он стремится провести некие полезные реформы; для этого ему необходимы советчики и исполнители. Но где они? Где их искать? Во всяком случае, не среди массы подданных: подданные не смеют высказываться и, кроме того, не обладают средствами для выражения своих желаний, надежд, мнений**. Таким образом, самодержец вынужден сообщать о своих благих намерениях придворным, то есть как

* Говорят, что отречение великого князя Константина от своего права на престол было следствием его второго брака с одной польской дамой (княгиней Лович). Однако слух, что Константин не будет царствовать, возник в обществе значительно раньше. Один из его приближенных рассказал мне как-то, что, когда в беседе с великим князем он упомянул о возможной смерти императора Александра, Константин ответил, что в этом случае он взойдет на престол. Как бы там ни было, отречение Константина произошло следующим образом. По окончании одного из многочисленных конгрессов, последовавших за миром 1815 года, Александр, возвращаясь в Россию, предложил Константину проводить его. Во время поездки император с грустным и разочарованным видом сказал брату: «Я устал, утомлен, мне нужен отдых; я хочу отречься». Константин был изумлен и, понимая, что не сумеет убедить самодержца отказаться от этого решения, заявил, что тоже не желает царствовать. Тогда император, дав брату почувствовать серьезность сказанного, просил его хорошенько подумать. И прибавил, что если Константин настаивает на своем решении, он должен письменно известить его о нем. «Хорошо, — ответил Константин, — но я не смогу написать по-русски». «Пиши по-французски, — ответил император, — я переведу!» Письмо с отречением было написано и переведено. Впоследствии именно оно послужило основанием для исключения великого князя Константина из числа наследников¹⁰⁵.

** В небольшом сочинении, озаглавленном «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным» и приписываемом императрице Екатерине II, о тех, кто обычно окружает престол, говорится, что они составляют «преграду, разделяющую монарха от остальных граждан, старающихся исполнять должности свои, мрак, закрывающий в очах государей людей нижних степеней. А ты, скромная добродетель, избегающая похвал и стыдящаяся говорить сама о себе, каким образом дойдет глас твой до высоты престола? Гражданин, одушевленный тобою, скорее погребется в земли, нежели сделается известен многим»¹⁰⁶.

раз тем, кому в силу положения, приобретенного не всегда достойными средствами, выгодно сохранять *status quo*⁶.

Итак, защитники абсолютизма (я имею в виду защитников убежденных, если таковые еще имеются) ошибаются, полагая, что неограниченная власть всегда может действовать успешно. С гораздо большим основанием можно утверждать обратное⁷. Чрезмерность власти неизбежно искажает, ограничивает и почти уничтожает ее, ибо действовать можно только в пределах возможного. Иногда, конечно, диктаторы изумляют мир размахом своих деяний; но такое возможно только если речь идет об инертной материи; в нравственной или интеллектуальной сфере действия тиранов почти всегда обречены на неудачу. Погубив финансы страны, абсолютный монарх может с поразительной быстротой воздвигнуть гигантский дворец, огромный памятник, даже создать многочисленные вооруженные силы, по крайней мере материальную их часть; однако каждому ясно, что ограниченная власть может сделать столько же и не делает этого лишь потому, что сначала должна призвать в советчики разум и пользу.

В делах управления беспредельная власть также мало помогает государю, ибо не может внести в эту сферу заметные улучшения. Управление только тогда организовано хорошо, когда оно совершается, так сказать, само собой; если же всякий раз, когда надо действовать, необходим толчок извне, значит, оно устроено плохо или же вовсе сведено на нет. Основа хорошего управления — свобода деятельности общин и муниципалитетов. Нужно, чтобы люди, сознающие необходимость действовать, могли, посоветовавшись друг с другом, принять необходимые решения и приступить к работе; если же вместо этого разрешено только подавать жалобы или представления властям, тогда все останавливается, благие намерения улечиваются, мужество пропадает; устав ждать, люди забывают, и лекарство отыскивается лишь тогда, когда зло уже достигло крайней степени⁸.

Правительству следует вмешиваться в дела только в том случае, когда от него этого требуют, и лишь постольку, поскольку его вмешательство необходимо. Люди должны иметь право делать все, что не нуждается в участии правительства, не спрашивая его об этом вовсе. Однако абсолютизм этого не приемлет, это ему несвойственно.

---

⁶ Никогда не следует забывать, что государи воспитываются в неискренности, ибо их дворцы окутаны атмосферой лжи; они навсегда отучены от естественных привязанностей себялюбцами, которые их окружают; они коснеют в жестокости — отчасти потому, что в их положении страхи неизбежны, отчасти под влиянием бесчувственных, неправдивых, бессердечных существ, сих порождений двора, с которыми монархи только и имеют дело; они приучены к тиранству тою низостью, которую они обнаруживают во всех, с кем соприкасаются; к стремлению повелевать их неизбежно толкает среда, в которой совершаются все их шаги к власти и злоупотребления ею. Подобно тому, как стервятник высиживает птенцов в своем окровавленном гнезде, истинным отцом взращенного во дворце тирана является паразит-придворный». Лорд Брум, *Государственные деятели времен Георга III (Карно)*¹⁰⁷.

⁷ Реальная власть даже в странах с конституционным режимом не всегда не соответствует полномочиям правительства. Никто не станет утверждать, что во Франции пожизненное звание пэра, даруемое королем, больше укрепляет монаршую власть, чем если бы оно было наследственным.

⁸ С тех пор, как закон расширил полномочия генеральных и муниципальных советов во Франции, расходы, утверждаемые этими советами и выгодные их округам, значительно возросли. Подсчитано, что налоги, собранные первыми, выросли на 30 миллионов, а вторыми — на 16 миллионов. Таков результат выборности местных советов. Нет сомнения, что если принцип централизации будет несколько ограничен, работа местных властей станет действительной и плодотворной.

Недостаточно провозгласить закон; его надобно исполнять. При неограниченной власти залог исполнения закона — только бдительность самой власти; поэтому закон призрачен. Как бы власть ни заботилась, как бы ни старалась, этого будет недостаточно; а чем больше страна, тем менее возможен там надзор. Закон сам должен действовать всякий раз, когда это необходимо; следовательно, люди должны понимать, когда наступает время применить закон, и судить о его применении; одним словом, гарантией исполнения закона может быть только гласность, но и она не соответствует природе неограниченной власти.

Власть самодержца безгранична, в отличие от власти короля, ограниченной конституцией, но в действительности первый менее могуществен, чем второй, и это отнюдь не парадокс. Абсолютный монарх нередко оказывается рабом в еще большей степени, чем последний из его подданных. Иго льстецов (а самодержца окружают только льстецы) выносить тоже нелегко. Поистине невыносимо слышать постоянное повторение собственных мыслей, эхо своих высказываний; нигде не услышишь ни одного дружеского, независимого слова, не увидишь ни одного честного лица, ни одного свободного человека!

На какие только уловки не пускаются придворные в России, чтобы скрыть от государя истину или извратить ее! В Министерстве иностранных дел, например, есть департамент, обязательный выбирать из иностранных газет нужные статьи для представления императору. Так вот, редакторы этих извлечений иногда преподносят эти материалы таким образом, что те полностью теряют сходство с оригиналами — лишь потому, что содержание последних может не понравиться самодержцу. Иногда государя так же поступают со своими подданными. Например, Екатерина II приказывала перепечатывать в Петербурге номера «Гамбургской газеты», вычеркивая все для нее неприятное и прибавляя все, что ей хотелось прибавить¹⁰⁸.

Если случайно (а такое бывало) вблизи трона окажется человек добродетельный и способный и если он, принимая участие в управлении, предложит улучшения, бесспорно сулящие пользу стране, то его соперники, не решаясь открыто восстать против него из страха навлечь на себя немилость государя, будут действовать втихомолку, окольными путями. Допустим, монарх отвергнет все измышления недоброжелателей и не поверит интриганам, плетущим коварные планы под покровом тайны. Но раз реформа объявлена, ее надо приводить в исполнение; и тут-то возникнут многочисленные, огромные и непреодолимые трудности. Успех чаще всего зависит от доброй воли исполнителей, поэтому необходимо, чтобы между лицами, на которых возложено исполнение, царило согласие. Но как монарху достичь этой доброй воли и согласия? Несмотря на свою безмерность, его власть развивается о тайное сопротивление тех, кто противится его намерениям. Нужно быть больше чем самодержцем, нужно обладать некой сверхчеловеческой силой, чтобы не поддаться сим постоянным тайным проискам, которые подобно многоликим Протеям, во множестве осаждают монарха; они играют то на его самолюбии, то на полноте его власти, то подвергают нападкам его смелость, пытаясь доказать, какая страшная пропасть разверзнется при осуществлении даже самых мудрых и спасительных мер. К тому же, как бы ни был умен человек, он не может постоянно быть уверен в своей правоте. Есть, конечно, вопросы, не допускающие ни сомнений, ни колебаний, — таков вопрос о рабстве; однако немало других вопросов требуют, чтобы монарх сначала заручился поддержкой подданных. Но неограни-

¹⁰⁸ См. примечание N в конце книги.

ченный государь слышит только голоса придворных! Поэтому даже вопрос о рабстве не составляет исключения из общего правила! Именно поэтому, несмотря на безграничную власть императора Александра и его искреннее желание положить конец этому чудовищному злу, все его великодушные попытки потерпели крушение! А будь в стране гласность, то есть возможность публичного обсуждения, она наверняка стала бы могущественной союзницей императора в его намерениях.

Так происходит всегда и везде. Будь, например, во Франции больше гласности и желания правительства теснее сотрудничать с ассамблеей, избранной народом, Людовика XVI наверняка удалось бы провести первые реформы, предложенные и начатые Тюрго. Несчастный государь и его министр могли сколько угодно любить народ, но между тронном и нацией стоял слепой, эгоистичный и склонный к интригам двор. Люди, тайно противящиеся спасительным реформам и препятствующие благим намерениям государей, не решились бы открыто бороться против реформ там, где господствует гласность; перед лицом общественности они никогда не осмелились бы прибегнуть к тем доводам, которые бываю в ходу на их тайных совещаниях, или отстаивать свои взгляды в печати: ночная тьма благоприятствует преступлениям, а дневной свет их предупреждает.

Поистине всемогущ тот монарх, который опирается на народное собрание; закон, установленный одной только волей государя, никогда не имеет такой же силы, как закон, обсужденный и принятый парламентом.

В России, как мы уже указывали, все виды власти сосредоточены в руках государя, а духовенство, дворянство, третье сословие и все, кого можно к нему причислить, не обладают даже тенью власти.

За границей часто упоминали о значении Сената и о влиянии некой аристократической партии, которая, как говорили, состоит из представителей древних русских родов; роль этой партии якобы особенно заметна в Москве. Само название Сената играет, несомненно, большую роль в том, что люди думают о важности этого учреждения. Вскоре мы увидим, что при нынешнем положении вещей такое мнение о Сенате безосновательно. Один из высших чиновников империи, безуспешно пытавшийся в начале царствования Александра сделать это учреждение хоть сколько-нибудь действенным, несколько раз заявлял самому императору, что ноги его больше не будет в Сенате, пока тот остается таким, как есть. Это был граф Кочубей, человек просвещенный, но чересчур равнодушный к подлинным причинам бедствий страны*.

Влиятельность высшего московского дворянства не более чем предрассудок. Прежде, в особенности во времена Екатерины II, высшие сановники государства, канцлеры, генерал-прокуроры, фельдмаршалы, оставив службу, поселялись в Москве; туда же отправлялись и отставные фавориты. Но так как все они раньше играли важные роли в государстве и были настоящими вельможами, коих ныне не найдешь даже в России, то их присутствие в Москве придавало некоторый блеск обществу древней столицы, ибо они приезжали

---

* Живя в России, я был склонен упрекать в равнодушии почти всех образованных русских. Возможно, они становились равнодушными потому, что на собственном опыте убеждались в невозможности каких-либо улучшений; те, которых я обвинял в безразличии к благосостоянию страны, предавались бездействию исключительно из-за чудовищного нагромождения несправедливостей и лжи; не имея возможности устранить зло, они старались хотя бы не умножать его.

туда не для того, чтобы заживо похоронить себя, а, напротив, чтобы, следуя моде того времени, тратить свои огромные доходы на устройство модных балов, праздников и роскошных приемов. Впрочем, это были уже не прежние придворные, от которых можно было ожидать неких проявлений независимости. Как раз наоборот, они стремились перещеголять друг друга в угодливости и не считали унижительным для себя рассыпаться перед представителем власти, например генерал-губернатором, в льстивых заверениях и поклонах, кои прежде они расточали императрице. Некоторые высшие сановники, уходя на покой, по-прежнему переезжают в Москву, но так как вельмож там уже не осталось, им приходится смешиваться с толпой чиновников и дворян в Английском клубе, на официальных празднествах и генерал-губернаторских балах.

Безграничная власть настолько бессмысленна и отвратительна, что единственную возможность ограничить могущество русских царей стали усматривать в чудовищных и отвратительных дворцовых переворотах, нередко орошавших кровью царский трон и породивших жестокую шутку: «Россия — это абсолютная монархия, ограниченная удавкой»¹⁰⁹. Если бы в империи была влиятельная аристократия, сохранившая определенные политические и административные традиции, на которые царь не осмелился бы поднять руку; если бы по крайней мере существовало более или менее независимое дворянство, способное восставать против действий правительства и заставлять его поступать иначе, тогда можно было бы думать, что царь, из страха стать жертвой ярости этих аристократов и дворян, не во всем волен поступать по своему желанию. Но ничего подобного в России нет, и русское дворянство, понимаемое как сословие и взятое в целом, так же неповинно в крови своих государей, как и другие сословия, например купцы или крестьяне. В самом деле, кто совершал дворцовые перевороты? Иностраный лекарь (Лесток) при помощи нескольких пьяных гвардейцев возводит на трон императрицу Елизавету; кулачные бойцы, братья Орловы, призванные Екатериной, свергают Петра III с престола и убивают его; наконец, флигель-адъютанты, любимцы Павла I, составляют заговор против этого государя. Во всех этих отвратительных событиях не видно и следов труда какой-либо партии или привилегированной касты. Подобное утверждение станет понятнее, когда мы напомним, что большая часть народа всегда оставалась и должна была оставаться равнодушной к насильственным сменам государей. Постоянно пребывая в угнетении и терпя различного рода бедствия именно из-за общественного строя, огромное большинство русских просто не видит, какая — более или менее суровая — тирания царит в стране; народ почти не замечает мягкости или доброжелательности монарха. Неистовая натура Павла давала о себе знать прежде всего в городе, где он жил, да и то лишь тем лицам, которые соприкасались с правительством. Народ же, в массе своей привыкший терпеть произвол и самовластие, не обращал внимания на то, что в Петербурге стало несколькими несчастными больше. Жители провинции в те времена, несомненно, чаще становились свидетелями смены губернаторов и генералов; но манера управлять и командовать оставалась прежней: все, как и раньше, были вынуждены молча подчиняться произволу. В отдаленных уголках империи народ узнавал о смене царя только в церквах, когда священники во время литургии поминали имя нового императора.

В официальном русском языке есть выражение, подобного которому нет ни в одном европейском языке; не знаю, имеется ли что-нибудь похожее в восточных языках. Как и любой неограниченный монарх, самодержец может провозглашать законы и издавать

указы; но кроме этого он может установить закон на том основании, что такова его высочайшая воля; и этот способ введения законов значительно более действителен, нежели всякий другой. Законы, указы, привычки, обычаи — все склоняется перед *высочайшей волей*. Власти или сословия иногда могут верноподданнейше ходатайствовать перед монархом об отмене того или иного закона или указа; но никогда еще никому не дозволялось возвышать голос против воли государя. Стоит только объявить высочайшую волю, как все прения тотчас прекращаются, различие мнений исчезает и толкование закона становится бесполезным — идет ли речь о государственном или же о частном деле. *Высочайшая воля* — этим все сказано, остается только умолкнуть.

По установленным правилам лишь министры, государственные секретари и генерал-адъютанты обладают привилегией объявлять высочайшую волю.

«Все Божие да государеву», — гласит народная, в высшей степени русская пословица. Если в пословицах заключена мудрость нации, то мудрость русского народа, кажется, весьма своеобразна.

Полагаем, что эту главу следует завершить некоторыми замечаниями о данном русскому императору титуле *главы церкви*.

Те, кто считает, что российский император одновременно является главой православной церкви — а так думают почти все, — без сомнения, будут удивлены тем, что ниже мы говорим о несовместимости католического учения о папе с русскими понятиями. Российский император — государь, обладающий неограниченной властью, которая обнимает всю гражданскую и религиозную жизнь народа; он всем распоряжается, всем правит; он позволяет, запрещает, приказывает. Таков очевидный факт, и люди, видя, что один человек обладает безграничным могуществом, без колебаний приписывают ему любое право, даже непонятное и сомнительное, не боясь дойти до абсурда. Однако факты не могут служить обоснованием принципа; между тем принцип состоит в том, что русский народ и русское духовенство не признают и никогда не признавали иного главы церкви, кроме Иисуса Христа. И это учение существует не только в сознании верующих — как прежде, так и ныне его открыто высказывают и исповедуют все. Епископы, прославившие русскую церковь, всегда, при всех обстоятельствах отстаивали это важнейшее положение и восставали против ложных мнений, составившихся об этом у иностранцев. Так, в своем знаменитом обращении к Александру во время его коронации митрополит Платон сказал о святой церкви: «Сия августейшая дщерь неба хотя довольно для себя находит защиты в единой главе своей, Господе нашем Иисусе Христе, яко огражденная силою Креста Его; но и к Тебе, Благодетельнейший Государь, яко к первородному Сыну своему прострет она свои руки и, ими обьяв твою любезнейшую выю, умолять не престанет: да сохраниши залог веры цел и невредим»¹¹⁰. Впрочем, как давно замечено, земная власть никогда не помышляла о том, чтобы противоречить здесь духовным властям (это было бы довольно трудно) или запрещать им проповедовать такие истины (что сделать гораздо проще).

Напрасно думают, что Павел I всерьез принял титул главы церкви, которым смешное невежество и лесть наделяют российских императоров, и хотел на этом основании исполнять обязанности священника и служить обедню. Правда, этому несчастному монарху однажды пришла в голову такая прихоть (прихотей у него было предостаточно); тем не

менее он не был ни настолько невежествен, ни настолько безумен, чтобы делать это в качестве главы церкви: он претендовал на сей поступок только на основании титула *Помазанника Божия*. В день коронации императоры пользуются правом, коего лишены все остальные миряне, — держать в руках чашу, из коей священник причащает верующих; кроме того, они входят в алтарь через царские врата, что не разрешается никому, кроме священнослужителей. На основании этих привилегий Павел I пришел к выводу, что он имеет право служить литургию. Он сообщил о своем намерении петербургскому митрополиту. Архиерей, считая бесполезным что-либо доказывать человеку, в голове у которого могла зародиться подобная мысль, нашел крайне простой способ отвлечь императора от сего безумного шага: он объяснил ему, что по правилам греко-русской церкви священники не могут быть женаты дважды, поэтому Павел, которого это прямо касалось, не мог служить обедню. Император удовольствовался этим замечанием и не настаивал. Церковь, кажется, ничего не говорит даже и об упомянутых выше привилегиях. Павел самовольно присвоил их, опираясь на свой титул Помазанника Божия; кроме него, никто из царей никогда не пытался ничего изменить в обряде причащения¹¹¹.

Действительно, откуда могло возникнуть столь серьезное учение, наделяющее человека свойствами самого Бога? В истории православной церкви нет оснований для подобного верования. На протяжении веков она признавала над собой духовное главенство восточных патриархов, в частности патриарха Константинопольского, в юрисдикции которого находилась Россия. Его власть над нею, учение церкви, равно как и представления русского народа о сути этой власти не имели ничего общего с представлениями и доктриной западной церкви о власти папы. Отношения России с греко-восточной церковью мало-помалу ослабели, и однажды некий благочестивый царь, находясь под опекой Бориса Годунова, того самого, который ввел рабство на Руси и которого русская церковь предала анафеме, решил учредить *русское* патриаршество. Завоевание турками Константинополя очень затрудняло сношения церкви с восточными патриархами и чинило препятствия власти самих патриархов; таким образом, русские почувствовали необходимость иметь у себя в стране высшую церковную власть. Учреждение патриаршества в России также было вызвано необходимостью защититься от притязаний пап, кои ради усиления своего могущества не преминули воспользоваться тем обстоятельством, что глава восточной церкви оказался в подчинении у мусульманского государя. Власть русских патриархов была, несомненно, велика, хотя и мало чем отличалась от власти их предшественников, митрополитов Московских; они управляли церковью, ставили епископов и, подобно царям, имели свой двор и своих бояр. Как и митрополит, патриарх сам, без вмешательства со стороны светской власти, управлял обширными имениями церкви, устанавливал там налоги и подати, назначал судей и управителей. К концу XVI века духовенство владело огромными богатствами и поставляло для царской службы внушительное число воинов. Тем не менее царь всегда был могущественнее главы церкви, и патриархи могли пользоваться своей властью только с согласия земных владык. Из десяти патриархов, сменивших друг друга до воцарения Петра I, лишь один попытался восстать и проявить всю мощь и независимость своей власти: это был знаменитый Никон. Он осуществил многочисленные реформы в русской церкви, внес ряд исправлений в тексты священных книг и уничтожил обычаи и обряды, не гармонизовавшие со святостью православной религии. К слову сказать, реформы эти породили несколько сект, известных

под названием старообрядческих; в них вошли люди, не пожелавшие признать новшества патриарха Никона. Не удовлетворившись этими преобразованиями, Никон, обладавший заносчивым и властным нравом, стал вмешиваться в государственные дела. Между ним и царем Алексеем (отцом Петра I), который знал Никона еще простым крестьянином и впоследствии возвел его на патриарший престол, возникло соперничество, вскоре закончившееся полным разрывом. Царь пожаловался на Никона восточным патриархам и потребовал его низложения, что и было исполнено.

Петр I, движимый не столько действительными и практическими неудобствами, которые представляло для него патриаршество, сколько любовью к единству и единообразию, вдохновляющей больших и малых деспотов, или, что еще более вероятно, неприятием его нововведений со стороны последнего патриарха, после его смерти решил уничтожить патриаршество. С этой целью он посадил на патриарший престол в качестве *locum tenentis** преданного ему епископа и приказал написать устав, необходимый для здания Синода, которому предстояло заменить институт патриаршества. По новому уставу императору отводилась роль *покровителя* церкви. Представленный на рассмотрение восточным патриархам, этот устав получил их одобрение и с тех пор должен был служить основой здания русской церкви.

Из вышесказанного следует, что российские императоры не унаследовали власть патриархов, и по закону она принадлежит только Святейшему Синоду, а императоры и по закону, и по здравому смыслу являются и могут являться только покровителями или, скорее, защитниками русской церкви. Никакого иного титула они никогда официально не имели, тем более титула главы церкви: такого звания они никогда и не принимали.

Более того, ни русский патриарх, ни кто-либо из пяти патриархов Восточной церкви никогда не рассматривался ни духовенством, ни народом как высший и безраздельный глава церкви даже в духовной сфере; Западная же церковь почитает папу абсолютным главой. Восточная церковь всегда исходила из принципа, что церковные соборы стоят епископов, патриархов и государей; собор — единственная высшая религиозная власть. В первые века христианства императоры иногда подчиняли себе церковь, но то была временная узурпация, и она нисколько не колеблет общего принципа.

Итак, доказано, что со времени введения христианства на Руси духовная власть долгое время оставалась в руках восточных патриархов, затем перешла к патриархам русским и, наконец, с согласия и одобрения патриархов восточных, — к Святейшему Синоду. Никакой акт или устав не облекал этой властью царей или императоров; перед церковью и перед законом они могли быть и были только защитниками, или, как называл их Петр I, покровителями церкви. Власть, осуществляемая ими в духовной области, или, точнее, в управлении церковью (назначение епископов и т. п.), является фактической, но не подтвержденной правом. В отношении религии их полномочия нельзя сравнивать даже с властью первых христианских императоров, кои, подобно Константину Великому, полагали, что звание верховного жреца, принадлежавшее им при прежнем порядке вещей, остается в силе и при новом порядке, а значит они, наравне с епископами и соборами, могут вмешиваться в дела религии. Положение русских императоров по отношению

---

* Местоблюстителя (лат.).

к церкви не имеет ничего общего и с положением английских королей, ибо права и привилегии, в силу которых эти последние признаются главами англиканской церкви, были определены особым законом, единственным гражданским законом в анналах христианства, который установил религию так же, как вводят новый налог, принимают решение о строительстве дороги или устройстве какого-либо учреждения.

Глава II

МИНИСТЕРСТВА

УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ в России восходит к первым годам царствования Александра.

До их создания управление империей в значительной степени было сосредоточено в руках генерал-прокурора, своего рода первого министра, основной обязанностью которого являлось представлять императора в Сенате. В ведении генерал-прокурора находились финансы, полиция, управление внутренними делами; но в первую очередь он был верховным судьей, министром юстиции.

Военными и морскими делами ведали коллегии, подчинявшиеся Сенату; президенты этих коллегий занимали важные ступени в иерархии государственных должностей.

Еще одна коллегия занималась внешними сношениями страны. Председатель этой коллегии имел звание канцлера или вице-канцлера.

Коллегии, созданные Петром I, были организованы на всех административных уровнях. И если система коллегий продолжала оставаться разрозненной и не имела такой действенности, которой обладала лица, наделенные властью, или же министерские канцелярии, где решения могут исполняться быстрее и успешнее, то в целом она представляла собой совокупность традиций, методов и укоренившихся привычек, помогавших противостоять произволу чиновников, чего вовсе не обеспечивают министерские кабинеты и канцелярии. Поэтому все единодушно сожалели об упразднении коллегий.

С учреждением министерств все обязанности по управлению были поделены между различными ведомствами, не зависящими друг от друга и не имевшими ни общего центра, ни общей власти; объединяла их только власть императора, ибо премьер-министра, то есть главного управителя, уже не было.

Этих ведомств было одиннадцать: *юстиции, внутренних дел, финансов, народного просвещения, военное, морское, иностранных дел, государственных имуществ, генерального контроля, путей сообщения и императорского двора*. Прибавим еще Почтовый департамент, состоящий в ведении чиновника, который не зависит ни от какого министерства.

Внутренняя организация министерств была выработана не сразу, а постепенно, сообразно разным приказам, изменявшимся по обстоятельствам*.

* Адмирал Мордвинов, игравший в царствование Александра лучшую роль, какая только могла выпасть государственному человеку в России, часто рассказывал: когда в Совете обсуждался вопрос об учреждении

Необходимость как-то объединить деятельность различных министерств привела к созданию Комитета министров под председательством лица, назначаемого императором; лицо это не является ни министром, ни руководителем какого-либо ведомства. Это лицо председательствует и в Государственном совете. Председатели департаментов Совета являются также членами Комитета министров.

Все административные дела до представления на утверждение императору должны поступать в этот комитет и там обсуждаться. Но влиятельные министры, каковыми всегда бывают министры военный и финансов, и министры, пользующиеся у государя особенным доверием, часто не вносят дела в комитет, а представляют их прямо императору.

СЕНАТ

Сенат есть собственно высший апелляционный суд для всех гражданских и уголовных дел. До образования министерств это учреждение обладало помимо судебной еще и административной властью; впоследствии под его началом оказались даже министры — как до этого ему подчинялась вся административная власть. Но мало-помалу министры сумели от этого избавиться. В настоящее время административные полномочия Сената сведены в основном к обнародованию законов и распоряжений, издаваемых высшей властью.

Сенат делится на девять департаментов, из которых пять находятся в Петербурге, а четыре в Москве. Одни занимаются гражданскими делами, другие — уголовными. В последнее время создали новые департаменты, которые заменили существовавшие в Польше трибуналы; изменения внесли и во внутреннюю организацию департаментов, назначив в каждый председателя, по образцу Государственного совета. Говорят, что последнее нововведение должно ускорить ход дел.

Сенат является последней инстанцией для решений по некоторым поступившим в него гражданским и уголовным делам, но по многим другим делам его решения должны быть представлены на высочайшее утверждение.

Согласно реформам, задуманным Сперанским, полномочия Сената должны были ограничиваться юридическими делами; он хотел сделать из Сената исключительно судебное учреждение, апелляционный суд.

министерств, император непременно желал, чтобы министров облекли ответственностью. «Но, государь, — возразили ему, — если министр откажется подписать указ вашего величества, будет ли указ иметь обязательную силу без этой формальности?» — «Конечно, — ответил император. — Указ должен быть исполнен при любых обстоятельствах». Вот так понимался вопрос об ответственности, с трудом разрешимый даже в странах, где управляют не при помощи указов.

Этот анекдот напоминает мне сцену из многолюдной пышной комедии, разыгранной императрицей Екатериной в Москве, куда она созвала депутатов от всех губерний и народностей Российской империи для выработки нескольких *основных законов*, своего рода конституции для страны. Когда представители правительства разъясняли собравшимся депутатам цель и значение их собрания, один татарин спросил: «А когда станет действовать конституция, будут ли указы?» Комиссары, застигнутые врасплох и самим вопросом, и задавшим его лицом, не решились ответить отрицательно. «Тогда какой толк в законах, если еще будут и указы?» — наивно продолжал вопрошать татарин.

В начале своего царствования император Александр, понимая, до какого ничтожества был низведен Сенат после создания министерств, решил возратить первому учреждению государства часть его прежних прав и наделить его некоторой реальной властью. По этому случаю он издал торжественный манифест, в котором среди полномочий, данных Сенату, было формально засвидетельствованное право требовать упразднения или изменения существующих законов и указов. Совещательные учреждения умеют еще лучше, нежели отдельные лица, использовать предоставленные им преимущества. Так и Сенат ухватился за первый попавшийся случай, дабы прибегнуть к своему новому праву. Император издал указ, увеличивавший срок службы дворян в низших чинах; Сенат счел, что сей указ противоречит законам государства, и после должного обсуждения представил императору нижайшее донесение по данному вопросу. В своем ответе Александр официально разъяснил, как следует толковать хвалений манифест: предоставленное Сенату право требовать отмены законов и установлений могло касаться лишь тех, что появились до манифеста; на законы и указы, изданные после его обнародования, оно не распространялось¹¹². Сей ответ схож с ответом на бестактный вопрос татарского депутата.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Начиная с царствования Петра I важные государственные дела всегда рассматривались в особом совете. Долгое время этот совет не имел строгой организации, и по прихотям власти в него вносились частые изменения. При императоре Александре наконец было решено создать Государственный совет, который стал бы центром и распоряжался бы действиями правительства. Привести этот план в исполнение попытался Сперанский.

Основные полномочия этого учреждения должны были касаться законодательной области и сферы высшей государственной администрации; в юридические дела оно могло вмешиваться лишь в тех случаях, когда возникало сомнение в правильности трактования и применения законов. Именно с этой целью решениям Государственного совета было положено придать силу законов. Подобное устройство входило в общий план реформ, задуманных Сперанским.

Сначала Государственный совет разделили на четыре департамента: законов, финансов, военный и судебных дел; но деление это и вытекавшие из него полномочия вскоре были перепутаны и формально упразднены. Для начала из ведения Совета изъяли военные дела, потом финансы; затем пренебрегли вопросами, относившимися к общему законодательству; в конце концов Государственный совет стал заниматься огромным количеством исключительно судебных дел, поступающих из Сената.

СВЯТЕЙШИЙ СИНОД

Святейший Синод управляет делами господствующей религии. Главой его является митрополит Новгородский; Синод состоит из нескольких митрополитов и архиереев, заседающих там поочередно, и из одного архиерея, принадлежащего к белому духовенству.

Прокурор-мирянин, назначаемый императором, представляет в Синоде государя. Комитет, состоящий частично из служителей церкви, а частично — из светских чиновников, управляет православными семинариями*. Делами других христианских исповеданий занимаются коллегии, зависящие от Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. Магометанство и его муфтии, равно как и другие нехристианские религии, подчинены Министерству внутренних дел. В царствование Александра существовало специальное министерство, управлявшее всеми иностранными религиями.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Судебная система в том виде, в каком она теперь существует в России, была установлена Екатериной II; ее порядок определен в «Учреждении о губерниях», главном труде ее славного царствования¹³. С тех пор в него были внесены некоторые изменения, и большинство из них появилось при нынешнем императоре. Мы опишем судебный порядок в его современном виде.

В каждом главном городе губернии или области имеются гражданская и уголовная палаты. Каждая из палат состоит из председателя, избираемого дворянством, советника, назначаемого правительством, и четырех советников, или ассессоров, из коих два избираются дворянством, а два — купечеством. В каждом губернском городе есть специальный чиновник, которому поручено наблюдать за правильностью судебных процедур: это прокурор, он подчиняется министру юстиции.

В уездах есть суд первой инстанции, рассматривающий и гражданские, и уголовные дела. Он состоит из председателя и двух ассессоров; все члены суда назначаются дворянством.

В уезде заместитель прокурора (*стряпчий*) выполняет те же функции, что в губернском городе прокурор.

Главный город провинции или губернии — губернский город со своей округой — составляет уезд, такой же, как другие уезды, и имеет такие же суды и исполнительные органы. Разница лишь в числе заместителей: если в уезде заместитель один, то в уезде главного губернского города их два — один по гражданским, а другой по уголовным делам.

ОБЩЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

Общее управление страной также было установлено «Учреждением о губерниях» в царствование Екатерины. Оно несколько раз менялось, особенно в части, касающейся государственных имуществ.

В каждом губернском городе находится губернское правление, ведающее делами общего управления. Председателем в нем является гражданский губернатор; в его состав входят четыре советника, назначаемых правительством; один из них именуется вице-губернатором и замещает губернатора в его отсутствие.

---

* Этот комитет недавно уничтожен, а дела, которыми он ведал, перепоручены обер-прокурору Синода.

В каждом уезде есть полицейский суд (земский суд), хотя название сие неправильно, ибо он не ведает никакими юридическими делами. В его ведении находится полиция, уголовный розыск, а также надзор за исполнением решений других судов. Раньше этот суд состоял из уездного исправника (начальника полиции), выбираемого дворянством, и двух заседателей, избираемых земледельцами. Потом двух сельских заседателей заменили двумя станowymi приставами, избираемыми дворянством; они уже не заседали в суде, а имели постоянное пребывание в определенной части уезда. Тогда же *исправнику* дали заместителя, также избираемого дворянством, для помощи в исполнении возложенных на него обязанностей.

Главными представителями администрации являются губернаторы. В обеих столицах и в некоторых других частях империи существуют генерал-губернаторы, стоящие выше обычных губернаторов. В некоторых городах имеются военные губернаторы, соединяющие свои обязанности с обязанностями гражданскими. Губернаторы должны участвовать в решении уголовных дел.

В городах имеются городовые магистраты, члены которых избираются купеческим сословием.

В губернских и уездных городах есть предводители дворянства, избираемые дворянами каждые три года. Эти предводители ведают распределением местных налогов, опекой над малолетними сиротами и пр.

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСАМИ

Для управления финансами в каждом губернском городе существует казенная палата.

Она состоит из председателя и нескольких советников, из коих один ведает делами винокуренных заводов, другой — пошлинами на соль, третий называется губернским казначеем, а четвертый занят контролем. Кроме того, казенная палата осуществляет рекрутские наборы, что раньше входило в обязанности губернского правления.

Некогда в казенных палатах председательствовали вице-губернаторы, в чьем ведении состояли также казенные земли, которые теперь находятся в ведении Министерства государственных имуществ.

Управление казенными лесами уже несколько лет отделено от казенных палат и тоже находится в ведении Министерства государственных имуществ.

Каждый губернский город имеет палату (или приказ) общественного призрения. Созданные в целях благотворительности, эти учреждения владеют ныне весьма значительными капиталами; они получают и дают ссуды по правилам, принятым в ломбардах Петербурга и Москвы.

В этих приказах председательствует гражданский губернатор, и состоят они из двух депутатов от дворянства, двух от купечества и одного казначая.

К учреждениям государственного кредита относятся:

- 1) Комиссия погашения государственных долгов, она ведет главную книгу государственного долга;
- 2) Ассигнационный банк, обязанный выпускать ассигнации;
- 3) Заемный банк, выдающий частным лицам ссуды под залог недвижимости;

4) Коммерческий банк, ведающий учетом векселей и ссудами в торговых сделках, этот банк имеет отделения в главных городах империи*.

Глава III

Некоторые наблюдения над судебным и административным устройством

НАС ОГОРЧАЕТ злоупотребление словами, и нам противно называть вещи не принадлежащими им именами. Действительно, как не смутиться, употребив слово *Сенат* для обозначения собрания, которое называется так в Российской империи, если вспомнить, что являл собой римский сенат и каким он бывает у многих современных народов. Как можно, даже через силу, назвать *законами* этот хаос распоряжений и других распоряжений,

* В отчете министра финансов за 1842 год положение кредитных учреждений представлено следующим образом¹¹⁴:

	Руб.	Коп.
З а е м н ы й б а н к , положение на 1 января 1843 года:		
Суммы, числящиеся за казною, Комиссией погашения государственных долгов и другими общественными учреждениями	131 337 003	15
Суммы, числящиеся за частными лицами	53 999 374	91
Всего:	185 336 378	06
Общий объем операций банка в 1842 году возрос до 284 797 817 р., а чистая прибыль составила 1 498 770 р. 35 к.		
К о м м е р ч е с к и й б а н к , на то же время:		
Его капитал был равен 8 571 428 р. 57 к.		
В 1842 году в банк и его отделения поступило:		
	Руб.	Коп.
Переводов	38 225 948	41
Сумм, взятых под проценты	136 237 622	93
Ставка по учету векселей	13 022 836	35
Ссуды на торговые операции	967 288	31
В целом коммерческие операции банка в том же году возросли до 843 181 934 р. 54 к., а чистая прибыль, включая и прибыль отделений, составила 373 519 р.		
Кроме этих двух кредитных банков, банковские операции, состоящие обычно в ссудах под залог недвижимости, совершают отделения Опекунского совета Воспитательного дома в Петербурге и Москве, используя при этом свои капиталы.		
Капиталы, вверенные этим учреждениям, достигали на 1 января 1843 года 336 736 229 р. В 1842 году они выдали ссуд на 43 213 383 р. и получили в уплату по ссудам 43 280 811 р.		
Опекунские советы на 1 января 1843 года имели в ипотеке 438 домов и лавок, а также 4 883 275 душ, проживавших на землях, заложенных в ипотеку. В 1842 году их чистая прибыль составила 1 044 156 р. Вместе они располагали капиталом в 54 068 914 р. серебром, а также владели домами и различными постройками на сумму в 7 396 952 р. Всего 61 465 866 р.		
Капиталы приказов общественного призрения, существующих во всех губернских городах, достигают 12 762 070 р. 23 к.		
В этом годовом отчете Министерства финансов впервые имеется упоминание о ссудно-сберегательных кассах. Они были основаны в 1842 году, и в том же году в них уже было внесено 54 319 р., из которых вкладчики взяли только 10 537 р. Число вкладчиков достигло 4505.		
На 1 января 1843 года сумма находящихся в обороте бумажных денег или ассигнаций поднялась до 595 776 310 р., а металлических денег на то же время — до 43 791 899 р.		
Государственный долг составлял 290 434 155 р. серебром, или примерно 1 200 000 000 франков.		

отменяющих предыдущие, постановлений, противоречивых решений, несогласованных мнений, то заимствованных за границей, то выдающих отечественное происхождение, которые родятся на свет ежедневно, чтобы немедленно быть преданными забвению? Как прикажете относиться к священному слову *право*, когда говоришь то о детских, то о чудовищных привилегиях, благодаря которым их обладатели могут или бить себе подобных, или путешествовать на четырех или шести лошадях? Но ведь именно это и называется в России *правами!* Привилегированное сословие, например, гордится *правом* не подвергаться побоям, которое, впрочем, вовсе ему не обеспечено.

Подобные непреодолимые затруднения заставляют нас отказаться от подробного рассмотрения системы и действия административной и судебной власти; впрочем, мы все об этом не жалеем, ибо такие детали не представляли бы ни малейшего интереса.

Укажем, однако, на несколько основных, характерных черт, способных дать представление не столько о том, что есть в настоящее время в России, сколько о том, что могло бы там быть при наличии доброй воли и уважения к истине и справедливости.

Законодательная власть в России принадлежит исключительно монарху и никем, кроме него, не осуществляется; следовательно, и говорить о ней нечего. Власть административная, или исполнительная, и власть судебная также исходят от монарха и проводятся в жизнь теми, кому он это поручает. В отличие от всех цивилизованных стран, даже тех, где народ не участвует в управлении, в России эти две власти не отделены друг от друга. Одни и те же суды, одни и те же власти действуют и в сфере судебной, и в сфере административной; органы, созданные для управления, часто принимают участие в осуществлении правосудия и *vice versa*^{*}.

Нельзя сказать, что смешение функций различных властей непременно есть зло. В России колоссальная, неограниченная власть, составляющая прерогативу монарха, поглощает и подавляет все, поэтому там не может быть и речи о какой-либо независимости судебной власти. А там, где нет ни адвокатов, ни поверенных, ни законовевов, ни профессиональных администраторов и где все делают все, ни к чему предоставлять разным властям различные сферы деятельности. Что толку утверждать, что такой-то судья занят только судом, а такой-то администратор — только управлением, если первый, в сущности, не более судья, чем второй — администратор. Оба они вначале, как это принято, были военными, а потом, совершенно случайно, попали на гражданскую службу в разных должностях. Но разве от этого они будут лучше судить или управлять? Надо полагать, что человек, долго и старательно исполняющий обязанности судьи, может в конце концов приобрести судейский опыт; но как убедить людей посвятить себя некоей профессии, если этой профессии не существует, если к судейству допускаются исключительно дворяне, кои по обыкновению начинают карьеру с военной службы или в лучшем случае состояли некогда в какой-нибудь канцелярии. Но одного опыта судье недостаточно, иначе его деятельность пойдет во вред подсудимым; судье нужна определенная подготовка, особые сведения, а это у нас совершенно недостижимо. В России, перед тем как вступить в должность судьи, никто предварительно не учится^{**}.

* Наоборот (*лат.*).

** Впрочем, недавно в Петербурге основали школу юриспруденции для подготовки чиновников по судебной части¹¹⁵.

Вряд ли в университетах существуют кафедры, где преподают русское законодательство. Есть кафедры римского права, естественного права, государственного права, международного права и пр., но достаточно поставить рядом два слова: *русское* и *право*, чтобы тотчас убедиться, что ни преподавать здесь нечего, как нечему и учиться.

Адвокатского сословия, из которого только и могут выходить хорошие или хоть какие-нибудь судьи, в России не существует. Зато имеется множество всеми презираемых и сомнительного вида агентов, или уполномоченных, которые *ведут* процессы в судах и составляют прошения для тяжущихся; название их профессии (*стряпчий*) нельзя перевести на язык ни одного цивилизованного народа; нигде нет такого слова, ибо нигде не встретишь ничего подобного. Стряпчими обычно бывают отставные унтер-офицеры или отпущенные на волю крепостные. Дворяне нередко поручают своим рабам защищать в суде их интересы.

Когда я служил в Департаменте гражданских и уголовных дел Государственного совета, у меня была возможность оценить этих необычных поверенных. Я не мог избежать встреч с теми лицами, чьи дела проходили через мои руки: таков обычай; впрочем, иногда, беседуя с ними или читая их записки, я узнавал новые обстоятельства дела, имевшие важное значение для правосудия, но не попавшие в документы, составленные в ходе ведения процесса. Приходили ко мне и адвокаты-крепостные, а так как положение крепостного для меня священно, я всегда принимал их прежде всех остальных. Ободренные моим благожелательным обхождением, они говорили со мной откровенно и свободно. Эти беседы никогда не оставляли меня равнодушным. Иногда я дивился уму этих людей, их знанию законов, указов и особенно судейского крючкотворства; порой меня трогала преданность, с которой они отстаивали интересы своего хозяина, то есть владельца. Верность, одна из немногих добродетелей, дозволенных рабу, во всем блеске светилась в их благородных сердцах, которые не удалось унижить даже рабству. Один из крепостных адвокатов, прибывший из очень отдаленной губернии, дабы следить за тем, как продвигается дело его господина в Государственном совете, произнес пылкую защитительную речь в пользу своего хозяина, но в ответ на мой вопрос вынужден был признаться, что умирает с голоду. «Но, — тотчас прибавил он, словно желая извинить проявленное к нему равнодушие, — мой господин небогат, он не мог дать мне много». Чтобы вы могли лучше представить себе этих судебных ходатаев, скажу, что оказал этому человеку небольшое вспомоществование, которое он принял с благородным достоинством, но не без явного и большого удивления. Таковы не адвокаты — но те, кто заменяет адвокатов в России!

Имеется, однако, и исключение. В тех областях империи, где сохранились свои законы и суды, как, например, в немецких остзейских губерниях, существуют настоящие адвокаты, такие же, как во всех цивилизованных странах. Некоторые дела из тех, что решаются в судах этих провинций, могут на основании апелляции дойти до Сената и Государственного совета; тогда тамошние адвокаты переезжают в Петербург, чтобы следить за движением дел из их губерний в том департаменте Сената, куда они поступили. Эти люди, изучив свое ремесло и приобретя познания даже в русском законодательстве, иногда берутся за ведение русских дел в русских судах, но обычно их роль в этих делах ограничивается консультациями. Как правило, они образованны, уважаемы и превосходно справляются с делами.

Общий характер русского законодательства трудно и пожалуй даже невозможно как следует определить. Если бы продолжал существовать старый порядок вещей, первона-

начально установленный в России, если бы он развивался и изменялся в соответствии с требованиями времени и обстоятельствами, то, возможно, Россия сейчас являла бы зрелище, которое мы видим в странах, кои, подобно Англии, не приняли римского права; это было бы законодательство, по сути, скандинавское или норманнское, которому потребности общества придали бы характер, соответствующий степени цивилизованности народа. Такое естественное и постепенное развитие законодательства (как и многих других общественных установлений) было бы, вне всякого сомнения, благотельно и по необходимости прогрессивно, ибо прогресс легче осуществляется там, где явления сохраняют свои свойства, нежели там, где все постоянно меняется; в последнем случае попытки идти вперед иногда могут превратиться в движение назад. Совершенно очевидно, что поначалу в России все так и шло, несмотря на почти двухвековой перерыв во всяком движении, вызванный порабощением русского народа монгольским игом. Этому периоду предшествовали законы Ярослава — скандинавского или норманнского происхождения; это были первые писанные законы, известные русскому народу. Позднее, когда в России появилась неограниченная власть, социальное положение русских совершенно изменилось: из людей свободных все они превратились в подданных; однако законы пока сохраняли свой первоначальный характер. В своде законов царя Ивана (Судебник) еще упомянут институт *присяжных*¹⁶. Для определения характера законодательства этого вполне достаточно. Последний свод русских законов, изданный последним из царей, Алексеем, еще сохраняет отпечаток законов Ярослава. Является Петр Великий, и в ходе его бесчисленных реформ, хороших и дурных, серьезных и ничтожных, русское законодательство погружается в настоящий хаос. Ограничься Петр усовершенствованием прежнего, будь он достаточно просвещен для того, чтобы оценить истинно хорошее и полезное в сделанном до него, не стремись он исключительно к разрушению и созиданию заново, этот поразительный и гениальный человек, без сомнения, совершил бы важнейшие и прекрасные дела. Но страсти ослепляют и великих людей, отвлекая их от разумного и осуществимого. Петр I попытался переустроить все; в армии и на флоте это ему удалось*; в отношении же прочих неотложнейших вопросов он не сделал ничего. Более того, в судебном законодательстве он только опрокинул прежнее здание, не возведя на его месте ничего истинно полезного.

Петр создал Сенат, Военную, Адмиралтейств- и прочие коллегии по образцу учреждений, которые он видел или хотел видеть в тех странах, где успел побывать. Сами по себе эти учреждения могли бы принести большую пользу, но какие законы, какие уставы дал он им? Какие принципы власти, управления и правосудия хотел он отныне предложить русскому народу? Поистине приходишь в смятение, когда видишь целый ворох уставов, законов, правил, всякого рода учреждений, произведенных на свет удивительной, так сказать, лихорадочной деятельностью этого великого человека; кажется, будто он сам пожелал похоронить под этой тяжестью то добро, которое он действительно сделал для своей страны. Все его свершения — и этого нельзя отрицать — проникнуты горячей любовью к общественному

* Замечательная черта отличает Петра I от большинства великих государей: он в последнюю очередь был солдатом и завоевателем; и тот и другой всегда уступали в нем реформатору. Он создавал армию не для парадов, а для войны; войну он вел не для славы, а для завоевания областей, полезных для государства и необходимых для сношений с просвещенной Европой. Слава пришла к нему сама собой, как следствие великих дел, совершенных им в интересах страны.

благу, желанием видеть русский народ сравнявшимся в цивилизованности с другими народами. Но, к несчастью, даже великому человеку недостаточно одних добрых намерений.

Действительно, среди многочисленных судебных и административных нововведений Петра I встречаются то шведский регламент, то голландские статуты, переведенные буквально, в вычурных и чуждых русскому языку выражениях, противоречащих его грамматике и духу. Иногда можно наткнуться на пространные рассуждения, целиком заимствованные из нескольких иностранных сочинений и написанные неудобопонятным слогом; тем не менее судьи, заседающие в гражданских и уголовных судах и в военных советах, обязаны были руководствоваться этими рассуждениями. Впрочем, несмотря на все недостатки перевода, труды, заимствованные у народов с давно устоявшейся цивилизацией, по необходимости содержали некоторые справедливые, полезные и благотворительные принципы, что было особенно важно для нового народа, каким был русский. Эти принципы мало-помалу проникли в умы^{*} и превратились в аксиомы, в афоризмы, которые облекают в плоть идеи, сделавшиеся народными. Фраза, которая в цивилизованных странах является общим местом, может для нового народа стать драгоценной истиной. Так, например, когда Екатерина II в одном из своих сочинений привела вовсе не новую для остального мира фразу: «Никто не может быть наказан без суда», мысль эта глубоко поразила русский народ; эти слова у всех на устах, пусть даже к ним прибегают, чтобы воздать хвалы славной императрице¹¹⁸. Правда, в России принцип сей отягчается ложью, самообольщением, но от этого русские чтят его не меньше: с таким уважением лицемерие относится к добродетели. Как бы то ни было, регламенты Петра I изобилуют подобными прописными истинами и общими местами. Но поскольку в его законодательстве нет ничего систематического, эти фразы, зачастую выхваченные из пространных периодов, вставляются в рассуждения и даже в приговоры под видом текста закона, на котором приговор основан. Например, русский законооведам и судьям хорошо знакомо следующее изречение: «Признание обвиняемого сильнее свидетельств всего света»¹¹⁹. Поэтому судьи часто основывают приговор на признании обвиняемого, не считая нужным разбираться, соответствует ли оно истине, и не доискиваясь, зачем и по какой причине обвиняемый его сделал. Едва ли не на каждом заседании Государственного совета министр юстиции кстати и некстати цитировал эту фразу**¹²⁰. Меж тем, отыскав источник, можно убедиться, что фраза эта, выхваченная из какого-то голландского кодекса, связана с другою, гласящей, что когда против обвиняемого имеется много улик, но не хватает свидетелей, а обвиняемый сам признается в совершенном преступлении, его следует осудить, ибо, прибавляет законодатель, «в признании самого обвиняемого больше силы, чем в свидетельствах целого мира».

В то же время в уставе уголовного судопроизводства, также заимствованном Петром I из иностранного кодекса (этот устав имеет силу закона во всех уголовных делах, а также в делах военного совета), содержится своего рода теория признания обвиняемого, где очень разумно говорится, что одного только признания недостаточно для обвинения и истину необходимо доказывать вне зависимости от этого признания. Впрочем, должен

* В качестве примера можно привести правило, иногда встречающееся в решениях уголовных судов: «Лучше освободить десять виновных, чем осудить одного невинного»¹¹⁷.

** Это был генерал от инфантерии!

сказать, последнее изречение редко приводится русскими законоведами; но я имел возможность однажды воспользоваться им для спасения одного несчастного, который повредился в уме, и моя попытка увенчалась успехом.

Речь шла о человеке, который, сидя за обеденным столом вместе с многочисленными родными, схватил нож и хладнокровно вонзил его в грудь сидевшей неподалеку от него сестры. Он сознался в преступлении, но никак не объяснил его, не назвал ни одной причины. Сенат осудил его как убийцу. Дело дошло до Государственного совета, и почтенный адмирал Мордвинов, всегда старавшийся спасти и правых, и виноватых, стремился во что бы то ни стало отменить приговор Сената. Составляя решение департамента, где он председательствовал, я со всяческими похвалами привел текст упомянутых статей и сопроводил их разъяснениями. Это решение было утверждено императором, и убийцу заключили в сумасшедший дом.

Способствовало ли это маниакальное стремление реформировать законы и уставы укреплению неограниченной власти, как, на наш взгляд, этому способствовали некоторые другие нововведения Петра I? Ничуть; от изменения законов власть ничего не выиграла. Можно сказать даже, что в этой части своих реформ Петр I вообще не думал об интересах самодержавия. Действительно, он учреждал коллегии, состоявшие из нескольких равноправных членов, взамен приказов, во главе которых стоял один человек*. Подчас он даже выказывал благоволение чиновникам, которые, исполняя свой долг, противоречили его воле. Сенатор князь Долгорукий знаменит в истории России тем, что разорвал указ, присланный Петром в Сенат, ибо Сенат нашел сей указ незаконным. Петр в конце концов признал правоту сенатора и похвалил его за смелость¹²¹.

Эти мелкие замечания, сами по себе незначительные, показывают, что до Петра I русское законодательство имело отличный от других и понятный характер, который оно утратило вследствие реформ, проведенных этим монархом. Последующие преобразования были столь же опрометчивы. Впрочем, реформы, которыми мы обязаны Екатерине II, если судить о них не столько по их итогам, сколько по тому, какими эти итоги могли бы быть, являются весьма важными и продуманными. Не призывая пренебрегать результатами, подчеркнем, что главная их ценность заключается в том, что они могут служить основанием для будущего законодательства, источником многочисленных улучшений; именно поэтому они должны привлечь к себе внимание мыслящих людей в России. Хаос, произведенный Петром I, начнет понемногу исчезать, позволяя надеяться на лучшее будущее. Законодательство в целом еще не отличается четкостью; но Екатерина заложила в него плодотворные идеи, посеяла семена истинного прогресса, и, обладая толикой здравомыслия и доброй воли, можно без труда прийти к заключению, что реформы этой государыни основаны на следующих принципах: участие народа в судебной и административной власти; равенство судей и подсудимых по положению; предоставление некоторой свободы городам на основании свободной и правильной организации городского самоуправления. По крайней мере, ее реформы могли бы привести именно к таким результатам, если бы их развили в полной мере.

* Как, например, Табель о рангах.

** Сторонники сильной власти всегда предпочитают канцелярии коллегиям. За отсутствием логики, деспотизм ощущает это инстинктивно.

Нельзя отрицать, что здесь Екатерина сделала для России бесконечно больше, чем Петр I. А она была женщина, иностранка, дочь бедного немецкого принца, извлекавшего средства к существованию из должности коменданта маленькой крепости в Пруссии! Кто из русских монархов сделал что-либо подобное?

Труды Екатерины в области законодательства отмечены печатью величия и полезности; в них видно стремление способствовать просвещению нравов юного народа; именно этим отличается царствование сей государыни. Дух мудрости и здравый смысл обнаруживаются и в административных мерах. Так, осознав необходимость генерального межевания земель в империи, государыня не ограничилась установлением принципов, предписанием способов исполнения, организацией расследований и комитетов и пр., отчего в России дело зачастую несколько не продвигается вперед; она попыталась заинтересовать в успехе межевания самих помещиков и поощряла полюбовный раздел земель, что предупреждало тяжбы и облегчало действия правительства. Казенные земли часто граничили с землями частных лиц, а во многих местах даже вклинивались в них, и Екатерина, устраняя трудности, возникающие в таких случаях при разделе владений и установлении границ, распорядилась, чтобы казенные земли уступали помещикам в том случае, если они сумеют договориться между собой и произвести раздел полюбовно. Таким образом, те, кто сумел воспользоваться мудрой мерой правительства, stanovились иной раз владельцами вдвое большего количества земли, чем ранее. Вот так в России следовало бы действовать всегда: ставить целью общую пользу и для достижения ее жертвовать второстепенными интересами. Но именно этого и не делают. Повсюду принято терзать людей и сужажничать с ними всякий раз, когда им приходится иметь дело с налоговой администрацией: эта система особенно проявила себя при предпоследнем министре финансов¹²².

«Учреждение о губерниях», бесспорно, самое существенное и важное реформаторское деяние Екатерины II*.

Следствием его явилось устройство новых судов и определение их компетенции.

Уголовные суды первой и второй инстанций, находившиеся в уездных и губернских городах, состояли из председателя и одного советника, назначаемых правительством; вместе с ними в качестве судей должны были заседать лица, избираемые народом. Так как сословия никуда не исчезли, то дворянские заседатели должны были судить дворян, купеческие — купцов. Впоследствии эта милость распространилась и на крестьян: если судили крестьянина, в состав судей входил один крестьянский заседатель.

Различные сословия должны были также посредством избрания депутатов формировать полицию и участвовать в городском и сельском управлении.

В каждой губернии дворянство, будучи главным сословием, было объединено в своего рода корпорации, руководство которыми было возложено на уездных и губернских

* Среди проектов екатерининской эпохи встречаются несомненно полезные и благотворительные, но с очевидностью доказывающие, что их авторы пребывали во власти странных иллюзий. Так, Бецкий, один из выдающихся людей того времени, столь же просвещенный, сколь благородный и великодушный, с большим размахом основывал воспитательные дома, надеясь заложить таким образом основы нового порядка, опирающегося на третье сословие! Он же стоял у истоков Академии художеств. Но и здесь его превосходные намерения сопровождалась иллюзиями: создавая эту академию, он хотел, чтобы таланты из обездоленного сословия рабов могли заявить о себе! Искусствам потребно, чтобы их уважали за их собственные достоинства; тот, кто видит в них простое орудие власти, искажает их природу.

предводителей, избираемых местными дворянами. Различные привилегии, дарованные этому сословию, позволяли ему с известной независимостью действовать в сфере городского и местного управления.

Размышляя над тем, что могли в будущем принести такие установления, и видя, что они дали в действительности, испытываешь сильнейшее разочарование. Достаточно отметить, что повсюду пренебрегли выборными должностями. В какой-то степени люди стремятся быть только предводителями дворянства; что же касается всех остальных обязанностей, то дворяне, не состоящие на службе и живущие у себя в имениях, стараются вообще избегать избрания, и поэтому сии должности достаются людям, преследующим только личные интересы. Выборные должности от купечества в городах слишком мало значат по сравнению с правительственной администрацией, и потому уважаемые люди из этого сословия не слишком к ним стремятся. Заседающие в судах депутаты от низших сословий большей частью не имеют никакого влияния — в отличие от своих коллег, назначенных правительством. Только в остзейских губерниях суды организованы как следует.

«Учреждением о губерниях» был введен также институт совестных судей, коих, пожалуй, до некоторой степени можно сравнить с мировыми судьями; они выбираются. В этом труде закрепляется принцип устной судебной процедуры, что крайне важно для страны, где все судопроизводство письменное. Там же вводится принцип периодичности судебных сессий; для России сие не менее важно, ибо там суды заседают беспрерывно в течение всего года, от чего ход дел вовсе не ускоряется, а те, кто ими занимается, только устают.

Эти принципы не получили дальнейшего развития, ибо были несовместимы с душившей их социальной средой; однако, несмотря на равнодушие (я прибегаю здесь к самому мягкому слову) со стороны высшей власти, они не остались все же совершенно бесплодными, и если Россия с тех пор хоть сколько-нибудь продвинулась вперед, то этим она обязана прежде всего вышеназванному сочинению Екатерины II.

Сия великая женщина стремилась не только цивилизовать страну, даровав ей новые учреждения, — своими сочинениями она желала, так сказать, привить народу просвещение. Для этого она написала или, точнее, составила «Наказ» знаменитому народному собранию, от коего она ожидала нового свода законов для империи; в этом труде мы найдем прекраснейшие истины, превосходнейшие мысли Монтескье и Беккариа, выписанные с такой точностью, которая не может не позабавить и не показаться до странности наивной, когда вспоминаешь, что их приводит самодержавная императрица. Скорее всего, «Наказ» и провозглашенные в нем принципы не должны были иметь силу закона; но раз они были обнародованы правительством, а их автором была сама императрица, они не могли не приобрести известного значения и часто служили комментарием к законам. Сей «Наказ» возымел также просветительное воздействие на русских. Многие из них благодаря переводам Екатерины узнали о взглядах знаменитых писателей, а большинство вообще ознакомилось с ними только в этом труде. Познание же истины никогда не проходит бесследно.

Царица приказала также напечатать ряд сочинений, автором коих общественное мнение считало ее; они, естественно, повлияли на умы настолько, насколько сие вообще доступно словесности. Отметим уже упоминавшуюся брошюру «Об обязанностях человека и гражданина», содержащую много здравых мыслей, добрых чувств и вполне достойную, чтобы ее читали и изучали в России. Для характеристики духа и мыслей этой бро-

шюры достаточно сказать, что один из наследников Екатерины поместил ее в индекс за-
 прещенных книг¹²³.

Все эти деяния были сами по себе мудры и полезны, а следственно, не могли, как я уже заметил, не оказать положительного влияния. Более того, когда провозгласивший истину пользуется всеобщим почтением, когда перед ним испытывают благоговение, которое сродни религиозному, истина сия приобретает особенную силу. Кроме того, не все могут приспособиться к требованиям разума и справедливости; Монтескье и Беккариа угрожала участь быть принятыми в России так, как были приняты Вольтер и Руссо в значительно более передовых странах, то есть их могли счесть революционерами, ниспровергателями и т. д. Но раз они были признаны обожаемой государыней-самодержицей и получили ее одобрение, то их сочинения тотчас приравняли к Евангелию и ни у кого даже мысли не возникло, что из этого источника может явиться что-то ложное или опасное. Вера творит чудеса: русские в большинстве своем верили царственной наставнице и от этого только выиграли. Я не раз наблюдал сие: в беседах с людьми, исполненными самых бессмысленных и несправедливых предрассудков, единственным способом если не переубедить их, то по крайней мере заткнуть им рот было процитировать какой-нибудь отрывок из «Наказа» Екатерины II; его все читали и никогда не осмеливались осуждать: *Magna est veritas, et praevalabit!!!*^{*124}

Читая в свою очередь «Наказ» и особенно «Учреждение о губерниях», я был поражен тем, сколько хорошего можно было бы извлечь из этих трудов Екатерины. «Учреждение о губерниях», уже получившее силу закона и примененное на практике, по духу, в котором оно написано, само могло бы значительно улучшить вводимые им учреждения и внести многочисленные полезные новшества. «Наказ», в свою очередь, подкреплял и разъяснял бы новые реформы.

Увидев, что в «Учреждении о губерниях» провозглашены принципы:

- 1) выборности,
- 2) подсудности равным,
- 3) устного судопроизводства,
- 4) периодичности судебных сессий,

я начал строить на сим основательном фундаменте нечто такое, что, не ломая существующего порядка, влило бы в гражданскую жизнь народа новые силы. Мне казалось, что можно связать каждое из предлагаемых мной нововведений с чем-то прежним, уже известным. Впрочем, я не выходил из сферы действий судебной власти.

Когда я выразил свои мысли на бумаге, мне подумалось, что предложенное можно исполнить. Но так как здесь я позволил себе предложить реформы, осуществить которые было довольно сложно, и я не ограничился неизбежным, а вместо размышлений о предметах, так сказать, первой необходимости предался рассуждениям о предметах роскоши, я засомневался в разумности написанного мною¹²⁵. Но я все же отдал записку почтенному адмиралу Мордвинову, ибо тот сам провел жизнь в мечтах об общественном благе; он остался весьма доволен ею. Сперанский, великий деятель, тоже прочел мою записку. Не знаю, что он о ней подумал, но, честно говоря, меня нисколько не интересовало его мнение, ибо я сознавал, насколько равнодушен он был в то время ко всему, что имело целью общественную пользу.

* Велика истина, и победа за ней! (лат.).

Прежде чем излагать свой план реформы, мне следует поделиться некоторыми наблюдениями о существующем порядке вещей.

Компетенция различных судов в России определена весьма неудовлетворительно, а зачастую даже нелепо и несправедливо. Так, уголовные суды второй инстанции (уголовные палаты в губернских городах) решают судьбу всех обвиняемых, принадлежащих к податным сословиям, без возможности обжаловать вердикт. Если губернатор не возражает, приговор приводится в исполнение; дело может быть отправлено в Сенат только по представлению губернатора. Таким образом, самые тяжкие наказания, существующие в России, налагаются по решению судов второй инстанции и одобряются губернаторами. В гражданских же делах, наоборот, суды второй инстанции (гражданские палаты в каждой губернии) выносят окончательные решения только по тем делам, предмет тяжбы в которых не превышает 500 рублей; там, где сумма больше, можно подавать апелляцию в Сенат. Из этой странной жестокости следует, что владелец вещи, стоящей дороже 500 рублей, пользуется такими правами и гарантиями, которых закон не дает бедному крестьянину, даже если речь идет о его личности*. Варварство подобного закона было не раз доказано; правительство даже стало подумывать о его смягчении. Но что же оно предприняло? Вместо полного реформирования оно ограничилось распоряжением, согласно которому в том случае, когда к тяжким наказаниям (то есть к кнуту и сибирским рудникам) приговаривается большое число обвиняемых, решения уголовных палат поступают в Сенат до приведения приговора в исполнение. Число осужденных определено не было, ибо при этом явно обнаружилась бы нелепость сделанного распоряжения. Бенгам говорит, что наказания надо распределять по степеням — так, чтобы человек, помышляющий о преступлении, был заинтересован в совершении наименее тяжкого проступка, ибо тем самым он избегает соответствующего наказания¹²⁶. Согласно этому принципу, человека, грабящего в одиночку, должно ожидать меньшее наказание, нежели того, кто входит в шайку грабителей, так как банда разбойников гораздо опаснее одного бандита. В России же закон, кажется, подталкивает и вдохновляет грабителей и убийц объединяться для совершения преступлений, ибо в этом случае они получают преимущество в виде еще одной апелляционной инстанции, которой не имели бы, действуя они в одиночку!

Инстанции, через которые проходят уголовные дела привилегированных сословий, напротив, крайне многочисленны. Причина проста: согласно основным установлениям империи, окончательный приговор дворянину должен быть утвержден самим императором, из чего следует, что дела дворян, совершивших уголовные преступления, из уголов-

---

* Остряки усмотрели в этом определенную логику и последовательность, поскольку законная цена человека в России в то время была меньше 500 рублей — суммы, дающей право на апелляцию.

В Англии также существует подобное противоречие, хотя его, разумеется, нельзя сравнить с русской жестокостью. Там адвокаты истца в гражданском деле могут выступать с любыми речами в любом духе, но в уголовном процессе это им запрещено, они могут только задавать вопросы свидетелям; однако они справляются с этим так, что забываешь об отнятом праве произносить речи. Исключение составляют дела политические. В Англии говорят, что судьи — это защитники обвиняемых. Какими бы странными ни казались эти слова, я не стану отрицать их верность применительно к Англии — но только к Англии, где, как я мог убедиться, в уголовных делах адвокаты почти не нужны. Однако даже там многие известные люди давно требуют реформы и хотят дать адвокатам в уголовном процессе те же полномочия, что и в процессе гражданском.

ных палат направляются в Сенат, из Сената — в Государственный совет и, наконец, из Государственного совета к императору.

Чтобы дать представление о русском судопроизводстве, перечислим различные уровни и инстанции, через которые может проходить дело.

Из суда первой инстанции оно идет в гражданскую палату. Это две ступени, предшествующие Сенату, в коем дело сначала изучается соответствующим департаментом, который, впрочем, не может ничего постановить без обер-прокурора. Затем оно переходит в общее собрание Сената, где министр юстиции докладывает свое мнение. Для рассмотрения дел, попадающих в Сенат, у министра есть совещательный комитет, состоящий из нескольких обер-прокуроров Сената и законоведов. Вот три новых инстанции в Сенате; итого пять. Из Сената дело отправляется в Государственный совет. Там оно тоже сначала рассматривается соответствующим департаментом, потом общим собранием. Итак, до представления императору дело проходит семь ступеней правосудия. Если же в нем каким-то образом замешаны казенные интересы, то каждая инстанция должна заручиться мнением компетентных финансовых органов.

Вся процедура всегда письменная; лишь в местных судах и при рассмотрении мало-важных дел допускается ее устное ведение. Жалобой служит подача прошения в суд. По обычаю истцы могут представлять судьям свои записки, но позволение это не подкреплено законом.

В уголовных делах следствие сначала ведется уездным судом. В столицах в последнее время учреждена должность *следственных приставов*; но эти чиновники не имеют юридического статуса даже в глазах русских: они действуют по приказаниям полиции и являются скорее *сыщиками*.

Обвиняемого лично допрашивают в суде первой инстанции; его ответы заносятся в протокол. Нельзя без удивления наблюдать, до какой степени доходит здесь забвение или незнание первых и простейших правил всякой уголовной процедуры. Кто поверит, что закон позволяет использовать для получения признания религию? Когда обвиняемый упорствует и все отрицает, к нему посылают священника, коему поручено добиться признания подсудимого в совершении вменяемого ему преступления! Так велит закон, и это происходит постоянно.

Хотя пытка не разрешена законом, в России она обычна и включает все виды мучений, какие только можно вообразить*. В первые годы своего царствования Александр, узнав, что в уголовном следствии обвиняемых пытают, издал торжественный манифест, где метал громы и молнии и против пыток, и против тех, кто осмеливался к ним прибегать в обход закона. В конце говорилось, что император надеется, что вскоре «самое название *пытки* изглажено будет навсегда из памяти народной»¹²⁷. Но пытки продолжались, и император не мог об этом не знать. Они были в ходу при обычном следствии; нет сомнений, что их приме-

---

* Чиновник тайной полиции одной из столиц заказал в Англии особые щипцы, чтобы вырывать у несчастных признание в преступлениях, в которых их обвиняли. Он применял их, в частности, во время следствия о пожарах, которым тогда подвергся город. В это невозможно поверить, но все было именно так. Когда одну из жертв везли на эшафот для наказания кнутом, он кричал толпе, теснившейся вокруг страшного кортежа: «Меня заставили взять на себя вину, но я невинен! Взгляните на мои руки и ноги, их изуродовали пытками!»

няли и к участникам событий 1825 года; за недостатком других доказательств (коих тоже хватает) всякому, знающему Россию, будет достаточно взглянуть на ответы обвиняемых¹²⁸. Пытка, повторим еще раз, существует и всегда будет существовать там, где нет гласной процедуры; а в России нельзя публиковать отчеты даже о гражданских процессах.

Из уездного суда дело переходит в уголовную палату. В соответствии со своими задачами уголовные палаты всегда должны требовать личного присутствия обвиняемого; даже за неизменением закона (а он меж тем существует) этого требуют здравый смысл и гуманность; чтобы убедиться, верно ли составлен протокол допроса, надо увидеть человека, которого обвиняют в преступлении, услышать из его уст слова оправдания... Но нет, вопреки закону, уголовные палаты часто осуждают только на основании бумаг, представленных нижестоящим судом, не видя обвиняемого и не допросив его.

Сенат судит и не может судить иначе как только по бумагам, которые ему представляют; так же поступает и Государственный совет. Если обвиняемый — сколько-нибудь заметное лицо, он по крайней мере может представить сенаторам и членам Государственного совета свои записки или найти друзей, которые сделают это за него; но большей частью обвиняемые даже не знают, что их дело рассматривается в Сенате или Совете; приговор зачастую застает их врасплох.

В защите обвиняемых русские не следуют даже простейшей аксиоме: «Уголовный процесс состоит из обвинения, *защиты* и приговора». Они не знают, что для правильного решения в равной степени необходимы и обвинение, и защита. Защита в русском законодательстве действительно не принята: обвиняемого допрашивают, потом в его отсутствие судят — вот и все. Если в гражданских делах есть люди, пусть даже выходящие из низших сословий, которым можно поручить ведение процесса, то в уголовном процессе нет и этой убогой опоры. Сие логично: там, где защита невозможна, нет нужды в защитниках.

Существует еще институт прокуроров — людей, прикомандированных властью к судам в качестве наблюдателей, чья задача состоит в обеспечении точного хода правосудия; но дико даже помыслить о том, что прокурор может хоть в какой-то мере обеспечить безопасность обвиняемого.

Таков жуткий хаос, из которого я, опираясь на мелькающие то там, то сям слабые искры правды и справедливости, предлагал построить некое обширное учреждение, простое, всем понятное и предоставляющее истинные гарантии, совместимые с общим состоянием страны; учреждение, которое не требовало бы для своего основания и деятельности иных средств, кроме тех, кои может дать страна. Это последнее условие казалось мне особенно важным.

Прежде всего, на мой взгляд, надо было учредить суд присяжных.

Рассматриваемый *a priori*, суд присяжных отнюдь не стоит вне всякой критики. Вряд ли предел человеческой мудрости заключается в том, что обязанность оценить факты, часто чрезвычайно сложные, требующие разнообразных знаний и опыта, кои приобретаются долгими трудами, предоставляется людям случайным и, как правило, чуждым тем делам, по которым они должны вынести свой вердикт. Казалось бы, мудрый и опытный судья, независимость которого обеспечена высоким положением или избранием, может обеспечить более разумное, надежное и полезное для общества правосудие. Меж тем мы видим, что народы, более других продвинувшиеся по пути просвещения, крепко держат-

ся за институт присяжных, заимствованный из обычаев полудиких народов. И они правы. Несмотря на свои несовершенства, суд присяжных до сих пор наилучшим образом подходит для всех без исключения народов. Невозможно предугадать будущее человеческой цивилизации, но в нынешнем ее состоянии было бы легкомыслием искать другое учреждение вместо этого суда, поскольку им везде довольны. Суд присяжных, без сомнения, имел противников, особенно среди немецких юристов; но голоса нескольких ученых мечтателей не перетянут на весах логики почти всеобщее сочувствие к нему.

Суд присяжных можно применять и к гражданским, и к уголовным делам; но чаще всего он используется в уголовных процессах.

В стране, располагающей, подобно Франции, систематическим и точным сводом законов, прекрасно устроенными судами; в стране, где судейское и адвокатское сословие выдвигает мудрых, просвещенных и честных толкователей закона, где, наконец, есть полная гласность, потребность в суде присяжных в гражданских делах вряд ли ощущается. Если машина хорошо работает, то людям, естественно, и в голову не приходит заменить ее другой.

Но в стране, где вместо единого и стройного кодекса есть лишь бесформенная груда законов, где устройство судов далеко от правильного и восходит к тем временам, когда у людей были иные нравы, иные нужды и иная жизнь, как, например, в Англии, — там суд присяжных применительно к гражданскому процессу может принести настоящие выгоды. В Шотландии, где население отличается чрезвычайной просвещенностью, суд присяжных в гражданских делах был введен несколько лет назад*, и это нововведение справедливо было сочтено там важным шагом вперед.

В уголовном процессе суд присяжных одинаково полезен всюду: и в странах с правильным судебным устройством, и там, где это устройство крайне несовершенно; как во Франции, так и в Англии. В этой области суд присяжных важен не только потому, что дает уверенность в правильном исполнении уголовного правосудия, но еще и (а может быть, и прежде всего) потому, что он обеспечивает безопасность и свободу граждан; к слову сказать, именно это преимущество всегда ускользает от хулителей суда присяжных в Германии, судящих узко и односторонне.

Всеобщая *применимость* института присяжных поистине достойна восхищения (да простят мне это выпренное слово). Наследие варварских времен, он был принят и бережно сохранен народами, главным достоянием которых была изначальная свобода; человеческое достоинство у этих народов почти не претерпело урона, и сейчас институт суда присяжных, оплодотворенный цивилизацией, является важнейшей чертой свободных стран. При этом он нисколько не утратил своей природной действенности и применим как у самых отсталых, так и у самых передовых народов. Более того, по причине своего варварского происхождения и сущности, также до известной степени дикарской, он приносит больше выгод первым, нежели вторым. Во всяком случае, установление, возникшее на заре общества и дающее полезные плоды у цивилизованных народов, не может не быть полезным и тем народам, которые, подобно России, стоят между варварством и цивилизацией.

Стоит задуматься, с одной стороны, об этом свойстве суда присяжных, а с другой — об общественном устройстве России, как тотчас понимаешь, что они поистине созданы

---

* В 1815 году.

друг для друга, и если бы сего установления не существовало, то для такой страны его следовало бы выдумать. Впрочем, это означало бы всего лишь вернуть России то, что она некогда имела.

Наконец, в качестве последнего аргумента скажу, что добро везде остается добром, а зло — злом, что все хорошие сами по себе институты хороши для всех людей и стран без исключения. Разве можно, к примеру утверждать, что представительный образ правления пригоден не для всех народов? что народ должен, как говорят, *созреть*, чтобы пользоваться его плодами? Но разве, для того чтобы наслаждаться каким-либо благом, человеку надо долго готовиться? Единственное, что может выиграть от ожидания человек или народ, это способность по достоинству ценить те блага, кои он в конце концов получит; она будет сообразна времени, затраченному на ожидание, и только. Впрочем, это дело личное: пусть человек и народ пользуются благом; законодателя не должно интересовать, оценены ли в полной мере все достоинства нововведения.

Если под представительным правлением вы понимаете великолепные речи, произносимые избранныками народа, далеко шагнувшего по пути цивилизации, то вы правы, утверждая, что такое устройство не может повсюду создавать Чатэмов, Фоксов и Мирабо. Однако ораторское искусство, красноречие — это еще не представительство, которое предполагает, насколько это возможно, самоуправление. Если вы согласны, что лучший способ правления — представительный, то вы не можете отрицать, что всякий народ, имеющий правительство, должен ввести у себя этот способ, чтобы им управляли как можно лучше. В остальном же любой народ должен обходиться и действительно обходиться собственными средствами. Принцип представительства у народа отсталого неизбежно применяется и развивается иначе, чем у народа передового; но сам принцип, достойный и полезный, от этого не меняется. Пусть пеняет на себя народ, не способный извлечь из него все возможное благо.

Неужели одни способы правления годятся юным народам, а другие — народам старым и цивилизованным? Если это так, то следовало бы точно установить, какую форму правления — самодержавную или представительную — выбирают люди, объединяясь в общество? На этот вопрос очень трудно ответить. Не понимаю, почему для человека, начинающего жить гражданской или общественной жизнью, более подходящим и *естественным* оказывается чудовищное и нелепое, нежели справедливое и разумное. Если же говорить о простоте, то представительное правление, по сути своей, несколько не сложнее абсолютной власти, и зародыши его можно встретить у варварских народов столь же часто, как и зародыши деспотизма. Представить себе семью дикарей, глава которой, прежде чем действовать, советуется со всеми ее членами, труднее, чем вообразить другую семью, где глава только командует, не заботясь о том, согласны ли с его распоряжениями остальные. Более того, ежели предположить, что этот дикарь добр и любит своих родственников, то он, скорее всего, будет действовать только с их согласия. Таким образом, основываясь только на одном элементе добра, мы уже приходим к выводу о пользе представительного правления; если же считать, что изначальным способом правления является деспотизм, то в дикарском вожде следует предполагать такие же свирепые и безжалостные инстинкты, какие свойственны живущим в лесах диким зверям. Но даже самые дикие люди не всегда оказываются подобными зверям.

Впрочем, бесполезно спорить о первобытном состоянии человека. В конце концов, это абстракция, и каждый представляет его себе согласно своему вкусу и воображению. Когда мы говорим о законодательстве, речь идет об уже организованном обществе, независимо от того, насколько развито его устройство. Ведь на заре любого общества господствовало представительное правление. Тот, кто говорит «деспотизм», на самом деле говорит «порча», ибо именно разложение нравов принесло деспотизм. У европейских народов, в особенности у славянских, более ранние способы правления не были деспотическими, и госпожа де Сталь была тысячу раз права, когда восклицала, что древней в этом мире является свобода, а новшеством — деспотизм¹²⁹.

Утверждая, что представительное правление *a priori* является лучшим для всех народов и стран без исключения, я разумею такие его следствия, как введение налогов путем голосования, свобода слова и печати, гласность во всех сферах и так далее. Таково мое глубокое убеждение.

Это мнение, конечно, разделяют далеко не все; но полагаю, что, ограничившись вопросом о суде присяжных, я значительно уменьшу число несогласных со мною. Перехожу теперь к вопросу о возможности суда присяжных в судебном устройстве России.

Я считал нужным, чтобы он применялся самым широким образом, и хотел видеть суды присяжных везде, где можно их ввести, — и в уголовных, и в гражданских делах. Одновременно я полагал, что число граждан, призываемых к исполнению обязанностей присяжных, должно быть по возможности увеличено, что к этому следует в первую очередь привлечь всех правительственных чиновников, исключив только лиц духовного звания, военных и судей. Качества, дающие право быть присяжным, должны определяться либо на основании профессии, поскольку профессия указывает на способности, либо на основании имущественного положения, либо — принимая во внимание состояние общества — по чину, которым предполагаемый присяжный обладает или обладал на государственной службе. Для каждого уезда следовало бы определить *минимальное* число присяжных, а если бы стольких людей не удалось отыскать, руководствуясь положениями вышеуказанного отбора, то можно было бы призывать для этого наиболее уважаемых лиц.

Перед судом присяжных встает большое затруднение: должны ли присяжные, набранные из всех классов общества, в уголовном процессе судить всех обвиняемых, вне зависимости от их сословной принадлежности? Желая оставаться в согласии с существующим законодательством, я не мог не признавать за каждым права быть судимым равными себе. Вследствие этого суд присяжных, судящий дворянина, должен состоять только из дворян; то же самое следует делать для купечества и крестьян. В этом, несомненно, значительное неудобство; но его отчасти можно поправить, разрешив, например, лицам из высших сословий участвовать в делах, касающихся сословий низших, или установив различие между податными и неподатными сословиями.

Суды остались бы на прежних местах, но полномочия их были бы иными.

Так как суд присяжных не предусматривает нескольких судебных инстанций, то все дела, подлежащие его решению, собирались бы в судах губернских городов, являющихся сейчас второй инстанцией и в гражданском, и в уголовном судопроизводстве. Таким образом, присяжные заседали бы в уголовных палатах по уголовным делам и в гражданских — по делам гражданским.

Председатель и другие судебские чиновники продолжали бы служить, но их обязанности ограничивались бы *подготовкой дел, выносимых на решение присяжных*.

Таким образом, в гражданских делах чиновники гражданских палат должны были бы готовить документы, необходимые для ведения процесса, доставлять их в суд, а также собирать все сведения, способные прояснить суть дела для присяжных, равно как и все законы и указы, касающиеся данного дела.

Для ведения уголовных дел чиновники должны были бы подбирать и сводить воедино факты и доказательства, полученные во время следствия, и писать заметки обо всех законах и указах, касающихся рассматриваемых дел*. Можно было бы даже вменить уголовным палатам в обязанность составлять проект обвинительного заключения; впрочем, возможно, полезнее было бы придерживаться протоколов следствия.

Так как гражданские процессы часто связаны с предметами, чуждыми многим людям и требующими специальных познаний и опыта, я предлагал создать особые суды присяжных, организация которых должна быть определена в законодательстве.

Уездные суды первой инстанции могли бы заниматься не гражданскими и уголовными делами, а только полицейскими, не подлежащими суду присяжных; кроме того, им можно было бы поручить следствие по уголовным делам, которым сейчас занимается земский суд, возглавляемый исправником.

Институт прокуроров следует сохранить. Их обязанности по-прежнему будут состоять в наблюдении за правильностью ведения процесса. Агенты, которые сейчас в уездах занимают гражданскими и уголовными делами (*стряпчие*), могли бы стать их заместителями.

Суды присяжных собирались бы только в течение последнего месяца каждой четверти года. Можно было бы разделить этот срок пополам и после двухнедельного заседания менять присяжных.

Число уголовных и гражданских палат в случае нужды можно увеличить: в столицах их должно быть много, а заседания должны проводиться часто.

В течение двух первых месяцев каждого триместра палаты занимались бы подготовкой дел к рассмотрению их судом присяжных, а третий месяц был бы посвящен непосредственно суду.

Составляя правила для учреждения суда присяжных, я не только старательно избегал говорить о том, что присяжные судят только *факт*, а *право* входит в полномочия судьи; мне не хотелось даже, чтобы подобная мысль приходила в голову как присяжному, так и судье. Безусловно, применение закона я оставил за судьей, но при этом предписывал ему излагать присяжным — и как можно яснее — законы, которые могут быть применены в настоящем случае, и представлять им все последствия, какие их решение может иметь для обвиняемого.

Во Франции, как известно, закон предписывает присяжным не думать о последствиях их вердикта для обвиняемого и ограничиваться исключительно констатацией факта, говоря «да» или «нет». Я никогда не понимал подобного предписания и не вижу, чему слу-

* Заметки, цитирующие текст законов, на основании которых должно быть вынесено решение, необходимы, когда нет единого свода законов и силу закона имеет бесконечное число распоряжений и указов. В России их необходимо составлять для всех гражданских и уголовных процессов, а также для всех судов.

жит точное его соблюдение, даже если бы таковое и было возможно. Впрочем, многие французские писатели воздают справедливость этому положению закона. Англичане прекрасно отличают факт от права; но это не мешает их присяжным в случае необходимости судить и по факту, и по праву. Однако тонкости в проведении суда присяжных, имеющиеся в судебной практике Франции и Англии, в России только осложняют процесс. Невозможно даже ясно и понятно перевести на русский язык такие английские и французские термины, как *факт* и *право*, используемые в этих случаях в судепроизводстве. Для уголовных дел можно было бы говорить только о виновности, о проступке, о преступлении, составляющих *факт*, и о наказании, предписанном законом и составляющем *право*. Поэтому я считал нужным, чтобы присяжные, объявляя о виновности подсудимого, всегда точно знали, какое наказание повлечет за собой их решение.

Мой проект предусматривал единогласие — сей великий принцип, неотъемлемый от суда присяжных; без него этот суд перестает быть тем, чем он должен быть. Но, опасаясь испугать умы, непривычные к подобным предметам, я предлагал, по крайней мере на первых порах, ввести *mezzo termine** по образцу французского законодательства, то есть единодушие в течение первых двадцати четырех часов; если после совещания, длившегося двадцать четыре часа, присяжные не приходят к согласию о вердикте, дело может решаться по принципу большинства или при участии судьи**.

Возражения против принципа единогласия в решениях суда присяжных похожи на те, которые выдвигаются против самого суда присяжных. Что может быть менее логичным, говорят одни, чем заставлять человека голодать и потому соглашаться с мнением другого, даже вопреки его собственным убеждениям? Что может быть нелепее, добавляют другие, чем поручать дюжине случайно выбранных людей суждение в разнообразных делах, где даже ученому и опытному судье часто трудно принять решение? Не стану сейчас доказывать, что истины в суде присяжных можно достичь лишь при единодушии, а при решениях большинством голосов получают только предположения. Хотелось бы заметить, однако, что отказ от принципа единодушия означает отказ от суда присяжных вообще, ибо единодушие — единственное средство, обеспечивающее серьезное и глубокое исследование дела присяжными. Прибавлю сюда еще одно соображение, иного рода: если упрямство одного присяжного нарушает принцип единодушия, оно должно служить скорее к оправданию виновного, чем к осуждению невиновного. И если даже принцип единодушия приведет к некоторым незаслуженным оправданиям, зло будет не слишком велико. Что же до осуждения невиновных, которое может стать итогом упорства одного присяжного, то такие ошибки — куда более прискорбные — маловероятны. Люди, по замечанию Макиавелли, не будучи ни совершенно добры, ни совершенно злы, всегда более склонны к терпимости, нежели к строгости.

Полномочия судебных органов и толкование законов в уголовном процессе, на мой взгляд, следовало бы по возможности сосредоточить в лице единственного судьи. Чем

* Промежуточный срок (*int.*).

** Этот способ использовался во Франции в течение четырех лет — до введения нынешней уголовной процедуры. За это время присяжные округа Сены подвергли рассмотрению 1500 уголовных дел и только в девяти случаях не пришли к единодушному решению. Кажется, я прочел об этом в труде французского юриста г-на Легравеана¹³⁰.

больше дробится ответственность, тем меньше чувствуют ее важность и бремя обремененные ею лица; когда же один решает и отвечает перед Богом и своей совестью, он всегда как следует обдумывает свои действия.

Процедура должна была вестись устно, а в уголовных делах — только устно. В гражданских судах могло быть допущено чтение документов и записок.

Частью новой судебной системы непременно должны были стать адвокаты. Я признавал за всеми право защищать дела в гражданских судах и обвиняемых — в судах уголовных на том условии, что со временем возникнет сословие профессиональных адвокатов.

Суд присяжных должен быть последней инстанцией. Однако я, по примеру Франции, создал бы апелляционную инстанцию, обладающую правом приостанавливать приговоры гражданских и уголовных палат, но не выносить самой окончательные решения, как это делается сейчас в России. Право кассации естественно возвратилось бы к Сенату, если для этого не пожелают создать особый институт.

Из этого краткого очерка видно, что каркас существующего порядка вещей я оставил без изменений, но постарался сообщить ему новый дух. Когда стремишься к большим реформам, очень важно сохранять вехи, с коими народ привык сверяться, определяя направление движения общественной жизни.

Главное и наиболее существенное изменение состояло в том, чтобы заменить людей, именуемых судьями, другими, более многочисленными, коих называют присяжными. Даже если присяжные не могут всецело обеспечить справедливость правосудия, то судьи еще менее к сему способны. Мы уже видели, что в России звание судьи может быть присвоено кому угодно. Более того, в нынешних обстоятельствах судейское сословие справедливо считается одним из самых презренных, ибо отличительными его чертами являются невежество и продажность. Бывают, конечно, исключения, но они не меняют правила. Если бы судей назначали наугад или по очереди, посредством выборов или с учетом особенностей дела, как это должно произойти при введении суда присяжных, то судопроизводство от этого не только бы ничего не потеряло, но, напротив, многое бы выиграло.

Одно из моих предложений, пожалуй, могло бы считаться новшеством в полном смысле этого слова: это введение гласности во все судебные процедуры. Однако я не боялся его выдвинуть, ибо был убежден, что неограниченная власть может даровать народу такое благодеяние без всякого ущерба для себя. Точно так же я по любому поводу твердил, что в России существуют тысячи и тысячи злоупотреблений, тысячи и тысячи безобразий, которые, тяжким бременем ложась на народ, не приносят никакой пользы самодержавию, что с выгодой для страны можно провести множество реформ, при этом нисколько не затрагивая власть монарха. Но неограниченной власти, видимо, присущи слепота и неразумие.

Разобранная записка была включена в начатое мной сочинение об уголовном судопроизводстве¹³¹. Ни то, ни другое результатов не возымело. Но, вспоминая, какого труда они мне стоили, я полагаю, что выполнил свой долг перед родиной, и уверен, что мои — всегда бескорыстные — усилия ни в коей мере не заслуживали изгнания.

Глава IV

Некоторые замечания о народном просвещении

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД народное просвещение со времен Петра I всегда привлекало особенное внимание российского правительства; в былые времена московские князья также не чинили препятствий умственному развитию народа. Народ, со своей стороны, всегда был склонен к просвещению, и это особенно замечательно, если вспомнить, сколь многочисленные трудности встречало у других восточных народов всякое движение вперед — из-за их отвращения ко всему новому и упорной привязанности к старинным привычкам, нравам и обычаям предков. Склонность к прогрессу заметна у русского народа со времен введения христианства; быть может, именно эта религия открыла русским дорогу к прогрессу. Княгиня Ольга, правившая страной до христианства, приняв новую веру, занялась, по некоторым сведениям, устройством школ, а ее молодой сын Святослав воевал с греческой империей и, по выражению летописца, «прибил свой щит к воротам Византии»¹³². Во всяком случае, вскоре после великой реформы Владимира изменения к лучшему дают о себе знать. Тогда свет шел в Россию с Востока; отсюда было воспринято христианство, и вполне естественно, что она пожелала черпать из того же источника и просвещение. Нет сомнения, что торговые, промышленные и духовные связи между просвещенным в то время Востоком и Россиею принесли последней важные и благотворные плоды. Нашествие монголов, вековое владычество этих варваров, отделившее Россию от просвещенного мира, разрушило достижения прошлого. Когда страна освободилась от их ига, русский народ был уже не тот, а в Константинополе хозяйничали турки. С тех пор просвещение попадало в Россию только из Западной Европы; действительно, задолго до Петра I в страну уже проникали лучи европейской цивилизации. Правда, они озарили немногих, но между этими избранными были те, кто ни в чем не уступал просвещеннейшим людям тогдашней Европы. Читая переписку Курбского, этого знаменитого изгнанника времен Ивана Грозного, не можешь не восхищаться его возвышенными чувствами, выразительностью языка, верностью мыслей; эти замечательные письма свидетельствуют об основательном и разностороннем образовании автора. Многие епископы греко-русской церкви обнаруживали замечательную просвещенность и образованность и на заседаниях соборов, и при переговорах по религиозным вопросам; к их числу принадлежит Исидор, принявший впоследствии католичество и ставший кардиналом.

Итак, после освобождения от татарского ига Россия обратила свои взоры на Западную Европу. Она установила с ней торговые отношения, заимствовала у нее искусства, успехи в коих всегда являются первыми признаками цивилизации, — наука возникает значительно позже. Задолго до Петра I Россия имела промышленные предприятия, оружейные, пушечные заводы, знала книгопечатание.

Какими бы странными, а подчас нелепыми ни были попытки Петра I подтолкнуть народ к просвещению, они не могли не дать нового толчка умственному движению. К несчастью, он заботился более о видимости, чем о сущности, более о внешнем блеске, нежели о содержании. Правда, он основал Академию наук и присоединил к ней что-то вроде

высшей школы, где должны были готовить преподавателей¹³³; но, по сути, он мало что сделал для народного образования; создание школ разных ступеней для просвещения масс его явно не занимало.

За годы, отделяющие царствование Петра от царствования Екатерины II и справедливо названные знаменитым историком Карамзиным *сатурналиями деспотизма*¹³⁴, годы столь же долгие, сколь и позорные, для прогресса не было сделано ничего достойного внимания, кроме, пожалуй, учреждения в царствование императрицы Анны кадетских корпусов, предпринятого фельдмаршалом Минихом. Спешим, впрочем, отметить еще одно деяние, куда более замечательное, коим украсилось царствование императрицы Елизаветы: при этой государыне в России был открыт университет, долгое время остававшийся единственным. Основателем его был Шувалов, однофамилец блестящего и остроумного корреспондента Вольтера. Не побоюсь сказать, что никогда и нигде ни одно учреждение не принесло столько пользы и добра, как это создание Елизаветы или ее фаворита.

Выпускники университета оказались на службе в разных административных учреждениях; ряды труженников на различных поприщах пополнились образованными людьми — во всяком случае, более образованными, нежели те, кто в университете не учился. Даже теперь редко встретишь человека, правильно пишущего на своем языке и при этом не вышедшего из стен Московского университета. Все воспитанники этого особенного учебного заведения счастливо отличаются от выпускников иных учреждений; на государственной службе они проявляют благородство характера, честность и человеколюбие — качества, весьма редкие в сей сфере деятельности. Немногие знания и просвещенность, кои они смогли приобрести в университете, облагородили их нравственно. Когда среди всеобщего мздоимства, среди продажной толпы хищных начальников, вероломных судей, терзающих Россию, случайно встречается честный, твердый и просвещенный чиновник, почти всегда можно с уверенностью сказать: он учился в Московском университете. В числе чиновников, отданных под суд за взяточничество, крайне редко бывают прежние воспитанники этого заведения. За все время, что в Государственном совете мне поручали дела о взятках, лишь единожды чиновник, уличенный в этом преступлении, оказался выпускником Московского университета. Это вызвало всеобщее удивление в Совете!

Устройство университета было простым и мало походило на организацию университетов в других странах, зато соответствовало нуждам России. В этом его большая заслуга; именно поэтому создание университета было чрезвычайно полезно.

Учреждая университет, правительство весьма здраво полагало, что недостаточно основать кафедры, открыть курсы и ждать, что молодежь придет туда учиться: приглашая профессоров, оно одновременно пригласило и студентов, а также приняло решение, что преподавание и обучение должны вестись за счет государства. К университету была присоединена подготовительная школа, через которую сначала должны были пройти молодые люди¹³⁵. Воспитанников ее полностью содержало правительство. Это великое благодеяние университетское начальство сумело даже удвоить. Разумная экономия сумм, назначенных государством на содержание воспитанников, позволяла обучать некоторое количество бедных воспитанников, называвшихся сверхштатными. Иные получали право бесплатно посещать классы. И те, и другие пользовались преимуществами, предостав-

ленными правительством за успехи в науках; выбор их был весьма мудрым и вполне соответствующим состоянию общества. После экзаменов те, кого считали достойными перейти из подготовительной школы в университет, вместе со званием студента получали шпагу. Но если вспомнить, что большинство воспитанников принадлежало к непривилегированным сословиям и шпага, отличительный знак дворянства, так сказать, поднимала их до уровня дворян, то мы убедимся, что это служило сильным и благородным стимулом. Представьте себе бедного молодого человека, сына какого-нибудь отставного солдата, сельского священника или дьячка, который в торжественном собрании видит себя украшенным шпагою! Вчера он был почти равен рабу, а сегодня выступает на равных с дворянами — потому что сумел чему-то научиться. В этом установлении есть нечто рыцарское в самом возвышенном значении этого слова.

Время от времени университет выбирал наиболее отличившихся студентов и посылал их на казенный счет за границу для совершенствования знаний — каждого в избранной им отрасли — в университетах Германии, Голландии и пр.

Сообразно с духом русского законодательства правительство присвоило каждой университетской степени, начиная со студента, соответствующий чин. Становясь магистром или доктором, студент одновременно поднимался по общей иерархической лестнице. Звание доктора соответствовало восьмому классу: достигший его получал потомственное дворянство.

Штат профессоров с самого начала пополнялся и отечественными, и иностранными (главным образом немецкими) учеными.

При университете был учрежден пансион, куда принимали только дворян, обучающихся на собственный счет.

В царствование Екатерины II были основаны школы в губернских городах, а также несколько специальных школ. Но начиная с царствования Петра I и императрицы Анны внимание правительства было сосредоточено прежде всего на военном образовании. Было основано немало кадетских корпусов, где могут учиться одни дворяне. Кадеты содержатся исключительно за счет государства и по выходе из корпуса вступают в армию. Есть один инженерный корпус, один или два пехотных, морской. Впоследствии открыли несколько особых школ для различных родов войск.

Во времена Екатерины II кадетские корпуса процветали, но мало-помалу о полезных науках в них забыли, и молодых людей стали обучать одним военным экзерцициям.

В первые годы царствования Александра народное просвещение вновь стало развиваться. Были изменены уставы существующих учебных заведений; в различных частях империи основаны новые университеты, из Германии приглашены опытные профессора. Но к концу этого царствования дух просвещения, коим вначале было движимо правительство, сменился духом инквизиторским, крайне враждебным просвещению. Казалось, правительство намерено уничтожить все, им сделанное, ввергнуть обратно во тьму всех, кого оно некогда, подталкивало к свету. Это было следствием роковых предчувствий, охвативших императора к концу его жизни. Ему повсюду чудились признаки революции. Молодых людей перестали посылать за границу для обучения на казенный счет, удалили с кафедр профессоров политических наук и, смешав религиозный дух с псевдорелигиоз-

ным, в конце концов (как мы уже видели) запретили изучать в естественных науках все, что каким-либо образом противоречит Книге Бытия. Чиновникам едва ли не доставляло удовольствие наблюдать, как гибнут лучшие учебные заведения.

В России есть институты для молодых дворянок, куда равно принимаются богатые и бедные; все девицы в них воспитываются на счет правительства. В то время, о котором мы говорим, только эти учреждения, благодаря покровительству ведавшей ими императрицы Марии, матери Александра и ныне царствующего императора, процветали по-прежнему.

Сия умная государыня не только расширила и усовершенствовала эти институты, но и создала подобные заведения для девиц из мещанского сословия. Всю свою жизнь она не переставала с возможным тщанием заботиться об этих учреждениях, а также о воспитательных домах и больницах, вверенных ее попечению. В Петербурге она два раза в неделю посещала заведения, относившиеся к ее ведомству, сама входила во все детали и все устраивала.

К обоим институтам благородных девиц в Петербурге императрица относилась с особым вниманием. Туда были приглашены лучшие преподаватели; уволенные из университета профессора получали кафедры в учреждениях, коими заведовала императрица, и пользовались ее высоким покровительством.

Среди образовательных учреждений видное место занимают семинарии и духовные академии. Они имеются в каждой епархии и насчитывают тысячи студентов. Священники, часто очень бедные, вынуждены учить там своих детей за собственный счет. В царствование Александра в этих учреждениях произошли большие и полезные преобразования. Петербургская духовная академия приняла в число профессоров нескольких выдающихся людей, и среди них немецкого ученого Фесслера. В Московской академии порядок учебных занятий был усовершенствован и преобразован в управление знаменитого митрополита Платона, одного из самых замечательных людей, когда-либо рождавшихся в России; его благородный, возвышенный и терпимый характер делает честь и его отчизне, и всему человечеству*.

Частные лица охотно способствуют распространению просвещения, когда старания их находят благосклонный отклик у правительства. Так, в начале царствования Александра многие состоятельные граждане основали новые школы или пожертвовали большие капиталы (как денежные, так и в виде земельных владений) на уже существующие учебные заведения. Иногда они своим усердием вызвали правительство на соревнование, рискуя тем самым навлечь на себя его неудовольствие; достопамятным примером тому могут служить масонские общества времен Екатерины II. Я не могу не рассказать вкратце об этих обществах, оказавших значительное и благотворное влияние на народное образование.

Масонство быстро и с большим успехом распространилось в России — по вполне понятным причинам. Всюду есть честные и благородные люди, любящие благо ради са-

---

* Любопытно, что основные средства на содержание семинарий и духовных академий поступают от продажи свеч, которые в храмах ставят перед иконами. Суммы, вырученные от их продажи, достигают многих миллионов.

мого блага, ставящие перед собой высокую цель и, не считаясь с ценой, делающие все для ее достижения. Нет нужды напоминать, что цель и средства меняются в зависимости от состояния общества. В России нашлись люди, горевшие желанием быть полезными себе подобным и родной стране. Создание общества единомышленников показалось им самым естественным и лучшим средством для осуществления этой цели. Массонство с его формами деятельности открывало счастливое и широкое поле для их намерений; одно особое обстоятельство способствовало тому, что массонство нашло благоприятный прием. Стремящиеся к добру люди, о которых я говорю, часто религиозны; но религиозное состояние русского общества совершенно не отвечало их нравственным и умственным запросам: как правило, они продвинулись по пути цивилизации гораздо дальше столпов отечественной церкви; русское духовенство внушало им жалость, если не презрение; приспособиться к обыденному ханжеству, царившему вокруг, они также не могли. Их просвещенному уму оно было отвратительно.

Так как положение в стране резко ограничивало простор для умственной и политической деятельности, а сила устремлений, воодушевление и экзальтация, непременно сопутствующие тем, кто посвящает себя добру, всегда нуждаются в пище и выходе, то неудивительно, что массонские общества действовали энергически и с большим жаром, а все сколько-нибудь выдающиеся люди устремлялись к массонству.

Все вступавшие в массонские ложи оказывались в тесной связи со своими собратьями в Европе; они, так сказать, становились причастными европейской цивилизации в той мере, в какой им это позволяло их положение.

Желание умственной деятельности, жажда просвещения, которую не могло удовлетворить тогдашнее состояние науки, религиозный дух, свойственный массонским обществам, — все это неизбежно приводило массонов к мистицизму. Якоб Бем, Таулер, Джон Мейсон, Пордедж, Иоганн Арндт, Фенелон, г-жа Пуйон и наконец Сен-Мартен стали наставниками этих обществ; поскольку число русских массонов было весьма значительно, учение и произведения этих писателей сделались, пожалуй, более известны в России, чем в их собственных странах; по крайней мере, здесь насчитывалось столько же их приверженцев, сколько в Германии, Франции, Англии.

Но массонские общества не ограничивались теорией и созерцанием; они намеревались улучшить жизнь в стране и сумели найти средство для достижения этой благородной цели. Именно поэтому их ждет неувядаемая слава.

Народное просвещение явилось главным предметом их практической деятельности, развернувшейся прежде всего в Москве. Массоны основали там общество, названное *Компанией типографической*. Она покупала все, что ей предлагали: сочинения, переводы, прозу, стихи — решительно все. Основателей компании не останавливало ни посредственное качество рукописи, ни ее ничтожность; не без основания говорили, что компания покупает рукописи *на вес*. Имея целью не только ознакомить публику с полезными сочинениями, но и побудить молодых людей к литературному труду, к переводу иностранных книг, директоры Типографической компании прекрасно понимали, сколь чутко надо относиться к людям, приносящим им свои работы. Щадя самолюбие каждого автора, они установили определенную цену за печатный лист. Таким образом, авторы и переводчики не боялись унижительных придираков, которым их наврядли подверг бы невежественный

и жадный издатель; поскольку ни одна представленная работа не была отвергнута, автор заранее был уверен в успехе. Авторам и переводчикам платили деньгами или книгами. Нечего и говорить, что большая часть приобретенных таким образом рукописей оставалась навсегда лежать на складах. Иногда директор типографии, купив рукопись и уплатив за нее, бросал ее в печь сразу же после ухода продавца.

Масоны основали школу, где учеников содержали на счет лож; директором ее был один из членов общества.

Молодым небогатым людям, выказавшим хорошие успехи, они давали средства для продолжения образования за границей. Среди многочисленных воспитанников семинарий они выбирали самых выдающихся и помогали им поступить в Московский университет. Некоторые из этих молодых людей впоследствии достигли высших церковных должностей и были весьма известны.

Масоны основали крупную библиотеку, где учащиеся могли беспрепятственно черпать знания. Говорят, что эта библиотека обошлась им в 300 000 рублей или почти в миллион франков, что свидетельствует о немалых средствах, коими в то время располагали масонские ложи. В библиотеке было много книг духовного содержания, впоследствии сожженных по приказу правительства, и среди них русские переводы Мейсона и Арндта¹³⁶.

Одной из обязанностей масонских лож была благотворительность. И здесь они тоже заслуживают восхищения. Все масоны в полной мере участвовали в делах благотворительности. Кто не мог дать много денег, отдавал свое время, свой труд. Некоторые, впрочем, делали такие пожертвования, которые в наши дни даже вообразить трудно; пожертвования эти поистине достойны времен раннего христианства. Один из таких жертвователей, принадлежавший к знатной фамилии (Лопухинных), отдал все свое немалое состояние, а также состояние брата (с его разрешения) на устройство масонских лож и в особенности на раздачу милостыни. Оставив себе лишь самое необходимое, он оставшиеся дни прожил в старом, полуразрушенном доме, унаследованном от отца. Обширный двор его дома всегда был полон бедных, и никто никогда не уходил с пустыми руками. Его щедрость вошла в поговорку. Этот образованный человек с юности избрал судебное поприще; всю свою долгую жизнь, будучи членом Московской уголовной палаты и сенатором, он защищал сирых и покровительствовал несчастным. Когда он отстаивал дело справедливости и истины, доброта не мешала ему быть твердым и смелым. Он пылко протестовал против введения ополчения и не побоялся, представляясь императору, довольно резко отозваться о тех, кто посоветовал государю подобную меру. В другой раз, посланный Александром в Крым для восстановления порядка в этом краю, нарушенного, как говорили, одной религиозной сектой, он твердой рукой прекратил преследования, коим бедные сектанты подвергались со стороны местных властей, обеспечил их материальное положение и неприкосновенность при отправлении культа — к великому неудовольствию кое-кого из тех государственных людей, для которых все искусство управлять заключалось в применении силы, стремлении всегда оставаться правым и никогда не признавать своих ошибок.

Другой человек (П.), владевший миллионным капиталом в землях и рудниках, целиком пожертвовал его на основание новых масонских лож и помощь несчастным. Оказавшись на старости лет в нищете и живя на маленькую пенсию, предоставленную ему одним из друзей, он говорил, что нисколько не жалеет об утрате состояния¹³⁷.

Один из масонов (Г.), подражая примеру Сен-Мартена, который, несмотря на свою страсть к театру, нередко лишал себя этого удовольствия и отдавал бедным отложенные на спектакль деньги, решил не курить табак, а деньги, которые он тратил на сей предмет роскоши, раздавать нищим. Этот почтенный человек, узнав, что императрица хочет пожаловать его за труды землей с крепостными — «стольким-то числом душ», как говорят в России, от награды отказался. «С меня довольно забот о собственной душе, — ответил он, — я не хочу брать на себя заботы о душах других»¹³⁸.

Еще один масон, будучи генерал-губернатором и управляя несколькими беднейшими губерниями (белорусскими), в голодный год кормил на свой счет нуждающихся в двух из них. Это был фельдмаршал князь Репнин, тот самый, который, исполняя обязанности посла при несчастном короле Польши Понятовском, прослыл строгим и надменным проконсулом. Поэтому нельзя не сожалеть о заблуждении, заставлявшем его делать различие между нравственностью государственного человека и частного лица; выходит, что люди, добродетельные в частной жизни, в жизни общественной без колебаний становятся настоящими чудовищами: как будто все, что нравственно, честно и справедливо, не остается таковым везде и при любых обстоятельствах! Как будто проступок становится доблестью, если он совершен государственным деятелем! Князь Репнин, насмешливый и высокомерный по отношению к польскому королю, в обществе был самым приятным, доступным и благожелательным человеком. Его спросили однажды, как он, отличаясь необычайной добротой и справедливостью, мог так обходиться с польским королем. «Я страдал от этого больше всех, — ответил он, — но полагал, что вынужден поступать именно так. После каждой подобной сцены на публике я шел к королю в кабинет и, бросившись к его ногам, просил прощения». Ответ его был искренним¹³⁹.

Во главе движения, организованного масонскими обществами, стоял Новиков, человек весьма замечательный и достойный всяческого почета и уважения со стороны друзей человечества; его великие и полезные труды прославили страну, где его, к сожалению, мало кто сумел оценить. Современники, хорошо знавшие его и видевшие непосредственные результаты его усилий, часто скорбели от равнодушии русских, позволивших этому апостолу добра состариться и умереть в обширной империи забытым, бедным, одиноким и согбенным под бременем невзгод; они всегда краснели от стыда за неблагодарность русской литературы, не нашедшей ни слова сожаления о человеке, коему она была стольким обязана!

В молодости Новиков издал один за другим два журнала. Образцом для них, кажется, послужил «Зритель» Аддисона; однако «Зритель» Новикова был журналом в высшей степени отечественным — в том смысле, что в нем печатались исключительно статьи, содержащие сведения о полезных для страны предметах, и страницы его не заполнялись, как это делалось почти всеми русскими журналами, нескромными анекдотами, почерпнутыми из иностранных изданий. Новиков занимался преимущественно действительностью: он вел войну с многочисленными злоупотреблениями, тяготевшими над страной, особенно с продажностью чиновников; высмеивал предрассудки, препятствовавшие распространению добра; разоблачал глубокое невежество разных сословий, в том числе и высоких особ. Особая заслуга изданий Новикова состояла в том, что они отвечали запросам страны, обстоятельствам, духу времени. С тех пор не появилось ничего равного им ни в смысле пользы, ни в смысле своевременности. В 1771 году Новиков издал «Опыт исто-

рического словаря о российских писателях», а позднее — двадцать томов древних рукописей и грамот под названием «Древняя российская вивлиофика».

Накопец, в Петербурге он выпускал регулярное учебное издание, а в Москве — ежемесячный сборник стихов и прозы; произведения в нем не отличались легкостью и были подчас исполнены религиозного духа¹⁴⁰. Доход от этих изданий предназначался на устройство в Петербурге начальных школ, которых там прежде не было. В этих школах, открытых в разных концах города, бесплатно обучали русской грамматике, географии, началам истории, катехизису, математике и рисованию. Они послужили образцом для казенных начальных школ, основанных правительством в губернских городах.

Когда куратором Московского университета был назначен Херасков, один из самых замечательных поэтов той эпохи, Новиков приехал вместе с ним в Москву и поселился там. Именно тогда он арендовал университетскую типографию и некоторое время спустя основал *Типографическую кампанию*, о которой мы говорили выше. В ней приняли участие самые просвещенные, образованные и добродетельные люди. За время своего существования она выпустила в свет несравненно больше оригинальных и переводных сочинений, чем когда-либо было издано в России за такой короткий промежуток времени.

Если отвлечься от итогов деятельности масонских обществ в целом и задуматься о том, что было сделано отдельными их членами, мы придем к выводу, что с течением времени их труды не могли не сказаться на состоянии страны. Каждый ревностный член масонской ложи, исполнившись энтузиазма, ставил себе ту или иную цель и достижению ее подчинял всю свою частную жизнь. Если, например, одной из задач общества было народное образование, то он старался распространить его в своем домашнем кругу, заставлял учиться своих детей и приглашал друзей следовать его примеру. Если ему случайно встречался какой-нибудь неизвестный талант, он выводил его на свет божий, а когда средства не позволяли ему это сделать, он обращался к собратьям по ложе. Вот пример: некий молодой человек, живший в отдаленной провинции, выказывал прекрасные способности; он был замечен одним из самых деятельных масонов, который взял его с собою в Москву. Там молодой человек получил образование и впоследствии сделался первым литератором и лучшим писателем; это историограф Карамзин, в ком редкий талант сочетался с благороднейшим характером¹⁴¹.

Если бы масонским обществам позволили мирно продолжать их просветительскую деятельность и трудиться ради улучшения общества, кто знает, куда бы привели Россию их благородные, достойные восхищения труды? Их влечение к мистике никакой опасности не представляло: со временем оно бы исчезло или превратилось в безвредные мечты; но дело просвещения, и особенно нравственного воспитания, на что так явно указывали колоссальные пожертвования, продиктованные духом христианского милосердия, несомненно, принесло бы свои плоды. Такая добродетель, бескорыстие и искренняя любовь к ближнему не могли пропасть втуне.

Я, со своей стороны, убежден, что от трудов по распространению просвещения среди народа масонские общества непременно перешли бы к освобождению крепостных. К этому их увлекал религиозный дух, коим они были проникнуты в куда большей степени, чем духом политическим; впрочем, последний также не был им совершенно чужд. Несогласие масонов с системой крепостного рабства не вызывает сомнений, ибо в их журналах, а также в некоторых произведениях членов лож попадаются умные и справедли-

ливые нападки на ужасный институт рабства. У меня есть и другие, более основательные причины так думать. Зная некоторых влиятельных членов масонских обществ, я мог убедиться, что они не занялись освобождением крепостных в разгар своей филантропической деятельности лишь потому, что в то время мысль сия вовсе не волновала умы. Но они не были противниками освобождения, в отличие от большинства российских помещиков. По крайней мере, с ними можно было беседовать на эту опасную тему. Чтобы их убедить, следовало прибегнуть к доводам христианства, и тогда, будучи добрыми людьми и истинными христианами, они соглашались с вами.

Но рок, кажется, гнетущий Россию совместно с деспотизмом, не позволил этим прекрасным росткам достичь расцвета.

Масонские общества распространились по всей империи; их деятельность стала обширной, заметной и благотворной. В них состояли люди, отличавшиеся талантами и просвещенностью: ученые, влиятельные чиновники, горожане, купцы и особенно книготорговцы и типографы. Наряду с простыми приходскими священниками среди масонов было и несколько высших церковных иерархов.

Вспыхнула Французская революция. Это был похоронный набат, возвещавший крушение монархий; земных владык охватил ужас. Императрица Екатерина со своим здоровым смыслом должна была бы понимать, что из всех престолов мира именно ее трону меньше всего угрожали события, разыгравшиеся во Франции. Но Екатерина постарела: в глаза всем бросались злоупотребления, беспорядок, слабость, соединенная с жестокостью; исчезла слава, служившая утешением, разрушались все учреждения, прославившие ее царствование. Сознание несправедливостей, допущенных ею в отношении сына, еще усиливало ее страхи. Она видела в масонах революционеров и заговорщиков, действовавших в его пользу. Властителям всегда трудно поверить, что можно творить добро ради добра; в действиях, совершаемых не по их приказу, они всегда усматривают непозволительную или безнравственную цель. Люди дела, бывшие некогда советниками Екатерины, исчезли; их заменили Адонисы в мундирах, игравшие при русском дворе ту же роль, какую играли при французском дворе Помпадур и Дюбарри*. В правление старой женщины, доверявшей подобным советникам, можно было ожидать только насилия, коему всегда сопутствуют ничтожество и глупость.

Двор, встревоженный революцией 1789 года, видел, что масонские общества трудятся повсюду, в том числе и вне сферы действий правительства; с другой стороны, законный наследник престола был удален от двора и жил на положении изгнанника; в такой обстановке двор решил начать преследование масонов. Невосприимчивая к благородным идеям, уже маячившим на политическом и общественном горизонте, власть обрушилась на благородных людей, попавшихся ей под руку.

---

* Потемкин был еще жив. Враждебно относясь к масонам, он тем не менее понимал, сколь несправедливы и нелепы гонения, разворачивавшиеся против них; он знал, что усердие придворных, всегда готовых услужить капризам и дурным страстям повелителей, не замедлит умножить зло. Действительно, старый князь П...кий, московский губернатор, проявлял тогда чрезмерное усердие при арестах и допросах масонов¹⁴². Потемкин даже написал императрице, желая разубедить ее. В своем письме он, сравнивая старого губернатора с пушкой, выразился следующим образом: «Ваше императорское величество пожелали применить самую старую пушку из своего арсенала. Эта пушка бьет без промаха по цели, которую ей укажут, — по той простой причине, что у нее нет собственной цели. Берегитесь, сударыня, как бы она не запятнала кровью ваш образ в глазах потомства»¹⁴³.

Так как местом пребывания многих масонов и Типографической компании была Москва, то гонения начались там. Сначала принялись следить и шпионить. Как только намерения правительства стали известны, со всех сторон явились преданные слуги. Деспотизм обычно развивает в людях раболепство и отвращает их от привычки мыслить. Весьма почтенные люди, до сих пор благожелательно относившиеся к масонам и водившие дружбу с некоторыми из их руководителей, неожиданно начали бороться с ними, доносить на них и с чистой совестью преследовать — только потому, что правительство объявило масонские ложи опасными и преступными. Приведу для примера выдающуюся личность, графа Алексея Орлова, одержавшего историческую победу в Чесменском сражении: будучи другом многих московских масонов, он тем не менее без колебаний донес на них императрице, — вероятно, чтобы сим доносом напомнить ей о себе.

Со своей стороны, преследуемые масоны не могли поверить в серьезность опасений правительства; сначала они только снисходительно усмехались, видя, какой из-за них поднялся шум, и даже осмеливались дурачить согладатаев. Некоторые, зная, что полиция устроила наблюдательный пост напротив того дома, где происходили собрания ложи, выбрали момент, когда, по их мнению, на них был устремлен взгляд шпиона, и сожгли связки бумаг, словно это были уличающие документы, кои они хотели уничтожить. Когда генерал-губернатор Москвы, почтенный, в сущности, человек, даже приятельствовавший с некоторыми масонами, но утративший чувство справедливости от избытка усердия, допрашивал членов лож, те не могли удержаться от шуток, коими сопровождали каждый свой ответ; они смеялись и над обвинением, и над обвинителями.

Произвол и несправедливости, обрушившиеся по приказу Екатерины на членов Типографической компании, чрезвычайно тяжких последствий не имели. Ограничились заключением в крепость человека, коего посчитали главою общества (Новикова)*: три или четыре влиятельных члена ложи получили приказ удалиться в свои поместья — это были Лопухин, князь Николай Трубецкой и отец автора сего труда. Не знаю, поступило бы теперешнее русское правительство столь же мягко в подобном случае. Во время процесса, начавшегося после восстания 1825 года, к ссылке в Сибирь и каторжным работам были приговорены лица, которым по закону можно было предъявить гораздо меньше обвинений, чем масонам во времена Екатерины. Всюду прогресс!

Два молодых человека, продолжавших образование за границей на средства масонских обществ, получили приказ возвратиться в Россию; на родине они были схвачены и посажены в крепость. Там один из них умер, а другой сошел с ума. Император Павел по волеизъявлению на престол навел узника в темнице, обошелся с ним дружелюбно и приказал как можно лучше заботиться о нем. Я хорошо знал и любил этого человека, всегда

* Последствия заключения для этого добродетельного человека оказались ужасны. Взойдя на престол, император Павел поспешил освободить Новикова из Шлиссельбургской крепости; но, вернув ему свободу, он не мог вернуть ему счастья. Приехав домой, Новиков не застал в живых жены, скончавшейся незадолго до того; трое детей его были поражены ужасной неизлечимой болезнью; почтенная старая женщина, вдова его давнишнего друга, после его ареста взяла на себя заботу о детях и продолжала свое доброе дело даже после его смерти. Выйдя из крепости, Новиков был представлен Павлу I; император спросил, чем он может загладить причиненный узнику вред и вознаградить его за несправедливое наказание, жертвой которого он стал. «Возвратите свободу всем, кто был лишен ее вместе со мною», — ответил Новиков¹⁴⁴.

считал его одним из лучших людей на свете; его взял к себе один старый масон. Впоследствии он выздоровел, прожил долго и был настоящим апостолом любви к ближним¹⁴⁵. Посещение Павла и обращенные к нему неподдельно искренние слова государя навсегда запечатлелись в его памяти, несмотря на душевную болезнь, которой он в тот момент страдал.

Вообще император Павел был оченьнисходителен ко всем пострадавшим в деле масонов. Возможно, сие расположение было всего лишь следствием принципа, гласящего: «Враги наших врагов — наши друзья». Впрочем, приблизив к себе после восшествия на престол членов масонских обществ, этот государь сделал превосходный выбор: это были люди просвещенные, образцы доброты, честности и терпимости; они резко отличались от тех интриганов, которые с началом всякого нового царствования пресмыкаются вокруг трона, проявляя безграничное усердие и готовность совершить все, чего от них потребуют, даже пролить невинную кровь. Как бы то ни было, Павел I оказался причиной или предлогом преследований, коим Екатерина подвергла масонов; он это знал и хотел достойно выразить им свою благодарность. Полученное им воспитание, образ жизни, который он вел до восшествия на престол, сделали Павла таким, каким его увидел мир; но он обладал драгоценными человеческими качествами, кои становятся еще более драгоценными, когда ими отличается государь: он часто бывал добрым, благородным, а главное — признательным; последнее качество крайне редко встречается у коронованных особ; болезненно вспыльчивый, он не был ни зол, ни мстителен, ни мелочен; он обладал возвышенным умом и сердцем, способным к дружбе. Рассудок его был помрачен; за это он и поплатился...

Глава V

Финансы

ДОХОДЫ РОССИИ менее значительны по сравнению с доходами некоторых европейских государств; природа источников, из коих эти доходы извлекаются, еще больше их обесценивает. Против этого трудно будет возразить, если я скажу, что главнейшей статьей дохода является правительственная монополия на продажу водки.

Водка

Монополия на водку существует только в 29 губерниях, в той части империи, которую называют *Великороссией*, и принадлежит компаниям, которым правительство на публичных торгах предоставляет исключительное право производить и продавать водку. Торговля спиртными напитками может осуществляться, кроме того, только в определенных местах и по определенной цене.

Условия этой монополии часто менялись. Вот каковы они теперь.

Правительство с публичных торгов, производимых в Сенате, отдает право продавать водку в каком-либо городе или уезде тому, кто предложит за него наиболее подходящую, то есть самую высокую цену. Эти подрядчики называются *откупщиками*. Приобретая право продажи водки, они получают и право ее производства. Открыть винокуренный завод можно, заключив соглашение либо с откупщиками, либо с правительством.

Часть продаваемой водки должна приобретаться откупщиками на казенных складах по определенной цене, дошедшей сейчас до 10 рублей за ведро*.

Правительство или производит водку на собственных заводах, или покупает ее по установленной цене у частных производителей.

Откупщики обязаны продавать водку по той же цене, по какой они покупают ее у правительства. Их законные доходы складываются из продажи водки бутылками и от продажи других спиртных напитков.

Правительство предписывает откупщикам покупать на казенных складах только определенное количество водки; остальное оно позволяет им покупать непосредственно у частных заводчиков по вольной цене. Здесь скрыт источник барыша, так как покупная цена гораздо ниже продажной.

В интересах и откупщика, и правительства следить, чтобы частные заводчики не производили водки более, чем условлено по подряду.

Каждый откупщик заинтересован и в том, чтобы жители закрепленного за ним по договору города или уезда не покупали водку в соседних уездах; он изо всех сил старается воспрепятствовать этому, но в то же время сам хлопочет о том, чтобы жители ближайших уездов покупали у него спиртное. Вот почему водка, продаваемая там, где проходит граница между уездами, обыкновенно лучше по качеству. Торговля производится под строгим и бдительным надзором. Нарушителей подвергают различным наказаниям.

Однако контрабандная торговля водкой все равно существует, особенно по соседству с губерниями, где сей напиток производится и продается свободно. Жителям некоторых из вышеуказанных 29 губерний нужно сделать лишь несколько шагов, чтобы купить водку вдвое или вчетверо дешевле, чем у себя в уезде. Но чем легче совершается преступление, тем тяжелее за него наказание: уделом контрабандистов нередко становится ссылка в Сибирь.

Качество водки, производимой на продажу, конечно, установлено законом; но контроль за ним труден и даже невозможен. Понятно, что правительство, заинтересованное прежде всего в доходах от продажи, относится к низкому качеству вполне терпимо. Поэтому можно без колебаний присоединиться к общему мнению: под видом водки народ пьет яд.

Доход, получаемый от этого правительством, постоянно возрастает. В последнее время он достиг 130 миллионов рублей ассигнациями.

Нет нужды выносить оценку сей монополии; достаточно сказать, что она не только поощряет взяточничество и безнравственность, но и оказывает пагубное влияние на здоровье народа.

В странах, производящих вино, жалуются на подделки; какими же должны быть поддельные водки в странах, где этот напиток делается из зерна и где в него для крепости не

---

*Примерно двенадцать литров.

боятся подмешивать очевидно ядовитые вещества? Помнится, еще живя в России, я слышал, что от злоупотребления спиртными напитками ежегодно умирают 300 000 человек*. Не ручаясь за точность этих цифр, скажу, что пьянство само по себе не может убить стольких людей; громадную роль играет ужасное качество водки.

Благомыслящие помещики изыскивают всевозможные средства, чтобы помешать открытию кабаков у себя в деревнях, причем отказываются иногда от весьма значительных сумм, предлагаемых им откупщиками. Откупщики возмещают сии убытки, беспрепятственно продавая зелье в казенных деревнях и в городах.

Способ розничной продажи водки сам по себе достоин описания. Человек, торгующий водкой, обязан продавать ее по той же цене, по какой она была куплена; следовательно, прибыли он не получит. Поэтому продавцам необходимо обманывать покупателей на мерке. Но так как мерки контролируются властями, ему приходится довольствоваться недоливом. Часто сами покупатели, беря налитый стакан, из уважения к продавцу выливают, прежде чем выпить, несколько капель на свинцовый стол, служащий прилавком: это вино, жертвуемое продавцу, стекает в специальный резервуар. Но в большинстве случаев продавец толкает руку пьяницы, когда тот берет стакан, чтобы таким образом отнять у него часть только что проданной влаги. Больше половины ссор в кабаках происходит от этого обычая. Правительство все это терпит и, естественно, разрешает: ведь ему это выгодно.

Предпоследний министр финансов (все тот же, который полагал, что основал в России общественный кредит) предпринял все-таки одну реформу в этой части финансового управления¹⁴⁶. Возможно, читатель подумает, что он решил уничтожить злоупотребления в торговле спиртным? Увы, нет! Сего вопроса он остерегся даже касаться; но, видя, как откупщики богатеют, он попросту пожелал заменить их правительственными чиновниками. Он надеялся завладеть и барышами государственной монополии, и выгодами промышленников, вносящих плату за право производить водку. Реформа просуществовала недолго. К прежним скандалам прибавилось множество новых, и вскоре был восстановлен старый порядок. Когда этот вопрос обсуждался в Совете, некоторые его члены попытались обратить внимание коллег на глубинные пороки системы, и прежде всего на обязанность продавцов торговать водкой по той же цене, по которой они ее приобрели. Однако министр воспротивился каким бы то ни было изменениям; он отважно утверждал, что продавец может извлекать доход, не прибегая к обману, ибо при разливе из большой посуды в мелкие, как бы честно ни разливали, всегда будет остаток, коего хватит для законного барыша продавца! Впрочем, спор был явно несерьезным, так как министр успел получить предварительное одобрение императора, а следовательно, Государственному совету сказать было нечего. Хотя я припоминаю, что тогда же кто-то привел слова императора, якобы заявившего по этому поводу министру, что тот доставит ему истинное удовольствие, когда сообщит об уменьшении доходов от водки. Интересно, кого хотели обмануть этой комедией?

В других губерниях производство и продажа водки не монополизированы правительством; там оно довольствуется налогом, который, впрочем, до сих пор не умеет надлежащим образом взимать: оно могло бы, например, приурочить уплату ко времени изготовления или продажи, но предпочитает присоединять его к подушной подати. Вследствие этого

---

* По другим данным, это число доходит до 200 000.

все сословия, обложенные подушной податью, вынуждены платить и водочный налог, распределенный сообразно потреблению известного количества сего напитка. Пользуясь этим налогом, взимаемым с мещан и крестьян, помещики могут свободно производить и продавать водку во всех губерниях, не подчиненных государственной монополии.

Итак, трудно представить себе что-либо более бессмысленное и дикое, чем сбор налога с потребления крепких напитков. Но этот вопрос затрагивать бояться: налог на водку приносит слишком большой доход, и вряд ли ради более разумного порядка его взимания кто-нибудь рискнет уменьшить его источник.

ТАМОЖНИ

Другая важная отрасль государственного дохода — таможи.

Против таможен нечего было бы возразить, если бы правительство ограничилось взиманием пошлин только ради приносимого ими дохода. Но, к несчастью, подобно многим другим правительствам, оно старается посредством таможенных тарифов управлять отечественной промышленностью и покровительствовать ей. Заблуждение это тем более печально, что страна юная, подобная России, не может придерживаться таможенной политики протекционизма, какую ведут, устанавливая повышенные пошлины или вовсе запрещая ввоз, страны, где промышленные предприятия за долгое время поглотили громадные капиталы и где их работа дает средства к существованию значительному числу рабочих.

Некоторые считают, что создание большого числа фабрик и заводов и их развитие, пусть призрачное и искусственное, оживило промышленную деятельность и природные способности русского народа, особенно в среднем и низшем сословиях, и это пробуждение умов обязательно приведет к скорейшему освобождению крепостных*. В этой точке зрения, несомненно, кое-что верно и справедливо: благо доходит до людей весьма разнообразными путями! Но пока приведем пример, дающий представление о некоторых печальных последствиях запретительной системы в России. Когда речь зашла о новых способах борьбы с контрабандой, правительство не придумало ничего лучше, как приказать евреям, живущим на границах империи, переселиться ближе к центру страны! Чтобы уберечь себя от сношения с чужеземцами, китайцы отгородились стеной, русские же предпочитают пустыню.

Было время, когда русское правительство, казалось, разобралось, в чем состоит смысл таможенных пошлин: это было в 1815 году, вскоре после наступления мира в Европе. Оно умерило сборы, и некоторые даже решили, что налоги наконец установлены лишь ради приносимого ими дохода и теперь принципы свободы торговли восторжествуют. Но эта политика продолжалась недолго: скоро власть вернулась к прежним абсурдным формам поощрения отечественных фабрик и заводов. Постоянные перемены еще усугубили зло. Что ни год — то новый тариф, хотя здравый смысл подсказывает, что торговые отношения требуют прочности, устойчивости или по крайней мере продолжитель-

* См. об этом богатую мыслями и фактами статью в «Gazette universelle d'Augsbourg» от 22 сентября 1844 года¹⁴⁷.

ности. Протежируют то одной отрасли промышленности, то другой, а следовательно, меняют и тарифы. Однажды рьяно взялись за устройство порто-франко и объявили свободным портом Одессу; появился указ *ad hoc*¹⁴⁸, согласно которому ввоз и вывоз в этом городе на тридцать лет освобождался от таможенных пошлин. Генерал-губернатор Крыма защищал свободу торговли в Государственном совете, все просвещенные члены которого встретили этот закон с радостью¹⁴⁸. Стали поговаривать о даровании еще нескольким городам прав порто-франко. Все были явно довольны; черноморской торговле предсказывали блестящее будущее. Но не прошло и года, как переменялась и действительность, и мечты. Министра финансов, оказавшегося в стороне от учреждения порто-франко, предложенного генерал-губернатором Крыма и одобренного Государственным советом, одолевала зависть; начав с оспаривания границ территории свободной торговли, он сумел приостановить исполнение благодетельного указа и постепенно добился полной отмены порто-франко. В подобных случаях министр остерегался представлять свои проекты, как было положено, в Государственный совет, а обращался прямо к императору; потом появлялся указ, и делу конец. Император всегда уступал своему министру — то ли из равнодушия, то ли со скуки, то ли просто не желая, чтобы его беспокоили, ибо он хорошо знал, что министр не мог рассчитывать на одобрение Государственного совета, наиболее сведущие в финансовых делах члены коего всегда составляли ему основную оппозицию. Как бы то ни было, император брал на себя решение не из самоуверенности; он часто говорил, что ничего не понимает в финансах и что ответственность за предлагаемые и одобренные им меры всецело ложится на министра. Так ведут себя неограниченные властители! У них есть совещательные учреждения, коим они порой даже позволяют решать дела, однако сами они поступают согласно собственной фантазии или следуют внушениям льстецов и придворных.

ГЕРБОВЫЙ СБОР, КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ И ПР.

Гербовый сбор и косвенные налоги в России очень высоки и приносят правительству большой доход. Косвенный налог так же высок, как во Франции, но взимается менее разумно.

Других налогов, такс, поборов, сборов и обложений в России так же бесконечно много, как и в других, более передовых странах.

Одна из прямых пошлин, неизвестных в цивилизованных странах, это подушная подать, о которой мы говорили уже не раз: ей подлежат двадцать два с половиною миллиона душ.

Русское правительство, как и правительства других стран, не в состоянии изобрести новые предметы налогообложения; увеличения доходов теперь можно достичь, только меняя раскладку налогов, перемещая их или облагая ими собственность, капиталы, доходы в целом (*property and income tax*).

Однажды русское правительство решило ввести подоходный налог, но опыт оказался неудачным. Это было накануне войны 1812 года. Обычных источников дохода не хватало, об ассигнациях, коими не только пользовались, но и злоупотребляли во время пре-

---

¹⁴⁸ По этому поводу (*лат.*).

дыдущих войн, нельзя было и думать. Сперанский, бывший тогда главным двигателем реформ, искал способы помочь правительству. Среди ряда других мер он ввел подоходный налог. Объявление суммы дохода было оставлено на совести плательщика. Установив налог в 10 процентов с чистой прибыли, он высчитал, что это даст по крайней мере 12 миллионов рублей, однако было получено только полтора или самое большее два миллиона. Впрочем, несмотря на неуспех этой попытки, доходы государства благодаря иным мерам Сперанского значительно возросли*.

АССИГНАЦИИ

Прежде правительство находило источник дохода в ассигнациях. Печатание новых денег с давних пор было обычным способом выйти из затруднительного положения. Когда нужны были деньги для чрезвычайных расходов, полагали, что проще распорядиться о печатании новых бумажных денег вместо того чтобы прибегать к займам. Для правительства это своего рода курица, несущая золотые яйца, но такая курица несется только раз**.

Равновесие между нуждами обращения и количеством ассигнаций, предназначенных для их удовлетворения, было нарушено еще до восшествия Александра на престол. Ассигнации, впрочем, обесценились по сравнению с монетой всего лишь на четверть, но их падение ускорило с наступлением эпохи непрерывных и разорительных войн. Жестокий удар ассигнациям был нанесен подготовкой к кампании, окончившейся Тильзитским миром; война в Финляндии довершила расстройство русских финансов. Особенно дорого пришлось заплатить за то, чтобы поднять артиллерию на удивительно высокий, блистательный уровень, поразивший потом всю Европу. Человек, командовавший в то время артиллерией и одновременно управлявший военными делами, был одним из самых могущественных лиц в окружении императора; министр финансов показал себя тогда величайшим угодником и никогда не отказывался удовлетворять постоянные требования начальника артиллерии, пуская в ход печатный станок¹⁵¹. Ассигнаций наделали столько, что рубль к 1810 году потерял три четверти своей первоначальной стоимости. Наконец поняли, что жить дальше, прибегая к подобным уловкам, нельзя.

Тогда правительство, желая поправить финансовое положение страны, решило прежде всего предупредить дальнейшее обесцениение ассигнаций. Первая попытка не дала никакого результата — сначала из-за падения государственного человека, ее предпринявшего, а потом из-за наступившей войны. В конце концов правительство уразумело, что для прекращения обесценивания бумажных денег необходимо прежде всего прекратить рост их количества. Не знаю, следовало ли оно неуклонно этому спасительному принципу, по-

* В письме Сперанского к императору Александру, о котором я упоминал выше, говорится, что бюджет 1810 года имел дефицит в 105 миллионов рублей; доходы в тот год достигли почти 125 миллионов, а в 1812 году — почти 300 миллионов, то есть за два года произошел рост на 175 миллионов. По словам Сперанского, государство было таким образом спасено от полного банкротства¹⁴⁹.

** Адам Смит замечает, что бумажные деньги можно сравнить с воздушной дорогой, которая позволяет прежнеею дорогою, проложенную по земле, преобразить в луг. От такого превращения выигрывают все — ведь земля, занятая дорогой, не приносит ничего, а луг приносит; но этим выгоды и ограничиваются¹⁵⁰.

ка шла война; возможно, настоятельные нужды военных действий заставляли его иногда возвращаться к прежнему способу изыскания средств*.

Впрочем, попытка сделать металлические деньги главным средством обращения и всеобщим эквивалентом стоимости была предпринята еще в 1810 году. Идея эта мало соответствовала цели правительства, заключавшейся, как было совершенно ясно, в подъеме курса бумажных денег. Когда хотят поднять курс какой-либо ценной бумаги, следует по возможности увеличить область ее распространения, чтобы ее можно было использовать в различных сделках и платежах; тогда повышение спроса повысит ее в цене. Усиленно поощряя обращение металлических денег (в это же время ввели налоги, которые полагалось платить только золотом), сферу обращения ассигнаций настолько ограничили, что это никак не способствовало возвышению их курса**.

Эта попытка правительства успеха не имела, и говорить о ней более не стоит. Отмечу лишь, что, создав комиссию по погашению ассигнаций и приняв решение продать часть государственных имуществ, чтобы на полученные таким образом средства уменьшить количество ассигнаций в обращении, правительство тем самым признало их государственным долгом.

Вряд ли стоит спорить о том, являются ли бумажные деньги, пускаемые в обращение правительством, государственным долгом, который оно рано или поздно обязуется погасить. Однако здесь следует иметь твердые понятия, тем более что правила государственного кредита даже в более цивилизованных странах известны далеко не всем. Хотя правительства, особенно наделенные неограниченной властью, кажется, действуют обычно, руководствуясь скорее насущными нуждами, нежели устойчивыми и определенными принципами, все-таки может случиться, что, несмотря на всю добросовестность правительства и его искреннее желание поступить разумно и по справедливости, его действия будут оцениваться по тому, считает ли оно выпускаемые ассигнации государственным долгом или только средством обращения. Очевидно, что последний подход напрямик ведет к позорному банкротству, тогда как первый является отличительной чертой политики мудрой, умеренной и предусмотрительной.

В сущности, все бумаги, выпущенные взамен металлических денег, составляют именно долг. Подписавший эту бумагу при ее выпуске обязывается уплатить означенную сумму или в течение некоего срока, или по предъявлению. Отказ от платежа в этом случае означает несостоятельность, банкротство.

Платежные обязательства, выданные частными лицами, имеют ту же силу.

---

* Из упомянутого письма Сперанского видно, что когда в 1810 году правительство принимало решение прекратить выпуск бумажных денег, оно дополнительно ввело их в обращение еще на 46 миллионов рублей.

** В труде, изданном мною в Петербурге в 1818 году («Опыт теории налогов»), я отмечал, что, несмотря на трудности военных лет, с 1812 по 1815 год бумажные деньги не обесценились окончательно; их курс в 1815 году был таким же, как и в 1812-м; отыскивая причину этой устойчивости, я пришел к выводу, что падение бумажных денег в цене на четверть было чрезмерным, ибо не соответствовало их количеству. Такое искусственное понижение, на мой взгляд, произошло по причине неразумных мер, предпринятых в 1810 году. С тех пор мое мнение об этом не изменилось; напротив, у меня есть все основания считать, что в период с 1812 до 1815 года правительство печатало новые деньги; отсюда следует, что предыдущее понижение курса было во многом искусственным и вытекало из необдуманного стремления заменить бумажные деньги металлическими.

Но когда правительство вмешивается в выпуск бумажных денег или присоединяется к выпускающим их банкам, стремясь получить выгоду, ассигнации становятся, можно сказать, почти официальными или правительственными; когда оно расширяет обращение этих бумаг и позволяет предъявителю менять их на серебро, то бумажные деньги теряют свои свойства — если не де-юре, то де-факто. Заметим, что правительства, поднимающие таким образом курс бумажных денег, не считаются — если, конечно, не заходят в своих несправедливых действиях чересчур далеко — банкротами: долг, который нельзя требовать с должника, строго говоря, и не долг вовсе.

Есть и еще одна сложность. Любой долг обычно сопровождается процентами; бумажные же деньги, служа средством обращения, процентов не приносят. Вот еще одна причина, которая позволяет сомневаться в том, являются ли они долгом.

Повторяю: на практике нет никакой разницы, считать ли бумажные деньги государственным долгом, простым средством обмена или же налогом, который обесценившиеся ассигнации по своим свойствам напоминают более всего. Принципиально важно знать, что представляет собой выпуск бумажных денег: обязуются ли, получая с их помощью доходы, уплатить за то, что взято, или же просто пользуются привилегией печатать деньги на бумаге за неимением металла. Правительствам, выпускающим ассигнации, следует помнить, что рано или поздно им или придется возвратить взятые суммы, или примириться с тем, что из-за потерь, образовавшихся вследствие обесценивания бумажных денег, будут истощаться государственные ресурсы. Мое предупреждение о грозящей опасности не покажется излишним, если вспомнить, что выдающиеся и движимые самыми лучшими намерениями люди, начиная проводить изоциренную кредитную политику, договаривались до утверждений о том, что государственные долги, заключаемые правительством как денежные займы, обладают поразительным свойством, а именно тем, что, платя проценты, можно не думать о возмещении капитала; поэтому все заботы правительства должны ограничиваться возможным уменьшением размера процентов, причем не следует опасаться, что капитал вырастет до непомерной величины. Таким образом, по их мнению, государственные долги не должны ни выплачиваться, ни погашаться.

Чтобы яснее представить себе сущность бумажных денег, следует разделить их обращение на два периода. Первый — время, когда ассигнации полностью соответствуют металлической валюте, то есть когда их курс совпадает с курсом звонкой монеты. Когда бумажные деньги легко и без потерь можно обменять на металлические, каждый охотно принимает их и смотрит на них так же, как на металлические деньги. Часть металлических денег, замещенная ассигнациями или вытесненная ими из страны, оказывается государственной прибылью, полученной практически задаром. Когда курс бумажных денег равен курсу денег металлических, правительство может не беспокоиться о долге, сделанном им при выпуске ассигнаций, ибо его нельзя привлечь к уплате этого долга, то есть к обмену бумаги на серебро. Но с того момента, когда масса ассигнаций превышает нужды обращения и они при обмене на серебро начинают терять в цене, от правительства могут потребовать уплаты долга, или, иными словами, замены ассигнаций на равное количество серебра. Поскольку в подобных случаях правительство всегда усиливает обращение бумажных денег, они тотчас перестают быть долгом и становятся настоящим налогом, взимаемым с населения посредством чрезмерных эмиссий. Но и опосредованный

налог тяжким бременем ложится на народ, тем более что распределяется он самым незаконным и возмутительным способом: одних он разоряет, а других неожиданно обогащает. Но последние в свою очередь попадают под этот налог, когда начинают заключать сделки иного характера с иной целью.

Таким образом, во втором периоде обращения обесцененные и имеющие искусственный курс бумажные деньги становятся настоящим налогом, и рассматривать их должно именно в этом качестве. Способы, пригодные для возмещения долга, не годятся для ликвидации несправедливого налога. Долг покрывают платежом, а полная выплата стоимости обесценившихся ассигнаций не вылечит болезнь, а лишь усилит ее.

Когда количество бумажных денег выходит за пределы нужд обращения и курс их падает по сравнению с деньгами металлическими, то попытки ценою больших жертв вернуть им их первоначальную стоимость приведут только к усугублению зла. Постепенное обесценивание ассигнаций причинило ущерб тем, через чьи руки они прошли во время падения курса; некоторых оно даже разорило. Если правительство попытается поднять курс бумажных денег и добиться возвращения им их первоначальной стоимости, ущерб и разорения повторятся, но, так сказать, в обратную сторону. Представим себе, что некто ссудил 100 рублей ассигнациями, в то время когда рубль обесценился только на четверть, и получил долг обратно, когда рубль потерял три четверти. Ясно, что он потерял половину своего капитала. А теперь представим, что человек занял 100 рублей, когда рубль обесценился на три четверти, и должен вернуть долг, когда рубль потерял только четверть? Понятно, что он заплатит на две четверти больше того, что занимал на самом деле. Каковы бы ни были причины подобных несправедливостей, они не перестают быть несправедливостями; и в первом, и во втором случае отношения между людьми в равной степени омрачаются.

Если период обесценивания бумажных денег закончился, не вмешивайтесь в ход вещей; пытаясь повернуть события вспять, вы не исправите свершившееся зло. Вы предоставите выгоды и незаслуженные барыши отнюдь не тем, кто понес потери: участь последних от ваших действий только ухудшится, ибо, пострадав от падения курса ассигнаций как владельцы капиталов, они будут вынуждены идти на жертвы для подкупа сего курса как налогоплательщики, причем от этих жертв они, скорей всего, уже не смогут оправиться*.

Рассуждения мои очень просты; однако российское правительство, себе в убыток, пожертвовало миллионами, сотнями миллионов — по незнанию того, что мог бы подсказать ему простой здравый смысл. Вот пример.

Меры, принятые после 1815 года

После наступившего в 1815 году мира российское правительство вновь занялось улучшением финансового положения. Особенно волновало его обесценивание бумажных денег. Сначала оно решило отказаться от дальнейших эмиссий, и, судя по всему, намеревалось твер-

---

* Пытаясь избежать неудобств, причиняемых колебаниями курса бумажных денег, в финансовом ведомстве составили таблицы этих колебаний за определенный срок; но это не более чем полумеры, к тому же крайне сложные и стеснительные.

до придерживаться этого принципа. Одновременно оно приступило к повышению курса ассигнаций, уменьшая их массу. Но если в 1810 году оно хотело продать часть казенного имущества и изъять из обращения полученные в качестве уплаты ассигнации, теперь оно предпочло заключить займы и предать огню ассигнации, соответствующие сумме займов.

Эти жертвы были принесены с целью поднять курс ассигнаций. Если бы усилия правительства увенчались успехом, бумажные деньги быстро проскочили бы второй период, о котором мы говорили выше, и их курс стал бы постепенно подниматься, что обратным порядком привело бы к таким же неприятностям, к каким ранее привело их обесценение.

Было сожжено около 150 миллионов рублей ассигнациями*. Несмотря на уменьшение массы бумажных денег, их курс не поднялся — по крайней мере, не поднялся сколько-нибудь заметно. Прежде серебряный рубль стоил 4 рубля ассигнациями; после изъятия из обращения 150 миллионов их он стал стоить 3 рубля 80 копеек. Предпринятая мера результатов не принесла; взяв в долг 150 миллионов под шесть или более процентов, правительство ни на шаг не продвинулось вперед.

Несмотря на колоссальные жертвы, принесенные совершенно напрасно, большой беды от сей неудачи не произошло. Однако для правительства это действительно было несчастьем, поскольку цели своей — улучшения курса бумажных денег — оно не достигло. Иначе и быть не могло: изъев из обращения часть ассигнаций, оно и не задумалось о том, как облегчить обмен оставшихся бумажек на золото, серебро или медную монету; поэтому прежние трудности никому не делись и тенденция к повышению курса бумажных денег вследствие уменьшения их массы оказалась парализованной**.

В то время в обращении находилось ассигнаций на 700 миллионов рублей. После изъятия и предания огню 150 миллионов в ходе операции с займом осталось еще около 500 миллионов. Поскольку изъятая из обращения часть ассигнаций составляла примерно четверть всей массы, можно было ожидать, что курс оставшихся в обращении бумажных денег повысится в той же пропорции; однако, как мы видим, ничего подобного не произошло.

Заем, о котором идет речь, был сделан у иностранных государств. Финансисты, ссудившие нас деньгами, не могли представить себе, что российское правительство действительно, как и обещало, станет жечь взятые займы миллионы, чтобы таким образом заменить долг, не стоивший ему процентов, на долг с процентами. Тем не менее все было именно так. В каком умственном затмении пребывало российское правительство, отважились на столь абсурдную меру? Отчего очевидные ошибки были приняты за разумные действия? Неужели в стране не было никого, кто обладал бы простейшими представлениями о политической экономии и финансах? Разумеется, такие люди были. Важнейшей причиной крупного

* В документах, опубликованных впоследствии правительством, говорится, что всего (тогда и спустя еще некоторое время) было сожжено ассигнаций на 230 миллионов.

** Трудности обмена бумажных денег на металлические увеличились в конце концов до такой степени, что ассигнации приобрели что-то вроде лажа, постепенно подымавшегося до двадцати процентов. Возникновение этого лажа не является свидетельством повышения их подлинной ценности, ибо в различных уголках империи величина лажа была разная: он увеличивался по мере удаления от столицы, где было легче совершить обмен и, соответственно, лаж был наименьшим. Недавно правительство предприняло некие меры для вывода финансовой системы из чудовищного хаоса; но я знаю о них только по газетным сообщениям и ничего сказать не могу.

финансового скандала было полное отсутствие гласности; здравомыслящие люди в России не имеют возможности просветить ни общество, ни правительство.

Если бы пресса была в состоянии донести общественное мнение до власти, то у последней, разумеется, не было бы недостатка в советах и полезных предложениях. Но то, что не могло быть напечатано, могло быть высказано; все просвещенные люди осуждали меры правительства. Один из них, снискавший европейскую известность своими трудами по политической экономии и (по своей близости ко двору императрицы-матери) преподававший эту науку молодым великим князьям, лучше других видел и понимал всю абсурдность планов, предложенных министром финансов; он осуждал эти планы, разоблачал их бессмысленность и опасность, говорил о потерях, которые они за собою повлекут; но все его усилия были напрасны*.

Общественное мнение не могло быть высказано в печати; возможно, императора сумел бы остановить Государственный совет, если бы государь оставался верен духу, который привел его к созданию этого учреждения, и если бы он позволил Совету исполнить свою прямую обязанность и подвергнуть проекты министра дотошному разбору. В то время в Государственном совете было несколько весьма просвещенных людей, искушенных в политической экономии и финансах; конечно, они вполне способны были указать, в чем состоит зло и что нужно сделать для его исправления. Но эти лица, составлявшие тогда комитет в Государственном совете, где сначала должны были рассматриваться финансовые проекты, принадлежали к партии большинства, а поскольку это большинство обычно находилось в оппозиции к министру, тот никак не мог надеяться на одобрение своих планов. Поэтому он представил их императору напрямую. Император допустил это, и позже планы были переданы в Совет вместе с извещением, что император их рассмотрел и в общем одобрил. Роль Совета была, таким образом, сведена к простой регистрации новых законов.

Могут спросить: что же это за министр, если он способен на столь грубые промахи? И все-таки министр, каких немало в России, да и не только в ней. Большую часть своего времени он тратил на управление вверенным ему огромным департаментом. Он мог говорить об управлении финансами в целом; если нужно, цитировал Адама Смита, Тюрго, Неккера и т. п., настаивал на идее прогресса в финансовых делах; но, как и многие другие министры, он был окружен ловкачами, прожектерами, которые переполнены новыми идеями и обладают большими возможностями; у них всегда есть секрет пополнения государственной казны путем некоторых искусных операций, известных только им одним. Но тогда, быть может, министра очаровал, воодушевил, обманул вдохновенный шарлатан, возвышенный экономический талант, какой-нибудь Лоу или по крайней мере Уввар, а груз текущих дел не позволил ему углубиться в блестящие и оболстительные иллюзии, которыми сей гений его убаюкал? Увы! Змеем-искусителем русского министра явился отнюдь не финансист-поэт, в коих авантюризм всегда сопровождается некой одаренностью, а всего лишь бедный хорватский магистр, прибывший в Россию для преподавания политической экономии в Петербургском университете. Свое звание он получил в каком-то университете Авст-

---

* Это был г-н Шторх. По настоятельной просьбе императора сей ученый экономист изложил свое мнение в записке, где полностью опровергал планы и проекты министра финансов¹⁵². Однако, вопреки его авторитету, решающий голос остался за министром.

рии, страны, как известно, исключительно ученой. В преподавании он прибегал к языку Вергилия и Цицерона. Полагаю, что и великий поэт, и великий оратор были бы крайне изумлены, услышав формулы Адама Смита на своем восхитительном наречии. Короче говоря, наш хорват, не умея правильно объясняться ни на русском, ни на любом другом из живых европейских языков, вел занятия на кухонной латыни, широко распространенной в Венгрии; излагая же свои финансовые измышления письменно, он отдавал дань русскому, немецкому и французскому языкам, кои одинаково коверкал. Вот какого Лоу министр финансов избрал своим советником в великой задаче возрождения финансов империи. Все труды этого человека и по содержанию, и по форме были поистине непостижимым абсурдом. Никогда не забывая о своих личных выгодах, он внес немало беспорядка в государственные финансы и в конце концов стал объектом если не ненависти, то постоянных насмешек общества, особенно просвещенных иностранцев, живших в Петербурге и стыдившихся, что такой же иностранец, как и они, отличается подобным бесстыдством¹⁵³.

Но, видимо, у министра были свои причины во что бы то ни стало поднять курс обесцененных ассигнаций. Он полагал, что если ассигнации поднимутся до реальной цены, а налоги сохранят свои номинальные размеры, то казна неизбежно выиграет столько же, сколько и бумажные деньги, которыми платят налоги, так что если курс ассигнаций поднимется наполовину, то 500 миллионов дохода реально составят один миллиард. Таким образом, ресурсы государства могли бы удвоиться даже без очередного повышения существующих податей и введения новых. Министр забывал, что облагаемые налогом люди если не умнее, то по крайней мере не глупее любого министра. Изменение реальной ценности бумажных денег заметили бы тотчас, как только бы изменились цены на продовольствие и товары. Но известно, что кошельки налогоплательщиков не бездонны; люди не могут платить бесконечно, и курс денег не может превышать их совокупной ценности. Одним словом, идея министра напоминала меры, в прошлом часто применявшиеся во Франции и до сих пор используемые в Турции: они состоят в том, чтобы понижать или повышать номинальную стоимость денег в зависимости от того, поступают ли они в государственную казну или уходят из нее.

Тогда русское правительство сделало первый за всю историю заем за границей.

Легкости, с которой сделан был этот заем, способствовало некое обстоятельство, не зависевшее от внутреннего управления финансами; это обстоятельство в выгодном свете представило точность, с коей Россия выполняла свои обязательства.

Во время раздела Польши эта страна была должна Голландии. После присоединения к России некоторых польских провинций часть этого долга перешла к России. После того, как Голландия была завоевана Францией, русское правительство перестало платить проценты, вследствие чего обязательства по этому долгу потеряли почти всю свою ценность: за них давали не больше двадцати процентов от их первоначальной стоимости. Но после войны русское правительство стало не только платить все прежние проценты, но и систематически выплачивать новые, погашая и сам капитал*. Благодаря этой мере дол-

* После переговоров на Венском конгрессе Россия согласилась отказаться от своих притязаний на ряд территорий, прежде принадлежавших Польше, и Англия и Нидерланды взяли на себя выплату половины этого долга (50 миллионов флоринов).

говые обязательства не только поднялись в цене, но и открыли российскому правительству большой кредит в Голландии и других богатых капиталами странах.

Первые займы, к которым прибегает любое правительство, несомненно, часто бывают излишне тягостными для занимающей страны; к тому же следует признать, что российское правительство договорилось о своих первых займах на весьма невыгодных условиях, тем более, что к сему его побуждали не истинные, неизбежные и срочные нужды казны, а всего лишь намерение использовать взятые капиталы для погашения ассигнаций. Проценты по займу были довольно высоки: прибавив пять процентов к уменьшению капитала на двадцать процентов, получили шесть процентов годовых; однако наибольшие возражения вызывало даже не это, а второстепенные условия займа — тяжелые и бесполезные для правительства, что наводило на мысль то ли о слабоумии его агентов, то ли об измене. Одним из условий было обязательство не уменьшать проценты с долга, но принять подобную статью договора в то время, когда английское правительство предпринимало успешные шаги по уменьшению процентов по своим долгам, сделанным во время войны, означало выказывать или непростительное невежество, или явное стремление обогатить дающих займы банкиров. Те, кто заключает сделки о государственных займах, всегда должны иметь в виду пример Англии. Проведенное ею снижение процентов было поучительно и доказывало, что подобная мера является основным возможным источником дохода для правительства, стремящегося облегчить бремя долга. Кроме того, пример Англии показал, что правительство, действуя во благо страны, должно сначала брать заем по номиналу, без всякого увеличения капитала, и при заключении договора улавливаясь о выплате обычных, более или менее высоких процентов, а потом, когда времена начинают меняться и обычный процент падает, уменьшать и проценты по долгу*.

Отказавшись от этой возможности, российское правительство негласно отказалось от преимуществ, которые обычно вытекают из роста национальных богатств разных стран. Если со временем искушение окажется слишком велико, если все другие правительства станут платить гораздо меньшие проценты и российское правительство также пожелает получить выгоды от мирной жизни и увеличения мировых капиталов, оно может добиться этого, только изменив своим обязательствам, что — даже если говорить только о материальной стороне дела — не даст ему никакой выгоды.

Другое условие займа свидетельствует не столько о невежестве (о невежестве здесь речи быть не может), сколько о стремлении угодить кредитору, о чем я уже говорил выше. Проценты, которые могли взиматься и в Петербурге, и в Лондоне по воле держателя займа, были установлены по раз и навсегда определенному курсу в рублях серебром и в фунтах стерлингов. Но этот курс был установлен очень выгодно для фунтов стерлингов по сравнению с рублями; в результате держателям русских обязательств, которые почти все находятся в Англии, было выгодно получать проценты в Петербурге в рублях серебром. С этой целью они продавали свои купоны банкирам-спекулянтам, которые платили им от двух до пяти процентов сверх и посылали эти купоны в Петербург, превра-

---

* Англия это поняла, но не сразу; теперь доказано, что, если бы она приняла эту систему с самого начала войны и не стала бы увеличивать капитал, уменьшая проценты, она, вероятно, платила бы некоторое время половину или три четверти лишних процентов, но ее долг был бы меньше приблизительно на 200 миллионов фунтов стерлингов.

щая их там в рубли. Очевидно, что держатели облигаций получали дополнительный доход за счет российского правительства.

Предав огню сотни миллионов ассигнаций с наивностью, достойной лучшего применения, правительство перестало прилагать усилия к подъему курса бумажных денег. Однако, получив раз деньги по заграничным займам, оно вошло во вкус, и займы последовали один за другим, уже не для погашения ассигнаций, а для других, столь же бессмысленных целей; кажется, последующие государственные долги делались исключительно для покрытия ежегодного дефицита бюджета, а вовсе не для общепользных работ, выгоды которых для страны перекрыли бы ущерб, наносимый уплатой процентов по взятым в долг капиталам.

О российской системе погашения национального долга сказать нечего; она нехороша, но так как предубеждение против погашения укрепилось повсюду, то нечего удивляться, что русское правительство разделяет сие общее заблуждение.

Оценив меры, принятые российским правительством для улучшения финансов, попытаемся указать, насколько возможно, что ему необходимо было сделать, следуя тем принципам, какими обычно руководствуются при решении подобных вопросов. Задача эта, и без того нелегкая, становится еще труднее, когда не располагаешь всеми необходимыми сведениями и не знаешь истинного положения дел, о которых намерен говорить. Многие правительства боролись с тяжким бременем обесценения бумажных денег, прибегали к разным средствам, чтобы выйти из затруднительного положения и предотвратить разорение, но в каждой стране были свои собственные, присущие ей одной, обстоятельства, и способы борьбы с падением курса избирались в соответствии с этим. Российское правительство выпустило целый ряд соответствующих документов, оно каждый год отчитывается в операциях, связанных с общественным кредитом; к несчастью, в России никогда не доверяют официальным сообщениям.

Но существуют факты и общие принципы, не зависящие от воли каких бы то ни было правительств. Этих фактов и принципов достаточно, чтобы если не в деталях, то хотя бы в целом определить и обосновать правила, коими следует руководствоваться при определении природы зла и при выборе средств для его исправления, и отделить их от средств, коих необходимо избегать.

Основной и явной характеристикой финансового состояния России является существование там настоящих бумажных денег, обесцененных вследствие их избытка.

Можно сколько угодно приводить возражения и запутывать дело, утверждая, что русские бумажные деньги отличаются от бумажных денег других стран, что они обеспечены, так сказать, только медной монетой, поскольку банк обещает на своих билетах или ассигнациях платить только *ходячей монетой*, то есть медью, поскольку золото и серебро являются в России всего лишь товарами и не связаны с ассигнациями напрямую; можно также искать разницу между нашими ассигнациями и бумажными деньгами других стран, где они обеспечены особыми земельными владениями (во Франции, например, это территориальные векселя). Но все это не меняет и не может изменить сущности бумажных денег, будь они русскими, французскими, американскими или австрийскими. Все виды гарантий, изобретенных в разных странах для подтверждения ценности бумажных денег, никогда ничего не обеспечивали и обеспечить не могут. Бумажные деньги, заменяя в обращении сереб-

ряную монету, повсюду одинаковы и имеют одну природу. Пока они не выходят за пределы нужд обращения, они служат не только без ущерба для государства и отдельных лиц, но даже с некоторой выгодой. Но как только их становится больше, чем нужно, как только правительства начинают выпускать деньги с единственной целью обеспечить себя средствами, ассигнации обесцениваются, правительство, в соответствии с количеством эмиссий, становится банкротом; против сего зла нет гарантий, поскольку их нельзя пустить в ход; если бы это было возможно, то правительство для удовлетворения своих нужд, без сомнения, предпочли бы прибегнуть к ним, а не к новой эмиссии бумажных денег.

Кредитные принципы также везде одинаковы. Если они верны, то верны повсюду: в России, в Англии, во Франции и т. д., ибо используются для достижения одних и тех же целей. Для улучшения денежного обращения в России надо или принимать те же меры, какие примут в подобном случае в Англии, или изобретать нечто совершенно новое, доселе неизвестное, хотя еще Неккером замечено, что открытия в сфере финансов уже невозможны.

Сии принципы учат нас, что лучшими средствами обращения, как правило, являются предметы, собственная ценность которых соответствует их номинальной ценности; это драгоценные металлы, золото, серебро. Если, желая избежать неудобств, связанных с металлами, обладающими объемом и весом, их заменяют бумажными деньгами, выпускаемыми пропорционально поступающим в казну драгоценным металлам, то в таком случае обесцениения бумажных денег не происходит, и все выигрывают, ибо металлы не претерпевают ущерба, неизбежно причиняемого им в обращении. Выпускать ассигнации, не обеспечивая их запасом драгоценных металлов, можно лишь для того, чтобы избежать названных неудобств, кои связаны с обращением металлических денег. Из этого следует, что заменяющая металлы бумага должна использоваться в тех случаях, когда объем или вес делают металлические деньги неудобными, — иными словами, ассигнации надо выпускать только для крупных сумм, а в мелком обращении сохранить исключительно металлическую монету, удобную для этого по весу и объему. Так, во Франции, где бумажные деньги сохраняют истинное соотношение с металлом, банковские билеты не могут быть меньше 500 франков, а в городах, где банк имеет свои конторы, — меньше 250 франков.

Первое средство для поддержания курса бумажных денег неизменным — следить за тем, чтобы их масса не превышала потребностей обращения, или, иными словами, чтобы люди ничего не теряли при обмене их на металлические деньги. Курс бумажных денег указывает на эту пропорцию.

Другое средство, восторженное, но тем не менее важное, — всегда и везде обеспечивать свободный обмен ассигнаций на серебро и *vice versa*. Пренебрегая этим, можно придать бумажным деньгам искусственный курс, завышенный или заниженный, отчего истинное соотношение между бумагой и металлической монетой останется загадкой.

Когда бумажные деньги работают так, как должно, задачи правительства несложны. Но как только они становятся единственным платежным средством, когда возникают огромные суммы в ассигнациях, которые вследствие избыточной эмиссии сильно обесцениваются, трудностей становится необычайно много, и необходимо не столько неукоснительно соблюдать все принципы, сколько понять, каких опасных последствий можно ожидать, и выбрать наименее тяжкие.

Как мы уже видели, в России бумажные деньги потеряли почти три четверти своей первоначальной стоимости. Рубль серебром вместо ста копеек ассигнациями стоит триста шестьдесят или триста восемьдесят. В последнее время к этому прибавилось еще одно неудобство, сильно вредящее обращению, — оно состоит в том, что ассигнации, с одной стороны, теряя в цене, с другой — выигрывают до двадцати процентов и более по сравнению с серебром и медью, то есть в обращении каждая ассигнация получает дополнительные двадцать процентов. К примеру, предмет стоит сто рублей; если за него платят серебром, то по существующему курсу дают триста восемьдесят, а если платят ассигнациями, то дают сторублевый билет с вычетом двадцати процентов, поскольку на билет в сто рублей полагается двадцатирублевый лаж. Этот лаж в пользу ассигнаций начался с маленьких ассигнаций в десять и пять рублей; лет двадцать назад платили по десять и пятнадцать копеек лажа к билетам в пять и десять рублей, особенно если билеты были новые*. Сначала этот лаж существовал только в отдельных частях империи; его, например, долго не было в Петербурге. Кроме того, серебро не имело единого курса для целого рубля и его долей, так что рубль одной монетой стоил только триста восемьдесят копеек, а мелкой серебряной монетой — четырехста копеек, или четыре рубля.

При таком положении дел приходится бороться с двумя пороками: первый — обесценение бумажных денег; второй — лаж на ассигнации.

Чтобы лечить болезнь, надо прежде всего в ней разобраться. Мы видели, что причиной падения курса является избыточное количество ассигнаций. Подлинную причину лажа найти труднее.

На первый взгляд кажется, что лаж означает улучшение курса ассигнаций. Если их масса уменьшилась по причине предпринятого ранее погашения или под воздействием времени, ибо бумага непрочна**, а правительство не хочет возмещать это уменьшение выпуском новых денег, то бумажные деньги могут подняться в цене; по крайней мере, можно решить, что их обесценение уменьшилось и они стали дороже, что после понижения и, соответственно, удаления от номинала, ассигнации начинают повышаться в курсе и приближаться к номиналу.

Но чтобы согласиться с таким объяснением лажа, нужно, чтобы он везде был одинаков, подобно лажу на серебро, который устанавливают, когда хотят повысить курс серебра в период постепенного обесценения бумажных денег.

Но на деле все обстоит не так. Мы видели, что вначале лаж на мелкие билеты, особенно на новые, был неизвестен в Петербурге, но существовал в других местах; кроме того,

---

* В обращении всегда предпочитают новые билеты, так как фальшивые бумажки бывают, как правило, грязными и затрепанными; это делается для того, чтобы скрыть грубость подделки.

** Двадцать лет назад русское правительство предприняло замену старых бумажных денег на новые, улучшенного качества. В итоге старых ассигнаций, вернувшихся в казну, оказалось на десять процентов меньше, чем было выпущено новых. Ясно, что эти десять процентов от всей массы бумажных денег изорвались во время обращения. Пропорция огромная, особенно если вспомнить о большом количестве фальшивых ассигнаций, попавших в обращение и всегда оплачивавшихся казной наравне с настоящими; при их предъявлении следовало только выполнить некоторые формальности. Таким образом, хотя правительство и оплатило все фальшивые ассигнации, даже те, что выпустили в обращение французы в 1812 году, оказалось, что общая масса бумажек менее чем за пятьдесят лет их существования уменьшилась на десять процентов.

лаж в различных частях империи до сих пор разный, — обменять ассигнации на металлическую монету и наоборот легче всего в столице; следовательно, лаж является прежде всего следствием трудности обмена*.

Упрямото, с которым общество стремится удержать неизменным курс рубля в 380 копеек, а улучшение — если считать, что таковое имеет место, — производить только путем прибавки к этому курсу лажа, естественно и соответствует обычному ходу вещей, указывая, что происхождение и причину лажа следует искать не в том, каков курс ассигнаций.

Чтобы уничтожить лаж (а это необходимо), следует прежде всего создать условия для обмена ассигнаций на серебро и наоборот. В то же время в государственных кассах нужно принимать платежи и в серебре, и в ассигнациях. Если деньги будет легко обменять повсюду, а возможность платить налоги серебром не приведет к исчезновению лажа, то неопределенность прекратится и можно будет доказать, что возрастает именно стоимость бумажных денег. В последнем случае для того, чтобы исчез лаж, нужно будет только повысить номинальный курс ассигнаций в той же пропорции, в какой реально повысилась их ценность, то есть довести курс рубля с 380 копеек до 360 или 350, следуя за увеличением лажа.

Если, как я полагаю, лаж происходит только от трудности обмена серебра на бумажные деньги, то простота этого обмена и возможность одинаково пользоваться для уплаты налогов и т. п. различными деньгами по их реальной стоимости должны неизбежно уничтожить искусственную стоимость и, таким образом, упразднить лаж, причина коего тогда исчезнет. Лаж, по моему мнению, является всего лишь искусственной стоимостью, прибавляемой к действительной стоимости ассигнаций: как только перестанет существовать его причина, истребится, естественно, и он.

Указав средства для уничтожения лажа, вернемся к главному вопросу — как установить порядок в денежном обращении, если главным и, можно сказать, единственным средством его являются обесценившиеся бумажные деньги.

Мы уже видели, что пытаться поднять упавший курс бумажных денег и уравнивать их номинал с металлическими деньгами несправедливо, неразумно и невыгодно. Нужно стремиться только к прекращению колебаний их ценности, мешать не только их обесцениванию, но и возвышению их курса. Для этого необходимо сперва установить *некоторую единицу монеты*, некий *стандарт*, эталон, который станет неизменной мерой всех находящихся в обращении ценностей. Эта единица должна обязательно иметь действительную стоимость, равную номинальной.

Для России такая мера уже найдена: это *рубли*. Но какой рубль принять? Серебряный рубль, стоящий три с половиной рубля или больше в бумажных и медных деньгах? Или же новую серебряную монету, равную по стоимости рублю ассигнациями и медью?

Пятнадцать лет назад рубль серебром, одной монетой, стоил 380 копеек, а в размене, — он стоил 400 копеек, или 4 рубля; таким образом, монета в 25 копеек серебром, чет-

---

* Во Франции существует что-то вроде лажа на банковские билеты; он растет по мере удаления от Парижа, то есть по мере возрастания трудности обмена этих билетов на металлическую монету. Я усматриваю здесь явное доказательство того, что бумажные деньги могут менять свой курс не только от соотношения с металлическими деньгами, но и в зависимости от легкости или трудности их обмена на металлическую монету.

верть рубля, стоила как раз рубль ассигнациями. Тогда я подумал, что было бы хорошо использовать это совпадение, это равенство действительной и номинальной стоимости монеты в обращении и денежной единицы, принятой в общем пользовании; признать, объявить официально и определенно четверть серебряного рубля денежной единицей, единственным настоящим рублем и выровнять по этой единице курсы всех других денег, бумажных или металлических.

Конечно, это было бы похоже на объявление о банкротстве, но оно и так уже было налицо, и правительство, назвав рублем всего лишь его четверть, не сделало бы ничего нового, ибо эта четверть рубля и так шла за целый рубль.

Кажется, в своих новых финансовых и монетарных мерах российское правительство предпочло принять за денежную единицу серебряный рубль по курсу триста пятьдесят копеек ассигнациями. Это, вероятно, избавило его от расходов и затруднений, связанных с чеканкой новых монет, но неудобства такой монетной единицы бросаются в глаза. Прежде всего, что это за единица, которая не едина, а состоит из трех с половиной единиц? Ведь, сколько ни трудись, почти невозможно изменить привычку и обычай, по которым бумажный рубль (истинной или фиктивной ценности — неважно) принят за основу всех расчетов, и только ему свойственно служить денежной единицей. Вопреки всем усилиям заставить общество пользоваться во всех видах покупок и продаж только серебряным рублем, люди, в соответствии с законом, будут по-прежнему рассчитывать и оценивать вещи не в серебряных рублях, а в рублях-ассигнациях, — во-первых, потому, что они так привыкли, а во-вторых, и это более действенная причина, потому, что ассигнации всегда останутся основным средством обращения из-за их избыточного количества. Получится, что, указывая рубль серебром, в действительности будут иметь в виду три с половиной бумажных рубля. Поэтому сложность расчетов и вытекающие отсюда затруднения в обращении, возможно, являются противовесом тем преимуществам, которые в других отношениях открывает выбор серебряного рубля в качестве денежной единицы.

Если же, наоборот, денежной единицей признают монету, по своей реальной стоимости и по названию соответствующую бумажному рублю, истинной основе всех расчетов, неудобства исчезнут. Тогда получат настоящую денежную единицу, ни в чем не противоречащую приобретенным привычкам и обычаям. Но тогда придется переплавлять всю металлическую монету, даже и четверть рубля серебром или монету в двадцать пять копеек (четвертак), которая более не соответствует бумажному рублю, поскольку рубль серебром стоит теперь не четыреста копеек, а только триста пятьдесят.

Отчеканив заново всю серебряную монету и приняв за денежную единицу монету под названием «рубль», которая будет по своей действительной ценности соответствовать нынешнему бумажному рублю, правительство должно будет только следить за тем, чтобы курс ассигнаций не менялся. Стараясь поддерживать равновесие ценности бумажных денег по сравнению с металлическими, полезно будет в случае необходимости увеличивать массу денежных знаков лишь за счет металлической монеты.

Облегчая повсюду обмен бумажных денег на серебро по номиналу и время от времени пуская в обращение — по потребности — некоторые суммы новых серебряных денег, правительство смогло бы не только поддерживать единство номинального курса ассигнаций и серебра, но даже использовать создавшиеся обстоятельства и полученные средст-

ва для того, чтобы попытаться вернуться к монетной системе, основанной на металлах, а бумажным деньгам оставить их истинное назначение — заменять серебро в случае необходимости или являться его условным эквивалентом*.

Глава VI

Вооруженные силы

РОССИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ огромны. Петр I начал строить русскую армию по европейскому образцу**; он также создал флот, который был его любимым детищем. Но после смерти Петра о флоте забыли; лишь в царствование Екатерины II русские корабли прославились победами над турками и преимуществом над шведами. В царствование Александра русский флот снова оказался в небрежении; матросы на военных кораблях обучались пехотным упражнениям и маршировали на парадах вместе с сухопутными войсками. В нынешнее царствование правительство употребило огромные усилия, чтобы вывести морские силы из того ничтожества, в которое они впали. Русский флот Балтийского и Черного морей, по словам знающих людей, прекрасен и грозен; однако описания, сделанные офицерами английского флота, на мой взгляд, намного превосходят действительность, ибо английские моряки везде видят соперников и потому склонны к преувеличениям.

Большой недостаток военного флота заключается в нехватке матросов. Не может быть хороших моряков без морской торговли, в России же эта торговля развита крайне мало, поэтому матросов приходится набирать из рекрутов, поставляемых из всех уголков страны. Но известно, что моряков готовят не так, как солдат.

Сухопутной армией правительство вынуждено было заниматься всегда — из политической необходимости. Даже во времена бесславных и ничтожных властителей Россия то и дело поражала мир военными победами. Так, в ненавистное правление императрицы Анны русские под командованием фельдмаршала Миниха блистательно сражались с турками; точно так же в царствование по-восточному ленивой Елизаветы они в ходе Семилетней войны одержали несколько побед над войсками Фридриха Великого, завоевали Восточную Пруссию и дошли до Берлина.

В царствование Екатерины II русские войска снискали поистине всемирную славу. Это время выдвинуло множество выдающихся полководцев; некоторые из них, как, например, Румянцев, Суворов, Репнин, могут быть поставлены вровень с величайшими военачальниками всех времен.

Тогдашние войска по сравнению с нынешними были малочисленны. Император Александр увеличил армию в несколько раз, удивив тем самым весь мир и нанеся ущерб

---

* См. примечание O в конце книги.

** И до Петра I в русской армии служило немало иностранцев. Во времена его отца, царя Алексея, это были: два генерала, более ста полковников и множество офицеров более низких рангов.

хозяйству России. Разумеется, войны последнего времени были гораздо масштабнее, чем во времена Екатерины, и численность вооруженных сил по необходимости должна была возрасти; однако русские войска были доведены до наибольшей численности уже после установления мира в Европе; это доказывает, что увеличение армии произошло не только по необходимости. На поле при Верто император Александр сделал смотр ста пятидесяти тысячам солдат. Когда русские войска возвращались на родину, вслед за укомплектованными полками шли сотни солдат без оружия: это были сверхштатные воины, готовые встать в строй в случае потерь. С этого времени правительство стало пополнять армию, непрерывно проводя рекрутские наборы, и придало ей такую внушительность, которой она не имела во время войны.

Хотя содержание войска в России стоило дешевле, чем в других европейских странах, но финансы страны все равно не хватало на удовлетворение даже самых насущных потребностей этой колоссальной армии, поглощавшей более половины всех доходов страны. Надобно было искать пути экономии. *Численность солдат* сокращать не стали; правительство, кажется, считало, что их не может быть много. Начали урезать все виды расходов, принятых во внутреннем распорядке войска. Одним из многочисленных способов экономии стало упразднение лошадей, перевозивших багаж пехотных полков. И что же вышло? Если полки, маршируя на плацу перед глазами императора, имели привычный вид, то передвижения частей неизбежно замедлились, причем самым досадным образом. Так, когда в 1821 году армия в 120 000 человек получила приказ перейти границу, чтобы, соединившись с австрийцами, выступить против неаполитанцев, более 20 000 солдат после первых же переходов отстали от основных сил.

Нет нужды говорить, сколь пагубны для страны следствия содержания избыточной армии. Одно из печальнейших касается населения: в последнее время многие местности не могут поставлять нужное количество рекрутов из-за отсутствия людей, годных к службе. Еще один, весьма любопытный итог, кажется, существует только в России: это система постоя. Казарм хватает для ограниченного количества солдат; кроме столиц они имеются только в некоторых населенных пунктах. Следовательно, солдат приходится размещать на постоя в домах местных жителей. Что же получается? В губернских городах лучшие жилища заняты военными; хозяева почти всегда уступают им весь дом, удаляются в какой-нибудь флигель в глубине двора, а то и вовсе съезжают из дома. Однажды в Государственном совете я слышал, как генерал-губернатор пяти губерний жаловался, что подведомственные ему города не только не увеличиваются и не процветают, но приходят в упадок. «Никто, — говорил он, — не хочет строиться; даже обещавшие постройки не поправляют, опасаясь, что их немедленно и надолго займут военные». И прибавил: «В городе, где я живу, есть купец, который десять лет назад выстроил себе красивый дом. С тех пор он не ночевал там ни разу; как только дом был завершен, его занял какой-то старший офицер, который по сю пору там живет, а владелец вынужден ютиться во флигельке близости. Тем не менее государь желает, чтобы города росли, и постоянно советует нам, как способствовать их украшению».

Огромное число солдат позволяет предполагать, что смертность в армии чрезвычайно высока; в русских войсках она вызвана весьма своеобразными причинами. Это прежде всего образ жизни солдат, их суровая участь. Содержание солдата обходится государству

баснословно дешево: пятнадцать франков в год; черный хлеб, гречневая каша и время от времени, по случаю очередного царского смотра, что-нибудь более питательное — вот и весь рацион русского солдата. В гвардии дают фунт мяса в неделю на человека. Солдаты, размещенные в больших городах, имеют некий источник заработка: они нанимаются в поденщики. В маленьких местечках, как правило, нет и этого; тогда на помощь солдату приходит доброта и милосердие тех, в чьем доме он живет. Но жители могут проявлять милосердие только тогда, когда у них самих есть средства к существованию, что бывает не везде; в белорусских губерниях крестьяне так бедны, что солдаты сами помогают им, делясь своими скромными порциями.

Одежда русского солдата не соответствует ни характеру службы, ни особенностям климата. Не входя в подробности, скажу только, что русский солдат, одетый для парада, может сделать не более одного-двух переходов. Чтобы в походе двигаться свободно, он несет большую часть своей одежды и снаряжения за плечами. Во времена Екатерины армия была экипирована гораздо более разумно. В царствование Александра одной из причин болезней, доводящих солдат до госпиталей, медицинские светила признали обычай затыгиваться в талии, чтобы казаться стройнее. С точки зрения климата одежда русского солдата чересчур легка. Зимой в России все носят меха, особенно в качестве головных уборов. Но солдат надевает меховую шапку только в караул, в остальное же время довольствуется одной суконной шинелью. Нужно также заметить, что, когда он не в карауле, вся его одежда состоит из шинели и суконной шапочки, заменяющей неудобный кивер; у него нет даже казенных панталон.

Строгость военной дисциплины также, несомненно, является одной из причин высокой смертности. Жестокие наказания назначаются с неимоверной легкостью. Везде царит произвол офицеров. Солдат не имеет права жаловаться даже на явные несправедливости, на чудовищные злоупотребления властью; инспекторские смотры, производимые время от времени высшими начальниками, не могут ничего изменить*.

Особенно велика смертность солдат в первые годы, и особенно в первые месяцы службы**. Набор производится зимою; молодые люди, оторванные от домашнего очага и горящие о нем, внезапно оказываются в совершенно отличном от прежнего положении. Прежде всего их стригут, затем вместо домашней меховой шапки дают маленькую суконную, не защищающую ни от холода, ни от дождя. Полностью меняют и остальную одежду. Взамен шубы, главной одежды крестьянина, им выдают форму, которая

---

* Стыдись, я все же перескажу историю, свидетельствующую о том, до какой степени угнетен русский народ; рассказал ее один из тех шутов, которые уже почти вывелись в других местах, но еще встречаются в русском обществе. Один унтер-офицер, дослужившийся до чина подпоручика, сразу же, без всякой причины, назначил несколько сот палочных ударов одному из старых товарищей, оставшемуся в прежнем звании. Ротный командир счел своим долгом упрекнуть нового подпоручика за его жестокость. «Разве я не офицер?» — ответил тот. «Да, конечно, — сказал капитан, — я и не оспариваю ваших прав; но вы могли бы осуществлять их с тем же успехом, назначив только десять или двадцать ударов вместо двухсот или трехсот». Не исключено, что весельчак, рассказавший этот анекдот, сам сочинил его; однако всем известно, что русский закон освобождает человека от жестокого и унижительного обращения лишь для того, чтобы дать ему право обходиться так же с другими.

** Корреспондент немецкой газеты «Leipziger allgemeine Zeitung» указывает, что смертность среди новобранцев достигает десяти процентов¹⁵¹. Человек, знающий Россию, вовсе не сочтет эту цифру преувеличенной.

вовсе не спасает от зимнего холода и сильно стесняет деревенских парней. Без сомнения, полная и внезапная перемена одежды доводит до гибели множество новоиспеченных солдат.

Никто даже не пытался уничтожить это зло или хотя бы смягчить его. Меж тем сие не потребовало бы больших трудов: следовало бы просто сделать переход от крестьянской жизни к солдатской более плавным. Можно было бы приучать молодых крестьян ких новому положению, размещая их в первые годы или хотя бы в первые месяцы службы неподалеку от родных домов. Правда, тогда участились бы побегі. По крайней мере о неудобствах нынешней военной формы давно надо было бы задуматься.

Мало кто из рекрутов надеется вновь увидеть родной дом, что не может не влиять на смертность среди солдат. Надежда поддерживает дух, а следовательно, и тело; но на что уповать тому, у кого впереди двадцать или двадцать пять лет военной службы? И какой службы! Старых солдат, возвратившихся домой, крайне мало*.

Кроме указанных причин смертности, кои можно было бы уничтожить или по крайней мере уменьшить за счет лучшей организации армии или более разумного управления ею, есть другие, менее зависящие от воли человека: прежде всего это нездоровый климат края, куда отправляют солдата. Например, многие солдаты Кавказского корпуса и на квартирах, и в походах погибают от лихорадки. Есть места, где отряды ежегодно теряют каждого второго или третьего. Когда-то Франция была возмущена докладом о страданиях ее солдат в Африке, который сделал один мужественный ученый; о России можно было бы поведать в тысячу раз более печальные и ужасные вещи. Но если бы даже там нашелся свой Бланки, который рассказал бы о них, то где найти газету «*Courrier Français*», которая напечатала бы его данные?¹⁵⁶

Точную цифру смертности среди солдат назвать нельзя; невозможно найти даже приблизительно соответствующие истине сведения. Общество ничего не знает об этом. Есть основания думать, что правительство вообще никогда не исследовало столь важный вопрос. От одного гвардейского полковника я слышал однажды, что его полк ежегодно получает пополнение в 200 человек, а иногда и более; между тем гвардия — это отборное войско, состоящее из солдат, привыкших к лишениям и строгостям военной жизни; их набирают со всей армии среди прослуживших по крайней мере 10 лет. Гвардейские полки состоят из 2500–3000 человек, — значит, смертность в них составляет семь-восемь процентов, ибо тех, кто находится в отпусках или освобожден от службы, немного. Боюсь, что и эта цифра далеко не точна**; но даже в таком виде она чудовищна, особенно если задуматься о том, что во Франции (как следует из объяснений, данных в парламен-

* Я читал в газетах, что за последние несколько лет срок военной службы в России сократили. Кажется, теперь солдат, прослуживших пятнадцать лет, будут отпускать домой, но там они еще пять лет будут оставаться в распоряжении правительства. Солдаты эти находятся в резерве, а поему обязаны на шесть недель в году собираться в центре своей губернии для военных упражнений¹⁵⁵.

** В прошлом на Кавказ посылали ежегодно 10 000 рекрутов, чтобы поддерживать численность тамошнего корпуса в 40 000 человек. Сейчас уже в течение нескольких лет, по причине серьезной войны с черкесами, туда регулярно отправляют по 30 000 человек, и при этом объединенные силы там не превышают 80 000 человек. Согласно другим сведениям, Кавказский корпус, состоящий из 100 000 человек, обновляется каждые семь лет, то есть в течение семи лет 100 000 человек исчезают и им на смену приходят новые 100 000. Ежегодные потери составляют таким образом от 14 до 15 процентов.

те во время последней сессии) из тысячи солдат, отслуживших полный срок, умирает только двадцать на тысячу, или два процента*.

Один депутат, упорный сторонник отказа от алжирских владений, вычислил, что потери французской армии в Африке доходят до десяти процентов¹⁵⁷. Таков же процент смертности среди негров, работающих на кубинских плантациях сахарного тростника; однако в период рубки тростника неграм позволяют отдыхать только четыре часа в сутки.

Со времени последних европейских войн устройство госпиталей в России значительно улучшилось. Военные врачи и хирурги отличаются не только способностями, образованием и усердием, но и некоторым просвещенным и свободолобивым духом, бескорыстием и, кроме того, отсутствием злосчастных предрассудков, омрачающих разум и извращающих нравы других военных чиновников, в том числе и офицерского корпуса; увы, все их познания и усердие разбиваются о непреодолимую силу обстоятельств, именуемых злоупотреблениями. Доказательств и примеров сих злоупотреблений множество, и все они печальны. Так, во время последней турецкой войны большая часть солдат, не вернувшихся на родину, погибла от болезней, нехватки продовольствия и отсутствия ухода за ранеными. По словам одного русского генерала, участвовавшего в обеих турецких кампаниях, они унесли жизни более 400 000 человек. Но оружие неприятеля погубило лишь малую их часть. 54 000 человек умерло в госпиталях в течение одного только года.

Армия отчасти пополняется детьми солдат, родившимися после поступления на службу их родителей. Государство до известной степени присваивает себе право собственности на этих детей. Они воспитываются в особых школах в разных частях империи. Их обучают чтению, письму, начальным правилам арифметики, а главное — военным упражнениям. В определенном возрасте их зачисляют в армию или распределяют по военным канцеляриям в качестве писцов. Их число, полагаю, доходит до 60 000 во всей империи, а может быть, даже и до 100 000. Значительность этой цифры объясняется тем, что правительство забирает не только законных детей солдат, но и детей, рожденных солдатскими женами после ухода мужей на службу; эта жестокая система сулит только слезы и отчаяние несчастным матерям, у которых отнимают детей, едва достигших восьми или десяти лет!^{158**}

---

* Другие, более свежие цифры, прозвучавшие с трибуны Палаты депутатов, говорят о том, что во Франции смертность среди гражданской молодежи в возрасте от 20 до 28 лет составляет ежегодно 13 человек на тысячу. В войсках, размещенных во Франции, смертность среди молодых людей того же возраста за последние 5–10 лет составила 20 человек на тысячу. Вследствие принятых мер она снизилась до 19 человек на тысячу.

Во всей армии, то есть во внутренних войсках и в частях, расположенных в Африке, она составляет 20 человек на тысячу.

В африканской армии в период с 1830 по 1839 год она была равна 75 человек на тысячу.

Вследствие различных улучшений она составила 64 человека на тысячу.

Во флоте прежде смертность достигала 130 человек на тысячу.

Теперь она составляет не более 70 человек на тысячу.

** Среди множества чудовищных установлений, имеющихся в России, на первое место следует поставить страшный обычай назначать этих бедных детей полковыми палачами. Наказания, налагаемые военными судами, состоят в прогоне осужденного через двойную шеренгу солдат, бьющих его розгами. Что же — в шеренгах этих зачастую стоят солдатские дети! Вот вам и наука! Только позорный расчет и жалкое невежество могли это измыслить; если бы стремились воспитать тигров или кровожадных псов, вряд ли придумали бы лучший способ! Хорошо еще, что в русском солдате есть нечто доброе и сильное и такое обращение не доводит его до полного озверения.

Существует еще один обычай, совершенно неизвестный в просвещенных странах: использование солдат в качестве чернорабочих, посыльных и т. п. в общественных учреждениях, судах и разного рода канцеляриях. Служба в пожарных командах, содержащихся за счет государства, освещение улиц и пр. также поручается людям, взятым из рядов армии. Для подобных работ выбирают обыкновенно наименее способных солдат. Сей обычай заставляет многократно увеличивать личный состав армии, хотя эти люди по-прежнему получают солдатское жалование и паек*.

Понятно, сколько повсюду творится несправедливости и ущерба. Дельное и разумное начальство давно уже заметило бы, что неоплачиваемый труд не приносит никакой экономии. Если бы правительство оплачивало услуги, в коих оно нуждается, и давало бы людям возможность жить свободным трудом, это было бы выгодно всем; тем же, кто работает на правительство без жалования, работа приносит только зло. А если вспомнить, что эти люди трудятся и живут зачастую в невероятно тяжелых условиях, то несправедливость ощущается еще живее. Примером может служить служба в пожарных частях и освещение улиц: обреченные на сие бедняги страдают как настоящие каторжники.

Продвигаться по служебной лестнице в русской армии дано не всем; высшие должности занимают только дворяне. Простые солдаты, принадлежащие к податным сословиям, по общему положению лишены права продвижения в чинах. Однако закон дает солдату или унтер-офицеру возможность стать офицером после 12 лет службы; бывали примеры, когда простые солдаты достигали этой ступени гораздо раньше и продолжали двигаться вверх по ступеням военной иерархии. Есть даже генералы, вышедшие из податного сословия; они начинали службу простыми солдатами.

Закон о прохождении чинов плохо разработан и не отличается устойчивостью; существующие же немногие правила применяются не слишком строго. Права, предоставляемые выслугой, разумеется, уважаемы повсюду, однако серьезный вред этому наносят многочисленные привилегированные части. Они составляют императорскую гвардию, насчитывающую в своих рядах около 50 000 человек. Гвардейские офицеры, переходя в армию, получают дополнительно два чина; гвардейского капитана после года службы в этом чине назначают командовать армейским полком. В результате армия изобилует молодыми полковниками, под началом коих уже давно служащие офицеры, как старшие, так и младшие, ибо в гвардейских полках чины идут быстрее, чем в армейских. Обычно получается, что гвардейский подпоручик становится полковником через восемь или десять лет. В армии, а особенно в кавалерии, производство идет не так быстро. Возможно, власти выгодно, когда армией командуют молодые люди, обучавшиеся своему ремеслу у нее под присмотром; однако нельзя отрицать, что попрание священнейшего права выслуги не может не оказывать пагубного влияния на дух и усердие армейских офицеров.

---

*Трудно поверить, до чего иногда доходит маниакальное стремление заменить свободный труд трудом по принуждению. И в таких случаях всегда толкуют об экономии. Так, обер-штальмейстер двора, воспылав однажды похвальным рвением и решив не расходовать из ежегодно назначаемых сумм деньги для оплаты счетов каретников, делавших и чинивших придворные экипажи, прибег к способу, который, по приятному выражению, *ничего не стоит*. Приказано было взять из первого набора 500 рекрутов, устроить им мастерскую, и с тех пор там стали изготовляться экипажи, к великому неудовольствию петербургских каретников, чьи интересы пострадали от конкуренции обер-штальмейстера.

Рекрутский набор представляет собой отвратительнейшее явление. Его неоднократно пробовали улучшить, но все эти действия оказывались лишь полумерами. Никто никогда не задумывался о том, чтобы установить некие правила, общие принципы, подобные тем, что существуют в других странах; никто не пытался каким-то образом распределять молодых людей, годных к военной службе, призывать в армию одно сословие за другим, предоставляя окончательное решение жребию. Власть довольствуется объявлением о том, что со ста или тысячи душ будет взято столько-то рекрутов; тогда общины в казенных владениях, помещики или общины в частных имениях сами назначают тех, кто должен идти в солдаты. Конечно, существуют кое-какие обычаи, коими здесь руководствуются: обычно начинают с самых многочисленных семей, затем переходят к другим; но зачастую все решает произвол, особенно вопиющий в дворянских владениях: ведь те, кто идет в рекруты, — рабы.

Горе, царящее во время набора, невообразимо. Очень часто бедных молодых людей, которые, вероятнее всего, обречены попасть в солдаты, хватают заранее; их заключают под стражу, чтобы они не могли спастись бегством от угрожающей им участи. Однако в последнее время из-за частых наборов меры эти стали менее необходимы: в конце концов человек привыкает даже к самым ужасным бедствиям. Молодых людей ведут в город для представления в рекрутское присутствие; их обычно сопровождают родители. Услышав роковой вердикт о пригодности их сыновей к военной службе, многие несчастные матери падают без чувств, а иногда даже лишаются жизни. Вообще родители и друзья молодого человека, провожая его, прощаются будто бы навек; они скорбят о его уходе в солдаты так горько, как не оплакивали бы, наверно, его смерть. Отец, мать, жена, брат — все расстаются с последним, чтобы дать рекруту с собой хоть сколько-нибудь денег. Уже по этой причине разорение, которое терпят от наборов бедные крестьяне, невообразимо.

Подлежащих рекрутской повинности насчитывается 22 500 000 душ; таково число людей, облагаемых подушной податью¹⁵⁹.

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Мысль о военных поселениях впервые возникла после установлении мира в Европе в 1815 году. Никто никогда не приписывал ее себе; общественное мнение считало, что она принадлежит самому императору Александру. Вряд ли он при этом вдохновлялся военными поселениями римлян: ничего общего между римскими и российскими поселениями нет. Не могли быть взяты за образец и полки, поселенные на некоторых границах Австрийской империи, ибо они были созданы преимущественно для защиты границ.

Огромные расходы на содержание многочисленной армии и желание правительства их сократить заставили подумывать об учреждении военных поселений. Была и еще одна причина, побуждавшая особенно ревностно заниматься исполнением сего проекта: это стремление иметь как можно больше солдат.

Новая система должна была не только расселить собственно солдат, но и превратить крестьян-хлебопашцев в военных поселян; при создании поселений было решено слить в одно солдата и хлебопашца.

Чтобы объяснить беспочвенность подобного плана и рассказать, какую ненависть вызвало его осуществление, много слов не потребуется. Если русское правительство сочло полезным или выгодным расселять солдат, возразить на это было нечего; участь русского солдата настолько несчастна, что ее нельзя ухудшить. Но принуждать к военной службе крестьян, кои прежде пользовались свободой, насколько это вообще возможно в России, было актом возмутительного деспотизма, бесполезного для страны и для правительства; сей поступок, увы, сильнее всего запятнал память Александра.

Учреждение военных поселений осуждалось всеми. Я не встречал ни одного человека, который одобрял бы их. Даже те, кому император поручил их создание, всегда говорили или старались дать понять, что они только исполняют приказ. Военные поселения возглавил Аракчеев, ненавидимый всеми из-за многочисленных совершенных им жестокостей, однако пользовавшийся наибольшим расположением и безграничным доверием императора; но даже этот человек постоянно подчеркивал, что идея военных поселений исходила не от него, что он, как верный подданный, только подчинялся воле его величества. Впрочем, общество толком не знало, что творится там, где основывались поселения. Поначалу их устраивали без размаха, в одной только местности, но постепенно они появились в нескольких губерниях. По мере распространения поселений возрастал страх государственных крестьян, которые могли стать жертвами этой меры. Случалось, что после поездки по стране император приказывал основать военные поселения в тех краях, которые он посетил. В итоге эти путешествия государя стали вызывать ужас и приводили в отчаяние жителей мест, лежавших на его пути. Однажды статс-секретарь Государственного совета рассказывал, что после проезда императора крестьяне одной из губерний, смежных с Московской, где поселений не было, бросили работу и оставили свои земли невозделанными, полагая, что скоро и у них введут поселения. «Зачем же сеять и жать? — говорили они. — Все равно у нас скоро все отнимут».

Страсть к насаждению военных поселений была так велика, что жертвами ее стали даже болгары, пришедшие из турецкой части Бессарабии на жительство в одну из русских губерний. Все они обратились в бегство и отправились искать безопасности под ятаганами султана. Тогда приказ о переводе их в военные поселенцы отменили, но они не вернулись, и обработанные этими трудолюбивыми людьми поля обратились в пустыню.

Общественное мнение в России безмолвствует, и молчание народа не добавляет ему красноречия; власть может безнаказанно творить произвол. Не знаю, встретил ли император хотя бы малейшее противодействие своим замыслам по устройству военных поселений со стороны приближенных, как это бывало в других случаях; по крайней мере, сильные и смелые голоса раздавались, когда речь заходила о сопротивлении замыслам реформ или польской государственности; на этот раз общественное мнение было немое, хотя, на мой взгляд, как раз здесь надо было протестовать безотлагательно. Говорят, впрочем, что храбрый и честный фельдмаршал Барклай де Толли в резких выражениях нападал на учреждение военных поселений; однако он защищал только армию, а не крестьян, которые больше всех страдали от сего новшества¹⁶⁰.

Предостережений со стороны общественного мнения или пользовавшихся доверием и уважением императора лиц не последовало; оставалось надеяться, что, быть может, Александра остановит сопротивление тех, кого он намеревался подчинить новому порядку.

Увы! Ничего подобного не случилось. Напротив, сопротивление крестьян, кажется, удвоило жестокость, с коей правительство осуществляло свои бесчеловечные проекты. Вина здесь лежит не только на императоре: значительную ответственность за допущенные злодеяния несут исполнители замысла. У неограниченных властелинов никогда не бывает недостатка в ретивых помощниках: и вина, и беда их в том, что они ими пользуются*.

Переведенные на положение поселян крестьяне сопротивлялись упорно и храбро, но это ни к чему не привело. Когда они упорствовали, исполнители монаршей воли карали их пытками и смертью; несчастные умирали, но сдаваться не собирались. Только когда слухи о жестоком обращении с поселянами распространились повсюду, общественность наконец узнала о новом учреждении. Во время усмирения погибло много народу — отчасти из-за применения военной силы, отчасти из-за массовых приговоров, вынесенных некими подобиями военных судов. Многие были сосланы в Сибирь, и, пока они следовали по скорбному пути к своему новому месту обитания, изумленным согражданам открывалось и самое существование военных поселений, и плоды, ими приносимые.

Первый небольшой опыт поселений был сделан в Смоленской губернии, где крестьяне крайне бедны, жалки и, следовательно, более покорны. Поэтому в стране о нем мало кто узнал. Но вскоре выбрали губернию, близкую к столице, а именно Новгородскую, расположенную в 200 верстах от Петербурга, и основали военные поселения в общинах, где крестьяне были вполне зажиточны — прежде всего благодаря отхожим промыслам. Здесь сопротивление было упорно, а усмирение ужасно¹⁶¹. Еще хуже вышло, когда пожелали основать поселения в южных губерниях (Харьковской и других), куда вместе с крестьянами стали загонять и казаков, до сих пор пользовавшихся некоей независимостью. Старые солдаты, покрытые ранами, полученными на службе отечеству, умирали в муках, но завещали сыновьям, свидетелям их последнего часа, стоять, как и они, когда придет их черед страдать**; матери бросали младенцев под копыта лошадей кавалерии, посланной для усмирения, и кричали, что им лучше погибнуть, чем попасть в это новое рабство¹⁶².

Один очевидец рассказывал мне и нескольким другим лицам, как однажды после усмирения мятежа в Харьковской губернии за столом у возглавлявшего тамошние поселения генерала собрались гости. В конце обеда хозяин провозгласил тост за здоровье государя. В это мгновение раздался погребальный звон, с улицы послышались крики и рыдания. Генерал спросил о причине, ему ответили, что хоронят одну из жертв утренней экзекуции. И в присутствии потрясенных случившимся гостей он распорядился прекратить шум! Рас-

---

* Один генерал, принимая командование над уланской дивизией, обратился к солдатам и поселенным крестьянам то ли с возванием, то ли с приказом, и в заключении сказал буквально следующее: «Повторяю: для послушных я буду отцом родным, но те, кто не будет повиноваться, пусть не ждут от меня пощады; я сотру их с лица родной земли, яко сынов дьявола».

Полагаю, даже монголы во время завоевания Руси вряд ли говорили столь жестоким языком с теми, кого они только что победили и покорили.

** Один старый унтер-офицер из чугуевских казаков, имевший немало медалей, отказался повиноваться приказу о поселениях. Из двух его сыновей один последовал его примеру, другой подчинился. Последний, видя приготовления к ожидавшей отца пытке, бросился на колени, умоляя его не упорствовать. Старый казак был непоколебим. После пытки, заключающейся в том, что его несколько раз прогнали сквозь строй, он попросил стакан воды, а потом осведомился о сыновьях. Ему ответили, что одного сейчас подвергнут такому же наказанию, а другой цел и невредим, ибо покорился приказу. Старик благословил первого, проклял второго и умер на глазах у палачей.

сказчик был офицером Генерального штаба, попавшим в те края по служебным делам; он говорил об этих ужасах свободно и спокойно. Один из слушателей, более искушенный в тонкостях поведения в такой стране, как Россия, отвел его в сторону и по-дружески посоветовал ему не рассказывать более о том, что он видел в военных поселениях.

Основным принципом поселений было, как мы уже сказали, соединение в мирное время работы солдата с трудом крестьян-поселенцев; этот двойной труд должен был обеспечить содержание армии и пополнить ее ряды жителями поселений. Так стремились создать армию, которая пополнялась и содержалась бы в значительной части за собственный счет. Таков был принятый способ устройства поселений. Не вдаваясь в подробности, попытаюсь дать некое представление об этом чудовищном предприятии.

В Новгородской губернии под военные поселения сначала отвели целые уезды, состоявшие из множества деревень, населенных свободными казенными крестьянами, со всеми прилегавшими землями. Если попадались помещичьи деревни, правительство приобретало их; надо отметить, что прежде крепостные всегда были довольны, если их у владельцев покупала казна; теперь же они смотрели на перемену в своей судьбе как на величайшее несчастье. После этого означенные уезды и общины подчинялись уже не местным гражданским властям, а только военным. При поселении солдат их первоначально распределяли по крестьянским семьям. Так как многие солдаты, уходя на службу, оставляют дома жен, то последним приказали присоединиться к мужьям. Дочери крестьян, достигшие возраста замужества, должны были выйти за солдат, которых селили в домах их родителей. В одной деревне не нашли ничего лучшего, чем, приказав собрать всех местных девушек, сложить в кивер бумажки с именами солдат и заставить каждую девушку тянуть жребий; она становилась женой того, кто достался ей в этой брачной лотерее.

В конечном счете семейство поселенца было устроено следующим образом. Поселенный крестьянин, или поселянин-хлебопашец, в некоторых отношениях по-прежнему оставался главою семьи; военной службой он занимался лишь отчасти. Поселянин-солдат, став его зятем, должен был помогать ему в полевых работах, неся в то же время обычную солдатскую службу. Дети поселянина-хлебопашца, как и дети солдата, переходили в ведение военных властей. Для них во всех поселениях учредили школы, в коих было принято взаимное обучение. В поселениях южных губерний хотели основать даже высшие школы, чтобы дать этим детям более полное образование, обучая их точным наукам. Впрочем, и те, и другие должны были овладеть и воинскими навыками.

Как крестьянские, так и солдатские работы должны были производиться сообща, под непосредственным надзором офицеров поселенных войск. Урожай поступал на провиантские склады в поселениях. Всякий свободный труд, всякий частный промысел был запрещен. Как было сказано выше, государственные крестьяне, платившие оброк, пользовались землями, принадлежащими общине, имели право почти неограниченного передвижения и часто уходили на заработки. У поселенных крестьян все эти преимущества были отняты. Их прикрепили к земле еще жестче, чем даже помещичьих крестьян. Военное начальство вмешивалось в мельчайшие детали их быта. В избах всегда должны была царить отменная чистота и порядок; начальство постоянно проводило проверки, требуя при этом, чтобы каждая вещь из мебели или утвари имела строго определенное место: здесь должен был лежать топор, там соха и пр. И горе нарушителям! Обычная одежда кре-

стьян заменялась формой полувоенного образца. Деревни, превращенные в поселения, являли зрелище, поистине не имевшее названия, но явно свидетельствовавшее о возмутительном произволе: крестьянские избы, обычно изрядно закопченные, были вымыты и выкрашены, улицы посыпаны песком, повсюду гауптвахты, военные мундиры и — кладбищенская тишина!

Как мы уже сказали, военные поселения должны были поставлять армии людей и провиант, дабы уменьшить непосредственные расходы казны и сократить в то же время частоту наборов. Была ли эта цель достигнута хотя бы отчасти? Свидетельств этому нет. Расходы казны, как и наборы, постоянно росли; иначе и быть не могло. Основой и условием существования военных поселений была несправедливость; кроме того, известно, что принудительный труд непроизводителен. Во время смотров начальство умело показывало императору некоторые успехи, но это была видимость, которая могла обмануть только того, кто очень желал быть обманутым. К чему же на самом деле сводились достижения? Государя провозили мимо полей с обильным урожаем и говорили: «Еще недавно эти поля были невозделаны», умалчивая при этом, что стоило обработать землю и во что обошелся урожай. Когда Александр намеревался осматривать поселения, из окрестностей поспешно собирали всю домашнюю скотину и птицу, за которыми иногда приходилось отправляться очень далеко и покупать все это за наличные деньги. Жизнь распределяли по домам поселян, которые должен был посетить император, дабы он убедился в материальном процветании несчастных; о нравственном же благополучии не беспокоились вовсе. Иногда Александр заходил в жилища (определенные, разумеется, заранее) и видел, что поселяне сидят за хорошим обедом. Везде царил порядок и образцовая чистота. Както раз, когда император осматривал военные поселения на юге империи, поблизости прогоняли табун лошадей, предназначенных для одного кавалерийского полка. Вдруг офицер-ремонтёр получил приказ остановиться; у него забрали лошадей и распределили их по дворам поселян. На другой день император, проходя по поселению, был приятно поражен тем, какие у поселян прекрасные лошади. Там же ему показали громадные скирды хлеба, будто бы полученного в последнюю жатву; однако снопы лежали только сверху, внутри же была пустота или старая солома и навоз.

Знаменитое путешествие Екатерины по Крыму с императором Иосифом, принцем де Линем и Потемкиным, во время которого вдоль дороги строили декорации благополучных деревень и наполняли их жителями, дабы усладить взор августейших путешественников, было, конечно, безумием, стоившим Потемкину больших денег. Но оно никому не принесло ни крови, ни слез.

В последние годы царствования Александра военные поселения получили громадное распространение. Поселяли целые пехотные и кавалерийские корпуса, так что на одного солдата приходилось, видимо, по семье землепашца. Судите о числе жертв, принесенных на алтарь этой непостижимой страсти!

И в других странах проекты привлечения войск к общепользным работам сталкиваются со значительными трудностями, которые весьма далеки от разрешения. Что же сказать о плане, который для совершенствования вооруженных сил, для того, чтобы сделать их еще более грозными, начинает с удвоения и без того нелегких обязанностей и трудов солдат, требуя, чтобы они были одновременно и солдатами, и хлебопашцами? Кажется,

именно поэтому фельдмаршал Барклай де Толли и протестовал против военных поселений: он видел, что они способны развалить даже превосходную армию.

Несчастные поселенные крестьяне выражали свое отчаяние не только сразу по учреждении поселений; возмущения вспыхивали в разных местах и позднее. Особенно большой размах приобрели волнения в новгородских поселениях; их усмирение было ужасно. Один из бунтов произошел в нынешнее царствование; целью восставших было истребление всех офицеров; они схватили их, объявили о своем решении их убить и приказали готовиться к смерти; затем они хладнокровно истребили всех, в том числе и тех, которые за свое гуманное обращение заслужили уважение поселян; этих офицеров убивали с сожалением, оплакивая жестокость полученных приказаний, запрещающих делать для кого-либо исключения. После этого восстания 1300 несчастных были подвергнуты наказанию шпицрутенами и кнутом; те, кто выжил, были осуждены на вечную каторгу в рудниках¹⁶³. Чтобы представить себе что-либо подобное, надо вспомнить казни стрельцов в начале царствования Петра I или чудовищные кровопролития времен Ивана Грозного.

После кончины Александра все ждали, что его преемник уничтожит военные поселения, не принесшие никаких зримых результатов и причинившие столько зла. Но ожидание было напрасно. Кажется, поселения несколько видоизменили, но они по-прежнему существуют и продолжают ужасать человечество, являя пример того, как далеко могут завести заблуждения неограниченных владык.

Том III
О будущем России

Часть первая

Общие соображения

Глава I

России необходимо участвовать в движении европейской цивилизации

ЕВРОПА НЕ МОЖЕТ быть равнодушна к будущему России: это означало бы, что она плохо представляет себе собственные интересы. Российская империя занимает слишком большое пространство на земном шаре, отчего не может не привлекать к себе внимания. Конечно, не все жители этой обширной территории имеют одинаковое происхождение, но это не делает нацию, как иногда полагают, простым скоплением разных народов и народностей. Более трех четвертей многочисленного населения России русские, они говорят на одном языке и исповедуют одну религию*; не следует забывать также, что эти 30–40 миллионов русских живут в середине империи: вокруг этого национально единого, огромного центра располагаются разнородные части империи.

С такой державой, разумеется, нельзя не считаться, и ни один народ не может небрежно относиться к империи, значение которой на весах судеб мира столь велико.

Чтобы пояснить нашу мысль, напомним только о двух сражениях, отделенных друг от друга промежутком в столетие.

При Полтаве все шведские силы под командованием Карла XII, военачальника, с полным правом именовавшегося великим даже в век Евгения и Мальборо, были разбиты недавно созданным русским войском.

При Бородине, в этой битве генералов, как ее тогда называли, Россия сражалась с первым полководцем своего века, покорившим почти всю Европу. Не беремся решать, за кем в тот день остался триумф: если одни проиграли сражение, то и другие его не выиграли. Мы лишь хотим обратить внимание на мужество и патриотизм, проявленные русским народом в течение всей этой памятной кампании, на достойную восхищения живость, с коей он дал отпор грозному нашествию. А если задуматься над тем, что к тому времени Россия едва освоила воинское ремесло, если вспомнить, как юна была она по сравнению с народом, у которого до Наполеона были свои Тюренны, Конде, Катина, Вандомы, Виллары, то есть с народом, обладавшим древней цивилизацией и овеванным воинской славой, то, спросим мы, неужели найдутся серьезные люди, которых не будет занимать грядущее Российской империи?

---

* Число православных, включая три миллиона греков-униатов, составляет, по последним данным, 44 102 195 человек!

Однако мне хочется взглянуть на будущее России не с европейской, а с национальной точки зрения. Я не пытаюсь определить, какую роль станет когда-нибудь играть Россия в Европе; желание мое — показать возможный путь развития русского народа как такового, принимая во внимание его прошлое, настоящее и будущее, к коему он когда-нибудь должен прийти.

В целом народы не могут стоять на месте: если они не движутся вперед, то, значит, отступают. Для русского народа, который шагал весьма быстро, остановка была бы, так сказать, подобна смерти.

Если задаться вопросом, в каком направлении суждено идти русскому народу, я бы сказал, что ответ на него уже предопределен самой действительностью: он должен идти к европейской цивилизации. Все говорит за то, что он в любом случае стал бы на этот путь: народы, как и отдельные личности, тянутся к благополучию, к просвещению. Но его путь был решительно определен велением необыкновенного человека, употребившего все свои гигантские силы, чтобы подтолкнуть его к Европе. С тех пор уже не было сомнений, по какой дороге пойдет народ; а теперь, хороша она или плоха, его уже нельзя заставить переменить направление. И даже если бы это было возможно, кто в нынешнее время пожелал бы отвернуться от Европы и двинуться к Азии, к Китаю? Россия могла бы завоевать на Востоке пустыни и рабов, но не приобрела бы ни нравственных и умственных достижений, ни идей, ни плодотворных начинаний. Словом, путь европейской цивилизации стал для России и особенно для ее правительства, которому принадлежит в этом отношении первый шаг, жизненно важным условием прогресса.

Я не берусь выносить окончательного суждения об избранном русским народом направлении общественного развития: у него есть преимущества, могут быть и недостатки. Так, для русского народа было большим несчастьем, когда его заставили полностью порвать со своим прошлым и ринуться по стопам Европы. В самых цивилизованных странах Европы общественные институты развивались постепенно; все, там существующее, имеет свои корни и источники в прошлом; основы нынешней общественной, гражданской и политической жизни европейских государств были заложены преимущественно в Средние века. Для России Средних веков как бы не существует; все, что нужно для ее будущего процветания, ей приходится заимствовать у европейцев; она не может привить все это к своим древним установлениям. Повторяю, это, возможно, большой недостаток и несчастье; но таков для нее закон необходимости.

Потому особенность русского народа состоит не в том, что он предпочел именно этот, а не иной путь развития, но в том, что он, вместо того чтобы двигаться осторожно и умеренно, рванулся по нему с жаром и поспешностью, весьма похожей на легкомыслие. Он слишком быстро и резко свернул с привычной колеи и едва ли не вслепую устремился к цели, которую не мог хорошенько разглядеть. Не потому ли заимствования из-за границы делались столь необдуманно? А когда подражают другим, хватаются прежде всего не за самое полезное, а за самое блестящее: за внешность, а не за суть, за слова, а не за вещи. Спустя некоторое время оказалось, что русский народ взял у Европы больше пустяков и поверхностного, нежели истинно полезного. Это беда нашего народа, и не столько потому, что европейский наряд вводит в заблуждение иностранцев, сколько потому, что на-

род сам этим обманывается. Заимствовав у европейцев одежду и манеры, выровняв по их примеру улицы городов, восприняв их общественные обычаи, введя некоторые установления и назвав их европейскими именами, русский народ вообразил, что может считать себя равным Европе, — прискорбное заблуждение, способное лишь исказить подлинную ценность и усвоенного, и того, что еще предстоит перенять; подобное самообольщение непременно замедлит его движение к настоящей цивилизации.

Могут возразить, что, вынужденный постоянно подражать и все заимствовать у заграницы, русский народ в конечном счете утратит свою оригинальность, окажется неспособным действовать самостоятельно и исполнять предназначенное ему. На это мы ответим, что подражание, заимствования в области науки и общественных институтов следует рассматривать как средства, с помощью коих русский народ сможет открыть для себя пути европейской цивилизации; когда же он достигнет цели, ничто не помешает ему жить собственной жизнью. Если природа одарила его необходимыми для этого качествами, они не замедлят развиваться. Мы полагаем, что если он не достигнет уровня других народов в цивилизации, то его попытки жить собственной жизнью, своим опытом, мыслью, знанием, наукой, своей промышленностью будут бесплодны и, главное — обойдутся весьма дорого. Он потеряет слишком много времени и усилий для достижения тех результатов, на которые имел основания рассчитывать. Когда человек посвящает себя занятиям наукой, например химией, он прежде всего хочет узнать о состоянии этой науки и ее последних достижениях; никто не станет в простоте сердечной, ради пустого самолюбия повторять все эксперименты, которые продвинули эту науку вперед. Народам, приступающим к науке цивилизации, лучше всего следовать примеру человека, начинающего изучать химию. Если он от природы одарен необходимыми способностями, этот метод не помешает ему стать великим ученым; так и народ сможет усовершенствоваться в цивилизации, усвоив сначала те ее элементы, которые уже известны и существуют у других, более развитых народов.

Среди трудностей, мешающих свободному и последовательному движению к цивилизации, имеется одна, которую особенно важно точно установить и определить: это национальное чувство.

Беспристрастные люди, желающие отбросить все предрассудки патриотизма, легко постигли бы истинную цену неповторимых особенностей, коими один народ в той или иной степени отличается от других; именно на этих качествах с немалыми усилиями воздвигают сооружение, пышно именуемое *национальностью*. Но в области национальной трудно быть беспристрастным, и вот почему: чем более явный и очевидный отпечаток оставило прошлое (то есть варварство), тем богаче питательная среда, способствующая развитию духа национализма. Что же касается русского народа, то эта так называемая национальность может привязывать его только к следам прошлого, еще не исчезнувшим под влиянием европейской цивилизации. Я, во всяком случае, убежден, что национальное чувство, пусть и связанное отчасти с варварством, в сердцах многих отличается такой серьезностью, глубиной и даже нежностью, что его нельзя ни порицать, ни тем более осуждать. Привязанность к прошлому естественно сочетается у нас с любовью к своей стране, а наследие отцов для нас нередко тем драгоценнее, чем меньше его действительная, осязаемая ценность.

Коль скоро это так, надо, разумеется, уважать культ прошлого, но следует внимательно следить и за тем, чтобы этот культ, эта привязанность к древним нравам и обычаям не препятствовала движению вперед. Если прошлое принадлежит человеку, то человек принадлежит будущему.

Кроме того, национальные чувства, даже если они вытекают из самых почтенных и чистых источников, чаще всего, претворяясь в поступки, по самой своей природе начинают наносить вред подлинным интересам человеческой цивилизации и останавливают прогресс, отвлекая внимание от серьезных и полезных предметов и обращая его на ребяческие выходки, — а те, сколь бы невинными и национальными они ни были, либо остаются ребячеством, либо перерастают в нечто худшее. В конце концов прогресс рода человеческого заставит всех понять, что подлинная национальность христианских народов — это цивилизация, не разделяющая людей, а, наоборот, ведущая к их единению.

О необходимости национального громче всего говорят в области воспитания, и именно там наиболее очевидны и серьезны пагубные последствия этого превратного понятия чувства, хотя здесь, как и везде, сила вещей противостоит неразумным стремлениям людей. Взгляните на Россию: там с некоторого времени много разглагольствуют о необходимости национального воспитания; однако это не мешает тем, кто считает себя получившим превосходное образование, пребывать в совершеннейшем неведении основ родного языка. Высшее сословие, похваляющееся своей цивилизованностью, в обществе пользуется исключительно иностранным языком; ни один мужчина, ни одна женщина из этого сословия не в состоянии правильно написать на родном языке ни строчки. К исключениям принадлежат дворяне, занимающиеся русской литературой. На чем же вы желаете основывать национальное воспитание, если отвергаете один из главных его элементов, а именно язык? Более того, вы, судя по всему, не стремитесь отделять образование от воспитания; но тогда скажите, откуда к вам может явиться и действительно является образование, если не из-за границы? Стремление ввести подлинно национальное образование означало бы изгнание всякого образования и просвещения.

Вот факт, который подтверждает, что, став однажды на путь, ведущий к цивилизации, нельзя безнаказанно останавливаться или менять направление; те же, кто во всем винит источники цивилизации или желает изменить ее естественный ход, стремятся, в сущности, только иссушить сии источники и этим обрекают народ на мучительные усилия или же стараются вновь погрузить его в оцепенение варварства, откуда он начал выбираться.

Вообще замечено, что в России примерно с полвека назад стало появляться гораздо меньше переводов серьезных иностранных сочинений, нежели ранее. Нехватка их дошла наконец до того, что стали переиздавать труды, переведенные на русский язык в последние годы прошедшего столетия. Не останавливаясь на неудобстве (впрочем, весьма серьезном) для публики, которой предлагается читать книги, написанные странным и устаревшим слогом, ибо с того времени язык и литературное мастерство ушли далеко вперед, рассмотрим причины упомянутого явления.

На первый взгляд можно предположить, что уменьшился вкус к занятиям и серьезному чтению; ряд обстоятельств мог бы даже подкрепить такое предположение: например, положение книжной торговли в Петербурге. Во времена императрицы Екатерины там

было много книжных магазинов и дела у них, как правило, шли очень хорошо; впоследствии же их число и процветание пошли на убыль.

Но одного пристального взгляда довольно, чтобы опровергнуть подобные умозаключения. Во времена Екатерины двор и всегда подражающее ему высшее общество, пожалуй, обладали куда большей склонностью к словесности, нежели теперь. Тогда светские люди притязали на некую умственную культуру; они хотели иметь книги и покупали их. Библиотека являлась обязательной частью обстановки дома порядочного человека. К устройству апартаментов очередного фаворита императрицы в равной степени были причастны и книготорговец, и мебельщик. Но все это пристрастие к литературе ограничивалось кругом высшего общества и придворных.

Изучение иностранных языков и владение ими в ту пору было далеко не так распространено, как нынче. Вот почему огромное большинство читателей, знавших только родной язык, неизбежно обращалось к переводам. Но по мере того как с изучением иностранных языков уменьшилось число тех, кто разумел лишь по-русски, стала менее заметной и потребность в переводах. Наконец людей, читавших только по-русски, осталось так мало, что уже не было смысла переводить для них, и ограничились переизданиями имеющихся переводов. Ясно, что переводов хороших иностранных сочинений теперь меньше, потому что очень многие читатели предпочитают знакомиться с оригиналами.

С другой стороны, число оригинальных произведений, которых нельзя заменить для русского читателя никакими иностранными, увеличилось необыкновенно; это доказывает, что вкус к чтению не только не уменьшился, а, напротив, чрезвычайно возрос. В подтверждение скажу, что труды по русской истории и произведения великих русских поэтов: «История» Карамзина, стихи Жуковского, Пушкина — издавались поистине бесчисленное число раз. В прошлом не было ничего подобного, и Державин, величайший русский поэт, современник Екатерины II, имел в свое время далеко не так много читателей, как поэты наших дней.

Периодические издания, которые также нельзя заменить никакими иностранными, в свою очередь свидетельствуют о значительном росте числа читателей. Это, конечно, не бог весть какая литература; в ней уже нет того стремления к практической пользе, которое умел придать ей Новиков, и за редкими исключениями, возникшими благодаря поистине выдающимся людям (впрочем, если бы дана была большая свобода, то исключения эти могли бы стать правилом), она может показаться даже ничтожной по сравнению с тем, какой она была, когда своим талантом ее воспламенял Карамзин. И все же неумность, с которой публика ищет эту литературу, говорит о большой потребности в чтении. Кроме того, литература — о чем прежде и не слыхивали — стала приносить доход тем, кто ею занимается и сделал ее своим ремеслом.

Теперь я спрошу: что значат ваши разглагольствования о национальном воспитании? Одно из необходимых условий вашей системы состоит, по всей видимости, в том, чтобы люди занимались прежде всего национальным, чтобы они читали сочинения на отечественном языке, предпочитая их иностранным, и т. п. Но если вы хотите быть последовательны, вы неизбежно должны стараться ограничивать изучение иностранных языков и запрещать иностранные сочинения. И что же, спрошу я вас, осмелитесь ли вы это сделать? Возможно ли теперь прекратить изучение иностранных языков в России, не лишив страну одного из самых действенных средств цивилизации? Предположим, что такая по-

пытка предпринята; к чему же это приведет? Не имея больше возможности обращаться к иностранным сочинениям и не располагая переводами, поскольку их давно не делают, русские вообще перестанут читать. Вот к чему неминуемо приведет сие так называемое национальное воспитание.

Однако я допускаю, что те, кто столь предан национальному, быть может, и в самом деле хотят прогресса; но ошибка их в том, что они желают, чтобы прогресс состоял только в развитии того, что у них уже имеется, а не в заимствованиях из-за границы; иными словами, они хотели бы завоевывать, ничего не покидая, получать, ничего не теряя, что весьма сложно, и таким образом примирить варварство с цивилизацией, что вообще невозможно. Такая борьба между национальными предрассудками и силою вещей порождает в движении народа некую неуверенность, постоянные колебания, заставляющие его то идти вперед, то отступать. Отсюда смесь света и тьмы, добра и зла, европейских влияний и азиатских инстинктов — одним словом, лицемерие цивилизации; и весь этот хаос оказывается на руку власти, которая в силу самой природы абсолютизма умеет всегда и во всем перехватывать инициативу.

Эта власть тоже хочет цивилизации, но на свой лад. Она признает некоторый прогресс и даже способствует ему; но прогресс иного рода она отвергает. Делая вид, что искренне уважает цивилизацию, она требует от нее только того, что, по ее мнению, благоприятно и полезно для ее собственных интересов. Из предоставляемых средств она выбирает лишь те, которые могут упрочить и расширить ее влияние, а те, что могут придать некоторую силу народу — даже если это сила нравственная или умственная, — отбрасывает. В этом случае она и пользуется национальным как орудием, удобным для достижения ее целей.

Иллюзии тех, кто простодушно мечтает о так называемой национальности, не опасны и не препятствуют естественному движению вперед: если попробовать хотя бы ненадолго последовать их теориям, от них тут же придется отказаться, ибо они совершенно ни к чему не ведут, а все крики о необходимости сохранять, защищать и взращивать сокровища национального духа никогда не имели никаких практических результатов.

Но не таковы стремления власти: они могут стать роковыми для процветания народа. Ее злополучные усилия, направленные в явно ложную сторону, могут (именно потому, что исходят от власти) не только на время остановить прогресс, но и — что еще прискорбнее — исказить сознание, дать волю дурным страстям, разжечь варварские инстинкты, подавить великодушные порывы, ослабить благородные и законные надежды, растлить массы и поселить в них равнодушие к великим и драгоценным благам, кои Провидение дарует людям, желающим их заслужить.

Старая поговорка гласит: честность — лучшая политика. Если люди нечасто следуют этому спасительному правилу, то правительства соблюдают его еще реже. И однако, простой здравый смысл и повседневный опыт с очевидностью доказывают, что откровенность, честность, верность своему слову исключительно выгодны любому правительству, особенно правительству такой страны, как Россия. И я смело говорю: было бы гораздо честнее открыто пойти по дурной дороге, порвать с цивилизацией, повернуться спиной к Европе, протянуть руку варварству и сообщить об этом всему миру; гораздо хуже, когда правительство, мягкой лапой поглаживая цивилизацию, в то же время выпускает когти

и больно царапает ее; когда, устремляясь в азиатские потемки, оно продолжает лицемерно разглагольствовать о европейской просвещенности.

Однако правительства, столкнувшись лицом к лицу с прогрессом и будучи вынужденными вести переговоры и считаться с цивилизацией, напрасно будут прибегать к разным средствам, отбирать то, что им подходит, и отбрасывать то, что им не по вкусу; исход такой борьбы предreshен: победа останется за цивилизацией.

Цивилизация едина; добавлю: она к тому же неделима; ее надо воспринимать всю или вовсе не прикасаться к ней.

Тем более что стоит только взять что-либо одно, как тут же волей-неволей приходится быть готовым и ко всему остальному.

В самом деле, посмотрим, как это обычно происходит. В современную эпоху цивилизация должна начинаться с создания регулярной армии. Чтобы содержать эту армию, необходимо установить определенный порядок взимания средств; затем, чтобы источник средств не иссяк, необходимо навести порядок в управлении. Вот потребности, возникающие с самых первых шагов вступления на путь вожденной цивилизации, потребности, в варварских государствах неведомые или известные только понаслышке. Но разве в этом заключается цивилизация? Разумеется, нет; это всего лишь тень, отбрасываемая ею на дорогу в будущее; а там, впереди, уже видны настоятельная потребность в порядке, справедливости и, наконец, в свободе, ибо не следует забывать, что освобождение народов часто происходит в то время, когда правительство особенно нуждается в финансах.

В последнее время финансовые требования цивилизации или, скорее, политической жизни европейских государств расширили свои границы и стали еще более важными. Обычные ресурсы цивилизованных или тех нецивилизованных государств, которые желают принадлежать к семье европейских народов, недостаточны для их нужд, и они вынуждены отдавать в залог будущее, создавать дополнительные ресурсы путем займов на европейских рынках. Россия делает займы, Турция также хотела бы их делать. Отсюда помимо потребности в порядке и праве возникает необходимость в доверии, без которого немислим кредит: его силой не возьмешь.

Если отвлечься от причин, которые привели к такому устройству человеческой цивилизации, и рассматривать сам факт кредита как такового, следует признать, что положительный его итог огромен и может возместить жертвы, кои злоупотребление общественным кредитом причинило некоторым европейским народам. В самом деле, разве не прекрасно, когда неограниченная, деспотическая, иной раз даже варварская власть, склонившись перед необходимостью кредита, скрупулезно соблюдает обещание, данное ею людям, у которых нет ни флота, ни армии, чтобы заставить ее поступить честно!

С тех пор как Россия начала вмешиваться в европейскую жизнь, ее влияние все время росло. Оно достигло апогея в период царствования Александра, когда миру было явлено исключительное зрелище самодержца, призывающего народы к независимости и свободе.

Россия или, вернее, ее правительство не желает или делает вид, что не желает отрекаться от положения, приобретенного в прошлом. Однако для поддержания его необходимы средства, по крайней мере равные прежним. Как бы велики и славны ни были труды и подвиги императора Александра, достигнутые итоги были делом не одной только России. В войнах 1813 и 1814 годов Россия победила в союзе с более богатыми и цивилизованными

ми странами. Вряд ли еще раз сложатся столь благоприятные обстоятельства, и Россия во всех своих начинаниях отныне должна полагаться лишь на собственные средства.

Но есть ли у России ресурсы, достаточные для удовлетворения требований, которые диктует ее положение в политическом мире? Не пытаюсь дать ответ на этот вопрос, трудно разрешимый в положительном смысле, обратим внимание на то, что с 1815 года все народы Европы значительно продвинулись по пути прогресса в промышленности, торговле, а некоторые даже и в политическом устройстве, и прогресс этот непременно должен был увеличить их могущество. Касаясь одной только организации вооруженных сил в разных странах, нельзя не признать, что она повсюду улучшилась, усовершенствовалась, и армия стала более действенной и грозной. Движение вперед в искусствах и науке способствовало сему едва ли не более, чем рост национального богатства.

Увеличила ли Россия свои средства в такой же степени? Никаких доказательств этому нет. Финансовое состояние страны столь же неутешительно, как и тридцать лет назад; промышленность, торговля преуспели мало, по крайней мере, никаких разительных итогов не наблюдается; а кто дерзнет утверждать, что науки, искусства, просвещение за последнюю четверть века продвинулись вперед? Может быть, заметно возросло национальное богатство? Но этого не может случиться, пока важнейший его источник, а именно земледелие, продолжает быть занятием либо рабов, либо людей, положение которых мало чем отличается от рабского.

Мы особенно подчеркиваем сие последнее обстоятельство, ибо убеждены, что только в благосостоянии и процветании масс кроются сила и процветание государств. Везде, где этот вопрос возникал, отношения земледельцев и собственников земли были серьезно рассмотрены правительствами и упорядочены в соответствии со справедливостью, а следовательно, и с общественным благом. Государства, о которых меньше всего говорят, пожалуй, делают наиболее успешные шаги в этой области. Пруссия, Саксония, Вюртемберг, Бавария — о них мы даже не упоминаем; Австрия упорно трудилась не только над полным освобождением земледельцев, но и над тем, чтобы основать благосостояние этого класса на земельной собственности. В Венгрии этот вопрос значительно продвинулся вперед после принятия регламента 1836 года².

Мы были свидетелями того, как сам тунииский бей принял меры к отмене рабства в своих владениях!³ Наконец, султан, запретив в Боснии барщину с явной целью освобождения крестьян, определил отношения между землевладельцами и земледельцами в соответствии с пожеланиями депутатов боснийского народа и представлениями паши⁴. Таким образом, и цивилизованные народы, и народы, считающиеся варварскими, действуют в духе прогресса, идут по пути освобождения населения, пребывающего под игом рабства. Одна Россия отстает от них.

А стала ли боевая мощь, военная сила, составляющая при нынешнем порядке вещей главное орудие могущества России, более грозной, чем прежде, и не только по численности, но и по пронизывающему ее духу, по способностям тех, кто ею командует? И этому нет никаких доказательств. Турецкая война, особенно первая ее кампания, показывает скорее обратное⁵. Польская война тянулась почти десять месяцев; если вспомнить о различии в численности двух воюющих армий, о том, сколь ничтожны были ресурсы поляков, лишенных какой бы то ни было помощи и даже сообщения с заграницей, то как же плачевно должно

быть положение армии, которой они могли так долго противостоять?⁶ Наконец, где же успехи, где победы, которыми можно было бы оправдать огромные и мучительные жертвы, принесенные русским народом в ужасной и истребительной войне с кавказскими горцами?

Повторим: военная сила — главное орудие могущества России. Нация, как и монарх, хочет иметь сильную армию — это естественно. Но чем многочисленнее армия, тем больше ума нужно для того, чтобы ее устроить и сохранить, чтобы управлять ею. Но каковы ваши способы организации, сохранения и управления? Вы принимаете в армии рекрутскую систему, жестокость которой граничит с абсурдом. Как вы ее сохраняете? Смертность в армии равносильна ужаснейшим опустошениям в любой другой стране и превосходит всякое воображение. Во время войны, к которой вы готовились в течение многих лет, которую вы вели в землях, издревле вам знакомых, во время последней турецкой войны вы, как мы уже говорили, только в госпиталях позволили умереть за один лишь год пятидесяти с лишним тысячам солдат! — Наконец, вы поручаете командование офицерам, воспитанным в многочисленных кадетских корпусах, где не учат ничему, кроме военных упражнений*.

Весь предыдущий опыт говорит: не улучшив способ пополнения армии, вы по-прежнему будете губить население и разорять страну; не изменив дисциплину, которой подчинен солдат, не обеспечив его благосостояния, вы лишаете себя закаленных в бою людей, которых не могут в полной мере заменить новые рекруты; пока вы не позаботитесь о том, чтобы воспитывать офицеров иначе, нежели это делается в ваших кадетских корпусах, у вас будут в лучшем случае капралы, годные для парадов, но отнюдь не умные и сведущие в военном деле полководцы, способные вести за собой солдат.

Прислушайтесь к голосу опыта, уничтожьте систему, которая унижает человека и истощает жизненные силы страны; из-за нее любой успех обходится в неимоверное число жертв, коего он не стоил.

«Нет, — можете сказать вы, — люди обходятся нам даром; по мере того как мы берем их, рождаются новые; на нашей стороне авторитет Мальтуса⁸; население растет, несмотря на рекрутские наборы. Умелых же командиров требуется немного, и нужны они только на высших должностях. Для этого мы приглашаем иностранцев; кроме того, у нас есть несколько особых учебных заведений, дающих нам ограниченное, но достаточное число образованных офицеров. Эфес шпаги будет в штаб-квартире, в императорском дворце, а клинок — повсюду. Вот на чем будет основана наша сила и безопасность».

Великолепно! Вам приходится признать необходимость школ! Мы же говорили, что вы, вопреки собственному желанию, станете на путь цивилизации. Пусть ваши школы будут особыми; но все же это будут школы. У учащихся окажутся книги, они устремятся к просвещению, и оно к ним придет. Уж не думаете ли вы, что во власти человеческой сделать так, чтобы одни идеи проникали в умы, а другие — никогда? Из комментариев к классическим авторам древности родились комментарии к Библии, а из тех — Реформация и свободная мысль. Откройте же школы, поставьте преподавание в сколь угодно узкие рамки — мы все равно будем вам благодарны: хотя вы будете уверены, что служите только своим мелким выгодам, на самом деле вы станете служить великим интересам цивили-

---

* В Дерптском университете некогда была кафедра военных наук, но ее упразднили и заменили кафедрой ветеринарии.

зации. Как ни безмерна ваша власть, цивилизация, как все идеальное, нематериальное, не станет подчиняться вашей воле, повиноваться вашим прихотям: она подчиняется другим законам — законам вечности, кои божественная мудрость сделала неподвластными людской слабости.

Если нужны доказательства, мы найдем их в самой армии.

Армия не может обойтись без офицеров, медицинской службы, хирургов, врачей. Поэтому русское правительство учредило школы, медико-хирургические академии. Эти заведения действительно пребывают в цветущем состоянии. Но вместе с медициной и хирургией в умы воспитанников проникли и другие идеи. Правительство думало подготовить только исполнителей и распорядителей, а получило куда больше — людей, позволяющих себе думать не только о медицине и хирургии. Медицинский и хирургический персонал русской армии, как мы имели возможность убедиться, отличается известным свободомыслием, чувством собственного достоинства, о котором правительство, видимо, не знает и которое, случись ему об этом узнать, ему бы вовсе не понравилось.

Но если России необходимо иметь большую армию, то нельзя ли найти какие-нибудь иные, не имеющие отношения к цивилизации средства для ее содержания? К несчастью для русского народа, именно это, навсегда опозорив память о себе, и попытался сделать император Александр. Считая своим долгом содержать в мирное время чересчур многочисленную армию и видя, что ресурсов страны для этого недостаточно, этот государь выдвинул более чем странную идею: заставить армию саму себя содержать. Пожертвовав частью своих подданных и не сочтя сие непомерной платой за осуществление заведомо неисполнимого проекта, он основал военные поселения.

Разумеется, страдания и разорение людей, принесенных в жертву сумасбродному капризу, неограниченная власть не ставит ни во что; но, может быть, ей следовало принять в расчет хотя бы те суммы, в которые обошлись военные поселения той самой казне, которую, как ожидалось, они должны были обогатить? И где же результаты этого принуждения, всей пролитой крови, стольких попусту истраченных миллионов?

Что произошло бы, если бы проект Александра полностью удался? Обширные и плодородные области России были бы заняты солдатами-земледельцами, которыми управляли бы взятые из их же рядов офицеры. Это были бы огромные корпуса янычаров, преданных правительству и способных, если нужно, держать в повиновении всю страну. Такое возможно; но, не говоря уже о самом сословии янычаров или мамелюков, напомним, что введенные Александром военные поселения уже дали примеры таких мятежей и бунтов, которые можно уподобить только восстанию Пугачева. Чем многочисленнее и сильнее становились бы эти поселения, тем опаснее они становились бы для самой власти.

Чтобы достичь уровня цивилизованных народов, нужна не только хорошо организованная армия; внутреннее управление и правосудие также должны улучшаться и совершенствоваться, что можно осуществить лишь при помощи цивилизации. Обладая богатейшими естественными ресурсами, страна остается бедной и жалкой, если разум человека не умеет или не может извлечь из природы то, что она предоставляет в его распоряжение. Возьмем, например, труд. Одним из первых условий плодотворного труда является безопасность; но безопасность обеспечивается только хорошим управлением. Поэтому правительство, желающее создать ресурсы, необходимые для того, чтобы удержаться в ряду цивилизованных на-

родов, непосредственно заинтересовано в улучшении управления страной. Однако не у Азии надо учиться искусству управления. Это искусство требует образования и просвещения; одного опыта здесь недостаточно. И мы снова оказываемся перед настоятельной необходимостью школ и образования. Тут уже речь не может идти о каких-то особых школах или образовании; следует в той или иной степени ввести такое общее образование, какое есть во всех цивилизованных странах; в противном случае вы не достигнете цели.

Обратим свой взор на правосудие. Для процветания труда, наряду с землей являющегося главным источником национального богатства, личность человека и его собственности должны охраняться законом. Людям, трудящимся в учреждениях, коим можно доверить толкование законов и исполнение правосудия, вы обязаны дать соответствующее образование. Значит, и здесь вы вынуждены открыть умам источники цивилизации, и они будут черпать из них с особенным усердием, ибо справедливость и истина будут обладать в их глазах всей притягательностью новизны.

Хорошее управление, хорошее правосудие — вот подлинные орудия национального богатства; промышленность и торговля могут процветать только под покровительством порядка и законности. Впрочем, в России, видимо, не так смотрят на вещи; там, кажется, полагают, что промышленность и торговля не имеют ничего общего с управлением и для их развития и процветания достаточно слегка подбодрить их, как поощряют детей. Но факты, более могущественные, чем слова, упорно доказывают, что ни промышленность, ни торговля, ни продукты сельского хозяйства, ни доходы государства — ни одна из составных частей национального богатства не находится в России на уровне, который соответствовал бы положению, занимаемому ею среди европейских государств, или хотя бы нуждам населения.

Как только один народ усовершенствует свое военное искусство путем введения важных новшеств, все другие народы должны немедленно это усвоить, иначе они дорого заплатят за свое пренебрежение. Так, изобретение пороха и применение пара во флоте распространились быстро именно по причине своей важности. Что же, если мы признаём заимствование пороха и пара, то почему бы нам не признать всякое движение народов к цивилизации? Если в этом случае неизбежность не проявляется прямо и настоятельно, это не значит, что ее нет; рано или поздно она даст о себе знать. Чтобы вступить в борьбу — в военной ли области, в сфере ли промышленности и торговли, — нужно обладать теми же средствами и орудиями, какие есть у тех, с кем намерены бороться.

Конечно, я вовсе не утверждаю, что Россия должна или сумеет мгновенно стать в один ряд со странами, обладающими многовековой цивилизацией. Я хочу лишь сказать, что ее движение по пути цивилизации, куда ее призывает пример и опыт европейских стран, не может быть слишком поспешным; важно, чтобы ее правительство более не медлило — под тем предлогом, что оно не желает очертя голову бросаться на эту славную дорогу; покидая окольные пути, ведущие к цели, которую оно не осмеливается признать, оно должно не швырять народу обрывки цивилизации, а вручить ему эту цивилизацию полностью, во всем ее блеске и со всеми ее истинами.

У России нет выбора: она должна или открыто примкнуть к цивилизации, или примириться с поражением. В мирное время ее обычные ресурсы не удовлетворяют всех ее потребностей; об этом свидетельствуют займы, которые ей периодически приходится делать; какими же последствиями это чревато, если в Европе разразится серьезная война?

Напрасно строить иллюзии; опыт быстро покажет, что избранный путь бесплоден и на нем нет возможности изыскать какие-либо новые ресурсы. Произвол, рабство, палка, кнут не являются орудиями процветания, создания национального богатства; пора решиться — открыть дорогу законности, правосудию, свободе и, наконец, цивилизации.

Предположим, что русское правительство открыто порывает с цивилизацией, закрывает все пути, по которым она может проникнуть в страну, равно как и все щели, через которые могут просочиться идеи и просвещение; преуспее ли оно в этом? У цивилизации есть свои окольные пути, свои неуловимые для любых правительств посланцы; она передается в ходе любого общения, то есть, можно сказать, является заразной. Торговля, книги, газеты — вот ее передовые отряды; она прибывает на крыльях славы, в рассказах о политических переворотах, свершающихся в мире, проскальзывает под грохот рушащихся тронов. Война и та служит ей средством пропаганды, и даже если вам удастся перекрыть ей все иные пути, этого вы не закроете никогда: если вы хотите по-прежнему иметь вес в Европе, вы должны время от времени позволять вашим армиям, этой огромной массе людей, вдохнуть свежий воздух цивилизованных стран. Вы знаете, что в 1813, 1814, 1815 годах ваши солдаты принесли на родину не только лавры — в их багаже были и некоторые новые идеи.

Я не берусь оценивать их, а лишь сообщаю, что благодаря последней войне в Россию проникли новые идеи. Это неопровержимый факт, и о нем свидетельствует восстание декабря 1825 года.

Так если речь идет о том, чтобы подобные катастрофы более не повторялись, не разумнее ли не бороться уже с прогрессом и великодушно открыть России широкий и плодотворный путь цивилизации? Чего вы, в конце концов, боитесь? Эта обширная страна по самой своей природе, по своему географическому положению еще долго будет не в состоянии не только решать, но и обсуждать животрепещущие социальные вопросы, кои волнуют умы в странах с давней цивилизацией, но (хотя, по моему мнению, совершенно напрасно) внушают страх верноподданым душам. В течение долгого времени Россия могла бы мирно осваивать все то, что с таким трудом выработал европейский гений, без малейшей опасности для своего материального величия, зато ее умственный и нравственный прогресс в это время в гигантских пропорциях увеличивал бы благосостояние великой семьи человечества.

Настанет ли для России это счастливое время? Падут ли наконец препятствия, отделяющие ее от мира цивилизации, или же она обречена получать цивилизацию только контрабандным путем? Никто этого не знает. Можно только с уверенностью сказать, что народ, совершивший столь многое в такое короткое время, народ, о котором сто пятьдесят лет назад мало кто знал и который ныне оказывает могущественное влияние на судьбы Европы, уже не может вдруг исчезнуть. Нет, у России есть будущее.

Так ли уж глупо хотеть, чтобы русский народ получил наконец свою долю в благодеяниях, даруемых Провидением цивилизованному миру, чтобы он приобщился к благам, коими разные народы Европы обязаны своему гению и опыту? Мы желаем для него счастья — это заветная мечта всей нашей жизни; что же мешает ей сбыться?

Какой государь должен для этого взойти на трон — великий своими добродетелями, как Марк Аврелий и Леопольд, или гением, как Карл Великий и Петр I? Нужны ли для этого

граждане, подобные Вашингтону и Лафайету? Нисколько. Человеческое величие является для народов роскошью. Благо в своей божественной сущности не нуждается в помощи исключительных людей; они не необходимы для счастья человеческого рода уже потому, что рождаются крайне редко, через очень долгие промежутки времени. К тому же явление этих блестящих метеоров не всегда приносит счастье народам; часто они оставляют о себе жестокие воспоминания. В исследуемом нами случае для достижения блага и пользования им нужно только свободное поле деятельности. Не препятствуйте благу, и оно явится; откройте ему двери, и оно войдет. *Laissez faire et laissez passer** — таково должно быть основное правило поведения русского правительства; это самое верное средство для того, чтобы быстро вручить народу многочисленные благодеяния цивилизации. Монарху достаточно справедливого ума и честного сердца, чтобы завоевать эту славу — единственно истинную, ибо единственно полезную народу.

Но тысячи непредвиденных причин могут замедлить свершение предназначения России. Народы еще реже, чем отдельные личности, следуют прямыми и наилучшими путями к предначертанной Провидением цели, которую они непременно должны достичь. Попытаемся же разобраться, какие именно насущные результаты могут последовать из того или иного положения дел.

Всякая власть, страшась цивилизации и упорно препятствующая ее проникновению в Россию, в конце концов неизбежно ослабит страну, а следовательно, и сама ослабеет по сравнению с другими европейскими державами. Чем успешнее будут ее антицивилизаторские действия, тем быстрее наступит ее упадок. Если же нация будет этому сопротивляться, если народ сумеет противостоять попыткам двинуть вспять, то внутри страны могут проявиться некоторые хорошие следствия сего; но внешнее могущество непременно пострадает. С какой стороны ни взгляни на этот вопрос, очевидно, что страх или ненависть власти к цивилизации, вне зависимости от того, ропщет ли народ или же молчаливо терпит, может лишь оторвать Россию от Европы.

Если бы Провидение по милосердию своему послало России такого императора, как Александр, но только более настойчивого в своих добрых побуждениях и с менее недоверчивым характером; или такую монархиню, как Екатерина II, которая не только любила бы благо, но и уважала бы его и больше бы в него верила; или, наконец, человека, подобного Леопольду, государю, который, несмотря на узкие рамки своей деятельности, сделал для общественного блага больше, чем все, кто утверждает, что только ради него и работает, то Россия и при самодержавии могла бы наслаждаться известным благодеянием внутри и уважением вовне.

Если народу не препятствует никакая враждебная сила, его первые шаги к цивилизации всегда быстры. Так неужели нельзя надеяться, что при таком правлении Россия уже через полвека достигнет хотя бы уровня наименее передовых стран Европы, например Австрии? Конечно, в глазах большинства европейских народов это значило бы мало. Пусть так! Но для России это был бы истинный и великий прогресс, неоценимое благодеяние.

---

* Оставьте, не вмешивайтесь (*фр.*).

Как бы я обрадовался, если бы вдруг чудом узнал, что русские крестьяне пользуются такой же свободой и безопасностью, как крестьяне наследных австрийских или богемских земель; что управление в России не хуже, чем в этих странах; что правосудие отправляется судьями не менее образованными и добросовестными, а законодательство подобно австрийскому кодексу законов!

Если бы, по воле Господа, в России появился новый, просвещенный Петр I, который с такой же энергией взялся бы за установление истинной европейской цивилизации, с какой этот царь вводил ложную, то зрелище такой России воодушевило бы все благородные и искренние сердца, и ангелы ликovali бы на небесах.

И на земле, и на небе еще больше радовались бы, если бы русский народ, сам распоряжаясь своей судьбой, могучей рукой, осторожно, последовательно и с умом направил страну свою к великой цели.

Тем, кто полагает, что для русского народа заметный прогресс на пути к цивилизации невозможен, мы скажем: смотрите, что он совершил, будучи в рабстве, и подумайте, что он сможет сделать, став свободным.

Тем же, кто считает, что секрет всего сделанного до сих пор кроется именно в рабстве, которое держит людей под гнетом цепей и не дает им развиваться, мы ничего не ответим: нельзя убедить тех, кому не хватает веры.

Глава II

Препятствия к распространению цивилизации в России

МЫ УЖЕ ГОВОРИЛИ, что такая страна, как Россия, неизбежно должна идти или по крайней мере хоть как-то двигаться в том или ином направлении; она не может стоять на месте. К несчастью, все предпринимаемое властью, как и все попытки народа, наталкивается на два основных препятствия, делающие прогресс практически невозможным и представляющие для политической и общественной жизни России постоянную и роковую угрозу. Эти два препятствия — рабство и Польша.

Мы уже говорили, что представляет собой рабство в России, указали, сколь плачевное влияние оказывает оно на материальную и нравственную сторону жизни: оно поражает бесплодием и почву, и народный гений, — это постыдная язва, позорящая и нацию, и власть.

Самое грустное, что со временем тяжкие итоги этого отвратительного явления становятся все страшнее. К счастью, можно надеяться, что, как во многих иных случаях, избыток зла выпустит на свет добро: правда должна восторжествовать. Впрочем, следует признать, что, с тех пор как в России возникла идея освободить рабов, она все время распростра-

лась и укреплялась в умах, несмотря на неблагоприятные зачастую обстоятельства. Среди наиболее ярких сторонников заблуждений былых времен есть немало тех, кого переубедило сознание своих же выгод. Помещики с каждым днем все лучше понимают, что рабство господам уже невыгодно и что их имения приносят далеко не тот доход, какой должны бы приносить. Однако потребность в увеличении доходов становится все более насущной, ибо, как бы ни уменьшались их средства, любовь к роскоши у них прежняя, а господской власти, как она ни чрезмерна, недостаточно для того, чтобы рабы могли удовлетворить те бесчисленные требования помещиков, о которых их отцы не имели понятия. Больше всего заинтересованы в отмене рабства те, чьи земли не обрабатываются крепостными, кто получает от них денежный оброк, ибо очень часто доходы в течение ряда лет поступают к ним нерегулярно и даже с большой недостачей. Так, в 1823 и 1824 годах полагали, что владельцы оброчных имений не получили и половины своих обычных доходов. И, несмотря на всю свою власть, они бессильны изменить положение вещей, потому что бороться нужно не с отдельными лицами, а с массой людей. Все, что они смогли сделать, — это пригрозить оброчным крестьянам, неисправно платящим оброк, перевести их на барщину. Были помещики, которые во исполнение сей угрозы купили отдаленные неводеланные земли и переселили туда крестьян, чтобы заставить их работать; такая насильственная колонизация не только сопряжена со множеством трудностей, но и представляет собой крайнюю меру, отвратительную для всякого, кто наделен хоть малейшим чувством справедливости или жалости. Так что помещики, чьи крестьяне платят оброк, без сомнения, лучшие из помещиков.

Кроме того, великодушные или просто ловкие и рассудительные люди выступают время от времени в пользу рабов; в дворянских собраниях различных губерний слышны порой предложения и пожелания освобождения. Особенно громко эти идеи звучали в некоторых центральных губерниях во время беспорядков, вызванных неурожаем и голодом. Возможно, что в такие тяжелые времена, когда и правительство, и собственные интересы заставляют помещика кормить крестьян, источник этих призывов не совсем чист; но факт остается фактом и доказывает, что все устали от рабства, разоряющего господ и погружающего в нищету рабов. Так, один помещик говорил недавно, что охотно отдал бы половину своих крестьян тому, кто согласится кормить другую половину в неурожайные годы. Итак, в России наконец начинают понимать, что такое рабство, сознать, что право дурно обращаться с себе подобным не обогащает того, кто сие право имеет, и что радости, даруемые роскошью приятнее, чем наслаждения, доставляемые чудовищной властью.

Если бы даже рабы не задумывались об освобождении, сомнений их господ в действительности крепостного права было бы достаточно, чтобы сия мысль зародилась и у них. Надежда на свободу появилась на свет вместе с ними, она глубоко укоренилась в их умах, и мысль об этом, которая может только крепнуть и распространяться, в конце концов неизбежно осуществится. Дай Бог, чтобы нетерпение рабов не опередило более разумные начинания!

Правительству также желательно освобождение крепостных. Для увеличения бюджета оно должно стремиться к росту национального богатства и не может долее обольщаться относительно первопричины неудовлетворительных результатов земледелия, главного источника общественного дохода. Ему это значительно яснее, ибо у него меньше личных выгод, чем у самих рабовладельцев. Но отвращение к любой свободе, а значит, и к свободе вольного русского крестьянина держит его в старой колее.

Впрочем, нынешнее правительство решило, кажется, крепко взять дело в свои руки; оно изображает, что целиком поглощено рассмотрением этого серьезного вопроса и желает упорядочить судьбу и положение класса земледельцев — по крайней мере тех, кто живет на его землях, то есть *государственных крестьян*. Не знаю, как оно намерено действовать и что именно оно готовит для миллионов человеческих существ, управление которыми доверено особому министерству, я лишь констатирую факт: правительство действует, оно желает что-то сделать⁹. Если избранное им направление хорошо, а принципы согласны со справедливостью, здравым смыслом и опытом, то судьба государственных крестьян, устроенная благотельно для них и с выгодою для государства, не замедлит сказаться и на судьбе помещичьих крестьян. Если же, напротив (что, к несчастью, куда более вероятно, если судить по изменениям, внесенным в положение удельных крестьян¹⁰), меры, готовящиеся правительством, сведутся к подчинению государственных крестьян большому надзору и особой администрации, которая заставит их работать на земле для собственной выгоды, то его усилия останутся бесплодными; самое же худшее, если на казенных землях начнется такое же сопротивление, какое имело место в военных поселениях.

Впрочем, будем надеяться, что власть сумеет как следует понять свои интересы. Именно потому, что власть в России неограниченная, она рассматривает страну как свою вотчину, а значит, может задуматься о тех, кто станет править после нее. Ей известно, что с течением времени решать постоянно откладываемые вопросы становится все труднее; решение столь серьезного вопроса, как освобождение крестьян, пожалуй, легкое сегодня, станет лет через двадцать, тридцать или пятьдесят намного сложнее. И если сейчас все определяет правительство, то впоследствии могут произойти потрясения, которые принудят власть к действиям, лишив ее выбора. Поэтому можно полагать, что нынешний император, обдумывая эти трудности, хотел бы снять их с плеч своего преемника, избавив сего от столь великого беспокойства. Итак, первое препятствие на пути всякого прогресса, а именно рабство, может быть устранено; скажем больше: оно непременно, неизбежно будет устранено.

Что же касается нынешнего состояния Польши, то здесь мы видим одни непреодолимые трудности; эта страна всегда и при любых обстоятельствах будет для русского правительства поводом для беспокойства.

Чтобы мысль наша стала понятнее, уточним состояние вопроса.

В результате политических событий, которые мы не будем здесь излагать, большая часть прежней республики или прежнего Королевства Польского была присоединена к России. Чтобы объединение было надежным и прочным, оно должно быть добровольным. Однако за исключением исконно русских губерний, возвращенных России во время первого раздела Польши, остальное — то есть Литва, Подолия, само королевство — никогда не находилось с Россией в отношениях, необходимых для подобного объединения. Со времени последнего восстания и вспыхнувшей за ним войны стало ясно, что все польские губернии рассматриваются и охраняются как завоеванные территории — в прямом смысле этого слова. Правительство этого не скрывает; оно смотрит на поляков как на врагов и обходится с ними соответственно. Все его действия, как важные, так и второстепенные, несут на себе печать этого отношения.

Такое положение дел порождает серьезные и многочисленные неудобства.

Самодержавная власть, несмотря на всю свою мощь, уже не в состоянии удовлетворять всем требованиям современного положения России с ее многочисленным населением и огромной территорией; во всяком случае, надзор за внутренними делами требует всего внимания русского правительства. А Польша и связанные с ней тяготы только ослабляют бдительность, создают беспокойство, словом, отвлекают правительство от действий в центре, постоянно заставляя обращать взоры на сию неоднородную окраину. Таким образом, внутренние вопросы оказываются заброшенными, им позволяют идти своим чередом и делают только самое неотложное. В России дела идут и сами; конечно, не секрет, как это происходит!.. — но все-таки что-то делается. В Польше же, напротив, в нынешнем ее состоянии они могут двигаться только при постоянном, без конца возобновляемом давлении со стороны высшей власти.

В подобных обстоятельствах многое зависит от личности, от конкретного воплощения власти, тем более что речь идет о власти неограниченной. Если население враждебно относится к русскому господству, установленный в стране порядок может быть только суровым, иногда поистине тираническим. Подобный способ правления не мог не оказать влияния на монарха, на его характер и поведение в целом; привыкнув к подобному отношению части своих подданных, он в конце концов распространил его на всех остальных. Возможно, именно поэтому так называемые правительственные, административные, судебные и, главным образом, полицейские меры, которые никогда не намеревались применять в России, стали использоваться в ней на том основании, что они оказались подходящими для Польши, где введение их было вызвано враждебным отношением, которое предполагалось у населения этой страны к российскому государству.

С другой стороны, можно думать, что некоторые спасительные для России меры были отклонены лишь потому, что их сочли неразумными, неполитичными или невозможными для Польши.

Разумеется, не запрещено считать, что если бы Россия освободилась от Польши или если бы вместо принудительного союза между этими двумя народами существовали отношения, основанные на взаимных интересах, то в России и власть и народ занялись бы многими необходимыми и полезными вещами, о которых сейчас даже не помышляют.

От высшей власти перейдем к орудиям, которыми она пользуется для поддержания своего господства в этих краях, — к органам, говорящим и действующим от ее имени; здесь мы увидим, что Польша являет собой печальную школу, где гражданские и военные начальники всех сортов учатся осуществлять свои полномочия. Все эти чиновники думают лишь об одном, и иначе быть не может: должно держать страну в повиновении; в средства они не слишком вникают. Все, что мы только что сказали о высшей власти, можно с тем же основанием сказать и об этих мелких деспотах: несомненно деятельность такой администрации в одной части империи влияет на общее управление страной; и это влияние, разумеется, не в духе законности и снисходительности.

Наконец, состояние Польши может оказывать вредное воздействие даже на нравственность русского народа. Разве не следует опасаться, что несчастный народ станет утешать себя тем, что рядом с ним есть народ еще более жалкий? Однако чувства подобного рода менее всего способны внушать людям великодушные порывы и поднимать их нрав-

ственное достоинство. Конечно, не такого примера для своей страны ожидал от Польши император Александр, когда даровал ей конституцию, обещая сделать то же для России, как только она будет достаточно готова к сему.

Разбирая материальные недостатки современного положения дел, не следует забывать о том, что Россия для господства над польским народом вынуждена всегда содержать гораздо большую армию, нежели необходимо. Из обладания Польшей она, несомненно, извлекает некоторые преимущества: преумножение воинских частей и финансовых ресурсов; поляки пополняют ряды российской армии, а их доходы — государственную казну. Но если бы было можно подсчитать, на какие жертвы ей приходится идти ради этих выгод и во что выливается ей поддержание ее господства, то общие итоги этого владения были бы ничтожны.

Конечно, есть преимущества, которые можно назвать отрицательными; обладание чем-нибудь может быть преимуществом уже потому, что ни у кого другого этого нет. Приложимо ли это к России? Должна ли она опасаться, что Польша, принадлежа другой державе или самой себе, будет опасна для нее? Иначе говоря, стоит ли ей считать, что независимость польского народа несовместима с ее безопасностью?

Несомненно, такая опасность существует. История помнит кровавые битвы между двумя народами, часто роковые для России. Было время, когда Польша завоевывала целые области России и диктовала ей свои законы; на российском престоле сидел даже и государь-поляк. Но эти времена прошли, и прошли давно. Впрочем, если независимая Польша может внушать России опасения, то порабощенная Польша также внушает их. Вопрос в том, какой из этих двух вариантов опаснее и ближе. Избежать этой опасности или сделать так, чтобы она навеки исчезла, можно, только истребив весь польский народ. Но сие невероятно. Убивая отдельных людей, можно сказать: «Только мертвые не возвращаются»; народы же возвращаются всегда, потому что они никогда не умирают. Поэтому, рассуждая об опасностях, кроющихся в сосуществовании России и Польши, можно только обдумывать, что хуже — независимая Польша или Польша в цепях.

Я полагаю, что Россия в собственном смысле слова, такая, какой мы видим ее сегодня, достаточно могущественна, чтобы не бояться никого, в том числе и независимой Польши. Наоборот, она могла бы даже выиграть от этого, заключив с Польшей тесный союз, диктуемый силою вещей и выгодами народов, особенно польского, слабейшего из двух. Более того, отказ от завоеванной Польши мог бы быть полезен России; взамен она получила бы гораздо более значительные владения, которые открыли бы русскому народу широкую дорогу прогресса, могущества и славы. Каким благодеянием для человеческой цивилизации был бы отказ России от Польши! Она была бы вознаграждена единодушной поддержкой цивилизованных народов и стран, о которых еще пойдет речь ниже, через эти земли пролегали бы для нее морские пути сообщения — залог ее безграничного процветания.

Каковы бы ни были недостатки и опасности положения дел сейчас, в мирное время, они непременно возрастут и потребуют гораздо больших жертв, если мир в Европе будет серьезно поколеблен. Для страны лучше сражаться с явным врагом, чем следить за врагом, таящимся внутри нее. Разве неясно, что при первой же войне с любой континентальной державой России придется прежде всего думать о том, как предупредить, парализовать возможные усилия поляков, которые в своем униженном положении, естественно, считают себя прирожденными союзниками всех врагов России?

Разве Россия не видит, как умножаются ряды черкесов за счет польских беглецов, любыми способами дезертирующих из-под знамен, куда они были зачислены силой? То же самое произойдет при иных обстоятельствах, и чем больше поляков окажется в российской армии^{*}, тем больше будет в ней дезертиров. Ясно также, что малейшее поражение России может вызвать восстание в Польше.

Впрочем, как в мирное, так и в военное время России всегда нужен союз с другими европейскими нациями. Честные и, следовательно, прочные союзы с цивилизованными народами были бы тем полезнее для России, что, делая ее сильнее в политическом отношении, они в то же время способствовали бы успехам цивилизации. Поэтому политические союзы истинно выгодны русскому народу. Но пока все остается по-прежнему, Польша будет препятствием искреннему союзу России с государствами, где царит подлинная цивилизация, где считаются не только с голосом народа, но и с его симпатиями. Поэтому у России в Европе пока есть и могут быть только союзники, а не союзники.

Да будет мне дозволено привести еще одно, последнее соображение. Если бы в России, по воле благожелательной власти или по воле самого народа, попытались бы провести какую-нибудь серьезную, основательную реформу, которая потребовала бы всей энергии страны, не оказалась ли бы эта реформа парализована самим фактом существования народа, враждебного России и прикованного к ней вопреки его желанию? Этот народ вряд ли сможет получить свою долю выгод, которые рисуются воображению его властителей; но даже если он и получит их, то не захочет ими воспользоваться, — таков человек. Во всех событиях, сулящих русским некий прогресс, поляки ищут только средства для достижения своей цели, которая не может совпадать с целями России, ибо если русские хотят свободы и цивилизации, то полякам сначала нужна независимость, без которой нельзя и мечтать о других благах. Более того, люди слишком склонны считать любое зло, причиненное их врагам, счастливым и полезным для себя событием, даже если они не надеются извлечь из него какую-нибудь пользу. Вражда поляков к России будет проявляться тем интенсивнее, чем чаще для этого будут представляться случаи; к несчастью, таких случаев всегда хватает, когда народ берется или намерен взяться за великое дело собственного возрождения. Всякий раз, когда великодушные люди выдвигают идею возрождения, тотчас появляется другая мысль, нередко вытесняющая первую: мысль о мощном препятствии, каковым является для России Польша с ее нетерпением сбросить гнетущее ее иго, которое она таким образом отчасти перекладывает на русский народ.

Говоря о различных осложнениях, создаваемых для России владычеством над Польшей, мы хотели всего лишь указать их наличие. Мы и не думаем никого учить, как от этого избавиться. Трудности здесь столь велики, а у нас так мало надежды преодолеть их теми средствами, кои подсказывает нам стремление ко благу человечества, что мы можем высказать только отрицательные суждения. Пожелаем лишь, чтобы и без того тяжкий гнет, ныне давящий Польшу, не стал бы еще суровее от бессмысленных и недостойных притеснений, а польский народ пользовался хотя бы теми материальными преимуществами, которые совместимы с его положением завоеванного народа. Быть может, не во

---

^{*} Сейчас тысячи молодых поляков, которым по закону о рекрутском наборе угрожает зачисление в ряды российской армии, каждый год бегут из своей страны в Пруссии, где и остаются, изменив имя.

власти человека полностью разрешить сей вопрос; можно лишь смириться. Если есть Бог для России, есть он и для Польши.

Стоит, однако, обратиться к прошлому и посмотреть, как правительства и народы действовали в более или менее сходных обстоятельствах. Тут прежде всего надо взглянуть на Англию.

Англия объединена с Шотландией и Ирландией. В отношениях с этими странами она действовала сообразно двум различным или, скорее, противоположным системам.

С одной стороны, история показывает нам, что Ирландия веками изнывала под ненавистным игом. Никогда и нигде не прибегали к таким средствам, какими пользовалась Англия для укрощения Ирландии. Было время, когда всякий *простой ирландец* (mere Irish) мог быть убит, перейдя с одного берега Шеннона на другой. Долгое время ирландскому католику разрешалось занимать под дом строго определенный участок земли на строго ограниченный срок; он даже не мог его купить. Между прочим закон запрещал ему ездить на лошади, стоившей дороже определенной цены. Сын, принявший протестантство, мог лишиться имущества своего отца-католика. Наконец, в Ирландии несколько раз проводились конфискации, и земельные владения столько же раз переходили из рук в руки. И что же? К чему привело это беспримерное по своей тяжести и длительности угнетение? Удалось ли усмирить, искоренить ирландский народ, народ католический? Взгляните на О'Коннела и восемь миллионов его ирландцев, стучащих в двери британского парламента!

С другой стороны — Шотландия. Рассматривая эти две страны, Шотландию и Англию, из которых последняя населена в шесть или семь раз больше и, очевидно, главенствовала в двустороннем договоре, иной раз можно решить, что это Шотландия присоединила к себе соседку, — столь многое шотландский народ, замечательный и по физическим качествам, и по изобретательности ума, смог извлечь из этого свободного и тесного союза, положившего конец долгой, гибельной для обеих стран вражде. Доктор Джонсон не только шутил, когда в ответ на слова Босуэлла, во время их совместной поездки по Шотландии обратившего его внимание на красивый вид, произнес: «Самый прекрасный вид для шотландца открывается с большой дороги, ведущей в Англию¹¹».

Если, как часто говорят, союз Англии с Ирландией породил столько трудностей, то именно потому, что он недостаточно тесен. Один из самых плачевных результатов прежней английской политики — это невозможность — и, вероятно, окончательная — свободного и искреннего союза с Ирландией. Зло было слишком велико и продолжительно, чтобы не оставить неизгладимых следов, которые всегда или, по крайней мере, еще долго будут препятствовать подлинному примирению.

Таким образом, сознавая невозможность найти действенные средства для примирения интересов России и Польши в их нынешнем положении, мы все же должны без колебаний признать, что репрессии, жертвами которых стали поляки со времени их последнего восстания, не только ужасны, но и бесполезны. Из двух приведенных нами примеров мы особенно настаиваем на примере Ирландии. Пусть те, кто еще заблуждается относительно неизбежных следствий систематического угнетения и попыток уничтожить религию или язык завоеванного народа, кто полагает, что указами можно истребить чувство национального достоинства, — пусть они взглянут на Ирландию и скажут, к чему привела религиозная и политическая тирания, столь упорно проводившаяся по отношению к ирландскому

народу. Разве сегодня этот народ, несмотря на нищету, не более силен и энергичен, чем когда-либо? Или пусть они вспомнят притчу о том, как Солнце благодаря своему нежному теплу торжествует там, где ничего не смогла сделать свирепость Борея.

Поведение России по отношению к Польше может иметь и другие последствия, хоть и не столь близкие, но не менее грозные. Не следует ли России опасаться отчуждения от славянских народов, не подчиненных ей напрямую? Роль России по отношению к различным ветвям семьи славян, находящимся под властью варварских государей, которые их завоевали и унизили, продиктована, видимо, достигнутым ею величием, отличающим ее от всех народов общего с ней происхождения; политика, религия, мораль единодушно влекут ее на путь искреннего и благожелательного покровительства им. Отважные сербы, которые, несмотря на непрерывные битвы и постоянные жертвы, до сих пор не добились независимости; черногорцы, существованию которых часто угрожает опасность, несмотря на их гордое поведение и упорные усилия; босняки, слабые меры по освобождению коих не искупают бедствий, порожденных упадком Османской империи и общим беспорядком, ее захлестнувшим; все эти народы — природные союзники русского народа по общности происхождения, языку и верованиям — возлагают самые заветные надежды именно на Россию; от России они ждут освобождения и спасения и для нее готовы на все жертвы. Но, повторяем, не следует ли опасаться, что суровое обращение с Польшей заставит их, увы, переменить в отношении к России?

Я не думаю, что в своем нынешнем положении и при сегодняшнем состоянии дел в Европе Россия должна стремиться к прямому господству над упомянутыми мною славянскими странами. Сие было бы не в интересах ни этих стран, ни самой России. Но следить за судьбой этих народов, помогать им как братьям, возрождать их из упадка, к которому их привели жестокие и глупые завоеватели, очищать им путь к независимости, открывать им дорогу к цивилизации, заводить в России школы, где они могли бы приобретать образование и науку, как это сделала Екатерина, создавшая кадетский корпус, где воспитывались двести греческих юношей¹², — вот единственный способ покровительства, к коему должно было бы стремиться русское правительство. Подобная политика дала бы, конечно, лучшие результаты, нежели политика плетения интриг в Индии, подстрекательства варварских племен в Центральной Азии против английского владычества, разбрасывание семян раздора и ненависти к англичанам, коим кровавые битвы, пусть даже трудные и роковые, приносят все-таки меньше бедствий, чем несчастным странам, где они происходят.

Подведем итоги. Из двух главных препятствий для прогресса в России — рабства и Польши — первое не продлится долго; оно неизбежно исчезнет под воздействием одной растущей силы общественного мнения, даже если существующий политический порядок останется прежним.

Второе из этих препятствий, проистекающее из положения, в котором находится завоеванная Россией Польша, устранить весьма сложно; по всей вероятности, оно падет только в результате таких политических событий в Европе, которых нельзя ни предвидеть, ни, следовательно, точно определить. Особенность этого препятствия состоит в том, что оно пребудет неизменным, какие бы перемены ни произошли внутри империи. Поль-

ша мешает самодержавной России, она останется бременем для нее и при любой другой форме правления. Именно поэтому мы подчеркивали неудобства владения этой страной.

Легко увидеть, что прочие, большие или меньшие, препятствия на пути России к цивилизации вытекают из нынешнего порядка вещей. Мы не намерены писать о них здесь, хотим только заметить, что для движения вперед нужно быть свободным от всяких пут. К великой цели цивилизации можно идти только по широкому пути свободы.

Глава III

О расширении границ России

ДО СИХ ПОР мы рассматривали Россию такой, какова она ныне. В своих современных границах она, несомненно, очень восприимчива к прогрессу и цивилизации. Занимаемая ею территория велика, и даже чересчур. Однако ее географическое положение не отвечает всем условиям разнообразной цивилизации, способной развиваться бесконечно. Россия — страна, по сути своей, слишком континентальная; она не может притязать на бесконечный прогресс — для этого ей следовало бы стать также и морской державой.

Петр I, основывая свое пребывание в Санкт-Петербурге, говорил, что пробивает там окно, через которое ему будет видна Европа¹³. И что же? Окна оказалось недостаточно; для облегчения, насколько возможно, сношений с цивилизованным миром потребовалась дверь, или, скорее, двери, высокие и широкие.

Нет необходимости перечислять ни преимущества морских портов для народов вообще, ни те выгоды, кои обладание новыми портами могло бы дать России. Какие народы в новое время стяжали наибольшую славу? Морские народы. Как ни велики свершения, достигнутые на суше, какую бы славу они ни приносили, их плоды не бывают так важны и прочны, как плоды свершений на море. В континентальных войнах все ограничивается некоторым приращением территории; завоевания такого рода недолговечны и почти ничего не меняют в судьбах цивилизованной Европы. Как правило, они лишь уменьшают благополучие, процветание, наконец, свободу на земле, и тысячи человеческих существ, ставших жертвами кровавых сражений, лишь удобряют, в сущности, землю, где они пали со славой. Кроме того, лишь очень многочисленные, великие народы могут при этом вписать свои подвиги, победы или поражения в историю.

Взгляните, напротив, на маленькие итальянские республики: Геную, Венецию, Пизу; взгляните на Голландию, на Португалию — это небольшие страны с малочисленным населением; однако мир, так долго ими восхищавшийся, навсегда сохранит воспоминание об их славных достижениях. Взгляните на Испанию, которая, исчезнув из политического мира, в каком-то смысле воскресла в многочисленных заморских республиках, обязанных ей своим существованием. И, наконец, Англия — чудеснейшее и, быть может, высшее выражение европейской цивилизации; посмотрите, как прочно утвердилась она в своей обширной

Индийской империи; усиленно заботясь об интересах внутренних, она не забывает и о тех безобидных народностях, которые подчинились ее трезубцу. Даже когда пробьет ее последний час, она будет продолжать жить в Северо-Американских Штатах, в общественном строе которых осуществилось все то, о чем так смело мечтали мыслители всех времен. Когда Лондон, Ливерпуль и Эдинбург исчезнут, Северная Америка, а возможно, и Новая Голландия¹⁴, несущая в себе зародыш крупного государства, останутся свидетельством британской мощи и гения. Все, за что история сможет упрекнуть Англию (как, впрочем, и многие другие страны) — за свершенное ею вопреки интересам цивилизации, за все упущенное, не сделанное для благоденствия людей, — все это будет с лихвой возмещено одним созданием новой Англии, сего государства за морями, в Новом Свете. Какой другой континентальный народ осмел когда-либо совершить нечто подобное? Даже римляне, долго владевшие миром, не оставили столь славных следов своего существования!

Насколько судьбы морских народов поэтичнее судеб народов континентальных! Будем судить об этом по Германии. Обладая национальным характером, уважаемым всеми народами, воспитательной способностью к размышлениям и созерцанию, физической и нравственной энергией, которая обнаруживается и в искусствах, и в сражениях, глубокой наукой, вероятно, превосходящей все, чего добились в этом отношении другие народы, просвещением, распространенным шире, чем где бы то ни было, плодородной почвой, постоянно идущей вперед цивилизацией, — обладая этими и многими иными преимуществами, может ли немецкий народ рассчитывать на то, что его история когда-либо будет вызывать столь же жгучий интерес, как история любой из морских стран, слава коих прогремела по всему миру? Без сомнения, достижения немцев в области мысли велики и похвальны; они никогда не обесценятся там, где сравнивают заслуги, оказанные разными народами всему человечеству; но людей не могут волновать только мысли: нужны и действия. Теория полезна, если можно применить ее на практике.

Поэтому России для широкого развития будущей цивилизации нужно больше странств, выходящих к морю. Современное положение дел достаточно ясно указывает, в какую сторону ей следует расширяться; ради этого она должна без колебаний избавляться от некоторых завоеванных земель, расположенных на других концах ее обширных владений. Даже отвлекаясь от приморского положения новых краев, которые мы желали бы увидеть объединенными с Россией, надо указать, что по сравнению с завоеваниями Петра I на севере у этих новых территорий имеются большие преимущества — хороший климат и исключительно плодородная почва.

Если это объединение осуществит власть, не благосклонная к цивилизации в том смысле, как мы ее понимаем, то Россия мало выиграет с материальной стороны и еще меньше — с моральной. О причинах этого мы уже говорили. Чем обширнее здание, тем прочнее должен быть его фундамент; поэтому в наши дни нельзя основать сильную власть на произволе.

Если же, напротив, это завоевание совершит власть просвещенная, сознающая свои подлинные интересы (то есть интересы народа) и пекущаяся о благоденствии и славе нации; если она будет поддержана всенародным порывом, истинным национальным духом, тогда сие станет благодеянием и для завоеванных краев, и для народа-завоевателя, и для всего человечества. Процветая на родине, цивилизация распространится на новые области. Переизбыток национальных сил, населения, промышленности, богатства страны устре-

мится от центра к этим окраинам, и чем более зрелыми и обильными будут плоды цивилизации в старой России, тем более они, будучи перенесенными в новые земли, укрепят новую, молодую Россию, которая неминуемо возникнет благодаря своему географическому положению и прекрасному климату. Население, находя в обеих частях страны разнообразные и легкие средства к существованию, будет быстро расти. Через одно-два столетия большая семья человечества увидит новый русский народ — свободный, цивилизованный, занимающий одну из самых благоприятных по природным условиям частей земного шара; и настанет великий миг, когда старая Россия должна будет уступить свое место на земле новым державам, но она возродится, подобно Англии, в прекрасном и благородном творении, которое станет ее наследником еще на несколько столетий!

А Европе (сие практическое замечание счастливо подкрепляет наши — быть может, излишне дерзкие — мысли) совершенно нечего опасаться того расширения территорий, о важности и пользе которого для русского народа мы только что сказали.

В самом деле, если предположить, что это распространение будет делом антицивизиторской власти, то оно, как мы уже заметили, не прибавит сил ни стране, ни правительству. Скажем больше: относительная мощь России (взятая в сравнении с мощью других европейских стран) не только не возрастет пропорционально ее новым приобретениям, а, скорее, уменьшится.

Первым прямым следствием рассредоточения сил является их упадок. Если грядущее значительное ослабление России спорно, то в ее относительном ослаблении сомнений нет. Значительную часть сил, которыми до сих пор располагала центральная власть для поддержания порядка внутри страны и своего влияния за границей, придется перебросить на новоприобретенные территории. Иначе, нежели прежде, должна будет использоваться немалая часть ресурсов страны. Более того, поскольку внимание правительства непременно будет приковано к недавним завоеваниям, оно в силу вещей, а может быть согласно собственному желанию и пристрастию, будет гораздо меньше заниматься отношениями с другими державами; и влияние России на европейские дела, которое — справедливо или нет — вызывает зачастую столь живые опасения, будет если не совсем уничтожено, то, по крайней мере, сильно уменьшено и уж во всяком случае направлено в другую сторону.

Новые же средства, новые силы, которые может приобрести Россия благодаря этому расширению, сделают ее еще более грозной; однако это обнаружится не скоро, если обнаружится вообще. Мы уже видели, что в наши дни при подобной власти физические и нравственные силы страны не могут развиваться широко и плодотворно. Словом, новые приобретения, не увеличивая могущества России, скорее всего, надолго создадут для нее ряд трудностей.

Мы не хотим сказать, что колонизация вообще не ведет к прогрессу; напротив, мы полагаем, что поскольку Россия — страна рабства, многие люди, стремясь сбросить это иго, будут обосновываться в новых областях. Но известно, как медленно и трудно идет колонизация поначалу. Только торговля, мореплавание, развитие морских сил могут даровать подлинное могущество; между тем неограниченная власть легко создает сухопутные армии, создать же флот, особенно торговый, ей гораздо труднее.

Поэтому в нашей гипотезе нет ничего страшного для Европы с политической точки зрения. В настоящее время ей могли бы внушать опасения только судьба ее торговли и эко-

номических интересов в этих краях. Откровенно варварское турецкое правительство извлекает выгоду из своих отношений с цивилизованными народами простейшим и прямым образом, вводя налоги то на ввоз, то на вывоз товаров; оно воздерживается от протекционизма, от запрета на ввоз некоторых предметов с целью развития тех отраслей промышленности, которые в Турции отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии. Будет ли русское правительство, идя по стопам турецкого, так же благоприятствовать европейской торговле? Не следует ли опасаться, что оно распространит на морские границы своих новых владений запретительную систему, в известном смысле закрывающую ее сухопутные границы для товаров из Европы? Согласен, такие сомнения и тревоги не лишены оснований. Но я весьма надеюсь на очевидность, на силу истины: как ни слепа эта власть, она скоро поймет, что система меркантилизма со всеми ее нелепостями неуместна в девственных, даже варварских краях: здесь она принесет в тысячу раз больше зла, нежели в странах, которые уже давно находятся под гнетом ложных экономических доктрин. Скажу больше: только с великими трудностями удастся ввести там сей ложный и гибельный принцип. Проще всего было бы хотя бы в промышленности и торговле придерживаться принципа *laissez faire, laissez passer*, более спасительного и плодотворного для новой страны, чем для старой. Словом, предпочтительнее воздерживаться, нежели действовать, тем более что такой способ куда более подобает неограниченной власти, бездеятельной и бездарной по определению. Поэтому можно предполагать, что оккупация российским правительством земель, о которых мы говорим, ни в коей мере не поколеблет там европейские коммерческие интересы.

Но если даже при существующей в России власти такое расширение ничем не угрожает ни политической безопасности Европы, ни ее торговым видам, то насколько бы она выиграла во всех отношениях, если бы этим занялась просвещенная, благожелательная, великодушная власть, изображенная нами выше, особенно если бы ее усилия удвоила свободная и решительная поддержка самого русского народа! Кто решился бы вновь выгнать на свет божий сей нелепый призрак европейского равновесия, если бы народ, насчитывающий пятьдесят миллионов человек, вывел из варварства и ничтожества великолепные края и при помощи труда, промышленности и торговли сделал бы их достойными богатств, которые природа до сих пор расточала им без всякой пользы? Кто продолжал бы твердить о материальных интересах Европы, коим якобы угрожает это завоевание, если бы всю Европу пригласили к участию в разработке этих богатств? Она могла бы занять там достойное место, а ее промышленность и торговля нашли бы новые огромные рынки сбыта. И разве не стала бы эта победа цивилизации над варварством счастливым событием, которое привлекло бы сочувствие всей цивилизованной Европы?

Как было бы прекрасно, если бы мир получил все эти благодеяния из рук русского народа, ставшего свободным и цивилизованным. Но еще чудеснее было бы, чтобы в России возникла политическая система, при которой страна смогла бы наконец познать свободу и цивилизацию.

Позволим себе здесь еще одно, последнее рассуждение.

Нам кажется, что истинное значение колебаний, время от времени толкающих народы к путешествиям в отдаленные страны, когда жители одного края земли соприкасаются с жителями другого ее края, еще далеко не оценено. Потребность в расширении дви-

жет цивилизацию вперед, побуждая ее вторгаться в пределы варварства, всеми средствами подрывать его, прибегая даже к такой ужасной мере, как война. Большинство людей рассматривает эти великие события с точки зрения своих мелочных и пустых интересов, соперничества в ремесле или промышленности, мелких соседских свар, улавливая в них, так сказать, только внешнюю форму, только очевидные и сиюминутные следствия; настоящее их значение, как видно, остается сокрытым в тайнах грядущего. Вместо того чтобы сочувствовать действиям могучих и отважных народов в неизведанных странах и желать успеха завоеваниям цивилизации (а цивилизация, как правило, ничего не теряет от таких действий), они скорее склонны радоваться неудачам и ошибкам своих так называемых соперников. Разве не следовало всем цивилизованным народам Европы приветствовать завоевания Франции в Африке, сетовать на которые, кроме арабов, имеют право только сами французы? Разве все просвещенные правительства не должны были бы не только желать успеха, но и по возможности помогать действиям англичан в Китае и даже в Восточной Индии? Не станем забывать, что, стремясь к приобретению новых рынков сбыта, англичане — может быть, и сами того не желая — продвигают вперед цивилизацию. Проникая туда, где еще не бывали европейцы, они прокладывают путь, который когда-нибудь станет доступным всему миру. Подчиняя себе индусов и китайцев, они принуждают их войти в сообщество народов. Кто осмелится сказать, что союз всех людей не входит в замыслы Провидения? Какова же тогда цена всех этих мелких, ничтожных страстишек, пытающихся стать между действиями людей, являющимися не чем иным, как средством, и исполнением воли небес, которая представляет собой цель?

Таким образом, всякий друг добра должен, как мне кажется, сочувствовать тому, чтобы осуществилась мысль о приобретениях, которые я позволил себе очертить. Они могли бы обогатить Россию и открыть русскому народу новые важные средства прогресса, особенно если действующие в стране силы смогут поручиться за то, что эти завоевания станут победами цивилизации над варварством, жизни над небытием, а не новым витком тех бесплодных опустошений, которые слишком часто обрушивались на человечество.

В своих рассуждениях о возможном будущем России мы забрели далеко и слишком удалились от положительного, от действительности. Когда существование обманывает человека, он обращается к вымыслу; когда недостаточно настоящего, он устремляется к будущему. Чем более печальным, мрачным и тоскливым нам представляется современное положение нашей страны, тем более склонны мы искать награды в великолепии туманного будущего, которое улыбается любым пожеланиям, любым мечтам сердца и воображения. Здесь мы и остановимся, с надеждой вручив грядущее нашего отечества справедливому и милосердному Богу, в чьих руках лежат судьбы всех народов.

Часть вторая

*Pia desideria**

* Считаю долгом напомнить, что эта часть моего труда не входила в первоначальный замысел; она была задумана и выполнена после окончания всего помещенного ранее. Желая сделать из нее связанное целое, я не смог избежать некоторых повторений.

Nichts hoffen und doch wollen, das ist
der Mann¹⁵.

*Ни на что не надеяться и все-таки
желать — таков человек (нем.).*

РАЗДЕЛ 1

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I

В ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ, подобные нашей, когда каждый народ по-своему ощущает потребность в обновлении и преобразовании, Россия еще более, чем другие страны, нуждается в переменах. Даже те, кто более всех настаивает на сохранении *status quo*, сии нестигаемые консерваторы и, наконец, правительства, подгоняемые этим мощным течением, вынуждены, как это им ни досадно, подчиниться движению, влекущему род человеческий к новым судьбам. Так, мы только что видели, что российское правительство, произведя разного рода мелкие реформы, большая часть коих способна, правда, лишь подчеркнуть наиболее ужасные пороки современного общественного устройства, приступает к фундаментальной реформе, которой предстоит изменить основы существующего строя: я имею в виду освобождение крепостных крестьян. Это значит, что для России пришел час обновления, что ей необходимо измениться, и этой крайней необходимости ничто не сможет воспрепятствовать. Напрасно деспотизм в слепом себялюбии хочет остановить прогресс; вся его власть разобьется о силу вещей. Раньше или позже, но предначертанная Провидением цель все равно будет достигнута; это будет стоить больших или меньших жертв, но судьба России свершится вопреки любому сопротивлению. В конце концов право, справедливость и истина победят везде: не для того ли вся история рода человеческого открывает нам сию утешительную перспективу, позволяющую верить в торжество справедливости и не предаваться гибельному и предосудительному малодушию? Все, искренне жаждущие добра, будьте мужественны; настанет час, когда безумная гордыня ваших противников волей-неволей склонится перед необходимостью.

Все, что происходит вокруг нас, доказывает неотложность перемен; но не станем безрассудно бросаться на новый путь. Когда дело идет о преобразовании страны, и особенно такой страны, как Россия, где столько надо сделать, следует действовать как можно более логично и рационально. Ни одна частная мера не должна вводиться, пока не будет обдуман вопрос о том, какое воздействие она окажет на тех, кто будет ее исполнять. Мало того, что реформа хороша сама по себе, она еще должна оказаться кстати, то есть проводить ее надо в нужное время и в нужном месте; иначе мы не только не извлечем из нее всю возможную пользу и уменьшим ее добрые последствия, но задержим и испортим то, что должно ее увенчать. Только тем удастся провести хорошую, долговечную и плодотворную реформу, кто внесет в различные ее этапы дух порядка и последовательности, кто сможет оценить важность и пользу каждой частной меры и всегда предпочтет предметы первой необходи-

мости предметам роскоши — если подобное сравнение, обычно применяемое к материальным нуждам человека, уместно в рассуждении его нравственных потребностей.

Поэтому любой реформе, которая будет предпринята в России до проведения неотложнейшего из всех преобразований, то есть освобождения рабов, как бы ни была она превосходна, грозит опасность если и не остаться вовсе бесплодной, то породить в ходе исполнения такие трудности, о которых мы пока даже не подозреваем. Можно страшиться, например, что работа над упрочением политической свободы одной части народа отодвинет время, когда другая часть сможет наслаждаться гражданской свободой. Мы вовсе не хотим сказать, что политическая свобода — роскошь; она, как и всякая другая свобода, бесспорно, принадлежит каждому мыслящему существу; порой ее у него отнимают, и чаще всего ему не приходится в голову потребовать ее обратно, но тем не менее свобода — неотъемлемое и вечное достояние человека. И мы не переоцениваем ее значение; если бы свободой обладало хотя бы одно сословие, это неизбежно привело бы к уничтожению рабства: свобода предполагает возможность обсуждения, а рабство несовместимо с независимой мыслью. Но сейчас мы говорим только о предпочтении тех или иных реформаторских мер (если выбор возможен), а с этой точки зрения важно начать со свободы гражданской, а уж потом думать о свободе политической. Это значит следовать голосу справедливости, который требует, чтобы в первую очередь были удовлетворены самые неотложные и священные нужды.

Все сказанное выше о состоянии людей применимо и к правосудию. И здесь необходимо действовать осторожно. Сколь бы неотложными ни были преобразования в том хаосе произвола и взяточничества, который в России называют юстицией, вводить разумную судебную систему можно только медленно; в неподготовленной почве погибают даже лучшие семена. Каким бы превосходным ни был свод законов, его спасительное действие будет сведено на нет, если его применение доверят неспособным и недобросовестным чиновникам, кои только формально называются судьями. Итак, логично предварить реформу законодательства сменой чиновников. За средствами не надо далеко ходить: достаточно, например, поднять престиж судей, либо сделав их обязанности более почетными и лучше платя им, либо сделав их выборными.

То же самое относится к пенитенциарной системе. Состояние тюрем в России, несомненно, далеко не удовлетворяет требованиям не только просвещенного филантропа, но и простейшей системы распределения наказаний; но вряд ли надо начинать с улучшения тюремного режима, если известно, что половина заключенных совершенно невиновна, а виновность других установлена только в результате отнюдь не юридической и крайне недобросовестной процедуры. Не следует ли прежде всего постановить, что человек может быть заключен в тюрьму только по закону и с соблюдением всех предписанных им форм?

Первое, что надо сейчас сделать, — широко распахнуть двери тюрем*.

---

* Закон в России не рассматривает тюремное заключение в качестве наказания; в обычных тюрьмах содержатся лишь подследственные. Находящиеся же в особых тюрьмах — крепостях — редко бывают осуждены согласно требуемой законом процедуре; почти всегда это жертвы произвола. Если российское законодательство признает тюремное заключение наказанием — а это непременно должно произойти с развитием цивилизации, — то начать, конечно, нужно будет с установления пенитенциарной системы и переустройства тюрем; в своем нынешнем состоянии они не отвечают цели, которую обычно преследуют, лишая людей свободы на более или менее долгий срок. Во Франции до революции было то же самое: в тюрьмы заключали только подследственных, а после суда их либо освобождали, либо ссылали на

Кроме того, для теперешнего состояния России было бы истинным благодеянием введение более серьезного, полного и свободного образования; но оно стало бы в тысячу раз плодотворнее, если бы все могли черпать из этого источника всеобщей цивилизации, если бы это было в равной степени выгодно всем. Образование просвещает человека и возвышает его дух; но нужно еще, чтобы человек сознавал пользу умственного развития и имел право притязать на те преимущества, которые разумно устроенное общество дает людям образованным и потому способным ему служить. Сможет ли образование, к которому государство открыло свободный доступ, принести, как в других странах, благие плоды там, где привилегированный класс присвоил себе все должности, все высокие посты и где на человека, одаренного самыми благородными способностями, позволено смотреть как на *податную и оброчную вещь*, которую к тому же можно продать? Гении рождаются везде и всегда, но государство не состоит из гениев. Как возбудить в народе интерес к учению, как заставить полюбить его, если это никак не улучшает его положения? Вы добьетесь сего лишь тогда, когда сделаете образование не только общедоступным, но и выгодным для всех. Только в этом случае можно ожидать, что плоды просвещения будут укреплять нравственность лучше и вернее, чем любые правительственные и полицейские меры и даже религиозное воспитание невежественной и косной толпы. Когда вы дадите образование людям, которых вы же лишили прав, они начинают живее чувствовать убожество своего положения; тогда они либо по-прежнему будут пресмыкаться в грязи, проклиная, быть может, свет, открывший им глаза на их несчастья, либо пойдут на все, чтобы встать на ноги. Отсюда ожесточенная и глухая вражда между разными сословиями, ужасная зависть, бесконечная ненависть.

Поэтому, прежде чем проводить крупные реформы народного образования и всеобщего обучения, справедливость и благоразумие требуют, чтобы всем сословиям общества были созданы условия для равного и полезного участия в них. Источник образования должен быть открыт всем, но еще нужно, чтобы все могли черпать из него, имея равные шансы на успех и выгоду, а это подразумевает полное равенство всех перед законом.

Спустившись с высот, мы увидим, что на каждой ступени социальной лестницы необходимо предварять одни реформы другими, придавать им правильный ход, иначе движение не будет действенным и не принесет плодов.

Однако, решаясь уничтожить какой-либо институт и заменить его иностранным, недостаточно осознавать его уродства и пороки. Что хорошо для одного народа, может совершенно не подойти тому, у которого желают ввести такой же обычай. Это справедливо прежде всего для установлений частных, второго ряда, значение которых всецело определяется местными условиями. Вечные принципы справедливости и истины исходят не из мелочей, а из основных установлений, выражающих нужды всего человечества. Когда речь заходит о применении таких великих законов, нельзя вступать в сделку с совестью, однако следует подробнее изучить те второстепенные институты, которые в зависимости

каторгу. Когда по новому законодательству тюремное заключение стало видом наказания, обнаружилось, что тюрем не хватает и они мало пригодны для этой цели. В течение нескольких лет были приложены похвальные усилия для преодоления прежних серьезных недостатков, и теперь появилась надежда, что новая пенитенциарная система принесет обществу много пользы¹⁶.

от состояния страны могут облекаться в разнообразные формы. В России, например, много несомненно порочных административных установлений, но было бы в высшей степени неразумно уничтожить их и заменить заимствованными извне. Заметим между прочим, что именно на эти второстепенные и сравнительно безобидные учреждения то и дело направляется реформаторское рвение правителей России с намерением их разрушить. Приведем в пример организацию почты. Без сомнения, странно видеть, что почта частично обслуживается при помощи некоей повинности, возложенной на одно из сословий. В такой системе, далеко не совершенной, различимы черты младенческого состояния общества, даже, если хотите, варварства. Но попробуйте уничтожить этот способ доставки, заменить его чем-то сходным с тем, что используется в других странах, и вы окажетесь перед почти непреодолимыми трудностями. Пусть даже рвение и предусмотрительность позволят вам организовать нечто сносное — результат все равно будет недостаточным, поскольку обойдется слишком дорого.

Поэтому в выборе даже второстепенных реформ так важно быть рассудительным. Если усилия власти принимают ложное направление, если власть начинает заниматься мелкими или даже бесполезными вещами, стоит опасаться не только за ближайшие следствия сих неправильных шагов: они могут быть более или менее плачевными, но при этом отвлекут внимание от истинно полезных начинаний, на которые сил уже не останется. Так, даже если отвлечься от бессмысленности злополучного замысла Александра учредить военные поселения, очевидно, что его усилия стали препятствием к осуществлению реформы, которой он прежде искренно желал, а именно к освобождению крестьян; совершенно ясно, что половины энергии, вложенной им в эти поселения, было бы более чем достаточно для освобождения, без всякой жестокости и кровопролития, самой многочисленной и замечательной части русского народа.

Но нет смысла заранее настаивать на определенном порядке следования различных частных реформ. Перейдем к другим соображениям.

Иногда говорят, обобщая, что чем важнее реформа сама по себе, тем труднее ее осуществить. Это кажется банальной истиной, *трюизмом*, как сказали бы англичане; однако это совершенно неверно. Иную важнейшую реформу очень легко провести, поскольку она своевременна; другая может быть столь очевидно справедливой и необходимой, что перед ее неотложностью и огромным благом, коего можно от нее ожидать, исчезают все препятствия. Кто, например, осмелится сказать, что введение представительного правления в такой развитой стране, как Пруссия, столкнется со сколько-нибудь серьезными затруднениями? Конечно, это будет важнейшая реформа, и результат ее будет огромен. Во что же она обойдется? Да, в сущности, ни во что. Освобождение крестьян в России сопряжено с большими трудностями, но зато как щедро будет вознаграждено осуществление этого милосердного и справедливого дела!

Поэтому неразумно было бы судить о важности реформы по трудностям ее проведения; не более справедливо и обратное заключение. Было много примеров того, как бессмысленные реформы пытались (без всякого успеха) проводить суровыми и даже жестокими методами. Люди обычно встречают спасительные преобразования с гораздо большей радостью, чем можно предположить, даже если это задевает самые устойчивые их привыч-

ки, но часто, невзирая ни на какие жертвы, сопротивляются пустым изменениям, прихоти правителей. Когда Петр I пожелал запретить бороды и изменить национальную одежду, ему пришлось употребить усилия, далеко не соразмерные ожидаемым результатам.

Если важная реформа сталкивается с серьезными трудностями, не следует бояться открыто их преодолевать; опасно обходить их или перепрыгивать, стремясь скорее достичь намеченной цели: это все равно что оставлять врагов у себя в тылу. Крепости не сдаются при первом штурме. Какими бы непреодолимыми ни казались препятствия, не следует их пугаться: они никогда не бывают столь велики, как казалось сначала. Гора, на которую смотришь издали, часто ужасает недоступностью; но, когда подойдешь близко и внимательно ее рассмотришь, оказывается, что взойти на нее не так трудно, как ты полагал, и, расхрабравшись, можно быстро добраться до вершины.

Счастливы реформаторы, имеющие перед собой уже готовую почву и благоприятные обстоятельства, те, кого, так сказать, только и ждут! Тогда достаточно разрешения, и перемены сами пойдут как по маслу, обновление будет совершаться, последовательно проникая повсюду и оживляя все своим мягким и благотворным влиянием. Так обстоит дело во многих цивилизованных странах Европы, где важнейших политических реформ еще ожидают; кажется, остается только освятить законом то, что уже принято нравами общества, и облечь в плоть идеи, с некоторого времени живущие во всех умах.

К несчастью, так бывает не всегда, и часто, чтобы строить, приходится многое разрушать. В таких случаях миссия реформатора куда более трудна.

Неоднократно было сказано, что разрушать легко, а строить трудно. Но почему так говорят? Потому что люди не раз видели землю, покрытую развалинами, на месте которых очень редко воздвигалось что-либо великое и полезное. Подобная манера рассуждать о преобразованиях всегда казалась мне несправедливой и легкомысленной. Иной раз разрушать и означает творить. Разрушайте рабство, и тем самым вы создадите свободу как таковую, которая всегда будет противостоять рабству. Освободите ваши армии, вычеркните из кодексов телесные наказания — и явятся более мягкие нравы, родится понятие чести. Нередко добро возникает само собой, как только зло уступает ему место: когда мы истребляем тернии, среди коих растет цветок, он распускается, свежий и благоуханный. Как правило, разрушать легко потому, что неисправгаемое уже давно мертво, оно скончалось от дряхлости. Наконец, как сказал современный французский философ: «Великие разрушители способны разрушать только потому, что обладают зерном некой истины, которая проявится позже»¹⁷. Если, с другой стороны, строительство нелегко и тягостно, то вовсе не из-за трудностей, свойственных вначале всякому делу, а из-за часто встречающегося в людских делах рокового перевеса дурных и мелких страстей над благородными побуждениями справедливости, истины, милосердия, преданности. В общем, и разрушение, и созидание являются не чем иным, как преобразованием; реформа же сама по себе может быть легкой или трудной. Заявлять, что строить труднее, чем разрушать, означает попросту играть словами, скрывать под благоприятной формой злые мысли; наконец, это сродни желанию остановить порыв благородных душ к прогрессу.

---

¹⁷ Г-н Пьер Леру.

Применяя эти общие истины к России, мы видим, что если она, с одной стороны, недостаточно созрела для некоторых реформ и умы в ней не вполне развиты для восприятия всех установлений, отличающих наиболее цивилизованные страны Европы, то, с другой стороны, в ней нет тех трудностей, с которыми сталкиваются реформаторы, когда им приходится начинать с разрушения поистине устарелых и переживших свое время учреждений, освященных при этом самим фактом своего длительного существования. Из того, что необходимо изменить в России, ничто или почти ничто не освящено временем, ничто не вызывает ни малейшей симпатии, ни о чем не будут сожалеть. Можно смело и без оглядки выступать против зла, ибо, на что бы ни были заменены некоторые учреждения, общество от этого только выиграет.

Мы вовсе не считаем необходимым приступать к уничтожению всего без разбора; хотя мы и не являемся сторонниками идеи *исторического* развития учреждений, которую в наши дни часто восхваляют, чтобы успешно скрыть вредные для народа проекты, но нельзя не видеть, что в современных учреждениях Российской империи нет ничего, достойного сохранения ни на практике, ни, еще менее, в теории. Мы признаем, что есть установления, несущие в себе здоровые семена: их надо сохранять, а семена растить, чтобы они скорее дали плоды. Таковы учреждения, имеющие отношение к самоуправлению страны. Ценность их, конечно, не столько в том, что они сделали и делают, сколько в том, что они могут совершить, если ими воспользуются иначе; они могут сделаться составной частью лучшего порядка — такого, которого в наши дни взыскует общественное сознание народов.

Но, повторяем, если во всем, что касается крупных политических преобразований, русские реформаторы находятся не в столь удачном положении, как, например, реформаторы Пруссии, то перед ними не стоят и те трудности, с какими встретились в начале революции французские реформаторы, и тем более препятствия, поджидающие всякого, кто пожелает изменить государственное устройство Англии, хотя и весьма несовершенное во многих отношениях, однако незабываемое в своем величии, овеянное славой прошлого и даже настоящего, несмотря на то что его будущее вызывает тревогу.

В Англии реформаторам придется бороться скорее с привычками населения, чем с учреждениями. Антагонизм материальных интересов, ревность, ненависть, часто разделяющая сословия, предрассудки, источник которых кроется в неравенстве положения, наконец, религиозные верования, к коим примешиваются иногда суеверия, доходящие до фанатизма, — все эти печальные плоды порочных учреждений слишком часто останавливали рвение реформаторов или обрекали их усилия на провал. Так что же? Этих препятствий в России или нет вовсе, или, как мы увидим, крайне мало. Они рухнут при первых же открытых и решительных усилиях.

Роковое влияние на судьбы народа оказывают внутренние распри; чем они глубже, тем слабее государство. Г-н фон Штейн, взявшийся за великое дело возрождения Пруссии в то время, когда на эту страну обрушилось столько бед, хорошо понял, что среди серьезных препятствий на пути успешной и радикальной реформы окажется зависть, ненависть одних слоев народа к другим. Во всех проектах, которые он составлял ради лучшего будущего Пруссии, он указывал на прискорбные последствия установлений, порождающих зависть и ненависть, и настаивал на необходимости их уничтожения. Несмотря на

многочисленные трудности, сей государственный муж верил в предпринятое им дело. Последовательно подвергая критике основополагающие учреждения страны, он реформировал все. Повсюду старое и отжившее вынуждено было уступить место новому, полному жизни порядку вещей. Частные реформы с течением времени должны были соединиться и составить гармоничное целое; ему не дано было завершить создание этого целого, но он предчувствовал его, ясно очертил его своим логичным и сильным словом; короче говоря, он его подготовил. За чрезвычайно короткое время (особенно если учесть достигнутые результаты) г-н фон Штейн и его соратники провели ряд реформ, которые, несмотря на ожидавшие их препятствия, определили, в каком направлении должно следовать народу. Сверх того, сей необыкновенный человек везде разбросал семена других, не менее решительных реформ. Штейн ввел или задумал все новые установления, делающие честь прусскому народу и правительству*. Это он провозгласил освобождение сельского населения; ему города обязаны организацией, вдохнувшей новые силы в жизнь прусского народа; эти новые веяния, распространившись далеко за пределы Прусского королевства, исполнили Германию надеждой на будущее. При Штейне возникло устройство армии, сделавшее прусский народ непобедимым; его уже взяли или хотят взять за образец многие другие страны. Но с чего же началась эта реформа, результаты которой ныне превзошли все достижения прочих цивилизованных стран всей области? Запомните как следует: реформа прусской военной системы при Штейне была начата с отмены телесных наказаний. Какой прогресс! И в какой короткий срок! Все эти меры должны были увенчаться введением широкого и серьезного народного представительства. Это здание пока еще не достроено, но основной его объем возведен. Были государственные деятели, проводившие некоторые полезные реформы; были те, кому удавалось их наметить или подготовить. Но в новейшей истории напрасно искать человека, который бы столько предпринял, осуществил или подготовил для будущего, который бы сделал неизбежными реформы коренные и плодотворные — как по ближайшим, так и по отдаленным результатам; все это совершил самый выдающийся немец со времен Лютера и Фридриха II. Пусть все, кто примеряет на себя роль реформатора — особенно в таких странах, как Россия, где нужно начинать с преобразований существенных, изменяющих гражданский и политический строй, — как можно тщательнее изучают поведение, точнее, политику этого министра, размышляют над его взглядами, планами, целями, над средствами, к которым он прибегал. Пусть они не забывают, что все эти реформы были радикальными, и весьма радикальными; пусть они проникнутся мыслью о том, что, даже не обладая безрассудной смелостью, нужно уметь всегда быть на высоте избранного дела и поставленной цели.

Да простится мне это отступление. Говоря о сопротивлении реформам, проистекающем из взаимной зависти и вражды сословий, я не мог не предаться воспоминаниям о человеке, который смог правильнее всех оценить это препятствие и преодолеть его. Но, повторяю, в России это не станет серьезной преградой. В стране, где не существует равенства людей перед законом, мудрые реформы неизбежно должны вести к этому равенству. Накал или серьезность борьбы между разными сословиями общества будет зависеть, с одной стороны, от силы и влияния привилегированных сословий, а с другой — от значения,

* Zollverein <Таможенный союз — нем.> — это тоже идея Штейна.

какое приобретут обездоленные, и особенно средний класс. Во Франции в 1789 году сила и влияние привилегированных сословий были огромны, но сила, влияние и, пожалуй, перевес был все-таки на стороне среднего сословия; достаточно было, в сущности, одной брошюры*, чтобы решить вопрос и произвести революцию¹⁸. В Пруссии взаимоотношения различных сословий были менее враждебными; борьба не выплескивалась наружу; наконец, надо признать, что реформа — это всего лишь реформа, а не революция.

В России привилегированное сословие, дворянство, несомненно обладает привилегиями, которыми иные пользуются гнушно и в ущерб другим сословиям, но от этого еще далеко до положения, которым обладали привилегированные сословия в других странах. Полномочия высшей власти в России так широки, так огромны, она с такой силой подавляет все сословия без различия, что рядом с этой всеобъемлющей властью преимущества привилегированного сословия весьма незначительны и в системе установлений стоят немногие. Если дворянство возвышается над остальным населением страны, то над ним, в свою очередь, высятся самодержавие и гнетет его с тем большей силой, что пространство между ними невелико. Это отражено в русской пословице, гласящей: «Близ царя — близ смерти». Поэтому дворяне, которые улавливают это, так сказать, инстинктивно, не питают иллюзий насчет важности и подлинности своих дворянских привилегий. В России нет права первородства, майоратов^{**}; богатство и влияние здесь не передаются по наследству.

Я знаю, что наряду с действительными привилегиями есть преимущества условные, фиктивные, а также предрассудки, кои могут стать иногда настоящим препятствием для реформы. Но и здесь ошибкой было бы судить о России по другим странам, где существует неравенство сословий. Конечно, в России, где есть дворянство, есть и дворянские предрассудки; но они пусты и бессильны, ибо причины их слишком маловажны. Ведь сословия, как и люди, обычно бывают горды и славны, когда имеют для этого основания, а их предрассудки уравниваются сознанием истинной ценности вещей. Впрочем, в России есть одно установление, которое не могло не оказать влияние не только на такого рода предрассудки, но и вообще на идеи, неотделимые от любых наследственных привилегий. Это Табель о рангах. Мы уже отдали ей справедливость выше; здесь следует сказать, что введение чинов, только и определяющих в России истинную значимость общественного положения, неизбежно должно было изменить, ослабить дворянскую спесь, в той или иной степени присущую людям, кои обладают исключительными привилегиями. Русские дворяне каждый день наблюдают, как люди, вышедшие из гущи народа, вступают в их сословие, проходят все ступени иерархической лестницы и нередко оказываются их же начальниками — губернаторами или генералами. Выслуженный чин выше природного дворянства; тут можно бы сказать, что случайность рождения отступает, пропуская вперед заслуги. Дворянин, князь, находящийся на низшей ступени лестницы чинов, без всякого возмущения и задней мысли подчиняется человеку из народа, достигшему более высокого чина, а тот командует другими совершенно непринужденно, меньше всего задумываясь о расстоянии, разделявшем их при рождении. Будет условлено когда-нибудь, что дворянство, полученное таким образом, вовсе не равно феодальному дворян-

* «Что такое третье сословие?»

** Майорат был введен в 1714 году Петром I и отменен императрицей Анной по представлению Сената.

ству, сложившемуся в результате завоеваний и возводящему свое знатное происхождение к векам изначальным*.

Впрочем, есть ли у русских дворян основание ценить древность своей фамилии? Читая историю России, я часто думал, что русским дворянским семьям и впрямь должно быть скучно выяснять, насколько древен их род и почему; здесь нечем гордиться. Разве приятно знать, что твоими предками помыкали, что их били (в том числе и *кнутом*) великие князья и цари, правившие Россией? В таком случае лучше быть своим собственным предком, как говаривал один дворянин. Да и к чему, в сущности, сводятся все аристократические притязания на древность рода? Один человек говорит другому: «Вы гордитесь тем, что ваше имя или ваша семья восходит к отдаленным векам? Я полагаю, что люди, носившие тогда ваше имя, были весьма невежественны и довольно дики, ибо это был век варварства. Но моя семья восходит к еще более далекому и более варварскому веку, — значит, мое имя носили люди еще более невежественные и дикие, чем ваши предки». Вот что такое древность рода! Древнейшие европейские фамилии должны отступить в этом отношении перед китайскими или еврейскими, являющимися наиболее аристократическими из всех аристократических родов мира. Если говорить о предках, то всякий должен быть доволен, когда его отец человек честный.

Русскому дворянству несвойственна спесь, присущая обычно привилегированным условиям; к этому присоединяется еще одно преимущество, которое должно весьма способствовать реформам, имеющим целью сделать всех равными перед законом. Более или менее презирав все недворянское, русские дворяне не считают унижительным для себя ремесло купца или фабриканта. В России положение дворянина *не обязывает*. Русские дворяне не довольствуются тем, что продают продукты своих земель; они заводят фабрики, мануфактуры, спекулируют землями, домами, становятся поставщиками, подрядчиками различных предприятий, откупщиками, торговцами лошадьми, рогатым скотом, шерстью и пр.²², и ни им, ни другим никогда не приходило в голову, что они делают что-то зазорное.

Итак, в отношении дворян вопрос о реформе ставится так: что лучше — быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти? Сколько раз русские дворяне могли слышать от иностранцев, что они предпочли бы быть нищими в своей стране, нежели вельможами в России! Истинное благородство — это свобода; его получают только вместе с равенством — равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех²³.

У купечества тоже нет той враждебности к привилегированным сословиям, которая до сих пор существует в других странах. Когда русские купцы небогаты, они, кажется,

* Во Франции у герцогов де Леви была картина, изображающая человека, спасающегося вплавь от потопа и держащего над головой дворянские грамоты знаменитого рода¹⁹.

²² Закон, изданный в начале царствования императора Александра (по докладу графа Румянцева, тогдашнего министра торговли), позволяет дворянам вступать в купцы первой гильдии, чтобы иметь право заниматься крупной торговлей, не теряя при этом положения дворянина. В своем проекте реформы Сперанский сохранил за дворянами это право²⁰.

²³ Смотрите речь, произнесенную г-ном де Ламартином в Маконе²¹. Сербский народ, взявшись за установление свободного режима и введения равенства, выразил это как нельзя лучше, объявив, что всякий серб дворянин²².

более всего поглощены обогащением, и у них нет времени (даже если бы они хотели) думать о чем-то менее приземленном; став миллионерами, они легко находят способы вступить в дворянское сословие. По крайней мере, некогда такая возможность существовала. В последнее время правительство приняло различные меры, чтобы воспрепятствовать этому. Разумность этих мер весьма сомнительна; неужто сие делается лишь для того, чтобы, мешая сливкам купечества проникать в дворянскую среду, превратить в соперников, врагов эти два сословия, которые в противном случае могли бы мирно слиться в одно?

Положение духовенства вызывает противоречивые мысли, связанные с совершенно особыми обстоятельствами, в коих оно находится. Духовенство как каста или *сословие* во всех странах внушало зависть и ненависть, которых оно само к другим привилегированным слоям, а именно к дворянству, не питало; в конце концов, оно почти всегда соединяло кастовые интересы с интересами аристократии; поэтому со стороны более или менее ущемленных сословий оно часто вызывает ту же враждебность, что и дворянство. В России все иначе: ни одно сословие не завидует духовенству, ибо ничто в его положении не может вызвать зависти. Более того, аристократия относится к нему с высокомерным пренебрежением, которого никак не уравнивает уважение низших сословий, как это можно было бы предположить, судя по некоторым другим странам. Но священники находятся в России в таком унижении, что низшие сословия не могут их уважать. Я не говорю здесь о высшем духовенстве, пользуемся всеобщим и заслуженным почтением. Но высшее духовенство состоит только из монахов и в своих гражданских отношениях с обществом, администрацией, правительством тяготеет скорее к аристократии, нежели к многочисленному белому духовенству. Впрочем, как мы видели, духовенство служит не только церкви: его дети пополняют администрацию, ученые сословия. Эти чиновники, врачи, хирурги, школьные учителя, профессора конечно, уже не принадлежат к духовенству, но среди них несомненно господствует некий дух, отличающийся от дворянского и купеческого и, по сути, являющийся духом касты, из которой они вышли. Безусловно, достигнув известного чина в государственной иерархии, они по закону становятся дворянами, но в той или иной степени сохраняют свой природный характер, а предвзятое отношение к ним дворян вызывает у них недовольство, зависть и ненависть к привилегированному сословию, с коим они соединены законом, а отделены не только рождением, но и состоянием, ибо они большей частью не имеют земельной собственности.

Впрочем, не следует преувеличивать враждебное отношение одной части русского народа к другой. Я говорю здесь об этом только потому, что это, по сути, единственный достойный упоминания случай расхождения интересов и чувств разных сословий русского народа; и я должен был об этом сказать, так как эти расхождения непременно следует принимать во внимание всякий раз, когда дело идет о какой-либо важной реформе.

Наконец, что сказать о большинстве русского народа, о столь многочисленном, увы, классе рабов? Они, конечно, должны питать законную ненависть к угнетающему их привилегированному сословию. И что же? Ничего подобного. Бедные русские крестьяне всегда страдали и продолжают страдать, правда, постоянно надеясь на улучшение своей судьбы, но до сих пор не проявляя признаков ненависти, взрыв которой будет ужасен, если когда-нибудь их терпению придет конец. Они будут благословлять всякую реформу, которая хотя бы немного смягчит их незаслуженно суровую судьбу. Преобразуйте, преоб-

разуйте радикально; не бойтесь — со стороны этих людей вы не увидите ни неблагодарности, ни дерзости вольноотпущенников: они будут только благословлять вас. Главное — спешите уничтожить позорную язву рабства, бесчестящую и унижающую вас еще больше, чем жертв вашего эгоизма и глупости. Здесь неуместен вопрос о своевременности реформы: можно ли спорить во время чумы?

Станет ли более серьезным препятствием различие крови, религиозных верований и, наконец, языка народов, населяющих империю?

Национальная пестрота в России весьма велика, однако преобладают русские. Мы все не хотим, чтобы различные народности были поглощены великой и сильной русской нацией. Мирные средства, при помощи коих можно было бы легко достичь такой ассимиляции, кажутся нам излишними, ненужными и не стоящими внимания серьезных людей; а средства насильственные, всегда предполагающие коварство и обман, мы считаем несправедливыми и отвратительными, а кроме того, противоречащими идее национального единства великого народа. Когда поглощение чужой расы или нации естественно, оно происходит само по себе. В некоторых восточных областях России население отличается от великорусского; мало-помалу оно ассимилируется народом, превосходящим его численно, то есть незаметно *русифицируется*. Если ассимиляция не сопровождается жестокостями, в ней нет ничего дурного: человечество может прекрасно обойтись без той или иной народности — без мордвы или чувашей. Даже татары, живущие в этих областях и образующие более крупный и многочисленный народ, становятся день ото дня все более русскими, и их ассимиляция шла бы, без сомнения, еще быстрее, если бы равенство религий перед законом было полным. Здесь, как и во всем, принцип *laissez faire* не только справедлив, но и гораздо разумнее; в нем, быть может, кроется спасение. Когда различные народности окружены населением, превосходящим их не только по численности, но и по цивилизованности, как, например, мордву и чувашей окружают русские, они, естественно, перенимают нравы, обычаи, даже язык господствующей нации. Тогда ассимиляция происходит, можно сказать, сама собой, мало-помалу, плавно, и только в этом случае она хороша и основательна. Ассимиляция же народа, который находится в тех же условиях, что и господствующий, или даже в лучших, и достиг равной или более развитой цивилизации, — дело гораздо более трудное, и стремление достичь сей цели при помощи насилия или искусственных средств, без принуждения и вероломства, несправедливо и вредит стране в целом; истребляя национальный дух населения более цивилизованного, чем остальная страна, государство теряет один из элементов своего благосостояния и процветания. К тому же подобная ассимиляция, попирая самое дорогое для людей, вовсе не способствует прочности государства, а только ослабляет его, разжигая недовольство и законную ненависть тех, чьи инстинкты и интересы оно задевает. У великого и сильного народа всегда столько мирных средств для завоевания привязанности инородческого, пусть даже более цивилизованного населения, что только невежеством можно объяснить слепое ожесточение, с коими иные правительства стараются уничтожать эти безобидные народности.

Очевидно, что инородцы, общественное положение которых ниже, чем у огромного большинства русского народа, уже вследствие своей инородности не могут стать препятствием на пути реформ, предпринимаемых для пользы народа в целом. Они идут по до-

роге, где их ожидает более или менее полное поглощение многочисленнейшим населением. Спасительные реформы, увеличивающие благосостояние всех, не могут не быть им выгодны, пусть даже их ассимиляция от этого пойдет быстрее. Это население не станет воздвигать препятствий, коих нет в самом русском народе.

Что же касается населения, шагнувшего в цивилизации дальше господствующего народа, может случиться так, что незачем будет проводить там некоторые предварительные реформы. Так, если речь пойдет об освобождении крестьян, не надо будет заниматься остзейскими губерниями, поскольку в них нет рабства. И так же будет во всех подобных случаях. Но последующие, более глубокие реформы, особенно политические, надо осуществлять так, чтобы не задеть инстинкты и интересы этого населения, не ущемить его права, полученные либо по особому условию, либо по обычаю. И, придерживаясь принципов справедливости, требующих, чтобы с правами, притязаниями и привилегиями этих меньшинств обращались так же, как с достоинием остальной массы населения, легко избежать всяких осложнений. Простая справедливость заставляет признать, что меньшинства имеют то же право на заботу государства, что и большинство, и что закон, правящий всей страной, должен равно защищать их личности и интересы. Впрочем, вряд ли справедливая и либеральная мера, распространяющаяся на большую страну, повредит законным интересам какой-либо из ее составных частей. Выгод, которые следуют из серьезных реформы, достаточно, чтобы с лихвой возместить потерю некоторых муниципальных привилегий и местных выгод, которые будут признаны не соответствующими новому порядку вещей.

Словом, реформы, предстоящие Российской империи — при условии, что они будут основаны на принципах справедливости и их польза будет очевидна для всей страны, — не могут споткнуться о национальные различия. Нужно только, чтобы законодатель не старался стереть эти различия, не пытался создать единую нацию на обломках разных народностей. Различие происхождения не помешает инородцам извлечь пользу из благих и полезных реформ и участвовать в общем благоденствии страны.

Следуя то ли искусной политике, то ли инстинкту здравого смысла, власть в России более или менее считалась с национальными чувствами народов, которые постепенно, в результате объединения или завоевания, входили в обширную империю, увеличивая ее; она, казалось, хотела сделать перемену их участи как можно менее заметной для них; им оставляли их наречия, обычаи, привычки, даже законы. Те русские государи, которые более всего пеклись о расширении империи, никогда не стремились насильственно русифицировать присоединяемые области. Это было мудро и делало честь российскому правительству, одновременно придавая ему силы; в конце концов сей обычай был возведен в принцип, и разумно было бы не отступать от него. В политике надо придерживаться принципа, сделавшего вас тем, что вы есть; отступление от него никогда не остается безнаказанным.

В последнее время мы с прискорбием наблюдали враждебные действия российского правительства по отношению к остзейским губерниям, населенным преимущественно немцами²³. Легко предвидеть, к чему это приведет. Привязанность, которую население

²³ Немецкие газеты время от времени печатают весьма любопытные статьи об этих действиях.

этих губерний всегда питало к России, начинает исчезать. Если просвещенная часть населения могла иной раз жаловаться на существующий порядок и находила, что дела в обществе могли бы идти гораздо лучше, то она по крайней мере утешалась мыслью, что в этом нет воли правительства, центральной власти. Но когда люди поняли, что правительство относится неприязненно к их нации, с которой, сколь бы молода она ни была, они связаны узами гораздо более развитой цивилизации, когда они увидели, что нападают на то, что для них благо, святыня, тогда доверие и привязанность, естественно, должны были уступить место недоверию и неприязни. Может быть, в Петербурге полагают, что такие метаморфозы заслуживают рукоплесканий?

О другой национальности, существующей в огромной Российской империи, о поляках, мы не говорим, ибо писали об этом в другом месте. Положение поляков по отношению к России — по крайней мере тех, кто живет в Царстве Польском, — не может считаться нормальным. Прежде чем ставить там вопрос о реформе, нужно решить другие касающиеся их вопросы: мы не можем взять на себя эту задачу.

Различия в обрядах и религиозных верованиях в еще меньшей степени, чем национальная пестрота, могут создать серьезные трудности для широкой и всеобщей реформы. Одной из отличительных черт русского народа и даже правительства всегда была известная терпимость. Не станем докапываться, нет ли в этой терпимости некоторого безразличия к религии; нам достаточно указать на очевидный и неопровержимый факт.

В последнее время российское правительство, к сожалению, отступило в этом отношении от линии, которой следовали все его предшественники. Но каприз или заблуждение неограниченной и никому не дающей отчета власти не могут коренным образом изменить убеждения народа и его взгляды. Проявляющаяся всегда и существующая поныне терпимость, свойственная русскому народу, не исчезнет и впредь, и даже если власти будет угодно действовать в противоположном направлении, общая реформа, предпринятая в видах гражданской и религиозной свободы, не встретит тут никаких препятствий.

И все-таки мы должны выразить здесь убеждение, основанное и на фактах, и на личных впечатлениях о русском народном характере. Есть один вопрос, по которому общественное мнение в России всегда будет восставать против полной свободы вероисповедания, — это учение о папе. Народ никогда не согласится, чтобы русский подданный, как добиваются католики, признал своим начальником и господином (пусть даже только в вопросах религии) первосвященника, иностранного государя. Принципы и правила поведения самодержавного правительства ни в коей мере не могли повлиять на наше мнение об этом, ибо акты произвола ничего не доказывают; и все же нельзя не принимать во внимание, что даже самые терпимые российские правители всегда боролись с влиянием, которое папа желал оказывать на положение католиков в России. Кроме того, они не желали, чтобы при их дворе был аккредитован папский нунций; ни императрица Екатерина, ни император Павел, которого Пий VI считал склонным к объединению церквей, ни император Александр, несмотря на всю его почтительность к Пию VII, на это не соглашались. И тут они поступали в соответствии с народным инстинктом. Учение, признающее папу главой церкви и заместником Христа, противно всем чувствам русского народа; светская власть, которой в то же время облечен этот первосвященник, еще усиливает эту

неприятно. И как порицать тех, кто восстает против сего прискорбного и неестественного совмещения властей, когда видишь, как оно сказалось на судьбе прекрасной Италии, — увы, столь несчастной!

Итак, затевая реформы, ведущие к достижению полной религиозной свободы, следует иметь в виду, что огромное большинство народа не примет учение о папстве. Религиозная свобода как таковая всегда будет в этом отношении стесненной, неполной. Вероятно, не стоит бояться, что исповедание католической веры когда-нибудь, при ином порядке, станет причиной лишения прав состояния²⁴; нет, это слишком противоречило бы русскому характеру; но следует озаботиться введением ограничений, которые необходимы и в области сношений католиков с Римом, и в учреждении монашеских орденов и религиозных объединений.

Протестантизм не составляет такого препятствия, как католицизм; с этой стороны нельзя ожидать ни малейших осложнений. В самом деле, протестантизм по своему духу и природе охотно откликается на любое движение человеческого разума вперед и, следовательно, на прогресс цивилизации. Если бы сейчас была введена свобода вероисповедания — а для этого требуется еще многое, ибо, хотя к отправлению различных культов в России относятся терпимо, изменить религию можно только на православие, — и каждый имел бы право свободно выбирать ту религию, которая ему больше подходит, то можно смело утверждать, что многие примкнут к протестантизму и из всех вероисповеданий, скорее всего, именно он многих отвлечет от греко-русской церкви. Теперь многие особы из высшего общества, особенно женщины, исповедуют католичество, но это можно объяснить положением русского духовенства в сравнении с духовенством католическим и, быть может, привлекательностью, всегда присущей запретному плоду. В России несравненно больше тех, кто не только склонен к протестантизму, но даже принимает его как выражение своих сокровенных верований; однако протестантизм состоит более в признании известных принципов, доктрин и мнений, чем в соблюдении внешних обрядов, и потому эти люди, являясь по убеждениям истинными протестантами, продолжают считаться членами православной церкви.

Но если русский народ в общем терпим, то, напротив, в раскольнических сектах господствует дух исключительности, доходящий иногда до фанатизма, и можно было бы опасаться, что реформа, способствующая свободе вероисповедания, встретит с этой стороны некоторое сопротивление. Но мы должны заметить, что раскольники особенно нуждаются в религиозной свободе, и нет сомнения, что они будут приветствовать ее с признательностью, как истинное счастье. Нет сомнения и в том, что ее приход — ибо только свобода на это способна — очистит и облагородит и обрядность, и убеждения этих сект.

Что касается мусульманского населения, то его верования не могут быть препятствием реформе. Магометане составляют лишь небольшое меньшинство, и даже если они не выиграют от реформы, она не причинит им никакого вреда. Но цивилизация, насколько это позволяет их гражданское состояние, начала проникать и к ним, и магометане, занимающие наиболее высокое положение, принимают ее так же охотно, как и православные: они не питают никакого отвращения ни к прогрессу, ни к улучшению своего материального положения, ни к умственной свободе, как это свойственно туркам. Они не ослеплены нелепым фатализмом, опаснейшим врагом блага. Если бы магометане как таковые не бы-

ли лишены ряда преимуществ, которые социальное устройство страны предоставляет православным, они, без сомнения, с такой же скоростью двинулись бы по пути прогресса. Пример многих татар, которые благодаря службе достигли известных ступеней в российской дворянской иерархии или по должности стали во главе своих единоверцев, — верная порука за то, что татары вообще, оставаясь добрыми мусульманами, не откажутся от благ, кои может открыть для них передовая цивилизация.

Нам остается высказать некоторые соображения о различии наречий, на которых говорят народы, населяющие Российскую империю. Язык — существеннейшая черта национального духа, и правительства, питающие неприязнь к тому или иному народу, всегда нападают на свойственный ему язык. Как можно понять из сказанного выше, мы не думаем, что для большой страны, населенной разными народами, было бы хорошо и полезно лишить их собственного лица, особенно если среди них есть такие, которые шагнули в цивилизации дальше, чем страна в целом. Еще менее мы склонны считать, что было бы хорошо, полезно или даже политически верно стараться истребить отдельные наречия, искусственными мерами поощряя распространение того, на котором говорит большинство народа. Часть большого народа, обладая своим языком, может со всех сторон — и с общественной, и с политической — находиться в совершенном согласии с целым. Достаточным доказательством служит положение Эльзаса по отношению Франции*.

Мы, впрочем, можем лишь повторить здесь представленные выше соображения, касающиеся национальных различий. Не так уж страшно, если в результате реформы малоцивилизированные народности постепенно утратят привычку к своему наречию и владение им и станут пользоваться языком народа, среди которого они живут; однако для цивилизации и, соответственно, для интересов всей страны будет большой потерей, если народы, говорящие на более развитом языке и вследствие этого близкие к самым цивилизованным народам Европы, станут забывать свой язык или пренебрегать им. Достигнутое единство или сколько-нибудь полная языковая ассимиляция не возместит ни этим народам, ни всей стране удаления от источника европейской цивилизации.

Люди всегда хотят чем-нибудь отличаться друг от друга, хотя бы местами, в которых родились. Имея одну религию и говоря на одном языке, одни считают себя южанами, другие — северянами. Значит, можно изменить род различий, но сами различия никуда не исчезнут. Так велит природа. Поэтому большое разнообразие народов в одном государстве кажется чем-то противоестественным.

Впрочем, я вовсе не утверждаю, что расширение границ русского языка, его распространение не имеет значения для России. Я хочу только сказать, что распространять русский язык жестокими или коварными мерами более чем бесполезно, несправедливо и нелепо, а может быть, даже опасно. Сие оттолкнет от этого языка тех, кому стараются его навязать, и замедлит его последовательное и естественное распространение; и это еще наименьшее зло.

---

* Скорее всего, различия продиктованы природой, и если человек заставит исчезнуть одни, на их месте появятся другие. Если удастся уничтожить несходство в религии или языке, возникнет иное — в нравах и привычках.

Сейчас изучение русского языка не так уж привлекательно для немцев и иных подданных русского самодержца. Тем инородцам, у которых нет своей литературы, вероятно, выгодно овладеть русским языком и познакомиться с русской словесностью, какая она ни есть; но что искать в этой литературе тем, кто говорит по-немецки и знает немецкую литературу?

Под властью абсолютного монарха больше значит молчание, а не слово. Поэтому непонятно, зачем инородческому населению изучать русский язык, особенно если литература в России не имеет никакого влияния. Еще более удивительно, отчего правительство так печется о распространении русского языка; скорее всего, оно делает это из любви к единообразию. Ему не всегда подчиняются? Что же — в ход пойдут испытанные средства — сила и принуждение!

Только спасительная реформа, поднимая уровень общественной жизни народа, развивая ум и благородные способности людей, может способствовать распространению языка. Когда слово повсюду станет свободным, инородческое население почувствует необходимость и поймет выгоды торговли, сношений, более тесного сближения с большинством нации. Эта необходимость станет еще повелительнее, а преимущества — еще яснее, если всеобщее представительство объединит в одном собрании депутатов от всех частей государства. Огромное численное превосходство русских над всеми другими народами, населяющими империю, неизбежно заставит депутатов пользоваться на заседаниях русским языком. Вот тогда-то инородцы поспешат овладеть этим языком, чтобы суметь защитить в народных собраниях свои права и интересы. Они сделают это тем более охотно, что помимо материальных и политических преимуществ получают в награду и знание русской литературы, которая, в свою очередь, также начнет развиваться под эгидой свободы, обновляющей все живые силы народа.

Впрочем, даже если бы при нынешнем положении дел в России произошли крупные и благодетельные реформы, в результате которых употребление русского языка стало бы необходимым для представителей инородческого населения, оно бы не пострадало и смогло бы защитить свои интересы в совещаниях и в то же время выказать преданность общей родине.

Обозрев все виды различий между народами, населяющими Россию, мы должны особо упомянуть область, которая хоть и подвластна самодержавному скипетру, но все же отделена от остальной империи управлением, гражданским и политическим статусом. Это Финляндия.

Часть Финляндии, присоединенная к России Петром I, стала почти такой же губернией, как и все остальные. «Учреждение о губерниях», введенное Екатериной II, начало действовать там, как и везде. Жители этой губернии мало-помалу обрусели; значительно распространился русский язык.

Вскоре после Тильзитского мира политические события привели к русско-шведской войне. Король Швеции стал жертвой враждебности, которую он питал к императорской Франции (это же чувство несколько ранее было свойственно и русскому государю). Густав потерял свой трон, а Швеция — Финляндию. Тогда внешней политикой петербургского кабинета руководил канцлер Румянцев; он доставил себе удовольствие, приказав воздвигнуть пре красную статую, изображавшую гения мира и напоминавшую о трех знаменитых

мирных договорах, с которыми было связано его имя: первый был заключен его дедом, второй — его отцом, знаменитым фельдмаршалом, и, наконец, последний им самим: по этому трактату Швеция уступила России Финляндию²⁵. Карамзин со своей стороны не смог сдерживать негодования, которое вызвала у него эта победа, и объявил ее бесчестьем для России²⁶.

Император Александр, казалось, хотел своим великодушным отношением к Финляндии заставить ее забыть несправедливость, при помощи которой она была присоединена к империи, и вознаградить своих новых подданных за переход под его скипетр. Он даровал Финляндии новое управление, конституцию и позволил ей в законодательном, административном и судебном отношениях стать независимой от остальной империи. Было введено народное представительство, и высшая власть сносились с этим краем при посредстве статс-секретаря по финляндским делам, постоянно жившего в Петербурге. Власть русского генерал-губернатора Финляндии сводится к командованию размещенными там войсками.

Устраивая Финляндию таким образом, император Александр считал своим долгом включить в состав вновь завоеванной территории прежнюю финляндскую губернию, присоединенную к России Петром I; той пришлось отказаться от русских привычек, русского языка и снова стать финской или, скорее, шведской. Овладевшим русским языком финнам — чиновникам, помещикам и т. д. — пришлось учить шведский язык, заменивший отныне русский в государственных актах, судебных процессах и проч.

Благожелательные намерения императора Александра по отношению к этой части государства увенчались полным успехом; во все время его царствования Финляндия процветала под сенью учреждений, которыми она была обязана великодушию этого монарха.

Если в России произойдут спасительные реформы, Финляндия без сожаления увидит, как ее связи с империей станут еще теснее: общее благосостояние станет для нее более чем достаточным возмещением за то, что ей пришлось пожертвовать своими нынешними учреждениями. Ведь они, в конце концов, имеют ценность только потому, что удерживают Финляндию вне того хаоса, в котором находится сейчас остальная Россия.

Глава II

КАК МОЖНО БЫЛО заметить, говоря о реформах, полезных моей стране, я всегда рассуждаю так, как если бы эти реформы были указаны ей свыше, как будто их осуществления можно ожидать только от правительства, от людей, обладающих для сего необходимой властью. Если я не рассматриваю преобразование России как естественное следствие идей, распространенных в народе, как предмет желаний и требований общественного мнения, как выражение неотложных нужд нашего времени, это происходит потому, что такое преобразование, по моему убеждению, является благом, и не относительным, но абсолютным и бесспорным, и, следовательно, мне кажется бесполезным и даже нелепым обсуждать, требует ли его народ. Народы, как и люди, должны любить благо, желать его; они его любят и инстинктивно желают. Пусть же благо действует везде; пусть те, кто это

чувствует, указывают на него, готовят его и облегчают его приближение, — это будет всего лишь честным исполнением долга.

Кроме того, у русского народа есть особого рода свойства, которые препятствуют тому, чтобы здравые идеи реформы проникли в его разум, развивались и прочно укоренились в нем; во всяком случае, публичное обсуждение и провозглашение таких идей едва ли возможно. Даже если оставить в стороне мрачный, все сковывающий и подавляющий характер власти, нельзя не видеть, что русский народ до сих пор был чрезвычайно подвержен влияниям извне, в первую очередь со стороны правительства; задуманные реформы осуществлялись почти без оглядки на закон и столь беспорядочно и непоследовательно, что он, так сказать, не мог их полностью осознать и еще менее — оценить по достоинству. Если общественное мнение с трудом понимает, что уже осуществлено, то как же у него может сложиться ясное и точное представление о том, что еще предстоит совершить? Но в русском народе есть тяга к обновлению — пусть довольно смутная, но живая. Она вызвана не только порочностью и недостатками *status quo*: ее укреплению способствует также пример цивилизованных стран Европы. Консервативные, охранительные идеи не могут прийти в голову ни одному русскому; никто не верит, что можно и впредь поддерживать нынешнее положение.

Итак, опираясь, с одной стороны, на нравственную идею добра, а с другой — на единомыслие россиян в вопросе о неотложной необходимости перемен, я призываю власть имущих начать всеобщие реформы.

Когда задаешь себе вопрос, откуда ожидать первого толчка, мысль совершенно естественно обращается к трону, к монарху, обладающему едва ли не безграничными возможностями: в его силах как доброе, так и дурное. Может ли бедное человечество предполагать, что найдется государь, воодушевленный искренним стремлением к благу своих подданных и одаренный достаточно твердой волей для исполнения того, что он считает добрым и справедливым? Не чрезмерно ли требовать от него такой просвещенности, позволяющей отличить добро от зла? Однако не так уж много нужно, чтобы возродить целый народ, сделать большую страну счастливой и цветущей; не нужен для такого дела гений, оно не требует ни сверхчеловеческих качеств, ни исключительных талантов.

Если, к стыду рода людского, такие государи редки, то история все же доказывает, что их появление возможно; утешительным доказательством тому служат Марк Аврелий и Леопольд. Одному такому монарху вполне по силам осуществить все мои надежды, а может быть, и все затаенные чаяния.

Господи Боже, неужели власть до такой степени меняет природу человека, что его сердце навсегда закрывается для священных чувств гуманности и свободы? Неужели надо быть необыкновенным гением, чтобы, как Фридрих II, догадаться — и то после долгих лет правления, — что он «устал царствовать над рабами»²⁷?

Мы не намерены повторять то, что уже было сказано о действительных пределах власти самодержавного монарха по сравнению с конституционным, о том, что одному человеку не под силу в полной мере пользоваться неограниченной властью и он неизбежно прибегает к орудиям, ускользающим из-под его контроля. Заметим только: не может быть,

²⁷ Слова, вырвавшиеся у этого великого короля на склоне лет.

чтобы среди стольких государей, царствовавших и ныне царствующих над разными народами, ни один никогда не мечтал о спасительных, полезных массам реформах; не может быть, чтобы у монархов, облеченных неограниченной властью, не возникла мысль освободиться хотя бы частично от этого тяжкого бремени, дав своему народу представительные учреждения. Наверняка не у одного монарха рождались подобные намерения, столь же благоразумные, сколь и великодушные. Реформы наталкиваются на препятствия, возможно, не по вине государей. Чаще всего на слепой и порочный эгоизм привилегированных лиц и сословий следует возлагать ответственность за то, что общественное мнение подавлено, а слово находится в цепях. Таким образом, самодержавие, столь роковым образом давящее на разум народа и мешающее ему развиваться, оказывается бессильно, когда надо действовать во имя справедливости и добра, ибо оно не находит никакой поддержки в общественном мнении. И тогда все замыкается в порочном круге, пока стремление во что бы то ни стало выйти из него не приведет к катастрофам, часто лишь сдерживающим прогресс, подавляющим все благородные и великодушные инстинкты нации и ужасающим мир; в итоге из-за коварства одних и малодушия других *status quo* делается еще прочнее.

В завершение этих рассуждений вспомним о Петре I, этом гиганте в истории занимающей нас страны. Как ни оценивать его реформы, бесспорно одно: его никогда не занимали интересы самодержавной власти; он трудился для цивилизации или для того, что ею считал. В этом главная заслуга Петра I как человека и государя. Живи сей необыкновенный муж в наши дни, он обязательно воспринял бы идеи и принципы, проникающие теперь во все просвещенные умы, а в цивилизованных странах — в народные массы; он понял бы цивилизацию иначе, чем представлял ее себе в свое время, и сколько добра он мог бы свершить!

Но все-таки было бы несправедливо и неразумно, если бы мы потеряли надежду в один прекрасный день увидеть на российском престоле искреннего и просвещенного реформатора. Мы, со своей стороны, остановимся здесь и воздержимся от дальнейших догадок, утвердимся в такой надежде; не хочется верить, что кому-нибудь, кроме самодержавного государя, может принадлежать честь грандиозного дела возрождения страны.

Однако мы не можем оставить без возражений некоторые доктрины, согласно которым реформы являются только делом времени, а не человеческого разума.

Как говорится, верно поставить вопрос означает наполовину дать на него ответ. Не является ли выражение «всему свое время» неким злоупотреблением словами, игрой со здравым смыслом? Может ли время все совершить само, может ли оно вообще что-либо сделать без человеческой воли? Не эта ли воля все исполняет? Во всем положиться на время, и только на время, означает сковать людей неподвижностью, обречь их на вечное детство, вечное варварство! Полно! Разве вы не понимаете нелепости принципа, сводящегося к тому, что людям не позволено вслух желать необходимейших улучшений! Что могло бы сделать время, если бы мысль, возникнув в умах отдельных людей, не проникала постепенно в сознание масс и не увлекала бы их на путь прогресса? Что было бы теперь с народами, если бы они, отказавшись от своей воли, возложили все на время и только от него ожидали света и жизни?

Несомненно, родившееся из приобретенного опыта политическое устройство, различные стороны которого развивались постепенно и гармонически, в соответствии с потребностями и обстоятельствами, имеет много достоинств и должно цениться выше, чем конституция, введенная вдруг, по инициативе нескольких лиц, действующих от имени общества. Если есть выбор, вряд ли кто-нибудь предпочтет скороспелые конституции тем, что сложились, так сказать, сами собой, на протяжении времени. Но обычно выбора нет: почти всегда приходится выбирать между *status quo*, неудовлетворительным, порочным и чудовищным, и конституционным устройством, придуманным людьми и полностью вышедшим из их рук, то есть перед *написанной* конституцией. И тут встает вопрос: что предпочтительнее — *такой* порядок вещей или *такая* конституция? В ответе можно не сомневаться.

Впрочем, недостатки и неудобства таких скороспелых, *писанных* конституций сильно преувеличены. Конечно, их немало и они весьма серьезны. Иногда в них говорится о том, что превосходит понимание масс; иногда они отвечают запросам, в действительности не существующим; нередко они даже создают потребности, которые без них еще долго не возникли бы; плохо понятые, эти потребности могут привести к прискорбным заблуждениям, но, несмотря на свою скороспелость, они всегда — и это очень важно! — отвечают политическим и социальным запросам, которые чувствует и признает большинство; они всегда посвящены самым важным правам — святым, внутренне присущим человечеству и неизменным правам личности.

Поэтому нельзя отрицать, что признание и установление сих прав — великое благо; массы быстро принимают, усваивают их и хранят как драгоценный залог своего благополучия. Если конституция открывает им другие преимущества, которых они не умеют еще по достоинству оценить, они чаще всего не пользуются ими до тех пор, пока не станут более просвещенными и не поймут их истинную цену. Если конституция сеет распри между разными сословиями (чего не всегда можно избежать), создает трудности в некоторых общественных отношениях, если даже — как это порой бывает — от нового порядка возникают истинные опасности, то все распри, трудности и опасности в конце концов постепенно исчезнут и уступят место устойчивому, правильному государственному устройству, свободному и выгодному для всех. Крайности, бесполезные и несообразные идеи, встречающиеся в этих конституциях, избыток механизмов, затрудняющих их действие, будут устранены при помощи опыта, простого здравого смысла. Таким же образом в физике действует закон, согласно которому всякое беспорядочное движение всегда стремится к покою, порядку или в конце концов прекращается вовсе.

Наконец, говоря о серьезных различиях между конституциями древними, сложившимися на протяжении времени, и скороспелыми, или *писанными*, вводимыми единым махом, мы охотно согласимся, что первые обладают двойным преимуществом: они упрочивают уже достигнутые блага и одновременно способствуют прогрессу и всевозможному совершенствованию; преимущества же последних иногда сводятся только к перспективе лучшего будущего, то есть писаная конституция поначалу не может значительно улучшить положение народа; подлинное улучшение она обещает только в дальнейшем; значит, она, как и все на свете, скорее средство, нежели цель человеческих усилий. Но, повто-

рим, это не причина для осуждения таких конституций, особенно когда они кладут конец порочному и отвратительному порядку. Нельзя закрыть дорогу прогрессу, объявив о нем во всеуслышание; главное — чтобы в основных и, так сказать, органических установлениях возобладали дух общей пользы, чтобы их опорой стали все живые и мыслящие силы народа, чтобы они действовали согласованно, — таким образом, чтобы благо рождалось само собой.

В новое время классическим полем реформ и политических опытов стала Франция. Попутно заметим, что если бы Франция явила остальному миру только этот пример, внесла лишь эту долю в совокупность доброго и полезного, которую успел накопить род человеческий, то сей вклад был бы уже прекрасен и достоин великого народа. За пятьдесят лет Франция претерпела столько изменений, провела столько реформ — гражданских, политических, социальных, — реформ, о скоропалительности которых так любят поспорить теперь, наслаждаясь миром, от них же и проистекающим, что я, не стремясь ни разбирать, ни безоглядно хвалить сии реформы, замечу лишь, что, несмотря на пестроту и разносторонность, все они основывались на принципах, в той или иной степени имеющих в виду благо народа, на принципах в определенной степени демократических, предполагающих, что конечной целью всякого законодательства является процветание всех или как можно большего числа людей. Исчезли династии и правительства, изменились законы, но сии принципы остались нетленны; более того, они развивались и оказывали все большее влияние на последовавшие за ними реформы. Так силою вещей добро воспроизводит самое себя с того самого мгновения, когда семена его были брошены в ниву законодательства.

Завершая эти общие рассуждения, позволю себе еще одно, последнее соображение. Если земной удел человека — это борьба с трудностями жизни, стихиями, страстями, было бы странно предполагать, что эта борьба ничем не вознаградится; каждое отдельное усилие служит общей выгоде и в итоге улучшает судьбу человечества; правда, она улучшается постепенно и незаметно, но все же улучшается. Способность к совершенствованию — закон, данный человеку от сотворения мира; сия неопровержимая истина доказывает, что человек рожден не для рабства. Все народы, выбираясь мало-помалу из сумерек первоначального варварства, тяготеют к независимости и свободе. Самые счастливые или мудрые из них достигли удовлетворительных результатов, сулящих им новое движение вперед; другие далеко отстают от них и терпят все зло несовершенных или порочно устроенных обществ. Но ни один из них, судя по всему, не желает примириться со своим печальным положением. Человек никогда не отступает от своего: всякий народ, узнав о своих правах, жаждет воспользоваться ими. В современной истории особенно много примеров таких устремлений, столь же естественных, сколь и благородных; и русский народ не исключение из общего правила, несмотря на ужасные несчастья, гнетущие его с самого начала его существования.

Даже в самые отдаленные времена он не был диким стадом, подчиненным воле одного вожака: разумеется, славянские племена были не слишком цивилизованны, лишены связей друг с другом, обеспечивающих общую безопасность, и все же они были свободны, обладали чистотой нравов и не знали влияния порочных установлений. Более двухсот лет над этим юным и отважным народом тяготело ужасное, унижительное иго: из-за

своей разобщенности русские не смогли дать отпор врагу; за время порабощения потускнели качества, коими природа, казалось, особо одарила славянскую расу. Все свободы русского народа заглохли под властью варваров, а сила князей пропорционально возросла. «Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, — пишет русский историк, — возвращались оттуда грозными властителями: ибо повелевали именем Царя верховного»^{* 28}.

Однако даже в этот период мрака и униженности часть русских являет просвещенным умам зрелище, достойное сочувствия и способное оправдать прошлое всего народа. Многие края, удаленные от монгольских нашествий, сохранили свои свободы и смогли извлечь большую выгоду из правильно устроенных республиканских учреждений. Так, Новгородская республика долгое время была по-настоящему свободной и, вследствие этого, богатой и могучей; Псковская республика прославила имя русских своими мудрыми и свободными установлениями.

Если бы русские всего-навсего захотели вспомнить, чем они были до монголов, если бы они пожелали сравнить свои тогдашние нравы, обычаи и законы с тем, что они приобрели от долгого и унижительного ига варваров и сохранили впоследствии, вплоть до времен Петра I, они легко поняли бы, откуда проистекает их упадок и бессилие, и осознали бы, что следует делать, дабы подняться на ноги и двинуться вперед по пути прогресса.

Но неверно было бы считать, что русский народ, вернувшись к независимости от монголов — печальной независимости! — полностью отрезал от своего достоинства и гражданских прав и вовсе не вспоминает о них: ему никогда не были чужды идеи свободы и благородные стремления к лучшей жизни, как можно было бы предположить, глядя на его теперешнее политическое и гражданское состояние. Во времена великих князей и царей, начиная с освобождения страны от татар и до восшествия на престол Петра I в России сохранялись отдельные следы древних политических учреждений, теперь полностью изгладившиеся.

Не считая возможным видеть в этих жалких подобию то, чего в них не было и быть не могло, понимая их истинную цену и предполагая, что они лишь в слабой степени противостояли власти, все-таки надо признать, что народ не был тогда доведен до состояния тупого подчинения, ставшего его уделом со времен Петра I. С этим нельзя не согласиться, если вспомнить, что в то время уродливая язва рабства, опозорившая русский народ, охватила еще не всю страну и болезнь, привитая преступной рукой, еще не произвела тех ужасных опустошений, которые явились позже. Через *Земский собор*, состоявшийся не только из бояр и высшего духовенства, но и из выборных от городов, вся страна участвовала в решении важных дел, касавшихся всего государства в целом. Часто сами цари, задумывая какое-либо крупное предприятие: войну, присоединение к России новых областей, введение налогов, советовались с собором и поступали в соответствии с его мнением. Так было и при прежней династии, и при Романовых. Царь Михаил, основатель сей династии, и его сын Алексей (отец Петра I) неоднократно созывали Земский собор для обсуждения важных государственных дел. Сама форма обнародования законов в течение всего этого времени сохраняла некий отпечаток конституционности. Наконец, некоторые цари, а именно Василий Шуйский, всходя на пре-

* См. в примечании Р выдержку из «Истории» Карамзина.

стол, клятвенно обещали царствовать по известным правилам и предписанным установлениям*.

В своем восхищении Петром I русские доходят до того, что верят или убеждают себя, будто этот необыкновенный человек со своими колоссальными силами был так жесток лишь потому, что желал успеха своим начинаниям, кои, по их мнению, клонились к установлению в России законного и конституционного порядка. Отношение к сей точке зрения может быть разное, однако она существует; в поддержку ее приводят различные истории из жизни Петра I. Так, рассказывают, что, когда один из его преданных сподвижников упрекнул его в суровости, Петр ответил: «Как? Неужто и ты не видишь, что все, что я делаю, ведет к поставленной мною цели? Когда я ее достигну, я установлю в России царство законности и свободы»³⁰.

Сей анекдот неправдоподобен, но уже то, что такие истории известны во множестве, служит доказательством того, что народный здравый смысл пытался найти разумное и удовлетворительное объяснение жестоким и радикальным преобразованиям — детисцу великого человека, который, не дав своей стране свободы, все же принес ей славу.

Здравый смысл всегда и везде стремится приписать понятную и полезную цель высоким деяниям тех гениальных людей, чья слава вызывает восхищение народа. Пруссаки твердо верят, что их Фридрих Великий, к концу жизни — как он сам проговорился — *установивший править рабами*, мечтал о законно-свободных учреждениях для прославленной им страны. Поклонники Наполеона, *несмотря ни на что*, не менее твердо убеждены, что все деяния, все усилия этого великого человека были направлены только на дарование Франции и Европе свободных учреждений. Человеческому разуму невыносима мысль о том, что стремления великой души, высокого гения могут сводиться к бесплодным завоеваниям и действиям, пусть даже доставляющим великую славу!

В самую плачевную эпоху новой российской истории, эпоху, которую историограф Карамзин заклеил названием *сатурналий деспотизма*³¹, можно различить кое-какие намерения создать лучшие учреждения. Так, предпринятая после смерти юного императора Петра II попытка бояр установить некий законный порядок доказывает, что мысль о конституционном устройстве государства по-прежнему жила в умах. Впрочем, небезынтересно заметить, что эта попытка была совершена разумно, правильно и искренне. Измена, насилие и жестокость проявились только в отказе самодержавия соблюдать условия, коих высшему дворянству удалось от него добиться. Но наибольшего внимания в этих событиях заслуживает воодушевление русских дворян, которое с полным правом можно рассматривать как выражение общественного мнения. Образованные иностранцы, находившиеся в это время в Москве, не обманулись в суждениях об этих проявлениях общественного мнения; они увидели в нем всеобщее желание установить в России правление, основанное на представительстве разных сословий. Французский резидент, опытный и непредвзятый наблюдатель, доносил своему двору, что русское мелкопоместное дворянство, единодушно заявляя о своем недовольстве олигархической конституци-

* Избрание на трон первого Романова сопровождалось, как свидетельствуют иностранные историки, определенными условиями, которые должны были лечь в основание нового царствования. Русские ученые не смогли в достаточной мере осветить сей важный миг в истории своей страны²⁹.

ей, которую вельможи навязали императрице Анне, ими приглашенной на трон, гласно выступает за правление, обеспечивающее права и свободы всех, а не только нескольких родовитых семейств. При этом сии дворяне ссылаются на конституцию Англии и на английский парламент как на образец для подражания. Резидент также добавлял, что даже на улицах первый встречный готов обсуждать английскую конституцию и парламент*.

Наконец, печальная и ужасная катастрофа 1825 года также может служить доказательством того, что стремление к свободным и разумно устроенным учреждениям отнюдь не чуждо русскому народу. Напрасно старались исказить, оболгать эти события — их смысл прост и ясен: люди самоотверженные, не преследуя никакой личной выгоды, отбросив сословные и всякие иные интересы, пожертвовали собой, чтобы доставить своей стране — *всей стране, всем ее сословиям* — учреждения, способные обеспечить их благосостояние и достоинство. Память об этой жертве сохранится навеки, даже когда в глубине сердец утихнет боль от причиненных страданий, когда забудется — если такое можно забыть — неслыханная жестокость наказаний.

Всегда можно доказать, что русский народ не смирился полностью со своей печальной участью; в его прошлом можно найти все основания, позволяющие ему мечтать о лучшем будущем; и доказательств, и оснований будет много — впрочем, их всегда достаточно у любого народа**.

Но все факты и свидетельства, почерпнутые из истории, далеки от ценностей, коими человек обязан своему Создателю. Это естественное, приращенное, неотъемлемое право всякого человека мы призываем на помощь нашим слабым усилиям: пусть оно покажет, что русский народ не должен быть лишен благодетелей, завоеванных человеческим разумом. Он достоин величайшего из сих благодетелей — законной свободы. Это наше непреложное убеждение, иначе как бы мы решились провозглашать учения, кои одним покажутся *скандальными*, а другим — *безумными****?

* См. в примечании Q некоторые выдержки из депеш французского резидента г-на Маньяна, а также мнения других лиц.

** «Я думаю, — сказал недавно один государственный деятель, которого никак нельзя причислить к сторонникам бесплодных теорий, — что все нации созданы для конституционного правления и если некоторые его не имеют, то единственное средство приспособить их к сему правлению — дать им конституцию. Если бы следовало ждать выдачи некоего свидетельства о способности народа жить при таком правлении, то наверняка оно выдавалось бы врагами конституций и народу пришлось бы дожидаться чрезвычайно долго» (Речь лорда Пальмерстона по поводу недавних событий в Греции; см. «Journal des Débats» от 17 марта 1844 года)³².

*** См. примечание R в конце книги (извлечения из проектов г-на Сперанского).

РАЗДЕЛ 2

ПОДРОБНОСТИ РЕФОРМ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

РЕФОРМЫ, СОВМЕСТИМЫЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ

Глава I

Предварительные реформы

ПЕРЕЙДЕМ ТЕПЕРЬ к более подробному описанию способов реформ, которые мы считаем необходимыми для того, чтобы положение русского народа улучшилось.

Сначала мы рассмотрим реформы, которые можно провести, не затрагивая полноту неограниченной власти, коей обладает ныне государь.

Мы обещаем по возможности оставаться верными принципу, провозглашенному нами выше и касающемуся логического и естественного порядка, в котором должны совершаться преобразования, и предпочтения, отдаваемого одним перед другими.

Есть реформы, неотложность которых не может не привлечь внимания всякого честного и разумного наблюдателя.

Эти реформы, названные нами предварительными, должны не только улучшить обычное состояние страны, но и облегчить ее будущее устройство.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Освобождение крепостных — вот, вне всякого сомнения, неотложнейшая реформа, которая должна предшествовать всем прочим. Сказанного нами ранее достаточно, чтобы доказать необходимость этой меры. Начать с уничтожения рабства нужно не только потому, что это самое большое зло, но и потому, что, пока оно существует, ни одна радикальная реформа не возымеет успеха.

Мы уже перечисляли* средства освобождения. С тех пор русское правительство заявило о своих намерениях касательно отмены рабства — более решительных, чем мы

---

* См. выше, с. 258 и след.

могли предполагать*. Эффект, произведенный этим заявлением в России, полемика, которую оно вызвало в периодических изданиях, — надо заметить, что в продолжение некоторого времени дискуссии по этому важному вопросу были дозволены правительством³³, — доказали (насколько можем судить об этом по дошедшим до нас неполным сведениям), что мы были правы, утверждая, что в нынешних обстоятельствах, скорее всего, следует настаивать на простом, или личном, освобождении крестьян. Полное же, или, как мы его называли, *квалифицированное*, освобождение создало бы неустрашимые трудности, грозящие тем, что это важное дело отодвинется далеко в будущее.

Поэтому мы не устанем повторять, что сейчас простое освобождение предпочтительнее квалифицированного. Кратко поясним суть дела.

Действия, предпринятые русским правительством в видах освобождения крестьян, состояли в том, что помещику было позволено заключать со своими крепостными соглашения на характере и объеме их повинностей. Эти соглашения, предварительно представляемые на утверждение правительства, должны были регламентировать отношения между помещиками и крестьянами. Их нельзя было расторгнуть или изменить без согласия обеих сторон. Наблюдение за тем, как крестьяне выполняют условия, было поручено местной власти. Помещики отныне имели право воздействовать на своих крепостных только при помощи полиции или судов первой инстанции.

Русское правительство, решительно отменив крепостную зависимость, объявило, что если через некоторое время помещики не договорятся с крестьянами, оно вмешается и применит свои полномочия. Российское правительство и не подумало о подобных предосторожностях, ограничившись простым *разрешением освободить*.

Но тут со всех сторон посыпались возражения, вызвавшие массу затруднений и внушившие сомнения в успешном исходе дела. Каким образом будут определяться права помещика и обязательства земледельца? Следует ли при расчете арендной платы принимать во внимание только право помещика на землю, которую он предоставляет крестьянину, или также его право на личность последнего? Этот вопрос, вероятно, было бы легко решить, приняв бесспорный принцип справедливости и равенства, провозглашенный в начале Французской революции Учредительным собранием. По нему крестьянин платит только за пользование землей и освобождается от всякой службы, работы и денежной повинности, которыми он был связан, когда был рабом, — одним словом, от всех личных обязательств перед своим господином. Но так как российское правительство ничего не предприняло в этом направлении, начавшаяся полемика тотчас перешла на обширное поле гипотез и теорий. Обратим особое внимание на одно возражение. Предположим, говорили помещики, что освобожденные по соглашению с владельцем крестьяне не выполняют принятых ими условий; к кому тогда должен обращаться помещик? Нельзя идти на соглашения, требующие взаимных уступок, если нет уверенности, что за соблюдением договоренностей существует надзор, если каждая участвующая в соглашении сторона не знает, что всегда может заставить другую либо выполнять условия, либо по справедливости возместить ущерб. В законе или предписании, допускающем соглашения помещика с крестьянами, на сей счет сказано только,

* См. примечание I в конце книги.

что если *обязанные* крестьяне (так они названы) не исполняют условий, то будут принуждены к этому местными властями³⁴. Но такое указание в глазах помещиков не было и не могло быть достаточной гарантией их прав и интересов. Вмешательство местных властей в их нынешнем виде, скорее всего, стало бы роковым и для помещиков, и для крестьян. Напоминать помещикам о том, что в стране существует правосудие, что современное законодательство защищает права граждан и удовлетворяет законные претензии, недостойно уважающего себя правительства; это просто отрицание правосудия, горькая насмешка. Нет сомнения, что отсутствие гарантий в соглашениях земледельцев с помещиками, неопределенность выгод и недостатков помешают многим благомыслящим людям отозваться на инициативу правительства и установить справедливые отношения с крестьянами, живущими на их землях.

Итак, споры по этому поводу показали, что большая часть помещиков — то ли из-за трудностей, о которых мы только что говорили, то ли по иным причинам — предпочла бы правительственному плану простое, или личное, освобождение, при котором крестьяне получают право сменить господина, покинуть место жительства, а землевладельцы — возможность выгнать чужих из своих владений. Мне случилось даже узнать об одном богатом помещике, который соединил — по крайней мере в проекте — такое личное освобождение с тем, что оставил крестьянам их дома и огороды, примкнув, таким образом, к моим идеям по этому поводу. Такое совпадение показалось мне лишним доказательством того, что этот способ сейчас лучше всего подходит людям честным.

И все же некоторые лица, желающие освобождения, судя по всему, приняли за правило оставлять крестьянам часть своих земель, оговаривая сумму денежных или иных повинностей. По крайней мере, некоторые попытки такого рода уже делались.

Если бы земли, переданные таким образом крестьянам, были разделены между ними в качестве личной собственности, если бы в то же самое время крестьянин совершенно свободно распоряжался своей личностью и достоянием, это стало бы благородной и достойной мерой, подобной той, которая венчала план освобождения, выработанный прусским правительством. Тогда, конечно, незачем было бы искать другие средства.

Но это еще не все. Земли, остающиеся крестьянам, должны принадлежать общине и находиться в совокупном владении. Как видим, в этом случае уменьшается разница между предлагаемым нами простым освобождением и освобождением с землей. Возникает вопрос: так ли велики выгоды освобождения с землей, предоставляемой общине: могут ли они компенсировать возникающие при этом трудности?

К этому вопросу естественно присоединяется другой: стбят ли преимущества освобождения прямого и легкого, хотя и только личного, достоинств более трудоемкого освобождения, когда общинам остается часть земель, ранее обрабатывавшихся их членами?

Едва подумаешь о том, что такое рабство в России и как важно скорее с ним покончить, как все сомнения на сей счет отпадут.

Мы снова приходим к выводу о предпочтительности простого освобождения, и на этот раз с еще большей уверенностью, ибо с тех пор наше мнение по этому вопросу было подкреплено фактами.

ЗАКОН ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ

Предоставляя крепостным личную свободу, было бы разумно сказать об этом как можно проще, сведя закон к самым необходимым положениям. Принципы реформы можно было бы выразить так:

1. Закон дарует крепостным крестьянам право покидать место жительства и селиться повсюду, где они пожелают.

2. Закон закрепляет за ними полное право собственности не только на все их движимое имущество, но также на имеющиеся у них дома, сады и огороды. В их собственности оставляется недвижимость, принадлежащая либо отдельным крестьянам, либо общинам.

3. Для предупреждения неудобств, кои могут возникнуть в том случае, когда крестьянин пожелает продать свой дом и сад, первоочередное право на их приобретение сохраняется за землевладельцем.

4. Крестьяне, живущие на помещичьих землях, будут впредь иметь все гражданские права, коими наделены крестьяне, живущие на казенных землях.

5. Закон устанавливает сроки, в течение которых крестьяне могут менять место жительства.

Эта предосторожность необходима и вначале, чтобы не испортить все дело с первых же шагов, и в будущем — как залог справедливых отношений помещиков и наемных работников.

6. Наконец, взаимоотношения между владельцами земли и живущими на ней наемными работниками будут определяться взаимными соглашениями, которые заключаются по установленной форме и в соответствии с предписаниями правительства.

Представлять эти соглашения на рассмотрение правительства, возможно, излишне. Если бы в некоторых случаях правительство и оказало помощь непредусмотрительным крестьянам, сие незначительное преимущество вряд ли искупило бы утомительные и дорогостоящие формальности, которые пришлось бы выполнять обеим сторонам.

7. Закон, насколько возможно, наблюдает за тем, чтобы крестьяне выплачивали повинности деньгами или даже натурой, но не работой, не барщиной.

Трудовые повинности сами по себе не такое уж зло, но они, с одной стороны, ведут к прямой зависимости, а с другой — к произволу; а привычка к зависимости и произволу, как справедливо заметил г-н фон Штейн по поводу прусских реформ, неблагоприятно действуют на характер людей, на их нравственность, и потому опасны для национального духа.

ЗАКОН О МИРОВЫХ СУДАХ

Произвол, единственная основа отношений между господином и рабом, при освобождении исчезнет; его необходимо заменить законом. Можно беспрепятственно дать помещику некоторую власть над живущими на его землях наемными работниками; нужно только сделать так, чтобы характер этой власти и ее границы были определены законом, чтобы она не превращалась в угнетение. Для этого ее надо сочетать с интересами и пожеланиями крестьян, выраженными их представителями. В русских деревнях дела общины обычно обсуждаются на собрании всех жителей деревни (оно называется сход или

мир), которое в случае необходимости назначает представителей, уполномоченных действовать от имени всех. Несколько упорядочив проведение этих собраний, можно выбирать на них представителей общины, которые затем составили бы своего рода комитет или совет под председательством помещика.

Эти советы, подобие мировых судов, состоящие из помещика (председателя) и выборных от общины (членов), смогут выносить окончательные решения по делам второстепенным. Кроме того, им будет подчинена земская полиция.

Помещиков могут заменять либо их управляющие, снабженные официальной доверенностью, либо другие лица.

Границы округа мирового суда или совета общины, как и число жителей, в него входящих, должны быть определены законом.

Если в округе какого-либо из этих советов есть только один помещик, то он по праву занимает должность мирового судьи или председателя. Если помещиков двое, они могут становиться ими по очереди. Если же их много, они избирают председателя из своей среды.

В случае нужды у мировых судей могут быть заместители.

При таком устройстве мирового суда может случиться, что помещик, исполняющий функции мирового судьи, окажется одновременно и судьей, и одной из тяжущихся сторон. Но так как необходимо сохранить за помещиком некоторый перевес в его владениях, подобает неудобство можно обойти, лишь прибегнув к весьма изощренным способам. Кроме того, истец вправе апеллировать в уездный суд.

Подобным же образом будут введены мировые суды на землях казенных, удельных, арендованных и прочих; функции мирового судьи здесь будут выполнять лица, назначенные высшей администрацией.

Так повсюду будут намечены контуры общины — основы порядка и свободы в государстве, о ее окончательном устройстве должно заботиться самым тщательным образом.

Общинные советы или мировые суды можно будет обновлять каждые три года. Дела в них будут решаться большинством голосов.

Наблюдение за правильностью ведения процессов в мировых судах должно быть доверено товарищам прокурора в уездных судах. Для этого они время от времени будут посещать различные общины, проверяя, правильно ли действуют мировые суды.

Институт прокуроров в том виде, как он устроен по русским законам и отлажен временем и практикой, всегда казался мне одним из лучших законодательных изобретений. Почетный характер обязанностей прокурора, определенная независимость служат причиной того, что люди, облеченные этим званием, часто относятся к нему всерьез и стремятся быть достойным его. Следовало бы сохранить подобное учреждение и постараться извлечь из него все возможное. Нет сомнения, что, распространив влияние прокуроров на отношения между господами и крестьянами, дав прокурорам возможность регулировать эти отношения, можно достичь весьма удовлетворительных результатов.

Те дела, которые не будут решены ни мировыми судьями, ни в уездных судах, будут, в зависимости от их характера, направляться либо в суд присяжных, либо на рассмотрение высшей администрации.

Отношения между господами и слугами тоже должны определяться законом, ибо полицейская власть в ее нынешнем состоянии окажется совершенно недостаточной после освобождения. Лучше всего было бы и в городах создать мировые суды, компетенция которых распространялась бы не только на дела между господами и слугами, но и на все маловажные дела между горожанами; тогда выбор мировых судей или хотя бы выдвижение кандидатов должно быть доверено жителям города.

Для большей пользы нужно назначать мировым судьям жалованье, по крайней мере в городах, исходя из принципа, что следует по возможности избегать неоплачиваемых должностей.

РАССЕЛЕНИЕ ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ НА КАЗЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

Среди мер, которые администрации следует принять для облегчения освобождения крепостных (и даже для того, чтобы это вообще стало возможным), одна, как нам представляется, должна иметь наибольший успех. Это разрешение крестьянам при необходимости селиться на казенных землях. Такая свобода уже дарована государственным крестьянам, у которых мало земли, и отпущенным на волю; но чтобы пользоваться ею, они обязаны выполнить слишком обременительные формальности³⁶. Было бы лучше заранее указать места возможного поселения свободных земледельцев. Министерство уделов уже должно располагать документацией, достаточной для составления полного реестра удельных земель на всем пространстве империи. Значит, ему не будет трудно заранее извещать, сколько земель и в каких местностях может быть предоставлено в распоряжение новых поселенцев. Такая милость была бы драгоценной для множества освобожденных крестьян, а их уверенность в том, что они в любом случае найдут надежное пристанище, очень облегчила бы дело освобождения.

ПЕРЕХОД ОТ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ К ЗЕМЕЛЬНОМУ НАЛОГУ

Другая мера, которой должно сопровождаться освобождение, — это превращение подушной подати в земельный налог. Там, где есть право свободного передвижения, вообще не может быть подати. Впрочем, мы уже указывали средства такого преобразования и не станем здесь к ним возвращаться.

ПРЕИМУЩЕСТВА КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Перечислив все необходимое для простого и личного освобождения крепостных, мы считаем своим долгом представить некоторые соображения о квалифицированном освобождении.

Личная свобода крестьян — несомненно большое, бесценное благо, и в современных условиях его, быть может, для России достаточно; но здравый смысл, опыт и в особенности мысли о будущем говорят о том, что интересы государства в целом требуют, чтобы земледельцы обладали не только личной свободой, но и собственностью на обрабатываемую ими землю или часть этой земли. В наши дни, когда пример стольких стран убеждает, что прочное благополучие масс может покоиться только на их доле в земельной собственности, странно было бы доказывать это. Взгляните на Францию: разве шесть или семь миллионов землевладельцев не лучшая порука за ее будущее? Взгляните на Германию и особенно на Пруссию: разве там ограничились личной свободой земледельцев? Нет, конечно: закон предоставил им часть земли, которую они прежде обрабатывали. А что в области земледелия происходит в измученной волнениями Ирландии? Там уже говорят о введении обязательных (в отличие от дня сегодняшнего) арендных договоров для владельцев, и приводят в пример Пруссию. Во всех странах эти вопросы не утратят своей остроты до тех пор, пока не будут разрешены в соответствии со справедливостью и разумом.

Решаясь на простое, или личное, освобождение, нельзя упускать из виду, что это не окончательное решение вопроса, что простое освобождение предпочтительно лишь потому, что его легче осуществить, а обстоятельства, в которых находится страна, не позволяют прибегнуть к более сложным мерам. Лучший способ освобождения всегда тот, при котором земледелец обеспечен собственностью на участок земли. Для России же квалифицированное освобождение особенно важно. И вот почему.

Нет сомнения, что российское правительство в состоянии предоставить каждому государственному крестьянину в полную собственность часть земель, на которых он живет, и сие непременно будет благом для государства. Но мне кажется, что как бы полезна и спасительна ни была такая мера, она повлечет за собой большие неудобства и опасности, если одновременно не даровать помещичьим крестьянам не только личную свободу, но и собственность на землю. Ясно, что это вызвало бы зависть и бесконечные беспорядки.

Хорошо было бы воспользоваться обстоятельствами и принять общее правило, согласно которому все земледельцы вне зависимости от того, живут ли они на дворянских или государственных землях, имеют право на определенный участок обрабатываемой ими земли. В Пруссии крестьянам предоставили в полную собственность часть земель в тех владениях, где они живут, но эта часть в каждой местности была определена по-своему, в зависимости от обстоятельств и от отношений крестьян с господами. Этот отличный способ в России неприемлем. Здесь следует все свести к единому, как можно более общему правилу; нужно, чтобы закон заранее и совершенно точно определил то количество земли, которое в каждой местности должно быть отведено каждому земледельцу. Даже такой закон применить непросто, не говоря уже о том, чтобы предвять его еще одним трудоемким предприятием, а именно проведением переписи во всех имениях для установления доли каждого земледельца. Но сие было бы безумием.

Важнейший и труднейший вопрос как раз и заключается в том, чтобы найти общее правило о количестве земли, предоставляемом крестьянам. Отважimsя предложить некоторые меры, которые, как нам кажется, могут облегчить его поиск.

Первый способ таков.

Можно, например, повсеместно передавать крестьянам четверть земель любого имения.

Но так как количество земли никогда не бывает пропорционально числу земледельцев, то надо установить минимум и максимум, больше и меньше которых доля крестьянина быть не может.

Справедливые размеры максимума определить нетрудно. Десятина* на душу или три десятины на семью (тягло) удовлетворили бы крестьян, а для помещика не стали бы слишком большой жертвой.

Установить минимум значительно труднее, потому что несоответствие между количеством земли и числом земледельцев, числом душ может быть бесконечным, и возможны случаи, когда четверти имения с трудом хватит на то, чтобы каждому земледельцу или семье досталась всего-навсего четверть или даже восьмая часть десятины. Ясно, что сей жалкий клочок не может обеспечить благосостояние крестьянина, но при этом жертвы, приносимые помещиком, также весьма велики. Если земельный надел, полагающийся крестьянину, оказывается меньше десятины на семью, предпочтительнее было бы, чтобы крестьянин довольствовался сохранением своего дома и огорода и участвовал в разделе земли.

Именно в таких случаях возникает потребность в переходе крестьян на государственные земли.

Другой способ принимает за основу то количество земли, которое крестьяне сейчас обрабатывают для своего помещика; в соответствии с этим определяется доля, причитающаяся каждому. Если, например, крестьянин обрабатывает для своего господина три десятины, то было бы справедливо предоставить ему в полную собственность треть, то есть одну десятину. В Пруссии даже наименее удачливые крестьяне получили половину занимаемых ими земель.

Но этот способ неприменим в оброчных имениях, где крестьяне не работают на господ: там можно пользоваться только первым способом.

Предоставление земли крестьянам может коснуться только пахотных земель и пастбищ, вся же остальная собственность — леса, рощи, рыбные ловли и т. д. — должна полностью остаться у помещика.

Средством квалифицированного освобождения будет и отнесение различных областей империи к разным категориям. Здесь могут помочь правила, принятые кредитными учреждениями при предоставлении ипотечных ссуд, размер которых определяется ценностью земель в разных местностях.

Могут — и это не так уж невероятно — возникнуть обстоятельства, которые настоятельно потребуют простого и окончательного решения этого важного вопроса; тогда для предупреждения больших бед и полной неразберихи следует заранее объявить, что по закону крестьяне везде получают треть или четверть пахотных земель и пастбищ и свои дома.

Если бы можно было выработать некий общий принцип в отношении освобождаемых крепостных, его разумно было бы сделать действительно общим и применять ко

---

* Русская десятина почти равна гектару.

всем без исключения крестьянам. Так, например, если сочтут возможным или необходимым отдать отпущенным на волю треть или четверть помещичьих земель, следует издать единый закон, согласно которому все крестьяне, живут ли они на землях дворянских, казенных (как бы последние ни именовались), удельных и пр., получают треть или четверть обрабатываемой ими земли.

Земли же, остающиеся в распоряжении правительства после удовлетворения требований всех государственных и помещичьих крестьян, следует без колебаний продавать с публичных торгов.

Раздавать земли следует людям или семьям (тягло), подразумевая под семьей живущих под одной крышей родителей и неженатых детей. Раздача земли общинам ни в коей мере не соответствует замыслу сделать земледельцев собственниками земли; результаты здесь не перевесят всех вызванных беспорядков, трудностей и жертв.

Наделяя крестьян земельной собственностью, надо как можно точнее отделить предназначенные им земли от тех, что останутся у основного владельца. Последнему должна быть полностью обеспечена возможность пользоваться своим имуществом. Тут не будут лишними никакие предосторожности.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ

Говоря об освобождении, мы не можем хотя бы в нескольких словах не коснуться вопроса, по мнению многих, тесно с ним связанного. Речь идет о возмещении убытков.

Мы не в состоянии ни признать, ни даже понять, с какой стати тому, кто перестает угнетать себе подобных и владеть ими, причитается возмещение убытков. И уж вовсе мы не понимаем и не признаем справедливым такое возмещение, за которое придется расплачиваться преимущественно третьим лицам, не владеющим рабами и вообще не имеющим к институту рабства никакого отношения, то есть налогоплательщикам.

В связи с освобождением черных рабов говорят, что метрополии, не только допускаявшие ранее рабство, но даже поощрявшие ввоз рабов, обязаны возместить убытки их владельцам. Не берусь исследовать, до какой степени это мнение может быть принято в качестве общего правила, и могу выразить лишь восхищение великодушием английского народа, пожелавшего уплатить 500 миллионов за удовольствие видеть, как будут порваны цепи, сковывавшие 800 тысяч человеческих существ. Но здесь я должен сказать, что эта мысль, как и многие другие, обосновывающие возмещение убытков при освобождении черных рабов, совершенно неприменима к освобождению русских крепостных.

Это верно и ясно в случае простого освобождения.

Это так же верно, хотя и менее ясно, когда речь идет об освобождении квалифицированном.

Русский помещик имеет не только права в отношении своих крепостных, но и обязанности, возложенные на него законом. Например, он официально обязан кормить их, когда им нечего есть; он не может изгнать их со своих земель. Таким образом, само его право на землю до известной степени ограничено условиями. Если же при квалифи-

цированном освобождении ему придется уступить крестьянам часть своих земель, он лишь избавится от обязательств по отношению к ним и сделается к тому же полным хозяином оставшихся земель.

Однако вовсе не эта казуистика должна заставить законодателя отбросить всякую мысль о возмещении убытков при квалифицированном освобождении русских крестьян. Он должен быть уверен (и малейшее размышление убедит в этом разумного человека), что квалифицированное освобождение выгоднее для самих землевладельцев, нежели освобождение простое, ибо от свободного владения землями, свободного труда и счастливого состояния крестьян они получают больше, чем потеряют, расставаясь с частью своей собственности. И если бы даже квалифицированное освобождение дало им только одно преимущество, а именно выход из нынешнего состояния, которое — что бы там ни говорили — весьма для них опасно, это с лихвой возместило бы им принесенную жертву.

ОБЩЕДОСТУПНОСТЬ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Наконец, освобождение упразднит все ограничения на право владения землей. Сегодня населенные земли могут принадлежать исключительно дворянам, потому что только у них есть привилегия владеть крепостными. Совершенно очевидно, что, когда не станет крепостных и владеть можно будет одной землей, это право сделается всеобщим. Для закрепления этого результата должен быть издан отдельный закон.

Вполне вероятно, что многие капиталы, используемые теперь в промышленности и торговле, будут направлены на приобретение и обработку земли. Рост спроса всегда влечет за собой пропорциональный рост цены товара. Большой спрос на земли придаст им гораздо большую ценность — к выгоде нынешних владельцев, которые, кстати, получают таким образом единственно справедливое возмещение.

Если владельцами имений, населенных отпущенными на волю крестьянами, окажутся лица недворянского происхождения, закон должен точно определить их социальное положение.

А их отношения с земледельцами должны быть такими же, как и у помещиков-дворян. Также было бы справедливо и разумно дать им те же привилегии, какими пользуются дворяне-землевладельцы, например право участвовать и голосовать в дворянских собраниях и т. п. Конечно, эти собрания превратятся тогда просто в регулярные съезды землевладельцев, но это не вызовет значительных неудобств. Личные привилегии дворянства будут сохранены.

Когда все крестьяне станут землевладельцами, а некоторые из них преумножат свою собственность за счет новых покупок, когда мещане и купцы приобретут земли для возделывания, когда, наконец, число землевладельцев бесконечно возрастет, будет весьма непросто установить, к какому сословию принадлежит то или иное лицо — помещиков или крестьян. И все же это различие должно сохраняться до тех пор, пока не будет достигнуто полное равенство перед законом. Этот вопрос мы обсуждать сейчас не будем, ибо разбираем лишь реформы, совместимые с существующим строем.

Чтобы избежать смешения сословий, нужно принять за правило, что положение собственника определяется размером или стоимостью его собственности. Сей способ не отличается безупречной логикой, зато он прост. Закон должен только установить размеры владения, например сто десятин — имея больше, владельцы принадлежат к помещикам, меньше — к крестьянам.

Сейчас существует промежуточное сословие однодворцев — не помещиков и не крестьян. Подобные исключения не приносят вреда и встречаются повсюду.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Рядом с радикальной реформой освобождения крестьян возникает множество второстепенных мер, которые не только могут улучшить положение земледельцев, но и подготавливают благодетельные перемены в устройстве страны. Мы полагаем, что точно определить суть этих мелких реформ могут и должны губернские советы, о которых мы скажем ниже; по нашему убеждению, существование подобных советов вполне совместимо с нынешним строем.

Но в царском в России хаосе есть вещи настолько бессмысленные и легко устранимые, что мы не можем вовсе не упомянуть о них.

Так, например, крестьяне, живущие вдоль больших дорог, вынуждены обеспечивать разного рода дорожные перевозки. В некоторых местностях каждый крестьянин или каждое тягло обязаны без всякого вознаграждения выставлять ежегодно до ста пятидесяти или даже двухсот *подвод* (телега, запряженная одной или двумя лошадьми) для покрытия расстояния в двадцать—тридцать километров. Конечно, жизнь неподалеку от большой дороги имеет преимущества, до известной степени уравновешивающие эти непомерные затраты; но нельзя отрицать, что эта повинность, как и все прочие, должна по возможности ложиться на всех в равной степени. Я не хочу сказать, что крестьяне, живущие вдали от больших дорог, должны участвовать в перевозках; нет, это вовсе не выход. Но ничто не мешает властям выдавать крестьянам, обслуживающим перевозки, квитанции за каждую поездку, установить стоимость поездок и потом принимать эти квитанции как деньги при уплате налогов. Таким образом, расходы по перевозкам будет нести вся страна.

Нам в голову приходит еще одна малая реформа: закрытие известного бюро под названием «Адресная контора». Одно такое учреждение было (или доньше есть) в Петербурге, другое, кажется, в Москве. Они доставляли множество неприятностей крестьянам обоего пола, приходившим в эти города искать работу. Эти конторы были созданы одновременно с Министерством полиции (сейчас не существующим). Их явной целью был учет всех, кто желал поступить в услужение в городах; но скрытой целью сих нововведений была, разумеется, слезка. До сих пор (по крайней мере, судя по тому, что я видел, живя в Петербурге) эта контора ежегодно вымогала у бедняг по несколько десятков тысяч рублей в качестве платы за получение паспортов, штрафов за несвоевременное проставление отметок в паспортах и т. п.; но даже деньги ничто по сравнению с неприятностями и угнетением, которому без всякой причины подвергались несчастные.

Глава II

Дальнейшие реформы

ОБСУДИВ ВЕЛИКУЮ РЕФОРМУ, которая должна предшествовать всем остальным, и затронув некоторые преобразования, являющиеся ее неизбежным следствием, переходим к мерам, кои могут за ней последовать и принести большую выгоду стране, нисколько не угрожая самодержавию.

Коснемся сначала кодификации российских законов и попутно организации судов, а также административной власти, тесно связанной с системой правосудия.

Рассмотрев орудия или средства, с помощью которых действует правительственная власть, изложим принципы, коими должно руководствоваться собственно правительство, и, насколько возможно, разовьем их, указав, какие меры следует принять в различных отраслях управления.

Для большей ясности и простоты назовем первую часть нашего трактата «Законодательство», вторую — «Администрация».

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Кодификация

В России уже давно занимаются составлением различных сводов законов — гражданских, уголовных и т. д. В царствование Александра в Государственном совете был не только составлен, но и обсужден проект Гражданского уложения, а также часть Уголовного уложения. Наконец, был подготовлен Коммерческий кодекс, и Государственный совет начал его изучать³⁷.

Проект Гражданского уложения, единственный полностью законченный, судя по всему, не соответствовал поставленной цели. Было сочтено, что в нем слишком много нововведений и вдобавок он не отвечает многочисленным потребностям гражданского и общественного состояния страны; что в этом последнем отношении ему особенно далеко до действующего по сию пору законодательства. В итоге было решено, что отправной точкой и основой всего нового законодательства должно служить прежнее, различные части которого сначала надо объединить в нечто целое. Тогда начали составлять *свод*, то есть собрание всех действующих в империи законов. Этот труд был закончен в нынешнее царствование, и теперь Свод законов служит заменой уложения.

Хотя этот свод состоит из целого ряда толстых томов *in quarto* и потому неудобен, он все-таки является благодеянием для страны, ибо теперь известно, где найти любой нужный закон. Но нельзя этим ограничиться: из сего огромного собрания законов и указов надо извлечь все существенное и отбросить остальное³⁸.

---

* Сие уже сделано, но пока лишь отчасти. Свод, разумеется, может быть уменьшен до гораздо более разумного объема.

Часто оказывается, что в разное время было издано много разных законов или постановлений об одном и том же предмете, да еще предваренных одной или несколькими преамбулами. Между тем суть каждого из них может быть выражена одним-двумя ясными и точными параграфами. Это долгая и утомительная, но вполне посильная работа.

Приступая к изданию свода, Комиссия составления законов решила привести эту мысль в исполнение. Она подготовила краткое изложение действующего законодательства, опираясь на лаконичные выдержки (маргиналии) из тех законов, которые предполагалось объединить в свод. Если бы эту работу продолжали, постепенно совершенствуя план, который выработала комиссия, то мы имели бы сейчас кодекс законов, в двадцать раз менее пространный, чем Свод*.

2. СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО

Первая потребность судебной власти — независимость. Но при существующем в России строе нечего и мечтать о независимости — можно требовать только полного отделения судебной власти от исполнительной.

Отправление судебной власти в России нужно полностью предоставить судам, и административные чиновники ни в коем случае не должны в него вмешиваться.

Говоря об устройстве судебной части, необходимо определить ее главнейшие принципы, основы ее деятельности, подобающий ей характер.

Но после продолжительных размышлений мы еще раз убедились, что к удовлетворительным результатам могут привести только идеи, развитые нами ранее**. Мы полагаем, что в гражданских и уголовных делах надо ввести суд присяжных, устную и гласную процедуру и периодичность сессий для разных судов.

Суд присяжных. Следствие

Суд присяжных — это суд одной ступени.

Против этого нечего возразить в тех странах, где присяжные судят только уголовные дела, а гражданское судопроизводство имеет много инстанций. Естественно, что человек так же дорожит или должен дорожить своей честью и жизнью, как и своим имуществом, и потому, если одна инстанция считается достаточной для уголовных процессов, одной должно хватать и для гражданских дел.

Присяжные будут заседать в гражданских и уголовных палатах в губернских городах.

Сейчас все члены этих палат, за исключением одного, избираются. Судя по всему, в России этот способ предпочитают назначениям правительственным; значит, его можно

---

* Будучи министром внутренних дел, сэр Роберт Пиль реформировал уголовное законодательство и процедуру, для чего собрал в каждом билле множество биллей, касающихся одного предмета; сюда в соответствии с духом времени вносились разные изменения.

** См. выше замечания о судебном и административном порядке — II, часть вторая, глава III.

сохранить. Но при суде присяжных не будет нужды в шести судьях и можно будет ограничиться тремя в каждой палате*.

Мы не станем возвращаться здесь к уже сказанному о введении суда присяжных, а лишь подчеркнем, что необходимо как можно лучше организовать следствие по уголовным делам.

Сейчас суды первой инстанции, или уездные, занимаются без различия и гражданскими, и уголовными делами; местному суду (земскому) или даже исправнику (главе полиции) поручено уголовное следствие. Было бы лучше слить эти суды в один, доверив ему:

- 1) дела, поступающие на апелляцию из судов;
- 2) следствие по уголовным делам.

Члены уездного суда оказались бы, таким образом, одновременно судьями по полицейским делам и судебными следователями.

Здесь тоже можно сохранить принцип выборности.

Относительно апелляций в делах, решаемых присяжными, лучше всего принять систему, коей придерживались во Франции при создании кассационного суда, то есть ограничить роль апелляционного суда надзором за соблюдением предписанных законом форм и правильностью применения закона.

Сенат может быть превращен в апелляционный суд.

Апелляции по делам, решаемым в судах, где нет присяжных, могут рассматриваться и окончательно решаться в гражданской палате. В некоторых случаях, при несоблюдении законных форм или ложном толковании закона можно допустить право апелляции либо к высшим административным властям, либо к кассационному суду.

Для коммерческих дел необходимы отдельные суды и особая процедура; их природа требует, чтобы они рассматривались быстрее других.

Поскольку после освобождения крестьян гражданские права станут всеобщими, то помимо введения мировых судов, о которых мы уже говорили, для обеспечения свободы этих прав необходимо будет создать новые или расширить прежние органы власти.

Чиновники

Перестраивая судебную власть, надо позаботиться и о чиновниках, кои будут служить в этой сфере.

Чтобы в современных условиях набрать достойных чиновников, можно сделать только одно: поощрять изучение юриспруденции и побуждать людей, вступающих на судебное поприще, всецело посвятить себя этой деятельности.

Сохраняя в судебной сфере выборность многих должностей, можно легко избежать опасности того, что их займут люди неспособные, тем более что уже сейчас от некоторых выборных чиновников требуют, чтобы их предшествующая служба была связана с правосудием. Если в судебной карьере появятся несомненные и серьезные преимущества, те, кто будет изучать необходимые для нее науки, получат равные, а возможно, и большие шансы быть избранными на должность, нежели дожидаться правительственного назначения на нее.

---

* Я лично предпочел бы, чтобы все полномочия были сосредоточены в руках одного судьи. Говоря о нескольких, я лишь уступаю существующему мнению.

Независимо от этого правительство должно принять за правило и брать на государственные должности только лиц, либо прошедших экзамен и обнаруживших необходимые способности, либо долго служивших в судебной сфере. Сверх того, при назначении судей и членов кассационного суда или Сената, являющегося высшей апелляционной инстанцией*, нужно действовать по твердым, разумным правилам, открывающим дорогу способным и честным людям. Особенно это касается прокуроров и их товарищей; они должны быть предметом особого попечения правительства; следует всячески стараться заинтересовать их материально и окружить всевозможным почетом. При новом устройстве они непременно станут полезнейшими помощниками правительства. Впрочем, нельзя забывать, что мы предполагаем сохранить обязанности прокуроров практически в их нынешнем виде. Как только возникнет суд присяжных, прокуроры в России будут, как и прежде, только высказывать свое мнение; не их дело добиваться осуждения обвиняемых, как это делается во Франции; новая форма уголовного процесса в России не пойдет по этому пути, а если и пойдет, то с большими ограничениями.

Выборные должности тоже должны достойно вознаграждаться; это не будет отступлением от обычая, потому что и до сих пор большей части выборных чиновников платят гонорары. Только присяжные не будут получать никакого вознаграждения.

Система чинов не может сочетаться с разумным судебным устройством. Если чины сохранятся и при новой организации, надо будет по крайней мере соблюдать принцип, согласно которому чин как таковой не дает права исполнять ту или иную судебную должность, и рассчитывать на ее получение можно, только обладая способностями и более или менее долго прослужив в этой сфере. С другой стороны, если титулы и чины сохранят свое значение, то различные судебные должности следует расписать по Табели о рангах так, как это имеет место сегодня, и установить, что, например, председатель гражданской или уголовной палаты, оставаясь в этой должности, пользуется правами и привилегиями пятого класса.

Совершенно необходимо открыть доступ к судебной карьере всем без различия, а не только привилегированному сословию, то есть дворянам. Многие лица из купечества, мещанства и духовенства, привлеченные большими преимуществами сей карьеры, поспешат избрать ее. При самодержавном и, следовательно, военном правлении дворяне еще долго будут предпочитать военную карьеру всякой иной.

Чтобы сделать изучение юриспруденции более успешным и скорым, получить как можно больше знающих и способных юристов, весьма полезно будет наладить сношения с заграницей. Речь идет не только о том, чтобы иностранцы приезжали в Россию преподавать право, а русские отправлялись учиться за границу; я желал бы еще, чтобы они по завершении занятий оставались бы там на какое-то время и наблюдали за работой судов — особенно в тех странах, где есть суд присяжных. Им следовало бы присутствовать на сессиях и представлять об этом подробные отчеты своим начальникам или уполномоченным правительства за границей.

Когда судебную часть отделят от других ветвей власти, а судебные должности доверят только людям, глубоко изучившим законы, когда умножатся особые школы для изуче-

---

* Сперанский в своем проекте судебного Сената сделал выборным даже состав этого верховного суда³⁹.

ния теории, а во всех судах будут созданы должности аудиторов, кои облегчат молодым людям знакомство с практикой, очень скоро возникнет профессия адвоката; принося пользу подсудимым, она станет еще и своего рода питомником, где страна найдет кандидатов на все судебные должности.

Не удержусь и выскажу по этому поводу некие соображения, которые, впрочем, следует принимать просто как частное мнение.

В России ремесло адвоката неизвестно; при новом устройстве без него нельзя будет обойтись. Мне кажется, что сначала придется убеждать всех самим следить за ходом своих дел, и гражданских, и уголовных. Когда адвокаты постепенно овладеют своей профессией на практике и возникнет адвокатура, деятельность непрофессиональных адвокатов все равно, я полагаю, запрещать не нужно; для этого следует создать должность защитников по назначению или что-то подобное.

На мой взгляд, лучше как можно шире распространять знание законов в народе, нежели сосредоточивать его в руках корпорации профессиональных юристов. В некоторых отраслях человеческих знаний, например в медицине, профессиональное образование неизбежно и даже очень полезно; раз большие и наука от этого только выигрывают, пусть врачи будут только врачами. Применимо ли сие к адвокатам? Известно, что, занимаясь исключительно правом и отправлением своей деятельности в этой сфере, люди закосневают в предубеждениях. Для них прогресс неизбежно ведет к неудобствам: они привыкают толковать текст закона на тысячу ладов и тонут в бесконечных спорах о той или иной юридической доктрине. Все это приводит к умножению и затягиванию процессов. Мне хорошо известно, что устранить эти неудобства нельзя; хочу лишь сказать, что не следует идти по такому пути. Гораздо важнее сделать законы и процедуру понятными для всех, чтобы каждый мог в случае необходимости сам себя защитить и исполнять обязанности судьи (если эта должность станет выборной) или присяжного заседателя — со знанием законов и процедуры.

ПРОЦЕДУРА

Введение суда присяжных обязательно потребует изменений в порядке судопроизводства. При этом, как мы уже говорили, любой процесс должен начинаться и кончаться в одном и том же суде.

Для начала гражданского процесса одна из сторон должна подать иск в гражданскую палату. Суд прикажет явиться другой стороне. Обе стороны представят (сами или через доверенных лиц) записки с приложенными к ним документами, подтверждающими взаимные претензии. Суд исследует их, подберет все законы, касающиеся данного вопроса, и составит точное изложение дела, воздерживаясь от всяких выводов. Прокурор примет это изложение к рассмотрению и удостоверит его точность*. Подготовленное таким образом дело вносится в список дел, которые будут рассмотрены на ближайшей сессии суда с участием присяжных.

---

* В своем проекте гражданской процедуры Сперанский предоставил тяжущимся сторонам право самим изучать резюме своего дела и выступать с возражениями⁴⁰.

При публичном слушании председатель начнет с того, что присяжным будет зачитан доклад суда. Затем стороны или их уполномоченные устно изложат свои претензии. Однако суд может, если сочтет необходимым, позволить им зачитать для присяжных записки, ранее представленные ими в суд. По окончании речей прокурор изложит свое мнение; затем председатель сделает заключение, где объяснит присяжным суть дела; потом, сообщив им, на основании каких законов оно должно решаться, поставит перед ними простой вопрос: «На чьей вы стороне: истца или ответчика?»

В большинстве дел достаточно одного вопроса, но, если дело касается разнообразных обстоятельств и в нем есть отдельные, не зависящие друг от друга пункты, председатель может повторить тот же вопрос для каждого из них.

Если характер дела требует, чтобы приговор сопровождался сложным и подробным разъяснением, суд все равно ставит перед присяжными тот же вопрос, а затем, строго придерживаясь ответа присяжных по существу дела, сам формулирует решение так, чтобы оно было ясным и точным в деталях, удовлетворительным во всех отношениях и простым в исполнении. Так будет действовать суд и при определении сумм, являющихся предметом тяжбы, убытков, отнесенных на счет проигравшей стороны, и т. д. Одним словом, следуя высшему решению присяжных, суд извлечет из него все логические и законные положения для подробного приговора, который и будет им оглашен.

При апелляции кассационный суд выяснит, выполнил ли суд свой долг, как предписывает ему закон.

Я уже говорил и считаю долгом повторить, что некоторые дела, требующие со стороны присяжных специальных познаний, можно разбирать в особом суде, устройство которого будет определено законом.

В уголовных делах процесс начинается со следствия. Оно поручено уездному суду, где заседают судебные следователи.

Одна из формальностей российского следствия — это сбор у соседей подозреваемого сведений о его прежнем поведении, нравственности и репутации. Эту формальность можно сохранить. С другой стороны, в российском следствии есть дикости, противоречащие всякой справедливости и здравому смыслу. Они обязательно должны исчезнуть: так, согласно одному предписанию закона, к подозреваемому посылают священника, который должен убедить его сознаться в том, в чем его обвиняют. Нет ничего глупее и отвратительнее.

Чтобы придать уголовному следствию хотя бы видимость справедливости, надо сделать еще одно: отменить пытки, и не просто отменить, но сделать их невозможными. Русское законодательство запрещает пытку; само правительство не раз обрушивалось на нее в весьма резких выражениях, а в манифесте, изданном в царствование Александра, сказано, что само слово *пытка* должно исчезнуть из русского языка. Но вопреки всему пытка продолжала существовать. Общеизвестно, что во всяком уголовном следствии применяют самые жестокие и варварские средства, чтобы вырвать у несчастных обвиняемых требуемое признание.

Единственное средство навсегда уничтожить пытки — сделать процедуру гласной.

Когда следствие закончено, следователь составляет протокол. Я намеренно употребляю термин *протокол*, чтобы читатель не подумал, что речь идет об обвинительном

заключении. Судебный следователь не является и не может являться обвинителем; он лишь сообщает о фактах, установленных следствием. Я не вижу необходимости в составлении собственно обвинительных заключений и кем-либо еще из судебных чиновников. Достаточно протокола следствия.

Материалы следствия представляются в уголовную палату; председатель и судьи изучают его, допрашивают обвиняемого и составляют краткое резюме дела, приложив (если этого требует обвиняемый) к фактам, установленным следствием, результаты произведенного ими самими допроса. Это резюме не должно содержать никаких выводов.

Я хочу подчеркнуть пользу одного уже существующего предписания, которое, ежели его соблюдать, делает честь русскому законодательству: оно гласит, что суд может принимать во внимание только факты, установленные следствием. Как и в гражданских делах, прокурор должен удостоверять точность документов, составленных судом.

При публичном слушании, происходящем непременно в присутствии подозреваемого, председатель зачитывает присяжным материалы дела. Затем он допрашивает обвиняемого. Этот допрос (как и все предыдущие — и в ходе следствия, и до начала слушаний) должен по возможности состоять из немногих простых, ясных и прямых вопросов. Истина должна обнаружиться скорее из показаний свидетелей, чем из признаний обвиняемого. Последнему надо предоставить право отказаться от ответов, если он предпочитает, чтобы дело объяснялось либо свидетелями, либо его доверенным лицом.

После обвиняемого председатель допрашивает свидетелей обвинения и защиты. Обвиняемый или его доверенный должен иметь право перекрестного допроса свидетелей*.

Обычай принесения свидетелями присяги существует повсюду. Может быть, было бы правильнее требовать от них этой формальности в конце их показаний, а не в начале, как это делается обыкновенно. Нужно вполне доверять сказанному, поэтому свои слова свидетель подтверждает присягой; ведь всякий свидетель гораздо более уверен в том, что он сказал, чем в том, что собирается сказать.

Когда выслушаны свидетели, подозреваемый сам объясняет дело или поручает это своему доверенному лицу. После защитительной речи последнего свое мнение высказывает прокурор. Именно тут, на мой взгляд, закон должен четко определить его роль. Прокурор должен выступать не как обвинитель подозреваемого, но как защитник и хранитель закона; в заключение он может сказать лишь, что по его мнению и совести виновность подозреваемого доказана. Затем председатель подводит итог прениям, объясняет присяжным законы, которые вступят в действие, если их вердикт будет обвинительным, и наконец задают вопрос: «Виновен ли обвиняемый?»

Присяжные объявляют вердикт. Если их ответ положительный, суд определяет наказание.

Всякий уголовный процесс должен кончаться либо осуждением, либо полным оправданием. Русское законодательство допускает середину между этими двумя противоположностями: если подсудимый оправдан лишь за недостатком доказательств и его винов-

---

* В английской уголовной процедуре адвокаты не защищают; они ограничиваются вопросами к свидетелям и перекрестным допросом.

ность не исключена до конца, судья может покарать его бесчестьем, оставив под подозрением. Эта норма явно бессмысленна и непременно должна быть уничтожена*.

НАКАЗАНИЯ

Телесные наказания должны исчезнуть из русского законодательства. Они могут быть заменены только тюремным заключением, лишением свободы или ссылкой.

Ссылка в Сибирь играет большую роль в русском уголовном уложении. Она бывает двух видов: осужденные за кражи и другие подобные преступления, подвергшись телесному наказанию, ссылаются в Сибирь на поселение; осужденные за преступления, предусматривающие чудовищное наказание *кнутам*, ссылаются в рудники, где работают в цепях.

Кроме того, ссылка в Сибирь, особенно в последнее время, применяется к массе людей, виновных в каких-либо беспорядках или просто уличенных в бродяжничестве. Те, кто надеется заселить таким образом тамошние земли, обширные и пустующие, сильно ошибаются.

За неимением лучшего можно по-прежнему ссылать в Сибирь тех, кто признан виновным в преступлениях, по закону влекущих за собой такое наказание, например, воров и т. п. Но не следует применять эту меру к бродягам, не помнящим родства и пр.

Для осужденных за убийство и иные преступления подобного рода, по закону ссылаемых на каторжные работы в рудники, будет отменено только наказание кнутом.

Здесь, естественно, возникает следующий вопрос: следует ли восстановить в России смертную казнь, как это предусматривал проект уголовного уложения, обсуждавшийся и одобренный Государственным советом около тридцати лет назад?²⁴¹

Если бы я рассуждал о смертной казни, имея в виду человека, который совершил тяжкое преступление, — например, убил себе подобного, я бы не затруднился с ответом: разве не лучше несчастному, отяготившему свою совесть таким ужасным злодеянием, умереть сразу, нежели влачить существование в оковах, в отчаянии?

Но вопрос о смертной казни касается и общества, где она применяется, и власти, которая осуждает людей на нее. С этой точки зрения вопрос выглядит совсем иначе. Нет сомнения, что в свете новых идей, начинающих проникать в умы, смертная казнь выглядит обломком варварства, в которое так долго было погружено человечество. Дикарю свойственно разрубать трудности одним махом, а не преодолевать их постепенно. Ясно, что отказ от смертной казни, равно как и от других наказаний, жестокость коих совершенно возмутительна, явится мощным средством смягчения нравов; такова, на мой взгляд, наиболее важная сторона этого вопроса.

Руководствуясь этими соображениями, я без колебаний заявляю, что смертная казнь, запрещенная российским законодательством, не должна вновь появиться в России. Если

* Сия крайне несправедливая середина между безусловным оправданием и осуждением существует в шотландском судопроизводстве. Если присяжные, оправдав обвиняемого за недостатком доказательств, продолжают сомневаться в его невинности, они произносят такой вердикт: «Not proven», то есть «обвинение не доказано», и в этом случае обвиняемого могут еще раз привлечь к тому же делу; для безусловного и несомненного оправдания они пользуются английской формулой: «Not guilty» [не виновен]. Впрочем, это не единственная странность в шотландской уголовной процедуре: закон не требует единодушия присяжных; для обвинения, как и для оправдания, достаточно 8 голосов из 15. Однако в гражданских делах, где суд присяжных был введен только в 1814 году, единодушие является строгим правилом.

проект, о котором я говорю, восстановит ее, то для того только, чтобы отменить наказание кнутом: такое отвращение эта чудовищная, варварская кара внушает всем, у кого в сердце осталась хотя бы капля человечности. Составители проекта правы: если надо выбирать между кнутом и смертной казнью, то всякий справедливый и гуманный законодатель предпочтет последнюю. Но, по нашему мнению, нет никакой необходимости ставить себя перед таким выбором: работы в рудниках — достаточное наказание для самых гнусных злодеев.

Если в русское законодательство захотят ввести в качестве наказания тюремное заключение, лишение свободы, то прежде придется создать соответствующую систему и построить необходимые тюрьмы. Незачем терять время, углубляясь в различные теории, имеющиеся на сей счет, и в системы, предложенные филантропами и принятые в тех или иных странах; Оберн и Филадельфию можно отбросить. Для России лучше и проще всего изучить и взять за образец то, что предпринимается в связи с этим во Франции. После долгого обсуждения вопрос о принудительном заключении нашел там свое решение. Остановились на том, что заключенные не должны видеть друг друга ни днем, ни ночью; им разрешено видеться только с родными, а также со служителями тюрем и посетителями.

На мой взгляд, в данном отношении для России лучше всего последовать примеру Франции. Особенно важно, по моему мнению, подражать тому, что уже сделано и продолжает делаться во французских тюрьмах для молодых заключенных.

Вместе с тем скажу, что, определяя сроки заключения за разные преступления, русское законодательство должно показывать себя более милосердным или, скорее, более справедливым, чем французское, которое в целом весьма сурово.

Чтобы наказания достигали поставленной цели, они вовсе не должны быть суровыми, жестокими и ужасными; в этом уже никто не сомневается, как и еще в одной истине: существование и применение варварских наказаний удерживает народ в состоянии варварства.

Ныне нравы повсюду смягчаются; статистика во всех странах показывает, что сейчас преступления чаще всего направлены против собственности; число же покушений на человеческую личность день ото дня уменьшается. Если бы в России были обнародованы подобные сведения, они бы не только свидетельствовали о том же самом, но и убедили бы, что преступления против личности, особенно убийства, в России более редки, чем во многих (если не во всех) странах Европы. Жестокость русского законодательства не находит ни оправдания, ни объяснения в состоянии нравов, ибо русские по сравнению с другими народами скорее добры, нежели свирепы.

Административное устройство

Упорядочив организацию, юрисдикцию и компетенцию различных судов, гражданскую и уголовную процедуру, можно приступить к изменениям в устройстве административной власти.

Общинное устройство с административной точки зрения предопределено созданием мировых судов, о коих мы уже говорили, а также созданием уездных судов, в ведение которых входит и полиция.

Собрания дворян или, скорее, землевладельцев первого класса, обладающих землями, ценность которых превышает установленную сумму, будут сохранены, претерпев лишь незначительные изменения, которых потребует освобождение крестьян и общедоступность владения землей.

В городах сохраняются привилегии купечества и мещанства, касающиеся юрисдикции и компетенции их советов (ратуши, магистраты). Было бы полезно создать что-то вроде совета или комитета, где все домовладельцы — дворяне, купцы и мещане — могли бы вместе обсуждать городские дела. Желательно, чтобы члены этого совета избирались всеми без различия собственниками недвижимости, и избранным мог быть всякий, имеющий дом в городе. Таким образом, городские дела рассматривались бы представителями всех, кто в этом заинтересован. Это помогло бы постепенно устранить сословное неравенство*.

После нескольких лет практики, когда новый порядок вещей станет привычным, было бы полезно объединить все эти учреждения — дворянские собрания, советы, а также ратуши и магистраты — в одно собрание или совет, состоящий из выборных от всех граждан определенной категории. Подобный совет заседал бы в каждом уездном и губернском городе, ведая всеми делами местной администрации, которыми теперь занимаются различные органы власти, перечисленные выше.

Следует поставить целью учреждение именно таких общих советов в губернских городах и муниципальных и волостных советов в уездах; именно к этому должны привести предлагаемые нами реформы, если, конечно, их предпримут искренно, то есть с намерением добиться успеха.

Эти советы в сочетании с мировыми судами станут основой местного самоуправления страны.

Не думаю, что эти советы надо вводить сразу. Освобождение крестьян и доступ всех сословий к владению землей приведут к неизбежным изменениям и в устройстве нынешней выборной администрации, и в направлении ее развития. Действие этих органов власти — как дворянских, так и купеческих и мещанских в городах и деревнях — непременно получит широкое распространение. Хорошо было бы сохранить эти органы до тех пор, пока люди не привыкнут к новому порядку; когда же они почувствуют все выгоды объединения, можно будет подумать и о создании упомянутых выше советов.

Обязанности гражданских и военных губернаторов, а также различных чиновников исполнительной власти останутся практически прежними; они лишь не будут принимать участия в судебных делах.

Мы понимаем, что предложенные нами преобразования исполнительной власти далеки от полноты и единства. Дело в том, что при самодержавии, сутью которого является произвол, которое способно царить, только не давая никому покоя, присвоив себе право все регламентировать, запрещать и упорядочивать — словом, вмешиваться во все кстати и некстати, очень трудно предложить что-либо удовлетворительное в области управления. Поэтому нам пришлось ограничиться указанием на те изменения, которые будут не-

* Основой для полного городского кодекса мог бы послужить регламент, на основании которого управляются города сейчас («Городовое положение»)⁴². Полезные сведения содержатся в прусском законодательстве (*die Städte-Ordnung*).

избежно внесены в местное управление освобождением крепостных и новым распределением земельной собственности. Говоря о дворянских собраниях и полномочиях их предводителей, о выборных органах городского самоуправления, мы смогли лишь бегло очертить тот порядок, который, на наш взгляд, соответствовал бы нуждам страны: нам хорошо известно, что, если самодержавие будет, как и прежде, воздействовать на выборные органы власти, любое улучшение останется абстракцией.

Говоря о государственных крестьянах, я по этой причине вынужден был ограничиться замечанием, что на казенных землях, как и на помещичьих, могут быть введены мировые суды. Для казенных земель существует особое управление — целое министерство; мы же хотели только указать, что единообразие органов управления приносит пользу всем земледельцам, живущим как на государственных, так и на помещичьих землях.

Словом, мы стремились перечислить изменения, сопряженные с освобождением крестьян, и показать путь, который может привести к улучшениям.

С судебным устройством дело обстоит иначе. Правильность, законность хода судебных дел совместима — по крайней мере до известных пределов и в большинстве случаев — с существованием самодержавия. Доказательства тому были и есть во многих странах. Даже в России в судебных процессах закон еще имеет силу. Произвол останавливается перед некоторыми предписанными формами гражданской, а иногда и уголовной процедуры. Поэтому мы могли яснее говорить о судебном устройстве, входить в различные подробности и предлагать большее число преобразований.

II. Администрация. Принципы управления

Перейдем теперь к изложению общих принципов, коими должна руководствоваться власть, в том числе и абсолютная, если предположить, что она желает блага стране.

1. Собственно администрация

Одно из самых серьезных и неизбежных неудобств абсолютной власти состоит в следующем: она верит, что может сделать все, но не делает совершенно ничего или делает очень мало. В еще большей степени, чем власть представительная, она должна была бы устроить все таким образом, чтобы управление шло, так сказать, само собой, и ее вмешательство требовалось бы как можно реже; на деле же она вмешивается во все. Сама природа сей власти возлагает на нее это тяжкое и мучительное бремя; единственное средство облегчить его — передать часть полномочий народу. Но самодержцы, как правило, не любят, чтобы административные дела шли единообразно и четко без их непосредственного воздействия; они желают заниматься всем одновременно. И каков результат? Они до тех пор уделяют все внимание второстепенным делам и мелочам — всегда более легким, но и более многочисленным, — пока не рухнут под их бременем. Тогда, веря, что совесть их чиста, они говорят себе, что трудятся для страны, посвящают ей все время, жертвуют отдыхом, даже здоровьем, что они, наконец, исполняют свой монарший долг с поистине религиозным рвением. Но, поглощенные мелочами, они не замечают, что упускают важные дела, вверяя их небрежно-

сти, неспособности, дурным страстям своих министров или низших чиновников или вообще полагаясь на волю случая. Заботиться о деталях и одновременно управлять ходом правительственной машины — задача, с которой одному человеку справиться невозможно, даже если он употребит на это все свои силы. Но самодержцы не желают опускать руки: они прежде всего и с наибольшей охотой занимаются частностями. Не достойнее ли оставить за собой лишь высшее управление, а остальное препоручить законным органам власти, самому народу, главная потребность которого — хорошее управление?

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

В управлении есть применимый везде, и в конституционных странах, и в неограниченных монархиях, принцип: предоставление местным органам власти права решать те дела, какие они могут на себя взять; центральная власть вмешивается только в тех случаях, когда это касается интересов всей страны.

Принцип этот противоречит принципу централизации. Мы не намерены здесь исследовать, каким образом возникло болезненное стремление все объединить в едином центре. Если в рядах сторонников централизации и есть просвещенные и здравомыслящие люди, то не потому, что они считают благом централизацию как таковую, а потому, что она кажется им полезной или необходимой для правительства и для страны как средство влияния; это зло, которое, по их мнению, помогает излечить другие недуги и придает стране недостающую силу. Взглянув с этой точки зрения, мы не станем осуждать принцип централизации в других государствах, но для России он абсурден во всех отношениях.

Спросим прежде всего, где центр, а где окружность? Центр находится на одном из краев империи, занимающей девятую часть земного шара! И однако, в России, как и везде, желают централизации! И здесь, чтобы построить здание в Одессе или Иркутске, необходимо получить одобрение проекта у петербургских архитекторов!

Очевидно, что в России здравый смысл и необходимость больше, чем где бы то ни было, требуют децентрализации.

Скажу больше: в России нужно не только рассредоточить управление, но и всемерно поощрять местное самоуправление, за недостатком которого все деятельное, умное и живое в народе перетекает в центр, в столицу — к величайшему ущербу для провинции. Ей нечего ожидать больших успехов в цивилизации, пока influentialным, просвещенным и богатым людям не станет выгодно там жить, пока, желая извлечь пользу из своих способностей или состояния, они будут вынуждены переезжать в Петербург или Москву.

Самостоятельная местная власть особенно нужна в губерниях и областях, наиболее удаленных от центра. Эти провинции, например Сибирь, могли бы в каком-то смысле быть тем, чем в других странах являются колонии.

ВЫБОРЫ АДМИНИСТРАТОРОВ

В управлении есть еще одно правило — оно настолько справедливо и важно, что его можно принять за принцип: страна, насколько сие возможно, должна управляться сама, правительству же надо вмешиваться только тогда, когда без него нельзя обойтись.

Я не стал бы говорить о применении этого принципа в России с ее самодержавным строем, если бы он уже не был там отчасти принят. В самом деле, мы видели, что многие административные и судебные должности уже поручены выборным лицам. В целом они справляются со своими обязанностями; значит, не следует отказываться от сего здорового и полезного средства управления.

Одно из главных достоинств принципа выборности состоит в том, что он уменьшает зло, причиняемое бесчисленной сплоченной толпой правительственных чиновников. Они в конце концов образуют целую корпорацию, нечто вроде касты, и там, где нет представительных учреждений, поистине становятся язвой, разъедающей самые живые и благородные силы государства. В странах, захваченных чиновниками, эти люди узкого ума и механических привычек, чувствующие себя хорошо только в колее рутины и в потемках невежества, зачастую продажные, всегда упорно сопротивляются любому улучшению и движению вперед.

Чиновники

Если государство желает иметь чиновников, способных занимать различные должности, то административная карьера должна быть открыта для всех способных людей. Дворяне могут сохранить за собой право выполнять различные обязанности, выборные или зависящие от правительства; однако необходимо, чтобы способности и заслуги, подтвержденные на конкурсе или экзамене, отразившиеся в разного рода сочинениях, принимались во внимание наряду с дворянством; надо, чтобы способный и достойный человек из любого сословия мог, как и дворянин, предложить свои услуги правительству и стране.

В управлении есть много отраслей, требующих специальных знаний и опыта. Здесь особенно необходимо участие недворян — следует только опираться на свод правил, позволяющий отобрать способных кандидатов.

Дело только выиграет, если те, кто исполняет определенные обязанности, будут занимать их исключительно ими. Исходя из этого, хорошо было бы до известной степени ограничить свободу перехода с одной службы на другую; но в России нельзя установить общие правила на сей счет. Во-первых, система выборной власти никогда не подчинится всем требованиям такого рода; во-вторых, дворяне, верные обычаю, часто начинают служить по гражданской части, только побывав на военной службе. Пока этот обычай останется в силе, было бы несправедливо закрывать отставным военным дорогу к делу, в котором они могут быть очень полезны стране.

Неразумно и удалять от административной карьеры лиц, служивших по судебной части: именно там приобретается привычка к законности, весьма нужная всем, кто занимается управлением.

Допуск иностранцев

Мы не можем пройти мимо живо занимающей Россию проблемы. Это допуск иностранцев на государственную службу (мы имеем в виду все ее поприща).

Естественно, хотя и не логично, что коренные жители страны ревниво смотрят на иностранца, который, приехав на чужбину бедняком, наживает состояние, занимает важные посты и в конце концов приобретает на своей новой родине влияние на людей и дела. В стране, устроенной так, как Россия, весьма нередко случается, что личные достоинства людей, прибывших из-за границы, ни в коей мере не стоят милостей, которыми их осыпает правительство, и внимания, коим их окружают. Прежде всего этим объясняется неприязнь, которую русские обыкновенно питают к иностранцам, вступающим в государственную службу. Но злоупотребления принципом еще не доказывают, что сам принцип порочен. Напротив, нет ничего справедливее, чем позволить всем служить стране — как иностранцам, так и коренным жителям, если они к этому способны. Русские должны помнить, что множество иностранцев оказало услуги их родине; в истории нового времени отыщется немало примеров тому: Лефорт был другом и достойным сподвижником Петра I; Остерман, чьи блестящие таланты нередко затмевались мелочностью характера и свойственным ему интриганством, тем не менее в течение долгого времени и с беспорным успехом руководил внешней политикой страны; знаменитый маршал Миних не только увенчал славою русские войска, но и возглавил крупные работы, направленные к общему благу, — например, строительство Ладожского канала. Немного позднее генералы Ласси и Кейт одержали громкие победы, а их личные качества стяжали им всеобщее уважение; Кейт, которому было поручено управление столь важным краем, как Малороссия, оставил о себе добрую память: там и сегодня рассказывают о его честности и любви к справедливости. В наши дни русскими войсками достойно и со славою командовал генерал Беннигсен. В окружении императора Александра был еще один иностранец, граф Каподистрия, не уступавший ни талантами, ни характером ни одному из министров этого монарха. И теперь в России есть родившийся за ее пределами министр финансов, который, без сомнения, может не опасаться сравнения с русскими министрами, его предшественниками⁴³. Многие иностранцы принесли немалую пользу на второстепенных должностях в различных отраслях управления. Гражданская и военная служба: управление рудниками, разными фабриками и мануфактурами, флот и армия, медицинские и хирургические школы, ученые общества, академии, университеты, наконец, искусство и даже ремесла не могут обойтись без иностранцев; большое число умных и достойных людей приезжает именно с тем, чтобы оказать весомые услуги стране. Поэтому вполне можно забыть о той массе авантюристов, которые проникают сюда с единственной целью — при помощи ловкости и проницливости воспользоваться слабостью, которую правительство и публика питают ко всему заграничному.

До тех пор пока русская цивилизация не достигнет уровня европейской, иностранцы всегда будут приезжать в Россию и обретать там привилегированное положение. Так в физическом мире река всегда находит свое русло — было бы нелепо пытаться ей помешать.

Императрица Екатерина II, прибегая к услугам иностранцев, тем не менее отличала русских и по мере возможности главные должности доверяла им. Такая политика иной раз доходила до крайности. Успех знаменитого Чесменского сражения, завершившегося сожжением турецкого флота, был целиком приписан так называемому командующему русским флотом, знаменитому Орлову, который даже не был моряком и во время битвы

никак себя не проявил; на самом деле вся честь этого памятного дня принадлежит иностранным офицерам: шотландцу Грейгу и другим. Стремление держать иностранцев только на второстепенных должностях может льстить национальному тщеславию; у Екатерины, которая сама была иностранкой, вероятно, были причины так поступать, но эта система несправедлива и противоречит истинным интересам государства.

Впрочем, русские часто считают иностранцами тех, кто родился российским подданным, но имеет нерусскую фамилию, например ливонцев и других. Однако они должны знать, что ливонцы обладают ровно такими же правами на занятие любых должностей, что и настоящие русские.

Во всех без исключения европейских странах законы об иностранцах кажутся мне крайне устаревшими и носящими отпечаток варварства. Что опасного и неудобного может быть в устранении из законодательства различий между иностранцами и коренными жителями, если иностранцам так желательно? Человек прежде всего просто человек и уж потом гражданин или подданный какого-либо государства. Если он покидает родную страну и переезжает в другую, ему достаточно быть человеком, чтобы пользоваться всеми преимуществами нового общества. Нет оснований отказывать ему в этом, если он согласен подчиняться всем обязанностям, кои общество налагает на своих членов. Сегодня, когда мы видим, как цивилизация стремится воодушевить всех людей единым чувством всеобщего братства, все законодательства мира должны не держаться за различия и разделения, а, наоборот, отменять их и тем устранять препятствия к свершению определенных Провидением судеб человечества.

В этом отношении, как и во многих других, французские законы (по крайней мере основные) отличаются большей справедливостью и определенным великодушием. Иностранец, приезжающий во Францию, может без каких-либо предварительных формальностей поселиться там, приобрести земельный участок, стать собственником. Но дополнительные законы все это изменили, предоставив исполнительной власти (по закону Конвента) право изгонять любого иностранца с территории Франции*. По основному законодательству (конституция 1790 года) любой иностранец, проживший во Франции десять лет, получает право на гражданство; но здесь тоже вмешиваются дополнительные законы: согласно декрету 1809 года правительство может отказывать в предоставлении гражданства.

В Англии все наоборот. Тамешнее законодательство не благоприятствует тому, чтобы иностранцы селились в Англии. Они не могут не только приобрести недвижимость, но и на законных основаниях снять дом. Зато со времени отмены Alien Bill** правительство потеряло прежнее право изгонять их из страны, так что теперь иностранцы пользуются теми же личными правами, что и англичане⁴⁵.

* Бывший герцог Брауншвейгский, бежавший во Францию, однажды получил приказ правительства покинуть страну. Он нашел способ не подчиниться этому (другое лицо вызвалось его заменить), а правительство посмотрело на сие сквозь пальцы. Однако он посоветовался с г-ном Контом — философом, который с присущим ему талантом писал об этой части законодательства. Тот посоветовал ему купить дом. «Если вас захотят выгнать, когда вы будете собственником, — сказал он герцогу, — вы будете жаловаться. Я почти уверен, — прибавил он, — что во Франции не найдется суда, который предпочтет закон Конвента основному законодательству страны»⁴⁴.

** Билля об иностранцах (англ.).

Чины

Система чинов, о которой мы уже говорили, нигде не создает таких неудобств, как в управлении. Мы рассказали о том, как можно ослабить эти неудобства и в конце концов прийти к полной отмене чинов, давно не имеющих никакого значения.

Отметим, что, сохраняя привилегии, закрепленные за различными классами Табели о рангах, можно без труда установить соответствие между названием должностей и обязанностями чиновников и, расположив должности по классам Табели, заменить ими уже ничего не значащие чины. Можно было бы изменить и принцип, требующий для занятия любой должности соответствующего чина. Этот принцип уже не применяется к выборным должностям. Человек с чином 8-го или 9-го класса может быть избран на должность, для коей обычно нужен более высокий чин, и в таком случае пользуется положенными привилегиями. Например, председатели различных палат во время исполнения своих выборных обязанностей пользуются привилегиями 5-го класса. Так почему бы исполнительной власти или правительству не назначать на должности 5, 4 или 3-го класса лиц, еще не выслуживших такого чина? Таким образом, многие почтенные люди, находящиеся в отставке, могли бы достойно послужить стране, заняв губернаторские и иные должности. Удаляясь от службы, эти должностные лица, как и выборные, сохраняли бы прежний чин.

Награды

Говоря о чинах, нельзя обойти молчанием награды, этот способ управления, к которому столь расположены монархи (за исключением английского), а особенно монархи неограниченные. Сие средство в принципе недопустимо. Кроме того, злоупотребления здесь коренятся настолько глубоко, что сама идея наград терпит всякий смысл.

Говорят, что отличия — всего лишь справедливое вознаграждение за услуги, оказанные стране на гражданской или военной службе, в науках, искусствах, торговле или промышленности. В таком случае следовало бы по крайней мере твердо определить, как можно сии награды заслужить, и свято соблюдать эти правила. Но происходит как раз наоборот: отличия обыкновенно расточаются так щедро, что в конце концов на виду оказываются те, у кого их нет.

Но разве нельзя без этой приманки побудить человека исполнять свои обязанности хорошо, лучше других и, наконец, блистательно? Ответ на этот вопрос могут дать страны, где нет никаких орденов. Англии и Соединенных Штатов Америки по-прежнему не коснулась эта мания, распространившаяся в новое время почти во всех европейских странах и дошедшая до абсурда: встречая на каждом шагу толпы награжденных орденами людей, невольно начинаешь думать, что страна переполнена героями и выдающимися гражданами. Разве английские и американские солдаты и моряки сражаются с меньшим мужеством, разве администраторы там хуже управляют, банкиры хуже ведут свои дела, а поэты пишут менее вдохновенно только потому, что им не суждено получить побрякушку на ленточке? Не рассчитывали на это и воины французской республиканской армии.

Однако эта мания отличий и наград более плачевна, нежели смешна. Даже после недолгих размышлений становится понятно, что сей детский обычай пробуждает в человеческом сердце мелкие, дурные страстишки: желание отличиться от себе подобных и тщеславие — и незаметно заставляет забыть о том, что человек, жаждущий уважения, должен прежде всего уважать себя. А сего можно достичь, только не роняя своего достоинства человека и гражданина, благородно пользуясь своими правами, тщательно исполняя свои обязанности. Впрочем, сама природа так прочно укоренила в человеческом сердце желание заслужить одобрение себе подобных, снискать их уважение, что все искусственные средства, изобретенные правительствами, излишни и вредны, ибо они извращают естественное чувство и из законного делают его порочным.

Не станем далее рассуждать об этом применительно к России, не желая сосредоточивать внимание на таких пустяках, когда речь идет о серьезных переменах, кои должно предпринять в этой стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После реформ, о которых мы говорили выше, дела в целом пойдут более размеренно и, соответственно, с большей легкостью; действия власти будут более успешными, а ее благодетельные намерения не встретят непреодолимых препятствий, свойственных нынешнему положению вещей. Увы, перед ними останавливаются, о них разбиваются самые законные стремления.

Не исключено, что особые возражения со стороны тех, кто проникнут так называемым аристократическим духом, вызовет та из предложенных нами реформ, которая допускает людей всех состояний к занятию любых должностей. На это мы ответим, что открыть заслугам и способностям доступ к различным поприщам, допустить недворян к судебным и административным делам — это вовсе не насилие и не дерзость; мы уже сейчас видим, как эти должности отлично исполняют люди, вышедшие из всех сословий, а особенно из духовенства. Реформа лишь упорядочит то, что уже существует, но существует без системы, как придется; она, так сказать, признает справедливые, основанные на заслугах притязания, заменит узурпацию законностью. Высшее сословие сохранит свои привилегии повсюду, где они не будут оспорены талантливыми людьми. Бестолковость и отсутствие способностей по-прежнему будут укрываться под эгидой привилегий; истинные заслуги будут и далее опираться на привилегии. Здесь немного изменится: только не признанные прежде заслуги, подавляемые нынешним положением вещей, окажутся в большем почете.

Что же касается аристократических принципов, то мы уже видели, что русское дворянство вряд ли может считаться аристократией. Это всего лишь привилегированное сословие. Настоящим аристократам и в голову не придет, что дозволение всем занимать должность судьи или чиновника в какой-нибудь канцелярии может им чем-то угрожать.

Час аристократии пробил, и если в России сегодня еще мечтают о так называемом аристократическом принципе, то мы видим в этом только очередное доказательство бессилия, бесплодия абсолютной власти, которая даже в редких своих порывах к лучшему будущему хватается только за пустяки.

2. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Как только рассмотренные нами перемены расчистят и хорошо подготовят почву, можно будет приступить к другим реформам.

Прежде всего следует подумать о народном образовании*. Нетрудно предвидеть, что образование будет развиваться гораздо быстрее и принесет больше плодов, когда заслуги, способности и полученные знания станут для всех без исключения дорогой к уважению и высокому положению в обществе.

В наши планы не входит обсуждение теорий воспитания, его систем или методов; мы хотим рассмотреть только материальные средства, нужные для поощрения и распространения просвещения.

Под воспитанием мы понимаем приобретение знаний, движущих вперед разум человека, то есть, собственно говоря, образование. Нравственной стороны воспитания мы не намерены здесь касаться.

Ограничив себя этими рамками, отметим, что нужды народного образования в России сводятся к трем главным пунктам:

1. Добрая воля правительства.
2. Финансовый вопрос.
3. Более тесный контакт с цивилизованным миром.

1. Поскольку власть сохраняет за собой первенство во всем, то именно ей Россия обязана учреждениями, кои ведают народным образованием. Когда присмотришься к тому, что сделано в этом направлении, поражаешься, в каком забвении находится образование низших сословий, особенно крестьян. На это должно прежде всего обратить внимание правительство, как только миллионы людей обретут свободу.

Чтобы начальное образование развивалось и приносило плоды, правительству достаточно просто надзирать за ним. Если успехи высшего образования его сегодня пугают, то к начальному оно совершенно безразлично. С этим равнодушием необходимо покончить.

Напрасно убеждать самодержавие в том, что в высшем образовании особенно важны интересы цивилизации, а значит, не только нельзя препятствовать прогрессу, но, напротив, следует всячески содействовать его распространению. Но есть такие стороны цивилизации, которые не касаются абсолютной власти впрямую; здесь она по крайней мере не должна бездействовать. В цивилизованности России так далеко даже до тех просвещенных стран, где пока сохраняется абсолютная власть, что правительство еще долго может действовать энергически, с полной свободой, прежде чем у него появится повод опасаться излишнего просвещения народа.

2. Учредить начальные школы в общинах, уездах и т. п.; создать средние школы, специальные школы; поддерживать старые университеты и основать новые — все это потребует значительных издержек.

Сейчас в России еще не время думать о том, чтобы те, кто получит выгоды от образования, хотя бы частично взяли на себя расходы по нему. Как правило, образование там

---

* Мы имеем в виду общее всесословное образование, государственное, или муниципальное, и не придаем слову *народное* какого-либо особенного значения.

бесплатно. Однако в принципе не надо отвергать и плату. Справедливо и полезно, чтобы часть расходов на образование несли те, кто его получает, если это им под силу. В некоторых случаях так делается уже сейчас. В будущем, когда образование распространится, этот принцип будет применяться шире.

Пока же расходы на общее образование должно нести государство. Финансы империи находятся не в лучшем состоянии, бюджет России далеко не отвечает той роли, какую она играет в мире; однако довольно просто доказать, что даже при нынешнем состоянии финансов Россия вполне могла бы удовлетворить все нужды всеобщего и бесплатного общего образования: стоит вспомнить, что содержание одного гусарского эскадрона стоит ежегодно столько же, сколько содержание университета. Пусть упразднит некоторые полки, откажутся от больших парадов в Вознесенске, Калише, Бородине, пусть возводят меньше дворцов — тогда найдутся средства на школы и иные учреждения народного образования.

3. Сообщение с цивилизованным миром происходит двумя способами: если иностранцы приезжают в Россию и если русские едут за границу.

И в общественном, и в частном образовании иностранцы всегда играли в России большую роль. Иначе быть не могло, и продлится это еще долго. Значит, правительство должно содействовать тому, чтобы способные и честные иностранцы приезжали в Россию, предлагая им всевозможные выгоды. Но еще разумнее было бы поощрять поездки молодых русских за границу для получения образования или для его завершения. Чтобы этот способ цивилизации принес добрые плоды, не следует ограничиваться отдельными лицами: молодые люди должны сотнями, тысячами (либо за свой счет, либо за счет правительства) отправляться за границу, поближе к образованию. В странах, где науки преподаются лучше — в Германии, Франции, Англии — российское правительство могло бы открыть учреждения, предоставляющие русским все возможности для занятий; образцом для этого могла бы послужить Академия изящных искусств, созданная Францией в Риме. Большие, несомненные услуги были бы в состоянии оказать здесь многочисленные чиновники дипломатического корпуса: они бы помогали занятиям молодых людей, поддерживали их и даже, если надобно, наблюдали за ними, наконец, были бы посредниками между ними и правительством.

Хорошо было бы в то же время преобразовать Дерптский университет на более широких и прочных основаниях. Эта высшая школа по своей организации и серьезности занятий стоит ближе всего к немецким университетам, идущим впереди учебных заведений подобного рода во всем мире. Россия бы очень выиграла, если бы располагала университетом, представляющим науку самого ученого из европейских народов.

Особенно важно, чтобы преподавательское поприще было доступно всем; именно в этой области в расчет могут приниматься только заслуги и способности. Впрочем, здесь практика уже соответствует теории, ибо среди преподавателей гораздо больше тех, кто по рождению не принадлежит к привилегированному сословию: весьма немногие дворяне избирают эту карьеру.

Современное законодательство, стремясь примирить интересы народного образования с системой привилегий и Табелью о рангах, распределяет различные ступени лестницы образования — от студента до ректора университета — в соответствии с существующими чинами. Это деление придется сохранять до отмены самих чинов.

Права, предоставленные университетским образованием или преподавательской деятельностью, должны оцениваться так же, как и в любой карьере, то есть те, кто, например, получит в университете степень доктора, соответствующую 8-му классу, приобретут право вступать в государственную службу на должность этого класса. Студенты и доктора прав смогут занимать соответствующие должности в судебной сфере. Во-первых, сие справедливо, а во-вторых, это заставит молодых людей продолжать занятия, не вступая слишком рано на служебную стезю.

3. РЕЛИГИЯ

Религией мы займемся в той же мере, что и народным воспитанием: рассмотрим лишь главные ее стороны.

Для начала укажем на положение духовенства. Оно в самом деле плачевно, и его надо спешно улучшать.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДУХОВЕНСТВА

Прежде всего следует позаботиться о материальных интересах духовенства: это наименее трудная часть задачи. Как мы уже говорили, средства священника сегодня целиком зависят от великодушия прихожан; государство не помогает ему ничем. Только в деревне священник и другие клирики имеют земельный надел, который они должны обрабатывать самостоятельно; кроме того, они получают очень скромное денежное пособие*. При отсутствии полной свободы вероисповедания, когда русским нельзя открыто исповедовать другую религию, кроме государственной, зависимость, в которой находится пастырь по отношению к своей пастве, создает чрезвычайно серьезные трудности. В России много прискорбных доказательств этого: священники здесь совершенно не пользуются уважением, а религиозное просвещение почти полностью отсутствует. Наблюдая сие всеобъемлющее и печальное явление, можно ли усомниться в необходимости искоренить это зло?

Следовательно, нужно улучшить положение духовенства и в городе, и в деревне, назначить клирикам жалованье, к которому можно было бы прибавить сборы от прихожан; надо только сделать так, чтобы эта денежная сумма была точно определена и выплачивалась регулярно и священник мог рассматривать ее как обязательный взнос прихожан, а не как милостыню.

Размеры содержания в разных частях обширной империи, несомненно, будут различными. Положив приходским священникам (как городским, так и сельским) жалованье в размере от 500 до 1000 рублей, можно удовлетворить их насущнейшие нужды. Это, конечно, не такие уж большие расходы. Во Франции жалованье кюре в среднем составляет 800 франков; его находят недостаточным и предпринимают попытки его уве-

---

* Число священников, учившихся в семинарии, естественно, растет с каждым днем. Получив сельский приход, они, как правило, не обрабатывают сами свою землю. В целом они пользуются некоторыми преимуществами по сравнению со священниками, не получившими регулярного образования.

личить. При этом во Франции кюре дают обет безбрачия, а в России для принятия сана надо быть женатым.

ОБРАЗОВАНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Постаравшись сделать священника более независимым, а положение его более уважаемым, следует заняться переустройством духовных училищ и академий. Этой отраслью образования до сих пор пренебрегали. Сначала она находилась в полной зависимости от власти епископов; потом их деятельность была пресечена, но ничего лучшего взамен найдено не было. Однако подчас эта деятельность, как доказывает пример знаменитого митрополита Платона, приносила хорошие плоды⁴⁶. Неограниченная власть епископов, конечно, ничем не лучше любой другой единоличной власти; но бездеятельность и беспорядок еще менее желательны. Школы для духовенства должны быть лучше устроены, а преподавание в них должно стать предметом более пристального внимания. Вполне можно довести их до уровня университетов и университетских гимназий; это было бы большим шагом вперед, ибо за некоторыми исключениями (Троицкая семинария и академии в Москве и Петербурге) духовные училища во всех отношениях сильно отстали от светских учебных заведений.

СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ

Дерзну утверждать, что сношения с заграницей в этой сфере были бы не менее полезны, чем во всех прочих. Почему бы для завершения образования не посылать молодых людей, готовящих себя к служению церкви, на те факультеты протестантских университетов, где богословие преподают образованные и благочестивые люди? Греко-русской церкви чужды католические притязания на исключительность; молодым русским священникам нечего опасаться за свое православие, если они, например, прослушают курс образцового ученого и христианина, профессора Неандера в Берлине⁴⁷.

ПРОПОВЕДИ НА ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

Проповеди, произнесение коих является обязанностью священников, для России непривычны. Но поощрять их отнюдь не лишнее занятие; пожалуй, их следует даже сделать обязательными*. Для этой цели проповедникам, насколько это возможно, надобно пользоваться народным языком и отказаться от варварской смеси славянского и русского, которая составляет ныне стиль речей, звучащих с церковной кафедры.

В связи с этим нельзя не отметить, как мешает употребление исключительно славянского языка не только при отправлении богослужений, но и в частных молитвах. Чувства, наполняющие сердце, требуют искреннего излияния; молитва, обращенная к Богу, должна вы-

---

* Во времена митрополита Платона каждый священник за время обучения в семинарии должен был в течение года произнести двенадцать проповедей собственного сочинения; за каждый пропуск он платил рубль штрафа. Те, кто не изучал богословие, должны были читать чужие проповеди, заимствуя их из специально составленных для этого печатных сборников. Сегодня, как мне говорили, сельские священники, окончившие семинарии, должны приезжать в город и произносить сочиненные ими проповеди.

ражаться свободно и, следовательно, на языке, привычном для молящегося. Обращение к более или менее чуждому наречию неизбежно стесняет священный диалог человека с Создателем. Католицизм, конечно, предписывает всем народам употребление единого языка, однако наряду с этим универсальным языком богослужений каждый молится на своем собственном языке. Даже Библия (если отвлечься от трудностей, которые вносит в ее чтение католическая церковь) более доступна верующим в католических странах, нежели в странах, где жители исповедуют православие (хотя церковь и не препятствует ее чтению), потому что в католических странах кроме латинского текста существуют и тексты на национальных языках. Славянский язык, хоть и понятный русским, все же остается для них непривычным.

Под влиянием библейских обществ, некогда пребывавших под опекой правительства, однажды было предпринято прекрасное и доброе дело: я имею в виду перевод Библии на русский язык. Уже был переведен и напечатан Новый Завет, но тут работа была внезапно прервана: вмешался тот самый рок, который преследует в России все полезное, доброе и великое, не допуская, чтобы благи начинания вызревали и приносили плоды. Следует отметить, что это предприятие было затеяно и отчасти осуществлено только благодаря рвению и заботам высшего духовенства. Сейчас задача состоит в том, чтобы завершить сей перевод, поручив еще раз пересмотреть и исправить русский текст людям, наиболее способным выполнить эту задачу. Все понимают важность чистого, точного, возвышенного стиля в подобном труде. Одна из главных заслуг Лютера, одно из полезнейших его деяний — это именно перевод Библии.

СЕКТАНТЫ

Многовековой опыт вполне доказал, что преследовать сектантов в любом случае — обращают ли их к основной вере, запрещают ли — дурно и бесполезно.

Большая часть сект православной церкви опирается на христианские верования; другие же, например молокане, стремятся сочетать христианство с иудаизмом; наконец, некоторые, отличающиеся своего рода спиритуализмом, а именно духоборы (взыскующие духа), заявляют, что поклоняются Богу только в духе и истине.

Есть сектанты, отрицающие любые присяги; иные доходят до того, что отрицают право императора царствовать. Однако все сие не мешает этим людям исполнять все обязанности подданных, платить налоги, служить в солдатах, отличаться нравственностью и честностью поведения*.

Но есть секты, учение которых отличается жестокостью, близкой к варварству. Некоторые из них выражают свои религиозные верования путем нелепейших, возмутительных поступков, например оскпления.

---

* Один такой сектант стал солдатом. В течение десяти или пятнадцати лет, проведенных на службе, он отличался безупречным поведением. Однажды, не зная в связи с чем, с ним затеяли ссору по поводу его мнений о верховной власти. Он заявил, что его вера запрещает ему признавать право императора на власть; его судили, приговорили к наказанию шпицрутенами (при том, что за все время службы он еще ни разу не был наказан) и к переводу из полка конной гвардии, где он служил, в армейский полк. Он со стойким мужеством перенес жестокое наказание и, ко всеобщему удивлению, вместо того чтобы отправиться в госпиталь и лечить раны, явился в полном обмундировании и объявил, что готов ехать к месту нового назначения.

В таких случаях помочь злу можно, только наставляя и просвещая несчастных, заблуждающихся столь плачевным образом. Вместо этого правительство обыкновенно ссылает их в отдаленный монастырь на берегу Белого моря и совершенно забывает о них. Иногда они томятся там по двадцать или тридцать лет; к концу этого срока почти невозможно узнать, за что был сослан каждый из них: никто не может ничего разъяснить.

Если бы православные священники были на высоте своего долга и хотя бы отчасти отвечали обязанностям, кои налагает на них сан, такие секты, несомненно, не возникали бы и не могли бы получить столь широкого распространения. Если бы в области религиозных верований было несколько больше свободы и гласности, это также оказалось бы великим благом, ибо гласность препятствует деяниям, безнаказанно совершающимся под покровом тайны.

Некоторые секты, в частности старообрядцы, не всегда подвергались гонениям — правительство часто бывало к ним терпимо. Так, им дозволялось иметь свои церкви, а иногда, как это было в Москве при митрополите Платоне, православным священникам даже разрешали служить в старообрядческих общинах. Возможно, так обстоит дело и сейчас.

В заключение повторим, что только большая терпимость, большая свобода религиозных верований, большая образованность священников господствующей церкви, большее уважение к ним позволят надеяться на исчезновение истинно опасных и порочных сторон сектантства. А все доброе, нравственное и христианское в нем должно быть сохранено.

ИНОСТРАННЫЕ ИСПОВЕДАНИЯ

Долг всякого справедливого и просвещенного правительства — терпимо относиться к иностранным исповеданиям и брать их под свое покровительство. На наш взгляд, это в интересах русского народа, ибо тот только выиграет, если эти конфессии будут свободно существовать у него в стране. В наши дни протестантское миссионерство (являющееся не чем иным, как проповедью истинного христианства) приняло большой размах в связи с распространением Священного Писания библейскими обществами. Нам хотелось бы, чтобы в России оно существовало и поощрялось, как это было в течение нескольких лет в царствование Александра. Неисчислимы блага, кои принесло бы народу чтение Библии на родном языке. И если бы именно таким образом протестантизм нашел сторонников в России, кто осмелился бы на это жаловаться? Искренность религиозных убеждений куда важнее, чем так называемый *общественный порядок*, которому столь преданы правительства; он, «то воздвигая препятствия для отправления разных культов, то запрещая прозелитизм, сеет в обществе семена глубочайшего нравственного беспорядка и достигает лишь того, что растет число людей равнодушных, разочаровавшихся в своей религии и отошедших от нее, но не имеющих права примкнуть к какой-либо иной конфессии»^{*}.

^{*} См. защитительную речь Одилона Барро на процессе по делу о сенневильских протестантах (январь 1843 года)¹⁰.

4. *ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ*

После освобождения крестьян нынешний чудовищный порядок рекрутских наборов станет невозможным. Приступив к реформе в этой сфере, правительство вряд ли найдет нечто лучшее, чем система воинской повинности по жребию, существующая в других странах. Даже продолжая считать военную службу обязательной только для низших сословий, правительство тем не менее может ввести жеребьевку. Тогда все молодые люди, обязанные служить по достижении определенного возраста, будут тянуть жребий, и первые выпавшие номера укажут тех, кто должен вступить в службу. Законодательство разных стран Европы — неисчерпаемый источник, из которого Россия может с выгодой для себя извлекать сведения подобного рода. Законы Пруссии и других германских государств, где служба обязательна для всех граждан и никакие замены невозможны, не так подходят нам, как французские; именно последние российскому правительству следовало бы взять за образец.

Великая, необходимейшая реформа состоит в полной отмене телесных наказаний в армии.

Если правительство не решится сделать это сразу и везде, можно было бы начать с привилегированных частей — с гвардии, гренадерских полков, артиллерии, потом перейти к отборным подразделениям армейских полков и в конце концов ограждать всех солдат от сих варварских наказаний, позорящих народ.

Можно было бы также постановить, что после определенного срока службы каждый солдат получает право не подвергаться телесным наказаниям, если только военный совет не сочтет его недостойным такой чести.

Подобные меры исходят из того, что телесные наказания являются правилом, а отсутствие оных — исключением. Было бы логичнее, справедливее и гуманнее исходить из обратного, сделав исключением битье палками.

Для солдат, признанных неисправимыми, можно установить, как во Франции, дисциплинарные роты, где они будут подчиняться особо строгому режиму. Некогда в прусских полках были (и, вероятно, до сих пор есть) солдаты, обозначавшиеся номером 2 и не носившие национальной кокарды; их могли подвергать наказаниям, неизвестным в остальной армии. Для причисления к этой категории, так же как во Франции для отправки в дисциплинарную роту, требовалось решение военного совета.

В английской армии телесное наказание налагается только по приговору военного совета; даже это по сравнению с российской армией большое преимущество. Впрочем, не знаю, справедливо ли недавно дошедшее до меня известие: в одной газете сообщили, что российский император только что издал распоряжение, согласно которому солдат можно подвергать телесному наказанию только по решению военного совета⁴⁹. После заключения мира, в 1815 году, такой порядок некоторое время существовал в оккупационном корпусе российской армии во Франции. Тогда добрая воля привела к удовлетворительным результатам. Но можно достичь и большего, это даже легче, чем думают, — требуется только желание. Настойчивость в добрых намерениях всегда ведет к успеху, иной раз даже такому, которого трудно было ожидать.

Надобно запретить телесные наказания и во флоте. Глупо применять на море палку и розги, запрещенные на суше, полагая, что это средство поможет управлять людьми во время всего плавания. О подобных нелепостях даже и говорить нет смысла.

Телесные наказания будут заменены другими. Военные уставы разных цивилизованных стран дают достаточно примеров для подражания; здесь Россия может заимствовать все необходимое для разработки собственного военного устава: создание военных советов, военно-судебной процедуры, инспекции и т. п.

Как бы там ни было, самое главное — строго соблюдать новые законы и регламенты, следовать им точнее, нежели нынешним установлениям. Например, в российской армии существуют инспекции, регламент позволяет солдату подавать инспектору жалобу на своих начальников и т. п., но на самом деле эти инспекции чистой воды надувательство и даже хуже*.

Когда-то в России срок солдатской службы был невообразимо долгим; теперь, кажется, его сократили до пятнадцати лет, по прошествии коих солдат считается в бессрочном отпуске⁵⁰. Принцип хорош; нужно только стремиться свести эти пятнадцать лет к восьми — сроку, признанному людьми сведущими достаточным для получения навыков хорошего солдата. Но в то же время следует заняться судьбой тех, кто окончательно или временно покидает службу. В этом отношении Россия могла бы заимствовать много полезного у Пруссии, которой всегда приходилось примирять нужды многочисленной армии с весьма скудным бюджетом.

Личный состав

Мы не собираемся нападать на дворянские привилегии, но полагаем, что при всем уважении к ним можно отыскать больше способных людей даже в армии. К примеру, было бы полезно сделать так, чтобы простым солдатам стало проще получить офицерское звание. Особенно мы настаиваем на зачислении талантливых, заслуживающих этого людей в войска, требующие специального образования; здесь талант должно ценить наравне с привилегией.

Уже сейчас в инженерные, артиллерийские и другие военно-учебные заведения подобного рода наряду с дворянами часто принимают детей иностранцев-недворян, и никто против этого не возражает. Почему бы не сделать это общим правилом, открыв двери этих заведений всем, кто после экзамена будет признан достойным, будь то русский или иностранец, дворянин или купец? Привилегированному сословию можно предоставить единственное преимущество, а именно — при прочих равных условиях предпочтение оказывать кандидату-дворянину.

* Один из моих старых друзей командовал кавалерийским полком. Настал день инспекции. Один кавалерист, подойдя к проводившему инспекцию генералу, стал излагать ему какую-то жалобу. Единственным ответом генерала была пощечина. Полковник, возмущенный сей выходкой, немедленно удалился; генерал последовал за ним, желая узнать, в чем дело, но так и не смог понять, что полковника могло оскорбить подобное обращение с его солдатами. «Если я заткнул глотку этому наглецу, — заявил генерал, — то это в ваших же интересах и в интересах дисциплины!»

СООБЩЕНИЕ С ЗАГРАНИЦЕЙ

И здесь сообщение с границей принесет полезные результаты. Бывало, русских моряков отправляли совершенствоваться в Англию. Знаменитый фельдмаршал граф Каменский служил некоторое время во французских войсках⁵¹. Почему бы не посылать российских офицеров в разные европейские армии? Они служили бы там наравне с гражданами этих государств и научились бы той стороне своего ремесла, которая прежде всего касается поведения и обращения с солдатами*. Дух нашего времени служит ручательством за то, что ни одно из правительств цивилизованной Европы не откажет в этом отношении российскому правительству. Цивилизация от этого только выиграет, а хорошо организованные армии ничего не потеряют, если их сила и дисциплина станут известны и будут по достоинству оценены.

ПОЛКОВЫЕ ШКОЛЫ

Разумное и благонамеренное правительство видит в многочисленной армии ряд мощных средств цивилизации. Воздействие власти на людей, подчиненных более или менее строгой, а подчас даже суровой дисциплине, огромно; результаты могут быть не менее значительны, если осуществленные идеи хороши и проводятся как следует. Одно из таких средств — распространение полковых школ.

Их толковое устройство и процветание зависят только от власти. Во всякой армии найдутся знающие офицеры, без которых такие школы невозможны, а у солдат всегда и везде будет достаточно досуга, и они смогут посвятить учению добрую долю того времени, которое они проводят на военной службе.

Полковые школы известны в российской армии; было время, когда их насаждали и поощряли. Школы, которые завел в своей дивизии, насчитывавшей 14 000 человек, генерал Михаил Орлов, дали отменные результаты. Но добрые намерения этого выдающегося человека были превратно поняты, а его усилия остались без всякого вознаграждения⁵².

Первые школы взаимного обучения, созданные в гвардейских полках, тоже имели блистательный успех; молодые и старые солдаты занимались с увлечением и быстро приобретали знания. Я бывал в этих школах и не могу без волнения вспомнить о радости солдат, выучившихся разбирать печатный текст. Один из них, старый гренадер, прослуживший пятнадцать или двадцать лет, говорил учителю: «До сих пор я был слеп — вы дали мне свет».

Во Франции новобранцы, не умеющие читать и писать, учатся этому на службе; никто из них не возвращается к домашнему очагу в прежнем невежестве. Так могло бы быть и в России.

К тому же необязательно ограничиваться обучением чтению и письму; можно без труда продвигаться дальше — по крайней мере тем, кто выказал расположение к занятиям.

---

* Каждый раз, когда я видел во Франции сержантов, преподающих новобранцам азы строевой службы, я с тоской вспоминал, как это делается в России. Если бы этим сержантам поручили русских рекрутов, они обучали бы их так же, как французских новобранцев. Новобранцы везде одни и те же, а наставники разные. Тех и других можно уподобить народам и правительствам — народы больше похожи друг на друга, чем обычно думают, а правительства, наоборот, весьма далеки от схождения⁵³.

Все, что мы здесь предлагаем, легко исполнимо и может привести к крайне важным и ценным результатам, а посему трудно понять, отчего власти в России равнодушны к столь существенной стороне устройства армии.

5. Финансы

Различные поборы, налагаемые правительством, слишком прямо влияют на благосостояние народа и даже на его нравственность; поэтому, обсуждая цивилизаторские реформы, мы не можем умолчать об этом.

Мы уже говорили, что подушная подать обязательно должна уступить место земельному налогу*.

Мы также считаем необходимым запрещение еще одного чудовищного налога, основанного на монополии и влекущего за собой прискорбнейшие последствия, а именно налога на водку.

Известно, к чему приводит привычка к спиртным напиткам, какое зло она порождает: она подрывает нервы человека, растлевает его и в конце концов низводит до скотского состояния. Нет ничего полезнее и плодотворнее, чем общества трезвости, распространившиеся ныне в странах, где население предается этой гибельной страсти. Поразительные изменения произвели они в Ирландии, воистину возродив эту страну и еще раз доказав, что даже самые непросвещенные слои народа охотно обращаются к добру и прогрессу всякий раз, когда могут по достоинству их оценить.

Но что прикажете думать о положении вещей, с которым общества трезвости попросту несовместимы, о стране, где само правительство заинтересовано в распространении привычки к крепким напиткам?

По справедливости, из гуманности и стыда российское правительство должно искать другие средства для пополнения казны.

Мы уже писали о налоге на собственность и подоходном налоге как о возможной замене наиболее отвратительных налогов.

В стране, где царят чудовищные порядки, о которых мы говорили выше, все, что касается управления финансами, сбора налогов, купли-продажи собственности и т. п., не может не находиться в плачевном состоянии. И здесь спасение в подражании за границе. Пусть разберутся в том, что делается в других странах и постараются сделать то же в России; только тогда забрезжит надежда на выход из хаоса, в коем теперь погрязла страна. Российское правительство посылало чиновников в Лондон для ознакомления с устройством тамошних почт, а инженеров — в Америку, для изучения железных дорог, так почему же не послать финансовых служащих поучиться управлению финансами, например, во Францию? Мы сказали о введении земельного налога вместо подушной подати: нет ничего естественнее, чем приглядеться к тому, как действует этот налог во Франции. Вообще в отношении бух-

---

* Кажется, Министерство уделов приняло ряд мер для того, чтобы подати с крестьянской души превратились в поземельный налог; оно установило правило, согласно которому крестьяне будут платить налоги с каждой десятины земли, которую хотят занять или возделывать сверх тех двух десятин, которые причитаются каждому.

галтерии и многого другого французская администрация так хорошо устроена, что даже англичане послали в Париж для ее изучения весьма выдающегося человека; доклад, сделанный им в парламенте, свидетельствует о превосходстве Франции в этой сфере⁵⁴.

В связи с финансовыми реформами мы не можем умолчать о принятой российским правительством ошибочной стратегии в отношении национальной промышленности и внешней торговле.

Так называемая протекционистская, или запретительная, система приносит России только вред. Россия должна покровительствовать и помогать только своему сельскому хозяйству. Обмен с границей должен быть как можно более свободным, то есть пошлины на иностранные товары должны устанавливаться в интересах казны, а не с целью покровительства той или иной отрасли промышленности.

6. ПЕЧАТЬ

Мало объявить о реформах, нужно еще обеспечить их выполнение. Для этого недостаточно внимания только правительства, проводящего реформы, необходим и надзор общественности; осуществить его может только печать.

Когда печать (то есть, иными словами, все граждане) сможет наблюдать за тем, чтобы установленные законы исполнялись точнейшим образом, тогда, и только тогда появится надежда достичь того блага, которое они сулят.

Мы, конечно, не собираемся советовать самодержавию ввести свободу печати. Но расстояние между современным бесправием печати в России и ее полной свободой огромно.

Отсутствие гласности, царящее в России, невозможно вообразить ни в одной европейской стране. Местные события известны, можно сказать, лишь очевидцам: в каком-нибудь уезде или губернии свирепствует голод, эпидемия, там происходят бунты, они сурово подавляются правительством, а соседняя губерния знает об этом только по смутным и неверным слухам, преувеличивающим или искажающим истину. Иногда правительство предписывает осуществить в той или иной губернии некие административные меры, в остальных же губерниях, которых эти меры непосредственно не касаются, ничего о них не знают. Так, в течение двух лет в трех губерниях происходили пожары, совершались убийства; власти подвергли наказанию едва ли не каждого десятого жителя, а в других местах об этом не было известно ничего определенного; поговаривали только о пожарах, убийствах, каких-то кровопролитных восстаниях. Недавно император по представлению генерал-губернатора одной из западных губерний перевел тамошних государственных крестьян под юрисдикцию Министерства уделов (чем, кстати, снискал ему искреннюю признательность), но и эта правительственная мера осталась совершенно неизвестной в стране⁵⁵. О происходящем в огромной империи узнают из частной переписки, которая далеко не всегда верна и подробна (ведь письма могут распечатать и прочесть на почте), или же из разговоров. Таким образом, только в больших городах, куда съезжаются люди из разных областей государства, можно услышать о событиях, имевших место в стране. Иной раз русские, встречаясь где-нибудь за границей, например на водах, обмениваются новостями о своих губерниях и часто узнают такие вещи, которые им и в голову не приходили.

Война на Кавказе по-прежнему требует от страны многочисленных жертв. Сотни офицеров, тысячи солдат гибнут там каждый год. И что же? Подробности войны, конца которой до сих пор не видно, которая, кажется, год от года становится все кровопролитнее, в России столь же неизвестны, как если бы речь шла о войне французов с арабами. Только недавно правительство — говорят, в соответствии с пожеланием главнокомандующего — позволило опубликовать несколько более или менее достоверных бюллетеней о важнейших событиях войны. Если же русские хотят иметь подробные сведения на сей счет, они должны искать их в иностранной печати, например в «Gazette d'Augsbourg».

Повторяем, мы не требуем неограниченной свободы печати и желаем только, чтобы власть сделала хотя бы один шаг вперед и даровала прессе возможность обсуждать то множество вопросов, которые не затрагивают правительство напрямую.

Пусть газетам запрещают касаться политических проблем, но оставят им те внутренние области, где сосредоточены интересы общественной жизни, столь важные для каждого человека.

Так, неоднократно высказывалось пожелание, чтобы в России после завершения гражданских судебных процессов публиковались бы их материалы. Что может быть проще и законнее? Справедливо полагают, что это привело бы к значительным и полезным результатам: судьи, которые сегодня ничего не боятся, устрашились бы гласности и стали бы действовать в соответствии с законом. *Ab uno disce omnes*^{*}.

Предлагаемые нами реформы требуют большего. Так, мы убеждены, что российское правительство, ничем не рискуя, могло бы позволить прессе свободно обсуждать все, что происходит в сфере местного управления, все гражданские и уголовные дела, решаемые судами, все правительственные распоряжения, касающиеся полиции, администрации, финансовых интересов частных лиц и государства, принципы, принятые или намеченные в промышленности, торговле, налогообложении, наконец, все, что не затрагивает ни основных институтов страны, ни политики в прямом смысле этого слова.

Если цензуру считают неизбежной, ее надо сохранить, но касающиеся ее законы должны быть как можно более ясными. Кроме того, их следует обнародовать, чтобы каждый мог судить, справедливо ли действовал цензор. Должна также существовать возможность оспорить цензурное решение, прибегнув к вышестоящим властям.

Создать хороший закон о цензуре, без сомнения, дело трудное, если не невозможное; однако здесь, как и во всем, есть максимум и минимум. Например, цензурный закон, действовавший в первые годы царствования Александра, был много лучше всех, что были приняты впоследствии.

И в этой сфере Россия могла бы обратиться к тому, чем располагают другие страны: в Германии нет той свободы печати, которая есть в Англии или во Франции, но и она оставляет Россию далеко позади. Положение печати в германских государствах могло бы стать образцом для России и для разумного и исполненного добрых намерений правительства. Мы говорим: разумное и исполненное добрых намерений, ибо здесь разум и добрая воля особенно необходимы.

* На примере одного узнай, каковы они все (лат.).

Полномочия цензора нельзя точно определить законом. Известно, что широта толкований безгранична. Поэтому прежде всего нужно назначать цензорами просвещенных и совестливых людей, предусматривать для них материальные выгоды и окружать их уважением. Раньше книг и газет было мало, цензура была поручена гражданским властям; выполняли эти обязанности и университеты. Потом учредили цензурные комитеты и стали набирать цензоров отовсюду. Это наихудший способ.

В России до сих пор нет законов, определяющих меру ответственности за выступления в печати. Когда наказывают писателя, действуют *ab irato*^{*}, по произволу вынося ему приговор о ссылке или тюремном заключении. Часто — а на деле почти всегда — случается, что впавший в немилость автор навлекает гнев властей и на цензора. В последнее время и журналистов, и цензоров сажали на гауптвахту только за то, что они сочинили или пропустили в печать статьи, в которых оскорбляли друг друга, — хотя, по правде сказать, довольно гнусным образом. Если в это положение хотят внести немного порядка и законности, то все основания для преследования печати и наказания необходимо определить в законе.

Самодержавные правительства видят в печати и гласности вообще только недостатки; они никогда не думают о выгодах, которые можно извлечь из той или иной степени гласности. Если в нравственном или физическом мире постоянно возрастающая сила подавляется и не имеет выхода, она в конце концов взрывает свои оковы изнутри. Гласность сравнивают с предохранительными клапанами, которые предотвращают взрыв в паровых машинах. О'Коннелл недавно уподобил многолюдные *митинги* «предохранительным клапанам, при помощи которых выпускает пар кипящий в волнении народ». И он был прав, быть может даже более, чем полагал сам, произнося эти слова. Сравнение справедливо. Не гласность разжигает недовольство народа, столь страшное для самодержцев, — оно возникает стихийно. Гласность же дает ему возможность заявить о себе, и если она не всегда может излечить болезни, сие недовольство рождающие, то, по крайней мере, помогает ему рассеяться, подобно столбу дыма, поднимающемуся в воздух. Когда гласность не может исцелить, она хотя бы утешает.

7. Внешняя политика

Не все, называемое политикой, заслуживает этого наименования. Политика предполагает наличие принципов, более или менее твердых правил и, главное, целей. Стремление Петра преодолеть превосходство Швеции на севере, завоевать Балтийское и Азовское моря и земли в Персии было политикой. То же можно сказать и о Екатерине II, когда она старалась ослабить Османскую империю, присоединяла к России Крым, добивалась поддержки другими государствами «Декларации о вооруженном нейтралитете». Договариваясь с Пруссией и Австрией о разделе Польши, она совершала политические шаги, как бы ни относиться к их сути. Когда Павел I, заключив соглашение с Австрией, посылал Суворова сражаться в Италии с войсками Французской республики, он вел политику, преследовал определенную цель.

---

^{*} В ослеплении гнева (*лат.*).

Александр, борясь со всевластием Наполеона, действовал в соответствии с неким политическим принципом. Но когда он отказался от роли освободителя Европы и стал выразителем и защитником устаревших и реакционных идей, его деятельность уже не имела с политикой ничего общего, и по очень простой причине: в ней для российского императора не может заключаться никакой разумной цели, никакого смысла.

Сохранение *status quo* может быть очень важно для императора Австрии или султана; соответственно, вся их политика направлена на его поддержание. Любой прогресс в гражданском и политическом устройстве может представлять для них угрозу; но для России, напротив, прогресс и есть жизнь. А целью политики не может быть гибель.

Русская политика пока еще может принимать за основу постоянное приращение территорий. Это будет политика неразумная, даже, если угодно, опасная, но все же политика; именно ее обычно приписывают русскому кабинету. Но совершенно непонятно, какая политическая выгода от того, что российский император, как говорят, встал во главе консервативной партии Европы.

Полагают, что, войдя в европейскую систему, Россия должна сохранять занимаемое место; она непременно должна вмешиваться во все европейские дела, давить на них всем весом, всем влиянием. Не стану опровергать это утверждение; я даже признаю, что положение вещей, возникшее в результате *совершившихся событий*, не всегда может позволить России вести справедливую и великодушную политику. Как сторона, участвовавшая в разделе Польши, Россия может считать себя обязанной, с одной стороны, поддерживать тесное согласие с державами, чьи интересы не совпадают с общим направлением цивилизации, а с другой — подчас проявлять враждебность к вдохновляющим мир идеям независимости и свободы. Я готов согласиться с этой необходимостью и настаиваю только на том, что России следует вникать в европейские дела лишь в той степени, в какой этого требуют ее собственные выгоды. Но так ли она поступает? Не на наших ли глазах она постоянно вмешивалась в то, что ее не касается, да и не может касаться?*

То в 1821 году она посылает войска на подавление законного восстания в Неаполитанском королевстве, то заявляет протест по поводу Июльской революции; она торгуется и спорит по поводу отделения Бельгии от Голландии; мания вмешиваться в чужие дела доводит ее даже до попытки ввязаться в испанские и португальские события. Наконец, разве во время Ахенского конгресса чиновник российского правительства не напечатал с разрешения императорского кабинета нечто вроде манифеста против немецких университетов, против духа, господствующего среди молодежи этой страны? В этом манифесте он распекал студентов, профессоров и даже самые германские правительства! Нелепо нападать на святых любого народа; смешно смотреть, как русский чиновник берется указывать немцам, как им следует учиться и каковы должны быть их университеты. Эти бессмысленные вопли тогда произвели весьма много шума и чуть было не оказали пагубного воздействия на судьбу создававшегося в то время универси-

* Подобный упрек можно обратить и к другим первостепенным державам; разумные люди должны были с удовлетворением наблюдать, как министр иностранных дел лорд Абердин заявил недавно в палате лордов, что, по его мнению, Англия слишком часто без всякой пользы и необходимости вмешивалась в дела других стран.

тета в Бонне*. А как русское влияние в Германии выражается в наши дни? Перед приездом какого-нибудь русского князя в немецкий город, например в Баден-Баден, оттуда поспешно выгоняют всех польских эмигрантов, даже тех, кто прибыл для поправления здоровья, чтобы они не попадались на глаза повелителям их несчастной страны. Поистине если появление русских государей вынуждает германских князей раболепствовать до такой степени, что они приветствуют своих гостей приказами о высылках и изгнаниях, то русским только из чувства приличия следовало бы сидеть дома.

Это ли триумф российской политики? Это ли доказательство ее величия и мощи? И как подобное скудоумие может способствовать благосостоянию и цивилизации народа?

Желание России участвовать в событиях, происходящих в мире, само по себе похвальное. Но как же не похоже ее постоянное, но чаще всего бесплодное вмешательство, вредное для цивилизации и выставляющее ее в глазах европейских народов и правительств в самом плачевном виде, от законного участия в мировой политике, которое является ее долгом и предписывается заключенными ею союзами. Мнение цивилизованного мира о России и русских очень изменилось по сравнению с 1812, 1813 и 1814 годами, и те, кто любит Россию, глубоко задеты этим.

Истинные интересы русской политики находятся не на Западе, а на Востоке. Таково было мнение всех выдающихся людей, руководивших внешними сношениями империи. Так считал Панин, выдвинувший идею вооруженного нейтралитета, Безбородко, министр Екатерины, знаменитый Потемкин, наконец, Каподистрия. Он разделял точку зрения сих замечательных людей и отдавал должное справедливости и глубине их взглядов, что делает честь и ему самому.

Восток открывает для русской политики поле столь же обширное, сколь и легкое для возделывания. Рассеянные там христианские народы более всего желают быть обязанными своим будущим России. Российское правительство должно непременно убедиться, что все, предпринимаемое им для улучшения участи этих народов, неизбежно обернется к его выгоде: сея добро для них, оно пожнет пользу для себя.

Уже давно России советуют стать во главе различных славянских народов. В подобных высказываниях слишком много поэзии, и я не решаюсь их осуждать. Нельзя утверждать, что все славяне спешат оказаться под опекой русских. Кроме того, роль, которую Россия могла бы сыграть на Востоке, оказывая покровительство христианам, попавшим под власть мусульман, защищая там их права и самобытность, вводя и распространяя среди них цивилизацию и, наконец, помогая их борьбе за независимость, столь прекрасна, что, полагаю, ею вполне можно удовлетвориться.

Помимо политики, которую России следует вести в отношении народов, близких ей в силу общего происхождения или по религиозным верованиям, есть политика, задавае-

---

* Наполеон, которому была хорошо известна любовь немцев к знаниям, их поклонение науке, возымел однажды мысль создать на берегах Рейна один или два университета, устроенные по немецкому образцу, дабы привлечь туда немцев и таким образом способствовать их сближению с Францией и французами в интеллектуальной сфере. По крайней мере, император получил от людей сведущих именно такой совет. Когда Рейн снова стал немецкой рекой, г-н фон Штейн тоже хотел открыть в Бонне большой университет, который должен был, находясь рядом с Францией, представлять немецкую науку во всей ее полноте. Этот университет был основан, но мысль Штейна не получила полного воплощения.

мая ее отношениями с цивилизованным миром. Мне кажется, что эта общая политика должна прежде всего иметь в виду интересы цивилизации. Дальнейшее развитие европейской цивилизации может лишь содействовать движению русского народа вперед.

Общая политика оказывает известное влияние на ход европейской цивилизации. Последняя до некоторой степени зависит от мнения цивилизованного мира, но влияние общей политики, как правило, является более сильным и значит больше, чем общественное мнение.

Чтобы определить, какую роль должна играть Россия в общеевропейской политике, бросим взгляд на ее нынешний облик. Этот экскурс в сферы, казалось бы удаленные от нашей темы, отнюдь не бесполезное отступление: оно существенным образом связано с нашим планом реформ.

Нельзя отрицать, что направление европейской политики определяется теми нациями, которые благодаря своему процветанию оказались во главе других народов. Они являются, если говорить о материальном благосостоянии, наиболее могущественными; они определяют движение всей европейской политики и через нее влияют на европейскую цивилизацию; в их руках (впрочем, лишь до известного предела) находятся судьбы рода человеческого.

Какие же это народы? Каков их характер и черты их развития?

В первом ряду мы видим Англию и Францию.

Влияние какого-нибудь народа на другие проявляется либо в подаваемом им примере, либо в принципах, кои он исповедует и провозглашает, либо, наконец, в непосредственном сообщении с ними.

Воздействие, оказанное Англией на Европу, без сомнения, было очень велико и крайне важно. Долгое время Англия оставалась единственной свободной страной в Европе; другим народам приходилось заимствовать у нее конституционные идеи и учреждения. Однако в последнее время влияние Англии в этом отношении значительно уменьшилось. Принимая основные идеи английских учреждений, европейцы далеко отступают от них, когда дело доходит до их применения. Увидев, что введение этих учреждений привело, с одной стороны, к тому, что роль аристократии несоразмерно возросла, а с другой — к поистине удручающему обнищанию народа, в Европе стали думать о том, как добиться политической свободы и в то же время избежать таких последствий, которые своей тяжестью уравновешивают, кажется, все истинно доброе и великое, что несут в себе английские установления, и омрачают их славу. Как ни велико было некогда влияние Англии, впредь оно не будет значить так много для европейской цивилизации.

По той же причине политические принципы английского народа уже не смогут влиять на остальной цивилизованный мир. Однако Англия может еще открыть Европе средства к спасению, если вылечит болезни, коими страдает сама. Нет сомнения, что тогда народ, обладающий столькими выдающимися качествами, такой силой воли, настойчивостью и историческим опытом, разовьет свои способности поистине удивительным образом*.

---

* С тех пор была предпринята и счастливо доведена до конца фундаментальная реформа, способная излечить тяжкую болезнь. Наше доверие к просвещенности и здравому смыслу английского народа не было обмануто. Отменив хлебные законы, правительство подошло к гораздо более важному преобразованию — отказу от протекционистской системы, что было не только одобрено, но живо и искренне поддержано английским народом. Из любой радикальной реформы в Англии Европа сможет извлечь полезные уроки.

Англия никогда не прибегает к такому средству воздействия, как навязывание своих принципов другим народам: политическая пропаганда не в характере англичан.

Остается соприкосновение английского народа с другими нациями. Именно здесь влияние Англии огромно. Универсальная торговля вводит англичан в сношения со всеми народами, вне зависимости от их цивилизованности; торговлей они, быть может, содействовали прогрессу больше, чем любая другая европейская нация. Их последние действия в Китае — большой шаг по пути к единению и всеобщему братству народов; по крайней мере, в новое время не было предприятия, которое может или должно принести столь важные результаты.

Обладание обширными колониями неизбежно открывает англичанам могучее средство воздействия на другие нации. Конечно, в колониальной политике Англии не все похвально, но нельзя отрицать, что ее действия в Индии, самой обширной из колоний, в конечном счете скорее благоприятны, нежели вредны для цивилизации, особенно с тех пор как несколько лет назад в Индии было введено более справедливое и либеральное правление. Не следует также забывать, что английский народ (именно народ), отвергнув и заклеймив куплю-продажу чернокожих, дал свободу всем неграм в своих колониях.

Стоит ли говорить об Ирландии, тоже завоеванной Англией и более чем когда-либо представляющей для Англии *великие трудности*? В этом случае соприкосновение с английским народом, несомненно, оказалось не слишком удачным. Но нельзя забывать и о том, что если ирландцы так стремятся сегодня к политическим правам, так гордятся своими человеческими и гражданскими достоинствами, так упорствуют в достижении патриотических целей, то средствами борьбы, а может быть, и первыми понятиями о политических благах и преимуществах, коих они пытаются добиться с поразительным единодушием и энергией, они обязаны именно английским идеям и учреждениям.

Как бы то ни было, современная Англия не заслуживает всех тех упреков, которыми ее осыпают по поводу Ирландии; она лишь несет наказание за то, что слепо и бессмысленно угнетала эту страну в прошлом. Пусть же те, кто управляет завоеванными народами, вдумаются в нынешнее положение Англии по отношению к Ирландии и поймут, к чему приводит пренебрежение справедливостью и долгая тирания!

Надобно, впрочем, помнить, что кроме Ирландии есть и другой итог непосредственного общения англичан с другими народами. Взгляните на Канаду: здесь Англия только что ввела представительное правление с министрами, ответственными перед местным парламентом, и скажите, устраивал ли когда-нибудь другой народ что-либо подобное в своей колонии. Нелишне указать и на Соединенные Штаты Северной Америки, сие великолепное создание английского гения. Не правда ли, этими деяниями во многом искупаются дурные поступки, быть может, даже преступления?

Подводя итоги, скажем, что влияние Англии на остальной мир в целом было очень плодотворно, благотельно и полезно; пусть оно не иссякает и впредь. Недаром же англичане связаны торговыми отношениями со всеми народами земного шара. Но потребности торговли приводят и к не столь назидательным итогам. Торговые сношения между народами, бесконечно удаленными друг от друга, содействуют достижению великой цели человеческой цивилизации: такова сила вещей, такова Божья воля. Люди же обычно видят в них лишь средство наживы. Когда к этой всепоглощающей жажде прибавляется,

как в Англии, избыток продукции, во чтобы то ни стало требующий новых рынков сбыта, то самые цивилизованные нации стремятся, в конце концов, продать как можно больше кому угодно; они быстро становятся совершенно равнодушны к общественному и политическому благополучию народов, с которыми торгуют, и охотно заключают союзы с самыми гнусными правительствами, лишь бы те позволяли выжимать все возможное из их угнетенных подданных.

Поэтому влияние, оказываемое народом, который поставлен в подобные условия, уже не принесет большой пользы всеобщей цивилизации.

Например, влияние Франции стало существенным и плодотворным для Европы только со времени революции 1789 года. Отвлекаясь от того, что сия революция на всех ее стадиях, включая империю, дала самой Франции, нельзя не согласиться, что добрые плоды, принесенные ею в Европе в самом начале, когда укоренились благородные идеи свободы и достоинства человека, были если не полностью уничтожены, то, по меньшей мере, искажены дальнейшими событиями — террором и завоеваниями, в которых Франция искала выхода избытку сил и страстей, выпущенных революцией на свет Божий.

Однако после всеобщего умиротворения Франция сумела воспользоваться обстоятельствами и, памятуя об исходной точке великого движения, потрясшего мир, смогла установить у себя свободное и упорядоченное правление. По-прежнему распространяя свои благодеяния на французский народ, оно не перестает быть предметом живого, ослабевающего внимания всей Европы. Конституционная жизнь французского народа, его политические споры и политическая литература с тех пор постоянно преподают народам Европы полезные уроки, заставляющие их всякий день сильнее стремиться к лучшему порядку вещей.

Влияние французского народа, поддержанное общеупотребительностью его языка, особенно дает себя знать в выработке политических принципов, их обобщении, их, так сказать, прививке другим народам — одним словом, в политической пропаганде. Она воздействует на другие народы путем убеждения, взывая к благородным и возвышенным чувствам, что и полезно, и благотворно. И если этот народ еще сожалеет о блестящем, но бесплодном величии, коим он обладал в прошлом, он с полным правом может гордиться услугами, оказанными им человечеству — посредством как ужасных революций, так и мирного движения вперед. Принесенные ими плоды нетленны, а все остальное со временем если и не будет забыто, то утратит свое значение.

Впрочем, уроки, которые Франция дает другим народам, сталкиваются с препятствиями. Европейцы вспоминают о прошлых завоеваниях и страшатся новых. Однако эти воспоминания навсегда останутся лишь воспоминаниями, ибо вернуться к прошлому Франции не под силу. Но страх сей не напрасен: французский народ верит, что перед ним стоит насущная необходимость расширить территорию своей страны, чтобы обезопасить свои границы; нельзя отрицать, что сия потребность существует на самом деле.

Такое положение создает немалые трудности для движения европейской цивилизации. Этим искажается, ослабляется, пресекается нравственное влияние Франции на другие народы Европы. Это несомненная болезнь, и ее следует принимать во внимание, когда толкуешь о прогрессе цивилизации, о том, что ему способствует, что его подрывает.

Таким образом, политическое влияние двух могущественнейших наций на общую цивилизацию в одном случае сводится к поиску рынков для промышленности и торговли, а в другом — к действиям, которые по своей природе не могут достичь цели.

Довольно ли этого, чтобы развитие цивилизации приобрело прочный и возвышенный характер, получило мощный толчок, какой вообще в состоянии произвести политика?

Нет, конечно; и если мы оглядимся вокруг, то увидим, что и другие крупные европейские державы здесь бессильны, ибо их общая политика в ее нынешнем состоянии не приносит и не может принести цивилизации ничего, кроме вреда.

Если мы теперь рассмотрим взаимное положение двух первостепенных держав, Франции и Англии, то увидим, что они, двигаясь, как и прежде, во главе европейской цивилизации, не перестают удручать мир враждой, соперничеством, вредным для них самих и для всего рода человеческого. В самом деле, сколь плачевно зрелище непрерывного противостояния двух народов, которым, кажется, само Провидение поручило указывать миру путь вперед, помочь другим, менее удачливым народам достичь лучшего будущего! Силы, дарованные им гением-покровителем или вытекающие из их положения, они употребляют во вред друг другу, забывая о том, какое благо принес бы их союз как им самим, так и другим народам, о том, что на суше и на море, которые каждый из них, судя по всему, желает целиком присвоить себе, есть место всем.

При таком положении вещей люди разумные должны желать, чтобы в общей политике цивилизованных стран появились новые составные части, силы и веяния.

Есть два народа, благодаря свойствам ума, успехам в искусстве и науке, поразительным достижениям мысли и поэзии ставшие в первый ряд цивилизованных наций, но при этом не достигшие того практического влияния, какое оказывают на цивилизацию человечества великие народы.

И все же каким благодеянием для человечества было бы присоединение к общей политике, о чертах которой мы говорили выше, с одной стороны, немецкого воздействия, мудрого, глубокого и в первую очередь нравственного, а с другой — живого и просвещенного итальянского влияния!

Каким возвышенным, гармоническим аккордом звучала бы политика цивилизованного мира, если бы немцы и итальянцы, став, наконец, единими нациями, приняли в ней участие! Какое обновление, какие новые силы, о значении коих пока даже не подозревают, привнесли бы в сферу политики немецкая мысль и итальянский гений!

Так должно перестроить общеевропейскую политику, дабы она подвела цивилизацию Европы к благодетельным и плодотворным результатам.

А так как я глубоко убежден, что Россия может спасти только цивилизацией, я не сомневаюсь, что и ей во внешней политике должны быть ближе интересы всеобщей цивилизации, нежели какие-либо иные. В своих отношениях с другими государствами она

---

* Германия, несомненно, представлена в общеевропейской политике двумя первостепенными державами — Пруссией и Австрией, но ни первая, ни особенно вторая — еще не вся Германия, и роль, которую они играют в политике, не может быть приравнена к роли немецкого народа. Немецкому народу не нужна ни покоренная Италия, ни разделенная Польша; завоевание и угнетение других несовместимо с нынешней его сущностью. Политика двух великих немецких держав является политикой австрийской, прусской, но никак не *германской*, равно как и баварская политика в Греции не является политикой греческой.

должна прежде всего заботиться именно о движении сей цивилизации. Ей надобно принять и поощрять стремление германского и итальянского народа к объединению. Вместе с ним придет независимость; из нее, в свою очередь, родится законное влияние на общую политику, которое незамедлительно принесет великолепные плоды.

Исключение из общеевропейской политики немецкого и итальянского влияния тем более огорчительно, что грядут события, ареной коих станет Восток. Я имею в виду прежде всего появление на мировой политической сцене новых славянских народов. Новая Греция еще слишком молода и слаба, чтобы оказывать ощутимое воздействие на будущие судьбы своих единоверцев, начинающих бороться против ига выродившихся турок. Нынешнее же отношение к ним могущественной монархии, на которую славяне всегда обращали свои взоры, таково, что они не могут быть уверены в ее поддержке. Интерес Англии и Франции к судьбам Востока, судя по всему, не слишком благороден и вряд ли полезен народам, стремящимся к улучшению своей участи; внимание сих держав здесь всецело занято торговыми интересами, дрязгами, соперничеством и установлением политического равновесия.

Из европейских народов только немцы и итальянцы могли бы прийти на помощь христианам Востока, славянским народам, жаждающим обрести государственное устройство; об этом красноречиво свидетельствует их географическое положение и давние взаимоотношения с этими народами. Устройству дел на Востоке, особенно решению судеб славянства, Германия могла бы содействовать своей беспристрастностью и высокой нравственностью, а Италия — живой заинтересованностью в том, чтобы эти народы стали свободными и цивилизованными.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

ВВЕДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Глава III

Формы правления

ВСЕ СПОСОБЫ И ФОРМЫ правления — это лишь средства достижения цели, которую ставят перед собой люди, объединяющиеся с намерением жить вместе, то есть создать то, что называется обществом. Установление любого правления определяется нуждами общества, и потому его устройство непременно должно быть выгодно обществу. Очевидно, что никакое правительство — воплощено ли оно в одной личности или во многих — не может иметь иных прав, кроме тех, которые вытекают из его происхождения, то есть из общественных потребностей и интересов. Из этого следует, что у него не только нет права мешать обществу совершенствовать средства, ведущие к цели его существования, то есть к общественному благу, но оно просто обязано всеми силами этому содействовать.

После многовековых колебаний опыт, кажется, убедил людей в том, что представительный способ правления лучше всего отвечает цели любого общества, что он наиболее полезен для совершенствования, для движения вперед в сфере материальной и нравственной, для благополучия человека и народов.

Как всякая разумная вещь среди других столь же разумных вещей, представительный способ прекрасно подходит как монархиям, так и республикам. Его сосуществование с деспотизмом невозможно лишь потому, что деспотизм неразумен и нелогичен. Более того, представительное правление основано на самой природе вещей; любое человеческое общество в той или иной степени следует ему с самого зарождения. Так цивилизация, развиваясь и совершенствуясь, всегда приводит человека к простоте и истинам природы.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ

Представительное правление как таковое есть не что иное, как действия самой страны (через ее представителей) во всем, что касается ее интересов. Эти действия — прежде всего издание и исполнение законов. Представители страны, не имея возможности самолично руководить исполнением законов, должны ограничиваться наблюдением и контролем. Разграничение двух сторон, из которых состоит всякое правление, — власти законодательной и власти исполнительной, заложено, таким образом, в самой природе вещей.

Законодательные обязанности состоят в издании законов и в наблюдении за их исполнением.

Исполнительные обязанности имеют два уровня: административный и судебный.

Чтобы быть уверенным, что судебная деятельность ведется должным образом, ее следует по мере возможности отделить от административной. Так судебная власть получила известную независимость; чем полнее эта независимость, тем она надежнее.

Признано также, что исполнительная власть, если ее свести только к исполнению законов, к управлению, окажется одинокой и слабой, подвергнется искажениям, что нанесет урон общественному благу. Власть, которой страна поручает обширную миссию управления, вверив ей право распоряжаться своими ресурсами и вооруженными силами, всегда будет грозной властью. Если отобрать у нее законные средства удовлетворения ее законных интересов, она несомненно прибегнет к средствам незаконным, следствием чего станут борьба, клевета и жестокость, опасные для общества. Общество само заинтересовано в том, чтобы иметь сильную исполнительную власть, наделенную законными полномочиями. У нее должен быть простор для движения, она должна действовать, сознавая свою силу и свободу.

Следовательно, исходя из природы вещей, необходимо привлекать исполнительную власть к участию в законодательстве.

Таким образом, законодательная власть делится между представителями народа и теми или теми, кому поручены исполнительные функции. Судебная власть осуществляется чиновниками, как можно менее зависящими от исполнительной власти, а управление страной предоставлено исключительно исполнительной власти. Вот что понимают под представительным способом правления.

Полномочия каждой из двух властей, законодательной и исполнительной, равно как и власти судебной, определить нетрудно. В конституциях разных народов можно найти более или менее исчерпывающие сведения на сей счет. Трудность представительного правления состоит в устройстве самого представительства, в том, чтобы представители страны могли действовать только на пользу общества, всегда ставя гражданские интересы выше личных, — словом, были бы представителями и защитниками страны, а не сословия или узкого кружка, пекились бы не о собственной выгоде и не о благе своего сословия или кружка. Корпус представителей, состоящий из таких людей, несомненно будет способствовать благу, и этому не сможет помешать никакое расширение полномочий исполнительной власти.

Для того чтобы представители были движимы исключительно стремлением к общественному благу, те, кто их избирает, должны руководствоваться в своем выборе сходными чувствами. Поэтому истинной основой представительного правления является устройство корпуса избирателей. Внимание к избирательному праву никогда не может быть чрезмерным: этот вопрос слишком важен и насущен, хотя и весьма труден для разрешения.

Суть не в том, чтобы все или почти все стали избирателями, а в том, чтобы при осуществлении этого права люди были воодушевлены идеей общественной пользы. Если этой цели можно достичь и при надлежащим образом ограниченном числе избирателей, то было бы бессмысленно увеличивать это число до бесконечности, ибо, согласно нашему предположению, хорошему представительному правлению прежде всего необходим корпус представителей, помышляющих только об интересах страны. В этом и состоит вопрос.

Критериями, на основании которых человек получает право избирать, могут быть только собственность и личные способности.

Если ограничить избирательный ценз до такой степени, что лишь несколько сот или тысяч людей смогут стать избирателями, это превратит избирательное право в привилегию аристократии.

Можно ли избежать этого, понижая ценз настолько, чтобы возможность избирать своих представителей получило большинство народа?

Закрепление исключительных, незаслуженных преимуществ за обладателями собственности не согласуется с интересами малоимущих. В этом смысле слишком низкий ценз не представляет никакой опасности, но, с другой стороны, он не обещает и никакой реальной выгоды, ибо те, у кого ничего нет, обычно позволяют людям состоятельным руководить собою.

Трудность состоит в том, чтобы отыскать середину между этими двумя крайностями; это позволило бы получить такой корпус избирателей, интересы которого совпали бы с интересами общества.

Итак, создав подобный корпус избирателей, можно рассчитывать на то, что представители также будут преданы интересам страны. Хорошо было бы принять подробные правила, дающие избирателям возможность уверенно и точно исполнять свои обязанности.

Кроме того, не следует без необходимости умножать количество избирательных участков; их должно быть столько, чтобы подкуп был бы труден или вовсе невозможен.

Истинное представительство может быть только прямым.

Избранные депутаты становятся представителями страны и должны действовать свободно, в меру своей просвещенности и честности. Они не являются и не могут являться исполнителями поручений избирателей. Если избиратели дают своему представителю особые наказы и он их принимает, то это следствие пороков не избирателей, а органических недостатков самих институтов, в этом неповинны ни избиратели, ни — еще менее — представители, которые лишь повинуются необходимости. Нельзя ограничивать представительские полномочия; ограничению подлежит только их срок. Это единственное средство воздействия со стороны избирателей.

Срок парламентского мандата должен быть достаточно продолжительным, чтобы депутаты имели возможность закончить все вверенные им заботам дела; это позволит также избежать беспорядка, возникающего при слишком частых выборах.

Определяя сей срок, нужно закреплять за избирателями право переизбирать одних и тех же представителей неограниченное число раз.

Большое значение имеет вопрос об открытом или тайном голосовании избирателей и представителей. Было бы достойнее, без сомнения, чтобы и в одном, и в другом случае оно было открытым. Но повседневный опыт показывает, что это создаст большие неудобства для избирателей, коим часто бывает необходимо из соображений безопасности держать свой выбор в тайне. Поэтому для них следует ввести тайное голосование.

Что касается депутатов, то тайное голосование совершенно противоречит природе их обязанностей; они представляют страну и должны отчетываться перед ней за свои действия.

Наряду с палатой представителей существует обычно и другая палата, состоящая из людей, которые заседают там либо в силу происхождения, либо по назначению исполнительной власти или избирателей. Об этой разновидности представительного правления мы будем говорить ниже.

Для того чтобы везде преобладали интересы страны, а не частные выгоды отдельных лиц, сословий или корпораций, надобно сделать всех без исключения граждан равными перед законом; избиратели также должны обладать равными правами. Равенство избирательных прав позволит (насколько это вообще возможно) добиться гармонии и единодушия при голосовании, то есть торжества интересов страны над частными, отдельными интересами.

Говорят, что равенство перед законом, или, скорее, равенство прав, обрекает человека на одиночество перед лицом государства; вину за это возложили на современные конституции, которые, уничтожив сословия, корпорации и т. п., свели на нет деятельность входивших в них людей. У корпорации, говорили они, больше средств для защиты от нажима исполнительной власти, нежели у человека, ибо люди могут быть связаны друг с другом только общим интересом, а этой связи не всегда хватает на то, чтобы каждый упорно и с успехом добивался цели. До определенной степени этот упрек справедлив: объединение дает силу, одиночество ослабляет; но какую силу дают корпорации и привилегированные сословия? Вот в чем вопрос.

Представьте себе, что народ разделен на различные классы — землевладельцев, торговцев, промышленников, сочинителей — и что у каждого класса свое устройство. Когда речь пойдет о выборах представителей, каждый неизбежно назовет своих. Страна окажется представленной землевладельцами, коммерсантами и т. д. У каждого из этих классов

или корпораций будут свои интересы. На этом основывается теория сословного представительства; с этим согласны даже ее защитники. Если таким образом будут представлены основные интересы, существующие в стране, а также частные интересы, говорят они, значит, мы непременно достигнем выражения общих нужд страны и их обеспечения. На сие можно возразить: имея свободу выбора, люди всегда действуют в свою, а не в чужую пользу; кроме того, даже если интересы всех сословий будут удовлетворены, это может и не соответствовать интересам страны в целом.

Может случиться, что представители различных классов не согласятся друг с другом; тогда им не удастся извлечь из своих полномочий личную выгоду; если же они придут к согласию, то не замедлят воспользоваться им в интересах своих сословий, пренебрегая общей пользой. Не обязательно, чтобы все представители одинаково смотрели на вещи. Конечно же между ними всегда будет много расхождений, но — опыт доказывает, а законы человеческой природы требуют этого — они сумеют понять друг друга настолько, чтобы, к совокупной выгоде, злоупотребить властью, доверенной им совсем с иной целью.

Такое пестрое представительство, как называет его один английский писатель*, в итоге приводит лишь к созданию столь же пестрой аристократии и устанавливает ту разновидность дурного правления, которая всегда рождается от любой аристократии, вне зависимости от того, однообразна она или пестра, состоит из одних землевладельцев или же включает в себя помещиков, торговцев, фабрикантов, адвокатов и чиновников.

Правление, основанное на подобном представительстве, может, конечно, быть сильным, но это не истинное представительное правление, и мы говорим не о нем.

Наряду с неизбежными условиями — равенством перед законом и единством избирательных прав, имеется еще одно, гарантирующее четкое действие механизма представительства: гласность, свобода слова и печати.

Представительство и свобода печати ведут за собой или предполагают иные личные, гражданские и политические права, такие, как право собственности, право быть судимым равными себе, исповедовать любую религию и т. д.

Глава IV

Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции

КОГДА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ вводится в государстве, граждане которого прежде были в основном лишены гражданских и политических прав, эти права обыкновенно провозглашаются в основном конституционном законе — в зависимости от страны и времени он называется хартией, конституцией и т. п.

---

* Милль в «Правительстве», с. 26.

Поскольку эти основные законы обычно определяют все, что нужно для установления представительного правления, проще всего, по нашему мнению, рассуждая о нем применительно к России, сразу начать с составления конституционного закона. Тогда сами собой обозначатся основные реформы, которые повлечет за собой введение представительной формы правления.

Конституционному закону в России можно было бы сразу дать то наименование, какое носили первые известные на Руси писанные законы, — «Русская правда». В IX веке слово «правда» означало *право*; в XIX оно означает *истину*: так пусть же сбудется таинственное пророчество и через тысячу лет *право* станет *истиной*. «Русская правда», или «Русская истина», которой суждено стать основой представительного правления в России, освятит следующие принципы.

1. РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ

На первом месте стоит равенство всех перед законом.

Мы полагаем, что оно должно быть полным, без всяких исключений. Привилегии и преимущества, которыми пользуется сейчас сословие дворян, должны исчезнуть; дворяне станут подчиняться общему праву.

Мы видели, в чем состоят эти привилегии, видели, что такое русское дворянство. Ни один здравомыслящий дворянин не станет сожалеть о преимуществах нынешнего строя, когда увидит, что обещает ему конституционное правление.

Но помимо интересов отдельных лиц существуют интересы государства, и они могут требовать наличия привилегированного сословия, пользующегося, в отличие от всех остальных, определенными правами и преимуществами по сравнению с остальной нацией; словом, не исключено, что в конституцию можно с пользой ввести аристократический принцип.

Когда-то все считали, а многие умные, образованные и либеральные люди и до сих пор не сомневаются в том, что всякая разумная конституция обязательно должна отражать ту роль, которую в обществе играет аристократия, особенно если исполнительная власть сосредоточена в руках монарха.

У меня нет ни малейшего намерения обсуждать это априорное мнение. Замечу только, что обычно соображения о значении аристократии в политическом устройстве страны высказываются и пользуются поддержкой в тех странах, где аристократия существует, где она укоренилась, обрела силу и даже права, где к ней в той или иной степени благосклонно общественное мнение, где она стала, в сущности, неотъемлемой чертой нравов и привычек народа. В таких странах, вероятно, будет справедливо и даже полезно принять аристократический принцип, хотя доверие к аристократическим идеям в наши дни значительно упало.

В России речь не идет и не может идти о том, чтобы при новом порядке благоволенно сохранять несуществующую аристократию. Вопрос в другом: надо ли создавать ее.

Можно понять, зачем беречь аристократию, но к чему создавать ее сознательно, без всякой на то причины, да еще в XIX веке! Это верх нелепости. Если России предназначе-

но подражать Европе, это не значит, что она обречена пережить все превратности, коим подвергалась Европа по мере становления своего общественного и политического порядка; она может свободно выбирать среди множества плодов, принесенных временем и опытом цивилизованным народам.

Русское дворянство — аристократия только по названию, за которым нет содержания. Не станем повторять уже сказанное. Дворянские же титулы, некогда имевшие смысл, а впоследствии ставшие лишь тешащими суетность безделками, можно сохранить, ибо люди, как правило, дорожат воспоминаниями о прошлом, о своих предках. В титулах самих по себе нет ничего дурного; зло рождается только тогда, когда законодательство страны, где признано и провозглашено всеобщее равенство перед законом, предается подобному ребячеству. Нельзя безнаказанно принижать то, что всегда должно быть священно. Законодательство, опускающееся до мелочей, кои тешат людское самолюбие, неизбежно теряет подобающее ему уважение.

Единственное настоящее преимущество русских дворян при нынешнем строе состоит в возможности занимать любые должности на государственной службе. Но мы видели, что в гражданской службе они уже делят сие преимущество с лицами недворянского происхождения. Остается только военная карьера, где у дворян нет иных соперников, кроме немногочисленных иностранцев, принятых на службу правительством. В этом отношении равенство перед законом будет для дворян весьма чувствительной жертвой. Впрочем, находясь ныне во главе нации — не только благодаря своим привилегиям, но и вследствие цивилизованности и просвещенности, следствий лучшего образования, — дворяне сохраняют это положение и при новом порядке, когда личные достоинства будут цениться превыше всего. У дворян еще долго не появится многочисленных и опасных соперников, поэтому им надо будет собственными заслугами оправдывать то, что прежде давали им привилегии. Дворянство от этого только выиграет, а с ним вместе выиграет и государство.

На худой конец в качестве жертвы может потребоваться уплата некоторой денежной суммы, если дворянин, не чувствуя себя способным быстро достичь высокого чина (сейчас дворяне считают, что стремительное продвижение по службе — их бесспорное право), желает, чтобы кто-нибудь другой заменил его на военной службе.

Такую же жертву придется приносить и купцам: для них военная служба сегодня не обязательна, но в новых условиях им придется служить, как и всем остальным.

Все прочие привилегии русских дворян сводятся к отличиям, имеющим цену только потому, что их лишена остальная часть нации. Однако слишком большое число тех, кто этими отличиями обладает, отнимает у них даже сомнительную ценность монополии.

Совместимые с самодержавием реформы, о которых мы говорили выше, вполне способны подготовить полный переход от привилегий к общему праву; для этого необходимо принимать на любые должности людей, которые того заслуживают.

2. СВОБОДА СЛОВА И ПЕЧАТИ

Справедливо замечено, что уровень политической просвещенности народа более всего определяется его интересом к общественным делам.

Представительное правление, введение коего имеет целью упрочить политическую цивилизацию, которая, в свою очередь, является не чем иным, как политической свободой, предполагает возможность свободно выражать свои мысли как устно, так и печатно.

Вместо того чтобы преувеличивать недостатки, присущие свободе слова (а без них не обходится ни одно творение человеческих рук и ума), следует осознать всю глубину опасности, происходящей из отсутствия такой свободы, и подсчитать все, что теряет в материальном благополучии, умственном развитии и нравственном достоинстве народ, которому в такой свободе отказывают.

Свобода слова и печати, как и любая другая, предполагает ответственность, которая должна быть определена законом, ясным и простым; и он будет таковым, если его составлять искренне, без всякой задней мысли. Впрочем, важнейшее условие свободы слова всегда следует искать в нравах и обычаях народа, в общественном мнении, в достойном и честном отношении исполнительной власти к собственной стране. Смотри на все, что говорят и печатают в Англии, Шотландии и Ирландии, можно подумать, что в этих странах вовсе нет закона, карающего за злоупотребление свободой слова и печати; однако он существует и иногда применяется. Но вообще в тамошнем обществе царит почти безграничная свобода мысли и слова; здравый смысл народа самостоятельно пришел к выводу, что даже злоупотребление этой свободой, не представляющее никакой опасности, лучше, чем мелочные и бесплодные преследования, угрожающие правам всех. Здесь, как и в уголовной сфере, дело не только в том, чтобы найти и наказать виновного, но и в том, чтобы защитить невинных от несправедливости и угнетения.

Впрочем, всегда ли следует обрешиваться на злоупотребления этой важнейшей свободой, расценивать их как несправедливость, как покушение на общественный порядок, как безнравственность, как кощунство, наконец? Всегда ли, повторяю я, власти необходимо нападать на сии издержки и карать за них? Разве общественное мнение уже не осудило виновников? Разве его мнение об ораторе или писателе, отступившем от своей высокой миссии, не ужаснее приговора, вынесенного судом?

Если внимательно и непредвзято изучить суть дела, становится ясно, что нарушение приличий в устных высказываниях или в печати, а именно дерзкие или объявленные опасными учения, якобы подстрекающие ко всякого рода злодеяниям, — производит (и то весьма редко) определенный шум, но быстро исчезает в бездне забвения, которая поглощает все мысли и идеи, не сулящие человечеству ничего полезного. Удивительно, сколько всего уже кануло в эту пучину. Преследования же и нападки обыкновенно только продлевают существование идей, обреченных умереть, едва родившись; гонения лишь придают важность тому, что само по себе не стоит внимания. Сколько сочинений не прожили бы и дня, если бы на них так некстати не обрушились проклятия!

Напротив, если в жестоко преследуемых идеях и учениях имеется нечто полезное, то любые предпринимаемые против них меры обречены на неуспех; опала не убивает эти идеи, а, напротив, оживляет их и придает им новые силы.

Суд присяжных, являющийся в обычных гражданских или уголовных делах лучшей опорой справедливости и беспристрастия, совершенно необходим в делах печати.

Однако несовершенства, свойственные институту присяжных, становятся опаснее, когда речь идет о злоупотреблениях свободой слова. Ибо в таком суде труд ученого, философа, великого писателя может подвергнуться суждению совершенно безграмотных людей, неспособных уловить мысль автора, оценить характер красноречивого выступления в газете. И что же? Опыт свободных народов доказывает, что, несмотря на эти недостатки, суд присяжных — лучшая гарантия свободы, необходимой мысли и слову.

Конечно же, наряду со скандальными оправданиями будут и скандальные осуждения, но все позволяет надеяться, что надлежащее устройство суда присяжных сделает последние крайне редкими; если же оправдания, о которых мы упомянули, и повлекут иногда за собой последствия (что весьма маловероятно), то люди разумные вряд ли обратят на них внимание.

Чтобы не отдавать писателей под суд, так сказать, первых встречных, предлагалось включить в общий список присяжных несколько сведущих лиц; их число после жеребьевки и отводов сократится до положенной величины. Это были бы особые присяжные для вынесения вердиктов по делам печати. Впрочем, я лично не могу согласиться с этой идеей. Создание особого литературного суда присяжных неизбежно вызовет массу осложнений, угрожающих тому, что составляет главную ценность института присяжных, — его простоте.

3. СВОБОДА СОВЕСТИ

Человек устремляется духом ввысь, к своему Создателю, и здесь никакая защита, никакие гарантии не могут оказаться лишними. Право поклоняться вечному Существому так, как мы это понимаем, падать ниц перед Тем, благодаря кому существует мир, является, несомненно, одним из священных, неотъемлемых прав, дарованных нам самой природой. Это право нельзя отнять, не оскорбляя человеческого достоинства, не унижая того духовного, божественного, что есть в каждом из нас.

Ничто с такой очевидностью не доказывает величия свободы, как открываемая ею возможность достойно использовать сие драгоценное право славить Бога всем сердцем, всей душой. Эта свобода необходима человеку и соприродна ему, ибо только с ней, с ней одной, можно достичь нравственного совершенствования. Дабы исполнилось предназначение человека, нужно, чтобы он был свободен.

Итак, свобода совести должна быть гарантирована «Русской правдой».

Чем священнее предмет права, тем священнее становится само право. Следовательно, власть должна как можно меньше вмешиваться в отправление гражданами подобных прав и ограничивать религиозную свободу только в случае крайней необходимости.

Даже самые цивилизованные народы Европы не смогли до сих пор полностью отделить церковь от государства; некоторые даже, напротив, придают большое значение их внутреннему единству. Однако религия и форма правления — вещи совершенно разные. Люди вольны устанавливать какое угодно правление, но религия дается Небом, и члены

любого законодательного собрания не заменят богодухновенных законодателей; парламент никогда не превратится в гору Синай.

Мы не предлагаем России опередить в этом отношении другие народы, достигнуть того, чего они еще не сделали; мы только хотим, чтобы Россия рассталась с нынешним порядком, шагнула вперед и в своем поступательном движении всегда помнила об истинном — священном и небесном — характере религии, чтобы она рассталась с кощунственными и бессмысленными заблуждениями, принимающими религию за орудие правительства.

Согласно принципу свободы совести, закон должен не только терпимо относиться к любому вероисповеданию, но и защищать его наравне с господствующей религией.

Мы уже говорили, что принцип свободы, примененный к католицизму, может столкнуться с некоторыми трудностями. Католики, конечно, вольны видеть в папе все, что предписывает им их вера, но и правительства не католических стран имеют право не соглашаться с учением о папстве в том виде, как его формулирует католическая церковь, и отвергать все, что в нем несовместимо с принадлежащим их странам правом суверенитета.

С такой оговоркой свободное отправление римско-католической религии может существовать в той мере, в какой это необходимо для удовлетворения всех истинно религиозных нужд.

Коль скоро в России будет принят принцип религиозной свободы, протестантизм, или, скорее, евангелический культ во всех своих разветвлениях, вполне может получить там распространение. Бодрый и пылкий дух протестантизма повлияет на православную церковь; тогда оживут достоинства и совершенства этой церкви, сохранившей в догматах и учении чистоту и наивность первых времен христианства. Божественная суть этой церкви возвышает ее над тем, что привнесла в нее теократическая власть*. В сей церкви немало того, что является делом рук человеческих; сие доказывает только, что люди не могли сделать лучше или иначе, но не имели богоухльного и коварного намерения заставить всех верующих слепо повиноваться церкви в лице священников. Наряду с подлинно христианским духом, пронизывающим греческую церковь, встречаются конечно же неясности, неточности, сомнения, не проясненные дискуссиями, не определенные духовной властью с той точностью и ясностью, которых так много в западной церкви. Но для решения вопросов веры строгая логика годится далеко не всегда; идя от следствия к следствию, каждое из которых логично само по себе, мы слишком часто приходим к невозможному, к нелепости; достоинства же любого вероисповедания состоят отнюдь не в способности разрешить (и тем более посредством власти, а не рассуждения) все вопросы и случаи, возникающие в безгранично широкой сфере веры. Протестанты — лютеране,

---

* В инструкциях, данных Святейшим Синодом священнику, который был послан в 1816 году в Берлин и должен был подготовить принцессу Александрину (нынешнюю императрицу) к переходу в православие, читаем следующее: «Излагая догматы греко-русской церкви, надо особенно тщательно объяснять, что она признает слово Божие, содержащееся в Священном Писании, *единственным и совершенно достаточным для христианской веры и жизни правилом и единственным мерилом истины*; церковь эта, конечно, чтит традицию первоначальной церкви, но только в том, что согласно с Писанием; наконец, поучительные суждения и указания касательно церковной дисциплины она черпает в этой чистой традиции, а не в новых догматах веры».

пресвитериане, англикане и другие, обращая взоры на греческую церковь, часто удивляются, видя, какой подлинно христианский, подлинно евангельский дух господствует в ее устройстве*.

Когда Петр I с такой беспощадностью перевернул в России все — и порядки, и умы, — наметилось движение и в русской церкви. Дали себя знать два влияния: одно римско-католическое, другое протестантское; они выразились в двух знаменитых епископах — Стефане Яворском, патриаршем *местоблюстителе*, и Феофане Прокоповиче, митрополите Новгородском, знаменитом ораторе, друге и сподвижнике Петра. С одной стороны, католический принцип связан с духовной властью, находящейся вне сферы действия правительства, и естественно тяготеет к известной независимости от светской власти, почему и несовместим с ее полнотой; с другой стороны, очевидно, что протестантизм, сущность которого заключается в обсуждении и осмыслении веры, также не совпадает с требованиями самодержавия. Сравнив эти два обстоятельства, можно было бы предположить, что самодержавие скорее склонится к первому; однако на этот раз произошло обратное: все, что было сделано Феофаном Прокоповичем в церкви и для церкви, носит отпечаток протестантизма. Это доказывает, что в православной церкви сохранился провиденциальный дух христианства, который делает его совместимым с прогрессом и помогает приспособиться к любым условиям, в коих может оказаться человечество.

Религиозная свобода должна непременно распространяться на многочисленные разветвления старообрядчества; здесь принцип свободы совести приобретает совершенно новое значение, поскольку именно здесь его применение и принесет наиболее благотворные результаты.

Неизбежным следствием этой свободы будет, несомненно, рост числа различных конфессий, умножение сект. Так что же? Что в этом дурного? Разве религиозное единство состоит не в вере во всемогущего, справедливого и милосердного Бога, в бессмертие души, в братство людей и, наконец, в святость христианского учения? И если единство когда-либо существовало, неужели оно было иным? Все ли католики веруют в одно и то же? Одна ли вера у янсенистов и молинистов, у иезуитов и галликан?

Желая определить, каковы различия между разными христианскими конфессиями, говорят, что католицизм опирается главным образом на учение святого Петра, протестантизм — на учение святого Павла, а христианство в конце концов придет к истинам, которые проповедовал апостол Иоанн. Единству, о котором мечтают сторонники старой веры, угрожают даже несовпадения в учениях апостолов.

Закон природы — различие, а не единообразие; закон сей господствует в мире физическом, возьмет он верх и в сфере разума и веры.

Более того, секты с их различиями не только неизбежны, но и крайне полезны для религии в целом. Именно секты очищают, оживляют верования, придают им силу. Кто может отрицать, что действие реформы Лютера оказалось благотворным для католицизма? В наши дни мы видим, как ту же услугу оказывают англиканской церкви различные секты, возникающие рядом с ней.

* См. примечание S в конце книги.

Можно ли сомневаться в том, что разнообразие сект спасительно для религиозных верований, когда именно в странах, где существует религиозная свобода и, соответственно, многочисленные секты, люди веруют более глубоко и горячо? Можно ли сомневаться в достоинствах этих сект, когда их приверженцы добиваются полезнейших идей, делающих наибольшую честь человечеству? Не сектантам ли, к примеру, человечество обязано великим и прекрасным делом освобождения негров, которое всегда будет составлять славу английского народа?

Свобода и, скажем прямо, конкуренция — вот что дает религиозным верованиям силу и плодотворность; монополия ведет к пустоте, оцепенению и безразличию.

Не без колебаний и не без чувства вины употребляем мы здесь слово «конкуренция», преданное в наши дни проклятию экономистами и публицистами; но все-таки даже в священнейших вещах всегда есть нечто человеческое. Кроме того, конкуренция может быть весьма достойной и нравственной; когда ее намерения чисты, без задней мысли о соперничестве, можно говорить о ней применительно к самым возвышенным предметам.

Конкуренция, которая, в сущности, есть не что иное, как свобода, заложена в самой природе явлений — и священных, и мирских; те же, кто требует ее запретить, должны, прежде чем воздвигать строительные леса для здания, пышно называемого ими *организацией труда*, спросить себя, можно ли уничтожить природу вещей, заменить ее чем-либо искусственным? И чего они на самом деле хотят? Применить к промышленности католическое учение о *власти и единообразии*? Оно слишком отдаёт абсолютизмом, и католики от промышленности плохо выбрали время для пропаганды подобных доктрин. В наши дни такие иллюзии не могут быть долговечными.

Вернемся к нашему предмету.

Чтобы утвердиться и обрести последователей, всякая религиозная секта должна непременно обладать чем-то моральным, полезным, подлинно добрым; иначе ей нечего надеяться на выживание. Чтобы составить верное понятие о существующих в России многочисленных сектах, у нас мало данных*. Все они находятся под покровом тайны, лучи гласности не освещают их учения. Открыто действует только секта *староверов*. Впрочем, с этими сектами можно ознакомиться по приносимым ими плодам: их члены отличаются нравственностью, безупречной честностью в общественных отношениях, щедрой и широкой благотворительностью по отношению ко всем несчастным, каковы бы ни были их верования. Они творят все добро, которое в их силах, хотя сами испытывают постоянный гнет.

Если бы сектанты могли свободно и открыто исповедовать свою веру, они, без сомнения, пошли бы уверенным и твердым шагом к совершенствованию и достигли бы тех чистых областей религиозной мысли, где исполняются благороднейшие упования человеческой души.

Установление полной религиозной свободы, предусматривающей равенство всех конфессий, привело бы к тому, о чем мы осмеливаемся сказать всем, кому усвоенные мне-

---

* Считается, что в различные секты входит почти треть всего населения. Недавно один русский ученый, желая исследовать этот вопрос глубоко и всесторонне, предпринял путешествие по стране. Он останавливался в городах и деревнях, где были сектанты, расспрашивал их об их вере и обрядах, пытался выяснить, сколько их. Эта поездка могла бы дать много, но деятельность ученого-путешественника привлекла внимание правительства, и ему было запрещено продолжать исследования.

ния и стойкие предрассудки мешают сие предвидеть. Этим следствием станет участие магометан в движении всеобщей цивилизации. Говорят, что мусульманство, по сути своей, неизменно и противится ходу цивилизации. Действительно, народы, исповедующие веру Магомета, на первый взгляд подтверждают это мнение, ибо в их общественной жизни прогресс почти отсутствует. Мы не стремимся защищать Коран, но хотим лишь сказать, что если магометанство не благоприятствует прогрессу в тех странах, где оно господствует, где его исповедует весь народ (в этом, впрочем, можно усомниться, вспомнив о высокой цивилизации арабов), то совсем иное происходит в странах, где оно существует бок о бок с христианством, особенно если последнее является религией большинства. Оказавшись рядом с христианами, магометане научатся ценить благодеяния цивилизации и не избегать уготованной человеку участи — постоянного движения вперед и совершенствования. Только в России обе эти религии уживаются мирно, если не совершенно свободно; мы отмечали выше, какое влияние оказывает на мусульман развитие общественной жизни. Не исключено, что таким примером станет и Северная Африка, когда Франция в интересах человечества всерьез займется колонизацией Алжира. Осмелимся предположить, что тогда наше мнение замечательным образом подтвердится, и тем основательней, чем большей свободой будут пользоваться обе религии; в последнем же сомневаться не приходится, ибо сия свобода будет обеспечена французским законодательством в Африке так же, как везде и всегда.

4. Суд равными

Провозгласив равенство перед законом, свободу слова и печати, свободу совести, «Русская правда» признает право каждого быть судимым только равными себе и в соответствии с законами, изданными или признанными представителями страны.

Суд равными непременно предполагает участие присяжных в отправлении судебной власти.

Гласность есть неизбежное следствие любой судебной процедуры; она также должна быть предписана конституционными законами страны.

Выше мы рассматривали суд присяжных в целом, устройство судов, гражданскую и уголовную процедуры; мы настаивали на необходимости полностью уничтожить телесные наказания, совершенно несовместимые с предлагаемым нами новым порядком. Конечно, достаточно провозгласить принцип равенства перед законом, чтобы положить конец применению наказаний, ибо из этого принципа нельзя вывести равенство перед кнутом или палкой, от коих уже избавлены некоторые сословия. Желательно все же, чтобы в основном законе страны говорилось об отмене и запрещении навеки любых телесных наказаний. Для народа это было бы нагляднейшей чертой нового порядка; и если даже поначалу люди будут думать, что к этому и сводятся все перемены, уже сего будет довольно, чтобы они с воодушевлением и радостью приняли новый строй.

Совместимые с самодержавием реформы судопроизводства, перечисленные выше, могут послужить мостом для перехода от нынешнего строя к конституционному; они во многих отношениях подготовят введение конституции и облегчат ее проведение в жизнь.

Дальнейшее развитие всех реформ, неизбежно следующих из признания важных прав, о которых мы рассуждали выше, то есть из равенства перед законом, свободы печати, свободы совести, права быть судимым равными себе; приведение этих прав в согласие с общим законодательством страны, введение определенных обязанностей, сопутствующих этим правам, наконец, устройство конституционного порядка в малейших его деталях — всем этим будут заниматься конституционные власти, которые возникнут при новой форме правления. К ним мы сейчас и обратимся.

5. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Провозгласив права всех, «Русская правда» определит, каким образом эти права могут быть осуществлены в том, что касается создания правительства, то есть установит порядок и правила национального представительства.

Мы видели, что состав представительного правления может предусматривать две законодательные палаты: наряду с палатой представителей может быть еще одна палата — либо аристократическая и наследственная, либо избранная, либо, наконец, состоящая из людей, назначенных исполнительной властью на эту должность пожизненно.

Рассмотрим, какой из этих вариантов наиболее приемлем для России.

РОЛЬ АРИСТОКРАТИИ

Наследственная аристократическая палата представляет не страну, а аристократию и аристократическую власть. Для такой палаты надобна издавна существующая, сильная и влиятельная аристократия. Такой аристократии в России нет, и изобрести ее нельзя.

Но, могут сказать нам, верхняя палата представляет не только аристократию — она служит опорой трона, исполнительной власти и умеряет демократическую власть, воплощенную в представителях страны; в таком случае аристократический принцип вообще может быть очень полезен монархии. Исходя из этого, в России можно было бы создать своего рода аристократию, аристократическую палату, состоящую из нескольких благородных и богатых семейств, обеспечив наследственность их титулов, которые станут переходить по праву первородства, как и собственность. Эта, пусть и не слишком древняя, аристократия со временем приобретет аристократические вкусы и дух и в конце концов уподобится старинной аристократии. Именно так рассматривал Сперанский аристократию в своем плане преобразований: он отводил ей роль посредника между тронem и народом.

Однако, на наш взгляд, роль противовеса палате представителей может с тем же успехом выполнять просто верхняя палата, не аристократическая и не наследственная. В самом деле, следует оценить, насколько полезна будет аристократическая палата в качестве опоры, помощи исполнительной власти.

Одно из двух: либо аристократия будет сильна, могущественна, влиятельна и, объединяясь с исполнительной властью, займет господствующее положение, а значит, станет угнетать народ, либо же она будет слаба и беспомощна и уступит свои полномочия испол-

нительной власти, что также кончится угнетением народа. Здесь нет середины. Все теории о равновесии властей — монархической, аристократической и демократической, — все выдумки о весе, противесе и контроле, о гармонии, возникающей из контрастов, — все это заблуждение, которое распространяют или слепые оптимисты, или пекущиеся о собственной выгоде лицемеры; люди же неглубокие, довольствующиеся видимостью и не пытающиеся проникнуть в суть, принимают это на веру. Два законодательных собрания с равными правами и властью никогда не смогут сосуществовать на равных; одно неизбежно будет главенствовать; так бывает всегда. Монархическая власть, обязанная служить посредником, примирителем двух палат, то есть аристократов и демократов, всегда волей-неволей смыкается с одной из них, и так как меньшинство всегда сможет придумать, как ему угнетать большинство народа, власть, естественно, объединяется с аристократией, а последняя, благодаря присущей ей силе и последовательности, в конце концов ее поглощает. Вот та поддержка, которую аристократия оказывает короне. Когда монархам случалось попросить у народа помощи против аристократии, они были уверены — и нисколько в том не заблуждались, — что в случае успеха они будут господствовать над всеми без исключения.

Чего же должно ожидать, создавая в России аристократию, аристократическую и наследственную верхнюю палату? Даже там, где есть старинная аристократия, она является предметом ненависти, зависти других сословий. А что же будет в стране, где тот, кто вчера был равным, завтра окажется выше?

Человек создан так, что более всего любит равенство и ставит его даже выше свободы. Быть может, это одно из заблуждений человеческого сердца, но заблуждение неисправимое, ибо оно естественно; силе придется пред ним склониться. Политические институты, влияющие на характер народа, могут отчасти изменить сию естественную склонность к равенству, но не могут уничтожить ее совершенно. Сравнивая Францию и Англию, мы уже говорили, что французы особенно любят равенство, а англичане всему предпочитают свободу и могут примириться с неравенством положений и с привилегиями. Но правда заключается в том, что чувство, приписываемое исключительно французскому народу, от природы присуще всем людям. Если во Франции оно более сильно и проявляется отчетливее, чем где бы то ни было, то лишь потому, что французские учреждения этому благоприятствуют; в других странах оно слабее, поскольку тамошние учреждения ему противостоят. А если в Англии это чувство изменилось до неузнаваемости, причину следует искать в том, что там, отказывая людям в равенстве, им с избытком воздают свободой. Именно потому что англичане так свободны, они соглашались с тем, что их равенство неполно. Ни один народ цивилизованной Европы не вправе сего осуждать, ибо никто из них пока не достиг той степени свободы, какой пользуется английский народ.

Если аристократия, представленная верхней палатой, не может быть сильна потому, что она слишком молода и возникла на пустом месте, то ее влияние также останется слабым по сравнению со значением палаты представителей, которой непременно будут принадлежать симпатии избравшего ее народа. Какую же пользу принесет такая аристократия трону? Разве можно опереться на тростинку?

В ответ нам могут сказать, что монархии в России, как и везде, выгодно покровительствовать аристократии, окружать ее уважением и почтением, поддерживать ее влияние. И все же этого следует остерегаться: исполнительная власть будет терпеть сильную

и влиятельную аристократию лишь до известных пределов. Между короной и аристократией, если обе они действительно могущественны, всегда идет борьба. Старинная аристократия, укоренившаяся в стране, может выйти из этой борьбы победительницей; молодая же обязательно проиграет; монарху стоит лишь обратиться к народу, и тот поспешит на помощь, стремясь ниспровергнуть своего врага.

Россия, отказавшись от аристократической наследственной палаты, не только ничего не потеряет, но, напротив, получит лишнюю возможность установить достойное представительное правление.

В самом деле, почему опору престола следует искать именно в аристократии, а не в народе? Зачем создавать искусственные подпорки общественному зданию, когда сила вещей предлагает более естественную и разумную опору? Если монархия существует для народа, значит, на народ она и должна опираться и один лишь народ должен и может ее поддерживать. Разве какие-нибудь естественные и непреложные узы могут соединять монарха с аристократией теснее, чем с народом? Если это так, то подобный союз не может иметь целью общественное благо, благо всей страны; он может быть только порочным, а посему не следует ни заключать, ни тем более усиливать его.

Разве аристократы всегда благоволят к трону? Разве они менее враждебны к нему, чем народ? Разве, наконец, они всегда проявляют искреннее рвение к общественному благу? Был случай, когда народ* добровольно уступил власть самодержавию, лишь бы избежать гнета аристократии; но ни одна аристократия никогда не отказывалась добровольно от своего господства, если только, сделав сей шаг, ей не удавалось угнетать народ окольными путями, не имея возможности владычествовать прямо. С другой стороны, англо-норманнские бароны XIII века и аристократы-революционеры 1688 года добились у монархов гарантий для всего народа — при условии, что получат самую богатую долю добычи.

Итак, ни короли, ни народы не могут искать спасения в аристократии. Интересы у королей и народов одни, они могут примириться; интересы же аристократии вносят в сей союз лишний элемент, который часто ведет к его ослаблению, разрыву и таким образом становится причиной беспорядка.

Если верхняя аристократическая и наследственная палата как незаменимая опора трона будет исключена из конституции России, вопрос о второй законодательной палате, которая должна смягчить действия палаты народных представителей или же быть второй инстанцией в законодательстве, остается открытым.

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА, НАЗНАЧАЕМАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ

Для начала можно было бы учредить верхнюю палату, состоящую из несменяемых членов, назначенных исполнительной властью.

Я не отважился бы рекомендовать моей стране сей вид представительного правления. Любое собрание, любая законодательная власть должна прежде всего иметь некое значение, определенный вес. Но и то, и другое она может получить лишь в силу права: либо от рожде-

---

* Датчане.

ния присущего ее членам (как в случае с наследственной аристократией), либо данного выборами. Члены такого собрания сильны или сами по себе, или силою тех, кто их назначает.

Палата (пусть даже бессменная), которая состоит из лиц, назначенных исполнительной властью, никогда не приобретет такого влияния, как выборная.

Слабость ее положения помещает ей полностью удовлетворять одному из существеннейших условий деятельности второй законодательной палаты — умерять, а если нужно, то и останавливать демократические порывы палаты представителей. Составленная таким образом палата вряд ли сможет стать опорой трона. Только независимость придает силу. А подобная палата по самому принципу создания лишена независимости, ибо члены ее назначаются монархом.

Несменяемая палата, не опирающаяся ни на аристократические права, ни на выборы, может, однако, иметь большое значение и обладать существенным влиянием благодаря личным заслугам своих членов. В странах с развитой цивилизацией всегда есть немало просвещенных, опытных людей, отличившихся в общественных делах, снискавших известность на государственной службе; лучшие из них, несомненно, составили бы вполне уважаемое собрание. Хотя сей принцип плохо вяжется с различными теориями государственного права, он все же мог бы принести большую пользу; в таком случае было бы разумно к нему прибегнуть.

Но просвещенных людей, опытных чиновников, знаменитых ученых, коммерсантов, уважаемых и занимающих высокое положение промышленников, из коих можно собрать подобную палату, в России еще меньше, чем аристократов, а за неимением таких лиц нельзя создать что-либо приемлемое.

ВТОРАЯ, ВЫБОРНАЯ ПАЛАТА

Остается рассмотреть последнюю разновидность представительного правления, предусматривающую наличие второй законодательной палаты — выборной.

Для определения того, каким образом складывается эта вторая законодательная палата, нужно напомнить, для чего она предназначается.

Мы видели, что монархии нужна лишь одна опора — народ, страна, для блага коих она существует, и законы, к которым он постоянно обращается; искать иную опору означает извращать представительное правление в ущерб стране и самому престолу. Следовательно, истинная цель всякой второй палаты может состоять лишь в том, чтобы умерять действия народной палаты и обеспечивать точность законодательства, его серьезность и наивозможное совершенство.

Почти во всех странах с представительным правлением конституция предусматривает два уровня законодательства; иными словами, она признает две законодательные палаты. Совершенно очевидно, что решения одного собрания, где обязательно преобладает демократический элемент, часто принимаемые в результате страстных и бурных споров, под влиянием сиюминутных интересов, только выиграют, если через некоторое время будут пересмотрены в другом собрании, более спокойном, менее подвластном посторонним влияниям.

Бентам, отвергающий два уровня законодательства, полагает, что для придания законам, которые принимает народное собрание, умеренного и разумного характера, достаточно проводить голосование дважды, по прошествии некоторого времени, когда улягутся страсти, бушевавшие в ходе первого обсуждения. Он считает, что таким образом одна палата соединила бы в себе все преимущества обеих.

Не станем развивать эту идею и, руководствуясь опытом почти всех свободных и цивилизованных народов, без колебаний признаем пользу второй законодательной палаты. Исходя из этого, мы намерены тут же указать способ ее создания, но воздержимся от суждений по поводу немедленного воплощения предлагаемого нами принципа.

Для создания второй палаты, долженствующей умерять действия первой, а главное — наблюдать за правильностью законотворчества, за тем, чтобы каждое учреждение не выходило за рамки отведенной ему сферы, необходимо, чтобы члены этой палаты обладали знаниями, опытом и здравомыслием. Миссия народной, демократической палаты иная — она должна прежде всего действовать; миссия верхней палаты, которую можно было бы именовать сенатом, — умерять, придавать правильный ход трудам первой. Гарантии качеств, коими должны отличаться сенаторы, следует искать в их возрасте и роде занятий, указывающем на способности.

С этой целью конституция определяет прежде всего возраст — например, сорок лет, — необходимый для назначения сенатором, затем указывает категории лиц, из коих могут выбираться кандидаты в сенаторы. Это должны быть люди, занимавшие важные посты на государственной службе, известные в науке, литературе, торговле, промышленности, лица, бывшие в течение определенного времени депутатами или занимавшие иные выборные должности.

Выбирать сенаторов могли бы, строго говоря, те же, кто выбирает депутатов. Но, может быть, лучше с самого начала, самым способом избрания его членов придать этому собранию иной характер, чем у собрания демократического, — такой, который более гармонировал бы с его миссией. Для этого всенародное голосование не нужно; выбор сей можно доверить представительным советам, образуемым в различных местностях. Двухступенчатые выборы устранили бы демократическую запальчивость прямых всенародных выборов, пугающую многих.

Срок действия сенаторских и депутатских полномочий должен быть одинаков.

Такое устройство второй законодательной палаты мы могли бы предложить нашей стране, если бы считали полезным с самого начала ввести две палаты. Но мы думаем иначе. Мы, напротив, убеждены, что России больше подходит одна законодательная палата, особенно в начале конституционной эпохи.

Попытаемся пояснить свою мысль.

ЕДИНАЯ ПАЛАТА

Реформа, предлагаемая нами, изменит все. Новую форму правления трудно будет сразу установить прочно, у нее окажется мало средств к существованию, развитию, укреплению. Значит, жизненная сила может прийти к ней только из законодательного корпуса, состоящего из представителей народа.

Следовательно, нужен как можно более сильный депутатский корпус. Поделить его на две палаты — значит неизбежно ослабить его; поддержать его единство — значит сделать все, что в человеческих силах, дабы обеспечить ему возможность дальнейших действий.

Медлительность, которую внесет в ход дел наличие двух законодательных палат, уже служит достаточной причиной для отказа от второй палаты. Если выжидание и осмотрительность, пусть даже чрезмерная, могут быть полезны или хотя бы необременительны для издавна существующего представительного строя, опирающегося на установленные, вошедшие в привычку правила, то для порядка, который лишь возникает, определяется и начинается развиваться, они могут оказаться смертельны. В первые мгновения конституционной жизни народа совершенно необходимы решимость и быстрота действий.

Прежде чем сдерживать действия страны, надобно подождать, пока они разовьются, установятся, приобретут направление. Принципы умиротворения, которыми должен вдохновляться сенат, не могут проявиться с самого начала; для их выработки потребуется время. А до тех пор вторая палата, оспаривая действия первой или вмешиваясь в них, произведет одну неразбериху — это худшее из зол, угрожающих новому порядку.

Еще одно обстоятельство — если угодно, второстепенное, но при этом весьма значительное — тоже говорит в пользу единой палаты. Число людей просвещенных, образованных и способных — словом, таких, какими должны быть представители народа, — в России не так уж велико; рассредоточивая их по двум палатам, можно ослабить сразу обе.

Отношения между престолом и единой палатой представителей должны быть очень простыми, ибо обе стороны являются необходимыми составными частями целого, страны. Если ввести в это простое и естественное устройство третью власть, характер и права которой неизбежно будут расплывчатыми (особенно вначале), ход дел может замедлиться и затрудниться — ведь появятся новые винтики и шестеренки. Наконец, вопреки принципу выборности, на котором будет основан сенат, он может поддасться соблазну заблудиться отнюдь не о совокупных интересах престола и народа, а совсем об иных, тем более что его предназначение, как мы только что сказали, не будет определено четко. Может случиться, что сенат пожелает стать не выборным, а несменяемым; несменяемые же палаты стремятся стать наследственными. Для достижения этой цели сенат, возможно, попытается опереться на исполнительную власть и предложит ей расширить поле деятельности за счет народной палаты. Подобные столкновения, непредсказуемое развитие противоположных интересов может внести в нарождающуюся форму правления семена разрушения и смерти.

Итак, мы за единую законодательную палату, но при этом не считаем, что так должно остаться навеки. Мы не хотим, чтобы наличие единой палаты было возведено в основной принцип правления, и еще менее — чтобы сей принцип был провозглашен священным и непоколебимым. Предлагая изменения в существующем порядке вещей, в ныне господствующем образе правления, мы были бы просто безумны, если бы пожелали запретить другим в дальнейшем предлагать новые усовершенствования. Нет, наше намерение отнюдь не таково. Мы уже сказали: в распоряжении страны должны быть все способы, все формы правления. Если впоследствии будет решено, что в устройство конституционного

представительного правления полезно ввести вторую законодательную палату, ничто не помешает стране это сделать. На сей случай мы обосновали принцип выборности в формировании этой палаты.

ИЗБИРАТЕЛИ

Переходя к вопросу о составе палаты представителей, которую мы назовем *народной душой*, начнем с избирателей.

Не стоит входить в подробности этого вопроса; укажем лишь основы, на коих должен зиждиться избирательный закон. Предлагаемые нами принципы можно будет развить и, смотря по обстоятельствам, разными путями воплотить в жизнь.

Нам кажется, что для создания корпуса избирателей, интересы коего должны совпадать с интересами всей страны, нет необходимости в том, чтобы их число было практически неограниченным. Рассмотрев число избирателей в разных странах с представительным правлением, находим, что Россия с ее населением в 50 миллионов душ могла бы доверить задачу избрания представителей одному миллиону человек.

Этот миллион избирателей будет делиться на избирательные коллегии, каждая из которых должна быть достаточно многочисленной, чтобы обладать всеми гарантиями независимости. На это можно надеяться, ограничив число коллегий двумя сотнями; тогда в каждую войдет в среднем 5000 избирателей.

Для губерний малонаселенных и удаленных от центра империи (как, например, Сибирь) можно кое-что изменить.

Географическое положение этих губерний не должно мешать им пользоваться, как и остальным частям империи, благами конституционного правления. Корсика посылает своих представителей в палату депутатов точно так же, как и другие департаменты Франции; ставится даже вопрос о включении туда представителей колоний. В Англии многие полагают, что было бы полезно ввести канадцев в законодательное собрание метрополии. Того же требовали и для Соединенных Штатов Америки до их освобождения.

Как мы уже говорили, избирательное право может основываться только на способностях, о наличии которых свидетельствует или позволяет судить род занятий, или на размере земельных владений. Я склонен считать, что сие право должно определяться прежде всего профессией; только после этого можно определить, каким количеством собственности необходимо обладать, чтобы, за неимением других отличий, стать избирателем.

Таким образом, право избирать получают все члены ученых обществ, все профессора, преподаватели, школьные учителя — словом, все, кто трудится на поприще народного образования, все государственные служащие (начиная с определенных должностей), офицеры, художники, имеющие мастерские и учеников, купцы, мануфактурщики и вообще все промышленники, которым долговременные занятия фабричным производством обеспечили устойчивое положение, ремесленники (по крайней мере, те, что держат мастерские, имеют подмастерьев и занимаются своим ремеслом уже ряд лет), а также предприниматели и все те, кто, действуя в какой-либо отрасли промышленности, использует

известное число рабочих, наконец, те, кто занимает выборные должности. Каждый, кто по роду деятельности обладает избирательным правом, может потерять его только в случае осуждения за проступок или преступление. Даже оставив свою профессию, человек не перестает быть избирателем.

Понятно, что открыть доступ к избирательному праву всем землевладельцам невозможно, — иначе придется чрезмерно увеличить число выборщиков. Значит, для этого надобно обладать известным количеством земли, которое может различаться в зависимости от местности и установленной категории, коих не должно быть более двух или трех. Дома определенной стоимости также дадут их владельцам право голоса.

Когда, таким образом, определится круг избирателей, можно устроить так, чтобы их в общей сложности было не менее миллиона; цифра сия определяется заранее, и произвольно увеличивать ее также нельзя.

Отобрав миллион избирателей, извлеченных, так сказать, из чрева народа, обязанных своим правом только основному закону страны, а не сословию или корпорации, к которой они принадлежат, и не местности, где они живут, можно надеяться скорее, чем при какой-либо другой системе, достичь цели, то есть получить корпус избирателей, интересы которого всецело совпадают с интересами страны.

Как уже говорилось, мы указываем лишь основы избирательного закона; в нем, однако, есть подробности, настолько тесно связанные с общими принципами, что их никак нельзя миновать. Так, неизбежно встает вопрос об участии духовенства в избрании народных представителей.

В целом мы не считаем полезным устранение духовенства, особенно белого, от участия в политических делах страны. В России это привело бы к большему, чем в иных местах, неудобствам, особенно если учесть здешнее состояние дел. Действительно, зачем исключать клириков из общественных дел, зачем мешать участию в управлении страной тем, кому доверено религиозное воспитание народа? В важной общественной должности, отправляемой ради блага государства, нет ничего несовместного с духовным саном. Заметим кстати, что когда высшее дворянство в 1730 году задумало ввести в России что-то вроде конституционного правления, одной из причин неудачи было исключение духовенства из сферы общественной деятельности*.

Однако из соображений приличия можно счесть нежелательным, чтобы приходские священники вмешивались в волнения, связанные с выборами. Можно было бы взять за правило следующее: ни один священник не пользуется своим избирательным правом во вверенном ему приходе.

Можно также отказать в избирательном праве всему черному духовенству. Что же касается клириков, преподающих в семинариях и духовных училищах, то они должны пользоваться этим правом наравне с обычными профессорами и преподавателями.

Другой частный вопрос касается иностранцев, живущих в России. Следует ли предоставлять им избирательное право? По-моему, нет никакой уважительной причины ли-

---

* Главное действующее лицо этого предприятия, князь Дмитрий Голицын, был весьма нерасположен к духовенству.

шать их этого права, если они соответствуют тем качествам, которых требуют от российских избирателей. Русским следует как можно последовательнее поощрять стремление честных и способных иностранных промышленников селиться в их стране; это сулит не только материальную выгоду: весь цивилизованный мир будет приветствовать такое тяготение к начинающей проникать повсюду идее братства всех людей. Будем надеяться, что в конце концов она укоренится везде.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Как только будет создан корпус избирателей, следует обеспечить им наивозможную свободу действий, с тем чтобы их выбор мог пасть на тех, кого они считают достойными представлять страну. Ни принадлежность к тому или иному сословию, ни иные обстоятельства не могут оказаться помехой для кандидатов.

В самом деле, раз стране предоставляется выбор депутатов, необходимо дать избирателям возможность действовать, использовать свое право во всей его полноте. Ограничивая их, разрешая им выбирать представителей только из определенных категорий, например только среди богатых людей, законодатель подменил бы собою избирателя и таким образом присвоил бы себе власть, которой не может пользоваться со знанием дела и рассудительностью.

Если закон определяет условия, необходимые, чтобы стать избирателем, то потому лишь, что нет другого способа отобрать тех, кому поручено назвать представителей страны. Закон не знает заранее людей, способных исполнить эту миссию, и поэтому вынужден выдвигать условия и признавать, что та или иная профессия или обладание тем или иным количеством земли предполагает эту способность. Что же касается депутатов, здесь дело обстоит иначе. Поскольку закон доверяет их определение избирателям, сам он в этом не участвует. Избиратели должны знать и знают тех, кого выдвигают в депутаты, и судить о них могут гораздо вернее по собственному опыту, нежели по тем расплывчатым критериям, кои может выдвинуть закон.

Итак, всякий человек может стать депутатом, если выбор избирателей остановится на нем.

Было бы несправедливо и даже опасно оставить духовенство вне общего права. Даже монахи не должны составлять исключения. У нас был случай говорить о роли высшего духовенства, которое в России отличается просвещенностью и пользуется всеобщим уважением; государство только выиграет, признав за ним право участия в народном представительстве.

Я также не вижу, почему нельзя предоставить иностранцам право быть избранными. Если положенное число избирателей сочтет, что живущий в России чужеземец достоин стать депутатом, надо прислушаться к их мнению и позволить им действовать соответственно.

Исключение можно было бы сделать только для чиновников исполнительной власти, имеющих большое влияние на тех, кем они управляют; последние не могут быть назначены депутатами в подведомственных им областях.

Можно также поставить за правило, чтобы депутат непременно достиг определенного возраста, например двадцати пяти лет.

Соображения справедливости, благоразумия и общественной пользы побуждают положительно решить вопрос о денежном вознаграждении представителей во время действия их мандата. Если обязанности депутата являются только почетными и придают человеку определенный вес, многие станут домогаться их лишь для того, чтобы выдвинуться в обществе, хотя у них при этом не будет ни малейшего намерения как следует их исполнять, а иногда они даже и не будут к сему способны. Поэтому следует всеми возможными способами поддерживать достоинство этих обязанностей и всеобщее к ним уважение. Депутатские полномочия, скорее всего, должны быть почетными, но в то же время надобно, чтобы исполнители их относились к своему делу серьезно. С другой стороны, безвозмездность сей должности дала бы недобросовестным депутатам повод заниматься личными делами в ущерб общей пользе; следствием такого положения также стало бы неизбежное удаление от представительства людей, часто весьма способных, но небогатых и не имеющих возможности жертвовать своим временем и трудами без всякого вознаграждения, но при этом слишком честных, чтобы самостоятельно вознаграждать себя косвенным образом.

Но любое государство достаточно богато и в состоянии оплачивать оказываемые ему услуги. Здесь можно отыскать даже немалую экономию.

6. Исполнительная власть

Основной закон, «Русская правда», непременно должен установить границы исполнительной власти.

Рассматривать этот вопрос при наличии самодержавной и неограниченной власти — задача весьма непростая, но лишь на первый взгляд.

Тот, кто говорит «монархия», подразумевает «сила и могущество». В конституционной монархии эта сила ограничена правилами и устойчива. Основанная на законе, она обладает поддержкой страны; действуя в предписанной ей законом сфере, она развивается свободно и правильно. В самодержавии сила покоится на воле одного человека; она проявляется в разных направлениях, одно за другим избираемых этой волей. От этого ее действия неизбежно непоследовательны, неопределенны, то есть никогда нельзя знать, хорошо ли сделано то, что сделано, и то ли вообще сделали, что намеревались сделать: вот две причины слабости, сковывающей могущество абсолютной власти. Одним словом, самодержавный государь далеко не всесилен.

При любой конституционной монархии полномочия престола всегда больше полномочий конституционного собрания. Подобное неравенство заложено в природе вещей, и конституционных монархов никак нельзя уподобить великому выборщику — порождению изощренной фантазии творцов конституций. Новый Цезарь найдет, чем тут удовлетворить свои притязания; надобно только, чтобы с ними соединялась и благородная душа великого диктатора.

Обратившись же к действительности и глубоко вникнув в положение вещей, приходится признать, что в управлении страной, во всех важных и серьезных действиях высшей

власти конституционный монарх обладает не меньшим весом, чем самодержавный государь. Более того, законность дает первому дополнительную власть, силу и средства, коих всегда будет не хватать второму. Пределы, коими конституции обычно ограничивают власть государей, находятся так далеко или так низко, что поистине кажется, будто монархи с высоты своего трона не замечают их вовсе и за отсутствием иных причин попросту гнушаются преступать их.

Впрочем, и здесь мы лишь констатируем факт, не желая ни возводить его в принцип, ни искать ему каких-либо извинений. Конституционные монархи, не нарушая конституцию видимым образом, часто иным способом подчиняют общественное мнение своей воле. Английская конституция, несомненно, ограничивает исполнительную власть в такой же и даже большей степени, чем любая из современных монархических конституций; если судить о ней поверхностно, может показаться — и так зачастую и думают, — что в Англии парламент, аристократия и, наконец, общественное мнение совершенно подавляют королевскую власть. Однако всем известно, сколь прямым и несомненным было влияние Георга III на английскую политику в начале революции 1789 года. И разве не ему, благодаря его поразительному упорству, удалось настоять на своем и выиграть борьбу, надолго определившую судьбы Англии, борьбу, о коей сначала не думал ни народ, ни аристократия? Сам Питт, ставший потом душой сей битвы, с величайшей неохотой поддерживал поначалу политику короля. Значит, никак нельзя утверждать, что власть, способная оказывать такое влияние, излишне ограничена. А мог бы самодержавный государь сделать больше? Конституционные монархи сами выбирают своих министров; в этом источник их власти и силы; известно, с каким постоянством Георг III отказывался от министров, на коих ему указывало парламентское большинство. Однажды он сказал, что если не найдет министров в парламенте, то окажет доверие первым же восьмью или десяти добрым людям, встреченным им на улице.

Страны, подчиненные самодержавию, не могут обойтись без законов. Неограниченные монархи, постоянно подтверждающие свою власть и уверенные, что пользуются ею во всей полноте, тем не менее не подменяют везде и всюду законы своей волей, но, напротив, нередко чтят их, а иногда даже видят свою задачу в их соблюдении, поддержке и обеспечении точного их исполнения. Поэтому разница между законами, уважаемыми при самодержавном порядке, и политическими, конституционными законами, почитаемыми при представительном правлении, гораздо меньше, чем полагают. По крайней мере, если принято преклоняться перед первыми, то остается лишь шаг до того, чтобы чтить вторые. Итак, разница не столько в факте, сколько в теории, в праве; одни самодержцы могут сказать: «Мы соблюдаем законы, но лишь по собственному желанию; если нам будет угодно, мы можем их нарушать, ибо наша власть не знает ограничений, а при конституции нас лишат этого права». Если они так думают, пусть скажут это открыто!

Так неужели весь вопрос, все трудности спасительной и благотворной реформы сводятся к подобным пустякам? Ведь крики, раздающиеся, едва заходит речь о новшествах и либеральных учениях, проклятия, кои обрушиваются на то, что называют анархией, хвалы, возносимые так называемому отеческому, патриархальному правлению, рассуждения о невежестве, неспособности, о затянувшемся младенчестве народов, наконец, сие

божественное право, на которое так любят ссылаться, защищая самодержавие, — все это нужно для того только, чтобы спрятать под грудой пустых слов смысл постыдной тайны человеческого сердца, которая состоит в том, что свою выгоду, даже в самом гнусном и недостойном виде, люди всегда предпочитают интересам себе подобных.

Как бы то ни было, сила должна опереться на право. Исполнительной власти в России следует предоставить все полномочия, коими обычно наделен монарх при представительном правлении.

Прежде всего надо снять с этой власти ответственность, возложив ее на тех, кто займет министерские должности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МИНИСТРОВ

Чем важнее вопрос об ответственности министров, тем труднее разрешить его удовлетворительным образом. Однако неразумно оставлять сей вопрос в смутном состоянии, потому что именно в ответственности лежат существенные гарантии всякого хорошего правления. Посему «Русская правда» должна оговорить случаи ответственности министров и определить процедуру их обвинения и суда над ними.

Случаи ответственности должны быть ограничены серьезными проступками и преступлениями, такими, как взятка, должностные злоупотребления и измена. Последнее надобно понимать исключительно как действие, направленное против существующего конституционного порядка; измена же в собственном смысле, то есть действия, предпринимаемые в интересах чужой страны в ущерб своей, в наши дни стала преступлением чисто умозрительным, и не следует забивать подобным вздором статьи основного закона.

Право обвинять министров получит, разумеется, палата представителей страны.

Но кому должно быть предоставлено право их судить?

В странах, где есть две палаты, это право принадлежит второй, высшей палате.

Если же Россия будет иметь только одну палату, то, строго говоря, сие может быть вверено ей.

На это могут сказать, что палата представителей станет тогда и судьей, и одной из тяжущихся сторон; но это возражение здесь не будет иметь той силы, как при обычном судопроизводстве. Действительно, процессы, кои в конституционных странах поручаются законодательным палатам, выходят из правил обычной процедуры. Даже имея ранг судебной инстанции, эти палаты всегда действуют в качестве высшей власти, предоставленной им как законодательным органам, а не в силу существующих законов, которыми руководствуются обыкновенные суды. Приговоры палат суть законы, изданные по поводу того или иного дела, а не судебные решения, принятые на основании известных законов, применимых в данном случае. Так, приговор, согласно которому Страффорд был отправлен на эшафот, имел форму закона, провозгласившего его осуждение. Некоторые публицисты полагают, что подобные дела могут решаться только при помощи законодательных актов — законов, изданных законодательными палатами. Разумеется, если закон одобрен исполнительной властью, она в определенном

смысле будет судить сама себя. Согласие Карла I на осуждение своего министра — печальный тому пример.

Если, однако, предоставление палате депутатов права и обвинять министров, и судить их будет сочтено чрезмерным, можно оставить за ней только право обвинять, а суд поручить высшему судебному учреждению. Высокое положение этого суда, почтение, коим мы желали бы окружить его, станут достаточной порукой его беспристрастности. Приговор высшего суда не будет нуждаться в утверждении со стороны исполнительной власти; по крайней мере, можно будет обойтись без такой санкции, не нарушая приличий.

Разумный закон о министерской ответственности оговорит случаи этой ответственности, предпишет способ действий при обвинении и на суде, укажет применяемые наказания; при его исполнении не надо будет страшиться препятствий со стороны министров или престола. Такой закон лучше обеспечит прочность и честность представительного правления, нежели теоретические хитросплетения различных прерогатив, априорные определения полномочий различных властей и проч.

При нынешнем положении дел в России наиболее простое и естественное (как, впрочем, и везде) — потребовать, чтобы любой, даже самый высокопоставленный чиновник по закону был обязан давать отчет в любом дурном поступке и злоупотреблении, в коем его обвиняют. И что же? Почему же нельзя распространить сей закон и на полубогов, именуемых министрами? Частые нападки на них доказывают лишь, что до них невозможно добраться иначе. Когда к ним станут относиться как к простым смертным, то есть дозволят мечу закона разить их, если они оступились, иначе говоря, когда ответственность министров станет настоящей, их будут меньше ругать, больше уважать, и все найдут, что это к лучшему.

Ответственность министров наступает с момента подписания ими правительственных документов, без чего сии акты не имеют силы.

7. НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Чтобы достойно исполнять свое предназначение, судебная власть должна быть как можно более независима.

Обычное средство обеспечения независимости судей — их несменяемость. Оно далеко не удовлетворительно, ибо назначающая судей исполнительная власть решает и вопрос об их продвижении по службе, так что они не могут быть всецело независимы от нее.

Принцип выборности судебных должностей, особенно второстепенных, то есть тех, где больше всего сказывается стремление к продвижению, возможно, сделает независимость судей более зримой. В России назначение на судебные должности во многих случаях предоставлено выборам, и эта система может и должна быть сохранена.

«Русская правда» ограничится утверждением принципа несменяемости только в отношении тех судей, которые назначены исполнительной властью.

8. ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ

Наконец, «Русская правда» изложит основные принципы, сообразно которым должно быть устроено управление страной.

Среди них есть один, имеющий особенно большое значение, и его закон должен называть в первую очередь, — это принцип децентрализации. Согласно основному закону, все, что *может* быть сделано местными властями, *должно* быть сделано ими. Мы уже говорили, что всякий свободный и разумный порядок несовместим с доведенной до абсурда централизацией, которая сковывает все, мешает делать добро и придает центральной власти видимость силы исключительно потому, что ослабляет власть местную; первая кажется значительной только из-за ничтожества второй, хотя именно в ней заключена жизненность государства.

Вслед за этим «Русская правда» провозгласит, что наряду с должностными лицами исполнительной власти, коим поручено губернское управление, возникнут выборные советы, которые станут принимать участие в управлении местном.

Эти советы будут находиться в главных городах губерний и уездов, а также в волостях. Их смогут назначать те же лица, которые выбирают депутатов страны.

Все принципы управления должны быть изложены в коренных законах государства. «Русская правда» ограничится их провозглашением, а представители страны, разделяя с исполнительной властью право инициативы, делают остальное.

Заключение

СКАЗАВ О СУТИ представительного образа правления, назвав основания, на коих он должен быть воздвигнут, и средства, которые нужно использовать, чтобы сделать его искренним и плодотворным, мы считаем возможным остановиться.

Страна в лице своих представителей сама извлечет из конституционных институтов все, что сможет.

В заключение выскажем ряд общих соображений.

Сперва зададимся вопросом, не заденет ли предлагаемая реформа, как бы благодетельна она ни была для страны в целом, законные интересы отдельных лиц или сословий, не возложит ли она на кого-либо непосильные жертвы, наконец, всеми ли она будет хорошо принята?

Мы уже говорили о том, что потеряет и что выиграет от перемены порядка дворянство как привилегированное сословие, и не станем к этому предмету возвращаться. Другие же сословия не потеряют ничего, но выиграют все!

Остается самодержавная власть. Нельзя отрицать, что именно здесь возникают трудности, ибо она сама должна принять участие в установлении конституционного режима. Но самодержавие и монархия — не одно и то же, и на вопрос, противоречит ли конституционный режим интересам монархии, нельзя ответить утвердительно. Эти два понятия

воплне совместимы; монархия только тогда может быть сильной, достойной и величественной, когда она основана на представительной конституции^{*}. Таким образом, вопрос сводится к следующему: предпочтет государь остаться самодержцем или же согласится стать конституционным монархом?

Мы попытались показать, чем, в сущности, является самодержавная власть, иначе именуемая властью неограниченной. Статистика позволяет нам сравнить положение страны, где царит самодержавие, с положением стран с представительным правлением; история также рассказывает нам о судьбе самодержцев. Монарх, оставшись наедине с собственной совестью и рассуждая самостоятельно, не колеблясь ответит на поставленный нами вопрос: он скажет, что предпочитает царствовать по закону, а не по произволу. В это стоит верить хотя бы ради чести рода человеческого.

Но рядом с самодержцем всегда есть люди, пользующиеся этой властью в своих интересах; его престол всегда окутан облаком фимиама, не позволяющим ему как следует видеть то, что его окружает, и потому государь не сознает, что самодержавие куда менее выгодно ему, чем его приближенным. Придворные пользуются самодержавием, насколько это в их силах, а когда уже не могут ничего из него извлечь, удаляются прочь; государь же остаётся, и вина за все злоупотребления, из коих он не извлек и даже не пытался извлечь какую-либо выгоду, ложится на него.

У всякого государя, самодержавного или нет, есть лишь одно подлинное стремление: видеть, что народ, над которым он призван царствовать, счастлив, для чего ему необходимо материальное, умственное и нравственное благополучие. Для сего потребны разумное законодательство и управление; но ни того, ни другого нельзя достичь без свободы и правильно устроенных учреждений. Самодержавный государь может только выиграть от введения представительного правления, ибо оно одно может привести к названным результатам; в этом для него, как и для всякой власти, состоит главная выгода, которую не могут перевесить никакие второстепенные соображения.

Власть всегда находится лицом к лицу с народом, и потому ее удел — всегда жить его жизнью, быть великой и сильной только тогда, когда велик и силен народ, уменьшаться и слабеть, если хиреет народ, и обладать лишь тем значением, какое придает ей народ, которым она управляет. Уже по одной этой причине интересы власти, самодержавной или нет, совпадают с интересами народа.

Иначе обстоит дело с людьми, окружающими престол самодержавного монарха и частично получающими его власть. Они находятся по отношению к народу совершенно в иных условиях, нежели государь, их интересы не совпадают с интересами монарха и народа, а удовлетворять их они могут, лишь присваивая себе часть высшей власти и по возможности ее расширяя; более того, они злоупотребляют ею как только могут, а поскольку их положение крайне неустойчиво, они торопятся воспользоваться мгновением и удовлетворить свои притязания и алчность. И заметьте, сии орудия самодержавной власти *не могут* иметь иного интереса, иной движущей силы, кроме себялюбия. Если бы было ина-

^{*} «Большая удача моего времени — понимание, что монархия так же нуждается в свободе, как и свобода — в монархии; действуя сообща, они могут уберечь друг друга от всяческих опасностей» (ответ короля Франции на речь президента палаты пэров 1 января 1847 года).

че, если бы, например, они могли сочувствовать народу и стране, они были бы иными, не такими, как теперь, они отказались бы от своего положения, их чувства и чаяния совпали бы с народными, и тот стал бы уповать на самодержавие.

Интересы орудий самодержавия не только отличаются от интересов народа, но и прямо им противоположны — сие в природе вещей. Так как придворные могут достичь своего, только используя самодержавную власть, к которой они по возможности стараются принадлежать, то они по вполне очевидным причинам желают, чтобы власть эта была как можно прочнее. Лишь благодаря ей они являются тем, что они есть; благодаря ей, и только ей, завоевали они свое положение; они действуют и интригуют в ее спасительной тени — словом, только самодержавие вдыхает в них жизнь.

Любая реформа, направленная на изменение высшей власти, станет роковой для этого племени, для этих властолюбивых растений-паразитов, всегда оплетающих престолы самодержцев. Поэтому они неизменно и громче всех прославляют самодержавие, восхваляют его великолепие и отчаяннее всех сопротивляются реформам, угрожающим их существованию. А так как именно они окружают престолы, то им — увы! — слишком часто удается навязывать государям свои взгляды, продиктованные личными интересами, которые они, не краснея, объявляют интересами короны.

Мы вовсе не утверждаем, что конституционный порядок сумеет подавить интересы людей, использующих самодержавие для удовлетворения своего честолюбия или эгоизма.

Однако взглянем и на различия. Люди, состоящие на службе у самодержавного правительства и разделяющие с ним власть, более или менее склонны пользоваться ею для себя, но их вкусы, мнения и даже способности не могут быть одинаковы. Среди них всегда есть те, кто прекрасно приспособится к законному, конституционному порядку. Те, кто обладает истинными достоинствами, смогут и при новом порядке заставить себя ценить так же, как при самодержавии. Честолюбивым откроются широкие возможности удовлетворить свои притязания, если они основываются на чем-то реальном; те, кто жаждет богатства и способен его добиться, при этом порядке достигнут его гораздо скорее, ибо права собственности и личная свобода будут более защищены, а разумное правительство будет стремиться не уничтожать человеческие страсти, а, насколько возможно, облагораживать их и направлять на пользу всему обществу. Словом, все способные, деятельные, предприимчивые люди — даже из тех, кому было очень выгодно самодержавие, — непременно выиграют от установления свободного и правильного порядка. Остаются ничтожества и бездельники — они-то и будут единственными жертвами грядущей реформы!

Пусть же по крайней мере узнают правду о себе те, кто готов потрясать небо и землю, лишь бы помешать любым переменам и задушить в зародыше всякую мысль о движении вперед.

Нам показалось также важным опровергнуть легковесные заявления о том, что всякому народу следует давать только те учреждения, которых он заслуживает, что для пользования хорошими учреждениями надобно уметь их ценить, а чтобы получить их, следует к ним стремиться.

Человек всегда заслуживает блага уже потому, что он человек и благо существует лишь для него. Соответственно, он имеет право на все, что может привести его к этому благу. Так и с народами. Надо не понимать природу людей и явлений, извращать смысл

творения, чтобы утверждать, что человек может не заслуживать чего-то сделанного для него, того, на что он имеет право. Подобные утверждения порождены эгоизмом, коварством, глупостью — и являются чудовищной клеветой и гнусным святотатством.

Но, быть может, надо принимать вещи такими, как они есть, и согласиться с тем, что народ, долгое время блуждавший в потемках невежества и варварства, не способен по достоинству оценить здоровое правление и даже не может желать его?

Если бы это и было так, то чья тут вина? Не тех ли учреждений, которые не позволили развиваться благородным способностям человека и стали причиной его одичания?

В таком случае не состоит ли первейший долг правительства в стремлении как можно скорее положить конец положению дел. при коем человек низведен до уровня скота? Ибо воистину надо уподобиться животному, чтобы не отличать добро от зла. И как же народ может выйти из этого плачевного состояния, если власть будет упорно держаться за причины, приведшие его к этому?

Прежде чем делать этот вывод, который, как мы видели, ровно ничего не доказывает, хотя и приравнивает народы к стадам тупых животных, не разумнее ли проверить, действительно ли народ не умеет ни оценить, ни желать добра, зависящего от образа правления? Пробовал ли кто-нибудь когда-нибудь исследовать сии обстоятельства? Достаточно ли свободны мнения, слово, печать? Могут ли они выразить то, что думает, чего желает народ? Вот вопросы, на которые вряд ли осмелятся ответить утвердительно. Но тогда кто же рассудит народ и тех, кто, уподобляя его скоту, не гнушается говорить от его имени? Где найти правильное решение, когда из двух сторон одна молчит, а другая говорит и спорит только потому, что лишь ей и предоставлено слово?

Увы, слишком хорошо известно, к каким средствам прибегают народы для того, чтобы оповестить о своих чаяниях, когда не могут выразить их законными способами. В Константинополе общественное мнение некогда заявляло о себе пожарами, в остальных местах — восстаниями, революциями или попытками революций. И те, кто упорствует, отказывая народам во всех иных средствах улучшения жизни и прогресса, в сущности, признают, что только революции могут привести к прогрессу и улучшению.

Это не мешает им бороться с революциями, использовать всю свою власть для их предупреждения, душить их и не давать им повторяться. Пусть же они сначала попытаются прийти в согласие хотя бы с самими собой. Пока народ безмолвствует, они утверждают, что он не желает перемен; как только он приходит в движение и вступает на единственный путь, оставшийся ему для выражения его упований, они спешат его истребить и сокрушить. Как же тогда узнать общественное мнение, если между слепым подчинением и восстанием отсутствует середина?

Подобное положение дел действительно нелепо, ибо нельзя ни полностью оправдать, ни по совести осудить ни одну из двух сторон — ни тех, кто добивается прогресса, прибегая к насилию, ни тех, кто в свою очередь использует насилие для подавления любого порыва к лучшему будущему. И те, и другие поступают в соответствии с положением, в какое они поставлены силою вещей. Зло есть всегда и везде, при всех способах правления, какие только можно вообразить. Но как назвать порядок, при котором отсутствует всякий дозволенный, законный способ борьбы со злом? Выдумать такой строй означало бы впасть в плачевнейшее из заблуждений человеческого ума и сердца.

Сначала дайте народу возможность осознать, чего он хочет, какие установления предпочитает; если нужно, познакомьте его с различными идеями улучшения и прогресса, с плодотворными принципами порядка, основанного на свободе. Только тогда вы сможете судить, склонен ли этот народ к самоусовершенствованию и способен ли он это сделать.

Правда, одни и те же учреждения везде приносят разные плоды. Это и понятно, ведь учреждения являются всего лишь средствами, орудиями, и их действие непременно будет зависеть от того, насколько народ сумеет пользоваться этими средствами, действовать при помощи этих орудий — словом, оно будет зависеть от просвещенности народа, от уровня его цивилизованности. Прусский народ, например, наверняка извлечет из представительных учреждений более плодотворные и значительные результаты, чем русский. Но дело здесь в сравнении не двух разных народов, а положения одного и того же народа в разные эпохи; если даже русский народ, получив представительные учреждения, еще долго не сможет достичь уровня цивилизованности народов, опередивших его на этом пути, он все же поднимется выше, чем был тогда, когда не имел этих учреждений. Повторим: каковы бы ни были учреждения, они не являются и не могут являться целью — они лишь средства ее достижения. Представительные учреждения желательны только потому, что уверенно ведут к цели, которую должно ставить перед собой всякое человеческое общество, а именно к материальному благополучию народа и нравственному совершенству личности.

Наконец, в меру наших сил, попытаемся предсказать последствия введения в России представительного правления.

Груз прошлого, без сомнения, приведет к тому, что русский народ, неожиданно приобщившись к конституционной свободе, проявит робость, неумение пользоваться полученными правами; быть может, он даже будет ослеплен этим живым светом, внезапно проникнувшим во все его существо и уподобится человеку, который вышел из глубокого и темного подземелья и неожиданно оказался под яркими лучами солнца; его первые движения будут неуверенными и неправильными; но будут ли они сумасбродными, станут ли угрожать порядку, столь необходимому во всяком обществе? Нет ни причин, ни оснований ожидать или даже предполагать что-то подобное. Пробыв столь долго под игом, привыкнув молча подчиняться, он будет нуждаться в поощрении, дабы пользоваться своими новыми правами во всей их полноте; не будет нужды ни сдерживать, ни сковывать его действия. Это будут не восставшие рабы, а простые, терпеливые люди, которые, памятуя о прежнем своем несчастье, станут лишь благословлять руку, даровавшую им благодеяния свободы.

Эту истину, коренящуюся в природе человеческого сердца, всегда следует помнить тем, кто намеревается предпринять какие-либо решительные преобразования в России. Дав народу все права и свободы, они также должны будут принять за правило поощрять его к пользованию этими правами и свободами. Пусть они поверят в добро, и эта вера их спасет.

Немецкий публицист*, обращаясь к прусскому канцлеру князю Гарденбергу с речью о пользе представительных учреждений, между прочим заметил, что немецкий народ нуждается более в шпорах, чем в узде. Это верно для немецкого народа, но еще более вер-

---

* Профессор Геррес.

но для народа русского; а если еще глубже вдуматься в это высказывание, станет ясно, что оно верно для любых народов.

Нам скажут, что вялость, колебания и неуверенность народа в пользовании правами непременно заставят расширить власть государя, приравняв ее к самодержавной.

При представительном правлении власть монарха всегда будет весьма обширной и величественной; но слабость народа не только не укрепит ее, а, напротив, ослабит. Сила присуща только совершаемым, а не задумываемым действиям; можно многое полагать возможным, но ничего не делать. В собственных интересах, в интересах своего могущества, зримого и истинного, монарх всегда должен стремиться к тому, чтобы народ обладал силой, принадлежащей ему по закону, чтобы он достойно и плодотворно использовал свои права и свободы. А когда монарх окажется лицом к лицу с народом, он еще лучше поймет, насколько это важно для него самого; в сей самый миг исчезнет окружающий его сброд — интриганы и себялюбцы, стоящие между ним и народом и не дающие им понять друг друга.

Пожалуй, трудно вообразить обстоятельства менее благоприятные для введения представительного правления, чем те, в которых Александр пожаловал конституцию Царству Польскому. Дарование конституции России не сопровождалось бы такими сложностями и не было бы связано с таким риском — ни сейчас, ни в будущем*. И каков же результат? Польская конституция, бывшая, в сущности, лишь тенью представительного правления, несмотря на кратковременность своего существования, бесспорно принесла стране спасительные плоды: столь благоотворно добро по самой своей природе!

Мы уже говорили: утверждая законодательную палату, нельзя одновременно создать великих ораторов. Но так как представительное правление лишь средство, ведущее к цели, то есть ко всему доброму, полезному и выгодному для людей, объединенных в государство, то, значит, это также средство получить красноречивых и знаменитых ораторов. Речи, которые станут произносить русские представители, с точки зрения искусства окажутся, вероятно, довольно посредственными, но куда важнее здесь будет польза, которую они принесут стране. К тому же подобные несовершенства неразлучны с началом любого дела и, как предписано природой всему, что еще пребывает в ребяческом состоянии, должны оцениваться соответственно; преувеличивать эти несовершенства, останавливаться на них означало бы впасть в злопыхательство и нападать на частности, не желая видеть главного.

Пусть представительное правление, введенное в России, будет действовать не с той правильностью и блеском, которыми оно поражает у цивилизованных народов, давно им обладающих; пускай страна еще надолго сохранит привычки и повадки, связанные с ее прошлым, то есть с рабством; пускай влияние монарха по-прежнему останется более значительным, чем в других конституционных странах; пускай его власть станет даже более мощной, но в то же время и более плодотворной, чем сегодня, так как нравственная сила,

---

* Только ослепление, коему, кстати, подвержены самодержавные государи, помешало Александру увидеть, что Россия гораздо лучше могла бы принорочиться к королю Польши в качестве своего конституционного императора, нежели Польша к самодержавному императору России в качестве своего короля. Если бы император мог понимать это так же ясно, как все остальное, он не сказал бы в своей первой речи, что Россия получит конституционные установления позже, когда созреет для них.

которую он завоюет, во много раз превзойдет силу материальную, которой он теперь ограничен; пускай, наконец, народ, выведенный из мрака варварства на яркий свет цивилизации и свободы, сперва побредет, так сказать, на ощупь и лишь потом двинется твердым и уверенным шагом, — все эти возражения, все ссылки на грядущие трудности нельзя считать не только доводами, но даже тенью доводов в пользу того, что лучше оставить все как есть и отвернуться от надежды на лучшее будущее.

Повторяю еще раз и готов повторять всегда: чтобы достичь всех указанных мной результатов, чтобы дело увенчалось успехом, достаточно желать добра, верить в него и действовать искренне, обнаруживая тем самым добрую волю.

От чего только не страдает бедный род людской! Болезни, физические немощи, горести и всякого рода напасти осаждают и истребляют его; каждый день человек видит, как гибнут дорогие его сердцу существа. Ко злу, порожденному состоянием общества, злу, которое, подобно новому Протею, предстает в тысяче различных обликов, часто присоединяется суровость климата, тяготы повседневного существования, голод, чума, войны... Сего довольно, и с избытком! Так зачем же, о праведное Небо, к стольким горестям прибавлять еще и язву дурного правления?

*Примечания
Николая Тургенева*

Примечание А

Барон фон Штейн

БАРОН ФОН ШТЕЙН, уроженец герцогства Нассау, принадлежал к одному из древнейших родов Германии. Он преклонялся перед Фридрихом Великим и решил вступить в прусскую службу. Его административная деятельность — как на посту губернатора провинции, так и в должности министра — была отмечена многими в высшей степени полезными деяниями.

Вскоре после Тильзитского мира он был поставлен во главе прусского правительства и развернул на этом посту, который он занимал в течение года, необычайную деятельность. Именно тогда он задался великой и достойной восхищения целью возродить прусский народ! Пруссаки нисколько не обманывались относительно унижительного положения, в котором очутилась их страна; но чем несчастнее она им казалась, тем тверже становилась их решимость спасти ее. Прекрасное доказательство справедливости известных слов: «Бог не оставит тех, кто сам себя не оставит!»

Первым мероприятием, проведенным тогда г-ном фон Штейном, был закон о собственности на землю. Закон этот разрушил прежнюю систему: земледелец больше не был прикреплен к земле; всякий гражданин получил право обладать всеми видами земельной собственности, тогда как прежде покупать дворянские имения и владеть ими могли исключительно дворяне.

Еще один закон предоставил государственным крестьянам полное право владеть землей, которую они занимали.

Вслед за тем появился закон, положивший начало городскому самоуправлению. В основу его был положен принцип широкого участия населения в управлении делами своей общины; закон сей должен был пробудить у граждан живейший интерес к общественным делам. Это замечательное установление должно было стать подготовительным этапом к созданию органов народного представительства.

Сообразуясь со взглядами министра, его достойный соперник и друг, добродетельный Шарнгорст, одновременно произвел реорганизацию вооруженных сил. Препятствия система была упразднена. Воинская повинность стала обязательной для всех граждан, однако срок службы установили весьма короткий; таким образом, армия ежегодно обновлялась посредством новых наборов, а все население мало-помалу проходило воинскую выучку. Так были созданы ландвер и ландштурм.

Нравственное воздействие г-на фон Штейна, обладавшего подлинным величием и чистой душой, было необычайно велико.

Пока г-н фон Штейн был поглощен этими великими трудами, его переписка с другим лицом, перехваченная французскими агентами, вызвала гнев Наполеона. Штейн был объявлен вне закона, его имущества конфискованы; семья его удалилась в Ганновер, а сам он нашел убежище в австрийских владениях.

Человек прекрасно образованный, барон фон Штейн, живя изгнанником в Праге, где он имел возможность познакомиться со старым курфюрстом Гессен-Касселя, таким же, как и он, беглецом*, занялся, между прочим, тщательным изучением истории Французской революции. Стоит ли говорить, что преступления, коими некоторые горячие головы запятнали эту революцию, не находили сочувствия в его сердце; но он не мог не восхищаться энергией Конвента.

Началась война 1812 года; г-н фон Штейн вынужден был выехать из Австрии, деятельной союзницы Франции. По приглашению русского императора он отправился в Санкт-Петербург. Говорят, в этот критический момент Александр вспомнил несколько пророческих слов, сказанных ему бароном фон Штейном накануне Тильзитского мира.

Итак, в 1812 году мы встречаем его изгнанником. Изгнанник! Для того, кто сам пережил изгнание, это слово объясняет все. При самых благоприятных обстоятельствах положение изгнанника всегда чревато трудностями, хотя и совершенно особого рода.

Император Александр настойчиво уговаривал г-на фон Штейна вступить в русскую службу. Он делал ему всевозможные лестные предложения, гарантировал обеспеченное и достойное его заслуг существование до самого конца жизни, даже пожаловал ему первый орден империи. Штейн принял сей знак отличия, но другие предложения отклонил, сославшись на старость, незнание русского языка и самой страны, а также на то, что без этих знаний он не сможет быть полезен России**. От значительнейших денежных подарков Штейн отказывался, говоря, что согласится взять лишь то, что ему безусловно необходимо для скромного существования. И тут же он получил от императора деньги, необходимые для платы за комнату в гостинице; больше ничего.

Знаменитый профессор Арндт находился в Петербурге одновременно с г-ном фон Штейном. Этот выдающийся человек своими сочинениями весьма содействовал пробуждению немецкого патриотизма. Пока Арндт восставал против внешнего врага,

* Курфюрст с удовольствием беседовал с г-ном фон Штейном о современных событиях, о том, как надо действовать в Германии, и о шансах на успех. Обладая несметным богатством, он хотел употребить часть своих денег на формирование вольнонаемных корпусов. Сей государь, чьи солдаты в шутовских костюмах позднее вызвали насмешки соотечественников, уже приступал, и притом с величайшей серьезностью, к тому, что он считал великим делом: к обмундированию будущей гессенской армии. В числе разных частей экипировки вольнонаемного корпуса, который он хотел организовать за свой счет, значились и длинные косы в стиле Фридриха II. Рассказывают, что однажды после серьезной беседы с фон Штейном курфюрсту пришло в голову выказать ему свое благоволение и он обещал, если все пойдет хорошо, сделать г-на фон Штейна кавалером своих орденов. Г-н фон Штейн, не отличавшийся большим терпением, вспылил, услышав эту глупость. Чтобы успокоить его, курфюрст повторял: «Дорогой барон, успокойтесь, у вас не будет моего ордена».

** Характер Штейна и его возвышенная душа, вероятно, не позволяли ему, принимая должность в чужой стране, смотреть на себя как на слугу монарха, а не народа. Находились люди менее щепетильные, с гордостью говорившие, что они служат не России, но императору.

ему не препятствовали; но, когда после победы он вздумал говорить в пользу народа, только что оказавшего такую деятельную помощь правительствам и обманутого в своих законнейших надеждах, Арндту поспешили зажать рот. Хотя он был ординарным профессором Боннского университета, ему было запрещено читать там лекции, и этот запрет на преподавание в либеральном духе продолжался до восшествия на престол Фридриха-Вильгельма IV, который наконец отменил его. Другой популярный во время войны писатель, профессор Ян, заплатил за свои патриотические порывы долгим заключением в крепости.

Освобождение Германии, естественно, должно было привлечь внимание патриотов к будущему страны. Мнения разделились, не могли не разделиться. Г-н фон Штейн желал для Германии прежде всего единства, как можно более прочного. Вероятно, он предпочел бы полное объединение Германии под эгидой одной из великих держав — либо Австрии, либо Пруссии. Тем не менее он готов был признать принцип разделения власти между этими двумя монархиями, но ни в коем случае не между второстепенными державами.

В основу устройства Германии предлагалось положить принцип федерации; г-н фон Штейн настаивал на подлинной федерации, на развитии федеративной основы и гарантиях для некоторых последствий близкого будущего.

Он хотел иметь сейм, состоящий не только из уполномоченных от государей, но и из делегатов, избираемых провинциальными штатами каждой из участвующих в конфедерации держав.

Его мысли по этому поводу изложены в недавно изданном очерке*, написанном по-французски. Вот некоторые выдержки из него:

«В своих соглашениях союзные державы достигли договоренности, согласно которой Германия становится *федеративным политическим организмом*. Поэтому необходимо заняться устройством этого организма, определить отношения его составных частей, предоставить ему права и возложить на него обязанности, договориться об устройстве частей, также обладающих самостоятельностью.

Отсюда вытекает *общая конституция* для всего политического организма и частная конституция для образующих его отдельных государств.

Германские государства готовы подчиниться тем изменениям в их системе власти, которых потребует конституция; они обязались сделать это на основании договоров, заключенных при вступлении в союз, ибо только на таких условиях союзные державы гарантируют их политическое существование.

Всякий политический организм предполагает собрание представителей входящих в его состав государств, или же сейм, издающий законы в области внешней и внутренней политики, устанавливающий гражданские и военные учреждения, а также *директорию*, т. е. облеченное властью ведомство, руководящее собранием, наблюдающее за исполнением его решений и сохранением политических, судебных и военных институтов.

Директория будет сформирована из представителей только Австрии, Пруссии, Баварии и Ганновера.

* См.: Lebensbilder aus dem Befreiungskriege, 1841, t. 1, p. 72¹.

В обязанности директории будет входить руководство сеймом, исполнение его законов, верховный надзор над учреждениями и поддержание сношений с иностранными державами, а также связей между составными частями федерации и между государями и их подданными.

Директория будет уполномочена от имени федерации объявлять войну и заключать мир со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сейм будет состоять из депутатов от государей и от ганзейских городов, к которым для равного представительства следовало бы присоединить депутатов от провинциальных штатов.

Эти депутаты не будут иметь статуса дипломатов или уполномоченных; их состав должен обновляться каждые пять лет.

Сейм будет собираться только на шесть недель в году. Он будет вести *федеральным* законодательством, установлением налогов для нужд федерации, разбором разногласий между федеральными государствами и между государями и их подданными. Он назначит комитет, который будет принимать решения по этим разногласиям и следить за их исполнением...

В ведении директории будут находиться следующие сборы: таможенные пошлины на Рейне, сборы таможен, которые будут установлены вдоль границы, и чрезвычайные налоги, на которые даст свое согласие сейм.

Внутренние пошлины и препятствия к свободному обращению товаров между различными государствами федерации будут упразднены.

В каждом государстве федерации будут образованы провинциальные штаты, которые будут ежегодно собираться для разработки местного законодательства и вотирования налогов, идущих на содержание администрации...

Будет учрежден комитет для подготовки конституции германской федерации.

Когда план конституции будет создан, великие державы соберут уполномоченных от немецких государей для подписания конституционного акта. Директория возьмет на себя его исполнение, созыв сейма и т. д.

Однако ничего подобного, ничего удовлетворительного не было сделано, и надежды даже самых умеренных патриотов были обмануты. Г-н фон Штейн усмотрел в этом перст Божий. Не столько презрение к своим противникам, сколько религиозное чувство — а Штейн был глубоко религиозен — побуждало его верить и утверждать, что неблагоприятный оборот, который получили политические события после 1815 года, не мог быть делом мелких и испорченных людишек, чьи враждебные цивилизации усилия одержали вверх; по его мнению, такова была воля Неба. «Все те, — говорил он мне в 1817 году, когда я прощался с ним перед возвращением в Россию², — кто мог трудиться на благо Германии, рассеяны по свету и бессильны; законнейшие чаяния немцев уничтожены. Эти результаты, — прибавил он, — настолько не соответствуют предшествующим событиям, что только по воле Господа дела могли принять такой оборот».

Многие упрекали г-на фон Штейна в аристократических наклонностях. Не останавливаясь на этом упреке, всегда казавшемся мне несправедливым, а главное — расходящимся с фактами, скажу лишь, что громадное расстояние отделяет г-на фон Штейна от людей, весь аристократизм которых сводится к незнанию эпохи, в которой они живут,

к тщеславным предрассудкам века минувшего и к бессмысленному и жестокому эгоизму. Превосходно образованный, великолепно понимающий, в чем заключаются интересы его страны, г-н фон Штейн имел право полагать, что аристократический принцип в установлениях немецкого народа будет полезен. Он, несомненно, помнил о древних привилегиях сословия, к коему сам принадлежал. Он помнил также, какое положение занимало дворянство в империи, где оно подчинялось только императору, и придавал определенное значение древности происхождения и родовых владений; он мог гордиться подвигами своих предков, древних рыцарей, являвшихся его воображению в поэтическом ореоле. Как отмечает в биографии Штейна один из его друзей, профессор Арндт, барон идеализировал рыцарство.

По убеждению Штейна, писал его биограф, дворянин всегда должен быть готов служить государю и стране как советом, так и с оружием в руках. Государь, по его мнению, должен быть простым, мужественным человеком, первым крестьянином своего государства, образцом порядка, бережливости и нравственности, телом и душой принадлежащим тому сообществу, коим он правит³.

Но спешу сказать: г-н фон Штейн никогда не боролся исключительно за права аристократии. Все его помыслы были направлены на благо страны, на благо всего немецкого народа. Проведенные им реформы отличаются демократичностью, то есть соответствуют интересам большинства, и в этом заключается лучший ответ на упреки, которые делают г-ну фон Штейну. Любовь к народу, это благородное и драгоценное качество государственного человека, было в избытке присуще Штейну; однако, когда начинают говорить о его аристократических принципах, об этом почему-то забывают. Его ум был достаточно разносторонним, и он не ограничивался интересами одной касты; его душа была слишком велика и сильна, чтобы заниматься исключительно судьбами части нации, когда она могла охватить всю нацию в целом.

В подтверждение этих заметок, а также желая показать характер политических воззрений г-на фон Штейна, приведу выдержку из циркуляра, увенчавшего его правление; разосланный всем провинциальным властям в момент вынужденной отставки автора, циркуляр получил в Пруссии название *завещания Штейна*:

«Общенациональное представительство необходимо. Право и власть нашего короля всегда были и останутся для меня священными, но, дабы с их помощью можно было делать добро, мне казалось необходимым дать правительству возможность узнавать желания народа и воплощать в жизнь свои собственные предначертания. Народ, лишенный всякого участия в делах страны, всегда считает правительство равнодушным к общественному благу или даже враждебным ему. Там, где уже существовало народное представительство, оно было организовано несовершенным образом; поэтому, согласно моему проекту, представлять народ имеет право любой деятельный гражданин, владеет ли он землей, будь то сто арпанов или один арпан, занимается ли сельским хозяйством или каким-то производством, ремеслом или умственным трудом на государственном поприще.

Имеется несколько планов устройства народного представительства. От их осуществления или провала зависит спасение или гибель нашей страны, ибо только таким путем национальный дух сумеет пробудиться и воспрянуть к жизни»⁴.

Когда видишь, как прусский министр провозглашает подобные принципы в 1808 году, как его преемник князь Гарденберг в течение долгого времени следует тем же путем, нетрудно понять, что общественное мнение Пруссии требует народного представительства для всей страны. И можно лишь удивляться, что правительство продолжает противиться сим справедливым и законным требованиям.

Теперь внимание Европы приковано к различным опытам и нововведениям, проводимым в Пруссии. Здесь то появляется исполненный либерального духа указ о цензуре, то учреждается образованный из провинциальных делегатов центральный комитет, коему предстоит заменить национальное представительство, то произносится прекрасная речь о великолепном здании, которое предстоит построить. Эти робкие попытки заслуживают положительной оценки, ибо свидетельствуют о намерении достигнуть цели, к которой стремятся все цивилизованные народы, то есть к действительному и настоящему представительству; но они также указывают на то, что к этой цели хотят подойти иным путем, не похожим на путь, избранный в других местах. Если это намерение искренно и в нем нет задней мысли, то, по нашему мнению, было бы гораздо проще держаться плана, намеченного г-ном фон Штейном в только что приведенном нами циркуляре. План этот не только хорош и прекрасен, но и отличается четкостью и ясностью.

Говорят о завершении строительства Кельнского собора, памятника, коему предстоит стать мистическим символом мистического единства! Памятник, воздвигнутый Штейну от имени всего немецкого народа, на мой взгляд, был бы гораздо лучшим свидетельством того, что общественное сознание этого народа действительно сделало новый шаг вперед.

Примечание В

Генерал Лагарп

Г-н ЛАГАРП явился для свидания с императором в штаб-квартиру в Шампани. Зная, что бывший наставник великого князя Александра в начале его царствования сохранял близкие отношения со своим бывшим воспитанником, давал ему советы и представлял докладные записки, я, подобно многим другим, воображал, что такой либерал и республиканец, как он, обязательно советовал государю прежде всего уничтожить в России рабство; я думал, что идеи освобождения крепостных, часто высказываемые Александром, могли быть внушены ему только г-ном Лагарпом, и это побуждало меня относиться к этому человеку с известным почтением. Часто встречая его у г-на фон Штейна, я очень хотел познакомиться с ним частным образом. Мне помог случай. Однажды вечером, после того как штаб-квартира покинула Бар-сюр-Об, г-н Лагарп остался в арьергарде, в придворном экипаже, вместе с ливрейным лакеем императора. К месту ночевки он прибыл довольно поздно. Г-ну Лагарпу предстояло разместиться в доме, занимаемом г-ном фон Штейном, однако к его приезду дом оказался настолько переполненным, что

новоприбывшему не хватило места. Я предложил г-ну Лагарпу комнату в отведенной мне маленькой квартирке, а так как там была только одна кровать, то я положил на пол матрац, намереваясь переночевать на нем. Но г-н Лагарп отказался воспользоваться предоставленным мною ложем и пожелал занять разостланный на плиточном полу матрац. Решив положить конец сим изывлениям вежливости, я объявил, что не потерплю, чтобы человек, внушивший императору Александру отвращение к рабству, спал на земле, в то время как я сам нежился бы на кровати. В конце концов он уступил моим настойчивым просьбам. Генерал и бывший наставник последовал за г-ном фон Штейном в Дижон, а оттуда в Париж. Накануне нашего прибытия в столицу я застал его в слезах: он читал газету и плакал. Я подошел к нему. «Ах, что за человек!» — воскликнул он, обращаясь ко мне. Г-н Лагарп только что прочел заметку о том, как император, прибыв в Париж, поспешил нанести визит г-же Лагарп в ее скромной квартирке на пятом этаже; разумеется, журналист прибавил пару этажей от себя, дабы рассказ его прозвучал более трогательно и живописно.

В Париже г-н Лагарп дал мне прочесть свою переписку с бывшим учеником за время, когда государь был еще наследником, и за первые годы его царствования. Александр жаловался на происходящее в его стране. Его тяготило влечение отца к военным парадом, и он в мрачных красках описывал свою жизнь в Петербурге, где, по его словам, капрала ценят более чем образованного и полезного человека. Став императором, Александр делился с бывшим наставником своими планами распространения просвещения в России. Он знакомил его с избранными им сотрудниками: графом Строгановым, славным и честным человеком, вступившим в военную службу во времена Тильзитского мира и умершим вскоре после заключения мира 1815 года, Новосильцевым, в последнее время снискавшим известность своими подвигами в Польше, и, наконец, князем Адамом Чарторижским, который стал изгнанником при преемнике Александра. «Сейчас, — говорил император, — мы стараемся о том, чтобы на русский язык были переведены многие хорошие сочинения». Проекты императора не ограничивались народным просвещением: он мечтал о государственных учреждениях, о свободе и, спрашивая мнения г-на Лагарпа, обещал прислать к нему за советами одного из своих друзей. Более всего император жаловался на бремя неограниченной власти. «Я никогда не смогу привыкнуть к мысли, что я вправе царствовать как деспот», — говорил он. В заключение он заявлял, что, сделав Россию свободной и счастливой, он первым делом отречется от престола поселится уединенно где-нибудь в Европе и будет наслаждаться сознанием добра, принесенного отечеству.

Г-н Лагарп сказал мне, что мысль об отречении действительно всерьез занимала Александра в начале его царствования. Чудовищные злоупотребления, существовавшие тогда (и существующие до сих пор) в России, и ужасные бедствия того времени часто приводили его в отчаяние. «Однажды, — рассказывал мне г-н Лагарп, — Александр пришел ко мне глубоко опечаленный. „Смотрите, — вскричал он, — что происходит в мое царствование!“ И показал мне доклад об опустошениях, причиненных голодом в нескольких отдаленных губерниях. При этом император снова выразил живейшее желание отречься от власти»⁵.

Г-н Лагарп заливался слезами, перечитывая (быть может, в сотый раз) письма императора. Он сказал мне, что лорд Эрскин тоже плакал, читая эти письма.

Увы! «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения»⁶. Постигаешь всю справедливость этих слов Священного Писания (их произнес Страффорд, узнав, что король Карл I только что утвердил своей подписью его смертный приговор!), глядя на Александра: сей государь, выразивший в первые годы царствования столь благородные чувства, в итоге навязал стране, которую он страстно желал видеть счастливой, военные поселения!..

Г-на Лагарпа уже нет в живых. Мне не хочется тревожить его прах неблагоприятными отзывами о нем; тем не менее мне кажется любопытным указать на различие между прирожденными республиканцами, каковыми являются швейцарцы и американцы, и теми людьми, которые становятся республиканцами только по убеждению; этих последних можно встретить повсюду. Я всегда замечал, что республиканцы первого типа, коих я стану именовать практическими республиканцами, во многом отличаются от тех, кого я буду называть республиканцами-теоретиками. Первых никогда не смущают формальности, предписываемые этикетом и придворными приличиями, в то время как вторых они отталкивают. Я часто видел, как прирожденные республиканцы, поселяясь в странах, где образ правления диаметрально противоположен их собственному, прекрасно к нему приспосабливаются, живут и благоденствуют при деспотизме; столь же легко они приноравливаются и к рабству, одна лишь мысль о котором возмущает республиканцев другого толка. Лишь среди прирожденных республиканцев короли могут найти солдат, сражающихся исключительно ради соблюдения принятых обязательств и нисколько не заботящихся о том, справедливо ли то дело, за которое они воюют. Наконец, мне всегда казалось, что в России иностранцы чувствуют себя прекрасно в силу несходства русского правления с их собственным. После республиканцев с наибольшим почтением к русскому абсолютизму относятся англичане, самый свободный народ Европы. Французы, как и немцы, чаще всех находят изъяны в природе русского правительства и в его образе действий. Англичане одобряют все, по крайней мере тем, что безмолвствуют. Неужели верен печальный вывод: чем свободнее народ, тем равнодушнее он относится к отсутствию свободы у других народов?

Впрочем, я не намерен сообщать о г-не Лагарпе что-либо необыкновенное; многие, ознакомившись с моим рассказом, вероятно, найдут его поведение вполне простым и естественным. Я не собираюсь ни судить его, ни тем более выносить приговор; я хочу только обратить внимание наблюдателей более внимательных, чем я, на отмеченную мною выше аномалию.

В Париже, а затем в Вене я продолжал изредка встречаться с г-ном Лагарпом. Я с удовольствием слушал его рассказы о Французской революции, о себе самом и о той роли, которую он прежде играл в Швейцарии. Говорил он всегда искренне и увлеченно. Человек, не наделенный моей терпимостью, быть может, стал бы упрекать его за излишний пыл; но я снисходительно относился к г-ну Лагарпу, понимая, что в 1814 году он изъясняется так же, как, должно быть, мыслил и говорил в 1793-м. Сей юношеский задор особенно привлекал меня в нем, и я нередко сравнивал этого старика с равнодушными и постарческими благоразумными молодыми людьми, коими изобилует моя родина.

⁶ Nolite confidere in principibus, in filiis hominum, in quibus non est salus.

Спустя много лет, когда я уже стал изгнанником и укрывался в Лондоне, однажды я встретил г-на Лагарпа на улице. Следуя привычке не ставить в затруднительное положение старых знакомых, которые так или иначе были связаны с русским правительством, я, не останавливаясь, прошел мимо. Видя, что я заметил его, г-н Лагарп на следующий день явился ко мне с упреками и всяческими выражениями дружбы. Он уговаривал меня переселиться в Швейцарию, в Лозанну, где, по его словам, я сумел бы превосходно устроиться во всех отношениях. Рассыпаясь в изъявлениях вежливости, он даже заметил, что прибыл в Лондон на несколько дней отчасти ради меня⁸. Несмотря на сие небольшое преувеличение, я не мог до известной степени не поверить в искренность его дружеских излияний, ибо к чему было г-ну Лагарпу поступать так, как поступали многие другие, бежавшие от меня, как от зачумленного или, точнее (по их собственным словам), как от явного врага правительства? Правда, те были русскими подданными, а г-на Лагарпа связывала с Россией только получаемая им оттуда пенсия.

Через несколько лет, накануне свадьбы, я оказался в Женеве. Изгнанник повсюду наталкивается на трудности. У меня не было необходимых документов, удостоверяющих мою личность, и я был вынужден выполнить предписанные законом в подобных случаях формальности, сопряженные с ужасной волокитой. Тогда мне посоветовали поехать в Лозанну, утверждая, что в кантоне Во мне легче будет соблюсти требуемые законом условия. Итак, я отправился туда и, вспомнив лондонскую встречу, доверчиво явился к г-ну Лагарпу. Оказанный мне прием не вполне походил на прежний. Тем не менее мне казалось совершенно естественным попросить его помочь в том деле, которое привело меня туда. Сначала он пообещал мне заняться им; но вскоре сказал, что мое пребывание в Лозанне сопряжено с неудобствами, ибо, по его словам, русское правительство тотчас будет извещено о том, где я нахожусь, и посоветовал мне удалиться в какой-нибудь глухой уголок кантона и приезжать в город только по делу. Крайне удивленный его опасениями, я довольно резко спросил его, за кого он меня принимает и неужели он действительно считает, что я буду бояться русского императора даже в Швейцарии. Г-н Лагарп не настаивал, и я, чувствуя себя обманутым в своих надеждах, сообщил ему, что намереваюсь вернуться в Женеву. Он обещал зайти ко мне в гостиницу и уведомить меня о результатах шагов, которые намерен был предпринять по поводу предмета моего путешествия. В то же время он спросил у меня адрес моего брата, приехавшего в Женеву повидаться со мной, и сказал, что напишет ему после моего отъезда из Лозанны. Не придав значения этой просьбе, я дал ему адрес, но, вернувшись домой и размышляя о нашем разговоре, я вдруг понял, что мой визит поставил г-на Лагарпа в затруднительное положение и старый республиканец не осмеливался доверять почте письмо, адресованное изгнаннику. Я поспешил к г-ну Лагарпу. Не застав его дома, я с величайшим нетерпением стал ждать его у дверей. Наконец он пришел. Я тотчас сказал ему, что прекрасно понимаю, насколько мой визит стесняет его, но он должен пенять за это на себя: не будь той дружеской встречи, которая произошла по его собственному желанию в Лондоне, не будь его комплиментов и приглашений, мне никогда бы в голову не пришло являться к нему, ибо я прекрасно осведомлен о его сношениях с русским двором. «Вы ошибаетесь, — сказал он, — я сам когда-то был изгнанником, и с того времени мой дом всегда открыт для изгнанников. Санта Роза провел в нем всю

жизнь». — «Санта Роза, — ответил я, — был изгнан из Пьемонта. Я же русский изгнанник; повторяю, не отнесись вы ко мне так дружелюбно в Лондоне, я никогда не решился бы обратиться к вам». — «Да нет же! нет!» — вскричал г-н Лагарп, продолжая оправдываться. Но я оборвал этот разговор, настойчиво попросив и даже потребовав, чтобы он не хлопотал обо мне, и заметил, что именно просьба назвать ему адрес моего брата открыла мне, как он боится поддерживать отношения непосредственно со мной. Ему стало неловко подыскивать новые оправдания и упоминать все имя достойного Санта Розы. Поэтому царедворец-республиканец поклонился, и мы расстались. Позже мне стало известно, что г-н Лагарп хорошо знал, что говорил, когда предупреждал меня, что о моем присутствии в Лозанне быстро узнает русский двор.

Я подробно изложил этот маленький эпизод из жизни изгнанника. На таком примере в сотый, в тысячный раз убеждаешься, что можно мечтать о счастье ближних, трудиться ради него, приносить более или менее значительные жертвы для достижения этой цели, а потом именно в силу этого самоотвержения оказаться в таком положении, что любой простейший и естественный поступок в частной жизни нельзя будет совершить, не столкнувшись при этом с невероятными трудностями. К счастью для себя, я никогда не обольщался в отношении обычного поведения людей; так что все случившееся не могло меня ни изумить, ни обескуражить.

После войны, во время пребывания в Петербурге, я имел возможность прочесть различные записки, представленные г-ном Лагарпом императору Александру в начале его царствования; я не увидел в них ничего из того, что надеялся найти: там ни слова не говорилось о крепостном праве, этой язве русского общества; возможно, г-н Лагарп смешивал его с рабством негров. Он писал только, что крепостное право препятствует народному просвещению и препятствие это, по его словам, можно устранить очень не скоро. Не нашел я ничего и о введении серьезных и постоянных государственных установлений, об улучшении уголовного суда и полиции, неизменно вызывавших ужас и отвращение даже самых равнодушных наблюдателей; мною были обнаружены всего лишь несколько общих мест о просвещении и некоторые замечания о Сенате, сохранившиеся у меня в памяти только в силу их оригинальности⁹. Например, г-н Лагарп предлагал императору установить правило, согласно которому сенаторы обязаны сами поочередно писать и представлять доклады о делах, поступающих в Сенат, как это обычно происходит в судах других стран. Здесь есть только одно затруднение; каким бы самодержцем ни был русский император, он не может заставить людей делать то, к чему они не способны: разумеется, все сенаторы умеют подписывать свою фамилию под принятым ими решением, но не будь секретаря, составляющего формулировки этих решений, текущие дела часто оставались бы не рассмотренными вовсе⁹.

Расставаясь с Лагарпом, скажу в заключение, что в силу личных отношений с императором он мог быть и до известной степени был полезен своей собственной стране во время Венского конгресса.

⁹ Один грузинский князь, назначенный, подобно многим, сенатором, обыкновенно подписывал бумаги, которые ему подавали, не читая. Один из его коллег заметил ему в одном важном случае, что следовало бы читать, прежде чем подписывать. «Я пробовал, — ответил грузин, — выходило еще хуже»¹⁰.

Примечание С

Записка, представленная императору 2-ном Поццо ди Борго¹¹

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Государь,

Так как Ваше Императорское Величество повелели мне изложить мое мнение о вопросе, касающемся судьбы Польши и ее будущего правительства, я считаю своим долгом повергнуть к стопам Вашего Величества результаты моих размышлений, со всеми подобающими чувствами и, прибавлю, с ужасом, который внушают мне величие и трудность предмета.

Те, кто стремится свести рассмотрение этого необъятного вопроса к простой ссылке на общие принципы отвлеченной справедливости, кто захотел бы сделать свое желание благоденствия польской нации средством его достижения, по моему мнению, не поняли обширности вопроса и не проследили его связи со всеми внешними соображениями, коими он осложняется. Для глубокого его рассмотрения следует освободиться и от неумеренного воодушевления одних, и от, быть может, преувеличенной подозрительности других. Именно в таком духе и с этими оговорками я попытался изложить свои скромные соображения.

Ваше Величество предполагает учредить в Польше национальное правительство под своей непосредственной и верховной властью, даровать части нации, которая окажется ему подвластной, право составлять свои законы, управлять финансами, устанавливать внутренний распорядок и содержать в боевой готовности армию; Ваше Величество намерены освободить польскую территорию от присутствия чужеземных, то есть, в сущности, исключительно русских, военных сил — словом, желает создать из Польши обособленное государство.

Прежде чем высказаться о том, благоразумно ли производить в этой стране столь полный переворот, не следует терять из виду исходную точку: я разумею, Государь, положение, в коем находится теперь то, что известно под названием Польши и польской национальности.

Каково же это положение?

Шесть миллионов человек, живущих в Литве, Волынской и Подольской губерниях, находятся под властью империи и управляются русскими властями уже в течение долгого времени.

Четыре миллиона поляков стали австрийскими подданными; они занимают область вдоль границы Венгрии; область эта составляет самую существенную часть монархии, но ее труднее всего сохранить.

Часть, известная под названием герцогства Варшавского, включающая столицу и привыкшая к особой форме правления, создана для осуществления враждебных России планов и с намерением притянуть к себе все остальные польские земли.

Наконец, небольшая часть Польши отходит к Пруссии, составляя границу для безопасности и обеспечения связи между этими государствами.

Поскольку положение страны, некогда именовавшейся Польшей, соответствует вышеизложенному, отсюда следует, что всякая мера, предусматривающая коренное политическое преобразование, применительно к этой стране существенным образом задевает:

во-первых, непосредственно интересы Австрии и Пруссии, а также — косвенно — интересы связанных с ними держав;

во-вторых, интересы России, выступающей в качестве господствующей державы, имеющей право играть главную роль во всех принимаемых решениях;

наконец, благоденствие самой Польши с точки зрения, уместной в том исключительном положении и в тех обстоятельствах, в которых она находится.

Бесспорно, что с 1792 года усилия поляков установить у себя независимое правление вели к тому, чтобы побудить своих соотечественников, под чьей бы властью они ни находились, избавиться от чужеземного господства и образовать как можно более плотный и многочисленный национальный организм. Подобные чувства не должны удивлять: они соответствуют природе людей и вещей. Но из этого следует, что как только станет существовать сейм, представительство и польская армия, тотчас будет водружено знамя и дан сигнал к объединению всех других частей Польши.

Австрия и Пруссия не смогут закрывать глаза на последствия подобного государственного устройства: сам факт его существования будет, с их точки зрения, поддерживать их польских подданных в состоянии непрерывного возмущения. При таком положении обеим державам придется пойти на сближение для предупреждения опасности, равно грозящей им обеим. Пожелают ли они сохранить свои приобретения или же поступятся ими и попытаются получить компенсацию, добившись окончательной и полной независимости Польши, а следовательно, ослабления Российской империи, — в любом случае все их шаги будут делаться в этом направлении.

Прусский король, конечно, связан обязательствами с Вашим Величеством. Но предположим, что сей монарх, благодаря подготовляемым договорам, получит все, чего желает и что необходимо для удовлетворения его честолюбия; предположим, что в политике его кабинета возьмет верх холодный расчет, если безопасность его владений окажется под ударом; прибавим сюда возможность смены царствующих лиц, о чем никогда нельзя забывать при решении государственных вопросов, — и я нисколько не сомневаюсь, что Пруссия будет согласовывать свое поведение с собственными интересами и выгодами, позабыв о былых благодеяниях. Англия без колебаний поддержит такую политику, а Франция, дождавшись раскола и смуты в отношениях между европейскими державами, обернет это обстоятельство себе на пользу.

Ваше Величество, несомненно, видит, что в таком случае Россия окажется в изоляции, не имея оснований рассчитывать даже на Польшу, которая, соблазнившись надеждой на окончательную и полную независимость, может посчитать более выгодным для себя союз со всей Европой или же распадется на враждебные партии, рвение которых будет подогреваться обещанной формой правления и нетерпением польских патриотов; разумеется, эти партии тотчас окажутся под иностранным влиянием.

И это, Государь, не простые предположения. На глазах Вашего Величества пробиваются ростки будущих кровавых смут; их Ваше Величество видит в явном противодействии всех без исключения кабинетов объединенной Европы. Если Вы восторжествуете, минутное поражение европейских держав заставит их лишь теснее сплотиться против России. Величайшей политической ошибкой является *создание мировых и вечных интересов, враждебных интересам собственным*. Сила подобных ошибок обыкновенно непреодолима; они уничтожают соперничество самых завистливых дворов, объединяют и сглаживают препятствия, казавшиеся неустрашимыми.

Ваше Величество предполагает, что новое существование, предназначенное Вами Польше, должно будет, наоборот, повести к успокоению, в особенности после того, как русские войска отступят к прежним границам империи. Но это предположение может воплотиться лишь в том случае, если, к примеру, к положению девяти миллионов поляков, образующих особую нацию и имеющих особое правительство, останутся равнодушными поляки, находящиеся под властью Австрии и Пруссии, или если у первых не возникнет желания привлечь вторых, а у вторых — желания соединиться со своими братьями; подобную возможность никак нельзя исключить. Кроме того, двести тысяч русских штыков, размещенных в тылу у поляков для наблюдения за тем, чтобы они управляли собой свободно, мудро и умеренно, будут всегда рассматриваться совершенно противоположным их истинному назначению образом.

Таковы, Государь, неудобства, которые бросаются в глаза в проекте восстановления Польши с точки зрения ее отношений с иностранными державами. Неудобства, могущие возникнуть для империи Вашего Величества в целом, кажутся мне еще менее разрешимыми.

Эта часть вопроса воздвигает перед теми, кто не боится размышлять, трудности совершенно иного рода. В самом деле, разве можно помыслить, что Ваше Величество может желать чего-либо, противоречащего интересам Вашего народа, когда именно Вы возвеличили его, озарили сиянием славы, открыли ему тайну его могущества и, сделав его господствующим в Европе, в то же время сумели ввести его силу в границы благоразумия? И все же особенность обсуждаемого дела такова, что для более глубокого его рассмотрения необходимо представить его Вашему Величеству и с этой точки зрения.

Россия всегда вела себя по отношению к Польше как сильная и могучая держава к державе, лишенной силы и мощи. Представим себе, отвлекаясь от местных условий, нацию, развращенную безмерной политической продажностью, находящуюся во власти враждующих партий и терзающую себя своими же собственными руками, а рядом другую, соперничающую нацию, управляемую сильным, искусным правительством, следующую ясно намеченному плану расширения своих владений, обладающую прекрасно дисциплинированной армией и, в силу своего послушания и храбрости, одинаково готовую и подчиняться, и воодушевляться; нетрудно предвидеть судьбу каждой из этих наций. Только тот, кто никогда не читал книги истории, может удивляться тому, что произошло с поляками, или, лучше сказать, тому, что они сами навлекли на себя своими раздорами.

Разрушение Польши как политической державы происходит на протяжении почти всей новой истории России. Расширение наших владений за счет Турции было чисто территориальным и, осмелюсь сказать, второстепенным по сравнению с расширением

страны в сторону запада. Польша была завоевана главным образом ради сближения русской нации с другими нациями Европы, с целью открыть России более обширное поприще, более благородную и важную сцену, где она могла бы упражнять свои силы и таланты и удовлетворять свою гордость, страсти и интересы. Результатом этого великого плана, увенчавшегося полнейшим успехом, стало такое тесное переплетение интересов и привычек, которое нельзя устранить простым манифестом, не нанеся при этом ущерба империи в сфере, требующей особенно бережного подхода, а именно в единстве правительств.

Титул польского царя никогда не уживется с титулом Императора и Самодержца Всероссийского. Объединить их невозможно: они означают настолько разные сущности и предполагают столь различные обязанности, что один и тот же Государь не может совместить их, не вызвав недовольства или одной, или другой нации, а может быть, и обеих.

Каковы бы ни были причины и основания для завоевания, если оно уже свершилось и признано всеми, особенно же если по своей природе и своему значению оно не противоречит основному политическому курсу предпринявшего его государства, то благоразумие властно требует сохранить захваченные территории. Именно так сейчас, по моему мнению, обстоит дело с польскими владениями, вошедшими в состав России. Внезапно отделить их означало бы внести губительное изменение в состав и экономический строй империи, вызвать противодействие и раздоры, весьма вредные и опасные для обеих наций.

Размышляя над этим положением, трудно понять, как можно простым указом вывести из-под власти империи такое множество областей и образовать из них фактически независимое государство, которое управляется в соответствии с дарованными ему вольностями, вотирует свои налоги и их употребление, имеет право создавать армию, в то время как завоевателям остается только удалиться домой и присутствовать при этой революции в качестве простых зрителей. Такие реформы не могут не породить злоупотреблений со стороны освобожденных и чувства досады у прежних подданных. Подобный контраст, в любом случае опасный, станет еще опаснее, если напомнить, какое различие с конституционной точки зрения установится между русскими и поляками: первые, сознающие свою силу и ее действительность, будут обречены на безвольное существование, а вторым, слабым и униженным, позволят свободно управлять собою. Прибавьте к превосходству права необузданность торжествующего тщеславия — и картина будет полной.

Возможно, Ваше Величество, находясь в цветущем возрасте, достигнув величайших успехов и стоя во главе Европы, сможет сдержать своим влиянием и твердостью волнения, которые возбудит сей новый порядок вещей; но сдержать не значит погасить, и если в основе этого порядка будут лежать выгода и страсти, то семена смуты дадут всходы при каждом удобном случае. А такой случай наверняка не замедлит представиться.

Я часто слышал, что в России правящая власть не имеет никаких ограничений, общественное мнение не существует как таковое и в расчет не принимается, и значит, государь является, так сказать, всеобщей душой, сообщающей всему и мысль, и слово, и действие.

Мои не слишком глубокие познания в этой области не позволяют мне произнести свое мнение; однако трудно себе представить, чтобы универсальные причины добра и зла, воздействуя на общественные интересы, подогревая гордость, предрассудки и чрезвы-

чайно сильное у жителей этой обширной империи национальное чувство, не привели к тем же плачевным результатам, что и везде.

Стремясь подкрепить примерами план, предложенный поляками, нередко указывают на Австрию, государь которой носит титулы короля чешского и короля венгерского и спокойно правит, объединив оба эти несхожих именованья.

Сближая понятия, но не сообразуясь с сутью вещей, можно внести только путаницу в суждения. Австрийские эрцгерцоги получили чешское и венгерское королевства по наследству: титулы были всего лишь необходимым следствием приобретенного права и законности владения; Австрия была мала и стеснена, и ее эрцгерцог, принимая эти титулы, освящал тем самым великие завоевания. Российский же император, принимая титул польского царя, отказывался бы от владений даже не наследственных, а завоеванных для расширения границ и сплочения страны, а вовсе не ради федеративного устройства. Можно написать целый том о различиях этих двух случаев, не имеющих ничего общего ни по существу, ни в деталях.

С появлением между Россией и остальной цивилизованной Европой массы в девять миллионов человек, образующих единый национальный организм, сила взаимных отношений, следующих из непосредственного соприкосновения России и Европы, мало-помалу уменьшится. Русские, отодвинутые назад, к своей прежней границе, которую они будут пересекать теперь в качестве простых путешественников, окажутся почти отрезанными от других наций. Вывести Польшу из-под власти императора означает увековечить положение, при котором подданные империи вынуждены будут все получать как бы из вторых рук.

Замедление в развитии духовных способностей народа, образования, просвещения, распространения искусств и либеральных идей, вызванное этим отделением в России, не поддается подсчету. Наполеон задумал восстановить Польшу, чтобы навсегда погрузить Россию в пучину варварства и сделать из нее исключительно азиатскую державу, а предшественники Вашего Величества, стараясь обеспечить русским почетное место среди самых цивилизованных наций Европы, стремились к завоеваниям, которые привели бы к единению с европейцами.

Государь, я вовсе не стремлюсь увеличивать бедствия поляков неоправданной суровостью. Вопрос не в том, надо ли оказывать им возможное добро — подобное желание свойственно каждому честному человеку; задача государственного мужа состоит *в согласовании мер, направленных на благоденствие* поляков, с общим интересом и безопасностью империи Вашего Величества. Эти соображения продиктованы мне глубоким убеждением в том, что план, предложенный поляками, колеблет и то, и другое.

Теперь я прошу разрешения Вашего Величества рассмотреть возможное воздействие этого плана на умы в Польше, а также пользу или вред, которые он ей принесет.

Любая значительная реформа, любая политическая революция достигала успеха лишь в том случае, если она отвечала характеру народа, ради которого была произведена, духу времени и обстоятельствам, в коих пребывал этот народ, а также когда ей не угрожало вмешательство соседей, заинтересованных в ее неудаче. Восстановление Польши в той форме, в какой о нем ходатайствуют перед Вашим Величеством, чревато огромными опасностями.

Идея независимости у поляков является не результатом твердого убеждения в выгодах свободы, а, скорее, истинным по природе, но смутным чувством, в котором преобладает не любовь к родине, а ненависть к чужеземцам. Если бы независимость была потребностью, основанной на прочном и просвещенном патриотизме, то разве могли бы поляки позорно торговать ею в течение двух столетий? В чем залог их благоразумия и неиспорченности на будущее? Если они действительно подготовлены к требуемой ими форме правления, то почему они, ведя переговоры с Бонапартом, не потребовали образования национального правительства, а согласились стать военным департаментом Франции? Почему не проявили отвращения к кровавой войне с испанцами, а вместо этого устраивали празднества и пиры всякий раз, как их очередной полк отправлялся за Пиренеи? Поляки, разграбившие Мадрид и сжегшие Москву, требуют теперь *не освобождения*, а суверенитета. Вспоминая эти события, я вовсе не хочу сверх меры чернить их поведение и готов закрыть глаза на неблагоприятные для них обстоятельства. Но странно все-таки кричать о *трагизме своего положения*, в котором, в сущности, нет ничего особенного; положение поляков ничем не отличается от положения тех народов, которые действовали так же и сами погубили себя.

«Дайте нам национальную независимость, и мы будем благоразумно вести себя с соседями, будем искренними с Россией и прекратим внутренние распри» — вот их постоянный припев.

Но разумный политик ответит им: «Получив то, что вы называете независимостью, вы несколько не изменитесь и сохраните свою обычную ненависть к русским, прибавив к ней презрение, внушаемое вашим торжеством. Любому чужеземцу, который захочет причинить неприятности империи, вы позволите развращать себя золотом и интригами. Добиваясь создания польской армии, какой бы слабой она ни была сначала, вы хотите противостоять русской армии. Всякий раз, как только польский царь не жертвует ради вас интересами русского императора, вы станете вопить, что вашу независимость ущемляют. Вы внесете смуту в общую политику императора, возбуждая мятежи среди тех ваших соотечественников, которые находятся под властью Австрии и Пруссии. Вы опрокинете все планы императора и своей необузданностью вовлечете его в постоянные осложнения. Так как вы расположены между империей и Европой, то именно у вас постоянно будут готовиться предприятия, враждебные интересам государя. Сегодня вы можете проявлять свое недовольство, но вы бессильны; в таких же условиях находятся все ваши соотечественники, и интересы всех держав по отношению к вам совпадают. Как только вы получите то, чего требуете, у вас будет деятельная организация, которая неизбежно внесет раздор в политику России. Ваше нынешнее поведение страдает недостатком благоразумия и такта: едва вы заметили великодушное и похвальное желание улучшить ваше положение, вы тут же возвысили голос и громко потребовали независимости. Вы хотите во что бы то ни стало получить свободу, не считаясь с тем, что этот дар может испортить отношения вашего августейшего покровителя со всей Европой. Вы не желаете никаких предварительных мер. Вы ищете в этой перемене только то, что, по вашему мнению, могут вам дать, не думая о ее последствиях для всего мира, и с самого начала требуете того, что может быть даровано вам только в конце. Если бы ваша система победила, то сам титул царя польского окончательно

освятил бы вашу национальность, а не был бы только прелюдией к политическому возрождению. Как только русский император примет этот титул, благоразумие лишится последнего убежища. Вы не понимаете, что в таких великих делах ошибочно с самого начала ставить перед собой крайний выбор: все или ничего. А если произойдет второе, задумываетесь ли вы о суровой необходимости вновь подчинить вас, о том, что великодушные и доброты приведут к истребительной войне?»

Желая и ограничить необузданность поляков, и умерить их пыл, но несколько не стремясь отказать при этом от желания сделать им добро, совместимое с обстоятельствами и с общим настроением Европы, можно было бы обратиться к ним с сей речью. Следуя планам и великодушным намерениям Вашего Величества в решении этого важного вопроса, вот какой путь выхода из нынешнего положения я счел бы наиболее безопасным и разумным:

1) в отношениях с иностранными державами свести польский вопрос к простой проблеме границ, разрешив его в духе благоразумия и кротости, которыми отличается политика Вашего Величества;

2) указать в трактатах, что новые приобретения сделаны в интересах Вашего Величества и ваших преемников и, следовательно, всецело и навсегда подчинены верховной власти российской короны;

3) ограничить, по крайней мере в настоящее время, любое новое устройство исключительно этими приобретениями;

4) назначить наместника императора с резиденцией в Варшаве, облеченного почти такой же властью, как наместник английского короля в Ирландии; сей наместник сносился бы с министерством Вашего Величества, и можно было бы не создавать в Петербурге особый департамент для управления этой новой частью империи;

5) в число чиновников, которые поступят в распоряжение наместника императора, набрать по возможности больше поляков; но принимать на эту службу и русских;

6) о милостивых намерениях Вашего Величества возвестить обычным способом, то есть издать указ с изъявлением Вашей воли и воздержаться от какого-либо договора или соглашения между государем и народом, будет ли он назван конституцией или как-то иначе. В данном случае, когда правительство, чтобы делать добро, нуждается в огромной силе, любые формы взаимных обязательств ослабляют власть и ничего не добавляют ни к достоинству, ни к прочности учреждений.

По моему мнению, Государь, подобный шаг предупредит большую часть неудобств, которых с полным основанием следует опасаться, и не воспрепятствует желанию Вашего Величества постепенно улучшать участь польских подданных; он отчасти успокоит тревогу иностранцев и не заденет с излишней грубостью интересы империи Вашего Величества и предрассудки Ваших российских подданных. Не будет революции, а будут реформы; такой шаг даст Вашему Величеству время подготовить дальнейшие перемены и расположить народы, находящиеся под Вашим скипетром, к принятию их без потрясений и изумления, а иностранным державам — освоиться с ними; наконец, он задуман в целях единения, а не раскола. Поляки ошибаются, полагая, что их спасение состоит в разрыве между нашими двумя нациями: если они упорно желают быть одни, то в конце концов их поработят и ввергнут во всяческие бедствия.

Представляя на благоусмотрение Вашего Величества главные соображения, явившиеся у меня при размышлении об этом необъятном вопросе, я больше чем когда-либо чувствую необходимость молить Ваше Величество быть снисходительным к тому, что я дерзнул откровенно изложить свое мнение, повинуюсь велениям Вашего Величества и собственному долгу. Если в пылу усердия у меня вырвалось какое-нибудь оскорбительное выражение, то я смиренно прошу прощения у Вашего Величества и умоляю Вас поверить, что тот, кто всецело зависит от Ваших щедрот, более всего боится увидеть, как великодушные намерения столь милостивого и великого государя могут быть обмануты тем же самым чувством великодушия, кое их породило.

Нижайший, почтительнейший и верноподданнейший слуга Вашего Величества

Поццо ди Борго.

Вена, 8 (20) октября 1814 года.

Примечание D

Карамзин

В РОССИИ преобразовательные планы императора Александра порой встречали протест не со стороны общественного мнения, не имевшего силы, а со стороны узкого круга честных и искренних людей. Среди них выделялся придворный историограф Карамзин; пожалуй, это был единственный человек, осмеливавшийся энергично и откровенно выражать свои мнения самодержцу*.

За два года до войны 1812 года Карамзин еще не был лично знаком с императором, но был хорошо известен одной из сестер Александра, Екатерине, принцессе Ольденбургской, впоследствии королеве Вюртембергской, очень образованной женщине с серьезным складом ума. Карамзин свободно говорил с нею обо всем, что совершалось тогда в России под влиянием министра Сперанского, и не щадил ни личность этого министра, ни в особенности его труды. Пораженная силой и простотой доводов Карамзина, великая

* Было, конечно, несколько русских подданных, которые в своих письмах к императору не только высказывали смелые истины, но позволяли себе даже оскорбления. Я знаю два таких примера. Первый — ливонец (Б.), бывший, как говорят, немного не в своем уме. Император велел посадить его в крепость и в то же время продолжал дарить цветы и фрукты его жене, которую часто встречал в парке своего загородного дворца¹². Слава Александра только выиграла бы, если бы он предоставил больного заботам той же жены в его собственном доме, а оскорбление сложил к подножию Креста, как он однажды выразился по поводу довольно дерзкого письма, с коим обратился к нему шведский король Бернадот¹³. Другим примером служит некто Каразин, человек беспокойного ума, истинный брюзга, который, несмотря на суровые предупреждения, не побоялся обратиться к императору с новыми упреками. Возвышенная душа Александра должна была бы с уважением отнестись к этому акту гражданского мужества даже со стороны столь неприятного субъекта, ибо он был русским. Правда, император однажды уже взял с него письменное обещание не адресовать ему никаких посланий. На этот раз он велел продержат его несколько недель в Петропавловской крепости, потом отправил домой, потребовав нового обещания не писать ему более¹⁴.

княгиня посоветовала ему изложить свои мнения письменно. Она, можно сказать, потребовала этого. Нельзя не признать, что некоторые положения этой работы* достойны подлинно государственного человека. Карамзин представляет в ней опасность всех нововведений Сперанского и показывает их нелепость. Он пренебрежительно говорит об авторе этих новшеств как о *школьнике-секретаре*, который, требуя, согласно новым правилам, разнообразных познаний от поступающих на государственную службу, сам делает грамматические ошибки. Карамзин утверждает, что власть в России должна зиждиться на строе, установленном императрицей Екатериной II, воздерживаться от реформ, заниматься главным образом улучшениями практическими, материальными, а также получше присматриваться к выбору лиц, назначаемых на важные посты, и стараться, чтобы начальники губерний были прежде всего честными людьми. В то же время он указывает на открытый грабеж, учиняемый всевозможными сановниками, администраторами, судьями. Он восстает против мысли о новой войне и говорит о только что произведенном завоевании Финляндии как о деянии, позорящем Россию. Впрочем, этот документ, подобно множеству других, вышедших из-под пера Карамзина и относящихся к положению страны, почти не затрагивает вопроса о рабстве. Особенно возмутило меня в этой записке то, что Карамзин подчас выступает глашатаем сословия, именуемого в России *дворянством*. Он забывает не только о том, что прилично умному и рассудительному человеку, но и о собственном достоинстве, забывает настолько, что всерьез говорит о привилегиях (*sic*), пожалованных государями этому сословию.

Может быть, я ошибаюсь, но, когда я читал сочинения Карамзина о России, мне всегда казалось, что он хочет сказать русским: «Вы не способны к прогрессу: довольствуйтесь тем, чем вас сделали ваши правители; не пытайтесь осуществить какую-либо реформу, вы только натворите глупостей». Это объясняет, почему Карамзин неизменно сохранял дружбу Александра. Государь этот, несмотря на скромность и доброту, был тем не менее самодержавным монархом. И в конце концов, он, возможно, невзлюбил бы человека, не привыкшего льстить ему, а иногда даже высказывавшего весьма неприятные вещи, если бы вся критика Карамзина не была основана на почтении, любви к самодержавной власти и, не побоюсь сказать, каком-то ее культе. В устах раба эти принципы были бы Александру противны, но слова просвещенного, честного человека приятно щекотали тайные инстинкты монарха.

Когда великая княгиня сказала Карамзину, что намерена представить его записку императору, он сначала воспротивился; но затем, решив, что великая княгиня может предположить, что он испугался, согласился представить свой заветный труд государю.

Записка не понравилась Александру; он даже рассердился и в течение нескольких дней отказывал Карамзину в аудиенции.

Карамзин был литератором в полном и лучшем смысле этого слова и никогда не желал быть кем-либо иным. Император несколько раз предлагал ему портфель министра народного просвещения, но Карамзин принял лишь те ничтожные знаки отличия, которыми в России жалуют всех, звание историографа и, наконец, личную дружбу императора, который, на мой взгляд, никогда и никого из русских не уважал так, как уважал Карамзи-

* См. его Записку в продолжении сего примечания¹⁵.

на. Карамзин обладал большим талантом, просвещенным умом; у него была благородная и возвышенная душа. Однако это не мешало ему заявлять о необходимости и полезности для России самодержавной власти. Несомненно, он был в этом убежден, ибо был неспособен к лицемерию и лжи. Тем не менее он вовсе не был врагом форм правления, совершенно противоположных господствовавшим в России; более того, он был их пламенным поклонником. «Я республиканец в душе, — говорил он иногда, — но Россия должна быть прежде всего великой, а в ее нынешнем виде только самодержец может сохранить ее грозной и сильной»¹⁶.

В молодости Карамзин повидал Европу; он был во Франции в эпоху террора. Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он проливал слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности, твердости характера и даже скромному домашнему обиходу, составлявшему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи.

Изучение истории России — а этим штудиям Карамзин посвятил всю жизнь — должно было укрепить его мнение о самодержавной власти. Он видел в истории, что свободная, но разделенная на многие княжества Россия подпала под татарское иго; и только благодаря росту могущества великих князей московских, мало-помалу объединивших под своей державой эти княжества, страна после двухсот лет позора и бедствий освободилась от унижительного ига. По мнению Карамзина, отсюда происходила необходимость и неизбежность самодержавия — не только для исцеления всех зол Российской империи, но и для сохранения ее величия*. Карамзин, по-видимому, полагал, что сие величие — единственное, о котором может помышлять русский народ. Он горячо любил свою страну, и счастье человечества не могло не волновать его отзывчивую и благородную душу; но пренебрегать народом и желать величия лишь абстракции (пусть и привлекательной, которая зовется отечеством) значит не признавать естественных прав, ни в грош не ставить человеческое достоинство. Соотечественникам Карамзина не могло льстить подобное мнение. Я очень мало спорил с Карамзиным, как и с другими, о превосходстве той или иной формы правления; тем не менее я всегда чувствовал к нему неприязнь, — за то, что он, вопреки долгу, в своем труде не затронул вопрос, нисколько не умалявший его преклонения перед самодержавием, — вопрос о рабстве¹⁷. Он говорит о рабстве лишь вскользь, а там, где без этого нельзя обойтись, переносит свои суждения в примечания. Он не только не клеймит роковые законы, прикрепившие русского крестьянина к земле, но, кажется, косвенно их оправдывает, восхваляет, набрасывая унылую картину бедственного положения крестьян в те времена, когда они были свободны¹⁸. Действительно, тогда в России, как и в других странах, земледельцы были крайне жалки; но с той поры в других странах их положение улучшилось, а в России, прикрепив крестьян к обрабатываемой ими земле почти что полицейскими мерами, создали настоящее рабство.

* Карамзину отвечали: «Согласитесь по крайней мере, что если Россия и поднялась с помощью самодержавной власти, то поднялась лишь на колени». Это соображение было настолько справедливо, что его высказывали все разумные люди при чтении «Истории» Карамзина, превозносившего абсолютизм и восторгавшегося самим словом *самодержавие*. Он ограничивался ответом, что Россия велика, сильна и ее боятся в Европе.

*ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ КАРАМЗИНА,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ИМПЕРАТОРУ В 1810 ГОДУ*

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ
В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Вначале автор бросает взгляд на положение России в первые века ее существования; перейдя к эпохе освобождения страны от монгольского ига, он продолжает так:

«Глубокомысленная политика князей Московских не удовлетворялась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо и единовластие усилить самодержавием. Славяне российские, признав князей варяжских своими государями, хотя отказались от правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое вече, или совет народный, при случаях важных; во всех городах избирались тысяцкие, или полководцы, не князем, а народом...

Иногда судили князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно...

Рабство политическое несовместно с гражданскою вольностию. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья Московские и, мало-помалу истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк вечевый колокол во всех городах России. Димитрий Донской отнял власть у народа избирать тысяцких и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый установил торжественную смертную казнь для государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников. Наконец, что началось при Иоанне I, или Калите, то совершилось при Иоанне III; столица ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная мстиею россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние Юго-западные княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши; зато Россия, новая, возрожденная, во время Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе.

Сие великое творение князей Московских было произведено не личным их геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умною политическою системою, согласною с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием...»

Затем Карамзин переходит к Петру I. Сначала он сетует на заблуждения некоторых иностранных историков, считавших Петра I основателем или творцом величия России. «Забудем ли князей Московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную и, что не менее важно, учредили в ней твердое правление единовластное? Петр нашел средства делать великое. Князья Московские приготавливали оно, и, слава славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?»

Умолчим, — продолжает автор, — о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости...

Честию и достоинством Россиян стало подражание. Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр».

Переходя к рассказу о Екатерине, Карамзин говорит: «Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей... Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, и страхи Тайной Канцелярии* исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в вышних гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желанное мести: добродетель превосходная в монархе!.. Екатерина могла презирать легкомысленное злословие, а где искренность говорила правду, там монархиня думала: „Я властна требовать молчания от россиян-современников, но что скажет потомство? И мысль, страхом заключенная в сердце, менее ли слова будет для меня оскорбительна?“ Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее царствование от всех прежних в новой российской истории, т. е. Екатерина очистила самодержавие от примесей тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятнейшей светских, знаний, разума.

Возвысив нравственную цену человека в своей державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления...

Внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы. Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами. Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, — заблуждение, славное для сей великой монархини! Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как министров или правителей государственных...

Упрекнем ли Екатерину излишним воинским славолубием? Ее победы утвердили внешнею безопасностью государства. Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое. Правилom монархини было не мешаться в войны чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в империи, рожденный победами.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах: там — от примеров Двора любострастного, здесь — от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елисаветы извиняет ли Екатерину? Богатства государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная — порок, ибо соблазняет других. Самое достоинство государства терпит, когда двор нарушает устав благонравия; как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных. Требуется ли доказательств, что истинное почтение к добродетелям монарха утверждает власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаешь ее слабости и краснеешь за человечество.

* Высшая полиция в то время (примеч. Н. И. Тургенева).

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства, но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию, заставил ненавидеть злоупотребления оною.

Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность Отечества; к неизъяснимо удивлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; ненависть в них дело своей матери, умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать, отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники; имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчью зла; ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец и соорудил гробницу! Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне даже боялись и мыслить нет, говорили, и смело, умолкали единственно от скуки и частого повторения, верили друг другу и не обманывались. Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах; общее бедствие сблизало сердца и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот действие Екатеринына человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны иметь правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россияне смотрели на сего Монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней. Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестию искупления: в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день Светлого Воскресения...

К чести благоразумнейших россиян не умолчим об их суждении. Сведая дело, они жалели, что зло вредного царствования пресечено способом вредным...

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтоб Александр к вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринына царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла».

Автор без колебаний разделяет последнее мнение. «Самодержавие, — говорит он, — основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?..

Нет, нет, — восклицает он, наконец, — оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти; чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиранин может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого — никогда! „Сладкое отвращает нас от горького“, — сказали послы Владимировы, изведав веры европейския.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует десять лет и никто не переменял о том своих мыслей. Но Россия наполнена недовольными; жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры... Каким образом изъясним сие горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства.

Начнем с внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность государства. Ужасная Французская революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица... Англия, все еще сильная, стояла между нами и Пруссией, а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием российской политики должно было быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы, успехи Франции, Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, услив ту или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию. Первая, как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая должно была сохранять свою независимость, чтоб удалить от нас влияние Франции. Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона; слава героя Итальянского еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова. Англия, Австрия были в глазах консула естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Требию и Нови в случае, если бы он не изъявил надлежащего внимания к нашим требованиям...

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая в тяжкой болезни, услышал о походе нашего войска. Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды... Какие замыслы имели мы в случае успеха? Возвратить Австрии великие утраты ее, освободить Голландию, Швейцарию? Признаем возможность, но только вследствие десяти решительных побед и совершенного изнурения французских сил. Что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень и то до времени, пока не смирила бы Пруссию, а там объявила бы нас *державою азиатскою*, как Бонапарте. Вот счастливая сторона!

Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Мак в несколько дней лишился армии. Кутузов вместо Австрийских знамен увидел пред собою Наполеоновы, но с честью, славою, победою отступил к Ольмюцу... Наполеон предложил нам мир. Никогда политика Российская не была в счастливейших обстоятельствах, никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену, но Карл приближался, и 80 тыс. россияне ждали повеления обнажить меч. Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нас образом; изгнанник Франц по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном; наш молодой монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя Немецкой империи. Победа должно была быть, по крайней мере, сомнительною. Что мы выигрывали с нею? Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление нашего войска, падение Австрии, порабощение Германии и т. д. Судьбы Божии неисповедимы: мы захотели битвы!

Другая ошибка, и самая важная, следствиями есть мир Тильзитский, ибо она имела непосредственное влияние на внутреннее состояние государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри; не порицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлицы), ни министров, давших совет государю отвергнуть сей лаконический договор; не осуждаю и последней войны с французами... Знаю только, что мы в течение зимы должны были или прислать новые 100 тыс. к Беннгену, или вступить в мирные переговоры, коих успех не был вероятен. Пултукс и Прейсш-Эйлау ободрили россиян, изумив французов. Мы дождались Фридланда... Но здесь-то следовало показать отважность, которая в некоторых случаях бывает глубокомысленным благоразумием: таков был сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т. е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англиею и воевать со Швециею, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли бы служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилия...

Убыточная война шведская и разрыв с Англией произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри Государства. Мы завоевали Финляндию. Пусть «Монитор» славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя справедливостию, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов — и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра, быть побежденным от французов или принужденным следовать их хищной системе...

Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы взять Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов (в 1809)...

Никто не уверит россиян, чтобы советники трона в делах внешней политики следовали правилам истинной мудрой любви к отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия; всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха.

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри государства...

Подобно древней Боярской Думе, Сенат в начале своем имел всю власть, какую только вышнее правительствующее место в самодержавии иметь может. Сенат издавал законы, поверял дела коллегий... Фельдмаршал Миних замечал некоторую пустоту между троном и Сенатом, но едва ли справедливо. Учреждение Верховных советов, кабинетов, конференций было несовместно с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому... Павел, не любя дел своей матери, восстановил разные уничтоженные ею коллегии, сделал перемены и в учреждении губерний, но благоразумные, отменив малонужные верхние земские суды с расправами, отняв право исполнения у решений палатских и проч. Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства, согласно с мыслями фельдмаршала Миниха и с системою правительств иностранных. Прежде всего заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: министерства установлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т. е. верного, ясного руководства в исполне-

нии важных их обязанностей. Теперь спросим о пользе. Министерские бюро заняли место коллегий, где трудились знаменитые чиновники, Президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, там увидели мы маловажных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые под щитом министра действуют без всякого опасения... Начали являться один за другим комитеты. Они служили сатирою на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления.

Основав бытие свое на развалинах коллегий (ибо самая военная и адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей), министры стали между государем и народом, заслоняя Сенат, отнимая его силу и величие; хотя подводимые ему отчетами, но, сказав: «я имел счастье докладывать государю!», заграждали уста сенаторам, и сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россию управляли министры, т. е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность, один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы обыкли считать высшим правительством, главным орудием монаршей власти?...

Чтобы излечить зло, ограничить безответственность министров, создали Государственный Совет...

Государи более всех имеют в том нужду... Екатерина в важных делах слушала мнение некоторых избранных вельмож; вот Совет ее, по существу своему *тайный*, т. е. особенный, лично императорский. Она не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим высшим правительствующим местом. В монархии, пишет Монтескье, должно быть хранилище законов. Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы или предисловия законов: «вняв мнению Совета!» Государь Российский внемлет только мудрости, где находит ее, в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно ничего одобрения для законов, кроме подписи государя... Правда, и у нас писали: «Государь указал, Бояре приговорили»; но сия законная пословица была на Руси несколько лет панихидою на усопшую аристократию боярскую; воскресим ли форму, когда и вещи и форма давно истребились?

Совет, говорят, будет уздою для министров, но между тем они все будут править государством именем государя. Совет не вступается в обыкновенное течение дел... По крайней мере, авторы должныствовали изъяснить пользу своих новых образований; читаю и вижу одни сухие формы, мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое. Говорят россиянам: «было так, отныне будет иначе»; для чего? Не сказывают. Петр Великий в важных переменах государственных давал отчет народу: взгляните на регламент духовный, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною. Сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как государь начинает и кончает свои рескрипты. Монтескье означает признаки возвышения или падения империи. Автор сего проекта с такою же важностию

дает правила судить о цветущем или худом состоянии канцелярии; искренно хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «если государь издает указ, несогласный с мыслями министра, то министр не скрепляет его своею подписью». Подобные ошибки в коренных государственных понятиях едва ли извинительны...

«Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены, — говорит умный Макиавель, — то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем совсем иначе: оставляя вещь, гоним имена...

Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александра царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием».

Здесь автор нападает на многие меры, принятые правительством в то время. Он начинает с организации милиции, которую совершенно не одобряет. Говоря о народном просвещении, он утверждает, что желание организовать русские университеты по образцу немецких было ошибкой; что следовало особенно умножить число учеников средних школ, обучающихся на казенный счет. «Чего не преподают ныне, — говорит он, — даже в Харькове и в Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдем человек сто, которые совершенно знают правописание, и мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле.

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть произведен ни в статские советники, ни в коллежские ассессоры без свидетельства своей учености... Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические. Не будем говорить о смешном; заметим только вредное. Доныне дворяне и недворяне в гражданской службе искали у нас чинов или денег. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку; худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого».

Затем автор останавливается на идее освобождения крепостных, которая, по его словам, входит в намерения правительства. Постаравшись показать, что любые меры такого рода были бы по меньшей мере несвоевременны, он приходит к следующему заключению: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратити оную... Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным; а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?»

Какаясь тогдашних финансовых мер, автор начинает с утверждения: «Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, *промышленностию или бережливостию*. Если год от года будет у нас более хлеба, сукон, кожи, холста, то содержание армии должно стоить менее, а тщательная экономия богаче золотых

рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, на-
 лом приобретенный, уменьшается ныне в половину, завтра будет нулем. Искренно хва-
 ля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводст-
 ва, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но
 бережливость Государя не есть государственная: Александра называют даже скупым; но
 сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь (в Москве) три ге-
 нерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из пяти мест жалованье...
 Дают взаймы без отдачи и кому? Богатейшим людям! Обманывают государя проектами,
 заведениями на бумаге, чтобы грабить казну».

Обращаясь к ассигнациям, автор осуждает правительство, заявившее, что ассигнации
 являются государственным долгом. «Вы могли бы сказать, — говорит он, — что ассигна-
 ции не деньги, если бы вы могли открыть банки и ящики, наполненные серебром, для
 вымена бумажек; могли бы сказать, что ассигнации не деньги, если бы у нас были другие.
 В древней России ходили куны вместе с серебром и золотом, в новой — ходят ассигна-
 ции вместе с металлами, тогда и ныне редкими; кожаный лоскут не лучше бумажного, но
 древние князья Киевские, Смоленские, Новгородские не изыскали народу, что куны век-
 селя, и Россия 500 лет довольствовалась оными, благословляя сие счастлиное изобре-
 тение. Сии кожаные ассигнации были заменены у нас серебряною и медною монетою.
 Ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем.

Что сказать о так называемом *разуме манифеста*^{*}, всюду разосланном вместе с оным?
 Надобно, чтоб разум манифеста находился в самом манифесте, а не в особенном творе-
 нии какого-нибудь школьника-секретаря, который со смешною важностью толкует нам
 слова повторением их или перестановкою».

Далее автор указывает на опасности, кои влечет за собой уменьшение количества ас-
 синаций и, следовательно, их возвышение в цене, улучшение курса, и утверждает, что
 сейчас надобно воздержаться от новых эмиссий. Он весьма справедливо говорит: «Не вы-
 пускать их более: сего довольно; цены спадут, без сомнения, ибо возвысились несо-
 мерно с прибавлением ассигнаций^{**}», как мы сказали, но спадут постепенно, без кризиса.

Вторая мысль Заемного банка, или так называемого *погашения* долгов, есть унизить
 серебро обещанием уплатить через несколько лет рубль сим металлом за два бумажные.
 Если бы внести в сей банк миллионов двести, то правительство нашлось бы в крайнем за-
 труднении по истечении срока: нелегко приготовить сто миллионов серебром для рас-
 платы! К счастью, взнос невелик, ибо у нас нет праздных капиталов, но достохвально ли
 учреждение, коему, для государственного блага, нельзя желать успеха? Тот, кто это пред-
 ложил, рассчитывает несомненно на значительное падение серебра. Но это вряд ли воз-
 можно, особенно если мы не можем оплачивать серебром наши расходы ни на войны, ни
 на тайную покупку иноземных товаров, столь распространившуюся в последнее время
 из-за мер в пользу свободы торговли.

^{*} В то время было принято сопровождать законы, публикуемые в форме манифеста, пояснительным ком-
 ментарием, некоторым образом заменявшим *considéranis* [преамбулы — фр.]; этот комментарий называл-
 ся *разумом манифеста* (примеч. Н. И. Тургенева).

^{**} Другими словами, чем более обесцениваются ассигнации, тем меньше причин увеличивать их количе-
 ство (примеч. Н. И. Тургенева).

У нас серебро только в столицах, в городах пограничных и приморских: внутри России не видят и не спрашивают его, в противность сказанному в манифесте, что единственная российская банковая монета есть рубль серебряный*; нет, серебро у нас товар, а не деньги».

Изложив некоторые соображения в пользу свободы торговли, автор касается реформ законодательства и указывает на то, как бесполезны попытки правительства создать новый свод законов; особенно он нападает на только что появившийся тогда проект гражданского кодекса, который он считал простым переводом кодекса Наполеона; он с негодованием возражает против идеи приспособить к России иноземные законы и между прочим говорит: «Кстати ли начинать, например, русское Уложение главою о *правах гражданских*, коих в истинном смысле не бывало и нет в России? У нас, — прибавляет он с непостижимой наивно-стью, — только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч., все они имеют свои особенные права; общего нет, кроме названия русских!»¹ Сверх того, есть целые сословия, как крепостные и даже государственные крестьяне, кои, несмотря на то что они русские, не пользуются ни правом собственности, ни правом завещать и наследовать. Этот проект русского кодекса есть не что иное, как буквальный и весьма неудачный перевод французского кодекса (здесь Карамзин цитирует статьи, не имеющие смысла по-русски). «Переводчик многое сокращает: он мог бы выпустить и еще некоторые постановления, им сохраненные, например мог бы не говорить об *alluvion***: от начала России у нас не бывало тяжбы о сих предметах. Никто из Русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше гражданское уложение...

Для старого народа не надобно новых законов. Согласно с здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического предложения наших. Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности уголовные, жестокие, варварские: их уже давно не исполняют.

Таким образом собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные законы предложите в форме книги, систематически, с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите *общими правилами*, без коих нет общих законов...

Сей труд велик; но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения русского. Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого, единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать кодекса.

Когда у нас нет людей способных для одного, то умерьте свои требования — и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического кодекса издайте полную сводную книгу всех российских законов или указов по всем частям судным, огласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение царя Алексея Михайловича, и на Морской устав, и на 20 указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых; не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способ правосудия в России, не затрудним судей наших галлицизмами и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова кодекса.

* Спустя более чем 30 лет нам пришлось протестовать так же, как Карамзину в 1810 году (см. нашу статью в примечании О, касающемся реформы монетной системы в России (*примеч. Н. И. Тургенева*)).

** Приращение земельных участков посредством речных наносов (*фр.*).

Прибавим одну мысль к сказанному нами о российском законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов? Должно, если такая перемена не будет существенным долговременным бедствием для сих областей; в противном случае, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Надобно исследовать основательно, для чего, например, Ливония и Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причины, родившие оный, существуют ли и согласны ли с государственным благом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли? «Какая нужда, — говорит Монтескье, — одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным». Фридрих Великий, издавая общее уложение, не хотел уничтожить всех частных статутов, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть — и все сраунется.

Если, означив главные действия нынешнего правительства и неудачу их, прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага, постановления о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота, имевшие столь много вредных следствий — всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов, наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности, — то удивительно ли, что общее мнение столь неблагоприятно правительству? Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя: не будем твердить, что люди обыкновенно любят жаловаться и всегда недовольны настоящим, но сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения; нет, государства живущи, и в особенности Россия, движимая самодержавной властью. Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем, и долгое время, заблуждаться в нашей внутренней государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, — но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека крепкого сложения; только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить? Самые простейшие.

Минувшего не возвратить. Было время, когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатеринына царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение, в мыслях. Теперь поздно: люди и вещи большею частью переменились; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам новостью ныне опасною: мы уже от него отвыкли, и для славы государя вредно с торжественностью признаться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неблагоприятных советников, которые захотели своею творческою мудростью затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение разных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся; только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в министерстве и Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью. Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с коллегиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи. Сей монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях монастырских и в каютах, там нашел Феофана и Остермана, славных в нашей государственной истории...

Люди нужны в особенности для мест губернских. Если вы найдете в России пятьдесят мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстаноят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа, дела пойдут в России как должно. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того — виною худое избрание лиц; если не имеют способа — виною худое образование губернских властей. Каковы ныне большею частью губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживаться секретарям своим, или без совести и сами наживаются. Служом земля полнится, а министры не знают того. Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относиться к разным министерам: сколько хлопот и письма! Многие части в составе губернии не принадлежат к его ведомству. Выходит, что губерния находит не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве: система правления, весьма несогласная с нашею стариною, истинно монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есть Россия в малом виде, мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оною разными властями; да будет губернатор, что были наместники при Екатерине; дайте им достоинство сенаторов, согласите оное с отношениями их к министрам, которые в самом деле должны быть единственно секретарями государя по разным частям, и тогда умеете только избирать людей.

Вот правило главное. Второе, не менее существенное, есть: умеете обходиться с людьми. Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т. е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывать стремление ко злу... Кто знает человеческое сердце, тот не усумнится в истине сказанного Макиавелем, что страх гораздо действительнее всех иных побуждений для смертных...

Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит. Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу; а сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни. Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает

расположен и к строгим мерам; он выгнал из службы двух-трех сенаторов и нескольких других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответственности бесчисленности нынешних мздоимцев?

Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного; но где она необходима для порядка, там кротость неуместна. Как живописцы изображают монарха? Воином и с мечом в руке, не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями... Сирены могут петь вокруг трона: „Александр! Воцари закон в России“, и проч. Я возьмусь быть толкователем сего хора: „Александр! Дай нам именем закона господствовать над Россиею, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!“ В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя, не боятся и закона. В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное... Да отвечает министр по крайней мере за избрание главных чиновников!.. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целию — общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благодарной строгости, если вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть; в первом случае винят слабость, во втором — беспечность или непроницание.

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово по крайней мере не возвысились: чего следствием было и есть — требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко вреду самых государственных добродетелей. Напомят здесь две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством; у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более. Ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства...

Слава Богу, мы еще имеем честолубие; еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство вы слышите нередко голос благородной любви к Отечеству. Есть люди, умейте только обуздывать их в зле и поощрять к добру... Искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах. Не спрашивайте, как писаны законы в государстве, сколько министров, есть ли Верховный совет; но спрашивайте, каковы судьи, каковы властители? Фразы для газет только, правила для государства.

Прибавим некоторые особенные замечания. Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия*.

После долгого рассуждения о достоинствах дворянства автор говорит: «Желаю, чтобы Александр имел правом возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отблеском царского сияния, — возвышать не только государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии.

*Несколькими строками выше автор дал его портрет! (примеч. Н. И. Тургенева).

Например, для чего императору не являться иногда в торжественных собраниях дворянства в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском? Но ничто не возвысило бы дворянство столь ощутительно, как закон принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы, — строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но не утомляйте воинов игрушками или вахтпарадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахтпарадов оказываются трусами на поле битвы: сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют и побеждают; мы видели прусских героев.

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить патриаршество, но желаю, чтобы Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, например, одни архиепископы... Не довольно дать России хороших губернаторов, надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилища законов, над всеми государь, единственный законодатель, единственный источник властей, — вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определенный век свой. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, благоразумная система государственная продолжает век государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков бесконечного бедствия; но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит! Вижу опасность, но еще не вижу погибели.

Еще Россия имеет 40 миллионов жителей и самодержавие, имеет государя ревностного к общему благу; если он, как человек, ошибается, то, без сомнения, с добрым намерением, которое служит нам вероятности будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах; ежели благоразумною строгостию обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турциею и спасет Россию от третьей, весьма опасной войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом или с целости бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостию уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалования бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные уставы, верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров; если (что в сем предположении будет необходимо) дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания утихнут, неудовольствия исчезнут; родятся нужные для Государства привычки; ход вещей делается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно; реже будут вспоминать прошедшее; злословие не умолкнет, но лишится жала. Судьба Европы теперь не от нас зависит; переменит ли Франция свою ужасную систему или Бог переменит Францию — неизвестно, но бури не вечны. Когда же увидим ясное небо над Европою и Александра, сидящего на троне целой России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротою.

Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верно-подданного с сердцем чистым, моля Всевышнего: да блюдет царя и царство Российское!*

Письмо Карамзина к Александру
о восстановлении Польши¹⁹

Государь! В волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу после нашего разговора излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу *в ее целостности*, действуя как христианин, благотворя врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и мира; выше всех законов — физических, гражданских, государственных — но их *не отменяет*. Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов; все осталось, как было на земле и как иначе быть не может; только возвысилась душа в ее сокровенностях, утвердилась в невидимых связях с Божеством, с своим вечным, истинным Отечеством, которое вне материи, вне пространства и времени. Мы сблизились с Небом в *чувствах*, но *действуем* на земле, как и прежде действовали. *Несмы от мира сего*, сказал Христос; а граждане и государства в сем мире. Христос велит любить врагов: любовь есть *чувство*; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как греки-язычники истребляли персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ. Как христианин, любите своих личных врагов; но Бог дал Вам царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оною. *Как человек по чувствам души*, озаренной светом христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелия, но *как царь* Вы то же, что он. Евангелие молчит о политике; не дает новой: или мы, захотев быть христианами-политиками, впадем в противоречия и несообразности. Меня ударят в ланиту: я как христианин должен подставить другую. Неприятель сожжет наш город: выпустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и христианин Александр благотворить врагам государственным, уже *побежденным*, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для Отечества. Любите людей, но еще более любите россиян, ибо и они люди и Ваши подданные, дети Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра, но Александр *взял* их русскою силою, а россияне *дал* ему Бог, и с ними снискал Он благотворительную славу *освободителя Европы*.

Вы думаете восстановить *древнее* Королевство Польское; но сие восстановление согласны ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовию к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии) спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец *Священного Союза*, объявить ей войну, противную не только христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицию законным владением Австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волинию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Рос-

сиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *Великою*. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответствует Богу, ответствует истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято; для Вас Польша есть законное российское владение. *Старых крепостей* нет в политике: иначе мы должны были восстановить бы Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое княжество Рязанское, и так далее. К тому же и по *старым крепостям* Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галициею были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они так же долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеон мог завоевать Россию; но вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите? Россия, государь, безмолвна перед Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда историка достойного искреннего, беспристрастного, то он, государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки; извиняем их, но Вас бы мы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания свергнули нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! Ответствую Вам головою за сие неминуемое действие целого восставления Польши. Я слышу русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игрлищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом; унизились бы пред другими и пред собою. Не опустел бы, конечно, дворец; Вы и тогда имели бы министров, генералов; но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, государь, гнушаетесь рабства и хотите дать нам свободу!

Одним словом... и Господь Сердцеведец да замкнет смертию уста мои сию минуту, если говорю Вам не истину... Одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу!

Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабые и ничтожные: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувства и благодарность безмолвны, а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем нимало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам. Тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу,

а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного державного народа, для нас опаснее поляков-россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую державу, что Вам без неблагодарности, без греха христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным великодушным посредничеством; второе — хорошими законами и еще лучшими управами. Вы уже приобрели имя *Великого*: приобретите имя *Отца* нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, *как оно есть ныне*, но да существует, да благоденствует и Россия, *как она есть* и как оставлена Вам Екатериною!. Екатерина любила Вас нежно, любила и наше Отечество. Ее тень здесь присутствует... умолкаю.

Царское Село,

Октября 17 1819 года

Отправив это письмо императору, Карамзин сказал жене, что следует подумать о том, чтобы покинуть Царское Село, где он занимал предоставленный ему на лето павильон. Он полагал, что его письмо восстановит против него монарха, с которым у него уже была весьма бурная беседа по сему предмету. Он ожидал даже, что ему придется совсем удалиться от двора и вернуться в Москву. Однако ничего подобного не произошло: Карамзин продолжал сохранять прежние отношения с Александром.

Переписывая сие письмо, я заметил, что оно было отправлено государю почти тогда же, когда ему была представлена моя записка об улучшении положения крепостных крестьян (28 декабря 1819 года)²⁰. Конечно, к Александру со всех сторон поступала бездна других писем и записок по всем предметам общественного значения. Мы уже говорили здесь, что в иных из них ему предъявлялись упреки и несправедливые обвинения*. Можно ли не жалиться над судьбой самодержавного государя, искренне желающего блага и осаждаемого со всех сторон противоположными требованиями? Какая неуверенность, боль, тревога постоянно раздирают его душу, особенно когда он сознает — ибо в конце концов он всегда приходит к сему, — что все, на что обращают его внимание, все, что его заклиняют изменить, улучшить, преобразовать, все зло, коему его просят положить конец, существует как и прежде, добро же остается лишь перспективой, все отдаляющимся будущим! Можно ли найти более убедительное доказательство превосходства прочных, правильных и свободных учреждений, которые требуют всеобщего участия в общих делах? Не очевидно ли, что такие учреждения, служа интересам народов, не менее полезны государям?

Конечно, у самодержца есть средство избежать излишнего беспокойства, какое несомненно испытывал Александр, осаждаемый со всех сторон массой представлений, замечаний, записок и проч. и проч.: он может раз навсегда запретить обращаться к себе; но Александр не сделал этого именно потому, что его сердце не позволяло ему оставаться

* Среди записок, представленных императору или написанных для него, записки графа д'Антрега о современной политике отличаются не только редкими литературными достоинствами, но и силою обличения, смелостью, острой иронией, с какими почтенный писатель упрекает петербургский кабинет в изменении политики после Тильзитского мира. Читая их, нельзя не сожалеть, что такой талант был потрачен впустую, ради дела, ныне никому не интересного²¹.

недоступным для пожеланий, продиктованных стремлением к благоденствию народа, за что он заслужил почтение и уважение благомыслящих людей. Чувство сие и рвение к общему благу, даже не принесшие весомых результатов, тем не менее с основанием впишут его имя в историю. Александр, судя по всему, умер деспотом, но родился он, чтобы стать чем-то лучшим.

Примечание Е

I. Тайные общества

Nennt es, so lang's Euch gut dunkt, nennt's Verschwörung
 Wenn Manner schworren, Manner seyn zu wollen,
 Wenn Liegende, was sie langst hatten sollen,
 Empor sich endlich, nennt's Emporung!
 Jch nenn's an Euch die tiefste Selbstethörung,
 Die tolste Tollheit nenn'ich's alles Tollen,
 Daz jhr konnt Eurem eignen Volke grollen,
 Das sich und Euch will ziehn aus der Zerstörung! —
 Gedacht bloss und missgluckt, — ist's nur ein Frevel;
 Vollbracht, — ist's ein unsterblich Unternehmen,
 Und waz nur gluckt, das wird dann auch verziehen,
 Denn — jeder Ausgang — ist ein Gottes Urtheil!!!!...

*Schiller*²²

Но одна только победа решила, какому из двух выражений войти в поговорку: пуническая верность или римская верность.

*Монтескье*²³

В СВОЕ ВРЕМЯ я виделся с лицами, хорошо осведомленными обо всем, что касалось знаменитого общества, известного под названием *Tugend-Bund*²⁴. Мне удалось узнать их мнение о так называемом влиянии этого общества на события, происходившие до войны за освобождение и во время нее. Эти лица неоднократно выражали глубокое, основанное на личном опыте убеждение в том, что достичь какого-либо результата при помощи тайных обществ невозможно!

В самом деле, тот, кто даст себе труд, отбросив предвзятые мнения, вдуматься в природу сих обществ и попытается понять, чем же они могут заниматься, непременно согласится с теми, кто считает эти общества беспомощными. Если общество и в самом деле тайное, его деятельность неизбежно будет крайне узкой, а число участников — чрезвычайно ограниченным. А что могут сделать несколько человек, если даже предположить, что они одарены величайшими способностями и редкостной энергией, если их деятельность по необходимости совершается в тайне? Разве можно с помощью столь слабых, коварных средств внушить доверие народам, подтолкнуть их, убедить идти к общей цели,

превратить проповедуемые во тьме мысли и теории в действия? Разве до 1789 года во Франции существовали тайные политические общества? Что сделали бы в 1830 году карбонарии или общество, известное под названием «Помогай себе, и небо тебе поможет», которое, впрочем, едва ли может быть названо тайным, равно как и множество других обществ, не появившись возмутительных ордонансов Карла X?²⁵

Всякий раз, когда люди не знают или не хотят знать истинных причин внезапно случившихся событий, они стараются обнаружить их там, где это наиболее выгодно. Поэтому истоки волнующего мир брожения умов повсюду хотели видеть в тайных обществах, хотя эти общества являлись вовсе не причиной этого брожения, а лишь неизбежным и естественным его следствием.

Итак, если существует опасность, то она не исходит и не может исходить от этих обществ; она обусловлена порождающими их причинами. Из-за ничтожных результатов тайной деятельности и невозможности действовать открыто члены этих обществ не могут даже сделать эти причины более серьезными, дабы ускорить наступление их последствий. Причины эти усложняются и делаются еще опаснее врагами тайных обществ, ибо именно они, не выяснив симптомов зла, всегда упорно видят его вовсе не там, где оно существует на самом деле, и своим упрямством и роковым сопротивлением истине лишь усугубляют катастрофы, кои жаждут отдалить.

Привычные фразы, повторяемые без смысла или для оправдания гнусных преследований и вероломных поступков, рассказы о *руководящих комитетах*, о многочисленных членах, не знающих друг друга и повинующихся *невидимым вождям*, — все эти миражи рассеиваются сами собой при трезвом и беспристрастном обсуждении. Трудно даже поверить, что такие бредни могут возникнуть в здравомыслящих головах, — однако множество людей слышит разумными, но все-таки продолжает верить в существование подобных химер^{*}.

---

* После судебного процесса, окончившегося вынесением жестоких приговоров благородным итальянским патриотам за то, что они слишком любили свою прекрасную родину, самый знаменитый из этих страдалцев, граф Конфалоньери, которого отправили в Шпильберг, был сначала привезен в Вену. Канцлер Меттерних посетил пленника как являющийся с визитом светский человек, с соблюдением всех форм вежливости. После нескольких незначительных слов князь стал настойчиво просить своего собеседника сообщить наконец, кто же входил в руководящий комитет, из Парижа возбуждавший все революционные движения, которые время от времени вспыхивали в Европе. Граф Конфалоньери с трудом мог поверить, что с ним говорят серьезно. Желание знать имена этих невидимых вождей, потрясавших мир из глубины своего неприступного убежища, по-видимому, так снедало и ослепляло Меттерниха, что он не заметил цепей, стеснявших движения арестанта.

Когда в России вспыхнуло восстание, заключенных в Шпильберге долго и неоднократно допрашивали, стараясь узнать от них что-нибудь об этом восстании и предполагаемых прежних связях их с русскими революционерами. Несчастные заключенные, не имевшие никакого представления о событиях, только что произошедших в Петербурге, не знали, что говорить. Их с таким же успехом могли бы спрашивать о том, что случилось где-нибудь в Китае.

Император Александр также верил в эту химеру тайных обществ, которые состоят из заговорщиков, распространены по всем странам и грозят мировым переворотом. Он даже предупреждал меня, что я буду за границей окружен революционерами и т. п. С тех пор я, заочно приговоренный к смерти, успел в качестве изгнанника поселиться на чужой земле, которая должна была расступиться у меня под ногами, но на самом деле спасла меня от гибели, ожидавшей меня на родине; я имел случай хорошо познакомиться с такими же, как я, изгнанниками всех национальностей, но до сих пор жду, чтобы сбылось пророчество императора.

Что рождает эти страхи, эти болезненные опасения? Спросите об этом человека, которого мучают угрызения совести, который в каждом встречном, в каждой вещи видит обвинителя и в конце концов начинает бояться собственной тени.

Да, есть могучее и грозное сообщество, которое как страшный призрак смущает воображение деспотов; однако оно не имеет ничего общего с тайными союзами любого рода, ни от чего не зависит, и даже самодержавная власть не может наложить на него запрет: это объединение всех просвещенных и честных людей против варварства и порока. Лица, участвующие в этой обширной ассоциации хотя и действуют каждое в своей сфере, но тем не менее идут рука об руку: их связь укрепляется взаимной симпатией. Вы не понимаете их языка только потому, что не разделяете их стремлений. Почему вы считаете, что их союз направлен против вас, почему их язык кажется вам враждебным и вызывающим? Потому что они защищают справедливость и истину, тогда как вы держитесь за свои пагубные, преступные предрассудки, презренные личные интересы. Да, это сообщество существует; и даже начертанные мною здесь слова, как бы слабо они ни звучали, поймет и примет множество людей, рассеянных по всей земле, но для толпы в обширной пустыне моей несчастной родины они останутся неразрешимой загадкой.

Настаивая на на том, что тайные общества не в силах прийти к сколько-нибудь значительным результатам, я не хотел бы смешивать эти общества с заговорами. Не всякое тайное общество объединяет заговорщиков, и нелепо было бы утверждать противное. Для заговора нужна вполне определенная цель, хорошо известная всем вступающим в соглашение и действующим для ее достижения. А большинство тайных обществ никогда не имело ясно намеченной цели. Идеи, надежды, провозглашение принципов — вот к чему, в сущности, сводятся все союзы такого рода. По той же причине они не могут оказать сколько-нибудь значительного влияния. Если входящие в их состав лица упорно стремятся к достижению положительных результатов, это объясняется естественным желанием людей не отказываться от своих стремлений, даже если они утопичны.

Однако, несмотря на всю бесплодность тайных обществ, на широко распространенное убеждение в их бессилии, они будут создаваться и впредь, ибо люди всегда будут объединяться, дабы тайно осуществить то, что не могут сделать открыто; они не устыдятся своего поведения, а, напротив, станут им гордиться, сознавая, что желают блага и принесут бескорыстные жертвы для его достижения. Кто ненавидит власть, не опирающуюся на право, кто хочет независимости и свободы для других и для себя, кто воодушевлен истинной, тот будет пробовать все возможности, позволяющие хотя бы надеяться на удовлетворение его великодушных порывов. Он, скорее всего, подвергнется опасностям, но разве такая мысль может возникнуть в душе, полной горячего стремления к тому, что является священным в глазах мыслящего существа?

Там, где мнения можно высказывать свободно, во весь голос, где допускается открытое и нелицемерное публичное их обсуждение, тайные общества являются нелепостью, анахронизмом, происходящим от того, что люди не вполне еще привыкли к свободному образу жизни. Но подобная бессмыслица не может продолжаться бесконечно и неизбежно исчезнет при появлении гласности, как мрак исчезает при дневном свете. Но там, где мысль подавлена, а слово сковано, там, повторяю, всегда будут существовать тайные общества. Коронованный тиран может запретить публично выражать дорогие людям идеи справедливости, истины и свободы; но вырвать из человеческого сердца сокровенные чувства справедливости, истины и свободы не удастся никогда. Те, кто втайне питает эти чувства, вскоре начнут сближаться друг с другом, поверять друг другу свои

мысли; а так как эти дружеские беседы могут происходить только вдали от глаз власти, то они, вполне естественно, становятся зародышами тайных обществ, кои начинают развиваться в большей или меньшей степени, в зависимости от обстоятельств. Если существует потребность в обмене мыслями, в непринужденной беседе, люди, придерживающиеся сходных воззрений, начинают собираться вместе; а там, где эти собрания не могут быть открытыми, они неизбежно мало-помалу принимают форму тайных обществ. Говорят, что горе, разделенное с другим, ощущается менее остро; по тем же причинам, неотъемлемым от людской природы, человек, бессильный свидетель бед и страданий своих ближних, торжества произвола над правом, безнравственности над добродетелью, находит облегчение, видя, что его негодование разделяют другие, что они мыслят и чувствуют так же, как он. Оплакивая одни и те же бедствия, сообщая горю о них, люди неизбежно обретают надежду на лучшее будущее; они стремятся отстоять право, добиться победы справедливости, нравственности и, взаимно вдохновляясь этим святым общением, готовятся к жертвам, которые в конце концов начинают считать своим долгом.

Большая часть разоблаченных и, так сказать, известных тайных организаций, по-видимому, представляет собой лишь безобидные общества, рожденные скорее силой обстоятельств, чем волею их участников. Было бы ребячеством оспаривать право создавать подобные общества или участвовать в них; это значило бы оспаривать право мыслить, чувствовать и жить.

Перейдя от этих обществ, кои вполне можно назвать созерцательными или теоретическими, к обществам, образованным ради совершения определенных действий, стремящимися действовать во имя торжества своих принципов, и не только с помощью убеждения или пропаганды, но, в случае надобности, и путем насилия, мы переносим обсуждение вопроса на безграничное поле, исследование коего вряд ли принесло бы много практической пользы. Если, с одной стороны, нельзя отрицать, что угнетенные имеют право стремиться к освобождению от гнета, то, с другой стороны, нельзя не ограничивать это право. Человеческое общество не сможет существовать, если часть его членов будет постоянно восставать против установленного порядка. Трудность или, точнее, невозможность определить момент, когда восстание допустимо, заставила принять за правило, что оправданы могут быть лишь победоносные восстания. Но утверждать, что справедливы только революции, завершившиеся победой, значит противоречить логике и нравственности. Тот, кто считает успех необходимым условием всякого смелого предприятия, распаивает двери эгоизму, ибо люди по своей природе склонны предпочитать интересам человечества личную выгоду. Разве не ясно, что такое правило представляется существами добродетельными именно тех, кто ни разу ничем не пожертвовал во имя общественного блага? Однако сей способ решения вопроса, в сущности, не столь нелеп, как кажется на первый взгляд. Успех доказывает, по крайней мере, что массы желали переворота и были его достойны, ибо боролись и победили.

Но пока существуют тайные общества и восстания, оправданы или, точнее, прославлены будут лишь те восстания, которые увенчаются успехом; побежденные всегда будут осуждены. И все же мне кажется нелишним, а может быть, даже и полезным не останавливаться при обсуждении этого вопроса на полдороге, а постараться выяснить, что заслуживает похвалы при неудачной попытке мятежа, даже когда толпа эту попытку осуждает.

Особенно надо бы исследовать, в какой мере искренние убеждения, беспредельное желание добра своим ближним, образцовая преданность интересам угнетенных сословий могут уменьшить вину каждого участника неудавшегося предприятия*.

С другой стороны, было бы справедливо и нравственно рассмотреть мотивы действий и средства, употребленные в предприятии, увенчавшемся блестящим успехом. Победа может заслонить цель и средства, но никогда не сможет возвысить их, если сами эти цели и средства не являются безупречными.

Как это ни маловероятно, но, возможно, удастся примирить нравственность с потребностями общества; для этого мы прежде всего обстоятельно рассмотрим побудительные причины действия, а затем его возможный — в случае успеха — результат.

Для этого прежде всего следует оценить характер или нравственность человека, совершающего данное дело, а затем его общественное положение. Если он честен и добродетелен, то нельзя заподозрить, что за его решимостью кроются неблагоприятные мотивы; нравственность не позволила бы ему стремиться к торжеству своих идей за счет благополучия ближних. Положение человека в обществе — еще более верный критерий, позволяющий правильно судить о причинах его действий. Если этот человек в избытке обеспечен средствами и может наслаждаться материальными благами жизни, тогда есть основания полагать, что побудительные причины его действий проистекают не из личных или эгоистических интересов, а скорее из любви к добру и истине. Ядалек от мысли, что лишь выгодное общественное положение позволяет судить о нравственности человека! Добродетель — привилегия всех благородных душ; благосклонность судьбы, быть может, больше портит людей, нежели ее немилость. В общественном положении я вижу просто *критерий* для суждения о мотивах действий: если по своему положению человек находится на виду, представляется возможность составить о нем суждение.

Наверняка скажут, что люди честные и высоконравственные, но обуреваемые честолюбием, могут совершать поступки, мало согласующиеся с нравственностью. Подобное возражение, на мой взгляд, несущественно. Вопрос о честолюбии решается просто — рассмотрением цели совершаемого действия. Если цель теснейшим образом связана с интересами масс, если она согласуется с общим благом, если, достигнув ее, организатор настоящего предприятия разделит выгоды с большим числом своих ближних, то обвинение в безнравственности и эгоизме отпадет, равно как и прочие подозрения. Когда происходит восстание во имя свободы и равенства, очевидно, что вдохновители его предполагали установить всеобщее равенство и, следовательно, руководствовались общественным, а не личным интересом.

Но могут сказать, что человек, уверенный в своих талантах или выдающихся качествах, желает подняться выше, начинает подавлять себе подобных и, таким образом, вступает на стезю честолюбия, ведущую, как и другие пути, к личной выгоде. На это я отвечу, что существуют обоснованные честолюбивые замыслы, открытое осуществление кото-

* Тем, кто думает, будто я защищаю здесь себя, напомню, что я никогда не участвовал ни в неудавшемся, ни в победоносном восстании, но, наоборот, пострадал от подобного предприятия, затеянного без моего ведома.

рых на виду у всей страны сильно способствует общественному благу и, следовательно, не порочит тех, кто эти замыслы питает.

Если вы сторонник отсутствия личного интереса и любых подозрительных или не согласующихся с нравственностью побуждений, тогда сидите и смотрите, как сила одерживает победу над правом; почитайте несчастную добродетель, но не отягощайте вашей жалостью жертв: они наверняка обрадуются, узнав о вашей к ним симпатии; в случае же нужды они приспособятся и к вашей ненависти... Нам неведомо, какое утешение находит в глубинах сердца человек, сознающий, что он исполнил свой суровый долг. Он знает, что над людским правосудием, призванным поддерживать сложившийся — хороший или дурной — порядок вещей, стоит правосудие Небес, действие которого ощущает на себе человеческая совесть; именно небесное правосудие взвешивает наши побуждения, намерения и, наконец, жертвы. Именно это правосудие, его законы не должны попирашь те, кто намерен заменить одно общественное устройство другим. Можно успешно нарушать законы полицейские и уголовного кодекса и в то же время соблюдать законы нравственности; можно быть осужденным по законам, установленным обществом, и быть оправданным — нет, что я говорю? — вознагражденным божественной справедливостью. Это главное для души человека, посвятившего себя делу. В его интересах соразмерять свои силы и средства; для отрицания существующих законов, установленной власти ему необходимы силы, достаточные для их подавления и замены другими законами, которые оправдают и увековечат его деяния. В этом, собственно, и заключается истинное значение постулата, осуждающего провалившиеся замыслы и оправдывающего успешные.

Возможно, наши предположения и изыскания тщетны и бесплодны. Разве можно исследовать человеческое сердце? Людей чаще, чем нам кажется, влечет некая внутренняя сила, в которой они даже не пытаются отдавать себе отчет; сила эта таинственна, но могуча и неукротима и, на наш взгляд, заключается в чувстве истины и справедливости, вложенном в сознание человека его бессмертным Создателем. Кажется, всем известно, что даже высоконравственный и самоотверженный человек может стать жертвой заблуждения; умы, враждебные попыткам улучшить участь рода человеческого, не имея иного способа нанести ущерб добродетели и верности, не упускают случая лицемерно сослаться на эту банальную истину, на обвинения в ошибках, мечтательстве, восторженности и фанатизме. Когда речь идет о фанатизме, точнее, об энтузиазме, мы ступаем на почву вдохновения, не имеющую ничего общего с рассудком; когда мы действуем, повинувшись порыву и воодушевлению, мы даем отчет только Богу и собственной совести. Что же до заблуждения и неведения, то существуют обстоятельства, где ни первому, ни второму места быть не может. Можно ли простить заблуждение или неведение, когда речь идет о таких простых и ясных вопросах, как гражданское или естественное право, которые столько раз побуждали людей к восстаниям и переворотам? Как можно заблуждаться, когда уже есть примеры уничтожения рабства? Что нужно знать и чем можно пренебречь, решая подобный вопрос? Любой человек в глубине души своей знает, что рабство — ужаснейшее из зол. Там, где есть рабы, право на восстание никогда не подвергается, не подвергалось и не может подвергаться сомнению. Именно в этом случае можно с уверенностью, не впадая в преувеличение, сказать, что восстание не только право, но и священный долг.

Написав выше, что восстание не входило в мои планы, я сделал это не для того, чтобы избежать упреков и моральной ответственности. Если бы восстание и впрямь было целью моих действий, я бы с гордостью в этом признался. Но интересы истины заставляют меня утверждать, что я всегда хотел добиться освобождения другими способами; более того, у меня были всевозможные доводы, подкрепляющие мое желание проводить его мирными средствами.

Как я уже сказал, неведение и заблуждение крайне редко выступают в качестве причин, побуждающих к действию; в пример я привел отмену рабства и полагаю, что то же самое можно сказать обо всех вопросах политического права, особенно когда речь заходит о правах, которые, согласно общественному договору, увековечены в конституциях, принятых народами через своих представителей или дарованных государями. Каждое из этих прав справедливо с точки зрения разума и правосудия, в совокупности они никакой угрозы не представляют, и трудно понять, почему от людей, стремящихся обрести эти права, в том числе и с помощью силы, требуют, чтобы они сначала поднялись на Бог весть какую ступеньку цивилизации.

И прежние, и новые публицисты в определенных случаях признавали законность восстаний. Один современный писатель, известный своей умеренностью, а именно сэр Дж. Макинтош, считает, что поднимать восстание можно не только против систематического угнетения, но и всякий раз, когда правители отказывают своим подданным в праве на достойное правительство. Он полагает, что реформаторский мятеж, целью коего является преобразование существующих порядков, хотя и более дерзок, чем мятеж оборонительный, но тем не менее вполне оправдан. Он добавляет, что в эпоху цивилизации род человеческий гораздо меньше пострадал от мятежного духа (*mutinous spirit*), нежели от терпения, с коим люди выносили дурное правление (*than from a patient endurance of a bad government*)²⁶.

Декларация независимости Соединенных Штатов (1776) начинается следующими словами:

«Истинно доказано, что люди рождаются, обладая определенными правами, коими наделил их Создатель, и никто не может лишить их этих прав. Они имеют право сами распоряжаться своими жизнью и свободой. Они имеют право, не нарушая законов, стремиться к счастью. Правительство создается для того, чтобы помогать людям осуществлять свои права. Если правительство не исполняет возложенную на него обязанность, такое правительство по справедливости следует свергнуть и создать новое, лучшее. К такой замене следует подойти со всей серьезностью. Чтобы решиться на нее, следует долго размышлять. Однако когда чаша терпения переполнена, когда другого средства исправления более не существует, тогда избавление от угнетения становится не только правом, но и обязанностью»²⁷.

²⁶ Было подсчитано, что со времен Августа произошло примерно 150 революций, сопровождавшихся дворцовыми переворотами или сменой династий. Из них только 11 были осуществлены самим народом; инициаторами 32 были папы и духовенство; 78 были совершены военными, главным образом гвардией; остальные явились результатом соперничества правящих семейств и предательства их близких.

II. Социальные вопросы

КАК МЫ УБЕДИЛИСЬ, обвинение в заблуждении или неведении отпадает, когда речь идет о решении большинства политических вопросов, влекущих за собой революции или попытки совершения революции; теперь поговорим об иных вопросах, именуемых нынче *социальными*. При их решении очень трудно добраться до истины; заблуждения и неведение предполагаются изначально; чистота побуждений, вдохновляющая на решение подобных вопросов, утрачивает свое значение. Бедствия и кары, обрушивающиеся на головы тех, кто безуспешно пытается провести социальные реформы, являются не только мстью подвергнувшейся нападению власти или, если угодно, правом власти на защиту, но и естественным следствием дерзких, плохо обоснованных и зачастую преступных теорий. Лучшим средством предупредить покушения на, так сказать, каркас общественного здания всегда и везде является поиск истины. Изучение политических наук, и прежде всего политической экономии, быстро выявляет основные потребности человека при любом общественном устройстве. Стоит только понять основные принципы формирования и распределения богатств, чтобы увидеть ничтожество утопий, кои сегодня проповедают и превозносят, рассуждая о так называемых социальных вопросах, об организации труда и т. д. Политическая экономия значительно лучше философии докажет полную бессодержательность иллюзий, угрожающих праву собственности. Насколько уменьшилось бы число мечтателей, а в особенности жертв, если бы научные истины могли, благодаря рвению просвещенных людей, распространиться в массах и стать уделом всех, если бы эти истины преподавались — а в этом нет ничего невозможного — вместе с начатками образования!

Невольно удивляешься, видя, какое направление приняли новые теории организации и устройства общества. В прошлом веке прогресс состоял в освобождении промышленности и торговли от пут, от препятствий, мешавших их свободному развитию. *Laissez faire et laissez passer* — таким было условие, формула прогресса. А в настоящее время требуют, чтобы в промышленности, торговле и даже в общественной жизни все было регламентировано властью. Проклинают конкуренцию, естественное следствие свободы; хотят, чтобы всем — людьми и вещами — руководила и повелевала власть, чтобы человеческое общество действовало как обширная мануфактура или республика доктора Франсия; некоторые в ослеплении и наивности доходят до того, что ставят себе в заслугу восстановление этого так называемого *принципа власти*. Я не стану рассматривать силу новых лекарств от социальных болезней, как не стану и отрицать благородных чувств тех, кто их предлагает; эти чувства — искреннее и бескорыстное стремление добиться благополучия масс, а также любовь к справедливости и горячее желание увидеть, как она воцарится среди людей. Однако мне все же хочется спросить этих реформаторов: неужели старое лекарство, а именно принцип прошлого века, принцип *laissez faire et laissez passer*, кануло в Лету и стало совершенно несостоятельным? Неужели потому, что некоторые писатели самовольно осудили этот великий принцип, нам всем следует осуждать его? А ведь принцип сей еще ни разу не был добросовестно воплощен в жизнь!

Любопытно, что новые экономические теории выдвигает народ, менее всего склонный к отвлеченным построениям, к экзальтированным мечтаниям, народ с самым *пало-*

жителям характером, чья привязанность к собственности, на которую нападают некоторые из новых теоретиков, пустила самые глубокие корни, ибо в этой стране несколько миллионов человек являются собственниками земли.

Вполне естественно, что те, кто живет под властью абсолютизма, всегда и везде требуют вмешательства правительства. Лишенные возможности действовать самостоятельно, эти люди не доверяют собственным силам, ждут толчка свыше. Надо видеть, до какого абсурда доходит в таких странах привычка по любому поводу обращаться к власти. Правительство должно удовлетворять все претензии, все предвидеть, все исправлять. Если вздорожали предметы первой необходимости, причину тотчас усматривают в нерадении правительства. Если население напугано пожарами, значит, правительство виновато в том, что не сумело их предупредить. Каждый критикует правительство, жалуется на него. Поэтому, что бы ни говорили записные льстецы, неограниченная и бесконтрольная власть пользуется наименьшим доверием у подданных.

Но когда в стране, где верховной властью обладает народ в лице своих представителей, где он участвует в составлении законов, где печать свободна, а деятельность каждого ограничена лишь законом, — так вот, когда в такой стране начинают искать спасения в централизованной власти, невзирая на ее природу и наделяя ее чудовищными полномочиями, это совершенно непонятно и может быть объяснено только недостатком привычки к свободным учреждениям. При конституционном строе всякая реформа, чтобы не быть абсурдной, должна иметь целью прежде всего совершенствование основного принципа, на котором покоится существующий порядок вещей. Если этим принципом, как это обычно бывает, является народное представительство, тогда реформы должны быть направлены прежде всего на расширение избирательных прав. Пока этот принцип не достиг пределов возможного, напрасно искать где-то еще действенные лекарства против болезни, поразившей общество. Совершенствуя представительство, делая его более действительным и всеобщим, законодательство, в свою очередь, усовершенствуется и будет лучше соответствовать нуждам и интересам большинства. Но что же делают вместо этого? Предлагают уполномочить центральную власть действовать исподтишка, ниспровергнуть существующий порядок и основать нечто искусственное и запутанное; а для руководства новым строем снова обращаются к правительству. Что можно сделать в стране, где всегда царила ничем не ограниченная и бесконтрольная власть центрального правительства? Действительно, идея *организации труда* могла возникнуть лишь в уме, охваченном восторгом перед правительственными чудесами Поднебесной империи*.

Без сомнения, бывают обстоятельства, когда в интересах дела приходится отдавать предпочтение централизованному правлению в ущерб свободной деятельности отдельных лиц, но это доказывает лишь, что разумно устроенная и располагающая большими средствами власть может в некоторых случаях действовать успешнее, чем отдельные лица, коим неминуемо приходится черпать силу и средства в единстве. И надо прибавить, что народы, издавна привыкшие действовать не под давлением власти, а самостоятельно, порой, благодаря своей энергии и силе, достигают результатов, выдерживающих сравнение с самыми значительными деяниями правительства.

* См. ниже изложение системы Фихте.

Однако в последнее время как будто бы вновь ожило слепое стремление к централизации власти; и старая Англия, единственная страна Европы, где человек и гражданин сохраняет эти звания, не прибавляя к ним наименования *подданного*, единственная страна, где можно жить, и уезжать, и возвращаться, не натываясь на каждом шагу на признаки существования *власти*, даже Англия обнаруживает признаки нездорового желания быть управляемой в большей степени, чем было прежде. Там учредили новую полицию, и это было полезно; но помимо сего нововведения предполагается также во всем подражать так называемым правильно организованным правительствам континента: то есть англичане пожелали централизации власти. На родине Бентама дошли до того, что захотели иметь жандармов, блюстителей того общественного порядка, который процветает во всех прочих государствах Европы*.

Нелепое желание все подчинить воле правительства вполне может привести к тому, что англичане станут завидовать прусским порядкам; в Пруссии, этой классической стране регламентации всего и вся, в числе прочих благодетелей власть утверждает даже цены на кушанья в трактирах.

III. Обзор предложенной профессором Фихте системы организации труда

НЕМЕЦКИЙ ПРОФЕССОР ФИХТЕ тоже мечтал создать систему организации труда; в перечне различных утопий, рождаемых время от времени писателями разных стран, напрасно пропускают утопию, изложенную сим знаменитым философом в труде под названием «Замкнутое торговое государство» (*der geschlossene Handelsstaat*)²⁹. Причисляя, как и прежде, подобные теории к области фантазии, не следует относиться к ним с предубеждением и считать их исключительно бесплодными мечтаниями; их творцам неизбежно приходится заниматься исследованием разных практических вопросов; Фихте, например, разъясняет многие предметы, имеющие большое значение в политической экономии. Так, в названном сочинении немецкого философа есть интересный, а временами даже глубокий обзор теории денег и ценностей вообще. Желательно, чтобы подлинные философы спускались иногда со своих заоблачных высот, куда лишь немногие могут за ними последовать, и излагали свой запас мыслей и соображений по тем научным вопросам, которые больше всяких других могут способствовать счастью человеческого рода; словом, надо, чтобы философы иногда обращались к низменным предметам — хотя бы мимоходом. Должен сказать, однако, что сей труд Фихте кажется мне не стоящим той высокой репутации, которую автор ее снискал как философ.

* Через два года после того, как были написаны эти строки, английское правительство потребовало и получило от парламента разрешение завербовать десять тысяч отставных солдат, получающих пенсию из государственной казны (так называемые пенсионеры Челси). Эта новая вооруженная сила предназначена для поддержания порядка внутри страны.

Решив на новых основаниях устроить трудовой процесс, Фихте начал с организации работников. Он делит их на три класса: производителей, промышленников, или ремесленников, и торговцев.

Число лиц, входящих в состав каждого из этих классов, должно быть определено правительством.

Производителем должно принадлежать исключительное право обрабатывать землю. Переработкой продуктов земледелия для различных целей могут заниматься только промышленники. Те и другие должны доставлять для общего потребления нужное количество продуктов. Обмен продуктов обязателен. Торговцам отводится роль посредников между двумя предыдущими классами. Каждый из трех классов и каждое из их подразделений должны заниматься исключительно тем, что им назначено, и воздерживаться от любой деятельности, предписанной другому классу или подразделению.

Земледелец и промышленник не могут непосредственно обмениваться продуктами; ремесленник может продавать их только торговцу и покупать только у него, причем последний будет обязан продавать и покупать всякий раз, как это потребует. Торговцы, в свою очередь, получают право требовать, чтобы им продавали то, что они в свою очередь будут обязаны продать тем, кто в этом нуждается.

Число ремесленников устанавливается в зависимости от числа земледельцев, плодородия почвы и состояния земледелия. Оно не увеличивается до тех пор, пока все эти условия остаются неизменными. То же самое должно происходить в каждой из второстепенных отраслей промышленности. Если равновесие между продуктами земледелия и их переработкой нарушится, то государство должно будет сразу уменьшить число работников там, где окажется излишек, и употребить его в той отрасли, где будет ощущаться недостаток.

Все должны иметь пищу и кров; только потом будет дано позволение украшать свои жилища; все должны быть прилично одеты, и лишь после этого желающим будет дозволено заводить роскошные одежды. Несправедливо, когда кто-то может оплачивать то, без чего он может обойтись, а другой не может получить необходимое. Деньги, которыми расплачивается покупающий лишнее, согласно естественному праву и требованиям разума, ему не принадлежат.

Чтобы завести такой порядок вещей, надо строго запретить торговлю с иностранцами. Если стране и придется вести внешнюю торговлю, чтобы доставить себе некоторые предметы, то лишь сначала, и право на эту торговлю надо закрепить исключительно за правительством — подобно тому как в настоящее время только правительство имеет право объявлять войны, заключать союзы и договоры.

Национальное богатство потребно для того, чтобы люди могли доставлять себе максимум удовольствий с наименьшими затратами труда. Для этого необходимо, чтобы минимальная сила давала те же результаты, что и сила максимальная. Подобная задача может быть решена только с помощью разделения труда.

Тот, кто имеет право достичь цели, может использовать только одно средство, ведущее к этой цели. Каждый народ имеет право желать увеличения своего благосостояния, рост коего может произойти лишь в результате разделения труда. Итак, народ имеет право требовать разделения труда, а правительство — организовать это разделение.

Цель деятельности человека состоит в том, чтобы обеспечить себе возможность существования; всякий, кто получил жизнь, имеет право ее сохранить. Мало того, он имеет право жить радуясь. Возможность жить в достатке должна зависеть от самого человека, а не от кого-то другого. Цель общества — обеспечить каждому его долю радостей жизни.

Человек не должен работать как вьючное животное, которое, утомленное тяжким рабочим днем, вечером погружается в дремоту, а утром с освеженными силами пробуждается, чтобы снова взвалить на себя прежний груз. Человек должен работать спокойно, с удовольствием, с перерывами на отдых; у него должно быть время поднять глаза и обратиться дух к небесам, размышляя над тем, ради чего он был создан. Его пища и жилище должны так же отличаться от корма и стойла животного, как его тело отличается от тела последнего. Это его право, и только оно делает его человеком.

Все принципы автора основаны на созданной им теории собственности.

Вместо того, чтобы сводить понятие собственности к исключительному обладанию чем-нибудь, он видит суть его в исключительном праве на свободную деятельность. Деятельность эту можно определить только предметом, на который она направлена, — например, правом располагать по своему усмотрению известным количеством земли и препятствовать остальным людям на нее ступить; эта деятельность может определяться сама собою — как исключительное право заниматься тем или иным искусством или ремеслом, что запрещено другим членам общества. Значит, существует собственность без обладания какой-либо вещью. Свободная деятельность может, наконец, определяться и предметом, на который она направлена, и сама собою: таково, например, право растить на определенном участке земли пшеницу; оно не исключает права другого лица после жатвы пасти на том же участке скот или же права извлекать из недр земли металлы. Итак, согласно этой теории, нет собственности на землю: есть лишь право эксплуатировать те или иные участки ее поверхности. Более того, собственности на самую землю в действительности вообще не существует, а то, что именуется этим словом, является лишь правом на ее эксплуатацию или на определенные видоизменения. Земля принадлежит Богу; человек может обладать лишь правом обрабатывать ее и пользоваться ею на известных условиях.

Государство должно гарантировать людям, не владеющим землей, что их отрасль промышленности обеспечит им средства к существованию и сделает их положение сносным. Право плодотворно и с пользой для себя работать в своей области и является их собственностью. Утверждение, что все приходит в равновесие, что каждый в конце концов находит труд и хлеб, резко противоречит идее правильного и разумного порядка вещей. Подобное рассуждение можно применить, пожалуй, только к птицам, которым почти всегда хватает зерна, пока они не попадутся в сети. Если в государстве много людей, отданных на волю случая, и оно ничего не делает для них, то они, лишенные, таким образом, всяких гарантий и побуждаемые нуждой, обманывают, воруют и грабят тех, которые в свою очередь грабят их, когда превосходят их силой. Безопасность и гарантии для промышленников зависят от ограничения их числа, от возможности приобретать необходимое по сходной цене и, наконец, от запрещения иностранной конкуренции.

Нельзя допускать анархии ни в торговле, ни в политике.

Государство должно быть замкнутым; оно не должно позволять иностранцам вмешиваться ни в свои торговые операции, ни в законодательство.

Согласно теориям Фихте, нынешняя торговля является средством, с помощью которого люди взаимно вредят себе и разоряют друг друга. Нажиться по мере возможности за счет других, заключить сделку, преуменив выгоду партнера — таково желание и намерение каждого торговца. Если торговцы не будут иметь помех в лице закона, то каждый из них заставит работать на себя как можно большее число людей, а сам станет тратить на благо других как можно меньше собственных сил.

Война всех против всех, война продающих с покупающими — вот результат подобных взаимоотношений. Война эта становится тем ожесточеннее и опаснее, чем быстрее растет население, чем больше совершенствуется производство и обработка сырья, чем больше становится товаров, возрастает спрос на них потребителей. Покупатель требует свободы торговли, но вовсе не в интересах продавца: он добивается, чтобы загромождающие рынки товары не нашли бы сбыта и продавцы были бы вынуждены продавать их ниже стоимости. Покупатель хочет безграничной конкуренции фабрикантов и торговцев, дающей ему возможность, пользуясь избытком товаров, получать их за желаемую им цену. Если ему удастся достичь этого, то страдают и беднеют производитель и работник, трудящиеся семьи гибнут от нищеты или покидают родную страну, переселяясь в другие края, где нужен их труд.

Став жертвой подобной политики, продавец, желая поправить свое положение, прибегает к различным мошенническим способам, скупая товары и искусственно вздувая цены на них. Иногда он портит качество товара, дабы он соответствовал той цене, которую можно за него получить. Тогда бывает обманут покупатель. Такая борьба противоположных интересов ведет к нравственной анархии. Нынче люди достигают успеха не с помощью добросовестности и благоговейного соблюдения установленных правил; они все чаще прибегают к уловкам или надеются на случайную удачу. Промышленность и торговля становятся родом азартной игры; спокойное обладание ценится менее, нежели успех, достигнутый хитростью. Человек, трудясь, не уверен, что проживет плодами своего труда и сохранит доставленное им положение, но на это громче всего жалуются именно те, кто постоянно требует свободы торговли и промышленности, равно как и отмены любого надзора и любой полиции.

Государству, желающему запретить иностранным торговцам пересекать свои границы, надо с самого начала замкнуться в своих естественных пределах, отодвигая или приближая границы своих владений. Под *естественными пределами* подразумеваются не те границы, которых требует военная оборона государства, а те, в которых оно способно удовлетворять свои потребности, производя все необходимое для поддержания своего существования и промышленности.

Устроенное таким образом государство никогда не станет притязать на приращение территорий, ибо вся его организация соответствует ровно тому пространству, кое оно занимает.

Одним из самых действенных средств закрыть границы является изъятие из обращения золотой, серебряной и медной монеты, употребляемой у других народов, или же обмен ее на особый вид монеты, имеющей обращение только в той стране, где она чеканится. Монета должна быть сделана из неизвестного доселе материала, а если этот материал еще не открыт, его надо изобрести и не применять для других целей. Трудности, связанные с открытием такого монетного материала (*Geldstoff*), автора не пугают. Он только пишет, что состав материала должен быть государственной тайной и его могут знать только члены королевского семейства (если в этом государстве существует монархия)!

Цена всякого товара должна быть установлена одновременно с выпуском новой монеты и поступлением ее в обращение.

В момент реформы правительство должно обладать монополией на внешнюю торговлю. Если эта торговля продолжает существовать, то, как сказано выше, она должна быть подчинена власти. Иностранный купец может, как и прежде, поручить своему контрагенту выслать ему тот или иной товар, но со своей просьбой он обязан обратиться к правительству, приложив необходимую для оплаты товара сумму серебром или золотом. Требование сообщается контрагенту, который, доставив товар на границу государства, получит за него плату деньгами своей страны. Мало-помалу торговля с иноземцами захиреет и совсем прекратится.

В государстве, управляемом по такой системе, то, в чем нуждается один гражданин, неизбежно находится во владении другого, который может без этого обойтись; излишек одного восполнит нужду другого: последний сможет приобрести необходимое, а первый — избавиться от лишнего.

Монета, добытая человеком, становится для него или для его наследников, эквивалентом какого-либо нужного ему предмета, например известного количества хлеба или же куска материи определенной длины.

Ценность монеты может подниматься, но никогда не опускается.

Для сохранения своего положения каждому достаточно продолжать тот труд, с помощью которого он его достиг. Так никто не сможет обеднеть.

Поскольку некого будет обманывать, не будет искушения стать обманщиком.

Законность и нравственность человеческих действий при подобной организации общества будут, несомненно, гарантированы.

Исключение может быть сделано только для внешней торговли; ее будут допускать в случаях, когда производство нужного в стране чужеземного предмета окажется сложным, чрезмерно дорогим или же вовсе невозможным, — например, производство вина на севере. Тогда будут заключать бессрочный контракт с винодельческой страной, которая обязается доставлять вино в обмен на определенное количество хлеба или других продуктов.

Тем, кто едет за границу путешествовать или с намерением там остаться, правительство будет давать обычные деньги в обмен на монету или товары замкнутого государства. Впрочем, путешествия будут разрешены только ученым или художникам, занимающимся высокими видами искусства; любопытным и людям, ищущим развлечений, должно быть запрещено праздно шататься по свету.

Утверждают, говорит автор в заключение, что развитие торговли, путешествий, сношений между народами способствует их цивилизации. Это было бы верно, если бы цивилизация какой-то нации опередила все другие и могла бы стать цивилизацией всего человеческого рода; но, желая быть всем, быть везде у себя дома, мы не значим ничего и везде остаемся чужими.

Различие положения и национальности сглаживается лишь тем, что принадлежит человеку как таковому, а не как гражданину того или иного государства, — наукой. Только она сможет объединить людей, когда во всем остальном они по-прежнему будут делиться на разные народы; лишь она всегда будет общим благом, даже когда они поделят между

собой все остальное. Ни одно замкнутое государство не разрушит этого единства — наоборот, оно будет способствовать ему с помощью своих академий, распространяя у себя сокровища иностранной литературы и в обмен отдавая свое литературное достояние.

Когда везде примут эту систему и на нерушимых основаниях установится вечный мир, государствам незачем будет таить свои открытия: ведь выгоду из них станут извлекать лишь для благополучия, а не во вред другим и не для каких-либо преимуществ. Тогда никто не будет препятствовать свободному общению ученых и художников всех стран. В газетах не будет рассказов о войнах и битвах, союзах и мирных договорах — все эти сообщения исчезнут. Там станут печататься лишь новости о научном прогрессе, изобретениях, об усовершенствовании законодательства, и каждое государство поторопится применить у себя все полезное, открытое в других странах.

Если человеческие сообщества, не исключая самых развитых, еще очень далеки от совершенства и благополучия, какого, по нашему убеждению, они непременно когда-нибудь достигнут; если они, так сказать, только вступают на путь развития, по которому человечеству суждено следовать до конца, — словом, если предстоит сделать еще очень много, дабы род людской повсюду представлял приятное, разумное и соответствующее высокому достоинству человека зрелище, то пути к этой цели, предначертанной Провидением, и средства ее достижения надо искать в совершенствовании личности, в развитии разума, свободы, свободной деятельности, а не в бесплодных мудрствованиях, стремящихся загнать людей в рамки единообразия и неизменности, приносящих человека в жертву обществу, подчиняющих части целому, убивающих интересы частных лиц ради интересов коллектива, который тем не менее являет собой собрание индивидов. Все эти теории, в конце концов, перечеркивают отдельных людей, то есть действительность, и не видят ничего, кроме абстракции, именуемой обществом.

Так разве не ясно, что все эти узкие теории смотрят на людей как на дешевый материал, месиво, из которого будут сделаны кирпичики так называемого правильно организованного общества? Если эти теории и могут исцелить некоторые болезни современного общества и даже подтолкнуть его вперед, они тем не менее не в силах обеспечить людям благоденствия великого прогресса, того бесконечного прогресса, который наши сердца и умы считают возможным и неизбежным!

Примечание F

Профессор Геде

ГЕДЕ, ЧЕЛОВЕК глубокого и утонченного ума, выдающийся ученый, умер молодым, не оставив никакого сочинения по уголовному праву, которое он читал на редкость талантливо.

Среди различных систем, определяющих цель наказания, он был сторонником той, что известна теперь под названием системы нравственного принципа. В согласии с Лейб-

нищем* и Кантом, провозвестниками разума и здравого смысла, он опирался на принцип, гласящий, что цель возмездия или искупления содеянного преступником зла должна состоять в восстановлении нарушенного общественного порядка. Сейчас эта система, судя по всему, в той или иной степени разделяется всеми выдающимися криминалистами Германии и Франции**.

Если, определяя кару и применяя ее, власть ставит целью только восстановление порядка, исчезает риск ошибиться в точности или мере наказания, коему должен подвергнуться виновный. Когда же она задается целью обратить, нравственно улучшить преступника или же утратить общество примером возмездия, бывает иначе. Тогда смещается сам объект возмездия: то пускают из виду самого виновного, взвешивая только воздействие наказания на других людей; то пренебрегают оценкой преступного деяния, влекущего за собой кару, и обращают внимание лишь на средства исправления преступника. Но разве можно быть при этом уверенным в правильном воздействии наказания на массы или в успехе мер, направленных на обращение преступника? А если нет такой уверенности, то действия законодателя и судьи напоминают движения слепых, ошупью отыскивающих дорогу и не знающих, придут ли они когда-нибудь к цели. Одним из существенных условий наказания является его неотвратимость для преступника; а это условие не вытекает ни из одной из вышеуказанных теорий. Теория нравственного принципа, или искупления, оценивает преступление по тяжести ущерба, причиненного обществу, и видит в наказании логическое и неизбежное следствие противозаконного деяния. Назидание, устрашение, исправление, если угодно, являются лишь производными результатами, но они не связаны неразрывно с правосудием.

Никто не придает должного значения тому огромному злу, тем вопиющим несправедливостям, которые причиняются стараниями законодателей и судей устрашать преступников примерами или же исправлять и обращать их при помощи возмездия. Теория, известная под названием теории превентивных мер, то есть средств, могущих предотвратить преступления при помощи наказаний, неизбежно приводит к другим теориям, столь же абсурдным и не менее опасным.

Геде не подвергал рассмотрению утилитарную теорию Бентама, ибо, как ни странно, Бентам, чей трактат о законодательстве, изданный Дюмоном, уже давно был переведен на русский язык³², был тогда почти неизвестен в Германии и в знаменитой библиотеке Геттингенского университета еще не имелось сочинений этого писателя. Впрочем, система английского юриста так же мало выдерживает критику, как и те, о которых мы говорили.

Лекции Геде произвели на меня сильное впечатление. Как будто пелена спала с моих глаз. Я вдруг понял, что в свете этой простой и разумной теории привычные принципы наказаний, преступлений и возмездия исчезают, подобно ненужным и вредным предрассудкам. Я хотел поделиться с читателями тем, какое воздействие оказали они на меня самого, — полагаю, что это лучшее средство если не доказать их справедливость, то по крайней мере убедить в ней.

* «Карающая справедливость всегда основывается на отношении сообразности, удовлетворяющем не только оскорбленных, но и благоразумных людей, усматривающих ее, точно так же как удовлетворяет развитых людей прекрасная музыка или хорошее архитектурное здание. И надо признать твердостью, когда мудрый законодатель, угрожая и, так сказать, обещая наказание, не оставляет ни одного действия безнаказанным, хотя бы наказание решительно никого не исправляло» («Теодицея», ч. 1, § 73). «Согласно принципу соответствия злой поступок должен повлечь за собой наказание» (там же, § 74)³⁰.

** Росси, т. III, с. 75³¹.

Примечание G

Князь Алексей Куракин

ДАБЫ СОЗДАТЬ представление об этом человеке, ограничусь несколькими фактами.

Некий сенатор (достопочтенный Лопухин, о котором я упоминал в связи с масонскими ложами эпохи Екатерины II), посланный в Крым для разбора дел, касавшихся преследуемой властями религиозной секты, справедливо и милостиво отнесся к несчастным ни в чем не повинным сектантам, после чего посчитал своим долгом произвести на месте некоторые преобразования, и в том числе тюрем, кои он нашел душными, нездоровыми и отвратительными. Когда князь Куракин, бывший тогда министром, стал возражать против этой последней реформы, сенатор, описав сии клоаки, продолжал настаивать на необходимости их оздоровления и превращения в обитаемые жилища. «Но тогда, — возразил князь, — что же это будут за тюрьмы?»

Тот же князь Куракин, будучи генерал-прокурором в царствование Павла I, защищал мнение, согласно которому привилегии дворянства не могут препятствовать наказанию дворян кнутом; таюже он утверждал, что дабы сделать применение этого наказания к дворянам законным, надо предварительно просто лишать их дворянского звания.

Когда Куракин был председателем в Департаменте гражданских и уголовных дел, я сделал как-то раз доклад о процессе нескольких цыган-фальшивомонетчиков. Это дело, как и все дела, где к ответственности привлекалось большое число лиц, не могло быть окончательно решено уголовным судом и перешло в Сенат, а затем в Совет. В Сенате мнения разделились. Одни стояли за осуждение, другие за оправдание. Я предложил департаменту утвердить мнение последних; члены без труда согласились, но председатель был неумолим. Напрасно я настаивал: он ни за что — несмотря на отсутствие улик — не хотел освободить несчастных цыган. «Я знаю этот край, — сказал он мне (то была одна южная губерния), — все цыгане занимаются там подделкой монет».

Si ce n'est toi, c'est donc ton frère³³°.

В другой раз, споря с ним о каком-то деле, я среди других доводов сослался на расхожее правило: «Что не запрещено законом, то разрешено». — *Ни в коем случае!* — возразил он мне. — *Как раз наоборот: что не написано в законе, то запрещено. Таково правило*. Я не мог удержаться от улыбки, услышав эту новую юридическую теорию, но продолжал отстаивать свое положение. Тогда он в свою очередь улыбнулся и, обращаясь к слушавшим нас, произнес, указывая на меня: «Полюбуйтесь на него: он прекрасно знает, что защищает дурное дело, сам над этим потешается, но все-таки стоит на своем». Что можно было на это ответить? Ничего. И тем не менее спустя несколько дней ответ был дан. Сперанский, оракул Совета, в общем собрании прибег к той же аксиоме, которую я столь тщетно отстаивал в споре с князем Куракиным. Последний не преминул пресерьезно напомнить, что уже обсуждал этот вопрос со мною. Сперанский и некоторые другие члены пожали плечами, но князь упорствовал в своем мнении.

° Если это сделал не ты, то, значит, твой брат (фр.).

Я привожу эти подробности, желая показать, что такое Россия, где среди влиятельных лиц в одних и тех же учреждениях встречаются и адмирал Мордвинов, и князь Куракин, то есть царит смесь света и мрака, европейской цивилизованности и азиатского варварства.

Примечание Н

Князь Салтыков

АЛЕКСАНДР САЛТЫКОВ, человек весьма знатного происхождения, отличавшийся образованностью и тонким умом, был сыном фельдмаршала Салтыкова. Последний являлся наставником императора Александра, и в 1813, 1814 и 1815 годах в отсутствие государя исполнял обязанности его наместника и в некотором роде регента. Семья князя Александра Салтыкова была осыпана милостями; видимо, в благодарность за это он решил послужить родине, используя полученные привилегии. При первой же представившейся возможности он хотел посвятить ей свои таланты и знания; но император, хотя он и хорошо знал этого замечательного человека, ибо они, в сущности, воспитывались вместе, не проявлял к нему того благоволения, без которого в России, даже при выдающихся способностях, нельзя оказывать услуги государству. Не хочу сказать, что князь Александр Салтыков был жертвой самодержавного произвола или что государь публично высказывал ему свое неодобрение. Нет. Но для публики достаточно было самого факта, что такой выдающийся человек, близко знакомый императору, не занимает соответствующего его чину и способностям положения; этого вполне хватило, чтобы его стали считать опальным; царедворцы же (а кто в России не царедворец?) стали в конце концов поговаривать, что, несмотря на весь свой ум, Салтыков, скорее всего, ни к чему не годен. Самое печальное, что эти разговоры о недостатке у князя государственного ума повлияли на самого Салтыкова: он сам начал верить, что, раз ему ничего не дают делать, то, вероятно, находят его и в самом деле ни к чему не пригодным. Не знаю, верно ли мое наблюдение, но мне всегда казалось, что из-за нарочитого забвения со стороны власти Салтыков, и прежде не отличавшийся дерзостью, стал застенчив до робости. Он лишь изредка брал слово, чтобы высказать мнение по государственным вопросам или защитить жертвы судебных приговоров. В выражении своего мнения он часто ограничивался едкими эпитаграммами или карикатурами, кои мастерски рисовал во время заседаний.

В мое время Салтыков был членом Департамента законов. Его образованность, познания в данной области и благородство характера позволяли ему руководить этим департаментом и успешно содействовать ходу общего законодательства — если бы дело было действительно поставлено на серьезную основу. Мне кажется, ему этого хотелось. Но вместо этого выдающегося человека председателем избрали чиновника, едва умевшего подписываться³⁴.

На мой взгляд, сей пример подтверждает характерную особенность самодержавной власти, а именно неблагосклонность к одаренным людям, особенно если древнее проис-

хождение соединяется у них с выдающимися способностями, и предпочтение, оказываемое разным ничтожествам и проходимцам. Самодержавные монархи, как это часто замечали, являются заклятыми врагами аристократии вообще и, следовательно, подлинных аристократов. Поэтому Павел I, говоря с одним иностранным послом о знатных вельможах своего двора, сказал: «Знайте, милостивый государь, что в России нет вельмож, кроме тех, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ними говорю»³⁵.

Примечание I

Сперанский

НЕЗАДОЛГО до начала войны 1812 года Россия была поражена деспотической выходкой, которых еще ни разу не бывало в царствование Александра. Был арестован и сослан государственный секретарь Сперанский.

Талантливый, чрезвычайно способный человек, обладавший, впрочем, слабым, гибким и мелочным характером, Сперанский, выйдя из низов, достиг первых должностей империи. Его происхождение, несомненно, весьма способствовало его падению: он был сыном сельского священника. Так называемое русское дворянство относится с некоторым презрением к духовенству, в особенности к тем, кто, выйдя из этого сословия, достиг высоких должностей; по-видимому, народ также разделяет это презрение.

Напрашивалась мысль, что внезапная ссылка Сперанского, мера непривычно суровая для царствования Александра, была вызвана какой-то весьма тяжелой виной, тем более, что вслед за этим был заключен в крепость начальник экспедиции депеш при Министерстве иностранных дел; а вскоре был смещен и заведующий делами заграничных миссий при министерстве³⁶. Пытаясь объяснить эти жестокие меры, публика предполагала какое-то государственное преступление. Но сия мысль была настолько нелепа, что никто не решался утверждать это всерьез. Только в Москве нашлось несколько старых глушцов, которые кричали об измене, не объясняя, в чем она состояла, да несколько лавочников в одном захолустном городе, куда был сослан другой человек, друг Сперанского, осыпали его ругательствами и называли изменником³⁷.

Впоследствии выяснилось, что опала Сперанского была следствием придворной интриги, затеянной его врагами. Трудные и тревожные обстоятельства, в которых находилась Россия накануне войны, обещавшей быть чрезвычайно тяжелой, позволили царедворцам вырвать у императора приказ, вовсе не согласный с обычными его распоряжениями. Главной движущей силой этой интриги был генерал Армфельд, швед, вынужденно покинувший родину и находившийся при российском дворе. Он велел одному из своих клеветников написать донос на Сперанского, где было бы доказано, что все мероприятия Сперанского, его законодательные проекты и реформы имели тайную цель — вызвать в России всеобщее недовольство против правительства, а затем революцию. Этот донос достаточно ясно показывает, с помощью каких обвинений интриганы хотели очернить

любимого министра в глазах императора³⁸. Александр, разумеется, должен был осознать всю нелепость подобного доноса, но не сумел этого сделать, — видимо, потому, что пре- бывал в полной растерянности и крайней озабоченности.

Впоследствии, после войны, император вернул Сперанскому свое расположение; но, так как правительства никогда не желают признавать свои ошибки, даже когда всем известно, что они неправы, император, не сказав ни доброго, ни худого слова о прошлом, назначил Сперанского губернатором. Конечно, это была почетная должность, но по установленной в России иерархии она была гораздо ниже той, которую Сперанский занимал прежде. Вскоре он был назначен генерал-губернатором Сибири: необходимо было сменить состав местной администрации. Спустя некоторое время Сперанский был призван в Петербург и назначен членом Государственного совета — пост, являвшийся венцом почестей для лиц, состоящих на государственной службе³⁹.

Если бы когда-нибудь историю России смогли написать беспристрастно, имя Сперанского стояло бы в ней на почетном месте. Потомство забудет его невысокие нравственные принципы или даже никогда о них не узнает, оно пройдет мимо тех его печатных трудов, которые не заслуживают внимания⁴⁰, но будет благодарно ему за его помыслы, устремленные к лучшему будущему родины, за его воззрения, выраженные в проекте переустройства империи. Этот проект, начертанный им, так сказать, на глазах императора и одобренный последним, является одним из многочисленных доказательств либеральных порывов Александра. Малодушие Сперанского никогда не позволило бы ему выражаться так смело, как в этой работе, если бы это не было ему официально разрешено.

Проект Сперанского мало известен в России. Я внимательно прочел его. В нем идет речь об учреждениях, которые могли бы привести Россию к правовому строю, к конституционной и представительной форме правления. Искренний слог проекта приятно удивляет любящего свою отчизну читателя. Вспоминая, что эта работа написана до 1812 года, нельзя не признать, что Сперанский был одним из самых передовых людей своего времени не только в России, но и во всей континентальной Европе³⁹.

Читая проект Сперанского, я искал прежде всего планов, касающихся главного для России вопроса, который следует ставить во главе всех реформ, а именно уничтожения рабства. Ничего определенного по этому поводу я не нашел. Совокупность начал, выраженных в проекте устройства империи, ясно показывала, что рабство не может иметь в ней места; однако, разбирая во всех подробностях другие вопросы гражданского и политического строя, Сперанский обходил этот пункт⁴⁰. Тем не менее он открыто нападал на некоторые связанные с рабством финансовые институты, например на подушную подать. В общем, хотя работа эта весьма поверхностна, ибо реформатор без должной серьезности приступает к обсуждению самых важных предметов, повторим, что при всех недочетах и пробелах труд сей увековечит имя своего автора.

В начале 1813 года Сперанский из Перми, куда он был выслан, послал императору Александру письмо, где пытался оправдаться от возведенных на него обвинений и клеветы

³⁸ Звание статского советника является в России только званием, не имеющим никакого значения; как и все звания, оно соответствует военному чину, а именно чину бригадира, уже не существующему в русской армии.

³⁹ Впрочем, надо сделать исключение для его главного труда — Свода законов, который он подготовил в нынешнее царствование.

и доказать свою полную невиновность и ревностное стремление служить престолу и отечеству. В этом письме он просит не возвращать ему прежних милостей, но даровать *свободу и забвение*, а также много говорит о недовольстве в стране, вызванном преобразованиями, кои он советовал провести. Не порицая этого недовольства, он тем не менее утверждал, что оно было следствием самого хода реформы, различные части которой, согласно желанию императора, доводились до всеобщего сведения и осуществлялись порознь. Публика, не посвященная в дальнейшие намерения правительства, сталкивалась лишь с теми мероприятиями, которые, будучи взяты по отдельности, не могли не дать богатой пищи для критики и не вызвать известного разочарования. Если бы реформа была проведена целиком, в том виде, в каком она была задумана императором, говорит Сперанский, то различные ее части были бы согласованы между собой, дополняли друг друга и явили бы собой стройное и понятное целое; тогда все могли бы оценить значение нововведений⁴¹.

Я не собираюсь оспаривать достоинство планов Сперанского; я убежден, что их осуществление, даже в том виде, в каком они изложены в проекте переустройства империи, было бы шагом вперед, а следовательно, благодеянием для всей страны. Но я не могу не сказать, что в этом сочинении (как, впрочем, и в других) Сперанский слишком держится за формы и недостаточно вникает в суть дела. Он видел царивший везде беспорядок и хаос. Он признавал нелепость основных государственных установлений и выросшего из них порядка вещей; и все эти болезни он хотел исцелить, создав более систематическое и гармоничное устройство различных государственных учреждений: законодательных, административных и судебных. Он реорганизовывал Сенат и министерства, определяя каждому из них ту сферу, которой оно должно было ограничиться; он регулировал порядок перехода дел из одной канцелярии в другую, от одной ветви власти к другой; он предписывал формы деловых бумаг; словом, он, по-видимому, верил во всемогущество указов, бумажных циркуляров и формы. Он сумел придать своим творениям некоторую систему, но был бессилен вдохнуть в них душу по той простой причине, что сам был ее лишен. Во всех попытках Сперанского, во всем, что его вдохновляло, нет ничего, что могло бы привлечь к себе народ, что обращалось бы к тем благородным и сильным чувствам человеческого сердца, которые одни лишь способны породить стремление к добру, прогрессу и совершенству.

Примечание К

Записка «Нечто о крепостном состоянии в России»⁴²

Я ТОЛЬКО ЧТО ПЕРЕЧИТАЛ эту записку — через 25 лет после того, как она была сочинена. Мне показалось, что она написана просто, умеренно, я бы даже сказал, добродушно; именно это, по моему мнению, должно было убедить того, кому я ее предназначал. Мне кажется, что, даже будучи законченным себялюбом, нельзя было остаться равно-

душным к этому бесхитроственному очерку состояния страны; указанные мною средства борьбы со злом уже должны были дать представление о том, сколь оно огромно, и побудить уважающую себя власть объять мыслью всю обширность задачи, решение коей было ее долгом.

Однако итог чтения этой записки свелся к минутному ребяческому восторгу и повторению многократно данных, но так и не выполненных обещаний! Мне следовало это увидеть и понять бесполезность попыток заинтересовать великим и святым делом бессердечных комедиантов. Но человек держится за свои мечты, и я продолжал надеяться на людей, чье равнодушие или бездарность уже были доказаны неоднократно. Сегодня, когда я навсегда вырван из той среды, где я не переставал изнушать себя бесплодными усилиями, когда я могу холодно судить и о других, и о самом себе, я хорошо вижу, что имел дело с евнухами, которые умеют только желать, но не способны ничего исполнить. Как знать? Быть может, когда возбуждение ума и сочувствие к моим мыслям остались в прошлом, они просто пожалели наивного, искреннего человека, поделившегося с ними горестями и надеждами; а быть может, искренность моя, наоборот, внушила им недоверие ко мне. Как бы то ни было, я упрякаю себя в том, что поверил людям без совести, без сердца, без воли, которые если вдруг и захотят чего-нибудь, то не имеют сил исполнить свое желание; особенно я ругаю себя за то, что разговаривал с ними столь доброжелательно! Какой обман! Есть обстоятельства, когда приходится раскаться в том, что некогда был предан тем, кто заслуживал только безразличия и презрения.

Считаю своим долгом поместить здесь сию записку.

Нечто о крепостном состоянии в России

Россия, как думают многие и как позволительно думать каждому, делает успехи в просвещении.

Но в чем состоит истинное гражданское просвещение?

Оно состоит в знании своих прав и своих обязанностей. Продолжение сего рассуждения покажет, до какой степени просвещения в сем смысле мы достигли.

Права разделяются на два главные рода: права политические и права человеческие.

Дворянство, купечество, мещанство и даже крестьяне свободные, т. е. казенные, пользуются в России правами человеческими; первые два класса даже отчасти и правами политическими.

Надобно ли желать распространения сих прав политических?

Дабы по совести разрешить вопрос сей, надобно вспомнить, что Россия с горестию взирает на несколько миллионов сынов своих, которые не имеют даже и прав человеческих. Всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся. В сем-то смысле власть самодержавная есть якорь спасения для Отечества нашего. От нее, и от нее одной, мы можем надеяться освобождения наших братий от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного. Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной.

Нынешнее правительство России ознаменовало себя в истории нашего Отечества тем, что оно более прежних помышляло об участи крестьян. Уничтожение обыкновения награждать государственных чиновников деревнями и крестьянами, дарование законного состояния крестьянам остзейских губерний пойдут наряду с славнейшими происшествиями в бытописаниях человечества. Оно освободило крестьян прибалтийских губерний.

Но будут ли сии происшествия единственным утешением душ, любящих добро и справедливость? Будут ли сии происшествия единственным возмездием за претерпенные и претерпеваемые бедствия целыми миллионами крепостных земледельцев?

Нет! Вера в благо Провидение, надежда на мудрое и народолюбивое правительство не позволяют нам сомневаться, что наступит час радости для России, когда сыны ее будут принадежать все ей одной, не один другому!

С скрепленным сердцем обратимся от этой приятной, но, может быть, далекой будущности к печальной действительности в настоящем.

Мы находим в России 12 миллионов крестьян, принадлежащих дворянам, разбогатевшим от продажи вина откупщикам и фабрикантам, которые, имея фабрики, владеют приписанными к оным крестьянами на праве помещицьем.

Крестьяне, принадлежащие бывшим откупщикам и вообще людям, в купеческом звании обогатившимся, не могут наслаждаться весьма хорошим положением по простой причине: владельцы их, привыкнув к большим барышам по прежнему их торгу, не могут довольствоваться умеренным доходом от недвижимой собственности, который никогда не может сравниться, при соблюдении справедливости, с доходом от торговли; но в сем случае бываю исключения. Некоторые из таковых помещиков, владея крестьянами, не забывают Бога и помышляют об их благосостоянии.

Крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам, почти все без исключения должны находиться в нищете и в несчастии.

Прежние, на ложных умствованиях основанные понятия о государственном хозяйстве извниают сей порядок вещей. Не только у нас, но и во всей Европе правительства жертвовали прежде всем для учреждения фабрик и мануфактур. Разлившийся свет наук политических убедил Европу, что богатства народные рождаются не от фабрик, а от свободы промышленности и торговли. Российское правительство лучше многих других постигло сию великую истину и приводит ее в действо; но следы ложной системы остались, и крестьяне продолжают *принужденно, без добровольной платы*, часто и совсем без платы, работать на фабриках, которые никому, кроме самих фабрикантов, никакой прибыли не приносят.

Крестьяне помещицы и вообще все крепостные разделяются на два различные класса: крестьяне *оброчные* и крестьяне *барщинные*.

Дабы справедливо судить о положении крестьян, надлежит всегда иметь в виду это различие.

К чести русских помещиков и к чести русского характера надлежит здесь принять в уважение, что большая часть крепостных крестьян находится на оброке. Обыкновенно полагают, что из 13 миллионов крепостного народа 8 миллионов находится на оброке и только 5 на пашне. Не нужно доказывать, что оброчные крестьяне пользуются лучшим состоянием, нежели пахотные. Редко случается, чтобы оброк был чрезмерно велик. Редко

мы также видим, чтобы помещики во взыскании оброка встречали недоимки, в особенности неоплатные недоимки.

Россия, как государство юное, в сравнении с пространством земли еще мало населенное, представляет обширные способы для промышленности простого народа. Ни в каком другом государстве, выключая Северную Америку, простая работа не доставляет такой прибыли, как у нас. Таким образом, с некоторым трудолюбием — а русский народ трудолюбив — оброчный крестьянин всегда может работою одного, двух или трех месяцев в году добыть довольно денег, чтобы заплатить оброк своему помещику. Остальное время он работает на себя.

Кроме сего, состояние оброчного крестьянина улучшается еще тем, что он в быту своем обыкновенно не чувствует над собой неограниченной власти господина. Оброчные деревни управляются старшинами, от самих крестьян избираемыми, крестьяне повинуются миру, а не прихотям помещика или управителя.

Дабы более убедиться в сей истине, взглянем на наше законодательство в сем отношении. Всякое законодательство есть свидетельство нужд и потребностей народа или государства.

В нашем законодательстве мы не найдем никаких постановлений в рассуждении оброка; но, напротив того, найдем постановления относительно работы крестьян на помещиков. Император Павел I, в душе которого таилось глубокое чувство справедливости, узаконил, что крестьяне обязаны работать на помещика не более трех дней в неделю.

Из сего явствует, что состояние оброчных крестьян было *сносно* и не требовало особых узаконений от правительства; между тем как состояние крестьян пахотных уже и прежде обращало на себя чадолубивое внимание государей.

Здесь, может быть, сделают возражение, что если законодательство свидетельствует нужды и потребности народа или государства, то вследствие сего и самое рабство нужно и полезно, существуя не вопреки законам.

На сие следует заметить, что никогда закон не водворял рабства в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны; что сначала они для порядка, который тогдашнее правительство не могло утвердить иными, более справедливыми средствами, что для сего порядка крестьяне были приписаны к земле, но еще не отданы чрез то в собственность помещиков, которым принадлежала одна только земля; что впоследствии сие *притисание к земле* мало-помалу, и совсем не по закону, а по праву сильного, обратилось в настоящее рабство. Если же сия часть истории нашего Отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только оттого, что историю пишут не крестьяне, а помещики.

Сказав с сердечным удовольствием несколько слов о состоянии крестьян оброчных, что можем мы сказать о положении крестьян пахотных? Там, если мы и не находим того, чего мы желаем и чего требует вечная справедливость и достоинство человека, то видим, по крайней мере, на самом деле, с одной стороны, умеренность, а с другой некоторое благосостояние и хотя бы тень бытия гражданского. Здесь рабство представляется нам во всем своем ужасе.

Известно, что не все помещики довольствуются тремя днями работы крестьян своих, вопреки существующему и ничем не отмененному закону. Известно, что многие помещики

сверх трех дней работы берут с крестьян другие подати натурой и деньгами. Известно, что некоторые заставляют крестьян своих работать не 3, а 4, 5 и даже 6 дней в неделю и в этом последнем случае дают крестьянам так называемую месячину, ибо без сего крестьяне, не имея своего хозяйства, не могли бы существовать, следовательно, и работать.

Но закон императора Павла I между тем существует. Но отчего сила сего закона остается для крестьян недействительною? Едва ли не от того же, отчего введение и укоренение рабства не обработано в нашей истории достаточным образом.

Конечно, случается, что и крестьяне пахотные наслаждаются некоторым благосостоянием: когда добрые помещики живут сами в деревне, с благоразумием и справедливостию распределяют работы крестьян, отделяя каждому для обрабатывания особые участки. В таком случае изменяется так называемая барщина, столь для крестьян отяготительная и при которой количество труда и работы столь мало соответствует количеству дохода, сим трудом и сею работою доставляемого. Случается также, что богатые помещики, имеющие ограниченное землепашество, требуют от крестьян своих вместо 3 дней 2 или даже 1 день работы в неделю. Но как первое, так и в особенности последнее весьма редко.

Если обратить внимание на уголовные процессы, производимые по делам, в коих помещик, забывая обязанности нравственные и гражданские, простирает власть свою до жестокости и тиранства в отношении к крестьянам, то тогда откроется, что все такие дела возникают в деревнях пахотных. Весьма малая часть сих дел доходит до сведения правительства. Большая часть преступлений сего рода покрывается на самом месте послаблением начальства. Кто бывал в губерниях, согласится, что в каждом уезде найдутся помещики, которых общее мнение осуждает за несправедливость и угнетение в отношении к крестьянам; между тем как поступки их никогда не обращали на себя справедливой строгости начальства. В одной губернии, как сказывают, некоторые помещики ежегодно на ярмарке продают девок приезжающим туда для постыдного торга азиатам, которые увозят сих жертв беззаконности далеко от мест их родины. Что же делает предводитель сей губернии? Он, как говорят, и, может быть, в то же самое время, продал всех танцовщиц своего театра другому помещику, который своими поступками и обращением с крестьянами более и более доказывает, что благородство души не всегда сопряжено с высоким званием и славным именем. В самом деле, начальству представляются почти непреодолимые препятствия в надзоре за дурными помещиками и в защите крестьян в сем случае.

Обыкновенно начальство думает, что оно не может приступить к пресечению зла, иначе как по просьбам самих крестьян. Сколько же угнетений, сколько несправедливостей нужно для того, чтобы подвигнуть наших крестьян к формальным жалобам на помещика? К тому же и жалобы сии возможны только здесь, в столице, где присутствие правительства подает крестьянам надежду на беспристрастную защиту. В губерниях сии жалобы почти невозможны.

Сверх сего, в случае сих жалоб начальство, при всем желании оградить крестьян от притеснения, всегда имеет в виду, что таковые жалобы, будучи принимаемы и удовлетворяемы, могут подать вредный повод к беспокойству крестьян. И таким образом мысль о *порядке* часто заглушает мысль о *справедливости*.

Говоря здесь о начальстве, мы разумеем начальство, от правительства определенное. На защиту предводителей дворянства крестьяне, особенно в губерниях, мало могут иметь

надежды. Предводитель избирается дворянами; дворянам не могут быть приятны жалобы на одного или нескольких членов их сословия; ложный *esprit de corps** скорее побудит их к несправедливости, нежели к обвинению их собрата.

Таким образом, зло остается безнаказанным, невинность страдает от беззащитности. Правительство не имеет возможности быть равно справедливым ко всем вообще подданным, и одна коренная несправедливость — существование рабства — влечет за собой множество несправедливостей, которых устранить невозможно, не устранив самой причины. Как в естественном, так и в нравственном мире одни и те же причины производят одни и те же следствия: от добра родится добро, от зла происходит зло.

К сему присовокупить следует, что если бы закон и определил в полной мере права и обязанности каждого состояния в государстве, то сего было бы недостаточно. Закон без исполнения есть мертвое слово; а дабы закон был исполнен, надлежит, чтобы каждый, видя право свое нарушенным, мог свободно приносить жалобу, просить и получать удовлетворение.

Защитники крепостного состояния говорят, что злоупотребление власти помещицей непозволительно и что правительство может таких помещиков укрощать, отдавать в опеку и тому подобное. Но где же справедливость, если человек, страдающий невинно, должен терпеливо ожидать, чтобы за него вступилось правительство? И какое правительство в мире может соблюсти правила точной справедливости там, где оно находит, с одной стороны, все права, а с другой — все обязанности? Одна только святая религия может утешить бедного крестьянина в его бедствиях. Единому и вездесущему Богу может он в тайне сердца приносить жалобы на несправедливость людей. Защита человеческая так, как и все человеческое, имеет свои пределы, и сии пределы не могут заключать в себе право таких людей, которые никаких прав не имеют.

Кроме крестьян существует у нас класс людей, который еще яснее носит на себе печать рабства, а именно *дворовые люди*. Здесь мы узнаем в полной мере все печальные последствия крепостного состояния: ложь, обман, к которым всегда прибегает слабый против сильного, и, наконец, величайшая испорченность нравов. Дворовые люди не рождаются дворовыми людьми, т. е. не рождаются дурными; они делаются таковыми по причине того положения, в котором они возрастают и стареются.

Сии, от домашнего рабства происходящие свойства дворовых людей делают, может быть, необходимым ограничиться при улучшении их состояния некоторыми вспомогательными средствами (*moyens palliatifs*), действительное же улучшение сего класса людей может только распространиться на будущее поколение. Трудно привыкнуть к мысли, чтобы будущее благо могло требовать бедствий в настоящем. Один всеведущий Бог знает, будут ли сии будущие поколения. Как же может человек для блага неизвестного будущего жертвовать настоящим? В таких случаях, где размышления рассудка не согласны с убеждением нашего сердца — ибо мы не можем убедить себя в том, чтобы были такие люди, которые не созрели еще для справедливости, — в таких случаях, не доверяя самим себе, мы предоставляем решение проблемы тем, кои могут смотреть на вещи с высшей точки зрения, нежели мы.

* Сословный дух (*фр.*).

С таковою же недоверчивостию к самим себе мы приступим теперь к означению некоторых способов, которые могут служить хотя к некоторому облегчению участи людей, в крепостном состоянии находящихся. Мы твердо уверены, что души возвышенные, не причастные эгоизму, не найдут в наших суждениях ничего, кроме стремления к добру и правде, хотя, впрочем, охотно соглашаемся в том, что большая опытность, большее знание людей вообще могут исправить и направить к цели более полезной собственное наше мнение.

Прежде всего следует здесь заметить, что в отношении собственно к России всякое начало (initiative) улучшения состояния крестьян должно исходить от правительства.

В остзейских губерниях сами помещики подали первый повод к улучшению участи своих крестьян. В некоторых польских губерниях, как слышно, сами же помещики изъявили желание дать своим крестьянам законное существование.

Сего собственно в России никогда или по крайней мере еще долго быть не может; не потому, чтобы русские помещики вообще питали в сердцах своих менее чувств справедливости, — ибо мы видим, что при равных правах помещиков во всех губерниях России крестьяне великороссийских губерний, к чести русского дворянства, наслаждаются лучшим состоянием, нежели крестьяне остзейские и польские; но по причинам совершенно посторонним.

Сих причин надлежит искать в различии образа жизни помещиков великороссийских, остзейских и польских.

Почти все помещики остзейских и польских губерний, особенно богатейшие, живут в своих деревнях, не имея обыкновения проводить всю жизнь в государственной службе или проживать в столицах. В губерниях великороссийских мы видим совершенно тому противное. Здесь большая часть помещиков, и особливо богатейших, не живет в деревнях своих. Многие даже никогда в них не бывали. Одним из доказательств сему служит то, что, как выше замечено, оброчных крестьян более, нежели пахотных; между тем, как известно, что в оброчных деревнях обыкновенно не живут сами помещики. Другое доказательство можно видеть в выборах дворянских, сравнив выбираемых дворян для различных должностей в наших губерниях с теми, которые выбираются для сих должностей в польских и особенно в остзейских губерниях.

Из сего явствует, что лучшая часть русского дворянства, говоря вообще, не та, которая живет в деревнях своих, хотя, впрочем, между сими последними находятся люди, всякого уважения заслуживающие.

После этого каким же образом можно ожидать от дворянства начала предложений (initiative) об улучшении состояния крестьян, когда большая и, говоря вообще и без обиды для всех, лучшая часть сего дворянства не живет со своими крестьянами, не может знать их потребности, не знает даже в точности действительного их положения и еще менее средств к улучшению оного?

Можно, не ошибаясь, сказать, что многие из помещиков русских не только что не боятся мысли о свободе крестьян своих, но, напротив того, приступили бы к святому делу охотно, если бы имели к тому повод и возможность. В сем даже сомневаться нельзя без обиды для дворянского сословия. Да и можно ли с основательностью предполагать, чтобы люди, жертвуя собою Отечеству на поприще гражданском и военном, оказались не верными тому же самому Отечеству, когда бы оно, в лице высокого своего представителя,

с доверенностию предложило им воздвигнуть к новой жизни их падших собратий, а его сынов, сынов той же великой и вечной России? Итак, согласимся в том, что одно только Правительство может приступить к улучшению жребия крестьян. Люди благомыслящие и знающие всю прелесть чувства *исполнения обязанности* могут и должны в сем случае содействовать благим намерениям правительства и требованиям Отечества.

Не зная и не смея угадывать намерения правительства насчет общего освобождения крестьян, можно, однакоже, быть уверена, что оно будет предпринимать все возможные по обстоятельствам меры к достижению сей благотворной цели. Дух справедливости, ознаменовавший наше правительство в глазах целой Европы, позволяет ожидать, что еще в настоящее царствование, столь славные многими победами, совершится славнейшая победа справедливости над несправедливостью, просвещения над варварством, света над тьмою.

Таким образом, позволительно нам, частным людям, помышлять о благе наших соотечественников и об отстранении самых печальных и вопиющих на небо злоупотреблений, предоставляя правительству избирать лучшие и успешнейшие к тому средства.

Главнейшие из сих злоупотреблений состоят в изнурении крестьян тяжкою работою, в продаже их поодиночке, в жестокости обращения.

1. ИЗНУРЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ РАБОТОЮ

Средства, представляющиеся здесь к улучшению состояния крестьян, весьма недостаточны в сравнении с массою существующего зла. Так как права помещиков на самом деле весьма обширны и разнообразны, то надлежит при избрании сих средств исследовать, не может ли ограничение одного права побудить помещика иным образом достигнуть своей цели. Однакоже, во всяком случае, весьма полезно было бы, если б был подтвержден закон императора Павла I о трехдневной работе, к чему можно присовокупить, что крестьянин, работающий три дня в неделю, не обязан сверх сего помещику никакими другими повинностями, ни платою оброка и никакими сборами.

Сверх сего следует постановить, что дети до 10 или 12 лет не должны быть принуждаемы ни к какой работе на помещика.

Прежде малолетние оставались в покое, но ныне пагубное обыкновение заводить фабрики даже в губерниях плодородных побудило помещиков обращать детей обоого пола к работе на фабриках, изнуряющей их силы физические и нравственные.

Вообще же весьма полезно было бы определить, чтобы помещики в начале каждого года подавали предводителю объявления о повинностях всякого рода, коими обязаны их крестьяне.

Таковые объявления можно было бы подвергнуть суждению предводителя обще с начальником губернии; можно бы их читать по церквам для сведения крестьян; в особенности полезно было бы, если бы начальники губерний составляли по особой форме ведомости из сих объявлений, препровождали сии ведомости в Министерство внутренних дел, где, по составлении общих ведомостей, все сие могло бы быть предаваемо тиснению. Таким образом, общее мнение соделалось бы судьей добрых и недобрых помещиков. Многие несправедливости, существующие ныне потому только, что они остаются неизве-

стными, тогда совершенно бы исчезли. Гласность (publicité) всегда бывает уздою для порока и защитою для невинности.

*2. Продажа людей поодиночке, отделяя их от земли
и разлучая даже с семьей*

Хотя зло сие и существует еще в сильной степени, нельзя, однакоже, не согласиться, что новейшие законы, на сей предмет изданные, имели полезное действие, положив различные препятствия сему ненавистному торгу. Известно, что прежде, лет за 40 пред сим, торг сей простирался до того, что даже в Петербург привозили людей целыми барками для продажи. В дополнение к существующим ныне законам о продаже людей весьма полезно было бы запретить совершенно всякую продажу людей иначе как целыми селениями. Вместе с сим надлежало бы постановить, что и за казенные взыскания люди продаваемы быть не могут; или, что еще лучше, таких людей, кои по казенным взысканиям должны быть подвергаемы продаже с публичного торга, отпускать на волю; казне же засчитать за них по взыскиваемой сумме положенные рекрутские деньги. Сие иногда и делается, в особенности когда дела доходят до рассмотрения Государственного совета. Но между тем случается, что люди по казенным взысканиям продаются с публичного торга.

Говоря о продаже, нельзя умолчать о покупке. Право владения людьми не определено достаточным образом. Но и существующие на сей предмет указания остаются без действия покупкою людей на чужое имя. Мы видим, что крепостные люди принадлежат иногда таким лицам, которые и законного права на сие не имеют. Например, в Астрахани многие купцы магометанского исповедания покупают девок, приживают с ними множество детей и обращают сих последних в совершенное рабство. Мы видим, что человек, дослужившийся до офицерского чина, покупает даже на свое имя людей и получает от них доход, отдавая их в услужение и тому подобное. От сего-то и произошло множество людей, приписанных к домам, и здесь узнаем мы степень рабства, еще ужаснейшую той, на которой находятся крепостные крестьяне.

Весьма справедливо было бы, если бы закон, сверх запрещения продавать людей поодиночке, о чем выше упомянуто, именно постановил, что человек, не имеющий недвижимой собственности, не может ни под каким предлогом покупать людей и владеть ими. Таким постановлением не было бы нарушено и то право — если, впрочем, сие выражение здесь прилично, — которое приобретают дослужившиеся до дворянского звания владеть людьми. Сие право, даже и по разуму законодательства, более относится к владению деревнями, нежели к владению людьми без земли. Но и здесь следует заметить, что не довольно одного запрещения, законом изрекаемого. Надлежит, чтобы закон определял и последствия, которые каждый противный ему поступок неминуемо иметь должен.

Таким образом, в сем случае закон должен определить, что каждый человек, проданный, или купленный, или закабаленный не согласно с сим законом, чрез сие самое делается свободным. Присутственным же местам надлежит поставить в обязанность без дальнейшего исследования объявлять таких людей свободными, коль скоро они представят ясное доказательство неправильной продажи, покупки или кабалы.

Нельзя здесь умолчать о том благотворном узаконении, которое за несколько лет пред сим состоялось по мнению Государственного совета и по которому люди, отыскивающие свободы, в случае неправильности их иска не отдаются назад помещикам, но остаются вольными; сами же помещики получают в замену сего от правительства *рекрутские квитанции*. Сие узаконение осчастливило уже несколько семейств.

Вместе с запрещением продавать людей поодиночке весьма было бы полезно запретить под каким бы то ни было предлогом отделять крестьян от земли, брать во двор и тому подобное. Для действительного же исполнения сего закона и здесь определить, что всякий крестьянин, взятый от земли, чрез сие самое делается свободным, и присутственные места обязаны таковым его признавать без дальнейших справок и исследований.

3. ДУРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С КРЕПОСТНЫМИ

В праве господ наказывать крепостных людей по собственному усмотрению или произволу — в сем случае сии два слова имеют одинаковое значение, — в сем так называемом праве находим мы корень всему злу.

Все постановления, к благу крестьян клонящиеся, должны более или менее оставаться недействительными, покуда право наказания останется в одном и том же виде. Может ли крестьянин сослаться на милость закона, когда помещик может под различными предложениями, силою того же закона подвергнуть его строгому, жестокому наказанию?

В некоторых губерниях остзейских и польских было узаконено, что помещик не может дать виновному крестьянину более 15 ударов палочных. Известно, как поступали некоторые бессовестные помещики в сем случае: они давали не более 15 ударов, но повторяли сие несколько раз в течение краткого времени.

Но сие, хотя и весьма важное, затруднение, ограждая личность крепостных людей, позволит ли предоставить участь их произволу судьбы, произволу помещиков? Нет, конечно! Надобно стремиться к благой цели, хотя и без надежды достигь ее: «Fais ce que dois, advienne que pourra»*.

По всякому благому делу Провидение помощник; и тогда, когда человек отчаивается в благом успехе, Оно, по неисповедимым судьбам своим, ниспосылает и успех и силу к дальнейшему преуспеянию во благе.

Итак, в рассуждении наказаний надлежит изыскивать средства к возможному ограждению личности крепостных людей.

В рассуждении дворовых людей, в городах живущих, следует совершенно запретить всякое домашнее наказание, предоставив сие исключительно начальству полицейскому. Наказанный же самим помещиком вопреки сему узаконению, чрез то самое, по выше объясненным причинам, должен быть объявлен свободным. В сем случае нельзя, однакоже, сделать из полицейских чиновников и служителей слепых исполнителей произвола господ. Достоинство правительства и самая справедливость требует, чтобы полицейское начальство хотя несколько входило в рассмотрение вины осуждаемого и сообразно оной

* Делай, что должен, и будь что будет (фр.).

определяло наказание. В рассуждении крепостных людей, как дворовых, так и крестьян, в деревнях живущих, надлежит, хотя с скрепленным сердцем, определить меру наказания, число ударов и количество времени, в которое они могут быть даны; постановить вместе с сим, чтобы каждое наказание с означением вины было записывасмо в особую книгу; надлежит также определять самые вины, за которые помещик может наказывать своих людей, предоставив другие вины ведомству и суждению местного начальства.

И сии столь далекие от совершенства узаконения были бы и благодеянием для народа — и когда же? В 19-е столетие после рождения Того, который, искупив людей своей кровию, заповедал им: «Любите друг друга и добро творите ненавидящим вас!»

Для введения хотя некоторого законного порядка в сем хаосе произвола и самоуправства, может быть, весьма нужно было бы учредить сельские суды. Но таковое учреждение в отношении к крестьянам помещичьим встречает непреодолимые препоны, тем более что мы не видим подобных установлений в пользу крестьян казенных и удельных.

Здесь не излишне будет обратить внимание на заблуждение, в котором находятся многие благонамеренные люди, что будто бы крестьяне казенные и удельные находятся вообще в худшем положении, нежели крестьяне помещичьи. Сие совершенно несогласно с доказательствами опыта. *Богатых крестьян*, конечно, более между помещичьими, нежели между другими крестьянами. Сие происходит оттого, что казенные крестьяне имеют более способов выписываться из крестьянского звания, а также и оттого, что у добрых и притом весьма богатых господ крестьяне, неся повинности, не превышающие повинностей крестьян казенных, пользуются большею защитою, более истинно отеческим управлением, нежели сии последние. В числе казенных крестьян одни только арендные не могут быть в их благосостоянии сравнены с господскими. Общее же благосостояние существует в высшей степени между крестьянами казенными, нежели между помещичьими, и мы убедимся, что сие не может быть иначе, когда вспомним, что самый незначачий чиновник, от правительства определенный, имеет в ведении своем тысячи крестьян; следственно, даже и самые беззаконные деяния такого чиновника, распространяясь на большое число людей, чрез сие самое делаются менее обременительными.

Из вышесказанного следует, что кроме предлагаемых дополнений к существующему законодательству, при невозможности учредить сельские суды, остается одно только главное средство к улучшению состояния крепостных людей, и сие средство состоит в ближайшем и более успешном надзоре со стороны правительства.

Сей надзор в каждой губернии всего удобнее поручить особому чиновнику в качестве комиссара Министерства внутренних дел.

Обязанностию сего чиновника будет смотреть за тем, чтобы существующие узаконения относительно крестьян были исполняемы в точности.

Из губернатора, губернского предводителя дворянства и из комиссара Министерства внутренних дел можно составить, под председательством первого, особый комитет.

В сей же комитет вносятся предводителем объявления помещиков о роде и количестве повинностей, подаваемые ежегодно и о которых упомянуто выше. Сии объявления рассматриваются в комитете. Если комитет найдет в повинностях что-либо противное узаконениям, то сносится, посредством предводителя, с помещиком, назначившим такие

повинности, и если убеждения предводителя останутся безуспешными, то в таком случае комитет немедленно приступает к исполнению закона: уменьшением ли повинностей или отдачею имения в опеку.

Комитет обязан обращать особенное внимание на те имения, в коих не живут сами помещики и которые управляются управителями, бурмистрами и проч.

Крестьянам следует позволить обращаться к сему чиновнику с справедливыми жалобами.

Сии жалобы, с мнением комиссара, рассматриваются губернатором и предводителем дворянства. Он расследует дело, представляет свое мнение гражданскому губернатору и предводителю дворянства.

Сей комитет должен рассматривать представляемые дела от комиссара. Если комитету встретятся жалобы от крестьян, заслуживающие уважения, то комитет может наряжать следствие, и если по следствию окажется, что помещик действительно преступил пределы своей власти или употребил оную во зло, то тогда дворянский предводитель принимает по существующему порядку меры к ограждению крестьян от притеснения, к определению опеки над помещиком и так далее.

Если следствие доказывает, что помещик совершил одно из тех беззаконий, которые влекут за собой *ipso facto** освобождение крепостного, комитет немедленно обращается в суд, который может осуществить это освобождение. В таких случаях справедливо, чтобы благо освобождения распространялось на семью освобождаемого, его отца, жену, детей.

Министру внутренних дел следует поручить составить полную инструкцию для комиссаров. Просвещенность, опыт и добрая воля того, кто управляет этим министерством**, позволяють надеяться, что все эти меры и еще некоторые того же рода будут успешно исполнены.

Здесь изложены только некоторые способы, и притом в слабых чертах, к устранению самых явных недостатков теперешнего порядка вещей.

Упомянем теперь о средствах, так сказать, коренных к прочному основанию законного состояния крестьян помещичьих.

По сие время мы имеем только одно такое средство, которое состоит в обращении крестьян в *вольные хлебопашцы*. Узаконение о вольных хлебопашцах, конечно, весьма благодетельное, имеет, однакоже, свои недостатки, состоящие в совершенной неопределенности способов дарования крестьянам свободы и отношений, долженствующих существовать между помещиком и свободными хлебопашцами.

Правительство могло бы издать *точные правила*, по коим помещики могли бы обращать крестьян в *вольные хлебопашцы*.

Сии правила, ограждая выгоды крестьян, должны оградить и выгоды помещиков, и предоставить как крестьянам, так равно и помещику законные способы и возможность искать и получать удовлетворение, скорое и полное, во взаимных их жалобах и неудовольствиях.

* Тем самым (*лат.*).

** Это был граф Кочубей.

В сем предполагаемом новом устройстве вольных хлебопашцев правительство могло бы взять на себя большую часть обязанностей помещиков в отношении к крестьянам, как то: управление ими, разбор их взаимных споров, дел и так далее. Помещик же, удержав за собою собственность земли, заключал бы с живущими на ней крестьянами добровольные условия, которые через то самое состояли бы под защитою и покровительством правительства. Тогда нужно было бы определить точнее право перехода крестьян с одного места на другое, право, которым наши крестьяне, конечно, не воспользуются без крайней нужды, потому что привязанность к месту рождения, свойственная вообще всем людям, свойственна нашим крестьянам даже до суеверия. Право перехода крестьян представляет действительное затруднение только при собирании подушного налога. Но надобно надеяться, что сей налог, не согласный с правилами государственного хозяйства, будет заменен другим налогом, более сообразным и с духом времени, и с нуждами государственными.

Наконец представим здесь наше мнение о гласности (publicité) в отношении крепостного состояния крестьян. В прошлом, 1818 году в двух здешних журналах было говорено в одном против, в другом в пользу крепостного состояния*.

Сколь ни поверхностны понятия публики об этом предмете, однакоже, можно было тогда заметить, что общее мнение, по крайней мере по наружности, более клонилось в сторону того журнала, который был против рабства. Даже самые закоренелые защитники status quo совестились публично защищать мнение журнала, в их смысле писавшего.

Нет сомнения, что благонамеренные и пристойные суждения о предметах сего рода в журналах и в книгах могли бы принести великую пользу; вреда же никакого как потому, что читатели состоят из людей, не принадлежащих к крепостному состоянию, так особенно и потому, что обнаружение таковых простых истин, и обнаружение скромное и беспристрастное, никогда никакого вреда причинить не может, как и лучи солнца не вредят темноте ночной, хотя, конечно, тьма исчезает пред светом.

Правительство оказало бы великое благодеяние добром делу, позволяя, согласно уставу о цензуре и даже одобряя публичные суждения о предметах, до общего блага касающихся.

В заключение всего нельзя не заметить с особенным удивлением участи, которую в последствие веков имел народ русский. В европейских государствах существовавшее рабство произошло от завоевания: варвары нагрянули на Европу, воспользовались правом победителя и из побежденных сделали рабов. Напротив того, в России татары покорили свободных наших предков; народ русский сверг с себя постыдное и долго томившее его иго. В сие время не было рабов и в России. Наконец уже, когда Россия начала возрастать в силе и могуществе, недалеко видность и особенно невыгодные обстоятельства ее правителей, например Годунова и Шуйского, положили первое основание рабству, и притом случилось, что побежденные, т. е. татары, остались свободными и многие из них вступили в сословие дворян; а большая часть победителей, т. е. большая часть народа русского, была порабощена. После того иностранцы различных наций европейских и азиатских все вступали в состав дворянства и купечества; а русские в большом количестве оставались и остаются в неволе!

28 декабря 1819

* Этот спор возник в связи с моей книгой о теории налогов.

Примечание I

Об указе от 2 апреля 1842 года

ЭТА ГЛАВА была уже давно написана, когда общественное внимание привлекла мера, предпринятая русским правительством в видах освобождения крепостных. Хотя я был убежден, что рабство не может более существовать, и, работая над последней главой о рабстве в России, до некоторой степени предчувствовал, что сей чудовищный гнет будет вскоре тем или иным путем сокрушен, я все же был далек от мысли, что мое предчувствие исполнится так скоро, пусть даже частично.

Указ 2 апреля 1842 года позволяет помещикам заключать с крестьянами условия, определяющие, по обоюдному согласию, повинности последних в деньгах, натурой или в виде барщины на известное число лет. Этой благодетельной мерой, без сомнения, поспешат воспользоваться многие помещики, особенно если правительство открыто будет ее поддерживать, заявляя о своих добрых намерениях; полагаю, многие ожидали такого закона, ибо давно уже хотели заключать подобные условия со своими крестьянами. Я сам более двадцати лет назад частным порядком договорился с крепостными, жившими на землях, принадлежащих моему семейству, именно о том, что закон облекает ныне в официальные формы.

Этот указ, несомненно, лишь первый шаг; но у всего должно быть начало; главное, чтобы сим было ослаблено рабство. А так и случилось уже потому, что правительство объявило о намерении заменить рабство иным устройством.

Мера эта продиктована мыслью доброй и нравственной; но, думается, мало кто искренне верил в справедливость и святость предпринятого дела. Если бы эта вера была живее, то мера сия, предвестница освобождения, была бы проведена более открыто и решительно и имела бы более благотворные следствия. Будем надеяться, что у народа окажется больше твердости, чем у тех, кто, хотя и очень поздно, решился потрудиться ради его благополучия.

Приветствуя намерение еще более, чем само деяние, я нахожу, однако, довольно странным, что русское правительство принялось за дело, защита которого стоила мне изгнания! Ибо мне в конечном счете прекрасно известно, что причинами моего осуждения были только мои взгляды на рабство и усилия, имевшие целью освобождение крепостных.

Но как бы то ни было, известие об этой мере принесло мне несказанную радость. Я представил себе русское правительство, которое уверенным шагом движется по открывшемуся перед ним благородному пути, и добрых русских крестьян, приблизившихся, наконец, к уничтожению рабства. Как знать? Я уже видел крестьян свободными, и от этого делался счастливым. Я говорил себе: «Наконец-то позорное рабство поколебалось; скоро его не станет вовсе. Вместе с ним исчезнут и беды, более всего гнетущие мою страну, — по крайней мере те, на которые я самым решительным образом ополчался в своем труде». И тогда я спросил, зачем теперь нужен мой труд, и на миг мне показалось, что лучше всего было бы бросить его в огонь.

Находясь в таком расположении духа и желая дать выход переполнявшим меня чувствам, я — как говорится, для очистки совести — послал в газету «*Journal des Débats*», где была напечатана сия добрая весть, некоторые замечания о только что появившемся указе. И если в них я не высказал в полной мере всю признательность тем, кто совершил подобное благодеяние, хотя необычайно желал это сделать, перо мое остановило вовсе не воспоминание о несправедливостях, совершенных по отношению ко мне, а всего лишь человеческое достоинство.

«*Journal des Débats*», очень любезно принявшая мою статью, сочла, однако, нужным сопроводить ее некоторыми замечаниями, одно из которых сводилось к тому, что подобные вопросы очень мало занимают *европейскую публику*⁴³. Я тем не менее продолжаю считать, что наряду с *европейской публикой*, о коей говорит «*Journal des Débats*», существует и другая публика, для которой истина и справедливость не меняют своей сути, даже если пересекают границу, разделяющую разные нации; эта публика равнодушна к благам и бедствиям ближних, ей интересно узнать о победе здоровых и нравственных идей везде, где эта победа может повлиять на людские судьбы, наконец, это публика, к которой принадлежал древний римлянин*, говоривший: «*Homo sum, nihil humani a me alienum puto*»⁴⁴.

Эта публика, надеюсь, меня услышит; ей я рассказываю о судьбе моих несчастных братьев и соотечественников, а также и о собственной участи.

Примечание М

О военной дисциплине

В РОССИИ недавно был возбужден вопрос о военной дисциплине. Хотя споры эти были не слишком серьезны, они все же стали шагом вперед, ибо до сей поры никто и никогда не выражал сомнения в необходимости и действенности палки. Понятно, сколькими трудностями окружен этот вопрос в стране, где высшим законом и единственным исправительным средством является кнут, где возможность иного устройства жизни едва ли принята даже в теории.

И все же здесь, равно как и во многих других случаях, речь идет скорее о том, чтобы отбросить, нежели вести, разрушить, нежели построить: если дело действительно дойдет до справедливого и разумного решения, все станут удивляться, что отмененная мера могла просуществовать так долго, что она вообще существовала. Но люди созданы так, что не верят, пока сами не увидят и не потрогают.

Когда зашла речь о запрещении телесных наказаний в прусской армии, говорил мне однажды г-н фон Штейн, со всех сторон слышались протесты. «Как же иначе можно призвать к порядку разъяренную солдатню? — говорили пуливые. — Опасно станет выходить на улицу — того и гляди, солдаты нападут на тебя и, может быть, даже убьют!» Но

* Теренций.

** Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

подобные причитания не остановили правительство; телесные наказания были запрещены не в самое благоприятное время, однако именно эта мера положила начало возрождению прусской армии и самой прусской монархии. Разве можно представить себе сегодня, что солдат Фридриха Великого подгоняли ударами палки? А сколько было угрожающих пророчеств, когда английский парламент обсуждал вопрос о предоставлении католикам равных прав; последние дебаты по этому поводу были не менее оживленными, чем первые. Права были дарованы; задумывается ли кто-нибудь сейчас об этом?

Телесные наказания, похоже, прочнее всего укоренились в Англии. Австрийцы и русские бьют своих солдат скорее по привычке или потому, что не знают иных наказаний^{*}; англичане поступают так из принципа. Они признают постыдность этих наказаний, но утверждают, что они необходимы. Защитники *status quo*, к числу которых, увы, принадлежат почти все военные, кроме солдат, отстаивают сию гнусную систему, пользуясь равнодушием английского народа к этому вопросу. Такое безразличие объясняется прежде всего отсутствием у народа приязни к регулярной армии; кроме того, собственно в Англии солдат немного: большая часть английских войск размещена в Ирландии и в колониях. Однако каждый год находится член парламента, вновь поднимающий вопрос об отмене телесных наказаний. Устраиваются прения, а потом, по установившемуся обычаю, вопрос отклоняют.

Примечательно, что сторонники этих унижительных мер твердят, что телесные наказания применяются все реже. Но если это хорошее средство, почему бы им не пользоваться и впредь? А если оно, наоборот, дурно, почему бы вовсе от него не отказаться?

В английской армии и на флоте, как и в других войсках, где существуют телесные наказания, можно найти множество примеров, когда солдаты и матросы, впервые подвергнутые этому позорному наказанию, впадают в горькое отчаяние, от которого им так и не удается оправиться. Кроме того, нельзя забывать, что человека унижает не только наказание, но и возможность быть наказанным.

Защитники телесных наказаний в Англии начинают с того, что наказания не мешают английской армии сохранять боевой дух и выигрывать сражения. Да, солдаты, над которыми занесена палка, отлично дерутся, если они храбры, а особенно если ими хорошо командуют. Однако вопрос должен ставиться иначе: сражаются ли хуже те солдаты, которых не подвергают унижительным наказаниям? Попробуйте дать иной ответ, нежели тот, который подсказывают вам истина, логика и человечность.

Другой аргумент, особенно забавный в устах тех, кто провозглашает себя патриотами и ревнителями славы отечества, заключается в том, что английская армия состоит из негодяев, выбравших военную службу из лени или неспособности заняться иным делом, и поэтому дисциплину там можно поддерживать только при помощи телесных наказаний.

---

^{*} Вот анекдот, рисующий с этой стороны русские нравы и безразличие властей к возмутительнейшим обычаям.

Однажды французский посол, г-н де Коленкур, гуляя по Петербургу, оказался возле Марсова поля, где проходили учения гвардейского полка. К своему великому удивлению, он заметил, что за полком следуют люди с палками. Вскоре он увидел, как время от времени какого-нибудь солдата заставляли выйти из строя и по приказу командира эти люди били его палками. Возмущенный таким варварством, он бросился во дворец и рассказал императору об увиденном. На следующий день был издан приказ, запрещавший бить солдат палками во время воинских упражнений.

Но как вы смеете говорить, что *все*, поступающие на военную службу, суть негодяи? Значит, вы не принимаете в расчет ни пылкость юности, ни привлекательность военной жизни, ни столь естественное для молодых людей желание увидеть другие страны! Не вы ли, зачисляя их в армию, твердите им о воинской славе, о любви к родине и других прекрасных вещах? Могут ли бедные ирландцы, питающиеся одним картофелем, причем, как правило, картофелем дурного качества, потому что его у них больше, могут ли эти люди, не всегда имеющие в достаточном количестве даже такую грубую пищу, предпочесть солдатскую жизнь, которая сулит им ежедневный пудинг и мясо, не прослав в ваших глазах негодьями? И еще одно: то, что было в этом отношении верно или правдоподобно для Англии сто лет назад, сегодня таковым уже не является; из-за роста населения число желающих вступить в военную службу намного превышает потребности правительства, а значит, облегчает ему возможность отбора, и оно действительно выбирает именно тех, кто нужен. Видите, насколько ложен ваш довод.

В конце концов, если вас не удовлетворяют те, кого вы зачисляете в солдаты, измените дисциплину: сделайте так, чтобы в армию могли попасть люди похвального, безупречного поведения, получившие образование. Не нужно будет даже отменять систему покупки чинов и давать вновь пришедшим надежду на законное продвижение: случай продвинувшись представится непременно. Разве положение английского солдата, хорошо одетого и накормленного, получающего солидное жалованье, не лучше существования миллионов бедных поденщиков и рабочих на мануфактурах? Возможно, тогда вы наконец увидите, что продажа военных чинов вовсе не обязательна для того, чтобы иметь прекрасную армию.

Для проведения в жизнь этой реформы в нее должен серьезно вмешаться английский народ, а особенно диссентеры во главе с добрыми квакерами; эти люди, сделавшие больше всех для освобождения негров, возьмутся защищать дело солдата с позиций гуманности и религии, что будет совершенно правильно. Страна, где закон защищает от жестокого обращения даже животных, не сможет долго терпеть телесные наказания, возмущающие душу цивилизованного человека*. Здесь, как и в вопросе о рабстве, ссы-

---

* Любопытно отметить, что, в то время как во всех английских войсках применяют телесные наказания, в Индии, в туземных войсках они запрещены. Этот шаг в пользу человечности был сделан благодаря твердости честного чиновника, который, заняв высокий пост, не забыл о священном долге каждого человека по отношению к себе подобным это был лорд Уильям Бентинк, которого Каннинг послал в Индию (речь идет о том самом Бентинке, который при известии о том, что Англия, поддержав присоединение Генуи к Пьемонту, нарушила свое обещание блюсти независимость этой древней республики, тотчас без колебаний вышел в отставку). Приказом от 24 февраля 1835 года лорд Уильям Бентинк отменил телесные наказания в индийских войсках; нельзя забывать, что, совершив это действие, он вступил в прямой поединок с военным комитетом, учрежденным для исследования данного вопроса. В своем отчете этот превосходный человек признает, что сам долго считал телесные наказания необходимыми, и победил этот противоречащий разуму предрассудок только после долгих и спокойных размышлений. Вот замечательная откровенность и твердость! Честь и хвала тому, кто в любых обстоятельствах внимает только чувству долга!

С глубокой горечью прочел я недавно (в ноябре 1845 года) в газетах, что «в английской Индии восстановлено наказание туземцев кнутом, и, как говорят, к великому удовлетворению европейцев, для которых это наказание не отменялось и было предметом позорного различия». Какое разочарование для нас, безвестных защитников принципов справедливости и гуманности, наблюдать, как правительству свободной, цивилизованной страны удается покончить с *ненавистным различием*, только подвергнув всех одинаковым унижениям!

лаются на время. Не считая нужным опровергать этот довод, являющийся, по сути, лицемерием и недобросовестностью или же свидетельством грязного и дикого невежества, напомним, что уже был пример того, как с телесными наказаниями в войсках было покончено точно так же, как было уничтожено рабство в бывшем герцогстве Варшавском — по одному слову законодателя. Армия Вестфальского королевства была создана в стране, где царила палочная дисциплина и множество солдат, особенно в начале службы, испытывали ее на своей шкуре. И что же? Как только в этой армии была введена французская система взысканий, солдаты забыли о телесных наказаниях и армия стала прекрасна!

Хвала французскому народу, первым запретившему эти ужасные и унижительные наказания!

Вернемся к России. Как я уже сказал, военная дисциплина в последнее время стала здесь предметом небывалого внимания. Возвращение армии в Россию после кампании 1813, 1814 и 1815 годов, дало толчок всплеску либеральных идей. Простые солдаты, как и офицеры, общались с солдатами и офицерами из армий других стран, где привыкли к иной дисциплине; это не могло не повлиять на них и не привести к неким последствиям. Вскоре военные стали искать в создании тайных обществ лекарства от болезни, свидетелями коей они были; вопрос армейской дисциплины был для них вопросом принципа. Если раньше некоторые офицеры воздерживались от применения палки лишь вследствие естественной доброты, то теперь они отвергли это дисциплинарное средство как противоречащее простейшим понятиям о справедливости и гуманности. Многие с грустью и удивлением вспоминали, как они подражали общему примеру и, не понимая, что делают, следовали пословице: *с волками жить — по-волчьи выть*. Даже те, кто никогда не пользовался своим правом бить солдат, оказывались жертвами рутины.

Палка, конечно, не единственное безобразие, освященное рутинной; следующая история служит сему печальным доказательством.

Однажды я встретил знакомого офицера со связкой бумаг под мышкой. Я спросил, что это такое. «Это, — ответил он, — бумаги военного суда, членом коего я являюсь; полковой аудитор* прислал мне их на подпись». — «Как — на подпись? — сказал я, удивленный равнодушием моего собеседника. — Да, надо подписать приговор солдату, представшему перед военным судом!» — «Но прежде чем его осудить, вы, полагаю, испробовали все средства, чтобы спасти его?» — «Нет, — отвечал он с некоторым смущением. — Мы обычно не ходим в эти военные суды; аудитор рассматривает дело, составляет приговор и посылает каждому из нас на подпись». Мне хватило двух слов, чтобы убедить этого офицера в преступности его поведения; он, ничего не подписав, поспешил к всемогущему аудитору, служебные обязанности которого ограничивались умением держать перо, дабы разобраться в деле бедного солдата.

Сначала великодушные сердца обычно проникаются политическими идеями, и только потом ими овладевает желание ценою любых жертв пробудить свою несчастную страну и вывести ее из оцепенения, в которое она погружена. Более прозаические, хотя не менее существенные идеи гражданской свободы и материального благополучия человека

* Так называются чиновники, расследующие дела и составляющие решения военных судов.

поначалу остаются в стороне. Только политическое рабство возбуждает их негодование. Но спешим прибавить, что вскоре у них возникает горячее стремление уничтожить все постыдные явления, покончить со всеми страданиями их страны, и после первых же размышлений они начинают проклинать рабство крестьян и жестокость военной дисциплины. Я видел благородных юношей, которые, презрев все преимущества своего положения и состояния, предпочитали сидеть в казармах, вместо того чтобы пользоваться милостями и удовольствиями двора, предаваться радостям и развлечениям, доставленным путешествиями в цивилизованные страны. О праведное Небо, что с ними стало! Какой же нужно обладать верой, дабы не пасть духом, видя, как преданность и самозабвение приводят к таким несчастьям и унижениям?

Известно, что по возвращении русских армий на родину военная дисциплина несколько изменилась. Во многих полках стали реже употреблять палку; в других, по крайней мере временно, она была запрещена. Русский корпус, оставшийся во Франции как часть оккупационных войск, доказал даже самым недоверчивым, что частое битье не нужно для создания хороших войск. Доброжелательность и просвещенность главнокомандующего корпусом и рвение некоторых лиц из его Генерального штаба привели к спасительным реформам не только в области воинской дисциплины, но и в дисциплинарной и уголовной процедуре военных судов¹⁵. По крайней мере, несомненно, что телесные наказания, которых командиры не могли совсем отменить, в русском корпусе применялись гораздо реже, нежели в английских частях. Поэтому друзья цивилизации желали, чтобы по возвращении в Россию корпус сей сохранили в целости, дабы он послужил образцом для реформ в остальной армии. Но высокопоставленные военные чиновники, посчитав, что полки, вернувшиеся из-за границы, заражены духом либерализма, тотчас расформировали их, а солдат большей частью немедленно отправили на Кавказ, где они и погибли.

Примечание N

О секретном надзоре

ПОТРЕБНОСТЬ в секретном надзоре, эта, если можно так выразиться, одержимость тайными сношениями, свойственна почти всем самодержавным государям, и объяснить ее можно только их полнейшим неведением о происходящем вокруг. В их положении секретный надзор, видимо, является необходимостью; но средство это столь же ненадежно, сколь малопочтенно и безнравственно. В действительности же власть узнает от шпионов лишь то, что ей хочется знать, или что они пожелают ей сообщить. Впрочем, шпионы поступают так же, как и все те, кому абсолютная власть оказывает свое доверие. Эти люди прежде всего стараются хорошо изучить взгляды господина, а затем только преувеличивают их. А если какое-нибудь их действие вызывает негодование общества, они тотчас заявляют, что только выполняли приказы высшей власти и, наоборот, старались смягчить их несправедливость и гнусность, — словом, все дурное и низменное в собственном по-

ведении они сваливают на господина. Сам Фуше хвастался тем, что во многих случаях он якобы смягчал тиранические приказы, которые, по его словам, отдавал Наполеон, и часто становился между так называемым угнетателем и угнетенным⁴⁶. Благородные чувства императора Александра не терпели этого средства, столь же бесполезного, сколь и бесчестного; в его время секретный надзор внутри страны был почти неизвестен. Существовал особый департамент Министерства полиции, но обязанности его начальника ограничивались тем, что время от времени он представлял правительству доклады о состоянии общественного мнения; а так как этот начальник был человек честный и просвещенный (г-н Фок, о котором я уже упоминал в своих записках), его уведомления были только полезны и разумны. Действительно, в своих докладах он часто писал только о справедливом недовольстве публики той или иной мерой правительства, о случаях произвола властей в отношении беззащитного населения.

По словам некоторых корреспондентов «Gazette d'Augsbourg», сегодня дела обстоят совершенно иначе⁴⁷. Но я не стану об этом говорить, ибо не знаю ничего определенного.

Зарубежные же осведомители времен царствования императора Александра были известны всем. Несчастный Коцебу пал жертвой собственного усердия на сем позорном поприще⁴⁸. Впрочем, надо сказать, что свою внешнюю полицию царь принял в *совершенно готовом виде* из рук г-на Меттерниха. Неприязнь, которую Александр поначалу испытывал к этому знаменитому человеку, уступила место безграничному доверию, лишь в итоге таинственных сношений, кои непрерывно поддерживал с императором австрийский министр — как напрямую, так и через посредничество своего августейшего господина, *доброто* Франца II. Во время конгрессов в Лайбахе и Вероне сей монарх иногда рассказывал Александру об опасных умонастроениях, появившихся в Европе, и, не прерывая беседы, вынимал из кармана несколько писем, перехваченных, по его словам, на почте и доказывающих обоснованность его предостережений. Доверие Александра к Меттерниху еще более возросло, когда тот первым сообщил его величеству о восстании в его собственном гвардейском полку, случившемся во время пребывания Александра на одном из вышеназванных конгрессов. Увидев, как точно и быстро узнал князь-министр о том, что произошло в Российской империи, царь окончательно уверился, что ничто из совершающегося в мире не могло ускользнуть от бдительности знаменитого дипломата. Причина же заключалась в том, что офицер, посланный из Петербурга к императору с досадными новостями, не счел нужным торопиться и позволил австрийскому курьеру опередить себя⁴⁹.

В связи с этим не могу не привести еще одного доказательства того, в каком неведении о происходящем вокруг живут самодержавные государи. Александр — по всей вероятности, с помощью Меттерниха — усмотрел в неподчинении своего полка следствие каких-то политических интриг. Офицеру, доставившему ему подробности о событиях, он тотчас по прибытии учинил дотошный продолжительный допрос, имевший целью доказать, что за этим восстанием стоит некий бедняга журналист, думавший лишь о том, чтобы заработать немного денег литературной коммерцией! Честный и умный офицер старался разубедить императора, объясняя ему, что весь беспорядок произошел только из-за необдуманного поведения нового командира полка и что журналисты, особенно тот, которого император счел движущей силой бунта, не имеют к восстанию ни малейшего от-

ношения. Но офицер старался напрасно, ибо, как можно понять из моего рассказа, император упорно видел за этим событием политические причины⁵⁰.

Отвращение императора к секретному надзору подтверждается следующей историей. Один из моих коллег в Государственном совете, прежде заведовавший канцелярией Комитета министров, счел нужным отправить в отставку одного чиновника этой канцелярии, должность коего была совершенно бесполезна. Он сделал представление императору и, как обычно делают в России в таких случаях, предложил дать чиновнику в утешение либо следующий чин, либо какую-нибудь награду. При упоминании имени чиновника император вскричал: «На отставку я согласен, но орден — это невозможно! Этот человек был шпионом во времена Б...» (министра полиции, когда еще существовало такое министерство⁵¹). «Я ничего не знал о его прошлом», — ответил директор канцелярии Комитета министров. «Что ж, спросите у Б..., он должен помнить; он представлял мне доносы этого человека». Тогда директор обратился к бывшему министру полиции. Тот с полицейской деликатностью, изрядно напоминающей воровские повадки, ответил, что не помнит этого господина, а император, вероятно, ошибается и пугает его с другим. «Б... может говорить, что угодно, — возразил Александр, — но я в своих словах уверен, и никогда не дам шпиону ни чина, ни ордена».

Примечание О

В ТО САМОЕ время, когда я писал последние рассуждения о бумажных деньгах, до меня дошел манифест от 1 июля прошлого (1839) года. Этот документ подробно ознакомил меня с финансовыми мерами, принятыми российским правительством, которые до сих пор я представлял себе весьма смутно по сообщениям газет.

С удовлетворением узнав об отказе от мер по поднятию курса обесценившихся бумажных денег, я в то же время отметил, что те, кто предпринял реформу денежной системы, в равной степени доказали этим и свою решимость, и свое легкомыслие. Ведь если вдуматься, то что они намерены делать? Они хотят перевернуть всю систему, полностью изменить основы и способы денежного обращения, уничтожить существующие ныне ассигнации, заменив их другими, также не дающими истинных гарантий. Они собираются даже усугубить зло, неразрывно связанное с любыми бумажными деньгами, установив такие единицы номинальной ценности, значение которых меньше, чем у наименьшей из находящихся сейчас в обращении ассигнаций. И все это для того, чтобы иметь так называемую денежную единицу, которая по-прежнему будет состоять из трех с половиной единиц, и уничтожить лаж, который они сначала считали свидетельством подлинного улучшения курса бумажных денег.

Я искренне желаю им успеха, но несколько не надеюсь на него. Впрочем, не имея всех необходимых данных о финансовом состоянии России, я легко могу ошибиться в своих суждениях.

Однако есть меры, которые несложно оценить, руководствуясь только общими принципами и фактами и отвлекаясь от деталей, коих можно не знать, и при этом не впасть в ошибочные суждения об этих мерах. Итак, я стану оценивать не тенденции финансовой политики российского правительства, а только принятое им твердое решение способ-

ствовать обращению металлических денег или, скорее, восстановлению их значения в ущерб бумажным деньгам.

Внимательно изучив различные статьи манифеста и заявления, сделанные в других документах российского правительства, я посчитал необходимым выразить свое мнение об этом в отдельной статье; сначала я намеревался напечатать ее, но после некоторых размышлений решил этого не делать. Эта статья, думал я, ничему не помешает, ничего не исправит по очень простой причине: меры, которые подвергнуты в ней критике, уже приняты; в лучшем случае она сможет снабдить некоторыми доводами противников министра, автора этих мер. Но я не хотел бы давать им в руки даже столь слабое оружие против человека, финансовые воззрения которого я не разделяю, но уважаю его способности и характер*. Наконец, как знать? Я могу ошибаться, как и всякий, а министр, в конце концов, может быть прав. В этом случае спор останется бесплодным.

Впрочем, вот эта статья; ее опубликование сейчас уже никому не причинит никаких неудобств.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РЕФОРМЕ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

В манифесте, опубликованном 1 июля 1839 года, российское правительство объявляет следующее³¹:

«Разные перемены, временем и силою обстоятельств в Нашей денежной системе произведенные, имели последствием не только присвоение государственным ассигнациям, вопреки первоначальному их назначению, первенства над серебром, составляющим основную империи Нашей монету, но и возрождение, чрез то самое, многообразных лажей, в каждой почти местности различных».

Исходя из вышесказанного, правительство приказывает:

1. Отныне впредь серебряная монета будет главною государственною платежною монетою, а серебряный рубль, настоящего достоинства и с настоящими его подразделениями, — законною мерою (монетною единицею) обращающихся в государстве денег.

2. Государственные ассигнации, согласно первоначальному их назначению, остаются вспомогательным знаком ценности, с определением им отныне впредь единожды на-

---

* Моя статья стала известна некоторым лицам в России; один из тех, кто ознакомился с ней, служил тогда в Министерстве финансов; он дал понять, что ее публикация повредит министру. Впрочем, потом министр сам ее прочел и попытался даже сочинить опровержение в виде замечаний по поводу написанного мною; к моему глубокому сожалению, его ответ не был откровенным, от него даже веяло шарлатанством. Но в одном пункте мы сошлись: министр, как и я, полагал, что ассигнации надо выпускать только на незначительные суммы; но, говорил он, вопреки его мнению Государственный совет решил иначе. В остальном же смысл его замечаний сводился к следующему: «Автор статьи давно покинул Россию; ему неизвестно, сколь значительно возросло национальное богатство. Мы не знаем, что делать с количеством серебра, которым завалена казна». Поскольку я в основном защищал бумажные деньги от металлических, то министр, кажется, больше всего старался убедить, что в России с избытком хватает металлических денег, и этим объяснял предпочтение, отдаваемое им серебру при установлении денежной единицы³². Теперь министр умер. Уловки всякого рода, к которым вынужден прибегать его преемник³³ для покрытия обычных и экстренных расходов правительства, очевидное для всех в России истощение казны, не позволяющее помочь толпе умирающих от голода бедных крестьян, увы, — слишком красноречивое следствие недостойного хвастовства.

всегда постоянного на серебро курса, считая серебряный рубль в три рубля пятьдесят копеек ассигнациями.

3. По сему постоянному и неперемennomу курсу предоставляется на волю плательщиков вносить как серебряною монетою, так и ассигнациями.

4. Все вообще платежи из казны и по государственным фондам, на ассигнации исчисленным, будут производимы по тому же самому постоянному курсу, серебром или ассигнациями.

5. Курс податный, оставленный в 360 копеек, сохраняет размер свой и впредь по 1840 год в отношении собственно податей, повинностей и других платежей.

6. Все счета, условия и вообще всякого рода сделки отныне имеют быть производимы и совершаемы только на серебряную монету. Но самые платежи дозволяется производить без различия серебром и ассигнациями.

7. Размер ссуд из государственных кредитных установлений отныне определяется равномерно на серебро.

8. Вменяется уездным казначействам в обязанность производить, по мере находящихся в них налично сумм, обмена по тому же курсу в 3 р. 50 к ассигнаций на серебро и обратно серебра на ассигнации, каждому приносителю, суммою в одни руки до ста рублей серебром.

9. Присвоение ассигнациям какого-либо иного курса, кроме выше постановленного, равно надбавка на серебро и на ассигнации какого-либо лажа строжайше воспрещается. Биржевой же курс, а равно всякого рода показания в преискурантах означать отныне всегда на серебро, и курса ассигнациям на биржах впредь вовсе уже не отмечать.

10. Золотая монета в казну и в кредитные установления принимается и из них выдается 3% выше нарицательной ее ценности, именно: империял в 10 р. 30 к, и полуимпериял в 5 р. 15 к. серебром*.

Этот манифест сопровождался указом следующего содержания:

Чтобы увеличить количество денежных знаков, которые легко ходят в обращении, при Коммерческом банке с 1 января 1840 года учреждается *Депозитная касса серебряной монеты*. Организация этой кассы будет такой:

I. Она будет принимать для хранения от приносителей вклады серебряною монетою российского чекана.

II. Деньги, полученные таким образом, будут неприкосновенны и ни на какой иной расход, как только для обратного промена, употреблены быть не могут.

III. Взамен вкладов Депозитная касса выдает билеты, под названием «билеты Депозитной кассы», в первый раз достоинством в 3, 5, 10 и 25 рублей серебром; впоследствии же могут выпускаемы быть билеты и в 1, 50 и 100 рублей серебром.

IV. Эта статья определяет форму билетов.

V. Билетам депозитной кассы присволяется хождение по всей империи наравне с серебряною монетою, без всякого лажа.

VI. По предъявлении в кассу предъявителю выдается немедленно, без малейшей отсрочки и без всякого вычета надлежащее количество серебряной монеты.

Остальное касается исполнения.

* Я переводил эти десять статей, как и следующий далее указ, буквально, хотя и с сокращениями.

За этими двумя актами последовала статья в официальной газете, где говорилось примерно следующее:

«Два обстоятельства до сих пор занимали правительство и беспокоили публику: одно из них есть главное, существенное, другое — временное, но от этого не менее важное.

Первое — это улучшение курса бумажных денег, который после отказа правительства от нового выпуска ассигнаций начал повышаться, а в последние годы повышался даже с неожиданной быстротой. Причины сего хорошо известны: они коренятся в самой этой мере (прекращение выпуска), в улучшении общественного кредита и росте национального богатства.

Такое повышение курса бумажных денег не может, однако, продолжаться без серьезных неудобств; ибо если раньше весьма страдали от их обесценения, то теперь будут страдать от повышения.

Другое обстоятельство — это лаж, сопутствующий ассигнациям и вызывающий много беспорядка и неуверенности в обращении.

Желая избежать двух этих неудобств, правительство должно было сначала установить строгий курс ассигнаций. Оно остановилось на курсе, существующем сейчас, — в 350 копеек.

После этого следовало подумать о создании новых бумажных денег, равных серебряной монете и необходимо нужных тогда, когда основной монетой в государстве будет объявлено серебро и обращение, приведенное таким образом к металлическим деньгам, будет затруднено их весом и обширностью империи. Для этого правительство учредило сохранные кассы, которые будут выпускать особые билеты. Надо надеяться, что эти билеты будут встречены публикой с тем же расположением, как ассигнации при их появлении».

Вот вкратце в чем состоит эта мера. Чтобы помешать колебаниям курса ассигнаций, правительство устанавливает неизменный уровень курса. Оно надеется уничтожить этим лаж, сопутствующий ассигнациям.

С этой целью оно принимает рубль серебром, стоящий три с половиной рубля ассигнациями, за денежную единицу и хочет, чтобы отныне все исчислялось в этой *единице*, в этом *стандарте*, заявляя, что курс 350 останется неизменным.

Основывая, таким образом, все обращение на серебряной монете, оно создает металлические билеты (билеты сохранной кассы), соответствующие только серебряной монете; они, следовательно, будут находиться к бумажным деньгам в пропорции один к трем с половиной.

Наконец, в статье, помещенной в официальной газете, правительство дает понять, что собирается со временем заменить прежние ассигнации новыми *металлическими билетами*.

Чтобы судить об этих мерах, надо прежде всего отдавать себе отчет в нынешнем состоянии денежной системы России. В этой стране почти шестьдесят лет существуют бумажные деньги. Вначале правительство объявило, что масса бумажных денег не превысит 100 миллионов рублей; однако к моменту смерти создавшей их Екатерины II в обращении находилось почти 200 миллионов, а курс, или истинная стоимость рубля в ассигнациях, существенно не изменился*. Только в результате новых выпусков ассигнаций, к ко-

* Многие замечания и факты, приводимые далее, уже имеются в этой работе. Эти повторения вызваны тем, что статья должна была выйти отдельно. Присоединяя ее к запискам, я предпочел оставить ее в первоначальном виде.

им постоянно прибегало правительство для удовлетворения насущных нужд, бумажные деньги, продолжая обесцениваться, дошли наконец до курса 400, то есть 4 рубля ассигнациями, соответствовали лишь одному рублю серебром. Медная монета поддерживалась в равновесии с бумажными деньгами, служа им, таким образом, разменной монетой.

Начнем с нескольких слов о лаже, действительно ставшем невыносимым.

Министр без колебаний признает и объявляет, что лаж на ассигнации происходит от роста их реальной стоимости. По его мнению, повышение стоимости ассигнаций превращается в этот лаж.

Здесь можно прежде всего заметить, что если это, как утверждают, является подлинным улучшением курса ассигнаций, они должны были бы, повышаясь в цене, следовать по тому же пути, по какому шли, понижаясь, то есть, упав до 400 и поднявшись до 380, они должны были бы достичь 350 и более, пропорционально росту лажа: такое возвышение курса было бы единственно естественным. Упорство, с которым люди останавливаются на определенном курсе и не желают изменять его иначе как с помощью лажа, — кажется, не совсем обычный ход дела. Оставим, однако, это возражение и согласимся, что некоторое положительное повышение курса ассигнаций может превращаться в пропорциональный лаж. Но тогда следовало ожидать, что лаж будет одинаковым повсюду, где в обращении имеются и ассигнации и металлические деньги, тем более что на серебро всегда был лаж, объясняющий высокую стоимость серебра наряду с постепенным обесценением бумажных денег. Однако дело не в этом. Лаж везде различен, говорится в манифесте. Это доказывает, что лаж, независимо от улучшения стоимости ассигнаций, должен неизбежно иметь другие причины, возможно, более прямые, которые заключаются только в большей или меньшей трудности обмена серебра на ассигнации. Действительно, в Петербурге, месте пребывания правительства, этот обмен легче, чем где бы то ни было, и лаж здесь меньше. Внутри империи нет никакого банка или конторы, где можно было бы, сдав ассигнации, потребовать серебро, и наоборот. Как ни обесценены ассигнации, они всегда нужны из-за легкости их доставки, а связанные с их добычей трудности могут легко превращаться в лаж, из чего вовсе нельзя заключить, что повысилась реальная стоимость ассигнаций. В Париже Французский банк свободно принимает свои билеты, платя за них серебром; но в департаментах, где нет контор банка, его билеты несколько падают в цене из-за расстояния, и в городах, наиболее удаленных от Парижа, платят до 15 франков, чтобы получить металлические деньги за билет в 1000 франков. Это с очевидностью доказывает, что лаж, высокий он или низкий, может происходить от трудности обмена, а не от иных причин. Во Франции банковские билеты обесцениваются вследствие трудности их обмена на серебро; в России ассигнациям может сопутствовать лаж — тоже из-за трудности обмена их на металлические деньги. Если во Франции банковские билеты обесцениваются, а в России поднимаются в цене, то причина лежит в самом характере двух этих видов бумажных денег. Во Франции обращение обслуживается серебром, а билеты служат лишь вспомогательным средством, и потому их спрашивают мало; в России же, наоборот, бумажные деньги — основа обращения, и движение крупных сумм может совершаться только в ассигнациях; обращение же векселей, заемных писем и т. п. очень ограничено, если не равно нулю.

Когда начинают бороться со злом, хорошо бы прежде понять все его причины. Однако министр или российское правительство явно забыли обратить внимание на одну из главных причин лажа. Поспешим сказать, однако, что эта забывчивость не может иметь печальных последствий. Здесь важно признать, что необходимо установить повсюду одинаково легкий обмен ассигнаций на серебро и наоборот; министр это признал, что доказывает VIII статья манифеста. Но достаточны ли предписания этой статьи для того, чтобы обеспечить всеобщую и полную простоту обмена? Казначейм приказано менять каждому до 100 рублей, но лишь при наличии в кассе ассигнаций или серебра. Таким образом, люди, приходящие для обмена, не только могут обменять лишь определенную, довольно скромную сумму, но могут и вовсе уйти ни с чем. Так не поступают банки, стремящиеся сохранить кредит на выпущенные ими средства; для установления во всей империи легкого обмена металлических и бумажных денег, неперменного условия правильного обращения, нужны иные средства, нежели уездные казначеи, располагающие фиксированной суммой.

Рассмотрим теперь основную часть манифеста.

Чтобы навести порядок в обращении, нужно было прежде всего решить, что делать с обесцененными бумажными деньгами: поднять ли их курс и вернуть им первоначальную стоимость или же, приняв их обесценение за *свершившийся факт*, попытаться в то же время закрепить его навсегда в сложившемся курсе, принимая все подходящие меры для того, чтобы помешать любым колебаниям этого курса.

Заслуга министра финансов состоит в том, что он выбрал последнее средство; и, если вспомнить, какие меры принимались ранее, нельзя не признать, что это довольно важная заслуга. Пожелать поднять курс ассигнаций означало бы возобновить, но только в обратном направлении, беспорядки, сопутствовавшие их постепенному обесценению.

Оставляя навсегда курс ассигнаций на уровне 350, то есть сохраняя соотношение серебра к бумаге как один к трем с половиной, нужно было выбрать, что сделать *денежной единицей, стандартом* обращения: серебро или бумажный рубль. Выбор был продиктован фактом. Если в некоторых странах такое название может показаться новым, то само явление существует везде; везде есть вид монеты, служащий основой всех исчислений и расчетов: в Англии это фунт стерлингов, во Франции — франк. Иногда это фиктивная монета, как марка в Гамбурге, но это ничего не меняет. В России такой денежной единицей, стандартом является рубль, но бумажный, а не серебряный. Вероятно, этот бумажный рубль может рассматриваться как фикция, он не существует в действительности; но это не опровергает того факта, что сия фиктивная монета служит основой всего исчисления. Именно при такой оценке серебра металлический рубль признается соответствующим трем с половиной рублям. Кроме того, стоимость медной монеты соответствует стоимости бумажного рубля: сто копеек в меди стоят бумажный рубль, а для серебряного нужно триста пятьдесят копеек. Разменная монета, таким образом, соотносится с ассигнациями, а не с серебром.

Принимая бумажный рубль за денежную единицу, следовало, несомненно, поддерживать это общей переплавкой серебряной монеты. Это было бы весьма затруднительно и обошлось бы дорого; но тогда возникла бы наконец правильная серебряная монета, точно соответствующая стоимости, принятой ныне для денежных знаков, находящихся

в обращении. Появились бы серебряные рубли, по своей стоимости представляющие то же, что и бумажный рубль, то есть именно тот рубль, который признан таковым в обращении*.

Манифест, оставляя в стороне бумажный рубль, подлинную *денежную единицу* страны, фактически принимает за нее серебряный рубль. Но привычки не так легко изменить: люди будут заключать сделки в серебряных рублях, раз вы запрещаете им поступать иначе, но считать-то будут, как и прежде, в рублях ассигнациями, и потому ваша мнимая *единица* будет состоять из трех с половиной единиц — по крайней мере до тех пор, пока вы не проведете полную реформу, заменив нынешние ассигнации новыми металлическими билетами, соответствующими серебру.

Изменение мер и весов во Франции — реформа совсем иная и спасительная. И однако, когда истек первый срок, установленный законом для введения десятичной системы, правительство пошло на попятный и сочло нужным продлить этот срок, ибо люди были слишком озадачены трудностями и неудобствами, неизменно сопровождающими перемены такого рода; по истечении второго срока некоторые влиятельные лица просили нового продления, но тщетно. Однако здесь польза очевидна и значительна, а причин, которые заставили русское правительство предпочесть серебряный рубль в качестве денежной единицы бумажному, я найти не могу. Конечно, таким образом избежали общей переплавки монеты, но, с другой стороны, были вынуждены менять старую бумагу на новую. Скажут: это не так дорого. В материальном выражении — несомненно; но никто не может сказать, во что это обойдется морально, то есть в смысле доверия к бумажным деньгам вообще.

Могут сказать также, что, выбирая в качестве денежной единицы серебряный рубль, правительство даст понять, что желает вернуться к обращению металлических денег и что это лишь следствие принципа, изложенного в начале манифеста и объявляющего серебро основной монетой империи.

Но разве нельзя вернуться к металлическому обращению, если бы к тому имелись средства, сохранив в качестве денежной единицы бумажный рубль? Выпуская серебряные монеты, по реальной стоимости и по номиналу соответствующие нынешнему курсу бумажных денег, можно было бы, опять-таки при наличии средств, вернуться к металлическому обращению в любой желательной степени; можно было бы вернуть бумажным деньгам их истинное назначение (какое они, например, имеют во Франции), сохраняя за новой серебряной монетой ту же реальную и номинальную стоимость. Для этого следовало бы только ограничить использование ассигнаций для мелких сумм и обеспечить легкость обмена. Фунты стерлингов, франки, ранее также бывшие ливрами (то есть фунтами), далеки от своей первоначальной стоимости и, однако, продолжают служить *денежными единицами* в странах, где они имеют хождение, и способствовать полному или частичному исключению из обращения бумажных денег. Почему же рубль, приведенный к четверти своей исходной стоимости, не мог бы действовать так же?

* Меры для предупреждения колебаний в курсе бумажных денег всегда одинаковы и не зависят от того, будет ли установлен курс в 350 или 100; в этом отношении не может быть разницы между двумя единицами.

Если же речь идет только о возврате к металлическому обращению, то в качестве денежной единицы можно с равным успехом иметь как серебряный, так и бумажный рубль; нужны только средства. А разве заявление о том, что серебро является основной монетой империи, дает вам эти средства? Конечно нет.

Для чего вообще потребовалось это объявлять? Что надеется выиграть правительство, говоря, что основой обращения является серебро? Неудобства сего столь же очевидны, как и многочисленны: расстройство обращения, возможности, открывающиеся для стяжательства и спекулянтов, пользующихся, по крайней мере в первое время, новизной в способе расчетов и исчислений, коренные перемены в повседневных привычках, в сделках всякого рода и т. п. Несомненно, намного лучше иметь в обращении только металлы и пользоваться бумажными деньгами исключительно из-за простоты и большего удобства. Но зло уже сделано; ваше объявление, простое и ясное и соответственно бессильное, здесь не поможет. Средством обращения у вас является обесцененная бумага, оставившая далеко позади золото и серебро: ограничьте ваши намерения тем, чтобы предупредить дальнейшие колебания курса этой бумаги; вот все, что вы можете и предполагаете сделать. Если вы в этом преуспеваете, то сможете легко вернуться к металлическому обращению и сделать, наконец, серебро основной монетой империи. Но этого не будет. Это возможно лишь тогда, когда бумажные деньги вернуться в свое естественное состояние; до тех пор предпочтение, оказываемое вами с помощью металлов, будет только лишней помехой в исполнении принятых мер, сколь бы мудрыми и благодетельными они ни были по сути.

Остается сказать о *Депозитной кассе серебряной монеты*.

Смысл *касс* или *сохранного банка* состоит в том, чтобы получать капиталы в серебряной монете или слитках металлов и выдавать вкладчикам билеты, которые заменяют в обращении положенные на сохранение суммы. Эти банки могут быть очень полезны, когда страна свободна от бумажных денег: драгоценные металлы сохраняются, бумажные деньги выгодно заменяют их в обращении без риска обесцениться, ибо хранящиеся в банках металлы служат им достаточной гарантией. Но я не вижу, на что годятся эти сохранные банки, когда бумажные деньги уже обесценились, поскольку их слишком много. Если туда начнут привлекать металлическое серебро, выдавая взамен билеты этих банков, то этим лишь добавят к и без того избыточной массе бумажных денег другие, которые, обладая реальным обеспечением, всегда будут иметь преимущества над прежними. Однако увеличивать массу бумажных денег, когда она и так непомерна, и еще более ограничивать обращение драгоценных металлов, ставших столь редкими из-за прежних бумажных денег, значит явно делать обратное желаемому. Это значит не давать денежным знакам входить в справедливое равновесие. Объявив в манифесте, что серебро есть основная монета империи, нельзя по-прежнему изымать эту монету из обращения, выпуская вместо нее новую бумагу. Если говорят, что создание сохранных касс и металлических билетов есть лишь неизбежное следствие признания серебряного рубля денежной единицей страны и что металлическому серебру, объявленному основной монетой империи и не равному старым ассигнациям, должны непременно соответствовать новые бумажные деньги, я отвечу, что это, может быть, логично, но доказывает лишь то, сколько неудобств вызвало признание серебряного рубля денежной единицей. Приняв за такую единицу бумажный рубль, этих осложнений можно было бы избежать.

Что касается намерения правительства лишить денежного достоинства существующие ассигнации и заменить их новыми металлическими билетами, то неизвестно, как оно собирается осуществить эту замену. По закону новые билеты могут выдаваться только в обмен на суммы, сдаваемые в серебре: где правительство возьмет 150 миллионов серебром для получения взамен 150 миллионов металлических билетов, помимо выкупа существующих ассигнаций? Возьмет ли оно эти 150 миллионов металлических рублей, ничего не внося взамен? Но тогда исчезнет обеспечение этих билетов; а если его не будет, что же принесет такая операция, кроме замены одних бумажных денег другими того же рода и усугубления зла в том случае, если, вопреки всем принципам, начнется выпуск билетов на еще меньшие суммы, нежели современные мелкие ассигнации? Вероятно, она позволит правительству покончить с лажем. Но не в этом же действии, которое важно само по себе, но не так уж велико, состоит смысл переворачивания всей денежной системы, привычек, укоренившихся обычаев: сей шаг слишком велик для подобной цели, да и путь к ней мог быть намного короче. Вероятно, для уничтожения лажа достаточно было объявить, что ассигнации, как и серебряная монета, отныне принимаются для уплаты налогов по твердому курсу*, и учредить в разных городах конторы для свободного обмена ценностей по этому курсу.

Итак, каковы же изменения, внесенные в денежную систему и, по словам манифеста, незаконно приписавшие бумажным деньгам приоритет перед серебром? Эти мнимые изменения не что иное, как излишний выпуск бумажных денег, уже их обесценивший, заставивший их упасть в цене на три четверти по сравнению с серебром, которому они должны были оставаться равными. Это злоупотребление, перешедшее все границы, вытекало из стремления побыстрее раздобыть средства, возложив на народ налог в форме бумажных денег; сей налог платят не так, как обычно, но все же платят; этот налог получается, кроме того, самым незаконным, самым возмутительным образом, ибо он разоряет одних, мгновенно обогащает других, чтобы потом разорить и их.

Как только в обращение входят бумажные деньги, они немедленно (до известного предела) вытесняют драгоценные металлы. В России бумажные деньги стали в конце концов самым обычным и шире всего распространенным средством: все считалось в ассигнациях, и эта универсальность бумажных денег установилась тем более прочно, что ассигнации всегда были в равновесии с медной монетой, служившей им разменной. Курс золота и серебра определялся только ценностью ассигнаций, которая зависела и могла зависеть лишь от того, сколько их находилось в обращении. В этом смысле были правы те, кто утверждал, что в России золото и серебро могут считаться только товаром.

До тех пор пока бумажные деньги остаются в справедливой пропорции с номиналом, как, например, банковские билеты во Франции, металлы — золото и серебро — сохраняют то, что в манифесте названо их главенством, а ассигнации являются лишь вспомогательным, дополнительным средством обращения. Но когда обращение, как в России, наводнено обесцененными бумажными деньгами, то первенство неизбежно переходит

* Опыт доказал справедливость этого предположения. Действительно, много времени спустя я узнал, что правительство сумело уничтожить лаж, сдержав данное в манифесте обещание принимать в уплату налогов как бумажные деньги, так и серебро по установленному курсу.

к ассигнациям, кои вскоре заполняют все и действительно становятся одним-единственным денежным знаком. Избыточным выпуском бумажных денег вы не только лишили металлы главенства, но и заставили их проиграть, уступить место бумаге.

И остерегайтесь желать их возвращения к прежнему значению, не разобравшись прежде с бумажными деньгами, не доведя их до правильных пропорций. Вот в чем ошибка манифеста. Его бессильные слова не установят верных пропорций, но его стремление клеймить, так сказать, бумажные деньги, которых много, и поощрять исчезнувшее серебро может нанести ущерб ассигнациям, которые не перестанут из-за этого быть тем, что они есть, то есть главным средством обращения. Напрасно манифест будет утверждать, а правительство повторять, что *основная монета* империи — серебро: от этого серебро не появится в обращении; ему препятствуют бумажные деньги, огромное количество которых не уменьшится от бесполезных заявлений. К чему говорить, что все следует исчислять в серебре, что именно оно должно иметь широкое хождение, если вы продолжаете расплачиваться бумажными деньгами и пускать их в обращение? Уважайте единственное имеющееся у вас средство, попытайтесь окружить его всем возможным доверием. Это средство — бумажные деньги, которых у вас преизбыток. И вы его отвергаете, заявляя, что предпочитаете серебро, которого у вас нет и не будет, пока будет существовать такое количество ассигнаций!

Русское правительство совершило ту же ошибку в 1810 году, когда попыталось восстановить значение серебра в ущерб бумажным деньгам*. Тогда оно пошло еще дальше, приказав некоторые налоги платить только серебром. Это явно сузило сферу обращения бумажных денег, что должно было неизбежно привести к их обесцениванию. Сегодня правительство ограничивается заявлениями о принципах; это более невинно, но не более разумно.

В заключение скажем, что, не имея в своем распоряжении ничего, кроме бумажных денег, которых к тому же слишком много, нельзя подрывать доверие к ним, в чем бы это ни выразалось — в действиях или в словах. Работайте над тем, чтобы сделать неизменным нынешний курс бумажных денег; если получится, извлекайте их по возможности из обращения, заменяя их серебром и избегая, таким образом, нарушения равновесия раз и навсегда установленного курса; вернитесь к металлическому обращению, возвратите бумажным деньгам их подлинное предназначение, воспретив использование ассигнаций, когда речь идет о мелких суммах; все это будет хорошо и полезно; все это будет возможно, если у вас хватит ресурсов. Но, еще ничего не сделав, не пытайтесь так легкомысленно обращаться с орудием, без которого не можете обойтись. У вас еще будет время заявить о принципах, когда их осуществление станет возможным. Одним словом, сначала сделайте серебро *основной монетой* империи, а потом, если хотите, заявляйте, что оно ею является. До тех пор ваше заявление не только останется бессмысленным, ибо не соответствует действительности, но и будет иметь пагубные последствия, удаляя вас от цели, к которой вы стремитесь.

*Печальные последствия этого заблуждения были отмечены в России в труде, опубликованном еще в 1818 году; в нем насильственное, искусственное и непропорциональное падение курса ассигнаций выводилось из стремления правительства поощрять металлическое серебро в ущерб бумажным деньгам⁵⁵.

Примечание Р

*Извлечение из «Истории» Карамзина*³⁶

ПОВЕСТВУЯ ОБ ИСТОРИИ нашествия монголов на Россию, Карамзин размышляет о последствиях ига этих варваров для русского народа. Несмотря на свою преданность самодержавной власти, он не может удержаться от живых сожалений о свободе, на смену которой пришла эта власть.

«Было время, — говорит он, — когда Россия, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам, основанным на развалинах Западной империи народами германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам варяжскими или немецкими князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодой быть под влиянием Греции, единственной державы, не испроверженной варварами. Правление Ярослава Великого есть, без сомнения, сие счастливое для России время: утвержденная и в христианстве, и в порядке государственном, она имела наставников совести, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? театром поместного (феодалного) тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но ненадолго; осталась их память: благотворительные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними...

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благотворительные сведения и навыки более в ней размножились, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; возникли университеты для высших наук; нравы смягчались... В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть; русским было не до просвещения!

Если бы моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии, если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города, то могли бы существовать и донныне в виде государства. К счастью, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от Князей. Но так называемые послы ординские, представляя в России лицо хана, делали что хотели; самые купцы, самые бродяги могольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что должно было быть следствием? нравственное унижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом, кто мог, грабил — не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась

общей язвой собственности. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало и закон, душа гражданских обществ, воспрянул от мертвого сна: тогда надлежало прибегнуть к строгости, неизвестной древним россиянам... Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства; но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке; иго татарское ввело телесные наказания... Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством моголов...

Но заметим, что вместе с иными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде князья действовали мечом; в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде... Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры: она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия.

Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезло. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами, ибо повелевали именем царя верховного. Совершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новгорода и Пскова, умолк вечевой колокол, глас высшего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяно-россов. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих значимость возникла при моголах. Только однажды упоминается в летописях о вече московском как действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать тысяцких, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях.

Происхождение русских бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в славянских республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным, хотя в России давалось после Государем, но каждый из древних городов имел своих особенных бояр как знатнейших чиновников народных, и самые княжеские бояре пользовались каким-то правом независимости — так в договорных грамотах XIV и XV века обыкновенно подтверждалась законная свобода бояр переходить из службы одного Князя к другому; недовольный в Чернигове, боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения... Но когда Южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть Государева сделалась неограниченнее в отношении к народу, — тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность... Власть народная также благоприятствовала силе бояр, которые, действуя чрез князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось середины и никакого законного способа противиться князю. Одним словом, рождалось самодержавие».

Примечание Q

Извлечения из переписки иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе в начале XVIII века⁵⁷

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДЕПЕШ Г-НА МАНЬЯНА

Москва, 2 февраля 1730 года

«Положительно утверждают, что этой депутации (направленной к герцогине Анне, чтобы предложить ей взойти на престол) поручено объявить сей государыне, что собрание предлагает ей корону лишь при том неперменном условии, что ей будет угодно согласиться и одобрить законы, которые будут выработаны для нового порядка правления, и утвердить их надежнейшим образом.

Именно сим важным делом теперь и занимаются, но в нынешний момент трудно еще узнать, каков будет этот порядок и будет ли он установлен по примеру Англии или же Швеции. Полагают, однако, что замысел древних русских фамилий состоит в том, чтобы воспользоваться столь благоприятным случаем, как нынешний, и избавиться от ужасного рабства, в коем они находились до сих пор, положив предел деспотической власти, благодаря которой русские государи по собственной прихоти и безоглядно распоряжаются жизнью и имуществом своих подданных, к какому бы сословию они ни принадлежали; знатные русские вельможи не имеют в этом отношении никаких преимуществ по сравнению с простым людом и также подвержены тирании кнута; они могут быть с позором лишены чинов и должностей.

Нет сомнения, что именно на это русские вельможи обращают главное внимание; по крайней мере, если они этого не сделают, можно будет сказать, что они не воспользовались случаем только из-за недостатка мужества».

Февраль 1730 года

«Иностранные послы и наблюдатели были очень удивлены таким выбором: их предложения не простирались до дочерей царя Ивана, но ограничивались сыном герцога Голштинского, принцессой Изабеллой, сестрой покойного царя, его бабкой и княжной Екатериной Долгорукой. Но, узнав, какие условия предложены герцогине Курляндской вместе с короной, легко понять тайную причину отданного ей предпочтения.

Первое из этих условий состоит в том, что новая царица не должна выходить замуж, второе — что она будет править по указаниям назначенного народом совета.

Это ограничение заставляет сомневаться, примет ли предложение герцогиня Курляндская; но, по всей видимости, страстное желание царствовать и надежда когда-нибудь сбросить с себя ярмо, которое на нее возлагают, не позволят ей отказаться от престола, достигающегося ей по чудесной случайности.

Взгляды же русских на сей счет отличаются определенностью.

Недавний опыт с семейством Долгоруких заставляет их опасаться могущества фаворитов, которые всегда могут править империей даже при самодержавной власти монархов, и потому они желают либо уничтожить монархию, либо значительно уменьшить ее силу с помощью аристократии.

Различные образы правления покамест оставляют в нерешенном состоянии судьбу России: одни хотят ограничить права короны властью парламента, как в Англии, другие берут за образец Швецию, третьи думают сделать монарха избираемым по примеру Польши, четвертые же склоняются к тому, чтобы разделить всю власть между знатью и создать аристократическую республику, так что, приглашая на российский престол герцогиню Курляндскую, они замышляют одолжить ей корону на время — до тех пор пока они не придут к согласию о новом образе правления.

Отсюда легко понять, что народ вознамерился вернуться к своему древнему государству и древним обычаям; и если верно, что император при жизни покойного царя не мог надеяться на его помощь, то теперь он, несомненно, должен отказаться даже от мысли извлечь какую-либо выгоду из России».

*Кондиции, которые князь Василий Лукич Долгорукий,
князь Михаил Михайлович Голицын и генерал-лейтенант Леонтьев
привезли в Митаву, а царица подписала, принимая корону*

1. Что она будет советоваться с Верховным советом обо всех делах правления.
2. Что без согласия названного Совета она не будет ни заключать мир, ни объявлять войну.
3. Что без его согласия не введет никаких новых податей или налогов.
4. Что она без согласия Верховного совета не будет к знатым делам никого определять.
5. Что дворян можно казнить только в том случае, если суд признает их заслуживающими смерти.
6. Что имение дворянина может быть отнято, только если суд признает доказанным его преступление.
7. Что она без согласия Верховного совета не будет ни жаловать, ни отчуждать вотчины и деревни.
8. Что она не выйдет замуж и не назначит себе преемника без согласия Верховного совета и проч.

Условия, на которых герцогиня Курляндская была избрана царицей

1. Что она не выйдет вновь замуж ни за русского, ни за иностранца.
2. Что она ни при жизни, ни в завещании не назначит себе наследника; сие право остается за Верховным советом.
3. Что она никогда не станет пытаться войти в Совет, жаловать кого бы то ни было чем бы то ни было и назначать в чины выше полковничьего.

4. Если присутствие принцессы в Совете будет необходимо, то она будет обладать только двумя голосами, которые ей предоставляются по ее высокому сану для решения вопроса, когда мнения в совете разойдутся или будут равны.

5. Что она не сможет менять членов Совета или назначать новых на освободившиеся места.

6. Что она не сможет вникать в счета или иные дела Совета и если станет с ними знакомиться, то не сможет их разорвать, отменить или воспрепятствовать им.

7. Что она должна только утверждать то, что представит ей Совет.

Приведем также соображения о задуманной конституции, заимствованные из письма испанского посла герцога де Лириа.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПИСЬМА ГЕРЦОГА ДЕ ЛИРИА К МАРКИЗУ ДЕ ЛА ПАЗУ

Москва, 6 февраля/26 января 1730 года

«По предполагаемому плану правления у царицы не останется ни малейшей власти. Она не сможет отдавать никаких приказов армии, которой будут распоряжаться фельдмаршалы, отчитывающиеся во всем перед Верховным советом; в распоряжении ее величества будет только дворцовая охрана; ни один слуга не сможет поступить к ней без одобрения Верховного совета.

Верховный совет будет состоять из двенадцати членов, которые должны рассматривать все дела.

Сенат будет состоять из тридцати человек, и ему будет поручено правосудие.

Помимо этих двух учреждений будет еще одно, состоящее из двухсот представителей мелкопоместного дворянства; оно образует своего рода нижнюю палату.

Главный казначей будет отчитываться только перед Верховным советом.

Вот каков нынешний план. Бог знает, последуют ли ему или он будет в чем-то изменен; верно лишь то, что они не желают наделять царицу какою бы то ни было властью».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИЗВЛЕЧЕНИЙ ИЗ ДЕПЕШ Г-НА МАНЬЯНА

6 февраля 1730 года

«Нынешнее положение московского двора требует, чтобы я не изменял обыкновению иметь честь писать вам, что я и делаю сегодня — не с тем чтобы сообщить вам более точные сведения, нежели те, что содержатся в моей последней депеше от 2-го сего месяца, но чтобы подтвердить в обществе все более открыто говорят, что герцогиню Курляндскую призывают на престол только на известных условиях, сильно отличающихся от тех, на которых вступили на трон предшествующие государи. Покамест трудно дать точное представление о порядке будущего правления, ибо министры, собираясь для работы над ним утром и вечером, не достигли еще полного согласия между собою. Итак, Монсеньор, прежде чем уведомлять вас, я подожду, чтобы дела прояснились, ибо у каждого свой взгляд: по мнению одних, у новой царицы будет только титул, а вся высшая власть будет принадлежать Верховному совету

и только он будет распоряжаться должностями и войсками; другие же полагают, что введение такого правления не удовлетворит мелкое дворянство, весьма многочисленное в этой стране, и нельзя будет обойтись без условий, которые защитят его интересы. Следовательно, еще немного терпения — и мы точно узнаем, на каких основаниях будет зиждаться сие правление. Кажется, впрочем, что посланники соседних держав склоняются к мысли о том, что впредь Россия будет причинять им меньше беспокойства, чем доньше».

Москва, 13 февраля 1730 года

«Почти две недели прошло после кончины царя, а здесь все еще не знали, чего держаться в вопросе о порядке правления: не было известно, согласится ли герцогиня Курляндская занять престол на условиях, которые ей предписаны; но позавчера сюда прибыл курьер от депутатов, отправленных к этой принцессе, с сообщением, что она приняла предложенные условия и предполагает выехать из Митавы 9 сего месяца для коронования. По крайней мере, такой слух распространился с того времени, как прибыл курьер. Но даже если предположить, что с принятием трона преодолена главная трудность, которой так опасались, то вовсе не известно, будут ли разрешены с такой же легкостью те, что могут встретиться при рассмотрении различных положений нового порядка правления, ибо все рассуждения об этом неубедительны. Г-н Остерман все время сказывается больным, чтобы избавиться от участия в сем щекотливом деле; говорят, им занимается старый князь Голицын из Верховного совета. Утверждают, что его мысли таковы.

1. Заменить власть царицы в пределах ее двора, а всю высшую власть препоручить собранию Верховного совета, состоящего из десяти человек, кои одни только будут распоряжаться должностями и войсками.

2. Помимо этого совета образовать три других собрания, а именно Сенат, состоящий из тридцати шести членов, дворянскую палату из двухсот лиц и, наконец, третью палату, в которую войдут по два депутата от каждого города.

Но, по слухам, многие мелкие дворяне (которых подобные новшества, в сущности, ведущие к древнему образу правления, совершенно разоряют) потихоньку говорят, что, когда дело дойдет до принесения присяги новой царице (а русские обязаны присягать каждому вступающему на престол монарху), могут возникнуть неудобства, коих вовсе не ожидают. Это вкупе с бесчисленными возникающими день ото дня группами заговорщиков должно расстроить первоначальный проект князя Голицына; нет сомнения, что среди сих заговорщиков наиболее строптивыми являются духовные лица, недовольные крайним пренебрежением, которое выказывает этому сословию князь Голицын. Известно, что он не позволил никому из них войти в собрание, решавшее вопрос об избрании новой царицы, под тем предлогом, что духовенство запятнало себя корыстными стремлениями, способствовал после смерти Петра I вступлению на русский престол не законного наследника, а особы, не имевшей на то никаких прав.

Все эти соображения, кажется, вызывают здесь довольно большое беспокойство о том, что последует за кончиной царя; заключают, что либо план нового порядка правления будет отброшен и власть новой царицы останется такой же, как у ее предшественников, либо задуманные новшества хоть и с трудом, но все же будут введены без больших волнений. Все это заставляет с тем большим нетерпением ожидать, успокоит ли скорое прибытие царицы общественные тревоги».

Москва, 18 февраля 1730 года

*Предполагалось, что вчера или сегодня появится план нового правления, но ничего подобного не произошло; сие заставляет думать, что его обнародование отложено до прибытия новой царицы, которая, как я уже имел честь сообщать три дня назад, теперь находится на пути из Митава в Москву для восшествия на престол.

Доподлинно известно, что сия государыня согласилась на все предписанные ей условия, а также на введение предложенного правления. Генерал-майор Леонтьев, один из депутатов, прибывший сюда три дня назад с ответом герцогини полномочному собранию, был произведен в чин генерал-лейтенанта.

С каждой минутой растет тревога о влиянии различных заговоров, составившихся против сих новшества. Г-н Ягужинский, на первых заседаниях собрания выступавший как один из ревностнейших сторонников свободы родины (как говорят теперь русские), был в прошедший понедельник арестован прямо на заседании по обвинению в государственной измене. Все дело в письме, которое он имел неосторожность отправить царице; в нем он убеждал ее не подписывать кондиции, кои депутаты должны были ей представить, и принимать корону только с тем титулом, какой был у ее предшественников, заверяя, что она может положиться на его шпагу и на бесчисленное множество других, о чем должен был лично уведомить посылаемый гонец: таково было содержание сего письма.

Одни полагают, что новая царица сама передала письмо депутатам, стремясь заверить их в искреннем желании всецело подчиниться советам и решениям избравших ее лиц; другие же думают, что князь Долгорукий, отправленный к герцогине, первым открыл сей заговор по дороге из Митава и схватил курьера и письмо. Как бы то ни было, достоверно известно, что один из депутатов, г-н Леонтьев, по возвращении сюда передал его собранию и что арестованный гонец г-на Ягужинского доставлен теперь в Москву в железах — его фамилия Сумароков, он бывший придворный покойной герцогини Голштинской в Киле. Собрание заседало вчера целый день: и для допросов г-на Ягужинского, с которого сразу сорвали голубую ленту, и для выявления его сообщников; аресты идут непрерывно во всех сословиях, и уже насчитывается три десятка препровожденных в тюрьму. Было замечено, что г-н великий канцлер Головкин, тесть Ягужинского, присутствовавший в собрании при аресте последнего, вышел, не сказав ни слова, и удалился домой; впрочем, не известно, подозревают ли его в том, что он знал о поступке своего зятя.

Действия собрания в отношении Ягужинского и возведение г-на Леонтьева в чин генерал-лейтенанта не оставляют сомнений в том, что члены его твердо намерены отстаивать свой план нового правления. Некоторые утверждают, что в сей план войдут следующие статьи: что иностранцы будут исключены из Верховного совета; что, однако, во уважение услуг, оказанных г-ном Остерманом, он там останется, но сие впредь не будет служить прецедентом; что царица сможет заключать мир и объявлять войну только с ведома и согласия Верховного совета, в котором у нее будет два голоса; что на ее личные расходы ей будет ассигнована сумма в пятьсот тысяч рублей; что ей будут подчиняться только части, приданные ей для охраны ее особы и дворца; что армия, в том числе четыре гвардейских полка, будет получать только приказы Верховного совета; что казна будет вверена попечению главного казначея, назначаемого Советом, через который будут про-

ходить все счета; что дворянин, виновный в преступлении, будет наказан по закону, но его вина коснется только его и немилость не распространится на остальную семью, как это бывало в прошлом, и что, наконец, все чины и должности будут распределяться советом. Но этот Совет еще не создан, и утверждают, что величайшие споры сопровождают теперь выбор тех двенадцати членов, из которых он должен состоять. Главные лица, имеющие наибольшее влияние в полномочном собрании и выступающие там, — это князь Дмитрий Голицын, его брат, фельдмаршал Долгорукий (их единомышленник), и князь Черкасский, который слывет ученым юристом».

Версаль, 27 марта 1730 года

«Начавшийся процесс над г-ном Ягужинским может стать сигналом к еще большим волнениям; предполагают, однако, что *старые русские* решительно намерены поддерживать *средоточие власти, не зависящее от новой царицы*. Вы можете сообщить об этом крайне интересные подробности, кои мы с удовольствием прочтем».

Москва, 27 февраля 1730 года

«Так как новая царица на прошедшей неделе была уже в восьми верстах от столицы, о чем я имел честь сообщать в последнем письме, члены Верховного совета, Сената и фельдмаршалы, представляющие генералитет, позавчера, в субботу, все вместе отправились к принцессе, чтобы принести ей благодарность за то, что ей было угодно принять корону на условиях, представленных ей депутатами от различных сословий Российской империи, и поздравить ее с восшествием на престол; к тому же они сочли своим долгом привезти ей ленту ордена Святого Андрея, гроссмейстером коего она становится как русская монархиня; кроме того, они сообщили ей, что все готово к ее торжественному въезду в Москву и от нее зависит теперь назначить день.

Царица прежде всего ответила, что подписала указанные кондиции для их удовольствия и заверила, что будет всю жизнь их соблюдать, в надежде, что мудрые советы сих вельмож сделают ее царствование счастливым. Затем она приняла ленту из рук г-на канцлера Головкина, старшего из кавалеров этого ордена, и объявила, что намерена въехать в Москву на следующий день, в воскресенье (то есть вчера) после полудня, и что по этому случаю траур будет прерван на три дня».

*ПРОШЕНИЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ЦАРИЦЕ РУССКИМ ДВОРЯНСТВОМ
8 МАРТА/25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА*

Всепресветлейшая всемилостивейшая государыня императрица! Хотя волею Всевышнего Царя, согласным соизволением всего народа единодушно ваше величество на престол империи Российской возведена, ваше же императорское величество, в показание вашей высокой ко всему государству милости, изволили представленные от Верховного совета пункты подписать, за каковое ваше милостивое намерение всенижайше рабски благодарствуем, и не токмо мы, но и вечно наследники наши имени вашему бессмертному благодарению и почитанию воздавать сердцем и устами причину имеют; однакоже, всемилостивейшая государыня, в некоторых обстоятельствах тех пунктов нахо-

дятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства, из которого только неприятелям Отечества нашего польза быть может, и хотя мы с благорассудным рассмотрением написав на оные наше мнение, с подобающею честью и смирением Верховному Тайному совету представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствия всего государства по оному, яко по большему числу голосов, безопасную правления государственного форму учредить, однакоже, всемилостивейшая государыня, они еще о том не рассудили, а от многих мнений подписанных еще не принято, а объявлено, что того без воли вашего императорского величества учинить невозможно. Мы же, ведая вашего императорского величества природное человеколюбие и склонность к показанию всей империи милости, всепокорно низжайше вашего величества просим, дабы всемилостивейше по поданным от нас и прочих мнениям соизволили собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить и вашему величеству кутверждению представить. Хотя прошение сие подписано всего восемьдесятю семью лицами, но прочие согласуют большую часть, чему свидетельствуют подписанные от многих мнения.

*ДРУГОЕ ПРОШЕНИЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ЧЕРЕЗ ЧАС ПОСЛЕ ПЕРВОГО,
НА КОТОРОЕ ЦАРИЦА ОТВЕТИЛА СОГЛАСИЕМ*

Державнейшая и проч.

Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лучшего утверждения и пользы Отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем к благодарению за тако превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнейше ваше императорское величество просим, чтоб соизволили сочинить вместо Верховного совета и высокого Сената один Правительствующий сенат, как при Петре Первом было, и исполнить его довольным числом — 21 персоною: такожде ныне в члены и впредь на упалые места в оный Правительствующий сенат и в губернаторы, и в президенты повелено б было шляхетству выбирать баллотированьем, как то при Петре Первом установлено было; и притом всеподданнейше просим, чтоб по вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для пребудущего времени ныне установить. Мы напоследок, вашего императорского величества всепокорнейшие рабы, надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и в облегчении податей по природному величества вашего благоутробию презренны не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем.

Москва, 9 марта 1730 года

«Так как г-н герцог де Лириа любезно уведомил меня сегодня ночью, что через два часа отправляет курьера, который проедет через Париж, я пользуюсь этим, чтобы покорнейше сообщить вам, Монсеньор, что вчера после полудня царица посетила заседание собрания, где генерал-майор гвардии Юсупов представил ее величеству план нового порядка правления из девяти статей, исправленных князем Черкасским по сравнению с теми, кои царица подписала в Митаве, спрашивая, не будет ли ей угодно одобрить и утвердить эти статьи в их нынешнем виде, или же она предпочтет сохранить за собой высшую власть. Сразу поднялись разные голоса, из которых можно было понять, что все дворянство единодушно просит сохранения самодержавной власти, что не преминуло, говорят, вызвать большие споры в заседании; но всех успокоили высшие гвардейские офицеры, которые, заметив, что царица начинает колебаться, попросили ее заявить о согласии с желаниями дворянства. Генерал-майор гвардии Салтыков сказал даже, что готов немедленно исполнить приказы, кои будут угодно отдать ее величеству, и унять всякого, кто осмелится выразить противное мнение. На сие царица ответствовала, что, раз таковы намерения дворянства, она повелевает принести статьи, которые она подписала в Митаве, зачеркнуть их и уничтожить, что и было тотчас же исполнено; таким образом самодержавная власть во всей прежней широте ее полномочий осталась за ее величеством царицей, которая сразу же распорядилась освободить г-на Ягужинского. Затем она объявила, что отныне ведать ее волю и передавать ее приказы гвардейцам будет генерал-лейтенант Салтыков, майор гвардии.

По выходе из ассамблеи, то есть вчера поздним вечером, об этом важном событии уведомил господ иностранных послов, аккредитованных при здешнем дворе, г-н государственный канцлер Головкин.

Вот все, что я до сих пор мог узнать о пружинах, приведших в действие сие странное решение; скорее всего, князь Долгорукий отношения к нему не имел, а готовили его, с одной стороны, г-н Остерман, с другой — г-н Ягужинский; оба — первый из собственной постели, второй из тюрьмы — нашли способы действовать через своих супруг и уведомили царицу о своем маневре, несмотря на бдительность князя Долгорукого».

Москва, 9 марта 1730 года

«Прошлой ночью я имел честь писать вам с курьером, которого г-н герцог де Лириа отправил через Париж; хотя я уверен, что он опередит обычную почту, которая отправится сегодня вечером, я нахожу полезным присоединить на всякий случай копию вчерашней депеши.

Вы узнаете из нее, Монсеньор, о важном событии, случившемся здесь вчера вечером, — о восстановлении самодержавной власти, которая, казалось, была отменена при восшествии царицы на трон. По мнению некоторых русских, немного знающих историю своей страны, подобное происходит не впервые; они утверждают, что последний царь, который носил российскую корону до того, как она перешла к династии Романовых (только что угаснувшей), достигнув преклонного возраста и не имея ни наследника, ни надежды его обрести, предложил ограничить самодержавие и извлечь народ из тяжкого рабства, в коем тот находился. Но предложение этого монарха по зрелом рассмотрении его главными лицами государства было единодушно отвергнуто как совершенно неподходящее духу русского народа.

Зная сие, не следует удивляться только что случившемуся. Не вдаваясь в рассуждения об этом, ограничусь одним добавлением к отчету, который имел честь отправить вам сегодня утром: говорят, будто ее царскому величеству было угодно снизойти на просьбу дворян и объявить, что отныне никто из них не будет лишен чинов и должностей, сослан или лишен имущества иначе как по приговору суда; сверх того, при выборе членов своего Совета она не будет включать туда более одного лица от каждой фамилии.

Я также не сообщил, что, освободив вчера г-на Ягужинского, царица публично вернула ему в собрании его шпагу и ленту ордена Святого Андрея и что, кроме того, г-н канцлер Головкин, уведомляя вчера вечером иностранных посланников о восстановлении самодержавия, пригласил их также пожаловать сегодня ко двору для принесения поздравлений царице (траур по этому случаю был прерван), что они и сделали, явившись на великолепный прием. Было приказано сегодня вечером иллюминировать все улицы.

Утверждают, что совершившийся только что переворот был подготовлен г-дами Остерманом и Ягужинским через посредство князя Черкасского. Хотя он и был автором проекта реформы, но тоже примкнул к заговору и, несмотря на все старания, приложенные князем Долгоруким к тому, чтобы никто не мог без его ведома встречаться с царицей, сумел с помощью своей жены, княгини Черкасской, и жены генерала Матюшкина довести до нее всю необходимую клевету.

Сообщают и другую подробность, за точность которой я пока не могу ручаться, а именно: фельдмаршал Голицын, посетив некоторое время назад г-на Остермана, которого он считал тяжело больным, и убедившись в обратном, был возмущен и грубо разбранил его, горько упрекая за нежелание присутствовать в заседаниях Совета в такое время, когда особенно нужно его просвещенное мнение; резкость фельдмаршала так обидела г-на Остермана, что он чуть не умер от огорчения, и именно это должно было побудить сего министра рискнуть всем для того, чтобы разрушить проект нового порядка правления.

Если это так, то нельзя сомневаться, что г-н Остерман, примирившись вследствие этого события с г-ном Ягужинским, человеком мстительнейшим, снова войдет в доверие и вскоре здесь станет твориться нечто весьма загадочное».

Записка о тех же событиях, приложенная к письму г-на де Бюсси

Москва, 19 марта 1730 года

«Утром 8 марта дворяне попросили у царицы аудиенции; согласившись на сие, ее величество приказала пригласить туда и Верховный совет. Как только дворяне вошли, генерал-лейтенант и командир гвардии князь Юсупов представил царице от имени всех названных дворян пункты, которые они сочли приемлемыми для лучшего монархического правления; это были те же девять статей князя Черкасского. Ее царское величество милостиво приняла указанные статьи и передала их князю Черкасскому для прочтения их вслух, что он тут же и сделал. Когда чтение закончилось, царица потребовала перо и подписала проект, объявив, что всецело одобряет его и желает во всем ему следовать. Дворяне удалились в обычный зал заседаний и решили немедленно направить к царице депутатов для принесения благодарности.

Между тем гвардейские и другие офицеры, которых было много при царице, взбунтовались и начали кричать, что не желают, чтобы их государыне, которая должна править так же безраздельно, как ее предшественники, навязывали законы. Возмущение зашло так далеко, что царице пришлось им пригрозить. Но и бросившись ей в ноги, они говорили: «Государыня, мы верные подданные вашего величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев».

Тогда царица приказала им повиноваться генерал-лейтенанту Салтыкову, генерал-полковнику гвардии, который, возглавив их, приветствовал ее царское величество как самодержавную государыню; когда дворяне вернулись, они сделали то же самое и по единому признанию царица сохранила такую же власть, как и ее предшественники. Новый план правления, который она только что подписала, был изорван в мелкие клочки так же, как восемь статей, подписанных в Митаве, а с ними разлетелись в прах и пустые замыслы тех, кто был охвачен республиканским вдохновением.

Для Верховного совета, желавшего править по своей прихоти и с этой целью пытавшегося помешать кому бы то ни было беседовать с царицей и сообщать ей разного рода измышления, это оказалось ужасным ударом. Но этот Совет обыграли жены главных преданных царице дворян, которые, за отсутствием своих мужей, сообщили ей обо всем и стоворились с ней о том, что и было исполнено.

В ту же минуту, когда произошло все описанное выше, царица приказала освободить генерала Ягужинского, с которым, как уверяют, она дважды тайно встречалась в тюрьме, и возвратила ему все знаки отличия и должности.

К вечеру государственный канцлер послал секретаря канцелярии известить всех иностранных послов о том, что в полдень царица была объявлена в собрании всех сословий самодержавной государыней всея Руси и что мы должны отправиться сегодня утром во дворец для поздравления».

Москва, 13/2 марта 1730 года

«Все, касающееся самодержавия царицы, произошло почти так, как сообщалось в донесении от 9-го.

Верховный совет уже решил схватить князя Черкасского, но он, с помощью своей жены, ее невестки и герцогини Мекленбургской, сестры царицы, подготовил и осуществил в сговоре с царицей все, что было исполнено 8-го числа.

Не осмеливаясь идти во дворец вместе со всеми дворянами, князь Черкасский поручил своим друзьям войти по отдельности в переднюю и присоединиться к нему, как только он появится; а князь Юсупов, подполковник Преображенского полка, условился о том же с гвардейскими офицерами.

Князь Черкасский прибыл ко двору в десять часов утра и испросил аудиенцию у царицы, после чего она послала за членами Верховного совета, коим было передано приглашение присутствовать при этом.

Князь Черкасский представил просьбу, подписанную многими дворянами, а князь Юсупов — другую того же содержания, подписанную гвардейскими офицерами. Царица

приказала их прочесть, и члены Верховного совета сказали затем, что ее царскому величеству надлежит проследовать к себе в кабинет для обсуждения их, но герцогиня Мекленбургская, ее сестра, приблизившись с пером в руке, сказала, что рассуждать здесь не о чем и следует просто подписать, что царица тут же и сделала. В то же время она приказала гвардейским офицерам подчиняться только приказам генерал-лейтенанта Салтыкова, гвардии подполковника.

Дворяне удалились и, собравшись в гостиной дворца, решили в благодарность за доброту, с которой царица подписала их просьбу, предоставить ей ту же самодержавную власть, какой обладали ее предшественники. Они попросили еще раз принять их вечером, на что царица немедленно дала согласие и отправилась обедать вместе со всеми членами Верховного совета, чтобы они от нее не отлучались.

В три часа пополудни дворяне возвратились. Князь Черкасский представил другую просьбу, которую царица повелела прочесть вслух; потом, поблагодарив дворянство, она приказала государственному канцлеру сейчас же принести восемь статей, подписанных ею в Митаве, и другие документы, подписанные ею в пользу Верховного совета. Когда канцлер принес их и представил царице, она в присутствии всех разорвала их на куски.

11 марта/28 февраля был опубликован собственноручно подписанный царицей указ о принесении присяги ей как самодержавной государыне.

Члены Верховного совета были счастливы, что бездействовали 8-го числа, ибо, если бы они сколько-нибудь воспротивились решению дворянства, последнее и гвардейские офицеры выкинули бы Верховный совет в окно. Теперь все спокойно и царица очень весела и довольна».

Москва, 16 марта 1730 года

«Неделю назад я имел честь сообщать вам о восстановлении в этой стране самодержавия и о том, каким образом сие великое дело было совершено. Сегодня добавлю к этому предмету вот какие подробности: кажется, что мелкое дворянство в целом питает неистребимую ненависть к двум семьям — Голицыным и Долгоруким, приписывая им пагубные для отечества намерения захватить высшую власть. Утверждают, что они единодушно просили царицу, чтобы она соизволила восстановить самодержавие (как она и сделала), опасаясь в особенности сих двух фамилий и того, что украинские казаки не упустят столь благоприятного случая сбросить ярмо российского господства.

Чтобы как можно скорее склонить к этому государыню, более восьмисот дворян собрались в тот день при дворе, полные решимости взять дело в свои руки, если члены Верховного совета окажут какое-либо сопротивление. Этого не случилось и, как утверждают, если обстоятельства не дошли до плачевной крайности и не произошла одна из самых трагических сцен, то все решила минута: когда царица отказалась выполнить просьбу князя Василия Долгорукого — уйти к себе в кабинет и обсудить прошение, поданное дворянством на заседании собрания, опасность была предотвращена герцогиней Мекленбургской, которая сказала ей в этот миг: «Нечего тут думать, государыня, извольте подписать». Царица и в самом деле подписала это прошение дворянства, сказав при этом капитану гвардии: «Вижу, что я здесь небезопасна; повинуйтесь генерал-майору Салтыкову, и только ему одному». Члены Верховного совета, видя, что они со всех сторон окружены вооруженными людьми,

остались недвижимы, а царица, как я уже имел честь вам заметить неделю назад, приказав принести статьи, подписанные ею в Митаве, разорвала их и бросила под ноги.

В соответствии с этим сия государыня два дня спустя издала указ, где сообщалось, что так как она, по настоянию дворянства, возвратила себе самодержавную власть, все ее подданные без различия сословий и состояний должны вновь принести ей присягу по только что составленному образцу; перевод ее имею честь, Монсеньор, здесь приложить.

После этого царица сочла нужным восстановить управление на тех же основаниях, на каких оно существовало в царствование покойного царя Петра I. Для сего она составила Сенат из двадцати одного члена, которых вчера избрала».

Москва, 3 апреля 1730 года

«Русские, только по своей вине и попавшись в ловушку, упустили представившийся им благоприятный случай освободиться от древнего рабства, ибо раз царица приняла и подписала кондиции, представленные ей депутатами собрания, для их окончательного подтверждения им нужно было договориться между собой о новом порядке правления, который пришелся бы по вкусу мелким дворянам и удовлетворил бы их; сие не удалось им по двум главным причинам: во-первых, из-за отсутствия в то время единства и согласия между знатными фамилиями и, во-вторых (что было неизбежным следствием первого), из-за их упорного желания, чтобы Верховный совет, собранию которого должна была принадлежать высшая власть, состоял только из восьми или десяти членов, в то время как все дворянство, с полным основанием предвидя, что оно во всех отношениях будет угнетено, если власть окажется в руках двух или трех знатнейших семейств, требовало, чтобы число членов Совета было доведено до двадцати одного, причем от каждой семьи в него входило бы не более одного или двух лиц.

Г-н Остерман, увидев, что он полностью отстранен от дел, не мог, по свойственной ему ловкости, не воспользоваться беспорядком, внесенным этими противоречиями в полномочное собрание, и, полагаясь на то важное обстоятельство, что ни Голицыны, ни Долгорукие не смогут опереться на войска, почти целиком состоящие из этого самого дворянства, он присоединился к г-ну Ягужинскому и князю Черкасскому и постарался внушить царице, что, вступив на престол по праву рождения, она не должна терпеть навязывание ей каких-то кондиций, тем более дерзких, что ничего подобного не предъявлялось царице Екатерине, несмотря на постыдные обстоятельства ее избрания, что к тому же, по известной природе русских, следует ожидать, что они вскоре воспользуются разнузданной свободой только для того, чтобы предаться лени и безделью, из чего неизбежно последует упадок монархии, которая быстро вернется к старинному состоянию.

Пока эта клевета доводилась до сведения царицы путями, упомянутыми в моих депешах от 9-го прошедшего месяца, некоторые главные интриганы из духовенства, весьма задетые тем, что их исключили из собрания, принялись со своей стороны подстрекать мелкое дворянство против Верховного совета, главных деятелей коего они представляли тиранами, замысливающими новый порядок правления лишь для того, чтобы безнаказанно захватить высшую власть, после чего рабство дворян станет несравненно более невыносимым, чем при сохранении самодержавной власти государя. И поэтому, если царице сейчас будет возвращена самодержавная власть, рухнут не только все планы нового по-

рядка правления, как внутреннего, так и внешнего, но и влияние их сочинителей, поскольку простое членство в Сенате, каким они обладают сегодня, вовсе не дает им права господствовать во всех делах...

Принцесса Елизавета здесь никак себя не проявила. Она тогда развлекалась за городом, и те, кто действовал в ее пользу, не могли даже добиться, чтобы она по такому случаю появилась в Москве; гонцы, срочно отправленные к ней, не застали ее вовремя, так что она приехала в город только после избрания герцогини Курляндской. Но если бы она и явилась раньше, можно думать, что ее присутствие ни к чему бы не повело — по трем в равной степени важным причинам, не позволяющим ей иметь полезных друзей в знатнейших русских семействах: первая из них — ее развязное поведение, которое русские, несмотря на их собственную невоспитанность, глубоко презирают; вторая — ужас, который вызывает у них воспоминание о царствовании ее матушки и о крайнем высокомерии, с коим во всех отношениях действовали Голштейны во время их регентства в России. Это делает саму мысль об их возвращении до такой степени ненавистной, что одного этого страха довольно для исключения принцессы Елизаветы из претендентов на престол, хотя бы право на него и принадлежало ей неопровержимо.

Наконец, третья причина состоит в том, что по одному из канонических установлений греческой Церкви ребенок, рожденный до венчания отца и матери, не может считаться законным, хотя бы впоследствии свадьба и имела место. Для русских это предписание нерушимо; вот почему они убеждены, что принцесса Елизавета, как и сын герцогини Голштинской, не может иметь законного права на российскую корону. Видимо, на этом основании князь Голицын в речи, с которой вы знакомы, Монсеньор, по моей депеше от 2 февраля, произнесенной им в Совете сразу после кончины царя, заявил, что с этой смертью пресеклась династия Петра I. Сия речь не встретила в Совете никаких возражений, и отвечавший ему фельдмаршал Долгорукий поддержал эту мысль, которая, как он сказал, исходит от Бога. Из этого вы поймете, Монсеньор, что принцесса Елизавета не в состоянии никаким образом поколебать новое правительство; сегодня это, по-видимому, настолько невероятно, что утверждают, будто голштинские дипломаты, предполагавшие ранее подать протест против избрания герцогини Курляндской, с тех пор сочли за благо от сего воздержаться.

Выше я имел честь доносить, что г-н Остерман, по всей вероятности, сохранил свое влияние. Пока к этому нечего прибавить. Доподлинно известно, что старые русские сами осознали, что им всего более пристало жить потихоньку, не предлагая участвовать в какой-нибудь войне за границей, что может принести России лишь вред. Поэтому, несмотря на проявленное царицей намерение исполнить свои обязательства и на то, что она не только приказала офицерам полков, предназначенных для помощи императору, быть готовыми к походу, но и приняла решение заменить эти войска солдатами нового набора числом 40 000 человек, наиболее здравомыслящие люди здесь твердо уверены, что этот корпус не переступит границ России. Все сие прояснится, когда вопрос будет обсуждаться в Сенате, где, говоря, г-н Остерман должен будет доложить обо всех делах. Если это так, то нет сомнения, что там возникнет сильное противодействие со стороны старых русских и причиною тому будет вражда, которую питает к Остерману большинство из них, еще возросшая оттого, что царица прислушивается к его советам, и благодаря его роли в восстановлении самодержавия».

Москва, 10 апреля 1730 года

«Я получил распоряжение, коим вам угодно было почтить меня 2-го прошедшего месяца. Надеюсь, что моя последняя депеша от 3-го сего месяца, как и предыдущие, удовлетворительно разъяснит то, о чем вам угодно было меня спрашивать в связи с кончиной царя, я поспешу сегодня ответить на два пункта, содержащихся в указанном распоряжении, — один касается причин, по которым герцогиню Курляндскую предпочли герцогине Мекленбургской, другой имеет отношение к переговорам об особом союзе между Данией и Россией.

По первому пункту вы уже усмотрели, Монсеньор, из моей депеши от 2 февраля, что явная причина исключения герцогини Мекленбургской из числа претендентов на русский престол такая: поскольку сия государыня замужем за иноземцем, состояние его дел может вовлечь Россию во внешние затруднения. Таковы в действительности воззрения лиц, называемых старыми русскими: если бы им удалось, как они того желали, возглавить правительство, они мало занимались бы внешними делами, не имеющими прямого отношения к выгодам власти. Однако я совершенно убежден, что помимо названной правдоподобной государственной причины есть и другие, особенные и секретные, возможно, связанные с замыслом знатнейших русских семейств уничтожить самодержавие и ввести выборную монархию. Можно полагать, что они нашли несовместимости с этим избрание на престол герцогини Мекленбургской — не только потому, что у нее уже есть наследница, но и потому, что подобное событие привлекло бы в Россию ее супруга: они опасались, что сей государь, обладая, по их разумению, беспокойным нравом, принесет с собой иноземные понятия и желание руководить делами. Скорее всего, именно это и побудило их решительно отказать от герцогини Мекленбургской, хотя она старше герцогини Курляндской».

Москва, 24 апреля 1730 года

«Со времени восстановления самодержавия казалось, что царица не питает никакой неприязни к тем, кто во время междоусобия замыслил изменить порядок правления; но теперь очевидно, что это был способ лучше подготовиться к тому, что она собирается в этом отношении предпринять. В прошлый четверг, 20-го сего месяца, государыня, в течение многих дней подряд тайно беседовавшая у себя в кабинете г-ном Остерманом, обнародовала приказы об удалении от двора шестерых вельмож из семейства Долгоруких и некоторых других знатных особ.

Может случиться, как многие думают, что их участь будет еще более плачевна; достоверно, однако, что все они уже выехали из Москвы, где им было позволено оставаться не более двадцати четырех часов, и отправились в такие удаленные друг от друга места, что у них не будет никакой возможности сноситься друг с другом...

Пока о немилости к стольким лицам можно судить только по слухам, поэтому, Монсеньор, то, что я буду иметь честь сообщить вам сегодня, касается лишь князя Василия Долгорукого. Тут видят две главнейшие причины: дело в том, что царица сочла себя оскорбленной не только его участием в проекте реформы правления, но и тем, сколь неотвязно он преследовал государыню, мешая кому-либо к ней приближаться...

Что же до других высланных, то весьма правдоподобно, что вина их состоит в попытке переменить порядок правления и излишней горячности, ими проявленной. Многие по-

лагают, что царица на этом не остановится и отправит в ссылку еще многих, среди коих будут старый князь Дмитрий Голицын, фельдмаршалы Голицын и Долгорукий, г-н Шафиров и многие другие, но по отношению к двум первым это было бы крайней мерой. Итак, хотя слухи об этом и распространяются в обществе, я все же считаю их безосновательными...

Верно, что первые твердые шаги царицы со времени ее вступления на престол дают место различным суждениям. Некоторые, судя по всему, и впрямь одобряют действия сей государыни как лучшее средство обеспечить свободу ее правления; но гораздо больше тех, кто, зная дух этого народа и вспоминая о грозных карах, к коим прибегал царь Петр I, преследовавший мятежные поползновения своих подданных и все же не сумевший их искоренить несмотря на исключительную суровость своего правления, придерживается того мнения, что недовольство стольких знатных лиц не останется без пагубных последствий, особенно потому, что их высылку приписывают скорее не мягкой и милостивой по натуре царице, а жестоким советам некоторых ее приближенных, которые, будучи иноземцами, тем более вызывают ненависть угнетенных и желание отомстить...

Несомненно, стремление г-на Остермана избежать больших неприятностей, угрожающих лично ему, заставило сего министра просить царицу перенести свое пребывание в Петербург, где он может чувствовать себя в большей безопасности, нежели в Москве. Вы знаете, Монсеньор, что он не мог добиться этого от покойного царя из-за сопротивления старых русских и главным образом Долгоруких; но теперь, когда этих препятствий уже нет, не приходится сомневаться, что ему будет легко убедить царицу, представив ей необходимость ее присутствия в Петербурге для восстановления флота, пришедшего в совершенный упадок со времени, когда двор переехал в Москву, от состояния морских сил, однако, во многом зависит уважение, которое питают к России ее соседи. Как бы то ни было, уже в течение недели в обществе обсуждается известие об отъезде двора в Петербург сразу после коронации, которая, кажется, назначена на следующее воскресенье, последнее в этом месяце. Некоторые даже прибавляют, что, стремясь предотвратить возможное возмущение, которого иноземцы, находящиеся во главе правительства, имеют основание опасаться, царица задумала пригласить на службу двух самых известных генералов, отличившихся в войсках императора; сие, без сомнения, скоро выяснится».

Каким же оказалось сие царствование, столь печально начавшееся?

Никогда, со времен Петра I, тирания не заходила так далеко. Дворяне, воспротивившиеся введению лучшего правления, были тем не менее истреблены пытками и кнутом. Память об императрице Анне и о ее фаворите Бироне омерзительна и ненавистна, а царствование ее считают злосчастнейшим из всех, последовавших за кончиной Петра I.

И какова же была судьба императрицы, которая, приняв и поклявшись выполнять условия, на которых была возведена на престол, не побоялась потом отказаться от них и уничтожить их? Вторую половину своего царствования она провела в слезах и постоянном ужасе. Среди теней бесчисленных ее жертв один призрак непрестанно вставал перед ней, словно упрекая ее в тирании: каждую ночь ей являлась изуродованная, окровавленная голова Волынского, лишая ее сна. Это видение преследовало ее до самой смерти; испуская последний вздох, она с криком ужаса указывала на него пораженным очевидцам. Но кто может сказать, что снится, что грезится самодержавной государыне?

Не говоря о стране, зададимся вопросом: а не были бы счастливее дворяне и сама императрица, не умерли бы они более спокойно, если бы все они приняли конституцию, предложенную им людьми более проницательными?

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДЕПЕШ Г-НА КАМПРЕДОНА

Еще до того времени, о коем мы только что рассказали, а именно в царствование императрицы Екатерины I, мысли о конституционной реформе, видимо, уже занимали некоторых русских. Французский агент, г-н де Кампредон, в депеше, посланной им своему двору 15 января 1726 года, писал среди прочего следующее:

«Недовольство многих московских вельмож еще не дало о себе знать, но, несмотря на это, оно существует, и если царица будет продолжать вести тот образ жизни, какой начался несколько месяцев назад, совершенно очевидно, что ее царствование продлится недолго. Я уже имел честь, Монсеньор, обращать ваше внимание на то, что большинство знатных особ сей нации стремится уменьшить деспотическую власть, а это вернейший признак ее близкого падения у жестоких и привыкших к рабству народов. Поскольку это не удалось бы им, если бы они стали дожидаться совершеннолетия царевича и его вступления на престол, есть основания опасаться, как бы те, кто рассчитывает впоследствии на значительную роль в правительстве, не поторопились и не ввели бы порядок наподобие английского; надобно думать, что именно поэтому они и не восстали против проекта голштинцев и навязанных последними царице отношений с Венским двором — в надежде, что последующие события облегчат им достижение их цели».

В другой депеше того же лица от 23 февраля 1726 года читаем:

«Сегодня имею честь донести вам о событии тем более значительном, что под видом укрепления власти царицы, кажется, был заложен первый камень того здания, которое знатные московские особы замыслиют нечувствительно воздвигнуть, то есть увеличить свою власть и как в настоящем, так и в будущем играть более существенную роль в управлении делами этой страны. Дело идет о создании высшего Совета, главой которого будет царица, а членами — важнейшие лица, облеченные совершенно такою же, как у нее, властью... Ничто не решится без единодушного согласия Совета, который от имени царицы будет держать в своих руках все... Учреждение такого Совета уничтожит всю власть, какую до сих пор имел Сенат.

Любопытно, какие последствия принесет сие установление, весьма льстящее самовластию и власти царицы. Она вслух пообещала доказать, что умеет принудить всех к повиновению и поддержать уважение к своему правлению. Вы лучше всех можете судить, Монсеньор, об основательности такого заявления. В общем, можно предполагать, что введением этого Совета царица укрепит свое положение, но лишь до тех пор, пока члены его будут заодно и сие будет входить в их расчеты; однако легко предвидеть, что это первый шаг к изменению порядка, который москвитяне желают сделать менее деспотическим, чем ранее; многих удерживает только малолетство царевича (кое возложит на них ответственность за содеянное, если паче чаяния они лишатся того, кто способен их поддержать); когда же представится случай, они обезопасят себя, укрепят свое влияние и, незаметным об-

разом посягнув на самодержавную власть, присвоят себе те полномочия, какие сочтут необходимыми для образования и введения порядка, подобного английскому. Весьма вероятно даже, что сие именно обстоятельство и определило сделанный ими выбор; по крайней мере, так люди проникательнейшие думают о следствиях этого учреждения, и мнение сие согласно с тем, что мне до сих пор было известно о намерениях здешней знати».

Чтобы лучше понять, до какого позора довело Россию самодержавие, надобно вспомнить императрицу Екатерину I. Эта маркизантка, подобранная в неприятельском обозе и возведенная на престол солдатами, тоже составила завещание, определившее порядок наследования престола, назвала лиц, которые должны были стать регентами, указала тем, кто мог быть призван на царство, супружеские союзы, кои они должны были заключать, и проч. и проч.

Меншиков, всемогущий при Екатерине I и в начале царствования ее преемника Петра II, думал только о собственных выгодах. Но если бы вместо сего он попытался использовать свое влияние и сделать ход правления более правильным, то, скорее всего, вместо ссылки и гибели он по-прежнему мирно пользовался бы и императорским благоволением, и богатствами, которых скопил множество, а имя его, славное и почитаемое, жило бы в истории.

Долгорукие, захватившие власть после него, и не подумали о том, чтобы воспользоваться ею для введения разумного правления; они предпочли извлекать из нее личные выгоды. Что же они выиграли? Гибель — или в ссылке, или от руки палача. Одно из величайших преступлений — жертвовать интересами государства для собственной пользы.

Примечание R

*Извлечения из проектов Сперанского*⁵⁸

ВСЯКИЙ РАЗ, когда власть в России задумывала сколько-нибудь важные реформы и желала всерьез ими заняться, она приходила к мысли о необходимости представительного правления.

Когда императрица Екатерина попыталась создать новое Уложение, она, несомненно, имела в виду установление законного и представительного правления.

Усилия императора Александра в начале его царствования носили тот же характер. Его проект конституции для Российской империи, скопированный с конституции, которую он перед этим даровал полякам, достаточно ясно показывает, что речь шла именно об установлении в России представительного правления. Если не ошибаюсь, этот проект был опубликован в 1832 году в «Portofolio»⁵⁹.

Но, может быть, наиболее замечательны в этом отношении труды Сперанского, о коих я уже упоминал (см. выше примечание I). Через много лет после написания сего

примечания я нашел у себя некоторые выписки из проектов этого государственного деятеля, сделанные мною давно, при первом их чтении. Эти извлечения показали мне достаточно любопытными, и я решил их обнародовать, хотя бы потому, что они служат очередным подтверждением сказанному: всякий раз, когда в России серьезно задумывались над тем, как можно исправить ужасное положение страны, средства искали в предводительном правлении.

Извлечения из «Введения к Уложению государственных законов»

I. Об извечной потребности в законном конституционном порядке

Со времени, когда в России установилась самодержавная власть, до дней наших напряжение общественного разума к свободе политической всегда более или менее было приметно; оно обнаруживалось разными явлениями. Следующие можно особенно здесь приметить.

Еще при царе Алексее Михайловиче почувствована была необходимость ограничить самодержавие, и если по разуму того века нельзя было основать прочных для его установлений, по крайней мере внешние формы правления представляли первоначальное тому очертание. Во всех важных мерах признаваемо было необходимым призывать на совет просвещеннейшую по тогдашнему времени часть народа — бояр — и освящать меры сии согласием патриарха.

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле.

Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приутожил.

Вскоре начала, им положенные, столько усилились, что при восшествии императрицы Анны на престол Сенат мог и дерзнул пожелать политического существования и поставил себя между народом и престолом.

Но эти усилия были преждевременны, и для их ниспровержения достаточно было придворной интриги.

Век императрицы Елизаветы тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем, однако же, семена свободы, в промышленности и торговле сокровенные, возрастали беспрепятственно.

Настало царствование Екатерины II. Все, что в других государствах введено было для образования генеральных штатов, все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы, наконец, почти все то, что двадцать пять лет старались сделать во Франции для предотвращения революции, неизбежность которой предвидели, — все почти ею было допущено при образовании *Комиссии законов*. Созваны депутаты от всех состояний и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан Наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки,

дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия. Словом, все было устроено, чтоб дать ему, и в лице его — России, бытие политическое; но все сие было столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятия и блеск военных и политических деяний последующих могли только оградить сие установление от всеобщего почти осуждения.

С сего времени мысли Екатерины II, как можно заключать из всех ее установлений, совершенно изменились. Неудачный сей опыт охладил и, так сказать, привел в робость все ее помышления о внутренних политических преобразованиях.

Царствование императора Павла I замечательно изданием закона о наследии престола и, сверх того, законом, поставившим за правило, что крепостные должны работать на своего помещика не более трех дней в неделю. Это постановление со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое.

В настоящем царствовании следующие установления должно отнести к государственным:

- 1) открытие всем свободным состояниям права собственности на земли;
- 2) учреждение состояний свободных земледельцев;
- 3) устройство министерств с ответственностью;
- 4) лифляндское положение, яко пример и опыт ограничения повинностей крестьянских.

Все это доказывает, что, несмотря на самодержавное правление, Россия несомненно имеет направление к свободе.

II. О НЕОБХОДИМОСТИ КОНСТИТУЦИИ

Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит рабу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горсть своего положения.

Наконец, сие всеобщее неудовольствие, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка.

Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойствие иначе, как совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка?

По сим признакам можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок.

III. О НЕДОСТАТОЧНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУЩЕСТВУЮЩИХ ЗАКОНОВ⁶⁰

В бездне наших указов есть множество статей, кои или вовсе не определены, или на кои изданные законы темны и противоречащи. Поверят ли, что у нас нет общего закона о наследстве *ab intestato*^{*}, нет точного закона о завещаниях и проч.

В уголовной части — но у нас почти нет всей уголовной части — на самые простые и обыкновенные вещи нет определения: например, сколько раз судили людей за перелив монеты, и пусть мне укажут хотя одну строку, которая бы определяла за сие или суд, или наказание.

Я не говорю здесь о высших предметах, как то: об отношении крестьян к помещикам, то есть об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи, к горсти тунеядцев^{**}, захвативших Бог знает почему и для чего все права и преимущества.

Извлечения из «Уложения государственных законов»^{***61}

I. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

«Каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и неприменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общей мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым».

ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

После пространных теоретических рассуждений автор приходит к следующим выводам:

•1) Всякое законное на земли правительство установляется общею волею государства...

4) никакой силы собственной правительство иметь не может — источник сил его есть государство;

5) всякое правительство существует на условии, и доколе оно исполняет сии условия, доколе оно законно.

В младенчестве общества не было на земли другого правительства, как деспотическое.

Но когда государи престали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния, и силы, им вверенные, не только обращают не для него, но часто и против его, они нашли нужным к общим условиям, на коих воля

^{*} Без духовного завещания (*лат.*).

^{**} В одном из списков сие выражение зачеркнуто и заменено другим: «к горсти людей».

^{***} В сих извлечениях помещены одни только главные положения проекта, итоги разысканий и исследований автора, ибо я хотел дать общее понятие о труде Сперанского. Поэтому я точно воспроизвел лишь отдельные отрывки, заключенные в кавычки.

народа установила правительства и коих неопределительность подвергла их самовластию, присоединить частные правила и точнее означить, чего именно народ желает. Сии правила названы *коренными государства законами*, и собрание их есть общее государственное положение, или *конституция*.

Правительство, на сем основании учрежденное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия.

Из сего следует: 1) что коренные государства законы должны быть творением народа; 2) коренные государства законы полагают пределы самодержавной воле.

У всех государств всегда были и будут два образа правления: внешний и внутренний. Первый состоит в грамотах, основных законах, учреждениях, коими силы государственных содержатся между собою в видимом равновесии; второй — в том расположении государственных сил, по коему ни одна из них не может взять перевеса в общей системе».

О ВНЕШНЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

«Внешний образ правления никак не определяет существа его, истинным является только внутренний. При всей видимости свободы, законности народ в действительности может находиться в рабстве.

Когда народ, постановив коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость, когда он создал парламент, Сенат, он не основал еще свободы, если силы правительства остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были.

Одного только внешнего образа правления недостаточно было, чтобы ввести в Англии тот строй, какой мы сейчас там видим.

Рим под властью кесарей неоспоримо имел самое деспотическое правление, но наружный образ его был весь республиканский.

Тот, кто будет рассуждать о России по внешнему ее составу, по грамотам состояний, по учреждению Сената, по сильному корпусу наследственного дворянства, не признает ли правление ее монархическим? Однако многого недостает, чтобы это было так».

О ВНУТРЕННЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

«Всякое законное на земли правительство должно быть основано на общей воле народа.

Сила ограничивается силою... Установления, возникшие лишь по воле монарха, не могут служить пределами силе. Это бы значило хотеть пространство измерять весом... Итак, сила правительства может быть ограничена только силою народа.

Обе сии силы один имеют источник. Правительство не может иметь другой силы, как та, которую ему народ для действия его уделает».

Один из выводов, извлекаемых автором из сего принципа, таков: «Всякое правление самовластное есть насильственное и никогда не может быть законным».

«Могущество или силы народные в действительности всегда превышают силы правительства, так как свои силы рождает сам народ, а правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему попускает.

Но силы народные слишком часто умерщвляются:

- 1) незнанием пределов своих прав;
- 2) различием интересов и недостатком единства.

Раздробление народа по различным классам есть главная причина возникновения всякого самодержавного правления: *Divide et impera*^{*}.

Первый шаг, какой государство может сделать к ограничению самовластия, без сомнения должен состоять в том, чтоб силы его, не истощаясь взаимною борьбою состояний, соединялись бы все к тому, дабы уравновесить силу правительства.

Как весь народ не может употребить себя к охранению пределов между им и правительством, то по необходимости должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему.

Итак, два только великие разделения можно допустить в ограниченной монархии: высший класс народа, предстанный на стражу и охранение закона, и низший класс народа, разделенный именем и наружностью, но пользами с первым соединенный^{*}.

Описывая сей высший класс, автор принял за образец английскую аристократию. Затем, рассмотрев его устройство, он определяет положение и обязанности низшего класса следующим образом:

I. Народ есть все то, что не принадлежит к высшему малочисленному классу государства. Дети первого государственного чиновника, включая первородного, должны принадлежать к народу.

II. Не может никакое сословие народа иметь исключительного права на владение какою-либо собственностью в государстве, но все могут обладать тем, что ими в собственность приобретено.

III. Народ должен участвовать в составе законов, ежели не всех, то по крайней мере коренных.

IV. Охранение законов, поелику оно требует действия постоянного и непрерывного, народ вверяет высшему классу, силу его в сей части представляющему.

V. Все имения народа наследственны, но должности его все избирательны.

VI. Суд народа проистекает от равных ему.

Если, презрев вопль народа и чувство страха, правительство дерзнет на все крайности, какие самовластие в лютости своей позволить себе может, какое тогда средство против ужасов таких может представить сей образ правления? Ответ на сие удобен: какое средство силы человеческие могут представить против Тамерланов и тому подобных чудовищ? И какие законы могли устоять, когда царства разрушались?

Автор заключает эти общие соображения цитатой из Монтескье: «Point de noblesse, point de monarchie»^{**}.

^{*} Разделяй и властвуй (*лат.*).

^{**} Без дворянства нет монархии (*фр.*).

РАССУЖДЕНИЯ О РОССИИ

«Я не знаю, — говорит автор вначале, — какие предположения имели российские государи от времен Петра Первого об устройстве России, но их всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие. Думали ли они в самом деле, что права и грамоты, на бумаге данные, составляют истинный образ правления, или находили нужным ознакомить сперва людей с именами, чтоб впоследствии дозволить самое действие, или признавали в душе своей то справедливым, чего не решались на деле исполнить, или, наконец, не имея постоянного плана, действовали они по минутным вдохновениям; как бы то ни было, но ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России.

Все существующие власти, как административные, так и судебные, имеют названия и представляют вид монархический. Сенат предназначен соблюдать законы; дворянство — уроченный их страж. В народе есть у нас свободные состояния; купечество, мещанство и самые поселяне казенные не имеют ли своих прав и преимуществ, не судятся ли своим судом?

Вот заблуждение, в которое неизбежно впадают все те, кто судит о России по наружности.

У нас все есть по наружности, но на деле у нас нет ничего; у нас еще нет даже монархического правления.

Не говоря уже о других государственных установлениях, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имение, честь, все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной? Не от сей ли воли зависит и самый закон, который она созидает, одна сама собою? Право частной собственности не есть ли право, только дозволенное высшей властью; владельцы сии не суть ли ее наемники?

Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя, чтоб кто-нибудь открыл, не все ли то право имеет государь на помещиков, какое имеют помещики на крестьян своих.

Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на разные классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов.

То, что довершает в России умерщвлять всякую силу в народе, есть то отношение, в коем сии два рода рабов поставлены между собою. Пользы дворянства состоят в том, чтоб крестьяне были в неограниченной их власти; пользы крестьян состоят в том, чтобы дворянство было в такой же зависимости от престола; они взирают на престол как на единое противодействие, власть помещиков умерить могущее».

Одним из следствий такого порядка вещей автор называет то, что народ не имеет возможности участвовать в движении цивилизации.

Что такое есть просвещение для народа в рабстве, как не способ живее чувствовать горесть своего положения и как не повод к волнениям, кои должны кончиться или вящим его порабощением, или ужасами безначалия. Из человеколюбия, равно как и из доброй политики, должно оставить рабов в невежестве или дать им свободу.

Думают, что свободе должна предшествовать цивилизация. Но что такое понимают под словом «просвещение»? Если понимают под сим возвышенный образ мыслей, тонкие различения истины от лжи, чувство морального добра, то, вероятно, до сей степени просвещения никогда и никакой народ здесь на земле не доходил и, вероятно, долго еще не дойдет, да и нужды в том я не вижу. Вместо чувства нравственности народ имеет религию, которая хоть и не столь тонко, но довольно ясно определяет для него, в чем грех и в чем спасенье. А чтоб представлять себе огромность вселенной, ничтожество человеческих желаний, страстей и самого познания, я не знаю, к чему послужит сия высокая философия земледельцу.

Если же под именем просвещения разумеют некоторое участие в полезных истинах, сообщаемых нам чрез книги, если разумеют усовершенствование видов промышленности и образа жизни, то я не понимаю, каким образом сей род учения может человек получить в рабстве; напротив, я думаю, что он должен иметь прежде некоторое бытие, некоторый уступок свободы, которая одна дает жизнь и движение разуму и воле.

Таким образом, Россия, разделенная в видах разных состояний, истощает силы свои взаимно борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия.

Государство, сим образом составленное, какую бы, впрочем, ни имело оно внешнюю конституцию, что бы ни утверждали грамоты дворянства и городовые положения и хоть бы не только два Сената, но и столько же законодательных парламентов оно имело, государство сие есть деспотическое; и доколе элементы его будут стоять в тех же между собою отношениях, дотоле не будет оно монархическим.

Если не желают решиться затронуть этот коренной порядок вещей, то все виды правительства должны ограничиться следующими второстепенными предметами:

- 1) ународованием и заселением пустых мест, ибо при добром правительстве, даже и самовластном, народ может плодиться*;
- 2) содержанием сильной армии;
- 3) лучшим устройением полицейской части;
- 4) сокращением обрядов судебных, ибо в правлениях самовластных хотя правосудие не может быть никогда справедливо, по крайней мере должно идти скоро;
- 5) порядочным сводом учреждений и указов;
- 6) лучшим распорядком в государственных сборах и их управлении.

Вот все, что может и должно иметь правительство в виду при настоящем порядке вещей. Но для постоянства собственных своих планов и дабы не истребить последние остатки счастья, какое может быть в народе с сим правлением совместно, наконец, для того, чтобы не истощать государственного богатства и труда на тщетные усилия, должно отказатья:

- 1) от всякой мысли о твердости и постоянстве законов, ибо в сем правлении законов быть не может;
- 2) от всех предприятий народного просвещения: правило сие должно принять столько же из человеколюбия, ибо ничто не может быть несчастнее раба просвещенного, как

* Русское слово «плодиться» применяется только к животным, означая примерно следующее: «размножаться подобно кроликам».

и из доброй политики, ибо всякое просвещение вредно сему образу правления и может только произвести возмущение и непокорность;

3) от всех предприятий утонченной народной промышленности: я разумею все фабрики и заведения, на свободных художествах основанные или близко с ними связь имеющие;

4) от всякого возвышения в народном характере, ибо раб иметь его не может. Он может быть здоров и крепок в силах телесных, но никогда не способен к великим предприятиям. Есть, конечно, исключения, но они не испровергают правила;

5) от всякого чувствительного возвышения народного богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а без законов она быть не может;

6) еще более должно отказаться от улучшения домашнего состояния низшего класса народа. Избытки его всегда будут пожираться роскошью класса высшего.

Предположив, — говорит далее автор, — что благожелательные намерения императора встречают препятствия в силу обстоятельств, попытаемся по крайней мере рассмотреть, какие способы улучшения может допустить нынешний порядок вещей.

Совершенная невозможность устроить прочным образом счастье России без перемены в состояниях доказана очевидным образом сея перемены. Уже тому полвека доказана та истина, что никакое европейское государство, в связи с прочими стоящее, не может долгое время быть деспотическим. Надобно только взглянуть на общую степень просвещения, на прилив и отлив мыслей и примеров соседних, на чувство внутреннее, надобно только прислушаться к народному глухому отголоску, чтоб и открыть нужду сей перемены, и узнать степень общих надежд и желаний. И в чем должна состоять сия перемена? Перемена сия должна состоять единственно в соглашении сего ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формой правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжение целого века государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка...

Мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самою возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое его устремление может иметь вредного.

Предпринимаемая перемена, надобно начинать с другого устройства различных классов народа и с изменения их отношений между собою и с престолом.

Мы видели выше, что в хорошо устроенном государстве все национальные силы должны быть разделены на два класса: высший и низший.

Высший класс должен быть основан на праве первородства. Он должен исполнять первые должности государства и следить за сохранением законов. Связанный с народом нерасторжимыми узами родства, собственности, он будет связан с престолом столь же нерасторжимыми узами чести и отличий, как и привилегией короны включать в него всех тех, кого она сочтет достойными. Этот класс образует истинное монархическое дворянство.

Низший класс будет состоять из всех тех, кого право первородства или воля монарха не призовут к участию в высшем классе. Этот класс будет связан с тронем гражданской и военной службой, честью, богатством, а с высшим классом — узами родства, уважения, мыслью, что этот последний охраняет законы. К низшему классу неизбежно вернется большая часть богатств и просвещения страны. Отчего не установить там другие отличия

по талантам, способностям и добродетели? Кто осмелится тогда подавлять его или взирать на него с пренебрежением?

Что может воспрепятствовать правительству отделить два, три или четыре первые класса от прочего дворянства и начать тем, чтоб учредить в сих четырех классах право первородства? Учреждение сие не будет новость. Такая реформа не может быть предосудительна самому высшему классу...

Одна неудобность, весьма, впрочем, случайная и скоро пройти долженствующая, состоять будет в том, что сей класс людей много ныне имеет примеси дворян и без достоинств, и без уважения; но это пройдет, и не минет еще столетия, как роды сии очистятся и будут иметь все свое и внешнее и внутреннее достоинство. От власти государя, впрочем, зависеть будет перевести в сей класс несколько богатых людей, ниже его стоящих, несмотря на все умствования метафизического равенства, — в великом государстве нужны не только Юлии Кесари, но и Крассы. Доколе сии последние живы, дотоле первые не смеют похищать верховного правления.

Низшее дворянство не может оскорбиться, видя, что сим разделением оно смешается с народом. Не присутствует ли оно и ныне в одних судах с прочими состояниями? Не от власти ли государя зависит и ныне пожаловать половину России в дворяне?

Теперь осталось определить, когда и каким образом удобнее назначить эпоху сего разделения.

Тот же самый государственный сейм, который должен быть созван для постановления Уложения, положит и сему разделению первое основание.

Чтоб ничего не отваживать и идти постепенно, следует:

1) чтобы это разделение было указано с минуты, когда оно будет принято сеймом и дворянство первых четырех классов будет иметь отдельную свою камеру заседаний; дворянство прочих классов будет помещено в одном заседании с народом;

2) чтобы дворянству высших классов в середине его трудов было предложено восстановить древний Петра Первого закон о праве первородства, ограничивая его действие только на сие состояние; вторая камера не может против этого возражать, ибо закон сей до нее никак не принадлежит;

3) чтоб в то же время был предложен закон, что, исключая первых четырех классов, не будет титулярных чинов. Советник правления должен быть советник правления, а регистратор коллегии должен быть регистратор, и более ничего. Все различия классов сим уничтожаются, останутся только различия мест и должностей;

4) постановить, чтоб дела в присутственных местах слушаны и решены были всеми заседателями вместе**, исключая дел уголовных высших четырех классов, которые, естественно, судятся в одном высшем судилище. Сей закон также столько удобен, что от двух или трех голосов зависело и ныне в Сенате решить вопрос о нем положительно.

Сии четыре положения, утвердись временем, сотрут все нелепые различия, какие ныне существуют, и соединят все состояния в единую массу. Дворянин будет носить имя

* Это очень похоже на уловку, позволяющую увильнуть от решения вопроса о первородстве.

** Как мог заметить читатель из сказанного нами выше, избранные заседатели принимали участие только в тех делах, которые касались лиц из их сословия.

и, если угодно ему, будет им и гордиться. Но правами, ему равными, будет пользоваться вся Россия.

Правда, что останется еще в первых временах у дворянства великое отличие от прочей части народа — право владеть крестьянами в крепость. Но как бы уничтожение сего права ни казалось затруднительным, оно столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нем яко временном и непременно пройти долженствующем.

Кажется, разделив сию часть на две эпохи, можно будет и ее привести к счастливому концу.

В первой эпохе ограничат меру повинностей, коих помещик может требовать от земледельца. В успокоение самих помещиков учредят некоторую расправу между ими и крестьянами. Закон сей имеет уже основание в Наказе Екатерины II... Посредством сего закона крестьяне сами по себе и без всякого другого гласного постановления из личной крепости помещиков перейдут в крепость земле и будут только приписными. Сим положится первая степень их искупления.

К сему закону можно присоединить еще и то учреждение, чтобы подати подушные сложить на землю и в форме крепостей на имение, не исчисляя душ, писать только пространство и меру земель — два обстоятельства, кои совершенно и ныне и всегда зависят от воли государя.

Во второй эпохе, которая, конечно, не может быть близка и должна быть приготовлена многими частными распоряжениями, возвратится крестьянам и древнее право свободного перехода от одного помещика к другому и тем самым совершится уже и конечное их искупление».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Предметом всех сих рассуждений было не установление коренных законов и не начертание внешнего образа правления, но единственно изыскание того основания, на коем сии законы и сей образ правления поставлен быть должен, если когда-либо силы небесные, покровительствующие ныне столь особенно России, будут на сие преклонны. Вот для чего многие подробности, весьма, впрочем, существенные, здесь слегка только назначены, а может быть, тем самым действие целого состава лишено своего света; оно могло бы быть совершеннее, если бы наперед положен был план здания, коему здесь ищется основание».

II. О ДУХЕ ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ РЕФОРМ

Мы ограничимся здесь кратким изложением некоторых принципов, к коим автор приходит после пространных рассуждений.

Цель реформы — основать правление, до этого времени самодержавное, на точных и постоянных законах.

Введением новых законов может заниматься только исполнительная власть.

Судебная власть по своей природе входит в обязанности власти исполнительной, но эта последняя предоставляет ее отправление судьям, назначенным теми, кто сего отпра-

ления требует. При этом исполнительная власть сохраняет за собой право надзирать за строгим соблюдением судебных форм.

Гражданские права не могут быть предоставлены всем без различия. Поскольку землями с теми, кто их возделывает, может владеть только одно привилегированное сословие, это уже составляет исключение. Впрочем, землевладение всегда должно соответствовать существующим по этому предмету законам.

Это различие в праве владения есть первый источник неравенства сословий.

Вторым источником неравенства является обладание собственностью вообще. Лица, у которых ничего нет, не могут принимать участия в отправлении политических прав.

Из этих прав должны быть также исключены слуги, поденные работники и т. д.

Все гражданские и политические права можно разделить на три рода:

- 1) общие гражданские права, свойственные всем гражданам;
- 2) особые гражданские права, кои принадлежат только лицам, призванным к этому образованию и образом жизни;
- 3) политические права, принадлежащие собственникам.

Отсюда три следующие сословия: дворянство, третье сословие, рабочий класс.

Дворяне будут пользоваться всеми гражданскими правами, принадлежащими русским подданным. Они будут поочередно освобождаться от личной службы, но каждый дворянин будет обязан вступать в государственную службу, гражданскую или военную, и оставаться там, не меняя рода занятий по крайней мере десять лет.

Только у дворян есть право владеть населенными землями, управляя ими по предписаниям закона.

В соответствии с обширностью своих владений дворяне будут пользоваться политическими правами, то есть будут принадлежать к избирателям или избираемым.

Дворянам дозволено заниматься любой промышленностью; они могут становиться купцами, коммерсантами и т. д., не теряя при этом прав, принадлежащих дворянству.

Дворянство бывает двух родов: личное и потомственное.

Дети потомственных дворян становятся дворянами только отслужив положенный законом срок.

Дети личных дворян принадлежат к третьему сословию.

Личные дворяне приобретают потомственное дворянство, только после отбытия установленного срока государственной службы; они должны также оказать государству особо важные услуги.

Наследственное дворянство теряется при отказе вступить в государственную службу или выходе в отставку до истечения предписанного срока.

Равным образом оно теряется после приговора суда или вступления дворянина в рабочий класс.

Третье сословие пользуется общими гражданскими правами, но не пользуется ни особыми, ни политическими.

Личная служба людей из третьего сословия будет определена законом в соответствии с их положением и той отраслью промышленности, которой они занимаются.

Они могут достичь личного дворянства, добровольно вступив в службу, — если, конечно, они удовлетворяют требованиям, которые предъявляет к этому закон.

Третье сословие состоит из купцов, торговцев, мещан, однодворцев, а также земледельцев, имеющих некоторую земельную собственность.

Рабочий класс будет пользоваться общими гражданскими правами.

Вступление в высший класс дозволено любому человеку из рабочего класса, который приобретет известное количество земельной собственности и отличится в службе, которая полагается его классу по закону.

К рабочему классу будут принадлежать все крестьяне, живущие на землях дворян, ремесленники и их рабочие и, наконец, слуги.

Таким образом, все классы народа будут связаны друг с другом. Лица низших классов всегда смогут подняться до высшего сословия, опираясь на свое ремесло или промышленность.

III. О РАЗУМЕ ЗАКОНОВ ОРГАНИЧЕСКИХ

Законы органические коренные должны определить устройство тех установлений, коими силы государственные действуют.

Установления сии суть: Совет, законодательное сословие и министерства.

Современное территориальное деление империи неудовлетворительно; в видах реформы было бы разумнее разделить ее на области и губернии.

Именованье областей присвоется тем частям империи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Сии области суть: 1) Сибирь, по хребет Уральских гор; 2) край Кавказский и Астраханский с Грузиею; 3) край Оренбургский; 4) земли донских казаков; 5) край Новороссийский.

Области имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению.

Губернию составляет население от ста до трехсот тысяч душ. Их границы могут, впрочем, оставаться такими же, как ныне.

Каждая губерния будет разделена на округа, от двух до пяти.

Округ имеет несколько волостей и волостных городов, к коим они приписаны.

Первая степень порядка законодательного, судного и исполнительного будет в волостных городах, округ составляющих.

Вторая степень в окружном городе.

Третья — в губернском.

Четвертая — в столице.

ПОРЯДОК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ

СТЕПЕНЬ ПЕРВАЯ

В каждом волостном городе или в главном волостном селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности составляется собрание, под названием *волостной думы*. Казенные селения от каждаых пятисот душ посылают в думу одного старшину.

Волостная дума прежде всего избирает председателя и секретаря.

Она назначает членов волостного правления.

Она контролирует доходы и расходы волости.

Она назначает депутатов в окружную думу.

Она составляет список из двадцати именитых граждан*. Не исключаются из него и отсутствующие и т. д.

Окончив свои труды, дума распускается, а место ее занимает избранное ею правление.

Срок созыва и время заседания, образ отчетов и рассуждений определяется особенным законом.

СТЕПЕНЬ ВТОРАЯ

Из депутатов волостных дум каждые три года в окружном городе составляется собрание под именем *думы окружной*.

Окружная дума назначает: 1) членов окружного совета; 2) членов окружного суда; 3) депутатов в губернскую думу.

Она контролирует расходы и доходы округа.

Она рассматривает пожелания и жалобы волостей и, в свою очередь, направляет их губернской думе. Приняв за основание списки волостей, она составляет новый список из двадцати человек, выбирая их из самых именитых лиц округа, не исключая отсутствующих.

Окончив сии труды, дума распускается.

СТЕПЕНЬ ТРЕТЬЯ

Из депутатов окружных дум составляется в губернском городе каждые три года собрание под именем *губернской думы*.

Это собрание назначает: 1) членов губернского совета; 2) членов губернского суда; 3) членов в Государственную думу из обоих сословий, имеющих политические права. Число их в каждой губернии назначается законом.

Основываясь на списках округов, она составляет список двадцати отличнейших в губернии особ, не исключая и отсутствующих.

Она контролирует расходы и доходы губернии.

Она сочиняет представления о нуждах страны, основываясь на записках, поданных округами.

По окончании сессии председатель губернской думы препровождает в Государственный совет:

на имя канцлера юстиции список всех членов волостных советов, окружных и губернских судов;

на имя канцлера Государственной думы списки: 1) членов окружных и губернских советов; 2) членов, избранных в законодательное сословие; 3) отличнейших жителей губернии; 4) представления о нуждах губернии.

Сим оканчивается действие губернской думы, она также распускается, и место ее занимает совет губернский.

NB. Все губернии в отношении к выборам разделяются на пять классов, и выборы располагаются так, чтоб в двух близко смежных губерниях никогда вместе выборов не было и чтоб в десяти губерниях ежегодно они совершались.

* Составление этих списков, повторяющееся в каждой степени, напоминает списки нотаблей в конституции, разработанной г-ном Сьейесом⁶².

СТЕПЕНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Из депутатов, представленных от губернской думы, составляется законодательное словие под именем *Государственной думы*.

Государственная дума есть место, равное Сенату и министерству.

Она собирается ежегодно в сентябре месяце без всякого созыва.

Срок действия ее определяется количеством дел, ей предлагаемых.

Действие Государственной думы пресекается двояким образом: 1) отсрочкою его до будущего года; 2) совершенным всех членов ее увольнением.

Отсрочка производится актом державной власти в Государственном совете.

Увольнение производится таким же актом, но с означением в нем же новых членов, назначенных последним выбором губернских дум.

Кроме общего увольнения, члены Государственной думы не могут оставить свое место иначе как смертью, или определением Верховного суда, или определением в Совет, в Сенат и министерство.

В сих последних случаях места членов занимаются непосредственно одним из кандидатов, в списке последнего выбора означенных.

Председатель Государственной думы избирается из членов ее и утверждается державной властью.

Особенный чиновник определяется ему в помощь под именем секретаря Государственной думы.

В первых собраниях Государственная дума образует следующие законодательные комиссии: 1) Комиссию законов государственных; 2) Комиссию законов гражданских; 3) Комиссию уставов и учреждений; 4) Комиссию министерских отчетов, или взыскания ответственности; 5) Комиссию представления о государственных нуждах; 6) Комиссию финансов.

Каждая из сих комиссий имеет своего председателя и секретаря по выбору Думы.

Дела Государственной думе предлагаются от имени державной власти одним из министров или членов Государственного совета.

Исключаются из сего: 1) представления о государственных нуждах; 2) представления об уклонении от ответственности; 3) представления о мерах, нарушающих государственные коренные законы.

В сих трех случаях предложение с наблюдением надлежащих форм может быть внесено от членов Думы.

Впрочем, образ действия, рассуждение и формы Государственной думы определяются подробно в коренных законах.

Порядок судный

СТЕПЕНЬ ПЕРВАЯ. Суд волостной

Задачи волостного суда состоят в разбирательстве через посредников гражданских дел и старании примирить стороны. В маловажных полицейских проступках он должен пользоваться общим, а не формальным и письменным судопроизводством, которое не может применяться в делах его компетенции.

Волостной суд состоит из главного волостного судьи, его товарища и волостных судей, избранных разными частями волости и пребывающих в разных ее станах.

Закон определяет некоторый род дел, и особливо преступлений, в коих главный волостной судья не иначе может положить решение, как пригласив в суд депутатов из волостного совета, которые и будут в сем случае представлять присяжных, а судья будет их председатель (*président de jury**). Судьи выбираются из сословия, к коему принадлежит подсудимый. Если их не хватает, последний предстанет перед окружным судом.

Пределы власти и образ действия волостного суда определяются подробно особенным уставом.

СТЕПЕНЬ ВТОРАЯ. Суд Окружной

Этот суд представляет первую инстанцию в судопроизводстве.

Он делится на два отделения: гражданское и уголовное. Число членов будет определено общим о судах учреждением, соразмерно населению округа. Каждое отделение имеет председателя не в виде судьи, но в виде охранителя форм и судебных обрядов. Председатель избирается из списка двадцати отличнейших лиц округа и утверждается министром юстиции. Закон определит случаи, в коих председатель обязан требовать депутатов из окружного совета для составления суда присяжных. В сем случае сохраняется равенство состояний подсудимого и депутатов.

Пределы власти, обряды и действия сего суда определяются общим судебным уставом и учреждением.

СТЕПЕНЬ ТРЕТЬЯ. Суд ГУБЕРНСКИЙ

Сей суд составляется на тех же началах, как и окружной. Председатели его по губернскому списку избираются министром юстиции и определяются с утверждением Государственного совета.

СТЕПЕНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СЕНАТ

Сенат есть верховное судилище для всей империи. Он имеет четыре департамента: два гражданских и два уголовных, по равному числу в обеих столицах. Он составляется из определенного числа членов. Места их, по смерти или увольнении, замещаются утвержденными державной властью лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список. Канцлер юстиции хранит и представляет сей список.

Каждый департамент Сената каждые три года избирает из членов своих трех кандидатов и чрез канцлера юстиции представляет их державной власти для утверждения одного из них президентом.

Действие каждого департамента во всех делах вообще слагается из двух частей: 1) производство дела (*informatio*); 2) суждение (*judicium*).

Для производства дела при каждом департаменте находится известное число рекетмейстеров под председательством обер-прокурора.

* Именно такое выражение употреблено во французском оригинале проекта.

Обер-прокуроры и рекетмейстеры определяются высочайшею властью по представлению министра юстиции.

Рекетмейстеры готовят дела для представления их на решение сенаторов. Они должны предварительно сообщить свои изложения дел заинтересованным сторонам для ознакомления.

Если стороны усмотрят существенное в изложении упущение, они приносят жалобу министру юстиции.

Если министр юстиции признает жалобу основательною, он предлагает ее удовлетворить; в противном случае дает делу установленное движение.

Изложение дела, таким образом изготовленное, предается тиснению и вносится обер-прокурором в Сенат в надлежащем количестве экземпляров.

Суждение Сената производится публично. Решения Сената предаются тиснению и исполняются в предписанных формах.

В решении дел уголовных приемлются те же основания. Но есть дела уголовные особенного рода, как государственная измена или преступления, совершенные членами Государственного совета, Государственной думы, Сената, министрами, главными директорами, управляющими частями, генерал-губернаторами, губернаторами. Суд над сими лицами требует особенного образования.

Для сего в самом Сенате устанавливается Верховный уголовный суд. Суд верховный открывается актом державной власти, изданным в Совете.

Он составляется из одной трети сенаторов обоих департаментов, из всех членов Государственного совета, из всех министров и из известного числа депутатов Государственной думы.

Порядок исполнительный

Порядок исполнительный слагается из четырех главных разделений: 1) управление государственное, или министерство, 2) управление губернское, 3) окружное и 4) волостное.

Начало, на коем порядок сей должен быть устроен, есть единство действия и ответственность.

Поелику порядок сей истекает из державной власти, то все нижние его разделения должны быть сколь можно более сообразны высшему. Посему в образовании частей его прежде всего должно устроить высшее его разделение, или министерство.

МИНИСТЕРСТВО

Устройство министерств в 1802 году было, без сомнения, началом лучшего устройства государственного управления.

Но в этом устройстве много несовершенств, источники которых суть: 1) недостаток ответственности; 2) некоторая несоразмерность в разделении дел; 3) отсутствие точных правил в управлении.

1. Недостаток ответственности

Предполагали некогда дать или возратить Сенату некоторые политические права, с тем чтобы возвысить его как учреждение, перед коим министры несут ответственность за свои действия.

Но подобные попытки не привели бы ни к какому результату. Никогда место, во всех отношениях от произволения державной власти зависящее, не может заменить сословие государственное, составленное посредством народного представления.

Недостаток ответственности придает всем действиям министерства вид произвола и вместо правильного суда о них общества они подвергаются пересудам, сбивающим толка общественное мнение; а оно, теряясь в пустых догадках и нареканиях и не находя никакой точки соединения, вместо того чтобы служить оплотом достоинству правительства, само падает в злословие.

Такой порядок вещей усиливает в правительстве дух робости и уклонение от всех тех мер, кои предполагают силу и твердость; напротив, устанавливается привязанность к делам, кои называются *текущими*, и вся тактика министров состоит в том, чтоб ничего на себя не принимать и казаться, однако, действующими.

2. Недостаток точности в разделении дел

Сие происходит только от порядка вещей, существовавшего до учреждения министерств.

3. Недостаток точных правил управления

При нынешнем порядке главный порок здесь состоит в том, что полномочия разных чиновников не определены как следует и даже самым мелким делам нельзя дать ход, пока ими не займется глава той или иной ветви управления.

Отсюда происходит, что большими департаментами, как то: юстиции, финансов и внутренних дел, при самых лучших намерениях, управлять с честью никому не можно, не переменив их устройства.

Эти недостатки в устройстве министерств можно было бы излечить следующим образом.

Как скоро учредится законодательное сословие с правом требовать в положенные сроки отчетов, то ответственность министерская сама собою установится: останется только определить в учреждениях министерства подробные ее формы.

Переустройство министерств очистит их от теперешних несовершенств (следуют подробности нового устройства министерств; не забыто и Министерство полиции).

Что касается недостатка правил, определяющих всю исполнительную часть, то для сего необходимо иметь два рода постановлений.

1. Устав должен определить с точностью главные правила, на коих министр должен управлять вверенною ему частью.

2. Учреждение должно установить предметы его, пределы его власти, образ его действия и постепенность исполнения. Нет лучшего способа уменьшить множество *дел текущих*^{*}, как составление устава.

* Так называются те дела, коих предметы периодически или по крайней мере часто в одном и том же виде приходят на разрешение начальства. Чем менее есть общих положительных правил, чем пределы власти менее определены, тем естественно должно быть более дел текущих, ибо тогда каждое новое дело несет с собою новое затруднение. Никто не знает, что он может на себя принять и чего не должен: отсюда все идет на высочайшее разрешение и, при видимой поспешности, все терпит великую остановку. Один устав и постепенное разграничение власти различных исполнительных чиновников может уменьшить сию громаду текущих дел, под коею стонут все министерства (*примеч. М. М. Сперанского*).

Для сего необходимо должно установить во всех обширных министерствах для важных частей особенных директоров, кои бы, управляя ими по уставам, относились к министру в тех только случаях, когда предстанет дело, уставом не определенное.

ГУБЕРНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Состав губернского управления должен быть основан на том же правиле единства и постепенности, которое всему порядку исполнительному свойственно.

В губернии находятся в меньшем размере те же самые предметы внутреннего управления, какие и в министерстве.

В настоящем порядке одна только полиция состоит прямо в управлении губернатора, на прочие части он имеет косвенное только влияние. Отсюда происходит смешение действий в управлении.

Следующие начала можно положить основанием губернского управления.

1. Губернское правление соединить с казенною палатою под именем губернского правительства.

2. Это правительство разделить на многие *экспедиции* (следуют подробности).

При каждом правительстве находится совет, составленный из депутатов всех состояний, собственности в губернии имеющих.

Совет собирается один раз в году в установленное время.

Губернатор дает отчет совету в сборе и употреблении денег на земские повинности и предлагает смету оных на будущий год. Рассмотрев отчет прошедшего года, совет чинит раскладку на будущий.

УПРАВЛЕНИЕ ОКРУЖНОЕ

Управление окружное должно быть составлено в меньшем виде на тех же самых принципах.

Вице-губернатор должен занимать в нем место губернатора.

Управление волостное сохранит тот же образец в своем составе, но будет иметь еще меньший размер.

Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие, и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям.

IV. ЗАПИСКА ОБ УСТРОЙСТВЕ СУДЕБНЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Особая записка посвящена устройству судебных и правительственных учреждений в России. Согласно этому проекту, большая часть чиновников, занятых управлением и судебными делами, будет избираться.

V. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПЛАНА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА,
НАМЕЧЕННОГО СПЕРАНСКИМ

Видимо, по плану Сперанского Государственный совет должен был стать, так сказать, краеугольным камнем всего устройства империи. Другие институты или учреждения государства рассматриваются лишь как его ответвления. Таким образом, вершина всего здания у него — Государственный совет.

За ним следуют: министерство, Государственная дума, Сенат.

Все власти, или все силы государства, говорит он, находятся в ведении трех главных государственных учреждений: закон вверен Государственной думе; суд, или юстиция, — Сенату; управление — министерству.

Действие этих трех институтов соединяется в Государственном совете и через него восходит к престолу.

Государственный совет делится на три департамента (следуют подробности).

Государственная дума состоит из депутатов от всех свободных сословий, избираемых губернскими думами.

Председатель выбирается из трех кандидатов, избранных думой.

Законы вообще предлагаются правительством, обсуждаются Государственной думой, утверждаются императором.

Государственная дума принимает отчеты министров. В случае явного противоречия конституции она имеет право требовать отчета от министров и делать представления по этому поводу монарху.

Без участия Думы не может быть издан ни один новый закон.

Все законы, касающиеся финансов и введение какого бы то ни было нового налога должны обсуждаться в Думе.

Закон, принятый Государственной думой, представляется на утверждение императора.

Закон, отвергнутый в Думе большинством голосов, остается без последствий и считается несуществовавшим.

Для рассмотрения проектов законов Дума назначает из своих членов особые комиссии.

Сенат. Сенаторы назначаются Государственной думой; по мере отставки действующих сенаторов она находит им замену.

Сенат делится на департаменты. Рассмотрению Сената и его департаментов подлежат все судебные дела. В Сенате устанавливается уголовный суд, составленный из членов Государственного совета, Государственной думы и Сената.

Министры, члены Совета, сенаторы, генерал-губернаторы подсудны этому Верховному суду.

В Сенате будет установлена должность канцлера юстиции. Канцлер юстиции будет хранителем печати и главным хранителем архива Сената; он заменяет в Верховном суде министра юстиции.

Министр юстиции охраняет судебные формы в гражданском и уголовном судопроизводстве, как в Сенате, так и в других судах.

Министерство. Оно делится на восемь департаментов, из которых один, департамент финансов, насчитывает четырех министров: министра финансов, министра казначейства, министра контроля и министра уделов и двора.

В некоторых случаях министры соединяются в Комитет министров.

УСТРОЙСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В ГУБЕРНИЯХ

Волостные думы состоят из всех землевладельцев и депутатов от казенных крестьян.

Окружные думы состоят из депутатов, избранных волостными думами, и так далее.

Списки именитых лиц страны, составляемые всеми этими думами, ложатся в основу общего для всей империи списка, из которого правительство может выбирать тех, кто должен быть употреблен в правительственной иерархии.

УСТРОЙСТВО УПРАВЛЕНИЯ В ГУБЕРНИЯХ

Губернатор (там, где нет генерал-губернатора) является главой губернии. Каждая ветвь управления имеет своего главу; объединение этих глав под председательством губернатора образует *губернское правление*.

Наряду с губернским правлением существует совет депутатов, избираемых общим собранием правления для распределения налогов и т. п.

Вице-губернатор является главой управления округа. Он председательствует в *окружном правлении*. Полицейские власти в округах, городничие, исправники входят в *окружное правление*.

Волостное правление составляется тем же образом, но в меньшем размере. Наряду с ним действует волостной совет.

Проекты, с извлечениями из которых ознакомился читатель, вероятнее всего, были составлены в разное время, но точные даты не указаны; этим объясняются иногда встречающиеся в них противоречия, впрочем малозначительные.

Помимо этих проектов Сперанский начертал и план финансов. На этот раз время обозначено точно: план был составлен в течение 1810 года и должен был приводиться в исполнение в следующем году.

Этот последний труд Сперанского не менее интересен, чем другие. Вот некоторые извлечения из него.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПЛАНА ФИНАНСОВ НА 1811 ГОД⁶³

«Государство наше вступает в 1810-й год с 577-ю миллионами внутреннего долга, состоящего из ассигнаций. Присоединив к сему около 100 миллионов долгу иностранного, масса долгов наших составляет около 677 миллионов.

Расходы наши на 1810-й год составляют более 193 миллионов, а все доходы простираются и с предполагаемыми налогами до 127 миллионов. Недостаток составляет более 65 миллионов.

Сей недостаток и дополнение разных непредвидимых нужд могут довести в течение 1810 года весь выпуск бумаг до 100 миллионов, а посему в 1811 год вступим мы с необъятною массою внутренних и внешних долгов, около 800 миллионов составляющею.

Одно из следствий такого положение состоит в том, что никто не может исчислить, чего будет стоить рубль чрез два месяца. Самые сметы министров на 1810 год не имеют никакой достоверности. В них исчисляется цена вещей, полагая рубль, по примеру прошедшего года, в 250 копеек; но между тем, покуда сметы сии составлялись, рубль несколько раз переменялся и возвышался уже до 280 копеек; от нового выпуска бумаг чрез два месяца может он дойти до 3 рублей, чрез четыре еще более, и меры сему падению до совершенного уничтожения кредита ассигнаций назначить с точностью невозможно.

Остановить сей несчастный круг нельзя без сильных мер, проводимых с твердостью».

Как видно, уже в 1810 году Сперанский обращал внимание на лаж, обременявший ассигнации в 50 и 100 рублей в пользу мелких ассигнаций. Он предлагал остановить выпуск ассигнаций в 50 и 100 рублей, выпустить пропорциональное количество ассигнаций в 10 и 5 рублей и распространить последние повсюду, предлагая обменивать на них крупные ассигнации. Он надеялся, что возможность обмена заставит исчезнуть лаж в 10 или 20 процентов, который надо было платить при размене сторублевого билета на билеты в 10 и 5 рублей.

Также видно, что Сперанский, заявляя, что ассигнации составляют долг, который некогда придется заплатить, признавал в то же время, что ассигнации являются настоящим налогом, ибо, говорил он, налог может быть двух родов: публичный, когда он взимается явно; скрытый, когда он взимается через выпуск обесцененных бумажных денег или с помощью займа с погашением, для которого закон не предусматривает никакой определенной суммы.

Я нахожу в этом труде и указание на необходимость оценки земельных владений, предмет, по которому я наметил целый свод правил.

Еще мне встретилося здесь ценное замечание о том, что нельзя разрабатывать рудники, если затраты на сие превосходят приносимую ими прибыль и если за эти же деньги на европейском рынке можно приобрести равное количество металла.

Наконец, Сперанский предлагает заменить подушную подать земельным налогом, распределив его сначала между губерниями, затем между округами и волостями*.

Касаясь финансовых реформ, которые должны быть предприняты немедленно, Сперанский начинает с предложения исчислять расходы и доходы государства с 1811 году в серебряных рублях, устанавливая ежегодно средний курс рубля, пока курс ассигнаций не сравняется с серебром или пока не исчезнут ассигнации, ибо, говорит он, только се-

* Размышляя сегодня над трудом Сперанского, я был поражен совпадением многих его взглядов (на бумажные деньги, на исчисление цены земли, на рудники и стоимость добычи металла, особенно же на подушную подать и способы замены ее земельным налогом) с теми, которые я изложил в этой книге. Поэтому мне кажется, что всякий, кто изучит положение вещей в России с разных сторон, придет к таким же выводам. Однако Сперанский слишком часто высказывает суждения, отличающиеся от моих. Признавая, например, что чрезмерное количество бумажных денег есть не что иное, как замаскированный налог, он рассматривает его как долг, который и предлагает заплатить, то есть повысить курс обесценившихся ассигнаций. Такое, признавая в принципе, что государственные предприятия, как правило, почти не приносят дохода, он предлагает устраивать в казенных имениях фабрики, мануфактуры, винокуренные заводы и даже сельскохозяйственные предприятия.

ребро может служить постоянной денежной единицей и надежным средством исчисления расходов и доходов.

От этого Сперанский переходит к оценке различных мер. Он пишет так.

Устройство постоянной монетной и кредитной системы заключает в себе три главные предмета:

- 1) погашение ассигнаций;
- 2) установление кредита нового, или учреждение банка на серебре;
- 3) введение лучшей монетной системы.

ПОГАШЕНИЕ АССИГНАЦИЙ

Все способы, какие доселе были в других государствах употребляемы к погашению бумаг, подобных нашим, состояли в следующем:

- 1) банкротство;
- 2) выпуск новых ассигнаций⁶⁴;
- 3) возвышение их кредита;
- 4) уменьшение ассигнаций до того, чтобы они уравнились с потребностью обращения;
- 5) превращение ассигнаций в истинные кредитные бумаги, на серебре основанные, займом и постепенным их погашением.

Излишним признается здесь рассуждать о первом способе. Довольно приметить, что неумеренный и ежегодный выпуск ассигнаций без постоянной уплаты есть уже само по себе начало банкротства.

Второй способ, выпуск новых ассигнаций на металлическую монету не может быть допущен по самой возможности его исполнения в настоящем положении финансов.

Выпуск сей может иметь разные виды: во-первых, выпуск ассигнаций по именованной их цене — но где взять 577 миллионов металлической монеты?

Или, во-вторых, выпуск ассигнаций по именованной их цене, но на монету, уменьшенную в своем достоинстве на четверть или на половину. Сие есть нечто другое, как сокрытое банкротство;

Или, наконец, в-третьих, выкуп ассигнаций по курсу на металлическую монету. Положим, что на выкуп 577 миллионов потребно бы было только 300 миллионов. Тоже затруднение: где взять ее?

Третий способ употребляем был во многих государствах, но без успеха. Четвертый и пятый способ в начале своем одинаковы; но в последствиях различны. В том и другом полагается уменьшить количество бумаг; но в первом мерею уменьшения постановляется уравнение их с монетою металлическою, а во втором совершенное их уничтожение. Первое утверждение есть исправление временное, хотя весьма полезное, но всегда переменной грозящее; второе — есть коренное и существенное преобразование кредитной системы.

Здесь приемлется главным предметом последний способ преобразования.

Для погашения ассигнаций прежде всего полагается уменьшить их количество.

⁶⁴ К этому способу русское правительство прибегало в последнюю очередь (см. выше мою статью о реформе денежной системы). Сперанский приходит здесь к тому же наблюдению, что и я: где взять миллионы в серебряной монете, необходимые для подобной операции?

Для сего, прекратив совершенно их выпуск, полагается открыть внутренний заем.

Заем должен быть основан на серебре по курсу, то есть выплата процентов и капитала должна производиться серебром по существующему на день займа курсу*.

(Следуют подробности операции с займом.)

Все ассигнации, займом сим вырученные, предадутся публичному сожжению в тех самых городах, где они в заем поступят.

Если же первый заем будет неудачен, то второй открыть в виде лотереи.

(Следуют подробности.)

Учредив внутренние займы, должно вместе с тем найти и источники их уплаты.

Первый источник — таможенный доход — может принести по коайней мере до 6000000 рублей серебром.

Второй источник — продажа меди. Для сего нужно принять следующий распорядок: чекан и выпуск старых медных денег тотчас прекратить и всю медь обратить в продажу на серебро.

Третий источник есть продажа казенных оброчных статей. Положив их цену во 150 миллионов или даже во 100 миллионов, что составит уже значительный капитал.

Четвертый источник — продажа казенных земель тем самым крестьянам, кои на них живут.

С сею массою достоверного капитала с уверенностью пуститься можно в заем 200 миллионов ассигнаций.

УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО БАНКА, НА СЕРЕБРЕ ОСНОВАННОГО

Капитал банка состоять может от 10 до 20 миллионов рублей в серебре.

Он составлен будет акциями, по 1000 рублей каждая.

Часть сих акций, например треть, будет составлена вкладом капиталов от правительства.

Операции сего банка относятся будут:

К коммерции:

- 1) Открытыми счетами;
- 2) Учетом векселей;
- 3) Сохранною казною в золоте, серебре и бриллиантах.

К правительству:

- 1) Платеж процентов по займам из доходов, присвоенных банку;
- 2) Производство займов на короткие сроки и с определенными ограничениями.

К банку присоединится контора погашения долгов со всеми ее заведениями.

Управление банка будет составлено по преимуществу акций; правительство не будет над ним иметь другого влияния, как только в качестве вкладчика.

(Следуют некоторые подробности о новой чеканке серебряной и медной монеты.)

---

* Такой заем был сделан. Заимодавцы, или держатели займа, купив облигации, когда серебряный рубль стоил меньше трех рублей на ассигнации, и переведя их в металлическую монету, стали обладателями серебряных рублей, стоивших почти четыре рубля ассигнациями.

Каким же был для Сперанского итог всех этих трудов? Ссылка! Выше я уже говорил об этом. Не могу удержаться и не привести здесь некоторые выдержки из письма, отправленного им из Перми, куда он был выслан, императору Александру.

Грустно видеть, что так были вознаграждены труды человека, преданного родине, рвение которого, не всегда удачное или своевременное, было по крайней мере чистым и искренним; сто крат печальнее наблюдать, что несправедливость и гонения унизили эту душу, в которой поистине не было недостатка ни в благородстве, ни в возвышенных чувствах, ни в благожелательности к ближним: тот же Сперанский покрыл себя позором в ходе процесса 1826 года; это выглядело так, словно, выказывая постыдную приверженность деспотизму, он хотел предать забвению свободные и великодушные идеи, стоившие ему ссылки.

Письмо Сперанского

Пермь, январь 1813

Всемилолюбивейший Государь,

При отлучении меня Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостивого внимания, сказали мне, что «во всяком другом положении дел, менее настоятельным, Вы употребили бы год или два, чтобы точнее рассмотреть и поверить сведения, к Вам обо мне дошедшие». Из сего я должен заключить, что мнение Ваше о мне еще не решено невозвратно...

Устойите, Всемилолюбивейший Государь, внимания объяснения, при сем прилагаемые, не столько из снисхождения к моей судьбе, как по уважению их предмета. Судьба моя и без них, по единому движению справедливости и благости Вашей, могла бы решиться; но Государи всегда имеют личную и прямую пользу внимать истине, особливо когда она касается до важных дел государственных.

Есмь и проч.

Извлечение из объяснений, приложенных к письму Сперанского

В самом начале царствования Ваше Императорское Величество постановили себе правилом, после толиких колебаний нашего правительства, составить наконец твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно.

От сего единого начала постепенно возникали все *главные учреждения Ваши*, учреждения, кои могли бы прославить самое долголетнее и деятельное царствование, если бы или люди были справедливее, или обстоятельства счастливее.

Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле, каждый попеременно, в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, коего привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшались их еще более в будущем.

Невзирая на сие, через 12 лет Ваше Величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы; но главная мысль и намерение оставались непреходящими.

До 1808 года я был почти только зрителем сих преобразований, но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1808 году Вашему Величеству угодно было поручить мне через графа Кочубея, в начале коего я тогда служил, составить план преобразования судебных и правительственных мест в империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием.

В конце 1808 года Ваше Величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, нередко удостоивая провоздаться со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся.

Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое.

Отсюда произошел план всеобщего государственного образования.

В существе своем он не содержал ничего нового; но идеям, с 1801 года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение.

Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сего власти более правильности, достоинства и истинной силы.

В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправлений, Ваше Величество положили наконец приводить его в действие.

*Позднее, может быть, было бы все установления сего плана открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смещения. Но Ваше Величество предпочли терпеть на время укориэну в *непредусмотрительности*, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно соделалось источником ложных страхов и *несправедливых опасений*. Не зная плана правительства, судили намерения его по *некоторым отдельным реформам, принялись порицать их* и, не видя точной цели и конца перемен, *кричали против* уновлений.*

Пройду кратко все установления, от плана сего возникшие, дабы означить, как вместе с ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда их преследовавшая.

I. Совет. Учреждение сие, за месяц прежде открытия, сообщено было графу Салтыкову и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили. Все последствия его оправдали. Но одни видели в сем установлении подражание французскому, хотя, кроме разделения дел, ничего они не имеют общего. Другие утверждали, что разум сего учреждения стесняет власть государеву. Где и каким образом? Не по государеву ли повелению дела вносятся в Совет? Не единым ли словом его *принимаются окончательные решения по ним*? Но зависть и клевета лучше желают казаться *наглými*, нежели быть безгласными.

II. Министерства. В манифесте 1802 года обещаны были подробные учреждения или инструкции министрам, но до 1810 года их не было. Беспорядок и смешение доходили до крайности. Ваше Величество в собственной работе Вашей с министрами более всех сие чувствовали и почти ежедневно напоминали мне о необходимости сего учреждения.

По мыслям Вашего Величества составлен был план, внесен на рассмотрение председателей Совета, всеми единогласно одобрен и потом принят в Совете. На сем основан был манифест о разделении министерств и составлен общий устав.

Возникли два новые министерства: полиции и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убеждению Вашего Величества в его необходимости, а второе основано на порядке счетов, неоспоримом и очевидном.

Общий устав постановил самые точные пределы отношениям и власти министров. Смею утверждать, что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением, *столь хорошо приспособленным к общему управлению*. Оно лежит теперь покрыто пылью и прахом, но время восстановит его.

Надлежало приступить к частным уставам. Возложено было на самых министров составить проекты, дабы после пересмотреть их и привести в единство.

Здесь каждый министр, считая вверенное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства — и это был я! Мне одному против *могущественных влияний* надлежало вести сию тяжбу. У одного министра финансов, не говоря о других, убавлены целые два важных департамента и таким образом уменьшены штаты ежегодно более ста тысяч рублей...

Между тем как занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мне многократно о образовании Сената.

III. Сенат. Образование Сената было в необходимой связи с учреждением министерств. Не могут два сии установления идти на двух началах совершенно противоположных.

Проект *прежде всего рассмотрен был несколькими уважаемыми лицами*, после сего в собрании председателей напечатан и внесен в Совет; месяц времени определен был для того, чтоб каждый у себя дома мог его обдумать.

Из хода сего дела всяк легко мог усмотреть, что не желали тут ни исторгнуть согласия, ни предвосхитить его смятением и поспешностию.

Невзирая на сие, восстали укоризны. Не буду здесь упоминать о том, что в укоризнах сих было жестокого и терзающего мою личность. Обращусь к самому источнику тех только возражений, кои имели вид беспристрастия. Возражения сии большею частию происходили от того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разум людей, его составляющих, не довольно еще поражен несообразностями настоящего вещей порядка, чтобы признать благотворные Ваши перемены необходимыми. И следовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпеть, еще попустить беспорядок и злоупотребления, чтоб наконец, так сказать, их ощутили и тогда, вместо того чтобы затруднять намерения Ваши, сами бы пожелали их совершения.

Мысль сия вырвалась у меня в разговорах. Я представил ее во всей силе Вашему Величеству и означил даже в докладной моей записке, которая при делах и теперь должна находиться. Мог ли я тогда подумать, что сие самое рассуждение даст повод врагам моим сделать то злобное приложение, какое впоследствии оказалось?..

IV. Законы. Искали доказать, что уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои избличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано...

V. *Финансы*. В исходе 1809 года, тогда как Ваше Величество занимали меня планом общего образования, *Вашему Величеству было угодно поручить мне составить план улучшения государственных финансов.*

План был внесен в комитет, который тогда в доме г-на министра собирался. *Одобренный комитетом*, он был представлен Совету. Были споры, но самое важное большинство его одобрило. Принялись за исполнение.

Здесь те же самые члены правительства, кои план одобрили, вместо того чтобы единомысленно способствовать его исполнению, начали всемерно затруднять его, и тот, кто должен был главным быть его исполнителем, министр финансов, не отрекаясь от него на словах, стал первым его противником на деле...*

Настал 1812-й год. *Казна была опустошена* и, сверх того, — близкая война. Министр финансов представил систему налогов чрезмерно крутую и тягостную. Часть их принята, другая заменена налогами легчайшими. Сие смягчение и сии перемены, умножив раздражение, послужили после министру финансов и обширному кругу друзей его весьма выгодным предлогом отречься от всех мер нового положения, сложить с себя ответственность и, по примеру 1810 года, но уже с большею силою, на меня одного обратить все неудовольствия...

Я мнил, что спокойный взгляд и терпение двух или трех месяцев рассеет сию бурю. Но властолюбивая зависть не дремала и воспользовалась сопряжением обстоятельств (разумно моих доносителей; имена их Вашему Величеству известны). Приступаю к подробностям, весьма для меня горестным.

Я не знаю с точностию, в чем состояли секретные доносы, на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвинений: 1) что финансовыми делами я старался расстроить государство; 2) привести налогами в ненависть правительство; 3) отзывы о правительстве.

1. *О финансах*. К 1810 году доходы государственные составляли около 125 000 000. К 1812 они доведены были до 300 000 000. Приращение — в два года 175 000 000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать; а дел, на простом счете основанных, переменить нельзя.

2. *О ропоте от налогов*. Какое странное притязание желать, чтобы народ кланялся и благодарил, когда облагают его налогами! Естественно, сперва поговорят, побранят, потом перестанут, а со временем, когда образумятся, то и благодарить будут. Но можно ли сие минутное неудовольствие признавать опасным ропотом! Опасный ропот сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными и *интриганам*.

Не могу миновать здесь одного примечания, которое и прежде, в первом письме моем отсюда, я старался, сколько мог, означить.

Не попустите, Всемилостивейший Государь, чтоб система ложных страхов и подозрений, система, коюю, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, чтоб система сия, всегда приводившая государей к бесславию, а государства к бедствиям, пре-

* Да будет позволено мне здесь заметить, что я не читал еще сего письма Сперанского, когда изложил свои соображения о том, что самодержавному государю невозможно обеспечить строгое исполнение даже лучших своих решений.

возмогла над достоинством морального Вашего характера, который один, смею сказать, среди всех неустойств нашего правительства, доселе составлял отраду народа и надежду всех людей просвещенных и благомыслящих.

3. Третий пункт обвинения, сколько мог я выразуметь, состоит в том, что я отзывался худо о правительстве.

Если доносители разумеют под именем правительства те элементы, из коих оно складывается, то есть разные установления, то правда, *что я всегда находил эти установления весьма худыми и несообразными*. Но сие было мнение всех людей благомыслящих и, смею сказать, и мнение Вашего Величества; скрывать же сего я не имел никакой нужды.

Если разумеют под именем правительства людей, его составляющих, то в сем я также признаюсь. Горесть — видеть *все искаженным, все перетолкованным, все усилия установленными; видеть*, при покорности намерениям Вашим на словах, совершенную противоположность им на деле; горесть, снедавшая мое сердце и часто доводившая до отчаяния иметь при сих элементах и людях какой-либо в делах успех, невзирая на все Ваши желания; горесть сия часто, а особливо в последнее время, по случаю сенатских и финансовых споров, вырывалась у меня невольным образом из сердца. Но, Всемиловитвейший Государь, измучен, действительно измучен множеством дел и ежедневно еще терзаем самыми жестокими укоризнами, мог ли я быть всегда равнодушным? И, впрочем, сии самые члены правительства, коих чувствительность отзывом сим толико оскорбилась, не воздали ли мне сами за сие сторицею?

Но чтоб мог я под именем правительства разуметь особу Вашего Величества, душа моя возмущается при размышлении, что я доведен до того, чтоб опровергать сию гнусную клевету иначе как презрением...

Отчего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? Оттого, что сии разные лица составляли одно тело, а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним...

Во всех представлениях моих я имел дело с одним Вашим разумом и никогда не хотел обольщать Вашего сердца. Ваш разум и строгая с моей стороны логика были одни мои орудия. Для сего сочиняемы были мною не докладные записки, но, можно сказать, целые книги. Каким же образом вздумал бы я порицать и злословить в последнее время то, что очевидно читил и уважал в течение столь многих лет? Какую цель могла иметь сия лживость? Возбудить неудовольствие, но в ком? В Армфельде и Балашове? И на какой же конец? Чтоб сделать переворот в правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где сообщники? Открыл ли кто один след *этого во всей моей жизни, в моих бумагах и проч.*

Здесь одна горестная мысль раздирает мое сердце. Неприятели могли сомневаться в политических моих правилах, могли думать о привязанности моей к французской системе; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться...

Между тем, однако же, сие жестокое предубеждение о связях моих с Франциею составляет теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего в народе обвинения.

Вам единственно, Всемиловитвейший Государь, Вашей справедливости принадлежит его изгладить. Смею утвердительно сказать: в вечной правде перед Богом, Вы обязаны, Го-

* Главные действующие лица интриги против Сперанского.

сударь, сие сделать. Вы не можете тут иметь во мне ни малейшего сомнения. Вашею тайною, а не своею, я связан; следовательно, Вам же и развязать все должно. Финансы, налоги, новые установления, все дела публичные, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдается временем; но здесь чем я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?..

Нужно ли, Всемилостивейший Государь, чтоб я оправдывал себя и против тех обвинений, кои рассеиваемы были моими врагами, о нравственных моих правилах и связях моих с мартинистами, иллюминатами и проч.?

Когда Ваше Величество пожелали о предметах сего рода и в особенности о мистической их части иметь сведения, я с удовольствием готов был посвятить Вам все плоды моих собственных изысканий и размышлений. Обстоятельства и многоделие прервали слишком рано сии лестные для меня сношения... Но что другое в сих истинах Вы от меня слышали, кроме указаний на достоинство человеческой природы, на высокое ее предназначение, на закон всеобщей любви яко единый источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого?..

В награду всех горестей, мною претерпленных, в возмездие всех тяжелых трудов, в угождение Вам, к славе Вашей и благу государства подъятых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе и, наконец, в воспоминание тех милостивых и лестных для меня частных сношений, в коих один Бог будет свидетелем между Вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мне с семейством моим в маленькой моей деревне провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной...

Не ищу другой награды, как только свободы и забвения.

Наконец, привожу записку, объясняющую ссылку Сперанского. Автор ее, г-н Розенкамф, член Комиссии законов, оказался здесь орудием в руках своего патрона Армфельда. Эта записка вполне раскрывает суть интриги, затеянной против Сперанского. Традиции деспотизма мало-помалу исчезают в цивилизованной Европе, поэтому небезынтересно привести сей эпизод.

Извлечения из записки г-на Розенкамфа⁶⁵
(сочинена по-французски)

В веке, подобном нашему, когда все сдвинулось с места, даже значения слов, когда и добродетели, и пороки сменили имена, когда повседневные события, равно как и частные случаи, явно отмечены сим стремлением ко лжи, удаление высокопоставленного человека, составляющее ныне предмет всех разговоров в Петербурге, не было еще рассмотрено с истинной точки зрения; общественное мнение шатко и, кажется, еще не видит первой и существеннейшей причины происшедшего.

Государственная измена и иллюминатство, с одной стороны, зависть и придворная интрига, с другой — вот в чем ищут основания сего события. Но спокойный и привыкший к размышлениям человек не станет предаваться догадкам, столь часто лишенным

всякого основания; он приглядится к сему важному лицу и его должности и рассмотрит его с трех сторон: как личность, как подданного и как государственного деятеля.

Независимо от неизвестных мне фактов, кои могли бы служить основанием для разного рода частных обвинений против г-на Сперанского, можно предположить, что его административная деятельность повлекла за собой ущерб, которого достаточно, чтобы его взгляды показались в высшей степени подозрительными...

Принципы управления, им выдвинутые, за малыми исключениями доказывают, что он был намерен расстроить существующий порядок вещей и привести к общему потрясению. Проследив шаг за шагом его поведение, замечаешь, что он руководствовался одной важнейшей идеей, доказывающей, что он действовал по заранее обдуманному плану, ключ к коему дают последние события. Средства, к которым он прибегал, превосходно отвечают этой цели. Разоблачению его способствовало мнение, выражаемое им в последнее время; он заявлял, что все элементы нынешнего устройства империи так плохи, что исправить их нельзя, что все дошло до того предела, когда следует ожидать волнений, и что достичь лучшего порядка вещей можно только при помощи больших несчастий. После такого заявления со стороны министра каждый должен опасаться не столько за себя, сколько за государя; тогда только смогли понять дух и совокупность всего, что он делал в течение десяти лет.

Такое мнение может привести только к губительным последствиям, даже если высказавший его не был изменником: рано или поздно оно должно было обрести опасных последователей и подорвать доверие к мерам правительства.

1. Первым нововведением, с коего он начал свою ниспровергательскую деятельность, было упразднение коллегий и коллегиального порядка.

2. Он составил план управления, который, запутав все пружины государственного механизма, пресек принцип единства и надзора.

3. Он начал создавать свод законов, не обнародовав принципы, коим предстояло лечь в его основание.

4. Он заставил принять такую финансовую систему, которая уничтожила общественное доверие к правительству и лишила его возможности быть готовым как к обыкновенным, так и к экстраординарным расходам.

5. Наконец, он восстановил все сословия друг против друга, столкнув их интересы. Он сумел унижить достоинство дворянства, поставить препятствия для промышленности третьего сословия и сделать непосильным бремя земледельцев. Он умножил число служащих для того лишь, чтобы увеличить число недовольных, и, вместо того чтобы законодательно упрочить положение всех сословий, он лишь подстрекнул ожидания каждого, с тем чтобы потом их обмануть. (Следуют подробности о коллегиях и проч.)

Этого достаточно, чтобы показать, до какой степени был обдуман план расстройства различных ветвей власти и как действия, произведенные в различное время, но в русле единого замысла, вместе вели к одной и той же цели. С 1804 года неразбериха охватила уже большую часть учреждений исполнительной власти. В 1810 году в основы законодательной власти был введен сей принцип, а в 1811 году проект судебного Сената заставлял предполагать его применение и в судебной части; если бы сей проект был приведен в исполнение, опыт вскоре показал бы, насколько чудовищным должен был стать ход судебных дел и какое недовольство он бы вызвал...

Затруднения, действительно существующие в судопроизводстве, известны; но нет ни одного писца в Сенате, который не смог бы доказать, что положения проекта судебного Сената, исправляя то или иное зло и вводя нечто разумное, в то же время пролагают множество новых путей к тому, чтобы делами полностью завладели докладчики и в конце концов даже Сенат не совладал бы с произволом низших канцелярий. Такое будущее готовил он народу и всем сословиям, которые уже роптали, видя, как в очередной раз оказались обманутыми их надежды на то, что обещания лучшего из государей будут исполнены.

Ни в одном из своих сочинений г-н Сперанский не выказал столько искусства и ловкости для того, чтобы то ли скрыть свои желания, то ли заставить угадать свои намерения, пребывая при этом в постоянной готовности вступить на тот или иной путь.

Только углубившись в этот проект, начинаешь сомневаться в чистоте его мыслей.

Длительные и непостижимые проволочки, с которыми г-н Сперанский в течение двух лет вел обсуждение гражданского кодекса, разумеется, не имели никакого отношения к его многочисленным занятиям... Подлинный смысл промедления в работе над гражданским законодательством угадывается и во всем его поведении: в сущности, он не хотел делать ничего истинно полезного для государства, а желал создать лишь видимость деятельности, чтобы поддержать высокое мнение о себе у нашего монарха, чьей проницательности он страшился. Софизмы, к коим он прибегал для того, чтобы уклониться от надзора и избежать упреков государя, давались ему легко, ибо человек сей никогда не думал того, что говорил, и действовал только с целью скрыть свои мысли. А когда ему недоставало доводов, он сваливал вину на волеизъявление его величества, который вопреки собственному мнению настаивал на мерах, коих не одобрял...

Вся страна вправе упрекнуть того, кто имел честь носить звание государственного секретаря, в том, что он обманул надежду на принятие гражданского кодекса, который так и не был утвержден, несмотря на огромные средства, отведенные на это его величеством со свойственной ему щедростью; сей ущерб сравним только с тем, что финансы империи были расстроены настолько, насколько это зависело от г-на Сперанского. Нелепое решение, навязанное им Государственному совету, потерянные для страны миллионы, уничтожение общественного кредита, коммерческого и частного, — это тоже ущерб, нанесенный управлением г-на Сперанского...

Последнее утверждение лишь подытоживает все изложенные мною факты.

Человек столь одаренный не мог до такой степени обмануться во всех отношениях; это означает, что он упорно следовал намеченному им плану. Нельзя постоянно ошибаться, если представляется столько случаев и поводов вернуться назад и одуматься, если умеешь так искусно приукрашивать свои намерения.

Человек, который мог хладнокровно поставить перед собой такую задачу, пользуясь при этом доверием и благодеяниями императора Александра; который умел с неслыханным искусством скрыть истину и замаскировать опасность, коей он подвергал империю; который, выставляя напоказ свои религиозные чувства, не боялся ни угрызений совести, ни недовольства своего государя, ни ропота народа, — такой человек наперед все рассчитал и действовал по твердо обдуманному плану.

Меня могут спросить: каковы же были его истинные замыслы? К чему он стремился?

Нужно было долго наблюдать за этим спокойным и чрезвычайно скрытным существом, разделявшим, казалось, все мнения, но следовавшим только своему, искусно владевшим речью и письмом, обладавшим при этом приятной наружностью, нужно было видеть, как складывались и развивались его идеи, чтобы обрести ключ к его поведению и характеру. Его душа и гордыня необыкновенны; такому характеру нужна иная пища, нежели та, что удовлетворяет людей заурядных; он обежит небо и землю в поисках того, что может его удовлетворить или, по крайней мере, послужить ему. Религия для него лишь дань, которую он платит своей гордыне. Он умеет обуздывать мелкие страсти, ибо предается неистовейшей из них — гордыне и презрению к людям.

Побуждения, в которых ему отказала обычная нравственность, он, подобно Кромвелю, сумел отыскать в особом расположении своей души, в той высшей степени лицемерия, которая обманула его самого.

Он настолько уверовал в то, что приблизился к высшим существам и проник в замыслы Провидения, что не сомневался уже в своей способности достичь всего, ибо, в отличие от остальных людей, был рожден для совершенно особых целей.

Но он забыл об одном: Провидение, попускающее злу развиваться до известных пределов, не пожелало, чтобы он и впредь обременял государя, коего был недостоин, и современников, которые, справедливо судя о нем, вызывали у него все большую ненависть.

Примечание S

Извлечения из книги профессора Баадера⁶⁶

ДАЖЕ РЕВНОСТНЫЕ КАТОЛИКИ отдают должное греческой Церкви. Изысканный и глубокий писатель, г-н Баадер, основавший в Мюнхенском университете кафедру догматического богословия, напечатал сочинение*, в котором сравнил Восточную и Западную церкви; мы приведем здесь несколько отрывков из него.

«Православная церковь, синодальное устройство которой есть постоянно действующий церковный собор, представляется компромиссом между Римской церковью, всецело подчиняющейся государю-первосвященнику, и протестантской церковью, зависящей от крупных землевладельцев, коим принадлежит и духовная власть.

О греческой Церкви известно мало. В то время как Западная церковь не стояла на месте и принимала участие в мирских делах, Восточная оставалась им чуждой; именно поэтому она осталась более чистой и верной духу первоначального христианства, чем Западная...

Нынешняя зависимость Православной церкви случайна и ни в коей мере не вытекает из ее устройства; Римская же и Протестантская церкви находятся в прямо противополо-

* Переведенное на французский г-ном де Ружмоном.

ложном состоянии: первая смогла освободиться от мирской власти, подчинившись духовному государю, вторая избежала зависимости от духовного деспота, признав первосвященником светского монарха. Римская церковь действительно основала свою свободу на зависимости от понтифика, но ни миряне, ни даже духовенство не сомневаются, что это свобода армии, основанной на строгой иерархии; солдаты сей армии подчиняются военным приказам.

Важнейшее несходство двух церквей (Восточной и Западной) коренится в их устройстве — коллегиальном на Востоке и монархическом на Западе. И эта монархия есть обожествленное самодержавие...

Равенство епископов — главное отличие Восточной церкви от Западной; коль скоро все епископы в той или иной стране признаны равными, из этого обязательно следует, что они должны собраться в постоянно действующий совет для принятия решений. Чтобы стать национальной, такая церковь не должна быть закрытым и замкнутым учреждением, не имеющим сношений со всеобщей церковью. Так, у разных народов существуют академии наук, каждая из которых вносит свой вклад в мировое знание; академии не подчиняются какой-то одной из них, своего рода католическому университету, открыто управляющему всеми науками; но при этом не стоит вопроса о прусской, баварской или французской математике. Отсутствие верховного судьи вовсе не мешает существованию и единству математики как таковой...

Синодальное устройство противостоит апостольскому и монархическому престолу и соответствует апостольскому синоду Иерусалима; оно более благоприятно для постоянства, единства и свободного развития Церкви, чем папское правление...

К тому же синодальное устройство оставляет свободу корпоративному чувству и не подчиняет ни членов Церкви единому главе, ни всю Церковь светскому монарху..

Только двойным действием — устройством Синода и церковных фондов (которыми управляла бы Церковь) можно произвести подлинную реформу Западных церквей, только так служители религии смогут вновь обрести в обществе достоинство и независимость».

Приложения

Голос с того света

Книга Николая Тургенева «Россия и русские» — история и судьба

Чем больше я размышляю,
тем сильнее желаю, чтоб ты
выдал записки <...>; так как
эмансипация отлагается, то
нужно подвинуть ее хотя
голосом с того света.

*А. И. Тургенев — брату Николаю
31 мая / 12 июня 1845*

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

А. С. Пушкин

СТРОКИ ПУШКИНА, с поразительной точностью и лаконичностью выразившие главный мотив причастности Николая Тургенева к тайному обществу, были написаны задолго до того, как декабрист решился рассказать в печати о своем прошлом. Но его мемуары, разросшиеся впоследствии в крупное исследование социально-экономического и политического строя России и программу его преобразований, лишь подтвердили проницательный взгляд поэта: стержнем и воспоминаний, и анализа, и программы была идея освобождения крестьян.

Хотя проблема отмены крепостного права, а затем ликвидации его остатков была актуальна в течение многих десятилетий и ей было посвящено необозримое количество сочинений – от публицистики до ученых трудов – мы не знаем другого произведения, где столь последовательно и органично была бы изложена либеральная концепция и современного автору состояния России, и будущего ее преобразования. В. И. Семевский справедливо сказал когда-то об этой книге: «единственное сочинение в эпоху императора Николая, в котором русский политический либерализм получил довольно полное выражение»¹.

Книгу Н. И. Тургенева ожидала уникальная и поистине странная судьба. Во всей необъятной историографии русского освободительного движения, во всем письменном наследии его участников это единственный пример сочинения, которое с момента своего появления и, в сущности, до сих пор не находило понимания ни у власти, ни в обществе.

Неудивительно, что только через полтора столетия выходит, наконец, в свет его полный русский перевод.

---

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXIV. СПб., 1902. С. 110.

Причины этого парадокса кроются отчасти в особенностях личности автора и его судьбы, и поэтому им следует уделить некоторое внимание.

Николай Иванович Тургенев (1789–1871) по рождению, воспитанию, дружеским связям принадлежал к высшему интеллектуальному слою людей александровского царствования. Сын директора Московского университета И. П. Тургенева, он воспитывался под определяющим идейным влиянием старших братьев — Андрея, рано умершего молодого поэта, и Александра, к ближайшему дружескому кругу которых принадлежали Жуковский, Вяземский, семья Карамзиных. Окончив Московский Университетский благородный пансион, он продолжил образование в Геттингенском университете, а в 1811 году вступил в государственную службу. Три года он провел за границей в должности комиссара Центрального департамента союзных правительств. Уже оттуда ведут начало его многочисленные знакомства с европейскими политическими деятелями.

Вернувшись в Россию в 1816 году, Н. И. Тургенев пользуясь личным доверием Александра I, делает заметную бюрократическую карьеру — сперва в аппарате Государственного совета, потом в Министерстве финансов. Вместе с тем, он продолжает заниматься исследованиями в области политической экономии и права, в 1818 году издает наделавшую много шума антикрепостническую по существу книгу «Опыт теории налогов». А наряду со всем этим он в 1818–1822 годах является одним из наиболее авторитетных членов тайных обществ декабристов — Союза благоденствия, а потом Северного общества — впрочем, только на самом начальном этапе формирования последнего.

После наступившего вскоре в деятельности нового общества перерыва, связанного с удалением на время гвардии из Петербурга, Тургенев практически к участию в нем не возвращается, а в начале 1824 года уезжает для лечения за границу.

Восстание 14 декабря 1825 года застает его в Англии. Верховный уголовный суд заочно приговорил Тургенева, отказавшегося предстать перед следствием и судом и не выданного английским правительством, к смертной казни (по конфирмации Николая I замененной пожизненной каторгой). Начинается его уникальная для декабриста долгая жизнь политического эмигранта. Морально и материально его поддерживает брат Александр, с 1824 года находившийся в отставке и живший преимущественно за границей, но ежегодно проводивший часть времени в России. Это позволило ему сохранить и пожизненное жалованье, дарованное ему Александром I при отставке, и общие с братом наследственные земельные владения.

Вся последующая жизнь Николая Тургенева идет под знаком трагического, никем не услышанного протеста против этого несправедливого, по его мнению, приговора, да и процесса в целом. Наиболее полным выражением этого протеста, переросшего в анализ и отрицание всего социально-политического строя России первой четверти XIX века, стала его книга, первый полный перевод которой на русский язык предлагается теперь вниманию читателей.

Книга Николая Тургенева «Россия и русские», изданная в апреле 1847 года одновременно в Париже, Брюсселе и Гааге на французском языке и вскоре в Берлине на немецком², состояла из трех томов.

Первый том, озаглавленный «Записки изгнанника», содержал последовательный рассказ автора о своей жизни (начиная с пребывания его в Эрфурте в 1808 году и кончая первыми годами жизни за границей после 1824 года) и об исторических событиях этого времени. Однако и в этом томе собственно мемуарный жанр не был выдержан до конца: особую, вторую его часть составила «Оправдательная записка» с критическим анализом и опровержением «Донесения Следственной комиссии», официальной версии движения декабристов, единственной публикации на эту тему, появившейся в России до начала работы Тургенева над книгой.

² *Tourgeneff Nicolas. La Russie et les Russes. Paris, 1847; Bruxelles, Livourne et Leipzig, 1847; La Haye, 1847; Russland und die Russen. Berlin, 1847.*

Второй том представлял читателям картину государственного и социально-экономического устройства в России, каким он сложился к николаевскому царствованию. Но это был не просто учебный трактат: не было такой стороны этого порядка, в которой Тургенев не видел бы оснований для резкой критики, превращавшей его исследование в обвинение.

Наконец, третий том, «О будущем России», содержал программу необходимых России преобразований — программу реформистскую, единственно возможную в условиях русского самодержавия, в неизбежности которого автор не сомневался.

Как мы увидим ниже, работая над своей книгой, автор долгое время считал едва ли не главной ее частью «Оправдательную записку», в конце концов составившую лишь раздел первого тома. Ей предшествовали уже четыре подобных записки, написанные Тургеневым в 1826–1830 годах³.

Первая из них, записка, формально предназначенная для Следственной комиссии, была отослана сразу же после предъявления Тургеневу обвинений и требования вернуться в Россию. Александр Иванович отправил ее, сопроводив своим письмом на имя императора.

Вторая записка, написанная уже после окончания суда и казни пяти руководителей движения, была прямо адресована Николаю I и явилась еще одной попыткой оправдать себя в его глазах.

Наконец, третья и четвертая записки (пространный и краткий вариант одного и того же текста) возникли позже и были — по крайней мере, формально — обращены уже не к русским властям, а к потомкам. Но ограничиться в очередной раз полемикой с «Донесением Следственной комиссии» Тургенев, по-видимому, не пожелал, и записка осталась незаконченной. Лишь через много лет, задумав более широкий план мемуаров, он снова вернулся к этой полемике.

Над своей книгой Н. И. Тургенев работал более восьми лет: приступив к ней в 1838 году, он вносил последние дополнения накануне выхода книги в свет. Достаточно сказать, что в 3-м томе есть цитата из речи Луи-Филиппа, произнесенной в палате пэров 1 января 1847 года⁴.

Казалось бы, книга Тургенева должна была стать сенсационным общественным событием. Более чем через двадцать лет после восстания декабристов участник движения впервые опровергал в печати его официальную интерпретацию и излагал его историю со своей точки зрения. Напомним, что при жизни Николая I эта книга так и осталась единственным голосом протеста, ставшим известным миру: публикация декабристских воспоминаний была начата Вольной русской печатью только десять с лишним лет спустя.

Нельзя забывать также, что Н. И. Тургенев выступил со своей книгой накануне «мрачного семилетия», когда надежды на решение крестьянского вопроса иссякли, а атмосфера николаевской России становилась все более душливой, когда, по словам А. Ф. Пютчевой, Николай I уже «нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними бороться»⁵.

³ Первые две записки сохранились в составе соответствующих документальных комплексов: 1) записка от 20–23 апреля 1826 г. вместе с сопроводительным письмом А. И. Тургенева на имя Николая I от 20 мая хранится в ГАРФ (список условных сокращений см. на с. 721–722), в следственном деле Н. И. Тургенева; опубл.: *ВД* XV. С. 271–280; 2) «Записка о свойстве и мере моего участия в тайном обществе» с датой 18 октября 1826 г., фактически отправленная А. И. Тургеневым императору только в 1827 г., хранится в ГАРФ, в фонде Библиотеки Зимнего дворца; опубл.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 68–147. Третья записка 1830 года, «Notes d'un des accusés sur le rapport de la Commission d'Enquête, à être publiés sur ma mort» («Замечания одного из обвиняемых о Донесении Следственной комиссии; напечатать после моей смерти»), осталась в бумагах В. А. Жуковского; опубл.: *РС*. 1901. № 9–10; четвертая, краткий вариант предыдущей, опубл.: Там же. № 11.

⁴ Наст. изд., с. 475.

⁵ Пютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 36.

И в такое время является человек, который не только присваивает себе это право, но и реализует его в сочинении, сочетающем основательность ученого труда с язвительностью политического памфлета!

Как же случилось, что голос его не был услышан? Мы попытаемся объяснить это, проследив историю книги Тургенева.

Нельзя сказать, что этим предметом до сих пор не занимались. И к личности Тургенева, и к его главному труду обращалось немало исследователей, особенно после того, как его сын Петр Николаевич в 1912 году передал архив братьев Тургеневых, богатый перепиской, дневниками и творческими рукописями, в дар Российской Академии наук. Архив долгое время хранился в Библиотеке Академии, потом был передан в Пушкинский Дом, где хранится и теперь (ф. 309). Пристальнее всех историей книги «Россия и русские» занималась В. М. Тарасова, в 1960–1970-х гг. посвятившая ей ряд статей, в совокупности своей составивших ее докторскую диссертацию, так и оставшуюся не изданной полностью.

Однако нет сомнения, что исследование такого крупного явления в русском освободительном движении и общественной мысли, как Н. И. Тургенев и его наследие, далеко от завершения.

Прежде чем перейти к изложению самой истории книги Тургенева, задумаемся над некоторыми вопросами, возникающими при знакомстве и с замыслом ее, и с его реализацией.

В. М. Тарасова полагала, что книга была адресована преимущественно русским читателям⁶. Это опровергается, однако, словами автора, цитируемыми самой исследовательницей: 8 июля 1844 года Тургенев писал брату: «Мне показалось более, чем когда-либо, уместным представить европейской публике несколько правильных и достоверных сведений о положении в стране, которая стала объектом стольких рискованных высказываний, стольких неправильных сведений»⁷.

Но можно ли было надеяться на внимание европейского читателя 40-х годов к скрупулезной полемике с документом, изданным русскими властями за двадцать лет до этого? А если к нему, судя по словам автора, был обращен, главным образом, второй том, то до какой части русского общества могла, по его мнению, дойти книга, изданная за пределами России и несомненно обреченная на правительственный запрет? Кому, наконец, предлагалась программа реформ — ведь не западной же публике! И если даже предположить потенциального адресата в прогрессивной части николаевской элиты, государственных деятелях типа, скажем, П. Д. Киселева, то разумно ли было предпосылать своим предложениям первые два тома, которые первый же их читатель, друг братьев Тургеневых, В. А. Жуковский счел «проникнутыми враждебностью к России»⁸.

Тургенев ясно понимал, с каким гневом воспримут его книгу Николай I и его окружение. Именно поэтому он так решительно возражал Жуковскому, убеждавшему его не печатать книгу, а послать рукопись «императору (примирившись с ним мысленно) <...>, чтобы он поверил искренности доброжелательства и, тронутый им, принял во благо деяние»⁹.

«Я молчал двадцать лет, — писал в ответ Тургенев, убежденный, что новое прямое обращение к царю и бесполезно и недостойно. — Мои мемуары суть изложение моей жизни в России, проте-

⁶ Тарасова В. М. «Россия и русские» (Н. И. Тургенев о России 20–50-х гг. XIX в.) // Ученые записки Марийского педагогического ин-та. Вып. 27. Йошкар-Ола, 1965. С. 125. (далее: Тарасова).

⁷ Там же. С. 136. Напомним, что особенно острый в тот момент интерес европейского общественного мнения к николаевской России, помимо всего прочего, определялся успехом вышедшей в свет в 1843 г. книги А. де Кюстина «La Russie en 1839».

⁸ Письмо Н. И. Тургенева к А. И. Тургеневу от 12/24 июля 1844 г. (Здесь и далее переписка братьев Тургеневых, связанная с созданием и проблемой публикации книги «Россия и русские» и хранящаяся в архиве братьев Тургеневых в ИРЛИ (ф. 309), цитируется по копиям, любезно предоставленным нам В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом, которые готовят к печати монографию «Александр и Николай Тургеневы. 1825–1845». В иных случаях дается ссылка на источник. Некоторые из этих писем уже приводились В. М. Тарасовой в указанной выше работе.)

⁹ Обширные извлечения из письма Жуковского к А. И. Тургеневу последний включил в текст своего письма брату от 7/19 июня 1844 г.

стация против осуждения и объявление моих мнений о теперешнем положении в России, равно как мнений относительно ее будущего. Все это с моей стороны весьма серьезно, для меня важно, многое даже священо. Спрашивать кого бы то ни было «не угодно ли вам прочесть, что я написал», то есть что вылилось из глубины души моей, неприлично <...> я не могу напоминать им о себе иначе, как сделав гласным все, что со мной случилось»¹⁰.

В оценке возможной реакции общества на его труд Тургенев колебался. Большею частью ему казалось, что европейского читателя не может не заинтересовать взгляд необыкновенно осведомленного русского автора, бывшего крупного государственного чиновника, на такую значительную в тогдашнем мире державу, как Россия. Но иногда он сомневался даже в этом. «При сем суждении Жуковского о книге Кюстина, — делился он с братом в 1843 году, — я невольно и со вздохом вспоминаю об участи, которая ожидает появление моих мемуаров. Что ж будут они, когда и Кюстин длинен и скучен! Мои будут действительно длинны и, конечно, потому часто скучны»¹¹. Действительно, многочисленные повторения и растолковывание одних и тех же проблем очень удлинняли его повествование и требовали немалых усилий от читателя.

Но все-таки он никак не мог ожидать, что его труд, этот первый декабристский «голос с того света» окажется просто неинтересным обществу середины 1840-х годов.

Исследуя историю книги «Россия и русские», В. М. Тарасова сочла первым подступом к ней рукопись, озаглавленную «Notes d'un des accusés sur le Rapport de la Commission d'Enquête» («Замечания одного из обвиняемых о Донесении Следственной комиссии»), — упоминавшуюся уже третью оправдательную записку¹².

Это имеет некоторые основания: именно она впервые обращена не к российской власти, а к потомству, что придает ей явно мемуарный характер. Однако и в ней Тургенев видел не воспоминания, а полемическое сочинение, посвященное одной специфической проблеме: следствию и суду над декабристами.

О начале же работы над собственно мемуарами он впервые упомянул в письме к брату только в 1838 году: «Начал здесь марать бумагу, излагая воспоминания о прошедшем. Не знаю, долго ли буду иметь охоту продолжать»¹³.

Представляется однако, что зерном, из которого выросла потом книга «Россия и русские», следовало бы признать уже вторую оправдательную записку автора.

Опровержению Тургеневым предъявленных ему тогда обвинений, выражалось ли оно в виде возражений против каждого из них (первая записка) или в виде связного рассказа «о свойстве и мере» его участия в тайном обществе (вторая записка) неизменно сопутствовало изложение его взглядов на события 1820-х годов. В этом смысле исходной точкой всего, написанного им на эту тему, можно считать даже первую записку, хотя ее документальное значение, в сущности, не отличается от других письменных показаний декабристов на следствии, всегда имеющих двойственное жанровое значение: и свидетельских показаний, и воспоминаний о тех или иных событиях.

В ней были сразу сформулированы главные пункты самозащиты Тургенева: 1) признание своего участия только в одном из декабристских обществ — Союзе благоденствия, куда он, по его словам, вступил, надеясь содействовать уничтожению крепостного права («эта мысль, эта страсть, если хотите, заставила меня принимать участие в обществе до его разрушения»¹⁴); утверждение, что в обществе, как показывает его устав, «Зеленая книга», не было ничего преступного; 2) отрицание своего

¹⁰ Н. И. Тургенев — А. И. Тургеневу 15/27 июня 1844 г.

¹¹ Н. И. Тургенев — А. И. Тургеневу 12/24 августа 1843 г.

¹² Тарасова. С. 127.

¹³ Н. И. Тургенев — А. И. Тургеневу 7 июля 1838 г.

¹⁴ ВД XV. С. 275.

участия в формировании нового общества после Московского съезда 1821 года и участия в нем до отъезда за границу в 1824 году; 3) отрицание намерений того общества, в котором он участвовал, изменить государственный строй России, характеристика совещаний его участников как теоретических собеседований о разных типах правления; 4) отрицание какой-либо связи деятельности Союза благоденствия с событиями декабря 1825 года; 5) убеждение в законности самого существования тайного общества (общество преступно, если преступны его цель и действия — но устав общества свидетельствует об отсутствии у него преступной цели, действий же не было вообще).

Надо, однако, подчеркнуть, что, совпадая в этом смысле со всеми оправдательными записками Тургенева, эта первая отличалась от них принципиально: она была написана человеком, совершенно не представлявшим себе ни того, чем фактически уже располагало следствие, ни предстоящей кары. Требуемое от него письменное показание он счел простой формальностью, необходимой следствию в качестве документального доказательства его непричастности к восстанию 14 декабря. Наивная уверенность в возможности оправдать себя подобным образом говорит о полном непонимании ситуации.

Дело коренным образом переменялось, когда Тургенев был заочно приговорен к смертной казни, когда пять декабристов погибли на эшафоте и когда он, наконец, прочел «Донесение Следственной комиссии».

В сопроводительном письме ко второй записке, отправленной в конце 1827 года на имя царя, первая характеризовалась так: «Пред тем я послал письменное объяснение: оно не могло быть ни подробно, ни удовлетворительно, ибо я не знал всей обширности и важности того ужасного дела, в котором я казался замешанным, и не мог отразить тех обвинений, коих не мог ни угадывать, ни почитать возможными»¹⁵. В дневнике (запись от 2 июля 1826 г.) он по-другому укорял себя за недостойный характер этой записки: «Твердость или, лучше сказать, поверхностность объяснения, твердо изложенного, была бы приличнее и достойнее. То, что я написал, и слабо и ни то, ни се»¹⁶.

В августе 1826 года Тургенев, по настоянию брата Александра, начинает работать над новой запиской.

Теперь опровержение предъявленных обвинений представляется ему совсем в ином свете; главное же — новая записка имела целью не столько восстановить истину, сколько попытаться все-таки оправдать себя в глазах императора. Как говорилось в сопроводительном письме к ней: «...все это заставило меня обратить беспристрастный взор на прошедшую жизнь мою»¹⁷.

Разумеется, записка, адресованная Николаю I и являющаяся не чем иным, как унижительной просьбой о прощении, в принципе не могла быть «беспристрастной». Само обращение к августейшему адресату с просьбой о пересмотре приговора или помиловании определяло собой необходи-

¹⁵ РА. 1895. № 9. С. 31. Лексика и способ аргументации были подчинены здесь задаче благоприятного восприятия записки царем.

¹⁶ Цит. по статье А. Н. Шебунина «Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов» (Декабристы и их время. Т. I. М., 1926. С. 120; далее: *Шебунин*).

¹⁷ Истинным автором сопроводительного письма к этой записке был Жуковский. В Россию, однако, была отправлена только тетрадь с самой запиской. Письмо осталось у Жуковского и впоследствии было опубликовано с небольшими сокращениями П. И. Бартевым, получившим копию от сына поэта, П. В. Жуковского. Другая копия осталась в архиве Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309. № 1188 6-1). На ее обложке две надписи: 1) А. И. Тургенева: «Копия с письма брата (написанного Жуковским) Государю при представлении оправдания (Письмо сие представлено Государю не было)», 2) Н. И. Тургенева: «Согласившись, по настоянию брата и Ж<уковского>го, подписать это письмо, в кот<ором> мне не нравилась просьба о прощении в письме и слова, что Александр что-то мне простил, я выразил эти чувства, возвращая брату подписанное письмо. Видя мой образ мыслей, брат удержал Ж<уковского>го от подачи письма, как я тогда полагал. 1867 февраля 1».

мость солидаризироваться с властью в оценке действий Северного и Южного обществ и восстания как «ужасных». «Рапорт Следственной комиссии, — написано было в окончательном тексте записки, — представил все адское дело во всей полноте, со всеми подробностями беспримерного разврата и бешеной кровожадности»¹⁸.

Если бы эта записка вплоть до советского времени не была скрыта в государственном архиве, то общественная репутация Н. И. Тургенева, и без того достаточно пострадавшая в результате его самозащиты в глазах как товарищей по тайному обществу, так и следующих поколений русских революционеров, была бы скомпрометирована безвозвратно.

Но первоначальный ее текст, сочиненный Н. И. Тургеневым, как показал А. Н. Шебунин, исследовавший три ее редакции, резко отличался от того, какой был в конце 1827 года отправлен в Петербург. Под нажимом Александра Ивановича и Жуковского Н. И. Тургенев отступал от написанных ранее искренних признаний тех или иных фактов, а иногда соглашался изменить какое-либо из них до неузнаваемости, даже придавая тексту обратный смысл¹⁹.

Стремясь воздержаться в записке от недостойных крайностей, Николай Иванович писал брату при завершении работы над ней, 23 февраля 1827 года: «Следуя вашим письмам, я называл в записке подсудимых *злодеями*, злоумышленниками и т. п. Это никуда не годится и должно быть исправлено <...> Я могу оправдывать себя, но не должен говорить так о людях, кои несравненно несчастнее»²⁰. Но А. И. Тургенев не выполнил ни этой, ни других аналогичных просьб.

Тем не менее, именно вторая записка, несмотря на усилия ее редакторов (правильнее было бы сказать — соавторов), является, на наш взгляд, первым наброском будущих мемуаров. Это первая попытка Н. И. Тургенева рассказать о своей жизни и первый опыт серьезной критики официальной версии декабризма.

Подчеркнем, прежде всего, что работая и над этим, и над всеми последующими сочинениями о движении декабристов, Тургенев, помимо собственной памяти, располагал лишь теми сведениями, какие содержались в единственном опубликованном до тех пор документе — «Донесении Следственной комиссии». Представление Тургенева о значении этого документа, о его функции в следствии и суде над декабристами было преувеличенным и ошибочным. Даже в «Оправдательной записке», вошедшей в первый том книги «Россия и русские» в качестве второй его части, он все еще заблуждался на этот счет и, рассказывая, например, о намерении членов первых тайных обществ обратиться за поддержкой к Александру I, писал: «Этот факт указан в докладе следственной комиссии, послужившем основанием для всех последующих приговоров по делу о восстании 1825 г.»²¹, а далее, после рассказа о суде и казни: «Наконец, когда все было кончено, я получил «Донесение следственной комиссии» с несколькими добавлениями. Чтение этого доклада, который лег в основу обвинительных приговоров, вызвало во мне невыразимое изумление»²².

Он думал так же даже в конце жизни, когда уже столь многое стало известно по публикациям Вольной русской печати. В полемической брошюре, напечатанной им в 1867 году в ответ на апологетическую биографию Д. Н. Блудова (Е. П. Ковалевский. Граф Блудов и его время. СПб., 1866), он утверждал: «Г<граф> Блудов был составителем рапорта следственной комиссии. Этот рапорт был основанием всего процесса, в котором я был осужден на смертную казнь»²³.

¹⁸ Шебунин. С. 132–133.

¹⁹ См., например, правку эпизода с приемом в общество Митькова (Там же. С. 146).

²⁰ Цит. по вступительной статье к публикации записки: Памяти декабристов. Т. II. Л., 1926. С. 113 (далее: *Заозерский*).

²¹ Наст. изд., с. 53

²² Наст. изд., с. 88

²³ Изд. 1867. С. 15.

Ошибочное понимание функции «Донесения» во многом определило направление полемики с этим документом во всех записках Тургенева. Он слишком часто сосредоточивался на опровержении не столько самих фактов, сколько их интерпретации в сочинении Блудова.

Мы же, располагая теперь, в отличие от Тургенева, всей документацией следствия и суда, хорошо знаем, что «Донесение» было вовсе не «основанием всего процесса», а публицистической версией случившегося, предназначенной для информации общества в России и особенно за рубежом²⁴.

В рассматриваемой нами второй записке все пункты возражений, уже имевшиеся в первой, подкреплялись критикой использования в «Донесении» тех или иных показаний декабристов. Вынужденный назвать этот документ «беспристрастным», Тургенев вместе с тем последовательно разоблачал метод составителя, ловя его на противоречиях.

Так, он доказывал, например, что не мог участвовать в практической деятельности Северного общества, развернувшейся, по словам самого «Донесения», после вступления в Думу Рыльева, который заменил там Трубецкого. Но Трубецкий уехал в Киев только в конце 1824 года, а Тургенев с апреля этого года был за границей.

В другом случае, по показанию Рыльева, приведенному Блудовым, Тургенев обвинялся в согласии на вывоз царя за границу после революционного переворота. Но, возражал Тургенев, в обсуждении этого вопроса участвовал, судя по «Донесению», Александр Бестужев, принятый в общество только в 1825 году, а Рылеву тогда же было поручено вести переговоры о подготовке Кронштадтского флота с Торсоном, тоже вступившим в общество лишь в 1825 году²⁵. Во всех своих записках вплоть до книги «Россия и русские» Тургенев опровергал подобные хронологические неточности «Донесения».

Другой ряд возражений Тургенева уже в этой записке — это юридические доказательства неправомерности приговора ему, приводившие — даже вопреки тогдашним намерениям автора — к обличению неправосудных действий Верховного уголовного суда в принципе.

Показав, что суд, вынося приговоры, имел в виду «три главные рода злодеяний» (цареубийство; бунт; мятеж воинский), а в каждом из них три степени участия (знание умысла; согласие на него; вызов на свершение), Тургенев легко доказывает, что среди предъявленных ему обвинений вообще не фигурируют первый и третий «род злодеяний», и поэтому может иметься в виду лишь «бунт». Но разъяснение самим судом этого понятия предполагает участие в тайном обществе, имеющем бунт своей целью. А так как он, Тургенев, принадлежал к Союзу благоденствия, такой цели не имевшему, то для его вины «нет категории в решении Верховного уголовного суда»²⁶.

Разбирая далее не слова, а факты, на которых должно основываться правосудие, Тургенев снова перечисляет все, касающееся его участия в тайном обществе, и, признавая ошибкой свою неяску на суд, заключает: «Как же может неяска заменить полную улику в преступлении и навлечь смерть и каторгу?»²⁷.

Как и следовало ожидать, и эта попытка оправдания не имела у Николая I никакого успеха²⁸.

²⁴ Считая «Донесение» основополагающим документом в процессе декабристов, Тургенев упрекал составителя за то, что он «дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать более на массу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей» (там же). За двадцать лет до этого он несколько иначе выразил ту же мысль в книге «Россия и русские»: «Донесение комиссии <...> весьма мало похоже на судебный акт: это, самое большее, историческое повествование, написанное пристрастно и скорее в интересах некой партии, нежели в интересах истины» (наст. изд., с. 99). Об истории составления «Донесения» см.: *Рудницкая Е. Л., Тартаковский А. Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 28–29.

²⁵ *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 73.

²⁶ Там же. С. 108, 111–112.

²⁷ Там же. С. 125–126.

²⁸ Подготовка второй записки отражена отчасти в опубликованных письмах Н. И. Тургенева к братьям из Англии: *РА*. 1895. Кн. II. С. 465–483; *РС*. 1901. № 5. С. 237–275). Об истории получения царем этой записки и его реакции на нее см. в предисловии Н. Ф. Бельчикова к ее публикации: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 68.

Почти одновременно с подготовкой адресованной царю второй записки Тургенев начал обдумывать и иной вариант, обращенный к обществу. 26 января 1827 года он записывает свои размышления о потребности «написать для света записку истинную о себе». В апреле того же года: «Я думаю, примусь писать мемуары», а 22 июня уже пишет брату: «Идея долга, обязанности сильна. Я решился писать, почитая долгом писать. И вам виднее, что я пишу»²⁹.

Но тогда эти мысли не повлекли за собой практического результата.

Новое начинание Н. И. Тургенева в этой области, первое уже собственно мемуарное произведение, датируется 1830-м годом. Еще в ходе новых переговоров о возможности вернуться в Россию и добиться реабилитации (этот эпизод был описан потом в книге «Россия и русские»³⁰) он начинает работать над новым сочинением на эту тему, предназначенным уже не российской власти и, судя по заглавию, вообще не рассчитанным на прижизненную публикацию: «Notes d'un des accusés sur le Rapport de la Commission d'Enquête à être publiées sur ma mort» (Замечания одного из обвиняемых о Донесении Следственной комиссии; напечатать после моей смерти).

«Замечания <...> предназначались для общественности, для публики», — пишет о них В. М. Тарасова. Между тем, из приведенных ею самой писем Н. И. Тургенева к брату весной 1830 года ясно, что они замышлялись не для этого. Сначала он собирался лишь «написать <...> замечания по-французски и на отдельных страничках так, чтобы влести их в страницы рапорта» и посоветоваться о юридической стороне возражений с европейскими юристами.

По свидетельству самого автора, «Замечания» были написаны очень быстро, в течение двух-трех недель. Скорее всего он торопился, еще ожидая пересмотра в России своего дела. Когда же надежды на это окончательно рассеялись, Тургенев начал подумывать об их публикации, но так этого и не сделал³¹.

Сами «Замечания» обнаруживают большую близость к двум последующим работам Тургенева на ту же тему: сохранившейся в его архиве рукописи под заглавием «Reminiscences d'un passé éloigné ou la vérité sur mon pays et sur moi-même» (Воспоминания о далеком прошлом или правда о моей стране и обо мне самом) и «Оправдательной записке», вошедшей в книгу «Россия и русские»,³² — то есть действительно мемуарным сочинениям. Именно это доказывает, что «Замечания» являются следующим этапом творческой истории «России и русских».

Сравнение текста «Замечаний» с соответствующей частью книги Тургенева показывает, что именно в них установились и структура, и метод изложения, раз и навсегда принятые автором, как бы ни отличались его работы друг от друга текстуально. Все три эти сочинения можно было бы назвать так же, как сделал Лунин: «Разбор Донесения Следственной комиссии».

Главным отличием «Замечаний» от последней «Оправдательной записки» являются хронологические рамки: они обрываются на роспуске Союза благоденствия и возникновении вслед за тем нового общества в Петербурге. В «Записках изгнанника» за этим следует большой раздел о движении декабристов на Севере и Юге в 1822–1824 годах и отдельная глава «Некоторые особые обстоятельства, относящиеся к моему осуждению» — о логике и мотивах голосования некоторых членов Верховного уголовного суда³³.

²⁹ Тарасова. С. 125. К сожалению, цитаты из писем Тургенева приведены здесь так, что непонятно, к какому из мемуарных замыслов Тургенева каждая из них относится.

³⁰ Глава «Мое предложение вернуться» — наст. изд., с. 167 сл.

³¹ Тарасова. С. 124–126.

³² Пытаясь показать, в каком направлении автор перерабатывал «Оправдательную записку», В. М. Тарасова сравнивала ее печатный текст в книге «Россия и русские» с соответствующим текстом только одной из рукописных редакций (называвшейся еще «Воспоминаниями о далеком прошлом»). О сомнительности такого метода см. ниже.

³³ Наст. изд., с. 164 сл. Об аналогичном тексте ранней редакции см. ниже.

В совпадающих же хронологически частях текстов последовательность рассмотрения автором инкриминируемых ему «преступных деяний» одинакова: 1) попытка создания Общества русских рыцарей, 2) Союз благоденствия (его устав, цели, объяснение, почему общество было тайным, почему его нельзя считать преступным), 3) фактически не реализованный замысел организации и структуры Союза благоденствия, 4) соотношение устава Союза благоденствия и «настоящих намерений» тайного общества, 5) мысль об издании журнала, цель издания, 6) выбор между республикой и монархией на совещании с участием Пестеля в 1820 году и обвинение автора в произнесенных там словах «*président sans phrases!*», 7) прием новых членов, выход из общества других, 8) Московский съезд 1821 года, реакция на него в Петербурге и Тульчине.

Одинаково строится везде и каждый из указанных фрагментов текстов: за цитатой из «Донесения» следуют возражения автора и освещение им данного сюжета (обратим при этом внимание читателей на то, что термин «цитаты» не во всех случаях здесь и особенно в книге точен: Тургенев часто пользуется текстом «Донесения» очень вольно, либо без оговорок сокращая его, либо просто пересказывая; заметим, кстати, что Тургенев пользовался французским изданием «Донесения», мы же приводим соответствующие выдержки по русскому изданию; подробнее об этом см. в преамбуле к комментариям). Предполагая издать будущую книгу за границей, Тургенев теперь позволял себе большую свободу в характеристиках упоминаемых лиц, вне зависимости от того, осуждал ли он их или хвалил. Поэтому сведения о них, например о М. Ф. Орлове или А. Н. Муравьеве, более подробны, а прежние резкие оценки товарищей по обществу, в частности Пестеля, совершенно исключены.

Сама же аргументация полемики уже в «Замечаниях» отлилась во вполне законченную форму. Так, совершенно идентичны возражения Тургенева на описание в «Донесении» организации и структуры Союза благоденствия: процитировав его, он объясняет, что сам автор «Донесения» не мог не признать теоретического характера намеченной структуры, которую должен был потом утвердить не созданный в конце концов высший орган Союза³⁴. Почти дословно совпадает аргументация возражений Тургенева на утверждения «Донесения» о «настоящих намерениях» тайного общества, отличавшихся будто бы от указанных в его уставе: он возмущен тем, что столь серьезное утверждение, ведущее к прямой связи идеологии Союза благоденствия с восстанием 14 декабря, основано на единственном показании (С. М. Семенова), да еще помещенном составителем «Донесения» в примечание как несущественное³⁵.

Так же обстоит дело с опровержениями по пунктам 5, 7, 8. Сходно, хотя короче, чем в книге, рассмотрена проблема возникновения нового общества после роспуска Союза благоденствия.

Заметно отличаются эти тексты лишь в одном пункте — рассказе о совещании 1820 года и злополучной фразе «*président sans phrases!*». Понимая все значение этого обвинения, превращавшего его в главного идеолога революционного переворота, который заменил бы русскую самодержавную монархию республикой, Тургенев во всех своих записках особенно стремился опровергнуть именно его. Но если в обращениях к царю он настаивал главным образом на чисто теоретическом характере собеседования, то теперь пытался уже опровергнуть сам факт произнесения им этих слов.

Цитата из «Донесения» здесь более короткая, чем в книге (кончается словами о предложении возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну), но возражения весьма обширны. Сопоставляя различные показания декабристов об этом совещании, Тургенев стремится доказать их сомнительность и убедить, что вообще не мог произнести такую фразу, так как она противоречила его политическим взглядам — тем более, что есть показание о совсем ином смысле его слов³⁶.

³⁴ Ср.: *РС*. 1901. № 8. С. 275–277; наст. изд., с. 103.

³⁵ То же: *РС*. 1901. № 8. С. 270–280; наст. изд., с. 103.

³⁶ *РС*. 1901. № 9. С. 623–629.

По-иному строит Тургенев свою защиту от этого обвинения в «Записках изгнанника». Приведя соответствующий отрывок из «Донесения», он сперва углубляется в вопрос о поведении декабристов на следствии, причинах обвинения ими себя и товарищей, объясняя это применением к ним средств принуждения и даже пыток. Перейдя же к сути обвинения, он критикует неясность данных «Донесения», искусственно связывающего эту «теоретическую дискуссию с идеей царевубийства, которой нельзя избежать, говоря о революционном государственном перевороте»³⁷.

Особого внимания заслуживает в книге «Россия и русские» глава «Некоторые особые обстоятельства, относящиеся к моему осуждению», связь которой с «Замечаниями» почему-то не была до сих пор отмечена. Между тем, связь эта вполне очевидна и очень существенна.

Публикуя в 1901 году в «Русской старине» рукописи записок Н. И. Тургенева, предоставленные сыном Жуковского Павлом Васильевичем, А. А. Фомин напечатал сами «Замечания» в №№ 9 и 10 журнала, а в следующих двух номерах обнаружил еще два текста, назвав их «Приложениями». В первом из них содержится, во-первых, краткое изложение биографических фактов, подтверждающих, по мнению автора, его оправдание, во-вторых, как он пишет, освещается «путь, которым это обвинение состоялось» (это и есть четвертая, самая краткая оправдательная записка). Из нее развился впоследствии тот автобиографический очерк, с которым мы встречаемся уже в первых редакциях книги «Россия и русские», называвшейся еще «Воспоминания о далеком прошлом» и, в еще более подробном виде, в самой книге.

В «Замечаниях» Тургенев объясняет сложившуюся тогда вокруг него ситуацию следующими фактами: своим постоянным стремлением к радикальному решению крестьянского вопроса, что, по его мнению, и создало ему «репутацию карбонария», своим участием в попытке создания в 1820 году. Вольного общества помещиков для подготовки постепенной отмены крепостного права, убежденностью в возможности реформы «сверху» в самодержавном государстве, личным преклонением перед Александром I и исключительным благоволением последнего к нему, несмотря на компрометирующий его донос Грибовского.

Рассматривая же причины суровости приговора, вынесенного ему Верховным уголовным судом и не соответствовавшего инкриминируемым ему деяниям, даже если бы они имели место, Тургенев высказывает предположения о мотивах действий его членов. Он либо совсем не называет, описывая их лишь иносказательно, но так, чтобы конкретных лиц можно было узнать (Сперанского, Мордвинова, Строганова), либо обозначает их начальными буквами фамилий (Кушников). Вернувшись потом к этому сюжету в своей книге, Тургенев не только назвал полные имена, но и расширил этот перечень.

Записка завершается повторением тех аргументов, которые автор считал неопровержимыми³⁸.

Еще одну часть публикации А. А. Фомина составляет текст, тоже сохранившийся в бумагах Жуковского, но не принадлежащий перу Н. И. Тургенева. Это результат его замысла привлечь к своей защите какого-либо европейского правоведа. Записка была составлена в мае 1830 года французским юристом О.-Ш. Ренуаром на основании переданных ему А. И. Тургеневым «Замечаний» брата и строилась как последовательное перечисление 9 пунктов обвинений и опровержение их в том же порядке. Рассказывая впоследствии об этом эпизоде в книге «Россия и русские», Н. И. Тургенев высоко оценил работу Ренуара³⁹.

Из сохранившейся переписки не ясно, собирались ли братья представить записку Ренуара в Россию в случае пересмотра там дела Н. И. Тургенева или намерены были напечатать ее на Западе. На мысль о втором из этих вариантов, как кажется, наводят ее заключительные фразы: «Так как ныне Тургенева будут судить только по его поступкам, то он наверно будет признан невинным. Толки

³⁷ Наст. изд., с. 105 сл.

³⁸ Ср.: РС. 1901. № 11; наст. изд., с. 162–164.

³⁹ Наст. изд., с. 91. Оригинал записки см.: ИРЛИ. Ф. 309. № 594; перевод: РС. 1901. № 12. С. 649–680.

должны умолкнуть, когда заговорит судебная власть». Но после провала этой попытки реабилитации записка Ренуара теряла свое значение⁴⁰.

После 1830 года Тургенев надолго оставил мысль о мемуарах. Лишь с 1839 года он начал, по видимому, заниматься этим систематически⁴¹.

Упомянув в предисловии к своей книге о своих ранних мемуарах, «Замечаниях», Тургенев подчеркнул, что «отнюдь не предназначал эту рукопись для публики», а оправдаться публично решился лишь теперь. «Я невольно вышел далеко за пределы первоначального замысла моей работы, — писал он, — и <...> набросал картину политического и социального строя России»⁴², расширив и изменив свой труд.

В. М. Тарасова полагала, что изменения, которые вносил автор, были неизменно направлены к тому, чтобы сделать текст более конформистским. К такому выводу она приходила путем сравнения печатного текста с одной из ранних редакций, сохранившихся в архиве⁴³. Но можно ли составить подлинное представление об этом процессе без сравнительного исследования *всех* имеющихся там редакций, отражающих разные этапы работы? Такого исследования до сих пор нет⁴⁴. Однако даже беглый просмотр сохранившихся частей разных редакций книги Тургенева позволяет заметить гораздо большую сложность колебаний автора в своих оценках, что заставляет пока формулировать общие выводы гораздо осторожнее.

Не имея возможности взять на себя необходимый анализ и обоснование редакций в рамках данной статьи, являющейся лишь послесловием к публикации полного текста «России и русских», согласимся, что исследование, счастливая возможность которого предоставлена науке немалым объемом сохранившихся в архиве Тургеневых рукописей книги «Россия и русские», остается делом будущего⁴⁵.

Но все же, прежде чем показать, как постепенно менялся общий план и структура будущей книги, мы позволим себе выдвинуть некоторые предположения о последовательности сохранившихся в архиве (ИРЛИ, ф. 309) ее основных редакций (не пытаясь, конечно, уверенно определить место среди них еще множества черновых фрагментов). Она представляется нам следующим образом.

Первая редакция (черновой автограф Тургенева, без единой для всего текста пагинации) сохранилась в тетрадях, из которых состоят единицы хранения № 1328 (тетради 1–4) и № 1332 (тетради 5–15). Судя по пометам автора, текст написан в 1839–1840 гг.: есть пометы «Сентябрь 1839» (тетрадь 5, л. 22) и «20 мая 1840» (тетрадь 10, л. 8). В последних двух тетрадях этой редакции (14-й и 15-й) появилась уже глава «О будущем России», в начале работы над этой редакцией только замышлявшаяся (мы вернемся к этому ниже, рассматривая планы работы) — судя по этому, редакция заканчивалась уже в 1842 году. По всей вероятности, между этим текстом и следующим, о котором мы сейчас скажем, существовала еще одна редакция (но, может быть, авторская копия первой, уже

⁴⁰ Подробнее об этом см. наст. изд. коммент. 144 к т. I.

⁴¹ Письма брату от 9 сентября и 2 декабря 1839 г.

⁴² Наст. изд., с. 13.

⁴³ Тарасова. С. 124–153 (разделы «Происхождение и замысел текста» и «История текста»).

⁴⁴ Не является им и часть работы В. М. Тарасовой, озаглавленная «История текста». Ее выводы построены только на основании одной тетради (№ 1328), о других же текстах сказано: «Черновые варианты, разбросанные в различных делах». Но тетрадь № 1328 охватывает только события 1811–1815 гг. Часть же печатного текста, где отражены более поздние события, она, без оговорок и без малейшей попытки установить место среди редакций, сравнивает с фрагментом, имеющимся в № 1596. А он, как мы покажем ниже, принадлежит к другой редакции книги. Количества редакций и их последовательности Тарасова вообще не попыталась установить.

⁴⁵ Оно, правда, осложняется тем, что при архивной обработке в Библиотеке Академии наук рукописи были оставлены в том виде, в каком прибыли, не была сделана попытка восстановить последовательность редакций. В результате состав и нумерация единиц хранения не имеют никакого отношения к ходу работы Тургенева над книгой.

с сплошной пагинацией?): наличие ее тоже отразилось в одном из составленных Тургеневым подробных планов-росписей содержания. В архиве ее нет — вероятно, именно ее Н. И. Тургенев (судя по письмам к брату) в начале 1842 года отдал для переписывания.

Сохранившийся в архиве (не полностью) перебеленный экземпляр (до дальнейшей авторской правки на нем) и представляет, по нашему предположению, *вторую редакцию*.

Получив от переписчика эту каллиграфическую писарскую рукопись, Тургенев приступил к новым дополнениям и исправлениям, результатом которых явилась следующая, *третья редакция*. Она, таким образом, отражена в исправленной автором писарской рукописи с общей авторской пагинацией (в ней, кроме того, есть стилистическая правка карандашом, неизвестной рукой). Именно авторская пагинация позволяет установить последовательность частей текста, не объединенного в одной единице хранения, а разбросанного по нескольким, вперемежку с другими черновиками; он строится так: № 4100 (стр. 193–336, 521–590 авторской пагинации), № 1596 (стр. 353–376), № 2026 (стр. 401–520, 597–762, 807–858) и № 1330 (стр. 859–1103). Как видим, кроме многих других пропусков совсем отсутствует начало, первые 192 страницы, вероятно, целиком перенесенные автором в какую-то последующую редакцию.

По пометам Тургенева вся работа над третьей редакцией относится к 1842 году: в конце предисловия помета «Шанрозе, 19 июня 1842» (№ 4100, л. 35), на полях росписи содержания помета «18 октября 1842» (там же, л. 3).

План книги в том виде, как он сформировался у автора к концу работы над первой редакцией и долго не менялся, выглядел так:

I 1811–1815 с. 1

II Очерк о России с. 183

III 1816–1824 с. 859

IV Моя оправдательная записка с. 1101

V (О будущем России)*⁴⁶.

Тот факт, что при последней части нет указания на страницы, а заглавие, как предварительное заключено в скобки, доказывает, что в первой редакции эта глава не была еще написана.

В №№ 4100 и 1596 есть несколько подробных планов, скорее росписей содержания будущей книги. Как видно из сравнения их, Тургенев долго прибавлял все новые пункты воспоминаний. Но, приступив к третьей редакции, он, по-видимому, понял необходимость воздержаться от этого и начал сокращать рукопись, устраняя описание маршрутов своих путешествий по Европе.

На том же листе, где начата последняя предшествующая работе писца роспись содержания (№ 1596, л. 30), ей предпослано замечание автора: «Если придется сделать два тома, то в 1-й войдет *содержание*, предисловие и части I и II до стр. 859; во 2-й — части III и IV, процесс Волынского и глава «О будущем России»⁴⁷. Оно свидетельствует о том, что Тургенев не вполне еще представлял себе окончательную последовательность, состав и объем каждой части книги. Во-первых, он пока надеялся уложиться в один том и лишь на случай невозможности этого прикидывал расположение текста в двух томах. Во-вторых, он не нарушал еще сложившегося в первой редакции порядка частей. Наконец, ему казалось, что он сможет изложить программу преобразований в небольшой заключительной главе.

Работа над ней была уже начата: первоначальный вариант введения к ней находится именно в этой единице хранения⁴⁸.

⁴⁶ В № 1596 11 тетрадей, в последней из них находится «Оправдательная записка».

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 309. № 1596. Л. 32. Здесь и далее цитаты из рукописей Тургенева, в оригинале написанные по-французски, даны в переводе. Приводилось с ошибками: Тарасова. С. 141.

⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 309. № 1596. Л. 41–47.

Вскоре Тургенев писал брату из Парижа: «Я привез сюда последнюю главу «Sur l'avenir de la Russie» и предисловие и отдал вчера переписать тому же писцу»⁴⁹.

В третьей редакции книги (исправленная Тургеневым писарская рукопись) нет серьезных структурных перемен. Они появились только в *четвертой редакции*, над которой автор работал в 1843–1844 годах. Окончательный ее текст в более или менее полном виде в архиве отсутствует; возможно, он и был отдан в типографию. Но по его фрагментам, входящим в состав №№ 1328, 1332 и 1330, видно, что рукопись состояла уже из трех томов. «Очерк о России», находившийся прежде между двумя частями автобиографического рассказа, составил теперь содержание II тома. Из последней по прежнему плану главы вырос целый III том. Наконец, именно в этой редакции первый том был освобожден от многочисленных отступлений, посвященных отдельным деятелям описываемого времени, и все они были отнесены в конец тома в виде примечаний.

Вернемся, однако, к характеру исправлений писарской рукописи, вносившихся Тургеневым при создании единственной дошедшей до нас в сравнительно полном виде допечатной редакции.

Просмотр ее даже в первом приближении позволяет сделать ряд любопытных наблюдений.

Прежде всего, это исправление дат, указанных то ли в результате ошибок памяти, которые, впрочем, трудно объяснить в сочинении человека, располагавшего, помимо собственных воспоминаний, четырьмя написанными ранее записками на ту же тему, то ли в поисках наиболее убедительных вариантов.

Первый такой пример касается датировки той встречи Н. И. Тургенева с С. П. Трубецким, когда последний предложил ему вступить в тайное общество. Вот как исправлялся этот фрагмент:

1. «Это было некоторое время спустя, в начале 1818 года».
2. «К концу 1818 года».
3. «В течение 1818 года».
4. Наконец, в последнем варианте цифра 8 решительно исправлена на цифру 9.

Таким образом, окончательная дата в рукописи: «в течение 1819 года»⁵⁰.

В печатном тексте она приобрела несколько иной вид: «к концу 1819 года».

Столь сложная правка объяснима: дата имела важное значение в самозащите автора. Отодвигая свое вступление в Союз благоденствия на возможно более поздний срок, он приводил еще некоторые аргументы — например, тот факт, что ко времени его вступления в общество из него уже вышел А. Н. Муравьев (в мае 1819 года) и, значит, сам Тургенев не мог туда вступить ранее лета этого года⁵¹. Между тем, ему не могло не быть известно, что Трубецкой с самого начала лета был за границей и вернулся лишь в сентябре 1821 года⁵².

Это делало предложенную Тургеневым датировку своей встречи с ним просто невероятной, но он продолжал на ней настаивать, назвав эту дату уже в первой оправдательной записке.

Заведомо неверным, но настойчиво повторявшимся им было и утверждение, что он «едва знал по имени» Трубецкого. В июле 1819 года он писал о нем брату Сергею: «Я знаком с ним года с полтора». Довольно давнее знакомство Тургенева с Трубецким подтверждает и его дневник⁵³.

⁴⁹ Письмо от 24 июня/6 июля 1842 г.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 309. № 1332. Тетрадь 9. Л. 23.

⁵¹ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 117. Этим доводом Тургенев пользовался уже в третьей оправдательной записке, «Замечаниях» (РС. 1901. № 9. С. 632). Дважды он обращался к нему и в книге. Вслед за цитатой из «Донесения» о выходе А. Н. Муравьева из общества сказано: «Лично меня этот отрывок <...> интересует лишь потому, что он указывает на 1819 год как на момент, когда Муравьев оставил общество. Я вступил туда после выхода из общества Муравьева» (наст. изд., с. 112).

⁵² Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 19.

⁵³ Изд. 1936. С. 287; АБТ V. С. 20 (запись от 13 января 1817 г.).

Нет сомнения, что верной была первая указанная им дата встречи с Трубецким, уже хорошо ему знакомым.

Конечно, многочисленные вставки и исправления в рукописях являлись не только обычной редакторской работой автора. На нее влияла сложная совокупность факторов. С одной стороны, Тургенев желал сделать будущую книгу предельно правдивой. Он писал: «Решившись на это, я не могу говорить ничего, кроме истины; как бы ни неблагоприятна и малоутешительна она ни была, она всегда предпочтительнее ошибки и лжи»⁵⁴.

С другой стороны, он вынужден был считаться с тем, что было уже сказано им в прежних «оправдательных записках».

Влияли на него, разумеется, и опасения последствий будущей публикации как для брата, так и для себя и своей семьи. С учетом этого не раз отбрасывались наиболее радикальные высказывания⁵⁵.

Если в рукописи, рассуждая о тайных обществах и их целях, Тургенев позволил себе лишь кратко высказаться о праве на восстание (передавая своими словами, без указания на источник, американскую Декларацию независимости, он писал: «Восстание — не только право угнетенного, но его священный долг»⁵⁶), то в книге этой проблеме были уже посвящены несколько страниц — тех самых, которые впоследствии были изъяты цензурой из русского перевода первого тома, вышедшего в 1915 году (см. об этом ниже). Здесь, как можно убедиться, соответствующий фрагмент американской Декларации приведен полностью и со ссылкой на него.

В № 1616 находится большая вставка, которой Тургенев собирался закончить предисловие. В книгу из нее вошел только слегка отредактированный последний абзац, призывающий русских, «которые будут стремиться посвятить свою жизнь улучшению участи себе подобных», не бояться трудностей и ускорить триумф «дела справедливости и истины».

«Я открыл собою список русских изгнанников, людей, изгнанных, как говорится, по политическим мотивам, — пишет он в последних строках этой вставки (л. 54 об.). — Я продолжаю оставаться один в этом списке. Пусть же те, кто пожелает следовать моей судьбе, постараются остаться верными себе».

На изменения текста воспоминаний воздействовали, конечно, и возникавшие в годы работы над ним чисто внешние факторы, в том числе некоторые меры русского правительства. В разных черновиках обнаруживаются, например, следы меняющегося отношения Н. И. Тургенева к указу 2 апреля 1842 года, разрешавшему помещикам заключать соглашения с крестьянами об их взаимных обязанностях. Вначале братья Тургеневы восприняли указ как начало настоящей отмены крепостного права и были увлечены этой мыслью. 30 апреля/12 мая 1842 года Александр Иванович писал Жуковскому: «Ты знаешь уже, чем мы заняты; в России и здесь только и толку об указе крестьянском. Я не спал ночь от радости <...> И брат ожил и в восхищении»⁵⁷. Н. И. Тургенев действительно вначале переоценивал этот указ.

Среди ранних вариантов предисловия к будущей книге находим такой фрагмент: «После указа 2 апреля 1842 года я мог бы бросить в огонь мои мемуары. Все зло, все дурное в России происходит, по моему убеждению, от рабства. Этот указ наносит ему удар, который на этот раз станет смертельным для положения и состояния рабов — я так думаю, я особенно надеюсь на это. Но я все-та-

⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 309. № 1332. Тетрадь 9. Л. 38.

⁵⁵ Ср., например, вставку о различии между тайными обществами и заговорами («конспирациями») в № 1332 (тетрадь 9. Л. 29) и в тексте на ту же тему в № 1330 (вторая редакция, авторская помета: 24 мая 1840 г., л. 957–958).

⁵⁶ Там же. Л. 908.

⁵⁷ Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 167–168.

ки их публикую — лишь для того, чтобы обратить европейское мнение на рабство в России, мнение, которое должен пробудить этот указ»⁵⁸.

Но такое заблуждение оставалось у Тургенева недолго. «То, что русские говорят вам об указе о крестьянах, что его забудут, — писал он вскоре брату, — и что он ничего не переменит, напоминает мне указ Петра I Сенату, который тоже никакого действия не имел. Все возможно, но придет время, когда будут сожалеть, что не освободили крестьян»⁵⁹.

Тургенев еще далеко не завершил свою книгу, когда бесперспективность указа 2 апреля стала очевидной (соглашения с крестьянами заключило ничтожное число помещиков). Приведенный выше отрывок предисловия был отброшен, а во втором томе книги появился целый раздел, посвященный причинам неудачи.

«Мне иногда кажется, — писал Николай Иванович летом 1844 года, — что публикация того, что я говорю о рабстве, может, по крайней мере, возобновить, оживить этот вопрос и, следовательно, дать мысли освобождения новую импульсию. Иначе все это более и более будет укрываться в тени и мраке»⁶⁰.

Пока мемуары Тургенева подвергались бесконечным исправлениям, а опасения за судьбу старшего брата заставляли его снова и снова откладывать печатание книги, выходили в свет, опережая Тургенева, новые сочинения о николаевской России. Понятно, что это тоже оказывало воздействие на его работу и решения.

Мы уже упоминали о сомнении Тургенева в успехе своих мемуаров после публикации в 1843 году книги Кюстина «La Russie en 1839». Тем не менее, он тут же сообщал брату: «Я опять привел их в порядок или в полноту после многих перемен, перестановок и поправок, кои стоили лишь более денег, нежели труда»⁶¹.

В 1845 году был опубликован памфлет И. Г. Головина «La Russie sous Nicholas I-er». Дав ему суровую оценку, Тургенев добавлял: «Не знаю именно почему, но жалею, что мои мемуары не вышли прежде такой книги. Как-то совестно писать и публиковать что-либо о России после таких публикаций»⁶². Но не мог же он отказаться вообще от обнародования своего труда.

В нескольких редакциях будущей книги отразились колебания в выборе ее названия. На том же 32-м листе рукописи № 1596, где помещен приведенный выше краткий план, фигурирует название «Reminiscences sur passé éloigné ou la vérité sur mon pays et moi-même» («Воспоминания о прошедшем или правда о моей стране и обо мне самом»), совпадающее с заглавием рукописи № 1328. Но здесь первое слово зачеркнуто и, видимо, по стилистическим соображениям, заменено совпадающим по смыслу словом «Souvenirs». Окончательное же название «La Russie et les Russes» впервые встречается только в предпоследней редакции (№ 4100).

Тургенев считал свою работу законченной уже осенью 1842 года. Ему казалось, что, отдавая текст в переписку и снова к нему возвращаясь, он занимается лишь последней их отделкой. Мы видели, как он ошибался. А. И. Тургенев тоже полагал, что мемуары брата окончены. Еще в начале 1842 года он сообщал Жуковскому: «Брат кончил свои оправдательные *затиски*, хотел бы напечатать, но так же только за меня боится. Он в них строг, но беспристрастен <...> ему оправдываться нельзя, не объясняя других и самой России во всей рабской наготе»⁶³.

Не познакомившись еще в то время со всей рукописью, он не вполне понимал, что труд Николая Ивановича уже далеко вышел за пределы «оправдательных записок».

⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 309. № 1328а. Л. 3.

⁵⁹ Письмо от 5/17 июля 1842 г.

⁶⁰ Письмо А. И. Тургеневу от 27 июня/8 июля 1844 г.

⁶¹ Письмо от 12/24 августа 1843 г.

⁶² Письмо от 2/14 августа 1845 г.

⁶³ Письмо от 23 февраля/6 марта 1842 г.

Н. И. Тургенев напряженно обдумывал в это время саму проблему публикации книги, постоянно обсуждая ее в переписке с братом, а через него и с Жуковским.

Условием издания становилось такое состояние имущественных дел братьев в России, при котором, в случае правительственных репрессий, Александр Иванович мог бы не проводить часть времени в России и, обладая финансовой независимостью, навсегда остаться за границей. Летом 1842 года Николай писал ему: «Если мои мемуары напечатываются, то, вероятно, вы скоро сами убедитесь, что в России вам жить нельзя будет, нельзя будет даже и ездить туда. Посему и на всякий случай, я думаю, вы должны в предстоящее ваше пребывание в Москве сделать так, чтобы потерпеть наименее убытков, если бы впоследствии оказалось, что эта поездка в Россию будет последняя. Для сего вам надобно будет перевезти и вывезти оттуда все, что можно вывезти»⁶⁴.

Накануне намечавшегося тогда очередного отъезда Александра Ивановича в Россию братья договорились о конспиративном способе обсуждения в переписке проблемы публикации: «Долг à M-me Rec<амие>г будет значить в вашей переписке мои *записки*. *Не плати долга* — будет значить *не печатай*. *Погоди платить* — *погоди печатать*. *Заплати долг* à M-me Rec<амие>г, будет значить *печатай*»⁶⁵.

Уже собираясь в дорогу, А. И. Тургенев встретился в Веймаре с сестрой Николая I, великой княгиней Марией Павловной, герцогиней Саксен-Веймарской. Он писал брату: «Я сказал ей о твоих записках: она испугалась и начала убеждать меня помешать сему, полагая, что ты их уже печатаешь <...> Чувствую, что должен быть осторожнее в России и уехать заблаговременно». Подобно Жуковскому, великая княгиня предпочла бы печатанию представление мемуаров императору в расчете на его милосердие. Александр Иванович добавлял в своем письме: «Мне трудно было доказывать ей, что <...> в самом Государе не вижу я человека, способного рассмотреть и признать невинность»⁶⁶.

На приведенные выше советы Николая брат отвечал ему, еще из Киссингена: «От мемуаров больших затруднений не будет, они выйдут после моего отъезда. Я проживу в чуж<их> краях после появления оных год или два; между тем все утихнет и я состареюсь. Главное — устроить освобождение крестьян и продажу земли. Для этого я и спешу в Россию»⁶⁷.

Но пребывание в России привело А. И. Тургенева к более мрачным прогнозам. Осенью он общал Николаю Ивановичу оттуда: «О долге M-me Rec<амие>г еще ничего не могу сказать. Опасно для будущего моего»⁶⁸. Полгода спустя: «Не пиши более ничего о долге M-me Rec<амие>г. Лучше на словах или перед сроком платежа, когда я буду уже в Германии»⁶⁹.

Между тем, еще до поездки Александра Ивановича в Россию вышла в свет книга Кюстина.

Сам Н. И. Тургенев так отзывался о ней: «Чтение ее произвело на меня сильное действие, которое трудно изъяснить. Он во многом постиг русский быт и русских, особливо того рода, с коими он там жил, как никакой иностранец их не постигал <...> Русские обязаны будут взглянуть в это зеркало: отражение их образа, конечно, устроит их, но вина не зеркала, а оригинала»⁷⁰.

Шумный успех этой книги на Западе, широкое внимание прессы, инспирированные вскоре петербургским правительством полемические статьи в европейской печати⁷¹ продемонстрировали

⁶⁴ Письмо от 5/17 июня 1842 г.

⁶⁵ Письмо Н. И. Тургенева к брату от 27 мая/8 июня 1842 г.

⁶⁶ Письмо из Иены от 1/13 июля 1842 г.

⁶⁷ Письмо от 9/21 июня 1842 г.

⁶⁸ Письмо от 27 сентября/9 октября 1842 г.

⁶⁹ Письмо от 5/17 мая 1843 г.

⁷⁰ Цит. по: Мильчина В. А., Остоват А. Л. Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели // *НЛО*. № 8. 1994. С. 120–121.

⁷¹ Я. Н. Толстой, в частности, напечатал в Париже две статьи против Кюстина: одну под своим именем (*Tolstoy J. Lettre d'un Russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse antirusse*. Paris, 1844), другую под псевдонимом (*Iakovleff Jacques. La Russie en 1839, rêvée par M. de Custine ou lettres sur cet ouvrage écrites de Francfort*. Paris, 1844).

ничуть не изменившуюся к лучшему реакцию Николая I на критику. Если такой его гнев вызвала критика увиденного в России французским писателем-аристократом, то чего следовало ожидать после появления книги «государственного преступника», вскрывающей русские порядки «во всей их наготe», исследующей Россию, как сказал Герцен, «глубже той мостовой, по которой катилась элгантная коляска маркиза де Кюстина»?⁷²

Александр Иванович писал по этому поводу брату: «По возвращении я с свежою головою и после Кюстина прочту твои записки. Мы узнаем и какое впечатление произвел Кюстин на Государя. Но твоя книга — гораздо произведет сильнейшее впечатление на дельную и беспристрастную публику»⁷³. Мы видели, каково было впечатление императора.

В 1844 году А. И. Тургенев снова оказался за границей, и вопрос об издании опять начал свободно обсуждаться в их письмах. «Мемуары — печатать, — писал он брату, — только устроив деревенские дела; за себя я не боюсь и с тобой согласен, что мстить не будут: да и как? Да и для чего?»⁷⁴

Чем ближе к завершению была работа Н. И. Тургенева над книгой, тем острее становилась проблема ее печатания. Жуковский, у которого А. И. Тургенев гостил летом 1844 года во Франкфурте, настойчиво убеждал его отказаться от этой мысли и «довести эти истины, эти факты до души императора». На пересказ их бесед и последующих писем Жуковского, почти дословно переданных Александром Ивановичем в письмах к Николаю, тот возражал еще более горячо.

«Что ж именно касается до моих мемуаров, в чем дело? Я был осужден несправедливо, по моему мнению. Я хочу оправдать себя в мнении публики и потомства. Вместе с тем я предпринимаю изобразить положение России. Тут таже нет ничего дурного. Я имею полное право говорить о земле, для которой, по моему убеждению, я всем жертвовал и которой я желал искренно, сильно быть полезным. Наконец, я излагаю мои мнения о переменах, кои могут быть полезны для России. <...> Но, опять, каковы бы ни были мои мемуары, за них должен отвечать я, а не вы, и никто другой»⁷⁵.

Споры продолжались. Все еще редактируя книгу, Н. И. Тургенев не решался приступить к изданию и ожидал окончания устройства имущественных дел, за которым должно было последовать окончательное переселение брата в Европу.

Книга так и не была отдана в печать до кончины Александра Ивановича, следовавшей 3/15 декабря 1845 года. В следующем году Н. И. Тургенев завершил ее последнюю доработку и предложил свой труд издателям. «Bibliographie de France» указывает дату его выпуска в свет в Париже — 3 апреля 1847 года.

В рамках сложившегося теперь широкого замысла автобиографический первый том и входящее в его состав опровержение правительственной версии революционных событий 1820-х годов становились лишь необходимым историческим введением к последующим двум томам, по содержанию точно отвечающим заглавию «Россия и русские». Кажется, впрочем, что сам автор так и не осознал этого, продолжая придавать первостепенное значение именно вступительному тому книги.

Понятно, что в русской печати никакой отклик на книгу Тургенева не мог появиться. Но на реакцию европейской прессы и общественного мнения он, несомненно, надеялся и приложил к этому немало усилий, постаравшись ознакомить с ней избранный им круг людей — главным образом, на Западе. В его бумагах сохранился список тех, кому он послал экземпляры, и черновики некоторых сопроводительных писем к ним⁷⁶.

⁷² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1. М., 1958. С. 336.

⁷³ Письмо из Мариенбада от 26 июля / 7 августа 1843 г.

⁷⁴ Письмо от 18/30 августа 1844 г.

⁷⁵ Письмо от 12/24 июля 1844 г.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 309. № 1604. Л. 20б. Попытавшись использовать этот список, В. М. Тарасова не справилась ни с атрибуцией, ни с чтением текстов (Тарасова. С. 222–227). Письмо к лорду Бруму она сумела назвать лишь письмом к «одному из английских аболиционистов», письмо к лорду Лансдоуну — письмом к «одно-

Николай Тургенев

Александр Тургенев

Сергей Тургенев

Клара де Виарис, жена Н. Тургенева

Николай Тургенев

Василий Жуковский

LA RUSSIE
ET
LES RUSSES

PAR

N. TOURGUENEFF.

Memoriam quoque ipsam cum voce
perdidissemus, si tam in nostra po-
testate esset oblivisei quam tacere.

TACITE.

TOME Ier.

MÉMOIRES D'UN PROSCRIT.

PARIS,

AU COMPTOIR DES IMPRIMEURS-UNIS,

QUAI MALAQUAIS, 15;

LEDOYEN, PALAIS-ROYAL, GALERIE D'ORLÉANS, 31.

1847

*Титульный лист первого издания
«России и русских»*

~~Annuaire~~

Souverains
~~Plénipotentiaires~~ d'un peuple éloigné

ou

la vérité sur mon pays & sur moi-même.

Contenu :

I.	1811 - 1815.	p. 1.
II.	Esquisse de la Russie.	183.
III.	1816 - 1824.	859.
IV.	Mon mémoire justificatif.	1101.
V.	(sur l'avenir de la Russie.)	

Дмитрий Блудов

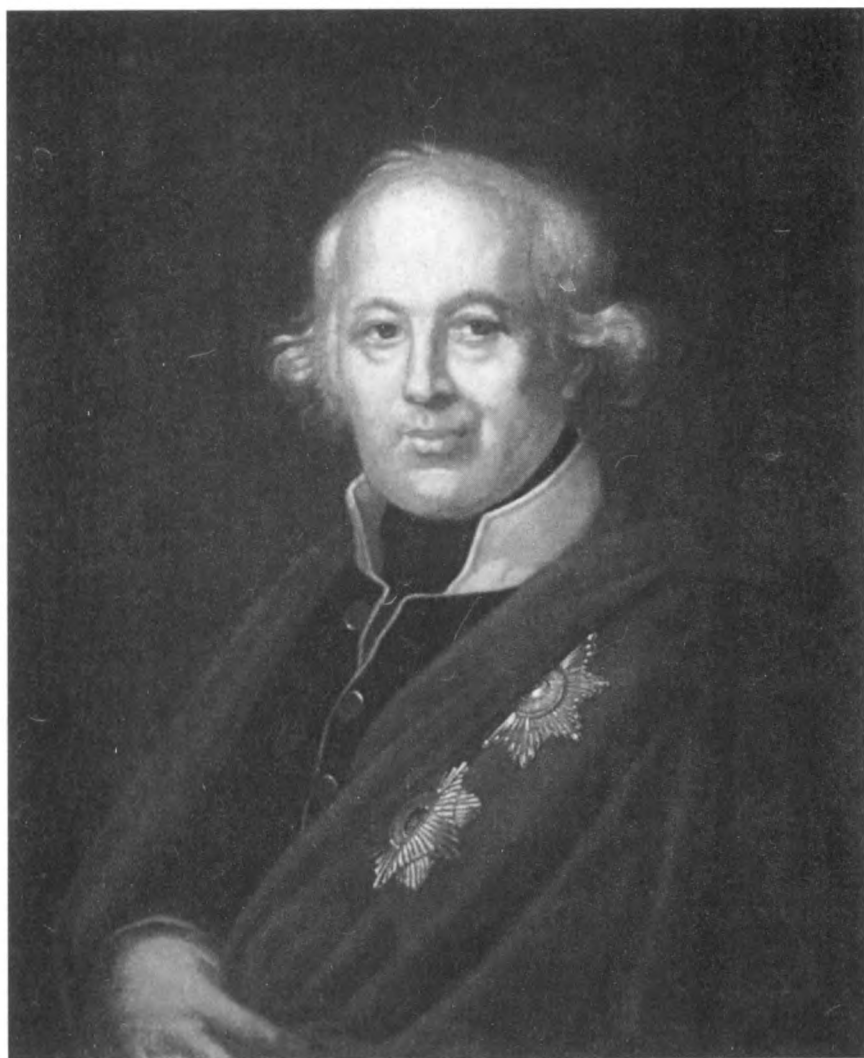
Александр Тургенев и Василий Жуковский

Михаил Орлов

*Генрих фон Штейн
Рисунок С. С. Уварова*

Николай Мордвинов

Николай Карамзин

Михаил Сперанский

Русских имен в нем мало: это Жуковский, Е. А. Свербеева, Е. П. Языкова, князь Волконский (надо полагать, Сергей Григорьевич, действительно вскоре получивший книгу в Сибири — вероятно, через З. А. Волконскую, о встречах с которой в Париже Н. И. Тургенев сообщал Жуковскому 30 марта 1847 года⁷⁷).

В список, естественно, вошли имена родных его жены Клары: его тестя Гастона Виариса, дяди жены, ее сестры Софи; несколько книг, несомненно, с расчетом на рецензии, Тургенев разослал французским органам печати и их издателям: ранее издававшему «Globe» Полю Франсуа Дюбуа, редакции еженедельника «Le Semeur» и отдельно ее издателю Анри Люттероту, редакциям «Le Siècle», «Le National» и даже «Journal des Débats», который Тургенев, судя по его письмам, не одобрял.

Круг же европейских деятелей, избранных Тургеневым, был достаточно широк. В нем было представлено как левое крыло эмиграции (Мицкевич, бывший нунций польского сейма граф Алоизий Бернадский, эмигрантская Польская библиотека, неаполитанский генерал Гульельмо Пепе, герой антиавстрийского восстания 1820 года), так и французская оппозиция правительству Луи-Филиппа (например, вождь парламентской оппозиции Одиллон Барро, основатель «христианского социализма» Ф. Р. Ламенне, Этьенн Араго, Л. Хорнер, вместе с Араго издававший газету «La Reforme»⁷⁸).

Наряду с этим Тургенев надеялся привлечь внимание к своему труду ряда крупных политиков и ученых.

Он писал английскому государственному деятелю, маркизу Г. Лансдоуну, некогда прославившемуся проведенным им «Lansdown Act», смягчившим суровые нормы традиционного английского права: «Милорд, осмеливаюсь послать В<ашей> М<илости> экземпляр только что опубликованной мною книги о моей стране и о самом себе <...> Вряд ли она заслуживает внимания государственного человека, стоящего во главе великой, свободной и цивилизованной страны. Но благосклонность, отличающая характер В<ашей> М<илости> и означающая все для тех, кто оказывает решающее влияние на судьбы себе подобных, позволяет мне надеяться на некоторый Ваш интерес, Милорд, к начертанному мною изображению положения одного из классов народа, к которому я принадлежу — класса, столь же многочисленного, сколь и несчастного, мало известного цивилизованному миру»⁷⁹.

Почти то же находим в его письме к английскому лорду-канцлеру Генри Бруму: «Проведя всю жизнь в бескорыстных и, к сожалению, бесплодных усилиях способствовать благу моей страны, я просто желал своим подарком отдать дань уважения человеку, знаменитые труды которого принесли пользу всему человечеству<...>. Если Вам случится когда-либо бросить взгляд на мою книгу, я надеюсь, Милорд, что Вы посочувствуете тому многочисленному и несчастному классу моих соотечественников, искренним защитником коего я всегда был»⁸⁰.

Несколько иначе обращался Тургенев к знакомым ему европейским ученым. Отправляя свою книгу английскому юристу и филологу-слависту Джону Боурингу, с которым познакомился еще во время пребывания в Англии в 1826 году⁸¹, он писал ему: «Опубликовав книгу о моей стране, Вам неизвестной, и зная, как занимают Вас судьбы разных народов, принадлежащих к великой семье чело-

---

му из государственных деятелей Франции», в адресате письма к А. де Сиркуру она увидела Люттерота — видимо, только потому, что написанный им некролог А. И. Тургеневу был напечатан в издававшемся Люттеротом еженедельнике — и тому подобное. Поэтому к списку и письмам Н. И. Тургенева пришлось вернуться еще раз. Подлинники списка и большей части писем на французском языке.

⁷⁷ *Ланский* Л. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому // Вопросы литературы. 1975. № 11. С. 212 (далее: *Ланский*).

⁷⁸ В одной из депеш Я. Н. Толстого из Парижа в III Отделение есть «Список канальям, которые более или менее руководили революцией в Париже при свержении с престола Людовика-Филиппа». В нем значатся почти все французские деятели, которым Тургенев дарил свою книгу: «Arago Etienne, Arago François, Augier, redacteur du journal „La Reforme“, Lamennais, Odillon Barrot» (*ГАРФ*. Ф. 109. I экзп. III Отделения. Оп. 11. № 337г. Л. 226).

⁷⁹ *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1604. Л. 3.

⁸⁰ Там же. Л. 30б.

⁸¹ *Тарасова*. С. 57.

вечества, я счел долгом послать Вам экземпляр <...>. В ходе моей работы я касался Бентама, этого великого, превосходного человека, другом которого Вы были <...> Бентам, с воодушевлявшим его сочувствием к человеческим страданиям, обратил мое внимание на судьбу русских крестьян, этих обездоленных людей. Да вызовет она и Ваше сочувствие!⁸²

К известному немецкому поэту, профессору Боннского университета Эрнсту Морицу Арндту Тургенев обращался так «Многоуважаемый г. профессор, в труде, опубликовать который я счел своим долгом, я позволил себе сказать несколько слов о г. бароне фон Штейне. Этот великий и достопамятнейший человек был Вашим другом. Поэтому я решаюсь предложить Вам экземпляр своего труда»⁸³.

Через упомянутого в списке Мартерштайга Тургенев передавал свою книгу Жуковскому и немецкому юристу Карлу Миттермайеру⁸⁴ (он лестно отозвался о последнем в одной из редакций своей книги, считая его лучшим в мире знатоком судопроизводства⁸⁵). В письме к Хорнеру он сообщал, что посылает ему не один экземпляр, а два, с просьбой передать один тому из английских парламентариев, кого проблема эмансипации продолжает занимать «и после того, как она уже исчезла в английских владениях и обсуждение ее в парламенте должно было прекратиться»⁸⁶.

Как видим, пытаясь привлечь к своей книге внимание европейской общественности, Тургенев, несмотря на свое убеждение в важности первого тома и его взгляда на историю тайных обществ в России 1820-х годов, обращаясь к ее представителям, подчеркивал в первую очередь значение книги как разоблачения крепостничества и вообще русского социально-политического строя. Ни в одном из писем нет ни слова ни о процессе декабристов, ни о «Записках изгнанника». Но и при этом усилия Тургенева не принесли успеха.

Конечно, часть его адресатов откликнулась на полученную книгу; Тургенев вскоре писал Жуковскому: «От некоторых моих здешних знакомых, англичан и французов, я имел отзывы письменные и словесные, в которых они, между прочим, говорят, что книга моя дала им лучшее, более выгодное понятие о России, нежели какое они имели прежде; что они уверились, что русские достойны лучшей участи во внутреннем быту народном»⁸⁷. Но того ли ожидал автор?

Нельзя не признать, что трудно было выбрать момент, менее благоприятный для морального и практического успеха этой книги. Европа стояла на пороге новых революционных потрясений. Передовую часть французского общества, которую не удовлетворяла уже и буржуазная монархия Луи-Филиппа, вряд ли могла занимать критика русского самодержавия. Менее всего были заинтересованы в поддержке острых антимонархических выступлений и правящие верхи в Англии.

Можно представить себе, как разочарован был Тургенев тем, что появление его труда на европейском книжном рынке вызвало такой слабый общественный резонанс⁸⁸. Кроме упоминания о ней в вышедшей в том же году книге Шницлера, нашлись лишь две рецензии во французской периодической печати (авторы обеих неизвестны)⁸⁹.

⁸² ИРЛИ. Ф. 309. № 1604. Л. 1.

⁸³ Там же. Л. 2. Подлинник на нем. яз. В воспоминаниях, написанных в 1858 году, Арндт высоко оценил и личность Тургенева, и его книгу «Россия и русские» (*Arndt E. M. Erinnerungen. 1769–1815. Berlin, 1985. S. 308–309*).

⁸⁴ *Ланский*. С. 212–213.

⁸⁵ ИРЛИ. Ф. 309. № 1330. Л. 935.

⁸⁶ Там же. № 1604. Л. 4об, 1.

⁸⁷ *Ланский*. С. 216.

⁸⁸ Надо, впрочем, оговориться: французская пресса за 1847 год очень бедно представлена в наших библиотеках, поэтому мы знаем так мало об этих откликах в печати.

⁸⁹ *Schnitzler H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Paris, 1847. P. 502–504*. Мы обысканы В. А. Мильчиной, разыскавшей для нас эти две рецензии в парижских библиотеках.

Первый отклик последовал вскоре после выхода книги Тургенева в свет. Уже в апрельском номере «Revue critique des livres nouveaux» появилась сочувственная рецензия (видимо, редакционная — без подписи; редактором журнала был Жюль Шербиюлез). Кратко изложив биографию Тургенева, рецензент анализировал далее содержание каждого тома. Он подчеркивал важность сведений в книге о деле декабристов, «о котором до сих пор столь недостаточно известно», сведений, «открывающих столько нового о нем и, на наш взгляд, заслуживающих доверия». Затем он подробно рассматривал проблему освобождения крепостных как центральную тему 2-го тома. Отметив чрезвычайную умеренность предложенной Тургеневым программы реформ, которая, если бы она была реализована, все-таки далеко отставала в сравнении с системами представительных европейских монархий, он писал: «Возможно, и это всего лишь утопия, но она принадлежит честному человеку, отвергающему революционные средства». Далее он так развивал свою мысль: «Г-н Тургенев хорошо знает Россию, он знает, что этот колосс на самом деле менее могуч, чем кажется, что у него нет прочного и непоколебимого фундамента, и ему рано или поздно угрожают внутренние потрясения, с которыми не всегда можно справиться силой», и именно их хочет предотвратить своими предложениями Тургенев.

«Его голос тем более заслуживает того, чтобы быть услышанным, — заключает автор, — что он неизменно проникнут национальным духом», главное же — вся книга направлена не против личностей, а против системы.

В двух статьях, помещенных в еженедельнике «Le Semeur» 17 и 24 ноября 1847 года, только через полгода после выхода книги, автор, подписавшийся лишь инициалом «G», подробно, с многочисленными цитатами, передал основные тезисы книги. Завершая изложение содержания 2-го тома, изображения в нем русского социально-политического строя, он писал: «Удивительно ли молчание литераторов и поэтов? Будем, по крайней мере, надеяться, что голос г. Тургенева дойдет до России; будем помнить, что он писал прежде всего для русских, что ее прочтут все, кто приезжает в зарубежные страны, а мы сами считаем своим долгом дать им ее в руки. Эти красноречивые и глубоко прочувствованные страницы побудят их к размышлению — смогут ли они, как солдаты Александра, попавшие на Запад во время последней войны, принести с собой на родину сильные и благородные убеждения?»

Есть, однако, свидетельство, что статей в западной прессе было все же не так мало: в старой описи той части архива Тургеневых, которая ныне хранится в ИРЛИ (она была составлена некогда в Библиотеке Академии наук и до сих пор остается единственной), под № 1002 значится конволют с заголовком рукою Н. И. Тургенева «Articles des journaux sur mon livre» «Статьи в газетах о моей книге» и аннотацией составителя описи: «Собрание статей, вырезок и выписок из газет и отзывов отдельных лиц о труде Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“». Рядом с этим номером в описи помечено красным карандашом: «Не передано из БАН». К сожалению, конволют не был найден и в Библиотеке Академии наук, где его искали по нашей просьбе.

Отсутствие шумной реакции в прессе, сдержанные отзывы молодого поколения русской революционной эмиграции показали Тургеневу, что его труд отнюдь не стал важным событием ни для европейского, ни для того русского читателя, который был бы способен его оценить.

Гораздо меньше, чем сочинения Кюстина и даже Головина, взволновала публикация книги «Россия и русские» и петербургские власти.

19/31 мая 1847 года агент русского правительства в Париже Я. Н. Толстой докладывал начальнику III Отделения А. Ф. Орлову: «Сочинение Тургенева о России не имеет никакого успеха; ни одна газета не сказала о нем ни хорошего, ни плохого, и немногие французы имели терпение полностью прочесть его. Первый том не представляет никакого интереса для иностранного читателя; он большей частью содержит рассказ о tribulations <горестях> автора и нелепую plaidoyer <защитительную речь>, в которой он старается с помощью парадоксов и софизмов оправдаться от предъявленных

ему обвинений. Некоторые пассажи в этом томе носят отпечаток смешной наивности — например, распинаясь в своей любви к русскому крестьянину, он говорит: „*вплоть до его бороды*“.

Наконец, человек, представляющийся серьезным юристом, заявляет, что постоянно принимал сторону крестьян против дворян. <...> Он даже приводит упрек по этому поводу адмирала Мордвинова, к которому относится с большим почтением: „По-вашему, — сказал он ему, — все крепостные святые, а все помещики — тираны“. На что Тургенев серьезно ответил: „Почти!“

Второй том и особенно третий полны столь же экстравагантных, сколь и неприменимых утопий. Некоторые мудрые меры, которые он предлагает в этом сочинении в качестве возникших у него в голове, на самом деле уже давно приняты и осуществлены нашим правительством.

Иной раз ему случается бросить замечания такого рода: „Кажется, что с тех пор правительство приняло такую меру“. В общем, описывая состояние России, он представляет ее такой, какой она была более 20 лет назад. Этот период служит для него точкой отсчета, и он не учитывает огромный прогресс России с того времени. Сверх того, я уверен, что эта книга не завоеует известность: ее многословность, парадоксы и неинтересный 1-й том неизбежно оттолкнут читателя*.

Говоря в том же письме о памфлете Головина, Толстой признает необходимым какой-либо демарш русского правительства по отношению к автору, но о подобных мерах против Тургенева у него нет и речи. Явно успокоившийся Орлов в своей резолюции на этом донесении просил прислать ему для ознакомления и дальнейших решений только книгу Головина⁹⁰.

Однако, поразмыслив, он все-таки распорядился иначе. В июле 1847 года управляющий III Отделением Л. В. Дубельт писал Толстому: «В дополнение письма моего от 21 минувшего июня, по поручению графа Алексея Федоровича имею честь покорнейше просить Вас доставить ко мне один экземпляр сочинения Тургенева, которое в недавнем времени напечатано в Париже под заглавием „La Russie et les Russes“, а также высылать на будущее время и все другие книги, в которых будут излагаться какие-либо суждения о нашем отечестве»⁹¹.

В «Нравственно-политическом отчете» III Отделения за 1847 год говорится: «Изданное в Париже сочинение *Тургенева* о России под заглавием „La Russie et les Russes“ принято было некоторыми журналистами с одобрением, но, не заключаая в себе ничего любопытного для иностранцев, не имело большого успеха». Далее в отчете почти дословно повторялся приведенный выше отзыв Толстого, а в заключение отмечалось: «Между прочим, замечательна та мысль *Тургенева*, что Российское правительство, озабочиваясь освобождением крепостных людей от помещичьей власти, оставляет другие сословия под прежнюю неограниченную властью и что, с дарованием свободы крестьянам, прочие сословия, по естественному порядку вещей, будут домогаться такой же свободы»⁹².

В конце того же года, выполняя предписание Дубельта, Толстой прислал ему книгу Тургенева, и она была отправлена на заключение в Комитет цензуры иностранной. В феврале 1848 года цензор Г. Р. Дукшта-Дукшинский представил новый, гораздо более основательный отзыв. В нем говорилось: «Это сочинение, как уже видно из самого заглавия, разделено на три различных по своему содержанию части. В первом томе автор описывает свое служебное поприще, оправдывается против обвинений Следственной комиссии 1826 года и опровергает действия оной, присовокупляя суждения о некоторых лицах и документы исторические, касающиеся царствования императора Александра. Во втором предпринимает изложить политическое и общественное состояние России, представляя с невыгодной стороны коренные учреждения государства, особенно же крепостное состояние, как и форму правительства, учебные заведения и другие установления. В третьем изъясняет необходимость преобразования России во всех отношениях и предлагает меры к такому преобразованию <...>».

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отделения. Секретный архив. Оп. 4. №. 198. Л. 42–43. Подлинник на франц. яз.

⁹¹ Там же. №. 192. Л. 148.

⁹² Там же. Оп. 223. №. 12. Л. 115–117.

Автор порицает решительно существующий ныне в России порядок, приписывая недостатки учреждений, бедствия и все зло вообще самодержавию и крепостному подданству. По такому направлению книга подлежит строгому запрету на основании п. 3 и 9 Устава о цензуре⁹³.

13 февраля 1848 года Главное управление цензуры утвердило мнение Комитета цензуры иностранной «о запрещении этого сочинения для публики»⁹⁴.

Властям оставалось только препятствовать впредь проникновению запретной книги в Россию. К тому времени, однако, такие случаи уже бывали. Еще 15 августа 1847 года Орлову донесли, что в Россию были ввезены 50 ее экземпляров, в каждый из которых для маскировки вклеили первые страницы «Histoire universelle» Сегюра. Когда это обнаружилось, книги были уже распроданы⁹⁵. Но что такое 50 экземпляров для всей тогдашней читающей русской публики? Капля в море.

В дальнейшем цензура почти автоматически запрещала не только все издававшиеся впоследствии на Западе сочинения Тургенева, но даже книги, где они упоминались⁹⁶.

Даже в 1867 году, когда Н. И. Тургенев уже давно был восстановлен в России во всех правах, свободно приезжал туда, его «Ответы» на книгу Е. П. Ковалевского о Блудове тоже были запрещены, а все другие его сочинения, появившиеся на Западе, по-прежнему в Россию не допускались⁹⁷.

Труд Тургенева не мог не взволновать тех немногих русских читателей, до которых он вскоре дошел. Но и их реакция на него была совсем не той, на которую он надеялся.

Одним из первых книгу «Россия и русские» прочел В. А. Жуковский (он выписал ее себе из Парижа еще до получения дарственного экземпляра от автора) — и, ознакомившись еще только с первым томом, осудил ее в письме к Николаю Ивановичу с резкостью, вообще ему не свойственной: «Многое было мне тяжело найти в твоих записках, в них выражается везде враждебное чувство к России <...> И я скажу: правда всего святее, но правда из любви, а не из ненависти. А в твоей книге нет любви и, сказав, таким образом, правду, которою, так сказать, привязал нас к позорному столбу, ты <...> прибавил свою жемчужину в тот навоз, которым пачкают нас Кюстины, Бакунины и Головины»⁹⁸.

Огромное ответное письмо Тургенева (Париж, 11 мая 1847 года), по отличающей его остроте и страстности превосходящее все написанное им и справедливо названное публикатором его «исповеданием веры», лучше самой книги объясняет, чего надеялся достичь автор с ее помощью. И в то же время на всем этом поразительном документе уже лежит печать горького сознания преследующей его всю жизнь бесплодности его усилий.

⁹³ Тарасова В. М. Из истории издания книги Н. И. Тургенева «Россия и русские» // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 94.

⁹⁴ РГИА. Ф. 772 (Главное управление цензуры). Оп. 1. 1848 г. №. 2057. Л. 23. Параграф 3 цензурного устава 1828 г., действовавший без изменений и в 1847 г., запрещал книги и статьи, нарушавшие «неприкосновенность Верховной самодержавной власти, уважение Императорскому Дому» и содержащие что-либо «противное коренным Государственным постановлениям». В параграфе 9 говорилось: «В сочинениях политических и исторических цензура строго следит, чтобы в оных не содержалось ничего оскорбительного <...> для Российского правительства» (Гринченко Н. А. Цензуры — читатели сочинений о России на иностранных языках // Чтение в дореволюционной России. М., 1995. С. 68. См. также: Тарасова В. М. Указ. соч. С. 94–95).

⁹⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. 1849. Д. 2333. Л. 278.

⁹⁶ 4 июня 1849 г. Главное управление цензуры запретило вышедшую в Париже в 1848 г. брошюру Тургенева «La Russie en présence de la crise européenne». В 1852 г. было заведено особое дело «Об изъятии книги „Россия и русские“ у жены офицера Арбузова» (Там же. Оп. 2. 1852. Д. 93. Л. 1–3). Еще через год был наложен запрет на второй том книги Н. Кубальского «Recherches historiques et statistiques sur les peuples d'origine slave, magyare et roumaine» — только потому, что в семи ее местах цензор нашел цитаты из книг Тургенева и Кюстина (Гринченко Н. А. Указ. соч. С. 74–75).

⁹⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1867. №. 21. Л. 19–21.

⁹⁸ Ланский. С. 213.

«История прошедшего, прошедшего в России и прошедшего в целом мире, поучительна, но поучительна для тех только, кои желают поучаться. Главное состоит в том, чтобы найти средства, дать возможность способностям человеческим развернуться. Этой-то силы я ищу в моей модели <...> Не моя вина, что такая модель, такое средство к достижению блага людей, возможного для них, называется конституцией! Дайте ее России, назовите ее самодержавием — я спорить не буду!»

«Для чего же, — пишет он в конце письма, — если книга моя раздражит, для чего же она напечатана, спрашиваете вы? На это я отвечаю другим вопросом: для чего в природе все живое не молчит, когда страдает? А о собственных страданиях Тургенев чуть раньше говорит: «Бог видит, что я чувствую, видя Россию в таких руках!»⁹⁹

Однако, ведь именно этим «рукам», николаевскому правительству предлагалась Тургеньевым модель преобразований — рассчитанная на менталитет власти попытка достичь в России хоть «совместимых с самодержавием» реформ. Отчаянная и безнадежная попытка: ведь не только власть, желавшая одного — преградить мыслям старого декабриста путь в Россию, но даже Жуковский, несмотря на свое душевное благородство и искреннюю привязанность к братьям Тургеньевым, сразу отверг книгу, не взяв на себя труд серьезно ее осмыслить.

Из того же общественного круга, к которому когда-то принадлежали братья Тургеньевы, а теперь по мировоззрению был близок Жуковский, дошел до нас и еще один отклик. 21 апреля 1847 году П. А. Вяземский писал ему: «А читал ли книгу — то есть записки Н<иколая> Т<ургенева>? Владимир Карамзин пишет из Парижа к матери, что книга вообще очень суха и скучна, что не удовлетворила общему ожиданию и понятию о уме его и что сказывается в ней большое неведение о России. Я всегда признавал в нем большую односторонность и некоторую тесность в уме вместе с необыкновенным высокомерием»¹⁰⁰.

Нет сомнения, что книга Н. И. Тургеньева была сразу же или через некоторое время прочитана высшим слоем русской читающей публики, но впечатления от нее проникли в печать лишь через много десятилетий. Отклики на нее можно обнаружить в сочинениях таких разных авторов, как М. А. Корф, М. Н. Лонгинов, Ф. Ф. Вигель. «Это <...> были только первые шаги, — писал о Тургеньеве язвительный Вигель — которые медленно должны были повести его к званию министра, а ему было только что 26 лет отроду. Однакоже, хотя и после получал он чины и кресты, выше сих должностей никогда других не занимал он; читая же изданное им в Париже сочинение, можно подумать, что он действительно управлял у нас каким-нибудь министерством»¹⁰¹.

Приведем еще полярные по смыслу примеры отзывов не столь известных людей. К. Н. Лебедев, уже в 1847 году занесший в свои записки подробную аннотацию содержания каждого тома книги «Россия и русские», с сожалением отзывался и о сочинении, и об авторе: «Сочинение любопытное, но менее, нежели я думал». Рассмотрев содержание первого тома, Лебедев приходил к выводу: «Оправдания Тургеньева против следственного донесения (Блудова), кажется, основательны, и суд об этом будет строг <...> Думаю, что Тургеньев прав, что осуждение, в судебном смысле, изложено неточно, а сделанные выводы неопределенны и непоследовательны». Однако второй том не вызвал интереса читателя: «Вторая часть заключает в себе изображение Империи. Оно довольно кратко, довольно бедно содержанием и описано с равнодушием, которое может быть извинено разве бедствиями изгнания»¹⁰².

Редкое исключение на общем фоне представляет запись о купленной книге Тургеньева в дневнике Н. И. Иваницкого от 7 сентября 1847 года, с совсем иным суждением: «Нового ничего не на-

⁹⁹ Там же. С. 217, 223.

¹⁰⁰ Пилльельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия. 1979 год. Л., 1980. С. 56.

¹⁰¹ «Арзамас». Сб.: В 2 кн. Кн. I. М., 1994. С. 95.

¹⁰² Из записок сенатора К. Н. Лебедева // РА. 1910. № 10. С. 209–210.

шел; но утешительно читать книгу, в которой систематически излагается все, что сам и передумал, и перечувствовал в разные минуты жизни. <...> Тургенев положителен, богат сведениями, основывается во всем на документах»¹⁰³.

Между тем, труд Тургенева довольно скоро достиг Сибири и был прочитан декабристами, к этому времени отбывавшими свои сроки на поселении. Прочитан — и большинством из них осужден. Разумеется, тогдашние их суждения на этот счет стали проникать на страницы печати много позже, а преобладающая их часть — только в советское время. И если мы сочли нужным начать здесь с них, то лишь для представления обо всем спектре восприятия книги Тургенева при первом знакомстве с ней передовой России.

К сожалению, до нас дошли далеко не все отзывы о ней, какие, судя по косвенным данным, содержались в переписке декабристов, но и те, которыми мы располагаем, показывают, что они не столь единодушно осудили ее, как принято считать.

До выхода в свет книги «Россия и русские» товарищи по тайному обществу по-прежнему относились к Н. И. Тургеневу с глубоким уважением, которого не изменила ни его неявка на суд, ни счастливая, по сравнению с ними, судьба. Типичное отношение к этому выразил Н. В. Басаргин: «... зная наперед, как наше дело будет осуждено, не явился ни к суду, ни после осуждения своего, следовательно, он не прибегал к бегству, а только воспользовался случайным и счастливым для него обстоятельством»¹⁰⁴.

Не случайно такой бесстрашный и принципиальный человек, как Лунин, предпринимая свои «наступательные действия», видел возможного посредника между ним и европейским обществом именно в Н. И. Тургеневе. В сентябре 1839 года Лунин предлагал сестре канал для публикации на Западе французского текста своего «Взгляда на тайное общество в России»: «Ты можешь отослать ее Николаю Тургеневу через его брата Александра»¹⁰⁵.

Е. С. Уварова последовала его совету, но ни Николай Тургенев, ни, тем более, Александр Иванович не предприняли публикации этого краткого, но грозного обвинительного приговора русскому самодержавию — рукопись осталась лежать в их бумагах¹⁰⁶. И это легко понять. Дело было не только в опасениях последствий: именно в это время Н. И. Тургенев начинал работу над гораздо более обширными и иным по тональности сочинением о том же.

Но вот в Сибири прочли книгу Н. И. Тургенева, и отношение к нему переменялось. Неудивительно, что декабристов оскорбило принижение значения их движения, пренебрежительная оценка того дела, ради которого они принесли в жертву свою жизнь. Многолетнее обсуждение в Чите и Петровском заводе событий их революционного прошлого сформировало достаточно цельную его концепцию, в основных чертах общую для написанных тогда и позже мемуаров декабристов.

И хотя в книге Тургенева не было уже того недостойного порицания движения и его участников, которое навязали ему Александр Иванович и Жуковский при сочинении оправдательных записок, обращенных к власти (а декабристам, естественно, вообще неизвестного), хотя первый том кончался словами: «Перед потомством предстанет возвышенная цель, к которой стремились участники этой драмы, их бескорыстные усилия и полная самоотверженность. Если и мелькнет где-нибудь темная тень, то она исчезнет перед величием предпринятого дела, перед светом принесенных жертв; и через сто лет эшафот станет пьедесталом для изваяний мучеников»¹⁰⁷, но, понятно, и эта «Оправдательная записка» не могла не оттолкнуть большинство познакомившихся с ней декабристов.

¹⁰³ Из автобиографии Н. И. Иваницкого // РА. 1909. № 10. С. 174.

¹⁰⁴ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 111.

¹⁰⁵ Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 251.

¹⁰⁶ ИРЛИ. Ф.309. № 900в.

¹⁰⁷ Наст. изд., с. 171.

Удивительно скорее другое — решительное невнимание прежних товарищей по тайному обществу к разоблачительному пафосу второго тома и, наконец, к предложенной Тургеневым программе преобразований, столь близкой к многим их собственным программам в прошлом.

Николай Бестужев, получив книгу от С. Г. Волконского и прочтя ее, говорил Б. В. Струве, что недоволен недооценкой Тургеневым общинного владения¹⁰⁸, а Волконскому писал: «Что же касается до его собственного оправдания, то жалко даже читать. Мне кажется, что они там в Париже сходят с ума. <...> Тургенев божится и распинается, что он не принадлежал к обществу»¹⁰⁹. Близок к этим словам и отзыв И. Д. Якушкина, к которому мы обратимся ниже.

Сам Волконский, говоря в своих «Записках» о Пестеле, утверждал, что останься он в живых, то «был бы в глазах Европы иным историком нашего дела, чем так недобросовестно и, скажу даже, лживо в отношении себя выказал печатно Н. Тургенев, который уверяет, что он не был членом общества, в чем меня не уверить, когда я, ежегодно приезжая в Петербург, давал ему отчет о ходе дел нашего общества». Об остальном содержании книги Тургенева он отзывался так: «... выскажу, что все, что печатно высказано о финансах и судопроизводстве для России во время пребывания его безмятежного в чужих краях — есть свод того, что им приготовлено было для применения при перевороте, и им, и нами замышляемом для России, и это я заверяю с совестью»¹¹⁰.

Репутация Тургенева была так прочно запятнана в глазах большинства ссыльных декабристов, что они не пожелали с ним увидеться и во время его приезда на родину после амнистии. В. Ф. Раевский привел в своих воспоминаниях слова Волконского: «Николай Тургенев был также в Москве, но он не был у меня, и я не поехал к нему»¹¹¹.

Столь же непримиримо отнесся к книге Тургенева и к нему самому И. И. Пущин, писавший впоследствии Г. С. Батенькову (письмо от 13 мая 1857 года): «На днях приехал сюда Н. И. Тургенев из Парижа. Вы, верно, давно знаете, что ему разрешено было еще во время конгресса возвратиться в отечество. Я его не увижу, если он сам не отыщет, а он отыскивать не будет, как я полагаю, после напечатанной им книги». Несколько позже он сообщал С. П. Трубецкому: «Н. И. Тургенева я не видал, хоть в одно время были и в Петербурге, и в Москве. Он ни у кого из наших не был, а я, признаюсь, при всем прежнем моем уважении к нему, не счел нужным его отыскивать после его *книги*. Матвей <Муравьев-Апостол> случайно встретился с ним в тверском дебаркадере. Обнялись. Тургенев его расспрашивал обо всех наших, познакомил его с сыном и с дочерью, и по колокольчику расстались. Он опять уехал в Париж и вряд ли возвратится в Россию. Я не очень понимаю, зачем он теперь приезжал»¹¹².

Тем не менее Пущин вскоре просил жену, уехавшую в Петербург, прислать ему третий том «России и русских»¹¹³.

С нескрываемым раздражением отзывался о книге Тургенева и Басаргин: «Впоследствии Тургенев издал во Франции свои записки — сочинение очень посредственное и не совсем прямодушное, в котором он как будто старается оправдать свое участие в обществе»¹¹⁴.

Но все-таки некоторые декабристы восприняли это сочинение иначе. Если восторженную его оценку А. Ф. Бригеном¹¹⁵ легко объяснить благодарностью за оказанную ему Тургеневым моральную

¹⁰⁸ Дум высокое стремленье: Сб. Иркутск, 1975. С. 189.

¹⁰⁹ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933. С. 265–266.

¹¹⁰ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 372, 375.

¹¹¹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1980. С. 357.

¹¹² Пущин И. И. Сочинения и письма. Т. 2. М., 2001. С. 240, 251.

¹¹³ Там же. С. 382.

¹¹⁴ Басаргин Н. В. Указ. соч. С. 111.

¹¹⁵ Письмо от 26 августа 1857 г.: «Твоя книга, которую я читал в С<ибири>, и последнее письмо из Москвы были два радостных и благодетельных явления в моей жизни, которые по гроб мой будут отзываться в моем сердце» (Бриген А. Ф. Письма, исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 378).

и материальную поддержку, то сдержанный отзыв В. И. Штейнгейля¹¹⁶ и развернутая положительная характеристика ничем не связанного с Тургеневым А. Е. Розена убеждают в несомненно существовавшем различии мнений.

•Н. И. Тургенев, постоянный поборник за свободу крестьян, — писал Розен в своих мемуарах, — обнародовал на французском языке полное сочинение в трех томах: „La Russie et les Russes“. В первом томе автор разбирает „Донесение Следственной комиссии“ с преднамеренной целью облегчить участь сосланных товарищей; в двух остальных томах автор изображает состояние России и быт русских до времени своего отъезда за границу летом 1824 года, с весьма важными документами и очень поучительными указаниями на деятелей русских в первой четверти текущего столетия»¹¹⁷.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет отклик М. А. Фонвизина на появление книги Тургенева. Прочтя ее и переслав друзьям в Ялutorовск, он писал И. Д. Якушкину 15 июня 1848 года: «Теперь книга Н. И. Тургенева у вас. Какое она сделала на тебя впечатление? Несмотря на запрещение, в Петербурге и Москве разошлось много экземпляров. Император сам читал ее. В Петербурге теперь два вопроса à l'ordre du jour <на повестке дня>: уничтожение крепостного состояния и гражданских чинов; то и другое чрезвычайно занимает и правительство и публику. Не книга ли Тургенева возобновила опять эти два вопроса?»¹¹⁸

Трудно сказать, читал ли действительно книгу Тургенева император. Но весьма скорое знакомство с ней высших государственных деятелей в России несомненно. Об этом свидетельствует, например, записка о государственных чинах, поданная в 1847 году Николаю I министром народного просвещения С. С. Уваровым. Там, в частности, говорится: «Замечательно, что один из записных недоброжелателей существующего порядка в России, Николай Тургенев, в сочинении своем о России говорит, что едва ли возможно будет побудить правительство отказаться вполне от этого учреждения и что на первый случай можно довольствоваться ограничением, состоящим в том, чтобы чины были предоставляемы одним служебным местам»¹¹⁹.

К значению позиции Фонвизина нам еще придется вернуться, а пока укажем лишь на заметное ее отличие от мнения большей части декабристов. Разумеется, никакие их суждения не могли в ту пору стать известными Тургеневу.

Но зато его не могло не занимать восприятие его труда молодым поколением свободомыслящих русских людей. И здесь его постигло еще одно горькое разочарование: и мировоззренчески и практически труд его оказался чужд тому «потомству», на понимание которого уповал Тургенев. Для «молодой России» 1840–1850-х гг. его идеи были уже далеким прошлым.

Один из первых откликов русских читателей принадлежал Герцену, высказавшемуся о нем в 1849 году в статье «Россия», включенной в немецкое издание его книги «С того берега». Любопытно, что Герцен, признававший в Тургеневе «старейшего и самого неутомимого врага крепостного состояния» и, несомненно, его уважавший, нашел в его книге лишь исторический интерес, а по существу почти дословно повторил отзыв агента русского правительства: «Книга г. Тургенева (1847), — писал он, — имеет для нас большой интерес, как верная картина мнений, надежд и стремлений в эпоху императора Александра, как автобиография автора, который много видел в свое время, но не знал *той* России, которая развилась *после* 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, к несчастью, не позволяет верно понять положение ве-

¹¹⁶ Письмо к И. И. Пущину от 6 июля 1857 г.: «О Тургеневе спорить и прекословить не буду: читал его книгу. Впрочем, надо быть и к нему снисходительным: с прозрением вдаль и он не сказал бы многого из того, что сказалося от ненормального состояния желчи» (*Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 396).

¹¹⁷ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 59.

¹¹⁸ *Фонвизин П.* С. 312.

¹¹⁹ *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. СПб., 1999. С. 174.

щей в России».¹²⁰ Хотя он же риторически спрашивал в своей книге «О развитии революционных идей в России»: «Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его гибельного положения — пусть даже в виде опыта — чтобы убедиться в невозможности этого?»¹²¹ (не того ли добивался Тургенев, издавая свою книгу?), но характерной чертой отношения к ней нового поколения русских революционеров оставалось, в лучшем случае, почтительное равнодушие.

Огарев, несколько раз использовавший книгу Тургенева в «Разборе книги Корфа», как источник по истории движения декабристов, в то же время был первым, кто решительно возразил в печати на посвященную ей часть. Он писал: «Мы не можем разделять точку зрения Н. И. Тургенева насчет тайных обществ с 1817-го до 1825 года и полагать их вовсе не существовавшими; если бы они не существовали, конечно, возмущение 14 декабря не пришло бы в голову никаким отдельным лицам. Мы не спорим с Тургеневым в том, что тайные общества никогда не достигали никакой положительной цели: не в крутом перевороте и заключается их значение, их значение в том, что они воспитывают общее мнение, и в этом влияние тайных обществ несомненно»¹²². Ю. Г. Оксман в своей работе «Письмо Белинского к Гоголю как исторический источник» доказывал, что Белинский, находясь за границей и, конечно, познакомившись с только что вышедшей книгой Тургенева, вместо того, чтобы, как можно было ожидать, саркастически отозваться о либерале, любящем «прогресс, но прогресс умеренный», наоборот формулировал «самые живые современные национальные вопросы» так, чтобы не слишком резко противоречить мнениям Тургенева. Возможно, это так. Однако заметим, что Белинский ни разу не упомянул этот труд в своем письме — вероятно, воздерживаясь по этическим соображениям от полемики с его автором, но не считая возможным и солидаризироваться с ним¹²³.

Как верно заметил еще А. И. Заозерский, книга «Россия и русские» «не нашла себе сочувственного отклика в обществе <...>, а по мере того, как появлялись в печати и другие записки, они только способствовали укреплению и распространению первого неблагоприятного впечатления. В оценке записок сошлись, таким образом, обе стороны, между которыми солидарность в подобных случаях, казалось бы, была исключена»¹²⁴.

Пережив столь сокрушительный неуспех главного труда своей жизни, Н. И. Тургенев долго воздерживался от выступлений в печати на тему о движении и восстании декабристов. Но появление в «Полярной звезде» первых декабристских мемуаров («Взгляда на тайное общество в России» Лунина в 1859 году, «Воспоминаний о Рылееве» Н. Бестужева в 1861 году, наконец, «Записок» Якушкина в 1862) заставило его снова взяться за перо. 21 января 1863 года он обратился к Герцену с просьбой опубликовать его возражения¹²⁵. Герцен немедленно напечатал его «Письмо редактору „Колокола“, которое, несмотря на его полемический характер, освещало участие Тургенева в тайном обществе много объективнее, чем в его книге.

Возражая на слова Якушкина: «Непонятно, как в своем сочинении о России он мог решиться отвергать существование тайного общества и потом отречься от участия, которое он принимал в нем на съезде в Москве и после на многих совещаниях в Петербурге», Тургенев писал: «Я отвечаю, что я не отвергал существования Общества и не отрекался от участия, которое принимал в нем на съезде в Москве. О том и о другом я говорил в моей книге с возможной подробностью. <...> Что ж касается до моего участия «на многих совещаниях в Петербурге», то я скажу, что на настоящих совещаниях после

¹²⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 16. М., 1959. С. 85.

¹²¹ Там же. Т. 6. М., 1958. С. 477.

¹²² 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 170.

¹²³ Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959. С. 222–223.

¹²⁴ Заозерский. С. 100.

¹²⁵ Литературное наследство. Т. 62. Кн. II. М., 1955. С. 588.

закрывает Общества я не бывал; но, конечно, встречаясь с знакомыми мне прежними сочленами, я иногда, и то не часто, говорил и об обществах, и о разных предметах политических»¹²⁶. Для понимания того, как смотрел Тургенев к концу жизни на свое прошлое, существеннее всего в этом письме следующие его слова: «Но если бы я, живший и писавший на свободе, писавший без всякой иной цели, как для свидетельства того, что я знал, что я видел, если бы я вздумал исказить, преувеличивать, украшать знаемое и виденное мною, то это была бы с моей стороны сушая неправда, суший вздор <...> Конечно, в то время, когда я писал, я не знал многого, касающегося до тайных обществ. Рапорт Следственной комиссии, конечно, открыл мне кое-что, чего я не знал; но этому рапорту я не верил и не мог верить, видя, как неосновательно, ложно и противно истине он говорил о мне самом. Впоследствии, читая записки сосланных в Сибирь, я должен был признать оное, чему я не верил и чего не знал прежде»¹²⁷.

На этом полемика Тургенева с декабристскими мемуарными свидетельствами была исчерпана. Еще раз вернуться в печати к этому кругу проблем его побудило только издание в 1867 году уже упоминавшейся монографии Ковалевского о Блудове — но в его «Ответах на IX главу» этой книги возражения касались уже не собственно движения декабристов, а лишь Блудова как автора «Донесения Следственной комиссии».

Первые пореформенные годы впервые принесли Тургеневу и сочувственные отзывы о его личности, и внимание к его труду в России. Так, например, в напечатанном Герценом в «Полярной звезде» фрагменте мемуаров Н. И. Греча под заглавием «Записки одного декабриста» он мог прочесть неожиданный для себя восхищенный отзыв такого автора о своих заслугах на государственной службе и о закономерности своего участия в Союзе благоденствия. «Винили Тургенева за то, что он не явился к суду, когда его приглашали, — заканчивается этот отзыв, — я никак не виню его в том. Если бы суд был справедливый, благоразумный, правильный, беспристрастный, гласный, он непременно бы ему подвергся. А кто явится добровольно на шемякин суд? Жаль, что Россия не пользовалась умом, дарованиями и познаниями этого необыкновенного человека»¹²⁸.

Но, разумеется, гораздо важнее для Тургенева был тот факт, что А. Н. Пыпин, работавший в то время над своей монографией об общественном движении 1820-х годов, придал важнейшее значение его книге и в главе, посвященной тайным обществам декабристов, в сущности, опирался на его свидетельства более, чем на другие известные к тому времени источники. Тургенев, скончавшийся в октябре 1871 года, мог успеть познакомиться с книгой Пыпина, вышедшей в свет в том же году, и, может быть, утешился мыслью, что слово его оценено потомством¹²⁹.

С монографии Пыпина и значения, приданного в ней свидетельствам Тургенева в книге «Россия и русские», ведет свое начало утвердившийся почти на столетие в отечественной историографии взгляд на эту книгу как на главный источник той концепции декабризма, которая позже была с осуждением названа «либеральной легендой». На одном этапе в этом видели достоинство книги, на другом за те же свойства ее клеймили.

И. С. Тургенев писал в некрологе Николаю Ивановичу: «...он, говоря его собственными словами, пользовался всякой представлявшейся ему возможностью для нападения на государственную и финансовую точку зрения на крепостное право или бесправие, на этого врага, с которым он боролся целую жизнь — боролся дольше всех и, быть может, раньше всех своих современников <...> Вместе с твердо-

¹²⁶ Колокол. Лист 155 от 1 февраля 1863 года. Стлб. 1289–1291.

¹²⁷ Там же. Стлб. 1291.

¹²⁸ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 44 (впервые: Полярная звезда, книга VII, 1862).

¹²⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. С. 429–475. В последующих изданиях Пыпин напечатал в качестве приложения биографический очерк о Тургеневе, выделив его таким образом из всех декабристов.

стью и неизменяемостью убеждений в душе Николая Ивановича жила несокрушимая любовь к правосудию, к справедливости, к разумной свободе — такая же ненависть к угнетению и криводушию¹³⁰.

Время шло, но, несмотря на коренные отличия книги Тургенева, ставшей уже историей, от революционной теории и практики, развивавшихся в России в течение последних трех царствований, она по-прежнему была недоступна русскому читателю. Попытки ее издания на русском языке стали возможны только после 1905 года, когда были значительно смягчены цензурные строгости. История трех таких попыток в течение последнего предреволюционного десятилетия подробно рассмотрена В. М. Тарасовой на основании материалов Московского комитета по печати и Московской судебной палаты¹³¹. Отсылая за подробностями к ее статьям, укажем только, что ни одна из этих попыток не увенчалась истинным успехом: полный текст книги так и не увидел света.

Первый русский перевод, вышедший в свет в 1907 году в петербургском издательстве «Общественная польза», представлял собой лишь извлечения из первого тома. Но одновременно приступил к публикации «России и русских» на русском языке в своей серии «Библиотека декабристов» Г. Балицкий. В трех ее выпусках он успел напечатать не только первый том, но и часть второго — однако и его издание представляло собой только более обширные извлечения из книги Тургенева¹³².

Обе эти публикации, пусть и далеко не полные, были все же шагом вперед: русская публика могла, наконец, познакомиться хоть с частью идей Тургенева. В отборе фрагментов легко увидеть, какие мучительные усилия прилагали издатели, надеясь обмануть цензуру. Это оказалось недоступно пониманию добросовестной советской исследовательницы: «Издатели первого русского перевода „России и русских“, — писала она, — приложили все усилия к тому, чтобы приумножить и выпятить наиболее слабые стороны книги». В издании Балицкого она увидела только «яркий пример той фальсификации истории, к которой прибегает буржуазия с целью оправдания и укрепления своих идеологических позиций»¹³³.

Петербургское издание осталось без последствий, но на последний из выпусков издания в «Библиотеке декабристов» был потом наложен арест и большая часть тиража уничтожена. Это совпало по времени с выходом в свет полного перевода первого тома «России и русских», подготовленного такими крупными учеными, как Н. И. Соболевский (переводчик) и А. К. Кизеветтер (редактор)¹³⁴. Продолжения и этого издания не последовало. Вокруг книги возник новый скандал и даже судебный процесс, окончившийся, впрочем, неким компромиссом: хотя прокурор Московской судебной палаты приказал уничтожить тираж и эта операция была уже начата, но решение суда свело дело к цензурному изъятию нескольких страниц, где Тургенев обосновывал право на восстание¹³⁵.

Так завершилась печальная дореволюционная история изданий главного труда Н. И. Тургенева. Осужденный декабристами как предательство их подвига, отвергнутый — по разным мотивам — и правящими кругами, и следующими поколениями русских революционеров, труд этот, в сущности, долго не был известен в России. Мало того: интерес к воззрениям Николая Тургенева, возникший во второй половине XIX века у либеральной историографии и публицистики, попытка привлечь внимание к эволюционному, реформаторскому направлению в идеологии декабризма, впоследствии, в советское уже время, окончательно скомпрометировали в глазах историков и самого Тургенева, и его книгу.

Советская историческая наука, усилиями которой за семьдесят лет была издана и не раз переиздана масса документов, писем, мемуаров первых русских революционеров, с не меньшим упорст-

¹³⁰ Декабристы в воспоминаниях современников. С. 48, 50.

¹³¹ Тарасова В. М. Указ. соч. С. 95–100; Тарасова. С. 120–121.

¹³² Библиотека декабристов. 1907. Вып. 2, 5; 1908. Вып. 6. Кн. 1: «Россия и русские» Николая Тургенева. В 1908 году прекратилось не только это издание, но вся серия.

¹³³ Тарасова. С. 120.

¹³⁴ «Россия и русские» Николая Тургенева. Том 1: Воспоминания изгнанника. М., 1915.

¹³⁵ Наст. изд., с. 523–525.

вом, чем царская цензура, воздерживалась от публикации этой книги на русском языке, а языковой барьер, отсутствовавший у интеллигенции XIX века, со временем лишь возрастал. Несколько поколений отечественных историков, не говоря уже о широкой читающей публике, попросту не были с ней знакомы. Без напоминания об этом столь запоздалое знакомство читателей с книгой, вышедшей в свет более 150 лет назад, было бы совершенно необъяснимо.

Обращение к книге Тургенева в исторической литературе сводилось в течение этого времени, главным образом, к критике автора как «основоположника либеральной легенды». Наиболее полное выражение такая точка зрения нашла в фундаментальном труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов». Однако ее труд, при немалых своих достоинствах, не способствовал объективному рассмотрению интересующей нас в данном случае проблемы.

В монографии М. В. Нечкиной так называемая «либеральная легенда» была безоговорочно объявлена «трусливой и ложной», что, понятно, сразу подрывало доверие к ее «основоположнику», «старому члену Союза благоденствия и Северного общества Николаю Тургеневу». Сама книга Тургенева была названа «фальсификацией», сделанной «в личных целях самооправдания перед победившим царизмом», и рассматривалась почти как сознательная компрометация идеалов освободительного движения. Его либеральная концепция, по словам исследовательницы, «совершала более опасную работу: она выхолащивала исторический смысл из идей декабристов и их выступления»¹³⁶.

Хотя концепция ее труда в какой-то мере преодолена уже в развитии науки за прошедшие полвека, но в то время она создавала известные трудности для ученых, обращавшихся к этой проблеме¹³⁷.

Очевидна поэтому необходимость нового возвращения к объективному анализу идеологии декабризма во всей его истинной сложности и неоднородности. С тем же вниманием, с каким ранее анализировались преимущественно взгляды сторонников военной революции, нужно глубже изучить другое направление движения декабристов, и не просто раз навсегда осудив его реформистские, либерально-конституционные взгляды, а приложив усилия к пониманию их места и значения.

Пора перестать просто игнорировать тот факт, что один из создателей Союза спасения, такой выдающийся теоретик движения, как Никита Муравьев, начавший с самых крайних революционных воззрений, еще до восстания 1825 года пришел к тем же взглядам, что и выразитель идей иного направления декабристской мысли Николай Тургенев.

Пора перестать искать объяснения различий в декабристской идеологии только в разных хронологических этапах, как это сделал когда-то, например, В. В. Пугачев, пытаясь определить место Тургенева в движении: «Н. И. Тургенев был наиболее видным и наиболее типичным идеологом раннего декабризма <...>, когда еще не принята тактика „военной революции“, когда еще колеблются между революционным и эволюционно-реформистским путем»¹³⁸.

¹³⁶ Нечкина И. С. 13.

¹³⁷ Примером попыток преодоления таких затруднений является как раз совокупность работ о Николае Тургеневе, принадлежащих В. М. Тарасовой. Везде, где свидетельства множества использованных ею (и в значительной части ею впервые и выявленных) документов заставляли ее признавать крупный его вклад в русскую общественную мысль, она считала себя обязанной делать оговорки о его как бы «декабристской неполноценности». Так, перечислив в одной из своих статей достоинства «России и русских» (критика крепостничества, теории официальной народности, реакционной политики Николая I; поддержка европейского пути развития; серьезный вклад в экономическую и историческую науку; критика официальной версии восстания 14 декабря и доказательство юридической несостоятельности следствия и суда) она тут же заявляла, что эта «первая монография, посвященная истории русского освободительного движения» изложена «с неправильных позиций», ибо автор — «основоположник ложной либеральной концепции декабризма» (Тарасова. С. 231). Подобные оговорки можно найти в каждой ее статье на эту тему.

¹³⁸ Пугачев В. В. К вопросу о политических взглядах Н. И. Тургенева // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Сер. истор.-филолог. Вып. 72. Горький, 1964. С. 895.

Пора понять, что обе эти концепции развивались параллельно на всем протяжении деятельности тайных обществ 20-х годов, но с течением времени расходились все дальше друг от друга. После событий 1825 года одна из них отразилась в сибирском и послесибирском письменном наследии сторонников революционного пути, подводившем итоги коллективного осмысления на каторге и в ссылке уроков движения, другая же нашла наиболее полное выражение в книге Николая Тургенева «Россия и русские».

Это не значит, однако, что все приверженцы последней концепции прошли один и тот же идейный путь. В этом смысле наибольшее внимание привлекает М. А. Фонвизин. Изучая некогда вместе с С. В. Мироненко наследие этого декабриста, до тех пор, подобно наследию Тургенева, решительно осуждавшееся в советской науке¹³⁹, и проследив поразительную эволюцию его взглядов от либерально-конституционной идеологии Союза благоденствия до сочувствия социалистическим идеям середины XIX века, мы тогда уже обратили внимание на связь исторического труда Фонвизина «Обозрение проявлений политической жизни в России» с книгой Тургенева. Мы отметили, что уже в первой из дошедших до нас редакций этого сочинения, относящейся к концу 1847 — началу 1848 года, были широко использованы документы, напечатанные Тургеневым (депеша Кампредона, Маньяна и Бюсси, извлечения из сочинений Сперанского и др.) и, конечно, не могли не указать на близость всей структуры, всего характера рассказа о тайном обществе у Фонвизина и у Тургенева: 1) программа общества была изложена в соответствии с уставом Союза благоденствия, «Зеленой книгой», 2) мысль о царубийстве в 1817 году представлена, как «обычные вольные разговоры молодежи за бокалом шампанского», 3) период интенсивной деятельности Северного и Южного общества — как «время, которое не ознаменовалось никакими важными действиями», 4) наконец, о проектах конституций говорилось, как о «теоретических занятиях отдельных членов общества научной проблемой о наилучшем общественном строе». Из этого нами был сделан справедливый, хотя и выраженный в принятой тогда терминологии вывод, что сочинение Фонвизина явилось «одним из источников, особенно широко использованных либеральной легендой»¹⁴⁰. И хотя оценка «Обозрения» Фонвизина как еще одного основополагающего памятника идеологии эволюционного направления в декабризме, не была тогда точно сформулирована нами, некоторые наши наблюдения стоит повторить и сегодня.

Так, анализируя записки Фонвизина по крестьянскому вопросу, мы писали о его программе: «На первый поверхностный взгляд она может представляться шагом назад по сравнению с наиболее радикальными декабристскими предложениями: первый же заявленный в ней исходный тезис состоял в неприкосновенности дворянской собственности <...>. Нельзя, однако, оценивать этот план без учета исторических условий и цели, с которой он создавался: это ведь не программа преобразований после успешной революции, а проект реформы, предлагаемой самодержавию»¹⁴¹. Не те ли мысли, что и Фонвизин, пытался почти тогда же донести до общества Тургенев из далекого Парижа?

Полуторавековой опыт, приобретенный с тех пор Россией, заставляет по-новому взглянуть на идеалы декабристов и избиравшиеся ими пути их достижения. Первое полное русское издание книги Н. И. Тургенева сыграет в этом, надеемся, существенную роль.

Прочтя, наконец, на родном языке исповедь главного идеолога одного из этих путей, русский читатель, можно полагать, сделает важный шаг к более глубокому пониманию отечественного прошлого.

С. В. Житомирская

¹³⁹ Б. Е. Сыроечковский в своей книге «Сибирские статьи декабриста М. А. Фонвизина» (М., 1969) назвал их «печальной повестью» о превращении революционера 20-х годов в либерала середины века (с. 6).

¹⁴⁰ Фонвизин II. С. 24.

¹⁴¹ Там же. С. 37.

Комментарии

Перевод выполнен по изд.: *Tourgueneff N. La Russie et les Russes*. Т. I–III. Paris, 1847. Все русскоязычные тексты, которые в издании 1847 г. Н. И. Тургенев (далее: Н. И.) цитировал в своем переводе на французский, в настоящей книге приводятся по оригиналу. Купюры и конспективные сокращения, сделанные Н. И. в этих текстах, не оговариваются, исключая те случаи, когда они искажают подлинный смысл цитат или затрудняют их понимание. Содержательный комментарий к этим текстам не входил в мою задачу. Даты в комментариях приведены по стилю, используемому в соответствующем источнике.

За разнообразную помощь в работе я приношу самую теплую благодарность Е. Е. Земсковой, Т. И. Краснобородько, В. А. Мильчиной, А. Л. Зорину, А. А. Ильину-Томичу, А. Л. Осповату, Н. Г. Охотину и И. И. Федюкину. Значительную часть труда по составлению именного указателя любезно взял на себя Ф. В. Дзядко.

О книге Н. И. «Россия и русские» я впервые услышал от Вадима Михайловича Борисова (1945–1997). Светлой памяти этого прекрасного человека я хотел бы посвятить свою работу.

1. Жизнеописание Юлия Агриколы, 2; перевод А. С. Бобовича.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Первая оправдательная записка Н. И. (опубл.: *ВД* XV. С. 271–280) была написана им 20–23 апреля 1826 г. по инициативе брата Александра. 24 апреля Н. И. отправил записку Александру в Петербург; 20 мая тот передал ее Николаю I, сопроводив собственным письмом (опубл.: Там же. С. 270–271). На ход следствия и приговор записка не повлияла. Подробнее см.: *Тарасов* 1923. С. 399–405.
2. После окончания процесса над декабристами, в конце августа 1826 г., располагая «Донесением» следственной комиссии (см. о нем коммент. 112 к т. 1) и некоторыми неопубликованными документами следствия (см. коммент. 181 к т. 1), Н. И. приступил к работе над второй оправдательной запиской и закончил ее 18 октября 1826 г. После обсуждения текста с братом Александром, Н. И. в целом ряде случаев смягчил степень своего участия в декабристском движении. Окончательный вариант записки (см.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 70–147) был передан В. А. Жуковским Николаю I вместе с сопроводительным письмом поэта от 29 декабря 1827 г. (см.: *РА*. 1895. № 8. С. 519–520), его пространной запиской о Н. И. (см.: Там же. № 9. С. 13–29; Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. Т. X. СПб., 1902. С. 13–23) и письмом приятельницы Тургеневых Г. А. Разумовской Жуковскому от 17 декабря 1827 г. (см.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 68–69). Император передал записку Н. И. вел. кн. Константину Павловичу и после его письменного отзыва (см.: Там же. С. 69) ответил Жуковскому — оправдание Н. И. «не убедило государя» (письмо Жуковского А. И. Тургеневу от 15/27 апреля 1828 г.: *РГАДА*. Ф. 6. № 589. Л. 34). Подробнее об истории создания и содержании записки см.: *Тарасов* 1923. С. 414–426; *Заозерский А. И.* Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева // Памяти декабристов: Сб. материалов. [Т.] П. Л., 1926. С. 99–163; *Шебунин А. Н.* И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. Т. I. М., [1928]. С. 109–146.

ТОМ I. ЗАПИСКИ ИЗГНАННИКА

1. Переговоры Александра I и Наполеона в Эрфурте состоялись 17 сентября — 14 октября 1808 г. Результатом встречи стала секретная Эрфуртская конвенция, которая подтвердила условия Тильзитского мира и согласие Франции на присоединение к России Молдавии и Валахии, а также связала Россию и Францию союзническими обязательствами против Австрии. Н. И. в это время был в Эрфурте: см. его дневниковую запись от 28 сентября / 10 октября 1808 г. и отдельное описание торжеств, сопровождавших Эрфуртскую встречу, сделанное Н. И. по просьбе брата Александра (*АБТ* I. С. 188–189, 339–346). Эти тексты не имеют ничего общего с недавно атрибутированной Н. И. статьей «О пребывании двух Императоров в Эрфурте (Записки очевидца)» (без подписи опубл.: Вестник Европы. 1808. Ч. XLII. № 23. С. 231–237; атрибуцию см.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 1: Журналы (А–В). СПб., 1997. С. 260). Австро-французская война, продолжавшаяся с апреля по июль 1809 г., закончилась поражением Австрии, закрепленным Шенбрунским (Венским) миром, по условиям которого Франция делала обширные территориальные приобретения за счет юго-западных и южных австрийских провинций.
2. Речь идет о второй жене Наполеона, Марии-Луизе, дочери австрийского императора Франца I (Франца II как императора Священной римской империи). Обстоятельства, при которых ее и Наполеона видел Н. И., несколько иначе описаны в его дневнике (см. дневниковую запись от 15 августа 1811 г.: *АБТ* III. С. 62).
3. Клеменс фон Меттерних-Виннебург, министр иностранных дел и канцлер Австрии с октября 1809 г.
4. Андреас Хофер (Тофер), лидер антифранцузского восстания в Тироле, инспирированного австрийским правительством в начале австро-французской войны в апреле 1809 г. В июле 1809 г. Австрия подписала с Францией мирный договор, но борьба оставленных без поддержки повстанцев продолжалась вплоть до начала 1810 г., когда Хофер был выдан австрийцами французским властям и расстрелян. Фредерико Конфалоньери, один из лидеров антиавстрийского движения Ломбардо-Венецианской области, поддержал Пьемонтскую революцию 1820 г. и был арестован австрийским правительством; в 1824 г. приговорен к смертной казни с последующей заменой наказания на пожизненные каторжные работы. В 1836 г. Конфалоньери был освобожден; в конце 1839 — начале 1840 г. поддерживал отношения с Н. И. в Париже (см.: *Тарасова* 1966. С. 121–122).
5. Прусский майор Фердинанд фон Шилль возглавил антинаполеоновское восстание в Вестфальском королевстве в мае 1809 г. и был убит в бою; захваченные в плен мятежные офицеры были расстреляны французами в г. Везеле. В России действия Шилля связывали с Тугендбундом (см.: *Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности*. Т. I. Иркутск, 1983. С. 88; *Семевский* 1909. С. 420).
6. В 1808 г. в оккупированной наполеоновскими войсками Испании вспыхнуло антифранцузское восстание, вылившееся в активную партизанскую борьбу; указание на «героизм» противостоявших Наполеону испанцев являлось общим местом русской литературы и публицистики первой половины XIX в.
7. В январе 1811 г. французские войска заняли герцогство Ольденбургское, а в феврале Франция официально заявила о его присоединении к своей территории. Этот шаг прямо нарушал условия Тильзитского мира и ущемлял династические интересы Романовых (см.: *Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг.* М., 1966. С. 167–168). По поручению Александра I 8/20 февраля русский посланник во Франции А. Б. Куракин направил Наполеону ноту протеста (*ВЛП* VI. С. 69–71); французский министр иностранных дел Ж. Шампаньи отказался принять ее, и тогда министр иностранных дел России Н. П. Румянцев разослал этот документ по всем европейским дворам, подчеркнув тем самым принципиальный для России характер возникшего конфликта (сопровождаящее ноту циркулярное письмо от 12/24 марта 1811 г. см.: Там же. С. 86–89).
8. Ссора российского и французского посланников при неаполитанском дворе С. Н. Долгорукова и Ж.-А.-Ж. Дюран-де-Мароя произошла на новогоднем приеме у короля Иоахима Мюрата из-за очередности входа в королевский зал, причем Мюрат демонстративно не стал вмешиваться в происходящее; за этим инцидентом последовала дуэль Долгорукова (о его репутации остролова и храбреца см.: *Вяземский* VII. С. 103–104) и Дюрана, после чего российский посланник, ставший в Неаполе персо-

- ной нон грата, был отозван в Петербург. Подробнее см.: [Богданович М. И.] История царствования императора Александра I и России в его время. Т. III. СПб., 1869. С. 122–123; *ВЛР* VII. С. 729. В это время Н. И. жил в Неаполе и поддерживал знакомство с Долгоруковым (см.: *Авт* III. С. 167).
9. Иоахим Мюрат, шурина Наполеона Бонапарта, в 1808 г. по его указу получил престол неаполитанского короля, но в действительности был наделен лишь полномочиями наместника. Стремление Мюрата к военной и административной самостоятельности в Неаполе привело в 1810–1811 гг. к резкому ухудшению его отношений с Наполеоном, но угроза низложения, подкрепленная силами французской оккупационной армии, заставила неаполитанского короля искать примирения. Подробнее см.: *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 244–273.
10. Министр иностранных дел России с 1804 г. (с 1809 г. в звании канцлера) Н. П. Румянцев был убежденным сторонником русско-французского сближения и тильзитской системы (см., напр. его ответ на одно из известий о подготовке Франции к войне с Россией — письмо русскому посланнику во Франции А. Б. Куракину от 27 февраля / 10 марта 1812 г.: *ВЛР* VI. С. 304). По словам современника, «еще накануне разрыва [1812 г.], канцлер продолжал уверять Государя, что войны не будет. В тот самый вечер к нему прибыл один из его чиновников и доложил, что должен был объехать Ковну, так как она занята французами. Граф Румянцев сказал ему на это, что он сошел с ума и что его надо арестовать за такие речи» (Из записок князя Николая Васильевича Долгорукова // *РС.* 1892. № 11. С. 268).
11. В действительности стратегия отступления российских войск в войне с Францией, так называемый «скифский план», была продумана М. Б. Баркляем де Толли и поддержана Александром I еще в 1807 г.; мысль об отсутствии у Баркляя какого бы то ни было плана действий в 1812 г., закрепленная и в воспоминаниях, и в исторических сочинениях об Отечественной войне в первой половине XIX в., восходила к окружению М. И. Кутузова, недоброжелательно относившемуся к Баркляю. Подробнее о «скифском плане» и репутации Баркляя в 1810–1840-е гг. см.: *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996.
12. Речь идет о так называемом «Донесении о невыгодности военного поселения» — записке Баркляя де Толли, подготовленной им в конце апреля и поданной Аракчееву в начале мая 1817 г. (опубл.: *Военный сборник.* 1861. № 6. С. 334–363). По мнению Баркляя, детально разобравшего «Учреждение о военном поселении пехоты» (Ч. I: Устройство военного поселения. СПб., 1817), его реализация нанесла бы большой материальный ущерб местному населению, независимость военного начальства от местного управления привела бы к значительным злоупотреблениям, сельскохозяйственные работы несвободных поселенцев были бы крайне неэффективными. Как и большинство современников, Н. И. относился к военным поселениям резко отрицательно; он писал брату Сергею: «<...> может быть, ни в какую другую эпоху разлука с Россией не была так willkommen [желанна — нем.]. Ни действительности, ни надежд! <...> Полюбопытствуй и о новых военных поселениях, другой признак нашего цинизма и плод христоролюбивого девятнадцатого века! Все это, в особенности последнее, дает тебе меру благополучия России и счастья, ее постигшего и впредь ожидающего!» (письмо от 3 февраля 1818 г.: *Изд.* 1936. С. 250; см. также наст. изд., с. 200, 339–344; сводку мнений современников см.: *Семевский* 1909. С. 167–178; *Предтеченский А. В.* Декабристы и военные поселения // *Предтеченский А. В.* Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 188–207; *Кандаурова Т. Н., Давыдов Б. Б.* Военные поселения в оценке современников // *Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История.* 1992. № 2. С. 44–55; ср.: *Латин В. В.* Декабристы и военные поселения: Проблема и некоторые итоги ее изучения // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. I. СПб., 1997. С. 29–31; отзыв о Барклае де Толли, аналогичный тургеневскому, см.: *Фонвизин* II. С. 184).
13. Речь идет об архиепископе Могилевском и Витебском Варлааме (Шишацком), принесшем в июле 1812 г. присягу Наполеону и предписавшем сделать то же всем священникам своей епархии. Варлаам не только молился в ектеньях за Наполеона и Марию-Луизу, но и посвятил их тезоименитствам торжественные проповеди. После отступления французов, в декабре 1812 — апреле 1813 гг., он находился под следствием специальной комиссии Святейшего синода; в июне 1813 г. был лишен сана, а затем отправлен в Спасский монастырь в г. Новгород-Северский простым монахом. Подробнее см.: *СБРИО* СXXXIX. С. XXX–XLVI, 161–263; *Шереметевский В.* Варлаам // *Русский биографический словарь.* Т. Вавилов [Вавила] — Веселовский. Н. У., 1991. С. 129–134.

14. Речь идет о П. И. Энгельгардте и С. И. Шубине. Оказавшие сопротивление французам, они были схвачены и, после отказа вступить на французскую службу, расстреляны в октябре 1812 г. Из числа героев Отечественной войны их выделила назначенная Александром I пенсия родственникам (1813) и установленный в Смоленске памятник (1835). Подробнее см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. III. СПб., 1839. С. 115–116; Смоленская старина. Вып. 2: 1812–1912. Смоленск, 1912, по указ.
15. 1 октября 1812 г. Ростопчин сжег свою усадьбу Вороново в Подольском уезде Московской губернии, чтобы, как объяснил он позднее, опередить с этим французов и, по-видимому, уравнивать свое положение с пострадавшими от пожара москвичами (см.: *Ростопчин Ф. В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 57; *Он же.* Ох, французы! М., 1992. С. 310). По словам очевидца, «это было деяние, исполненное чувства достоинства и мудрости и совершенное из бескорыстной любви к отечеству. <...> Пламя бушевало около двух часов <...> однако граф не изъявил никакого сожаления <...>. Уничтоженное здесь имущество не возмещать и сто тысяч фунтов. Сам дворец и все окружающее не уступали ничему, что только есть у нас в Англии. Сожженные Эфеса послужило к позорному бессмертию; вороновский пожар есть ручательство любви русских к отечеству» (*Вильсон Т. Р.* Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 65; ср. с. 151–152; об архитектурном и парковом богатстве допозжарного Воронова и привязанности к нему Ростопчина см.: *Палентреер С. Н.* Усадьба Вороново. М., 1960. С. 15–23). К двери вороновской церкви Ростопчин прикрепил следующую записку: «Я потратил восемь лет на украшение этого дома и жил здесь счастливо в лоне семьи. Все население поместья, в количестве 1720 душ, покидает его, а я, по собственному побуждению, поджигая свой дом, чтобы вы не осквернили его своим присутствием. Французы! Я оставил в Москве два дома с обстановкой, стоившей до полумиллиона, здесь вы найдете только пепел» (цит. по: *Ростопчина Л.* Семейная хроника (1812 г.). [М., 1912]. С. 42). О реакции ворвавшихся в Вороново французам см., напр.: Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика Д. П. Бутурлина // *РС.* 1894. № 10. С. 219.
16. Речь идет о гибели М. Н. Верещагина, выходца из купеческого сословия, литератора, в середине июня 1812 г. обвиненного в сочинении двух прокламаций, написанных от имени Наполеона, и приговоренного к бессрочным каторжным работам. Будучи убежденным масонофобом, Ростопчин добился для Верещагина, связанного с московским почт-директором «мартинистом» Ф. П. Ключаревым, дополнительного наказания кнутом (см.: *Шереметевский П.* Верещагин и Мешков, уголовно-следственный эпизод из истории Москвы в 1812 г. // *ЧОИДР.* 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 231–247; *Попов А.* Москва в 1812 году. М., 1875. С. 23–27). Описываемая Н. И. казнь Верещагина произошла 2 сентября 1812 г., в день вступления французам в Москву; некоторые детали, приведенные Н. И., в частности раздавшаяся из толпы реплика, не подтверждаются другими мемуаристами (см.: *Жуков И. Ф.* Разбор известий и дополнительное сведение о казни несчастного сына Верещагина // *ЧОИДР.* 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 247–258; [*Бартнев П. И.*] Адам Фомич Брокер. Его записки // *РА.* 1868. № 9. Стлб. 1430–1432; *Вяземский VII.* С. 209–213, 511–514).
17. 6 ноября 1812 г., узнав о трагической смерти Верещагина, Александр писал Ростопчину: «Я был бы вполне доволен вашим образом действий при этих, столь затруднительных обстоятельствах, если бы не дело Верещагина, или лучше сказать, не окончание этого дела. <...> Его казнь была не нужна, в особенности ее отнюдь не следовало производить подобным образом. Повесить или расстрелять было бы лучше» (*РА.* 1893. № 1. С. 183–184). Дело М. Н. Верещагина рассматривалось в Сенате и Государственном совете вплоть до конца августа 1814 г. (см.: *Попов Н. А.* Дело М. Н. Верещагина в Сенате в 1812–1816 годах // *ЧОИДР.* 1888. Кн. I. Отд. II. С. 1–16 отд. паг.). В 1816 г., во время пребывания Александра в Москве, «отец несчастного Верещагина <...> был призван к императору, довольно долгое время пробыл в кабинете и на другой день велено ему послать один из самых богатых бриллиантовых перстней, находившихся между вещами государя» и 20 000 рублей (Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // *Русский вестник.* 1890. № 9. С. 159–160). Ср. известие менее осведомленного мемуариста, знакомого А. И. Тургенева К. А. Варнгагена фон Энзе, писавшего, что отец Верещагина встречался с Александром I в Польше в «начале 1813 года» и что на следующий день после этого Ростопчин подал в отставку (Ф. В. Ростопчин. (Из Воспоминаний Варнгагена-фон-Энзе) // *Московские ведомости.* 1859. 2 окт. № 234).
18. Подробности эпизода неизвестны; о преследованиях Ростопчиным остававшихся в оккупированной Москве жителей см.: *Киселев Н.* Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 году // *РА.* 1868. Стлб. 881–903; *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев

- о пребывании французов в Москве в 1812 г.: К методике источниковедческого анализа // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973. С. 261–262; см. также письмо Ростопчина Александру I от 17 марта 1813 г.: *РА*. 1893. № 1. С. 192.
19. Правительство действительно с большим энтузиазмом отнеслось к сообщению российского посланника в королевстве Вюртембергском Д. В. Алопеуса о том, что немецкому изобретателю Францу Леппиху удалось открыть способ управления воздушным шаром. Леппих был срочно привезен в Москву в мае–августе 1812 г. под прямым покровительством Ф. В. Ростопчина занимался реализацией своего проекта. Строгая секретность производившихся работ способствовала распространению разнообразных слухов; так, после московского пожара Леппих считался изготовителем зажигательных снарядов (см., напр.: *Бильбасов В. А.* Записки современников о 1812 г. (Граф Боволье) // *РС*. 1893. № 1. С. 15; Первые дни в сожженной Москве. Письмо кн. А. А. Шаховского, 1836 г., к А. И. Михайловскому-Данилевскому // *РС*. 1889. № 10. С. 54–55). Смысл проекта раскрыл впоследствии сам Ростопчин: «Русский дипломатический агент, Алопеус, доложил государю <...> что шар, который он [Леппих] предполагает устроить, будет поднимать 50 человек в своей гондоле, под которой можно будет привесить большой ящик, наполненный порохом и горючими веществами; ящик этот можно будет сбросить на избранное для этого место и произвести страшные взрыв и истребление» (*Ростопчин Ф. В.* Ох. французы. С. 263). Работы Леппиха закончились неудачей: Ростопчин, писавший в 1812 г. Александру I о том, что Леппих — «человек весьма искусный и опытный механик» (письмо от 11 июня: *РС*. 1893. № 1. С. 178), публично признал его «шарлатанство» (*Ростопчин Ф. В.* Правда о пожаре Москвы. С. 12). Подробнее о Леппихе см.: *Попов А.* Москва в 1812 году. С. 119–129, 133–136; *РС*. 1877. № 12. С. 716/717; *РА*. 1893. № 1. С. 174–179, 182; Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826). Т. I. М., 1899. С. 442–446; *РС*. 1902. № 5. С. 250; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вып. I. СПб., 1876. С. 91–119; Вып. II. СПб., 1889. С. 424–444).
20. Подробнее см. новейшие работы о пожаре: *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев... С. 232–273; *Он же.* Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // *Родина*. 1992. № 6/7. С. 88–93.
21. Ко второй половине 1810-х гг. за Ростопчиным установилась всеевропейская репутация героя, сжегшего Москву и спасшего тем самым Россию (см.: *Изд.* 1939. С. 152). Его собственные высказывания на этот счет не были достаточно однозначны (см., напр., письмо Ростопчина М. С. Воронцову от 4 октября 1821 г.: Архив князя Воронцова. Кн. VIII. М., 1876. С. 498), поэтому выход написанной Ростопчиным брошюры «La vérité sur l'incendie de Moscou» (Paris, 1823; рус. пер.: *Ростопчин Ф. В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823), где автор отрицал свою причастность к пожару, произвел неожиданный эффект, «тогда говорили, что настоящее ее название — «Неправда о пожаре Москвы»» (Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 302). Подобным же образом высказались мемуаристы, близко знавшие Ростопчина в начале 1810-х гг. (см.: Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 78; *Брокер А. Ф.* Биография Федора Васильевича Ростопчина // *РС*. 1893. № 1. С. 165; Записки А. Л. Витберга // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. I. М., 1954. С. 442).
22. Действительно, Кутузов писал Ростопчину о предстоящем сражении «у Москвы» еще 30 августа (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. II. С. 310; М. И. Кутузов. Сб. док-тов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 184; ср. с. 158–159) и подтвердил это в беседе с ним 1 сентября, за несколько часов до совета в Филях (письмо Ростопчина Ек. П. Ростопчиной от 1 сентября 1812 г.: *РА*. 1901. № 8. С. 461–462; письмо Ростопчина Александру I от 13 октября 1812 г.: *РА*. 1892. № 8. С. 551; *Ростопчин Ф. В.* Ох. французы! С. 305). Тем не менее сдача Москвы не была для Ростопчина неожиданной, он писал позднее, что и сам «тоже высказался бы за отступление», если бы присутствовал на совете в Филях (*Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 308; ср., напр.: *Шницлер И.* Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 г. СПб., 1912. С. 104–105). О подлинном смысле конфликта Кутузова и Ростопчина, предполагавшего сжечь город до вступления в него французов, см.: *Тартаковский А.* Обманутый Герострат... С. 88–93. Хорошо запомнившиеся современникам слова Кутузова о том, что «он скорее ляжет костями, чем допустит неприятеля к Москве», были сказаны полководцем не Ростопчину, а Александру I (Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // *РА*. 1887. № 2. С. 217; Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 202; Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 168).

23. Речь идет об известном совете в Филях, где 1 сентября 1812 г. решалась судьба Москвы. В совете приняли участие М. Б. Барклай де Толли, Л. Л. Беннигсен, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, М. И. Кутузов, А. И. Остерман-Толстой, Н. Н. Раевский, К. Ф. Толь, Ф. С. Уваров (также, возможно, П. С. Кайсаров, В. С. Ланской и М. И. Платов). Против оставления Москвы выступил не только Коновницын, но и Беннигсен, Дохтуров, Ермолов и Уваров. Петр Петрович Коновницын в августе 1812 г. — командующий арьергардом русской армии, герой Бородина, с сентября — дежурный генерал штаба армии; Н. И. содействовал публикации «Известия о службе и подвигах генерала Коновницына» Д. И. Ахшарумова (см.: *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай... С. 227), где военачальник был отнесен к числу «мужей, которых должно признавать необыкновенными» (СО. 1813. № XXVII. С. 29). Сыновья Коновницына — Петр и Иван — были причастны к декабристскому движению, однако не попали в Сибирь; после 1825 г. первый, член Северного общества, лишенный дворянства, служил солдатом в Семипалатинске и на Кавказе; второй, оказавший сопротивление присяге Николаю I, находился на военной службе на Кавказе «под бдительным тайным надзором» (Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 267); дочь Коновницына Елизавета, жена декабриста М. М. Нарышкина, последовала за мужем в Читинский острог.
24. По подсчетам современного исследователя, в период французской оккупации Москвы ее население составляло около 2,3% (примерное исчисление — 6238 человек) от зафиксированного на 1 января 1812 г. числа жителей (275 547 человек). См.: *Тартаковский А. Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. [П.] 92. М., 1972. С. 356–379.
25. Слова Александра I, произнесенные в ответ на сообщенное ему 8 сентября 1812 г. известие об оставлении Москвы русскими войсками (см. воспоминания А. Ф. Мишо об этой аудиенции в его письме к А. И. Михайловскому-Данилевскому: *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 597–599; ср.: *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай... С. 73–74), были хорошо известны современникам уже с осени 1812 г. (см.: *Вильсон Т. Р.* Дневник и письма... С. 177; письмо П. А. Кикина А. С. Шишкову от 17 декабря 1812 г.: *РА.* 1880. Кн. II. С. 232).
26. Хорошо запомнившаяся современникам (напр., см.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 101) фраза О. Себастиани, министра иностранных дел Франции в 1830–1832 гг., произнесенная им во время выступления в Палате депутатов французского парламента 16 сентября 1831 г. — спустя неделю после капитуляции повстанческой Варшавы: «Порядок воцарился в Варшаве» (см.: *Archives parlementaires de 1787 à 1860. Ser. II. T. LXIX. Paris, 1888. P. 658; ср.: Journal des débats politiques et littéraires. 1831. 17 sept.*). Об историко-политическом контексте реплики см.: *Dutkiewicz J.* Francja a Polska w 1831 r. Lodz, 1950; История Польши. Т. 1. М., 1956. С. 549.
27. Ср. запомнившуюся анонимному мемуаристу «поговорку» Константина Павловича: «Война портит солдат» (Великому князю Константину Павловичу невозможно было царствовать // *ЧОИДР.* 1871. Кн. III. Отд. V. С. 136).
28. Речь идет о так называемой Таурогенской конвенции о нейтрализации прусского вспомогательного корпуса, действовавшего против России в Прибалтике в составе французских войск (опубл.: *ВПП* VI. С. 642–644). Конвенция была подписана И. И. Дибичем и Г. Йорком фон Вартенбургом 18/30 декабря 1812 г., причем Йорк, как и сообщает Н. И., действовал без ведома прусского короля и вскоре был отставлен со своего поста (см.: *Звавич И. С.* Как была заключена Таурогенская конвенция // Ученые записки Московского гос. ун-та. Вып. 114: История. М., 1947. С. 26–41).
29. К фон Меттерних.
30. Меттерних был столь же негативного мнения и о Штейне, и о Н. И. Позднее, 17 апреля 1826 г., он писал австрийскому посланнику в России Л. Лебцельтерну: «[Н. И.] был членом революционного клуба, известного под именем Административного комитета для освобожденных немецких земель [т. е. Центрального административного департамента], образованного императором Александром в 1813 г. под председательством барона Штейна, с этим образованием я лично боролся столь же пылко, сколь и безуспешно вплоть до занятия нами Лейпцига. Мои усилия были тщетны и именно эта самая администрация бросила в Германии семя революции, от которого эта столь важная для спокойствия Европы страна уже не сможет отделаться полностью» (цит. по: *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставни-

- ки и питомцы. 1811–1844. СПб., 1911. С. 260; ср.: *Шебушин А.* Западно-европейские влияния в мирозерцании Н. И. Тургенева // *Анналы.* 1923. № 3. С. 211–212).
31. Речь идет о письме А. Гнейзенау Штейну от 9 января 1814 г. (опубл.: *Stein H. F. K.* Briewechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. IV. Berlin, [1933]. S. 536–538). Сведений о знакомстве с ним Александра I выявить не удалось. 4 [16] января 1814 г. Н. И. записал в дневнике: «Письмо Гнейзенау, кот<орое> я сегодня перевел из с нем<ецкого> на франц<узский>, писано en maître [мастерски. — франц.]. Естыли мы, гов<орит> он, не будем в Париже, то d<ие> Rache und d<ие> Triomph wären unvollständig: la vengeance et le triomphe ne serait qu'incomplets [отмщение и триумф не будут полными. — нем.; франц.]. Правда! Правда! Все этого желают, и основательно» (*АБТ* III. С. 235).
32. Шатильонский конгресс представителей Франции и стран — участниц антинаполеоновской коалиции состоялся в феврале–марте 1814 г. и был посвящен условиям возможного мира; закончился безрезультатно.
33. Имеется в виду конституция, дарованная Людовиком XVIII Франции в 1814 г.
34. В черновике первой редакции «России и русских» (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 1328. Л. 23) инициал раскрыт самим Н. И. — речь идет о некоем Pictet — вероятно крупном швейцарском политическом деятеле Ш. Пикте де Рошмоне. О подробностях эпизода позволяет судить дневниковая запись А. И. Тургенева от 31 марта 1828 г. о разговоре с Н. И.: «<...> он пересказывал мне то, что знал о предложении государя, через б<арона> Штейна, посылавшего с письмами о сем Николая из Нанси в Женеву к Пиктету — французам Бурбонов» (цит. по: *Лилльсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 181–182). Мнение Штейна о французском престоле в 1814 г. см. в его письме Александру I от 10 января 1814 г. (*Stein H. F. K.* Briewechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. IV. S. 572–574); о роли России в реставрации Бурбонов см.: *Киселева Е. В.* Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // *Россия и Европа: Дипломатия и культура.* М., 1995. С. 63–78.
35. Речь идет о сыне Наполеона и Марии-Луизы Франце-Шарле-Жозефе-Наполеоне Бонапарте (Наполеоне II).
36. К. В. Нессельроде стал управляющим Министерством иностранных дел лишь в 1816 г., хотя, будучи с 1814 г. статс-секретарем по иностранным делам, фактически возглавлял российское внешнеполитическое ведомство и в эти годы (см.: *Очерк истории Министерства иностранных дел.* 1802–1902. СПб., 1902. С. 88–89).
37. В оригинале ошибочно «général Vaud»; речь идет о наполеоновском генерале Антуане Жозефе Во (Veaux).
38. По-видимому, речь идет об А. П. Ожаровском, находившемся при Бернадоте в феврале–марте 1814 г. (см.: *Россия и Швеция. Документы и материалы.* 1809–1818. М., 1985. С. 473, 475, 477). Подробности эпизода неизвестны; ср.: *Рогинский В.* Маленький серебряный меч. Как подружились император Александр I и наследный принц Карл Юхан, он же маршал Бернадот // *Родина.* 1997. № 10. С. 103.
39. Победа, одержанная Северной армией союзников близ саксонского селения Денневиц в сентябре 1813 г., ускорила освобождение Саксонии от наполеоновских войск.
40. Н. И. упрощает смысл этого события. Конвенция о ликвидации шведского долга России была подписана 15/27 мая 1815 г., до повторного низвержения Наполеона. Именно в это время, исходя из полученной информации о контактах Наполеона с Карлом Юханом и того, что, как сообщал в Россию П. К. Сухтелен, общая политическая линия союзных держав и Венского конгресса не совсем удовлетворяла шведское правительство (см.: *Россия и Швеция. Документы и материалы...* С. 509, 505), российское правительство было вынуждено пойти навстречу Швеции ради сохранения с ней дружественных отношений. О видах Александра I на Швецию весной 1815 г. см. одобренную им депешу К. В. Нессельроде П. К. Сухтелену от 30 апреля / 12 мая 1815 г. (Там же. С. 506–508). Генерал Л. — по-видимому, К. А. Лёвенгьельм, официальный представитель Швеции на Венском конгрессе.
41. Источник этого анекдота — «Записки» Екатерины II (см.: *Записки императрицы Екатерины Второй.* СПб., 1907. С. 342–343), оставшиеся неизданными вплоть до 1859 г. Н. И. был знаком с ними («Я вчера, возвратясь из клуба, принялся читать „Secrets de Catherine II“ — дневниковая запись Н. И. от 25 ноября 1821 г. *АБТ* III. С. 305), по-видимому, по рукописной копии, принадлежавшей его брату Александру. О допечатной истории «Записок» Екатерины II см.: *Теребенина Р. Е.* Копия «Записок» Екатерины II из архива Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* 1966. Л., 1969. С. 8–22; *Тартаковский А. Г.* Русская

- мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991. С. 212–213, 217–218; Мильчина В. А., Остоват А. Л. Пушкин и «Записки» Екатерины II: Заметки к теме // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995/1996. С. 303–312.
42. Известная острота австрийского дипломата Ш. Ж. де Линя (см., напр.: Из воспоминаний гр<афа> де ла Гарда // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 149–150).
43. Д. В. Голицын, будущий московский военный генерал-губернатор (см.: ВПР VII. С. 505).
44. Публикацию обнаружить не удалось.
45. Речь идет о проекте послевоенного устройства Европы (изложен в секретной инструкции Александра I Н. Н. Новосильцеву от 11/23 сентября 1804 г.; см.: ВПР II. С. 138–151, 664–665), созданном в рамках подготовки 3-й антинаполеоновской коалиции и среди прочего предполагавшем образование кольца второстепенных (а не «сильных», как пишет Н. И.) государств вокруг Франции. Подробнее см.: Миркин-Гецевич Б. С. Русский проект международной организации Европы 1804 г. // Сб. статей, посвященных П. Н. Милокову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 435–449; Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 352–358. Пятый том труда французского историка А. Тьера вышел в 1845 г. сразу несколькими изданиями; парижское изд. см.: *Tiers A. Histoire du consulat et de l'empire*. T. V. Paris, 1845. P. 319–336.
46. Английский посланник в Палермо В. Бентинк весной 1814 г. возглавлял военную экспедицию во входившую в состав Франции Геную. Он был убежденным сторонником генуэзской независимости (см. депешу друга братьев Тургеневых, русского посланника в Турине П. Б. Козловского К. В. Нессельроде от 2/14 июня 1814 г.: ВПР VIII. С. 23) и официально провозгласил реставрацию Генуэзской республики (см.: *Rosselli J. Lord William Bentinck. The making of a liberal imperialist. 1774–1839*. Berkeley, Los Angeles, 1974. P. 176). Тем не менее, по решению Венского конгресса Генуя вошла в состав Сардинского королевства.
47. Н. И. приводит фрагмент из письма Штейна Александру I от 6 октября 1814 г.; полный текст письма см.: *Stein H. F. K. Briewechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen*. Bd. V. [1934]. S. 60–61; схожий отзыв о демарше Штейна см.: Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 307.
48. В. С. Ланской в 1813–1815 гг. был президентом Верховного временного совета по управлению Герцогством Варшавским, а с 1815 г. — наместником Царства Польского. Записка, которую цитирует Н. И., неизвестна; о позиции Ланского в связи с польским вопросом можно судить по его письму, отправленному Александру I 4 мая 1815 г. — незадолго до обнародования манифеста о создании Царства Польского и предоставлении полякам конституции. Ланской писал: «Я уверен в душе моей, что приверженность некоторых [поляков], а особенно военных к врагу Европы [Наполеону] не угаснет, и ничто не обратит к нам их расположения. Туда манят их прелести грабежа, там господствует дерзкая вольность, там ни за какое бесчестие нет ответственности <...>. А потому, если я не ошибаюсь, то в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить яд своей на нас <...> ни в каком случае считать на поляков не можно» (цит. по: [Богданович М. И.] История царствования императора Александра I и России в его время. Т. IV. С. 575; в последней фразе Ланской говорит о поддержке, которую специально созданные польские легионы оказали Наполеону, и о планах Александра I восстановить собственное польское войско).
49. Братья Тургеневы были хорошо знакомы с Поццо ди Борго и обсуждали с ним его записку о Польше в частности в Париже в 1825 г. (см. дневниковую запись А. И. Тургенева от 15/27 декабря 1825 г.: *Изд.* 1964. С. 381; другие рассказы Поццо о записке см.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 году // Исторический вестник 1910. № 5. С. 541; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XII. [М.; Л.] 1949. С. 156).
50. Немецкий драматург и публицист А. Коцебу обладал стойкой репутацией ретрограда и был убит в марте 1819 г. радикально настроенным студентом К. Зандом. Казненный в мае 1820 г. Занд мгновенно стал культовой фигурой в российских либеральных кругах; Пушкин посвятил ему одно из своих самых политически острых стихотворений — «Кинжал» (1821). Н. И. отнесся к убийству Коцебу иначе: «Коцебу заколот одним студентом. Немцы пошутить не умеют. Верно это обстоятельство повредит делу просвещения в умах наших свинчаток, как будто кинжал и просвещение имеют что-нибудь общего!» (дневниковая запись от 2 апреля 1819 г.: *Авт* V. С. 191); «Неприятное происшествие. Но действия фанатизма неисповедимы. Равно глупо, равно ужасно убийство из фанатизма религиозного и политического» (дневниковая запись от

- 11 апреля 1819 г.: Там же. С. 192; ср. отклик Н. И. на убийство герцога Беррийского: *АБТ V. С. 224*; [Бешенковский Е. Б.] *Лугачев В. В. Луи-Пьер Лувель и движение декабристов // ОДР. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 6–7*).
51. Об этой карте Шатобриан пишет в книге «Веронский конгресс» (см.: *Chateaubriand F. de. Congrès de Verone. Guerre d'Espagne. Négociations: colonies espagnoles. [Vol. I.] Paris; Leipzig, 1838. P. 204*); подробнее о территориальных спорах, которые велись в ходе подготовки Второго Парижского мира, позиции К. Гарденберга и, собственно, упоминаемой Н. И. карте, посланной Гарденбергом Александру I 4 августа 1815 г., см.: *ВЛП VIII. С. 688, 707–708; Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu. Paris, 1990. P. 243–244*.
52. Французский военачальник и участник наполеоновских военных кампаний М. Ней, герцог Эльхингенский, в 1814 г. поддержал Бурбонов, но во время Ста дней вновь перешел на сторону Наполеона. После второй Реставрации, вопреки условиям капитуляции наполеоновской армии, выработанным при участии ее командующего Л. Н. Даву и командующего союзной армией А. У. Веллингтона, Ней был арестован и на показательном судебном процессе в Париже осужден за измену. Александр I не вмешался в происходящее, даже несмотря на хлопоты симпатизирующих Нею приближенных (см.: *Perrin E. Le Marechal Ney. Paris, [1993]. P. 324*), и в декабре 1814 г. Ней был расстрелян (по другой версии, ему удалось скрыться при помощи Веллингтона, которого ниже за невмешательство в дело Нея осуждает Н. И.; см.: *Намансон Э. А. Был ли казнен маршал Ней? // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 215–218*).
53. Н. И. и его брат Сергей присутствовали на процессе Нея, но оставленные ими отзывы не содержат сведений о русском собеседнике Даву (см.: *Изд. 1936. С. 382–383*). О выступлении Даву на процессе Нея подробнее см.: *Gallaber J. G. The Iron Marshal. A biography of Louis N. Davout. London; Amsterdam, [1976]. P. 335–337*.
54. Н. И. имеет в виду дневниковую запись Дж. Макинтоша от 8 сентября 1811 г., известную ему по книге «Memoirs of the life of the right honourable sir James Makintosh» (Vol. II. London, 1835. P. 135–139), которую высоко оценил и рекомендовал российскому читателю А. И. Тургенев (см.: *Изд. 1964. С. 63–64*). Неаполитанский флотоводец Ф. Караччиоли был морским министром Партенопейской республики, образованной из континентальных владений Королевства Обеих Сицилий в 1799 г., после взятия Неаполя наполеоновскими войсками. В том же году Неаполь был снова занят монархистами; важнейшее условие капитуляции Неаполя — амнистия республиканцам — было проигнорировано адмиралом Г. Нельсоном, который инициировал суд над Караччиоли; после того, как суд приговорил министра к пожизненному заключению, Нельсон приказал казнить его.
55. Книга писательницы и мистической проповедницы В.-Ю. Крюденер о Священном союзе неизвестна; по-видимому Н. И. имеет в виду сочинение ее помощника А. Л. Эмпейтаса «Notice sur Alexandre, l'Empereur de Russie» (Genève, 1828; 2-е изд.: Paris, 1840; рус. пер. фрагментов о проекте Священного союза см.: *Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 354–355; Баронесса Крюденер. Незданные автобиографические тексты. М., 1998. С. 133–134*), в значительной степени состоящую из записи рассказов Крюденер.
56. Специальная работа А. С. Стурдзы о Священном союзе неизвестна; по-видимому, Н. И. имеет в виду его «Notice biographique sur le comte J. Capodistrias» (опубл.: *Correspondance du comte J. Capodistrias <...>. T. I. Geneve, Paris, 1839*; ср. упоминание этой книги у А. И. Тургенева: *Изд. 1939. С. 230*); допечатной истории сочинения Стурдзы см. письма Жуковского к нему от 20 июля 1835 г. и 4 и 13 апреля 1836 г.: *РС. 1902. № 4. С. 184–185; № 5. С. 389–392*; ср.: *Вяземский 1963. С. 366*), где автор рассказывает, что Александр I, самостоятельно подготовивший черновик Акта о Священном союзе и поручивший отредактировать его самому Стурдзе, принял лишь его «мелочные перемены», а в остальном настоял на своем варианте Акта (см.: *Стурдза А. С. Воспоминание о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции. М., 1864. С. 68–70*; ср.: *Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия / Russia. Вып. 3 [11]. Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 139–142*).
57. Подробности эпизода установить не удалось.
58. Речь Александра I, произнесенная 15 марта 1818 г. при открытии первого общепольского сейма, содержала отчетливое обещание распространить новые польские порядки на всю Россию. Сразу же напечатанная в столичных газетах (см., напр.: *Северная почта. 1818. № 26*; в переводе цитируется эта публика-

- ция), речь «произвела в обществе сильное впечатление» (письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову от 25 апреля 1818 г.: *РА*. 1912. № 7. С. 355). Сводку откликов на выступление Александра I и их анализ см.: *Семевский*. 1909. С. 264–274; *Миرونенко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 20–25; *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 105–108. Н. И. получил печатную листовку с французским текстом речи от П. А. Вяземского (см.: *Лотман* 1997. С. 440) и на следующий день записал в дневнике: «В ней много прекрасного и такого, чего мы не ожидали и что должно нравиться людям здравомыслящим» (запись от 28 марта 1818 г.: *АБТ V*. С. 121). Еще через несколько дней Н. И. сообщил свое мнение брату Сергею: «Вот и официально говорится о представительстве! А у нас черт знает что каждый себе представляет. Английские клубисты толкуют речь по своему! «Добираются до нас», — говорят они, а я им отвечаю: «К несчастью, вряд ли доберутся!» Можно по крайней мере надеяться, что свободно можно будет об этом писать, если кто захочет; к тому же и хамство не будет так восставать на либеральные идеи, по расчетам не убеждения, а подлости. Однако, и за то спасибо; в ожидании действительной пищи мы хотя фразами питаемся» (письмо от 2 апреля 1818 г.: *Изд.* 1936. С. 255). Тем не менее 31 декабря, обращаясь к прошедшему 1818 и наступающему 1819 г., Н. И. в дневнике высказался о речи крайне резко: «Равняйся! скажет некогда потомство, и вы с своими ближайшими предшественниками и последователями, как скоты, как дураки, как подлецы, будете откомандированы за фрунт, в конюшню <...> Там же вы найдете несколько листов из некоторых речей <...> Подавитем всем этим говном и чтобы оно, согнивши, только вонью своею напоминало нашим потомкам о счастии, спокойствии, свободе их славных предков, запятнавших себя и безумием, и эгоизмом, и трусостью, и подлостью, и, и, и... Несколько листов из некоторой Почты и из некоторого Вестника останутся для напоминовения потомству, благодарному за мягкость бумаги. Черт с вами и всею вашею сволочью!» (*АБТ V*. С. 182; в предпоследней фразе речь идет о публикации речи Александра I в «Северной почте» и сводке благодетельных откликов на речь из европейской прессы в «Вестнике Европы» (1818. Ч. XCIX. № 100. С. 166–167).
59. Наместником был назначен польский генерал Иосиф Зайончек; князь А. Чарторижский «до самой последней минуты» надеялся получить эту должность (*Михайловский-Данилевский А.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1836. С. 240; *Русский вестник*. 1890. № 10. С. 88; ср.: *Вяземский VII*. С. 433); сведений о кандидатуре немецкого принца обнаружить не удалось.
60. Штурм варшавского предместья Праги, произведенный в октябре 1794 г. русскими войсками под руководством А. В. Суворова, был одним из самых жестоких эпизодов подавления возглавляемого Т. Костюшко польского восстания; участник штурма вспоминал позднее: «Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончании оного, надобно было быть очевидным свидетелем. До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин и ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятся таковым позорищем. <...> Поляки потеряли на валах 13 тыс. человек, из которых третья часть была цвет юношества варшавского; более 2 тыс. утонуло в Висле <...> умерщвленных жителей было несчетно» (*Энгельсарт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 132–133).
61. Эта записка, получившая в научной литературе название «Протест против учреждений, дарованных Польше», была, по-видимому, создана весной 1815 г., во время подготовки Александром I манифеста о создании Царства Польского и введении в нем конституции (см.: *Вильде Л. Я.* [Комментарии к публикации:] Письма М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому // *Литературное наследство*. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 24–25). Находясь в 1826 г. под следствием по делу декабристов, М. Ф. Орлов вспоминал: «<...> вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться» (*Орлов* 1963. С. 79; ср. с. 31–33; *Якушкин* 1993. С. 108–109). Текст «Протеста» неизвестен и, возможно, не сохранился. По предположению М. К. Азадовского, отчасти проливающим свет на содержание записки, именно о ней сообщается в своих мемуарах С. Г. Волконский: «[Орлов] еще в 1815 году <...> составил адрес к императору Александру об уничтожении крепостного права в России» (*Волконский С. Г.* Записки. С. 363; *Азадовский* 1992. С. 39–40).

62. Речь идет о записке Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина», прочитанной автором Александром I 17 октября 1819 г. (см.: Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 9). О допечатной истории «Мнения русского гражданина», впервые опубликованного в России в 1862 г., см.: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. С. 183.
63. Великий князь Константин Павлович действительно играл ведущую роль в польской администрации тех лет, но его положение не было формализовано — указ, о котором говорит Н. И., неизвестен (см.: *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб., 1899. С. 121–122).
64. Впервые проект «Уставной грамоты» был опубликован в 1831 г. правительством польских повстанцев, но не получил известности, так как практически весь тираж издания был уничтожен (см.: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 65–66; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 189–191). Н. И. имеет в виду републикацию в издании английского политика Д. Эрикхарта, выходявшем в Лондоне, Гамбурге и Париже в 1836–1844 гг.; парижское изд.: *Le portfolio ou Collection de documents politiques relatifs à l'histoire contemporaine.* Т. V. [№ 34–41]. Paris, 1837. P. 379–419. Небрежность ссылки на «Portfolio» (ср.: *Изд.* 1872. С. 7) позволяет предположить знакомство Н. И. с рукописью конституции (более существенные аргументы в пользу этого см.: *Вернадский Г.* Скрытый источник конституции Н. М. Муравьева // *Известия Таврического ун-та.* Кн. I. Симферополь, 1919. С. 127–141; *Лотман* 1997. С. 442–444).
65. Носившая конфиденциальный характер работа над проектом общероссийской конституции началась весной 1818 г. в Варшаве под руководством Н. Н. Новосильцева и при участии П. И. Пешара-Дешана и П. А. Вяземского. В октябре 1819 г. первая редакция проекта была рассмотрена Александром I; с учетом его критики был создан новый, краткий вариант конституции; еще раз изученный императором, он лег в основу окончательного текста, представленного Александру весной 1820 г. (детальный анализ проекта и истории его создания см.: *Вернадский Г. В.* Государственная уставная грамота [так!] Российской империи: Историко-юридический очерк. Прага, 1925; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 11–73). Об этом, последнем, этапе редактирования и сообщает Н. И.; источником его информации был, по-видимому, Вяземский, с различной степенью подробности посвящавший в ход работы Карамзина, Александра и Сергея Тургеневых. Н. П. Панин, являясь в марте–сентябре 1801 г. членом Коллегии иностранных дел, фактически руководил российской внешней политикой; с 1804 г. находился в долговременной опале (о ней см., напр.: *Изд.* 1872. С. 185–186; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XII. [М.: Л.] 1949. С. 161), которая выражалась, в частности, в запрете на его пребывание в обеих столицах; в начале 1818 г. пытался приехать в Петербург, но получил решительный отказ (об этом эпизоде см.: *Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина.* Т. VII. СПб., 1892. С. 222–229); рассказ Н. И. о Панине с ошибкой привел в «Петербургских очерках» П. В. Долгоруков (*Долгоруков П.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 264).
66. Н. И. имеет в виду сделанный в «Донесении Следственной комиссии» пересказ «законоположения» Союза благоденствия, так называемой «Зеленой книги», в которой «сочинители <...> объявляют, что одно благо отечества есть цель их, что сия цель не может быть противна желаниям правительства, что правительству, несмотря на свое могущественное влияние, имеет нужду в содействии частных людей, что учреждаемое ими общество хочет быть равностным пособником в добре и, не скрывая своих намерений от граждан благомыслящих, только для избежания нареканий злобы и ненависти будет трудиться тайно» (*ВД XVII.* С. 28).
67. Речь идет об изд.: *Тургенев Н.* Опыт теории налогов. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818; цензурное разрешение — 6 апреля 1818 г.; тираж — 600 экз. (см.: *АБТ V.* С. 121; *Изд.* 1936. С. 274). Успех книги («Книга брата почти вся уже разошлась в одном Петербурге, ибо в Москве она еще в редкость, хотя там толков о ней множество. Книгопродавцы требуют второго издания», — писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 24 декабря 1818 г.: *ОА I.* С. 179; «Книга моя давно уже разошлась вся», — сообщил ровно через месяц сам Н. И. брату Сергею: *Изд.* 1936. С. 274) обусловил выход второго издания уже в начале лета 1819 г. (*Тургенев Н.* Опыт теории налогов / 2-е изд. СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1819; цензурное разрешение — 30 мая 1819 г.).

68. Об истории создания «Опыта теории налогов» см.: *Тарасов* 1923. С. 148–154, 182–183, 231–232; *Тарасова В. М.* Из истории создания книги Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» // Тезисы докладов на научной конференции преподавателей Марийского пед. ин-та им. Н. К. Крупской по итогам научно-исследовательской работы за 1965 г. Йошкар-Ола, 1966. С. 21–23.
69. Н. И. имеет в виду следующие отклики — на 1-е изд.: *СО*. 1818. № XLVIII. С. 134–138 (6. п.); *Куницын А.* Рассмотрение книги: Опыт Теории Налогов, сочиненной Николаем Тургеневым // *СО*. 1818. № L. С. 207–225; № LI. С. 258–271 (обе статьи были помещены во втором издании «Опыта теории налогов»); на 2-е изд.: *СО*. 1819. № LI. С. 225–231 (подпись «Ф. Г.»); то же: *Глинка Ф.* Несколько мыслей о пользе политических наук. По случаю нового издания книги «Опыт теории налогов». СПб., 1819. Ср. также частные отклики тургеневского круга: В. Л. Пушкина (письмо П. А. Вяземскому от 16 декабря 1818 г.: *Ново-Басманная*, 19. М., 1990. С. 74; с ошибкой в дате: «Арзамас». Кн. II. М., 1994. С. 593); Н. М. Карамзина (письмо И. И. Дмитриеву от 28 ноября 1818 г.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 253); И. И. Дмитриева (письмо Н. И. от 21 ноября 1818 г.: *РС*. 1901. № 6. С. 566; письмо А. И. Тургеневу от 21 ноября 1818 г.: *Соч. И. И. Дмитриева*. Т. II: Проза. Письма. СПб., 1893. С. 237); В. А. Жуковского (о его пометах на «Опыте.» см.: *Тарасов* 1923. С. 247; *Янушкевич А. С.* Круг чтения В. А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. С. 472–482; «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 142); П. Б. Козловского (письмо Н. И. от 27 декабря 1819 г.: *Пугачев В. В.* Князь П. Б. Козловский и декабристы // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая. Вып. 58. Горький, 1963. С. 486); А. А. Прокоповича-Антонского (письмо Н. И. брату Сергею от 28 декабря 1818 г.: *Изд.* 1936. С. 273); А. Я. Булгакова (письмо П. А. Вяземскому от 25 ноября 1818 г.: *Исторический вестник*. 1881. № 5. С. 19); П. А. Вяземского (письмо А. И. Тургеневу от 1 декабря 1818 г.: *ОА I*. С. 158).
70. Известна лишь одна оперативная неблагоприятная публикация об «Опыте теории налогов» — странная анонимная статья «Замечания на книгу: Опыт теории о налогах» (*Дух журналов*. 1820. Кн. 4. С. 141–156; Кн. 5. С. 193–214; Кн. 6. С. 263–286; неокончена), автор которой рассматривал книгу Н. И. скорее как повод для собственных рассуждений, чем как материал для детального анализа. Н. И. ответил на первые две части статьи (*СО*. 1820. № IX. С. 97–104 [черновик: *ГАРФ*. Ф. 1094. Оп. 2. № 32]; № XI. С. 207–216). Подробнее см.: *Ликсанов Н.* Безвестные статьи Н. И. Тургенева: К истории русской публицистики // *Декабристы и их время*. Т. II. М., 1932. С. 113–129. Через несколько лет с критикой «Опыта.» выступил экономист Н. П. Демидов: [*Демидов Н. П.*] Некоторые замечания на Опыт Теории Налогов. Сочинение Николая Тургенева // *Отечественные записки*. 1826. Ч. XXVI. № 74. С. 414–434; *Он же*. О бумажных деньгах. СПб., 1829; *Он же*. Некоторые замечания на Опыт теории налогов, изданный г. Тургеневым. СПб., 1830. О резкой читательской помете современника на полях одного из экземпляров «Опыта...» см.: *Пытин А. Н.* Общественные движения в России при Александре I. СПб., 1900. С. 421. Примеч. 2. Вероятно, общее впечатление современников от книги подытожил Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 26 декабря 1818 г.: «Как ругают „Теорию налогов!“» (*ОА I*. С. 180).
71. Цензором обоих изданий «Опыта теории налогов» был И. О. Тимковский, «человек самый благородный и добрый» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 300), чья историческая репутация, сильно отличающаяся от тургеневской характеристики, сформировалась под влиянием поэтических инвектив Пушкина: стихотворений «Дельвигу» (1821), «Второе послание к цензору» (1824) и «Тимковский царствовал...» (1824).
72. Сведений, подтверждающих запрет «Опыта теории налогов» после 1825 г., нет; напротив, книга продолжала упоминаться в печати (см. коммент. 70 к т. 1), была доступна читателю и в продаже, и в публичных библиотеках (см., напр.: Реестр российским книгам, составляющим библиотеку для чтения в Москве, на Никольской улице <...> в доме С. Петербургского купца И. Глазунова. М., 1827. С. 136; Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина <...>. [Ч. II.] СПб., 1828. С. 168; Реестр российским книгам, географическим атласам и картам, планам и музыкальным сочинениям, продающимся в Москве, у <...> И. Глазунова. М., 1829. С. 137; Реестр российским книгам, географическим атласам и картам, планам, портретам и музыкальным сочинениям, продающимся в Москве и в С. Петербурге у <...> А. В. Глазунова. М., 1831. С. 284).

73. См. об этом в статье С. В. Житомирской, наст. изд., с. 636–637.
74. Несомненно, речь идет о В. А. Жуковском (не аргументируя свое мнение, в его пользу при обсуждении этого пассажа выступали В. И. Семевский и А. Н. Пыпин, см.: *Семевский* I. С. 505; *Пыпин А. Н.* Общественные движения в России при Александре I. С. 386. Примеч. 1). Хотя сам поэт писал, что еще в 1818 г. вступить в Союз благоденствия ему предложил один из московских лидеров организации — А. Н. Муравьев (см.: Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. Т. X. СПб., 1902. С. 22), именно в воспоминаниях С. П. Трубецкого сохранилось свидетельство о знакомстве Жуковского с так называемой «Зеленой книгой» — уставом Союза благоденствия: «Жуковский, которому он был впоследствии предложен для чтения, возвращая его, сказал, что он заключает в себе мысль такую благодетельную и такую высокую, для выполнения которой требуется много добродетели, и что он в состоянии выполнить его требования, но что, к несчастью, он не чувствует в себе достаточной к тому силы» (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. С. 293). О личных и интеллектуальных отношениях Жуковского с декабристами см.: *Дубровин Н.* Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // *РС.* 1902. № 4. С. 45–119; *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 159–190. Об отношениях Жуковского и братьев Тургеневых см. наст. изд., по указ.
75. Речь идет об А. Ф. Орлове (см.: *Корнилов А. А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 82), брате члена Союза благоденствия М. Ф. Орлова. Отношение Орлова к тайным обществам совсем иначе запомнилось другому мемуаристу — А. Х. Бенкендорфу: «Орлов, узнав, что в его полку есть литературные общества офицеров, и не предвидя ничего доброго, созвавши их, объявил, что не допустит заводить никаких обществ и поступит по всей строгости, если узнает впредь» (цит. по: *Русский биографический словарь.* Т. Обезьянинов—Очкин. СПб., 1905. С. 331). Действительно, А. Ф. Орлов принимал участие в подавлении мятежа Семеновского полка в 1820 г., а 14 декабря 1825 г., будучи командиром лейб-гвардии Конного полка, быстро привел своих солдат к присяге Николаю I, вывел полк на Сенатскую площадь и попытался разогнать мятежников решительной кавалерийской атакой (см., напр.: *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926, по указ.). Однако и в этой решительности современники видели двуличие: «полк свой он вывел на неподкованных лошадях, что в случае успеха заговорщиков могло служить ему заслугой перед ними» (*Долгоруков П.* Петербургские очерки... С. 474; ср. с. 271–272). 25 декабря 1825 г. А. Ф. Орлов был возведен в графское достоинство и вскоре стал доверенным лицом императора.
76. Речь идет об изд.: *Commentaire sur l'ouvrage de Filangieri par M. Benjamin Constant.* [Pt. I.] Paris, 1822. В августе 1822 г. Н. И. записал в дневнике: «Я читаю теперь Constant Commentaires sur Filangieri. Мне очень по вкусу. Определяет и изъясняет идеи, которые иногда мне представлялись по разным случаям» (*АБТ* V. С. 323). По наблюдению А. Н. Шебунина, «это обстоятельство опровергает утверждение Тургенева, что после 1821 года [см., напр., наст. изд., с. 62–63] он не имел никакой связи с тайным обществом» (*Шебунин А.* Западно-европейские влияния в миросозерцании Н. И. Тургенева // *Анналы.* 1923. № 3. С. 206. Примеч. 99).
77. Конституционные симпатии Мордвинова были общеизвестны (ср. реплику Н. М. Муравьева: «...хотел соединить хартию с рабством крестьян»: *ВД* I. С. 292), но не получили последовательного развития в каком-либо проекте (см.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 70–71). Ср. проект Государственной думы (показательные варианты названия: «Дума Вельмож», «Верховная Палата»), разработавшийся Мордвиновым на рубеже 1810-х гг., членство в которой первоначально определялось пожалованием императора, а затем становилось наследственным (сохранившийся набросок см.: *Архив графов Мордвиновых.* Т. IV. СПб., 1902. С. VIII–IX); недатированную записку Мордвинова «Для составления палат государственных», предусматривавшую двухпалатный парламент, где в верхнюю палату «дворянское сословие избирает <...> дворянских представителей», а нижняя палата формируется из «народных представителей, избираемых дворянским сословием, купечеством, фабрикантами и заводчиками» (Там же. С. III–IV); также см. записку «О представителях областных» (1816; Там же. С. 155–158) и др.
78. «Мысль об издании журнала» возникла у Н. И. осенью 1818 г. (см. его дневниковые записи от 27 октября и 31 декабря: *АБТ* V. С. 161, 181) и окончательно оформилась в январе 1819 г., когда были созданы два варианта «проспектуса» журнала и «журнального общества»: написанные в первых числах января

- Мысли о составлении общества под названием...» («<...> написал неправильный проспектус моему обществу, кот<орое> можно бы назвать обществом 19 года и XIX века, а журнал его Россиянином XIX века»: дневниковая запись от 3 января 1819 г.: Там же. С. 183; •Мысли...» опубл.: Там же. С. 367–372) и подготовленная в 20-х числах января «Программа журнала: Архив Политических наук и Российской Словесности. [От издателей]» (Там же. С. 185; пометка на обложке рукописи: 1 февраля; «Программа...» опубл.: Там же. С. 373–382). 21 января состоялось первое заседание «общества» (Там же. С. 185). По-видимому, существенную роль в его организации играл А. П. Куницын, в числе других участников журнала первоначально предполагались Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка, М. К. Грибовский (отзыв Грибовского о журнале и указание в числе его возможных участников П. Я. Чаадаева и В. К. Кожельбекера см.: Декабристы в воспоминаниях современников М., 1988. С. 184–185), И. Г. Бурцов, П. И. Колошин, А. А. Шаховской и А. С. Пушкин (обложка «Мыслей»: *АБТ V*. С. 367; фотокопия: *Фамин А. К.* Истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века. [Пг., 1915]. С. 12/13); в дальнейшем — Жуковский, Вяземский, Н. А. Старынкевич, С. И. Тургенев (письмо Н. И. брату Сергею от 24 января 1819 г.: *Изд.* 1936. С. 274), И. И. Пущин, Д. Н. Маслов (*Пушкин И. И.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999. С. 62), И. И. Дмитриев (письмо А. И. Тургенева Дмитриеву от 6 мая 1819 г.: *РА*. 1867. Стлб. 647), М. Ф. Орлов (*Шебунин А. Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // *Изд.* 1936. С. 68–69), И. А. Долгоруков (*Нечкина I. С.* 248) и, по-видимому, некоторые другие (см., напр., далее в тексте «России и русских», с. 104). Работа общества была малоэффективной (о его заседаниях 10 апреля и 23 октября 1819 г. см.: *АБТ V*. С. 191, 213–214) и сошла на нет к началу 1820 г. Готовя материал для журнала, в конце февраля Н. И. без энтузиазма принялся за «обозрение теперешнего состояния государств европейских» (*Изд.* 1936. С. 277; ср.: *АБТ V*. С. 187; возможно, речь шла о переработке начатого в 1817 г. «Сопоставления Англии и Франции», см.: *Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В.* Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции» // *ОДР*. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 137; ср. коммент. 111 к т. 1); примерно с конца марта и вплоть до января 1820 г. — работал над задуманной еще в конце 1816 г. «Теорией политики», но так и не завершил ее (см.: *АБТ V*. С. 12, 102, 191; опубл.: [Ч. II] Там же. С. 382–398; [Ч. I] *Ланда С. С.* Неизвестный политический трактат декабриста Н. И. Тургенева // *Проблемы истории общественной мысли и историографии*. М., 1971. С. 82–92; *Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В.* Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева. (Первая часть «Политики») // *ОДР*. [Вып.] 1. Саратов, 1971. С. 105–125).
79. Н. И., вероятно, имеет в виду свой труд «Теория политики» (см. коммент. 78 к т. 1); работая над ним, он написал в дневнике: «Тетрадь моя Политики, у Сарториуса слушанной, служит мне канвой, по которой или на которой я шью» (*АБТ V*. С. 191). Лекции немецкого историка и экономиста Георга Сарториуса Н. И. слушал в Геттингенском университете (см.: *Тарасов* 1923. С. 116–126; о сильном влиянии лекций Сарториуса на «Опыт теории налогов» см.: Там же. С. 239–243), после его окончания он продолжал поддерживать отношения с Сарториусом и внимательно следил за его работами (см.: *Изд.* 1936, по указ.).
80. Н. И., со времен учебы в Геттингенском университете интересовавшийся теорией судопроизводства, вплотную приступил к соответствующим темам в сентябре 1820 г. (см.: *АБТ V*. С. 239), т. е. почти через год после того, как отказался от издания журнала; свою работу он мыслил в виде книги наподобие «Опыта теорин налогов» (см.: *Изд.* 1936. С. 319 и др.; *СО*. 1824. № XXVII. С. 26). Результатом многолетних занятий, во многом, по собственному признанию Н. И., основанных на работах геттингенского профессора, юриста Х. Геде (см.: *Изд.* 1936. С. 338, 349), стало несколько сочинений, частично опубликованных в журнале «Сын отечества» под названием «Теория уголовного права» (1823. № XLIX. С. 97–117; 1824. № VII. С. 291–316; № XXIII. С. 97–109; № XXVII. С. 26–33; № XXXI. С. 193–211; ср.: *Тарасова В. М.* Новое о декабристе Н. И. Тургеневе // *Исторические записки*. Т. 96. М., 1975. С. 273–274; рукописные материалы см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1328, 2048, 1131, 1132² и др.), и созданная в октябре–ноябре 1821 г. по поручению М. А. Милорадовича записка «Мысли о возможных исправлениях российского судопроизводства» (см.: *Ильин-Тамич А. А., Курилкин А. Р.* Из писем Ф. Н. Глинки Н. И. Тургеневу // *НЛО*. В печати; *АБТ V*. С. 298, 300, 302; частично опубл.: Архив графов Мордвиновых. Т. VI. СПб., 1902. С. 299–312; рукописные материалы см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1132¹, 1132²), направленная Н. И. также М. М. Сперанскому (см.: *АБТ V*. С. 298, 303) и Н. С. Мордвинову. По свидетельству ряда декабристов, Н. И. работал над юридическими темами в рамках деятельности тайных обществ (см. показания М. И. Муравьева-Апостола: *ВД I*. С. 210; показания Е. П. Оболенского: Там же. С. 267; *Волконский С. Г.* Записки. С. 375); «Мысли о возможных исправлениях...»

активно распространялись в декабристской среде (см. показания А. С. Гангелова: *ВД XVIII*. С. 33). Подробнее см.: *Семевский* 1909. С. 555–568, 573–577; *Тарасов* 1923. С. 260–273 (включая сопоставление с работами и лекциями Гёде); *Салодкин И. И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 129–169; *Дядькин Л. А.* Судебно-процессуальные воззрения декабриста Н. И. Тургенева // Вопросы истории государства и права. Вып. I. [Саратов], 1977. С. 54–73; *Он же.* Судебно-процессуальные взгляды декабриста Н. И. Тургенева. Саратов, 1979.

81. Представителями московского филиала Союза благоденствия, прибывшими в ноябре 1820 г. в Петербург для обсуждения дел общества, были М. А. и И. А. Фонвизины (подробнее см.: *Житомирская С. В., МIRONENKO С. В.* Декабрист Михаил Фонвизин // *Фонвизин* I. С. 42, 44–46); живший тогда в Петербурге Н. И. «познакомился вновь с приехавшими сюда Ф_{он}-Визинными и несколько вечеров отдыхал в их беседе» (дневниковая запись от 4 декабря 1820 г.: *АБТ V*. С. 253; ср.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 82). Оценивая состояние Союза благоденствия в конце 1820 г., Н. И. исходит из общего замысла «России и русских»; другие члены общества, в сходных выражениях говорившие о его бездеятельности (см., напр.: *Якушкин* 1993. С. 105), имели в виду несоответствие тактики Союза благоденствия быстро радикализировавшейся в это время декабристской идеологии (о ее динамике в 1820 г. см., напр.: *Нечкина* I. С. 313–318).
82. На деловые мотивы поездки в Москву Н. И. последовательно указывал во всех оправдательных записках (*КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 82–83; *РС*. 1901. № 9. С. 637); однако за несколько часов до отъезда из Петербурга он писал об этом брату Сергею во вполне определенном тоне: «Проездить никогда не худо — к тому же и в дилжансе. К тому же и Матушка писала, чтобы приехал» (*Изд.* 1936. С. 324–325); в феврале 1821 г. Н. И. совершил поездку в симбирское имение Тургенево, однако решение об этом он принял уже в 20-х числах января (Там же. С. 447; примеч. А. Н. Шебунина).
83. В действительности решение о роспуске Союза благоденствия было принято «во-первых, для того, чтобы этим отвлечь от него внимание правительства, во-вторых, чтобы избавить его от некоторых членов, которых нравственный характер не соответствовал ни духу, ни направлению Союза. Это упразднение его было мнимое, и он оставался тем же, чем был, но членам его предписано было поступать осторожнее» (*Фонвизин* II. С. 187–188). После объявления о ликвидации Союза благоденствия, сделанного Н. И. на открытом заседании съезда, его работа, связанная с выработкой устава новой декабристской организации, продолжилась.
84. Известия об осведомленности правительства о деятельности Союза благоденствия явились одной из главных причин московского съезда и последующего роспуска общества (подробнее о доносах см.: *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 30–41; *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 101–111; *Федоров В. А.* Доносы на декабристов (1820–1825 гг.) // *Сибирь и декабристы*. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 130–136). «С самого начала съезда было получено из Петербурга» от тамошней Думы сообщение, что правительство следит за действиями тайного общества и что будет осторожнее прекратить гласное существование общества и положить закрытие оно» (*Волконский С. Г.* Записки. С. 366; ср., напр.: *Фонвизин* II. С. 187).
85. Речь идет об А. П. Ермолове, в 1816–1827 гг. командующем Отдельным Грузинским (с 1820 — Кавказским) корпусом, управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. «В 22 году генерал Ермолов, вызванный с Кавказа начальствовать над отрядом, назначенным против восставших неаполитанцев, прожил некоторое время в Царском Селе и всякий день выдался с императором. Неаполитанцы были уничтожены австрийцами прежде, нежели наш вспомогательный отряд двинулся с места, и Ермолов возвратился на Кавказ. В Москве, увидев приехавшего к нему М. Ф_{он}-Визина, который был у него адъютантом [в 1812 г.], он воскликнул: „Поди сюда, величайший карбонари“. Ф_{он}-Визин не знал, как понимать такого рода приветствие. Ермолов прибавил: „Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы и я желал, чтобы он меня боялся“» (*Якушкин* 1993. С. 123; ср. показания Фонвизина: *ВД* III. С. 74; показания Н. М. Муравьева: *ВД* I. С. 298, 304). И Н. И., и Якушкин ошибаются в датировке этого эпизода, он произошел уже после московского съезда, в сентябре — начале октября 1821 г. (см.: *Житомирская С. В., МIRONENKO С. В.* Декабрист Михаил Фонвизин... С. 43).

86. В действительности М. Ф. Орлов объявил о своем выходе из Союза благоденствия после отказа московского съезда принять представленные им проекты реорганизации общества, открытия тайной типографии, организации печатания фальшивых денег и, по-видимому, немедленного военного восстания (см.: *Якушкин* 1993. С. 114; [*Грибовский М. К.*] Записка о Союзе благоденствия... // *Декабристы в воспоминаниях современников*. С. 185; ср.: *Лотман* 1997. С. 405–407; *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...» Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825 гг. М., 1975. С. 188–195), причем радикальность предложений Орлова дала повод думать о его намерении таким образом порвать с обществом и «прекратить все сношения» с его членами (*Якушкин* 1993. С. 114). Н. И. впоследствии отрицал свое участие в этом заседании съезда (*Тургенев Н.* Письмо к редактору «Колокола» // *Колокол*. 1863. Л. 155 (1 февраля). С. 1289). Позиция Орлова на московском съезде стала предметом оживленной мемуарной и научной полемики; в настоящее время искренность его предложений считается доказанной. Подробнее см.: *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения... С. 46–95; *Пугачев В. В.* Декабрист Орлов и московский съезд Союза благоденствия // *Ученые записки Саратовского ун-та*. Т. LXVI. Вып. исторический. Саратов, 1958. С. 82–115; *Миронова И. А.* Записки И. Д. Якушкина о движении декабристов // *Археографический ежегодник за 1957 год*. М., 1958. С. 149–154.
87. Бездействие смоленской администрации во время голода 1820 — начала 1821 г. спровоцировало частный сбор средств в пользу бедствующих крестьян и обращение смоленского дворянства к управляющему Министерством внутренних дел В. П. Кочубею. Эта инициатива, объединившая членов Союза благоденствия И. Г. Бурцова, М. Н. Муравьева, И. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина, будущего члена Общества соединенных славян А. И. Тютчева, будущего члена Следственного комитета В. В. Левашева и, по-видимому, многих других, вызвала содействие московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына и резко отрицательную реакцию самого Кочубея. Сообщая Александру I о помощи смоленским крестьянам, он писал, что «некоторые лица, вероятно с целью очернить правительство, пожелали пожертвовать большие суммы и подчеркнуть этим его мнимое безучастие» (письмо от 8 апреля 1821 г. *РС*. 1902. № 7. С. 390; о сходном мнении императора см. оправдательное письмо И. Г. Бурцова П. Д. Киселеву от 29 января 1823 г.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб., 1882. С. 28–29). «Пришлось собирать пожертвования тайно», — писал в третьей оправдательной записке Н. И. (*РС*. 1901. № 8. С. 273). Подробнее см.: *Якушкин* 1993. С. 117–119, 121; *Кропотов Д. А.* Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874. С. 120–129; об участии Н. И. в распространении подписки см.: *Тарасова В. М.* О неопубликованных письмах 1821 г. декабриста Николая Ивановича Тургенева к брату Александру Ивановичу // *Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной*. М., 1976. С. 47–48.
88. Речь идет о так называемом «московском заговоре» — высказанном И. Д. Якушкиным на одном из заседаний Союза спасения в сентябре 1817 г. предложении «прекратить царствование им<ператора> Александра» — «отправиться с двумя пистолетами к Успен<скому> собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого — в себя» (*Якушкин* 1993. С. 87–88; о датировке см.: *Житомирская С. В., Мироненко С. В.* Декабрист Михаил Фонвизин... С. 20). Причиной инициативы Якушкина был слух о намерениях Александра I освободить крестьян, спровоцировав тем самым антипомещичьи выступления, и, воспользовавшись беспорядками, за счет российских территорий восстановить Польшу в ее исторических границах (см.: *Мироненко С. В.* «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // *Революционеры и либералы России*. М., 1990. С. 239–250).
89. Эта записка Н. И. неизвестна; сам факт ее существования, подтвержденный лишь доносом М. К. Грибовского (Декабристы в воспоминаниях современников. С. 185) и не очень отчетливыми показаниями М. А. Фонвизина (*ВД* III. С. 73), проблематичен. См.: *Шевунин А. Н.* И. Тургенев в тайном обществе декабристов. С. 138; *Азадовский* 1992. С. 31–32, 322.
90. Речь идет об И. Д. Якушкине, подробно изложившем историю этой неудачи в своих «Записках» (*Якушкин* 1993. С. 95–101; тексты прошений Якушкина см.: Там же. С. 259–263; другие документы дела: *Лавров Н. К.* История освобождения крестьян декабриста И. Д. Якушкина // *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 250–257). Якушкин планировал освободить крестьян без земли, что противоречило указу о вольных хлебопашцах (1803) и послужило основанием для отказа на его прошение в январе 1820 г. Подробнее см.: *Семевский* I.

- С. 459–462. По свидетельству Якушкина, Н. И. рекомендовал его С. С. Джунковскому, тогдашнему директору Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, где в течение полугода рассматривалось дело Якушкина (*Якушкин* 1993. С. 100). После выхода «Записок» Якушкина в свет (1862) Н. И., выступив с опровержением ряда касавшихся его деталей, подтвердил свое участие в этом деле, но отметил, что «никакого письма [к Джунковскому] ему не давал, да и дать не мог, не зная вовсе Джунковского» (*Тургенев Н.* Письмо к редактору «Колокола». С. 1289).
91. Ср. известную записку Мордвинова «Освобождение от зависимости» (1816; Архив графов Мордвиновых. Т. V. СПб., 1902. С. 141–145), предлагавшую безземельное освобождение крестьян с выплатой ими значительной компенсации землевладельцам: «<...> дарование свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ниже вредными последствиями, когда располагаемо бывает с некоторой постепенностью, когда свободными делаются не все вместе и единовременно, без воззрения на степень просвещения и спелость всего, что в гражданском состоянии относится к человеку, но когда благо сие представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку, ибо сим токмо ознаменовывается всегда зрелость гражданского состояния» (Там же. С. 142); также ср.: *Иконников В. С.* Граф Н. С. Мордвинов: Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 235–241; *Семевский* I. С. 440–443; *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 65–67.
92. Сатира «Бронзовый век» была написана Д. Г. Байроном в 1822 г. в связи с Веронским конгрессом, где обсуждалась ситуация в революционной Испании; значительное место Байрон уделил критике Александра I. Прочитавший «Бронзовый век» П. А. Вяземский написал А. И. Тургеневу, что в сатире Байрон «хлещет всех жильцов по этажам глупости, начиная от низменных Красовских до тех, которые — уж выше, кажется, нельзя» (письмо от 18 ноября 1823 г.: ОА II. С. 367; А. И. Красовский был в 1820-х гг. цензором Петербургского цензурного комитета).
93. Д. А. Гурьев, министр финансов в 1810–1823 гг., «человек умный, <...> не имеющий другого образования, кроме умения свободно изъясняться по-французски, интриган и честолюбец в высшей степени; <...> легко поддается на проекты; всем жертвует своему желанию удержаться в милости и увеличить свое состояние» (*Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! С. 251; ср., впрочем, отклик сотрудника Н. И. по Министерству финансов: *Записки А. И. Михайловского-Данилевского // Исторический вестник.* 1890. № 10. С. 131–137; 1892. № 8. С. 275–277).
94. С марта 1812 по октябрь 1813 г. Н. И. был ученым секретарем V отделения Министерства финансов (формально числился по Министерству финансов вплоть до 14 января 1816 г.; см.: *АБТ V.* С. 444; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вып. IV. СПб., 1891. С. 222), где работал вместе с профессором (а впоследствии — ректором) Санкт-Петербургского педагогического института М. А. Балугьянским, который «на жизнь практическую, а тем более на управление какой-либо частью или на доведение какой-либо важной работы до полного ее совершения <...> никогда не был способен» (Сперанский в 1808–1811 гг. Дополнительные заметки [М. А. Корфа] к «Жизни графа Сперанского» // *РС.* 1903. № 4. С. 35; ср.: *Изд.* 1939. С. 225; подробный перечень подготовленных Балугьянским в Министерстве финансов проектов см. в его записке Д. А. Гурьеву: *Русский биографический словарь.* Т. II. Алексинский-Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 453; ср.: *Косачевская Е. М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971. С. 207–265). Другим сотрудником Н. И. по V отделению был профессор Галлеского (Пруссия) и Харьковского университетов Людвиг Генрих (Людвиг Кондратьевич) Якоб, чьи работы Н. И. штудировал в Геттингене (см.: *АБТ I.* С. 244–245).
95. Первое предложение поступить на службу в Министерство финансов Н. И. получил от Д. А. Гурьева через М. А. Балугьянского (ср.: «с некоторого времени я от многих слышал, что М<инистр> Ф<инансов> отзывается и говорит обо мне хорошо» — дневниковая запись от 19 марта 1819 г.: *АБТ V.* С. 189), а затем через К. В. Нессельроде (см.: Там же. С. 190). Вскоре Н. И. встретился с Гурьевым (ср.: «Он принял меня весьма благородным образом. „Все старое надобно забыть“ — были слова его. Потом он сказал: „Вы знаете мои правила“. Я обрадовался, найдя в Гурьеве хорошего человека» — дневниковая запись от 27 марта 1819 г.: Там же; также ср.: *Изд.* 1936. С. 279–280) и, поддавшись инерции служебно-го роста и будучи заинтересованным в повышении жалованья, согласился возглавить III отделение

- Канцелярии Министерства финансов, хотя и отнесся к новой должности со скепсисом, видя в ней множество «хлопот и занятий, более скучных, нежели интересных» (*АбТ V. С. 190*; ср. с. 193; *Изд. 1936. С. 280, 284*). «[Н. И.] сделан управляющим III отделения Министерства финансов, — писал 6 мая А. И. Тургенев И. И. Дмитриеву, — которое давно желало иметь его, но брат не соглашался вступать снова в оное и убежден был только счастливым negociатором, графом Нессельроде и благородным характером министра. Он с ним будет в непосредственных сношениях. Часть сия делается теперь весьма важною; ибо к ней относятся все кредитные установления, банки, сношения по займам и по переводам сумм в чужих краях и долги внутренние» (*РА. 1867. Стлб. 647*). 7 мая Н. И. вступил в новую должность (см.: *АбТ V. С. 195*).
96. «*La Minerve française*», полупериодическое либеральное издание, выходившее в Париже с февраля 1818 по март 1820 г. Н. И. постоянно читал его в конце 10-х гг., выделяя среди публикаций статьи Бенжамена Констана (см.: *АбТ V*, по указ.; *Изд. 1936. С. 266*). В кругу Н. И. «Минерва» также пользовалась большой популярностью; П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Читаешь ли „Минерву“, катехизис друзей положительной свободы? Какой твердый и ясный ум у этого Benjamin! Отними иногда личное пристрастие, личные выгоды, и он важнейшие политические, то есть государственные, задачи решит как дважды два — четыре» (письмо от 3 декабря 1818 г.: *ОА I. С. 161*; ср. письмо А. И. Тургенева И. И. Дмитриеву от 24 апреля 1820 г.: *РА. 1866. Стлб. 1703*).
97. П. А. Толстой, российский посланник во Франции в 1807–1808 гг., убежденный противник русско-французского союза; «любезный человек, благородный в душе», каких «немного в Петербурге» (письмо Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву от 26 февраля 1817 г.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 207), близкий знакомый Тургеневых (см.: *АбТ I*, по указ.; Сочинения И. И. Дмитриева. Т. II. Проза. Письма. С. 271; *Изд. 1936*, по указ.). О встрече с ним в Нанси в 1815 г. Н. И. упоминал в письме к брату Сергею ([б. д.] Там же. С. 141). В 1826 г. Толстой вошел в состав Верховного уголовного суда и возглавил Разрядную комиссию, что повлекло за собой, в частности, демонстративный разрыв с ним А. И. Тургенева (см.: *Изд. 1964. С. 468*).
98. Ср. реплику Константина Павловича о М. Ф. Орлове: «<...> Константин Павлович <...> подойдя к Алексею Федоровичу Орлову <...> с обычной своей любезностию сказал ему: „Ну слава Богу! Все хорошо; я рад, что брат коронован! А жаль, что твоего брата не повесили!“» (*Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний и жизни. М., 1998. С. 249*; ср.: *Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 184*). Об общении Константина Павловича с Тургеневыми в 1825 г. см. письмо великого князя А. И. Дибичу от 9 января 1826 г.: *Литературный вестник 1904. Т. VIII. С. 211*; отзыв Константина Павловича о второй оправдательной записке Н. И. см.: *КА. 1925. Т. 6 (13). С. 69*.
99. А. К. Разумовский, российский посланник в Австрии в 1801–1807 гг., представитель России на Шатильонском конгрессе, участник Венского конгресса и Вторых парижских мирных переговоров. В 1815 и 1819 гг., в виду заслуг и расстроенного финансового положения, Разумовский получил крупные ссуды на льготных условиях (см.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. IV. Светлейший князь Андрей Кириллович. Ч. II. СПб., 1887. С. 546–547, 579–580; Изд. 1964. С. 379*).
100. Н. И. работал над проектом в августе–октябре 1819 г. и тогда же представил его Д. А. Пурьеву (см.: *АбТ V. С. 206–210, 212; Азадовский 1992. С. 326*). Черновик см.: *ЦИАМ. Ф. 1875. Оп. 1. № 7. Л. 4–18, 29–34 об.*
101. Ср. дневниковую запись Н. И. от 30 июля 1820 г.: «Сегодня <...> я сказал Министру, что намерен обеспокоить его моею собственною просьбою об увольнении, и вместе с этим отдал ему мою просьбу. Он прочел и очень хладнокровно спросил меня: разве я обременен другими делами? Я сказал, что нет, но имею свои причины. <...> Выйти из М<инистерст>ва Ф<инансо>в я решился вчера, услышав, что проект о гербовой бумаге рассматривается у Мин<ист>ра. За год перед сим он поручал мне эту работу. Отдав ему ее, я не слышал более от него о ней ни слова. Теперь он поручил ее другому и рассматривает сделанное другим. Таким образом с честными людьми не поступают. <...> Близжайшая невыгода моего удаления от М<инистерст>ва Ф<инансо>в есть умень<ь>шение жалованья, кот<орое> в теперешних моих обстоятельствах для меня важно. Другая невыгода — лишение выгод службы; но это не могло бы быть значительно» (*АбТ V. С. 233–234*; ср. с. 237; *Изд. 1936. С. 309*). Чиновником, занимавшимся проектом о гербовой бумаге вслед за Н. И., был М. С. Кайсаров (см.: Там же. С. 314–315).

102. «Что Гурьевы не любят Николая Т., — писал 4 января 1821 г. К. Я. Булгаков своему брату Александру, — я это также давно слышал, хотя он оставил департамент финансов не по неудовольствию» (РА. 1902. № 12. С. 495).
103. Текст «журнала» см.: Архив графов Мордвиновых. Т. V. СПб., 1902. С. 551–573 (на с. 551 ошибочно «1822» вместо «1821»).
104. Указ Александра I «О гербовом и крепостном сборе» последовал 24 ноября 1821 г. (см.: ПСЗ. Т. XXXVII. С. 918–927), в ближайшие годы он постоянно корректировался и дополнялся (см.: ПСЗ. Т. XLII. С. 315–317).
105. Ср. дневниковую запись Н. И. от 25 ноября 1821 г.: «Ол<енин> призвал брата и меня <...> и сказал, что Государь с негодованием говорил, что мы в Англ<ийском> клубе распространяем то, что делается в Совете. <...> я твердо отвечал Ол<ени>ну, что я могу дать присягу, что сие обвинение несправедливо. Потом я сказал, что представляю коротенькое к нему письмо, кот<орое> прошу его показать Государю» (АБТ V. С. 305). Оправдываясь в письме, Н. И. ссылался на свою репутацию: «Некоторые люди обвиняют меня в излишней либеральности. Сие обвинение я заслужил мнениями моими о крепостном состоянии крестьян. <...> Из противника крепостного состояния крестьян сделали какого-то члена какой-то оппозиции, смешной и немислимой в России» (полный текст см.: ИРЛИ. Ф. 309. № 717д; черновик: ЦИАМ. Ф. 1875. Оп. 1. № 5; дата обоих документов 24 ноября). 30 ноября государственный секретарь А. Н. Оленин сообщил Н. И., что «представил письма <...> Государю, который и оставил их у себя» (АБТ V. С. 306).
106. «У нас тут новый министр юстиции, кн. Лоб<анов>-Рост<овский>, ген<ерал> от инф<антерии>. — писал Н. И. брату Сергею 30 августа 1817 г. — Таким образом, у министра юстиции будут адъютанты — адъютант мин<истра> юст<иции>!!» (Изд. 1936. С. 230).
107. Н. И. работал над ним в январе–марте 1822 г. и тогда же представил его в Департамент законов Государственного совета (см.: АБТ V. С. 312–315, 317–319, 345–346; Азадовский 1992. С. 325). Фрагмент черновика проекта см.: ЦИАМ. Ф. 1875. Оп. 1. № 16. Л. 82–87.
108. В действительности ощущение «бесцелия в жизни» (дневниковая запись от 4 апреля 1823 г.: АБТ V. С. 347; ср. с. 320, 321, 324, 336 и др.), разочарование в государственной службе и расстроенное здоровье подтолкнули Н. И. к мысли о перенеме места жительства еще в середине 1822 г. Напряженно обдумывая этот вопрос в течение года, он предполагал то «ехать в Швейцарию», то «искать места Генерального Консула», то «быть в Москве Обер-Прокурором», то «навсегда поселиться где-нибудь в Крыму», то предпочесть «жизнь деревенскую, около Москвы» или, с иронией, «быть содержателем трактира во Флоренции» (Там же. С. 332, 319, 324, 337, 339, 348–351). Только узнав о скорой отставке генерального консула России в Лондоне А. Я. Дубачевского, Н. И. решился через М. М. Сперанского ходатайствовать именно об этом месте (см.: Там же. С. 351).
109. Ср. дневниковую запись Н. И. от 11 августа 1823 г.: «Он принял меня отменно ласково; говорил, что консульской вакансии <...> нет, что я полезен в Совете, что Г<осударь> знает мой ум, что Русской, что надобно служить в России. <...> Между прочим Гр<аф> Ар<акчеев> сказал мне: Г<осударь> знает ваши нужды. Пенсия, к которой вы представлены, будет; сверх того Г<осударь> велел спросить чего вы еще желаете; он согласен сделать пожертвование. Я отвечал, что мне ничего не нужно <...>» (АБТ V. С. 353).
110. Ср. письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 1 апреля 1824 г.: «В прошедшую пятницу граф Аракчеев призвал брата Николая и показал ему два указа. Одним пожалован он в действительные статские советники, другим отпущен с жалованьем бессрочно в чужие края, и велено выдать 1000 червонцев на дорогу. Словесно — много приятного и лестного. Это нас очень порадовало и тем более что неожиданно» (ОА III. С. 28; текст упомянутых указов, подписанных Александром I 27 марта, см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вып. VI. СПб., 1893. С. 118); 7 апреля Н. И. был официально уведомлен об этом (см.: ИРЛИ. Ф. 309. № 717г). Ср. также рассказ Н. И. Греча: «Николай Иванович Тургенев, будучи статс-секретарем Государственного совета, пользуясь разными окладами и т. п., толковал громогласно о всех министрах, и особенно истощал все свое красноречие на обличение Аракчеева. В начале 1824 года изъявил он желание ехать за границу: ему дали чин действительного статского советника, орден Владимира 3-й степени и, кажется, тысячу червонцев на проезд. <...> Вечером в апреле (1824) мы шли с Булгариным по проспекту, увидели отдыхающего Тургенева и присели к нему. Булгарин стал рассказывать, как я накануне в большой компании

- уличал гравера Уткина в лености и говорил: „Ты выгравировал картофельный нос Аракчеева, получил за это пенсию и перестал работать“. Булгарин думал, что рассмешишь Тургенева, вышло иное; он сказал с некоторою досадою: „С чего взяла, будто у Аракчеева картофельный нос: у него умное русское лицо!“ Нас так и обдало кипятком. „Вот наши либералы! — сказали мы в один голос. — Дай им на водку, все простят!“» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни*. С. 443–444); ср. реплику Ф. В. Булгарина: «Николай Тургенев нашел, что у Аракчеева прекрасное русское лицо, когда он доставил ему 1000 черв<онцев> на дорогу!» (Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 113).
111. Речь идет об «Арзамасском обществе безвестных людей», формально просуществовавшем с осени 1815 по зиму 1817/18 г. Хотя общество и возникло в ходе сугубо литературной полемики с «шишковистами», уже с конца 1816 г. внимание «арзамасцев» начало смещаться в сторону общественной проблематики. Так, Жуковский писал о Н. И. его брату Александру: «Враг ханов должен быть Арзамасцем. Тащи его в „Арзамас“» (письмо от 31 октября 1816 г.: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 166. По мнению А. Н. Шебунина, «ханов» — описка, следует читать — «хамов» (*Шебунина А. Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // *Изд.* 1936. С. 34. Примеч. 2); «хам» в словоупотреблении Н. И. — в зависимости от контекста либо сторонник крепостного права, либо крепостной крестьянин). Речь, произнесенная Н. И. при вступлении в общество в феврале 1817 г., носила отчетливо политический характер (опубл.: «Арзамас». Кн. 1. С. 389–391); по собственному свидетельству Н. И., на одном из заседаний «Арзамаса» 1817 г. члены общества «отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней: все согласны в необходимости уничтожить рабство» (дневниковая запись от 29 сентября 1817 г.: *АБТ V*. С. 89). Подчеркивая «легкомыслие» «Арзамаса», спустя три десятилетия Н. И. едва ли не первым из его членов публично признает и внелитературные интересы общества (см.: «Арзамас». Кн. 1. С. 472, коммент. В. Э. Вацуро и О. А. Проскурина). С участием Н. И. в «Арзамасе» традиционно и не вполне точно связывают резкую политизацию общества и замысел «арзамасского журнала», для которого Н. И. в августе–сентябре 1817 г. работал над «Сопоставлением Англии и Франции» (опубл.: *Бешенковский Е. Б., Былинкас М. Я., Пугачев В. В.* Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции». С. 108–136; см.: *Благой Д.* Социально-политическое лицо «Арзамаса» // «Арзамас» и «арзамасские» протоколы. Л., 1933. С. 14–20; *Пилльсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 122–124 и др.; *Вацуро В. Э.* В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас». Кн. 1. С. 24–25). О литературной позиции Н. И. см. коммент. 64 к т. 2.
112. Речь идет о Д. Н. Блудове, одном из основателей и активнейших членов «Арзамаса» (ср., напр., запись Н. И. о его первом арзамасском заседании: *АБТ V*. С. 31; по мнению П. Е. Щеголева, именно Блудов засвидетельствовал лояльность «Арзамаса» на следствии по делу декабристов, см.: *Щеголев П.* Из двадцатых годов: Заметки и материалы // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. II. СПб., 1904. С. 80), участнике работы Следственного комитета по делу декабристов и авторе итогового документа ее работы — «Всепопданнейшего доклада высочайше учрежденной Следственной комиссии от 30 мая 1826 г.», после ряда изменений ставшего официальной версией декабрьских событий и под названием «Донесение Следственной комиссии» изданного в Петербурге, а затем и почти во всех европейских столицах (см.: *ВД XVII*. С. 24–61, 256–257; *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 22–24; особенно: *Рудницкая Е. Л., Тартаковский А. Г.* Вольная печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 27–32). Важно отметить, что, работая над «Донесением», Блудов далеко не был предоставлен самому себе — текст неоднократно редактировался членами Следственной комиссии и, главное, Николаем I (см.: *Рудницкая Е. Л., Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 29); сам Блудов, говоря впоследствии об участии в Следственной комиссии, «горько раскаивался в своих поступках» (*Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. С. 272). Любопытно, что Н. И., имевший близкие отношения с ним вплоть до декабрьского восстания (об их общении в Европе в 1824 г. см.: *АБТ VII*. С. 67–69, 74 и др.), первоначально высоко отзывался о «беспристрастии» «Донесения» (письмо брату Сергею от 13/25 июля 1826 г.: *Изд.* 1936. С. 471–472), предполагал, что его автором мог быть Блудов, и рассчитывал на его помощь в оправдании: «Не Блудов ли писал рапорт Следственной Комиссии? — спрашивал Н. И. у братьев в письме от 9 октября 1826 г. — Видя, что ты в письмах ваших о нем не упоминаете, я заключаю, что ты не был с ним в сношениях. Иначе не худо было бы мою записку сообщить ему и спросить, можно ли ожидать от нее успеха. Он все дело должен знать и может сказать, что в за-

- писке неполно или что недостаточно доказывается» (РА. 1895. № 8. С. 469; РС. 1901. № 5. С. 257; см. глупые свидетельства об общении А. И. Тургенева и Блудова в 1826 г.: *Греч Н. И. Записки о моей жизни*. С. 498; Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // РС. 1874. № 10. С. 265). Очевидно, трагическое окончание процесса над декабристами и, вполне вероятно, отказ Блудова от помощи Тургеневым привели братьев к многолетнему конфликту с Блудовым (ср. *Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика*. М., 1984. С. 332–333; *Изд.* 1872. С. 70; о публичном столкновении А. И. Тургенева и Блудова в салоне Карамзинных см.: *Изд.* 1964. С. 468; *Смирнова-Россет А. О. Дневник*. Воспоминания. М., 1989. С. 467). При этом Н. И., располагая неопубликованными документами следствия (см. коммент. 181 к т. 1) и тем не менее сосредоточиваясь во второй и третьей оправдательных записках и «России и русских» на критике «Донесения», существенно преувеличивал его роль в исходе процесса над декабристами — в своих решениях Верховный уголовный суд основывался не на «Донесении», а на персональных, посвященных отдельно каждому декабристу обвинительных записках. До выхода «России и русских» Н. И. направил Блудову небольшой фрагмент книги с критикой наиболее остро воспринимавшегося им пассажа из «Донесения» (см. наст. изд., с. 145–146; сопроводительное письмо Н. И. Блудову от 16 августа 1843 г. см.: *Изд.* 1867. С. 51–52; *Фетисов И. И.* Из переписки Николая Ивановича Тургенева в 40–60-е гг. // Памяти декабристов: Сб. материалов. [Вып.] II. Л., 1926. С. 88–91; подлинник письма и приложенного к нему фрагмента «России и русских» см.: *РГАДА*. Ф. 1274. № 1789; ср., напр. *Tourgeneff N.* Ответ «Острожской летописи». Лейпциг, 1869), но Блудов не ответил (см.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 177–178; *Изд.* 1867. С. 27–29; об ответе дочери Блудова Антонины см. коммент. 224 к т. 1). В 1866 г. обвинения Н. И. оспорил биограф Блудова Е. П. Ковалевский (*Ковалевский Е.* Указ. соч. С. 170–180), Н. И. вступил с ним в печатную полемику, в ходе которой он менее эмоционально, но столь же решительно повторил свои обвинения: «Против г. Блудова лично я никакого недоброжелательства не имел, напротив... Но г. Блудов был составителем рапорта следственной комиссии. Этот рапорт был основанием всего процесса, в котором я был осужден на смертную казнь. <...> Г. Блудов был плохой юрист; но он был отличный писатель. Он дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать более на толпу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей. С хитростью и искусством он связывает одно с другим происшествия, не имеющие ничего общего между собою и старается, таким образом, дать единство своему рассказу <...>; «Я не утверждал и не утверждаю, чтобы г. Блудов имел ко мне какое-либо особенное недоброжелательство. Но очевидно для всякого рассудительного человека, что в рапорте своем он слишком много заботился о литературной роскоши своего произведения и весьма мало о юридических принципах, о юридической правде. Несомнительность, легкомыслие ввели его, сверх многих погрешностей, которые должны были бы оставаться чуждыми серьезному обвинительному акту, в очевидное противоречие, из которого авторское самолюбие помешало ему выйти, признав просто свою ошибку» (*Изд.* 1867. С. 15–16, 42). В декабристском кругу «Донесение» не было оценено однозначно. Так, А. Е. Розен и М. А. Фонвизин полностью поддержали критику Н. И. (см.: *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 184–186, 190–203; *Фонвизин П. С.* 196–198), со специальным резким «Разбором донесения...» выступил М. С. Лунин (1839), отдельные замечания на «Донесение» разбросаны в декабристской литературе; вместе с тем ряд декабристов категорически не поддержал инвективы Н. И. (см.: *Ковалевский Е.* Указ. соч. С. 174–177; *Поджою А. В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 335).
113. М. Ф. Орлов вошел в «Арзамас» в апреле 1817 г. Заканчивая вступительную речь, он произнес: «Итак, обращаясь я с радостью к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему обществу цель, достойную ваших дарований и теплой любви к стране русской. <...> Тогда-то <...> и начнется для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный призм предрассудков за пределы Европы» («Арзамас». Кн. 1. С. 408). Рассказ Н. И. об этом выступлении Орлова и в большей степени воспоминания Ф. Ф. Вигеля (см.: Там же. С. 99–100) послужили М. К. Азадовскому основанием для гипотезы о второй, не дошедшей до нас и более острой, речи Орлова (см.: *Азадовский* 1992. С. 43–47); об историографической судьбе этого предположения, в настоящее время считающегося неверным, см.: Там же. С. 327–328 (коммент. А. А. Ильина-Томича); «Арзамас». Кн. 1. С. 487 (коммент. О. А. Проскурина).
114. Речь идет о так называемой «семеновской истории», мятеже Семеновского полка в октябре 1820 г., причиной которого, как и сообщает Н. И., было недовольство солдат действиями нового полкового ко-

- мандира Ф. Е. Шварца. Правительство имело определенные основания видеть за этим происшествием организованную деятельность — в это же время в казармах Преображенского полка была обнаружена прокламация, подстрекавшая гвардейцев к восстанию. По результатам следствия над семеновцами девять солдат подверглись телесным наказаниям и были отправлены на каторжные работы в Сибирь, полк был раскассирован; в 1826 г. по решению Николая I, четыре офицера были отправлены в действующую армию на Кавказ (двое — с лишением чинов). Сведений об их причастности к декабристским организациям нет. Подробнее см.: *Семеновский В.* Волнение в Семеновском полку в 1820 г. // *Былое.* 1907. № 1(13)–3(15) (здесь же см. сводку реплик братьев Тургеневых о мятеже); *Латин В. Л.* Семеновская история. 16–18 октября 1820 г. Л., 1991.
115. Джон Дундас Кохрен, «эксцентричный и совершенно слепой англичанин», который «предпринял пешком путешествие по Сибири, что дало повод в Петербурге считать его шпионом» (Записки графа М. Д. Бутурлина // *РА.* 1897. № 7. С. 351), прожил около года на Камчатке и в 1823 г. благополучно вернулся в Англию; его книга о России в 1825–1826 гг. в отрывках печаталась в «Московском телеграфе» (сводку данных о Кохрене см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) [=Литературное наследство. Т. 91]. М., 1982. С. 576, 639–640; поправку к библиографии русского перевода его книги см.: *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях.* Т. 2. Ч. 2. М., 1978. С. 76; о знакомстве Н. И. с книгой Кохрена см.: *Абт VII.* С. 118). Возможно, Н. И. путает Кохрена с другим англичанином, Ричардом Сандерсоном, с осени 1826 г. жившим в Оренбурге; вызвав подозрения у местного полицмейстера, он с санкции III отделения попал под тайный надзор, а в ноябре 1827 г. был выслан из России (см.: *Шухшинцев И. С.* Английский путешественник в России и его мнение о русском обществе (1826 и 1827 гг.) // *РС.* 1902. № 6. С. 575–578).
116. Речь идет, очевидно, о так называемом «деле Госнера» — запрете русского перевода книги одного из директоров петербургского отделения Библейского общества пиетиста И. Госнера «Дух жизни и учения Иисуса Христова в Новом Завете» (СПб., 1824) и его высылке из России в апреле 1824 г. Подробнее см.: *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 132–136, 202–222; *Остроглазов И.* История одной редкой и замечательной книги // Библиографические записки. 1892. № 3–5, 8, 10; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 575–591, 809–822. Будучи за границей, Н. И. напряженно следил за «делом Госнера», так как оно непосредственно касалось его брата Александра, сотрудника покровительствовавшего Госнеру А. Н. Голицына по Библейскому обществу и Министерству духовных дел и народного просвещения. 16/28 июня 1824 г. Н. И. записал в дневнике: «Выслан Госнер <...> всему этому причиною перевод Госнеровой книги, в кот<орой> он говорит, что Богоматерь имела детей после Иисуса» Христа!! Как бы то ни было, эта новость меня встревожила» (*Абт VII.* С. 41). Н. И. не ошибся — в мае 1824 г. Голицын лишился министерского портфеля и подал в отставку с поста президента Библейского общества; через несколько дней в отставку был вынужден выйти и А. И. Тургенев (см.: *ОАИИ.* С. 46).
117. Свидание Н. И. с П. И. Пестелем состоялось в квартире самого Н. И. в рамках одного из так называемых «петербургских совещаний» руководителей Северного общества и Пестеля в марте–апреле 1824 г., призванных «согласить Северное Общество на действия, сообразные с действиями Южного» (*Оболенский Е. П.* Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 82; см.: *Захаров Н. С.* Петербургское совещание декабристов в 1824 г. // *Очерки из истории движения декабристов: Сб. статей.* М., 1954. С. 106–108; о датировке «совещаний» см.: *Некшина П. С.* 42). Более пространный рассказ Н. И. о его общении с Пестелем в 1824 г. см.: *КА.* 1925. Т. 6 (13). С. 93–94.
118. По собственному признанию П. И. Пестеля, «в течение 1825 года стал сей образ мыслей во мне уже ослабевать и предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь» (*ВД IV.* С. 92); ср. свидетельства о желании Пестеля покинуть тайное общество, а затем уехать за границу или «принести государю свою повинную голову» (В. П. Ивашев: *ВД XII.* С. 256; А. П. Барятинский: *ВД X.* С. 260; *Волконский С. Г.* Записки. С. 371; *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 74).
119. В действительности в первой редакции «Русской правды», которую П. И. Пестель привез в 1824 г. в Петербург для обсуждения с участниками Северного общества, речь шла о «Разделении Земель каждой Волости на две Половины по Угодиям <...>. Одна Половина получит наименование Земли общественной,

- другая — земли Частной. Земля общественная будет всему Волостному Сообществу принадлежать и неприкосновенную Его собственность составлять; Она ни продана, ни Заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления *Необходимого* всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию Всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или Частным Лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно» (*ВД VII*. С. 183); именно из-за этого пункта «Русской правды» Н. И. «не согласился на принятие плана конституции Пестеля — он никак не хотел допустить разделения земли, говоря, что, не мешая промышленности, земли неприметным образом сами собою разделятся. — Мнение Н. Тургенева очень действовало на всех членов Северной управы» (показания М. И. Муравьева-Апостола: *ВД IX*. С. 260; ср. показания Пестеля: *ВД IV*. С. 162).
120. Переход от добровольных взносов на бедных к обязательному регулярному налогу на их содержание был осуществлен в течение нескольких десятилетий правления Елизаветы I Тюдор и окончательно закреплен «Актом о помощи бедным» 1598 г. В 1601 г. в «Акт о помощи...» были внесены незначительные изменения, и в таком виде он просуществовал вплоть до 1834 г. Подробнее см.: *Семенов В. Ф.* Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах // Средние века: Сб. Вып. IV. М., 1953. С. 220–224.
121. Ф. П. Вронченко, чиновник Комиссии составления законов и Министерства финансов, министр финансов в 1844–1852 гг., имевший репутацию «гнусного и подлого хама, способствовавшего много ко вреду России в царствование императора Николая» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 546).
122. В действительности, опираясь на опыт министра финансов и председателя совета министров Франции Ж. Виллеля, произведшего в 1825 г. конверсию государственных рент (положительную оценку проекта и свидетельство о вызванном им общественном резонансе см.: *Козловский П. Б.* Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. М., 1997. С. 33–36; ср.: *Орлов* 1963. С. 174–175), Е. Ф. Канкрин в 1830 г. провел понижение процента, платимого государственными кредитными учреждениями по вкладам, с 5% до 4%, а взяемого по ссудам — с 6% до 5% (см.: *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 170–171).
123. 29 марта 1825 г. Е. Ф. Канкрин писал Н. И.: «Предлагаю вам, с высочайшего соизволения, управление Департаментом Мануфактуры и внутренней торговли <Министерства финансов> с тем, чтобы вы оставались и при Государственном Совете. Текущие дела по сему департаменту не так велики; но мы начали разные полезные заведения <...>» (*ИРЛИ*. Ф. 309. № 2436, 2476); письмо было получено Н. И. в Вене 10/22 мая 1825 г. (см. письмо Н. И. брату Александру от 11/23 мая 1825 г. с черновиком ответа Канкрину: Там же. № 230. Л. 60–61 об.). Об интересе Канкрин к Н. И.-финансисту см.: *Pintner W. M.* Russian Economic Policy under Nikolas I. Ithaca, [1967]. P. 193.
124. Об этом А. И. Тургенев писал Н. И. 21 апреля 1826 г.: «То, что должно служить тебе некоторою отрадою, есть мнение покойного государя. Перед отъездом в Таганрог, следовательно когда уже знал то, что говорили о тебе, сказал он Карамзину, говоря с ним об успехах законодательства в Польше, откуда возвратился: „Там все идет прекрасно; а здесь: Сперанский ленится, Николая Тургенева нет; он болен, лечится. Что же мне делать?“» (*Изд.* 1872. С. 2).
125. Ср. дневниковую запись Н. И. от 8/21 апреля 1815 г.: «[Штейн] сказал мне, что он сделает обо мне представление. Я заметил ему, что теперь, может быть, не время получать места и в особенности жалование; что это может быть истолковано в дурную сторону. Он отвечал мне: tout le monde sait, que v<ous> êtes un galant homme. Dès qu'on dit votre nom, tout le monde dit que ce sont des gens nobles et honnêtes: tout le monde en parle avec estime [все знают, что вы порядочный человек. Когда звучит ваша фамилия, все говорят, что это благородные и честные люди: все произносят ее с уважением. — франц], и проч. и проч. Признаюсь, что эти слова показались мне весьма лестными, и сие потому, что их сказал Штейн, не охотник до комплиментов». Я их долго помнить буду» (*Авт III*. С. 292). Ср. позднейший отзыв Штейна о Н. И. в письме А. Пнейзену от 30 апреля 1829 г.: *Stein H. F. K.* Brieuechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. VII. Berlin, [1937]. S. 35–36.
126. В 1829 г. английские и ирландские католики получили право быть избранными в парламент и занимать государственные должности; в 1832 г. по инициативе премьер-министра Чарльза Грея была осуществлена реформа избирательной системы, существенно расширившая социальную базу английского парламента.

127. Революция во Франции в конце июля 1830 г., результатом которой стали свержение Бурбонов, чистка государственного аппарата и командного состава армии, введение местного самоуправления и, главное, новая, более либеральная французская конституция.
128. См.: [Arndt E. M.] Karl Frieher von und zum Stein. Gestorben den 29 Junius 1831 // Allgemeine Zeitung. 1831. 3 Sept. Außerordentliche Beilage. № 339. S. 1353.
129. См.: [Arndt E. M.] Karl Frieher von und zum Stein. Gestorben den 29 Junius 1831 // Allgemeine Zeitung. 1831. 2 Sept. Außerordentliche Beilage. № 338. S. 1349.
130. Знаменитое высказывание Фенелона (а не Боссюз), из его «Sermon sur la vocation des gentils, 6 janvier 1685».
131. См. коммент. 2 к предисловию Н. И.
132. Визит первого секретаря русского посольства в Англии А. М. Горчакова к Н. И. состоялся 27 апреля / 9 мая 1826 г. (отчет Горчакова, в точности подтверждающий воспоминания Н. И., см.: ВД XV. С. 281–284; ВПР XIV. С. 488–491). Горчаков ознакомил Н. И. с письмом поверенного в российских делах в Лондоне И. А. Потемкина от 24 апреля / 6 мая 1826 г. (см.: ИРЛИ. Ф. 309. № 792а, копия рукой А. И. Тургенева: Там же. № 726а) и с копией письма К. В. Нессельроде к Потемкину от 7/19 апреля 1826 г. (см.: Там же; ВПР XIV. С. 810–811: сопроводительное письмо Нессельроде к Потемкину с предписанием вручить ноту английскому правительству в случае отказа Н. И. выполнить соответствующие требования см.: Там же. С. 472: текст расписки Н. И. в ознакомлении с этими документами см.: Там же. С. 811; ВД XV. С. 285; ср. письмо Н. И. братьям от 26 марта 1826 г.: РА. 1895. № 8. С. 478–479; РС. 1901. № 5. С. 273–274). Беседа с Горчаковым произвела на Н. И. сильное впечатление, в тот же день он писал братьям: «Оставшись один, я увидел в полной мере и во всей сущности мое положение. <...> Несмотря на то что мне должно бы быть приготовлену ко всему, после того как сделались мне известны сии обвинения, я никак не ожидал того, что испытал сегодня. Я обвиняюсь в измене! Я государственный преступник! Я читаю, перечитываю слова сии — и не верю глазам моим! <...> я спрашиваю сим себя: Что хуже, что ужаснее могло бы случиться со мной, если б я был теперь в Петербурге? Страдания физические, заточения мало бы прибавили к страданиям нравственным. Итак, в том, что было сообщено мне сегодня, я должен видеть и вижу — мой приговор окончательный. <...> Как бы я мог показать глаза в Россию под бременем такого обвинения? Я государственный преступник! Я изменник! Но нет, нет — этого невозможно» (РА. 1895. № 8. С. 465–466; РС. 1901. № 5. С. 242–243; ср.: Изд. 1936. С. 460–463).
133. Еще в конце января 1826 г. российский посол в Англии Х. А. Ливен обратился к государственному секретарю по иностранным делам Англии Дж. Каннингу с конфиденциальной устной просьбой о выдаче или принудительной высылке Н. И. и получил письменный отказ (см.: Звавич И. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством // Тайные общества в России в начале XIX столетия: Сб. материалов, статей и воспоминаний. М., 1926. С. 91; ВПР XIV. С. 770). В середине февраля Ливен направил в Министерство иностранных дел Англии проект конфиденциального письма Каннингу, где повторил ту же просьбу, намекая на связи Н. И. с английскими тайными обществами (опубл.: Звавич И. Указ соч. С. 91–92), и вновь получил отказ (Там же. С. 93–94). В течение марта 1826 г. на выдаче Н. И. настаивал Николай I в беседах с английскими дипломатами в Петербурге (Там же. С. 94–99; ВПР XIV. С. 770). Наконец, 13 мая, после личного отказа Н. И. вернуться в Россию (см. коммент. 132 к т. 1), поверенный в российских делах в Лондоне И. А. Потемкин вручил Дж. Каннингу официальное уведомление о том, что на территории Англии находится российский преступник (опубл.: Звавич И. Указ соч. С. 99–100); британское Министерство иностранных дел действительно ответило на него лишь подтверждением о получении (опубл.: Там же. С. 100; ср.: Невелев Г. А. 14 декабря 1825 года (официальные версии и Западная Европа) // Вопросы истории. 1975. № 12. С. 101). Источником сведений Н. И. был сам Потемкин, позднее рассказавший об этом эпизоде близкому знакомцу А. И. Тургенева Ф. И. Тютчеву (см.: ИРЛИ. Ф. 309. № 950. Л. 156; сообщено В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом; ср. этот пассаж, приписанный рукой Н. И. в беловую копию первой редакции «России и русских» (1842): Там же. № 1330. С. 1077).
134. В начале 1826 г. и сам Н. И. не был в достаточной степени осведомлен об английском иммиграционном законодательстве — он опасался, что его вышлют, и пытался выяснить возможность этого у самого секретаря русского посольства в Англии А. М. Горчакова (см.: Тарасов 1923. С. 414; ВД XV. С. 284;

- письмо братьям от 27 марта / 9 апреля 1826 г.: *РС*. 1901. № 5. С. 243). Между тем с 1793 г. в Англии действовал «Закон об иностранцах», регулировавший в числе прочего и высылку иммигрантов за пределы королевства. Это было возможно в двух случаях — за нарушение иммиграционного законодательства и по королевскому указу, не подразумевавшему ни объяснений причин, ни апелляции. 26 мая 1826 г. вступил в действие новый «Закон о регистрации иностранцев» («An Act for the Registration of Aliens»), отменивший это право королевской власти и сделавший Англию центром европейской политической эмиграции XIX в. Подробнее см.: *Bevan V. The Development of British Immigration Law*. London; Dover, 1986. P. 58–63; ср.: *Porter B. The Refugee Question in Mid-Victorian Politics*. Cambridge, 1979; *Дегтеревская В. Н. Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века: Учебное пособие*. Ярославль, 1994.
135. Возможно, речь идет об эдинбургском торговце Андерсене (?). А. И. Тургенев встречался с ним в Эдинбурге в 1828 г. и писал Н. И., что тот «с негодованием говорил о данном ему тогда поручении и сказал, что слышал после о тебе совсем иное, что твоё несчастье приписывают ненависти других и ошибке на твой счет» (письмо от 20 сентября 1828 г.: *Изд.* 1872. С. 594).
136. Действительно, уже 24 декабря 1825 г. / 5 января 1826 г. управляющий Министерством иностранных дел России К. В. Нессельроде направил циркуляр с инструкциями об аресте Н. И. российским посланникам в Риме, Турине и Неаполе (опубл.: *ВПР XIV*. С. 322–324), а выполнявшему особую дипломатическую миссию в Вене Д. П. Татищеву предписал обсудить возможность ареста Н. И. на австрийской территории с канцлером Меттернихом (Там же. С. 323–324; ср.: *СБРИО СXXXI*. С. 15). До 16/28 января российский посланник в Риме А. Я. Италинский переслал этот циркуляр российскому послу в Париже К. О. Поццо ди Борго, который, в свою очередь, направил его российскому послу в Англии Х. А. Ливену (*ВПР XIV*. С. 783–84, 770); 7/19 февраля соответствующие инструкции получил российский посланник в Берлине Д. М. Алопеус, примерно в это же время — российские посланники в Брюсселе и Франкфурте-на-Майне Н. Д. Гурьев и И. О. Анстетт (Там же; *Изд.* 1872. С. 5). 10/22 февраля, прося содействия в доставке будущего арестанта в Петербург, Нессельроде оповестил о предпринятых им мерах вел. кн. Константина Павловича; с этим письмом Н. И. познакомился в 1854 г. по публикации в парижской газете «La Patrie» (см.: *Изд.* 1872. С. 4–7). Ср. распространившийся в России летом 1826 г. слух об аресте Н. И.: *Изд.* 1872. С. 52; *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XIII*. [М.: Л.] 1937. С. 291; *РА*. 1903. № 1. С. 144.
137. Возможность возвращения Н. И. в Россию на персональный оправдательный процесс постоянно обсуждалась в кругу Тургеневых (см., напр.: *Осват А. Из неизданной переписки П. А. Вяземского // Вопросы литературы*. 1986. № 12. С. 263). В январе 1830 г. вместе с отрицательным ответом А. Х. Бенкендорфа на просьбу А. И. Тургенева гарантировать Н. И. возможность беспрепятственного проезда по Европе (см. письма А. И. Тургенева Бенкендорфу от 20 января и 16 апреля 1830 г.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шуккина. Ч. IX. М., 1901. С. 182–184; *РС*. 1888. № 3. С. 793–794; также: *Дубровин Н. Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // РС*. 1902. № 4. С. 66–71), Жуковский, принимавший активное участие в хлопотах за Н. И. и в данном случае служивший посредником между Николаем I и А. И. Тургеневым, узнал от императрицы, что Николай I предлагает Н. И. вернуться в Россию и «положиться на великодушие Императора» (письмо Жуковского А. И. Тургеневу от 30 января 1830 г. (*Дубровин Н. Указ. соч.* С. 71); по словам Жуковского, отослано «не прежде, как 27-го февраля». Там же. С. 92). Н. И. узнал о предложении Николая I лишь в начале апреля 1830 г. и сразу же писал брату: «Je me croirais deshonoré, si j'hésitais un moment d'accepter une telle proposition [Я счел бы себя опозоренным, если бы колебался хоть одну минуту принять подобное предложение. — франц.]. Вот мой короткий ответ» (письмо от 6 апреля 1830 г.: Там же. С. 83). Ожидая возобновления судебного процесса, осознавая свою невиновность и будучи неуверенным в возможности оправдания (см.: Там же. С. 83–86), всю середину апреля Н. И. провел в большом воодушевлении и подготовке к поездке в Россию (см. письма А. И. Тургенева Жуковскому от 12 и 15 апреля; Там же. С. 86–90; также письмо Н. И. российскому посланнику в Лондоне Х. А. Ливену [б. д.]; Там же. С. 90–91; последнее А. И. Тургенев переслал А. Х. Бенкендорфу 24 апреля; см.: *РС*. 1888. № 3. С. 794–795; см. также коммент. 144 к т. 1). Тем временем Жуковский, получивший копию письма Н. И. брату Александру от 6 апреля, передал ее вместе со своей сопроводительной запиской императору и, по-видимому, некоторым членам Верховного уголовного суда (см.: *Модзалевский Б. Жуковский и братья Тургеневы // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М.,*

1925. С. 150; записка опубликована: *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 92–93). В ходе последовавшего объяснения между Николаем I и Жуковским выяснилось, что поэт неправильно понял слова Александры Федоровны, и Тургеневу «обещан был не суд, а одно только изменение его участи без оправдания» (письмо Жуковского А. И. Тургеневу [б. д.], где поэт «с сокрушенным сердцем просил у Н. И. прощения за свою ошибку»: *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 94). Собственные воспоминания Н. И. об этих событиях см. ниже, с. 167–170; см. также основанный на тексте «России и русских» рассказ П. А. Вяземского (*Вяземский VII*. С. 414; ср. его скептический отзыв об этой инициативе в письме А. И. Тургеневу от 21 апреля 1830 г.: ОА III. С. 187–191). О матримониальном подтексте инициативы Н. И. см. аннотацию устного выступления В. А. Мильчиной «Николай Иванович Тургенев в 1830 году»: *Знание — сила*. 1997. № 11. С. 95–96.
138. Речь идет о «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям» (см.: *ВД XVII*. С. 224–236), в которой объявлялось о вынесении смертного приговора 36 декабристам. Н. И. под номером «31» завершал в ней список государственных преступников первого разряда, осуждаемых «к смертной казни отсечением головы» (см.: Там же. С. 229).
139. См.: *Allgemeine Literatur-Zeitung*. 1826. September. № 223, 224, 226–228, 230–233 (подборку этих газет с пометами Н. И. см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1393). Сведения о том, что директор департамента прусского Министерства полиции К. К. Кампц «оставил памятную записку, в которой сравнивал заговоры в России с происками революционеров в Германии» активно циркулировали в 1826 г. и в дипломатической переписке, и в европейской прессе (см.: *ВПР XIV*. С. 798; *Пытин А. Н.* Очерки литературы и общественной мысли при Александре I. С. 179–180; о распространении, вероятно, именно этого документа см.: *Борис В. О.* Документ про міжнародні відчужки на діяльність декабристів // Український історичний журнал. 1959. № 6. С. 116–118). По свидетельству знакомого А. И. Тургенева К. А. Варнгагена фон Энзе, автором публикации в «*Allgemeine Literatur-Zeitung*» был некий «Якоб из Галле» (см.: *Пытин А. Н.* Указ. соч. С. 185), возможно служивший вместе с Н. И. в Министерстве финансов Л. К. Якоб (см. коммент. 94 к т. 1), с 1816 г. преподававший в Галле политическую экономию.
140. Сведения о Тугендбунде (нем. «Союз добродетели») — прусском патриотическом обществе, основанном в 1808 г. и запрещенном в 1809 г., — были одним из важнейших факторов в кристаллизации идеологии и организационной структуры Союза благоденствия; см. об этом в «Донесении»: *ВД XVII*. С. 25, 27, 28; подробнее см.: *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 367–380; *Семевский* 1909. С. 419–428; *Рогов К.* Декабристы и «немцы» // *НЛО*. 1997. № 26. С. 111–117. В 1815–1816 гг. Н. И. пристально следил за развернувшейся в европейской печати в середине 1810-х гг. полемикой о Тугендбунде и публикациями его документов и, несомненно, учел его опыт в организации Общества русских рыцарей и последующей декабристской работе; см.: *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...» С. 48–55.
141. По справедливому замечанию А. Н. Пыпина (*Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 368), под «хорошо осведомленными» о Тугендбунде лицами Н. И. в первую очередь имел в виду Г. Штейна, имевшего стойкую репутацию руководителя «тайных обществ в Германии» и действительно испытывавшего к ним серьезный интерес (*Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год.. Военные дневники. М., 1990. С. 350; ср., напр., показания С. Г. Волконского: *ВД I*. С. 25). Хорошо осведомленный знакомец Штейна С. С. Уваров писал о нем позднее: «Сто раз я слышал от него, что в политике нет средства хуже тайных обществ; что меньший из их недостатков есть их совершенная ненадобность, и, однако же, он не пренебрег подобным средством: в его руках оно значило — лишний заряд на выстрел в неприятеля [наполеоновскую Францию]» (*Уваров С. С.*) Штейн и Поццо-ди-Борго. Лерпг., 1847. С. 18).
142. В 1836 г. были амнистированы содержащиеся в австрийской крепости-тюрьме Шпильберг участники итальянского антиавстрийского движения конца 1810 — начала 1820-х гг.
143. О второй (русскоязычной) оправдательной записке Н. И. см. примеч. 2 к предисловию Н. И.; о третьей (написанной на французском) см.: *Тарасов* 1923. С. 433–441, а также в статье С. В. Житомирской в наст. изд., с. 625.
144. По просьбе А. И. Тургенева французский юрист О.-Ш. Ренуар работал над разбором обвинений Верховного уголовного суда над декабристами в конце апреля — мае 1830 г., когда Н. И. собирался в Рос-

- сию для пересмотра своего дела (см. коммент. 137 к т. 1). Записка не очень понравилась Н. И. по его мнению, Ренуар «не понял своей роли. Он должен был писать как европеец о процессе варварском, не толковать о криминальности бунтов и заговоров, но как юрист говорить только, что мое обвинение не доказано. Все это теперь не нужно и незанимательно. Его записка, как и прежние <...> изложение дела <...> в отношении ко мне, конечно, не бесполезно, т. е. может спокойно лежать при моих ногах [т. е. оправдательных записках]» (письмо А. И. Тургеневу от 31 мая 1830 г.: *Тарасова В. М.* Происхождение либеральной концепции декабризма // *История и историки: Историография истории СССР*. М., 1965. С. 330); после изменения планов Н. И. записка не была пущена в ход. Впоследствии Н. И. опубликовал ее часть, по его словам, «заключение из обширной и подробной записки, составленной по моему делу одним французским правоведом, г-ном Ренуаром, ныне одним из самых отличных и достойно уважаемых членов кассационного суда. Это заключение показывает, как иностранные юристы могли судить о моем деле» (*Изд.* 1867. С. 17; опубликованный фрагмент см.: Там же. С. 48–51). Полный текст записки см.: *РС*. 1901. № 12. С. 649–680; о работе Ренуара над запиской см.: *Тарасова В. М.* Указ. соч. С. 328–332; *Заборов П. Р.* Французские корреспонденты А. И. Тургенева (Ш. Ренуар, Ф. Гизо, Ш. Маньен, О. Тьерри, О. и Ф. А. Лев-Веймар) // *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л., 1979. С. 236–237, 240–242.
145. См.: *Brougham H. Lafayette* // *Brougham H.* Historical sketches of statesmen who flourished in the time of George III. Ser. I. London, 1839. P. 296.
146. Точная цитата из романа французского писателя Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699; рус. пер., напр.: Странствования Телемака, сына Улисса. Творение Г. Фенелона. Ч. II. СПб., 1822. С. 73). Юношеское увлечение Н. И. Фенелоном (см.: *Тургенев Н.* Фенелон. Из Мори // *Утренняя заря*. Труды воспитанников университетского благородного пансиона. Кн. V. М., 1807. С. 186–201) было, несомненно, связано с интеллектуальной атмосферой семьи Тургеневых, глава которой, Иван Петрович, являлся активным масоном круга Н. И. Новикова; в этой среде Фенелон был одним из самых популярных писателей (см., напр., письмо И. В. Лопухина М. М. Сперанскому [б. д.]: *РА*. 1870. Кн. 1. Стлб. 622). На фоне угасания мистических интересов младших Тургеневых сочинения Фенелона теряли для них соответствующие обертоны; в 1825 г. А. И. Тургенев писал Н. М. Карамзину, что Фенелон «был едва ли не либерал своего времени» (письмо от 18/30 ноября: *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // *НЛО*. 1997. № 27. С. 152).
147. Фраза из судебной речи английского адвоката и политического деятеля Т. Эрскина в защиту Дж. Стокдейла, обвинявшегося в клевете на Палату общин (1789; см.: *Speeches of honourable Thomas Erskine* (now lord Erskine). Vol. II. London, 1813. P. 267); пользовалась популярностью в русских либеральных кругах (см.: *Уваров С. С.*) Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санктпетербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта, 1818 года. СПб., 1818. С. 41–42).
148. Речь идет об А. Г. Муравьевой, урожденной Чернышевой (о ее семье см.: *Дружинин Н. М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение // *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Революционное движение в России XIX в. М., 1985. С. 330–356), сестре декабриста З. Г. Чернышева и жене Н. М. Муравьева с февраля 1823 г. В октябре 1826 г. Муравьева получила разрешение отправиться в Сибирь. С февраля 1827 г. жила в Чите вблизи острога, где находился ее муж; в Сибири пользовалась всеобщим уважением, «все без исключения любили ее, как милую, добрую, образованную женщину, и удивлялись ее высоким нравственным качествам: твердости ее характера, ее самоотвержению, ее безропотному исполнению своих обязанностей» (*Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 178; ср., напр.: *Якушкин* 1993. С. 211–214); умерла в ноябре 1832 г. в возрасте 28 лет. В Чите у Муравьевых родились три дочери, две из них умерли, не прожив и года.
149. Речь идет о Е. И. Трубецкой (урожд. Лаваль), жене декабриста С. П. Трубецкого, и швейцарце Карле Августе Воше, «благодарном и честном молодом человеке» (Воспоминания Полины Анненковой. М., 1932. С. 143), библиотекарке и секретаре И. С. Лавала, отца Трубецкой, сопровождавшем ее в 1826 г. в Иркутск. По словам сестры Трубецкой Зинаиды, «это был с его стороны поистине самоотверженный поступок, ибо он плохо говорил по-русски и страдал грудной болезнью» (*Левцельтерн З. И.* Екатерина Трубецкая // *Звезда*. 1975. № 12. С. 186); по возвращении в Петербург Воше был сразу же выслан из России. Подробнее см.: *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль // *Литературное наследие декабрист-*

- тов. Л., 1975. С. 173–174, 177–180. Н. И. был, скорее всего, знаком с Воше до отъезда в Европу (ср., напр.: *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых. С. 153); сведений об их общении после 1825 г. нет.
150. М. Н. Волконская (урожд. Раевская), жена декабриста С. Г. Волконского с января 1825 г., узнала об участи мужа лишь в августе 1826 г. (см.: *Гершензон М. О.* История молодой России. М.; Пг., 1923. С. 60–68); тем не менее, несмотря на противодействие родственников, дав обещание вернуться и оставив в Петербурге сына, в декабре 1826 г. Волконская отправилась к мужу на Благодатский рудник По-видимому, как и сообщает Н. И., в дороге она написала письмо домой, где раскрыла свои намерения остаться с Волконским навсегда (см.: Записки М. Н. Волконской. М., 1977. С. 22–24; *Тихановская А.* Вас должна удивить та решимость... // Знание — сила. 1975. № 10. С. 53–56). Письмо неизвестно, его отзвук см. в письме Н. Н. Раевского к другой дочери, Е. Н. Орловой, от 20 марта 1827 г. (см.: *Гершензон М. О.* Письма кн. М. Н. Волконской из Сибири. 1827–1831 гг. // Русские пропилеи. Т. 1: Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1915. С. 1–2; *Он же.* История молодой России. С. 69–70). О мотивах поступка плохо знавшей и по-видимому в это время не любившей своего мужа Волконской см.: *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. С. 49–51.
151. Е. П. Языкова совершила тайную поездку к своему находившемуся на поселении в г. Туринске брату В. П. Ивашеву летом 1838 г., раздобыв «подорожную какой-то купчихи» (*Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время // Сб. памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1. Пг., 1915. С. 112) или, возможно, переодевшись камердинером своего полутчика (см. эту деталь в неточных свидетельствах: *Топорнин А. П.* К рассказу «Поездка в Туринск, в 1838 году, к декабристу Ивашеву» // РС. 1890. № 11. С. 488; *Крылов Н.* Очерки из далекого прошлого // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 182–183). Сводку сведений о поездке см.: *Буланова О. К.* Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья: Из семейного архива. М., 1933. С. 312, 314–318.
152. К. П. Ивашева (урожд. Ле-Дантю), с сентября 1831 г. жена декабриста В. П. Ивашева, троюродного брата Н. И. (см.: *Буланова О. К.* Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья. С. 107). Историю их женитьбы Н. И. рассказывает точно, исключая две детали: не сама Камилла, а ее мать, Мария Петровна (Мари Сесиль), служила гувернанткой у сестер Ивашева (см., напр.: *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 144); решение отправиться в Петровский Завод, где отбывал наказание Ивашев, Камилла приняла только после встречи с его семьей в феврале 1830 г. Подробнее см.: *Веневицинов М.* Роман декабриста // Русская мысль. 1885. № 10. С. 116–139; *Буланова О. К.* Указ. соч. С. 104–206. К. П. Ивашева умерла во время родов четвертого ребенка в декабре 1839 г. «муж умер ровно через год от удара» (*Якушкин* 1993. С. 255).
153. Речь идет о романе А. Дюма-отца «Mémoires d'un maître d'armes ou dix-huit mois à Saint-Petersbourg» (отд. изд.: Bruxelles, 1840; рус. сокр. пер.: *Дюма А.* Учитель фехтования. М., 1925), основанном на воспоминаниях О. Гризье и в значительной степени посвященном судьбе П. Е. Анненковой (П. Пейль) (о Гризье см.: *Тарасюк Л. И.* Огюстен Гризье, преподаватель фехтования Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. Л., 1970. С. 103–109). Сама Анненкова считала, что «Александр Дюма в своей книге „Mémoires d'un maître d'armes“ <...> говорит обо мне <...> больше вымысла, чем истины» (Воспоминания Полины Анненковой. М., 1932. С. 67, 309; о реакции декабристских кругов на выход романа см., напр.: *Фонвизин И. С.* 204, 238; *Пуцин И. И.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1. С. 202–205). Подробнее см.: *Дурьелин С.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. [Т.] 31/32. М., 1937. С. 512–517.
154. Мать Ивашева, Вера Александровна, умерла в мае 1837 г.; мать сосланных в Сибирь декабристов Михаила и Николая Бестужевых, Прасковья Михайловна, безуспешно в 1844 г. пыталась получить разрешение вместе с тремя дочерьми отправиться к сыновьям в Селенгинск (см.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 319); умерла еще до выхода в свет «России и русских», в октябре 1846 г.
155. Точная цитата из предисловия ко второй редакции романа Жорж Санд «Лелия» (1839; см.: *Sand G. Lélia.* Paris, 1960. P. 353).
156. Речь идет о восстании Черниговского полка 29 декабря 1825 — 3 января 1826 гг., поводом к которому послужил арест лидеров Южного общества М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов. Подробнее см., напр.:

- Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов: Сб. статей. М., 1954. С. 121–185; *Киянская О. И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка (29 января 1825 г. — 3 января 1826 г.). М., 1997.
157. 17 декабря 1825 г. последовал указ Николая I об «учреждении Тайного комитета для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества к нарушению государственного спокойствия» (см.: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903. С. 329–330); первоначально Следственный комитет состоял из военного министра графа А. И. Татищева (председатель), вел. кн. Михаила Павловича, главноначальствующего над Почтовым департаментом и бывшего министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, генерал-адъютантов П. В. Голенищева-Кутузова, А. Х. Бенкендорфа и В. В. Левашова; впоследствии в комитет вошли генерал-адъютанты А. Н. Потапов, А. И. Чернышев и И. И. Дибич (см.: *ВД XVII*. С. 27, 314, 318). Под секретарем комитета Н. И. имеет в виду Д. Н. Блудова (о его участии в работе Следственного комитета см. примеч. 112 к т. I; о его дипломатической службе в 1810-х гг. см.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время), который, вопреки установившемуся мнению (см.: *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 284), не являлся делопроизводителем Следственного комитета (им был А. Д. Боровков), а был прикомандирован к нему лишь «для составления журнальной статьи о ходе и замыслах тайных обществ в России» (Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // *РС*. 1898. № 11. С. 348; ср.: Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // *РС*. 1874. № 10. С. 259).
158. Верховный уголовный суд был учрежден 1 июня 1826 г. (см.: *ВД XVII*. С. 69–70, 258); в этот же день был определен его состав: 18 членов Государственного совета, 3 члена Синода, 36 членов Сената и 15 особо назначенных военных и гражданских лиц, председателем суда стал князь П. В. Лопухин (см.: *ВД XVII*. С. 259–260).
159. Н. И. имеет в виду фактически запретившие смертную казнь в России указы Елизаветы Петровны от 18 июня 1753 г. и 30 сентября 1754 г. (см.: *ПСЗ*. Т. XIII. С. 235–236; Т. XIV. С. 859).
- 159а. В переводе текст «Донесения» цитируется по изд.: *ВД XVII*. С. 24–61.
160. Речь идет о принадлежавшем семье Орлова стекольном заводе (см.: *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964. С. 6, 124) и книге Орлова «О государственном кредите» (М., 1833; о неопубликованных экономических сочинениях Орлова см.: *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие // *Орлов* 1963. С. 304–308).
161. О специфике масонской позиции М. А. Дмитриева-Мамонова см.: *Лотман* 1997. С. 351–352, 362; *Он же.* Дмитриев-Мамонов М. И. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 131; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 77–79, 98–103, 109–111.
162. Ср.: «Граф Мамонов подал чрез графа Раstopчина Государю письмо, в котором он всеподданнейше предлагал вносить, во все продолжение войны, на военные издержки весь свой доход, оставляя себе 10 000 руб. ежегодно на прожитие. <...> Государь, приказав поблагодарить графа за усердие его и значительное пожертвование, признал полезнее предложить ему составить конный полк. Так и было сделано» (*Вяземский VII*. С. 201; подробнее см.: *Семевский* 1909. С. 664–667).
163. По предположению В. И. Семевского (см.: *Семевский* 1909. С. 408; ср.: *Шебунин А.* Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // *Изд.* 1936. С. 47–48), речь идет о М. П. Баратаеве, в феврале 1826 г. арестованном в Симбирске, но вскоре освобожденном с оправдательным аттестатом (о его масонской деятельности см.: *Vakouline T.* Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII et XIX siècles). Paris, 1967. P. 44; о причинах ареста см.: *Семевский* 1909. С. 361–364; *Серков А. И.* Судьбы масонских собраний в России // 500 лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993. С. 29–30). Гипотеза М. В. Нечкиной, считавшей, что Н. И. говорит здесь о М. Н. Невзорове, была убедительно отвергнута Ю. М. Лотманом (см.: *Нечкина I*. С. 134; *Лотман* 1997. С. 365).
164. Речь идет об Ордене русских рыцарей, масонской организации политического характера, созданной, вероятно, еще в 1812 г. (см.: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петра-заводск, 1949. С. 59; *Лотман* 1997. С. 354–355; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 98–99) и к 1815–1816 гг. состоявшей, помимо Н. И., Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова, из М. Н. Новикова (записка М. Ф. Орлова для Николая I от 29 декабря 1825 г.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 160; ср.: *Серков А. И.*

- Указ. соч. С. 104), Д. В. Давыдова (см.: *Нечкина* I. С. 133), флигель-адъютанта князя А. С. Меншикова, во французском тексте названного Н. И. «Р. М.» — «Prince Menshikov» (см.: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. С. 245; ср.: *Семевский* 1909. С. 410), флигель-адъютанта И. М. Библикова, во французском тексте названного Н. И. «В.», возможно, Ф. П. Толстого, А. М. Пушкина, А. Б. Голицына и М. П. Баратаева (см.: *Лотман* 1997. С. 356–357, 429; *Серков А. И.* Указ. соч. С. 106–107). История Ордена документирована очень слабо; о его идеологии см.: *Семевский* 1909. С. 380–415; *Нечкина* I. С. 132–139; *Лотман* 1997. С. 357–379; *Серков А. И.* Указ. соч., по указ. масонских лож и обществ; ср. также целый ряд нуждающихся в дальнейших развитии и проверке предположений В. В. Пугачева: *Пугачев В. В.* Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // *Оксман Ю. Г., Пугачев В. В.* Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С. 101–125.
165. Здесь и далее, сообщая о переговорах Орлова с представителями декабристских организаций, Н. И. намеренно пишет о Союзе благоденствия вместо Союза спасения, сокращая тем самым срок существования Ордена русских рыцарей и сдвигая свое так и не признанное прямо вступление в Орден ко времени создания Союза благоденствия — 1818 г.
166. Весной 1817 г. в Петербурге Орлов от имени Ордена русских рыцарей вступил в переговоры с представителем Союза спасения (а не Союза благоденствия) А. Н. Муравьевым (см. показания Н. М. Муравьева: *ВД* I. С. 305–306; показания А. Н. Муравьева: *ВД* III. С. 12, 16; *Орлов* 1963. С. 80; М. В. Нечкина датирует переговоры февралем 1817 г. без достаточных оснований: Орлов прибыл в Петербург лишь в 20-х числах февраля, см.: *Нечкина* I. С. 166; *Изд.* 1936. С. 204); «переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия» (*ВД* I. С. 305–306). В Союз благоденствия Орлов был принят А. Н. Муравьевым в Москве в декабре 1818 г. (см. показания Н. М. Муравьева: *ВД* I. С. 307; М. В. Нечкина датирует вступление Орлова в Союз благоденствия временем «не позже начала сентября», однако в сентябре Муравьев пробыл в Москве лишь около трех дней и отсутствовал там до декабря, см.: *Нечкина* I. С. 220; *ВД* III. С. 18, 26) и формально вышел из общества в январе 1821 г. (см. коммент. 86 к т. 1).
167. В «Донесении» полностью названа фамилия С. М. Семенова (см.: *ВД* XVII. С. 29).
168. В «Донесении» полностью названы фамилии князя Е. П. Оболенского и А. А. Токарева, однако не названа фамилия Я. Н. Толстого (см.: *ВД* XVII. С. 30), который впервые упоминается в «Донесении» как член Северного общества, принятый в него Н. И. в 1821 г. (см.: Там же. С. 34; ср. примеч. 201 к т. 1).
169. В действительности донос М. К. Грибовского, так называемая «Записка о Союзе благоденствия, представленная А. Х. Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г.», был лишь отчасти посвящен проекту журнала Н. И. и содержал краткую историю общества, описание его структуры, характеристику ряда его членов, включая Н. И., и рассказ о московском съезде Союза благоденствия в январе 1821 г. (см.: *Декабристы в воспоминаниях современников*. М., 1985. С. 181–187, 461; об обстоятельствах создания записки и последующей деятельности Грибовского, включая участие в наблюдении за А. И. Тургеневым в 1826 г., см.: *Рогинский А. Б., Равдин Б. Н.* Вокруг доноса Грибовского // *ОДР*. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 91–100)
170. См. коммент. 78 к т. 1.
171. В «Донесении» это слово не выделено (см.: *ВД* XVII. С. 30).
172. В «Донесении» эти слова приписываются только Н. И.: «<...> объявили, что предпочитают республиканское правление (между прочими Николай Тургенев следующими словами: «un Président sans phrases») <...>» (*ВД* XVII. С. 31; едва ли здесь может идти речь об ошибке — Н. И. цитировал правильный текст «Донесения» во второй и третьей оправдательных записках, см.: *КА*. 1925. Т. 6 (13). С. 79–80; *РС*. 1901. № 9. С. 623). Переставив скобку, Н. И. сделал свидетельство собственного республиканизма более размытым. Нижеследующая критика этого фрагмента «Донесения» совершенно несостоятельна, так как оно в точности следует недвусмысленным показаниям П. И. Пестеля: «Наконец после долгих разговоров было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, чего он желает — Монарха или Президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: Le president — sans phrases; то есть: Президент без дальних толков» (*ВД* IV. С. 102). В третьей оправдательной записке Н. И. писал, что Пестель, «услышав во время разговора выражения:

- „Это только одни фразы!“, „Это целая уйма фраз!“, „Это бесконечное множество фраз!“ и «будучи начинен республиканскими идеями», выдал желаемое за действительное (РС. 1901. № 9. С. 627–628).
173. В «Донесении» полностью названа фамилия С. М. Семенова (см.: ВД XVII. С. 31).
174. В «Донесении» полностью названа фамилия Н. М. Муравьева (см.: ВД XVII. С. 31).
175. В «Донесении» полностью названы фамилии А. Ф. Бригена, П. И. Колошина и С. М. Семенова (см.: ВД XVII. С. 31).
176. В «Донесении» полностью названа фамилия С. И. Муравьева-Апостола (см.: ВД XVII. С. 31).
177. Меры физического воздействия на декабристов ограничивались тем, что «на заточенного, для вынуждения сознания, надевали наручники, кандалы, на некоторых и то и другое одновременно, уменьшали пищу, беспрестанно тревожили сон их, отнимали последний слабый свет, проникавший через амбразуру крепостной стены в окошечко с решеткою частого переплета железных пластинок» (Розен А. Е. Записки декабриста. С. 185; подробнее об этом см.: Щегалев П. Е. Император Николай I — тюремщик декабристов // Щегалев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С. 263–276; Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 155–161). Вопреки мнению Н. И., необходимость давать письменные показания производила на подсудимых куда меньшее впечатление, чем устные допросы (см., напр.: Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 94; Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 90–93; подробнее см.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 167–170).
178. В ходе следствия со своими отцами встречались три декабриста — П. И. Пестель, В. П. Ивашев и Д. А. Искрицкий (см.: Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 161). К моменту выхода «России и русских» всех их уже не было в живых (дата смерти отца Искрицкого неизвестна), однако наиболее вероятным героем этого эпизода кажется Ивашев, близкий родственник Тургеневых, о судьбе которого Н. И. был хорошо осведомлен (см. коммент. 152 к т. 1; ср., впрочем, отсутствие рассказа об этом в письмах отца Ивашева за 1826 г.: Беляев М. Д. От ареста до ссылки: По данным семейного архива Ивашевых // Памяти декабристов: Сб. материалов. [Вып.] II. Л., 1926. С. 28–29 и др.). Эпизод «фальсификации» показаний декабриста относится, по-видимому, к работе Ревизионной комиссии Верховного уголовного суда (8–9 июня 1826 г.), предлагавшей подсудимым подтвердить подлинность их показаний; тогда «некоторые лица из подсудимых объявили, что ответы их были вынуждены противоестественными мерами: голодом, закованием в железа и т. п.» (Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 279; сводку данных о работе комиссии см.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 222–229).
179. В действительности поведение Пестеля на следствии в глазах многих декабристов было далеко не безупречным, и недостоверные слухи о его пытках (также см.: Цибриков Н. Р. Воспоминания о Кронверкской куртине // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 270) были вызваны, по-видимому, именно необходимостью объяснить его крайне откровенные показания (о поведении Пестеля на следствии см., напр.: Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. С. 132–144). По мнению декабристов, «в Следственной комиссии он указал прямо на всех участвовавших в Обществе — и если повесили только 5 человек, а не 500, то в этом Пестель несколько не виноват: со своей стороны он сделал для этого все, что мог» (Якушкин Е. И. Замечания на «Записки» («Mon journal») А. М. Муравьева // Якушкин 1993. С. 299; Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 287). В Петербурге в 1826 г. А. И. Тургенев «слышал <...> что Пестель, играя совестно своею и судьбою людей, предлагал составлять вопросы, на кои ему же отвечать надлежало; но <...> думал <...>, что самое равнодушное изверга к судьбе других усилит их [следователей и судей] осторожность, их недоверчивость к его показаниям» (Заозерский А. Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева. С. 117, ср. с. 121; об эпизоде с вопросами также см.: Розен А. Е. Записки декабриста. С. 155); очевидно, со слов брата Н. И. сходным образом отозвался о Пестеле в третьей оправдательной записке: «Некоторые лица, объясняя сделанный им донос, говорили мне, что он обнаружил во время следствия и разбирательства дела склонность замешать в нем как можно большее число лиц и звести на них всевозможные обвинения» (РС. 1901. № 9. С. 627).
180. Речь идет о К. О. Ламберте (см.: Тарасов 1923. С. 412).
181. Речь идет о «Записке о действительном статском советнике Николае Тургеневе», составленной в середине июня 1826 г. Разрядной комиссией Верховного уголовного суда; о показании Пестеля там сказано, что «из числа бывших на сем совещании членов на данных им очных ставках Никита Муравьев

- и *Сергей Муравьев-Апостол* показание Пестеля подтвердили; трое — Семенов, Бриген и Калошин — не подтвердили, а последний — Глинка — даже бытность сего заседания отвергает» (ВД XVII. С. 134). Записка не относилась к числу печатных документов следствия и была передана кем-то из его участников А. И. Тургеневу летом 1826 г. (см.: Изд. 1964. С. 428).
182. См. коммент. 144 к т. 1.
183. «Донесение» (ВД XVII. С. 32) ссылается на показание С. М. Семенова: «Александр Муравьев известил Совет, что он, познав свое заблуждение, уничтожает заведенную им управу, не хочет более быть членом тайного общества и всем советует последовать его примеру. Муравьеву ответствовано было, что совет его исполнен и чтобы он объявил московским членам, что Союз разрушен. С того времени не было никакого сношения ни с кем из бывших в Москве членами Союза. Они оставлены в том мнении, что тайное общество более не существует» (ВД XVIII. С. 187).
184. «Донесение» (ВД XVII. С. 32) ссылается на показание Н. М. Муравьева: «Положено было, что лишь только заметят охлаждение в одном члене, то известить о том всех прочих, с тем чтобы уже никто ему не говорил о делах общества. В то же время подтверждалось всем членам оставаться в тех же дружественных сношениях с охладевшим членом и давать ему чувствовать, что и все Общество подобно ему за недостатком средств и невозможностью достигнуть цели оного, дремлет и распадается на части» (ВД I. С. 295).
185. Подробности эпизода установить не удалось.
186. Речь идет об А. Н. Муравьеве.
187. В «Донесении» полностью названы фамилии М. А. Фонвизина и Ф. Н. Глинки (см.: ВД XVII. С. 33)
188. «Донесение» (ВД XVII. С. 26) рассказывает об учреждении Союза спасения и ссылается на показания А. Н. Муравьева, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля (см.: ВД III. С. 6, 18; ВД IV. С. 256, 274; ВД IX. С. 189; ВД I. С. 307, 226; ВД IV. С. 80, 101, 154).
189. Подробно описанный в «Донесении» (ВД XVII. С. 27) так называемый «московский заговор» 1817 г.; см. о нем в тексте «России и русских», наст. изд., с. 62 и коммент. 88 к т. 1.
190. «Донесение» (ВД XVII. С. 27) говорит о замыслах М. С. Лунина, П. И. Пестеля и Ф. П. Шаховского.
191. «Донесение» (ВД XVII. С. 29) приводит сильно сокращенное показание С. М. Семенова (см.: ВД XVIII. С. 186).
192. В «Донесении» полностью названы фамилии М. А. Фонвизина и И. Д. Якушкина (см.: ВД XVII. С. 33).
193. Об этом Н. И. писал В. А. Жуковскому 11 мая 1847 г.: «Всем известно, что в России нет следствия без пытки. Отчего же произошло, что Никита Муравьев, прощаясь с матерью, объявил, что *все ложь*, что сказано в рапорте [т. е. «Донесении»] о его показаниях на меня? Это сообщил брату Вяземский» (*Ланский Л.* Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому // Вопросы литературы. 1975. № 11. С. 219; ср. в третьей оправдательной записке: РС. 1901. № 9. С. 211); указанное письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от первой половины октября 1828 г. Н. И. цитирует ниже, с. 126; полный текст письма см.: ОА III. С. 176–178.
194. В «Донесении» полностью названа фамилия И. Д. Якушкина (см.: ВД XVII. С. 33).
195. В «Донесении» полностью названа фамилия М. А. Фонвизина (см.: ВД XVII. С. 33).
196. В «Донесении» полностью названа фамилия А. П. Юшневского (см.: ВД XVII. С. 34).
197. В «Донесении» полностью названа фамилия С. М. Семенова (см.: ВД XVII. С. 34).
198. В «Донесении» полностью названы фамилии Е. П. Оболенского и М. М. Нарышкина (см.: ВД XVII. С. 34).
199. Ср. показание М. Ф. Митькова: «<...> я был принят в общество Николаем Тургеневым в 1821 году в Великий пост, перед выступлением Гвардии в поход» (ВД III. С. 205), т. е. весной 1821 г., после объявления о роспуске Союза благоденствия на московском съезде. В первой редакции первой оправдательной записки Н. И. также указывал на хронологическую «неточность» показаний С. М. Семенова, но однозначно подтверждал сам факт принятия Митькова в тайное общество (см.: *Шебунин А. Н.* И. Тургенев в тайном обществе декабристов. С. 132–133).
200. Речь идет о показаниях А. М. Миклашевского (см.: ВД XVIII. С. 232, 237, 242).

201. С просьбой прокомментировать пассаж «Донесения» о принятии Н. И. Я. Н. Толстого в Северное общество к последнему обратился А. И. Тургенев в письме от 31 мая 1827 г. (опубл.: *Щеголова С. А.* Переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым // Памяти декабристов: Сб. материалов. [Вып.] П. Л., 1926. С. 166–167), во время подготовки второй оправдательной записки (см. коммент. 3 к предисловию Н. И.). Толстой, будучи на подозрении у правительства и стремясь постфактум сократить срок своего участия в тайных обществах ответил, что «<...> Николаем Ивановичем в члены никакого тайного общества принят не был», и объяснил показание Семенова следующим образом: «В 1820 году секретарь Семенов пригласил меня к г. Миклашевскому <...> с тем чтобы участвовать в предполагаемом составлении тайного Общества. Пришед к упомянутому Миклашевскому, я нашел там, между прочим, брата вашего; совещания наши длились несколько часов, в продолжение коих я от брата вашего не слышал никакого предложения о вступлении в составляемое общество и помню только, что он (ваш брат) предлагал и в суждениях своих с жаром поддерживал один предмет, целью которого было освобождение крестьян <...>. Впрочем, в продолжение сего совещания никакой мятежной, ниже преступной цели обнаруживаемо не было <...>; ибо сие было первое и последнее или, лучше сказать, единственное его заседание; оно не имело устава и не отличалось никаким названием <...>» (письмо от 5 июня 1827 г.: *Щеголова С. А.* Указ. соч. С. 168–170, сводку данных о Толстом-декабристе см.: *Щеголов П. Е.* Из двадцатых годов. Заметки и материалы // Пушкин и его современники. Вып. II. СПб., 1904. С. 65–76; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 176–177, 324). Н. И. так откомментировал это письмо Толстого: «В ответе к вам Т<олстого> назван 1820-й год. Если это поправлено задним числом, то не скоро. Но мое с ним свидание было, как Семенов показывает в рапорте, в 1821 году после Москвы, во всяком случае, обстоятельство это было прежде запрещения тайных обществ [1 августа 1822 г.]» (письмо А. И. Тургеневу от 23 июня 1827 г.: Там же. С. 168). Спустя три года, когда Н. И. работал над третьей оправдательной запиской (см. о ней в статье С. В. Житомирской в наст. изд., с. 625), его брат Александр попросил уточнить Толстого, о каком обществе идет речь, так как «брат <...> никогда не говорил об учреждении нового общества, и что этого и потому быть не могло, что в 1820 году существовало еще старое общество <...>» (письмо от конца апреля — начала мая 1830 г.: Там же. С. 172); Толстой, еще последовательней отрицая свои связи с декабристским движением, отвечал А. И. Тургеневу, «что приглашал меня вступить в Общество не брат ваш, а г. Семенов, который неясно истолковал мне, вновь ли составляется общество, или предлагают мне вступить в старое, а потому я и думал, что дело идет о каком-нибудь еще не совершенно устроенном обществе; ныне же по внимательном прочтении рапорта Следственной Комиссии я удостоверился, что общество, в которое приглашал меня секретарь Семенов, не что иное, как старое, известное под именем Зеленой книги» (письмо от 6 мая 1830 г.: Там же. С. 173). В это же время по настоятельной просьбе Тургеневых Толстой ознакомил их со своей оправдательной запиской, адресованной Николаю 1 26 июля 1826 г., причем с ее отредактированным вариантом, где были сняты наиболее острые свидетельства о деятельности Н. И. — декабриста, в частности признание о вступлении в общество в доме А. М. Миклашевского под влиянием «убеждения и красноречия» Н. И. (опубл.: Там же. С. 174–181; подлинный текст записки см.: *Щеголов П. Е.* Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 223–226). Комментируя записку, Толстой писал А. И. Тургеневу: «Признаюсь вам откровенно, что если я не написал более в письме моем к Государю, то сему причиною был случай; и ибо не я один, а мы все твердо уверены были, что Н. И. был душою и вождем общества; сверх того, и подписки мы все дали ему <...>. Семенова или иного кого, находящихся во власти правительства, обвинять я не должен был и не хотел, <...> о намерении же Н. Ив. просить суда я не мог знать, когда писал письмо к Государю» (письмо от 11 июня 1830 г.: *Щеголова С. А.* Указ. соч. С. 186). Подробнее см.: *Щеголов П. Е.* Указ. соч. С. 222–230; *Щеголова С. А.* Указ. соч. С. 164–188; *Тарасова В. М.* Происхождение либеральной концепции декабризма... С. 323–325.

202. Ср. в «Донесении»: «План самого Муравьева, как он показывает, был следующий: 1. Окончив свой проект Конституции, раздать множество экземпляров <...>» (ВД XVII. С. 42).

203. Ср. в «Донесении»: «Иные, в том числе начальник одной из управ, князь Сергей Волконский (не зная его [Пестеля] проекта Конституции, хотели все жертвовать для введения предполагаемого в ней образа правления); «Князь Сергей Волконский говорит сам, что он видел только небольшие отрывки Пестелевой „Русской правды“ и что главнейшие основания оной были ему вовсе не известны» (ВД XVII. С. 40).

204. «Донесение» (ВД XVII. С. 35) следует здесь показанию М. И. Муравьева-Апостола: «Тургенев был выбран единогласно, но он отказался, говоря, что в первый раз он не был счастлив и хочет вновь остановить действия общества, к тому же он сказал, что его здоровье расстроено и что он хочет ехать за границу на воды» (ВД IX. С. 257) — и краткому упоминанию в показаниях Е. П. Оболенского (ВД I. С. 238, 254–255).
205. См. примеч. 193 к т. 1.
206. В «Записке о действительном статском советнике Николае Тургеневе» (ВД XVII. С. 134) имеется в виду следующее показание М. Ф. Орлова: «В конце 1820 года я поехал в отпуск <...> в Москву. Там я нашел собрание некоторых членов, а именно: Фон-Визинов обоих, Михаила и Ивана, Охотникова, Граббе, Бурцева и Тургенева. В Москву я прибыл в начале 1821 года. <...> Собранные в Москве члены должны были заняться преобразованием Общества, ибо чувствовали, что в нем нет никакой связи» (Орлов 1963. С. 82; ср. в следственном деле Н. И.: ВД XV. С. 286).
207. В «Записке о действительном статском советнике Николае Тургеневе» (ВД XVII. С. 134) имеется в виду следующее показание С. П. Трубецкого: «<...> положили, что необходимо надобно для узнания мыслей и состояния общества Пестеля показать ему что-нибудь здесь образованное и составили здесь управу, назначив для переговоров с Пестелем меня, Никиту Муравьева и Ки <язя> Оболенского. Другие ж члены были здесь <...> Николай Иванович Тургенев. <...> Наконец положили собрание, в котором был Тургенев, Муравьев, Оболенский и я» (ВД I. С. 15; ср. в следственном деле Н. И.: ВД XV. С. 285). Из-за границы Трубецкий вернулся в сентябре 1821 г. (см.: Павлова В. П. Декабрист С. П. Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. С. 19).
208. «Записка о действительном статском советнике Николае Тургеневе» (ВД XVII. С. 134) точно следует здесь показанию М. И. Муравьева-Апостола (см.: ВД IX. С. 225).
209. В «Донесении» полностью названа фамилия В. П. Ивашева (ВД XVII. С. 38).
210. В «Донесении» перечислено 8 декабристов (см.: ВД XVII. С. 38).
211. В «Донесении» полностью названа фамилия П. И. Борисова (см.: ВД XVII. С. 42).
212. «*Satiragi*» — французская иллюстрированная газета, издававшаяся с 1832 г. и объединившая лучших французских карикатуристов.
213. В «Донесении» полностью названа фамилия В. К. Тизенгаузена (см.: ВД XVII. С. 44).
214. В этом примечании в «Донесении» названы три фамилии — В. Л. Давыдова, С. Г. Волконского и А. И. Майбороды (см.: ВД XVII. С. 45).
215. В «Донесении» полностью названа фамилия А. И. Майбороды (см.: ВД XVII. С. 45).
216. В «Донесении» (ВД XVII. С. 55; ср. наст. изд., с. 153) говорится об А. П. Арбузове, 13 декабря 1825 г. призывавшем А. П. и П. П. Беляевых, Б. А. и М. А. Бодиско, В. А. Дивова и И. П. Лудима принять участие в намечающемся перевороте.
217. В «Донесении» полностью названа фамилия Д. И. Завалишина (см.: ВД XVII. С. 46).
218. В «Донесении» полностью названа фамилия А. П. Арбузова (см.: ВД XVII. С. 46).
219. Хотя в правление Петра I приоритет признания обвинения над другими типами судебных доказательств сохранился, в важнейшем тексте процессуального права этой эпохи — «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (1715) — были оговорены обязательные условия признания: оно должно было быть сделано в суде, безоговорочно, добровольно и подтверждено другими доказательствами (см.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 807–809, 838).
220. В тексте «Донесения» А. Ф. Бриген действительно упоминается дважды — в этом эпизоде (в современном издании «Донесения» здесь ошибочно стоит фамилия «Фон Визин», см.: ВД XVII. С. 47; ср. показания Бригена: ВД XIV. С. 430), а также как участник так называемого «петербургского совещания» 1820 г. (ВД XVII. С. 31); однако, как хорошо было известно Н. И., «Донесение» создавалось как общий обзор деятельности тайных обществ, не содержащий в себе оснований для осуждения конкретных декабристов (ср. в тексте «России и русских», с. 127; свод преступлений, инкриминированных А. Ф. Бригену Следственной комиссией, см.: Декабристы: Биографический справочник. С. 330). Симпатия Н. И. к Бригену, его знакомому по европейской кампании 1813–1814 гг. (см.: Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения.

- Иркутск, 1986. С. 94–95, 217; *АБТ* III. С. 456; ср.: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 97) отчасти связана, видимо, с показаниями Бригена на следствии (см. наст. изд. с. 105; *РГАДА*. Ф. 1274. № 1789. Л. 3; *Изд.* 1872. С. 458). Бриген с радостью принял похвалы Н. И. в «России и русских»: «Друг мой Т<ургунев> поставил мне в своей книге памятник, отрадный для сердца моего и коим вы, мои дети, после смерти моей можете гордиться» (письмо М. А. Туманской от 19 октября 1851 г.: *Бриген А. Ф.* Указ. соч. С. 302; ср. с. 378, 387; *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 302). Начиная с 1845 г. Н. И. посылал Бригену, «одному из благороднейших людей в мире», деньги, в 1857 г. он возобновил с ним переписку (см.: *Ланский Л.* Из эпистолярного наследия декабристов... С. 211; *Бриген А. Ф.* Указ. соч. С. 378–379, 392; также: *Тальская О. С.* К истории перевода А. Ф. Бригеном «Записок» Гая Юлия Цезаря // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 73–77; переписку см.: Литературный вестник. 1904. Т. VII. Кн. 1. С. 36–37; *Бриген А. Ф.* Указ. соч., по указ.), встречался с ним по возвращении в Россию после амнистии (см.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 518; *Летописи Гос. литературного музея*. Кн. III: Декабристы. М., 1938. С. 341), а после смерти Бригена в 1859 г. собирался взять на воспитание его младшего сына Николая (см.: *Тарасова* 1966. С. 87).
221. Фрагмент «России и русских», начинающийся этими строками и заканчивающийся фразой «Какая из этих судеб более достойна зависти?», был послан Н. И. Д. Н. Блудову в 1843 г. (см. коммент. 112 к т. 1).
222. В посланном Блудову фрагменте «России и русских» (см. коммент. 112 к т. 1) после этих слов Н. И. пометил в скобках: «Это был Жуковский» (*РГАДА*. Ф. 1274. № 1789. Л. 2; ориг. по франц.).
223. Об этом эпизоде см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. Т. I. М., 1989. С. 141–142. 12 августа 1827 г. А. И. Тургунев писал Н. И. о Блудове: «<...> имя его два раза является в истории: в первый раз, как постыдный предатель (именем и делами Блуд), а в другой раз с иронией в рапорте комиссии!» (*Изд.* 1872. С. 70).
224. В посланном Блудову фрагменте «России и русских» (см. примеч. 112 к т. 1) к этим словам Н. И. сделал примечание: «Это жалкое, заклейменное мной существо было, впрочем, осуждено, как оно того и заслуживает, даже самыми близкими ему людьми. Его собственная дочь, увидев красную ленту, которой были награждены его старания, не могла не сказать, что ей не нравилось видеть своего отца с этой красной лентой, полученной по случаю процесса» (*РГАДА*. Ф. 1274. № 1789. Л. 3; ориг. по-франц.; в июне 1826 г. Блудов был награжден орденом Анны 1-й степени). Как позднее рассказывал Н. И. В. А. Жуковскому, «дочь его писала ко мне и просила не говорить о ней того, что я говорил. Хотя то, что я о ней говорил, было сообщено брату, в присутствии Щербинина, родственником Блудова, Поликарповым, и хотя в письме своем дочь Блудова советится прямо сказать, что приводимые мною слова несправедливы, и тем самым как бы подтверждает их, я, однако же, исполнил ее просьбу и выбросил свидетельство дочери против преступного отца» (письмо от 11 мая 1847 г.: *Ланский Л.* Из эпистолярного наследия декабристов... С. 220; письмо А. Д. Блудовой неизвестно).
225. В «Донесении» полностью названы фамилии И. И. Пущина и С. М. Семенова (см.: *ВД XVII*. С. 54).
226. В «Донесении» речь идет о М. А. Бестужеве (см.: *ВД XVII*. С. 56).
227. В «Донесении» полностью названы фамилии П. К. Хвощинского, А. И. Красовского и Мосеева (Моисеева) (см.: *ВД XVII*. С. 56).
228. В «Донесении» полностью названа фамилия Г. И. Гебеля (см.: *ВД XVII*. С. 60).
229. В «Донесении» этот эпизод относится к 1824 г.; автором письма, требующего «смерти государя цесаревича Константина Павловича от членов тайного Польского общества», был М. П. Бестужев-Рюмин (см.: *ВД XVII*. С. 36; ср. наст. изд., с. 157).
230. В «Донесении» полностью названы фамилии И. И. Сухинова и А. Д. Кузьмина (см.: *ВД XVII*. С. 61).
231. В «Донесении» полностью названы фамилии И. И. Сухинова, В. Н. Соловьева, М. А. Шипиллы и А. Е. Мозалевского (см.: *ВД XVII*. С. 61).
232. См. примеч. 181.
233. В следственном деле Н. И. следов подобного допроса нет (см.: *ВД XV*. С. 269–270; 295–299).
234. Действительно, автор «Донесения» Д. Н. Блудов не принимал участия в работе Разрядной комиссии Верховного уголовного суда. Кто именно был автором «Записки о действительном статском советнике

- Николае Тургенева», неизвестно; значительное участие в работе над документами Разрядной комиссии принимал М. М. Сперанский (см., напр.: *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордился мы.» С. 230–232).
235. Сочувственная заметка о восстании декабристов, подписанная криптонимом «Т.» и опубликованная в парижской газете «La France chretienne» (1826. 22 авг.), дала повод российскому правительству подозревать в ее авторстве Н. И. Заметка стала предметом дипломатической переписки с французскими властями, которые уверили Петербург, что ее автором был Я. Н. Толстой (см.: *Изд.* 1872. С. 5; *Ангран П.* Отголоски восстания декабристов во Франции // *Вопросы истории.* 1952. № 12. С. 112–113; *ВПР XIV.* С. 773). Толстой, в свою очередь, впоследствии убеждал братьев Тургеневых, что не имел к заметке никакого отношения (см.: *Щеглова С. А.* Переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым. С. 166–167, 170).
236. Речь идет о написанном М. М. Сперанским Манифесте об окончании суда над декабристами от 13 июля 1826 г. (см.: *ВД XVII.* С. 252–253).
237. Речь идет о написанном М. М. Сперанским докладе Верховного уголовного суда Николаю I от 8 июля 1826 г. «Все подсудимые без изъятия, — гласил доклад, — по точной силе наших законов, подлежат смертной казни. <...> И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общею безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны» (*ВД XVII.* С. 221).
238. Как писал А. И. Тургенев Н. И. 19 февраля 1827 г., Сперанский — «тот, кто, — за минуту до приговора, говорит <...> судьям твоим о недоказанности вины твоей, убеждает их обвинить тебя в одной неявке — и в то же время, устрешенный злобою и невежеством других, <...> бросает им жертву, осуждает тебя на смерть и каторгу <...> зная, что за неявку к суду нет наказания в наших законах» (*Изд.* 1872. С. 16–17; *За-озерский А.* Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева. С. 118; ср.: *Изд.* 1867. С. 35, 41). Несмотря на это, в 1828 г. Сперанский был активным участником второй попытки оправдания Н. И. (см.: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 241; *РГАДА.* Ф. 6. № 589. Л. 34). Узнав о смерти Сперанского, А. И. Тургенев писал А. Я. Булгакову: «Мир праху его! Я давно простил ему слабодушие его в важном для меня случае: он знал невинность брата, доказывал мне ее сам, и — молчал там, где молчать было преступление» (письмо от 2/14 марта 1839 г.: *Изд.* 1939. С. 225).
239. Английский политический деятель XVII в. Джордж Джеффрис был известен своей жестокостью и цинизмом.
240. В действительности на следующий день после вынесения Н. И. смертного приговора, 5 июля 1826 г., когда в Верховном уголовном суде вместо заболевшего П. В. Лопухина председательствовал А. Б. Куракин, А. С. Шишков выступил с письменным возражением против действующего в суде порядка исчисления большинства голосов (записка опубл.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. II. Berlin, 1870. С. 281–283; изложена в протоколе заседания Верховного уголовного суда: *ВД XVII.* С. 185–186); Н. И. в записке не упоминался, более того, система подсчета голосов, которую предлагал Шишков, не смогла бы повлиять на приговор Н. И. (см.: *Тарасов* 1923. С. 411).
241. По инициативе В. А. Жуковского и А. И. Тургенева в 1827 г. Г. А. Строганов принял активное участие во второй попытке оправдания Н. И. (см.: *Изд.* 1872. С. 15, 17, 21, 67–68, 71, 83 и др.; Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу... С. 240).
242. По инициативе Г. А. Строганова, племянник Н. М. Карамзина, сенатор и один из членов Верховного уголовного суда С. С. Кушников, казавшийся А. И. Тургеневу «репрезентантом русского сената» (письмо Н. И. от 12 августа 1827 г.: *Изд.* 1872. С. 72), в 1827 г. был ознакомлен со второй оправдательной запиской Н. И. и, как писал ему брат Александр, «ни секунды не задумался бы, нет, ни терции, ибо и секунда означала бы размышление, коего уже ему теперь не нужно, после прочтения твоей записки и объявил бы тебя невинным» (письмо от 17 августа 1827 г.: Там же. С. 80; ср. с. 78–79, 82, 88; *Изд.* 1867. С. 17; ср. также письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 21 апреля 1830 г.: *ОА III.* С. 187–189).
243. Д. В. Дашков, «честный приятель Тургеневых» (*Вяземский VII.* С. 414), с апреля 1829 г. исполнявший обязанности министра юстиции в должности товарища министра, в 1832–1839 гг. министр юстиции. В 1826 г. в Петербурге он помогал А. И. Тургеневу в хлопотах за Н. И. (см. письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 11 августа 1826 г.: *АБТ VI.* С. 37–38), а в 1828 г. был активным участником второй попытки

- оправдания Н. И. (см.: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу... С. 223–224, 241, 250; *РГАДА*. Ф. 6. № 589. Л. 34, 35). Однако это не стало препятствием размолвке между А. И. Тургеневым и Дашковым в 1830 г. (см.: *Вяземский* VII. С. 414), когда последний скептически отнесся к желанию Н. И. вернуться в Россию (см. коммент. 137 к т. 1).
244. Об этом со слов Г. Штейна сообщил Н. И. А. И. Тургенев: «<...> разговор Штейна с гр<афом> Головкиным и признание наконец гр<афа> Головкина, что им хотелось зватьли многое на кого-нибудь и что они предпочли отсутствующего, и бешенство Штейна за сии слова Головкина, противные всему христианскому и европейскому <...>» (письмо от 9 августа 1827 г.: *Изд.* 1872. С. 67; ср. с. 48, 61).
245. См. коммент. 142 к т. 1.
246. По воспоминанию Д. Н. Свербеева о Н. И., «все путешествующие и прибывающие в Париж наши земляки, за весьма редким исключением, бегали от него как от заразы» (Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826). Т. I. С. 478). В настоящем эпизоде речь идет, вероятно, о С. П. Свечиной, ближайшей приятельнице А. И. Тургенева, оставшейся в Париже после Июльской революции благодаря протекции родителей своей воспитанницы Е. К. Нессельроде, дочери российского министра иностранных дел (см.: *Rouet de Journel M. J. Une Russe catholique. Madame Swetchine*. Paris, 1929. P. 215–227; ср.: *Михайлов В. Б., Турпулова С. Л.* Российские подданные во Франции в 1830 году: Из фондов Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 166–170; о дальнейших препятствиях пребыванию Свечиных в Париже см.: *Овчинников Р. В.* Из наблюдений над источниками «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // История СССР. 1991. № 3. С. 148–149). Осознавая шаткость своего положения, она подробно писала М. Д. Нессельроде 27 октября 1831 г. о своем решении не принимать Н. И. в Париже (см.: *Lettres de madame Swetchine*. [Т.] I. Paris, 1862. P. 291–292). Приехав в Париж, Н. И. писал о ней брату Александру 14 ноября 1831 г.: «<...> я слышал, что она здесь и что здоровье ее, по крайней мере по наружности, хорошо. Так как она меня едва знает и по другим причинам, связанным с моим положением, я не имел ни малейшего намерения к ней представляться. И я не ошибся. Недавно я слышал, что она, услышав о моем приезде, говорила, что она меня видеть не может по причинам моего политического положения в отношении к Российскому Пр<аветильст>ву» (*ИРЛИ*. Ф. 309. № 231. Л. 53). Однако А. И. Тургенев, очевидно понимая причины подобного поведения Свечиной, не разорвал с ней отношений и продолжал считать ее салон одной из главных достопримечательностей Парижа: «Но прежде всего побывай у С. П. Свечиной», — напутствовал он в 1836 г. отправлявшегося во Францию А. Н. Карамзина (Пушкин в письмах Карамзинных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 379).
247. Речь идет об изд.: *Hunter J. D. Manners and Customs of Several Indian Tribes Located West of Mississippi; Including Some Account of the Soil, Climate, and Vegetable Production, and the Indian Materia Medica: To Which Is Prefixed the History of the Author's Life During a Residence of Several Years among Them*. Philadelphia, 1823. Книга Хантера, в детстве попавшего в индейское племя и выросшего в нем, была очень популярна в середине 1820-х гг. (вышли ее переводы на немецкий, голландский, шведский языки, ср. также лондонское издание с другим названием: *Hunter J. D. Memoirs of a Captivity among the Indians of North America, from Childhood to the Age of Nineteen; with Anecdotes Descriptive of Their Manners and Customs. To Which Is Added, Some Account of the Soil, Climate, and Vegetable Productions of the Territory Westward of the Mississippi*. London, 1823), однако вскоре Хантер был разоблачен как обманщик и авантюрист, не знающий индейского языка. Впрочем, в настоящее время правдивость книги Хантера не вызывает сомнений, подробнее см.: *Drinmon R. White Savage: The Case of John Dunn Hunter*. N. Y., 1972.
248. Рассказывая далее о процессе А. П. Волынского, Н. И. основывается на «Записке об Артемии Волынском», составленной на основе архивных материалов Д. Н. Блудовым (опубл.: *ЧОИДР*. 1858. Кн. II. Отд. V. С. 135–170, сводка обвинений Волынского на с. 161; ср. отсутствие ряда приводимых Блудовым и Н. И. деталей в также основанной на блудовской записке статье А. А. Краевского: *Энциклопедический лексикон*. Т. XI. СПб., 1838. С. 464–473, в частности с. 470). Копией записки распологал В. А. Жуковский (см.: *Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М.* Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 144), через которого она, по-видимому, и стала известной Н. И.
249. Написанное в 1765 г. «Собственноручное наставление Екатерины II сыну и потомкам ее по поводу несправедливого решения дела о Волынском» в 1833 г. было обнаружено в Государственном архиве Ми-

нистерства иностранных дел Д. Н. Блудовым (см.: *СБРИО*. X. СПб., 1872. С. 56–57); копией записки располагал В. А. Жуковский (см.: *ЧОИДР*. 1858. Кн. IV. Отд. V. С. 144), через которого она, по-видимому, и стала известной Н. И.

Том II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА РОССИИ

1. Неточная цитата из «*Essai philosophique sur le gouvernement civil*» Ф. Фенелона: «Было бы чудовищным предпочитать себя своей семье, свою семью своему отечеству, свое отечество — всему роду человеческому, поскольку разумная любовь, соображаясь всегда со степенью совершенства и превосходства каждого предмета, начинает с общего и спускается постепенно к частному» (см.: *Œuvres de Fenelon*. Т. X. Paris, 1826. P. 7–8). Ср. письмо Н. И. брату Сергею от 30 июля 1821 г.: «И так любовь к отечеству делает нас равнодушными к прочим народам. В слове Фенелона: что „он любит семейство свое более себя, отечество более семейства и род человеческий более отечества“, справедливо только первое. Все прочее есть афектация, которой Фенелону долженствовало бы быть чуждым» (*Изд.* 1936. С. 343).
2. Точная цитата из «Писем русского путешественника» (1797; см.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254; интересно, что Н. И. воспроизводит ход мысли Карамзина, который хорошо знал высказывание Фенелона, приведенное выше в «России и русских» и, возможно, отталкивался от него в своих размышлениях, см.: *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Т. II. Л., 1984. С. 70). Ср. письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 2 июня 1830 г.: «Недавно прочел я здесь все путешествие Карамзина и слова: „Главное дело быть людьми, а не славянами“ так поразили, обрадовали меня, что я выписал все в письме к брату и жалею, что не могу теперь отыскать в его письмах ответа его. Эти слова, в молодости Карамзиным сказанные <...>, доказывают <...>, что ум его угадывал прекрасное, ибо тогда еще и в Европе немногие так думали, и лакейский патриотизм господствовал» (ОА III. С. 204).
3. См.: *Channing W. E.* An adress, delivered before the Mercantile Library Company of Philadelphia, May 11, 1841. Philadelphia, 1841.
4. См. коммент. 223 к т. 1.
5. Указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», водивший в России единонаследие (а не майорат в точном смысле этого слова — указ не предписывал механическую передачу собственности старшему сыну, а предусматривал право завещателя выбирать среди наследников), был подписан Петром I 23 марта 1714 г. (см.: *ПСЗ*. Т. V. С. 91–94) и отменен лишь Анной Иоанновной 17 марта 1731 г. (см.: Там же. Т. VIII. С. 396–398). Об обсуждении майората в кругу братьев Тургеневых см.: *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие // *Орлов*. 1963. С. 307–308; *Мильчина В. А., Остоват А. Л.* Из наследия П. Б. Козловского // *Тютчевский сборник*. [Вып. I]. Таллинн, 1990. С. 309; ср. также наст. изд., с. 384–385.
6. Речь идет о манифесте Петра III от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (см.: *ПСЗ*. Т. XV. С. 912–915) и «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», подписанной Екатериной II 21 апреля 1785 г. (см.: Там же. Т. XXII. С. 344–358).
7. Речь идет об указе Николая I от 17 апреля 1834 г., ограничивавшем срок пребывания за границей пятью годами для дворян и тремя — «для всех прочих состояний» (см.: *ПСЗ* II. Т. IX. Отд. I. С. 294–295); указ вызвал негативную реакцию в обществе, см.: Архив графов Мордвиновых. Т. VIII. СПб., 1903. С. 447–449; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XII. [М.; Л.], 1949. С. 326, 328; также: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. В 2 т. Т. I. М., 1996. С. 164, 465–467, коммент. В. А. Мильчиной и А. Л. Осовата.
8. Н. И. ошибается, звание подпоручика по Табели о рангах (где оно заменило не прижившееся в России звание унтер-лейтенанта) соответствовало XIII классу; XIV классу соответствовали чины драгунского прапорщика, хорунжего, корнета армейской кавалерии и прапорщика армейской пехоты.

9. Н. И. ошибается, по Табели о рангах в военной службе потомственное дворянство давал уже XIV класс; по манифесту Николая I от 11 июня 1845 г. (см.: *ПСЗ II*. Т. XX. Отд. I. С. 450–451) в гражданской службе потомственное дворянство давал лишь V класс, а в военной — VIII класс.
10. «Табели о рангах» английский философ Иеремия Бентам посвятил строки сочинения «Теория наказаний и наград» (см.: *Bentham J. Theorie des peines et des recompenses*. Т. II. Londres, 1811. P. 7–9, 244).
11. Речь идет об утвержденном Николаем I 15 января 1839 г. «Положении об артистах императорских театров» (см.: *ПСЗ II*. Т. XIV. Отд. I. С. 62–63), по которому «артисты императорских театров» (актеры, музыканты, административные и технические работники и др.) стали считаться «в службе» и «по их талантам и по занимаемым ими амплуа и должностям» делились на три разряда с различным статусом по отношению к Табели о рангах (так, артисты первого разряда после 10 лет работы в театре могли поступить на гражданскую службу и через 6 лет получить чин низшего, XIV класса).
12. Речь идет о введенном манифестом Николая I от 10 апреля 1832 г. сословии «почетных граждан» (см.: *ПСЗ II*. Т. VII. С. 193–195), свободных от подушного оклада, рекрутского набора, телесных наказаний и др.; почетное гражданство мог получить не только купец (либо состоявший 10 лет в первой или 20 лет во второй гильдии, либо награжденный одним из российских орденов, либо пожалованный в звание коммерц- или мануфактур-советника), но и мешанин, окончивший один из российских университетов или Академию художеств, и преуспевший в России иностранный ученый, купец или художник.
13. Речь идет о подготовленном М. М. Сперанским указе Александра I от 6 августа 1809 г. (см.: *ПСЗ*. Т. XXX. С. 1054–1057); о судьбе указа подробнее см.: *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XIX в. СПб., 1999. С. 114–115, 167–172.
14. По поручению Комиссии составления законов Н. И. работал над проектом «правил для службы гражданской» в ноябре 1817 г. и представил его в Комиссию в начале декабря (см.: *АбТ V*. С. 103–106, 108; *Изд.* 1936. С. 240). Текст проекта неизвестен; его подробный пересказ см. в письме Н. И. брату Сергею от 5 декабря 1817 г.: *Изд.* 1936. С. 242.
15. Этот пассаж вызвал одобрительный отклик С. С. Уварова в его записке Николаю I 1847 г.: «Замечательно, что один из записных недоброжелателей существующего порядка в России, Николай Тургенев, в сочинении своем о России, говорит, что едва ли возможно будет побудить правительство отказаться вполне от этого учреждения и что на первый случай можно довольствоваться ограничением, состоящим в том, чтобы чины были представляемы одним служебным местам. Ясно, что несоразмерность сих последних с первыми должна мало-помалу положить конец самому учреждению и ввести новый порядок службы, новый порядок гражданского быта в России» (цит. по: *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк СПб., 1888. С. 111; датировка «февраль 1847 г.» ошибочна — книга Н. И. вышла в апреле 1847 г., см. статью С. В. Житомирской в наст. изд., с. 640).
16. Острота П. А. Вяземского («Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы», см.: *Вяземский* 1963. С. 274), восходящая, вероятно, к статье Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802), в которой призыв отказаться от употребления французского языка сочетался с рассуждениями о необходимости ориентироваться в литературе на разговорную речь высшего общества: «Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование <...>, но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света. <...> Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России — тогда, как увидим между светскими людьми более ученых или между учеными более светских людей. Теперь талант образуется у нас случайно» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Т. II. Л., 1984. С. 124–125).
17. Отзвук полемики 1800–1810-х гг. о соотношении церковнославянского и русского (славянского) языков, где на их преемственности настаивали А. С. Шишков и его последователи, а на их различии и, в частности, на происхождении церковнославянского языка от сербского — Н. М. Карамзин, его сторонники и М. Т. Каченовский. Подробнее см.: *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 37–41. Как и большинство современников, Н. И. игнорирует более точные выводы А. Х. Востокова о происхожде-

- нии церковнославянского языка от древнеболгарского («Рассуждение о славянском языке», 1820; ср., напр.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 112).
18. Подробнее о языке русской гомилетической литературы конца XVIII — начала XIX вв. и лингвистической стратегии ее авторов см.: *Живов В. М.* Лингвистическое благочестие в первой половине XIX века. (Из истории размножения литературных языков в послепетровскую эпоху) // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 13. Wien, 1984. S. 363–395; *Он же.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 376–402, 457–470.
19. Речь идет о начавшейся в 1807 г. реформе духовного образования, которая ввела строгую последовательность духовных учебных заведений (приходские училища, уездные училища, семинарии и академии) и их территориальное деление (с академиями во главе); реформа существенно улучшила качество образования духовенства и способствовала его культурному обособлению. Сам митрополит Платон (Левшин), возглавлявший в это время иерархию русской православной церкви, относился к реформе отрицательно. Подробнее см.: *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 141–147, 539–540 (библиография).
20. Речь идет о митрополите Филарете (Дроздове), близком знакомом А. И. Тургенева (см., напр.: *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 337).
21. См.: Речь благочестивейшему государю императору Александру Павловичу, самодержаву всероссийскому, по совершении августейшего его величества коронация говоренная преосвященным Платоном митрополитом московским, в большом Успенском соборе 1801 года сент<ября> 15 дня. М., [1801].
22. Как следует из черновика первой редакции «России и русских» (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 1328. Л. 8), речь идет об Августине (Виноградском), крупном церковном деятеле, архиепископе Московском и Коломенском в 1818–1819 гг., хорошем знакомом А. И. Тургенева (см.: *Оя I*, по указ.; *Изд.* 1939. С. 153). Подробности общения Н. И. и архиепископа Августина неизвестны.
23. Популярная острота, обычно приписываемая Л. де Поншартрену, предшественнику Мишеля Шамийяра на постах интенданта и генерального контролера французских финансов (см.: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 729).
24. Прислать «все статистические сведения», «особенно <...> число каждого рода крестьян» для работы над «Россией и русскими» Н. И. настойчиво просил брата Александра летом 1839 г. (см.: *Тарасова В. М.* «Россия и русские» (Н. И. Тургенев о России 30–50-х гг. XIX в.) // Ученые записки Марийского педагогического института. Т. XXVII. Йошкар-Ола, 1965. С. 128), тот адресовал просьбу Н. И. своему старому знакомому статистику К. И. Арсеньеву (см.: *Пекарский П.* О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым [= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. IX]. СПб., 1872. С. 36–37, 39–40; две недатированные записки А. И. Тургенева Арсеньеву, прямо транслирующие соответствующие просьбы Н. И., см.: Там же. С. 49). С 1828 г. Арсеньев преподавал статистику вел. кн. Александру Николаевичу, а потому мог получать «все из всех министерств сведения, нужные к составлению статистики Российской империи для преподавания <...> наследнику престола» (Там же. С. 44). Арсеньев, очевидно, выполнил просьбу А. И. Тургенева, переслав ему промежуточные данные 8-й ревизии (в виде сводной таблицы сохранившиеся в архиве братьев Тургеневых, см.: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 1148), отличающиеся от окончательных в незначительных деталях (см.: *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 136–137).
25. Пользовавшаяся большим театральным успехом в конце XVIII — первой трети XIX вв. комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1772; впервые: *Аблесимов А.* Комическая опера, Мельник, колдун, обманщик и сват. В трех действиях <...>. [СПб., 1779]), где семья крепостных ищет выгодную партию своей дочери и выдает ее за однодворца, который «Сам помещик, сам крестьянин, / Сам холоп и сам боярин, / Сам и пашет, сам орет / И с крестьян оброк берет» (действ. III, явл. 6).
26. См. коммент. 24 к т. 2.
27. Речь идет о заключении Люблинской унии — объединении Польского королевства и Великого княжества Литовского в единое государство Речь Посполитую летом 1569 г.

28. Неточная цитата из первого варианта выдвинутых Б. Хмельницким письменных условий присоединения Украины к России, которые были представлены в Москве 14 марта 1654 г. (опубл.: [Бантыш-Каменский Д. Н.] История Малой России, со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче <...>. Ч. I. М., 1822. С. 117; Маркевич Н. История Малороссии. Т. III. М., 1842. С. 139).
29. Запрет на продажу малороссийских казачьих земель был введен указом Николая I от 23 ноября 1828 г. (см.: ЛСЗ II. Т. III. С. 1012; ср.: Там же. Т. VI. Отд. I. С. 174–175). Под другим указом Н. И., вероятно, ошибочно имеет в виду указ Николая I от 20 марта 1835 г. «О малороссийских чинах, дающих право на действительное или потомственное дворянство», предписавший обратиться в казачье сословие всех потомков бывших малороссийских чинов, которые до 1 января 1839 г. не представят доказательств на потомственное дворянство и не будут иметь по чинам дворянства личного (см.: Там же. Т. X. Отд. I. С. 254–255). Министерство государственных имуществ было создано в 1837 г.; его возглавил П. Д. Киселев.
30. Речь идет о восстании расквартированного в Слободско-Украинской (с 1835 г. — Харьковской) губернии Чугуевского уланского полка в конце июня — начале августа 1819 г.; полк и поддерживавшие его солдаты Таганрогского уланского полка, «опираясь на свои права, означенные в грамотах, дарованных им прежними государями, не соглашались поступить в воен<ные> поселения» (Якушкин 1993. С. 110). Восстание было разгромлено военными силами; после судебного разбирательства восставшие были наказаны с беспрецедентной жестокостью (см. наст. изд., с. 341). Подробнее см.: Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. М., 1963. С. 43–71; сводку откликов на восстание, включая дневниковые записи Н. И., см.: Цяловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 38–45.
31. Очевидно, речь идет о происшедшем в конце 1819 или начале 1820 г. разговоре министра внутренних дел В. П. Кочубея (указ о вольных хлебопашцах был издан во время первого министерства Кочубея; автором указа был С. П. Румянцев) и И. Д. Якушкина, безуспешно пытавшегося освободить своих крестьян без земли по указу о вольных хлебопашцах (см. коммент. 90 к т. 1). Н. И. записал в дневнике 18 марта 1820 г.: «С некоторого времени час от часу мне становится здесь тяжелее. Якушкин, приезжавший сюда для того, чтобы получить позволение (!) сделать своих мужиков вольными, не успел в своем предприятии. Министр вн<утренних> дел сказал ему, что мужики должны быть отпускаемы на волю не иначе как с землею. Из таких отзывов, в которых видна или самая тупая нерассудительность, или неохота к освобождению, — что можно заключать для будущего!» (АБТ V. С. 225; Н. И. узнал о неудаче Якушкина с опозданием, так как в феврале 1820 г. был в своем имении; см. коммент. 82 к т. 1). Позднее Якушкин вспоминал о разговоре с Кочубеем: «Между прочими возражениями он сказал мне: „Я несколько не сомневаюсь в добросовестности ваших намерений; но если допустить способ, вами предлагаемый, то другие могут воспользоваться им, чтобы избавиться от обязанности относительно своих крестьян“» (Якушкин 1993. С. 101). Об участии Н. И. в модифицировании указа о вольных хлебопашцах в 1824 г. см.: Изд. 1936. С. 478–480.
32. Речь идет об И. И. Байкове; подробности эпизода установить не удалось.
33. Речь идет о 13371 крестьянах воронежского помещика камергера А. Н. Голицына, в 1807 г. откупившихся за 5 424 168 рублей (см.: Семевский I. С. 266; ср.: Якушкин 1993. С. 100).
34. См. коммент. 24 к т. 2.
35. Сообщаемые Н. И. сведения о строительстве Храма Христа Спасителя в Москве в 1821–1825 гг. противоречат воспоминаниям его архитектора и директора экономической части его строительства А. Л. Витберга, скрупулезно описавшего все связанные с обеспечением строительства храма финансовые злоупотребления и подкрпнувшего их отсутствие в покупке крестьян: «В Московской или близлежащих губерниях, изобилующих камнем, известью и лесом [положено было] купить помещичьих имений с крестьянами до 4250 душ, не свыше 1000 руб. [за каждую], а в отдаленных от Москвы губерниях 14 350 душ, не свыше 400 руб. за каждую, что составляло 18 600 душ. <...> вместо предложенных 18 600 душ, на ту же сумму приобретено [было] до 24 000, <...> что составляло для казны пользы слишком на 2¹/₂ миллиона руб., за что и был я всемиловитейше награжден орденом св. Владимира 3-й степени» (Автобиография А. Л. Витберга // РС. 1876. № 9. С. 113–114, 116). Однако это не значит, что крестьяне не доплачивали помещикам; А. И. Тургенев, помогавший П. А. Вяземскому продать его имение Комиссии для сооружения храма, писал ему о своем разговоре с фактическим главой комиссии А. Н. Голицыным:

- Я <> отвечал князю, что ты менее 400 р. душу уступить не можешь, ибо это цена самая дешевая; что если другие помещики уступали дешевле, то многие могли делать сие потому, что им доплачивали свыше сей цены крестьяне, желая поступить в ведомство Комиссии» (письмо от 26 февраля 1824 г.: ОА III. С. 12).
36. Речь идет о П. Д. Киселеве, который, будучи в 1829–1834 гг. полномочным председателем диванов (советов) Молдавии и Валахии, провел там ряд фундаментальных реформ управления, судебной системы, налогодобложения и проч. (подробнее см.: *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30 годы XIX века). М., 1966. С. 200–246, 261–337; позднейший отзыв Н. И. о реформах в Молдавии и Валахии см.: [*Тургенев Н. И.*] О суде присяжных и о судах полицейских в России [= *РЗС*. Ч. IV. Тетр. П]. Berlin; Paris; London, 1860. С. XX). В 1837 г. Киселев выступил инициатором создания Министерства государственных имуществ и возглавил его. Ставший основой известной реформы государственных крестьян проект, о котором пишет Н. И., — «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях» — был рассмотрен и принят «без всяких прений» Государственным советом в апреле 1838 г. (см.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I: Предпосылки и сущность реформы. М.; Л., 1946. С. 513–514) и утвержден Николаем I 30 апреля 1838 г. (см.: *ПСЗ* II. Т. XIII. Отд. I. С. 405–654); дополнения к «Учреждению» — сельские полицейский и судебный уставы — были рассмотрены Государственным советом в конце 1838 — начале 1839 г. и после незначительных исправлений и с оговоркой об их временном действии утверждены императором 23 марта 1839 г. (см.: *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 515–516; *ПСЗ* II. Т. XIV. Отд. I. С. 279–316).
37. Подробнее об удельном землевладении см.: *Горланов Л. Р.* Удельные крестьяне в России. 1797–1865. Смоленск, 1988; об источниках Н. И. о численности удельных крестьян см. коммент. 24 к т. 2.
38. См. коммент. 24 к т. 2.
39. Речь идет об утвержденном Александром I 15 марта 1807 г. докладе министра финансов А. И. Васильева «О наполнении горных заводов хребта Уральского мастеровыми и рабочими людьми», предписывавшем замену на уральских горных заводах приписных крестьян «непременными» мастеровыми и их комплектацию посредством рекрутского набора (см.: *ПСЗ*. Т. XXIX. С. 1052–1157; *Нисселович Л. Н.* История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. II. СПб., 1884. С. 54–75).
40. Возможно, острога друга братьев Тургеневых П. Б. Козловского, участника работы Венского конгресса и убежденного противника крепостного права (см., напр.: *Мильчина В. А., Остоват А. Л.* Из наследия П. Б. Козловского... С. 302–306).
41. Речь идет о Фридрихе-Вильгельме III.
42. Цитата из книги Ж. де Сталь «Размышления о главных событиях французской революции» (см.: *Staël baronne de.* Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Т. I. Paris, 1818. P. 17–18), которую Н. И. внимательно читал в 1818 г. (см.: *АБТ V*, по указ; *Изд.* 1936. С. 267–268; *ОДР*. [Вып.] 1. Саратов, 1971. С. 125; ср.: *Пушкин И. И.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 62).
43. Акт III, сцена 7; Н. И. сходство этого эпизода биографии Бориса Годунова с шекспировской трагедией могла напомнить его драматическая обработка в пушкинском «Борисе Годунове» (см., напр.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 176).
44. Противопоставляя далее различные историографические интерпретации вопроса о причинах закрепощения крестьян, Н. И. в действительности опирается на одно исследование — книгу Д. П. Бутурлина «История смутного времени в России в начале XVII века» (Ч. I. СПб., 1839). Сочувственно пересказав свидетельство Дж. Флетчера, о котором говорит Н. И. (ср. коммент. 45 к т. 2), Бутурлин писал: «Годунов, с одной стороны предусматривая ослабление государства от могущего произойти в самых недрах оною безлюдства, а с другой желая угодить мелкопоместным владельцам, составившим в тогдашнее время главную военную силу России, прибегнул к мерам решительным. Увлекаясь примером соседственных земель Литвы, Лифляндии и Эстляндии, где с давнего времени крепостное право владельцев селений распространялось и на жителей оных, он запретил переход крестьян, а велел им оставаться навсегда в тех местах, где они значились по переписным книгам, составленным в 1593 году» (с. 12–13).
45. Английский экономист Т. Р. Мальтус в своей книге «Опыт о законе народонаселения» (1798) попытался показать, что темпы роста численности населения многократно превышают темпы роста производ-

- ства средств его существования (в соотношении геометрической и арифметической прогрессий); особенная резкость Н. И. к предположению о том, что закрепощение крестьян было вызвано опустошением центральных областей России, связана с тем, что именно так (и также со ссылкой на Дж. Флетчера) объяснял инициативу Годунова Н. М. Карамзин (о его позиции см. коммент. 75 к т. 2; ср. наст. изд., с. 502; также ср. отзыв М. Ф. Орлова о ранней работе Д. П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии» (1819), целиком следовавшего тогда в вопросе о причинах закрепощения за Карамзиным: *Орлов* 1963. С. 61).
46. Д. П. Бутурлин писал о закрепощении крестьян и связанных с ним инициативах Бориса Годунова: «Сии распоряжения, столь стеснительные для личной свободы людей низших сословий, неминуемо должны были породить в них сильное негодование. <...> Годунову нельзя было не знать о всеобщем ропоте, но он полагал, что может пренебречь неудовольствием народного класса <...>. Увидим, что он обманулся в своем расчете, и что он сам и Россия дорого заплатила за эту ошибку» (*Бутурлин Д. История смутного времени в России в начале XVII века*. Ч. I. СПб., 1839. С. 14, ср. с. 4, 10 и др.).
47. В действительности, поводом к работе над проектом «о пресечении продажи крестьян порознь и без земли» стала поданная на имя императора в мае 1819 г. жалоба на курского помещика Жданова, продававшего своих крестьян поодиночке (см.: *Шебунин А.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли // Архив истории труда в России. Кн. 6/7. Пг., 1923. С. 117). Сенат не нашел в действиях Жданова ничего незаконного, но Александр I остался недоволен подобным решением и через председателя Государственного совета П. В. Лопухина 22 января 1820 г. передал члену Совета Комиссии составления законов Г. А. Розенкамппа поручение подготовить законопроект о запрете продажи крестьян без земли (см.: Там же. С. 118). Проект Розенкамппа был вскоре готов (см. о нем: Там же), но переданные 12 февраля в Департамент законов Государственного совета записки В. П. Кочубея и М. А. Милорадовича с описанием еще пяти случаев продажи крестьян без земли (см.: Там же. С. 118–119; Архив Государственного совета. Т. IV: Журналы по делам департамента законов. Ч. II. СПб., 1874. Стлб. 326–327) заставили Розенкамппа отозвать его и заняться подготовкой нового; над ним между 14 и 28 февраля конфиденциально работал Н. И. (см.: *АбТ V*. С. 222–224; *ОА II*. С. 20; текст одной из промежуточных редакций: *АбТ V*. С. 484–485; окончательный текст проекта в детальном изложении А. С. Шишкова: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. II. Berlin, 1870. С. 112–117; Архив Государственного совета. Т. IV. Ч. II. Стлб. 328–331). На этом ход проекта остановился, но записка В. П. Кочубея о псковском помещике Креницыне, продавшем 89 крестьян известному заводчику К. Н. Берду, попавшая 4 июня в Комитет министров и оставленная им без внимания на заседании 29 июня (см.: Древняя и новая Россия. 1876. № 9. С. 67; *Шебунин А.* Указ. соч. С. 124), привлекла внимание Александра I (находившегося тогда в пути на Троппауский конгресс) и вызвала его резолюцию на решении Комитета министров, о которой сообщает Н. И. 28 сентября вместе с поручением составить исторический обзор российского законодательства по этой проблеме резолюция императора была передана в Комитет министров (см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1819), и уже 20 октября проект Комиссии составления законов был заслушен на заседании департамента законов Государственного совета; с согласия членов департамента и от его лица Шишков написал цитируемое Н. И. мнение о проекте комиссии (опубл.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. II. С. 109–130, приведенный фрагмент — с. 128–129; Архив Государственного совета. Т. IV. Ч. II. Стлб. 331–339), которое вместе с текстом самого проекта было заслушано на общем заседании Государственного совета 22 ноября. Здесь и произошел конфликт Тургеневых с министром юстиции Д. И. Лобановым-Ростовским, произнесшим вслух, что «комиссия лжет» (см.: *АбТ V*. С. 249–250; *ОА II*. С. 110–111, 119, 122–123, 441–446). 26 ноября там же был заслушан подготовленный комиссией при непосредственном участии Н. И. (см.: *Ильин-Тамич А. А., Курилкин А. Р.* Из писем Ф. Н. Глинки Н. И. Тургеневу // *НЛО*. В печати) и направленный на поддержку ее проекта тщательный исторический обзор законодательства о продаже крестьян без земли (опубл.: Древняя и новая Россия. 1876. № 9. С. 67–73), особое значение придававший указу Петра I от 15 апреля 1721 г. (см.: *ПСЗ*. Т. VI. С. 377) и резолюции Павла I на докладе Сената от 16 октября 1798 г. (см.: Там же. Т. XXV. С. 419–420). Уже 10 ноября, на этот раз официально, Н. И. готовил возражение на мнение Шишкова (см.: *АбТ V*. С. 248), после ряда поправок А. Н. Оленина и П. В. Лопухина (см.: Там же. С. 251; фрагменты опубл.: *Шебунин А.* Указ. соч. С. 127) оно было заслушано на заседании Государственного совета 29 ноября. О ходе заседания, включая выступления Ю. П. Литты, предложившего не заниматься законотворчеством, а лишь вынести реше-

- ния по имеющимся частным случаям, и В. П. Кочубея, благодаря которому решение вопроса было отложено на неопределенный срок, см.: *Абт* V. С. 252; Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. II. С. 132–134; Архив Государственного совета. Т. IV. Ч. II. Стлб. 339–348. Подробнее о попытке Тургеневых добиться запрета на продажу крестьян без земли см.: *Семевский* I. С. 467–476; *Шебунин А.* Указ. соч.
48. Об этой записке см. наст. изд., с. 253–256 и коммент. 89 к т. 2.
49. Речь идет об утвержденном 2 января 1841 г. Николаем I мнении Государственного Совета «О восприятии продажи крепостных людей отдельно от семейств и о приписке их к населенным имениям» (см.: *ПСЗ II*. Т. XVI. Отд. I. С. 15–17).
50. Речь идет о В. С. Попове, члене Государственного совета с 1808 г., председателе Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета в 1819–1821 гг. Современники хорошо знали об упоминанном Н. И. эпизоде: «Всею известно, — вспоминал один из них, — что во время обладавшего всем князя Потемкина <...> был у нас один рекрутский набор с женами рекрутскими, и что весь он был как им, так и креатурами и любимцами его, разворован; и женатые сии рекруты, вместо поселения в Крыму, поселены в деревнях княжеских и других господ, тогда великую власть имевших». Попов был «в числе расхитителей» и «рекрутами сими населил себе богатые деревни» (*Балотов А. Т.* Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. Ч. II. М., 1875. С. 48–49).
51. Право посылать своих крепостных на поселение в Сибирь российский помещик вновь, после 1760 г., получил благодаря указу Александра I от 3 марта 1822 г. (см.: *ПСЗ*. Т. XXXVIII. С. 99–101; о судьбе указа в николаевскую эпоху (см.: *Семевский II*. С. 556–559).
52. Крестьяне Эстляндии были освобождены от крепостной зависимости в 1816 г., крестьяне Курляндии — в 1817-м, а крестьяне Лифляндии — в 1819-м.
53. Речь идет о сыне крепостного служащего демидовских заводов Ф. И. Швецево. В 1821–1827 гг. по инициативе Н. Н. Демидова он учился во Франции и окончил Парижскую горную школу; в 1829 г. Швецов сопровождал А. фон Гумбольдта в его путешествии по Сибири и благодаря личному ходатайству немецкого ученого в 1830 г. был освобожден от крепостной зависимости; впоследствии занимал крупные административные должности на Нижнетагильских заводах. В 1827 г. произошло знакомство Швецова с братьями Тургеневыми, которые пытались добиться его освобождения при помощи В. А. Жуковского и Г. А. Строганова (см.: *Изд.* 1872. С. 32–34, 38, 70, 80, 82; о встрече Н. И. с Швецовым в середине 1840-х гг. см. письмо И. И. Пущина П. А. Вяземскому от 8 марта 1845 г.: *Пущин И. И.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 322). Подробнее см.: *Виргинский В. С.* Фотий Ильич Швецов. 1805–1855. М., 1977. Гумбольдт был знаком с братьями Тургеневыми с октября 1825 г. (см.: *Изд.* 1964. С. 318, 335, также по указ.) и впоследствии неоднократно обменивался с ними письмами (см.: *Изд.* 1872. С. VII; Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 194–197; *ИРЛИ*. Ф. 309. № 1419, 1420).
54. В 1810–1820-х гг. Россия играла активную роль в борьбе с работорговлей. Н. И. имеет в виду, очевидно, декларацию, подписанную 27 января / 8 февраля 1815 г. в Вене представителями России, Австрии, Великобританией, Пруссией, Швецией, Испанией, Португалией и Францией, призвавшими другие государства прекратить работорговлю (см.: *ВЛР VIII*. С. 185).
55. Речь идет о популярном в конце XVIII — начале XIX в. стихотворении Христиана Фридриха Даниэля Шубарта (Шуберта) «Мыс Доброй Надежды» (1787; см.: *Немецкие демократы XVIII века*. Шубарт. Форстер. Зейме. М., 1956. С. 42–44), поводом для которого стала отправка в Кейптаун двух батальонов завербованных и проданных герцогом Вюртембергским Карлом-Евгением голландской Ост-Индской компании для службы в колониальных войсках. Шубарт действительно в 1777–1787 гг. находился в заключении в вюртембергской крепости Хохенасперг; после освобождения прожил еще 4 года. Фрагмент из «Мыса Доброй надежды» процитирован в предисловии к первой части «Салонов» Г. Гейне (см.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 226–227), эпизод из которого приводит ниже Н. И.
56. О рецепции поэмы Оливера Голдсмита «Опустевшая деревня» (1770) Н. И. и его кругом см.: *Топоров В. Н.* Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса) [=Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 29]. Wien, 1992; особенно с. 34–41, 84–89.

57. Эпизод из предисловия Г. Гейне к первой части его книги «Салоны» (1834; см.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 222–224).
58. Переход Парги под турецкое владычество произошел в 1819 г.
59. Речь идет об одном из сыновей А. П. Ганнибала, родственнике А. С. Пушкина. Кто именно был героем пушкинского рассказа, неизвестно; трое из четырех сыновей Ганнибала — Петр, Осип (родной дед поэта) и Исаак — в равной степени отличались женолобием и безразличием к нормам морали. См.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллинн, 1998. С. 183–191.
60. Известная комедия А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (неопубл.; суфлерский экземпляр пьесы см.: Специальная библиотека Государственного академического Малого театра, б. шифра), с успехом шедшая в Петербурге и Москве с 1808 г.
61. Н. И. имеет в виду так называемые «биржевые» артели, получившие распространение в России в XVIII–XIX вв. и занимавшиеся, среди прочего, «конторскими» работами. Подробнее, включая очерк артельного законодательства, см.: *Немиров Гр.* Биржевые артели в С.-Петербурге. (Очерк их организации и современного устройства). СПб., 1876. Стлб. 23–24, 129–138.
62. Источник цитаты установить не удалось.
63. Источник цитаты установить не удалось.
64. Речь идет об изд.: *Channing W. E.* A letter to the Hon. Henry Clay, on the annexation of Texas to the United States. Boston, 1837 (книга неоднократно переиздавалась в Европе; ср. британское издание с другим названием: *Channing W. E.* Thoughts on the evils of a spirit of conquest, and on slavery. A letter on the annexation of Texas to the United States. London, 1837); *Channing W. E.* An adress delivered at Lenox, on the first of august 1842, being the Anniversary of Emancipation in the British West Indies. [S. l.] 1842.
65. В историографии Н. И. имеет стойкую репутацию сторонника «социально-политической» литературы, подкрепленную сведениями о его влиянии на молодого Пушкина (в связи с «Вольностью» и «Деревней»; см., напр.: *Тамашевский Б.* Пушкин. Кн. I (1813–1824). М.; Л., 1956. С. 142–152, 166–167, 183–189; *Пугачев В. В.* Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // *Оксман Ю. Г., Пугачев В. В.* Пушкин, декабристы и Чаадаев. С. 99–149; *Он же.* Декабрист Н. И. Тургенев и пушкинская «Деревня» // Там же. С. 151–162; *Топоров В. Н.* Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса). С. 34–53) и стремлении политизировать деятельность «Арзамаса» (см. коммент. 111 к т. 1). Между тем, отношение Н. И. к литературе было более «объемным», она привлекала его не только как эффективный инструмент социально-политической пропаганды, но, скорее, как источник нравственного просвещения. Так, Н. И. призывал Пушкина и Ф. Н. Глинку уделить внимание религиозной поэзии (см.: *Ильин-Тамич А. А., Курилкин А. Р.* Из писем Ф. Н. Глинки Н. И. Тургеневу // *НЛО.* В печати), а среди своих литературных знакомств всегда выделял давнюю дружбу с В. А. Жуковским. В 1868 г. Н. И. писал П. А. Вяземскому: «Мне всегда казалось, что творения Жуковского, как поэта, так и прозаика <...>, кроме общих достоинств, которые свойственны ему вместе с другими писателями нашими, проникнуты какою-то чистотою нравственною, каким-то простодушием, добросердечием, одним словом *добротою*. Это смягчает сердце и следовательно нравы. Русские мальчики и девочки, читающие, выучивающие наизусть стихи Жуковского, конечно, лучше относились к их хамам [т. е. крепостным], нежели их батюшки и матушки» (письмо от 5 сентября 1868 г.: *РА.* 1872. № 6. Стлб. 1201–1202).
66. Недостоверные сведения о неподцензурной публикации сатиры Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (первые: [*Дно Ф.-Т.-М.*] Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность. Аглинская повесть. М., 1769. С. 53–59) в 1763 г. восходят к «Новому опыту исторического словаря о российских писателях» митрополита Евгения (Болховитинова) (см.: Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 9. С. 252; ср.: *Вяземский* 1963. С. 269); детали рассказа Н. И. указывают на его знакомство с рукописью или корректурой книги П. А. Вяземского о Фонвизине, где сведения митр. Евгения приведены с осторожными оговорками (см.: *Вяземский П.* Фон-Визин. СПб., 1848. С. 47–48; о допечатной истории книги см.: *Вацура В. Э., Лиллельсон М. И.* Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине // *Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине».* М.; Л., 1968. С. 58–69, 105–112).

67. См. коммент. 24 к т. 2.
68. Тацит, «Анналы», III, 65; пер. А. С. Бобовича.
69. Фрагмент одного из парламентских выступлений Уильяма Питта Старшего, графа Чатэма, который Н. И. знал, вероятно, по книге Г. Брума, несколько раз процитированной в «России и русских» (см.: *Brougham H. Chatham // Brougham H. Historical sketches of statesmen who flourished in the time of George III. Ser. I. London, 1839. P. 37*).
70. Эпизод из «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелина (1785; см.: *Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 332*); часто варьировался в европейской россике первой половины XIX в. (см.: *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 346, 518–519*, коммент. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата).
71. Цитата из выступления Г. Брума в Палате общин британского парламента 29 января 1828 г. (см.: *The Parliamentary Debates. New Series. Vol. XVIII. London, 1828. Col. 58*).
72. Речь идет о подготовленных попечителем казанского учебного округа М. Л. Магницким и высочайше одобренных 17 января 1820 г. инструкциях директору и ректору Казанского университета (см.: *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I: Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стлб. 1199–1220, особенно стлб. 1214*). Н. И. познакомился с ними в сентябре 1820 г.: «В вечеру дома я прочел несколько строк, несравненно занимательнейших. <...> Тут говорится, что директор, между прочим, должен смотреть, чтобы жены сторожей не мыли белья и не пекли хлебов на сторону; чтобы учителя внушали покорность юношеству; чтобы внушали, что все языческие герои были гордецы; чтобы директор входил в сношения с полициею для узнания: куда, к кому ходят в город учителя, и что они делают!» (дневниковая запись от 14 сентября 1820 г.: *АБТ V. С. 239*; ср. еще более эмоциональный отзыв А. И. Тургенева в письме И. И. Дмитриеву от 4 февраля 1821 г.: *РА. 1867. Стлб. 661*). Спустя полгода, раздумывая о перспективах назначения Магницкого попечителем Санктпетербургского учебного округа, Н. И. записал: «На щет Магн<ицкого> все мнения, кажется, одинаковы. И подлинно, нельзя без омерзения подумать об этом человеке! Досадно, что и его надобно называть человеком» (дневниковая запись от 22 апреля 1821 г.: *АБТ V. С. 263–264*).
73. Источник цитаты обнаружить не удалось.
74. Строки из стихотворения Г. Р. Державина «Храповицкому» («Храповицкой! дружбы знаки...»; 1797; впервые: *Сочинения Державина. Т. II. СПб., 1808. С. 122–123*). По словам П. А. Вяземского, «многие из второстепенных произведений Державина, если не по слогу, силе и живописи выражений, то по крайней мере по мыслям в них заключенным должны быть в памяти читателей. В числе их стихи Храповицкому. <...> два стиха:
- Раб и похвалить не может,
он лишь может только лстить,
- одни стоят ста звучных стихов» (*Вяземский 1963. С. 35*).
75. Ср. у Карамзина: «Крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу <...>. Правитель [Годуну] видел невыгоды сего перехода, который часто обманывал надежду землевладельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживаться, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства, для духа общественного <...> без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским — желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном — он в 1592 или 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село, и навеки укрепил их за господами. Что ж было следствием? <...> Крестьяне жалели о древней свободе, хотя и часто бродили с снею бездомками от юных лет до гроба, хотя и не спасались ее правом от насилия господ временных, безжалостных к людям от них непрочным; а богатые владельцы, имея не мало земель пустых, лишались населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков. Тем усерднее могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от ухода жителей и работников» (*Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. Т. X. СПб., 1845. Стлб. 120–121 2-й паг*; ср.: *Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 79*; о позиции Карамзина см. также наст. изд., с. 502).

76. См. коммент. 44 и 46 к т. 2.
77. Неточная цитата из книги Ж. де Местра «Санктпетербургские вечера» (см.: *Maistre J. de. Les soirées de Saint-Petersbourg, ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la providence.* Т. I. Paris, 1821. P. 44); ср. в письме А. И. Тургенева Н. И. от 15 января 1828 г. рассказ о лекциях А.-Ф. Вильмена, который «напал на гр<фа> Мейстера как на главного защитника смертной казни; ибо палач, в системе его, est la clef de la voûte [замковый камень свода. — франц], т. е. de la voûte sociale [свода общественного здания. — франц], как гр<аф> Мейстер его называет» (Изд. 1872. С. 359).
78. Речь идет об указе Александра I от 28 мая 1801 г. «О непринимании для припечатания в ведомостях объявлений о продаже людей без земли» (см.: *ПСЗ. Т. XXVI.* С. 662).
79. Речь идет об указе Екатерины II от 15 февраля 1786 г. (см.: *ПСЗ. Т. XXII.* С. 534) и оде В. В. Капниста «На истребление в России названия раба Ее Императорским Величеством в 15 день февраля 1786 года» (впервые: Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. XV. С. 52–57); в отличие от Н. И., А. И. Тургенев оценивал эту инициативу положительно: «<...> до указа, воспетого Капнистом, и послы подписывались в религиях рабами. Как ни говорите, а в бессмертной Екатерине было в самом деле что-то бессмертное» (письмо Н. И. от 30 апреля 1837 г.: *ОА IV.* С. 13).
80. Высказывание было популярно в кругу братьев Тургеневых (ср. запись П. А. Вяземского: «Один умный человек говорил, что в России честному человеку жить не можно, пока не уничтожат следующих приговорок: *без вины виноват, казенное на воде не тонет, а в огне не горит, все Божие да Государево*», см.: *Вяземский* 1963. С. 31); Ю. М. Лотман назвал его автором российского посла в Голландии А. Г. Головкина (см.: *Лотман Ю. М. Собр. соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения.* М., 1998. С. 151), источников сведений исследователя выявить не удалось (биографию Головкина см.: *Русский биографический словарь.* [Т.] Гоголь–Поне. М., 1997. С. 261–264).
81. Речь идет о волнениях помещичьих и удельных крестьян трех уездов Симбирской губернии в конце мая — июне 1839 г. Волнения начались из-за пожаров, в которых крестьяне видели умысел помещиков и правительства, и были подавлены военной силой. Подробнее см.: Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сб. документов. М., 1961. С. 350–363, 757 (библиография).
82. Знаменитая острота П. И. Полеткики: «Кажется Полетика сказал: В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение» (*Вяземский* 1963. С. 24; ср.: Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова. СПб., 1866. С. 30).
83. Речь идет об одном из первых мероприятий Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства — открытом в 1766 г. по инициативе Екатерины II конкурсе работ о наиболее эффективной форме собственности крестьянина на землю. Н. И. приводит девиз победившей на конкурсе работы французского экономиста Беарде-де-Лабея (опубл.: Труды Вольного экономического общества, к поощрению в России земледелия и домостроительства. 1768. Ч. VIII. С. 1–59), где доказывалось, что наделение крестьянина землей является безусловной прерогативой помещика, которая должна быть реализована постепенно и осторожно.
84. Несомненно, речь идет о М. А. Нарышкиной, фаворитке Александра I в 1800–1810-е гг., чью роль в русской политике Н. И. очень сдержанно охарактеризовал в черновике первой редакции «России и русских» (см.: *ИРЛИ. Ф. 309. № 1328. Л. 13 об.*). Подробности сообщаемого Н. И. эпизода выяснить не удалось; ср. свидетельства об обещании освободить крестьян, которое Александр дал Р. Стурдзе и Ж. де Сталь (*РА. 1887. № 3. С. 419; Семейский* I. С. 482).
85. Ф. О. Пауллуччи, знакомый Н. И. по европейской кампании 1813–1815 гг.: «Пауллуччи <...> кажется не глуп, хотя очень умного ничего в нем не заметно», — заметил Н. И. вскоре после знакомства с ним (дневниковая запись от 29 октября 1813 г.: *АБТ III.* С. 226).
86. Речь идет об А. П. Ермолове; о его популярных «антинемецких» остротах см.: *Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года.* С. 84–87, 102.
87. В действительности, мысль о создании общества для обсуждения крестьянской реформы была высказана еще в 1818 г. П. А. Вяземским (см.: *Лотман* 1997. С. 453) и получила конкретное развитие во время его общения с С. И. Тургеневым в Варшаве в январе 1820 г. (см.: *ОА II.* С. 13–14). Инициатива Вяземско-

- го была подробно изложена в письме А. И. Тургеневу от 6 февраля (Там же. С. 14–17; о распространении письма см.: *Лотман* 1997. С. 454; ср. письмо Вяземского М. Ф. Орлову [б. д., март]: *АБТ VI. С. 377*) и нашла энергичную поддержку у Н. И. (см. его письмо Вяземскому от 18 февраля: *ОА II. С. 21–22*). В ответе Вяземского был определен способ осуществления его идеи — привлечение в общество членов, обладающих высоким положением и большим состоянием (см.: *АБТ VI. С. 4–5*); в апреле к созданию общества был привлечен В. Н. Каразин (обозначенный в тексте Н. И. инициалом «К.»; см.: *Изд. 1936. С. 300*; о Каразине см. коммент. 14 к примеч. Н. И.), в первой половине мая — М. С. Воронцов и А. С. Меншиков (см.: *Изд. 1936. С. 302*). В это же время Каразин в письме к управляющему Министерством внутренних дел В. П. Кочубею от 2 апреля и на аудиенции у Александра I 21 апреля выступил с самостоятельной программой общества «добрых помещиков», нацеленной не на отмену, а на ограничение крепостного права (пересказ письма и детальный анализ позиции Каразина см.: *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 128–130*), что привело к охлаждению, а затем, в начале июня, — и к разрыву между Тургеневыми, Воронцовым и Меншиковым, с одной, и Каразиным, с другой стороны (см.: Там же. С. 132–133; *Лотман* 1997. С. 457–458). Тем не менее 5 мая текст обращения к Александру I был готов (два промежуточных варианта см.: *АБТ V. С. 488–489*; окончательный текст см.: *РС. 1871. № 3. С. 336*; *АБТ V. С. 489–490*; сделанное на основе «России и русских» предположение С. В. Мироненко о наличии еще одной, окончательной редакции обращения, не имеет достаточных оснований, см.: *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 127, 133*). 19 мая (см. письмо А. И. Тургенева брату Сергею от 21 мая: *Изд. 1936. С. 432*) «Воронцов» предупредил Г<осу>даря. Он согласился. Открылась подписка» (дневниковая запись Н. И. от 1 июня: *АБТ V. С. 231–232*); кроме Воронцова и Меншикова под обращением подписались С. С. Потоцкий, командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков, приехавший из Варшавы Вяземский и камергер князь И. Л. Воронцов-Дашков (см., напр., письмо Н. И. брату Сергею от 12 июня: *Изд. 1936. С. 303*; инициалы Воронцова-Дашкова раскрыты: *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 146. Примеч. 163*). Однако на следующий день, ссылаясь на расширение круга подписчиков и возможную компрометацию общества (ср. зафиксированные Н. И. слухи об обществе: *АБТ V. С. 232*; *Изд. 1936. С. 304*), Васильчиков отказался от своей подписи (см.: *АБТ V. С. 232*; *Изд. 1936. С. 303–304*; письмо Васильчикова Меншикову [б. д.]: *РА. 1875. № 12. С. 417*; *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 134*; о теще Васильчикова Е. А. Пашковой см.: Там же. С. 135) и переговорил об этом с Александром I (см.: *Изд. 1936. С. 304*). В начале 20-х чисел, после новой подписки, в которой приняли участие братья Тургеневы (Александр, Николай и — заочно — Сергей) и Вяземский, Воронцов передал обращение императору через Кочубея (см.: Там же. С. 432). Вскоре тот от имени Александра I «объявил, что общество и подписки не нужны, а каждый может свои намерения в рассуждении крестьян сообщать мин<истру> вн<утренних> дел» (дневниковая запись Н. И. от 1 июня: *АБТ V. С. 232*; ср.: *Изд. 1936. С. 304*; *Вяземский VII. С. 271*). Н. И. отреагировал на неудачу крайне болезненно: «Нечего тут говорить, даже и мне самому с собою. Безнадежность моя достигла высочайшей степени. Пусть делают обстоятельства то, чего мы сделать и даже начать не можем. Что меня может привлекать к теперешнему образу жизни и службы? Все для меня опостылило. <...> Скучная, мрачная будущность, одинокая старость, морозы, эгоисты — и бедствия непрерывные Отечества — вот что для меня остается!» (*АБТ V. С. 232*; ср.: *Изд. 1936. С. 309*). Подробнее см.: *Вяземский VII. С. 270–272*; *Семевский I. С. 454–459*; *Кульман Н. К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I. СПб, 1908*; *Лотман* 1997. С. 452–458; *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 124–137*.
88. М. С. Воронцов был новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области в 1823–1844 гг. Что именно имеет в виду Н. И., неясно, возможно, речь идет об одном из эпизодов русско-турецкой войны 1828–1829 гг. или о подавлении чумного бунта в Севастополе летом 1830 г. «Друтим» автором проекта, как следует из текста Н. И., являлся А. С. Меншиков, однако он умер в 1869 г.; о датах смерти остальных участников проекта см. в указателе имен.
89. По просьбе Ф. Н. Глинки с 24 по 28 декабря 1819 г. Н. И. работал над запиской «Нечто о крепостном состоянии в России» (см.: *АБТ V. С. 219*); 4 января 1820 г. она была передана Глинке (см.: Там же. С. 222). Позднее Н. И. вспоминал, что «при слушании чтения моей записки о крепостном праве, когда входил в комнату тот или иной из слуг его, граф Милорадович немедленно объявлял ему, что он дает ему свободу» (*Изд. 1872. С. 164*). Вскоре Милорадович передал записку Александру I, «там и село» (дневниковая запись Н. И. от 13 февраля 1820 г.: *АБТ V. С. 222*). В 1827 г. А. И. Тургенев посоветовал брату использовать записку как оправдательный документ: «Некоторые места [ее] должны убедить других в чистоте твоих наме-

- рений и согласны с тем, что ты говоришь в своем оправдании. <...> Беспристрастным должна понаравиться и твоя умеренность и твое суждение о помещиках и причинах вреда для них рабства. Тут ясно виден и твой политический образ мыслей относительно России. А бумага писана в самый пыл твоего участия в тайн<ых> общ<ествах> — и этот пыл — холод. <...> Я еще с большим правом буду упрекать следственную комиссию, что не отобрала бумаг твоих, из коих бы увидела иные правила, иные убеждения, а не те, которые она тебе приписывает» (письмо от 16 августа: *Изд.* 1872. С. 74–76; ср. упоминания мемуара «Нечто о крепостном состоянии» во второй оправдательной записке: *КА* 1925. Т. 6 (13). С. 79, 124). Текст записки Н. И. позднее перепечатал в своей книге «Взгляд на дела России» (Leipzig, 1862 [= *РЗС*. Ч. V. Тетр. II]. С. X–XXXVIII). О записке см.: *Семевский* I. С. 449–454; *Ильин-Тамич* А. А., *Курилкин* А. Р. Из писем Ф. Н. Глинки Н. И. Тургеневу // *НЛО*. В печати.
90. См. коммент. 33 к т. 2.
91. По предположению Е. И. Тарасова, Н. И. работал над запиской об ассигнациях в самом конце 1813 — начале 1814 г. (см.: *АБТ* III. С. 453); черновики записки опубл.: Там же. С. 259–262.
92. Криспин Римский, суассонский башмачник, по легенде крал кожу, чтобы бесплатно изготавливать обувь для бедных; был замучен во время гонений на христиан и канонизирован римско-католической церковью.
93. Цитата из выступления В. де Броя в Палате пэров французского парламента 7 июля 1845 г. (см.: *Journal des débats politiques et littéraires*. 1845. 8 juillet).
94. Имеется в виду Д. А. Гурьев, министр финансов в 1810–1823 гг. К моменту выхода «России и русских» в свет «предшественником» действующего министра финансов был уже Е. Ф. Канкрин, которого в 1844 г. на посту главы финансового ведомства сменил Ф. П. Вронченко.
95. Отсылка к эпизоду из книги Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей», легшему в основу поговорки «деньги не пахнут»: «Тит упрекал отца [т. е. Веспасиана], что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. „Нет“, — ответил Тит. „А ведь это деньги с мочи“, сказал Веспасиан» (Божественный Веспасиан, 23, 3; перевод М. Л. Гаспарова).
96. Билль об освобождении рабов в английских колониях был принят британским парламентом в 1807 г.
97. Братья Тургеневы хорошо знали английского квакера Вильяма Аллена (о его контактах с Александром I см.: *Пытин* А. Н. Религиозные движения при Александре I. С. 403–412, 414–415, 468–473) — «о государе, <...> о благих намерениях его сердца и, следовательно, об уничтожении рабства» в 1826 г. беседовал с ним А. И. Тургенев (см.: *Изд.* 1964. С. 418–419), Н. И. тесно общался с ним в Париже (см.: *Тарасова* 1966. С. 57).
98. Подробностей эпизода обнаружить не удалось.
99. Публикацию обнаружить не удалось.
100. Речь идет о дипломате Г. И. Гагарине, близком знакомце братьев Тургеневых (см., напр.: *Ковальская* М. И. Движение карбонариев в Италии. 1808–1821 гг. М., 1971. С. 177); ср. письмо Н. И. брату Сергею от 11 февраля 1818 г.: «Сказывал ли тебе когда-нибудь к <нязь> Гагарин о проекте своем нарисовать п<етер>бургский шлагбаум с надписью: *Lasciate ogni speranza, voi chi entrate!* Надпись Дантова над шлагбаумом ада» (*Изд.* 1936. С. 253).
101. Н. И. цитирует XII (а не XI) главу книги Б. Константа «De l'esprit de la conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne» (1813); каким изданием пользовался Н. И., установить не удалось.
102. Неточная цитата из книги Н. Макнивелли «Государь» (1513): «Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посылать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества» (гл. XVII; пер. Г. Д. Муравьевой).
103. Председателем Государственного совета в 1816–1827 гг. был П. В. Лопухин; сведений о его знакомстве до смерти Александра I с текстом манифеста о передаче права на престол нет.
104. Манифест о передаче права на престол был составлен архиепископом Филаретом (Дроздовым); Николай Павлович был осведомлен о существовании манифеста, но отказался от претензий на престол

- под давлением сторонника Константина — петербургского военного генерал-губернатора М. А. Мило-
радовича. Ключевую роль в поддержке кандидатуры Николая сыграл А. Н. Голицын, настойчиво призы-
вавший будущего императора повиноваться «воле покойного государя» (см.: Междуцарствие 1825 года
и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 13–14) и сооб-
щивший о тексте манифеста членом Государственного совета. Подробнее о династическом кризисе
1825 г. см.: *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России
первой половины XIX столетия. С. 85–93.
105. Эпизод относится ко времени возвращения Александра I в Россию после Ахенского конгресса; источ-
ником сведений Н. И. об отречении Константина Павловича, очевидно, был рассказ самого великого
князя П. Д. Киселеву, зафиксированный в дневнике А. И. Михайловского-Данилевского и в деталях сов-
падающий с текстом Н. И. (запись от 10 июля 1829 г.: *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории само-
державия... С. 79–80). Михайловский-Данилевский, товарищ Н. И. по Геттингенскому университету и евро-
пейской кампании 1813–1814 гг. (см., напр.: *Тарасов* 1923. С. 156, 180 и др.; Сборник старинных бумаг,
хранящихся в музее П. И. Шукина. Ч. X. М., 1902. С. 178; *Серков А. И.* История русского масонства XIX ве-
ка. СПб., 2000. С. 97–98), которому Н. И., в частности, был обязан назначением к Г. Штейну в Централь-
ный департамент (см.: Сборник старинных бумаг... Ч. X. С. 452–453; *Вишницер М.* Барон Штейн и Нико-
лай Иванович Тургенев // *Минувшие годы*. 1908. № 7. С. 255–256), после осуждения декабристов порвал
с Н. И. отношения (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года. С. 350–351; ср. рассказ
А. И. Тургенева о встрече с Михайловским-Данилевским в письме Н. И. от 15/27 сентября 1839 г.: «Он меня
узнал и ко мне подошел, — а три дня назад не достало у него на то храбрости, — а затем шепотом рас-
просил меня о вас, о вашем семействе — и как можно скорее раскланялся. В этой пошлости есть что-то
детское, так что я ему охотно все простил», см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 706. Л. 41; ориг. по-франц.; сообщено
В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом). Указанный фрагмент дневника Михайловского-Данилевского
первые был опубликован в 1861 г. (*Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне*.
Кн. II. London, 1861. С. 115–116); о возможности его распространения в 1840-е гг. см.: *Желвакова И. А.*
Материалы А. И. Михайловского-Данилевского в «Историческом сборнике Вольной русской типогра-
фии» // *Археографический ежегодник за 1969 год*. М., 1971. С. 121; *Сапожников А. И.* Мемуары
А. И. Михайловского-Данилевского // *Рукописные памятники. Материалы и исследования*. Вып. 1. СПб.,
1996. С. 205–208.
106. Как видно из нижеследующих страниц «России и русских» (см. наст. изд., с. 294–295) речь идет об
учебнике для народных городских училищ — русском переводе книги И.-И. Фельбигера «Руководство
к честности и правости» (первое изд.: О достоинствах человека и гражданина, книга, к чтению определен-
ная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению цар-
ствующей императрицы Екатерины Второй. СПб., 1783; с 1783 по 1814 г. вышло 11 изданий общим ти-
ражом более 50 тыс. экземпляров). В 1819 г. по инициативе архиепископа Филарета (Дроздова) книга
была изъята из школьных библиотек (подробнее см.: *Столянский П.* История одной книги // *Вестник*
всемирной истории. 1901. Май. № 6. С. 197–210; *Black J. V.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators
and Pedagogical Ideas in Eighteenth Century Russia. N. Y., 1979. P. 134–136, здесь же англ. перевод книги),
но продолжала использоваться в педагогических целях еще и в 1830-х гг. (см., напр.: *Забелин И. Е.* Вос-
поминания о жизни // *Река Времени*. (Книга истории и культуры). Кн. 2. М., 1995. С. 34, 59). Однако по
ошибке Н. И. приводит пассаж из книги своего отца, И. П. Тургенева (первое изд.: Кто может быть доб-
рым гражданином и верным подданным? М., 1796. С. 17–18); возможно, Н. И. не был хорошо осведом-
лен о его трудах (см. письмо М. Н. Лонгинова Н. И. от 3 октября 1866 г.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рас-
казы о книгах. М., 1959. С. 130–134), но об авторстве этой брошюры знал наверняка из «Записок»
И. В. Лопухина (см.: *РА* 1884. № 1. С. 29; о печатной истории «Записок» см.: *Тартаковский А. Г.* Русская
мемуаристика и историческое сознание XIX века. С. 127–128, 130–131; ср.: *АБТ* I. С. 389, 473); впрочем,
связь перевода Фельбигера и брошюры И. П. Тургенева заслуживает специального исследования.
107. См.: *Brougham H. Carnot* // *Brougham H.* Historical sketches of statesmen who flourished in the time of
George III. Ser. II. London, 1839. P. 281–282.
108. Речь идет об основанном в 1790 г. и издававшемся при Московском университете «Политическом
журнале, с показанием ученых и других вещей, издаваемых в Гамбурге Обществом ученых мужей. Пе-

- ревод с немецкого» (с различными вариантами названия выходил ежемесячно до 1830 г. включительно; в первое десятилетие редакторами журнала были М. Г. Гаврилов и П. А. Сохацкий). Журнал состоял из переводов статей «*Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen*» (Гамбург); сведений о его прямой поддержке Екатериной II нет, но и ее современникам было ясно, что он «также оканрован, как и газеты» и что «видно и сие повелено было от начальства» (цит. по: Губерт Н. Андрей Тимофеевич Болотов как критик и рецензент литературных произведений // Библиограф. 1885. № 10. С. 52).
109. Популярное устное высказывание Ж. де Сталь, неточно отразившееся в ее книге «Десять лет в изгнании» (см.: *Ceuvres inédites de madame la baronne de Staël*. T. I. Paris, 1821. P. 283; на возможность «устного» происхождения этой остроты обратил внимание Ю. М. Лотман: *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. С. 338–339); в близкой форме оно было записано Пушкиным (1822; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XI. [М.; Л.] 1949. С. 17) и в точно такой же (и также без указания автора) — А. де Кюстин (см.: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Т. I. С. 148), книгу которого Н. И. внимательно читал в 1843 г. (см.: *Мильчина В. А.* *Основат А. Л.* Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели. (Из неизданных материалов 1830–1840-х годов) // *НЛО*. 1994. № 8. С. 115, 118–120, 122).
110. Цитата из проповеди митрополита Платона (Левшина) на коронацию Александра I (см.: Речь благочестивейшему государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, по совещению августейшего его величества коронования говоренная просвещенным Платоном митрополитом московским, в большом Успенском соборе 1801 года сент<ября> 15 дня. М., [1801]. С. 6); отзыв Н. И. о проповеди митр. Платона см. выше, наст. изд., с. 193.
111. О литургическом статусе и священнических амбициях Павла I см.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 176–185.
112. Вероятно, речь идет о так называемом «сенатском инциденте» 1803 г. — неудачной попытке Сената оспорить утвержденный Александром I доклад военного министра от 5 декабря 1802 г. и последовавшем за этим указе императора от 21 марта 1803 г., фактически ликвидировавшем право Сената оспаривать министерские доклады и, тем самым, ликвидировавшем ответственность министров. Подробнее см.: *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 230–232.
113. Утвержденные Екатериной II 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» создали новую систему местного управления и, в частности, детально разработанную структуру местных судебных органов (см.: *ПСЗ*. Т. XX. С. 229–304; общий обзор реформы и ее историографии см.: *Камечский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. С. 422–433). Позднейшие реплики Н. И. об «Учреждениях...» см.: [*Тургенев Н. И.*] О суде присяжных и о судах полицейских в России [= *ПЗС*. Ч. IV. Тетр. I]. Berlin; Paris; London, 1860. С. VI–VII; [*Тургенев Н.*] Взгляд на дела России [= *ПЗС*. Ч. V. Тетр. II]. Leipzig, 1862. С. 121–122.
114. Н. И. цитирует «Отчет государственных кредитных установлений за 1842 год» (СПб., 1844) с двумя мелкими неточностями: величина капитала приказов общественного призрения — 12 762 072 рубля 23 копейки; сумма бумажных денег в 1842 г. не увеличилась, а осталась без изменений.
115. Речь идет об основанном в 1835 г. в Петербурге Училище правоведения.
116. Речь идет о 38-й статье Судебника 1497 г., предписывавшей «дворскому» (глава дворцового персонала княжеских слуг), старосте и «лучшим людям» (верхушка посадского населения и черного крестьянства) участвовать в наместничьем суде. Рассматривать это как прообраз института присяжных заседателей нет оснований, по словам современного исследователя, здесь «следует говорить <...> о стремлении феодального правительства использовать в наместничьем суде представителей местной администрации <и др.>, превратив эти органы в одно из звеньев аппарата управления» (Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 24, 78, коммент. Л. В. Черепнина).
117. Фраза из «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» Петра I (1715; см.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 836). И Н. И., и многие его современники, приписывали ее Екатерине II (см., напр.: *Бибииков [А. А.]* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова. СПб., 1817. С. 92; Записки Александра Михайловича Тургенева // *РС*. 1886. № 1. С. 61; *Снегирев И.* Русские в своих пословицах. Рассуж-

- дения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. III. М., 1832. С. 162–163), однако обнаружить подобную фразу в ее текстах не удалось. Фраза приводилась, в частности, в указе Николая I от 17 декабря 1825 г. об «учреждении Тайного комитета для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества к нарушению государственного спокойствия» и «Донесении следственной комиссии» (см.: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903. С. 330; *ВД XVII*. С. 24; ср. в третьей оправдательной записке Н. И.: *РС*. 1901. № 8. С. 267; № 9. С. 629). Н. И. размышлял об этих «незабвенных словах» на страницах дневника (см.: *АБТ III*. С. 336; *АБТ V*. С. 202–206); в адресованном (и не отосланном) Николаю I сопроводительном письме ко второй оправдательной записке он писал: «Екатерина сказала: лучше простить десять виновных, чем наказать одного невинного. Я невинен, а вы на престоле Екатерины» (*РА*. 1895. № 9. С. 32).
118. Екатерина II неоднократно писала об этом — напр., в «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового уложения» (1767): «Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные» (гл. X, §194), и в «Антидоте» (1770): «Никакой смертный не может быть приговорен без суда и допроса» (Оснадцатый век: Исторический сб., издаваемый Петром Бартеневым. Кн. IV. М., 1869. С. 327).
119. См. коммент. 219 к т. 1.
120. См. коммент. 106 к т. 1.
121. Знаменитый эпизод из «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелина (1785; см.: Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 353–354; ср., напр.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XII. [М.; Л.] 1949. С. 162–163), запечатленный даже в скульптуре («Долгорукий, разрывающий царский указ» М. И. Козловского, 1797).
122. См. коммент. 94 к т. 2.
123. См. коммент. 106 к т. 2.
124. 2 Езд. 4: 41.
125. См. коммент. 80 к т. 1.
126. Центральная идея книги английского философа Иеремии Бентэма «Теория наказаний и наград» (опубл. 1811).
127. Речь идет об указе Александра I от 27 сентября 1801 г. (см.: *ПСЗ*. Т. XXVI. С. 797–798).
128. См. коммент. 177 к т. 1.
129. См. коммент. 42 к т. 2.
130. Возможно, речь идет о книге Ж. Лергаверана «*Traité de la législation criminelle en France*» (Vol. I–II. Paris, 1816) или «*Des lacunes et des besoins de la législation française en matière politique et en matière criminelle*» (Vol. I–II. Paris, 1824).
131. См. коммент. 80 к т. 1.
132. Эпизод из летописного свода XII в. «Повесть временных лет», относящийся к князю Олегу, а не к Святославу (см.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997. С. 84, 496).
133. Речь идет об Академической гимназии и Академическом университете, основанном в составе Академии наук в 1724 г.
134. Источник фразы обнаружить не удалось; возможно, она восходит к устному общению Карамзина и Н. И.
135. При Московском университете существовало два подготовительных заведения — Академическая гимназия и Университетский благородный пансион, в котором сам Н. И. учился в 1798–1806 гг.
136. В черновике первой редакции «России и русских» (*ИРЛИ*. Ф. 309. № 2026. Л. 316 об.; ориг. по-франц.) к этому пассажиру Н. И. сделал примечание: «Эти переводы были сделаны отцом автора этих воспоминаний» — И. П. Тургенев был переводчиком книг И. Арндта «Об истинном христианстве» (Ч. I–V. М., 1784; 2-е изд.: М., 1800–1801) и Дж. Мейсона «О познании самого себя» (Ч. I–III. М., 1783; 2-е изд.: М., 1786; 3-е изд.: М., 1800).

137. Речь идет о Г. М. Походяшине, наследнике крупного состояния, владельце нескольких металлургических заводов в Сибири, сподвижнике Новикова, поддерживавшего его инициативы крупными материальными пожертвованиями.
138. Речь идет о С. И. Гамалее; подробнее об этих и других схожих эпизодах его биографии см., напр.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 162–164, 353.
139. Подробнее об отношениях Н. В. Репнина и польского короля Станислава-Августа Понятовского, включая интерпретацию дерзкого поведения Репнина с поляками как его осознанную политическую стратегию, см.: *Уманец Ф.* Понятовский и Репнин // *Древняя и новая Россия.* 1875. № 7–8.
140. Имеются в виду следующие издания Н. И. Новикова: «Живописец» (Ч. I–II. СПб., 1772–1773) «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий» (СПб., 1772), «Древняя российская вивлиофика <...>» (Ч. I–X. СПб., 1773–1775), «Санкт-петербургские ученые ведомости» (1777. № I–XXII), «Московское ежемесячное издание» (1781. Ч. I–III).
141. «Деятельным масоном», о котором пишет Н. И., был отец братьев Тургеневых Иван Петрович; А. И. Тургенев, готовя к печати адресованные ему письма Карамзина, писал: «Я горжусь тем, что отец мой едва ли не первый открыл Карамзина в Симбирске и увлек его с собою в Москву, в тогдашний круг друзей...» (РС. 1899. №1. С. 219–220).
142. Князь А. А. Прозоровский, московский главнокомандующий в 1790–1795 гг. Как писал Н. И. М. Н. Лонгинову, Прозоровский — «просто полоумный, <...> пустой и злой человек. Отправляясь командовать, при императоре Александре, армию в Молдавию, или возвращаясь оттуда, он посетил моего больного отца и не мог не упомянуть о своих подозрениях на счет масонов, подозрениях, коим будто еще верил! Отец улыбался и шутил над этим жалким существом. Ив. Вл. Лопухин вспоминал иногда о кн. Прозоровском, без малейшего признака злобы, но с жалостью и с усмешкою» (черновик письма от 15 августа 1867 г.: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 1253; на черновике дата «7 августа», дата отосланного письма упомянута в ответе Лонгинова: Там же. № 2441).
143. Письмо, цитируемое Н. И., неизвестно; без ссылки на «Россию и русских» этот же фрагмент из него приводил в своих исследованиях о русском масонстве М. Н. Лонгинов (*Русский вестник.* 1858. № 8. Кн. I. С. 457; *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 301). На возможный источник знакомства Н. И. с перепиской Потемкина и Екатерины II указывает позднейшая дневниковая запись П. И. Бартенева: «Иван Васильевич [Киреевский] был знаком с неким Секретаревым, секретарем князя Потемкина; у него долго сохранялись письма Государыни к Потемкину; он читывал их А. И. Тургеневу <...>, но после 14 декабря сжег их» (запись от 18 ноября 1854 г.: *Исторический архив.* 2000. № 1. С. 160). Другой возможный источник — архивные занятия самого А. И. Тургенева (см., напр., его письмо К. С. Сербиновичу от 9 марта 1840 г.: РС. 1881. № 10. С. 341).
144. Сводку данных о свидании Павла I и Новикова, включая рассказ об этом в письме В. Н. Новиковой к А. И. Тургеневу от 14 октября 1818 г., см.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 365–366.
145. Речь идет о масонах новиковского круга В. Я. Колокольникове и воспитаннике И. В. Лопухина М. И. Невзорове; оба были арестованы в 1792 г. на обратном пути из Европы, в Риге, и по окончании следствия заключены в сумасшедший дом при Обуховской больнице, где Колокольников умер, а у Невзорова началось психическое расстройство. После освобождения Невзоров занимался книгоизданием и литературой. Новейшую сводку библиографических данных о Колокольникове и Невзорове см.: *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2: К–П. СПб., 1999. С. 106–107, 336–340.
146. См. коммент. 94 к т. 2.
147. См.: *Allgemeine Zeitung.* 1844. Beilage. 22 Sept. № 266.
148. Порто-франко (свободная гавань с правом беспошлинной торговли) было учреждено в Одессе манифестом Александра I от 16 апреля 1817 г. (см.: *ПСЗ.* Т. XXXIV. С. 208–211; ср. скептический отзыв Н. И. об этом в его приписке к письму А. И. Тургенева С. И. Тургеневу от 15 августа 1821 г.: *Изд.* 1936. С. 354). Инициатором учреждения был Э. О. Ришелье, возглавлявший новороссийскую администрацию в 1804–1815 гг. (см., напр., его записку Александру I 1814 г.: *СВРЮ.* LIV. С. 412–426); в 1817 г. эту должность занимал А. Ф. Ланжерон.

149. Речь идет о так называемом «пермском» письме М. М. Сперанского Александру I от [начала февраля] 1813 г., фрагменты которого Н. И. поместил ниже (см. наст. изд., с. 000); полный текст опублик., напр.: *РА*. 1892. №1. С. 51–65.
150. Цитата из книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776; см.: *Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Vol. I. London, 1778. P. 389*); в более пространном виде была выставлена Н. И. эпиграфом к его геттингенской работе «Рассуждение о банках и бумажных деньгах как следствии основания сих первых» (1810; см.: *Тарасов* 1923. С. 149) и приведена в «Опыте теории налогов» (СПб., 1818. С. 337–338).
151. Речь идет об А. А. Аракчееве, возглавлявшем российскую артиллерию на протяжении практически всего александровского царствования.
152. Записку обнаружить не удалось.
153. Речь идет о М. А. Балутьянском; см. о нем коммент. 94 к т. 1.
154. Публикацию обнаружить не удалось.
155. Речь идет об указе Николая I от 30 августа 1834 г. «О сроке службы нижних чинов в гвардии и в армии» (см.: *ПСЗ II. Т. IX. Отд. I. С. 843–845*) и утвержденном императором в этот же день «Положении об увольнении чинов военно-сухопутного ведомства в бессрочный отпуск» (см.: Там же. С. 845–886). Эти законодательные акты вводили систему бессрочных отпусков, в которые нижние чины гвардии увольнялись после 20 лет службы, а армейские нижние чины после 15 лет службы в обычных войсках и, затем, 5 лет службы в резервных войсках; находящиеся в бессрочном отпуске были обязаны прибыть в часть по первому требованию гражданского или военного начальства. После 2 лет бессрочного отпуска нижних чинов гвардии и 5 лет — нижних чинов армии военнотружущие получали «чистую отставку».
156. Со статьей ознакомиться не удалось. Вернувшись из Алжира в конце 1839 г., французский экономист А.-Ж. Бланки выступил в Академии наук с докладом, в котором, впрочем, не содержалось данных о смертности во французской армии (см.: *Blanqui [A. J.]. Algérie. Rapport sur la situation économique de nos possessions dans le nord de l'Afrique. Paris, 1840*); очевидно, они вошли в публикацию в «*Courrier français*», газете, с которой Бланки постоянно сотрудничал в эти годы. Н. И. писал о Бланки позднее: «Когда во Франции, в царствование Лудовика Филиппа, один ученый, посланный в Алжир академиею, открыл и обнаружил, что во время существовавших тогда повальных болезней в Африке, смертность солдат достигла до 10%, то вся Франция содрогнулась и правительство приняло самые строгие, решительные меры для прекращения такого зла и во многом успело» (*Тургенев Н. Взгляд на дела России. С. 170*).
157. Потери французской армии в Алжире были одной из постоянных тем, обсуждавшихся во французском парламенте в 1830–1840-х гг. Ср., напр., выступление Ж. де Сада в Палате депутатов 14 апреля 1841 г.: «Если предположить, что наши потери сократятся примерно до 10 000 человек, они все равно составят около шестой части нашей армии в Африке» (*Journal des débats politiques et littéraires. 1841. 15 avr.*).
158. Механизм принудительного причисления несовершеннолетних сыновей нижних воинских чинов к военному ведомству был заложен созданными в 1721 г. гарнизонными школами и получил окончательное оформление в системе военно-сиротских отделений в 1798 г. В 1805 г. учащиеся этих отделений получили название кантонистов, а в 1826 г. отделения были реформированы в батальоны военных кантонистов. Их минимальный возраст колебался (см.: *Семевский* 1909. С. 127); с 1835 г. он составлял 20 лет (см.: *ПСЗ II. Т. X. Отд. I. С. 72–73; Т. XVIII. Отд. I. СПб., 1844. С. 2*). По сенатскому указу от 28 июля 1816 г. в военно-сиротские отделения в обязательном порядке поступали дети, «незаконнорожденные солдатскими женами и их дочерьми» и дети, «коих матери при отдаче мужей их в военную службу были беременны и после того родили» (*ПСЗ. Т. XXXIII. С. 961*). Подробнее см.: *Ячменнихин К. М. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 2000. № 1. С. 55–68*.
159. См. коммент. 24 к т. 2.
160. См. коммент. 12 к т. 1.
161. Речь идет о волнениях казенных крестьян Высоцкой и Волинской волостей Новгородской губернии в мае–сентябре 1817 г. «В Новгородской губ<ернии> казенные крестьяне тех волостей, кот<орые> бы-

ли назначены под первые военные поселения, чужа чужьем рус<ского> человека для себя беду, возмутились. Гр<аф> Аракчеев привел против них кавалерию и артиллерию; по ним стреляли, их рубили, многих прогнали сквозь строй, и бедные люди должны были покориться» (*Якушкин* 1993. С. 85). Подробнее см.: *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. С. 27–28.

162. См. коммент. 30 к т. 2.

163. Речь идет о «холерном бунте» в новгородских военных поселениях в июле 1831 г., поводом для которого стали меры, принимаемые правительством в борьбе с эпидемией и расцененные бунтовщиками как умышленное отравление воды и хлеба. «Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны <...> со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жен; 15 лекарей убито» (письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XIV. [М.; Л.] 1941. С. 204). После подавления бунта и судебного разбирательства более 2500 человек были наказаны кнутом, шпичрутенами и розгами; более 200 человек умерли во время наказания, остальные были переведены в арестанские роты или отправлены на каторжные работы. Подробнее см.: *Евстафьев П. П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934.

Том III. О будущем России

1. Вокруг этой цифры в конце 1830–1840-х гг. варьировались данные ежегодных отчетов обер-прокурора Святейшего Синода, систематически публиковавшихся с 1836 г. и бывших среди тех «материалов статистических о России», которыми Н. И. снабжал А. И. Тургенев (см. его письмо Н. И. от 6/18 сентября 1839 г.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 706. Л. 35; ориг. по франц.; сообщено В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом). См., напр.: Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1839 год. СПб., 1840. С. 24 (указано 43 340 072 православных).
2. Введенный в Венгрии в 1836 г. закон о повинностях крепостных крестьян (урбарии) жестко регулировал крепостной труд, ограничивал власть помещиков и расширял экономические права венгерского крестьянства.
3. Рабство в Тунисе было отменено в 1846 г. беем Ахмедом. Н. И. внимательно следил за подготовкой этой реформы и хранил посвященные ей газетные вырезки (см.: *ИРЛИ*. Ф. 309. № 824д, 4375).
4. Речь идет о ряде законодательных актов 1842–1843 гг., которыми боснийский визирь Хозрев-паша не отменил, а регламентировал барщинный труд (кулук) боснийских крестьян-кметов, наследственных держателей помещичьей земли. Так, например, количество дней, отведенных на кулук, было определено в соответствии с размером ренты, выплачиваемой кметской семьей, к кулуку было запрещено допускать женщин и проч.
5. Речь идет о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., ее первой кампании апреля–сентября 1828 г., в ходе которой русские войска понесли значительные потери.
6. Вспыхнувшее в 1830 г. в Польше восстание было подавлено русскими войсками в феврале–сентябре 1831 г.
7. Кафедра военных наук в Дерптском университете существовала с 1802 г. (до 1803 г. — как кафедра смешанной математики и военных наук) и до 1830 г. (см.: *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. I: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. С. 107, 147, 365, 376, 408).
8. См. коммент. 45 к т. 2.
9. Н. И. имеет в виду подготовку закона «об обязанных крестьянах», который не только был издан еще за несколько лет до выхода «России и русских» (2 апреля 1842 г.; см.: *ПСЗ* III. Т. XVII. Отд. I. С. 261–262), но и стал в этой книге темой развернутого примечания (см. наст. изд., с. 552–553). Сведения о работе над

- законом «об обязанных крестьянах», ведшейся специальным Секретным комитетом с 1839 г., в действительности секретом не являлись: «Какой-нибудь месяц секрет действительно сохранялся как следовало; — писал М. А. Корф, — потом в городе заговорили втихомолку, что готовится какое-то важное преобразование в отношениях между помещиками и крестьянами; наконец, разнеслась — гласно и уже во всех сословиях — молва, тотчас долетевшая и до провинции, что готовится — *дать крепостным людям вольность*» (Император Николай в совещательных собраниях. Из современных записок статс-секретаря барона Корфа // *СБРИО* ХСVIII. С. 107).
10. Очевидно, Н.И. имеет в виду серию реформ, осуществленных Министерством императорского двора и уделов в конце 1820-х — начале 1830-х гг., — введение общественной запашки, замену подушного оброка поземельным налогом и др., которые усилили регламентацию управления удельными крестьянами и ухудшили их материальное положение. Подробнее см.: *Горланов Л. Р.* Удельные крестьяне в России. 1797–1865. Смоленск, 1986. С. 22–24.
11. Реплика С. Джонсона, записанная Дж. Босуэллом во время их совместного путешествия по Шотландии в 1773 г. (запись от 10 ноября) и опубликованная в составе всего путевого дневника Босуэлла в 1785 г. (см.: *Boswell J.* The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson. London; N.Y., 1958. P. 270). Н. И. с большим интересом относился к писаниям Босуэлла о Джонсоне: «Босвель был несколько лет приятелем Джонсона; — писал он в 1827 г. брату Александру об изданной Босуэллом «Жизни Самюэла Джонсона», — записывал все, что он говорил о различных предметах, так что книга представляет теперь, кроме множества весьма умных, замечательных рассуждений, разговоров, кроме полного изображения характера Джонсона, также и характер времени, в которое они жили» (*Од* III. С. 154; ср.: *Изд.* 1872. С. 24; *Изд.* 1964. С. 23–24; *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых. С. 136).
12. Речь идет об открытом в 1775 г. в Петербурге Корпусе чужестранных единоверцев; см. о нем: *Ари Г. Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 134–135.
13. Знаменитая фраза, приведенная А. С. Пушкиным в примечаниях к поэме «Медный всадник», принадлежала не Петру I, а итальянскому литератору Ф. Альгаротти (1760; «Письма о России»). Подробнее о ней и ее бытовании в России в 1820–1840-е гг. см.: *Неклюдова М. С., Основат А. Л.* «Окно в Европу»: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // *Лотмановский сборник*. [Вып.] 2. М., 1997. С. 255–272.
14. Новая Голландия — старое название Австралии.
15. Источник эпиграфа установить не удалось. 14 июня 1827 г. А. И. Тургенев писал Н. И.: «На что нам лишать себя средств быть полезными, когда силы ума и души еще нас не оставили? Перенесись мысленно в 1850 год и далее. И что останется от нашего бедствия? <...> Подумай, как бы положить венец гражданский выше венца мученического, который думали положить на тебя. <...> Nichts hoffen und doch wollen, das ist der Mann. Ты сам избрал этот девиз. Оправдывая его и теперь и до конца жизни» (*Изд.* 1872. С. 39).
16. Подробнее о переходе французского правосудия к тюремному заключению как виду наказания см.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.
17. Источник цитаты установить не удалось.
18. Знаменитая брошюра аббата Э.-Ж. Сьейса (Сийеса), посвященная проблеме национального суверенитета и третьему сословию как его носителю. Сочинение Сьейса было опубликовано в начале 1789 г., разошлось огромным тиражом и стало одним из важнейших идеологических документов Великой французской революции. Подробнее см., напр.: *Тырсенко А. В.* Аббат Э.-Ж. Сийес (1748–1836). У истоков французской либеральной идеологии // *Новая и новейшая история*. 1998. № 6. С. 96–98.
19. Подробности эпизода установить не удалось.
20. Вступать дворянам в первую и вторую купеческие гильдии позволил манифест Александра I от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» (см.: *ПСЗ*. Т. XXIX. С. 973); М. М. Сперанский писал об этой дворянской привилегии во «Введении к Уложению государственных законов» (1809; см.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М., Л., 1961. С. 187), фрагменты которого Н. И. поместил в «России

- и русских», выступив тем самым его первым публикатором (см. наст. изд., с. 588–589, 597–605). Н. И. был хорошо осведомлен о проектах Сперанского — в 1812 г. он, будучи чиновником и Министерства финансов, и Комиссии составления законов, получил для передачи в эти ведомства значительную часть конфискованного архива Сперанского, включая «Введение» (см.: Морозов В. И. Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. СПб., 1999. С. 127; об объеме знакомства Н. И. с архивом Сперанского см.: Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года. Пг., 1916 [= Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского. Вып. I]. С. 5, 20–32, 44, 46, 48, 50; ИРЛИ. Ф. 309. № 1007в, 1007г; ср. свидетельство об А. И. Тургеневе — обладателе архива Сперанского: Шильдер Н. Два доноса в 1831 году // РС. 1899. № 1. С. 82–83; ряд рукописей из архива Сперанского сохранился в архиве Тургеневых, см.: Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 192–193).
21. Какую именно маконскую речь А. де Ламартина цитирует Н.И., установить не удалось. О знакомстве А. И. Тургенева с маконскими выступлениями Ламартина см.: Изд. 1964. С. 266. Отзыв Н. И. о политической карьере Ламартина см.: Тарасова В. М. Новое о декабристе Николае Тургеневе // Исторические записки. [Т.] 96. М., 1975. С. 276.
22. Вероятно, Н. И. имеет в виду сербскую конституцию 1835 г., так называемый Сретенский устав, провозгласивший неприкосновенность личности и собственности любого серба, а также возможность любому сербу стать сербским князем в случае смерти всех членов княжеской семьи (см.: Проданович Ј. М. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936. С. 47, 57–58).
23. Н. И. имеет в виду, очевидно, жесткую политику русификации, проводившуюся российским правительством по отношению к остзейскому населению в 1830–1840-х гг. См. об этом, напр.: Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, 1981. P. 20–24, 118–123.
24. Российское законодательство XVIII — первой половины XIX вв. предполагало, что перешедший из православия в другое христианское вероисповедание подвергается «вразумлению» и «увещеванию» священника; если эти меры не приносили результата, судьбу «отступника» решал сам император (см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [Т. XV.] Законы уголовные. СПб., 1832. С. 67). Уголовное уложение 1845 г. предписывало на время «увещевания» частичное лишение «отступника» прав состояния — ввод опеки над имуществом и др. (см.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 45).
25. О какой статуте идет речь, выяснить не удалось.
26. Ср. в «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина в наст. изд., с. 507.
27. Источник цитаты установить не удалось.
28. См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. II. Т. V. СПб., 1842. Стлб. 218.
29. Сведения о том, что, взойдя на престол, Михаил Федорович подписал ряд ограничивающих его власть условий, восходят к нескольким отечественным и зарубежным источникам XVII–XVIII вв. и в научной литературе до сих пор оцениваются неоднозначно. Анализ источников и обзор историографии вопроса см.: Черетнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 204–211. Об интересе братьев Тургеневых к этой проблеме также см.: Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 260; Тургенев Н. Взгляд на дела России. С. 8.
30. Вероятно, Н. И. имеет в виду анекдот из составленного А. А. Нартовым, но традиционно приписывающегося А. К. Нартову сборника «Достопамятные повествования и речи Петра Великого»: «По дошедшим слухам к государю, что чужестранцы почитают его немилосердным, говорил его величество следующую речь <...>: „Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею я от подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, коварство, упрямство ополчились на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии-то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловердных исправляю по необходимости“» (впервые: СО. 1819. № XXIV. С. 204–206; см.: Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 268).
31. См. коммент. 134 к т. 2.

32. Цитата из выступления Г. Пальмерстона в Палате общин британского парламента 14 марта 1844 г. (см.: *Journal des débats politiques et litteraires*. 1844. 17 mars).
33. Речь идет о следующих статьях: *Хомяков* [А.С.] О сельских условиях // *Москвитянин*. 1842. № 6. С. 253–266 1-й паг; [*Татаринов А. Н.* <>?] Замечания на статью г-на Хомякова «О сельских условиях» // Там же. № 8. С. 376–382 1-й паг; *Хомяков А.* Еще о Сельских условиях // Там же. № 10. С. 512–522 1-й паг; *Русский помещик* [*Заблюцкий-Десятовский А. П.*] Замечания на статью г-на Хомякова «О сельских условиях» <...> // *Отечественные записки*. 1842. № 11. Отд. IV. С. 1–12. После их публикации «по цензурному управлению вышло предписание не допускать к печати никаких статей об указе 2 апреля. Правительству, по-видимому, не нравились общественные толки, к которым он дал повод <...> и правительство их пресекло» (Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. II: Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. М., 1878. С. 68–69; материалы см.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985. С. 436). Подробнее о полемике см.: *Семевский П. С.* 70–76; скептический отзыв Н. И. о ее продуктивности см.: *Тарасова* 1966. С. 90.
34. Указ Николая I от 2 апреля 1842 г. «об обязанных крестьянах» гласил: «В случае неисполнения крестьянами приемлемых на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земской полицией, под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления» (*ПСЗ II*. Т. XVII. Отд. I. С. 261).
36. Вольноотпущенники получили официальное разрешение «приписываться к казенным имениям» благодаря указу Екатерины II от 11 февраля 1792 г. (см.: *ПСЗ*. Т. XXIII. С. 303), детализированному «мнением Государственного совета, утвержденным Александром I 28 апреля 1825 г. (см.: Там же. Т. XL. С. 491–492). Сложный бюрократический механизм переселения малоземельных государственных крестьян и наделения их землей был введен положением Комитета министров, утвержденным Александром I 22 марта 1824 г. (см.: *ПСЗ II*. Т. XXIX. С. 227–232) и «не дал положительных результатов» (см.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.; Л., 1946. С. 93–95; на с. 93 ошибочно «1823» вместо «1824»).
37. Тексты всех трех проектов уложений и протоколы их обсуждения в Государственном совете см.: Архив Государственного совета. Т. IV. Журналы по делам департамента законов. Ч. I. СПб., 1875.
38. Речь идет об изд.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [Т. I–XV]. СПб., 1832. Позднейшие реплики Н. И. о Своде см.: *Тургенев Н.* Взгляд на дела России. С. 69–70; *Тарасова В. М.* О неопубликованной рукописи Н. И. Тургенева «Замечания на книгу М. Корфа „Жизнь графа Сперанского“» // *Вопросы истории*. 1956. № 11. С. 131.
39. Во «Введении к Уложению государственных законов» (1809) Сперанский писал: «[Сенат] составляется из определенного числа членов. Места их, по смерти или увольнении, замещаются утверждением державной власти лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список» (*Сперанский М. М.* Проекты и записки. С. 198).
40. Во «Введении к Уложению государственных законов» (1809) Сперанский писал: «По изготовлении дела к слушанию [в Сенате] изложение его представляется в краткий срок обеим сторонам на рассмотрение. Если стороны усмотрят существенное в изложении упущение, они приносят жалобу министру юстиции» (*Сперанский М. М.* Проекты и записки. С. 199).
41. Н. И. имеет в виду проект уголовного уложения 1813 г. (см.: Архив Государственного совета. Т. IV: Журналы по делам департамента законов. Ч. I. СПб., 1875. Стлб. 320–321)
42. Речь идет об утвержденной Екатериной II 21 января 1785 г. Грамоте на права и выгоды городам Российской империи, развивавшей городское самоуправление и заложившей правовые основы для формирования «третьего сословия» в России (см.: *ПСЗ*. Т. XXII. С. 358–384; компактный анализ реформы см.: *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. С. 439–443, 450–453).
43. Е. Ф. Канкрин, министр финансов в 1823–1844 гг., происходил из гессен-кассельского графского рода и родился в г. Ганау.
44. Подробности эпизода установить не удалось.

45. См. коммент. 134 к т. 1.
46. См. коммент. 19 к т. 2.
47. С немецким богословом и историком церкви А. Неандером был хорошо знаком А. И. Тургенев, считавший его крупным ученым (см.: *Изд. 1964*, по указ.) и несомненно информировавший о своих контактах с ним Н. И. Спустя 10 лет после выхода «России и русских» А. Ф. Бриген писал Н. И.: «Я этой книге обязан еще тем, что она указала мне Неандра. Его „Жизнь Иисуса Христа“ сделала эпоху во внутренней моей жизни, и если богу угодно будет, то я постараюсь перевести ее на русс<кий> язык» (письмо от 22 декабря 1857 г.: *Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 387*).
48. Подробности эпизода установить не удалось.
49. Сведений об изменении практики телесных наказаний в российской армии в 1840-е гг. обнаружить не удалось.
50. См. коммент. 155 к т. 2.
51. М. Ф. Каменский служил волонтером во французской армии в 1757–1759 гг. (см.: *Русский биографический словарь. [Т.] Ибак–Ключарев. СПб., 1897. С. 412*).
52. М. Ф. Орлов активно занимался так называемой «ланкастерской» системой взаимного обучения с середины 1810-х гг. и в 1819 г. считал, что «уже много сделано и применено к ланкастерской методе, которая, может быть, в отечестве нашем будет называться некогда орловской методой» (письмо П. Д. Киселеву от 23 июля: *Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. I. СПб., 1882. С. 224*; ср.: *Семевский 1909. С. 429–430*; *Боровой С. Я. М. Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов 1963. С. 287–288*; *Орлик О. В. Братья Тургеневы и Франция // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 178*). Возглавив летом 1820 г. 16-ю пехотную дивизию, Орлов попытался, в основном на собственные средства, ввести в ней систему ланкастерских школ; подробнее см.: *Новва И. Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. С. 87–94*.
53. Н. И. имеет в виду переход от подушного оброка к поземельному сбору, осуществленный в удельных имениях по указу Николая I от 24 января 1830 г. (см.: *ПСЗ II. Т. V. Отд. I. С. 93–94*; *Горланов Л. Р. Удельные крестьяне в России... С. 23–24*).
54. Подробностей эпизода установить не удалось.
55. Очевидно, Н. И. имеет в виду так называемую симбирскую обменную операцию — произведенный в 1835 г. перевод 199 226 душ государственных крестьян (мужского пола) Симбирской губернии в ведомство Министерства императорского двора и уделов и, одновременно, перевод 210 852 душ удельных крестьян ряда российских губерний в казенное ведомство. См.: *Горланов Л. Р. Удельные крестьяне в России... С. 26*.
56. Официальные известия о боевых действиях на Кавказе, полученные из российской армии, начали систематически публиковаться в газете «Тифлисские ведомости», основанной в 1828 г., а затем и в других периодических изданиях. Подробнее см., напр.: *Ватейшвили Д. Л. Русские общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973*.
57. Источник цитаты установить не удалось.
58. Речь идет о «Записке о нынешнем положении Германии» А. С. Стурдзы (см.: *S[ourdza A.] Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne. Paris, 1818*; рус. пер.: *Россия / Russia. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 146–157*), в которой критика немецкого политического духа сочеталась с призывом лишить немецкие университеты автономии и ужесточить немецкую цензуру. Записка встретила резкое неодобрение в российских либеральных кругах (ср. реплики А. И. Тургенева в письме П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г.: *ОА I. С. 169–170*; и И. И. Дмитриеву от 16 декабря 1818 г.: *РА. 1867. Стлб. 644*). Подробнее о записке см.: *Мартин А. А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815–1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 145–151*; *Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х гг. // Россия / Russia. Вып. 3 [11]. С. 143–144*.
59. Подробнее о внешнеполитической ориентации Н. И. Панина, в отличие от других перечисленных Н. И. государственных деятелей считавшего приоритетным направлением русской политики Европу, см.:

- Griffiths D. M. The Rise and the Fall of the Northern System: Court Politics and Foreign Policy in the First Half of Catherine's Reign // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4. № 3; Миронова Е. М. Складывание «Северной системы» Н. И. Панина (60-е гг. XVIII в.) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 1989. № 6. С. 41–51.*
60. Принятие билля об отмене ввозных пошлин на хлеб в 1846 г. явилось кульминацией активно осуществлявшейся в 1840-е гг. либерализации английской внешней торговли.
61. Речь идет об англо-китайской войне 1840–1842 гг., в результате которой, закрепленном Нанкинским мирным договором, Китай открыл для английской торговли пять морских портов и ввел выгодные для нее ввозные и вывозные пошлины.
62. Н. И. цитирует статью Дж. Милля «Правительство» из энциклопедии «*Britannica*» (5-е изд.; 1814) по хранящемуся в его библиотеке отдельному оттиску (см.: *Миллюков П. Н. И. Тургенев в Лондоне // Временник Общества друзей русской книги. [Вып.] III. Paris, 1932. С. 63, 65–66.*
63. Священником, посланным к будущей жене Николая Павловича принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте был о. Н. Музовский, знакомец А. И. Тургенева, обязанный ему своей карьерой (см.: *Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX текущего столетия. СПб., 1894. С. 265; ср.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. X. М., 1902. С. 448–449).* В 1816 г. он информировал А. И. Тургенева о своих занятиях с принцессой Фредерикой (см. письмо Музовского А. И. Тургеневу от 29 августа 1816 г.: Там же. Ч. VIII. М., 1901. С. 168–169); очевидно, именно от него братья Тургеневы узнали о содержании специально подготовленного для Фредерики катехизиса. Полный текст записки неизвестен, более пространные выписки Н. И. из нее см.: *ИРЛИ. Ф. 309. № 401а²* (дата — 15 мая 1816 г.).
64. Возможно, речь идет об одном из первых опытов П. И. Мельникова (Андрея Печерском), в будущем известного исследователя раскола. В конце 1830-х гг. он, будучи учителем в Нижегородской гимназии, стал постоянным корреспондентом журнала «Отечественные записки» и опубликовал там, в частности, «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» (1839–1841). Среди материалов, которые Мельников готовил для «Отечественных записок», была и статья о расколе (см. письма Мельникова А. А. Краевскому от 5 ноября 1839 г. и 11 февраля и 4 марта 1840 г.: Действия Нижегородской губернской архивной комиссии: Сб. Т. IX: В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Ниж. Новгород, 1910. С. 111, 115, 117 1-й паг.), однако по неизвестным причинам в печати она не появилась.
65. Н. И. имеет в виду записку В. А. Зубова «О коренных законах государства» (1802; см.: *Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 36–37, 49*), попавшую к Н. И. в составе архива М. М. Сперанского (см. коммент. 20 к т. 3) и, очевидно, благодаря сохранившимся на ней пометам будущего статс-секретаря, приписанную ему в «России и русских» (см. наст. изд., с. 590–597). Вслед за Н. И. записка атрибутировалась Сперанскому вплоть до недавнего времени, когда М. М. Сафонов убедительно установил ее истинного автора (см.: *Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского // Вспомогательные исторические дисциплины. [Т.] XXII. Л., 1991. С. 101–117).*
66. С конца XV в. Дания являлась дворянской конфедерацией, в которой каждый король выбирался Государственным советом (ригсродом) и подписывал «капитуляцию», подтверждавшую привилегии дворянства и ограничение собственной власти в пользу ригсрода. В 1660 г. специально созванное собрание, объединившее представителей всех сословий, кроме крестьянства, вынудило отменить договорные хартии королей с дворянством. В 1665 г. в Дании была законодательно введена неограниченная монархия.
67. Речь идет о двух важнейших документах истории британского конституционализма — Великой хартии вольностей, подписанной английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г., и Декларации прав, подписанной английским королем Вильгельмом III в 1689 г. Оба документа были приняты под давлением английской аристократии — первому предшествовало восстание баронов, второй стал результатом так называемой «славной революции» 1688 г., сместившей с британского трона Якова II — и ограничивали в ее пользу королевскую власть.
68. Бентам подробно писал об этом в своей работе «Тактика законодательных собраний» (опubl. 1815; см.: *Бентам [И.] Тактика законодательных собраний. СПб., 1907. С. 39–46).*

69. Георг III и У. Питт-младший являлись последовательными политическими противниками революционной, а затем и наполеоновской Франции и, в частности, были инициаторами создания Первой антинаполеоновской коалиции.
70. Фаворит Карла I Т. Страффорд являлся убежденным сторонником ликвидации парламентской оппозиции в Англии; в 1641 г. по инициативе Долгого парламента он был обвинен в государственной измене и арестован. Под давлением Палаты общин и массовых манифестаций Карл I был вынужден осудить Страффорда на смертную казнь чрезвычайным законодательным актом, имевшим обратную силу (Bill of Attainder).
71. Цитата из выступления Луи-Филиппа 1 января 1847 г., на королевском приеме, посвященном Новому году, в ответ на речь президента Палаты депутатов французского парламента Ж. Созе (см.: *Journal des débats politiques et littéraires*. 1847. 2–3 janv.).
72. О какой записки Й. Гересса идет речь, выяснить не удалось.
73. Соответствующую цитату из речи Александра I Н. И. привел выше, см. наст. изд., с. 49.

ПРИМЕЧАНИЯ НИКОЛАЯ ТУРГЕНЕВА

1. См.: *Stein E. W.* Der Freiherr von Stein über die Grundlagen eigenes deutschen Bundes // *Lebensbilder aus dem Befreiungskriege*. [Т.] I. Ernst Friedrich Herbert Graf von Munster. Abt. II. (Urkundenbuch). Jena, 1841. S. 72–74.
2. Н. И. вернулся в Россию в октябре 1816 г. (см.: *АБТ V*. С. 443; наст. изд., с. 48).
3. См.: [*Arnold E. M.*] Karl Frieher von und zum Stein. Gestorben den 29 Junius 1831 // *Allgemeine Zeitung*. 1831. 5 Sept. Außerordentliche Beilage. № 343. S. 1369.
4. Н. И. приводит фрагмент из циркуляра Штейна членам Генерального департамента Пруссии от 24 ноября 1808 г.; полный текст см.: *Stein H. F. K.* Briefwechsel. Denkschriften und Aufzeichnungen. Bd. II. Berlin, [1937]. S. 582–586.
5. Н. И. познакомился с Ф.-С. Лагарпом в конце зимы – начале весны 1814 г. и тесно общался с ним в марте–апреле того же года (см.: *АБТ III*. С. 244, 248, 250); тогда же Лагарп ознакомил Н. И. с письмом Александра от 27 сентября 1797 г. (см.: Там же. С. 252; *Изд.* 1872. С. 185), которое подробно пересказано в «России и русских» (текст письма см.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I. T. I.* Neuchâtel, 1978. P. 214–217; о знакомстве с этим же письмом А. И. Тургенева и В. А. Жуковского см.: *Изд.* 1872. С. 182–189; *Дневник В. А. Жуковского*. СПб., 1903. С. 262–263). Н. И. отреагировал на письмо с большим воодушевлением: «Тут душа Алекс<андра> показывается в истинном своем величии и благородстве. Дай Бог, чтобы желания его исполнились» (дневниковая запись от 24 апреля 1814 г.: *АБТ III*. С. 252). Приводимый Н. И. рассказ Лагарпа о реакции Александра I на известие о голоде в России восходит, возможно, к общению А. И. Тургенева с Лагарпом в октябре 1827 г. (см. этот эпизод в письме А. И. Тургенева Н. И. от 6 октября 1827 г.: *Изд.* 1872. С. 186).
6. Пс. 145: 3.
7. См. коммент. 70 к т. 3.
8. Ср. мнение Лагарпа об осуждении Н. И., высказанное им А. И. Тургеневу, а тем, в свою очередь, сообщенное самому Н. И.: «<...> по прочтении рапорта [т. е. Донесения следственной комиссии], сказал он, я не верил, чтобы Николай Тургенев мог быть участником в том, в чем его и других обвиняли. Я его знал, как честнейшего и благоразумного человека; я и прежде о нем всегда говаривал, что он делает честь своей нации и правилами своими и редким просвещением; что у императора не много подобных слуг; что верно в обвинении его есть какое-нибудь недоразумение» (письмо от 5 октября 1827 г.: *Изд.* 1872. С. 177).
9. Сведений о распространении переписки Лагарпа и Александра I в 1810-х гг. выявить не удалось, однако Н. И. действительно был хорошо осведомлен о ней — в 1822 г. он перечитывал бумаги Лагарпа «с чувством некоторого насмешливого сожаления» (дневниковая запись от 23 мая: *АБТ V*. С. 320). Можно пред-

- положить, что Н. И. ознакомился с письмами Лагарпа Александру благодаря ближайшему сотруднику молодого императора Н. Н. Новосильцеву, в непосредственном подчинении у которого в конце 1810-х гг. служил П. А. Вяземский (ср.: *Вяземский* 1963. С. 289–292). Какие «замечания о Сенате» имеет в виду Н. И., неясно — Лагарп неоднократно писал Александру о необходимости высшим российским чиновникам делать самостоятельные письменные доклады (см., напр., письма от 3 сентября, 16 октября и 15 декабря 1801 г.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe...* T. I. Neuchâtel, 1978. P. 249, 326, 368).
10. Популярный анекдот о грузинском царевиче Мириане Ираклиевиче, «указывающий на давние порядки»: «Известное царевичу лицо обратилось к нему с просьбой помочь ему в его сенатском деле. Царевич дал слово. После однако оказалось, что просителю отказали, и царевич, вместе с другими сенаторами, подписал определение. Проситель является к нему, «Ваша светлость, — говорит он, — вы обещали мне поддержать меня в моем деле». «Обещал, братец». «Как же, ваша светлость, вы подписали определение против меня?» «Не читал, братец, не читал». «Как же, ваша светлость, вы подписываете, не читавши?» «Пробывал, братец: хуже выходит!» (*Листовский И. С.* Рассказы из недавней старины // *РА*. 1882. Кн. I. С. 186; ср.: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990. С. 104).
11. См. коммент. 49 к т. 1.
12. Речь идет о лифляндском помещике Тимофее (Тимотеусе) Егоровиче (Георгиевиче) фон Боке, авторе направленной весной 1818 г. Александру I записки, содержащей личные выпады против императора, призывы к освобождению крестьян и расширению политических прав дворянства (записка опубли.: *Предтеченский А. В.* Записка Т. Е. Бока // *Декабристы и их время: Материалы и сообщения.* М.; Л., 1951. С. 189–203). По предписанию Александра I Бок был арестован и до 1827 г. содержался в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях; слухи о его сумасшествии имели под собой реальную почву. Подробнее см.: *Предтеченский А. В.* Современник декабристов — Т. Г. Бок. Таллин, 1953; *Кросс Я.* Императорский безумец. Таллин, 1987 (основанный на ряде неопубликованных материалов исторического роман); *Салутере М.* К биографии «Императорского безумца». Т. Э. фон Бок (1787–1836) в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах // *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.* Т. I. Таллинн, [б. д.] С. 57–79 (включая данные о свидании жены Бока с Александром I в Царском Селе в 1821 г.).
13. Подробностей эпизода выявить не удалось.
14. Речь идет о В. Н. Каразине, близком сотруднике Александра I в 1801–1803 гг., основателе Харьковского университета, авторе адресованных императору многочисленных записок по разнообразным внутреполитическим вопросам. По подозрению в подстрекательстве Семеновского полка к мятежу в 1820 г. Каразин был арестован и в течение полугода содержался в Шлиссельбургской крепости (ср. дневниковую запись Н. И. от 4 декабря 1820 г.: «В конце прошлой недели взяли, как сказывают, Каразина. <...> Причиною полагают письмо к Государю, зная, что Каразин сидел уже под арестом в Харькове за письма к Государю. Неутомонный подлинно человек! Но жаль при всей пустоте и даже дурноте (если правда, что он крестьян своих разорил), сего человека, и его, особливо же его семейство», см.: *АбТ V*. С. 253), причем именно Каразин засвидетельствовал министру внутренних дел В. П. Кочубею сочувственные отзывы братьев Тургеневых о мятеже (см.: *Семевский В.* Волнение в Семеновском полку в 1820 г. // *Былое.* 1907. № 2 (14). С. 88). Затем Каразин был выслан в свое имение с запрещением выезда. Свод библиографических данных о Каразине см.: *Григорьев Р. Г.* Каразин // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 2: Г-К. М., 1992. С. 466–468; также см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 127–137. Об участии Каразина в попытке братьев Тургеневых основать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян см. коммент. 87 к т. 2.
15. Имеется в виду знаменитая «Записка о древней и новой России». Здесь и далее Н. И. ошибается, датируя ее 1810 г. — Карамзин работал над запиской в конце 1810 – начале 1811 г. и представил ее Екатерине Павловне во время одной из своих поездок в Тверь в феврале–марте 1811 г.; император ознакомился с ней во время своего визита в Тверь в марте 1811 г. (см., напр.: *Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву.* М., 1866. С. 137–142, 063–064, коммент. П. П. Пекарского). Карамзин не оставил у себя копии записки и она получила известность лишь в середине 1830-х гг.; о ее допечатной истории см.: *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Cambridge (Mass.), 1959. P. 93–100; *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 183–187.

16. Ср. письмо Карамзина П. А. Вяземскому от 21 августа 1818 г.: «Для меня старика приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру» (Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 60) и письмо И. И. Дмитриеву от 11 сентября 1818 г.: «Не требую ни Конституции, ни Представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным Царя Русского: вот противоречие, но только мнимое!» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 249).
17. Сводку реплик Н. И.-читателя «Истории государства Российского» и их детальный анализ см.: *Пугачев В. В.* Исторические взгляды декабриста Н. И. Тургенева // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Сер. ист.-филолог. Вып. 52. Горький, 1961. С. 320–324; *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...»: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 58–77; *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989, по указ.; также см.: *Лузянина Л. Н.* Эпиграмма на Карамзина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 260–265; *Вацура В. Э.* К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина // *НЛО*. 1998. № 27. С. 122–129.
18. См. также наст. изд., с. 240.
19. См. коммент. 62 к т. 1.
20. См. коммент. 89 к т. 2.
21. Речь идет о французском публицисте Э. Антреге, советнике российского посольства в Дрездене в 1803–1806 гг. Его записки о Тильзитском мире неизвестны, сохранившиеся сведения о них см.: *Pin-gaud L.* Un agent secret sous la Revolution et Empire. Le comte d'Antraigues. Paris, 1893. P. 356–358, 407.
22. Источник цитаты установить не удалось.
23. Цитата из книги Ш.-Л. Монтескье «Дух законов» (1747): «Но одна только победа решила, какому из двух выражений войти в поговорку: пуническая верность или римская верность» (кн. XXI, гл. XI; см.: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 464; «пуническая верность» — французская идиома, обозначающая «вероломство»).
24. См. коммент. 140 и 141 к т. 1.
25. Речь идет о шести орданансах, изданных Карлом X 26 июля 1830 г. и послуживших поводом к началу Июльской революции. Первый ордананс отменял свободу периодической печати, второй распускал палату депутатов французского парламента, третий вносил изменения в избирательное законодательство, четвертый устанавливал дату созыва новой палаты депутатов и т. д. «Помоги себе сам, и небо тебе поможет» («Aides-toi et le ciel t'aidera») — политическое общество, объединившее в эпоху Реставрации французскую либеральную оппозицию.
26. Н. И. пересказывает и цитирует X главу из посмертно изданной книги Дж. Макинтоша «История революции в Англии в 1688 году» (см.: *Mackintosh J.* History of the revolution in England in 1688. Comprising a view of the reign of James II. Vol. II. Paris, 1834. P. 49–55; цитату см. на с. 54).
27. Н. И. приводит фрагмент Декларации в конспективном переводе, точный перевод см.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: Сб. документов. М., 1957. С. 167–168.
28. Речь идет о теориях французских социалистов-утопистов, разрабатывавших подобные идеи в 1830–1840-х гг. См., напр., критику индивидуализма, частной собственности и конкуренции в сочетании с апологией сильной власти в утопии Э. Кабе «Путешествие в Иккарию» (опубл. 1840; подробнее см.: *Ревякин А. В.* Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М., 1999. С. 19–25 и др.).
29. Речь идет о книге И. Г. Фихте «Замкнутое торговое государство» (1800).
30. Точные цитаты из книги Г.-В. Лейбница «Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла» (1710); см.: *Лейбниц Г. В.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 172, 173.
31. См.: *Rossi P.* Traité de droit pénal. Vol. III. Paris, 1829. P. 75.
32. Речь идет об изд.: *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начала Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и спривокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Соч. <...> изданное

- в Свет на Французском языке Степ. Дюмоном по рукописям от Автора ему доставленным. С прибавлением дополнений от Г-на Дюмона сообщенных. Т. I–III. СПб., 1805–1811; о проблеме наказания см.: Т. II. СПб., 1806. С. 540–622.
33. Цитата из басни А. де Лафонтена «Le loup et l'agneau» (1668; кн. I, басня X).
34. В 1819 г. департамент законов Государственного совета возглавил Я. И. Лобанов-Ростовский.
35. Эпизод из мемуаров шведского посланника в России в 1792–1811 гг. К. Стединка (см.: *Memoires posthumes du feld-marechal comte de Stedingk*. Т. II. Paris, 1845. P. 10–11; отзыв А. И. Тургенева об этой книге см.: *Изд.* 1964. С. 240). Впрочем, анекдот, вероятно, восходит к другому источнику - он зафиксирован и в более ранних текстах (см., напр.: *Вяземский* 1963. С. 203; *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VII. М.; Л., 1936. С. 199; тот же анекдот с другим действующим лицом — собеседником Павла см.: Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 167).
36. Чиновники министерства иностранных дел Х. А. Бек и А. А. Жерве в конце марта 1812 г. были привлечены к следствию за предоставление М. М. Сперанскому копий с секретной дипломатической переписки, причем Бек был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Летом этого же года дело было закрыто, а Бек освобожден. Подробнее см.: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1897. С. 53–62; *Морозов В. И.* Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. СПб., 1999. С. 146–147.
37. Речь идет о сосланном в Вологду М. Л. Магницком, ближайшем сподвижнике М. М. Сперанского, в 1812 г. — государственным секретаре в Департаменте законов Государственного совета, директоре Комиссии составления военных уставов и уложений, впоследствии — попечителе казанского учебного округа (отзыв Н. И. о деятельности Магницкого на этом посту см. в коммент. 72 к т. 2).
38. Ср. у И. И. Дмитриева, поместившего фрагмент записки Г. А. Розенкампа в примечаниях к своим воспоминаниям «Взгляд на мою жизнь»: «Вскоре по удалении Сперанского появилась на французском языке рукопись, в которой государственный секретарь обвиняем был в разрушении коллегиального порядка, введении, по разным частям управления, новизны, более ко вреду, нежели к пользе общественной, в чертах весьма резких, но увеличенных» (Соч. И. И. Дмитриева. Т. II: Проза. Письма. СПб., 1893. С. 111–112, 162–163). Дмитриев приписывает «рукопись» самому Г. М. Армфельдту; аргументы в пользу атрибуции Н. И. см.: *[Корф М. А.] Жизнь графа Сперанского*. Т. II. СПб., 1861. С. 30. Текст записки Н. И. поместил ниже (см. наст. изд., с. 616–619); полный текст записки см.: *[Корф М. А.] Указ*. соч. С. 31–40.
39. Речь идет о проекте Сперанского «Введение к Уложению государственных законов» (1809); об источниках знакомства с ним Н. И. см. коммент. 20 к т. 3.
40. В неизвестном Н. И. черновике «Введения» Сперанский писал о необходимости немедленного установления личной свободы крестьян (см.: *Семевский* I. С. 343–344; ср., напр.: *Дружинин Н. М.* Крестьянский вопрос в ранних записках М. М. Сперанского // *Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка*. М.; Л., 1964. С. 254–263).
41. Фрагменты из так называемого «пермского» письма М. М. Сперанского Александру I от [начала февраля] 1813 г. Н. И. поместил ниже (см. наст. изд., с. 611–616); полный текст опублик., напр.: *РА*. 1892. №1. С. 51–65.
42. Текст записки приводится по изд.: *АБТ V*. С. 416–433.
43. Письмо Н. И. в «*Journal des débats*», разъясняющее юридический контекст указа «об обязанных крестьянах», касающийся положения крепостных в России, и подчеркивающее, что его значение состоит в том, что «помещики получили возможность освобождать крепостных с землей», было снабжено редакцией газеты следующим комментарием: «Мы поместили это письмо, чтобы доказать наше беспристрастие, ибо в нем нет ничего, что нас — европейскую публику — особенно интересует. Для нас имеет второстепенное значение, каковы в действительности формы рабства или, как его хотят называть, крепостного состояния среди общества столь отсталого по отношению к остальной Европе, в империи, которую ее правительство всеми вообразимыми средствами пытается закрыть от иностранных исследований; что нас особенно интересует в указе от 2 апреля <...>, это свет, который он проливает на личную позицию императора Николая и состояние императорской власти в России в настоящем и ближайшем будущем» (*Journal des débats politiques et litteraires*. 1842. 23 mai).

44. Цитата из комедии Публия Теренция Афра «Самоистязатель» (акт 1, действ. 1).
45. Во главе российского оккупационного корпуса, находившегося на территории Франции в 1815–1818 гг., стоял М. С. Воронцов. Подробнее об этом эпизоде его карьеры, включая анализ упомянутых Н. И. дисциплинарных и судебных иноваций, см.: *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 47–57. Н. И. был хорошо осведомлен о положении в корпусе, так как при Воронцове в эти годы состоял по дипломатической части С. И. Тургенев.
46. Вероятно, контаминация ряда пассажей из «Записок» Ж. Фуше (см.: *Memoires de Joseph Fouche, duc d'Orante, ministre de la police generale.* [Pt. I]. Paris, 1824. P. 2, 174 и др.; «Записки», чье авторство было поставлено под сомнение уже современниками Фуше, в настоящее время считаются подлинными), которые с интересом читались в кругу Тургеневых в 1820-х гг. (см.: *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 427, 450–451, коммент. В. Э. Вацуро; *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 158).
47. Публикацию обнаружить не удалось.
48. См. коммент. 50 к т. 1.
49. Известие о происшедшем в Петербурге в октябре 1820 г. мятеже Семеновского полка (см. коммент. 114 к т. 1) находившемуся на конгрессе в Троппау Александру I привез П. Я. Чаадаев, приятель Н. И. по Московскому университету и Союзу благоденствия (см., напр.: *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. М., 1991, по указ.; позднейшие отклики Н. И. о Чаадаеве см., напр.: *Долгова С. Р.* Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М., 1999. С. 46; Символ. 1988. № 19. С. 203; *Тарасова* 1966. С. 91); однако, как и многие современники (см., напр.: *Фонвизин П. С.* 187), пытавшиеся объяснить нерадивость Чаадаева его неожиданную отставку в феврале 1821 г., Н. И. ошибается: первое известие о мятеже Александр I получил от российского курьера 29 октября, Чаадаев с более подробными сведениями прибыл в Троппау 30 октября, а К. Меттерних, как свидетельствует его дневник, узнал о «семеновской истории» лишь 3 ноября от самого Александра I (см.: *Лонгинов М.* Воспоминание о П. Я. Чаадаеве // *Русский вестник* 1862. № 11. С. 137–138; *Он же.* Эпизод из жизни П. Я. Чаадаева (1820 года) // *РА.* 1868. Стлб. 1320–1323; *Семевский В.* Волнение в Семеновском полку в 1820 г. // *Былое.* 1907. № 1 (13). С. 28–29).
50. В разговоре с Чаадаевым Александр I обвинил в подстрекательстве к мятежу Семеновского полка издателя журнала «Сын Отечества» Н. И. Греча (см.: *Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // *Русское общество 30-х годов XIX в.* Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989. С. 75; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 408, 770–774; *Якушкин* 1993. С. 251).
51. Речь идет об А. Д. Балашеве, возглавлявшем министерство полиции в 1810–1812 и 1819 гг.
52. Записку Н. И. передал Канкрину А. И. Тургенев, он же сообщил Н. И. отзыв министра в письме от 19 января 1840 г.: «[Канкрин] сказал, что не имел еще времени все прочесть, что возвратит мне бумаги с замечкою, что трудно судить о финансах издалика, что есть тайны, ведомые лишь посвященным и банкирам, которые отдают ему справедливость. Он начал опровергать монетную единицу. Уверял, что в иностр<анных> госуд<арства>х одобряют знающие люди меры правительства. Я видел, что ему не очень приятны замечания; но уже он очень слаб и его министерство публика делит на части. <...> Через четыре дня я получил все бумаги и с его запискою, им подписанною: вот она: „Возвращая вашему Прев<осходительству> прилагаемые у сего бумаги, в подробное обсуждение коих теперь по болезни я входить не могу, оставляю дело до словесного с вами, мил<остивый> гос<ударь>, объяснения. Между тем неизлишним считать присовокупить, что положения манифеста 1 июля имели не только полный, но и почти невероятный успех не только у нас, но и за границею, где без всякого затруднения вексельный курс <?> товарам исчисляется на серебро и наша система одобряется министрами финансов и публикою, ибо никто не сомневается, что денежный стандарт должен состоять из звонких знаков ценности, а не из кредитных“» (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 706. Л. 98; первая фраза ориг. по франц.; сообщено В. А. Мильчиной и А. Л. Осповатом). Об отношении Н. И. и Канкринна см. также коммент. 123 к т. 1; об ответе другого сотрудника министерства финансов, которого упоминает Н. И., см. письмо А. И. Тургенева Н. И. от 22 января 1840 г.: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 706. Л. 100–100 об.
53. В 1844 г. министерство финансов возглавил Ф. П. Вронченко (см. о нем коммент. 121 к т. 1).

54. Тексты манифеста Николая I от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы» и последовавшего за ним в тот же день императорского указа «Об учреждении Депозитной кассы серебряной монеты» приводятся по изд.: *ПСЗ II*. Т. XIV. Отд. I. С. 600–603.
55. Н. И. имеет в виду свое собственное сочинение «Опыт теории налогов» (СПб., 1818).
56. См.: *Карамзин Н. М. История государства Российского*. Кн. II. Т. V. СПб., 1842. Стлб. 213–219.
57. Документы, приведенные в этом примечании Н. И., были обнаружены и обработаны в Париже А. И. Тургеневым (о его интенсивных архивных разысканиях в Европе см.: *Лиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Изд. 1964*. С. 477–482; *Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы*. 1974. № 4. С. 37–44; *Шаркова И. С. Археографическая комиссия и издание иностранных источников о России. (Из истории публикации тургеневских актов) // Вспомогательные исторические дисциплины*. [Т.] XX. Л., 1989. С. 303–309). В наст. изд. депеши печатаются в новом переводе (их критические публикации см.: *СБРИО LXXV*; *СБРИО LXIV*. С. 199–200, 253–256; Оснадцатый век: Исторический сб., издаваемый П. Баргеновым. Кн. III. М., 1869. С. 34–35); из четырех документов — приложений к депешам Маньяна первые два в виду их существенных отличий от подлинных (см. об этом: *Корсаков Д. А. Воцарение Анны Иоанновны: Исторический этюд*. Казань, 1880. С. 5–6 2-й паг.) также приведены в новом переводе, третий и четвертый — по изд.: Там же. С. 271–272, 275–276 1-й паг.
58. Тексты проектов Сперанского и приписанных ему Н. И. проектов В. А. Зубова (см. коммент 20 к т. 3) приводятся по изд.: *Сперанский М. М. Проекты и записки*. М.; Л., 1961. Текст финансового плана — по изд.: *СБРИО XLV*. С. 1–2, 55–59, 61–65; «пермское» письмо Сперанского Александру I — по изд.: *РА*. 1892. № 1. С. 51–65 (с сохранением особенностей копии Н. И.).
59. См. коммент. 64 к т. 1.
60. Этот текст — фрагмент записки В. А. Зубова «Отрывок о комиссии уложения» (1802; о записке см. коммент. 20 к т. 3).
61. «Уложение государственных законов» — сделанная Н. И. компиляция ряда проектов Сперанского и В. А. Зубова (см. о его проектах коммент. 20 к т. 3); раздел I — записка Зубова «О коренных законах государства» (1802), разделы II–III — «Введение к Уложению государственных законов» Сперанского (1809), в разделе IV Н. И. имеет в виду «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» Зубова (1803), в разделе V — «Краткое начертание государственного образования» Сперанского (1809).
62. О каком именно конституционном проекте Э.-Ж. Сьейса идет речь, установить не удалось.
63. Н. И. ошибается — план Сперанского был рассчитан на 1810 г. и, соответственно, подготовлен в конце 1809 г. (при участии М. А. Балугьянского). Подробнее см., напр.: *Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века*. Л., 1971. С. 215–216. По предположению Е. И. Тарасова, именно к этому плану относится дневниковая запись Н. И. от 6 марта 1812 г.: «От финансов, т. е. от службы по сей части, отбило всю охоту, как скоро я прочел *План* -----» (*АБТ III*. С. 190, 433).
64. Н. И. допускает ошибку, существенно обесмысливающую текст Сперанского: у него речь идет не «выпуске новых ассигнаций», а, разумеется, о «выкупе ассигнаций».
65. См. коммент. 38 к примеч. Н. И.
66. Н. И. приводит фрагмент из французского перевода книги Ф. фон Баадера «Восточный и западный католицизм» (1841): *Baader F. de. Le catholicisme d'Orient et d'Occident*. Neuchatel, 1843. Внимание Н. И. к немецкому философу и мистика привлек А. И. Тургенев, знакомый с Баадером с 1832 г. и испытывавший серьезный интерес к его книге 1841 г. Подробнее см.: *Азадовский К. Франц фон Баадер в русских дневниках и письмах* (А. И. Тургенев) // *Die Welt der Slaven*. 1999. Bd. XLIV. S. 63–82.

Условные сокращения

АБТ I, III, V–VII	Архив братьев Тургеневых. Вып. 1: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806–1811 гг. Т. I. СПб., 1911; Вып. 3: Дневник Н. И. Тургенева за 1811–1816 гг. Т. II. СПб., 1913; Вып. 5: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 гг. Т. III. Пг., 1921; Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. Т. I: 1814–1833 годы. Пг., 1921; Вып. 7: Дневник Н. И. Тургенева за 1824 и начало 1825 г. Т. IV [издание без титульного листа и конца; С. 1–256; хранится в Отделе истории книги Государственной публичной исторической библиотеки и Библиотеке Института русской литературы РАН].
Азадовский 1992	<i>Азадовский М. К.</i> Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // <i>Азадовский М. К.</i> Страницы истории декабризма. Кн. 2. [Иркутск.] 1992. С. 3–237, 303–370 (коммент. А. А. Ильина-Томича).
ВД I–XVIII	Восстание декабристов. Материалы и документы. Т. I–XVIII. М.; Л., 1925–1986.
ВПР I–XVI	Внешняя политика России XIX и нач. XX в. Документы российского министерства иностранных дел. Сер. I. Т. I–VII; Сер. II. Т. I (VIII)–VIII (XVI). М., 1960–1995.
Вяземский 1963	<i>Вяземский П. А.</i> Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
Вяземский VII	Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. VII: 1855–1877. СПб., 1882.
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
Изд. 1867	<i>Тургенев Н.</i> Ответы: I. На IX главу книги Граф Блудов и его время Ег. Ковалевского, II. На статью Русского инвалида о сей книге. Paris, 1867.
Изд. 1872	Письма Александра Ивановича Тургенева Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872.
Изд. 1936	Декабрист Н. И. Тургенев. Письма брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.
Изд. 1939	Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939.
Изд. 1964	<i>Тургенев А. И.</i> Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964.
ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского дома)
КА	Красный архив
Нечкина I–II	<i>Нечкина М. В.</i> Движение декабристов. Т. I–II. М., 1955.
НЛО	Новое литературное обозрение
ОА I–IV	Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] I–IV. СПб., 1899–1908.
ОДР	Общественное движение в России
Орлов 1963	<i>Орлов М. Ф.</i> Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. I–XLV. [СПб.] 1830.
ПСЗ II	Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. I–XXII. СПб., 1830–1848.
РА	Русский архив
РГАДА	Российский государственный архив древних актов

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>РГИА</i>	Российский государственный исторический архив
<i>РЗС</i>	Русский заграничный сборник
<i>РС</i>	Русская старина
<i>СБРИО</i>	Сборник Императорского русского исторического общества
<i>Семевский 1909</i>	<i>Семевский В. И.</i> Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.
<i>Семевский I–II</i>	<i>Семевский В. И.</i> Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I–II. СПб., 1888.
<i>Тарасов 1923</i>	<i>Тарасов Е. И.</i> Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923.
<i>Тарасова 1966</i>	<i>Тарасова В. М. Н. И.</i> Тургенев в Западной Европе в 30–50 гг. XIX века и его общественно-политические связи // Ученые записки Марийского педагогического института. Т. XXVIII. Йошкар-Ола, 1966. С. 45–136.
<i>Фонвизин I–II</i>	<i>Фонвизин М. А.</i> Сочинения и письма. Т. I. Иркутск, 1979; Т. II. Иркутск, 1982.
<i>ЧОИДР</i>	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
<i>ЦИАМ</i>	Центральный исторический архив г. Москвы
<i>Якушкин 1993</i>	<i>Якушкин И. Д.</i> Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абердин (Aberdeen) Джордж Гамильтон Гордон** (1784–1860), английский политический деятель, один из лидеров партии тории, министр иностранных дел (1828–1830, 1841–1846) 442
- Август (Augustus)** (до 27 г. до н. э. — Октавиан) (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император с 27 г. до н. э. 525
- Августин (Виноградский)** (1766–1819), архиепископ московский и коломенский (1818) 194
- Аддисон (Addison) Джозеф** (1672–1719), английский писатель, журналист, издатель журналов «Болтун» (1709–1711) и «Зритель» (1711–1714) 311
- Александр I** (1777–1825), российский император с 1801 г. 12, 19, 22, 25, 27–37, 39–43, 45–47, 49–53, 61, 64, 66–68, 72, 73, 75–77, 79–81, 84–87, 98, 99, 101, 104, 105, 129, 131, 136, 137, 141, 142, 144, 147, 156, 159, 160, 163, 187, 193, 200, 201, 203, 205–207, 213–217, 227, 239, 242, 244–256, 259, 273, 274, 277, 279, 282, 284, 295, 297, 307, 308, 310, 317, 319, 320, 325, 333–335, 339, 340, 343, 344, 355, 358, 361, 366, 385, 389, 393, 412, 417, 425, 434, 440, 442, 479, 484, 488–490, 492–501, 506, 507, 509, 510, 512–514, 516–520, 537, 538, 554, 558, 559, 587, 611–616, 618, 619
- Александра Федоровна** (урожд. Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798–1860), российская императрица, жена Николая I 167, 457
- Алексей Михайлович** (1629–1676), русский царь с 1645 г. 199, 214, 281, 290, 333, 398, 511, 588
- Али-Паша Темпешский (Янинский)** (1744–1822), правитель части албанских и греческих земель, принадлежавших Турции (1787) 227
- Ален (Allen) Вильям** (1770–1843), английский квакер, филантроп 259
- Алопеус Давид Максимович** (1769–1831), дипломат, российский посланник в Берлине (1813–1831), генерал-губернатор Лотарингии (1814–1815) 43, 44
- Альфред Великий** (ок. 849 — ок. 899), король англосаксонского королевства Уэссекс с 871 г. 569
- Андерсен**, шотландский купец, российский вице-консул в Шотландии 88
- Андрей Боголюбский** (ок. 1111–1174), князь владимиристо-суздальский с 1157 г. 570
- Анна Иоанновна** (1693–1740), герцогиня Курляндская, российская императрица с 1730 г. 172, 173, 215, 306, 307, 384, 400, 504, 571–585, 588
- Анна Петровна** (1708–1728), цесаревна, герцогиня Голштейн-Готторпская, дочь Петра I, мать Петра III 575, 583
- Анненков Иван Александрович** (1802–1878), поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, декабрист, член петербургской ячейки Южного общества (1824), участвовал в деятельности Северного общества 152
- Антрет (Antraignes) Эммануэль Луи Анри** (1755–1812), французский публицист, советник российского посольства в Дрездене (1804–1806) 518
- Араго (Arago) Доминик Франсуа** (1786–1853), французский ученый и политический деятель 177
- Аракчеев Алексей Андреевич** (1769–1834), генерал от артиллерии (1807), сенатор (1808), член Государственного совета (1810), генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии (1807–1819), главный начальник военных поселений (1819) 54, 75, 80, 320, 340
- Арбузов Автон Петрович** (1797 или 1798–1843), лейтенант Гвардейского экипажа, декабрист, один из основателей тайного Общества Гвардейского экипажа (1824), член Ордена восста-

- новления, член Северного общества (декабрь 1825) *140, 141, 152, 153, 155, 156*
- Армфельт (Armfelt) Густав Мориц** (1757–1814), шведский генерал, с 1811 г. — на русской службе, член Государственного совета (1812) *615, 616*
- Ардт (Arndt) Иоганн** (1555–1621), немецкий религиозный философ, мистик *309, 310*
- Ардт (Arndt) Эрнст Мориц** (1769–1860), немецкий поэт, антинаполеоновский публицист, историк, профессор Грейфсвальдского университета (1805) *86, 484, 485, 487*
- Арцыбашев Дмитрий Александрович** (1803 или 1804–1831), корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка, декабрист, член петербургской ячейки Южного общества (1825), участвовал в деятельности Северного общества *152*
- Ахмед** (ум. 1855), бей Туниса с 1837 г. *356*
- Баадер (Baader) Бенедикт Франц Ксавер фон** (1765–1841), немецкий религиозный философ и публицист *619*
- Баграмян Петр Иванович** (1765–1812), генерал от инфантерии (1809), участник Отечественной войны 1812 г. *22*
- Байков Илья Иванович**, лейб-кучер Александра I *201*
- Байрон (Byron) Джордж Ноэл Гордон** (1788–1824), английский поэт *64, 235*
- Балашев Александр Дмитриевич** (1770–1837), член Государственного совета (1810), министр полиции (1810–1812, 1819), член Верховного уголовного суда по делу декабристов *559, 615*
- Балуцкий Михаил Андреевич** (1769–1867), юрист, экономист, ректор Петербургского университета (1819–1821), сотрудник Министерства финансов и Комиссии по составлению законов *66, 325, 326*
- Баранов Дмитрий Осипович** (1773–1834), сенатор (1817), член Верховного уголовного суда по делу декабристов *165*
- Баратаев (Бараташвили) Михаил Петрович** (1784–1856), отставной штаб-ротмистр, симбирский губернский предводитель дворянства, масон *101*
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович** (1761–1818), член Государственного совета (1810), военный министр (1810–1812), участник Отечественной войны 1812 г., генерал-фельдмаршал (1814) *22, 23, 43, 250, 340, 344*
- Барро (Barrot) Одиаллон** (1791–1873), французский государственный и политический деятель, адвокат *434*
- Барятинский Александр Петрович** (1799–1844), штабс-ротмистр, декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества *129*
- Батеньков Гавриил Степанович** (1793–1863), подполковник корпуса инженеров путей сообщения, декабрист, член Северного общества (1825) *143–147, 150–152, 155*
- Баторий (Batory, Bathory) Стефан** (1533–1586), польский король с 1576 г. *198, 199*
- Безбородко Александр Андреевич** (1747–1799), дипломат, секретарь Екатерины II (1775), обер-гофмейстер (1793), государственный канцлер (1797) *443*
- Бек Христиан Андреевич** (1770–1853), чиновник Министерства иностранных дел *537*
- Беккариа (Beccaria) Чезаре** (1738–1794), итальянский просветитель, правовед, экономист, публицист *218, 294, 295*
- Беллев Александр Петрович** (1803–1887), мичман Гвардейского экипажа, декабрист, один из основателей тайного Общества Гвардейского экипажа (1824), член Ордена восстановления *153, 154*
- Беллев Петр Петрович** (1805–1864), мичман Гвардейского экипажа, декабрист, член тайного Общества Гвардейского экипажа, член Ордена восстановления *153, 154*
- Беме (Böhme) Якоб** (1575–1624), немецкий философ, мистик *309*
- Бенксдорф Александр Христофорович** (1781 или 1783–1844), сенатор (1826), главный начальник III отделения и шеф Корпуса жандармов (1826), член Государственного совета (1829), генерал от кавалерии (1829), член Следственной комиссии по делу декабристов *98*
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич** (Левин Август Теофил) (1745–1826), военачальник, генерал от кавалерии (1802) *425, 507*
- Бентам (Bentham) Иеремия** (1748–1832), английский социолог, философ и правовед *177, 178, 187, 296, 465, 528, 534*

- Бентинк (Bentinck) Вильям Генри** (1774–1839), английский гос. деятель и дипломат, генерал-губернатор Индии (1827–1835) 39, 555
- Берд Карл Николаевич** (Чарльз) (ум. 1843), инженер, владелец судостроительных, сталелитейных и др. заводов 213, 214
- Бернадот (Bernadotte) Жан Батист Жюль** (1763–1844), маршал Франции, полководец, с 1810 г. — наследный принц и регент Швеции, с 1818 г. — шведский король под именем Карла XIV Юхана 35–37, 500
- Бестужев (Бестужев-Марлинский) Александр Александрович** (1797–1837), писатель, штаб-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, декабрист, член Северного общества (1824) 107, 140–147, 149–152, 154, 155, 159
- Бестужев Михаил Александрович** (1800–1871), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, декабрист, член Северного общества (1824) 94, 150, 152, 155
- Бестужев Николай Александрович** (1791–1855), писатель, капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, декабрист, член Северного общества (1824) 94, 152, 154, 155
- Бестужев Петр Александрович** (1804–1840), мичман 27-го флотского экипажа, декабрист, член Северного общества (1825) 155
- Бестужева Прасковья Михайловна** (1775–1846), мать братьев Бестужевых 94
- Бестужев-Рюмин Михаил Павлович** (1801–1826), подпоручик Полтавского пехотного полка, декабрист, один из руководителей Южного общества 128, 129, 135, 136, 156, 157, 161
- Бецкой (Бецкий) Иван Иванович** (1704–1795), действительный тайный советник (1766), секретарь Екатерины II (1762–1779), идеолог екатерининской образовательной реформы 293
- Бибииков Иларийон Михайлович** (1792–1860), полковник, флигель-адъютант, член Ордена русских рыцарей 101
- Бирон Эрнст Иоганн** (1690–1772), российский гос. деятель, фаворит императрицы Анны Иоанновны 172, 585
- Бланки (Blanqui) Адольф Жером** (1798–1854), французский экономист 336
- Блуд Иона** (ум. 1018), боярин и воевода киевского великого князя Ярополка Святославича; по преданию, родоначальник дворянского рода Блудовых 146
- Блудов Дмитрий Николаевич** (1785–1864), литератор, участник «Арзамаса», советник и поверенный в делах русского посольства в Лондоне (1817–1820), сотрудник Следственной комиссии по делу декабристов, впоследствии министр внутренних дел (1831–1838) 81, 98–100, 104, 107, 111, 114, 115, 117, 118–120, 122, 124–132, 134, 136, 140–143, 145, 146, 148, 151, 153–155, 158, 184
- Блудова Антонина Дмитриевна** (1813–1891), дочь Д. Н. Блудова
- Блюхер (Blucher) Gebhard Lebercht** (1742–1819), прусский полководец, фельдмаршал (1813) 29, 30, 38, 45
- Бодиско Борис Андреевич** (1800–1828), лейтенант Гвардейского экипажа, декабрист, член тайного Общества Гвардейского экипажа 153, 154
- Бодиско Михаил Андреевич** (1803–1867), мичман Гвардейского экипажа, декабрист, член тайного Общества Гвардейского экипажа 153, 154
- Бок Тимофей Егорович** (1788–1837), лифляндский помещик 500
- Бонапарт** — см. Наполеон I
- Борисов Петр Иванович** (1800–1854), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, декабрист, один из основателей Общества соединенных славян 135
- Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь** (1627–1704), французский религиозный писатель и проповедник 86
- Босуэлл (Boswell) Джеймс** (1740–1805), английский писатель 368
- Бритен фон-дер Александр Федорович** (1762–1859), отставной полковник, декабрист, член Союза благоденствия (1818) и Северного общества 105, 106, 143, 146, 169
- Брой (Broglie) Ахилл Шарль Лион Виктор де** (1785–1870), французский гос. деятель 257
- Брум (Brougham) Генри** (1778–1868), английский политический деятель, историк и публицист 91, 177, 239, 275

- Булатов Александр Михайлович** (1793–1826), полковник, командир 12-го егерского полка, декабрист, член Северного общества (1825) 153
- Бутурлин Дмитрий Петрович** (1790–1849), историк, генерал-майор (1824) и флигель-адъютант, сенатор (1833), член Государственного совета (1840), член Особого комитета для надзора за печатью (1848) 213, 240
- Бюсси де**, сотрудник французского посольства в России в 1730-х гг. 579
- Вадковский Федор Федорович** (1800–1844), прапорщик Нежинского конно-егерского полка, декабрист, член Южного общества (1823) 131
- Вандом (Vandôme) Луи Жозеф** (1654–1712), французский полководец, участник войны за испанское наследство 349
- Варлаам (Шинацкий)** (1750–1820), архиепископ Могилевский и Витебский, лишен сана в 1813 г. 23
- Василий IV Шуйский** (1552–1612), русский царь (1606–1610) 398, 551
- Василий Великий** (329–379), христианский святой, церковный деятель, богослов, отец Церкви, архиепископ Кесарийский (370) 193
- Василий Ярославич** (1241–1277), великий князь Владимирский (1272) 569
- Васильев Алексей Иванович** (1742–1807), министр финансов (1802–1807) 207, 208, 320
- Васильчиков Илларион Васильевич** (1775–1847), генерал-лейтенант (1812), командующий Гвардейским корпусом (1817–1821), член Государственного совета (1821) 252
- Вашингтон (Washington) Джордж** (1732–1799), американский государственный деятель, главнокомандующий американской армией во время Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), первый президент США (1789–1797) 361
- Веллингтон (Wellington) Артур Уэлсли** (1769–1852), английский военачальник, гос. деятель, дипломат 42, 45–47
- Вергилий (Vergilius) Публий Марон** (70–19 до н. э.), римский поэт 326
- Верещагин Михаил Николаевич** (1889–1812), сын купца, растерзанный москвичами в день входа наполеоновских войск в Москву в 1812 г. 23
- Верещагин Николай Гаврилович**, отец М. Н. Верещагина 23
- Веспасиан (Vespasianus) Тит Флавий** (9–79), римский император с 69 г. 258
- Вефур**, ресторатор 243
- Виллар (Villars) Клод Луи Эктор** (1653–1734), французский военачальник, маршал-генерал (1733) 349
- Виллель (Villèle) Жан Батист Гийом Жозеф** (1773–1854), французский гос. деятель, министр финансов (1821–1827), премьер-министр (1822–1827) 84
- Вильгельм I** (1743–1821), курфюрст Гессен-Кассельский, в 1806 г. бежал от наполеоновских войск в Шлезвиг 227, 484
- Вильсон (Wilson) Роберт Томас** (1777–1849), английский генерал, представитель английского командования при М. И. Кутузове (1812) 47
- Витгенштейн Петр Христианович** (1768–1842), военачальник, генерал русской армии 27
- Владимир I** (ум. 1015), великий князь киевский с 980 г. 146, 192, 305, 505
- Владимир II Мономах** (1053–1125), великий князь киевский с 1113 г. 517
- Во (Veaux) Антуан Жозеф** (1764–1817), французский военачальник, сподвижник Наполеона 34
- Волконская** (урожд. Раевская) **Мария Николаевна** (1805–1863), жена С. Г. Волконского 93
- Волконский Сергей Григорьевич** (1788–1865), генерал-майор, бригадный командир 19-й пехотной дивизии, декабрист, член Союза благоденствия (1819) и Южного общества 93, 124, 128
- Вольтер (Voltaire, псевдоним; настоящее имя – Франсуа Мари Аруэ)** (1694–1778), французский писатель, публицист, историк и философ 218, 235, 295, 306
- Вольнский Артемий Петрович** (1689–1740), гос. деятель и дипломат, кабинет-министр (1738) 172–174

- Воронцов Михаил Семенович** (1782–1856), генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812 г. и европейской кампании 1813–1814 гг., командующий оккупационным корпусом во Франции в 1815–1818 гг., впоследствии генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии, наместник и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, генерал-фельдмаршал 252, 253, 557
- Воронцов-Дашков Иван Илларионович** (1790–1854), дипломат, российский посланник в Мюнхене (1822–1827) и Турине (1827–1831), обер-церемониймейстер двора (1831), член Государственного совета (1846) 252
- Воше Карл Август**, секретарь и библиотекарь И. С. Лаваля 93
- Вронченко Федор Павлович** (1780–1852), чиновник Комиссии по составлению законов и Министерства финансов, министр финансов (1844–1852) 84, 560
- Всеволод III Большое Гнездо** (1154–1212), великий князь Киевский (1173) и Владимирский (1176) 570
- Ваземский Петр Андреевич** (1792–1878), поэт, критик, чиновник канцелярии Н. Н. Новосильцева в Варшаве (1817–1820), впоследствии чиновник Министерства финансов, товарищ министра народного просвещения, начальник Главного управления цензуры 191, 252
- Гагарин Григорий Иванович** (1782–1837), дипломат, почетный член «Арзамаса», советник российского посольства в Риме (1816), российский посланник в Риме (1827) и Мюнхене (1832) 269
- Гамалей Семен Иванович** (1743–1822), религиозный писатель, масон круга Н. И. Новикова 311
- Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович** (ок. 1697–1781), сын эфиопского князя, с 1705 г. — в России, камердинер и секретарь Петра I, генерал-аншеф (1759), прадед А. С. Пушкина 229
- Гарденберг (Hardenberg) Карл Август** (1750–1822), прусский гос. деятель, министр иностранных дел (1804–1806, 1807), гос. канцлер (1810–1822) 33, 34, 37, 47, 264, 478, 488
- Гебель Густав Иванович** (ум. 1856), подполковник Черниговского пехотного полка 156
- Геде (Hede) Христиан Август Готтлиб** (1774–1812), правовец, профессор уголовного права в Геттингенском университете 59, 533, 534
- Гейне (Heine) Георг** (1797–1856), немецкий писатель 227
- Гейсмар Федор (Фридрих-Каспар) Климентьевич** (1783–1848), генерал-майор 157
- Георг III** (1738–1820), английский король с 1760 г. 275, 471
- Герман Иван Иванович** (1740–1801), генерал от инфантерии (1799), потерпел крупное поражение и был взят в плен наполеоновскими войсками у г. Бергена (1799) 506
- Геррес (Goerres) Иоганн Йозеф** (1776–1848), немецкий публицист и общественный деятель 478
- Глинка Федор Николаевич** (1786–1880), писатель, полковник, декабрист, член Союза спасения (1818) и Союза благоденствия 105, 115, 253
- Гнейзенау (Gneisenau) Август Вильгельм Антон** (1760–1831), прусский фельдмаршал, начальник штаба прусской Силезской армии (1813) 29, 30
- Годунов Борис Федорович** (ок. 1552–1605), фактический правитель русского государства в 1584–1598 гг.; в 1598–1605 гг. — русский царь 212, 213, 218, 240, 280, 509, 551
- Голдсмит (Goldsmith) Оливер** (1728–1774), английский писатель 227
- Голеннищев-Кутузов Павел Васильевич** (1772–1843), член Государственного совета (1825), генерал от кавалерии (1826), член Следственной комиссии по делу декабристов 98
- Голицын Александр**, камергер, воронежский помещик 203, 256
- Голицын Александр Николаевич** (1773–1844), член Государственного совета (1810), министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824), член Следственной комиссии по делу декабристов 98, 274
- Голицын Валерьян Михайлович** (1803–1859), титулярный советник, камер-юнкер, декабрист, член Северного общества (1823) 129
- Голицын Дмитрий Владимирович** (1771–1844), военачальник, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор (1820–1843) 37, 61

- Голыцын Дмитрий Михайлович** (1665–1737), действительный тайный советник (1725), один из организаторов Верховного тайного совета, президент Коммерц-коллегии (1726), один из составителей «кондиций», подписанных Анной Иоанновной 468, 574, 576, 583, 585
- Голыцын Михаил Михайлович** (1675–1730), военачальник, генерал-фельдмаршал (1725), президент Военной коллегии, сенатор, член Верховного тайного совета (1728) 572, 575, 576, 579, 585
- Головин Николай Николаевич** (1756–1821), член Государственного совета (1816), председатель Департамента государственной экономики (1818) 65
- Головкин Александр Гаврилович** (1688–1760), дипломат, российский посол в Голландии (1731) 243
- Головкин Гавриил Иванович** (1660–1734), гос. деятель и дипломат, государственный канцлер (1709), член Верховного тайного совета (1726–1730) 575, 576, 578, 579
- Головкин Юрий Александрович** (1768–1848), дипломат, российский посланник в Вюртемберге (1813–1818), участник работы Верховного уголовного суда по делу декабристов 166
- Горчаков Александр Михайлович** (1798–1883), чиновник Министерства иностранных дел, 1-й секретарь посольства в Лондоне (1824–1828), впоследствии министр иностранных дел, государственный канцлер 87
- Гофер (Hofer) Андреас** (1767–1810), лидер анти-французского восстания в Тироле в 1809 г. 20
- Грей (Grey) Чарльз** (1764–1845), английский государственный деятель, премьер-министр Англии в 1830–1834 гг. 86
- Грейг Самуил Карлович** (1736–1788), флотоводец, адмирал (1782) 426
- Греч Николай Иванович** (1787–1867), литератор, редактор журнала «Сын отечества» 558
- Грибовский Михаил Кириллович**, член Союза благоденствия, тайный агент правительства и доносчик на декабристов 104
- Григорий**, епископ 193
- Гудин Иван Павлович** (ум. 1828), поручик лейб-гвардии Измайловского полка 153
- Гумбольдт (Humboldt) Александр** (1769–1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, почетный член Петербургской Академии Наук (1818) 223
- Гурьев Дмитрий Александрович** (1751–1825), сенатор (1799), действительный тайный советник (1804), министр уделов (1806–1825), член Государственного совета (1810), министр финансов (1810–1823) 64–66, 68–70, 72–74, 293, 316, 319, 325, 326
- Гурьева** (урожд. Толстая) **Евдокия Петровна** (1795–1863), жена Д. А. Гурьева 73
- Гюйон (Guyon) Жан Мари Буве де ля Мот** (1648–1717), французская религиозная писательница 309
- Даву (Davoust) Луи Никола** (1770–1823), маршал Франции (1804), один из ближайших сподвижников Наполеона, пэр Франции (1819) 46, 47
- Давыдов Василий Львович** (1793–1855), отставной полковник, декабрист, член Союза благоденствия (1820) и Южного общества 128, 129, 132
- Дальберг (Dalberg) Эммерих Жозеф Вольфганг Эрибер** (1773–1833), французский гос. деятель, доверенное лицо Ш. М. Талейрана, уполномоченный Франции на Венском конгрессе 32
- Данте Алигьери (Dante Alighieri)** (1265–1321), итальянский поэт 269
- Дашков Дмитрий Васильевич** (1788–1839), литератор, член «Арзамаса», гос. деятель, товарищ министра юстиции (1829), министр юстиции (1832–1839) 166
- Демидов Николай Никитич** (1773–1828), владелец железных и медеплавильных заводов на Урале, меценат, коллекционер 222, 223
- Державин Гаврила Романович** (1743–1816), поэт, гос. деятель 240, 353
- Джэйкоб** 262
- Джеффрис (Jeffreys) Джордж** (1645–1689), английский политический деятель, канцлер в 1685–1688 гг. 165
- Джонсон (Johnson) Семюэл** (1709–1784), английский писатель и лексикограф 368
- Дибич Иван Иванович** (Иоганн Карл Фридрих Антон) (1785–1831), военачальник, член След-

- ственной комиссии по делу декабристов, генерал-фельдмаршал (1829) 27, 98
- Дивов Василий Абрамович** (1805–1842), мичман Гвардейского экипажа, декабрист, член тайного Общества Гвардейского экипажа 153, 154
- Дидро (Diderot) Дени** (1713–1784), французский просветитель, философ-материалист 218
- Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович** (1790–1863), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, член Ордена русских рыцарей 100, 101, 126
- Дмитрий Донской** (1350–1389), великий князь московский с 1359 г. и владимирский с 1362 г. 503
- Долгорукая Екатерина Алексеевна** (1712–1745), невеста Петра II 571
- Долгорукий Василий Владимирович** (1667–1746), военачальник, дипломат, генерал-фельдмаршал (1728), член Верховного тайного совета (1730) 576, 578, 579, 581, 583–585
- Долгорукий Василий Луквич** (1670–1739), дипломат, член Верховного тайного совета (1727) 572
- Долгорукий Сергей Николаевич** (1770–1829), дипломат, российский посланник в Неаполе в 1807–1812 гг. 21
- Долгорукий Яков Федорович** (1639–1720), сподвижник Петра I, сенатор (1712), президент Ревизион-коллегии (1717) 292
- Дорошенко Петр Дорофеевич** (1627–1698), гетман Правобережной Украины в 1665–1676 гг. 199
- Дюбарри (Dubarry) Мари Жанн** (1748–1793), фаворитка Людовика XV 313
- Дюма (Dumas) Александр** (1802–1870), французский писатель 94
- Дюмон (Dumont) Этьен** (1759–1829), французский философ и публицист, пропагандист творчества И. Бенгтама 534
- Дюран де Марой (Durant de Mareuil) Жозеф Александр Жак** (1769–1855), французский дипломат и политический деятель 21
- Евгений Савойский** (1663–1736), австрийский военачальник и гос. деятель, фельдмаршал (1693) 349
- Екатерина I** (1684–1727), российская императрица с 1725 г. 273, 582, 586, 587
- Екатерина II** (урожд. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) (1729–1796), российская императрица с 1762 г. 36, 41, 71, 173, 174, 184, 185, 193, 199, 200, 204, 218, 235, 242, 274, 276–278, 283, 285, 291–295, 306–308, 313–315, 333–335, 343, 352, 353, 361, 369, 389, 392, 425, 426, 441, 443, 501, 504, 505, 507, 508, 512, 513, 517, 518, 535, 587–589, 597
- Екатерина Ивановна** (1691–1733), герцогиня Мекленбургская, сестра Анны Иоанновны 580, 581, 584
- Екатерина Павловна** (1788–1819), герцогиня Ольденбургская, королева Вюртембергская, сестра Александра I 500, 501
- Елизавета Алексеевна** (1779–1826), российская императрица, жена Александра I 105
- Елизавета Петровна** (1709–1761), российская императрица с 1741 г. 278, 306, 333, 504, 571, 583, 588
- Елизавета Тюдор** (1533–1603), английская королева с 1558 г. 83, 173
- Ермак Тимофеевич** (ум. 1585), казачий атаман, предводитель похода в Сибирь 198
- Ермолов Алексей Петрович** (1777–1861), военный и гос. деятель, командир отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса (1816), генерал от инфантерии (1818), член Государственного совета (1831), генерал от артиллерии (1837) 22, 61, 250
- Жерве Андрей Андреевич** (1773–1832), чиновник Министерства иностранных дел 537
- Жером (Иероним) Бонапарт** (1784–1860), младший брат Наполеона I, король Вестфалии (1807) 20
- Жуковский Василий Андреевич** (1783–1852), поэт 55, 56, 145, 167, 353
- Завалишин Дмитрий Ирinarхович** (1804–1892), лейтенант 8-го флотского экипажа, создатель организации «Орден восстановления», осужденный по делу декабристов 141
- Заиончек (Zajaczek) Иосиф** (1752–1826), польский государственный деятель, в 1807–1812 гг. находился на службе у Наполеона, с 1815 г. наместник Царства польского 50

- Иван I Калита** (ум. 1340), князь Московский с 1325 г., великий князь Владимирский в 1328–1340 гг. 503, 569
- Иван III** (1440–1505), великий князь Владимирский и Московский с 1462 г., государь всея Руси с 1478 г. 290, 503
- Иван IV Грозный** (1530–1584), великий князь с 1533 г., царь с 1547 г. 172, 305, 344, 503
- Иван V** (1666–1696), русский царь с 1682 г. 571
- Ивашев Василий Петрович** (1797–1840), ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка, декабрист, член Союза благоденствия (1819) и Южного общества 93, 94, 106, 107, 129
- Ивашев Петр Никифорович** (1767–1838), отец В. П. Ивашева 107
- Ивашева** (урожд. Толстая) **Вера Александровна** (ум. 1837), мать В. П. Ивашева 94
- Ивашева** (урожд. Ле-Дантю) **Камилла Петровна** (1808–1839), жена В. П. Ивашева 93, 94
- Иосиф II** (1741–1790), австрийский эрцгерцог с 1780 г., император Священной Римской империи с 1765 г. 218, 343
- Йорк фон Вартебург** (York von Vartenburg) **Ганс Давид Людвиг** (1759–1830), немецкий военачальник, генерал прусской армии 27
- Кайсаров Михаил Сергеевич** (1780–1825), чиновник Министерства финансов 72
- Каменский Михаил Федотович** (1738–1809), военачальник, генерал-фельдмаршал (1797) 437
- Камптенгаузен Бальтазар Бальтазарович** (1772–1823), государственный казначей (1810), сенатор, член Государственного совета, государственный контролер (все 1811) 75
- Кампредон** (Campredon) **Жан Жак**, французский посланник в России (1710–1728) 586
- Кампц** (Kamptz) **Карл Альберт Кристофер** (1769–1849), советник Департамента службы безопасности полицейского управления Пруссии (1817), директор департамента Министерства образования и культуры (1824) 89, 90
- Канкрин Егор Францевич** (Георг Людвиг) (1774–1845), член Государственного совета (1821), министр финансов в 1823–1844 гг. 79, 84, 85, 425, 560
- Каннинг** (Canning) **Джордж** (1770–1827), английский гос. деятель, министр иностранных дел (1807–1809, 1822–1827), премьер-министр (1827) 88, 555
- Кант** (Kant) **Иммануил** (1724–1804), немецкий философ 534
- Каподистрия Иоганн** (1776–1831), греческий государственный деятель; в 1809–1827 гг. — на русской дипломатической службе 217, 425, 443
- Каразин Василий Назарович** (1773–1842), общественный деятель, основатель Харьковского университета, автор работ о сельском хозяйстве и др. 252, 500
- Карамзин Николай Михайлович** (1766–1826), русский писатель, историк, публицист 50, 51, 179, 240, 306, 312, 353, 393, 398, 399, 500–505, 509–511, 514, 516, 518, 569
- Караччиоли** (Caraccioli) **Франческо** (1752–1799), неаполитанский флотоводец, морской министр Партенопейской республики 47
- Карл I** (1600–1649), английский король с 1625 г. 473, 490
- Карл X** (1757–1836), французский король (1824–1830) 520
- Карл XII** (1682–1718), король Швеции с 1697 г. 199, 349
- Карл-Август** (1757–1828), великий герцог Саксен-Веймарский с 1775 г. 506
- Карл Великий** (742–814), франкский король с 768 г., император с 800 г. 86, 360, 569
- Карл-Евгений** (1728–1793), герцог Вюртембергский с 1737 г. 227
- Карл Фридрих** (1700–1739), герцог Голштейн-Готторпский с 1716 г., муж цесаревны Анны Петровны, отец Петра III 571
- Карно** (Carnot) **Лазарь** (1753–1823), французский гос. деятель и ученый 275
- Катина** (Catinat) **Николи** (ум. 1712), французский полководец 349
- Каховский Петр Григорьевич** (1799–1826), отставной поручик, декабрист, член Северного общества 149, 151, 152
- Кейт Яков Видимович** (Джеймс) (1696–1758), англичанин, с 1728 г. — на русской службе, ге-

- нерал-аншеф (1740), командующий войсками в Эстляндии (1744) 425
- Кирилл** (ок. 827–869), христианский проповедник, славянский просветитель, первый переводчик богослужбных книг на славянский язык 192
- Киселев Павел Дмитриевич** (1788–1872), полномочный председатель диванов Молдавии и Валахии (1828–1834), член Государственного совета (1834), министр государственных имуществ (1837–1856) 205
- Клеопатра VII** (69–30 до н. э.), царица Древнего Египта 172
- Кожеников Андрей Львович** (1802–1867), подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка, декабрист, член Северного общества (1825) 152, 154, 155
- Коленкур** (Caulaincourt) **Арман Огюстен Луи** (1772–1827), французский дипломат, посланник в России (1807–1811), министр иностранных дел (1813) 554
- Колокольников Василий Яковлевич** (1758–1792), масон круга Н. И. Новикова 314
- Колошин Павел Иванович** (1799–1854), титулярный советник, советник Московского губернского правления, декабрист, член Союза спасения (1817), Союза благоденствия и Московской управы Северного общества (1825) 106
- Конде** (Condé) **Луи** (1621–1688), французский полководец, главнокомандующий французской армией в Тридцатилетней войне (1618–1648) 349
- Коновницын Петр Петрович** (1764–1822), генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг., впоследствии военный министр 25
- Коновницын Петр Петрович** (1803–1830), подпоручик Гвардейского генерального штаба, декабрист, член Северного общества (1825) 25, 152
- Констан де Ребек** (Constant de Rebecque) **Бенжамин** (1767–1830), французский политический деятель, писатель и публицист 49, 58, 66, 269, 270
- Константин Павлович** (1779–1831), великий князь, цесаревич (1799), второй сын Павла I, фактический наместник Царства Польского 26, 27, 50, 51, 67, 128, 139, 148, 149, 154–157, 159, 273
- Конт** (Comte) **Шарль** (1782–1832), французский правовед, публицист 426
- Конфалоньери** (Confalonieri) **Федерико** (1785–1846), один из лидеров антифранцузского патриотического движения в Ломбардо-Венецианской области 20, 520
- Корсаков** – см. Римский-Корсаков А. М.
- Кохрен** (Cochrane) **Джон Дундас** (1780–1825), английский путешественник, автор путевых заметок о России 82
- Кочубей Виктор Павлович** (1768–1834), русский дипломат и гос. деятель, министр внутренних дел (1802–1807), член Государственного совета (1810), председатель Департамента законов (1812), председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1816–1819), управляющий Министерством внутренних дел (1819–1825) 202, 217, 252, 277, 550, 612
- Коцебу** (Kotzebue) **Август Фридрих Фердинанд** (1761–1819), немецкий писатель, публицист прорусской ориентации 42, 265, 558
- Красовский Андрей**, рядовой лейб-гвардии Московского полка 154
- Красс** (Crassus) **Лициний Марк** (ок. 115–53 до н. э.), римский политический и военный деятель 596
- Криспин** (Crispinus) (ум. 287), башмачник, замученный во время гонений на крестьян, святой римско-католической церкви 257
- Крюденер** (Krüdener) **Варвара Юлиана** (1764–1824), французская писательница немецкого происхождения, популярная мистическая проповедница 47
- Кузьмин Анастасий Дмитриевич** (ум. 1826), поручик Черниговского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян 157
- Куракин Александр Борисович** (1752–1818), сенатор (1798), член Государственного совета (1810), дипломат, российский посланник в Париже (1808–1812) 76
- Куракин Алексей Борисович** (1759–1829), сенатор (1796), генерал-прокурор (1796–1798), член Государственного совета (1810), предсе-

- датель Департамента государственной экономики (1821–1829), заместитель председателя Верховного уголовного суда по делу декабристов 76–78, 165, 535, 536
- Курбский Андрей Михайлович** (1528–1583), политический и военный деятель, писатель-публицист 305
- Кутайсов Иван Петрович** (1759–1834), фаворит Павла I, егермейстер и обер-штальмейстер двора 246
- Кутузов Михаил Илларионович** (1745–1813), полководец, главнокомандующий русскими войсками в Отечественной войне 1812 г. 22, 25, 26, 506
- Кушников Сергей Сергеевич** (1765–1839), сенатор (1807), член Верховного уголовного суда по делу декабристов, член Государственного совета (1828), племянник Н. М. Карамзина 166
- Кэслри (Castlereagh) Роберт Генри Стюарт** (1769–1822), английский гос. деятель, министр иностранных дел (1812–1822) 32, 36, 42
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович** (1797–1846), поэт, критик, отставной коллежский ассессор, декабрист, член Северного общества (1825) 155
- Лаваль Иван Сергеевич (Жан Франсуа)** (1761–1846), французский эмигрант на русской службе, чиновник Министерства иностранных дел, отец Е. И. Трубецкой 93
- Лагарп (La Harpe) Фредерик Сесар де** (1754–1838), швейцарский политический деятель, воспитатель Александра I 32, 488–492
- Ламартин (Lamartine) Альфонс де** (1790–1869), французский политический деятель, историк, поэт 385
- Ламберт Карл Осипович** (1771–1843), французский эмигрант, генерал от кавалерии, член Верховного уголовного суда по делу декабристов 109
- Лангенау (Langenau), генерал** 29
- Ланжерон Александр Федорович** (1763–1831), генерал от инфантерии, французский эмигрант, с 1790 г. — на русской службе, новороссийский генерал-губернатор (1815–1823), член Верховного уголовного суда по делу декабристов 45, 319
- Ланской Василий Сергеевич** (1754–1831), генерал-губернатор и президент Верховного временного совета по управлению герцогством Варшавским (1813–1815), президент Временного правительства Царства Польского (1815), член Государственного совета (1815), член Верховного уголовного суда по делу декабристов, впоследствии министр внутренних дел 41
- Ласси Петр Петрович** (1678–1751), француз, с 1700 г. — на русской службе, генерал-фельдмаршал (1736), главнокомандующий российской армией в русско-шведской войне 1741–1743 гг. 425
- Лафайет (La Fayette) Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье де** (1757–1834), французский политический деятель, участник Войны за независимость США 91, 361
- Левашев Василий Васильевич** (1783–1848), генерал-майор, член Следственной комиссии по делу декабристов 98
- Левенгельм (Löwenhielm) Карл Аксель** (1722–1861), шведский военачальник и дипломат, посланник в Петербурге (1812–1818), участник работы Венского конгресса 36
- Леграверан (Legraverend) Жан Мари Эммануэль** (1776–1827), французский правовед 303
- Лейбниц (Leibniz, Leibnitz) Готфрид Вильгельм** (1646–1716), немецкий философ, ученый и общественный деятель 533, 534
- Леонтьев Михаил Иванович** (ум. 1753), генерал-лейтенант, киевский генерал-губернатор 572, 575
- Леопольд II** (1747–1792), император Священной Римской империи с 1790 г. 360
- Лешпах Франц**, немецкий механик 24
- Леру (Leroux) Пьер Анри** (1797–1871), французский социалист-утопист, журналист 381
- Лесток Иван Иванович** (Иоганн Герман, Арман) (1692–1767), действительный тайный советник (1741), лейб-медик 278
- Лесфорт Франц Яковлевич** (1656–1699), русский военный и гос. деятель, адмирал (1695) 425
- Ливен Христофор Андреевич** (1774–1838), российский посланник в Лондоне (1812–1834) 87, 168

- Лянь (Ligne) Шарль Жозеф де** (1735–1814), принц, австрийский государственный деятель, французский писатель 37, 218, 343
- Липсий (Lipsius) Юст** (1547–1606), голландский философ и филолог 172
- Лирия-и-Херика (Liria-e-Herica) Якобо Фитц Джеймс Спарт де** (1695–1735), испанский полномочный министр в России (1727–1730) 573, 578
- Литта Юлий Помпеевич** (Джулио Ренато) (1763–1839), итальянец, с 1798 г. — российский подданный, член Государственного совета (1811), председатель Департамента государственной экономии (1830) 216
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович** (1758–1838), генерал от инфантерии (1807), член Государственного совета (1813), министр юстиции (1817–1827), генерал-прокурор Верховного уголовного суда по делу декабристов 78, 216
- Лович** (урожд. Грудзинская) **Жанетта** (Иоанна) Антоновна (1795–1831), вторая жена вел. кн. Константина Павловича (1820) 274
- Лопухин Иван Владимирович** (1756–1816), религиозный писатель, масон круга Н. И. Новикова, председатель Московской уголовной палаты (1782–1785), сенатор (1797) 310, 535
- Лопухин Петр Васильевич** (1753–1827), генерал-прокурор Сената (1798–1799), министр юстиции (1803–1810), председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1810), председатель Государственного совета (1816–1827), председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов 274, 612
- Лорер Николай Иванович** (1797 или 1798–1873), майор Вятского пехотного полка, декабрист, член Северного (1824) и Южного обществ 131
- Лоу (Law) Джон** (1671–1729), французский финансист шотландского происхождения 325, 326
- Луи Филипп** (1773–1850), король Франции в 1830–1848 гг. 475
- Людовик XIV** (1638–1715), король Франции с 1643 г. 196, 234
- Людовик XV** (1710–1774), король Франции с 1715 г. 32
- Людовик XVI** (1754–1793), король Франции (1774–1792) 33, 277
- Людовик XVIII** (1755–1824), король Франции (1814–1815, 1815–1824) 32, 45, 239
- Лютер (Luther) Мартин** (1483–1546), богослов, крупнейший деятель Реформации в Германии 86, 383, 433, 458
- Магницкий Михаил Леонтьевич** (1778–1855), сотрудник М. М. Сперанского в 1810–1811 гг., попечитель Казанского учебного округа (1819–1826) 537
- Мазепа Иван Степанович** (1644–1709), гетман Левобережной Украины (1687–1708) 199
- Майборода Аркадий Иванович** (ум. 1844), капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества (1824), доносчик на декабристов 137, 156
- Макиавелли (Machiavelli) Никколо ди Бернардо** (1469–1527), итальянский политический мыслитель и историк 270, 509
- Макинтош (Makintosh) Джеймс** (1765–1832), английский историк и публицист 47, 49, 525
- Мальборо (Marlborough) Джон Черчилль** (1650–1722), английский полководец и политический деятель, генерал-фельдцейхмейстер (1702) 349
- Мальтус (Malthus) Томас Роберт** (1766–1834), английский экономист 212, 357
- Маньян (Magnan), секретарь французского посольства в России** (1727–1733) 399, 400, 571, 573
- Мария-Луиза** (1791–1847), вторая жена Наполеона (1810), дочь австрийского императора Франца I 19, 32, 35
- Мария Федоровна** (София Доротея Августа Луиза) (1759–1828), императрица, вторая жена Павла I (1776), мать императоров Александра I и Николая I 308, 325
- Марк Аврелий Антонин** (121–180) (Marcus Aurelius Antoninus), римский император с 161 г., философ, представитель позднего римского стоицизма 360, 516
- Матюшкин Михаил Афанасьевич** (1676–1737), генерал-майор, член Военной коллегии (1721), киевский генерал-губернатор (1730) 579

- Матюшкина, жена М. А. Матюшкина** 579
- Мейсон (Mason) Джон** (1706–1763), английский религиозный писатель 309, 310
- Мельников (Мельников-Печерский) Павел Иванович** (1818–1883), писатель, журналист, этнограф 459
- Меншиков Александр Данилович** (1673–1729), сподвижник Петра I, генералиссимус (1727), президент Военной коллегии (1718–1724, 1726–1727) 587
- Меншиков Александр Сергеевич** (1787–1869), гос. деятель и военачальник, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833) 101, 252, 253
- Мессалина** (р. ок. 25), третья жена римского императора Клавдия, имевшая репутацию распутной, коварной и жестокой женщины 172
- Местр (Maistre) Жозеф Мари де** (1753–1821), французский философ и публицист, посланник Сардинского королевства в России (1802–1817) 241
- Меттерних (Меттерних-Виннебург, Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар** (1773–1859), австрийский гос. деятель и дипломат, министр иностранных дел (1809–1821), канцлер (1821–1848) 20, 28, 32, 33, 520, 558
- Методий** (820–885), славянский просветитель, христианский проповедник, переводчик богослужебных книг на славянский язык 192
- Миклашевский Александр Михайлович** (1798 или 1799–1831), подпоручик 22-го егерского полка, декабрист, член тайного общества офицеров Измайловского полка (1821) и, возможно, Северного общества (1821) 120, 121, 122
- Миль (Mill) Джеймс** (1773–1836), английский историк, публицист, экономист и философ 452
- Милорадович Михаил Андреевич** (1771–1825), генерал от инфантерии (1809), военный губернатор Петербурга (1818) 253, 254
- Миних Бурхард Кристоф** (Христофор Антонович) (1683–1767), русский военный и гос. деятель, генерал-фельдмаршал (1730) 306, 333, 425, 507
- Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриель Рикети** (1749–1791), деятель Великой французской революции 300
- Мирнан Ираклиевич** (1767–1834), грузинский царевич, сенатор (1807) 492
- Митермайер (Mittermaier) Карл Иосиф Антон** (1787–1867), немецкий правовед 59
- Митков Михаил Фотисевич** (1791–1849), полковник лейб-гвардии Финляндского полка, декабрист, член Северного общества (1821) 120, 121, 129
- Михаил III** (838–867), византийский император с 842 г. 192
- Михаил Павлович** (1798–1849), великий князь, брат Александра I и Николая I, член Следственной комиссии по делу декабристов 98, 161
- Михаил Федорович** (1596–1645), русский царь с 1613 г. 398, 399
- Мозалевский Александр Евтихиевич** (ок. 1803–1851), прапорщик Черниговского пехотного полка, декабрист, участник восстания Черниговского полка 157
- Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи де** (1689–1755), французский политический мыслитель, писатель, и историк 218, 294, 295, 508, 512, 519, 592
- Мордвинов Николай Семенович** (1754–1845), русский государственный и общественный деятель, экономист, адмирал (1799), сенатор (1802), председатель Департамента государственной экономики Государственного совета (1810–1812, 1812–1818), председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1821–1838), член Верховного уголовного суда по делу декабристов 52, 54, 58, 63–65, 74–79, 165, 282, 295, 535
- Мосеев (Моисеев), унтер-офицер 5-й фузилерной роты лейб-гвардии Московского полка** 154
- Музовский Николай Васильевич** (ум. 1848), обер-священник гвардии и высочайшего двора 457
- Муравьев Александр Михайлович** (1802–1853), корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка, декабрист, член Союза благоденствия (1820) и Северного общества 148
- Муравьев Александр Николаевич** (1792–1863), отставной полковник Гвардейского генерального штаба, декабрист, основатель Союза спасения, член Военного общества и Союза

- благоденствия, впоследствии Тобольский и Архангельский гражданский губернатор, генерал-майор, Нижегородский военный губернатор 112, 113
- Муравьев Артамон Захарович** (1793–1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка, декабрист, член Союза спасения (1817), Союза благоденствия и Южного общества 136
- Муравьев Никита Михайлович** (1795–1843), капитан Гвардейского генерального штаба, декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, член Верховной думы Северного общества, публицист, автор декабристской конституции 93, 105, 106, 118, 120, 123–126, 129, 130, 133–135, 143–145, 161
- Муравьева** (урожд. Колокольцева) **Екатерина Федоровна** (1771–1848), мать Н. М. Муравьева 125, 126
- Муравьева** (урожд. Чернышева) **Александра Григорьевна** (1804–1832), жена Н. М. Муравьева 93, 126
- Муравьев-Апостол Ипполит Иванович** (1803–1826), прапорщик квартирмейстерской части, декабрист, член Северного общества, участник восстания Черниговского полка 157
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович** (1793–1886), отставной подполковник, декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, Южного общества, участник восстания Черниговского полка 125, 126, 129–131, 133, 144, 156, 157
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович** (1795–1826), подполковник Черниговского пехотного полка, декабрист, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, руководитель восстания Черниговского полка 128–131, 135, 136, 156, 157
- Мурат** (Murat) **Иоахим** (1767–1815), французский военный деятель, маршал Франции (1804), король Неаполитанский (1808) 21
- Наполеон I**, Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769–1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799), французский император (1804–1814, 1815) 19, 21, 22, 25, 27, 29–34, 36, 37, 42, 76, 101, 239, 349, 399, 442, 443, 484, 506, 507, 511, 517, 558
- Нарышкин Михаил Михайлович** (1798–1863), полковник Тарутинского пехотного полка, декабрист, член Союза благоденствия (1818) и Северного общества 120
- Нарышкина** (урожд. Четвертинская) **Мария Антоновна** (1779–1854), фаворитка Александра I 248
- Неандер** (Neander) **Август** (1789–1854), немецкий богослов, историк церкви 432
- Невзоров Максим Иванович** (1762 или 1763–1827), религиозный писатель, издатель, журналист, масон круга Н. И. Новикова 314, 315
- Ней** (Neu) **Мишель** (1769–1815), герцог Эльхингенский, военачальник, сподвижник Наполеона, маршал Франции (1804) 36, 46, 47
- Неккер** (Necker) **Жак** (1732–1804), французский государственный и политический деятель, финансист 325
- Нельсон** (Nelson) **Горацио** (1758–1805), английский флотоводец, вице-адмирал (1801) 46, 47
- Нессельроде Карл Васильевич** (1780–1862), гос. деятель, дипломат, статс-секретарь по иностранным делам (1814), министр иностранных дел (1816) 32, 36, 66, 72, 73, 87
- Нессельроде** (урожд. Гурьева) **Мария Дмитриевна** (1787–1849), жена К. В. Нессельроде 73
- Николай I** (1796–1855), российский император с 1825 г. 12, 139, 155, 165, 167–169, 185, 205, 273, 274, 344, 439
- Никон** (Минов) (1605–1681), патриарх Московский и всея Руси (1652–1667) 280, 281
- Новиков Николай Иванович** (1744–1818), журналист, издатель, крупнейшая фигура русского масонства XVIII в. 311, 312, 314, 353
- Новосильцев Николай Николаевич** (1762–1836), русский гос. деятель, сенатор (1806), полномочный делегат России при Правительственном совете Царства Польского (1815), член Государственного совета (1831), председатель Государственного совета и кабинета министров (1834) 50, 53, 489
- Норов Василий Сергеевич** (1793–1853), отставной подполковник, декабрист, член Союза благоденствия (1818) и Южного общества 129
- О'Коннел** (O'Connell) **Даниел** (1775–1847), лидер либерального крыла ирландского национального движения 368, 441

- Оболенский Евгений Петрович** (1796–1865), поручик лейб-гвардии Финляндского полка, декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества *103, 120, 121, 123–125, 133, 144, 148, 149, 151, 152*
- Одосвский Александр Иванович** (1802–1839), поэт, корнет лейб-гвардии Конного полка, декабрист, член Северного общества (1825) *150–152, 155*
- Ожаровский Адам Петрович** (1776–1885), генерал русской армии, в 1813–1814 гг. командовал отдельным корпусом *35*
- Оленин Алексей Николаевич** (1763–1843), статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1810), исполняющий должность государственного секретаря (1814), статс-секретарь Департамента законов Государственного совета (1818), государственный секретарь (1826–1827) *75*
- Ольденбургский Георгий Петрович** (Петр Фридрих Георг) (1784–1812), муж вел. кн. Екатерины Павловны, эстляндский генерал-губернатор (1808), тверской, новгородский и ярославский генерал-губернатор (1809) *248*
- Орлов Алексей Григорьевич** (1737–1807), генерал-аншеф (1769), командующий российской эскадрой в сражении у Чесмы *204, 278, 314, 425*
- Орлов Алексей Федорович** (1786–1861), генерал-майор (1817), генерал от кавалерии (1833), шеф Корпуса жандармов и главный начальник III отделения *57*
- Орлов Григорий Григорьевич** (1734–1783), генерал-фельдцейхмейстер (1765), фаворит Екатерины II *204, 278*
- Орлов Михаил Федорович** (1788–1842), генерал-майор, один из основателей тайной преддекабристской организации Орден русских рыцарей, член Союза благоденствия (1818), руководитель Кишиневской управы тайного общества; автор ряда публицистических, политэкономических и исторических сочинений *37, 50, 57, 61, 81, 82, 100–102, 126, 143, 437*
- Орлов, домовладелец** *222*
- Остерман Андрей Иванович** (Генрих Иоганн Фридрих) (1686–1747), русский гос. деятель, дипломат, вице-канцлер (1725–1741), член Верховного тайного совета (1726) *425, 513, 574, 575, 578, 579, 582–585*
- Оуэн (Owen) Роберт** (1771–1858), английский социалист-утопист *83*
- Павел I** (1754–1801), российский император с 1796 г. *77, 156, 185, 206, 214, 218, 246, 273, 278–280, 314, 315, 389, 441, 505, 507, 512, 515, 535, 537, 542, 543, 546, 589*
- Паз де ля, маркиз** *573*
- Пальмерстон (Palmerstone) Генри Джон Темпл** (1784–1865), английский гос. деятель и дипломат, министр иностранных дел (1830–1834, 1835–1841, 1846–1851) *400*
- Панин Никита Иванович** (1718–1783), гос. деятель и дипломат, старший член Коллегии иностранных дел (1763–1781) *443*
- Панин Никита Петрович** (1770–1837), дипломат, вице-канцлер (1799–1800), сенатор (1800), член Коллегии иностранных дел (1800–1804) *53*
- Панов Николай Алексеевич** (1803–1850), поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, декабрист, член Северного общества (1825) *154, 155*
- Паулуччи Филипп Осипович** (1779–1849), австриец, с 1807 г. — на русской службе, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, рижский военный губернатор (1812), лифляндский, курляндский и эстляндский генерал-губернатор (1821) *250*
- Пашкова (урожд. Толстая) Екатерина Александровна** (1768–1835), теща И. В. Васильчикова *253*
- Пестель Павел Иванович** (1793–1826), полковник лейб-гвардии Кавалерградского полка, декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия, организатор и глава Южного общества, автор «Русской правды» *83, 105–107, 109, 113, 114, 116, 119, 120, 124, 128, 129, 131–135, 137, 138, 157, 161–163*
- Петр I** (1672–1725), российский царь с 1682 г., император с 1721 г. *142, 184–186, 193, 199, 209, 215–217, 229, 230, 237, 238, 243, 247, 273, 274, 280–282, 284, 290–293, 305, 306, 344, 360, 362, 370, 381, 384, 392, 393, 395, 398, 399, 425, 458, 503, 504, 508, 510, 512, 513, 517, 574, 577, 582, 583, 585, 588, 593, 596*

- Петр II** (1715–1730), российский император с 1727 г. 399, 571, 587
- Петр III** (Карл Петер Ульрих) (1728–1762), российский император с 1761 г. 36, 184, 218, 278, 571, 583
- Пий VI** (ум. 1779), римский папа с 1775 г. 389
- Пий VII** (1742–1823), римский папа с 1800 г. 389
- Пикте де Рошмон** (Pictet de Rochemont) **Шарль** (1755–1824), швейцарский гос. деятель, публицист 32
- Пиль** (Peel) **Роберт** (1788–1850), английский гос. деятель, министр внутренних дел (1821–1827, 1828–1830) 413
- Питт** (Pitt) **Уильям Старший**, граф Чатэм (1708–1778), английский гос. деятель, премьер-министр (1766–1768) 238, 300
- Питт** (Pitt) **Уильям Младший** (1759–1806), английский гос. деятель, премьер-министр (1783–1801, 1804–1806) 471
- Платон** (Левшин) (1737–1812), крупный церковный деятель, митрополит Московский и Коломенский (1787) 193, 279, 308, 432, 434
- По** (Paw) 269
- Повало-Швейковский Иван Семенович** (1787 или 1788–1845), полковник Саратовского пехотного полка, декабрист, член Южного общества 129, 136
- Поджио Александр Викторович** (1798–1873), отставной подполковник, декабрист, член Южного общества (1823) 129, 130, 132
- Поджио Иосиф Викторович** (1792–1848), отставной штабс-капитан, декабрист, член Южного общества (1824) 129
- Полетика Петр Иванович** (1778–1849), дипломат, российский посланник в Филадельфии (1817–1822), член Верховного уголовного суда по делу декабристов 166, 245
- Помпадур** (Pompadour) **Жанна Антуанетта Пуассон** (1721–1764), фаворитка французского короля Людовика XV, оказывавшая большое влияние на государственные дела 313
- Понятовский** (Poniatowski) **Станислав Август** (1732–1798), польский король (1764–1795) 311
- Попов Василий Степанович** (1743–1822), секретарь Г. А. Потемкина (1786), заведующий Кабинетом Екатерины II (1793), член Государственного совета (1810), председатель Департамента гражданских и духовных дел (1819–1821) 218
- Пордедж** (Pordage) **Джон** (1607–1681), английский религиозный писатель 309
- Потапов Алексей Николаевич** (1772–1847), дежурный генерал Главного штаба (1823), генерал-адъютант, член Следственной комиссии по делу декабристов 98
- Потемкин Григорий Александрович** (1739–1791), русский гос. и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), фаворит Екатерины II 218, 313, 343
- Потоцкий Северин Осипович** (1762–1829), член Совета Комиссии составления законов (1809), член Государственного совета (1810) 54, 63, 64, 74, 77, 78, 252
- Потоцкий Станислав Станиславович** (1787–1831), генерал-адъютант 252, 253
- Потоцкий**, поляк 219
- Походяшин Григорий Максимович** (ок. 1760–1820), владелец металлургических заводов, мажорнат Н. И. Новикова 310
- Поццо ди Борго Карл Осипович** (1768–1842), дипломат, российский посланник в Париже (1814–1821), российский посол в Париже (1821–1834) 30–32, 36, 40, 41, 88, 493, 500
- Прадт** (Pradt) **Доминик** (1759–1837), французский публицист и дипломат 32
- Прозоровский Александр Александрович** (1732–1809), московский главнокомандующий (1790–1795), генерал-фельдмаршал (1807) 313, 314
- Путачев Емельян Иванович** (1740 или 1742–1775), предводитель крестьянского восстания 1773–1774 гг. 200, 358
- Пушкин Александр Сергеевич** (1799–1837), поэт 229, 353
- Пуцин Иван Иванович** (1798–1859), коллежский ассессор, судья Московского надворного суда, декабрист, член Союза спасения (1817), Союза благоденствия и Северного общества 152

- Разин Степан Тимофеевич** (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель крестьянского восстания 1670–1671 гг. 199
- Разумовский Андрей Кириллович** (1752–1836), дипломат, российский посол в Вене (1792–1799, 1801–1807), уполномоченный на Венском конгрессе 68
- Рассел (Russel) Джон** (1792–1878), английский гос. деятель, министр внутренних дел (1835–1839), премьер-министр (1846–1852) 115
- Рассел (Russel)** 264
- Ренуар (Renouard) Огюстен Шарль** (1794–1878), французский гос. деятель, публицист, правовед 91, 111
- Решин Николай Петрович** (1796–1831), штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка, член Северного общества (1825) 152
- Решнин Николай Васильевич** (1734–1801), русский военный деятель, дипломат, полномочный министр России в Польше (1762–1768), генерал-фельдмаршал (1796), масон круга Н. И. Новикова 311, 333
- Римский-Корсаков Александр Михайлович** (1753–1840), генерал от инфантерии, в антинаполеоновской кампании потерпел крупное поражение у г. Цюриха (1799) 506
- Ричард III** (1452–1485), английский король с 1483 г. 212
- Ришелье Эммануил Осипович** (Арман Эмманюэль) (1766–1822), французский эмигрант, с 1790 г. — на русской службе, генерал-губернатор Новороссии (1805–1814), в 1814 г. вернулся во Францию 46
- Робеспьер (Robespierre) Максимилиан Мари Изидор де** (1758–1794), деятель Французской революции 502
- Розен Андрей Евгеньевич** (1799–1884), поручик лейб-гвардии Финляндского полка, участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 152
- Розенкамф Густав Андреевич** (1764–1832), правовед, историк, член Совета Комиссии составления законов (1803–1822) 616
- Росси (Rossi) Пелегрино** (1787–1848), итальянский экономист и правовед 534
- Ростислав** (846–869), князь моравский 192
- Ростопчин Федор Васильевич** (1763–1826), русский гос. деятель, литератор, генерал-губернатор Москвы (1812–1814) 23–25
- Ружмон (Rougemont) Фредерик** (1808–1880), швейцарский богослов 619
- Румянцев Александр Иванович** (ок. 1679–1749), сподвижник Петра I, дипломат 393
- Румянцев Николай Петрович** (1754–1826), русский гос. деятель и дипломат, министр коммерции (1802–1811), председатель Государственного совета (1810–1812), министр иностранных дел (1808–1814), канцлер (1809), историк, коллекционер 22, 55, 273, 385, 392, 393
- Румянцев Петр Александрович** (1725–1796), генерал-фельдмаршал (1770), полководец 333, 393
- Руссо (Rousseau) Жан Жак** (1712–1778), французский философ, писатель 235, 295
- Рылеев Кондратий Федорович** (1795–1826), поэт, отставной подпоручик, декабрист, член Северного общества (1823) и его руководитель (1824) 107, 123–125, 129, 130, 132, 133, 139, 140, 143–155, 162
- Рюрик**, глава варяжского отряда, призванный, согласно летописям, на княжение в Ладогу и Новгород (862) 503
- Салтыков, граф 202**
- Салтыков Александр Николаевич** (1775–1837), сенатор (1804), член Государственного совета (1810–1817) 78, 536
- Салтыков Николай Иванович** (1736–1816), военачальник, воспитатель Александра I и Николая I, генерал-фельдмаршал (1796), президент Военной коллегии (1796) 536, 612
- Салтыков Семен Андреевич** (1672–1742), сенатор (1726), генерал-лейтенант (1727), доверенное лицо Анны Иоанновны 578, 580, 581
- Санд (Sand) Жорж** (псевдоним, настоящее имя Аврора Дюпен) (1804–1876), французская писательница 97
- Сантароза (Santarosa) Санторре Аннибале де Россиди Помароло** (1783–1825), один из лидеров итальянского национально-освободительного движения и руководителей Пьемонтской революции (1821) 491, 492

- Сартorius (Sartorius) Георг** (1765–1828), немецкий историк и экономист 59
- Свечина** (урожд. Соймонова) **София Петровна** (1782–1857), хозяйка католического салона в Париже 170
- Святослав Игоревич** (ум. 972 или 973), великий князь Киевский (ок. 945), полководец 146, 305
- Себастиани** (Sebastiani) **Орас-Франсуа-Бастьен** (1772–1851), министр иностранных дел Франции в 1830–1832 гг. 26
- Семенов Степан Михайлович** (1789–1852), титулярный советник, член и секретарь Союза благоденствия (1819), член Северного общества 103, 105, 106, 120–122, 127, 152
- Сен-Мартен** (Saint-Martin) **Луи Клод де** (1743–1803), французский религиозный писатель 309, 311
- Сигизмунд III Ваза** (1566–1632), король польский и великий князь литовский с 1587 г., король шведский в 1592–1599 гг. 198
- Симеон** (Simeon) **Жозеф Жером** (1749–1842), французский гос. деятель, премьер-министр Вестфальского королевства (1807), министр внутренних дел Франции (1820–1821) 20
- Смит** (Smith) **Адам** (1723–1790), английский экономист и философ 320, 325, 326
- Созе** (Sauzet) **Жан Пьер Поль** (р. 1800), французский политический деятель, президент Палаты депутатов (1839–1848) 475
- Соловьев Вениамин Николаевич** (ок. 1798–1866 или 1871), штабс-капитан Черниговского пехотного полка, член Общества соединенных славян, участник восстания Черниговского полка 157
- Сперанский, Михаил Михайлович** (1772–1839), русский гос. деятель, государственный секретарь и директор Комиссии составления законов (1810–1812), сибирский генерал-губернатор (1819–1821), начальник II отделения (1826), член Верховного уголовного суда по делу декабристов 75, 79, 80, 162, 165, 187, 284, 295, 320, 321, 385, 400, 416, 461, 500, 501, 508, 509, 535, 537–539, 587, 590, 592, 593, 595, 597, 604, 608, 609, 611, 614–618
- Стаэль** (Staël) **Анна Луиза Жермена де** (1766–1817), французская писательница, теоретик литературы и политический публицист 49, 212, 301
- Стерн** (Sterne) **Лоренс** (1713–1768), английский писатель 268
- Стефан** (Яворский) (1658–1722), церковный деятель, писатель, местоблюститель патриаршего престола (1700) 458
- Страффорд** (Strafford) **Томас Уэнтворт** (1593–1641), английский гос. деятель, фаворит Карла I 472, 473, 490
- Строганов Григорий Александрович** (1770–1857), дипломат, член Верховного уголовного суда по делу декабристов, член Государственного совета (1827) 166
- Строганов Павел Александрович** (1772–1817), гос. деятель, сотрудник молодого Александра I 489
- Стурдза Александр Скарлатович** (1791–1845), чиновник Министерства иностранных дел, религиозный и политический публицист 47, 442
- Суворов Александр Васильевич** (1729–1800), русский полководец, генералиссимус (1799) 333, 441, 506
- Сумароков** 575
- Суттоф Александр Николаевич** (1801–1872), поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, декабрист, член Северного общества (1825) 152, 154, 155
- Сухинов Иван Иванович** (1795–1828), поручик Александрийского полка, член Общества соединенных славян (1825), участник восстания Черниговского полка 157
- Сьейес** (Sieyès, Sicyès) **Эммануэль Жозеф** (1748–1836), деятель Французской революции 384, 600
- Талейран-Перигор** (Talleyrand-Perigord) **Шарль Морис де** (1754–1838), французский дипломат и гос. деятель, министр иностранных дел (1797–1807, 1814–1815) 30–32, 37
- Татищев Александр Иванович** (1763–1833), военный министр (1824–1827), председатель Следственной комиссии по делу декабристов 107
- Тацит** (Tacitus) **Публий Корнелий** (ок. 56 – ок. 117), римский историк 9, 172
- Теренций** (Terentius) **Публий Афр** (190–159 до н. э.), римский комедиограф 553
- Тиберий** (Tiberius) **Клавдий Нерон** (42 до н. э. – 37 н. э.), римский император с 14 г. н. э. 236

- Тизенгаузен Василий Карлович** (Вильгельм-Сигизмунд) (1779 или 1780–1857), полковник, декабрист, член Южного общества (1824) 137
- Тимковский Иван Осипович** (1768–1837), петербургский цензор (1804–1821) 55
- Токарев Александр Андреевич** (ум. 1821), орловский губернский прокурор, член Союза благоденствия и общества «Зеленая лампа» 103
- Толстой Петр Александрович** (1771–1844), генерал от инфантерии, российский посол в Париже (1807–1808) 66, 67
- Толстой Яков Николаевич** (1791–1867), литератор, штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка, член и председатель общества «Зеленая лампа», член Союза благоденствия, впоследствии агент III отделения во Франции 103, 120–122, 164
- Торсон Константин Петрович** (1793–1851), капитан-лейтенант, член Северного общества (1824) 140, 144, 145, 155
- Трубецкая** (урожд. Лаваль) **Екатерина Ивановна** (1800–1854), жена С. П. Трубецкого 93
- Трубецкой Николай Никитич** (1744–1821), мавританец, член кружка Н. И. Новикова 314
- Трубецкой Сергей Петрович** (1790–1860), полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества 55, 56, 93, 123, 125, 126, 130, 133, 139, 140, 143, 144, 146–153, 155
- Тургенев Александр Иванович** (1784–1845), брат Н. И. Тургенева, литератор, археограф, директор Департамента духовных дел и иностранных исповеданий (1810–1824) 126, 215, 216, 253
- Тургенев Иван Петрович** (1752–1808), отец Н. И. Тургенева, мавританец кружка Н. И. Новикова, писатель, переводчик, директор Московского университета (1796–1803) 312, 314
- Тутолмин Иван Васильевич** (ум. 1838), сенатор (1802), член Государственного совета (1810) 54
- Тьерс (Thiers) Адольф** (1797–1877), французский гос. деятель, историк 39
- Тюрго (Turgot) Аян Робер Жак** (1727–1781), французский экономист, философ, крупный государственный деятель 325
- Тюрени (Turenne) Аври де Ла Тур д'Овернь** (1611–1675), военачальник, маршал Франции 349
- Убри Петр Яковлевич** (1774–1847), дипломат, поверенный в делах в Париже (1803–1804), подписал мирный договор с Францией, не ратифицированный Александром I (1806) 507
- Уврар (Ouvrard) Габриэль Юлиан** (1770–1846), французский финансист и промышленник 325
- Фаленберг Петр Иванович** (1791–1873), подполковник квартирмейстерской части, декабрист, член Южного общества (1822) 129
- Федор Алексеевич** (1661–1682), русский царь с 1676 г. 199
- Фенелон (Fenelon) Франсуа де Салиньяк де ла Мот** (1651–1715), французский писатель и религиозный деятель, архиепископ Камбрейский 92, 178, 309
- Феофан** (Прокопович) (1681–1736), церковный и гос. деятель, писатель, историк 458
- Фесслер Игнатий Аврелий** (1756–1839), профессор восточных языков и философии Александровской духовной академии, член Комиссии составления законов, сотрудник М. М. Сперанского 308
- Филанжери** (Филанджери, Filangieri) **Газтано** (1752–1788), итальянский просветитель 58
- Филарет** (Дроздов) (1783–1867), церковный деятель, богослов, проповедник, митрополит московский с 1826 г. 193, 274
- Филарет** (Романов) (ок. 1554 или 1555–1633), гос. деятель, патриарх Московский и всея Руси (1619) 193
- Фихте (Fichte) Иоганн Готтлиб** (1762–1814), немецкий философ и общественный деятель 527–532
- Флетчер (Fletcher) Джеймс** (ок. 1549–1611), английский писатель и дипломат, посол в России (1588–1589) 212
- Фок Максим Яковлевич** (1771–1831), управляющий III отделением (1826–1831) 167, 558
- Фокс (Fox) Чарльз Джеймс** (1749–1806), английский политический деятель, лидер радикального крыла вигов 300

- Фонвизин Денис Иванович** (1745 или 1744–1792), писатель 235
- Фонвизин Михаил Александрович** (1787–1854), отставной генерал-майор, декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия, публицист 60, 115, 118, 119, 143
- Франция (Francia) Хозе Гаспар Томас Родригес** (1756–1840), парагвайский диктатор с 1816 г. 526
- Франц I** (1768–1835), австрийский император с 1792 г., император Священной Римской империи (1792–1806; под именем Франца II) 33, 34, 506, 558
- Франц Шарль Жозеф Наполеон Бонапарт** (Наполеон II) (1811–1832), король Римский, сын Наполеона I, был провозглашен им французским императором в 1815 г., но никогда не правил 32, 35
- Фредерикс 1-й Петр Андреевич** (1786–1855), генерал-майор, командир лейб-гвардии Московского полка 154
- Фридрих II Великий** (1712–1786), прусский король с 1740 г., полководец 333, 383, 394, 399, 483, 484, 512, 554
- Фридрих Август I** (1750–1827), курфюрст Саксонский в 1763–1806 гг. (под именем Фридриха Августа III) и король Саксонии с 1806 г. 28, 37–39
- Фридрих Вильгельм III** (1770–1840), прусский король с 1797 г. 27, 30, 33, 37, 210, 494
- Фридрих Вильгельм IV** (1795–1861), прусский король с 1840 г. 485
- Фридрикс** – см. Фредерикс П. А.
- Фурие (Fourier) Франсуа Мари Шарль** (1772–1837), французский философ, утопический социалист 83
- Фуше (Fouché) Жозеф** (1759–1820), французский гос. деятель, министр полиции (1799–1802, 1804–1810, 1815) 558
- Хантер (Hunter) Джон Данн** (1798–1827), автор книги об индейцах 170, 171
- Хвощинский Павел Кесаревич** (1790–1852), полковник лейб-гвардии Московского полка, декабрист, член Союза благоденствия 154
- Херасков Михаил Матвеевич** (1733–1807), поэт, директор и куратор Московского университе-
- та (1763–1802), масон круга Н. И. Новикова 312
- Хмельницкий Богдан** (Зиновий) **Михайлович** (ок. 1595–1657), украинский гос. деятель, полководец, гетман Украины 199
- Хозрев-паша** (ум. 1855), турецкий политический деятель, великий визирь (1838–1840) 356
- Цезарь (Caesar) Юлий Гай** (102 или 100–44 до н. э.), римский гос. и политический деятель, полководец, писатель 470, 596
- Цицерон (Cicero) Марк Туллий** (106–43 до н. э.), римский политический деятель, оратор, писатель 326
- Чаадаев Петр Яковлевич** (1794–1856), философ, публицист, член Северного общества (1821) 558, 559
- Чалмерс (Chalmers) Томас** (1780–1847), шотландский богослов 239
- Чаннинг (Channing) Уильям Эллери** (1780–1842), американский религиозный деятель и публицист 177, 179, 180, 234, 235
- Чарторижский (Czartogyscy) Адам Ежи** (Юрий) (1770–1861), польский и русский гос. деятель, министр иностранных дел России (1804–1806), сенатор Королевства Польского (1815–1831) 40, 50, 489
- Чатэм** – см. Питт У. Старший
- Черкасская** (урожд. Трубецкая) **Мария Юрьевна** (1696–1747), жена А. М. Черкасского 579, 580
- Черкасский, Алексей Михайлович** (1680–1742), гос. деятель, сенатор (1726), великий канцлер (1740) 576, 578–582
- Чернышев Александр Иванович** (1786–1857), генерал-лейтенант (1814), член Следственной комиссии по делу декабристов, впоследствии военный министр 98, 156
- Шамиллар (Chamillart) Мишель де** (1652–1721), французский гос. деятель, военный министр (1701–1709) 196
- Шарнгорст (Scharnhorst) Герхард Иоганн Давид** (1755–1813), прусский военный деятель, генерал (1807); генерал-квартирмейстер прусской армии (1813) 483
- Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене** (1768–1848), французский писатель, публицист, гос. деятель 34, 46

- Шафиров Петр Павлович** (1669–1739), сподвижник Петра I, дипломат, вице-канцлер (1710) 585
- Шварц Федор Ефимович** (1780-е–1867), полковник (1820), командир лейб-гвардии Семеновского полка, впоследствии генерал-лейтенант 82
- Шварценберг (Schwarzenberg) Карл Филипп** (1721–1820), австрийский военачальник, главнокомандующий союзными армиями (1813–1814) 29, 34
- Швейковский** – см. Повало-Швейковский И. С.
- Швецов Фотий Ильич** (1805–1855), горный инженер, минералог 222, 223
- Шекспир (Shakespeare) Уильям** (1564–1616), английский поэт и драматург 212
- Шеншин Василий Никанорович** (1784–1831), генерал-майор, генерал-лейтенант (1826) 154
- Шереметев** 222–225
- Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих** (1759–1805), немецкий поэт, драматург 234, 235, 519
- Шиль (Schill) Фердинанд фон** (1773–1809), прусский военный деятель, глава антинаполеоновского восстания в Вестфальском королевстве в 1809 г. 20
- Шишов Сергей Павлович** (1789 или 1790–1876), генерал-майор, командир лейб-гвардии Семеновского полка, декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия 154
- Шипков Александр Семенович** (1754–1841), адмирал (1824), филолог, министр народного просвещения и главноуправляющий делами иностранных вероисповеданий (1824–1828), глава цензурного ведомства (1824–28), президент Российской академии (1813–1841), член Верховного уголовного суда по делу декабристов 165, 216
- Шпейер Василий Абрамович** (1802–1869), лейтенант гвардейского экипажа, участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 154
- Штакельберг (Stackelberg, Stackelberg) Густав Оттонович** (1787–1837), дипломат, российский посланник в Вене (1810–1812, 1813–1818) 248
- Штейн (Stein) Генрих Фридрих Карл** (1757–1831), немецкий гос. деятель, глава прусского правительства (1807–1808), председатель Центральной комиссии по управлению освобожденными землями (Центральный департамент, 1813), участник работы Венского конгресса 27–34, 38, 40, 42, 43, 48, 66, 67, 85, 86, 166, 177, 257, 382, 383, 404, 443, 483–489, 553
- Штейнгель Владимир Иванович** (1783–1862), отставной подполковник, декабрист, член Северного общества (1824) 148, 152
- Шторх Андрей Карлович** (1766–1835), экономист, статистик, историк, академик (1804), вице-президент Академии наук (1830) 325
- Шубарт (Shubart) Христиан Фридрих Даниель** (1739–1791), немецкий поэт и публицист 227
- Шубин Семен Иванович** (ум. 1812), смоленский помещик, расстрелянный наполеоновскими войсками 23
- Шувалов Андрей Петрович** (1744–1789), поэт, корреспондент Вольтера, сенатор (1782) 306
- Шувалов Иван Иванович** (1727–1797), гос. деятель, генерал-адъютант (1760), фаворит Елизаветы Петровны 306
- Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович** (1798–1858), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 152, 154, 155
- Щипилла (Щепило, Щипило, Щепилла) Михаил Алексеевич** (ум. 1826), поручик Черниговского пехотного полка, декабрист, член Общества соединенных славян, участник восстания Черниговского полка 157
- Энгельгард Павел Иванович** (ум. 1812), смоленский дворянин, расстрелянный наполеоновскими войсками 23
- Эрскин (Erskine) Томас Бьюкен** (1750–1823), английский адвокат и политический деятель 93, 489
- Эссекс (Essex) Роберт Девере (Devereux)** (1591–1646), деятель английской революции XVII в., один из лидеров пресвитериан 173
- Юсупов Григорий Дмитриевич** (1676–1730), генерал-майор, подполковник Преображенского полка 578–580

Юшневский Алексей Петрович (1786–1844), генерал-интендант 2-й армии, член Тульчинской управы Союза благоденствия (1819) и Южного общества, один из его директоров 120, 128, 129

Ягужинский Павел Иванович (1683–1736), сподвижник Петра I, генерал-прокурор Сената (1722), российский посол в Пруссии (1731–1734) 575, 576, 578–580, 582

Языкова (урожд. Ивашева) **Елизавета Петровна** (р. 1805), сестра В. П. Ивашева 93

Якоб Людвиг Кондратьевич, ректор Галесского университета (Пруссия), профессор Харьковского университета (1807), сотрудник Комиссии составления законов (1809)

Якубович Александр Иванович (1796 или 1797–1845), капитан Нижегородского драгунского полка, участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 142, 143, 152, 153

Якушкин, Иван Дмитриевич (1793–1857), отставной капитан, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия 63, 118, 119

Ян (Jahn), немецкий профессор 485

Ярополк I Святославич (ок. 960–980), великий князь киевский с 972 г. 146

Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий князь киевский с 1019 г. 290, 569, 570

Редакторы: *Е. Лямина, Е. Морозова, К. Боленко*
Выпускающий редактор: *М. Богданович*
Художник: *С. Митурич*
Изготовление оригинал-макета: *Т. Донскова*
Производство: *Е. Кострикина*

Объединенное гуманитарное издательство
103001, Москва, Средний Кисловский пер., 3, строение 3
Тел./факс: 229-5548; e-mail: perm@ogi.ru
для заказов: e-mail: tirazh@zhurnal.ru

Главный редактор *Е. В. Пермяков*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, код 953000

ЛР № 065416 от 22.09.97
Сдано в набор 17.10.2000. Подписано в печать 23.06.2001
Формат 70х100/16. Объем 69 усл. печ. л.
Гарнитура Garamond
Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 1321

Отпечатано с готовых диалозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книга крупного экономиста и правоведа, идеолога декабристского движения Николая Тургенева впервые полностью издается на русском языке. Она была создана в конце 1830-х — начале 1840-х годов во Франции и представила вниманию европейского читателя широкую панораму политической жизни России первой трети XIX века.

